



Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

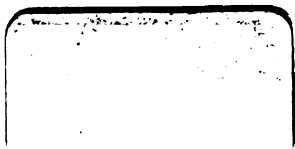
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NYPL RESEARCH LIBRARIES



3 3433 07920051 9

БИБЛИОТЕКА
А. А.
ЗАЕШНИКОВА.
Шкафъ
Полка
№
.....



*GCA

*QCA

10000

*QCA

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

№ 11. НОЯБРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАНА

1862

252959

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 12 ноября 1862 года.

МОН ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СКАПТАЛЬЧЕСТВА

(посвящается М. М. Достоевскому)

Вы вызвали меня, добрый другъ на то, чтобы я написалъ мои «литературныя воспоминанія». Хоть и опасно вообще слушаться пріятелей, потомучто пріятели нерѣдко увлекаются, но на этотъ разъ я измѣняю правиламъ казеннаго благоразумія. Я же впрочемъ и вообще-то, правду сказать, мало его слушался въ жизни.

Мнѣ сорокъ лѣтъ, и изъ этихъ сорока, по крайней-мѣрѣ тридцать живу я подъ вліяніемъ литературы. Говорю «по крайней-мѣрѣ», потомучто жить, т. е. мечтать и думать, началъ я очень рано; а съ тѣхъ поръ, какъ только я началъ мечтать и думать, я мечталъ и думалъ подъ тѣми или другими впечатлѣніями литературными.

Меня, какъ вы знаете, нерѣдко упрекали, и пожалуй основательно, за употребленіе различныхъ странныхъ терминовъ, вносимыхъ мной въ литературную критику. Между прочимъ напри-мѣръ за слово «вѣяніе», которое нерѣдко употребляю я вмѣсто обычнаго слова «вліяніе». Съ терминами этими связывали нѣчто мистическое, хотя было бы справедливѣе объяснять ихъ пантеистически.

Столько эпохъ литературныхъ пронеслось и надо мною и передо мною, пронеслось даже во мнѣ самомъ, оставляя извѣстные пласты или лучше слѣды на моей душѣ, что каждая изъ нихъ глядитъ на меня изъ-за дали прошедшаго отдѣльнымъ органическимъ цѣлымъ, имѣетъ для меня свой особенный цвѣтъ и свой особенный запахъ.

Ihr naht euch wieder schwankende Gestalten,

взываю я къ нимъ порою, и слышу и чую ихъ вѣяніе...

Вотъ она, эпоха сѣренкихъ, тоненькихъ книжекъ «Телеграфа» и «Телескопа», съ жадностью читаемыхъ, до тла дочитываемыхъ молодежью тридцатыхъ годовъ, окружавшей мое дѣтство, — эпоха, когда журчали еще носясь въ воздухѣ стихи Пушкина, и ароматомъ наполняли воздухъ повсюду, даже въ густыхъ садахъ диковинно-типическаго Замоскворѣчья, — эпоха бессознательныхъ и безразличныхъ восторговъ, въ которую наравнѣ съ этими вѣчными пѣснями восхищались добрые люди и «Амалатъ-бекомъ». Эпоха, надъ которой нависла тяжелой тучей другая, ей предшествовавшая, въ которой отзывается какими-то зловѣще-мрачными вѣяніями тогдашнее время въ трагической участи Полежаева. Несмотря на бессознательность и безразличность восторговъ, на какое-то беззавѣтное упоеніе поэзію, на какую-то дюжинную вѣру въ литературу, въ воздухѣ осталось что-то мрачное и тревожное. Души настроены этимъ мрачнымъ, тревожнымъ и зловѣщимъ, и стихи Полежаева, игра Мочалова, варламовскіе звуки даютъ отзывъ этому настроенію... А тутъ является колоссальный романъ Гюго и кружитъ молодыя головы; а тутъ Надеждинъ въ своемъ «Телескопѣ» то и дѣло поддаетъ романтическаго жара переводами молодыхъ, лихорадочныхъ повѣстей Дюма, Сю, Жанена...

Яснѣть... Раздается могущественный голосъ, вѣсть и узаконивающій и припорывающій стремленія и неясныя гаданія эпохи, — голосъ великаго борца, Висаріона Бѣлинскаго. Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ», какъ во всякомъ гениальномъ произведеніи, схватывается въ одно цѣлое все прошедшее и вѣсть закидываются сѣти въ будущее.

Вѣсть другой эпохой.

Дѣтство мое личное давно уже кончилось. Отрочества у меня не было, да не было собственно и юности. Юность, настоящая юность, началась для меня очень поздно, а это было что-то среднее между отрочествомъ и юностью. Голова работаетъ какъ паровая машина, скачетъ во всю прыть къ оврагамъ и безднамъ, а сердце живетъ только мечтательною, книжною, манускриптною жизнью. Точно не я это живу, а разные образы литературы во мнѣ живутъ. На входномъ порогѣ этой эпохи написано: «Мо-

сковскій университетъ» послѣ преобразования 1836 года — университетъ Рѣдкина, Крылова, Морощкина, Крюкова, университетъ таинственнаго гегельзма, съ тяжелыми его формами и стремительной, рвущейся неодолимо впередъ силой, — университетъ Грановскаго...

A change came over the spirit of my Dream...

Волею судьбы, или лучше сказать неодолимою жаждою жизни, я перенесенъ въ другой міръ. Это міръ гоголевскаго Петербурга, Петербурга въ эпоху его широчайшей оригинальности, въ эпоху, когда существовала даже особенная *петербургская литература*... Въ этомъ новомъ мірѣ для меня промелькнула полоса жизни совершенно фантастической; надъ нравственной природой моей пронеслось странное, мистическое вѣяніе, — но съ другой стороны я узналъ, съ его запахомъ довольно тухлымъ и цвѣтомъ довольно грязнымъ, міръ панаевской «Тли», міръ «Песцовъ», «Межаковъ» и другихъ темныхъ личностей, міръ «Александрія» въ полномъ цвѣтѣ ея развитія съ волевыми г. Григорьева 1, и еще скитавшагося Некрасова-Перепельскаго, съ *особеннымъ кресломъ* для одного богатаго купчика, и вмѣстѣ съ высокой артисткой, заставлявшей порою забывать этотъ странно-пошлый міръ.

И затѣмъ — опять Москва. Мечтательная жизнь кончена. Начинается настоящая молодость, съ жаждою настоящей жизни, съ тяжелыми уроками и опытами. Новыя встрѣчи, новые люди, люди въ которыхъ нѣтъ ничего или очень мало книжнаго, люди, которые «продерживаютъ» въ самихъ себѣ и въ другихъ все напускное, все подогрѣтое, и носятъ въ душѣ безпритязательно, навязно до бессознательности вѣру въ народъ и народность. Все «народное», даже мѣстное, что окружало мое воспитаніе, все что и на время успѣлъ почти заглушить въ себѣ, отдавшись могущественнымъ вѣяніямъ науки и литературы, — поднимается въ душѣ съ неожиданною силою и растетъ, растетъ до фанатической исключительной мѣры, до нетерпимости, до пропаганды... Пять лѣтъ новой жизненной школы.

И опять переломъ.

Западная жизнь во очію развертывается передо мною аудисами своего великаго прошедшаго, и вновь дразнить, поднимать, увлекаетъ. Но не сломилась въ этомъ живомъ столкно-

венія вѣра въ свое, въ народное. Смягчала она только фанатизмъ вѣры.

Таковъ прощесъ умственный и нравственный.

Незнаю станеть ли у меня достаточно таланта, чтобы очер-
тить эти различныя эпохи, дать почувствовать ихъ, съ ихъ за-
пахомъ и свѣтомъ. Если для этого достаточно будетъ одной
искренности, — искренность будетъ полная, разумѣется по отно-
шенію къ умственной и моральной жизни.

Одно я знаю: я вполне сынъ своей эпохи и мои литера-
турныя признанія могутъ имѣть нѣкоторый историческій инте-
ресъ.

1862 г. сентября 12.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МОСКВА И НАЧАЛО ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ ЛИТЕРАТУРЫ. МОЕ
МЛАДЕНЧЕСТВО, ДѢТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

I

ПЕРВЫЯ ОБЩІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ

Если вы бывали и живали въ Москвѣ, да не знаете такихъ
ея частей какъ наприимѣръ Замоскворѣчье и Таганка, — вы не
знаете самыхъ характеристическихъ ея особенностей. Какъ въ
старомъ Римѣ Трастевере можетъ-быть не безъ основанія хва-
лится тѣмъ, что въ немъ сохранились старыя римскіе типы,
такъ Замоскворѣчье и Таганка могутъ похвалиться этимъ же
преимущественно передъ другими частями громаднаго города-
села, чудовищно-фантастическаго и вмѣстѣ великолѣпно-раз-
росшагося и разметавшагося растенія, называемаго Москвою.
Отъ ядра всѣхъ русскихъ старобытныхъ городовъ, отъ кремля
или кремника, пошолъ сначала бѣлый, торговый городъ: по-

тѣмъ разросся земляней городъ и вошли раскидываться за рѣку разныя слободы. Въ нихъ уходила изъ-подъ вліянія административнаго уровня и въ нихъ сосредоточивалась упрямо старая жизнь. Лишняя возможность развиваться самостоятельно, она поневолѣ закинула въ застоѣ. Общій законъ нашей исторіи — уходъ земской жизни изъ-подъ внѣшней нормы въ уединенную и упорную замкнутость расколовъ, повторился и въ Москвѣ, то-есть въ развитіи ея быта.

Бывали ли вы въ Замоскворѣчьи?.. Его не разъ изображали сатирически; кто не изображалъ его такъ? — Право, только лѣтъ нивый!.. Но до сихъ поръ никто, даже Островскій, не коснулся его поэтическихъ сторонъ. А эти стороны есть — ну хоть на первый разъ — внѣшнія, наружныя. Впервыхъ ужъ то хорошо, что чѣмъ дальше идете вы въ глубь, тѣмъ болѣе Замоскворѣчье тонетъ передъ вами въ зеленыхъ садахъ; восторыхъ, въ немъ улицы и переулки расходились такъ свободно, что явнымъ образомъ онѣ росли, а не дѣлались.. Вы пожалуй въ нихъ заблудитесь, но хорошо заблудитесь...

Пойдемте напримѣръ съ мною отъ большого каменнаго моста прямо, все прямо, какъ вороны летаютъ. Миновали мы такъ-называемое болото... да! главное, представьте, что мы идемъ съ вами позднимъ вечеромъ. Миновали мы болото съ казеннымъ зданіемъ виннаго двора; тутъ еще нѣтъ ничего особеннаго. Оно пожалуй и есть, да надобно взять въ сторону на Берсеневку или на Солодовку, но мы не туда пойдемъ. Мы дошли до маленькаго каменнаго моста, единственнаго моста старой постройки, уцѣлѣвшаго какъ-то до сихъ поръ отъ усердія нашихъ реформаторовъ строителей и напоминающаго мосты итальянскихъ городовъ, хоть бы напримѣръ Пизы. Передъ нами три жилы Замоскворѣчья, то-есть собственно главныхъ-то двѣ: большая Полянка да Якиманка, третья же между ними какой-то мѣшеузокъ. Эти двѣ жилы выведутъ насъ къ такъ-называемымъ воротамъ, одна правая жила — къ калужскимъ; другая лѣвая — къ серпуховскимъ. Но не въ воротахъ сила, тѣмъ болѣе что ворота, нѣкогда дѣйствительно составлявшихъ крайнюю грань городского жилья, давно ужъ нѣтъ, и городъ-растеніе разросся еще шире, за предѣлы этихъ воротъ.

Я могъ бы пойти съ вами по правой жилѣ, и притѣмъ пойти по ней въ ея правдивую, торжественную минуту, въ истинную

19 августа, когда чуть что не отъ самого Кремля движутся огромныя массы народа за крестнымъ ходомъ къ Донскому монастырю, и всё тротуары полны празднично-разрядившимся народонаселениемъ праваго Замоскворѣчья, и воздухъ дрожить отъ звона колоколовъ старыхъ церквей, и все какъ-то чему-то радуется, чѣмъ-то живетъ, — живетъ смѣсью пожалуй самыхъ мелочныхъ интересовъ съ интересомъ, крупнымъ ли, нѣтъ ли — не знаю, но общимъ, хоть и смутно но общественнымъ на минуту. И право, — я вѣдь не исправимый, закоренѣлый москвичъ, — хорошая это минута. Общее что-то проносится надъ всей разнохарактерной толпой, общее захватываетъ и васъ, человѣка цивилизаціи, если вы только не поставите себѣ упорно задачи не поддаваться впечатлѣнію, если вы будете упорно вооружаться противъ формы.

Но мы не пойдемъ съ вами по этой жилѣ, а пойдемъ по лѣвой, при первомъ входѣ въ которую васъ встрѣчаетъ большой домъ итальянской и хорошей итальянской архитектуры. Долго идемъ мы по этой жилѣ и ничто особенное не поражаетъ васъ. Дома какъ дома, большею частью каменные и хорошіе, только явно назначенные для замкнутой семейной жизни, оберегаемой и заборами съ гвоздями, и по ночамъ сторожевыми псами на цѣли; отъ внезапнаго яростнаго лая котораго-нибудь изъ нихъ, вскочившаго въ припадкѣ ревности и усердія на самый заборъ, вдрогнуть ваши нервы. Между каменныхъ домовъ проскачутъ какъ-нибудь и деревянные, маленькіе, низенькіе, но какіе-то зашумевшіе, какъ-то непривѣтливо глядящіе, какъ-то сознающіе, что они тутъ не на мѣстѣ на этой хорошей, широкой и большой улицѣ.

Дальше. Остановитесь на минуту передъ низенькой, темно-красной съ луковицами-главами церковью Григорія Неокесарійскаго. Вѣдь право она не лишена оригинальной физиономіи, вѣдь при ея созданіи *что-то* явнымъ образомъ бродило въ головѣ архитектора, только это *что-то* въ Италіи выполнилъ бы онъ въ большихъ размѣрахъ и мраморомъ, а здѣсь онъ, бѣдный, выполнялъ въ маленькомъ видѣ да кирпичикомъ; и все-таки вышло *что-то*, тогда какъ ничего, ровно ничего не выходитъ изъ большей части послѣ-петровскихъ церковныхъ построекъ. Я впрочемъ ошибся, сказавши, что въ колоссальныхъ размѣрахъ выполнялъ бы свое *что-то* архитекторъ въ Италіи.

Въ Пизѣ я видѣлъ церковь Santa Maria della spina, маленькую-премаленькую, но такую узорчатую и вмѣстѣ такъ строго-стильную, что она даже кажется грандіозною.

Вотъ мы дошли съ вами до Полянскаго рынка, а между тѣмъ уже сильно стемнѣло. Кой-гдѣ по домамъ, не только что по трактирамъ, зажглись огни.

Не будемъ останавливаться передъ церковью Успенья въ Казачьемъ. Она хоть и была когда-то старая, ибо прозвище ея намекаетъ на стоянье казаковъ, но ее уже давно такъ поновило усердіе богатыхъ прихожанъ, что она, какъ старый соборъ въ Твери, получила общій, казенный характеръ. Свернемте налѣво. Передъ нами потнулись уютные, красивые дома, съ длинными-предлинными заборами, дома большею частью одноэтажные, съ мезонинами. Въ окнахъ свѣтъ, видны повсюду столики, съ шипящими самоварами; внутри глядитъ все такъ семейно и привѣтливо, что если вы человѣкъ не семейный или заѣзжій, васъ начинаетъ разбирать нѣкоторое чувство зависти. Васъ манитъ и дразнитъ Аркадія, создаваемая вашимъ воображеніемъ хоть можетъ-быть и не существующая на дѣлѣ.

Идя съ вами все влѣво, я завелъ васъ въ самую оригинальную часть Замоскворѣчья, въ сторону Орлынской и Татарской слободы и наконецъ на Болвановку, прозванную такъ потому, что тутъ по мѣстнымъ преданьямъ, князья наши встрѣчали ханскихъ баскаковъ и кланялись татарскимъ болванамъ.

Вотъ тутъ-то, на Болвановкѣ началось мое нѣсколько-сознательное дѣтство, то-есть дѣтство, котораго впечатлѣнія имѣли и сохранили какой-либо смыслъ. Родился я не тутъ, родился я на Тверской; помню себя съ трехъ или даже съ двухъ лѣтъ, но то было младенчество. Воскормило меня, возлегло Замоскворѣчье.

Не безъ намѣренія назираю я на этотъ мѣстный фактъ моей личной жизни. Быть-можетъ силѣ первоначальныхъ впечатлѣній обязанъ я развязкою умственного и нравственного процесса, совершившагося со мною, поворотомъ къ горячему благоговѣнію передъ земскою, народною жизнью.

Я намѣренъ писать не автобіографію, но исторію своихъ впечатлѣній; беру себя какъ объекта, какъ лицо совершенно постороннее, смотрю на себя, какъ на одного изъ сыновъ невѣстной эпохи, и стало-быть только то, что характеризуетъ эпоху воб-

ще, должно войти въ мои воспоминаія ; мое же личное войдетъ только въ той степени, въ какой оно характеризуетъ эпоху.

Мнѣ это, коли хотите, даже и легче, потомучто давно уже получилъ я проклятую привычку болѣе разсуждать чѣмъ описывать.

И вотъ прежде всего, я не могу не остановиться на одной личной чертѣ моего раняго развитія, которая, какъ мнѣ кажется, очень характеристична по отношенію къ цѣлому нашему поколѣнію. Во мнѣ необыкновенно рано началась рефлексія, — лѣтъ до пяти, именно съ того времени, какъ волею судьбы мое семейство переѣхало въ уединенный и страшный уголокъ міра, называемый Замоскворѣчьемъ. Помню такъ живо, какъ-будто бы это было теперь, что въ пять лѣтъ у меня была уже Аркадія, по которой я тосковалъ, потерянная Аркадія, передъ которой какъ-то печально и сѣро — именно сѣро казалось мнѣ настоящее. Этой Аркадіей была для меня жизнь у Тверскихъ воротъ, въ домѣ Козина. Почему эта жизнь представлялась мнѣ залитою какимъ-то свѣтомъ, почему даже и въ лѣта молодости я съ сердечнымъ трепетомъ проходилъ всегда мимо этого дома Козина у Тверскихъ воротъ, давно уже перемѣнившаго имя своего хозяина, и почему нерѣдко подъ предлогомъ исканія квартиры, заживалъ на этотъ дворъ, стараясь припомнить уголки, гдѣ игрывалъ я въ младенчествѣ ; почему, говорю я, преслѣдовала меня эта Аркадія, — дѣло весьма сложное. Съ одной стороны, тутъ есть общая примѣта моей эпохи, съ другой коли хотите — дѣло фізіологическое, родовое, семейное.

У всей семьи нашей была своя потерянная Аркадія, Аркадія богатой жизни при покойномъ дѣдѣ до французскаго нашествія, истребившаго два большихъ его дома на Дмитровкѣ ; и въ особенности одна изъ моихъ тетокъ, натура въ высшей степени мечтательная и экзальтированная, была полна этимъ «золотымъ вѣкомъ». Разница въ томъ только, что для нея Аркадія была на Дмитровкѣ, для меня — на Тверской, и разница кромѣ того въ эпохахъ.

Я родился въ 1822 году. Трехъ лѣтъ я хорошо помню себя въ свои бессознательныя впечатлѣнія. Общественная катастрофа, разразившаяся въ это время, катастрофа, съ нѣкоторыми изъ жертвъ которой мой отецъ былъ знакомъ по университетскому

благородному пансіону, страшно-болѣзненно подѣйствовала на мое дѣтское чувство.

Дѣтей большіе считаютъ какъ-то необычайно-глупыми и вовсе не подозреваютъ, что вѣдь чтоже-нибудь да отразится въ ихъ душѣ и воображеніи изъ того, что они слышать или видать. Я напримѣръ хоть и сквозь сонъ какъ-будто, но очень-таки помню, какъ везли тѣло покойнаго императора Александра, и какой странный страхъ господствовалъ тогда въ воздухѣ...

Да, никто и ничто не увѣритъ меня въ томъ, чтобы идеи не были чѣмъ-то органическимъ, посвящимся и вѣющимъ въ воздухъ, солидарнымъ, преемственнымъ...

То, что вѣяло тогда надъ всѣмъ, то что встрѣтило меня при самомъ входѣ моемъ въ міръ, мнѣ никогда конечно не высказать такъ, какъ высказалъ это высоко-даровитый и пламенный Мюссе въ «Confessions d'un enfant du siècle». Напомню вамъ это удивительное мѣсто, которымъ я заключаю очеркъ преддверія моихъ впечатлѣній :

«Во времена войны имперіи, въ то время, какъ мужья и братья были въ Германіи, тревожныя матери производили на свѣтъ поколѣніе горячее, блѣдное, нервное. Зачатыя въ промежутки битвъ, воспитанныя въ училищахъ подъ барабанный бой, тысячи дѣтей мрачно озирали другъ друга, пробуя свои слабыя мускулы. По временамъ являлись къ нимъ покрытые кровью отцы, подымали ихъ къ залитой въ золото груди, потомъ слагали на землю это бремя и снова садились на коней.

«Но война окончилась; Кесарь умеръ на далекомъ островѣ.

«Тогда на развалинахъ стараго міра сѣла тревожная юность. Всѣ эти дѣти были капли горячей крови, напавшей землю: они родились среди битвъ. Въ головѣ у нихъ былъ цѣлый міръ; они глядѣли на землю, на небо, на улицы и на дороги, — все было пусто и только приходскіе колокола гудѣли въ отдаленіи.

«Три стихіи дѣлили между собою жизнь, разстилающуюся передъ юношами: за ними навсегда разрушенное прошедшее, передъ ними заря безграничнаго небосклона, первые лучи будущаго, и между этихъ двухъ міровъ нѣчто, подобное океану, отдѣляющему старый материкъ отъ Америки; незнаю что-то неопредѣленное и зыбкое, море тинистое и грозящее кораблекрушеніямъ, по временамъ переплываемое далекимъ бѣлымъ парусомъ или кораблемъ съ тяжелымъ ходомъ; настоящій мѣкъ,

нашъ: вѣкъ одинъ словомъ, который отдѣляетъ прошедшее отъ будущаго, который ни то, ни другое, и походить на то и на другое вѣкъ, гдѣ на каждомъ шагу недоумѣваешь, видишь ли во сѣменахъ или по праху.

«И нѣтъ оставалось только настоящее, духъ вѣка, ангелъ суверенъ, не день и не ночь; они нашли его сидящимъ на мѣшкѣ съ костями, закутаннымъ въ плащъ себялюбія и дрожащимъ отъ холода. Смертная мука закралась къ намъ въ душу при взглядѣ на это видѣніе, полумумію и полупрахъ; они подошли къ нему какъ путешественникъ, которому показываютъ въ Страсбургѣ дочь стараго графа Саарвердена, бальзамированную, въ гробу, въ вѣнчалномъ нарядѣ. Страшенъ этотъ ребяческій скелетъ, ибо на худыхъ и блѣдныхъ мальцахъ его обручальное кольцо, а голова распадается прахомъ посреди цвѣтовъ.

«О народы будущихъ вѣковъ — заканчиваетъ поэтъ свое вступленіе — когда въ жаркій лѣтній день склонитесь вы подъ плугомъ на зеленомъ лугу отчизны, когда подъ лучами яркаго, чистаго солнца земля, щедрая мать, будетъ улыбаться въ своемъ утреннемъ нарядѣ земледѣльцу: когда отирая съ мирнаго тела священный потъ, вы будете поконить взглядъ на безпредѣльномъ небосклонѣ и вспомните о насъ, которыхъ уже не будетъ болѣе, — скажите себѣ, что дорого купили мы вамъ будущій покой; пожалуйте насъ больше, чѣмъ всѣхъ вашихъ предковъ. У нихъ было много горя, которое дѣлало ихъ достойными состраданія; у насъ не было того, что ихъ утѣшало».

II

МІРЪ СУЕВѢРІЙ

Хорошая вещь — серьезная и захватывающія жизнь въ ея типахъ литературныхъ произведенія. Мало того, что они сами по себѣ хороши, положительо хороши, — они имѣютъ еще отрицательную пользу: захватывая разъ извѣстные типы, художественно и рельефно увѣковѣчивъ ихъ, они отбиваютъ охоту повторять эти типы.

Вотъ напримѣръ не будь аксаковской «семейной хроники», я бы несомнѣнно долженъ былъ вовлечься въ большія подробно-

сти по поводу моего дѣда, лица, цною никогда не виданнаго, потому что онъ умеръ за годъ до моего рожденія, но по рассказамъ знакомаго мнѣ какъ говорится до точки, и играшаго немаловажную роль въ исторіи моихъ нравственныхъ впечатлѣній. Теперь же стоитъ только согласиться на общій типъ кражевыхъ людей бывалой эпохи, изображенный рельефно и вѣстѣ простодушно покойнымъ Акеаковымъ, да отмѣтить только разности и отличія, и вотъ образъ, если не зарисованный мной самимъ, то могущій быть легко нарисованъ читателемъ.

Дѣдъ мой въ общихъ чертахъ удивительно походилъ на старика Багрова, в день его, въ ту эпоху, когда онъ уже могъ жить на покой, мало разнился, судя по семейнымъ рассказамъ, отъ дна Степана Багрова. Чуть что даже калиноваго водожака у него не было, а что свои талайченки, даже свои собственные калмыки были, это я очень хорошо помню. Разница между нами и Степаномъ Багровымъ была только въ томъ, что онъ, такой же кражевой человекъ, поставленъ былъ въ иные житейскія условія. Онъ не родился помѣщикомъ, а сдѣлался имъ, да и то подъ конецъ своей жизни, многодѣльной и многотрудной. Пришолъ онъ въ Москву изъ сѣверовосточной стороны въ нагольномъ полушубкѣ, пробивалъ себѣ дорогу лбомъ, и пробилъ дорогу, для его времени довольно значительную. Пребилъ онъ ее разумѣется службой, и потому пробилъ, что былъ отъ природы человекъ умный и энергическій. Еще была у него отличительная черта, — это жажда къ образованію. Онъ былъ большой начебчикъ духовныхъ книгъ и даже съ архіереями нарѣдио спорилъ; послѣ него осталось довольно большая бібліотека и дѣвшая бібліотека, которою мы потомки какъ-то мало дорожили.

Странная вотъ еще эта черта, между прочимъ и опять-таки черта, какъ мнѣ кажется общая въ нашемъ развитіи, — это то, что мы всѣ маленькіе Петры-великіе на половину и обломовцы на другую. Въ известную эпоху мы готовы съ озабоченіемъ уничтожить слѣды всякаго прошедшаго, увлеченные чѣмъ-нибудь первымъ встрѣчнымъ что намъ поправилось, и леземъ чуть что не плакать о томъ, чѣмъ мы пренебрегали и что мы разрушали. Мнѣ было уже лѣтъ одиннадцать, когда привезли намъ въ Москву изъ деревни сундуки съ старыми книгами дѣда. А то была уже эпоха различныхъ псевдо-историческихъ романовъ, которыми я безразлично увлекался, всѣмъ отъ «Юрія Милос-

славнаго» до «Давида Игоревича» и другихъ безвѣстныхъ нынѣ произведеній, отъ «Новика» Лажечникова до «Леонида» Рафаила Зотова. Странно повѣяли на меня эти старыя книги дѣда въ ихъ нежданныхъ кожаныхъ переплетахъ, книги мрачныя, степенныя, то въ листъ и печатаныя славянскимъ шрифтомъ, какъ знаменитое «Добролюбіе», то въ малую осьмушку, шрифтомъ XVIII вѣка, и оригинальныя вродѣ назидательныхъ сочиненій Дмива, и переводныя вродѣ твореній Бюниана и Іоанна Арната, и крошечныя и полуистрепанныя, какъ рѣдкія нынѣ изданія сатирическихъ журналовъ: «И то и се», «Всякая всячина». Какъ теперь помню, какъ я глядѣлъ на нихъ съ какимъ-то пренебреженіемъ, какъ я — а мнѣ отдали право распорядка этой бібліотеки — не хотѣлъ удостоить ихъ даже чести стоять въ одномъ шкапу съ «Леонидами», «Постоялыми дворами», «Дмитріями Самозванцами» и другимъ вздоромъ, которымъ подъ вліяніемъ эпохи наполнилъ я шкапы, отдѣлявши отъ нихъ только сочиненія Карамзина, къ которому воспитался я въ суевѣрномъ уваженіи. Помню, я даже топталъ ихъ ногами въ негодованіи, а все-таки, пожираемый жаждою чтенія, заглядывалъ въ нихъ, въ эти старыя книги, и даже начитывался порою сатирическихъ изданій новиковской эпохи (Росладъ и другихъ одъ, равно какъ еочиненій Княжнина и Николаева одолѣть я никогда не могъ) и знакомствомъ своимъ съ мыслью и жизнью ближайшихъ предковъ обязанъ былъ я все имъ же, старымъ книгамъ. И какъ я жалѣлъ въ зрѣлыя годы объ этой распропавшей, раскраденной пыльными лакеями и съѣденной голодными мышами бібліотекѣ. Но уви! какъ и вездѣ и во всемъ, поздно хватаемся мы за ваши преданія...

Дѣдъ мой былъ знакомъ даже съ Новиковымъ, и сохранилось въ семьѣ преданіе о томъ, какъ струсился онъ, когда занял Новикова, и перенесъ множество книгъ, подаренныхъ ему Николаемъ Ивановичемъ. Былъ ли дѣдъ масономъ — не могу сказать навѣрное. Наши ничего объ этомъ не знали. Лицо, принадлежавшее къ этому ордену и имѣвшее, какъ расскажу я современнымъ, большое вліяніе на меня въ моемъ развитіи, говорило что было.

Дѣдъ в міръ, когда-то вокругъ его пропѣтавшій, міръ достольства и даже избытка, кареты четверней, міръ страшнаго, багровскаго деспотизма, набожности домашнихъ своръ, это былъ

ла Аркадія для моей тетки, но далеко не была это Аркадія для моего отца, человѣка благодушнаго и умнаго, но нисколько не экзальтированнаго.

Когда пріѣзжали къ намъ изъ деревни погостить бабушки и тетки, я рѣшительно поддавалъ подъ вліяніе старшей тетки; о ней, какъ о лицѣ довольно типическомъ, я буду говорить еще вѣрзъ. Натура страстная и даровитая, не вышедшая замужъ по страшной гордости, она вся сосредоточилась въ воспоминавіяхъ прошедшаго. У нея даже тонъ былъ постоянно экзальтированный, но мнѣ только уже въ позднѣйшіе года началъ этотъ тонъ звучать чѣмъ-то комическимъ. Ребенкомъ я отдавался ея рассказамъ, ея мечтамъ о фантастическомъ золотомъ вѣкѣ, даже ея несбыточнымъ, но упорнымъ надеждамъ на непремѣнный возвратъ этого золотого вѣка для нашей семьи.

Была даже эпоха и... я обѣщался быть искреннимъ во всемъ, что относится къ душевному развитію, буду искрененъ до послѣдней степени, — эпоха вовсе не первоначальной молодости, когда подъ вліяніемъ мистическихъ идей, я вѣровалъ въ какую-то таинственную связь моей души съ душою покойнаго дѣда, въ какую-то метемпсихозу неметемпсихозу, а солидарность душъ. Нерѣдко возвращаясь ночью изъ Сокольниковъ и выбирая всегда самую дальнюю дорогу, ибо я любилъ бродить по Москвѣ поночамъ, я, дойдя до церкви Никиты-мученика въ басманной, останавливался передъ старымъ домомъ на углу нерулка, первымъ пристанищемъ дѣда въ Москвѣ, когда пришолъ онъ составлять себѣ фортуны, и садясь на паперть часовни, ждалъ по получасу, не явится ли ко мнѣ старый дѣдъ разрѣшить мнѣ множество тревожившихъ мою душу вопросовъ. На ловца обывковенно и звѣрь бѣжитъ. Съ человѣкомъ, наклоннымъ къ мистическому, случаются обывковенно и факты, незначительные для другихъ, но влекущіе его лично въ эту странную бездну. Раза два въ жизни, и всегда передъ разными ея переломами, дѣдъ являлся мнѣ во снѣ. Дѣло психически очень объяснимое, но питавшее въ душѣ наклонность ея къ таинственному міру.

Суевѣрія и предація окружали мое дѣтство какъ дѣтство всякаго, большой или небольшой руки барченка, окружнаго большой или небольшой дворней, и по временамъ совершенно ей предоставляемаго. Дворня, а у насъ именно изпоконъ-вѣка ве-

лась она, несмотря на то, что отец мой только-что жилъ достаточно, была вся изъ деревни, и съ ней я пережилъ весь тотъ міръ, который съ дѣйствительнымъ мастерствомъ передалъ Гончаровъ въ «Сибъ Обломова». Когда наѣзжали родные изъ деревни, съ ними прибывали нѣкоторые члены тамошней обширной дворянни, и поддавали жара моему суевѣрному, или лучше сказать фантастическому настрою, новыми расказами о таинственныхъ козлахъ, бодающихся въ полночь на мостикъ къ селу Малахову, о кладѣ въ кирпичковомъ лѣсу — одной изъ главныхъ основъ надежды моей теткѣ на возвратъ Аркадія, о колдунѣ-мужикѣ, зарытомъ на перекресткѣ. Да прибавьте еще къ этому старика дѣда, брата бабушки, который впоследствии, когда мнѣ было уже десять лѣтъ, жилъ у насъ со мной на мезоницѣ, читалъ все священные книги и молился, даже на молитвѣ и умеръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый вечеръ рассказывалъ съ полнѣйшею вѣрою исторіи о мертвецахъ и колдуньяхъ, да прибавьте еще двоюродную тетку, наѣзжавшую съ бабушкой изъ деревни, — тетку, которая была воплощеніе простоты и доброты, умѣвшую лечить домашними средствами всю окрестность, которая никогда не лгала, и между тѣмъ сама по ея расказамъ видала виды...

На безобразно-нервную натуру мою этотъ міръ суевѣрій недѣйствовалъ такъ, что въ четырнадцать лѣтъ, напитавшись еще кромѣ того Гофманомъ, я истинно мучился по ночамъ на своемъ мезоницѣ, гдѣ спалъ я одинъ съ Иваномъ или Ванюшкой, который былъ моложе меня годомъ. Лихорадочно-тревожно прислушивался я къ бою часовъ, а они же притомъ шипѣли и шипѣли страшно-невстово и засыпалъ всегда только послѣ двѣнадцати, послѣ крика предразсвѣтнаго пѣтуха.

Съ лѣтами это прошло, нервы поогрубѣли, но знаете ли, что я бы дорого далъ зато, чтобъ снова испытать такъ же нервно это сладко-мирительное, болѣзненно-дражнящее настроеніе, эту чуткость къ фантастическому, эту близость иного страннаго міра... Вѣдь фантастическое вѣчно въ душѣ человѣческой, и стало-быть, такъ какъ я только въ душу и вѣрю, въ известной степени законно.

III

ДВОРНЯ

Но не одно суетвѣріе развилло во мнѣ раннія отношенія къ народу. Одинъ великій писатель въ своихъ воспоминаніяхъ сказалъ уже доброе слово въ пользу такъ-называемой дворни и отношеній къ ней, описывая свой дѣтскій возрастъ. Не мало есть и дурного въ этомъ попорченномъ отсадкѣ народной жизни, дурного, въ которомъ виноватъ не отсадокъ, а виновато было рабство — не мало дурного разумѣется привилось и ко мнѣ, и привилось главнымъ образомъ не въ пору. Рано, даже слишкомъ рано пробуждены были во мнѣ половые инстинкты, и постоянно только раздражаемые, и неудовлетворяемые давали работу необузданной фантазіи; рано такъ же изучилъ я всѣ тонкости крѣпкой русской рѣчи, и отъ кучера Василья наслушался сказокъ о батракахъ и ихъ извѣстныхъ ховявахъ, — и вообще кучера Василья во многихъ отношеніяхъ я долженъ считать своимъ воспитателемъ, почти на половину съ моимъ первымъ учителемъ...

Но была и хорошая, была даже святая сторона въ этомъ сближеніи съ народомъ, съ его даже попорченными элементами. Разумѣется безсознательно поступали мой отецъ и моя мать, не удаляя меня отъ самыхъ близкихъ отношеній съ дворовыми, но во всякомъ случаѣ это дѣлаетъ большую честь ихъ благодушному и простому взгляду, тѣмъ болѣе дѣлаетъ честь, что въ нихъ какъ во всей нашей семьѣ было ужасно развито чувство дворянской любви во всѣхъ другихъ жизненныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ же, все шло по какому-то изстару заведенному порядку. Надобно сказать такъ же къ ихъ чести, что и собственныя отношенія къ дворнѣ по большей части были человѣческія, то-есть настолько человѣческія, насколько человѣчность была мыслима и возможна при крѣпостномъ правѣ. Бла у нихъ наша дворня всегда хорошо, работала мало, пила, какъ мужескій полъ, такъ и женскій постарше до крайнѣйшаго безобразія. Разъ, даже отецъ не купилъ весьма выгодно продававшася съ аукціона дома, потому только, что подлѣ него былъ кабакъ, и что тогда, по *основательному* возраженію матери, Василья съ Иваномъ старшимъ при-

шло бы ежечасно оттуда вытаскивать, да и старуху няньку мою Прасковью точно такъ же. Между прочимъ я сказалъ, что отношенія моихъ родителей къ дворнѣ были человѣчны *большою частью*, и сказалъ не безъ основанія. Въ матери моей было въ высокой степени развито чувство самой строгой справедливости, но съ девяти лѣтъ моего возраста я уже не помню ея здоровою. Что за болѣзнь началась у ней и продолжалась до самой ея смерти, я не знаю. Знаменитый по Таганкѣ и Замоскворѣчью докторъ Иванъ Алексѣевичъ Воскресенскій постоянно лечилъ ее, но болѣе двадцати лѣтъ болѣзнь ее грызла, и нѣсколько дней въ мѣсяцъ она, бѣдная мать моя, переставала быть человѣкомъ. Даже наружность ея измѣнялась: глаза, въ нормальное время умные и ясные, становились мутны и дикы, желтыя пятна выступали на нѣжномъ лицѣ, появлялась на тонкихъ губахъ зловѣщая улыбка, и тогда забывалось всякое чувство справедливости... Совершенно лишонная образованія, читавшая даже по складамъ, хотя отъ природы одаренная замѣчательнымъ здравымъ разсудкомъ и даже эстетическимъ чутьемъ, — она пѣла очень хорошо по слуху, — бѣдная мать моя совершенно извращена была ужасной болѣзью. Во время приливовъ или припадковъ этой болѣзни, свѣтлыя, хорошія стороны ея личности исчезали, свойства, въ умѣренномъ видѣ хорошія, какъ напримѣръ хозяйственная заботливость и расчетливость, переходили въ ужасныя крайности: неудовлетворенное, обиженное судьбою самолюбіе даровитой, но лишонной средствъ развитія личности выступало одно на мѣстѣ всѣхъ душевныхъ качествъ. А бывали минуты, — увы! чѣмъ далѣе шла жизнь, тѣмъ становились онѣ рѣже, — когда она какъ-будто свѣтлѣла и молодѣла. Прекрасныя и тонкія черты ея лица прояснялись, не теряя впрочемъ никогда нѣкоторой строгости и строгости, и какой-то грустной серьезности; движенія теряли рѣзкость и становились гибкими; голосъ, болѣзненно надорванный, звучалъ благородными контральтовыми звуками. О какъ я любилъ ее въ эти рѣдкія минуты. Откуда являлось у нея вдругъ столько женственного такта въ разговорѣ съ посторонними, такое отсутствіе выжимокъ и ужимокъ, оципываній и одергиваній, отличавшія ее рѣзко отъ всѣхъ другихъ барынь нашего круга, барынь, походившихъ большою частью на мать Хорькова въ «Бѣдной Невѣсткѣ».

Съ другой стороны отецъ, человѣкъ съ весьма свѣтлымъ

умомъ и съ благодушiемъ такимъ , что покойный дѣдъ , энергическій и кряжевый человекъ , звалъ его отчасти любовно , а отчасти насмѣшливо Израилемъ , запуганный даже отчасти съ дѣтства , — иногда , хотя очень рѣдко , раза два въ годъ , повторялъ въ жизни багровскiя выходки дѣда . И вовсе вѣдъ не потому , чтобы въ это время онъ былъ особенно выведенъ безобразiемъ двора изъ границъ человѣческаго терпѣнiя . Еслибы такъ , то поводы къ выходу изъ нормальнаго , благодушнаго состоянiя представлялись ежедневно . Нѣтъ , это было нѣчто физиологическое , дань чему-то родовому , нѣчто совсѣмъ бѣшеное и неистовое , нѣчто такое , чего приливы я самъ , конечно по другимъ поводамъ , чувствовалъ иногда въ себѣ и чему тоже отдавался какъ звѣрь... Съ лѣтами въ немъ эти приливы родового неистовства становились все рѣже и рѣже . Онъ былъ и лицомъ и характеромъ похожъ на свою мать , мою бабушку , — бабушку , которую звалъ я только старушкою и которая всегда являлась мнѣ невозмутимо-кроткою , спокойною , глубоко , но никакъ не до ханжества благочестивою , съ разумнымъ словомъ , съ вѣчною , до крайности даже нѣжною и безпокойною заботливостiю о своихъ бѣдныхъ дочеряхъ , моихъ старыхъ теткахъ , съ благоговѣнною памятью о своемъ строгомъ и не всегда ровномъ Иванѣ Григорьичѣ и съ явными слѣдами на своей натурѣ влiянiя этой кряжевой личности , слѣдами , очевидными въ ея здоровыхъ религiозныхъ понятiяхъ , въ ея твердой вѣрѣ въ справедливость... Да ! по многому въ правѣ я заключить , что далеко не дюжинный человекъ былъ дѣдъ . Служа , онъ какъ и всѣ , вѣроятно , бралъ если не взятки , то добровольные поборы , но таковы были понятiя окружавшей его среды : помимо этихъ понятiй , въ немъ жило крѣпко чувство добра и чести , и была въ немъ еще , по рассказамъ всѣхъ его знавшихъ , даже дальнихъ родныхъ и постороннихъ , необоримая , ветхозавѣтная вѣра въ Бога израилева , въ Бога правды , была въ немъ святая гордость , которая заставляла его не держать языка на привязи гдѣбы-то ни было и передъ кѣмъ бы то ни было... передъ архiereями ли , съ которыми онъ любилъ водиться , передъ свѣтскими ли властями , съ которыми онъ представляемъ былъ судьбою въ столкновение .

Но я опять увлекся любимымъ образомъ моего дѣтства , этимъ идеаломъ , съ которымъ я долго-долго сопоставлялъ моего умнаго и благодушнаго , но весьма не характернаго отца , никакъ не

видя, что у него совсѣмъ другая природа, любя его инстинктивно, но не уважая разумно его собственнѣхъ, личнѣхъ хорошихъ сторонѣхъ...

Родовыя вспышки отца и ежемѣсячныя припадки болѣзни матери нарушали обычную распущенность нашей жизни, но они же развили во мнѣ чувство состраданія до болѣзненности. Я ревѣлъ до истерикъ, когда доставалось за пьянство кучеру Василью или женѣ его, моею старой нянькѣ, за гульбу по ночамъ и пьянство челоуѣку Ивану и за гульбу съ молодцами моею молодой и тогда красивой нянькѣ Лукерьи... Я всегда являлся представителемъ въ этихъ случаяхъ, и отецъ даже въ порывахъ бѣшенства, по благодущію своей природы любилъ во мнѣ это представительство. Что онъ любилъ, это очень хорошо, но напрасно онъ показывалъ мнѣ, что онъ это любилъ. Это развило во мнѣ какое-то раннее актерство чувствомъ, раннюю способность къ подозрѣванію собственной чувствительности... Помню, — мнѣ было лѣтъ девять, — нарыдавшись инстинктивно, я прежде чѣмъ идти къ отцу просить за отправленнаго въ часть Василья или Ивана, смотрѣлся въ зеркало, достаточно ли видъ у меня разстроены.

Но во всякомъ случаѣ, я съ дворовыми жилъ совершенно интимно. У нихъ отъ меня секретовъ не было, ибо они знали что я ихъ не выдамъ. Лѣтъ уже четырнадцати-пятнадцати даже, я запиралъ двери за Иваномъ, уходившимъ «въ почую» къ своимъ любовницамъ и отпиралъ ихъ ему въ заутрени; уже студентомъ привозилъ нѣсколько разъ, самъ правя лошадыю, кучера Василья въ своихъ объятіяхъ позднимъ вечеромъ, тихонько открывая ворота...

И они любили меня, разумѣется любили посвоему — любили до тѣхъ поръ, пока въ позднѣйшую эпоху жизни интересы ихъ не столкнулись съ моими. Разумѣется нечего винить ихъ за свою корыстную любовь. Грѣхъ не на нихъ, а все-таки на крѣпостномъ правѣ, много развратившемъ высокую природу русскаго челоуѣка. Одна старая нянька (она же была у насъ долгое время и кухаркой, пока не *купили* повара) любила меня инстинктивно, сердечно — умерла даже съ желаніемъ хотя бы глазкомъ взглянуть на меня, бывшаго въ Петербургѣ; въ минуту ея смерти, — да и то я думаю потому, что она была вольная изъ Арамаса и по страстной любви, овдовѣвши послѣ перваго брака, вышла за пьянаго крѣпостнаго кучера Василья...

А много, все-таки много обзаянъ я тебѣ въ своемъ развитіи, безобразная, распущенная, своекорыстная дворня.... Нѣтъ, или мало пѣсенъ народа мнѣ чуждыхъ: звучавшія дѣтскому уху, онѣ отдались какъ старыя знакомыя въ поздней молодости, онѣ, на время забытыя, пренебреженныя, поправныя даже какъ старыя книги дѣда, возстали потомъ душѣ во всей ихъ непосредственной красотѣ... Во всѣ народныя игры игрывалъ я съ нашею дворнею на широкомъ дворѣ: и въ бую, и въ лапту, и даже въ чехарду, когда случалось, что отецъ и мать уѣзжали изъ дому въ гости и не брали меня; всѣ басни народнаго животнаго эпоса про лисицу и волка, про лисицу и пѣтуха, про житье-бытье пѣтуха, kota и лисицы въ одномъ домѣ — переслушалъ я въ осеннія сумерки отъ деревенской дѣвочки Марины, взятой изъ деревни собственно для забавы мнѣ, — лежа, закутанный въ шубку, въ старомъ ларѣ въ сараѣ...

Наѣзжали порою мужики изъ бабушкиной деревни. Вотъ тутъ-то еще больше наслушивался я диковинныхъ расказовъ — постоянно уже проводя все время съ мужиками на кухнѣ. Всѣхъ я ихъ зналъ по расказамъ многихъ лично; со мной они, предупрежденные дворней, не чинились и не таились... Ужасно я любилъ ихъ, и провожая почтенныхъ мужиковъ, какъ староста Григорій поминалъ даже въ своихъ дѣтскихъ молитвахъ, послѣ родныхъ и ближайшихъ окружающихъ...

IV

С Т О Р О Н А

Да и сторона-то, надобно сказать, была такая, которая могла нарѣзать на душѣ неизгладимые слѣды!

Я началъ исторію своихъ впечатлѣній съ общаго образа Замоскворѣчья, рискуя, и конечно рискуя сознательно, попасть на зубокъ нашимъ различнымъ обличительнымъ изданіямъ. Я сказалъ уже кажется, что Замоскворѣчье не только особый міръ, а соединеніе разныхъ особыхъ міровъ, послѣщихъ каждый свою отдѣльную, типовую фязіономію.

Встанемте съ вами, читатели, бывавшіе въ Москвѣ, на высотѣ Кремля, съ которой огромнымъ полукружіемъ разверты-

вается передъ вами юговосточная, южная и югозападная часть Москвы. Если я съ самаго начала не повелю васъ туда, на кремлевскую гору, то, покажусь въ этомъ, во избѣжаніе рутиннаго приѣма. Видъ Москвы съ кремлевской вершины почти такое же избитое мѣсто, какъ видъ ея съ Воробьевыхъ горъ. И теперь я становлюсь съ вами на этомъ пунктѣ только потому что такъ мнѣ нужно...

Панорама пестра и громаднa, поражаетъ пестротою и громадностью, но все же въ ней есть извѣстныя, выдающіяся точки, къ которымъ можно приковать взглядъ... Онъ упрямается налѣво въ далекой дали, въ двѣ огромныхъ колокольни двухъ монастырей: новоспасскаго и симонова... Старые монастыри — это нѣчто въ родѣ драгоценныхъ камней въ вѣнцахъ, стягивающихъ въ предѣлы, громаднѣй городъ-растеніе, или если вамъ это сравненіе покажется вычурнымъ, — нѣчто въ родѣ бляхъ въ его обручахъ... Дѣло не въ цвѣтѣ сравненія, а въ его сущности, и сущность, если вы взглянете безъ предубѣжденія, будетъ вѣрна; старые пласты города стягиваетъ обручъ съ запястьями-монастырями, состоящими въ городской чертѣ: бывшимъ алексѣевскимъ, который я еще помню, и на мѣстѣ котораго высится теперь храмъ Спасителя, упраздненнымъ новинскимъ, викитскимъ, петровскимъ, рождественскимъ, андроніевскимъ; разросшіяся слободы стянуты тоже обручемъ горизонтальной линіи, на которой законными, останавливающими взглядъ пунктами являются тоже монастыри: новоспасскій, симоновъ, довской, дѣвичій...

Я обратилъ ваше вниманіе на дальнія точки горизонтальной линіи, потому что къ одному изъ этихъ пунктовъ «тянетъ», по допетровскому пластическому выраженію нашихъ дяковъ, та или другая сторона Москвы, сторона съ особеннымъ видомъ и характеромъ. Внутри городской черты монастыри потеряли свое значеніе притягивающихъ пунктовъ, хотя прежде вѣроятно имѣли его: вѣдь на обручѣ Китай-города есть тоже свои бляхи: знаменскій, богоявленскій монастыри и т. д. Въ Замоскворѣчьи и въ Таганкѣ, которая «тянетъ» на половину къ андроньсу, на половину къ «Спасу новому», типовой характеръ монастырей уцѣлѣлъ разумѣется болѣе... Особый характеръ, особый цвѣтъ и запахъ жизни у юговосточнаго Замоскворѣчья, которое «тя-

веть» къ симонову, и у южнаго и югозападнаго, которыя тл-
путь къ донскому...

Идя съ вами въ глубь Замоскворѣчья, я указалъ вамъ на его
три или собственно двѣ главныя жилы, кончающіяся несуще-
ствующими на дѣлѣ воротами, но не упомянулъ о третьей, огром-
ной юговосточной жилѣ, о пятницкой, названной такъ по цер-
кви мифически-народной святой пятницы—Прасковен.

Но не церковь пятницы—Прасковен поражаетъ и останавли-
ваетъ вашъ взглядъ съ кремлевской вершины, когда вы, отклю-
няя постепенно глаза отъ юговостока, ведете ихъ по направле-
нію къ югу, а пятиглавая, великолѣпная церковь Климента
папы римскаго. Передъ нею вы остановитесь и идя по пятниц-
кой: она поразитъ васъ строгостью и величавостью своего сти-
ля, своею даже гармоніею частей... Но особенно выдается она
изъ безчисленнаго множества различныхъ узорочныхъ церквей
и колоколенъ, тоже оригинальныхъ и необычайно-живописныхъ
издали, которыми въ особенности отличается юговосточная часть
Замоскворѣчья... Путешествуя по его извилистымъ улицамъ, за-
ходя дальше и все дальше въ глубь, вы натолкнетесь можетъ
быть на болѣе оригинальный стильъ старыхъ, приземистыхъ и
узорчатыхъ церквей съ главами—луковницами, но издали надо
всѣмъ властвуетъ безъ сомнѣнья Климентъ. Около него, по пят-
ницкой и вправо отъ нея, сосредоточилась въ свои каменные
дома и дворы съ заборами, нерѣдко каменными, жизнь по пре-
имуществу купеческая; влѣво жизнь купеческая сплетается съ
мелкобѣщанскою, мелкочиновническою и даже пожалуй мелко-
дворянскою. Идя по пятницкой, влѣво, вы добредете даже до
Зацѣпы, этого удивительнаго уголка міра, гдѣ совершается не-
возможнѣйшая съ общечеловѣческой точки зрѣнія и вмѣстѣ одна
изъ наидѣйствительнѣйшихъ драмъ Островскаго «Въ чужомъ
пирѣ похмѣлье», гдѣ хозяйка честнаго учителя беретъ росписку
съ Андрюши Брускова въ женитьбѣ на дочери своего постояльца,
и «Китъ.Китычъ» платится по этой странной роспискѣ, ибо не-
знаетъ что могутъ сдѣлать «стриюккіе», и внутренне боится ихъ,
хотя и ломается надъ пропившимся «стриюккимъ» Сахаромъ Са-
харычемъ... Тутъ между Зацѣпой и комисариатомъ, двѣ жизни:
жизнь земщины и жизнь «стриюккихъ» живутъ рядомъ
одна съ другою, растительно сплетаются, хоть не смѣшиваются
и тѣмъ менѣе амальгамируются.

Только затѣмъ, изволите видѣть, я и водилъ васъ на вершину Кремля, чтобы отсюда различить для васъ двѣ полосы Замокворѣчья. Дѣтство мое прошло въ первой, юговосточной, — отрочество и ранняя молодость въ югозападной.

Жизнь, которая окружала меня въ дѣтствѣ, была наполовину жизнь дворянская, наполовину жизнь «стриюкскихъ», ибо отецъ мой служилъ, и служилъ въ одномъ изъ такихъ присутственныхъ мѣстъ, въ которыя не проникалъ уровень чиновничества, въ которомъ бражничало, дѣлало дѣла и властвовало подъячество... Эта жизнь «стриюкскихъ» соприкасалась множествомъ сторонъ съ жизнью земщины, и въ особенности въ уголкѣ міра, лежащемъ между комиссаріатомъ, Зацѣпой и пятницкой.

Какъ теперь видится мнѣ мрачный и вѣтхій домъ съ мезониномъ, полиняло-желтого цвѣта, съ неизбѣжными алебастровыми украшениями на фасадѣ и чуть ли даже не съ какими-то звѣрями на плачевно-старыхъ воротахъ, домъ съ явными претензіями, домъ съ дворянской амбиціей, домъ, въ которомъ началось мое сознательное дѣтство. Два такихъ дома стояли рядомъ, и пѣ-когда оба принадлежали одному дворянскому семейству, не изъ сильно впрочемъ родовитыхъ, а такъ себѣ... Обитатели дома, въ который мы переехали съ Тверской, были женскіе остатки этого когда-то достаточнаго семейства: вдова-барыня съ двумя дочерьми-дѣвцами. Хозяинъ другого, племянникъ вдовы, жилъ гдѣ-то въ деревнѣ, и домъ долго стоялъ опустѣлый, только на мезонинѣ его, въ таинственномъ заключеніи жила какая-то его воспитанница. И объ этомъ мезонинѣ, и объ этой заключенницѣ, и о самомъ хозяинѣ пустого дома, развратникъ по сказаніямъ и фармазонъ — ходили самые странные слухи.

Оба дома смотрѣли на церковную ограду Спаса болвановской церкви, ничѣмъ впрочемъ кромѣ своего названія незамѣчательной, стояли какими-то хмурыми гуляками, запущенными или запустившими себя съ горя, въ ряду другихъ, крѣпко околоченныхъ и хозяйственно глядѣвшихъ купеческихъ домовъ, съ высокими воротами и заборами. Уныло кивалъ имъ симпатически только каменный домъ съ полуобвалившимися колонами на концѣ переулка, домъ тоже дворянскій и значительно болѣе дворянскій.

Мрачность ли этихъ домовъ съ ихъ ушедшимъ внутрь и все-таки притязательнымъ дворянскимъ честолюбіемъ поддѣство-

вала сразу на мое впечатлительное воображеніе, или такъ ужъ на роду мнѣ было написано воспитывать въ душѣ двойную т. е. родовую и свою мечтательную Аркадію, но все время нашего тамъ пребыванія, продолжавшагося года четыре до покупки дома въ другой южной сторонѣ Замоскворѣчья, я относился къ этому жилью и къ житію въ немъ съ отвращеніемъ и даже съ ненавистью, и все мелѣялъ въ дѣтскихъ мечтахъ Аркадію тверскихъ воротъ съ большимъ каменнымъ домомъ, наполненнымъ разнородными жильцами, съ шумомъ и гамомъ ребятъ на широкомъ дворѣ, съ воспоминаніями о сѣрыхъ лошадяхъ хозяина, сѣдого купца Игнатія Иваныча, которыхъ важивалъ опъ меня часто смотрѣть въ чистую и свѣтлую конюшню; объ извозчикѣ-ляхачѣ, Дементѣ, который часто каталъ меня отъ тверскихъ воротъ до нынѣшнихъ триумфальныхъ, вѣроятно изъ симпатіи къ русымъ волосамъ и румянымъ щекамъ моей младшей няньки; о широкой площади съ воротами страстного монастыря передъ глазами и съ изображеніями на нихъ «страстей господнихъ», къ которымъ любила ходить со мною старая моя нянька, толковавшая мнѣ посвоему, апокрифически-легендарно эти изображенія въ извѣстномъ тонѣ апокрифическаго сказанія о «спѣ богородицы».

Многое можетъ-быть — и начинавшаяся болѣзнь матери, и начавшаяся для меня проклятая латинская грамматика Лебедева, къ которой до-сихъ-поръ не могу я отнестись безъ нѣкотораго, самому мнѣ смѣшного, враждебнаго чувства, и еще болѣе проклятая арифметика, съ которой никогда я не могъ помириться, будь она Меморскаго, какъ прежняя, или Аллеза, Гилли, Пюисана Будро какъ послѣдующая, многое, говорю, навѣвало на меня можетъ-быть вракъ, — но только враждебно относился я къ житію-бытію на Болвановкѣ.

Но странная сила есть у прошедшаго, и въ особенности на насъ людей былого поколѣнія. Чѣмъ дальше отдаляли отъ меня годы это житіе, тѣмъ больше и больше свѣтлѣло оно у меня въ памяти. Шляясь часто повечерамъ по Москвѣ, я въ мои зрѣлые годы углублялся въ лѣвую сторону Замоскворѣчья, по увы! и слѣдовъ стараго не было. Уцѣлѣли крѣпко сколоченные купеческіе дома, но отпали колонны у каменнаго дома, выбѣлели его в придачу ему прилично-истертую наружность новые хозяева, а нашего амбиціонныхъ дворянскихъ домовъ въ концѣ переулка

выстроились новые, чистые купеческіе дома. Самая ограда церкви, влившаяся иѣкогда кривою линіею, отступила на шагъ и вытянулась въ струнку, по рапжиру...

И понятно, кромѣ общаго закона идеализаціи прошедшаго по мѣрѣ его удаленія отъ насъ, почему свѣтлѣло для меня собесоблавановское житье-бытье.

При старомъ домѣ былъ садъ съ заборомъ, весьма некрѣпкого и дыряваго качества, и заборъ выходилъ уже на Зацѣну, и въ щели повечерамъ смотрѣлъ я какъ собирались и разыгрывались кулачные бои, какъ ватага мальчишекъ затѣвала дѣло, которое чѣмъ дальше шло, тѣмъ все больше и больше захватывало большихъ. О! какъ билось тогда мое сердце, какъ мнѣ хотѣлось тогда быть въ толпѣ этихъ зачинающихъ дѣло мальчишекъ, мнѣ, барченку, котораго держали въ хлопкахъ, изрѣдка только позволяя (да слава-богу, что хоть изрѣдка-то!) играть въ игры съ дворнею. А въ большіе праздники водились тутъ хороводы фабричными и живо, страстно сочувствовалъ я нашей замкнутой на дворѣ дворнѣ, которая облизывалась какъ котъ, смотрѣла на вольно-шумѣвшую вокругъ нея вольную жизнь!

V

ПОСЛѢДНЕЕ ВПЕЧАТЛѢНІЕ МЛАДЕНЧЕСТВА

Да! меня держали въ хлопкахъ; жизнь, окружавшая меня, давала мнѣ только впечатлѣнія, дразнила меня, и потому все сильнѣе и сильнѣе развивалась во мнѣ мечтательность. На меня порою находила даже какая-то неестественная тоска, въ особенности по осеннимъ и зимнимъ долгимъ вечерамъ. Игрушками я былъ буквально заваленъ, и онѣ мнѣ наскучили.

Мнѣ полъ седьмой годъ, когда стали серьезно думать о приисканіи для меня учителя, разумѣется, по средствамъ и по общей методѣ подешевле. До тѣхъ поръ мать сама кое-какъ учила меня разбирать по складамъ, но какъ-то долше буки-рцы-азъ-ра-бра (такъ произносилъ я складъ) я не ходилъ. Вообще я былъ безгранично лѣнивъ до двѣнадцати лѣтъ возраста.

Стали наконецъ дѣйствительно искать учителя, но прежде всего, по извѣстному русскому обычаю покупать прежде подой-

никъ, а затѣмъ уже корову, купили неизвѣстно для какихъ цѣлей указку. Указка была костяная, прекрасивенькая и я черезъ день же ее сломалъ, какъ ломалъ всякія игрушки. Помню какъ теперь, въ осенній вечеръ, когда уже свѣчи подали, сидѣлъ я на коврѣ въ залѣ, обложенный игрушками, слушая рассказы младшей няньки про бабушкину деревню и стараясь разгадать что такое Иванъ, сидѣвшій тутъ же на коврѣ, дѣлаеть съ куколками, показывая ихъ Лукерѣ и отчего та то ругается, то смѣется, — явился учитель-студентъ въ мундирѣ и при шпагѣ и бойкою походкою прошолъ въ гостиную, гдѣ сидѣлъ отецъ. «Учитель, учитель!» сказала моя нянька и съ любопытствомъ заглянула ему вслѣдъ въ гостиную. «Съ форсомъ!» добавилъ Иванъ и опять сталъ что-то ей таинственно показывать...

Я заревѣлъ...

Насилу меня уняли рассказами о будущей моей невѣстѣ и о золотой каретѣ, въ которой поѣду я вѣнчаться, а между тѣмъ черезъ четверть часа, отворились двери гостиной и отецъ, провожая студента, указалъ ему на меня, потомъ подозвалъ меня и прибавилъ: «такъ начинайте съ-богомъ во вторникъ.»

А во вторникъ былъ день Козьмы и Даміана безсребрениковъ, день, въ который обыкновенно учить начинаютъ по преданіямъ...

Но видно преданіямъ вообще суждено было всегда носиться вокругъ меня, а не исполниться вполне надо мною. Насталъ день покровителей ученія, посадили меня съ азбукой и сломанной указкой у окна и велѣли ждать учителя. Помню, что бессмысленно и выстѣ тоскливо, ничего незамѣчая, ничего даже не думая и ни о чемъ противъ обыкновенія не мечтая, проглядѣлъ я съ часъ на улицу. Было одиннадцать, — срокъ назначенный для урока, — учитель не являлся. Съ мѣста меня спали. Было двѣнадцать — учителя все не было. Пришолъ часъ обѣда, воротился отецъ изъ присутствія.

Дворянская амбиція въ немъ заговорила.

Воспитаникъ бывшаго благороднаго пансіона, товарищъ по воспитанію Жуковского и Тургеневыхъ, онъ несмотря на здравый умъ свой и доброту души, былъ проникнутъ какимъ-то страннымъ пренебреженіемъ къ попovichамъ, тѣмъ болѣе страннымъ, что въ семьѣ у насъ было множество родни духовнаго чина всякихъ подраздѣленій: отъ протоіереевъ до дьяконовъ и

даже ниже. Впрочемъ это былъ ужъ общій недостатокъ отца, старшей тетки и дяди, что они не любили распросовъ о степеняхъ родства съ дядей ихъ протопопомъ Андреемъ Ивановичемъ и другими лицами духовнаго вѣдомства. У отца же кромѣ того примѣшвалась специальная антипатія къ поповичамъ, вынесенная имъ изъ университетскаго благороднаго пансіона. Рассказывал о своемъ пребываніи въ немъ, онъ никогда не забывалъ упомянуть о томъ, какъ они, дворянчики, обязанные слушать послѣдній годъ университетскія лекціи, перебраивались на лѣстницахъ университета съ настоящими студентами изъ поповичей, ходившими въ его время въ какихъ-то желтыхъ панковыхъ брюкахъ въ сапоги и желтыхъ мундирахъ съ желтыми воротниками.

Надо сказать правду, что и въ это время, въ 1828 году, некрасивъ былъ студенческій мундиръ: синій, съ красно-оранжевымъ воротникомъ, онъ имѣлъ въ себѣ что-то полицейское, и университетская молодежь почти никогда не носила его, ходя даже и на лекціи въ партикулярномъ платьѣ.

Для отца, по старой памяти, понятіе о студентѣ сличалось съ понятіемъ о поповичѣ. Притомъ же амбіція произвела въ немъ мгновенно родовую выпышку, и когда студентъ явился вечеромъ, онъ принялъ его весьма сухо, и несмотря на его извиненія, отказалъ отъ уроковъ...

Такъ и не удалось мнѣ начать учиться въ день преподобныхъ Козьмы и Даміана.

Опять постарому принялась учить меня по складамъ мать, и такъ же точно постарому дальше буки-рцы-азъ ра-бра, мы неподвигались.

Наконецъ въ одинъ тоже осенній, но уже ноябрьскія сумерки пріѣхалъ младшій товарищъ отца по службѣ, секретарь Дмитрій Ильичъ съ женою, красивою, и крайне-веселою поповною, любимой ужасно моею матерью за живой и добрый характеръ и развлекавшей нерѣдко своей болтовней ея ипохондрическіе припадки. Объявили они за чаемъ, что вслѣдъ за ними будетъ ихъ «сродственникъ» отецъ Иванъ, священникъ одного подмосковнаго села Перова съ сыномъ, молоденькимъ семинаристомъ, только-что вступившимъ въ университетъ и разумѣется на медицинскій факультетъ. Точно не позже какъ черезъ часъ какой-нибудь, прибылъ отецъ Иванъ въ треухѣ и заячьей шубѣ, рослый, но худой старикъ съ значительной лысиной, оказавшейся

по святіи треуха. За нимъ выступалъ робкою поступью, съ потупленными долу очами, съ розовыми щеками, юноша, чуть не мальчикъ во фризовой шинели. Прехорошенькій былъ онъ тогда, какъ я его помню... Меня — а я какъ теперь его вижу — непоразила даже особенная сахарная сладость его фізіономіи и маслянистость глазъ, которыя замѣтилъ я уже впоследствии. Я даже не заревѣлъ.

Отець Иванъ и Дмитрій Ильичъ «осадили» въ вечеръ графилу съ четыре ерофеичу на звѣробоѣ. Отець мой не пилъ съ ними, ибо уже лѣтъ десять тому назадъ бросилъ «заниматься этимъ малодушествомъ, пить» но усердно ихъ подчивалъ, былъ въ духѣ, а когда онъ былъ въ духѣ, онъ какъ-то невольно располагалъ всѣхъ къ веселости, подшучивалъ надъ Сергѣемъ Ивановичемъ, — такъ звали моего будущаго юнаго наставника. Юный наставникъ, прикашливая посеминарски, краснѣя запынался въ отвѣтахъ; для приданія себѣ «континенту» обратился онъ ко мнѣ со спросомъ, какъ и чѣмъ я до него занимался. Я помню, отвѣчалъ ему безъ малѣйшей запинки, и весело потащилъ его въ залу показывать мои игрушечныя богатства. Онъ немогъ скрыть своего изумленія, и отчего-то ужасно покраснѣлъ, увидавши мою младшую няньку..

Дѣло было порѣшено. Съ завтрашняго же дня Сергѣй Ивановичъ долженъ былъ перебраться къ намъ.

Начиналось мое «ученье...»

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

(NOTRE-DAME DE PARIS)

РОМАНЪ В. ГЮГО

КНИГА СЕДЬМАЯ

I

О ТОМЪ КАКЪ ОПАСНО ДОВѢРЯТЬ КОЗАМЪ СВОИ СЕКРЕТЫ

Прошло уже нѣсколько недѣль.

Были первые дни марта. Солнце, котораго Дюбарта, этотъ классическій прашуръ перифразы, еще не называлъ *великимъ герцогомъ свѣчь*; блистало ярко и весело. Былъ одинъ изъ тѣхъ весеннихъ дней, которымъ парижане радуются какъ празднику, рассыпаясь по всемъ мѣстамъ для гулянья. Въ эти свѣтлые, теплые и радостные дни бываетъ одинъ часъ, въ который въ особенности хорошо любоваться порталомъ собора Богоматери, именно въ то время, когда солнце уже склоняясь къ западу, смотритъ прямо въ лицо собору. Его лучи, все болѣе горизонтальные, медленно исчезаютъ съ площади и ползутъ по фасаду, освѣщая его выпуклости, а центральная розетка блистаетъ подобно глазу циклопа передъ пламенемъ наковальни.

Наступилъ именно этотъ часъ.

Напротивъ высокаго собора, на балконѣ богатаго дома, составлявшаго уголъ площади, нѣсколько молодыхъ дѣвицъ весело смѣялись и разговаривали.

По длинѣ вуаля, спускавшагося до самыхъ нить отъ остроко-
нечной верхушки ихъ головного убора, перевитаго бусами; по то-

нинѣ шемизетокъ, покрывавшихъ ихъ плечи; по роскоши юбокъ, которыя были богаче самаго верхняго платья; по газу, шолку и бархату, и въ особенности по бѣлизнѣ ручекъ можно было судить, что это богатыя наслѣдницы. Въ самомъ дѣлѣ это были Флеръ-де-Ли де-Гонделорье и ея подруги, всѣ изъ хорошихъ фамилій и въ гостяхъ у вдовы Гонделорье, по случаю прибытія въ Парижъ герцога де-Божѣ съ супругой для составленія штата принцессъ Маргаритѣ, чтобы принять ее въ Шикардїи изъ рукъ фламандцевъ. Множество дворянъ добивалось этой чести для дочерей, и нѣкоторые уже привезли или прислали ихъ по этому случаю въ Парижъ. Многія поручены были надзору почтенной Алоизы де-Гонделорье, вдовы шефа королевскихъ стрѣлковъ, жившей съ единственной дочерью въ собственномъ домѣ, противъ соборной площади.

Съ балкона былъ входъ въ комнату, богато-обитую фландрскимъ краснымъ сафьяномъ съ золотыми разводами. Плафонъ былъ украшенъ разными скульптурными и золочеными фигурами. Кабанья голова, возвышавшаяся надъ великолѣпнымъ буфетомъ, доказывала, что хозяйка дома — вдова знаменитаго дворянина. Въ глубинѣ комнаты рядомъ съ высокимъ каминомъ, украшеннымъ гербами снизу доверху, сидѣла въ малиновомъ бархатномъ креслѣ, госпожа Гонделорье, пятидесятилѣтній возрастъ которой выражался въ лицѣ и одеждѣ. Рядомъ съ нею стоялъ молодой человекъ, довольно красивой хотя немного нахальной наружности; одинъ изъ тѣхъ мужчинъ, которые нравятся вообще женщинамъ, хотя люди серьезные и физиономисты презрительно пожимаютъ на нихъ плечами. Молодой человекъ былъ въ мундирѣ капитана королевскихъ стрѣлковъ, настолько схожимъ съ костюмомъ Юпитера, описанномъ нами въ первой главѣ, что мы не станемъ утомлять читателя повтореніемъ.

Дѣвицы сидѣли частію въ комнатѣ, частію на балконѣ, на дубовыхъ скамейкахъ, обитыхъ утрехтскимъ бархатомъ. У каждой было въ рукахъ вышиванье; онѣ разговаривали и смѣялись тѣмъ сдержаннымъ хохотомъ, который показываетъ, что въ комнатѣ есть молодой мужчина. Молодой человекъ, присутствіе котораго возбуждало всѣ эти женскія самолюбія, казалось мало цѣнилъ эту честь, и между тѣмъ какъ взгляды дѣвушекъ устремлялись украдкой на него, онъ преусердно чистилъ перчаткой пряжку своего пояса.

Отъ времени до времени хозяйка что-то тихо говорила ему, и онъ отвѣчалъ съ натянутой вѣжливостью. По улыбкамъ и знакамъ, которыми вдова указывала капитану на свою дочь, можно было

предположить, что молодымъ людямъ недалеко до свадьбы. По холоднымъ пріемамъ офицера замѣтно было, что, покрайней-мѣрѣ съ его стороны, о любви не было и помина. Въ лицѣ его выражалась такая натянутость и скука, которую наши гарнизонные офицеры перевели бы словами: «чертовская обуза!»

Старушка, ослѣпленная материнской любовью, не замѣчала скуки своего собесѣдника и продолжала указывать ему на грацію, съ какой ея дочка выводила нитку или разматывала шокъ.

— Посмотрите, кузень, говорила она, дергая его за рукавъ: — какъ она граціозно наклонилась,

— Да, да, отвѣчалъ офицеръ, и снова впадалъ въ разсѣянность.

Черезъ минуту опять слѣдовали похвалы:

— Право я иногда вамъ завидую, говорила старушка: — что можете быть лучше вашей невѣсты? Неправда-ли, вы очень влюблены въ нее?

— Конечно, отвѣчалъ онъ, думая о другомъ.

— Да поговорите же съ ней, вы сдѣлались слишкомъ застѣнчивы; подите скажите ей что-нибудь!

Можемъ увѣрить нашихъ читателей, что застѣнчивость не была въ характерѣ капитана. Однакожь онъ рѣшился исполнить что отъ него требовали.

— Прелестная кузина, сказалъ онъ, подходя къ невѣстѣ: — что изображаетъ рисунокъ вашего вышиванья?

— Прелестный кузень, отвѣчала Флеръ-де-Ли съ замѣтной досадою: — я уже три раза говорила вамъ, что это пещера Нептуна.

Очевидно дѣвушка лучше матери замѣтила холодность капитана. Онъ почувствовалъ необходимость продолжить разговоръ.

— А для кого вся эта нептунщина? спросилъ онъ.

— Для аббатства Сентъ-Антуанъ, отвѣчала дѣвушка, не поднимая глазъ.

Капитанъ взялъ въ руки уголокъ вышиванья.

— Что это за толстый жандармъ, прелестная кузина, который изо всѣхъ силъ дуетъ въ трубу?

— Это Тритонъ.

Въ короткихъ отвѣтахъ невѣсты все еще слышалось неудовольствие. Молодой челонѣкъ сообразилъ, что слѣдуетъ ей сказать что-нибудь на ухо, какую-нибудь пошлость, любезность, что-нибудь въ этомъ родѣ. Онъ наклонился, но не могъ найти въ своемъ воображеніи фразы нѣжиѣ слѣдующей:

— Зачѣмъ ваша матушка одѣвается всегда какъ наши прабабушки времямъ Карла VII? Скажите ей, кузина, что гербы на платьѣ дѣлаютъ ее похожей на драпировку камина, клянусь вамъ.

Флеръ-де-Ли подняла на него съ упрекомъ свои прекрасные глаза.

— Въ этомъ только всѣ ваши клятвы? тихо спросила она.

Между тѣмъ старушка, видя ихъ интимную бесѣду, шептала:

— Трогательная картина любви!

Капитанъ, сбитый съ толку, опять перешолъ къ вышиванью:

— Какъ прелестно сдѣлано! вскричалъ онъ.

Пользуясь его фразой, одна изъ дѣвицъ встала словечко, въ надеждѣ обратить на себя вниманіе. Другая засмѣялась, чтобъ показать свои зубки.

Въ это время дѣвочка лѣтъ семи, смотрѣвшая на улицу сквозь рѣшетку балкона, вскричала:

— Посмотрите, какая прелесть плясунья и сколько около нея народу!

Въ самомъ дѣлѣ съ улицы слышались звуки тамбурина.

— Какая-нибудь цыганка, сказала Флеръ-де-Ли, нехотя обращаясь къ площади.

— Посмотримъ! вскричали ей веселыя подруги и выбѣжали на балконъ, между тѣмъ какъ она, огорченная холодностью жениха, медленно слѣдовала за ними, а капитанъ возвращался на прежнее мѣсто съ видомъ солдата, смѣнившагося съ очереди.

Между тѣмъ быть на службѣ прелестной Флеръ-де-Ли — завидная доля, и казалась такою капитану въ первое время; теперь же перспектива близкой свадьбы значительно охладила его. У него былъ непостоянный, и надо признаться, довольно пошлый вкусъ. Несмотря на знатное происхожденіе, онъ приобрѣлъ въ походной жизни грубыя привычки. Ему нравились трактиры со всѣми ихъ принадлежностями. Онъ чувствовалъ себя на мѣстѣ тамъ, гдѣ говорились военныя любезности дамамъ, не оскорблявшимся ими и легко доступнымъ. Въ молодости ему дано было нѣкоторое воспитаніе, но дворянскій лоскъ съ каждымъ днемъ исчезалъ въ гарнизонной жизни. Продолжая изъ приличія посѣщать Флеръ-де-Ли, онъ вдвойнѣ чувствовалъ тяжесть этого долга, во первыхъ потому что истратилъ слишкомъ много любви въ тавернахъ и не оставилъ ничего на долю невѣсты; во вторыхъ поминутно боялся, по привычкѣ, выпустить при нарядныхъ дамахъ одно изъ тѣхъ крѣпкихъ словечекъ,

которыя часто вертѣлись на его языкѣ. Представьте каковъ бы вышелъ эффектъ!

Все это соединялось у него съ нѣкоторымъ изяществомъ, щегольствомъ и красивой наружностью. Пусть читатель самъ примирить эти крайности. Я только историкъ. Онѣ стоялъ уже нѣсколько времени прислонившись къ камину, какъ вдругъ Флеръ-де-Ли обратилась къ нему съ вопросомъ:

— Помните, кузень, вы говорили намъ, что спасли какую-то цыганку, во время вашего ночного объѣзда, изъ рукъ двѣнадцати мошенниковъ?

— Кажется говорилъ, прелестная кузина.

— Можетъ-быть это она танцуетъ на площади. Посмотрите, не знаете ли вы ее, кузень Фебъ.

Видно было желаніе примириться въ этомъ приглашеніи подойти. Капитанъ Фебъ де-Шатоперъ (потому что это былъ онъ) медленно подошелъ къ балкону.

— Вотъ она, говорила дѣвушка, нѣжно опираясь на руку капитана: — посмотрите, она ли это?

— Да, я узнаю ее по козѣ.

— О, прелестная козочка, воскликнула одна изъ подругъ.

— У ней въ самомъ дѣлѣ золотые рога? спросила маленькая дѣвочка.

Старушка повела рѣчь не трогаясь съ своего кресла. — Это вѣрно тѣ цыгане, которые прошлаго года пришли въ ворота Жибаръ?

— Матушка, тихо замѣтила Флеръ-де-Ли: — теперь ворота уже называются д'Анферъ.

Мадмуазель Гонделорье знала какъ шокируютъ капитана старинныя привычки ея матери. Онъ уже началъ усмѣхаться и повторять сквозь зубы: Жибаръ! Жибаръ! въ нихъ проходилъ Карлъ VI!

— Крестная маменька! спросила малютка, все время смотрѣвшая на площадь: — что это за черный человекъ тамъ на башнѣ?

Всѣ дѣвушки взглянули на соборъ. Кто-то стоялъ, облокотясь на верхнюю балюстраду восточной башни, выходящей на Гревскую площадь. Это былъ священникъ. Легко было разглядѣть его костюмъ и лицо, подпертое руками. Онъ былъ недвижимъ какъ статуя; глаза устремлены были на одну точку. Это было положеніе ястреба, открывшаго воробьиное гнѣздо, и жадно глядящаго на него.

— Это соборный архидіаконъ, сказала Флеръ-де-Ли.

— Какъ онъ смотритъ на танцовщицу!

— О, онъ не любитъ цыганъ.

— Жаль, что онъ такъ враждебно на нее смотритъ, она право прелестна.

— Кузенъ Фебъ, сказала вдругъ Флеръ-де-Ли: — вы знаете эту цыганку, сдѣлайте ей знакъ войти сюда. Это насъ позабавитъ.

— Да, да! подхватили подруги, хлопая въ ладоши.

— Какже это, сказалъ Фебъ: — она вѣроятно меня забыла, а я никогда и не зналъ ея имени. Впрочемъ, попробую исполнить ваше желаніе. И наклонясь съ балкона, онъ крикнулъ: Эй ты, миленькая!

Танцовщица стояла спокойно въ эту минуту. Она подняла голову, встрѣтила глаза Феба и осталась неподвижна.

— Миленькая! повторилъ капитанъ, дѣлая ей знакъ войти.

Дѣвушка еще разъ взглянула на него, потомъ вдругъ покраснѣла, взяла тамбуринъ подъ мышку и направилась, сквозь толпу удивленныхъ зрителей, къ дому куда ее звали, медленно, съ испуганнымъ взглядомъ птички, повинующейся влиянію змѣи.

Черезъ минуту, портьера поднялась и цыганка явилась на порогѣ, красная, взволнованная, съ опущенными большими глазами; она не смѣла идти далѣе.

Маленькая дѣвочка захопала въ ладоши.

Танцовщица все еще стояла у двери. Появленіе ея сдѣлало странное впечатлѣніе на молодыхъ дѣвушекъ. Блестящій мундиръ офицера былъ фокусомъ, на которомъ сосредоточивались все взгляды; каждой хотѣлось понравиться и желаніе это выражалось въ словахъ и жестахъ. Такъ какъ все были почти одинаково хороши, борьба была до сихъ поръ ровная, и все втайнѣ рассчитывали на побѣду. Появленіе цыганки нарушило это равновѣсіе. Красота ея была такъ ослѣпительна, что комната какъ-будто освѣтилась съ ея приходомъ. Въ этой меблированной комнатѣ, при этихъ темныхъ драпировкахъ, она была вдвое красивѣе нежели на площади. Это былъ факелъ, перенесенный изъ свѣта въ темноту. Барышни невольно были поражены. Каждая почувствовала себя униженной ея красотой, и потому все разомъ приготовились къ бою, хотя не было произнесено ни одного слова. Женщины инстинктомъ понимаютъ другъ друга быстрѣе нежели мужчины. Явился врагъ: все тотчасъ это смекнули и стали въ оборонительное положеніе. Довольно одной капли вина, для того чтобы вся вода въ стаканѣ покраснѣла; до-

волью появленія одной хорошенькой женщины, для того чтобы все женское общество приняло одинаковое направленіе, особенно если въ обществѣ только одинъ мужчина.

Пріемъ, сдѣланный цыганкѣ, былъ единодушно холоденъ. Онѣ оглядѣли ее съ головы до ногъ, потомъ переглянулись, и только. Между тѣмъ дѣвушка оробѣла и ждала что ей скажутъ.

Капитанъ первый нарушилъ молчаніе.

— Клянусь честью, вотъ хорошенькая дѣвушка! какъ вы находите, кузина?

Это замѣчаніе, которое болѣе деликатный наблюдатель сдѣлалъ бы про себя, еще сильнѣе возбудило женскую ревность.

Флеръ-де-Ли отвѣчала съ натянутымъ равнодушіемъ.

— Да, недурна!

Остальныя шептались:

Наконецъ г-жа Гонделорье, ревнивая не менѣе другихъ, потому что ревновала за свою дочь, произнесла:

— Подойди, миленькая.

— Подойди, миленькая! повторила съ комической важностью маленькая дѣвочка.

Цыганка приблизилась къ хозяйкѣ.

— Прелестное дитя, началъ Фебъ торжественнымъ тономъ: — не знаю имѣю ли я счастье быть узаннымъ вами...

Она не дала ему кончить, и устремивъ на него глубокой взглядъ, сказала:

— О, да!

— У нея хорошая память, замѣтила Флеръ-де-Ли.

— А вы такъ скоро скрылись тогда, развѣ я васъ испугалъ? спросилъ Фебъ.

— О, нѣтъ! отвѣчала цыганка.

Въ этихъ двухъ восклицаніяхъ было что-то неизяснимое, что оскорбило Флеръ-де-Ли.

— Вы оставили мнѣ вмѣсто себя, продолжалъ капитанъ, у котораго развязался языкъ въ присутствіи простой дѣвушки: — какую-то тварь хромую, слѣпую и горбатую, кажется соборнаго звонаря. Мнѣ сказали, что онъ побочный сынъ архидіакона и чортъ по рожденію. У него смѣшное имя, названіе какого-то большого праздника. Онъ осмѣлился васъ похитить, какъ-будто такіа дѣвушки созданы для такихъ уродовъ. Скажите-ка, чего хотѣло отъ васъ это чудовище, а?

— Не знаю! отвѣчала она.

— Какова дерзость! Звонарь похищаетъ дѣвушку, какъ какой-нибудь виконтъ! бродяга польстился на дворянскую поживу! вотъ рѣдкость. Впрочемъ онъ за это дорого поплатился. У Тортерю не легка рука, а вашему звонарю шибко пришлось.

— Бѣдный! сказала цыганка, вспомнивъ о сценѣ на позорномъ столбѣ.

Капитанъ расхохотался.

— Вотъ сожалѣніе также кстати, какъ перо на хвостъ свиньи! Будь я...

Онъ остановился.

— Извините, mesdames, я хотѣлъ сказать глупость.

— Фи, милостивый государь!

— Онъ выражается языкомъ этихъ тварей, тихо замѣтила Флеръ-де-Ли, которой досада ежеминутно возрастала.

Капитанъ, довольный собой и цыганкой, сдѣлалъ пируэтъ и повторилъ съ казарменной наивностью:

— Прелестная дѣвушка, чортъ возьми!

— Престранно одѣтая, замѣтила одна дѣвица.

Это замѣчаніе было сигналомъ. Неимѣя возможности спорить противъ красоты цыганки, дамы придрались къ ея костюму.

— Въ самомъ дѣлѣ; какъ это можно ходить по улицамъ съ открытой шеей!

— А юбка возмутительно коротка!

— Еслибы ты, милая, носила рукава, у тебя не такъ бы загорѣли руки.

— Тебя возьмутъ сержанты за позолоченый поясъ, небрежно замѣтила Флеръ-де-Ли.

Зрѣлище было достойно лучшаго наблюдателя, чѣмъ капитанъ Фебъ.

Стоило взглянуть, какъ эти красивыя дѣвушки шипѣли и вились вокругъ уличной танцовщицы: онѣ были жестоки и граціозны; какъ онѣ разбирали по ниточкѣ ея безумный туалетъ изъ лоскутковъ и блестокъ! Сколько смѣха, ироніи и оскорбленій! Сарказмы, покровительственный тонъ и злобные взгляды лились дождемъ. Казалось, видишь римскихъ женщинъ, вкалывающихъ золотыя булавки въ грудь прелестной невольницы или охотничьихъ левретокъ, обнюхивающихъ бѣдную лѣсную лань, до которой хозяинъ запретилъ до-трогиваться.

И что была въ сравненіи съ ними эта дѣвушка! Онѣ, не стѣняясь ея присутствіемъ, говорили о ней, какъ о чемъ-то нечистомъ, низкомъ, но довольно красивомъ.

Цыганка не была нечувствительна къ этимъ булавочнымъ ранамъ. Отъ времени до времени, краска стыда или гнѣва покрывала ея лицо; презрительное слово, казалось, готово было сорваться съ ея губъ; она дѣлала свою обычную гримаску, но стояла неподвижно, устремивъ на Феба кроткій и покорный взглядъ. Въ этомъ взглядѣ было много счастья и нѣжности. Она сдерживалась, для того чтобы дольше побыть въ этой комнатѣ.

Фебъ смѣялся и держалъ сторону цыганки съ дерзкимъ сожалѣніемъ.

— Пускай ихъ говорятъ, милая, повторялъ онъ, постукивая золотыми шпорами: — конечно твой нарядъ нѣсколько страненъ, но что это значитъ для такой хорошенькой дѣвушки!

— Я вижу, что королевскіе стрѣлки быстро воспаляются отъ огня цыганскихъ глазъ, замѣтила одна гордая дѣвица.

— А еслибы и такъ! отвѣчалъ капитанъ.

Этотъ отвѣтъ, брошенный нехотя, вызвалъ принужденный смѣхъ у дѣвицъ; Флеръ-де-Ли въ тоже время украдкой утерла слезинку.

Цыганка, опустившая глаза при колкомъ намекѣ, теперь радостно и гордо подняла ихъ на Феба. Она была чудно хороша въ эту минуту.

Старушка, слѣдившая за этой сценой, не поняла ее вполнѣ, но инстинктивно оскорбилась.

— Пресвятая Богородица, что это шевелится у меня подъ ногами? вскричала она: — ай, скверное животное!

Это была козочка, пришедшая отыскивать свою хозяйку и запутавшаяся рожекми въ широкое платье старухи.

Цыганка выпутала ее не говоря ни слова.

— У козочки золотыя лапки! радостно вскрикнула маленькая дѣвочка.

Цыганка встала на колѣни и прилегла щекой къ головкѣ козочки. Казалось, она просила прощенья за то, что покинула свою подругу.

Одна изъ дѣвицъ шептала между тѣмъ другой:

— Какъ мнѣ давно не пришло въ голову: вѣдь говорятъ эта цыганка колдунья, и коза ея дѣлаетъ чудныя вещи.

Объ тотчасъ обратились къ цыганкѣ.

— Миленькая, заставь свою козу сдѣлать чудо!

— Я васъ не понимаю! отвѣчала дѣвушка.

— Чудо, фокусъ, колдовство, что хочешь.

— Не знаю чего вы хотите! и она снова принялась ласкать козочку, приговаривая: Джали, Джали!

Въ это время Флеръ-де-Ли замѣтила маленькую вышитую сумочку на шеѣ у козы. — Что это такое? спросила она.

Цыганка подняла на нее свои большіе глаза и съ важностью отвѣчала: это моя тайна.

«Хотѣла бы я знать твои тайны!» подумала Флеръ-де-Ли.

Между тѣмъ старуха сердито поднялась съ мѣста.

— Ну, милая, если ни ты, ни твоя коза ничего не умѣете дѣлать, зачѣмъ и оставаться здѣсь?

Цыганка молча направилась къ двери. Но чѣмъ ближе была она къ выходу, тѣмъ медленнѣе становились ея шаги. Ее притягивалъ какой-то невидимый магнитъ. Вдругъ она обратила свои полные слезъ глаза на Феба и остановилась.

— Клянусь Богомъ, такъ не уходятъ! вскричалъ капитанъ: — вернитесь и протанцуйте намъ что-нибудь. Кстати, какъ васъ зовутъ, моя прелесть?

— Эсмеральда! отвѣчала танцовщица, не сводя съ него глазъ.

При этомъ странномъ имени барышни громко расхохотались.

— Вотъ ужасное имя для дѣвицы!

— Не говорила ли я, что она колдунья.

— Милая моя! торжественно произнесла старуха: — родители ваши вѣрно не изъ христіанскаго календаря выкопали вамъ это имя.

Между тѣмъ, пользуясь суматохой, маленькая дѣвочка заманила хлѣбомъ козочку въ уголь. Онѣ подружились въ одну минуту. Любопытная дѣвочка отвязала мѣшочекъ съ шеи козы, открыла его и вытрясла на полъ то, что въ немъ заключалось; то была азбука, каждая буква которой была написана на отдѣльной досчечкѣ. Едва очутились на полу эти буквы, какъ малютка съ удивленіемъ увидѣла, что козочка вытаскиваетъ золотой лапкой нѣкоторыя изъ нихъ и ставитъ ихъ рядомъ. Въ минуту составилось слово, которое коза вѣроятно часто писала, такъ мало затруднило оно ее теперь. Малютка всплеснула руками отъ удивленія.

— Флеръ де Ли, посмотрите что сдѣлала козочка!

Флеръ де Ли подошла и вздрогнула. Буквы составили слово : Фебъ.

— Это коза написала? спросила она измѣнившимся голосомъ.

— Да! отвѣчала дѣвочка. Впрочемъ сомнѣніе было невозможно: сама малютка не умѣла писать.

— Вотъ она тайна! подумала Флеръ-де-Ли.

Цыганка замѣтила промахъ, сдѣланный козой, покраснѣла, поблѣднѣла и вся дрожая стояла передъ капитаномъ, который глядѣлъ на нее съ удивленіемъ и самодовольной улыбкой.

— Фебъ! шептали удивленные дѣвушки: — это имя капитана!

— У васъ удивительная память! сказала Флеръ де Ли пораженной цыганкѣ, потомъ зарыдала: — Она колдунья! произнесла она громко. — Она твоя соперница! подсказало ей сердце и бѣдная упала въ обморокъ.

— Дочь моя, дочь моя! кричала испуганная мать. — Ступай вонъ, проклятая цыганка!

Эсмемальда въ одну минуту подобрала несчастныя буквы, сдѣлала знакъ Джаки и вышла въ одну дверь, между тѣмъ какъ Флеръ де Ли выносили въ другую.

Капитанъ Фебъ, оставшись одинъ, съ минуту колебался между двумя дверьми, наконецъ послѣдовалъ за цыганкой.

II

СВЯЩЕННИКЪ И ФИЛОСОФЪ НЕ ОДНО И ТОЖЕ

Священникъ, который, какъ замѣтили дѣвицы, слѣдилъ съ башни за пляской цыганки, былъ дѣйствительно Клодъ Фролло, архидіаконъ.

Читатели вѣрно помнятъ таинственную келью, которую онъ устроилъ себѣ въ этой башнѣ. Можетъ быть это та самая, которую можно видѣть теперь въ четырехугольное отверстіе на площадкѣ, откуда начинаются башни. Теперь это пустой, заброшенный уголъ, худо выштукатуренныя стѣны котораго украшены скверными желтыми гравюрами, представляющими фасады соборовъ. Я предполагаю, что обитатели его теперь летучія мыши и науки, такъ что мухамъ рѣшительно не можетъ быть тамъ житья.

Всякій день, во время захожденія солнца, архидіаконъ входилъ

въ келью и часто оставался въ ней до другого утра. Въ этотъ день, лишь только онъ вставилъ ключъ въ замочную скважину, до слуха его донеслись звуки кастаньетъ и тамбурина. Музыка эта слышалась со стороны соборной площади. Въ кельѣ было только одно слуховое окно, выходящее на задній планъ церкви. Клодь выдернулъ ключъ назадъ и мигомъ взобрался на верхнюю площадку, откуда замѣтили его барышни.

Тамъ стоялъ онъ мрачный, неподвижный, весь углубленный въ одну мысль, въ одну точку. Весь Парижъ былъ подъ его ногами, съ своими безчисленными колокольнями, зелеными холмами, рѣкою, змѣей извиющеюся подъ мостами, народомъ, толпящимся на улицахъ, съ огромной цѣпью крышъ, охватывающей соборъ; но изъ всего этого города архидіаконъ видѣлъ только одну часть площади, изъ всей этой толпы только одно лицо — цыганку.

Трудно опредѣлить, каковы были его глаза и откуда взялось пламя, сверкающее изъ нихъ. Взглядъ былъ напряженный, а между тѣмъ, полный тревоги. По совершенной неподвижности тѣла, лишь изрѣдка подергивавшагося легкой судорогой, какъ дерево дуновеніемъ вѣтра; по улыбка, застывшей на губахъ, можно было подумать, что Клодь каменная статуя, въ которой одни глаза живы.

Цыганка танцевала. Она вертѣла тамбурина на кончикъ пальца и подбрасывала его на воздухъ. Такъ летала она веселая, легкая и безпечная, не чувствуя тяжести устремленнаго на нее взгляда.

Вкругъ нея шевелилась толпа; отъ времени до времени мущина въ пестромъ платьѣ раздвигалъ народъ, возвращался на стулъ неподалеку отъ танцовщицы и клалъ голову кочочки на свои колѣни.

Человѣкъ этотъ казалось былъ спутникъ цыганки. Клодь Фролло не могъ рассмотреть его лица съ высоты.

Съ той минуты, какъ архидіаконъ замѣтилъ мушину, лицо его еще болѣе нахмурилось и вниманіе раздѣлилось между имъ и цыганкой. Вдругъ онъ выпрямился и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. — Что это за человѣкъ? пробормоталъ онъ: — я всегда видѣлъ ее одну!

И онъ началъ спускаться съ лѣстницы. Проходя мимо каморки звонаря, дверь которой была полуотворена, онъ заглянулъ въ нее и удивился: Квазимодо тоже смотрѣлъ на площадь. Вниманіе его было такъ сильно, что онъ и не замѣтилъ приближенія своего покровителя. Дикій глазъ его принялъ небывалое дотола выраженіе: онъ былъ ласковъ и протокъ.

— Вотъ странность! прошептала Фролло: — неужели онъ такъ смотритъ на цыганку?

Черезъ нѣсколько минутъ задумчивый архидіаконъ вышелъ на площадь.

— Куда дѣвалась цыганка? спросилъ онъ, вмѣшиваясь въ толпу, собранную звуками тамбурина.

— Не знаю! отвѣчалъ одинъ изъ сосѣдей: — она исчезла. Должно быть пошла плясать вонъ въ тотъ домъ, куда ее звали.

На мѣстѣ цыганки, на коврѣ, котораго арабески за минуту исчезали подъ вихремъ ея прихотливой пляски, архидіаконъ нашолъ только пестраго кавалера, ходящаго вокругъ съ поднятой головой, краснымъ лицомъ и ступомъ въ зубахъ. На стулѣ была привязана кошка, мяукавшая изо всей силы.

— Пресвятая Богородица! вскричалъ архидіаконъ въ ту минуту, какъ паяцъ проходилъ мимо него съ своей пирамидой: — вотъ чѣмъ теперь занимается Пьеръ Гренгуаръ!

Строгое восклицаніе такъ перепугало бѣдняка, что онъ потерялъ равновѣсіе и стулъ съ кошкой полетѣлъ въ головы зрителямъ.

По всей вѣроятности, Пьеру Гренгуаръ (потомучто это точно былъ онъ) пришлось бы дорого поплатиться за исцарапанныя лица, еслибы онъ не поспѣшилъ воспользоваться суматохой и скрыться въ церкви, куда послѣдовалъ за нимъ и Клодъ Фролло.

Соборъ былъ уже темень и пусть, лампы сіяли какъ звѣзды на темныхъ сводахъ. Только большая розетка, на которую упали послѣдніе лучи солнца, переливалась какъ масса брильянтовъ и отражала на противоположномъ концѣ свое блестящее изображеніе.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Клодъ прислонился къ колонѣ и пристально посмотрѣлъ на Гренгуара. Взглядъ этотъ былъ не такъ страшенъ, какъ ожидалъ Гренгуаръ отъ такого серьезнаго и строгаго лица: во взглядѣ архидіакона не было насмѣшки и ироніи; онъ былъ спокоенъ, серьезенъ и пронизателенъ. Архидіаконъ первый прервалъ молчаніе.

— Ну, Пьеръ, вы многое должны объяснить мнѣ. Впервыхъ, почему васъ не было видно цѣлыхъ два мѣсяца, и наконецъ почему я нашолъ васъ въ этомъ прекрасномъ костюмѣ, красномъ и желтомъ?

— Мессиръ, жалобно отвѣчалъ Гренгуаръ: — это дѣйствительно не совсѣмъ приличный костюмъ, и я чувствую себя въ немъ какъ кошка въ шлемѣ. Сознаю, что вовсе не хорошо подвергать

городскихъ сержантовъ возможности отколотить палками философа, но чтоже дѣлать? Вся вина на сторонѣ моего прежняго платья, которое измѣнически покинуло меня въ самомъ началѣ зимы, подъ тѣмъ предлогомъ, что обратилось въ лохмотья и захотѣло отдохнуть въ лавкѣ лоскутника. Что дѣлать? просвѣщеніе еще не дошло до того, чтобы люди могли ходить нагіе, какъ Диогенъ. Ктому же вѣтеръ былъ такой холодный, что не время было указывать этотъ новый путь человѣческому развитію. Мнѣ попался этотъ нарядъ и я взялъ его вмѣсто своего черного кафтана, который слишкомъ не герметически застегивался для такого герметика какъ я. Вотъ я и въ шутовскомъ нарядѣ, какъ св. Генезій. Что дѣлать! Самъ Аполлонъ пастъ стада!

— Хорошее у васъ занятіе, нечего сказать!

— Я вполне согласенъ, что лучше поэтизировать и философствовать, раздувать огонь въ химической печи или получать его съ неба, нежели носить въ зубахъ кошекъ. Въ ту минуту, какъ вы меня позвали, я самъ чувствовалъ свою пошлость. Но опять чтоже дѣлать? Желудокъ каждый день требуетъ пищи, а самый маленькій кусочекъ сыру питательнѣе самаго великолѣпнаго стиха. Вы знаете, что я написалъ эпиталому Маргаритѣ фландрской, а вотъ городъ не хочетъ мнѣ платить за нее, подъ предлогомъ, что она недовольно хороша, — какъ-будто за четыре экю можно имъ дать трагедію Софокла. Мнѣ приходилось умирать съ голоду; къ счастью, я почувствовалъ силу въ челюстяхъ и сказалъ имъ: дѣлайте фокусы и кормите сами себя. *Ale te ipsem*. Цѣлая толпа оборванцевъ, сдѣлавшихся моими друзьями, научила меня разнымъ геркулесовскимъ подвигамъ, и я каждый вечеръ даю своимъ зубамъ хлѣбъ, который они же выработали въ продолженіе дня. Впрочемъ я чувствую, что это плохое примѣненіе умственныхъ способностей, и что человѣкъ созданъ не для того, чтобы цѣлый вѣкъ бить въ барабанъ и носить во рту стулья. Но, мессиръ, нужно не только жить, но и изыскивать средства къ жизни.

Клодъ слушалъ молча. Вдругъ его взглядъ принялъ такое умное и проницательное выраженіе, что Гренгуаръ почувствовалъ, какъ онъ пронизываетъ его насквозь.

— Очень хорошо, Пьеръ; но какимъ образомъ попали вы въ товарищи къ цыганкѣ?

— Очень просто. Она моя жена, а я ея мужъ.

Мрачный взоръ священника вспыхнулъ.

— Ты сдѣлалъ это, несчастный! вскричалъ онъ, схвативъ его за руку; неужели ты настолько отступникъ, что коснулся этой женщины!

— Клянусь вѣчнымъ блаженствомъ, что не дотрогивался до нея, отвѣчалъ бѣдный Гренгуаръ, дрожа всѣми членами.

— Что же ты тутъ бредишь! спросилъ священникъ.

Гренгуаръ поспѣшилъ рассказать по возможности послѣдовательно все, что случилось съ нимъ при Дворѣ чудесъ, не выключая свадьбы. Впрочемъ женитьба его все еще оставалась безъ результата и цыганка каждый вечеръ запирала дверь своей каморки, какъ и въ первую свадебную ночь.

— Это досадно, прибавилъ онъ: — но происходитъ отъ того, что я имѣлъ несчастье жениться на дѣвственницѣ.

— Что это значитъ? спросилъ архидіаконъ, успокоивавшійся по мѣрѣ расказа.

— Это довольно трудно объяснить. Это родъ суевѣрія. Моя жена, какъ говорилъ мнѣ старикъ, котораго величаютъ у насъ герцогомъ Египта, потерянное или найденное дитя, это вѣдь все равно. Она носитъ на шеѣ талисманъ, по которому, говорятъ, можетъ отыскать своихъ родителей, но талисманъ этотъ теряетъ всю свою силу въ тотъ день, какъ она утратитъ свою невинность. Изъ этого слѣдуетъ, что мы съ нею живемъ какъ прилично добродѣтельнымъ людямъ.

— Стало-быть ни одинъ мужчина не прикасался еще къ этой дѣвушкѣ? спросилъ Клодъ, совершенно прояснившись.

— Какъ же мужчинѣ поборотъ суевѣріе! У ней ужъ это зашло крѣпко въ голову. Конечно странно допустить добродѣтель при такой жизни, но у моей жены три защиты: герцогъ Египта, взявшій ее подъ свое покровительство и имѣющій можетъ-быть на нее свои виды; все ея племя, которое почитаетъ ее какъ святыню, и маленький кинжалчикъ, который плутовка всегда имѣетъ при себѣ, несмотря на запрещеніе г. прево, и который тотчасъ является, какъ только кто-нибудь возьметъ ее за талию. У, это лихая оса! увѣряю васъ.

Архидіаконъ засыпалъ Гренгуара вопросами.

Эмеральда была по мнѣнію Гренгуара прелестное, доброе созданіе, дѣвушка наивная и страстная, совершенно неопытная и энтузіастка, не предполагающая даже никакого различія между мужчиной и женщиной; любящая больше всего на свѣтѣ танцы, шумъ

и чистый воздухъ; родъ-женщины-пчелы, имѣющей невидимыя крылья у ногъ и живущей въ вѣчномъ движеніи. Эти особенности привились къ ней отъ постоянно кочевой жизни. Гренгуаръ слышалъ, что еще ребенкомъ она прошла всю Испанію и Каталонію, до Сициліи; онъ думалъ даже, что цыгане водили ее въ Алжиръ, страну, лежащую въ Ахайи, которая съ одной стороны граничитъ Малой Албаніей и Греціей, а съ другой — Сицилійскимъ моремъ, которое ведетъ въ Константинополь. Цыгане, говорилъ Гренгуаръ, вассалы короля алжирскаго, какъ главы бѣлыхъ мавровъ. Но всего вѣрнѣе то, что Эсмемальда прибыла во Францію еще ребенкомъ, черезъ Венгрію. Изъ всѣхъ этихъ странъ, молодая дѣвушка усвоила отрывки нарѣчій, пѣсенъ и мыслей, которыя дѣлали ея рѣчь столь же странною какъ и ея костюмъ, полу-парижскій и полу-африканскій. Впрочемъ народъ любилъ ее за веселость, легкость, быстрыя движенія и пѣсни. Во всемъ городѣ у ней было только двое враговъ, о которыхъ она и вспоминала съ ужасомъ. Затворница башни Роланда, которая за что-то зла на всѣхъ цыганъ и всякій разъ осыпаетъ проклятіями бѣдную танцовщицу, и какой-то священникъ, который всякій разъ пугаетъ ее своими взглядами и словами. Последнее обстоятельство смутило архидіакона, но Гренгуаръ не замѣтилъ его смущенія. Два послѣдніе мѣсяца совершенно изгладили изъ его памяти тотъ вечеръ, когда онъ встрѣтилъ Эсмемальду и видѣлъ у костра архидіакона. Впрочемъ танцовщица ничего не боялась; она никогда не гадала, что избавляло ее отъ обвиненія въ колдовствѣ, которому такъ часто подвергались цыгане. Ктому же Гренгуаръ былъ ея братомъ, если не мужемъ. Философъ очень терпѣливо переносилъ это платоническое супружество. Оно все-таки давало ему кровь и пищу. Каждое утро онъ почти всегда отпраплялся съ цыганкой; помогалъ ей дѣлать сборъ, провожалъ вечеромъ домой, видѣлъ, какъ она запираетъ дверь и засыпалъ сномъ праведника. Существованіе какъ видите пріятное и побуждающее къ мечтательности. Ктому же, говоря по совѣсти, философъ не чувствовалъ себя слишкомъ влюбленнымъ въ цыганку. Онъ почти столько же любилъ ея козочку. Эго славное животное, тихое, ласковое, умное и ученое. Въ средніе вѣка эти ученые животныя встрѣчались очень часто, были предметомъ удивленія и нерѣдко возводили на костеръ своихъ хозяевъ. Однакожь фокусы козочки съ золотыми копытцами были самые невинные. Гренгуаръ объяснилъ ихъ архидіакону, котораго очень интересовали всѣ эти подробности. Стоило только по-

дать известнымъ образомъ тамбуринъ козочкѣ, чтобъ она сдѣлала какую-нибудь штучку. Всему этому научила ее цыганка, которая такъ хорошо умѣетъ взятыся за дѣло, что въ два мѣсяца выучила козу составлять изъ складныхъ буквъ слово: «Фебъ.»

— Фебъ? спросилъ архидіаконъ: — почему именно Фебъ?

— Не знаю; она вѣрно думаетъ, что это слово имѣетъ магическій смыслъ, потому что всегда произноситъ его вполголоса, когда остается одна.

— Увѣрены ли вы, спросилъ Клодь съ своимъ проницательнымъ взглядомъ: — что это просто слово, а не собственное имя?

— Чье имя? спросилъ поэтъ.

— Почему же я знаю? отвѣчалъ священникъ.

— А знаете ли что? Вѣдь цыгане немножко гвевры, они обожаютъ солнце; вотъ откуда произошло слово Фебъ. Очень просто.

— Ну, мнѣ это не кажется такъ просто, Пьеръ.

— Впрочемъ что мнѣ за дѣло. Пусть ее бормочетъ про своего Феба. Теперь я увѣренъ, что Джали любить меня почти столько же, сколько и ее.

— Кто это Джали?

— А коза-то.

Архидіаконъ опустилъ голову на руку и задумался. Вдругъ онъ обратился къ Гренгуару.

— И ты клянешься мнѣ, что не прикасался къ ней?

— Къ кому? къ козѣ?

— Нѣтъ, къ этой женщинѣ?

— Къ моей женѣ? клянусь, что нѣтъ.

— А часто ты бываешь наединѣ съ нею?

— Около часа каждый вечеръ.

Клодь нахмурилъ брови.

— О, о! *Solus cum sola non cogitabuntur orare Pater noster.*

— Клянусь честью, что могу прочесть *Pater, Ave* и *Credo in Deum*, а она все-таки будетъ обращать на меня такое же вниманіе, какъ курица на церковь.

— Клянись мнѣ утробой своей матери, продолжалъ архидіаконъ: — что ты пальцемъ не притронулся къ этой женщинѣ.

— Я готовъ поклясться и головою отца вдобавокъ, потому что между обоими предметами было нѣкоторое соотношеніе; но почтенный отецъ позвольте мнѣ въ свою очередь сдѣлать одинъ вопросъ.

— Говорите.

— Что вамъ за дѣло до всего этого?

Блѣдное лицо архидьякона запыхало какъ щеки молодой дѣвушки. Онъ помолчалъ съ минуту и отвѣчалъ съ замѣтнымъ смущеніемъ.

— Послушайте, Пьеръ, вы вѣдь еще неотступникъ. Я принимаю въ васъ участіе и желаю вамъ добра. Малѣйшее прикосновеніе къ этой проклятой цыганкѣ можетъ поработить васъ сатанѣ. Вы знаете, что тѣло всегда губить душу. Горе вамъ, если вы приблизитесь къ этой женщинѣ!

— Я попробовалъ—было разъ, сказалъ Гренгуаръ, почесывая за ухомъ: — это было въ день свадьбы; но укололся.

— У васъ хватило дерзости?

И чело священника снова нахмурилось.

— Въ другой разъ, продолжалъ поэтъ улыбаясь: — я заглянулъ въ замочную скважину и увидѣлъ на постелѣ прелестнѣйшую женщину въ сорочкѣ.

— Убирайся къ чорту! вскричалъ священникъ, оттолкнувъ восторженнаго Гренгуара и удаляясь въ самое темное мѣсто собора.

III

КОЛОКОЛА

Со дня наказанія сосѣдніе жители собора замѣтили, что страсть Квазимодо къ звону значительно уменьшилась. Прежде трезвонъ раздавался при каждомъ случаѣ; роскошныя гамы переливались въ воздухъ во время похоронъ и во время крестинъ. Старая церковь всегда была полна праздничнаго гула. Постоянно въ ней чувствовалось присутствіе генія шума и прихоти, говорящаго своими мѣдными языками. Теперь духъ этотъ исчезъ; соборъ сдѣлался мраченъ и молчаливъ; во время праздниковъ и похоронъ раздавался только обыкновенный звонъ, требуемый обычаемъ; изъ двойного пѣнія церкви посредствомъ колоколовъ и органа осталось только одно. Можно было подумать, что колокольна лишилась своего музыканта. Квазимодо однакожь былъ тамъ; что же съ нимъ сдѣлалось? Помнилъ ли онъ еще стыдъ и обиды на позорномъ столбѣ и не убили ли въ немъ удары палача послѣдней страсти, — страсти къ колоколамъ? Или у Маріи появилась соперница въ сердцѣ Квазимодо, и

она съ четырнадцатью подругами покинута была для существа болѣе любезнаго и прекраснаго?

Въ блаженной памяти 1482 году благовѣщеніе случилось во вторникъ 25 марта. Въ этотъ день воздухъ былъ такъ чистъ и прозраченъ, что Квазимодо почувствовалъ прежнее влеченіе къ колоколамъ. Онъ взлѣзъ на восточную башню, между-тѣмъ какъ прислужникъ широко растворялъ двери храма, которыя были тогда изъ плотнаго дерева, крытаго кожей, обитые золоченными гвоздиками и обрамлены скульптурными украшеніями.

Взобравшись наверхъ, Квазимодо грустно взглянулъ на шесть колоколовъ, какъ бы сожалѣя, что что-то постороннее стало между нимъ и ими. Но когда онъ почувствовалъ, что они закачались подъ его рукою, когда онъ увидѣлъ, потому что слышать не могъ, какъ трепетная октава пробѣжала по этой звуковой лѣстницѣ, какъ птица перепрыгивающая съ вѣтки на вѣтку, когда демонъ музыки овладѣлъ глухимъ человѣкомъ, онъ снова сталъ счастливъ, позабылъ все, и лицо его просвѣтлѣло.

Онъ лазилъ взадъ и впередъ, билъ въ ладоши, перескакивалъ отъ одной веревки къ другой, ободрялъ своихъ пѣвчихъ голосомъ и жестомъ, какъ капельмейстеръ оркестръ.

— Хорошо, хорошо, Габріэль, выливай полные звуки на площадь, сегодня праздникъ. Тибо, не лѣнись, что это, — развѣ ты заржавѣлъ лѣнтій! Хорошо, скорѣе! скорѣе! чтобъ не было видно языка! Оглушай ихъ всѣхъ какъ меня. Хорошо, Тибо, такъ! Гильомъ, Гильомъ, ты больше всѣхъ, а Паскъе самый маленькій да звонить лучше тебя. Хорошо, хорошо, Габріэль! шибче! громче! Э, что вы тамъ дѣлаете, вы двое? Я не слышу ни малѣйшаго шума. Ишь мѣдные рты зѣваютъ, когда нужно пѣть? Работать! Сегодня благовѣщеніе. Солнце свѣтитъ, нуженъ хорошій трезвонъ. Бѣдняжка, Гильомъ! Какъ ты усталъ, толстякъ!

Такъ ободрялъ онъ свои колокола, которые прыгали и поднимали свои блестящія спины какъ испанскіе мулы подъ рукою вожатаго.

Вдругъ опустивъ глаза на площадь, онъ увидѣлъ дѣвушку странно одѣтую, растилающую на мастовой коверъ, на которомъ уже стояла козочка; вокругъ составила толпа зрителей. Это зрѣлище мигомъ измѣнило ходъ его мыслей и оледѣнило музыкальный энтузіазмъ, какъ токъ воздуха растопленную смолу. Онъ повернулся спиною къ колоколамъ и устремилъ на дѣвушку тотъ нѣжный и задумчивый взглядъ, который уже поразилъ архидьякона. Между-тѣмъ колокола,

предоставленные самимъ себѣ, вдругъ замолкли къ величайшему удивленію любителей праздничнаго звона, собравшихся на мосту О-Шанжъ. Они разошлись съ удивленнымъ видомъ собаки, которой показали кость, а дали камень.

IV

А Н А Г К И

Случилось такъ, что въ одно прекрасное утро того же марта мѣсяца, школьникъ Жанъ Фролло, одѣваясь поутру, замѣтилъ, что кошелекъ его не издаетъ никакого звука.

— Бѣдный! сказалъ онъ : — какъ истожили тебя кости, пиво и Венера! Спрашивается, какая мнѣ польза, что я знаю лучше всякаго мѣнялы, сколько ходитъ золотой экю. О, Цицеронъ, изъ этого бѣдствія не выпутаешься перифразой, *quemadmodum* и *verumtamen* !

Онъ печально одѣлся. Когда онъ зашнуровывалъ уже ботинки, ему пришла одна мысль, но онъ оттолкнулъ ее; она однакоже возвратилась. Онъ надѣлъ жилетъ наизнанку, — явный признакъ душевной тревоги. Наконецъ онъ бросилъ шапку на полъ и вскричалъ :

— Будь что будетъ! Отправляюсь къ брату : проповѣдь будетъ, но будетъ и экю.

Онъ поспѣшно dokonчилъ туалетъ, поднялъ шапку и вышелъ.

Когда онъ проходилъ мимо улицы Гюшетъ, обоняніе его было пріятно поражено запахомъ жаркаго; онъ съ любовью взглянулъ на вертела, вырвавшіе однажды у кордельера Калатажирона патетическое восклицаніе: *Veramente, queste rotisserie son cosa stupenda!* У Жана не было денегъ на завтракъ и онъ со вздохомъ прошолъ подъ ворота малаго Шателе.

Онъ даже не остановился, чтобъ бросить камень по принятому обыкновенію въ несчастную статую Перине Леклерка, предавшаго Парижъ англичанамъ при Карлѣ VI, за что его статуя въ продолженіе трехъ вѣковъ получала въ лицо камня и грязь на углу улицъ Лагарпъ и Бюсси.

Когда Жанъ подошелъ къ собору, нерѣшимость его снова прос-

нулась; онъ долго ходилъ передъ порталомъ, повторяя съ тоскою: «Проповѣдь неизбежна, а эю очень сомнителенъ!»

Онъ остановилъ сторожа, выходящаго изъ церкви.

— Гдѣ архидьяконъ?

— Кажется въ своей башнѣ и не совѣтую вамъ беспокоить его, если вы пришли не отъ самаго короля или святѣйшаго папы.

Жанъ хлопнулъ въ ладоши. Вотъ прекрасный случай увидѣть гдѣ дѣлаются колдовства!

Укрѣпившись этимъ рѣшеніемъ, онъ храбро сталъ взбираться по винтовой лѣстницѣ. — Любопытная вещь должна быть эта келья, которую мой братецъ прячетъ отъ всѣхъ, какъ любовницу! Говорятъ, онъ разводилъ въ ней адскій огонь и кипятилъ философскій камень. По мнѣ, — къ чорту всѣ философскіе камни! Я былъ бы очень радъ найти на ихъ мѣстѣ яичницу съ лукомъ!

Дойдя до галереи статуй, онъ остановился, выбралилъ безконечную лѣстницу, пославъ ей цѣлый обозъ чертей, потомъ направился къ восточной башнѣ, теперь недоступной для зрителей. Пройдя площадку звонаря, онъ увидѣлъ низенькую дверь съ огромнымъ желѣзнымъ засовомъ. Лица, желающія теперь видѣть эту дверь, узнаютъ ее по надписи бѣлыми буквами на черной стѣнѣ: *J'adore Coralie, 1823, signé Ugène. Signé* стоитъ въ текстѣ.

— Уфъ! сказалъ школьникъ, вѣроятно здѣсь. Ключъ былъ въ замкѣ. Онъ слегка толкнулъ дверь и просунулъ въ нее голову.

Читатель вѣроятно знакомъ съ твореніями Рембранта, этого Шекспира въ живописи. Въ числѣ многихъ вещей, есть одна, изображающая доктора «Фауста», на которую рѣшительно нельзя смотрѣть равнодушно. Она изображаетъ темную комнату, посрединѣ столъ съ черепами, глобусами, компасами, іероглифическими пергаментами. Докторъ сидитъ за столомъ въ своемъ толстомъ плащѣ и мѣховой шапкѣ. Его видно только въ половину. Онъ привсталъ съ своего огромнаго кресла; сжатые кулаки опираются объ столъ, и онъ съ любопытствомъ и ужасомъ разсматриваетъ свѣтлый кругъ магическихъ буквъ, блистающій на внутренней стѣнѣ какъ свѣтящійся призракъ въ темной комнатѣ. Это кабалистическое солнце наполняетъ своимъ трепетнымъ свѣтомъ комнату. Это чудно и страшно!

Нѣчто подобное комнатѣ Фауста представилось глазамъ Жана, когда онъ просунулъ голову въ дверное отверстіе. Это также была темная, едва освѣщенная келья. Былъ также столъ, огромное кре-

сло, компасы, скелеты животныхъ, привѣшенные къ потолку, глобусъ, на полу бокалы, на днѣ которыхъ листки золота, черепа поставленные на листы испещренные знаками и буквами, огромные манускрипты, однимъ словомъ, всѣ грязные атрибуты науки, пополамъ съ пылью и паутиной; недоставало только пылающихъ буквъ и доктора въ экстазѣ, смотрящаго какъ орелъ на солнце.

Между тѣмъ келья была не пуста. За столомъ сидѣлъ низко нагнувшись человекъ. Жану видна была только часть его спины и затылокъ, но онъ тотчасъ узналъ эту лысую голову, на которую сама природа наложила вѣчное постриженіе, какъ бы указывая на неизбѣжность духовной карьеры для архидіакона.

Жанъ узналъ своего брата, но дверь отворилась такъ тихо, что Клодъ не замѣтилъ. Любопытный школьникъ воспользовался этимъ, чтобъ на досугѣ осмотрѣть келью. Широкая печь, которой онъ сначала незамѣтилъ, была влѣво отъ кресла, подъ окномъ. Свѣтъ проходилъ въ это окно черезъ паутину, образовавшую тонкую розетку, въ серединѣ которой сидѣлъ самъ архитекторъ. На печи валялись сосуды глиняные и хрустальные всѣхъ сортовъ и видовъ. Жанъ съ горестью замѣтилъ, что не было ни одной сковороды. Хороши кухонные аппараты! подумалъ онъ.

Впрочемъ, въ печи не было и огня, видно было даже, что его уже давно не разводятъ. Стекланная маска, которая вѣроятно надѣвалась на лицо, чтобы предохранить его отъ вредныхъ испареній, была покрыта густымъ слоемъ пыли. Рядомъ съ нею лежали такіе же пыльные мѣхи, на верхней части которыхъ была надпись: *spira, spira*.

Много легендъ было написано на стѣнахъ, по обычаю герметиковъ, однѣ чернилами, другія остриемъ метала. Буквы были готическія, еврейскія, греческія и латинскія; новыя надписи уничтожали старыя, всѣ перепутывались одна съ другою, какъ листья кустарника. Это было странное смѣшеніе всѣхъ философій, всѣхъ мечтаній, всей мудрости человѣческой. Нѣкоторыя возвышались надъ прочими, какъ знамя надъ копьями. По большей части, это были краткія греческія или латинскія фразы, такъ хорошо формулируемыя въ средніе вѣка: *Unde? inde? Homo homini monstrum. Astra, castra, poenen, poenen. Sapere aude. Fiat ubi vult* и т. д. Иногда же простое правило монастырской дисциплины, выраженное гекзаметромъ. Были также еврейскія надписи, которыхъ Жанъ уже вовсе не понималъ, и все это перемѣшивалось со звѣздами, изображениями

людей и животныхъ, треугольниками, что дѣлало стѣну кельи похожею на листъ бумаги, по которому обезьяна водила перомъ.

Общій видъ показывалъ, что хозяинъ кельи давно уже отвлеченъ отъ занятій посторонними мыслями.

Хозяинъ этотъ, пристально смотрѣвшій въ огромную рукопись съ странными знаками, казалось былъ подъ вліяніемъ какой-то неотступной и мучительной мысли. Жанъ заключилъ это по нѣкоторымъ восклицаніямъ, вырвавшимся у него какъ во снѣ :

— Да, Ману это говорить и самъ Зороастръ училъ! Солнце рождается отъ огня, луна отъ солнца, огонь душа всего; его элементарные атомы постоянно изливаются на міръ безчисленными потоками; на тѣхъ точкахъ гдѣ эти потоки пересѣкаются въ небѣ, они образуютъ свѣтъ; на точкахъ столкновения подъ землею производятъ золото. Свѣтъ, золото — одно и тоже! Огонь въ конкретномъ состояніи не что иное какъ разница между видимымъ и осязаемымъ, между жидкимъ и твердымъ тѣломъ одной субстанции. Это не мечта, это общій законъ природы. Но это общій законъ? Какъ! этотъ свѣтъ, падающій на мою руку, золото! всѣ эти атомы, разбросанные по извѣстному закону, стоитъ только соединить по другому. — Что дѣлать? Нѣкоторые собирались закопать въ землю солнечный лучъ. Аверроэсъ, — да это Аверроэсъ — Аверроэсъ зарылъ одинъ лучъ подъ первымъ столбомъ наѣво, въ большой мечети въ Кордовѣ, но поднять плиту можно только черезъ восемь тысячъ лѣтъ.

— Чортъ побери, пробормоталъ Жанъ, долго ждать пока онъ обратится въ эю.

— Другіе думали, продолжалъ архидіаконъ, что лучше дѣлать наблюденія надъ лучомъ Сириуса. Но этотъ лучъ трудно получить чистымъ, по причинѣ примѣшивающихся къ нему лучей отъ другихъ звѣздъ. Фламель думалъ, что лучше наблюдать надъ земнымъ огнемъ. Фламель, какое имя! Flamma! — Да, огонь все. Алмазъ въ углѣ, золото въ огнѣ. Но какъ его достать? Магистри говорятъ, что есть женскія имена такіа сладкія и таинственныя, что стоитъ только произнести ихъ во время операціи. Прочтемъ, что говоритъ Ману: гдѣ уважаются женщины, тамъ и божества радуются; гдѣ ихъ презираютъ, тамъ не стоитъ и молиться Богу. Уста женщины всегда чисты: это проточная вода, это лучъ солнца. Имя женщины должно быть пріятно, сладко, таинственно; должно оканчиваться долгими гласными и походитъ на слова благословенія. Да, мудрецъ правъ: въ самомъ дѣлѣ, Марія, Софія, Эсмераль... Проклятіе! опять эта мысль!

И онъ съ силой захлопнулъ книгу.

Онъ провелъ рукой по лбу, какъ бы желая прогнать докучную мысль; потомъ взялъ со стола гвоздь и молотокъ, ручка котораго испещрена была кабалистическими знаками.

— Съ нѣкотораго времени, сказалъ онъ съ горькой улыбкой, мнѣ не удается ни одинъ опытъ! Неотступная мысль изсушила мой умъ. Я не могъ даже отыскать секретъ Касіодора, у котораго лампа горѣла безъ свѣтильни и масла. Вещь между тѣмъ очень простая.

— Вотъ какъ .. пробормоталъ Жанъ.

— Достаточно одной ничтожной мысли, продолжалъ священникъ, чтобъ сдѣлать человѣка слабымъ и безумнымъ! О, какъ бы посмѣялась надо мной Клодъ Пернель, которой не удалось отвлечь ни на одну минуту Фламея отъ великаго дѣла! Какъ! у меня въ рукахъ волшебный молотъ, отъ каждаго удара котораго, въ рукахъ его перваго владѣтеля, каждый его врагъ, гдѣ бы онъ ни былъ, уходилъ на аршинъ въ землю. Самъ король Франціи, зато что не во время поступался къ ученому, ушелъ по колѣна въ парижскую мостовую. Этому не прошло еще трехъ вѣковъ. Вотъ этотъ молотокъ и гвоздь въ моихъ рукахъ, но какъ они безвредны! Между тѣмъ, стоитъ только отыскать магическое слово.

— Шутка! подумалъ Жанъ.

— Попробуемъ, сказалъ архидіаконъ; — въ случаѣ успѣха, вылетитъ синяя искра. Эмень Гетанъ! Эмень Гетанъ! Не то. — Сижеани! Сижеани! Чтобы гвоздь этотъ разверзъ землю подъ ногами того, кто носитъ имя Феба! Проклятіе! вѣчно эта мысль!

И онъ съ гнѣвомъ отбросилъ молотъ и такъ склонился надъ столомъ, что Жанъ не могъ видѣть его за спинкой кресла. Нѣсколько времени видѣнъ былъ только его кулакъ, судорожно сжатый надъ книгой. Вдругъ Клодъ приподнялся, взялъ компасъ, и молча вырѣзалъ на стѣнѣ слово: *Ανάκλη*.

— Мой братъ сошелъ съ ума, сказалъ про себя Жанъ: — гораздо проще было бы написать *Fatum*; не всякій обязанъ знать погречески.

Архидіаконъ снова опустился въ кресло и положилъ голову на руки, какъ больной, у котораго голова въ огнѣ.

Школьникъ съ удивленіемъ слѣдилъ за братомъ. Онъ, у котораго сердце всегда было на ладони, который не признавалъ въ жизни никакого закона, кромѣ закона природы; онъ, у котораго не было сильныхъ ощущеній, потомучто они быстро смѣнялись, — онъ

не могъ понять съ какой злобой бушуетъ это море страстей , когда ему не даютъ выхода ; какъ оно вздымается и точитъ сердце , какъ вырывается внутренними рыданіями и глухими конвульсіями , пока не опрокинетъ всѣхъ преградъ и не выйдетъ наружу . Ледяная наружность Клода Фролло обманула его . Школьникъ и неподозрѣвалъ какая кипучая лава хранится подъ ледяной поверхностью Этны .

Понялъ ли онъ это вполнѣ , неизвѣстно ; только онъ догадался , что видѣлъ то , чего не слѣдовало видѣть , что передъ нимъ раскрылись сокровеннѣйшіе изгибы души Клода и что не надо было дать ему замѣтить , что въ кельѣ былъ свидѣтель . Видя , что архидіаконъ погрузился въ прежнюю неподвижность , онъ тихонько высвободилъ голову и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ за дверью .

— Войдите ! крикнулъ архидіаконъ съ своего мѣста : — я ждалъ васъ . Я нарочно оставилъ ключъ у двери ; войдите Жакъ .

Школьникъ смѣло вошелъ . Архидіаконъ , которому было весьма неприятно встрѣтить его въ этомъ мѣстѣ , вздрогнулъ на своемъ креслѣ .

— Какъ ! это ты Жанъ ?

— Имя все-таки начинается на Ж , нагло отвѣчалъ школьникъ .

Лицо Клода приняло строгое выраженіе .

— Зачѣмъ вы пришли сюда ?

— Братецъ , началъ Жанъ , стараясь впасть въ жалобный и приличный тонъ и вертя въ рукахъ шляпу , съ видомъ невинности : — я пришелъ просить у васъ...

— Чего ?

— Совѣтовъ , въ которыхъ я очень нуждаюсь . И денегъ , которыхъ мнѣ еще болѣе нужно , закончилъ онъ мысленно .

— Я очень доволенъ вами , сухо сказалъ архидіаконъ .

— Увы !

Клодъ повернулся въ креслѣ и пристально взглянулъ на Жана .

— Я очень доволенъ , что вы мнѣ попались .

Вступленіе было страшно .

— Жанъ , мнѣ каждый день приносятъ на васъ жалобы . Что это за выходка избить палками этого виконтика де Рамоншонъ .

— Важное дѣло ! негодный пажишка , который нарочно ѣздитъ по грязи , чтобы брызгать на школьниковъ .

— А какъ идетъ вашъ латинскій языкъ ?

Жанъ промолчалъ .

— Да, продолжалъ священникъ, качая головою : — вотъ какъ идетъ теперь ученье. Латинскій языкъ едва понимаютъ, сирийскаго вовсе не знаютъ, а греческимъ пренебрегаютъ до такой степени, что ученый не постыдится пропустить не читая греческое слово : *Græcum est, non legitur*.

Школьникъ съ рѣшимостью поднялъ глаза.

— Хотите, братецъ, я объясню вамъ на чисто-французскомъ языкѣ, что значитъ греческое слово, написанное на этой стѣнѣ?

— Какое слово?

— *Ανάκλη*.

Легкая краска покрыла щеки архидіакона, какъ легкій дымъ, возвѣщающій изверженіе волкана. Школьникъ этого не замѣтилъ.

— Ну, Жанъ, съ замѣшательствомъ произнесъ старшій братъ : — чтоже значитъ это слово?

— *Fatalité*.

Клодь снова поблѣднѣлъ, а школьникъ продолжалъ съ безпечнымъ видомъ :

— А другое слово, написанное ниже, значитъ нечистота. Вы видите, что я знаю погречески.

Архидіаконъ молчалъ. Этотъ урокъ греческаго языка повергъ его въ задумчивость. Жанъ, изучившій всѣ уловки балованнаго дитяти, разсудилъ что настала благоприятная минута для просьбы.

Онъ началъ самымъ сладкимъ голосомъ :

— Братецъ, неужели вы способны возненавидѣть меня за нѣсколько толчковъ, данныхъ совершенно честно въ открытой войнѣ нѣкоторымъ негодяямъ. Вѣдь нѣтъ, любезный братъ?

Лицемѣріе однакожь не произвело ожидаемаго дѣйствія. Церберъ не дотронулся до сладкаго пирога. Чело архидіакона осталось мрачнымъ.

— Къ чему все это клонится? сухо спросилъ онъ.

— Ну, къ дѣлу! смѣло сказалъ Жанъ; мнѣ нужно денегъ!

При этомъ нагромъ признаніи, лицо архидіакона приняло со-всѣмъ педагогическое и отеческое выраженіе.

— Вы знаете, Жанъ, что наше имѣніе привоситъ намъ не-многого дохода.

— Мнѣ нужно денегъ, стоически продолжалъ Жанъ.

— Вы знаете, что мнѣ нужно еще заплатить...

— Я знаю, что мнѣ нужны деньги, повторилъ въ третій разъ Жанъ.

— На что они вамъ?

Этотъ вопросъ подалъ школьнику нѣкоторую надежду. Онъ снова прибѣгнулъ къ кошачьимъ уловкамъ.

— Любезный братецъ, я бы не обратился къ вамъ ради дурного дѣла. Деньги мнѣ нужны не для того, чтобъ красоваться въ тавернахъ или развѣзжать по улицамъ въ сопровожденіи моего лакея, *cum meo laquasio*. Нѣтъ, я хочу сдѣлать доброе дѣло.

— Какое это? спросилъ удивленный Клодъ.

— Двое моихъ товарищей хотятъ сложиться въ пользу одного сироты; нужно три флорина; я тоже хотѣлъ бы войти въ долю.

— Какъ зовутъ этихъ друзей?

— Пьеръ Карачунъ и Батистъ Неклади—плохо.

— Гм... Какъ эти имена идутъ къ доброму дѣлу.

На самомъ дѣлѣ, Жанъ промахнулся; онъ самъ почувствовалъ это, но поздно.

— Да и почему нужно именно три флорина?

— *Ахууеа*, сказалъ Жанъ.

— Ну такъ, мнѣ нужны деньги чтобъ идти вечеромъ въ Вальд'амуръ, къ Изабо ла Тьерей.

— Развратникъ! вскрикнулъ архидіаконъ.

Жанъ перевелъ тоже слово погречески.

Этотъ намекъ на стѣнную надпись произвелъ странное дѣйствіе на Клода. Онъ покраснѣлъ и закусилъ губы.

— Убирайтесь вонъ; я жду посятителей.

Школьникъ попробовалъ еще одно средство.

— Братъ Клодъ, дайте мнѣ хотя самую малость на обѣдъ.

— Сколько вы прошли изъ постановленій Граціана? спросилъ Клодъ.

— Я потерялъ тетради.

— А изъ латинской словесности?

— У меня украли Горація.

— А каково идетъ Аристотель?

— Боже-мой, братецъ, не помните ли вы какой отецъ церкви сказалъ, что заблужденія еретиковъ всегда имѣли приближище въ аристотелевой метафизикѣ? Ну его, Аристотеля! Не хочу я портить своей вѣры его метафизикой.

— Молодой человѣкъ! при последнемъ вѣздѣ короля, въ его свитѣ былъ одинъ дворянинъ Филипъ де Комминъ, и на чепракѣ

его лошади было вышито изрѣченіе, которое я совѣтую вамъ облудать: *Qui non laborat non manducet.*

Школьникъ постоялъ съ минуту, опустивъ глаза и почесывая за ухомъ. Вдругъ онъ быстро повернулся къ Клоду.

— И такъ, любезный братъ, вы не хотите дать мнѣ одного су на хлѣбъ?

— *Qui non laborat non manducet.*

При этомъ непреклонномъ отвѣтѣ, Жанъ закрылъ лицо руками, какъ плачущая женщина и вскричалъ отчаяннымъ голосомъ: «*O totototoi!*»

— Что это значить! спросилъ удивленный Клодъ.

— Какъ что! нагло спросилъ школьникъ, устремивъ на брата глаза, которые изо всей мочи натеръ кулаками; — это анапестъ Эхила, совершенно выражающій скорбь.

И онъ расхохотался такъ громко, что даже архидіаконъ не могъ удержаться отъ улыбки. Это моя вина, подумалъ онъ; зачѣмъ я такъ избаловалъ этого ребенка.

— О, милый братъ! продолжалъ Жанъ; ободренный этой улыбкой: — посмотрите на мои худые башмаки. Что можетъ быть на свѣтѣ хуже того, когда подошва показываетъ языкъ!

Архидіаконъ снова принялъ строгій видъ.

— Я пришлю вамъ башмаки, но денегъ вы не получите.

— Хотя самую малость, братецъ, умолялъ Жанъ. Я выучу наизусть Граціана, буду самымъ вѣрующимъ, сдѣлаюсь настоящимъ Пифагоромъ въ наукѣ и добродѣтели. Только дайте немного денегъ! Голодъ разверзаетъ передо мной свою пасть чернѣе, глубже самого тартара.

Клодъ покачалъ головою.

— *Qui non laborat...*

Жанъ не далъ ему докончить.

— Ну, такъ къ черту! вскричалъ онъ, да здравствуетъ веселье! Буду ходить по кабакамъ, драться, кутить съ женщинами!

Онъ бросилъ шапку въ стѣну и сталъ прищелкивать пальцами.

Архидіаконъ мрачно посмотрѣлъ на него.

— Жанъ, у васъ нѣтъ души.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ, по мнѣнію Эпикура, недостаетъ чего-то, состоящаго изъ неизвѣстно чего и неизмѣющаго имени.

— Жанъ, вамъ нужно серьезно подумать объ исправленіи; вы идете по скользкому пути. Знаете ли вы куда вы идете?

— Въ кабакъ.

— Кабакъ ведетъ къ позорному столбу.

— Чѣмъ же этотъ фонарь хуже другого; съ нимъ Діогенъ можетъ-быть и нашолъ бы человѣка.

— Позорный столбъ ведетъ къ висѣлицѣ.

— Висѣлица — вѣсы; на одномъ концѣ человѣкъ, а на другомъ земля. Приятно сознавать себя человѣкомъ.

— Висѣлица ведетъ въ адъ.

— Тамъ очень тепло.

— Жанъ, Жанъ, вы кончите дурно!

— Зато начало было хорошо.

Въ эту минуту раздалися шаги на лѣстницѣ.

— Тише! сказалъ Клодъ, идетъ Жакъ. Слушайте, Жанъ, прибавилъ онъ шопотомъ: — сохрани васъ Богъ разболтать то что вы увидите и услышите. Спрячьтесь подъ эту жаровню и не шевелитесь.

Школьникъ спрятался; ему пришла счастливая мысль.

— Кстати, братецъ, дайте флоринъ за скромность.

— Молчите, дамъ.

— Ну, такъ давайте.

— Бери! съ гнѣвомъ вскричалъ архидіаконъ, бросая ему кошелекъ. Жанъ спрятался, и дверь растворилась.

V

ДВѢ ЛИЧНОСТИ ВЪ ЧЕРНОМЪ

Вошедшій былъ въ черной одеждѣ и съ мрачнымъ лицомъ. Что прежде всего поразило Жана (который конечно устроился такъ чтобы все было видно), это была мрачность костюма и самой личности новопривышшаго. Въ лицѣ его была правда нѣкоторая кротость, но кротость кошки или судьи. Онъ былъ сѣдъ, весь въ морщинахъ, лѣтъ около шестидесяти, моргалъ глазами; брови у него были бѣлыя, губы отвислыя, руки большія. Когда Жанъ увидѣлъ, что это былъ не кто иной, какъ какой-нибудь докторъ и что у него носъ очень далеко отъ рта, несомнѣнный признакъ глупости, онъ забился въ свой уголъ и отъ души пожалѣлъ, что придется провести время въ такомъ плохомъ обществѣ и въ такомъ неудобномъ положеніи.

Архидіаконъ даже не привсталъ для своего гостя. Онъ сдѣлалъ ему знакъ сѣсть на скамью близъ двери, и помолчавъ немного, сказалъ покровительственнымъ тономъ :

— Здравствуйте, Жакъ!

— Здравствуйте, отвѣчалъ черный человѣкъ.

Въ этихъ двухъ привѣтствіяхъ было большое различіе, какъ между ученикомъ и учителемъ.

— Чтоже, успѣваете вы? спросилъ учитель послѣ новаго молчанія.

— Увы! отвѣчалъ тотъ жалобнымъ голосомъ: — выходитъ множество золы, но ни одной песчинки золота.

Клодъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Я не о томъ говорю съ вами, Жакъ Шармолю, но о процессѣ вашего колдуна. Кажется, его зовутъ Маркъ Сененъ? Удалась ли вамъ пытка?

— Увы! нѣтъ, отвѣчалъ Жакъ съ своей печальной улыбкой; мы не имѣемъ этого утѣшенія. Этотъ человѣкъ кремень: его придется сварить, прежде чѣмъ онъ скажетъ хоть одно слово. Однакожъ, мы дѣлаемъ все, чтобы добиться истины. Онъ ужь совсѣмъ изувѣченъ, но не признался ни въ чемъ.

— Вы не отыскали ничего новаго въ его домѣ?

— Какже, вотъ этотъ пергаментъ. Мы никакъ не могли разобратъ, что въ немъ написано, а между тѣмъ уголовный адвокатъ Лелье знаетъ немного поеврейски; онъ научился во время процесса жидовъ въ Брюсселѣ.

Говоря такимъ образомъ, Жакъ развертывалъ пергаментъ.

— Дайте, сказалъ архидіаконъ.

— Да, это чистое колдовство. Эмень Гетанъ! это крикъ вѣдьмъ когда онѣ слетаются на шабашъ. *Per ipsum, et cum ipso, et in ipso!* этой фразой дьяволъ повергается въ тартаръ. Нах, рах, тах! это изъ медицины заклинаніе отъ укушенія бѣшеной собаки. Жакъ, вы духовный королевскій прокуроръ: этотъ пергаментъ ужасенъ.

— Мы снова подвергнемъ виновнаго пыткамъ. Вотъ еще, — это мы тоже нашли у Марка Сенена.

Это былъ сосудъ очень похожій на тѣ, которые стояли у архидіакона. А, сказалъ онъ: — алхимическій аппаратъ!

— Признаюсь, отвѣчалъ Жакъ, съ своей неуклюжей улыбкой: — я уже пробовалъ его, но результата не вышло.

Архидіаконъ началъ разсматривать сосудъ.

— Что тут вырѣзано! Och! Och! слово прогоняющее блохъ! Этотъ Маркъ Сенень невѣжда! Конечно, въ этомъ вы не получите золота! можете ставить его, лѣтомъ, у своей постели!

— Если ужъ зашло дѣло объ ошибкахъ, сказалъ Жакъ, такъ вотъ я сейчасъ изучалъ порталъ, прежде чѣмъ войти сюда; увѣрена ли ваша милость, что изъ семи нагихъ фигуръ у ногъ Богоматери, та, у которой на пяткахъ крылья, изображаетъ Меркурія?

— Да, отвѣчалъ священникъ. Это утверждаетъ Августивъ Нифо, итальянскій докторъ, которому служилъ бородатый дьяволъ. Впрочемъ, сойдемте, я объясню вамъ все по тексту.

— Благодарю, отвѣчалъ Жакъ, поклонившись чуть не до земли. Кстати! я позабылъ. Когда прикажете задержать маленькую колдунью?

— Какую колдунью?

— Да ту цыганку, которая всегда приходитъ на соборную площадь, несмотря на запрещеніе. У ней есть коза, которая пишетъ, знаетъ математику и можетъ привести къ висѣлицѣ всѣхъ-цыганъ на свѣтъ. Процессъ уже готовъ; онъ пойдетъ у насъ живо! А прехорошенькая эта танцовщица! Какіе глаза! точно раскаленные угли! Когда начать процессъ?

Архидіаконъ былъ страшно блѣденъ.

— Я вамъ скажу! произнесъ онъ едва слышнымъ голосомъ; потомъ съ усиленіемъ прибавилъ: — займитесь Маркомъ Сененомъ.

— Будьте покойны, отвѣчалъ улыбаясь Шармолю: — я тотчасъ же велю его привязать къ кожаной постелѣ. Но; чертовское упрямство! даже Пьера Тортерю, у котораго руки толще моихъ, и тотъ утомляется.

Клодь былъ погруженъ въ мрачную задумчивость. Онъ обратился къ Шармолю.

— Пьера... то-есть Жакъ, займитесь Маркомъ Сененомъ.

— Да, да, домъ Клодь. Бѣднякъ, придется ему помучиться! И что за мысль ѣздить на шабашъ! Что касается до маленькой Эсмеральды, какъ они ее называютъ, я буду ожидать вашихъ приказаній. Да, насчетъ портала, вы объясните мнѣ также, что означаетъ садовникъ, нарисованный при входѣ въ церковь. Можетъ-быть это сѣятель? О чемъ вы это такъ задумались?

Клодь не слушалъ его. Шармолю замѣтилъ, что глаза его устремлены на паутину въ окнѣ. Въ эту минуту, неосторожная муха, привлеченная мартовскимъ солнцемъ, влетѣла въ нее и запуталась.

Паукъ бросился на свою жертву, согнулъ ее вдвое передними лапами и началъ сосать ея голову.

— Бѣдная муха! сказалъ прокуроръ и поднялъ руку чтобы спасти ее. Архидіаконъ, какъ-будто пробужденный отъ сна, схватилъ его за руку.

— Жакъ, не мѣшайте совершиться року.

Прокуроръ испугался; рука его была стиснута точно желѣзными клещами. Глаза священника сверкали и не отрывались отъ страшной группы паука и мухи.

— О, да! произнесъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ; вотъ символъ всего. Она весела, молода, летаетъ, ищетъ весны, воздуха, свободы; о, да! но наткнись она на паутину — и выходитъ паукъ. Паукъ страшный! Бѣдная танцовщица! бѣдная предназначенная жертва! Оставьте, Жакъ, это судьба! Увы, Клодъ, ты паукъ! Клодъ, ты также и муха! Ты стремишься къ наукѣ, къ свѣту, къ солнцу, ты желалъ только достигнуть вѣчной истины; но бросаясь къ свѣтлому отверстию, выходящему въ другой міръ, въ міръ свѣта, разума и науки, жалкая муха, безумный ученый, ты не видалъ паутины, протянутой судьбою между тобой и свѣтомъ и прямо бросился въ нее, жалкій безумецъ! Теперь ты бьешься, твои крылья оборваны желѣзными когтями предопредѣленія! Жакъ! Жакъ! пусть паукъ дѣлаетъ свое дѣло!

— Увѣряю васъ, что не трону его, только пустите мою руку: у васъ пальцы точно клещи.

Архидіаконъ не слушалъ его. — О, глупая! продолжалъ онъ, не переставая смотрѣть на окно. Еслибы даже ты и разорвала паутину своими слабыми крыльями, развѣ за нею свѣтъ? За нею есть еще стекло, это прозрачное препятствіе, эта хрустальная стѣна крѣпче чугуновой, которая отдѣляетъ всѣ философіи отъ истины; какъ переступила бы ты за нее? О, суетность науки! сколько мудрецовъ разбиваются объ эту стѣну! Сколько системъ жужжа бьются объ это вѣчное стекло!

Онъ замолчалъ. Последнія мысли, перешедшія на науку, казались успокоили его. Жакъ Шармолю совѣмъ возвратилъ его къ дѣйствительности вопросомъ: «Когда же мы будемъ вмѣстѣ дѣлать зоолого?»

Архидіаконъ покачалъ головой съ грустной улыбкой.

— Жакъ, читайте Пселлуса, *Dialogus de energia et operatione daemonum*. Наши занятія не совѣмъ невинны.

— Тише, домъ-Клодь! я и самъ это думаю; да чтожь дѣлать, когда получаешь не болѣе тридцати экю въ годъ.

Въ эту минуту, до слуха Шармолю долетѣло чавканье изъ-подъ печки.

— Что это? спросилъ онъ.

То былъ школьникъ, соскучившійся въ своей засадѣ и принявшійся грызть корку хлѣба и сухой кусокъ сыра, найденный имъ между разнымъ хламомъ. Онъ былъ очень голоденъ, потому и чавкалъ очень громко, что возбудило вниманіе Шармолю.

— Кошка лакомится мышами, съ живостью отвѣчалъ архидіаконъ.

Это объясненіе удовлетворило Жака.

— Всѣ великіе философы имѣли любимыхъ животныхъ, сказалъ онъ съ сладкой улыбкой. Вы знаете что говорить Сервіусъ: *Nullus enim locus sine genio est.*

Между тѣмъ, Клодь, боявшійся новой выходки со стороны Жана, напомнилъ своему ученику, что имъ нужно еще разсмотрѣть нѣкоторыя фигуры портала, и оба вышли къ великой радости Жана, начинавшаго бояться, что его колѣно приростетъ къ подбородку.

VI

КАКОЕ ДѢЙСТВІЕ МОГУТЪ ПРОИЗВЕСТИ СЕМЬ РУГАТЕЛЬСТВЪ НА
УЛИЦЪ

— *Te Deum laudamus!* вскричалъ Жанъ, выходя изъ своей засады: — насили-то ушли эти совы! *Och! Och! Nah! pah! mah!* блохи! бѣшенныя собаки! чортъ! Ну ужъ разговоры! въ головѣ у меня точно колокола! Да еще скверный сыръ въ придачу! *Фуй!* Уйдемъ поскорѣе съ кошелькомъ старшаго братца и обратимъ его экю въ бутылки!

Онъ бросилъ нѣжный взглядъ во внутренность кошелька, поправилъ платье, вытеръ ботинки, свиснулъ, повернулся на одной ногѣ, старательно оглядѣлъ нельзя ли унести еще чего изъ комнаты, взялъ съ печи нѣсколько цвѣтныхъ стеклышекъ, годныхъ для Изабелла-Тьери, толкнулъ дверь, которую братъ его не заперъ изъ снисхожденія, а онъ оставилъ растворенною изъ шалости, и птицей полетѣлъ съ лѣстницы.

По дорогѣ, онъ наткнулся на что-то, что проворчало и дало ему дорогу; онъ предположилъ, что это Квазимодо, и это показалось ему такъ смѣшно; что онъ, во весь остальной путь, держался за бока отъ смѣха.

Выйдя на мостовую, онъ топнулъ ногою. — О, славныя парижскія улицы! проклятая лѣстница, на которой можно задохнуться!

Какъ это вздумалось мнѣ взобратъся въ эту западню; и все для того, чтобы поѣсть гнилого сыру и посмотреть на парижскія колокольни!

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и увидѣлъ двухъ совъ, то-есть Клода и Шармолю, разсматривающихъ порталъ. Онъ подошелъ къ нимъ на цыпочкахъ и услышалъ, что архидіаконъ шопотомъ говорилъ Шармолю: Вильгельмъ парижскій велѣлъ награвировать Юва на этомъ лазурномъ камнѣ. Ювъ изображаетъ философскій камень, который также долженъ вытерпѣть муки и испытанія прежде своего усовершенствованія, какъ говоритъ Раймондъ Люллъ: *Sub conseruatione formae specifere salva anima.*

— До этого мнѣ нѣтъ дѣла, подумалъ Жанъ: — благо кошелекъ у меня.

Въ эту минуту онъ услышалъ позади себя голосъ, звонкій, сильный и произносящій цѣлую серію ругательства.

— Клянусь честью, это вѣрно капитанъ Фебъ, мой пріятель!

Это имя долетѣло до ушей архидіакона въ ту минуту, какъ онъ объяснял Шармолю фигуру дракона, хвостъ котораго скрывается въ ваннѣ, откуда выходитъ дымъ и голова короля. Клодъ вздрогнулъ, вдругъ остановился къ великому удивленію своего слушателя, оглянулся и увидѣлъ своего брата, подходящаго къ высокому офицеру, у дома Гонделорье.

Это былъ капитанъ Фебъ де-Шатонерь. Онъ стоялъ, прислонившись къ углу дома своей невѣсты и ругался, какъ язычникъ.

— Ну, капитанъ Фебъ, славно вы бранитесь! сказалъ Жакъ, взявъ его за руку. Изъ какого источника вытекають эти прелестныя слова?

— Извините, другъ Жанъ, — лошадь, пущенная въ галонъ не скоро останавливается, а у меня брань шла галопомъ. Я вышелъ вотъ отъ этихъ святошъ, а когда я выхожу оттуда, то задыхаюсь отъ ругательствъ; нужно жъ было выпустить ихъ на воздухъ.

— Хотите пить? спросилъ Жанъ.

Это предложеніе успокоило капитана.

— Хочу, только у меня нѣтъ денегъ.

— А у меня есть!

— Ба! посмотримъ!

Жанъ, съ величественнымъ спокойствіемъ, раскрылъ кошелекъ. Между-тѣмъ архидіаконъ, оставивъ Шармолю, дошолъ до нихъ и наблюдалъ за ними, чего оба не замѣчали, углубившись въ созерцаніе своихъ сокровищъ.

Фебъ вскричалъ: кошелекъ — въ вашемъ карманѣ, Жанъ, это луна въ ведрѣ воды. Видѣть ее можно, но въ сущности ея нѣтъ, это только призракъ. Побьемтесь объ закладъ, что въ кошелькѣ камни.

Жанъ хладнокровно высыпалъ на ближайшій столбъ содержаніе кошелька съ видомъ римлянина, спасающаго отечество.

— Боже мой! это ослѣпительно! вскричалъ Фебъ.

Жанъ попрежнему остался холодно-важенъ. Нѣсколько мелкихъ монетъ упало въ грязь; Фебъ, подъ вліяніемъ энтузіазма, нагнулся поднять ихъ. Жанъ удержалъ его: — Фи, капитанъ Фебъ де Шатоперь!

Фебъ пересчиталъ деньги: — Кого это вы обокрали сегодня, Жанъ?

Жанъ закинулъ назадъ свою кудрявую голову и прищуривъ глаза, съ легкимъ презрѣніемъ, отвѣчалъ: У меня братъ архидіаконъ и сумашедшій.

— О, достойный человѣкъ!

— Идемте пить!

— Куда же? Въ «Еввино яблоко».

— Нѣтъ въ «Старую науку» лучше.

— Къ чорту «Науку»; въ «Яблокъ» вино лучше и есть виноградникъ подъ окнами, а это насъ развеселитъ пока будемъ пить.

— Ну идемъ къ Евѣ, сказалъ школьникъ, взявъ товарища подъ руку, архидіаконъ послѣдовалъ за ними.

Онъ шолъ съ мрачнымъ видомъ. Тотъ ли это Фебъ, котораго проклятое имя примѣшивается ко всѣмъ его мыслямъ со времени послѣдняго свиданія съ Гренгуаромъ, онъ не зналъ; но довольно было одного имени, чтобы заставить Клода тайкомъ идти за беззаботными товарищами, вслушиваться въ ихъ слова и подмѣчать малѣйшіе жесты. Впрочемъ, было очень легко слышать ихъ разговоръ: они не стѣснялись, говорили громко о дуэляхъ, игрѣ, женщинахъ и другихъ шалостяхъ.

При поворотѣ въ одну улицу, они услышали звуки тамбурина. Офицеръ сказалъ школьнику : пойдѣте скорѣе !

— Зачѣмъ Фебъ ?

— Я боюсь, чтобъ цыганка меня не увидала.

— Какая цыганка ?

— Цыганка съ козой.

— Эсмемальда !

— Она самая. Я все позабываю это чертовское имя. Пойдемте, она можетъ узнать меня, а я не хочу, чтобы эта дѣвочка подошла ко мнѣ на улицѣ.

— Развѣ вы ее знаете, Фебъ ?

Тутъ архидіаконъ увидѣлъ, что Фебъ смѣется и говоритъ что-то на ухо Жану.

— Въ самомъ дѣлѣ ? сказалъ Жанъ.

— Клянусь честью.

— Сегодня ?

— Сегодня вечеромъ.

— Увѣрены ли вы, что она придетъ ?

— Да вы съ ума сошли, Жанъ ; развѣ въ такихъ вещахъ сомнѣваются !

— Капитанъ Фебъ, вы счастливѣйшій изъ жандармовъ !

Архидіаконъ слышалъ весь этотъ разговоръ. Зубы его стучали ; дрожь пробѣгала по всему тѣлу. Онъ остановился, прислонился къ столбу, какъ пьяный, потомъ опять пошелъ за молодыми людьми.

Когда онъ опять нагналъ ихъ, разговоръ уже перемѣнился. Они пѣли изо всей мочи :

Les enfants des Petits-Carreux
Se font pendre comme des veaux...

VII

СТРАШНЫЙ МОНАХЪ

Знаменитый кабакъ «Яблоко Евы» находился въ университетской части города. Это была довольно большая комната въ нижнемъ этажѣ, со сводами. Въ ней было множество столовъ, посѣтителей, женщинъ, виноградникъ у двери, а надъ дверью заржавленная доска, на которой изображена женщина и яблоко. То была вывѣска.

Наступила ночь; въ улицахъ было темно; кабакъ свѣтился издали какъ кузнечная печь на темномъ фонѣ; слышался звукъ стакановъ, брань, ссоры. Сквозь дымъ и паръ можно было видѣть множество красныхъ лицъ и слышать, по временамъ, гомерическій взрывъ хохота. Прохожіе, идущіе по дѣламъ, неподнимали глазъ на эти окна.

Только одинъ человекъ долго ходилъ взадъ и впередъ подъ окнами шумнаго зданія и безпрестанно взглядывалъ на его окна. Плащъ закрывалъ ему все лицо. Онъ только-что купилъ этотъ плащъ у лоскутника, по сосѣдству съ кабакомъ, можетъ-быть для того, чтобы защититься отъ холода, а можетъ-быть для того, чтобы скрыть свой костюмъ. Остонавливаясь подъ окномъ, онъ смотрѣлъ, слушалъ и нетерпѣливо топалъ ногою.

Наконецъ дверь открылась. Кажется этого и ждалъ человекъ въ плащѣ. Изъ кабака выпли двое; незнакомецъ перешолъ на другую сторону улицы.

— Сейчасъ пробьетъ семь часовъ, — это часъ моего свиданія, говорилъ одинъ.

Другой несъ страшную чушь.

— Жанъ, другъ мой, вы пьяны.

— Хорошо вамъ говорить, Фебъ, шатаясь отвѣчалъ его товарищъ: — а уже давно доказано, что у Платона былъ профиль охотничей собаки.

Читатель вѣроятно уже узналъ нашихъ молодыхъ друзей — капитана и школьника. Незнакомецъ, вѣроятно также узналъ ихъ, потому что медленно послѣдовалъ за раскачивающимся школьникомъ Капитанъ, привыкшій къ вину, шолъ совершенно прямо. Незнакомецъ могъ совершенно подслушать слѣдующій интересный разговоръ:

— Идите же прямѣе, любезный другъ; я долженъ васъ оставить: у меня свиданіе съ женщиной.

— Оставьте меня! я вижу звѣзды и копыя. Вы точно замокъ Дампартенъ, который копается со смѣха.

— Чортъ побери, Жанъ, вы уже слишкомъ забираетесь. Кстати у васъ уже нѣтъ больше денегъ?

— Господинъ ректоръ, тутъ нѣтъ ошибки: полатыни будетъ *darva boucheria*.

— Жанъ, другъ мой Жанъ, я назначилъ этой женщинѣ свиданіе на мосту сепъ-Мишель; мы должны будемъ идти съ ней къ Фалурдель, а за комнату надобно платить. Старуха съ бѣлыми усами

не повѣрить мнѣ въ кредитъ. Жанъ, развѣ мы пропили всѣ архидіаконскія деньги? развѣ у васъ ничего не осталось?

— Сознаніе, что хорошо проведенъ день, приправляетъ обѣдъ.

— Прахъ тебя возьми, довольно врать! говори, чортъ, есть ли у тебя деньги? Давай, или я самъ возьму.

— Улица Галиашъ на углу улицы Веротери?

— Да, да, другъ мой Жанъ, хорошо. Только придите въ себя, ради неба. Мнѣ нужно только одинъ паризи къ семи часамъ.

Школьникъ затынулъ пѣсню.

— Чтобъ тебя черти задушили, поклятый мальчишка! вскричалъ Фебъ и толкнулъ школьника, который растянулся на мостовой Филиппа Августа. Въ силу братскаго сочувствія, существующаго между пьяницами, Фебъ притащилъ Жана къ одному изъ изголовьевъ бѣдныхъ людей, которыя богачи презрительно называютъ кучами нечистотъ. Капитанъ подложилъ ему подъ голову капустныхъ кочней и школьникъ тотчасъ же захрапѣлъ, какъ на самой лучшей постелѣ. Злоба не совсѣмъ потухла въ душѣ капитана. — Пусть подберутъ тебя черти въ свою телѣгу, пробормоталъ онъ на прощанье и пошелъ далѣе.

Человѣкъ въ плащѣ остановился на минуту передъ спящимъ школьникомъ, какъ будто въ нерѣшимости, потомъ вздохнулъ и пошелъ вслѣдъ за капитаномъ.

Мы также оставимъ Жана подъ открытымъ небомъ и послѣдуемъ за обоими путниками.

Поворачивая въ улицу Сент-Андре, капитанъ замѣтилъ, что его кто-то преслѣдуетъ. Оглянувшись, онъ увидѣлъ какую-то тѣнь, ползущую за нимъ у забора. Онъ остановился и она остановилась; онъ пошелъ, и тѣнь пошла. Его впрочемъ это не очень беспокоило. Ба, подумалъ онъ: — у меня нѣтъ ни копѣйки!

Передъ атонской школой, онъ остановился. Въ этой школѣ началъ онъ свое воспитаніе, по старой привычкѣ, никогда не проходилъ мимо фасада школы, не нанеши статуѣ кардинала Пьера Вортранда, стоящей по правую сторону портала, оскорбленія, на которое такъ горько жалуется Приапъ въ сатиру горація *Olim truncus eram ficulnus*. Онъ приложилъ столько старанія, что надпись *eduenſis episcopus* была почти уничтожена. По своему обыкновенію, онъ и теперь остановился передъ статуей. Улица была совершенно пуста. Вдругъ онъ увидѣлъ, что тѣнь идетъ къ нему медленными шагами, такъ медленно, что онъ успѣлъ разсмотрѣть ея плащъ и

шляпу. Передъ статуей кардинала она остановилась и устремила на Феба взглядъ подный того фосфорическаго блеска, который выходитъ ночью изъ глазъ кошки.

Капитанъ былъ храбръ, но эта ходячая статуя, этотъ окаменѣлый человѣкъ навели на него ужась. Въ то время ходили рассказы о страшномъ монахѣ, являвшемся по ночамъ на улицахъ Парижа. Капитанъ постоялъ нѣсколько минутъ, наконецъ сказалъ, съ напряженнымъ смѣхомъ: милостивый государь, если вы воръ, въ чемъ я почти увѣренъ, то вы рискуете дать маху: я сынъ раззорившихся родителей. Обратитесь лучше по сосѣдству; въ этой школѣ есть чѣмъ поживиться.

Рука тѣни высунулась изъ подъ плаща и вцѣпилась, точно желѣзными клещами, въ руку капитана. Въ тоже время, тѣнь заговорила: Капитанъ Фебъ де Шатоперь!

— Какъ, вы знаете мое имя!

— Я знаю больше чѣмъ ваше имя. У васъ сегодня свиданіе.

— Да, отвѣчалъ пораженный Фебъ.

— Въ семь часовъ?

— Да, черезъ четверть часа.

— У Фалурдель?

— Такъ точно.

— Съ женщиной?

— *Confiteor*.

— Которую зовутъ...

— Эсмеральдой, смѣло отвѣчалъ Фебъ. Къ нему возвратилась его безпечность.

При этомъ имени тѣнь сильно потрясла Феба за руку. Капитанъ Фебъ де Шатоперь, ты лжешь!

Еслибы кто могъ видѣть въ эту минуту пылающее лицо капитана, прыжокъ который онъ сдѣлалъ назадъ съ такой силой что высвободился изъ желѣзнаго рукожатія, гордый жестъ, съ которымъ онъ взялся за шпагу и передъ нимъ неподвижную фигуру въ плащѣ, тотъ навѣрное бы испугался. Эта сцена напоминала донъ-Жуана со статуей Командора.

— Тысяча чертей! крикнулъ капитанъ. Вотъ слово, рѣдко ка-сающееся ушей Шатоперевъ! ты не осмѣлишься его повторить!

— Ты лжешь! холодно произнесла тѣнь.

Капитанъ заскрежеталъ зубами. Страшный монахъ, привидѣнія, суетвѣріе, онъ забылъ всѣ эти вещи въ эту минуту. Онъ ви-

дѣлъ передъ собой только обидѣвшаго его чловѣка. Хорошо! прошептавъ онъ голосомъ, заглушаемымъ яростью, и обнажилъ свою шпагу: — сейчасъ, же, здѣсь! твою шпагу! и крови, крови!

Между тѣмъ противникъ его не шевелился. — Капитанъ Фебъ! сказалъ онъ съ горечью: — вы забываете свое свиданіе.

Вспышка гнѣва у людей, подобныхъ Фебу, походить на кипящее молоко: довольно одной капли воды, чтобы охладить ихъ. Эти простые слова заставили капитана опустить оружіе.

— Капитанъ! продолжалъ незнакомецъ: — завтра, послѣ завтра, черезъ мѣсяцъ, черезъ десять лѣтъ, я буду готовъ перерѣзать вамъ горло; но ступайте сначала на свое свиданіе.

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ Фебъ: — очень пріятно встрѣтить разомъ дуэль и женщину, и я не вижу, зачѣмъ мнѣ отказываться отъ одного изъ двухъ, когда можно имѣть и то и другое.

И онъ вложилъ шпагу въ ножны.

— Пойдете вы на свиданіе? спросилъ незнакомецъ.

— Милостивый государь! началъ Фебъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — весьма благодаренъ за вашу любезность. Въ самомъ дѣлѣ мы еще успѣемъ изрубить другъ друга и завтра. Я очень обязанъ вамъ за доставленіе мнѣ пріятной четверти часа. Я надѣялся еще усигѣть оставить васъ здѣсь въ ручьѣ и вовремя прійти на свиданіе, тѣмъ болѣе, что въ подобныхъ случаяхъ считается хорошимъ тономъ заставить женщину подождать. Но вы кажется не дадите жизнь дешево и потому вѣрнѣе отложить битву до завтра. Итакъ я пойду на свиданіе; оно назначено въ семь часовъ, какъ вамъ уже извѣстно. Тутъ Фебъ почесалъ за ухомъ.

— Чортъ возьми, я и позабылъ! у меня нѣтъ ни копѣйки, чтобъ заплатить за наемъ комнаты, а старуха спроситъ деньги впередъ. Она не довѣряетъ мнѣ.

— Вотъ вамъ деньги.

Фебъ почувствовалъ, какъ холодная рука незнакомца всунула въ его руку крупную монету. Онъ взялъ деньги и пожалъ эту руку.

— Клянусь-богомъ, вы молодецъ!

— Позвольте, одно условіе. Докажите мнѣ, что вы не солгали. Спрячьте меня куда-нибудь, откуда бы я могъ видѣть, та ли именно женщина будетъ съ вами, которую вы назвали.

— О! отвѣчалъ Фебъ: — мнѣ это все равно. Мы возьмемъ ком-

нату въ *Sainte Marthe*, вы можете все видѣть изъ сосѣдняго чулана.

— Идемте же! сказала тѣнь.

— Къ вашимъ услугамъ! сказалъ капитанъ. — Вы можете быть и самъ месиръ сатана, но будемте добрыми друзьями на сегодняшній вечеръ. Завтра я расплачусь со всѣми долгами, денежными и кровавыми.

Они пошли скорымъ шагомъ. Черезъ нѣсколько минутъ шумъ воды показалъ имъ, что они пришли къ мосту.

— Я сначала проведу васъ! сказалъ Фебъ: — а потомъ пойду за своей красавицей.

Спутникъ его не отвѣтилъ ни слова; онъ молчалъ въ продолженіе всей дороги. Фебъ остановился противъ низенькой двери и громко стукнулъ; показался свѣтъ въ окнахъ.

— Кто тамъ? раздался старческій голосъ.

Капитанъ произнесъ нѣсколько ругательствъ, дверь растворилась и показала старая старушонка съ старой лампой въ рукахъ. Старуха была вся сгорбленная, сморщенная, повязанная грязной тряпкой, съ узенькими глазами. Губы ея совсѣмъ ушли въ ротъ, а вокругъ торчали бѣлые усы, какъ у копки. Внутренность комнаты была такая же жалкая и грязная: повсюду пыль и паутина; посрединѣ безногіе столы и стулья, въ глубинѣ лѣстница; ведущая къ небольшому отверстию въ потолкѣ. Проникая въ этотъ вертепъ, таинственный спутникъ Феба поднималъ свой плащъ до самого лба. Между тѣмъ Фебъ распорядился насчетъ комнаты. Старуха при видѣ подаваемого ей эю, назвала его свѣтлостью. Это были деньги, полученные отъ чернаго челоука. Когда старуха отвернулась, положивъ эю въ ящикъ, маленькій лохматый мальчикъ, возившійся у печки, подкрался тихонько къ ящику, вынулъ изъ него эю и положилъ на его мѣсто сухой листъ изъ вѣника.

Старуха сдѣлала знакъ своимъ гостямъ и повела ихъ по лѣстницѣ. Дошедши до верхняго этажа, она поставила свѣчу на сундукъ, а Фебъ, какъ привычный посѣтитель, толкнулъ дверь въ темный чуланъ. — Войдите! сказалъ онъ своему товарищу. Челоукъ въ плащѣ повиновался не говоря ни слова, дверь захлопнулась за нимъ; онъ слышалъ, какъ Фебъ заперъ ее на задвижку и сошелъ съ лѣстницы; свѣтъ скрылся.

VIII

О ПОЛЪЗЪ ОКОНЪ ВЫХОДЯЩИХЪ НА УЛИЦУ

Клодь Фролло (мы увѣрены, что читатель былъ проникательнѣе Феба и не принялъ его за страшнаго монаха), Клодь Фролло ошупалъ мѣсто, въ которомъ заперъ его капитанъ. Это было пустое пространство между крышей и главной стѣной. Вертикальный разрѣзъ его представилъ бы треугольникъ. Не было оконъ и склонъ крыши не позволялъ стоять на ногахъ. Клодь присѣлъ между соломъ, голова его горѣла; ошупывая вокругъ себя, онъ нашолъ кусокъ стекла и приложилъ его ко лбу, чтобъ освѣжиться.

Что происходило въ эту минуту въ мрачной душѣ архидіакона, зналъ одинъ только Богъ да онъ самъ.

Въ какомъ порядкѣ являлись въ его мысляхъ Эсмеральда, Фебъ, Шармолю, любимый младшій братъ, покинутый имъ среди улицы, его собственная репутація, компрометируемая у Фалурдель, всѣ происшествія дня, — я не знаю. Но всѣ они составляли въ его головѣ страшную групу.

Онъ ждалъ уже четверть часа и постарѣлъ на цѣлое столѣтіе.

Вдругъ деревянная лѣстница закрипѣла, кто-то входилъ. Дверь растворилась и снова показался свѣтъ. Въ вѣтхой двери его коморки была довольно широкая щель: онъ прильнулъ къ ней лицомъ. Сначала появилась рука старухи со свѣчею, потомъ Фебъ; крутящій усы, потомъ граціозная фигура Эсмеральды. Священнику показалась она сверхестественнымъ явленіемъ. Клодь задрожалъ, облако заслонило его зрѣніе, все закружилось передъ нимъ, онъ ничего не видѣлъ и не слышалъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, Фебъ и Эсмеральда были одни; они сидѣли на сундукѣ, и стоящая вблизи лампа освѣщала ихъ молодые лица и грязную постель въ углу комнаты.

Рядомъ съ постелью было окно, грязныя стекла котораго пропускали, какъ сквозь паутину, свѣтъ луны, окруженной прозрачными облаками.

Молодая дѣвушка была сконфужена и дрожала. Ея длинныя, опущенныя рѣсницы бросали тѣнь на пылающія щоки. Офицеръ, на котораго она не смѣла поднять глазъ, весь сіялъ удовольствіемъ.

Машинально, не зная что начать отъ смущенія, она граціозно вывела пальчикомъ разныя фигуры на сундукъ и смотрѣла на свой палець. Ногъ ея не было видно, на нихъ лежала коза.

Капитанъ былъ очень элегантно одѣтъ : воротникъ и рукава его были вышиты золотомъ, — признакъ большого щегольства въ то время.

Волненіе крови мѣшало архиіакону отчетливо слышать ихъ разговоръ (разговоръ влюбленныхъ довольно банальная вещь. Это безконечное *я васъ люблю*, музыкальная фраза очень пошлая для равнодушныхъ слушателей, если она не прикрашена какой-нибудь *фіоритурой*; но Клодь не былъ равнодушнымъ слушателемъ).

— О! говорила молодая дѣвушка : — не презирайте меня, господинъ Фебъ, я знаю, что я поступаю очень дурно.

— Презирать васъ, прекрасное дитя! отвѣчалъ офицеръ тономъ утонченной вѣжливости : — за чтоже, богъ мой!

— Зато что я пришла сюда.

— Ну, моя прелесть, я бы долженъ не презирать, а ненавидѣть васъ.

Дѣвушка взглянула на него съ испугомъ.

— Ненавидѣть меня! чтоже я сдѣлала?

— Вы заставили слишкомъ долго просить себя.

— Ахъ! отвѣчала она : — я нарушаю обѣтъ... Я не найду своихъ родителей, талисманъ потеряетъ свою силу. Но что до этого за дѣло! Зачѣмъ мнѣ теперь отецъ и мать.

Говоря это, она устремила на капитана свои черные глаза, полныя вѣжности и радости.

— Чортъ меня возьми, если я что-нибудь понялъ! сказалъ Фебъ.

Эсмеральда помолчала съ минуту, потомъ слезинка выкатилась изъ ея глазъ, вздохъ вырвался изъ груди и она сказала : О, монсеньоръ, я васъ люблю!

Молодую дѣвушку окружалъ такой ореолъ чистоты и добродѣтели, что Фебъ чувствовалъ себя несовсѣмъ ловко въ ея присутствіи. Это слово придаю ему смѣлости.

— Вы меня любите! сказалъ онъ съ увлеченіемъ и обнялъ ее за талію. Онъ и ждалъ только этого случая.

Архиіаконъ увидѣлъ это и попробовалъ остріе кинжала, спрятаннаго подъ его плащомъ.

— Фебъ! сказала цыганка, съ трудомъ высвобождаясь изъ его

объятія : — вы добры, великодушны, прекрасны ; вы спасли меня, бѣдное, потерянное дитя. Я уже давно мечтаю объ офицерѣ, который бы спасъ мнѣ жизнь. Я мечтала о васъ, еще не зная васъ, мой Фебъ ; у моей мечты было прекрасное платье, какъ у васъ, гордый взглядъ, шпага ; васъ зовутъ Фебомъ, это хорошее имя, я люблю ваше имя, люблю вашу шпагу. Выньте шпагу, Фебъ, я хочу ее видѣть.

— Дитя ! сказалъ капитанъ и улыбаясь вынулъ оружіе.

Цыганка осмотрѣла шпагу со всѣхъ сторонъ, потомъ съ очаровательной наивностью поцѣловала ее, говоря :

— Ты шпага храбраго капитана, я люблю моего капитана.

Фебъ опять воспользовался случаемъ поцѣловать нагнувшуюся лебядиную шейку. Дѣвушка выпрямилась, пунцовая, какъ вишня. Клодь скрежеталъ зубами въ своей засадѣ.

— Фебъ ! начала опять цыганка : — дайте мнѣ поговорить съ вами. Пройдите немного, чтобы я могла видѣть васъ во весь ростъ и слышать звонъ вашихъ шпоръ. Какъ вы хороши !

Капитанъ всталъ, ворча на нее съ довольной улыбкой.

— Какое-жъ вы дитя ! Кстати, милочка, видѣли вы меня въ парадной формѣ ?

— Ахъ, нѣтъ ! отвѣчала она.

— Вотъ что ужъ дѣйствительно стоитъ посмотреть.

Фебъ опять сѣлъ подлѣ нея, только ужъ ближе прежняго.

— Послушайте, милая...

Цыганка ударила его нѣсколько разъ по губамъ съ ребяческимъ, но полнымъ граціи жестомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не буду васъ слушать ! Любите ли вы меня ! Я хочу, чтобы вы мнѣ это сказали.

— Люблю ли я тебя, мой ангелъ ! вскричалъ капитанъ, становясь на колѣни : — я самъ, вся моя душа принадлежитъ тебѣ одной. Я люблю тебя и никого не любилъ кромѣ тебя.

Капитану такъ часто приходилось повторять эту фразу, что онъ произнесъ ее однимъ духомъ. При этомъ объясненіи цыганка подняла къ грязному потолку, замѣнявшему небо, глаза, полные божественнаго счастья.

— О ! сказала она : — вотъ въ эту минуту нужно бы умереть.

Фебъ нашолъ, что эта минута удобна для новаго поцалуя, который мучительно отозвался въ душѣ архидіакона.

— Умереть ! вскричалъ счастливый капитанъ : — что это вы

говорите, мой ангелъ! Теперь надо жить, клянусь Юпитеромъ! Умереть въ самомъ началѣ такого хорошаго дѣла! Нѣтъ, шутите, чортъ возьми!.. Послушайте, милая Симиляр... Эсменар... Извините, у васъ такое мудреное имя, что я не могу его вбить себѣ въ голову.

— Боже-мой! сказала бѣдная дѣвушка: — а я думала, что мое имя хорошо своей оригинальностью. Но если оно вамъ не нравится, я желала бы лучше имѣть самое обыкновенное.

— Ну, не приходите въ отчаяніе отъ такихъ пустяковъ, моя милая; къ вашему имени нужно только привыкнуть, вотъ и все. Когда я его выучу наизусть, все пойдетъ хорошо. Ну слушайте, милая Симиляръ; я васъ обожаю, я васъ такъ люблю, что просто ужась. Одна пташка отъ этого просто съ ума сходитъ.

Ревнивая дѣвушка перебила его:

— Ктоже это?

— Что вамъ за дѣло? сказалъ Фебъ, — любите ли вы меня?

— О! сказала она.

— Ну, это главное. Вы увидите, что и я васъ люблю также. Пусть задушитъ меня самъ сатана, если я не сдѣлаю васъ счастливѣйшей изъ женщинъ. У насъ будетъ гдѣ-нибудь хорошенькая канурка. Я буду учить солдатъ подъ вашими окнами. Они всѣ на лошадахъ и ужасно смѣются надъ людьми капитана Миньона. Я поведу васъ въ звѣринецъ, покажу вамъ львовъ въ отель дю Руа; они очень хищны, а всѣ женщины любятъ это.

Дѣвушка, погруженная въ сладкія мысли, мечтала подъ звуки его голоса, не вникая въ смыслъ словъ.

— О, вы будете счастливы! продолжалъ капитанъ и тихонько растегнулъ поясъ цыганки.

— Что вы дѣлаете? съ живостью вскричала она. Этотъ поступокъ вывелъ ее изъ задумчивости.

— Ничего, отвѣчалъ Фебъ: — я говорилъ только, что нужно будетъ оставить этотъ уличный нарядъ, когда вы будете со мною.

— Когда я буду съ тобою, мой Фебъ! нѣжно сказала дѣвушка. Она снова задумалась.

Капитанъ, поощренный ея кротостью, обнялъ ее за талию и она не сопротивлялась; онъ началъ понемногу разшнуровывать ея корсажъ и такъ сдвинулъ ея шемизетку, что задыхающійся архидіаконъ увидѣлъ кругленькое, смуглое плечико цыганки.

Молодая дѣвушка сидѣла спокойно; казалось, она ничего не замѣчала. Глаза капитана блистали.

Вдругъ она обернулась къ нему.

— Фебъ! сказала она съ невыразимою нѣжностью: — научи меня своей религіи.

— Моей религіи! вскричалъ съ хохотомъ капитанъ. — Я буду учить васъ религіи. Чтоже вы станете дѣлать съ моей религіей?

— Мы женимся.

Лицо капитана приняло выраженіе удивленія, презрѣнія, безопасности и страсти.

— А, ба! кто же теперь женится?

Цыганка поблѣднѣла и печально опустила голову на грудь.

— Прелесть моя! нѣжно сказалъ Фебъ: — что это за выдумки? Важное дѣло замужство! Развѣ мы меньше будемъ любить другъ друга?

Говоря все это самымъ нѣжнымъ голосомъ, онъ все ближе подвигался къ цыганкѣ; руки его вновь обвились вокругъ ея стройнаго стана, глаза разгарались и все показывало, что Фебъ не далеко отъ того мгновенія, въ которое самъ Юпитеръ дѣлаетъ столько глупостей, что Гомеръ принужденъ призвать облако на помощь.

Между тѣмъ Клодъ все видѣлъ. Дверь была сдѣлана изъ очень гнилыхъ досокъ, такъ что его лихорадочный взглядъ могъ слѣдить за всей сценой. Этотъ широкоплечій монахъ, проведеншій молодость въ строгой монастырской дѣвственности, кинѣлъ и дрожалъ передъ этой страстной картиной. Видъ прелестной дѣвушки въ рукахъ у пылаго молодого человѣка, обращалъ въ растопленный свинецъ его кровь. Съ нимъ дѣлалось что-то странное. Тотъ, кто увидѣлъ бы лицо несчастнаго, плотно прильнувшее къ дверной щели, могъ бы принять его за тигра, смотрящаго изъ клѣтки, какъ шакалъ пожираетъ газель. Зрачки его свѣтились какъ свѣчки.

Вдругъ Фебъ быстрымъ движеніемъ снялъ шемизетку дѣвушки.

Бѣдное дитя, сидящее въ задумчивости, вдругъ встрепенулось. Она быстро отошла отъ предприимчиваго офицера и бросивъ испуганный и стыдливый взоръ на свои обнаженные плечи, скрестила на груди руки. Щоки ея пылали; она стояла безмолвно, какъ статуя цѣломудрія. Глаза были опущены.

Теперь, когда не было шемизетки, талисманъ, который Эсмальда носила на шеѣ, бросился въ глаза Фебу.

— Что это такое? сказалъ онъ, пользуясь случаемъ снова приблизиться къ ней.

— Не дотрогивайтесь! съ живостью вскричала она: — это мой хранитель. Онъ поможетъ мнѣ отыскать моихъ родителей, если я останусь достойной этого. О, оставьте меня, господинъ капитанъ! Матушка, бѣдная матушка, гдѣ ты? Помоги мнѣ! Сжальтесь, господинъ Фебъ, отдайте мнѣ мою косынку!

Фебъ отошолъ и холодно сказалъ:

— О, теперь я вижу, что вы меня не любите!

— Я не люблю его! вскричала бѣдная дѣвушка, хватаясь за капитана и усаживая его подлѣ себя. — Я не люблю тебя, мой Фебъ! Что ты говоришь, злой; зачѣмъ терзаешь мое сердце? О, возьми меня, возьми все! дѣлай со мной что хочешь, я вся твоя. Что мнѣ талисманъ, что мнѣ мать? Ты замѣняешь мнѣ мать, потому что я люблю тебя! Фебъ, дорогой мой Фебъ! Видишь ли ты меня? Это я, посмотри на меня; это та самая дѣвочка, которую ты не оттолкнулъ по твоей добротѣ; она сама, по своей волѣ пришла къ тебѣ. Моя душа, моя жизнь, мое тѣло, я вся ваша полная собственность, капитанъ. Ну не женись на мнѣ, если тебѣ неприятно это. Что я такое? бѣдная уличная дѣвочка! между тѣмъ какъ ты, мой Фебъ, ты дворянинъ! Славно бы было офицеру жениться на плясунѣ! я съ ума сошла. Нѣтъ, мой Фебъ, я буду твоей любовницей, твоей забавой, буду принадлежать тебѣ во всякое время, когда ты только захочешь. Я уже создана для этого. Пусть я буду обезславлена, пусть меня презираютъ, лишь бы быть любимой тобою. Я буду самая гордая и самая счастливая изъ женщинъ. А когда я буду стара и дурна, Фебъ, когда меня нельзя будетъ любить, вы позволите мнѣ быть вашей слугою. Другія будутъ вышивать вамъ шарфы, а я, служанка, буду прибирать ихъ. Вы позволите мнѣ чистить ваши шпоры, вытирать ваши сапоги, убирать платье. Неправда ли Фебъ, вы сдѣлаете мнѣ эту милость? А пока я твоя, мой Фебъ, только люби меня! Намъ цыганкамъ только нужно любви да воздуха!

Говоря такимъ образомъ, она обвивала руками шею офицера, она смотрѣла на него умоляющимъ взоромъ, улыбаясь сквозь слезы. Ея нѣжная шея терлась о сукно его платья. Ея тѣло дрожало на его колѣняхъ. Капитанъ въ упоеніи прильнулъ губами къ ея смуглому плечу. Дѣвушка, опроминувшись назадъ, трепетала подъ этимъ поцѣлуемъ.

Вдругъ надъ головой Феба она увидѣла другую голову; лицо зеленое, блѣдное, искаженное конвульсіями. Подлѣ этой головы была рука съ кинжаломъ. Это была рука монаха. Онъ выломилъ дверь и явился; Фебъ не могъ его видѣть. Бѣдная дѣвушка оцѣпенѣла отъ ужаса, какъ голубка поднявшая голову въ то время, когда коршунъ смотритъ въ ея гнѣздо своими круглыми глазами.

Она не имѣла даже силъ вскрикнуть. Она видѣла какъ кинжалъ опустился на Феба и поднялся весь въ крови.

— Проклятіе! вскричалъ капитанъ и упалъ.

Съ ней сдѣлался обморокъ.

Въ ту минуту, когда закрывались ея глаза и всякое сознание покидало ее, она почувствовала прикосновеніе чего-то огненнаго къ губамъ, поцѣлуй, какъ раскаленное желѣзо палача.

Пришедши въ себя, она увидѣла толпу солдатъ. Капитана унесли въ крови, монахъ исчезъ; окно, выходящее на улицу, было раскрыто, подняли плащъ, который сочли принадлежащимъ офицеру и она слышала слова:

— Эта колдунья заколола капитана.

КНИГА ВОСЬМАЯ

I

ЭКЮ ОБРАЩЕННЫЙ ВЪ УВЯДШІЙ ЛИСТОКЪ

Гренгуаръ и весь дворъ чудесъ были въ смертельномъ безпокойствѣ.

Уже цѣлый мѣсяцъ никто не зналъ куда дѣвалась Эсмеральда, что очень печалило герцога Египта и его свиту. Не знали также куда дѣвалась коза, что сильно огорчало Гренгуара. Цыганка исчезла въ одинъ вечеръ и съ тѣхъ поръ о ней не было слуха. Всѣ поиски были тщетны.

Нѣкоторые насмѣшники увѣряли Гренгуара, что встрѣтили ее вечеромъ съ офицеромъ, на мосту св. Михаила, но сей импровизированный мужъ былъ недовѣрчивъ какъ философъ, ктому же онъ, лучше чѣмъ кто-нибудь зналъ, насколько его жена добродѣтельна. Онъ по опыту видѣлъ, къ какому сопротивленію способна Эсмеральда, и былъ спокоенъ.

Потому-то исчезновение ея было для него совершенно непонятно и глубоко его огорчало. Онъ даже бы похудѣлъ, еслибъ это было возможно при его тѣлосложеніи. Онъ забылъ все, даже свое сочиненіе «*de figuris regularibus et irregularibus*», которое предполагалъ напечатать при первыхъ деньгахъ.

Однажды, проходя мимо тюремной башни, онъ увидѣлъ толпу народа у дверей палаты юстиціи.

— Что тамъ такое? спросилъ онъ у выходящаго оттуда молодого человѣка.

— Не знаю, отвѣчалъ тотъ. — Говорятъ, что судятъ женщину, которая убила жандарма. Такъ какъ тутъ примѣшалось колдовство, то принимаетъ участіе и духовный судъ, а братъ мой архидіаконъ не выходитъ изъ присутствія. Я хотѣлъ видѣть его, но не было возможности пробраться сквозь толпу, а это очень досадно, потому что мнѣ нужно денегъ.

— Увы, милостивый государь, сказалъ Гренгуаръ: — я желалъ бы дать вамъ займы, но карманы мои худы не отъ избытка денегъ.

Онъ не посмѣлъ признаться юношѣ, что знаетъ архидіакона, потому что не видѣлъ его съ послѣдняго разговора.

Школьникъ пошелъ своей дорогой, а Гренгуаръ послѣдовалъ за толпою по лѣстницѣ. Онъ зналъ, что ничто такъ не разсѣиваетъ меланхолиі, какъ уголовный процессъ: такъ смѣшать всегда судьбу своею глупостью. Послѣ долгой толкотни въ длинномъ коридорѣ, онъ дошелъ до низенькой двери и могъ видѣть, черезъ головы зрителей, все что происходило въ залѣ.

Зала была обширная и темная. Наступалъ вечеръ. Длинные готическія окна пропускали только слабый лучъ свѣта, который потухалъ еще не дойдя до свода, а скульптурныя украшенія на немъ какъ будто шевелились въ темнотѣ. На столахъ уже горѣло нѣсколько свѣчъ, освѣщая головы протоколистовъ, наклоненныя надъ бумагами. Передняя часть залы занята была зрителями; направо и налево были адвокаты; въ глубинѣ, на эстрадѣ, сидѣли судьи, послѣдніе ряды которыхъ терялись въ темнотѣ. Лица у всѣхъ были угрюмы и неподвижны. На стѣнахъ было безчисленное множество мѣлій. Надъ головами судей смутно виднѣлось распятіе, а повсюду алебарды и пики, на концахъ которыхъ отражался огонь.

— Милостивый государь, спросилъ Гренгуаръ у своего соседа: — кто эти особы, которыя сидятъ какъ прелаты на соборѣ.

— Направо, это совѣтники верхней палаты, а налѣво, совѣтники слѣдственной комиссіи.

— А тамъ надъ нами, кто этотъ красный толстякъ?

— Это господинъ президентъ.

— А эти бараны сзади его? продолжалъ Гренгуаръ, нелюбившій судей. Причиной его нерасположенія была можетъ быть литературная неудача въ палатѣ юстиціи.

— Это королевскіе сборщики податей.

— А этотъ кабанъ, напротивъ его?

— Это парламентскій грёфе.

— А этотъ крокодилъ направо?

— Филипъ Лелье, экстраординарный королевскій адвокатъ.

— А налѣво, этотъ черный котъ?

— Жакъ Шармолю, духовный королевскій прокуроръ.

— Чтоже дѣлають здѣсь всѣ эти люди?

— Судяты.

— Кого судяты? я не вижу подсудимаго.

— Женщину. Вы не можете ее видѣть. Она стоитъ къ намъ задомъ и толпа ее заслоняетъ. Вонъ она тамъ, гдѣ такъ много алебардъ.

— Знаете вы, кто эта женщина?

— Нѣтъ, я только сейчасъ пришолъ. Только вѣрно дѣло идетъ о колдовствѣ, потомучто здѣсь духовные судьи.

— Ну, увидимъ, какъ эти духовные будутъ пить человѣческую кровь. Это зрѣлище стоитъ другого.

— Развѣ вы не находите, милостивый государь, что у Жака Шармолю очень кроткое лицо?

— Гм... отвѣчалъ Гренгуаръ. — Не довѣряю я кроткимъ лицамъ съ такими тонкими губами.

Тутъ сосѣди прервали ихъ разговоръ. Выслушивали очень важное показаніе.

— Государи мои, говорила старуха, лицо которой такъ было закрыто разнымъ тряпьемъ, что ее можно было принять за ходячую кучу лохмотьевъ: — что я вамъ говорю, также справедливо какъ то, что меня зовуть Фалурдель и что я живу на мосту св. Михаила противъ красильщика. Тенерь я ужь стара, но была красивая дѣвка смолоду, господа. Мнѣ говорили недавно добрые люди: Фалурдель, не сидите долго по вечерамъ за пряжей; дьяволъ любитъ путать своими рогами пряжу у старухъ. Страшный монахъ гово-

рять ходить по городу, смотрите, чтобъ онъ не зашелъ къ вамъ. Однажды вечеромъ я сидѣла за пряжей, вдругъ стучать въ дверь, я спрашиваю, кто? Мнѣ отвѣчаютъ ругательствомъ. Я отпираю. Входятъ два человѣка: одинъ весь въ черномъ, другой офицеръ. У чернаго видны были одни только глаза, точно горячіе угли; весь онъ закутанъ былъ въ плащъ. Они спросили у меня верхнюю комнату, самую чистую, и дали мнѣ эку. Я спрятала эку въ ящикъ и подумала: вотъ пойду завтра на бойню, куплю кишокъ. Мы пошли наверхъ. Только-что я успѣла отвернуться, черный пропалъ. Это меня удивило. Офицеръ, нарядный какъ вельможа, сошелъ со мною внизъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ воротился съ хорошенькой дѣвушкой, только волоса у ней были очень лохматы. Съ ней былъ козелъ, большой козелъ, ужъ черный или бѣлый я непримѣтила. Я было призадумалась. Дѣвушка ничего, а козелъ-то!.. Я нелюблю этихъ звѣрей, у нихъ борода и рога, точно у мужчины, да они напоминаютъ и шабашъ. Впрочемъ я ничего не сказала. Деньги въдъ впередъ отдали, что же тутъ разсуждать. Я проводила капитана съ дѣвушкой наверхъ и оставила однихъ, то-есть съ козломъ, а сама съѣла за пряжу. Надобно вамъ сказать, что въ моемъ домѣ есть подвальный этажъ и окна въ этомъ этажѣ и въ первомъ, выходятъ на рѣку. Вотъ я и прядла, только незнаю почему, пришелъ мнѣ въ голову страшный монахъ. Вдругъ, слышу на верху шумъ и какъ-будто что-то падаетъ изъ окошка; я бросилась къ своему окну и видѣла какъ привидѣніе, одѣтое монахомъ, бросилось въ воду. Была лунная ночь; я очень хорошо видѣла какъ онъ поплылъ къ старому городу. Я бросилась за стражей. Ночные сторожа пришли, и не видя въ чемъ дѣло, принялись было колотить меня. Я объяснила имъ и мы пошли наверхъ. Чтожъ мы увидѣли? Моя комната вся въ крови, капитанъ на полу, съ кинжаломъ въ горлѣ, дѣвушка вся растерзаная и прикинулась мертвой, козелъ мечется какъ угорѣлый. Ну, подумала я, теперь недѣли двѣ не домоешься пола, надо будетъ скоблить, это ужасъ! Офицера и дѣвушку вынесли. Погодите, я не сказала самаго важнаго: На другой день, когда я хотѣла достать эку, онъ исчезъ, и на его мѣстѣ очутился сухой листокъ.

Старуха замолчала. Между слушателями пронесся ропотъ ужаса.

— Ну, здѣсь сильно припахиваетъ колдовствомъ, сказалъ соседъ Гренгуара: — козелъ и этотъ страшный монахъ...

— А сухой-то листокъ! сказалъ другой.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, прибавилъ третій : — эта колдунья стагнулась съ страшнымъ монахомъ, чтобъ обобратъ офицера.

Самъ Гренгуаръ былъ готовъ допустить вѣроятность этихъ предположеній.

— Фалурдель, торжественно произнесъ президентъ : — не имѣете ли вы еще какихъ показаній ?

— Нѣтъ, монсеньерь. Только въ протоколъ мой домъ названъ грязной и вонючей дачужкой, а это очень обидно. Правда, дома на мосту не очень красивы, но въ нихъ не брезгаютъ жить и богатые мясники, съ очень красивыми жонами.

Господинъ, показавшійся Гренгуару крокодиломъ, всталъ съ своего мѣста.

— Молчать! сказалъ онъ : — господа, прошу васъ не терять изъ вида, что у обвиненной найденъ кинжалъ. Фалурдель, принеслъ вы съ собой тотъ листокъ, въ который обратился эю ?

— Да, монсеньерь, вотъ онъ.

Экзекуторъ передалъ сухой листъ крокодилу, который съ мрачнымъ видомъ отдалъ его президенту, а тотъ препроводилъ далѣе.

— Это березовый листъ, сказалъ Шармолю : — новое подтвержденіе колдовства.

Одинъ изъ совѣтниковъ всталъ.

— Свидѣтельница, къ вамъ вошло двое людей, офицеръ и монахъ, — который изъ нихъ далъ вамъ эю ?

Старуха подумала.

— Офицеръ, отвѣчала она.

Въ толпѣ послышался ропотъ.

— А, сказалъ Гренгуаръ : — вотъ это порождаетъ сомнѣніе.

Филишъ Лелье опять началъ.

— Прошу васъ, господа, обратить вниманіе, что въ протоколъ, составленномъ у постели раненаго офицера, изъ его собственнаго показанія, значится, что въ ту минуту, когда подошолъ къ нему черный человекъ, въ умѣ его мелькнула мысль о страшномъ монахѣ. Привидѣніе непремѣнно настаивало, чтобы онъ шолъ къ подсудимой, и на замѣчаніе офицера, что у него нѣтъ денегъ, вручило ему этотъ эю. Значить деньги эти во всякомъ случаѣ произведеніе ада.

Этотъ аргументъ казалось разсвѣялъ сомнѣніе Гренгуара и другихъ скептиковъ.

— Обо всемъ этомъ, прибавилъ королевскій прокуроръ : —

можно справиться въ бумагахъ по дѣлу капитана Феба-де-Шатоперь.

При этомъ имени обвиненная встала, и Гренгуаръ съ ужасомъ узналъ Эмеральду.

Она была блѣдна. Ея прекрасные волосы были растрепаны, губы побѣлѣли, глаза ввалились.

— Фебъ, гдѣ онъ? вскричала она въ изступленіи. — Господа, прежде чѣмъ убьете меня, скажите мнѣ ради-бога, гдѣ онъ?

— Замолчи, женщина, сказалъ президентъ: — это не наше дѣло.

— О, изъ жалости, скажите мнѣ, живъ ли онъ? продолжала она, складывая свои прелестныя руки, отчего цѣпи на нихъ зазвѣнѣли.

— Ну, сухо отвѣчалъ королевскій прокуроръ: — онъ умираетъ. Довольно-ты?

Несчастная опустилась на скамью безъ голоса, безъ слезъ, блѣдная какъ мраморная статуя.

Президентъ наклонился къ стоявшей у его ногъ личности, въ золотой шапкѣ, черномъ платьѣ, съ цѣпью на шеѣ и жезломъ въ рукахъ.

— Экзекуторъ, введите вторую обвиненную.

Всѣ глаза обратились къ маленькой двери, и представьте себѣ ужасъ Гренгуара, когда онъ увидѣлъ входящую козочку съ золотыми рожками. Изящное животное на минуту остановилось на порогѣ и протянуло шейку; вдругъ замѣтивъ цыганку, она перескочила черезъ столъ и голову одного протоколиста и очутилась у ногъ своей хозяйки, выпрашивая ласки или слова; но обвиненная не шевельнулась и не взглянула даже на бѣдную Джали.

— А! да это тотъ скверный козелъ, я узнаю ихъ обихъ, сказала Фалурдель.

Жакъ Шармолю предложилъ приступить къ допросу козы.

Она-то и была вторая обвиненная. Въ тѣ времена животныя играли большую роль въ процессахъ. Между судебными отчетами, въ 1466 году есть любопытныя подробности процесса Гилье-Сулара и его свиньи, *казненныхъ за беззаконія*. Въ отчетѣ вычислены расходы на содержаніе свиньи въ тюрьмѣ и ея пищу, въ продолженіи одиннадцати-дневнаго суда. Бывало и еще лучше. Въ постановленіяхъ Шарлеманя и Людовика простого назначены строжайшія наказанія огненнымъ привидѣніямъ, осмѣляющимся появиться на небѣ

Духовный королевскій прокуроръ произнесъ громко:

— Если демонъ, сидящій въ этой козѣ и невышедшій несмотря на всѣ заклинанія, будетъ продолжать пугать народъ своимъ колдовствомъ, мы принуждены будемъ предать его огню или висѣлицѣ.

У Гренгуара выступилъ холодный потъ. Шармолю взявъ со стола тамбурины цыганки, и поставивъ его извѣстнымъ образомъ козѣ, спросилъ :

— Который часть ?

Коза взглянула на него своими умными глазами, подняла золотую лапку и ударила семь разъ. Воскличаніе ужаса раздалось въ толпѣ. Гренгуаръ не выдержалъ.

— Она себя губитъ! вскричалъ онъ: вѣдь вы видите, что она сама не знаетъ что дѣлаетъ!

— Молчать тамъ въ концѣ! крикнулъ экзекуторъ.

Шармолю, при помощи тамбурина, заставилъ козу сдѣлать много другихъ фокусовъ, которые уже извѣстны читателю. Тѣже самые зрители, которые любовались козочкой на площадяхъ, пришли теперь въ ужасъ и окончательно признали ее чортомъ.

Королевскій прокуроръ высыпалъ на полъ изъ мѣшка азбуку, которую Джали прежде носила на шеѣ, и она лапкой составила несчастное слово: Фебъ. Тогда-то сдѣлалось вполне ясно, что капитанъ былъ жертва колдовства, и граціозная Эсмемальда превратилась въ глазахъ всего собранія въ отвратительную вѣдму.

Сама она не подавала ни малѣйшаго признака жизни; ни фокусы Джали, ни угрозы судей, ни проклятія зрителей, не долетали до ея слуха.

Чтобы извлечь ее изъ оцѣпененія, сержантъ грубо потрясъ ее за плечо, а президентъ возвысилъ голосъ.

— Женщина, ты обвиняешься въ томъ, что въ ночь 29 марта, при содѣйствіи тайныхъ силъ, и съ помощью заколдованнаго козла, нанесла ударъ кинжаломъ капитану Фебу-де-Шатоперъ, изъ королевскихъ стрѣлковъ. Будешь ли ты еще отпираться отъ этого?

— Господи! вскрикнула дѣвушка, закрывая лицо руками. — Мой Фебъ! О это цѣлый адъ!

— Отпираться ты отъ этого? холодно спросилъ президентъ.

— Отпираться ли я! вскричала она и выпрямилась; глаза ея за-сверкали.

— Какже ты объяснишь обвинительные пункты? продолжалъ президентъ.

Она отвѣчала прерывающимся голосомъ :

— Я уже говорила вамъ, что не знаю ; это былъ монахъ, монахъ, котораго я не знаю и который меня преслѣдуетъ.

— Такъ ! сказалъ судья : — вѣрно страшный монахъ.

— О, господа, сжалитесь надо мною ! я бѣдная дѣвушка...

— Египетской породы, сказалъ судья.

Шармолю началъ вкрадчивымъ голосомъ :

— Такъ-какъ обвиненныя упорствуютъ, я предлагаю прибѣгнуть къ пыткамъ.

— Согласны, отвѣчалъ президентъ.

Несчастная содрогнулась всѣмъ тѣломъ. Она однакожъ встала и довольно твердымъ шагомъ послѣдовала за Шармолю и его свитой между двумя рядами алебардъ. Дверь, затворившаяся за нею, показалась Гренгуару огромной пастью.

Когда она ушла, раздалось жалобное блеяніе. Это плакала козочка.

Аудіенція была прекращена на время. Одинъ изъ совѣтниковъ замѣтилъ, что судьи устали и ждать конца пытки еще долго, на что президентъ отвѣчалъ, что нужно умѣть жертвовать собою во имя долга.

— Скверная тварь ! сказалъ одинъ старый судья : — довести себя до пытки, когда добрые люди еще не ужинали !

II

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПРЕВРАЩЕННАГО ЭКЮ

Пройдя нѣсколько такихъ темныхъ коридоровъ, что какъ освѣщали лампами среди дня, стража втокнула Эсмеральду въ ужасную комнату. Эта круглая комната занимала нижній этажъ одной изъ тѣхъ башенъ, которыя сохранились еще въ нашемъ новомъ Парижѣ. Въ ней не было оконъ и только одна огромная желѣзная дверь. Свѣта однакожъ было довольно ; въ стѣнѣ было сдѣлано углубленіе и въ немъ горѣлъ яркій огонь, наполнявшій комнату краснымъ пламенемъ и вовсе уничтожавшій блѣдный огонь сальной свѣчи, поставленной въ углу. Желѣзная рѣшетка у очага казалась рядомъ черныхъ зубовъ, а самая печь пастью сказочнаго дракона, извергающей пламя. Эсмеральда увидѣла множество страшныхъ предме-

товъ, употребленіе которыхъ было ей неизвѣстно. Почти на самомъ полу былъ кожаный матрацъ, прикрѣпленный ремнями къ кольцу, которое скульптурное чудовище на потолкѣ держало въ своей пасти. Щипцы, клещи, желѣзныя полосы, были наложены въ печи. Красное пламя освѣщало множество ужасныхъ предметовъ.

Этотъ тартаръ назывался просто *комнатой для допросовъ*.

На постелѣ небрежно сидѣлъ Пьера Тортерю. Его прислужники въ кожаныхъ фартукахъ мѣшали огонь въ печи.

У бѣдной дѣвушки исчезло все мужество.

Сержанты стали съ одной стороны, духовные съ другой. За столомъ сидѣлъ писарь. Шармолю подошолъ къ цыганкѣ съ сладкой улыбкой.

— Такъ вы не хотите сознаться, дитя мое?

— Нѣтъ отвѣчала она чуть слышнымъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ, мы къ сожалѣнію, принуждены будемъ допрашивать васъ настоятельнѣе, чѣмъ бы желали. Потрудитесь сѣсть на эту постель. Пьера, дайте мѣсто и затворите дверь.

Пьера приподнялся съ ворчаньемъ.

— Если я затворю дверь, огонь погаснетъ, сказалъ.

— Ну такъ не затворяйте ее, мой другъ.

Между тѣмъ Эсмеральда стояла. Ее пугала эта постель, на которой мучилось столько несчастныхъ. Она оледенѣла отъ ужаса. По знаку Шармолю, два прислужника палача посадили ее. Они не сдѣлали ей ничего, но отъ одного ихъ прикосновенія, вся кровь прилила ей къ сердцу. Она обвела комнату мутнымъ взглядомъ. Ей показалось, что изъ всѣхъ угловъ ползутъ на нее орудія пытки.

— Гдѣ докторъ? спросилъ Шармолю.

— Здѣсь, отвѣчала черная фигура, которой она еще не замѣтила.

Она вздрогнула.

— Вы все еще отказываетесь? спросилъ въ третій разъ медовой голосъ прокурора.

На этотъ разъ она кивнула только головою: голоса у ней не было.

— Очень жаль, но я долженъ исполнить свою обязанность. — Господинъ прокуроръ, съ чего мы начнемъ? рѣзко спросилъ Пьера.

Шармолю подумалъ съ видомъ поэта, прискивающего рифму.

— Съ колодки, отвѣчалъ онъ.

Бѣдняжка почувствовала себя дотого покинутою людьми и Богомъ, что голова ея упала на грудь, какъ у мертвой.

Палачъ и медикъ въ одно время подошли къ ней. Прислужники начали рыться въ своемъ чудовищномъ арсеналѣ. При этомъ звукъ несчастная дѣвушка вздрогнула какъ мертвая лягушка, которую гальванизируютъ.

— О, мой Фебъ! произнесла она такъ тихо, что никто не слышалъ и опять впала въ оцѣпенѣніе.

Взглядъ на нее смягчилъ бы всякаго, кромѣ судей. Она походила на грѣшную душу, допрашиваемую сатаною при адскомъ пламени. Это бѣлое, нѣжное тѣло, дѣлалось жертвою рукъ палача; это хрупкое зерно отдавалось адскому жорнову пытки.

Грубыя руки помощниковъ Пьера уже обнажили ея прелестную ножку, столько разъ удивлявшую своей граціей жителей Парижа.

— Жалко! произнесъ мучитель, разсматривая эти нѣжныя формы. — Будь здѣсь архидіаконъ, онъ бы припомнилъ свой символъ наука и мухи.

Скоро несчастная увидѣла колодку и ножка ея исчезла между досками этого страшнаго орудія. Ужась придавъ ей силы.

— Снимите это! сжальтесь! вскричала она.

Она вскочила съ кровати, чтобъ броситься въ ноги прокурора, но тяжелая колодка удержала ее и она опустила, какъ пчелка съ порванными крылышками.

По знаку Шармолю ее опять посадили на постель и прикрѣпили ремнями.

— Въ послѣдній разъ, признаетесь ли вы? спросилъ Шармолю.

— Я невинна.

— Какже вы объясняете обвинительные пункты?

— Боже мой! я не знаю.

— Такъ вы отрицаете?

— Все.

— Начинайте, сказалъ Шармолю.

Пьера сдвинулъ колодку и несчастная испустила ужасный крикъ.

— Пойдите, сказалъ Шармолю. — Сознаетесь ли вы теперь?

— Во всемъ! вскричала бѣдная дѣвушка. — Сознаюсь! Сжальтесь!

Она слишкомъ понадѣялась на свои силы. Бѣдное дитя, ея

жизнь была такая веселая, счастливая, что она не устояла при первой боли.

— Человѣколюбіе заставляетъ меня сказать вамъ, продолжалъ Шармолю: — что признаніе поведетъ васъ къ смерти.

— О, на нее—то я и надѣюсь! отвѣчала она и склонилась надъ постелью, безъ силъ и воли.

— Ну, будьте бодрѣе, моя милая, сказалъ Пьера, поднимая ее: — вы точно золотой баранъ на шеѣ у герцога бургонскаго.

— Гретье, пишите, сказалъ Шармолю: — виновная признается, что принимала участіе въ сборищахъ, шабашахъ и колдовствахъ вѣдьмъ. Отвѣчайте.

— Да, сказала она чуть слышно.

— Вы признаетесь, что видѣли козла, котораго Вельзевулъ высылаетъ собирать шабашъ и котораго могутъ видѣть лишь одни колдуны.

— Да.

— Вы сознаетесь, что имѣли постоянное сношеніе съ дьяволомъ, въ образѣ бѣлой козы, причастной процессу.

— Да.

— Наконецъ вы сознаетесь и утверждаете, что съ помощью привидѣнія, въ простонародьи называемаго страшнымъ монахомъ, въ ночь двадцать девятого марта, убили капитана Феба-де-Шатоперь.

Она машинально подняла на судью свои большіе глаза и отвѣчала безъ содроганія:

— Да.

Очевидно, что она вся была разбита.

— Гретье, пишите, сказалъ Шармолю. — Отвяжите подсудимую и введите ее опять въ присутствіе.

Когда сняли колодку, прокуроръ осмотрѣлъ ногу цыганки.

— Ничего, вы вовремя вскрикнули. Съ этой ногой можно бы еще танцевать! Потомъ обращаясь къ своимъ спутникамъ: — Наконецъ мы имѣемъ всѣ свѣдѣнія! Я спокоенъ. Подсудимая отдастъ намъ справедливость, что мы поступали со всей возможной деликатностью.

III

КОНЕЦЪ ПРЕВРАЩЕННАГО ЭКЮ

Когда она, блѣдная и прихрамывая, вошла въ залу, ее встрѣтилъ ободрительный ропотъ. Это было удовлетворенное нетерпѣнiе толпы по окончанiи послѣдняго антракта драмы. Со стороны судей, это была надежда на скорый ужинъ. Козочка тоже заблѣяла отъ радости. Она хотѣла броситься къ своей хозяйкѣ, но ее привязали къ скамьѣ.

Ночь совсѣмъ наступила. Свѣчи бросали такой слабый свѣтъ, что почти невидно было стѣны комнаты. Всѣ предметы были облечены какимъ-то туманомъ. Едва выяснялось нѣсколько апатическихъ лицъ судей. Напротивъ ихъ, на самомъ концѣ залы, виднѣлась бѣлая точка на темномъ фонѣ. То была подсудимая.

Она дотащилась до своего мѣста. Когда Шармолю тоже дошолъ до своего, онъ сѣлъ, потомъ всталъ опять и произнесъ, не выказывая излишней гордости по случаю успѣха: подсудимая во всемъ призналась.

— Женщина, спросилъ президентъ, ты призналась въ колдовствѣ, развратѣ и убійствѣ Феба де-Шатопера?

Сердце ея разрывалось. Она зарыдала. Во всемъ въ чемъ хотите, отвѣчала она тихо, только убейте меня поскорѣе!

— Господинъ прокуроръ, сказалъ президентъ, палата готова выслушать вашъ протоколъ.

Мы очень сожалѣемъ, что не можемъ представить читателямъ всей латинской рѣчи Жака Шармолю, въ которой всѣ доказательства были основаны на цидероновскихъ перифразахъ. Ораторъ декламировалъ съ такимъ жаромъ, что еще при концѣ вступленiя, съ него капалъ потъ градомъ. Вдругъ, въ половинѣ одного перiода, онъ остановился и взглядъ его, всегда кроткiй, принялъ грозное выраженiе. Господи! вскричалъ онъ (уже пофранцузски, потому что этого не было въ тетрадкѣ), сатана принимаетъ такое участiе въ этомъ дѣлѣ, что присутствуетъ при нашихъ пренiяхъ. Посмотрите! и онъ указывалъ на козу, которая видя какъ Шармолю жестикулируетъ, сѣла на заднiя лапки и повторяла его патетическiя пантомины. Читатели помнятъ, что это былъ одинъ изъ ея лучшихъ фокусовъ. Это

послѣднее *доказательство* произвело сильное впечатлѣніе. Козѣ связали лапки и прокуроръ продолжалъ свое краснорѣчіе. Рѣчь была очень длинна, но прекрасна.

Когда Шармолю кончилъ, поднялся другой человекъ въ черномъ платьѣ: это былъ адвокатъ. Проголодавшіеся судьи встрѣтили его ропотомъ.

— Адвокатъ, говорите короче, замѣтилъ президентъ.

— Господинъ президентъ, отвѣчалъ адвокатъ: — такъ какъ подсудимая во всемъ созналась, мнѣ остается сказать только одно слово. Вотъ текстъ салического закона: Если вѣдьма съѣла человека и была уличена, она платитъ штрафъ въ восемь тысячъ денье. Не благоугодно ли будетъ. палатѣ присудить мою кліентку только къ штрафу.

— Текстъ вышедшій изъ употребленія, сказалъ королевскій адвокатъ.

— Него, отвѣчалъ первый.

— На голоса! предложилъ кто-то: — злодѣйство доказано и уже поздно.

Голоса начали собирать тутъ же. Судьи снимали шапки въ отвѣтъ на вопросъ, тихо предлагаемый имъ президентомъ. Обвиненная смотрѣла на нихъ ничего не видя.

Грефъ началъ писать и передалъ президенту длинный пергаментъ. Народъ зашевелился и ледяной голосъ произнесъ:

— Женщина! въ тотъ день, когда угодно будетъ королю, нашему господину, тебя повезутъ въ телегѣ, въ сорочкѣ, босикомъ и съ веревкой на шеѣ къ большому соборному порталу, чтобы принести покаяніе съ двухъ фунтовой восковой свѣчей въ рукахъ; оттуда, тебя сведутъ на Гревскую площадь, гдѣ и повѣсятъ вмѣстѣ съ козой; сверхъ того, ты заплатишь духовному суду три золотыхъ въ искупленіе колдовства, разврата и убійства, совершеннаго надъ Фебомъ де-Шатоверъ. Да отпуститъ Богъ грѣхи тебѣ!

— О, это сонъ! прошептала она и почувствовала что сильныя руки уносятъ ее изъ залы.

IV

LASCIA TE OGNI SPERANZA

Въ средніе вѣка большія зданія строились не только на поверхности, но и подъ землею. Если церковь, дворець или крѣпость не были построены на сваяхъ, какъ соборъ богородицы, у нихъ всегда было двойное дно. Въ каждомъ соборѣ былъ еще другой соборъ, подземный, темный, таинственный и нѣмой. Подъ мѣстомъ алтаря бывали часто гробницы; въ замкахъ и бастиліяхъ тюрьмы или гробницы, а иногда и то другое вмѣстѣ. Эти могучія постройки пускали глубокіе корни въ видѣ комнатъ, галерей, лѣстницъ и проч. Подвальный этажъ наружнаго зданія служилъ преддверіемъ къ подземному, отражавшему безчисленные этажи перваго, какъ рѣка или озеро отражаетъ стоящія на ея берегу предметы.

Въ бастиліи Сент-Антуанъ, въ палатѣ юстиціи, въ Луврѣ, подвальные зданія были тюрьмами, которыя шли съживаясь къ низу. Это были отдѣленія дантова ада, кончавшіяся углубленіемъ, въ которомъ онъ помѣстилъ сатану, а общество помѣщало осужденныхъ на смерть. Какъ скоро попадало туда несчастное созданіе, — прощай свѣтъ, воздухъ, жизнь, ogni speranza; изъ него выходили только на костеръ или висѣлицу. Иногда люди тамъ и сгнивали; человѣческое правосудіе ихъ *забывало*. Между міромъ и головой осужденнаго была цѣлая масса камней и тюремщиковъ, вся бастилія составляла громадный замокъ, запиравшій его отъ живого міра.

Въ такого-то рода тюрьму помѣстили бѣдную Эмеральду, вѣроятно опасаясь побѣга.

Провидѣніе и общество были одинаково несправедливы въ этомъ случаѣ: къему такая громада несчастія и истязаній, чтобы разбить такое слабое созданье!

Его погребли въ этихъ сырыхъ, темныхъ, тяжелыхъ стѣнахъ. Тотъ кто видѣлъ ее танцующую и веселую на чистомъ воздухѣ, конечно содрогнулся бы отъ ужаса. Она была холодна какъ мертвая: ни свѣта, ни воздуха, ни человѣческаго голоса вокругъ! согнувшись вдвое, истомленная цѣпами, она сидѣла на соломѣ, безъ всякаго движенія. Подъ нею и вокругъ нея образовалась грязная лужа воды, стекающей съ сырыхъ стѣнъ; она даже потеряла силу страдать.

Фебъ, солнечные лучи, чистый воздухъ, Парижъ, пляска и шумныя рукоплесканія, сладкія слова любви, потомъ монахъ, старуха, кинжалъ, кровь, пытка, вистѣлица, все это мелькало въ ея умѣ, то какъ золотое видѣніе, то какъ чудовищный кошмаръ; но все это было какъ будто гдѣ-то далеко въ туманѣ. Съ тѣхъ поръ какъ ъбдняжку спустили подъ землю, она была въ какомъ-то полуснѣ. Она не въ состояніи была отличить мечту отъ дѣйствительности, день отъ ночи. Все смѣшалось, спуталось въ ея мысляхъ. Она не чувствовала, не сознавала, не думала, но все какъ будто видѣла во снѣ.

Скорчившись машинально отъ холода, она и не замѣтила, какъ гдѣ-то надъ ея головою открывался люкъ и чья-то рука бросила ей корку хлѣба. А между тѣмъ, это періодическое посѣщеніе тюремщика было единственнымъ сообщеніемъ между людьми и ею. Одна вещь занимала ее, почти безсознательно: надъ ея головою сырость просачивалась сквозь заплѣснѣлыя камни свода и падала каплями на камень. Она бессмысленно прислушивалась къ шуму производимому этими каплями въ лужѣ подлѣ ея ногъ.

Эти капли падающія въ лужу были единственнымъ движеніемъ, происходящимъ вокругъ нея, единственнымъ маятникомъ, означавшимъ время, единственнымъ звукомъ, долетающимъ до нея изъ мірадь земныхъ звуковъ.

Также чувствовала она по временамъ, какъ что-то холодное проползало по ея рукамъ или ногамъ и она содрогалась въ темнотѣ.

Она не знала сколько времени провела въ этомъ ужасномъ положеніи. Ей помнилось только, что гдѣ-то и надъ кѣмъ-то произнесенъ приговоръ, что ее унесли и она очнулась въ этомъ ледяномъ мракѣ. Она поползла было на рукахъ, но желѣзныя кольца впились ей въ икры и зазвучали цѣпи. Она убѣдилась, что вокругъ нея четыре стѣны, а подъ нею пукъ соломы въ лужѣ. Она садилась то на эту солому, то на послѣднюю ступеньку каменной лѣстницы. Разъ, она попробовала было считать минуты, отмѣриваемыя паденіемъ капли, но занятіе это прервалось само собою въ ея утомленномъ умѣ и она впадала въ прежнее отупѣніе.

Вдругъ, днемъ или ночью неизвѣстно (день и ночь ничѣмъ не различались въ этомъ вѣчномъ мракѣ) она услышала надъ своей головою стукъ сильнѣе обыкновеннаго. Она подняла голову и увидѣла красноватый лучъ, проникающій въ отверстие. Дверь заскрипѣла на желѣзныхъ петляхъ, показалась рука, фонарь и ноги двухъ лю-

дей: отверстіе было такъ низко, что головъ ихъ нельзя было видѣть. Внезапный свѣтъ заставилъ ее закрыть глаза.

Когда она ихъ открыла, дверь была заперта, фонарь стоялъ на ступенькѣ лѣстницы и въ тюрьмѣ былъ одинъ человекъ. Онъ весь былъ закрытъ чернымъ, такъ что не видно было ни рукъ ни лица, а только черный саванъ, подъ которымъ что-то шевелилось. Она нѣсколько минутъ пристально смотрѣла на него; оба молчали. Это было свиданіе двухъ статуй; живыми предметами въ тюрьмѣ были казалось только трещавшая свѣтильня фонаря, да капля падающая со свода.

Эсмемральда первая прервала молчаніе.

— Кто вы?

— Священникъ.

Слово и звукъ голоса заставили ее вздрогнуть.

Священникъ продолжалъ глухо.

— Готовы ли вы?

— Къ чему?

— Къ смерти.

— Такъ это будетъ скоро!

— Завтра.

Головка ея, приподнявшаяся было радостно, вновь опустилась.

— Какъ еще долго! прошептала она, почему бы не сегодня?

— Такъ вы очень несчастны? спросилъ, послѣ нѣкотораго молчанія, священникъ.

— Мнѣ такъ холодно! отвѣчала она.

Она взяла руками свои ноги, — жестъ свойственный всѣмъ бѣднякамъ, которымъ очень холодно и который мы уже замѣтили у затворницы башни Роланда, — ея зубы стучали.

Священникъ обвелъ глазами тюрьму. Безъ огня! безъ свѣта! въ водѣ! это ужасно!

— Да, отвѣчала она съ своимъ растеряннымъ видомъ. Свѣтъ принадлежитъ всѣмъ, зачѣмъ же меня лишаютъ свѣта?

— Знаете ли за что вы здѣсь? спросилъ опять священникъ.

— Кажется знала, отвѣчала она, проводя рукою по бровямъ, какъ будто для того чтобъ припомнить: — но теперь ужъ не знаю.

Вдругъ, она заплакала какъ ребенокъ.

— Мнѣ бы очень хотѣлось отсюда. Мнѣ холодно, я боюсь! по мнѣ ползаютъ какіе-то гады.

— Ну, ступайте за мною!

Говоря это священникъ, взялъ ее за руку. Несчастная почти уже окостенѣла отъ холода, но прикосновеніе къ этой рукѣ, все же оледенило ее.

— О, прошептала она, это холодная рука смерти. — Ктоже вы?

Священникъ открылъ лицо, она взглянула. Это было то ужасное лицо, которое преслѣдовало ее такъ долго, та демонская голова, которая явилась ей у Фалурдель надъ обожаемой головой Феба, тотъ самый взглядъ, который блисталъ надъ кинжаломъ.

Это явленіе, всегда гибельное для нея и вовлекшее ее въ такую бездну несчастія, вывело ее изъ оцѣпенѣнія. Память ея стала яснѣе. Всѣ подробности страшной драмы, отъ дома Фалурдель до суда, разомъ воскресли въ ея памяти съ ужасающей ясностью. Мрачная фигура, стоящая передъ нею, оживила всѣ воспоминанія, приглушенные слишкомъ сильной мукой, какъ огонь, поднесенный къ бумагѣ, вызываетъ буквы, написанныя симпатическими чернилами. Ей показалось, что всѣ раны ея сердца раскрылись въ одно мгновеніе.

— Ахъ! вскричала она, закрывая глаза рукою, это монахъ!

Потомъ въ отчаяніи, опустила руки и сидѣла безмолвная, продолжая дрожать всѣмъ тѣломъ.

Клодь Фролло смотрѣлъ на нее взоромъ ястреба, долго описывавшаго круги въ воздухѣ надъ бѣднымъ жаворонкомъ, сидящимъ во ржи, и вдругъ спустившагося на свою жертву и державшаго ее въ своихъ когтяхъ всю трепещущую.

Она тихо заговорила.

— Ну, доверяйте! послѣдній ударъ! и съ ужасомъ прятала голову въ колѣни, какъ овечка, ожидающая удара ножомъ.

— Я навожу на васъ ужасъ? сказалъ онъ наконецъ.

Губы ея подернулись, какъ отъ принужденной улыбки.

— Да, сказала она, палачъ пришолъ посмѣяться надъ жертвой. Онъ преслѣдуетъ меня цѣлые мѣсяцы, угрожаетъ, пугаетъ меня! Безъ него, боже мой, какъ я была счастлива! Онъ бросилъ меня въ эту бездну! О боже, онъ убилъ... онъ убилъ моего Феба! и разразившись рыданіемъ: О, кто ты, ужасный человѣкъ! что я тебѣ сдѣлала? Ты меня очень ненавидишь, но за что, боже мой?

— Я люблю тебя! вскричалъ Клодь Фролло.

Ея слезы мгновенно остановились, она взглянула на него тупымъ взглядомъ. Онъ упалъ на колѣни и впился въ нее глазами.

— Слышишь ли, я люблю тебя!

— Какая любовь! сказала содрогаясь, несчастная.

— Любовь проклятого! отвѣчалъ онъ.

Оба молчали нѣсколько минутъ, подавленные тяжестью впечатлѣній, — онъ обезумѣвшій, она оглушѣвшая.

— Слушай, сказалъ Клодь, и къ нему воротилось странное спокойствіе, — ты все узнаешь. Я скажу тебѣ все, въ чемъ едва осмѣливался признаваться самому себѣ въ тѣ глубокіе часы ночи, когда бываетъ такъ темно, что кажется самъ Богъ насъ уже не видитъ. Слушай: пока я не встрѣтилъ тебя, я былъ счастливъ.

— А я! тихо прошептала она.

— Не прерывай меня. Да, я былъ счастливъ; по крайней мѣрѣ, считалъ себя счастливымъ. Я былъ чистъ, душа моя была ясна. Ни одна голова не поднималась съ большею гордостью. Священники совѣщались со мною о чистотѣ жизни, ученые о наукахъ. Да, наука была для меня всѣмъ: это была моя сестра и я довольствовался сестрой. Мысли мои не измѣнились и съ лѣтами. Часто страсти закипали во мнѣ, при видѣ женщины. Сила страсти и половая потребность, которую я думалъ, что навсегда заглушилъ въ себѣ, тяжело давали мнѣ чувствовать силу добровольныхъ оковъ, которыми я сковалъ себя съ холодными камнями алтаря. Но постъ, молитва, монастырская дисциплина и наука побѣждали плоть. Ктому же я избѣгалъ женщинъ, и мнѣ стоило только раскрыть книгу, чтобы всѣ нечистые помыслы какъ дымъ разсѣялись передъ чистымъ свѣтомъ науки. Въ нѣсколько минутъ, далеко отлетали земныя тревоги и я становился спокоенъ и ясенъ передъ свѣтиломъ вѣчной истины. Пока демонъ избиралъ для моего искушенія только неясные образы женщинъ, которыхъ я встрѣчалъ на улицахъ, въ церкви и которыя едва являлись въ моихъ сновидѣніяхъ, побѣда была нетрудна. Увы, самъ Богъ не допустилъ меня восторжествовать совершенно: зачѣмъ онъ человѣку недалъ силы, равной съ демонской. Слушай! однажды...

Здѣсь священникъ останоился, и Эсмеральда услышала его ускоренное дыханіе.

— Однажды я сидѣлъ у окна своей кельи... Что я читалъ тогда? О, все смѣшалось теперь въ моей головѣ!.. Я читалъ. Окно выходило на площадь. Я услышалъ звуки музыки и тамбурина. Недовольный, что прерываютъ мои мечты, я выглянулъ на площадь. То что я видѣлъ, видѣли также и многіе другіе, а между тѣмъ подобное зрѣлище не для глазъ человѣческихъ. Посреди улицы, — былъ полдень,

солнце свѣтило ярко, — танцовало существо такое прелестное, что ангелъ позавидовалъ бы ея красотѣ! Глаза у ней были черные, великолѣпные; въ роскошныхъ черныхъ волосахъ играло солнце, ножки ея вертѣлись такъ быстро, что глазъ почти не могъ уловить ихъ. На головѣ у ней, между черными косами, сверкали металлическія украшенія и составляли ей какъ бы вѣнокъ изъ звѣздъ. Ея голубое платье, усыпанное блестками, сверкало какъ лѣтняя ночь. Ея стройныя смуглыя руки, обвивались вкругъ талии, какъ два шарфа. Формы ея тѣла были невыразимо прекрасны. О, чудное созданіе, разливающее особый свѣтъ, даже на площади, осыпанной полуденными лучами!.. Увы, это была ты. Удивленный, въ упоеніи, я не могъ оторвать отъ тебя глазъ. Я смѣтрѣлъ на тебя такъ долго, что вдругъ вздрогнулъ отъ ужаса, — я почувствовалъ, что со мной совершалось что-то роковое.

Задыхающійся Клодъ смогъ на минуту, потомъ продолжалъ.

— Уже подпавши искушенію, я старался найти какую-нибудь точку опоры. Я вспомнилъ прежнія сѣти сатаны. Существо, поразившее меня, одарено было такой красотой, которая можетъ быть только даромъ самаго неба или ада. Это была не простая дѣвушка, созданная изъ горсти земли и освѣщенная слабымъ лучомъ, составляющимъ душу женщины. Это былъ ангелъ, но ангелъ тьмы! то было пламя, а не свѣтъ! Въ ту минуту, какъ я подумалъ это, я увидѣлъ подлѣ тебя козу, проклятое животное, которое смотрѣло на меня съ усмѣшкой. Полуденное солнце дѣлало ея рога огненными. Тогда я ясно увидѣлъ дьявольскія сѣти и не сомнѣвался, что ты послана адомъ на мою погибель. Я вѣрилъ этому.

Тутъ онъ взглянулъ въ лицо дѣвушкѣ и холодно прибавилъ:

— Я и теперь этому вѣрю. Между тѣмъ, колдовство мало-помалу совершалось: твои танцы кружили мнѣ голову. Все чему слѣдовало бодрствовать, засыпало въ моей душѣ, и подобно умирающимъ въ снѣгу, я съ удовольствіемъ предавался этому сну. Вдругъ ты начала пѣть; что было мнѣ дѣлать, несчастному? Пѣніе твое было еще плѣнительнѣе танцевъ. Я хотѣлъ бѣжать и не имѣлъ силы. Я былъ прикованъ, я приросъ къ каменному полу. Мнѣ казалось, что плиты поднялись мнѣ до коленъ. Надо было остаться до конца. Ноги мои оледенѣли, а голова горѣла. Наконецъ, ты вѣрно сжалась надо мною, перестала пѣть и исчезла. Отблескъ лучезарнаго видѣнія, отголосъ упоительной музыки мало-помалу исчезли изъ моихъ глазъ и слуха. Тогда я упалъ на подоконникъ, какъ раз-

битая статуя. Вечерній благовѣсть разбудилъ меня. Я всталъ и съжалъ, но увы! внутри меня упало что-то, чему ужъ не подняться, и случилось нѣчто, отъ чего убѣжать не было возможности.

Онъ опять остановился и продолжалъ :

«Да, съ этого дня, во мнѣ сталъ жить человекъ, котораго я не зналъ до той поры. Я употребилъ всѣ свои средства: монастырь, молитву, работу, книги, — безуміе! О, какой пустой звукъ издаетъ наука, когда стучишься въ ея область съ отчаяньемъ и сердцемъ исполненнымъ страсти! Знаешь ли ты, что я видѣлъ всегда между собою и книгой? Тебя, твою тѣнь, тотъ свѣтлый образъ, который разъ предсталъ передо мною, но образъ этотъ казался мнѣ уже темнымъ, мрачнымъ, зловѣщимъ, какъ тотъ черный кругъ, который долго преслѣдуетъ зрѣніе неосторожнаго, слишкомъ долго смотрѣвшаго на солнце.

«Не имѣя силъ позабыть, слыша всегда отголосокъ твоей пѣсни, видя твои ножки на страницахъ молитвенника, чувствуя ночью, во снѣ, прикосновеніе твоего стройнаго тѣла, я рѣшился дотронуться до тебя, узнать что ты такое, убѣдиться подходишь ли ты къ тому идеальному образу, который остался въ моей головѣ, можетъ-быть разбить мечту о дѣйствительность. Во всякомъ случаѣ, я надѣялся, что второе впечатлѣніе изгладитъ первое, а первое сдѣлалось мнѣ невыносимо. Я искалъ тебя и нашолъ. Несчастіе! Увидѣвъ тебя два раза, я пожелалъ видѣть тысячу разъ, всегда, каждую минуту. Тогда какже остановиться на этой адской дорогѣ? Тогда я пересталъ принадлежать себѣ. Другой конецъ нити, прикрѣпленной къ моимъ крыльямъ, демонъ привязалъ къ твоимъ ногамъ. Я сдѣлался такимъ же странникомъ какъ ты. Я ждалъ тебя на улицахъ, подстерегалъ со своей башни. Каждый вечеръ, я возвращался все болѣе околдованнымъ и погибшимъ!

«Я зналъ кто ты: египтянка, цыганка, гитана, зингара. Какъ сомнѣваться въ твоёмъ колдовствѣ? Слушай. Я надѣялся, что преданіе тебя суду избавитъ меня отъ злого духа. Одна колдунья приворожила Бруно д'Аста; онъ довелъ ее до костра и вылечился. Я тоже хотѣлъ попробовать этого средства. Я началъ съ того, что запретилъ тебѣ являться на соборную площадь; я надѣялся позабыть тебя, не видя. Ты не послушалась и возвратилась. Мнѣ пришла мысль похитить тебя. Однажды ночью, мнѣ удалось это; насъ было двое. Ты была уже въ нашихъ рукахъ, когда явился тотъ проклятый офицеръ и освободилъ тебя, Этимъ, онъ положилъ начало твоему,

своему и моему несчастію. Не зная уже что начать, я донесъ на тебя духовному суду. Я думалъ излечиться какъ Бруно д'Астъ. Думалъ я также, не отдавая себѣ отчета, что процессъ предастъ тебя въ мои руки, что въ тюрьмѣ ты не уйдешь отъ меня, что ты такъ давно держала меня въ своей власти, что могу наконецъ и я одинъ часть обладать тобою. Когда начинаешь зло, надо его доканчивать. Остановиться на половинѣ — безуміе! Бездна преступленія имѣетъ свою прелесть. Священникъ и колдунья могутъ извѣдать адское счастье на днѣ мрачной тюрьмы.

«Я донесъ на тебя. Съ той-то минуты, сталъ я пугать тебя моимъ преслѣдованіемъ. Гроза, которую я собиралъ надъ твоей головою, проявлялась въ моихъ угрозахъ и проклятіяхъ. Однакожь, я все еще колебался. Мрачныя стороны моего намѣренія приводили меня самого въ ужасъ.

«Быть-можетъ я и отказался бы отъ него; можетъ-быть моя гнусная мысль усохла бы въ моемъ умѣ, не принесши плода. Я думалъ, что отъ одного меня будетъ зависѣть продолжать или прекратить процессъ. Но горе лелѣющему мрачныя мысли! Я считалъ себя сильнымъ, — судьба была сильнѣе меня. Увы, увy! она сама предала тебя на жертву моего страшнаго плана. Слушай! Я близокъ къ концу.

«Однажды, тоже въ прекрасный ясный день; мимо меня прошелъ человекъ, со смѣхомъ произнесшій твое имя. Проклятіе! Я послѣдовалъ за нимъ и ты знаешь остальное.»

Онъ замолчалъ. Молодая дѣвушка произнесла одно только слово: — О, мой Фебъ!

— Только не это имя! вскричалъ Клодъ, схвативъ ее за руку. Не произноси этого имени! О, мы несчастные, это имя насъ погубило! Или мы всѣ погубили другъ друга по необъяснимой волѣ рока. Ты страдаешь? тебѣ холодно; мракъ ослѣпляетъ тебя, тюрьма пугаетъ; но можетъ быть внутри тебя есть хоть одна свѣтлая искра, хотя та дѣтская любовь къ пустому человекѣ, игравшему твоимъ сердцемъ. Но я? я ношу мрачную тюрьму внутри себя; во мнѣ вѣчная зима, вѣчное отчаяніе, вѣчная ночь. Знаешь ли ты сколько я выстрадалъ? Я присутствовалъ при твоемъ допросѣ въ числѣ судей. Да, подъ одной изъ монашескихъ рясъ были скрыты мученія проклятаго. Я былъ тамъ, когда ввели тебя, былъ тамъ, когда тебя допрашивали! Я зналъ, что каждый шагъ, каждое слово ведетъ тебя къ висѣлицѣ; я присутствовалъ, когда это хищное животное...

О, я не могъ предвидѣть пытки! Слушай. Я послѣдовалъ за тобою въ скорбную комнату. Я видѣлъ какъ тебя раздѣвали, видѣлъ тебя полунагую въ рукахъ палача. Я видѣлъ твою ногу, ногу, на которой я готовъ бы былъ напечатлѣть одинъ только поцѣлуй и умереть, ногу, за которую я съ наслажденіемъ далъ бы раздавить свою голову; я видѣлъ, какъ на нее надѣли орудіе пытки, превращающее человѣческое тѣло въ комокъ грязи. О, несчастный, видя все это, я колоть себя въ грудь кинжаломъ. Когда ты вскрикнула, я глубоко вонзилъ его въ тѣло; при второмъ крикѣ, онъ бы вошелъ въ мое сердце. Посмотри, кровь еще течетъ изъ раны.

Онъ раскрылъ свою рясу. Грудь его была исцарапана точно когтями тигра, а на боку была еще незажившая рана.

Эсмемальда отодвинулась въ ужасѣ.

— О, сказалъ онъ, сжался наю мною. Ты считаешь себя несчастной, увы! ты еще не знаешь истиннаго несчастія. О, любить женщину! быть ненавидимымъ! Любить всѣми силами своей души, чувствовать, что отдашь всю кровь, всю внутренность, славу, безсмертіе, вѣчность за одну лишь улыбку; ежеминутно сожалѣть, что не можешь быть королемъ, гениемъ, чтобъ все бросить къ ея ногамъ! Мечтать о ней всѣ дни и ночи и видѣть, что она любитъ мундиръ солдата! и не мочь ей предложить ничего кромѣ черной рясы, которая приведетъ ее въ ужасѣ. Присутствовать съ демонской ревностью при томъ, какъ она отдаетъ всѣ сокровища красоты и нѣжности жалкому фанфанону! Видѣть это тѣло, формы котораго прожигаютъ меня насквозь, видѣть его содрагающимся и мѣющимся отъ поцѣлуевъ другого! О, боже мой! любить ея ноги, руки, плечи, думать обо всѣхъ голубыхъ жилкахъ и смуглой кожѣ до изступленія, до муки и видѣть что все это досталось въ руки палача, что мнѣ удалось довести ее только до кожаной постели. О, вотъ истинно адская мука! О! счастливъ тотъ, котораго пилать между двумя досками или раздираютъ четырьмя лошадьми! Имѣешь ли ты понятіе о тѣхъ мукахъ, которыя происходятъ въ долгія ночи, когда кровь кипитъ въ жилахъ, сердце рвется, голова трещитъ, зубы рвутъ свое собственное тѣло; это вѣчная, нескончаемая пытка любви, ревности и отчаянія! Сжался! Дай вздохнуть хоть одну минуту! Умоляю тебя, утри крупныя капли пота съ моего лба! Дитя, терзай меня одной рукой, но приласкай другою. Сжался, сжался, сжался!

Клодь катался въ грязной лужѣ и бился головою о каменныя сту-

пени. Дѣвушка слушала и смотрѣла на него. Когда онъ замолчалъ отъ утомленія, она опять повторила въ полголоса :

— О мой Фебъ!

Клодъ подползъ къ ней на колѣняхъ.

— Умоляю тебя, вскричалъ онъ : — если у тебя есть сердце, не отвергай меня. О, я люблю тебя! я несчастливъ! Когда ты произносишь это имя, сердце мое разрывается на части. Смилуйся! Если ты пороженіе ада, я пойду и туда за тобою; я уже сдѣлалъ довольно для этого! Адъ, въ которомъ ты будешь, будетъ для меня раемъ! О, скажи, хочешь ли быть моею? Мнѣ кажется въ тотъ день, когда женщина отвергнетъ такую любовь, горы сдвинутся съ мѣста. О, еслибы ты захотѣла!.. О, какъ бы мы могли быть счастливы! Мы могли бы бѣжать, я бы тебя освободилъ, мы нашли бы такое мѣсто, гдѣ всего болѣе солнца, деревьевъ, голубого неба. Мы любили бы другъ друга, мы слили бы въ одно наши души, мы упивались бы вѣчной, неистоцимой любовью.

Она прервала его страшнымъ хохотомъ.

— Посмотрите, у васъ руки въ крови!

Клодъ былъ пораженъ какъ громомъ и долго смотрѣлъ на свои руки.

— Ну чтожъ, отвѣчалъ онъ съ необычайною кротостью : — оскорбляй меня, смѣйся надо мною, но пойдемъ! пойдемъ! Надо спѣшить. Казнь будетъ завтра, слышишь ли? Висѣлица на площади всегда готова, ты знаешь. Ужасно видѣть тебя на ея ступеняхъ! О, сжался! Я никогда еще не чувствовалъ до этой минуты всей силы любви моей. О, иди за мною. Ты полюбишь меня послѣ, когда я спасу тебя. Ты можешь ненавидѣть меня долго, сколько захочешь, только пойдемъ! Завтра! Завтра висѣлица! казнь! О, спаси себя и меня!

Онъ взялъ ее за руку и хотѣлъ увлечь, онъ былъ внѣ себя.

Она пристально устремила на него взоръ.

— Гдѣ мой Фебъ?

— Онъ умеръ! вскричалъ Клодъ.

— Умеръ! повторила она, съ прежней холодной неподвижностью : — Зачѣмъ же я буду жить?

Онъ не слушалъ ее.

— О, да, говорилъ онъ, какъ бы самъ съ собою, онъ долженъ уже умереть. Оружіе глубоко вонзилось. Кажется я добрался до сердца. О, я весь былъ въ этомъ ударѣ!

Дѣвушка бросилась на него, какъ разъяренная тигрица и толкнула его на лѣстницу съ необыкновенной силой.

— Уйди, чудовище, уйди убійца! Оставь меня умереть! Пусть наша кровь останется вѣчнымъ пятномъ на твоей душѣ! Принадлежать тебѣ, монахъ, никогда! никогда! ничто не въ силахъ насъ соединить, даже самый адъ! Ступай, проклятый! никогда!

Клодъ споткнулся на лѣстницѣ. Онъ молча выпуталъ ноги изъ складокъ платья, поднялъ фонарь и медленно сталъ всходить по ступенямъ; дверь отворилась, онъ вышелъ. Вдругъ дѣвушка снова увидѣла его голову; выраженіе лица его было ужасно и онъ крикнулъ ей злобнымъ и отчаяннымъ голосомъ:

— Говорю тебѣ, что онъ умеръ!

Она упала лицомъ на землю и въ темницѣ не слышно стало другого звука, кромѣ шума падающей воды.

V

МАТЬ

Едва ли есть на свѣтѣ что-нибудь радостнѣе мыслей матери, при взглядѣ на маленькій башмачекъ ребенка. Особенно, если этотъ башмачекъ праздничный, вышитый почти до подошвы; башмачекъ, въ которомъ ребенокъ еще не начиналъ ходить. Этотъ башмачекъ такъ граціозенъ и малъ, что матери кажется будто она видитъ своего ребенка. Она ему улыбается, цѣлуетъ его, разговариваетъ съ нимъ; она спрашиваетъ себя, возможно ли чтобы нога была до такой степени мала, и образъ крошки, даже отсутствующаго, ясно рисуется передъ нею. Она видитъ его всего, съ нѣжными ручками, малой головкой, съ глазками, у которыхъ бѣлки имѣютъ еще синій отливъ. Если это зимой, она представляетъ его себѣ ползающимъ по ковру и боится какъ бы онъ не подползъ слишкомъ близко къ камину. Если лѣтомъ, она видитъ, какъ онъ въ саду рветъ траву и соритъ пескомъ на куртины. Все смѣется, блеститъ и играетъ вокругъ него, даже солнечный лучъ съ его бѣлокуроыми локонами. Башмачекъ показываетъ все это матери и смягчаетъ ей сердце, какъ огонь кусокъ воска.

Но если ребенка ужъ нѣтъ, всѣ эти радостные образы дѣлаются предметомъ мученій. Хорошенькій башмачекъ дѣлается орудіемъ

пытки, вѣчно тѣрающимъ сердце матери. Это вѣчно звучащая струна, всегда одна и таже и самая чувствительная; только, вмѣсто ангела, ее натягиваетъ демонъ.

Однажды утромъ, когда майское солнце вставало на темно-голубомъ небѣ, затворница башни Роланда услышала стукъ колесъ на Гревской площади. Это на нее мало подѣйствовало; она только закрыла волосами уши, чтобы не слышать и снова устремила глаза на обожаемый предметъ, которымъ любовалась уже пятнадцать лѣтъ. Мы уже говорили, что ея маленькій башмачекъ составлялъ для нея всю вселенную. Ея мысль заключена была въ немъ одною и могла оторваться только со смертью. Одна мрачная башня Роланда знала сколько горькихъ проклятій, трогательныхъ жалобъ, молитвъ и стонувъ стоялъ ей этотъ роковой башмачекъ. Никогда болѣе отчаянїя не было излито на такую граціозную вещь. Въ это утро, горесть ея казалось еще усилилась: слышно было на улицѣ ея надрывающее сердце рыданіе.

— О дочь моя! говорила она: — мое милое маленькое дитя! я не увижу тебя болѣе! значить все кончено! Мнѣ все кажется, что это было вчера. Господи! Господи! лучше бы было не давать мнѣ ее, если ужъ суждено было отнять такъ скоро. Развѣ ты не знаешь, что дѣти часть часть самихъ и что теряя ихъ, мать перестаетъ вѣрить? О зачѣмъ я несчастная ушла изъ дому въ этотъ день. Боже, Боже мой, развѣ ты не видалъ меня, когда я держала ее на рукахъ и она улыбалась у моей груди, когда я цѣловала ея маленькія ножки! О еслибы ты видѣлъ это, Господи, ты бы сжалился надъ моей радостью; ты бы не отнял у меня моей послѣдней любви! Неужели была я такая великая грѣшница, что ты и не взглянулъ на меня осуждая? Увы! вотъ башмачекъ; но гдѣ, гдѣ ножка? гдѣ мой ребенокъ?.. Дочь моя, дочь моя! что они съ тобой сдѣлали? Господи, возврати ее мнѣ. Пятнадцать лѣтъ я молюсь на колѣняхъ, развѣ этого мало? Отдай мнѣ ее на одинъ день, на одинъ только часъ, на минуту! Одну минуту, Господи, и повергни меня потомъ въ адъ на цѣлую вѣчность. О, можно ли осудить бѣдную мать на такую пятнадцатилѣтнюю муку? Матерь божія, пресвятая дѣва! у меня украли моего младенца, его съѣли, выпили его кровь, сжевали его кости. Пресвятая дѣва, сжалась надо мною. Дочь! мнѣ нужно мою дочь! Я хочу моего ребенка. Я львица, мнѣ нужно моего львенка. О, я буду кататься по землѣ, я пробью лбомъ каменную плиту, я буду богохульствовать, если не отдадутъ мнѣ моего ребенка! Ты ви-

лишь, Господи, что мои руки искусаны. О, мнѣ не нужно ничего кромѣ хлѣба, лишь бы была моя дѣвочка и согрѣвала меня какъ солнце. Увы, Господи Боже мой, я недостойная грѣшница, но дочь моя дѣлала меня набожной. Я видѣла твой ликъ сквозь ея ясную улыбку, какъ сквозь разверстое небо. О, еслибъ одинъ только разъ обуть ея въ этотъ маленькій башмачекъ и умереть, благословляя тебя, святая дѣва! А ужь пятнадцать лѣтъ! Она была бы большая! Бѣдное дитя! такъ это правда, — я не увижу ея болѣе, даже на небѣ, потомучто мнѣ не быть тамъ. О, горе! вотъ ея башмачекъ и ничего болѣе!

Несчастная припала къ башмачку, своему утѣшенію и отчаянію въ продолженіи столькихъ лѣтъ, и грудь ея рвалась отъ рыданій, какъ въ первый день потери. Для матери, утратившей ребенка, горесть всегда одна и таже. Эта горесть не старѣется. Траурное платье смѣняется свѣтлымъ, но душа остается темна.

Въ эту минуту слышались свѣжіе дѣтскіе голоса. Каждый разъ, заслыша приближеніе ребенка, затворница пряталась въ самый темный уголь; теперь напротивъ, она выпрямилась и съ жадностью слушала. Одинъ маленькій мальчикъ говорилъ:

— Сегодня будутъ вѣшать цыганку!

Съ быстротою наука, нападающаго на муху, она подпрыгнула къ окну, выходящему на площадь. На самомъ дѣлѣ, къ висѣлицѣ представлена была лѣстница и на ней поправляли цѣпи. Кругомъ собрался народъ.

Толпа дѣтей была уже далеко. Затворница искала глазами прохожаго, чтобы спросить его. Вдругъ она увидала священника, стоявшаго у публичнаго молитвенника, но глаза котораго гораздо чаще обращались къ мѣсту казни, нежели къ листамъ книги. Она узнала соборнаго архидьякона, святого мужа.

— Кого здѣсь будутъ вѣшать, батюшка? спросила она.

Священникъ взглянулъ на нее, но не отвѣтилъ; она повторила свой вопросъ.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ.

— Дѣти говорили сейчасъ, что повѣсятъ цыганку.

— Кажется такъ, сказалъ священникъ.

Пакета Шанфелери разразилась смѣхомъ гieny.

— Такъ вы очень ненавидите цыганъ, спросилъ архидьяконъ.

— Ненавижу ли я ихъ? это вѣдьмы, онѣ воруютъ дѣтей! Онѣ

сѣли мою маленькую дѣвочку, мое единственное дитя! У меня вѣтъ больше сердца : онѣ и его сѣли.

Она была страшна. Священникъ холодно смотрѣлъ на нее.

— Въ особенности я ненавижу одну изъ нихъ, которую я про-
кляла, продолжала она: — она однѣхъ лѣтъ съ моей дочерью, ко-
торую сѣла можетъ-быть ея мать. Каждый разъ какъ этотъ змѣе-
вышъ проходить здѣсь, вся кровь кипитъ въ моихъ жилахъ!

— Ну радуйтесь, сказалъ священникъ, холодный какъ ста-
туя: — ее-то и повѣсятъ сегодня.

Голова его опустилась на грудь и онъ удалился.

Затворница ломала руки отъ радости.

— Я говорила ей, что быть ей на висѣлицѣ! благодарю васъ,
батюшка, благодарю!

И она начала быстро ходить около своего окна, растрепанная,
съ сверкающими глазами, задѣвая плечомъ о стѣну, какъ голодная
волчица въ клѣткѣ, въ ожиданіи пици.

VI

ТРИ РАЗЛИЧНЫЯ СЕРДЦА

Между тѣмъ Фебъ не умеръ. Такого рода люди живучи. Филиппъ
Лелье, королевскій адвокатъ, говоря Эсмеральдѣ, что онъ умираетъ,
шутилъ или ошибался. Архидьяконъ объявляя въ тюрьмѣ, что онъ
умеръ, не зналъ объ немъ ничего, но надѣялся, рассчитывать и не
сомнѣвался въ его смерти. Ктому же, сообщать хорошія вѣсти о
соперникѣ слишкомъ ужасно, и можетъ-быть многіе поступили бы
какъ и архидьяконъ.

Рана была глубока, но не такъ опасна, какъ рассчитывалъ Клодъ.
Докторъ, къ которому перенесли его солдаты, боялся за его жизнь
и даже сказалъ ему это полатыни. Однако молодость взяла свое и
природа спасла больного вопреки медицинѣ. Еще въ самомъ началѣ
болѣзни подвергся онъ допросу королевскаго адвоката, что очень
ему надоѣдало и при первой возможности, онъ оставилъ эскулапу
свои золотые шпоры въ уплату и скрылся. Это впрочемъ нимало не
помѣшало ходу дѣла. Тогдашнее правосудіе не дорожило мелочами.
Былъ бы виновный повѣшенъ и дѣло съ концомъ. У судей было до-

волью поводовъ къ обвиненію Эсмемальды. Феба сочли мертвымъ и не заботились о немъ болѣе.

Капитанъ впрочемъ бѣжалъ недалеко. Онъ отправился въ Иль де Франсъ, гдѣ стояла его рота.

Ему впервыхъ не хотѣлось быть участникомъ въ процесѣ, потому что роль была незавидна, а вовторыхъ, въ качествѣ военнаго, не получившаго образованія, онъ былъ суевѣренъ и не зналъ какъ объяснить свою нечаянную встрѣчу съ Эсмемальдой, признаніе въ любви черезъ посредство козла и вмѣшательство во все дѣло страшнаго монаха. Во всемъ происшествіи онъ видѣлъ гораздо болѣе колдовства чѣмъ любви, комедію или, выражаясь тогдашнимъ слогомъ, мистерію, въ которой самая незавидная роль досталась на его долю. Онъ ощущалъ тотъ стыдъ, который Лафонтенъ опредѣлилъ стихомъ:

Honteux comme un renard qu'une poule avait pris.

Ктому же онъ надѣялся, что въ его отсутствіе имя его почти не будетъ появляться въ процесѣ и никто не узнаетъ насколько онъ причастенъ къ дѣлу. Въ этомъ онъ не ошибся. Въ то время не существовала *gazette des Tribunaux*, а такъ какъ не проходило недѣли, чтобы не вѣшали фальшиваго монетчика или не сжигали колдуньи, то народъ такъ привыкъ видѣть старую Фемиду, съ засученными рукавами чинящую расправу, что и не обращалъ на это большого вниманія. Люди повѣжиѣе никогда и не знали имени преступника, — одинъ черный народъ наслаждался зрѣлищемъ казни. Убійство людей было также обыкновенно, какъ убійство быковъ на бойнѣ. Палачъ былъ только мясникъ высшаго разряда.

Итакъ Фебъ скоро выкинулъ изъ головы и колдунью Симиляръ и ударъ кинжаломъ, нанесенный ею или страшнымъ монахомъ (для него это было все равно) и исходъ процеса. Какъ скоро его сердце сдѣлалось свободнымъ, въ него снова втѣснился образъ Флеръ де-Ли. Сердце капитана, какъ и тогдашняя физика, не выносило пустоты.

Ктому же жить въ мѣстечкѣ, гдѣ помѣщалась рота, было ужасно скучно, а Флеръ де-Ли была его предпослѣдняя страсть, да еще съ хорошимъ приданымъ. Итакъ вылечившись совершенно и предположивъ, что въ два мѣсяца дѣло цыганки было уже рѣшено, влюбленный Фебъ явился передъ воротами замка Гонделорье.

Онъ не обратилъ большого вниманія на толпу, собравшуюся противъ собора, да и припомнилъ, что въ маѣ мѣсяцѣ легко могла

быть какая-нибудь процесія, по случаю праздника. Веселый предсталъ онъ предъ очи своей прекрасной невѣсты.

У Флеръ де-Ли все еще лежала на сердцѣ послѣдняя сцена съ пыганкой и ея проклятой азбукой. Долгое отсутствіе Феба не могло послужить къ уменьшенію сомнѣній. Однакожь когда капитанъ вошелъ, въ своемъ новомъ мундирѣ и съ страстью во взорѣ, она покраснѣла отъ удовольствія. Сама невѣста была лучше чѣмъ когда-либо. Ея роскошные бѣлокурые волосы были заплетены въ удивительныя косички; одѣта она была въ голубомъ, что необыкновенно шло къ ея бѣлой кожѣ, а глазки такъ и дышали любовью.

Фебъ, долго не выдавшій женщинѣ, былъ пораженъ ея красотою, что заставило его подойти съ такою предупредительностью, что миръ былъ заключенъ не говоря ни слова. Даже сама старушка, попрежнему сидящая въ креслѣ, не имѣла духу поворчать на него.

Упреки Флеръ де-Ли обратились въ воркованье голубки.

Она сидѣла у окна все еще за своимъ Нептуномъ. Капитанъ всталъ за ея стуломъ:

— Гдѣ это пропадали вы цѣлыхъ два мѣсяца, несносный?

— Клянусь вамъ, отвѣчалъ Фебъ, нѣсколько затрудняясь отвѣтомъ: — вы такъ хороши, что способны плѣнить...

— Хорошо, хорошо. Оставьте въ покоѣ мою красоту и отвѣчайте.

— Меня потребовали на службу, кузина.

— Куда это? И почему вы не пришли со мной проститься?

— Въ мѣстечко *Queue en Vie*.

Фебъ былъ въ восторгѣ, что отвѣтъ на одинъ вопросъ могъ избавить его отъ другого.

— Да это очень близко. Какъ не пріѣхать сюда хоть одинъ разъ?

Фебъ былъ въ ужасномъ затрудненіи.

— Да... служба... и притомъ я былъ болѣнъ, кузина.

— Болѣнъ! повторила она съ испугомъ.

— Да... раненъ.

— Раненъ!

Бѣдная дѣвушка вся дрожала.

— О не пугайтесь этого, небрежно сказалъ Фебъ: — это все вздоръ. Маленькая ссора, ударъ шпагой, что вамъ до этого!

— Что мнѣ до этого! вскричала Флеръ де-Ли, поднявъ къ небу

глаза полные слезъ. — О, вы не думайте, что мнѣ это ничего не значить! Я хочу непременно знать, что это былъ за ударъ шпагой.

— Ну, милая кузина, мы повздорили съ однимъ капитаномъ и поцарапали другъ другу кожу, вотъ и все.

Хитрый капитанъ зналъ, что дуэль за оскорбленіе чести возвышаетъ мужчину въ глазахъ женщины. Въ самомъ дѣлѣ невѣста взглянула на него съ выраженіемъ страха и удовольствія. Сомнѣнія ея однакожъ несовѣмъ еще разсѣялись.

— Только бы вы совѣмъ поправились, мой Фебъ. Я не знаю вашего капитана, но онъ дурной человѣкъ. А изъ-за чего вышла ссора?

Фебъ, у котораго воображеніе было не слишкомъ сильно, чуть-чуть не сталъ въ тупикъ при этомъ вопросѣ.

— О, изъ-за пустяковъ... изъ-за лошади и неосторожнаго слова... Кузина, вскричалъ онъ, чтобъ переменить разговоръ: — что это за шумъ тамъ на площади?

— Незнаю, отвѣчала Флеръ де-Ли: — кажется какая-то колдунья будетъ приносить публичное покаяніе, а послѣ ее повѣсятъ.

Фебъ такъ былъ увѣренъ въ окончаніи дѣла Эсмемальды, что остался совершенно спокоенъ, однако сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ.

— Какъ зовутъ эту колдунью?

— Незнаю, отвѣчала она.

— А за что ее судятъ?

Она пожала своими бѣлыми плечами.

— И этого незнаю.

— Господи, вмѣшалась старуха: — теперь столько развелось колдуновъ, что ихъ жгутъ кажется не справляясь объ имени. Да что и безпокоиться: у Бога вѣроятно ведется вѣрный реестръ ихъ именамъ. Старушка встала и подошла къ окну. Да, въ самомъ дѣлѣ, какая толпа, народъ даже на крышахъ. Знаете, Фебъ, это напоминаетъ мнѣ мое время, вступленіе Карла VII; тогда тоже было много народу. Незнаю уже въ которомъ это было году. Вамъ это кажется очень старо, а мнѣ напоминаетъ молодость. О, тогда народъ былъ лучше! И старушка пустилась описывать старое время, но наши влюбленные ее не слушали.

Фебъ снова оперся о спинку кресла своей невѣсты, — положеніе, доставлявшее ему возможность бросать нескромные взгляды во всѣ отверстія ея пелеринки. Пелеринка раскрывалась такъ кстати, по-

казывала ему столько вещей и возбуждала такія надежды, что Фебъ мысленно повторялъ возможно ли быть влюбленнымъ не въ блондинку? Оба молчали. Дѣвушка взглядывала на него своими нѣжными, радостными глазами, а солнечный лучъ игралъ въ ихъ смѣшанныхъ волосахъ.

— Фебъ, тихо сказала Флеръ де-Ли, черезъ три мѣсяца наша свадьба; поклянитесь мнѣ, что вы никогда не любили другой женщины.

— Клянусь, милый ангелъ! и страстный взглядъ Феба подтверждалъ искренность его словъ. Онъ кажется готовъ былъ самъ себя повѣрить въ эту минуту.

Между тѣмъ, добрая мать, видя такое согласіе между обрученными, отправилась по какимъ-то хозяйственнымъ распоряженіямъ. Фебъ тотчасъ замѣтилъ это, и ему пришло въ голову нѣсколько смѣлыхъ мыслей. Флеръ де-Ли его любитъ, онъ ея женихъ; они одни; любовь его къ ней снова воскресла, если не съ прежней свѣжестью, то съ прежнимъ пыломъ; притомъ что за бѣда воспользоваться нѣсколько раньше тѣмъ, что все-таки будетъ принадлежать ему; не знаю, въ такомъ ли именно порядкѣ пришли ему всѣ эти мысли, но дѣло въ томъ, что Флеръ де-Ли вдругъ испугалась выраженія его глазъ. Она оглянулась и увидала, что матери нѣтъ въ комнатѣ.

— Боже мой, сказала она съ безпокойствомъ: — мнѣ жарко здѣсь!

— Въ самомъ дѣлѣ, подхватилъ Фебъ: — скоро полдень, солнце такъ ярко, не лучше ли опустить стору?

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала испуганная дѣвушка: — напротивъ, мнѣ нужно воздуху.

И какъ лань, чувствующая приближеніе своры, она вскочила, растворила балконъ и вышла.

Фебъ съ неудовольствіемъ послѣдовалъ за нею.

Соборная площадь, на которую выходилъ балконъ, представляла мрачное зрѣлище въ эту минуту.

Толпы народа стремились изо всѣхъ улицъ; самая площадь окружена была сержантами. Широкія двери собора были затворены, что составляло контрастъ со всѣми раскрытыми окнами домовъ, выходящихъ на площадь и униженныхъ тысячами головъ.

Толпа состояла изъ нисшаго класа; впрочемъ и ожидаемое зрѣлище принадлежало къ роду такихъ, на которыя не ходитъ смотрѣть

высшая публика. Изъ толпы вырывались крики и смѣхъ ; женщинъ было болѣе нежели мужчинъ.

— Эй, Майе Балморъ, кого это будутъ вѣшать?

— Глупый, здѣсь только церковное покаяніе; если хочешь смортѣть какъ вѣшаютъ, ступай на Гревскую площадь.

— Пойдемъ и туда.

— Правда, что она не хотѣла принять духовника?

— Говорятъ, что такъ.

— Видишь, язычница!

— Бѣдняжка! говорила Флеръ де-Ли и глаза ея выражали глубокое соболѣзнованіе. Капитанъ, пользуясь удобнымъ случаемъ, обнялъ ее за талію. Она оглянулась и кинула на него умоляющій взглядъ.

— Оставьте, Фебъ, маменька можетъ войти.

Въ эту минуту, пробило полдень на соборныхъ часахъ. Ропотъ удовольствія пробѣжалъ по толпѣ. Съ послѣднимъ ударомъ, всѣ головы заколыхались и раздался общій крикъ: «вотъ она!»

Флеръ де-Ли закрыла глаза руками.

— Войдите въ комнату, моя прелесть, уговаривалъ Фебъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она и отняла руки.

На площадь вѣхала телѣга, со всѣхъ сторонъ окруженная кавалеріей въ фіолетовыхъ мундирахъ съ бѣлыми крестами. Сержанты впереди расталкивали народъ. У самой телѣги вѣхали судьи и полицейскіе, которыхъ легко было узнать по черному костюму и неуклюжей посадкѣ. Жакъ Шармолу былъ во главѣ шествія. Въ телѣгѣ сидѣла молодая дѣвушка съ связанными назадъ руками. Съ ней не было даже священника. Она была въ одной рубашкѣ; длинные черные волосы рассыпались по полуобнаженнымъ плечамъ. (Въ то время ихъ стригли на самомъ эшафотѣ).

Между роскошныхъ волосъ виднѣлась верѣвка, обвившаяся какъ змѣя вокругъ бѣлой шеи преступницы. Изъ-подъ веревки блестѣла ладонка, украшенная блестками, которую вѣроятно оставили преступницѣ, снисходя къ ея послѣдней предсмертной просьбѣ. Изъ оконъ, зрителямъ видны были ея обнаженные ноги, которыя она старалась уложить подъ себя, побуждаемая послѣднимъ инстинктомъ женской стыдливости. У ногъ ея лежала связанная козочка. Осу-

жденная придерживала зубами свою рубашку; на лицѣ ея выражался ужасъ и стыдъ быть предъ толпой почти раздѣтой.

— Посмотрите, кузень, сказала Флеръ де-Ли: — вѣдь это та скверная цыганка съ козой.

Говоря это, она взглянула на Феба. Глаза его были устремлены на телѣгу; онъ былъ страшно блѣденъ.

— Какая... цыганка? спросилъ онъ, запинаясь.

— Какъ! развѣ вы не помните?

— Незнаю что вы хотите сказать.

И онъ повернулся къ дверямъ, но Флеръ де-Ли, въ которой шевельнулась прежняя ревность, бросила на него пронизательный взглядъ. Ей вдругъ пришли въ голову рассказы о какомъ-то капитанѣ, замѣшанномъ въ процессъ колдушья.

— Что съ вами? Васъ какъ-будто смущаетъ видъ этой женщины?

Фебъ силился усмѣхнуться.

— Меня! ничуть. Вотъ прекрасно!

— Ну такъ оставайтесь, и будемъ смотрѣть до конца.

Несчастный капитанъ принужденъ былъ повиноваться; его ободряло нѣсколько то, что осужденная не поднимала головы. Это дѣйствительно была Эсмеральда. И какъ хороша она даже въ эту минуту скорби и униженія. Ея черные глаза сдѣлались еще больше отъ худобы лица; ея блѣдная профиль была удивительна. Она походила на прежнюю Эсмеральду такъ, какъ мадона Masaccio походить на мадону Рафаэля.

Казалось, въ ней вовсе пропало сознание; тѣло ея припрыгивало отъ толчковъ телѣги какъ безжизненная масса; взглядъ былъ дикъ и мутенъ. На рѣсницахъ виднѣлась еще слезинка, но и та какъ-будто застыла, не имѣя силы скатиться.

Мрачный поѣздъ пробрался наконецъ сквозь толпу, при радостныхъ крикахъ, и остановился передъ главнымъ порталомъ. Впрочемъ, красота и убитый видъ осужденной вызвали состраданіе многихъ, даже неслишкомъ чувствительныхъ. Стража выстроилась въ двѣ стѣны. Толпа замолкла и среди этого мрачнаго молчанія, со скрипомъ растворилась огромная дверь храма. Длинная церковь представилась зрителямъ вся покрытая чернымъ и едва освѣщенная нѣсколькими свѣчами. Въ самой глубинѣ ея, на черномъ сукнѣ, повѣшенномъ съ потолка до полу, виднѣлось огромное серебряное распятіе. Церковь была пуста, только на клиросѣ виднѣлось нѣ-

сколько головъ священниковъ и когда двери растворились, раздалось монотонное, страшное пѣніе, отрывки котораго долетали до осужденной.

....*Non timebo millia populi circumdantes me exsurge, Domine; saluum me fac, Deus!*

....*Saluum me fac, Deus, quoniam intraverunt aquae usque ad animam meam.*

....*Infixus sum in limo profundi: ei non est substantia.*

Въ то же время, другой голосъ произносилъ въ алтарь:

....*Qui verbum meum audit, et credit ei qui misit me, habet vitam aeternam et in iudicium non venit; sed transit a morte in vitam.*

Это пѣніе нѣсколькихъ старческихъ голосовъ изъ темныхъ угловъ церкви надъ молодой, прелестной дѣвушкой, полной жизни и освѣщенной лучами весенняго солнца, была служба по покойникѣ.

Народъ внимательно слушалъ.

Несчастная безсознательно смотрѣла въ темную глубь церкви. Ея блѣдныя губы шевелились, какъ бы произнося молитву, а помощникъ палача, подошедшій чтобъ снять ее съ тѣлги, слышалъ какъ она нѣсколько разъ повторяла слово *Фебъ*.

Ей развязали руки и сняли съ тѣлги вмѣстѣ съ козой, которая принялась блеять, чувствуя себя на свободѣ; босыми ногами повели ее до первыхъ ступеней портала; веревка тащилась за нею словно змѣя.

Пѣніе въ церкви умолкло. Большое распятіе, предшествуемое рядомъ зажженныхъ свѣчъ, двинулось изъ глубины храма. Застучали алебарды стражей и скоро взорамъ толпы предстала цѣлая процессія священниковъ и дьяконовъ, съ пѣніемъ приближавшихся къ осужденной. Глаза ея остановились на одномъ изъ нихъ, шедшемъ тотчасъ вслѣдъ за крестомъ.

— *O!* прошептала она содрогаясь: — опять священникъ!

Дѣйствительно то былъ архидіаконъ. По сторонамъ ея шли пѣвчіе; онъ приближался, откинувъ назадъ голову, съ взоромъ, устремленнымъ прямо передъ собою и пѣлъ громкимъ голосомъ:

De ventre inferi clamavi, et exaudisti vocem meam,

Et projecisti me in profundum in corde maris, et flumen circumdedit me.

Когда онъ вышелъ на свѣтъ въ своемъ серебряномъ колпакѣ

съ чернымъ крестомъ, онъ былъ такъ блѣденъ, что многіе подумали, не встала ли одна изъ мраморныхъ статуй собора и вышла принять осужденную въ царствѣ мертвыхъ.

Она была также блѣдна и также походила на статую. Она не чувствовала какъ вложили ей въ руку огромную свѣчу желтаго воска, не слыхала, какъ гребее инсклнвымъ голосомъ прочелъ формулу церковнаго покаянія; ей велѣли сказать аминь и она машинально повторила аминь. Признаки жизни явились въ ней только когда архидіаконъ знакомъ отослалъ своихъ служителей и приблизился къ ней.

Кровь бросилась ей въ голову; негодование еще разъ закипѣло въ этой почти отлетѣвшей душѣ.

Архидіаконъ подходилъ медленно; даже при этомъ случаѣ взоръ его сладострастно остановился на ея обнаженномъ тѣлѣ. Онъ громко спросилъ ее :

— Раскаялась ли ты въ своихъ погрѣшеніяхъ? а наклонясь къ ея уху, тихо шепнулъ (зрители думали, что онъ выслушиваетъ ея исповѣдь) : — хочешь быть моею? Я могу еще спасти тебя.

Она пристально посмотрѣла на него.

— Уйди, демонъ, или я изобличу тебя.

Онъ улыбнулся ужасной улыбкой.

— Тебѣ не повѣрятъ. Ты только усилишь свое преступленіе ложнымъ доносомъ. Отвѣчай скорѣе, хочешь ли принадлежать мнѣ?

— Что сдѣлалъ ты съ моимъ Фебомъ?

— Онъ умеръ! отвѣчалъ священникъ.

Въ эту минуту злополучный архидіаконъ машинально поднялъ голову и увидѣлъ на балконѣ дома Гонделорье Флеръ-де-Ли и подлѣ нея капитана.

Онъ пошатнулся, провелъ рукою по глазамъ, посмотрѣлъ снова, пробормоталъ проклятіе и всѣ черты его мгновенно исказились.

— Ну такъ умри же ты! проговорилъ онъ сквозь зубы, и поднявъ руку надъ головой цыганки, произнесъ громкимъ голосомъ : — *I nunc anima anseris, et sit tibi Deus misericors!*

Это была послѣдняя формула, которой завершались въ то время мрачныя церемоніи. То былъ условный знакъ священника палачу.

Народъ сталъ на колѣни.

«*Kyrie Eleison!*» запѣли священники, оставшіеся подъ порталомъ.

«Kyrie Eleison!» повторяла толпа шопотомъ; напоминающимъ плескъ морской волны.

— Аминь! сказалъ архидіаконъ.

Онъ отвернулся отъ осужденной; голова его опустилась на грудь, руки скрестились на груди и черезъ минуту онъ исчезъ съ крестомъ, свѣчами и процесіей подъ темными сводами собора; еще нѣсколько времени слышенъ былъ въ хорѣ его голосъ, поющій слова псалма:

Omnes gurgites tui et fluctus tui super me transierunt!

А стукъ алебардъ по каменнымъ плитамъ церкви напоминалъ маятникъ, отмѣривающій послѣднія мгновенія жизни для осужденной.

Между тѣмъ двери собора все еще были отперты и осужденная стояла неподвижно, ожидая, чтобы ею распорядились. Жакъ Шармолю такъ углубился въ изученіе одного барельефа на главномъ порталѣ, изображавшаго, по мнѣнію однихъ, жертвоприношеніе Авраама, а по другимъ алхимическій процессъ, въ которомъ ангель изображаетъ солнце, жертвенникъ огонь, а Авраамъ изслѣдователя, что нужно было напомнить ему объ окончаніи процесіи.

Не безъ труда вывели его изъ задумчивости; наконецъ онъ обернулся и сдѣлалъ знакъ двумъ людямъ, одѣтымъ въ жолтое, чтобы они снова связали руки виновной.

Въ несчастной кажется проснулась жажда жизни въ ту минуту, какъ готовились посадить ее на телегу и везти къ послѣдному назначенію. Она подняла свои сухіе, воспаленные глаза къ небу, къ солнцу, къ серебряннымъ облакамъ, потомъ обвела ими толпу, дома... Вдругъ въ ту минуту, какъ палачъ затягивалъ послѣдній узелъ, она испустила ужасный крикъ, крикъ радости. Тамъ, на балконѣ, на углу площади она увидѣла его, своего друга, своего властелина и избавителя, Феба, свѣтлое явленіе своей жизни! Судья солгалъ! Это былъ точно онъ, онъ самъ, живой, красивый, одѣтый въ свой великолѣпный мундиръ, съ перомъ на головѣ и со шпагой!

— Фебъ, мой Фебъ! крикнула она и хотѣла протянуть къ нему руки, дрожація отъ любви и восторга, но онъ были связаны.

Тогда она увидѣла, что капитанъ нахмурилъ брови, а стоящая подлѣ него красивая дѣвушка бросила на него гнѣвный, презри-

тельный взглядъ; потомъ Фебъ произнесъ нѣсколько словъ, недолетѣвшихъ до ея слуха и оба исчезли съ балкона.

— Фебъ, развѣ и ты вѣришь? вскрикнула она въ отчаяніи.

Ей пришла въ голову убійственная мысль. Она припомнила, что ее осудили за убійство капитана Феба де-Шатоперъ.

До этой минуты она все выносила, но послѣдній ударъ былъ слишкомъ силенъ. Она безъ чувствъ упала на мостовую.

— Ну положите ее на телегу и кончимъ скорѣе! сказалъ Жакъ Шармолю.

Никто изъ зрителей этой сцены не обратилъ вниманія на странную личность, помѣщавшуюся на галереѣ между статуями портала и смотрящую на происходящее съ такой неподвижностью, что не будь она одѣта въ полукрасное, полупіюлетовое платье, ее легко было бы принять за одно изъ тѣхъ каменныхъ чудовищъ, изъ пасти которыхъ уже шестьсотъ лѣтъ стекаетъ вода съ крыши собора. Этотъ зритель внимательно слѣдилъ за всѣмъ происходящимъ на площади, и съ первой минуты появленія телеги, пользуясь тѣмъ, что никто не смотрѣлъ въ его сторону, прикрѣпилъ къ одной изъ колонокъ галереи крѣпкую веревку съ узлами, конецъ которой спустился до крыльца собора. Окончивъ это, онъ принялся спокойно наблюдать и пошвытывалъ, когда мимо его пролетали птицы. Въ ту минуту, какъ палачъ собирался исполнить приказъ Шармолю, онъ мигомъ спустился по веревкѣ, съ быстротой кошки подкрался къ палачу, повалилъ его ударами своихъ чудовищныхъ кулаковъ, схватилъ цыганку одной рукой, какъ ребенокъ беретъ свою куклу и въ одинъ прыжокъ очутился у дверей церкви, держа дѣвушку надъ своей головой и громкимъ голосомъ крича:

— Убѣжище!

Все это сдѣлалось съ такою быстротою, что случись это ночью, — всю сцену можно бы увидѣть при одномъ блескѣ молніи.

— Убѣжище! Убѣжище! повторила толпа и тысячи рукоплесканій заставили гордо блеснуть единственный глазъ Квазимодо.

Осужденная пришла въ чувство отъ сотрясенія, раскрыла глаза и снова закрыла ихъ какъ бы страшась своего избавителя.

Шармолю, палачи и вся свита точно окаменѣли. Въ оградѣ церкви осужденная становилась неприкосновенной. Соборъ былъ мѣстомъ убѣжища. Всякая месть человѣческая становилась бессильна въ его предѣлахъ.

Квазимодо остановился подъ большимъ порталомъ. Его широкія

ноги казались также сросшимися съ поломъ, какъ и колонны сводовъ; огромная косматая голова также прикрѣплена была къ плечамъ, какъ и головы львовъ, неимѣющихъ шеи, а только гриву. Онъ держалъ дрожащую дѣвушку въ своихъ грубыхъ рукахъ съ такой предосторожностью, какъ-будто боялся сломить или осквернить ее своимъ прикосновеніемъ. Казалось онъ чувствовалъ, что она создана для другого, болѣе нѣжнаго прикосновенія. По временамъ онъ сдерживалъ даже дыханіе, но бывали минуты, когда онъ вдругъ съ силою прижималъ ее къ своей широкой груди, какъ мать прижимаетъ свое дитя, свое единственное сокровище, свою собственность. Его единственный глазъ изливалъ на нее потоки нѣжности, сожалѣнія и вдругъ обращался къ толпѣ съ молніеноснымъ блескомъ.

Женщины смѣялись и плакали, толпа рукоплескала; Квазимодо былъ даже хорошъ въ эту минуту. Вотъ онъ, это отринутое дитя человечества, онъ чувствуетъ себя могучимъ и сильнымъ, онъ смѣло глядитъ въ глаза этому обществу, которое его изгнало и надъ которымъ онъ взялъ теперь верхъ, на это правосудіе, у котораго онъ похитилъ жертву, на всѣхъ этихъ голодныхъ тигровъ, сборовъ, судей, палачей, на всю власть, которую онъ попраалъ, онъ, уродъ, отверженецъ, съ единственной помощью самаго высшаго судіи.

Какое трогательное зрѣлище эта осужденная, беззащитная дѣвушка, спасенная Квазимодо. Это было соединеніе двухъ величайшихъ безпомощностей, пришедшихъ на помощь другъ другу.

Насладившись минутой торжества, Квазимодо исчезъ съ своей ношей подъ сводами церкви. Толпа, ненасытная къ зрѣлищамъ, искала его глазами и вдругъ увидѣла на верхней галерей, которую онъ пробѣжалъ какъ безумный, держа надъ головой Эсмемальду и снова крича:

— Убѣжище!

Тутъ новыя рукоплесканія. Потомъ увидѣли его на самой верхней площадкѣ, все съ цыганкой въ рукахъ, бѣжащаго изо всѣхъ силъ и повторяющаго свой побѣдный крикъ. Наконецъ появился онъ въ третій разъ наверху колокольни; оттуда показалъ онъ съ гордостью всему городу ту, которую спасъ, и его громовой голосъ, который раздавался такъ рѣдко и котораго онъ самъ никогда не слышалъ, три раза повторилъ съ страстной энергіей:

— Убѣжище! убѣжище! убѣжище!

— Браво! браво! кричалъ народъ, и эти возгласы достигали

противоположнаго берега и той кельи, гдѣ затворница ожидала казни цыганки со взглядомъ неподвижно-устремленнымъ на вистлицу.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

I

ГАЛЮЦИНАЦІИ

Архидіакона не было въ соборѣ въ то время какъ его пріемный сынъ такъ неожиданно перерѣзалъ петлю, въ которую запуталъ цыганку и самого себя несчастный Клодъ Фролло. Войдя въ ризницу, онъ сорвалъ съ себя облаченіе, бросилъ его на руки оторопѣвшему служителю и кинулся вонъ изъ монастыря. Тутъ онъ переправился на другой берегъ и безсознательно стаякивался съ толпой, спѣшившей прійти вовремя, чтобы не проглядѣть какъ будутъ вѣшать колдунью. Бѣдный, измученный, онъ былъ въ состояніи ночной птицы, попавшейся днемъ въ руки школьниковъ. Онъ не зналъ куда идти, что думаетъ и не видитъ ли все во снѣ. Онъ все бѣжалъ, бѣжалъ невыбирая, неостанавливаясь, лишь бы уйти подальше отъ страшной Гревской площади.

Такъ прошолъ онъ гору св. Женевьевы и очутился за городомъ, переставая бѣжать до тѣхъ поръ, пока пропали изъ вида послѣдніе дома предмѣстья. Когда наконецъ онъ почувствовалъ себя далеко отъ ненавистнаго Парижа, то остановился и свободнѣе перевелъ духъ.

Тогда-то воротилось къ нему сознание. Онъ ясно увидѣлъ свою душу и содрогнулся. Онъ вспомнилъ о бѣдномъ созданіи, которое его погубило и которое онъ погубилъ. Онъ бросилъ взглядъ ужаса на тотъ извилистый путь, по которому предопредѣленіе вело жизнь двухъ существъ до той точки, гдѣ они должны были разбиться одно о другое. Онъ подумалъ о ненарушимыхъ обѣтахъ, о несостоятельности науки, добродѣтели; онъ съ наслажденіемъ погрузился въ черныя мысли и изъ груди его вырвался сатанинскій смѣхъ.

Такъ смѣялся онъ долго, раскапывая свою душу и созная какое огромное мѣсто занимаютъ въ ней страсти. Онъ измѣрялъ всю силу своей злобы и ненависти и пришолъ къ заключенію, что все

это могло бы быть избыткомъ любви; что любовь, составляющая добродѣтель у всѣхъ людей, дѣлается порокомъ въ его положеніи; что человѣкъ съ его натурой, налагая на себя обѣты священника, становится демономъ. Тутъ онъ захохоталъ еще громче, но вдругъ поблѣднѣлъ при воспоминаніи о той ужасной, ядовитой, безпощадной любви, которая довела одну жертву до эшафота, а другую до вѣчной муки: — она осуждена, онъ проклять.

Смѣхъ его еще болѣе усилился, когда онъ припомнилъ, что капитанъ Февъ живъ, счастливъ, имѣетъ новый мундиръ и новую любовницу, которой показывается казнь старой. Наконецъ смѣхъ почти душилъ его при мысли, что изъ всего человѣческаго рода мщеніе его именно упало на голову единственной личности, которую онъ не ненавидѣлъ.

Отъ капитана мысль его перешла на народъ, и въ немъ шевельнулась странная ревность: всѣ эти люди видѣли почти нагою ту, которую онъ любилъ. Онъ ломалъ себѣ руки при мысли, что женщина, видѣть которую одному, въ полумракѣ, было бы верхомъ блаженства, выставлена была на глаза всей толпы, одѣтая какъ для брачнаго ложа. Онъ со злобой оплакивалъ всѣ эти таинства любви, оскверненные пошлыми взглядами, эту чистую дѣвушку, къ которой онъ осмѣлился бы коснуться только съ священнымъ трепетомъ, обращенную въ публичную женщину на позоръ всѣмъ ворамъ, нищимъ и лакеямъ Парижа.

Когда же ему приходило на мысль то счастье, которое могло бы быть его удѣломъ, еслибы она не была цыганкой, а онъ священникомъ, еслибы не существовало Феба, а предметомъ ея любви былъ онъ самъ; когда онъ представлялъ себѣ ту жизнь, полную свѣтлаго счастья, которую испытывали можетъ-быть въ эту минуту нѣкоторые избранные въ какомъ-нибудь углу земного шара, упиваясь ароматомъ лѣсовъ, въ воду заходящимъ солнцемъ, или звѣздной ночью, и которую могъ бы испытывать и онъ, еслибы была на то воля неба; о, какой нѣжностью и вибѣстѣ горечью переполнялось его сердце!

Опять, опять эта мысль впивалась въ его мозгъ, мучила и терзала его. Онъ не жалѣлъ и не раскаявался; онъ былъ снова готовъ сдѣлать то, что уже было сдѣлано; ему легче было видѣть ее въ рукахъ палача, чѣмъ въ рукахъ капитана; но онъ страдалъ, — страдалъ до такой степени, что вырывалъ горстями волосы, чтобы увидѣть, посядѣли ли они.

Вдругъ ему пришло въ голову, что можетъ-быть въ эту минуту

веревка обвивается вокругъ той бѣлой и нѣжной шеи, которую онъ видѣлъ поутру. Отъ этой мысли у него выступилъ холодный потъ на всемъ тѣлѣ.

Была еще минута, когда среди своего демонскаго смѣха, онъ вспомнилъ Эсмеральду, такъ какъ онъ видѣлъ ее въ первый разъ, наряною, сиѣющуюся, танцующую, полную гармоніи, и Эсмеральду на площади, съ веревкой на шеѣ, медленно входящую по ступенямъ портала; эта двойная картина представилась ему такъ живо, что онъ испустилъ страшный крикъ.

Между тѣмъ какъ страшный ураганъ отчаянія перемѣшивалъ, вырываетъ съ корнемъ и уничтожалъ все въ его душѣ, онъ взглянулъ на окружающую природу. У ногъ его рылись куры, нарядныя стрекозы летали на солнцѣ; надъ его головой проносились легкія облака по голубому небу; на горизонтѣ прорѣзывалась стрѣлка св. Виктора, а мельникъ въ Копо смотрѣлъ какъ вертятся колеса его мельницы. Вся эта спокойная, дѣятельная жизнь кругомъ, усилила боль его сердца. Онъ снова пустился бѣжать.

Такъ проходилъ онъ въ поляхъ до вечера. Цѣлый день прошло въ этомъ избѣганіи природы, людей, самого себя. Повременамъ онъ бросался ничкомъ на землю и ногтями вырывалъ молодую траву; временами мысли такъ тяготили его, что онъ брался обѣими руками за голову, желая оторвать ее и разбить о мостовую.

Къ вечеру онъ почти совершенно лишился сознанія. Буря, овладѣвшая имъ съ той самой минуты, когда онъ потерялъ возможность и желаніе спасти цыганку, не оставила въ его головѣ ни одной ясной мысли. Разсудокъ его помрачился, въ немъ оставались только два образа: Эсмеральда и висѣлица, — все остальное было темно. Два эти предмета виѣтъ составляли ужасную группу, и чѣмъ сильнѣе устремлялось на нихъ вниманіе Фролло, тѣмъ сильнѣе возрастали они, одна въ красоть, граціи и свѣтъ, другая во всей своей гнусности. Подъ конецъ Эсмеральда казалась ему свѣтлой звѣздой, а висѣлица огромной, страшной рукою, сияющей схватить ее. Замѣчательно, что во все продолженіе этой пытки, ему ниразу не пришла въ голову мысль о смерти. Несчастный былъ ужъ такъ созданъ, что дорожилъ даже этой жизнью. Можетъ-быть онъ боялся и ада.

Между тѣмъ начинало темнѣть. Животный инстинктъ напомнилъ ему о возвращеніи. Онъ думалъ, что уйдетъ далеко отъ Парижа, но оказалось, что онъ бродилъ только вокругъ стѣнъ университета. Направо возвышалась колокольня святого Сюльпиція, и онъ направилъ

ся въ ту сторону. Избѣгая встрѣчи съ живымъ существомъ, Клодъ обошелъ всѣ населенныя мѣста, взялъ лодочника и переѣхалъ на тотъ островокъ, гдѣ мы уже видѣли Гренгуара въ неудачный для него день.

Однообразное движеніе лодки и шумъ воды какъ-будто успокоили Клода. Когда лодочникъ удалился, онъ тупо остался на берегу, смотря прямо передъ собою и видя предметы въ какой-то фантазмагорической формѣ. Такъ нерѣдко бываетъ послѣ сильного душевнаго утомленія.

Солнце скрылось за высокой нейльской башней. Наступали сумерки. Небо было бѣлаго цвѣта; рѣчная вода также. Между этими бѣлыми полосами лѣвый берегъ Сены, на который устремлены были глаза Клода, представлялъ темную массу, и уменьшаясь въ перспективѣ, исчезалъ подъ конецъ въ туманѣ. Силуэты его домовъ рѣзко вычерчивались на свѣтломъ фонѣ. Окна ихъ блистали какъ огненные отверстія. Этотъ огромный черный обелискъ между двумя свѣтлыми полосами неба и воды сдѣлалъ на Клода впечатлѣніе подобное тому, которое испытывалъ бы человѣкъ, лежащій на спинѣ у подножія страсбургской колокольни и смотрящій какъ громадная вершина ея погружается въ темноту надъ его головою. Только тутъ Клодъ стоялъ, а обелискъ лежалъ, но такъ какъ рѣка, отражая небо, увеличивала пропасть надъ его ногами, громадный мысъ также далеко уходилъ въ пустое пространство и производилъ одинакое впечатлѣніе. Впечатлѣніе это было тѣмъ страннѣе и глубже, что это была также страсбургская колокольня, только вышиною въ два лье, что-то гигантское, неизмѣримое, зданіе, какого не видывалъ ни одинъ человѣческій глазъ, — вавилонская башня. Трубы домовъ, зубцы стѣнъ, закраины крышъ, стрѣлка св. Августина, нейльская башня, всѣ эти выступы, обозначающіе профиль колоссальнаго обелиска, усиливали иллюзію. Клоду показалось, что онъ собственными глазами видитъ адскую колокольню; тысячи огоньковъ, разбросанныхъ по страшной башнѣ, казались ему отверстіями громадной печи, шумъ и голоса долетающія до него, плачемъ и скрежетомъ. Въ испугѣ онъ зажалъ уши, чтобы не слышать, и побѣждалъ отъ страшнаго видѣнія. Но видѣніе было въ немъ самомъ.

Когда онъ вошелъ въ улицы, прохожіе казались ему толпою призраковъ. У него страшно шумѣло въ ушахъ и какой-то хаосъ былъ въ мысляхъ. Онъ не видѣлъ ни домовъ, ни улицъ, ни телѣтъ, ни мужчинъ, ни женщинъ, но какую-то путаницу лицъ и предме-

товъ. На углу улицы Барильери была овощная лавка, у вывѣски которой съ незапамятнаго времени висѣлъ пукъ деревяныхъ свѣчь, стукавшихся отъ вѣтра одна о другую. Ему звукъ этотъ показался борьбою скелетовъ въ Монфоконѣ.

О, думалъ онъ, ночной вѣтеръ толкаетъ ихъ другъ на друга и звучитъ ихъ цѣпами! Она можетъ-быть также теперь между ними!

Черезъ нѣсколько времени, онъ безсознательно очутился на мосту св. Михаила. Въ нижнемъ этажѣ одного дома горѣлъ огонь, онъ подошелъ ближе. Сквозь пузырчатое стекло онъ увидѣлъ грязную комнату, напомнившую ему что-то. Въ этой комнатѣ тускло горѣла лампа, сидѣлъ молодой человекъ съ веселымъ лицомъ и со смѣхомъ цѣловалъ женщину въ весьма небрежномъ нарядѣ; подлѣ лампы пряталась старуха и напѣвала дребезжающимъ голосомъ. Въ интервалы между смѣхомъ молодого человека слышны были слова ея пѣсни; это было что-то бессмысленно-ужасное:

Grève aboye, grève grouille!
 File, file ma quenouille,
 File sa corde au bourreau
 Qui siffle dans le préau.
 Grève aboye, grève grouille!

La belle corde de chanvre!
 Semez d'Issy jusqu'à Vanvre
 Du chanvre et non pas du blé!
 Le voleur n'a pas volé
 La belle corde de chanvre.

Grève grouille, Grève aboye!
 Pour voir la fille de joie
 Pendre au gibet chassieux,
 Les fenêtres sont des yeux.
 Grève grouille, Grève aboye!

Вслѣдъ за этимъ, молодой человекъ смѣялся и ласкалъ дѣвушку. Старуха была Фалурдель, дѣвушка — публичная женщина, а молодой человекъ Жанъ Фролло. Клодъ продолжалъ смотрѣть. Не то такъ другое, не все ли равно! Онъ видѣлъ какъ Жанъ подошелъ къ окну, выходящему на набережную, открылъ его, посмотрѣлъ и сказалъ закрывая: «Чортъ возьми, уже ночь. Люди зажигаютъ свѣчи, а Богъ звѣзды на небѣ.» Потомъ Жанъ воротился къ своей собесѣдницѣ, разбилъ бутылку объ столъ съ восклицаніемъ: ужь пустая, чортъ ее побери, а у меня нѣтъ больше денегъ! Изабо, душа моя,

я тогда буду совершенно доволенъ Юпитеромъ, когда онъ превратитъ твои бѣлыя груди въ неистощимыя бутылки, изъ которыхъ я буду пить цѣлую жизнь.

Эта шутка размѣшила женщину и Жанъ вышелъ. Домъ-Клодъ успѣлъ только броситься ничкомъ на землю, чтобы небыть узнаннымъ братомъ. Къ счастью, улица была темна, а школьникъ пьянъ. Однакожъ, онъ замѣтилъ архидіакона.

— О, о! сказалъ онъ: — вотъ этотъ повеселился сегодня! Онъ потопкалъ ногою Клода, удерживавшаго дыханіе.

— Мертвецки пьянъ! точно пьявка, приставленная къ винной бочкѣ. Да онъ плѣшивый, сказалъ онъ наклоняясь, вѣрно старикъ! *Fortunate senex!* Потомъ, онъ отошелъ говоря: а все-таки хорошо быть разсудительнымъ, и братъ мой архидіаконъ вдвойнѣ счастливъ, потому что у него и разсудокъ и деньги.

Тогда архидіаконъ всталъ и бѣгомъ побѣжалъ къ собору, башни котораго виднѣлись ему между крышами. Дойдя до площади, онъ не смѣлъ поднять глазъ на главный порталъ.

— О! проговорилъ онъ, неужели же правда, что все происходило здѣсь сегодня утромъ!

Однакожъ, онъ принудилъ себя взглянуть на церковь. Фасадъ былъ темень, а сзади небо блистало звѣздами. Луна остановилась надъ правой башней и выглядывала изъ-за черной рѣзьбы. Монастырскія ворота были заперты, но у архидіакона всегда былъ съ собой ключъ отъ башни, гдѣ помѣщалась его лабораторія. Онъ вошелъ въ церковь.

Въ церкви былъ мракъ и мертвая тишина. По длиннымъ тѣнямъ, падавшимъ отовсюду, онъ догадался, что траурныя драпировки еще несняты послѣ утренней церемоніи. Большое серебряное распятіе блистало среди темноты. Архидіакону всюду чудились призраки.

Онъ ускорилъ шаги, но ему показалось, что и церковь зашевелилась, что у каждой колоны огромная лапа, которой она тяжело попираетъ землю и выступаетъ какъ слонъ, а столбы служатъ ногами слону, двѣ башни хоботомъ, а черная драпировка балдахиномъ. Горячка достигла такихъ размѣровъ, что дѣйствительный міръ былъ для несчастнаго Клода какимъ-то живымъ апокалипсисомъ. На минуту ему стало полегче: онъ замѣтилъ какую-то красноватую полосу свѣта между столбами и бросился къ ней какъ къ янорю спасенія. Это была скудная лампа, которая день и ночь освѣщала публичный молитвеникъ подъ его желѣзнымъ навѣсомъ. Онъ

жадно бросился на святую книгу, надѣясь найти въ ней утѣшеніе и бодрость. Книга открыта была на этомъ мѣстѣ книги Іова: «Дыханіе пронеслось ю моему лицу, я услышалъ вздохъ и волосы мои стали дыбомъ.»

При этомъ чтеніи онъ испыталъ то что испытываетъ слѣпой, натываясь на свою собственную палку. Кольни его подогнулись, и онъ опустился на полъ съ мыслью о той, которая умерла сегодня. Долго оставался онъ такъ безъ силъ и сознанія; наконецъ ему пришла мысль уйти въ башню подъ защиту своего вѣрнаго Квазимодо. Онъ всталъ, и боясь темноты, взялъ съ собою лампаду отъ молитвенника. Это было святотатство, но онъ имъ не стѣснился.

Медленно входилъ онъ по лѣстницамъ полный тайнаго страха, который долженъ былъ сообщиться и тѣмъ рѣдкимъ прохожимъ, которые увидѣли бы блуждающій огонь въ соборѣ, въ такую позднюю пору. Вдругъ онъ почувствовалъ свѣжій воздухъ на своемъ лицѣ и очутился у дверей верхней галереи. Воздухъ былъ холодный; облака на небѣ изображали бурную рѣку. Луна казалась между ними какимъ-то блестящимъ судномъ. Онъ наклонился и посмотрѣлъ съ минуту на безмолвный городъ.

Въ эту минуту пробило полночь. Священникъ подумалъ о томъ же звукѣ въ полдень.

— О, сказалъ онъ: — прошло двѣнадцать часовъ, — она уже похолодѣла!

Вдругъ порывъ вѣтра загасилъ его лампу и почти въ тоже время на противоположномъ углу башни появилась бѣлая тѣнь, форма женщины. Онъ задрожалъ. Рядомъ съ этой женщиной явилась коза, вторящая своимъ блеяньемъ дребежжающему звуку часовъ. У него достало силы взглянуть въ лицо привидѣнію. Это была она.

Она была блѣдна и мрачна. Волосы также падали по плечамъ какъ и поутру, но веревки уже нѣтъ на шеѣ, руки не связаны: она свободна, смерть развизала ее. Она одѣта была въ бѣломъ, съ бѣлымъ вуалетъ на головѣ. Она приближалась къ нему медленно, глядя на небо. Коза слѣдовала за нею. Онъ чувствовалъ, что приросъ къ мѣсту. Съ каждымъ ея шагомъ впередъ онъ могъ только отступать шагъ назадъ, но не болѣе. Такъ дошелъ онъ до темнаго свода лѣстницы, дрожа, что и она направится туда же. Случись это, онъ бы умеръ отъ страха.

Но она только постояла у двери, глянула въ темноту, и незамѣтливъ тамъ священника, прошла дальше. Клоду показалась она выше

ростомъ нежели была при жизни, онъ увидѣлъ лунный свѣтъ сквозь ея бѣлое платье и почувствовалъ на себѣ ея дыханіе.

Когда она прошла, онъ медленно началъ спускаться по лѣстницѣ, все держа въ рукахъ погасшую лампу, блѣдный, съ волосами ставшими дыбомъ. Въ ушахъ его все время раздавались слова: Привидѣніе прошло передо мною, я слышалъ его дыханіе и содрогнулся.

II

ГОРБАТЫЙ, КРИВОЙ, ХРОМОЙ

Въ каждомъ городѣ Франціи до Людовика XII, были мѣста, служившія убѣжищемъ для осужденныхъ. Эти убѣжища были островомъ спасенія, возвышавшимся среди цѣлаго моря варварскихъ и нелѣпныхъ законовъ и преслѣдованій. Личность дѣлалась неприкосновенною въ этихъ мѣстахъ. Въ каждомъ городскомъ округѣ этихъ мѣстъ было почти столько же сколько и вистѣлицъ; излишекъ безнаказанности рядомъ съ излишкомъ строгости, двѣ дурныя вещи, старающіяся взаимно исправиться. Дворцы, дома принцевъ, въ особенности церкви служили мѣстами убѣжища. Иногда обращали въ убѣжище цѣлый городъ, который требовалось населить новыми жителями. Такъ поступилъ Людовикъ XI съ Парижемъ въ 1467 году.

Преступникъ былъ неприкосновененъ лишь въ стѣнахъ благотельнаго зданія; сдѣлай онъ шагъ изъ него и — все пропало. Колесо и вистѣлица зорко подстерегали свою добычу, какъ акулы вокругъ корабля. Много людей состарѣлось такимъ образомъ въ монастырѣ, въ оградѣ аббатства, на дворѣ какого-нибудь дворца, такъ что мѣсто убѣжища обращалось въ пожизненную тюрьму. Случалось, что чрезвычайный приказъ парламента предавалъ жертву вновь въ руки палача, но случаи эти были очень рѣдки. Парламентъ остерегался столкновеній съ духовною властью, а кромѣ его никто не осмѣливался нарушить священное право. Всѣмъ извѣстна смерть Роберта Клермонскаго, маршала Франціи и Жана де Шалонъ, маршала Шампани, а между тѣмъ дѣло шло только о жизни какого-то гнуснаго убійцы; важность проступка состояла въ томъ, что маршалы сломали ворота въ Saint-Méry.

Уваженіе къ этимъ мѣстамъ было такъ глубоко, что, говорятъ,

простиралось даже и на животныхъ. Расказываютъ, что когда олень преслѣдуемый Дагоберомъ, спрятался за гробницу св. Деонисія, свора собакъ остановилась.

Въ церквахъ бывали устроены маленькія кельи на этотъ случай. Николай Фламель, въ 1407 году, выстроилъ комнату подъ сводами Saint-Jaques de la Boucherie. Въ Notre-Dame келья помѣщалась на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь жена церковнаго привратника устроила себѣ висячій садъ, относящійся къ вавилонскимъ садамъ столько же, сколько салатъ къ пальмѣ, а жена привратника — къ Семирамидѣ.

Туда-то принесъ Эсмеральду Квазимодо. Во всю дорогу дѣвушка не могла совершенно прійти въ себя; она чувствовала только, что кто-то поднялъ ее на воздухъ и она летитъ, летитъ отъ земли. По временамъ ей слышался громовый смѣхъ и голосъ; она открывала глаза и видѣла подъ собою кровли Парижа, а надъ собой страшное лицо Квазимодо. Тогда рѣсницы ея снова опускались; она думала, что уже все кончено, что ее казнили во время обморока, и что злой духъ, преслѣдовавшій ее во время жизни, теперь окончательно завладѣлъ ею. Она не смѣла пошевелиться.

Но когда запыхавшійся звонарь положилъ ее въ келью, когда она почувствовала, что его грубыя руки тихонько развязываютъ ея веревки, она испытала то чувство, съ которымъ морскіе путешественники вдругъ просыпаются въ ту минуту, какъ судно въ темную ночь причаливаетъ къ берегу. Мысли ея прояснились одна за другою. Она поняла, что находится въ соборѣ; вспомнила, что ее вырвали изъ рукъ палача; что Фебъ живъ, но не любитъ ее болѣе, и эти двѣ мысли, изъ которыхъ въ одной было столько горечи, завладѣли ею совершенно. Она обернулась къ стоявшему передъ ней Квазимодо и сказала:

— Зачѣмъ вы спасли меня!

Онъ съ тоской посмотрѣлъ на нее, усиливаясь угадать смыслъ ея словъ. Она повторила вопросъ. Тогда онъ бросилъ на нее еще болѣе грустный взглядъ и исчезъ. Она осталась удивленная. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ вернулся и бросилъ къ ея ногамъ свертокъ. То было платье, положенное для нея на порогѣ церкви сострадательными женщинами. Тогда она взглянула на себя и покраснѣла. Жизнь вступала въ свои права.

Квазимодо понялъ ея стыдливость. Онъ закрылъ лицо своей широкой ладонью и удалился, но медленно. Она поспѣшила одѣться.

Платье было бѣлое съ бѣлымъ вуалемъ, какое носили поступавшія въ Hôtel-Dieu. Едва успѣла она окончить туалетъ, какъ Квазимодо снова явился съ корзиной въ одной рукѣ и матрацемъ въ другой. Въ корзину была бутылка, хлѣбъ и еще нѣкоторые съѣстные припасы. Онъ поставилъ ее на полъ и сказалъ: «кушайте», постлалъ матрацъ и сказалъ: «спите!» Звонарь отдавалъ ей свою собственную постель и обѣдъ.

Цыганка подняла на него глаза, чтобы поблагодарить, но не могла произнести ни одного слова. Бѣднякъ былъ слишкомъ уродливъ. Она опустила голову съ невольнымъ содроганьемъ.

— Я васъ пугаю? спросилъ онъ: — ну не смотрите на меня, а только слушайте. Днемъ вы должны оставаться здѣсь, а ночью можете ходить по всей церкви. Но не выходите отсюда ни днемъ, ни ночью, иначе вы погибли. Васъ убьютъ, а я умру съ горя.

Она подняла было голову, чтобы отвѣчать, но его уже не было. Она осталась одна и невольно задумалась надъ словами этого страннаго существа, сказанными такимъ дикимъ и въ тоже время нѣжнымъ голосомъ; потомъ начала осматривать свою келью. Это была комнатка въ шесть квадратныхъ футовъ, съ крошечнымъ окномъ и дверью надъ самой крышей. Нѣсколько жолобовъ, съ изображеніями животныхъ, казалось протягивали свои длинныя шеи, чтобы взглянуть на нее въ окошко. Съ кровли виднѣлись тысячи трубъ, весь дымъ и всѣ огни Парижа. Грустное зрѣлище для бѣдной цыганки, осужденной на смерть, несчастнаго созданія безъ семьи, безъ отечества и родного крова.

Въ ту минуту какъ мысль объ одиночествѣ съ болью входила въ ея сердце, она почувствовала около себя чью-то мохнатую голову и испугалась (теперь ей все казалось страшнымъ). Но это была голова Джали, проворной бѣлой козочки, которой удалось ускользнуть вслѣдъ за Квазимодо. Бѣдняжка уже цѣлый часъ ластилась, но не могла привлечь вниманія своей хозяйки. Цыганка осыпала ее поцѣлуями.

— О, Джали! говорила она: — я могла позабыть о тебѣ! а ты все меня любишь! Ты не неблагодарная, моя Джали!

И въ ту же минуту, какъ-будто невидимая рука сняла съ груди ея тяжолый гнетъ, мѣшавшій ей заплакать, она залилась горькими слезами и выплакала все, что было самаго невыносимаго въ ея горѣ. Ночь была такъ хороша, луна свѣтила такъ кротко, что она обошла

кругомъ верхнюю галерею. Земля, видѣнная съ высоты, показалась ей такой спокойной, что она нѣсколько ободрилась.

III

глухой

На другое утро ее очень удивило то, что она могла заснуть. Сонъ уже такъ давно ее покинулъ! Яркій солнечный лучъ ударялъ прямо въ ея окошко, и въ тоже время показалось въ немъ страшное лицо Квазимодо. Она невольно закрыла глаза, но и сквозь спущенныя вѣки все представлялась ей эта гнусная фигура гнома.

— Небойтесь! говорилъ ей дикій, видимо-смягченный голосъ: — я вашъ другъ. Я пришолъ посмотрѣть какъ вы спите. Вѣдь вы не сердитесь, что я сдѣлалъ это? Что вамъ изъ того, что я смотрю на васъ, когда у васъ глаза закрыты. Вотъ я и уйду; теперь я за стѣной, вы можете открыть глаза.

Было что-то невыразимо-грустное въ голосъ, которымъ произносились эти слова. Растроганная цыганка открыла глаза: у окна никого ужъ не было. Она подошла ближе и увидѣла Квазимодо, прижавшагося въ уголъ съ грустной покорностью. Она сдѣлала надъ собой усиліе и тихо позвала его. Видя движеніе ея губъ, Квазимодо подумалъ, что она его гонитъ, всталъ и пошелъ тихонько, съ опущенной головою, не смѣя даже поднять на дѣвушку взгляда, исполненнаго нѣмого отчаянія.

— Подите же сюда! закричала она уже громко, но онъ продолжалъ удаляться.

Тогда она выбѣжала изъ комнаты, догнала его и взяла за руку. Почувствовавъ ея прикосновеніе, Квазимодо задрожалъ всѣми членами. Онъ съ мольбой поднялъ на нее единственный свой глазъ и при видѣ, что она ведетъ его къ себѣ, все лицо его просвѣтлѣло. Она хотѣла ввести его въ комнату, но онъ не шолъ, а оставался на порогѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорилъ онъ: — сова не должна входить въ гнѣздо ласточки!

Тогда она граціозно усѣлась съ своей козочкой на постелѣ и оба молчали нѣкоторое время; онъ разсматривалъ ея красоту, а она его безобразіе. При каждомъ взглядѣ оказывались въ Квазимодо

новые тѣлесныя недостатки. Взглядъ ея переходилъ отъ кривыхъ ногъ къ горбу, отъ горба къ единственному глазу. Ей трудно было понять, какъ могутъ существовать такіе безобразные люди. Во всей его фигурѣ было однакожь столько кроткой грусти, что она начала мириться съ его безобразіемъ. Онъ заговорилъ первый.

— Такъ вы звали меня?

Она сказала «да» и кивнула головою. Онъ понялъ послѣднее.

— Вѣдь я... глухъ! произнесъ онъ съ усиліемъ.

— Бѣдный! сказала цыганка съ выраженіемъ участія.

Онъ кротко улыбнулся.

— Не правда ли, мнѣ только этого недоставало? Да, я глухъ, вдобавокъ ко всему! Это ужасно, не правда ли? А вы такъ прекрасны!

Въ словахъ несчастнаго звучало такое глубокое сознание своего горя, что она не въ силахъ была отвѣчать ему. Впрочемъ онъ не могъ бы и разслышать отвѣта. Онъ продолжалъ:

— Никогда еще я такъ сильно не чувствовалъ своего безобразія. Когда я сравниваю себя съ вами, то становлюсь себѣ очень жалокъ. Не правда ли, я кажусь вамъ какимъ-нибудь страшнымъ звѣремъ. Вы, вы солнечный лучъ, капля божьей росы, вы сладкое лѣтніе птицы! А я, я что-то ужасное, ни человекъ, ни животное, я презрѣннѣе камня, который всякій попираетъ ногами!

Онъ засмѣялся. Ничего не могло быть ужаснѣе этого смѣха.

— Да, я глухъ! продолжалъ онъ: — но вы будете говорить со мною жестами, знаками. Мой господинъ такъ говорить со мною. Ктому же я и самъ отгадаю ваше желаніе по выраженію вашего лица и по движенію губъ.

— Ну! спросила она улыбаясь: — скажите мнѣ, зачѣмъ вы спасли меня?

Онъ внимательно слѣдилъ за ея словами.

— Понялъ! отвѣчалъ онъ: — вы спрашиваете, зачѣмъ я спасъ васъ. Вы развѣ забыли о негодяѣ, который похитилъ васъ разъ ночью и которому вы, на другое же утро, не задумались оказать помощь, даже на позорномъ столбѣ. За эту каплю воды мнѣ не заплатить всей своей жизнью. Вы позабыли этого несчастнаго, а онъ никогда не забудетъ.

Она слушала его съ глубокимъ сочувствіемъ. Слеза заблестала въ глазу звонаря, однако не скатилась. Онъ поборолъ свое чувство.

— Послушайте! началъ онъ, пересиливъ волненіе: — наши

башни высоки ; человекъ, который упадетъ съ нихъ, умретъ не долетѣвъ до земли ; когда вы захотите , чтобы я бросился внизъ , скажите одно только слово или сдѣлайте знакъ , этого будетъ довольно .

Онъ хотѣлъ удалиться , но цыганка была такъ тронута , что вѣла ему остаться .

— Нѣтъ ! сказалъ онъ : — не нужно быть здѣсь слишкомъ долго . Я знаю , что вы только изъ жалости не закрываете глазъ . Я буду смотрѣть на васъ откуда-нибудь , гдѣ вамъ меня не будетъ видно , — такъ лучше !

Онъ вынулъ изъ кармана серебряный свистокъ и подаль ей .

— Когда я вамъ буду нуженъ , или когда вамъ не слишкомъ противно будетъ видѣть меня , свисните , я услышу этотъ звукъ .

Онъ скрылся .

IV

ХРУСТАЛЬ И ГЛИНА

Дни шли за днями . Спокойствіе водворялось мало-помалу въ душѣ Эсмеральды . Слишкомъ сильное горе и радость не бывають продолжительны . Сердце человекъ не долго можетъ выносить напряженное состояніе . Цыганка столько вытерпѣла , что въ душѣ ея оставалось только какое-то недоумѣніе . Съ сознаниемъ безопасности возвратилась и надежда . Она жила внѣ общества , но чувствовала , что есть какая-то возможность воротиться къ людемъ . Она была мертвецъ , имѣющій при себѣ ключъ отъ своей могилы . Мало-помалу отлетали отъ нея гнусные призраки Пьера Тортерю , Жака Шармолю , даже страшный образъ монаха .

Ктому же Фебъ живъ , она это видѣла своими глазами , а жизнь его прежде всего . Приходя въ себя послѣ всѣхъ тягостныхъ потрясеній , она увидѣла , что изъ всего прошедшаго уцѣлѣла въ ней только любовь къ капитану . Любовь какъ дерево , вырастаетъ сама собою , пускаетъ корни черезъ все наше существо , и часто все еще зеленѣетъ на разбитомъ уже сердцѣ . Поразительнѣе всего , что страсть бываетъ тѣмъ сильнѣе , чѣмъ меньше въ ней разумнаго сознанія .

Конечно Эсмеральда вспоминала о Фебѣ не безъ горечи . Конечно было удивительно , что онъ ошибся , что онъ повѣрилъ въ

возможность смертельного удара отъ руки той, которая отдала бы за него тысячу жизней. Но нельзя и не извинить ему. Въдь она сама созналась въ *своемъ преступленіи*. Она, слабая женщина, не могла устоять противъ пытки. Вся вина на ея сторонѣ. Нужно было скорѣй дать вырвать у себя всѣ ногти, чѣмъ такое сознаніе. Наконецъ доведись ей увидѣть Феба на одну минуту, она разсѣветъ всѣ его сомнѣнія съ перваго слова; онъ повѣритъ ей — нѣтъ никакого сомнѣнія. На многое закрывала она глаза въ этомъ дѣлѣ, какъ напримѣръ на неожиданное появленіе Феба въ день ея казни на балконѣ съ какой-то дѣвушкой. Въдь онъ клялся, что любитъ ее одну, чего же больше! Она вѣрила, да и всѣ доказательства были противъ нея въ этомъ дѣлѣ. Итакъ она ждала и надѣялась.

Прибавимъ, что и церковь, окружающая ее своей спасительной стѣнью, была немалымъ поводомъ къ успокоенію. Торжественныя линіи этой архитектуры, религіозное значеніе всѣхъ окружающихъ предметовъ, ясныя и благоговѣйныя мысли, такъ-сказать вылетающія изъ всѣхъ поръ церкви, невольно дѣйствовали на нее. На всемъ лежало благословеніе, успокоивающее больную душу. Однообразное церковное пѣніе, респонзы молящагося народа, порой глухіе, порой громовые, гармоническое сотрясеніе стеколъ, звукъ органа, колокольный звонъ, весь этотъ оркестръ, съ пробѣгающими по временамъ громовыми гаммами отъ одной колокольни къ другой, усыплялъ ея память, воображеніе и горе. Въ особенности колокола убаюкивали ее. Они широкими струями изливали на нее какіе-то магнетическіе токи.

Съ каждымъ новымъ днемъ она становилась спокойнѣе, блѣдность ея исчезала и легче ей дышалось. По мѣрѣ того, какъ заживали ея душевныя раны, лицо ея оживлялось прежней красотой, но съ оттенкомъ какой-то ясности и спокойствія. Прежняя веселость тоже возвращалась мало-помалу: опять она дѣлала свою миленькую гримаску, ласкала козочку, пѣла и одѣвалась въ самый дальнемъ углу каморки, чтобъ не увидѣли ее съ какого-нибудь сосѣдняго чердака.

О Квазимодо она вспоминала въ тѣ рѣдкія минуты, когда переставала думать о Февѣ. Квазимодо былъ единственной нитью, связывающей ее съ остальнымъ человечествомъ, но бѣдняжка никакъ не могла побѣдить въ себѣ чувства отвращенія къ этому единственному другу, хотя и упрекала себя въ неблагодарности. Свистокъ ниразу не былъ употребленъ въ дѣло.

Въ первые дни Квазимодо являлся иногда безъ призыва. Она употребляла всѣ силы, чтобы не отвернуться съ отвращеніемъ, принимая отъ него свой обѣдъ и кружку воды, но онъ угадывалъ ея внутреннюю борьбу и удалялся съ тоскою.

Однажды онъ вошелъ въ ту минуту, когда цыганка ласкала Джали. Долго смотрѣлъ онъ на граціозную группу и сказалъ, покачивая своей неуклюжей головой :

— Какое несчастіе, что я все-таки похожъ на человѣка. Хотѣлось бы мнѣ быть совсѣмъ животнымъ, вотъ какъ эта коза.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— О, ужъ я знаю зачѣмъ! отвѣчалъ онъ и поспѣшно ушелъ.

Въ другой разъ онъ остановился у дверей комнатки (въ которую никогда не входилъ) въ ту минуту, какъ Эсмеральда пѣла старую испанскую балладу; она не понимала словъ, но мотивъ сохранился въ ея головѣ еще съ ранняго дѣтства. При видѣ страшнаго лица, голосъ дѣвушки вдругъ прервался. Несчастный звонарь всталъ на колѣни и сложилъ свои безобразныя руки.

— О, умоляю васъ, продолжайте и не гоните меня!

Она не хотѣла огорчить его и снова запѣла дрожащимъ голосомъ. Мало-помалу она вся предалась меланхолическому ритму своей пѣсни, а звонарь все стоялъ на колѣняхъ, съ руками, сложенными какъ на молитву, едва переводя дыханіе и какъ бы по глазамъ ея угадывая смыслъ пѣсни.

Одинъ разъ онъ пришелъ къ ней какъ-то особенно встревоженный.

— Послушайте! началъ онъ съ усиліемъ: — мнѣ надо сказать вамъ...

Она сдѣлала знакъ, что слушаетъ. Онъ вздохнулъ, приготовился говорить, опять посмотрѣлъ на нее, покачалъ головою и медленно удалился.

Между скульптурныхъ фигуръ на стѣнѣ была одна, которую онъ особенно любилъ и обмѣнивался съ нею дружескими-знаками. Однажды Эсмеральда слышала, какъ онъ говорилъ ей :

— О, отчего я также не изъ камня!

Наконецъ однажды поутру Эсмеральда смотрѣла съ крыши на площадь. Квазимодо стоялъ сзади нее. Онъ такъ всегда становился, чтобъ избавить ее отъ возможности видѣть его лицо. Вдругъ цыганка вздрогнула, слеза и лучъ радости мгновенно блеснули въ ея

глазахъ; она встала на колѣни и съ тоскою протянула руки по направлению къ площади съ крикомъ :

— Фебъ, ради-бога на одно только слово! Фебъ, Фебъ!

Голось, лицо, жестъ, все ея существо выражало отчаяніе утопающаго, при видѣ счастливаго судна, проходящаго вдалькѣ, въ лучахъ солнца. Квазимодо нагнулся и увидѣлъ, что предметъ этой нѣжной и отчаянной мольбы былъ молодой человѣкъ, капитанъ, въ блестящемъ костюмѣ, пробѣжавшій по площади и салютовавшій саблей прекрасной дѣвушкѣ, стоявшей на балконѣ. Впрочемъ офицеръ не могъ слышать призывавшаго его голоса: онъ былъ слишкомъ далеко.

Но бѣдный глухарь все понималъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ его груди; онъ отвернулся; на сердцѣ кинѣли невыплаканныя слезы; онъ судорожно схватился за голову и въ каждой рукѣ осталось по горсти рыжихъ волосъ.

Цыганка не обращала на него вниманія. Онъ говорилъ глухимъ голосомъ, скрежеща зубами: проклятіе! такъ вотъ какимъ надо быть! Надо быть только красивымъ снаружи. Между тѣмъ она все еще стояла на колѣнахъ и повторяла раздирающимъ голосомъ: — вотъ онъ сходить съ лошади. Онъ войдетъ въ этотъ домъ. Фебъ! Онъ меня не слышитъ. Фебъ! И зачѣмъ этой женщинѣ говорить съ нимъ именно теперь! Фебъ! Фебъ! — Глухарь смотрѣлъ на нее. Онъ понималъ эту пантомину. Глазъ его наполнялся слезами, но ни одна не вытекала. Вдругъ онъ тихонько дернулъ ее за рукавъ. Она оглянулась. Онъ принялъ спокойный видъ и сказалъ:

— Хотите я пойду за нимъ?

Она радостно вскрикнула.

— О, ступай, ступайте! Беги скорѣе! Вотъ этого капитана! Приведите его сюда! Я буду любить васъ! И она обнимала его колѣни.

Онъ грустно покачалъ головою.

— Я приведу его, сказалъ онъ слабымъ голосомъ и бросился на лѣстницу, едва сдерживая рыданія.

Когда онъ пришолъ на площадь, тамъ уже никого не было, кромѣ красивой лошади, привязанной у воротъ дома Гонделорье; капитанъ уже вошелъ въ домъ. Квазимодо взглянулъ на церковную крышу: Эсмефалда все еще стояла на томъ же мѣстѣ и въ томъ же положеніи. Онъ печально кивнулъ ей головою, потомъ прислонился къ воротамъ и рѣшился ждать выхода капитана.

Въ домѣ Гонделорье готовилась свадьба и каждый день бывало много гостей. Гости проходили мимо Квазимодо. Онъ все нетрогался, только изрѣдка взглядывалъ на крышу: цыганка стояла неподвижно. Конюхъ отвязалъ лошадь и ввелъ въ конюшню. Такъ прошолъ цѣлый день. Квазимодо все стоялъ у воротъ. Эсмеральда ждала на крышѣ, а Фебъ безсомнѣнія былъ у ногъ своей невѣсты.

Наконецъ наступила ночь; ночь темная и безлунная. Взглядъ Квазимодо нѣкоторое время могъ различать еще бѣлую форму на крышѣ, но наконецъ все слилось въ одну черную массу.

Квазимодо видѣлъ какъ зажглись огни во всѣхъ окнахъ дома Гонделорье и въ другихъ домахъ площади; видѣлъ какъ они постепенно погасли, и офицеръ все еще не выходилъ. Когда разошлись по домамъ самые запоздалые прохожіе, Квазимодо остался одинъ въ совершеннѣйшемъ мракѣ. Паперть собора тогда еще не освѣщалась.

Окна въ домѣ Гонделорье были освѣщены еще и послѣ полуночи. Квазимодо видѣлъ какъ мелькали сквозь цвѣтныя стекла танцующія тѣни. Еслибъ онъ не былъ глухъ, то могъ бы по мѣрѣ того какъ водворялась тишина въ спящемъ городѣ слышать музыку, смѣхъ и бальный говоръ. Въ первомъ часу гости начали разѣзжаться. Квазимодо видѣлъ ихъ всѣхъ при свѣтѣ факеловъ на подъѣздѣ. Капитана все еще не было. Бѣднякъ началъ впадать въ тоску и машинально сталъ смотрѣть на небо. Большіе, черные, разорванные облака висѣли какъ траурный крещъ подъ сводомъ звѣзднаго неба.

Въ одну изъ этихъ минутъ онъ увидѣлъ, что дверь балкона надъ его головой таинственно растворилась; двѣ личности явились на балконѣ: мужчина и женщина. Квазимодо узналъ капитана и красивую женщину, говорившую съ нимъ поутру съ того же самаго мѣста. Площадь была совершенно темна, а тяжолая, малиновая занавѣсъ, отдѣлявшая балконъ отъ комнаты, пропускала только слабый свѣтъ. Молодые люди по предположенію Квазимодо вели очень нѣжную бесѣду, которую онъ не могъ слышать. Дѣвушка позволила офицеру взять себя за талью и слабо защищалась отъ поцѣлуя.

Квазимодо снизу присутствовалъ при этой сценѣ, тѣмъ болѣе граціозной, что ей не предполагалось зрителей. Онъ съ горечью любовался этимъ счастіемъ, этою красотою. Природа все-таки брала свое, несмотря на безобразіе бѣдняка. Онъ думалъ о той грустной

долѣ, которую назначило ему провидѣніе, о томъ, что женщина, любовь, наслажденіе, цѣлую жизнь будутъ только проходить предъ его глазами и что онъ осужденъ быть вѣчнымъ зрителемъ счастья другихъ. Но всего тяжелѣе при этомъ зрѣлищѣ была для него мысль какъ бы страдала Эсмеральда, еслибъ могла видѣть это. Правда, что очень было темно и что Эсмеральда была далеко и что онъ самъ едва могъ въ темнотѣ различать группу влюбленныхъ. Это его утѣшало.

Между тѣмъ ихъ бесѣда становилась все оживленнѣе. Дѣвушка казалось умоляла офицера не требовать отъ нее ничего болѣе. Квазимодо могъ различить только ея сложенные руки, улыбку смѣшанную съ слезами, глаза устремленные къ звѣздамъ и страстный взглядъ капитана, опущенный прямо на дѣвушку. Въ ту минуту какъ дѣвушка начала обороняться слабѣе, дверь балкона растворилась и на порогѣ явилась старуха. Красавица сконфузилась, офицеръ принявъ недовольный видъ и всѣ трое возвратились въ комнату. Минуту спустя къ крыльцу подвели лошадь и капитанъ пронесся мимо Квазимодо. Звонарь дагъ ему повернуть за уголъ, потомъ бросился вслѣдъ за нимъ, съ проворствомъ обезьяны, крича :

— Ей капитанъ, остановитесь !

Капитанъ остановился.

— Что тебѣ нужно чучело? спросилъ онъ, разсмотрѣвъ приближавшуюся къ нему фигуру.

Квазимодо смѣло взялъ подъузды его лошадь.

— Подѣмте со мной капитанъ ; съ вами хотять говорить.

— Чортъ побери, я гдѣ-то видѣлъ эту хохлатую птицу. Слушай ты, оставь мою лошадь.

— Капитанъ, вы вѣроятно спрашиваете, кто хочетъ говорить съ вами.

— Я говорю тебѣ, чтобы ты оставилъ мою лошадь, закричалъ раздосадованный Фебъ. Что ты повѣсилъ такъ на уздѣ, ужъ не принимаешь ли ее за вистлицу?

Квазимодо собирался напротивъ повернуть лошадь. Не будучи въ состояніи объяснить себѣ сопротивленіе капитана, онъ поспѣшно сказалъ ему :

— Бѣдѣ-те капитанъ, васъ ожидаетъ женщина, и съ усиліемъ прибавилъ : — женщина эта васъ любитъ.

— Вотъ уморительное чучело! думаетъ, что я обязанъ ѣздить во всѣмъ женщинамъ, которыя меня любятъ или говорятъ мнѣ это. А

ну какъ она на тебя похожа? Скажи той, которая тебя прислала, что я женюсь и посылаю ее къ черту.

— Послушайте, закричалъ Квазимодо, думая однять словомъ возбудить всю его рѣшимость: — васъ ждетъ та цыганка, помните?

Это слово произвело на Феба сильное впечатлѣнiе, но не то, котораго ожидалъ глухарь. Читатели помнятъ, что капитанъ ушелъ съ балкона нѣсколькими минутами прежде, чѣмъ совершилось спасенiе цыганки. Съ тѣхъ поръ онъ тщательно избѣгалъ разговоровъ объ этой женщинѣ, воспоминанiе о которой было ему все-таки тяжело; съ своей стороны мадмоазель Гонделорье сочла не политичнымъ рассказать ему о чудесномъ спасенiи. Итакъ Фебъ думалъ, что бѣдной Симиляръ ужъ давно нѣтъ на свѣтѣ. Прибавимъ, что въ эти минуты капитанъ началъ подумывать о темнотѣ ночи, необыкновенномъ безобразiи своего собесѣдника, о его гробовомъ голосѣ, о томъ, что время уже полночь и что въ такую же темную ночь подходилъ къ нему страшный монахъ. Ктому же и лошадь фыркала глядя на Квазимодо.

— Цыганка! вскричалъ онъ, почти испугавшись. Да ты посланный съ того свѣта, что ли? И онъ схватился за рукоять сабли.

— Скорѣй, скорѣй, повторялъ горбунъ, стараясь повернуть лошадь.

Фебъ ударилъ его въ грудь. Глазъ Квазимодо заблистѣлъ. Онъ сдѣлалъ было движенiе, чтобъ броситься на капитана, но остановился и сказалъ:

— О какъ вы счастливы, что васъ любятъ! — Ступайте, сказалъ онъ, отпустивъ узду.

Фебъ съ ругательствомъ задалъ лошади шпоры. Квазимодо видѣлъ какъ онъ исчезъ въ туманѣ.

— О, повторялъ бѣднякъ: — отказаться отъ этого!

Онъ воротился въ соборъ, зажегъ свою лампу и отправился въ башню. Цыганка все еще была на прежнемъ мѣстѣ. Завидѣвъ его издалека, она бросилась ему навстрѣчу.

— Одинъ, вскрикнула она, судорожно сжимая руки.

— Я не могъ найти его, холодно отвѣчалъ Квазимодо.

— Нужно было ждать цѣлую ночь, запальчиво возразила она.

Онъ видѣлъ ея гнѣвный жестъ и понялъ упрекъ.

— Въ другой разъ я лучше устерегу его, отвѣчалъ онъ, опушта голову.

— Ступай прочь, сказала она.

Онъ ушолъ. Она была имъ недовольна, но онъ лучше рѣшилъ перенести ея гнѣвъ, чѣмъ огорчить ее. Съ этого дня-цыганка не видѣла его болѣе. Онъ пересталъ приходить въ ея комнату. Изрѣдка голова его видѣлась на вершинѣ башни, но тотчасъ же исчезала при ея приближеніи.

Надо сказать, что ее мало огорчало это добровольное отсутствіе горбуна. Въ глубинѣ души она была ему благодарна за это. Впрочемъ Квазимодо все это хорошо зналъ. Она невидѣла его, но чувствовала, что за ней наблюдаетъ какой-то добрый геній. Съѣстные припасы появлялись во время ея сна; однажды утромъ на окнѣ ея очутилась клетка съ птичками. Надъ окномъ ея комнаты была одна скульптурная фигура, которая ее пугала. Она выразила свой страхъ въ присутствіи Квазимодо и въ одно утро (всѣ эти вещи происходили во время ея сна) фигура исчезла. Тотъ кто разбилъ ее долженъ былъ рисковать жизнью.

Иногда вечеромъ ей слышался голосъ какъ-будто баюкавшій ее странную пѣсню. Пѣсня была безъ рифмы:

«Не смотри на лицо, дѣвушка, смотри больше на сердце. Сердце красиваго мужчины часто бываетъ безобразно. Есть сердца, въ которыхъ любовь живетъ не долго. Дѣвушка! Ель некрасива, не такъ красива какъ тополь, но листья ея не падаютъ и зимою. Увы, кчему говорить это! безобразному ненужно бы и родиться. Красота любить красоту. Апрель отворачивается отъ января. Красота совершенна, красота все можетъ. Одна красота живетъ не вполнину. Воронъ летаетъ только днемъ, сова летаетъ только ночью, а лебедь летаетъ и днемъ и ночью.»

Проснувшись однажды, она увидѣла на окнѣ двѣ вазы съ цвѣтами. Одна была изъ прекраснаго хрустала, но съ трещиной; вода изъ нея вытекла и цвѣты завяли. Другая была глиняная и грубой работы, но сохранила всю воду и цвѣты въ ней были свѣжи.

Незнаю съ намѣреніемъ ли, только Эсмеральда выпула завявшій букетъ и цѣлый день носила его на груди. Въ этотъ день пѣсни не было слышно, но ей это было все-равно. Она проводила всѣ дни лаская Джали, смотря на домъ Гонделорье, внутренне бесѣдуя съ Фебомъ и кормя ласточекъ. О Квазимодо не было и слуха. Бѣдный звонарь какъ-будто исчезъ изъ церкви. Только однажды ночью, когда ей неспалось, она услышала дыханіе у своей двери. Она встала и увидѣла у порога безобразную массу. Это былъ Квазимодо, охраняющій ея жилище.

V

КЛЮЧЪ ОТЪ КРАСНОЙ ДВЕРИ

Между тѣмъ до ушей архидіакона дошли толки о чудесномъ спасеніи цыганки. Когда онъ узналъ это, съ нимъ случилось что-то странное. Онъ было уже свыкъся съ мыслью, что Эсмеральда умерла и былъ спокоенъ какъ человѣкъ достигшій крайней глубины несчастія. Человѣческое сердце способно содержать въ себѣ только известное количество отчаянія (Клодь часто разсуждалъ объ этомъ предметѣ). Когда губка совершенно уже напиталась, цѣлое море можетъ пройти надъ нею, не прибавивъ ей лишней капли.

Со смертью Эсмеральды губка наполнилась — все было сказано для Клода. Но знать что она жива и Фебъ также — это значило разбудить всѣ заснувшія муки и желанія. Клодь усталъ отъ всего этого. Услышавъ новость, онъ заперся въ своей кельѣ, не являлся къ службѣ и недопускалъ къ себѣ никого, даже епископа. Такъ провелъ онъ нѣсколько недѣль. Всѣ думали, что онъ боленъ и это была правда.

Что дѣлалъ онъ? Какія мысли терзали его? Была ли то послѣдняя борьба страсти? Обдумывалъ ли онъ новый планъ къ своей и ея гибели.

Жанъ, его любимый братъ, его баюханое дитя, неразъ подходилъ къ двери, просилъ, умолялъ, плакалъ, бранился, но Клодь не отворялъ. Цѣлые дни проводилъ онъ облокотясь на окно. Изъ этого окна видна была келейка Эсмеральды; иногда онъ видѣлъ и ее самое съ козой или съ Квазимодо. Онъ замѣчалъ угодливость горбуна и его повиновеніе и деликатность въ отношеніи цыганки. Онъ вспоминалъ (память есть главный мучитель ревнивцевъ) тотъ страшный взглядъ, который Квазимодо устремилъ на танцовщицу въ одинъ памятный вечеръ. Онъ спрашивалъ себя что заставило Квазимодо спасти ее. Онъ былъ свидѣтелемъ тысячи маленькихъ сценъ между цыганкой и звонаремъ, жесты котораго, видѣнные издалека и объясняемые ревностью, казались ему очень нѣжными. Ему пришли на мысль странности женскаго характера и въ душѣ его шевельнулась ревность, заставлявшая его краснѣть отъ стыда и негодованія. Добро бы капитанъ, — а этотъ уродъ...

Ночи его были ужасны. Съ тѣхъ поръ какъ онъ узналъ, что Эмеральда жива, мысль о могилѣ и привидѣніи покинула его и дала мѣсто терзаніямъ плоти. Онъ катался по своей постели, сознавая близость молодой дѣвушки. Каждую ночь воображеніе рисовало ему Эмеральду во всѣхъ положеніяхъ, отъ которыхъ наиболѣе кипѣла его кровь. Онъ видѣлъ ее въ объятіяхъ капитана съ закрытыми глазами, съ грудью облитой кровью Феба, въ ту минуту какъ самъ онъ напечатлѣлъ на ея холодныя губы тотъ поцѣлуй, огонь котораго она смутно почувствовала даже въ обморокъ. Онъ видѣлъ ее обнажаемую грубыми руками палачей въ ту минуту, когда вкладывали въ деревянную колодку съ желѣзными гвоздями ея маленькую ножку. Онъ видѣлъ какъ ея бѣлое колѣно одно осталось внѣ страшнаго аппарата мученій. Наконецъ представлялась ему бѣдная дѣвушка въ сорочкѣ съ веревкой на шеѣ, съ обнаженными плечами и ногами, такъ какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Эти сладострастные образы заставляли его содрогаться.

Въ одну ночь его дѣвственная кровь такъ закипѣла, что онъ испыталъ свою подушку, вскочилъ съ постели, накинулъ мантию и вышелъ изъ кельи. Онъ зналъ гдѣ найти ключъ отъ красной двери, ведущей изъ монастыря въ церковь, а ключъ отъ лѣстницы, ведущей на башню, всегда былъ при немъ, какъ извѣстно читателю.

VI

ПРОДОЛЖЕНІЕ

Въ эту ночь Эмеральда заснула съ сладкими надеждами. Ей по обыкновенію ужъ снился Фебъ, какъ вдругъ ее разбудилъ легкій шумъ. Сонъ у ней былъ чуткій какъ у птицы. Она открыла глаза. Ночь темная, однако можно было разсмотрѣть фигуру, стоящую у окна комнаты. Въ ту минуту какъ Эмеральда проснулась, фигура задула лампу, но холодный трепеть ужъ пробѣжалъ по жиламъ Эмеральды.

— О, вскрикнула она: — опять онъ!

Все прошлое горе мгновенно ожило въ ея памяти. Она почти безъ чувствъ упала на постель. Минуту спустя она почувствовала прикосновеніе, заставившее ее вскочить. Клодь прокрадся къ ней и обнималъ ее. Она хотѣла закричать, но не могла.

— Уйди чудовище! уйди убійца! шептала она.

— Сжался! сжался! твердилъ архидіаконъ, покрывая подѣлуями ея плечи.

Она схватила его обѣими руками за оставшіяся волосы и старалась избѣжать его подѣлуевъ.

— Сжался! повторилъ несчастный; еслибъ ты могла знать, что такое моя любовь къ тебѣ! Это огонь, это растопленное олово, удары тысячи ножей въ сердце.

И онъ съ невѣроятной силой сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Пусти меня, или я тебѣ плюну въ лицо!

Онъ разжалъ руки.

— Унижай меня! бей меня! дѣлай что хочешь, только будь моей.

Тогда она начала бить его какъ озлобленное дитя.

— Уйди отъ меня сатана.

— Будь моею изъ жалости, кричалъ бѣдный Клодъ, отвѣчая подѣлуями на ея удары.

Вдругъ она почувствовала что онъ пересилилъ.

— Нужно кончить! сказалъ онъ, стиснувъ зубы.

Она была въ его власти, чувствовала на себѣ его руки и сдѣлавъ послѣднее усиліе, начала звать на помощь.

Отвѣта не было. Одна Джаги проснулась и жалобно блеяла.

— Молчи, шепталъ священникъ.

Вдругъ отбиваясь отъ него, цыганка ощутила подъ рукою что-то холодное и металлическое. Это былъ свистокъ Квазимодо. Она конвульсивно схватилась за него, поднесла къ губамъ и свиснула насколько было силы.

— Что это? спросилъ священникъ.

Почти въ ту же минуту онъ почувствовалъ, что его хватаютъ сильныя руки. Въ комнатѣ было темно. Онъ не могъ различить кто держалъ его, но слышалъ яростный скрежетъ зубовъ и увидѣлъ какъ блеснуло надъ его головой лезвіе ножа. Клоду показалось, что онъ узнаетъ фигуру Квазимодо. Онъ припомнилъ, что при входѣ въ комнату, онъ наткнулся на что-то лежащее у порога, но такъ какъ нападшій не говорилъ ни слова, то Клодъ не зналъ что дѣлать; схватилъ его за руку и крикнулъ: Квазимодо! забывая, что звонарь не услышитъ. Въ одно мгновеніе Клодъ лежалъ на полу и чувствовалъ на груди своей тяжесть безобразнаго колѣна Горбуна. Спасенія не было. Ночь дѣлала глухого слѣпымъ, а Эсмеральда какъ

разъяренная тигрица не хотѣла прекратить его муки. Ножъ занесенъ былъ надъ его головою. Минута была критическая. Вдругъ побдитель началъ колебаться.

— Нѣтъ, нельзя осквернить кровью ея жилище, сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

Голосъ былъ Квазимодо.

Тогда горбунъ повлекъ свою жертву изъ комнаты за ногу; смертный часъ наступалъ. Къ счастью въ это время взошла луна и ея блѣдный лучъ упалъ на лицо Клода. Квазимодо вздрогнулъ, сдѣлалъ шагъ впередъ и отступилъ. Цыганка, подошедшая къ двери, съ удивленіемъ увидѣла, что роли перемѣнились. Теперь Клодъ Фролло угрожалъ, а Квазимодо умолялъ. Клодъ Фролло выразилъ жестами свой гнѣвъ и приказалъ ему удалиться.

Звонарь опустилъ голову, но вдругъ воротился и сталъ на колѣни передъ дверью Эмеральды.

— Монсеньерь, сказалъ онъ покорно: — дѣлайте что вамъ угодно, только прежде убейте меня.

Говоря такимъ образомъ, онъ подавалъ ножъ Клоду Фролло.

Клодъ виѣ себя бросился на оружіе, но Эмеральда успѣла вырвать его изъ рукъ Квазимодо и злобно захохотала.

— Подойди теперь! закричала она.

Рука была занесена. Клодъ Фролло колебался. Нѣтъ сомнѣнія, что она способна его убить.

— А, ты не смѣешь подойти теперь, трусь, кричала она и прибавила медленно, зная что каждое слово ножомъ вонзится въ его сердце: — А я знаю, что Фебъ не умеръ!

Клодъ Фролло оттолкнулъ Квазимодо ногою и бросился на лѣстницу. Когда онъ вышелъ, Квазимодо поднялъ свистокъ, спасшій цыганку.

— А онъ начиналъ ужъ ржавѣть, грустно сказалъ онъ, подавая его и вышелъ.

Измученная дѣвушка упала на постель и зарыдала. Снова собирались надъ нею тучи. Въ свою очередь архидіаконъ ощупью добрался до своей кельи. Рѣшено. Клодъ ревновалъ къ Квазимодо! Онъ медленно повторилъ свое роковое слово: никто не будетъ обладать ею!

СТРАННИЦА

Вечеръ. Темно. Вьюга шумить, надрывается.

Душно и чадно въ избѣ. Еле мерцаетъ лучина, вспыхивая неровнымъ, замирающимъ блескомъ. По закоптѣлымъ стѣнамъ разтѣшаны лохмотья, поставцы съ посудой, хомуты и возжи, и стали гуляютъ между ними черные тараканы, которыхъ любятъ наши простолюдины, какъ вѣрныхъ предвѣстниковъ счастья; всюду сквозитъ нищета и убожество, — неприглядное убожество великорусскаго мужика. На столѣ берестовая солонка, пустая миска, кружка съ отбитымъ краемъ, да обглоданныя корки чернаго хлѣба. Пахнетъ рѣзкой, чеснокомъ и кислой капустой. На палатяхъ видны двѣ косматыя головы — носомъ къ носу и слышно ихъ сплосе храпѣнье. На печкѣ громко охаетъ бабушка Марѳа Терентьевна: третій день ее сердешную треплетъ лихорадка, — зубъ на зубъ не сходится — не знаетъ что и дѣлать. А въ углу гдѣ-то бойкій мышонокъ беззаботно грызетъ и перекидываетъ старый сухарь, завалавшійся подъ лавкой... Съ порывистымъ визгомъ приударила вьюга въ вѣтхія окна и забросала ихъ, будто дробью, крупными каплями полузамерзлаго дождя; холодокъ прошолъ по избѣ; ярко вспыхнула лучина и отблеснула въ фольговой ризѣ иконы...

Подъ иконой на лавкѣ сидитъ мололица—Акулина; на рукахъ ея арешлетъ ребенокъ. Ей самой было вздремнулось маленько, но злоте порывѣ вьюги разбудилъ Акулину и принялась она торопливо качать свое дитя. Ребенокъ закашлялъ, судорожно заболталъ рученками и застоналъ. Мать переложила его на другую руку и снова качаетъ.

— Спи родной, спи голубокъ мой, приговариваетъ она: — вишь ты время трудное какое; мать-то сама съ тобой стосковалась.

Но не спитъ дитя.

— Охъ, Господи! прости ты согрѣшенія наши!.. Смерть моя врывается, слышатся съ печки.

— Что, бабушка, не легчаетъ?

— Нѣтъ, родная, не легчаетъ; не одобровать мнѣ видно! Охо-хо! Застонала бабушка пуще прежняго.

— Что жъ тутъ подѣлаешь!

— Ничего не подѣлаешь; терпѣть надо. Кабы не время такое, была бы здорова. Вотъ и о святкахъ тоже, помнишь, забрала меня какая трясучка; не знала куда дѣваться, — такъ и претъ душа вопъ, да, спасибо, — мать Арипа выручила изъ бѣды.

— Лѣкарствіе что ли какое дала?

— Нѣтъ, она дала мнѣ бутылочку съ масломъ отъ чудотворной иконы да и говорить: вытрись молю этимъ масломъ да выпей ложечку, — все какъ рукой сниметь. Я такъ и сдѣлала. Съ первой ложки-то не помогло, такъ я другуюхватила, — ну святыня, извѣстно, и взяла свое, — легче стало. А теперь время не такое, дятя-ко; съ первой же недѣли да за масло... Не допусти Господи!

— Масла нельзя.

— Терпѣть буду, а грѣха на душу не возьму.

— А квасъ съ солью пма?

— Пила, да не беретъ.

Замолчала бабы. Опять послышалось сяпкое храпѣнье съ палатей и докучная возня мышонка. Въ чьемъ-то брюхѣ громко пролорчало... Опять рванулась буря; всникнула лучина. Ребенокъ сталъ метаться и плакать. Мать нажевала чернаго хлѣба и сунула ему въ ротъ, но тотъ отказался отъ этого лакомства и закричалъ. Одинъ изъ спавшихъ на палатахъ потянулся и пробормоталъ что-то полънось. Акулина подняла дѣтище, схватила его на руки и начала ходить по избѣ съ горькими причитаньями.

— Полно тебѣ ныть-то! душу всю изныла, заголосилъ съ палатей Кузьма, мужъ Акулины.

— У меня самой сердце-то надрывается, слеза прошибаетъ; отвѣтила отрывисто молодица. Ну что я тутъ подѣлаю?

— Тебѣ сказано, что ребенокъ истъ хочетъ, ты и не разсуждай.

— Чегожь я ему дамъ-то? Ему, вишь, молока надо, а теперь нѣшто дѣять молоко?

— А ты не блажи! Тебѣ толкомъ говорятъ, что велѣно дать, ты и давай; тутъ грѣха нѣту.

— Кто велѣлъ-то? спросила старуха.

— Я въ городѣ лекаря спрашивалъ, такъ онъ и велѣлъ; бантъ, что дитѣ разума не имѣеть, такъ съ него и спрашивать нечего, и Богъ простить ему это дѣло за его глупость.

— Дать нѣшто? робко спросила Акулина.

— Я те дамъ, ты поговори у меня, обрызгалась старуха: — ны

всѣ глупы, такъ значить и грѣшить намъ можно? Ишь вѣдь ляпнула что!.. Нѣтъ ты больше молись коли глупъ; а твоя глупость намъ не указъ. Эхъ ты Кузьма, Кузьма! Обидѣлъ тебя Богъ умомъ-то... Старуха не договорила, закашлялась.

— Миѣ-то што, миѣ все одно, — я только къ слову, значить, заговорилъ Кузьма: — сказываю, что, лекаръ велѣлъ накормить, не то говорить помретъ. Тебѣ же небось самой не весело будетъ, какъ помретъ Сенюшка.

— На то есть воля божія... А я те скажу, что лекаръ — не попъ. Лекаръ велѣлъ, да Богъ не велѣлъ, а вѣшто онъ хуже твоего лекаря дѣла-те понимаетъ?

— Э, ну васъ! съ сердцемъ проговорилъ Кузьма: — одно слово: бабѣ. И онъ сердито повернулся на другой бокъ, силась уснуть.

Изъ всѣхъ этихъ словъ одно особенно затронуло чуткое сердце матери и заставило ее съ ужасомъ взглянуть на свое дитя. «Помретъ... умереть можетъ Сенюшка», прошептала она, и возможность этой смерти смутила ее окончательно. Теперь только она замѣтила, что Сенюшка сильно исхудалъ за эти дни, краска пропала съ лица, глазенки мутные стали. Прежде такой горластый былъ: все кричалъ благимъ матомъ, и не уймешь бывало; а теперь и крикъ куда дѣвался, только охаетъ да стонетъ; и жаль ей стало свое дѣтище... «Нѣтъ, подумала она: — не бывать тому: на свою душу грѣхъ возьму, а спасу Сенюшку», и отерла рукавомъ навевувшіяся слезы. Сердце матери боролось теперь съ суевѣріемъ, а дитя мечется тоскливо, нѣтъ-нѣтъ да и застонетъ такъ болѣзненно, жалко. «Умираетъ», шепнула Акулина и страхъ началъ охватывать ее; слезы такъ и подступаютъ къ горлу.

— Бабушка! закричала она слезливо.

— Чего тебѣ? спрашиваетъ бабушка.

— Помираетъ Сенютка, заголосила на взрыдъ Акулина: — помирать соколикъ мой, желанный мой, только мѣсяць и пожилъ на бѣломъ свѣтѣ...

— Да ты дай ему хлѣба опять, може возьметъ.

— Не беретъ онъ хлѣба, не беретъ сердечный...

— А ты попробуй, сдѣлай жевокъ-то! Дай сюды хлѣба, а оужую...

— Нѣтъ, ужь пусть лучше сгибну, въ некло пойду, а молока лать надо... Жить не хочу, коли помретъ Сенюшка...

— Слышь, Акулина, не теряй вѣры. Эти слова припомнятся тебѣ на томъ свѣтѣ.

— Да что ты бабка толкуешь-то? вмѣшался опять Кузьма: —

только понапрасну смущаешь бабу. Сказано, что грѣха тутъ нѣту, вотъ и все. Корми его, Акулина!

— А вы напередъ схороните меня, да потомъ и грѣшите какъ знаете; а пока жива, я бѣсамъ служить у себя въ домѣ не позволю. Вотъ мое послѣднее слово.

Кузьму изконецъ взорвало.

— Чтобъ васъ горой раздуло! въ сердцахъ прошиѣлъ онъ, и спрыгнувъ съ полатей, сталъ проворно напяливать тулупъ.

— Куда-жь ты? спросила озадаченная старуха.

— Пойду къ попу.

— Зачѣмъ!

— Приведу его сюда, пусть онъ пообуздастъ васъ какъ самъ въ-даетъ, а я ужь молчать буду. Васъ добрымъ-то словомъ не прой-мешь.

— Ну коли попъ благословить, на ого душѣ и грѣхъ будетъ...

Онъ пошолъ было, но въ дверяхъ остановился и спросилъ:

— А что, баушка, съѣла ты лекарствіе, что я-те изъ города привезъ?

— Нѣтъ, родной.

— Что-жь такъ? сказывали — поможетъ.

— Меня все сумленье беретъ: съ виду оно что-то больно бѣло, будто молоко. Вѣдь Христось ихъ вѣласть, може и скоромъ какая.

— Да надожь лечиться, — лекаръ велѣлъ.

— А ты что лекаремъ глаза-то мнѣ тычешь? Сама знаю, что дѣлаю.

— Ну впередъ и не жался на меня. Мое дѣло съѣлано!

И онъ со злости такъ хлопнулъ дверью, что стекла задребезжали.

Лучина погасла. Старуха мѣрно заохала, прищоптывая въ перемежкахъ разныя душеспасительныя вещи. Съ палатей послышался длинный, тоскливый зѣвокъ и вздохъ челоѣка, которому крѣпко хочется спать, да не даютъ. А Акулина сидитъ на скамейкѣ и все прислушивается къ дыханью дитяти. Ознобъ пронймаеъ ее. Что если помретъ онъ недождавшись попа, думаетъ она: — что будетъ тогда со мною. Вѣдь одинъ сынъ только и есть... другой можетъ и будетъ потомъ, да все не Сениюшка будетъ.» Она осторожно положила его на полъ, оглядѣлась, чутко прислушалась и начала съ жаромъ молиться. Долго и крѣпко молилась она, слезы текли сами собою... Потомъ съ тайною рѣшимостью взяла она ребенка на руки, а у самой нога трясется отъ страха, звонъ идетъ въ ухахъ. За-

тивъ дыханіе, она оглядѣлась снова, потомъ дрожащими руками отстегнула воротъ рубахи и прижала Сенюшку къ обнаженной груди... Молоко кинулось губъ дитяти и судорожно, съ радостнымъ воркованьемъ, схватило оно запрещенную пищу... Еще бы минутка и спасенъ Сенюшка, но какъ нарочно теперь кто-то стукнулъ въ окно. Акулина вздрогнула и оторвала дитя отъ груди. Сенюшка закричалъ уже громче прежняго. Стукъ повторился.

— Кто тамъ? крикнула старуха съ печки.

— Христа ради, впустите божію странницу; дайте обогрѣться минуточку! послышалось за дверью.

— Войди, родная! Акулина, впусти странницу.

Акулина зажгла лучину и отперла двери. Въ избу вошла женщина лѣтъ тридцати-пяти, довольно плотная, рябая, съ маслянистымъ лицомъ: точно кто вымазалъ ее деревяннымъ масломъ; близь подбородка торчалъ у ней, что называется, *оазисъ*, то-есть родное пятнышко съ длиннымъ пучкомъ жесткихъ волосъ; подъ лѣвымъ глазомъ красовалась какая-то висючка, на манеръ горошины; съ носа перхла и слезала кожа, — отъ вѣтра ли, или отъ другихъ постороннихъ причинъ — не видно. На ней былъ дубленый полушубокъ съ сукоными заплатами; голова обмотана грязнымъ тряпьемъ чернаго цвѣта; сзади объемистая котомка, привязанная ремнями къ плечамъ; въ рукахъ были ордена странничества: суковатый посохъ и длинныя четки. Съ оханьемъ и вздохами вошла она въ хату, перво-наперво помолилась иконѣ, затѣмъ перекрестила вокругъ всѣ углы, и окинувши зоркимъ взглядомъ публику, низко поклонилась ей.

— Ахъ спите? спросила она басомъ.

— Нѣтъ еще, голубка.

— Такъ я посижу маленько.

— Садись, родная, обогрѣйся. А ты что такъ поздно?

— Наше дѣло извѣстное: все на подвигѣ, отвѣчала странница усаживаясь. Спать теперь грѣхъ: дни великіе настали — бодрствовать надо. Я о рождествѣ разъ заходила къ вамъ, да и думаю теперь: дайко зайду опять, авось не выгонять, вотъ и зашла. Будьте здоровы!

— Спасибо, человекъ божій. Такъ ты уже не въ первой къ намъ?

— Была разъ; тебѣ еще, помню, добрымъ совѣтомъ помогла.

Старуха приподнялась и осмотрѣла говорившую.

— Да это ты никакъ мать Арина?

— Я, кормилица, я.

Кн. XI. — Отд. 1.

— Вотъ къ случаю-то поспѣла, мать моя, тебя намъ и надо. Да ты далеко ли пробираешься?

— Да вотъ пробираюсь помаленьку къ кievскимъ угодникамъ разговляться. Оттуда пройду къ Духу на скитъ; къ Михаилу-архангелу по пути заверну, — спровѣлать надо знакомыхъ пустыяниковъ; и такъ до Одеста. Тамъ соберутся наши странники и поплывемъ мы въ землю бусурманскую на гробъ христовъ.

— Такъ ты нынче, мать, великое дѣло задумала.

— Да, родная, собралась наконецъ. Вотъ ужъ я двѣнадцать годовъ странствую по угодникамъ нашимъ, и въ Кіевѣ была, и Соловки видѣла, а Троицу-Сергію какъ свои пять пальцевъ знаю: своими глазами видѣла тамъ чудеса господни; а все-то тянуло меня къ великой святынѣ на Голгофу божію. Думаю: всѣ-то наши тамъ были, а я только не была, надо идти замаливать за себя и за благодѣтелей своихъ. Эдакимъ-то манеромъ я однажды было совсѣмъ собралась, да заболѣла, — а наши ждать не стали меня, такъ и уѣхали. Въ другой разъ собралась, да денегъ не хватило на дорогу, только до Одеста и доѣхала. Ну, думаю не видать мнѣ видно святыни какъ ушей своихъ, и такое это горюшко забрало меня, сама не своя была. Нынче Господь помогъ мнѣ устроить это дѣло. Я всю прошлую зиму прожила у Варухиной, слыхала?

— Нѣтъ не слыхала, голубка.

— Богатая такая, два дома имѣеть... Такъ я у ней тамъ разныя книжки читала и толковала ей потомъ все это. Она самая и дала мнѣ на дорогу малую толику ради спасенья душевнаго. Вотъ святая-то душа выдетъ изъ нея; немного нынче такихъ.

— Барыня она чтоль какая?

— Гдѣ ужъ барынь такой быть, она изъ простова купецкаго роду. Самъ-то горькую пьетъ, а страхъ божій имѣеть. Одиный сынъ у нихъ въ баре вышелъ, а другой такъ, простой членъ, тоже значтъ торгуетъ. Гдѣ барамъ! Нынче все моды да нехристи: поповъ не боится, а на нашу сестру и плевать нехотятъ.

— Правда, мать моя, правда! Одного только нынѣ желается, — умереть бы хоть съ миромъ.

— Какъ только Богъ грѣхамъ терпитъ.

Замолчали бабы, понуривъ головы, и думали свои мрачныя думы.

— Чтожъ, родненькіе, можно у васъ переночевать? спросила странница безцеремонно развязывая ремни котомки.

— Ночуй, матушка, Христовъ съ тобою, отвѣчала старуха слезая съ печки: — мы не такіе отступники, чтобы странную женщину стали выгонять. Снимай котомку-то, да и ложись съ Богомъ;

мѣсто на лавкахъ не занимать—стать. Вотъ и я къ тебѣ подсяду, — потолкуемъ. И крехтя да охая побрела она къ скамейкѣ.

— Слышала я, матушка, что тебя опять досѣтида ручка господня: захворала? спросила странница.

— Ужъ такъ захворала, что и не встать кажись; время-то такое, сама знаешь... Вотъ, какъ ты пришла, маловко легче стало.

— А масло пила?

— Что ты, мать, аль уродствуешь? на первой недѣлѣ да масло.

— Тѣфу окояны... Святъ, святъ, святъ... Странница оторопѣла и схватила за четки. Господи, мать Богородица! ишь вѣдь лукавый тѣму какую напустилъ... Простите меня окоянную; совѣмъ забылась.

— Богъ тебя простить. Не нашего ума это дѣло. То-то я слушаю, что говоришь ты неладно; а это лукавый съ тобой заигрываетъ. Чуть кто посвятѣй, онъ — какъ туть.

— Теперь и отмаливайся какъ знаешь. Надо будетъ сотенки двѣ лишнихъ поклоновъ положить у гроба господня, если допустить его святая воля.

— Одна идешь, Аринушка?

— Нѣтъ не одна. Со мной идетъ еще одна странница, да съ чюдова отецъ Проконій, что въ огнѣ-то не горить; — онъ ужъ два раза былъ въ святой землѣ, такъ и намъ указывать будетъ. Да вотъ еще Терентій Кузьминъ пожелалъ съ нами идти; знаете Лысаго?

— Какъ, съ нашего села?

— Неужто Тереха Лысый идетъ? закричалъ Андрей, неожиданно высунувшись съ палатей.

— Онъ самый.

— Да вѣдь онъ съ бабой, а дѣтокъ пятеро есть.

— Все бросаетъ, голубчки; тамъ теперь такой соломъ, что Боже унаси; жеца и дѣтки ревяя ревутъ, а онъ дерется; коли такъ, говоритъ, то совѣмъ сбѣгу, только вы меня и видѣли.

— А вѣдь такой тихій былъ; подижь ты.

— Илеть, торжественно повторила Арина.

— Да ктожь его это надуумилъ?

— Я да отецъ Проконій тамъ почевали, ну и говоръ былъ, съ вечера значить, о святой-то землѣ. Отецъ Проконій рассказывалъ какія чудеса тамъ видѣлъ; говорилъ, что самъ апостоль Петръ тамъ грѣшникамъ грамотку такую раздаетъ, по которой всѣ грѣхи прощаются; это пуше и сманило Терентія; пойду, говоритъ, безпремѣнно. Жена завывала, а онъ сѣ въ аубы, — значить не судитъ.

— Совѣсть нечиста у него, потому и идетъ, замѣтилъ опять Андрей.

— У кого-жъ она чиста-то, родные?

— Да я не протю. Я говорю: онъ за сына отмаливаться хочетъ. Сыну у него о прошлой веснѣ деньги укралъ, а онъ поймалъ да и забилъ его до смерти. Хоша это дѣло и схоронили начисто, одначе мнръ толковалъ, что оно ему даромъ не пройдетъ, что молонья за это убьетъ его безпремѣнно. А онъ струсилъ, вотъ и идетъ каяться.

— Нѣтъ, родной, тутъ дѣйствуетъ одна благодать божеская и указываетъ путь ко спасенію. Вотъ, къ примѣру, въ Грачихѣ былъ случай: сманили мы одного парня на подвигъ; ужъ такой былъ смиренный да работащій, воды не замутилъ, а тоже ушолъ, да еще деньги у отца тайкомъ унесъ, чтобъ на разныя добрыя дѣла жертвовать.

— А ты не толкуй, Андрей, чего не смѣкаешь, заворчала бабка: — ишь наплелъ какое дѣло.

— Да я такъ только, баушка, къ слову пришлось. Кто-жъ знаетъ, може и самъ-дѣлѣ благодать.

— Благодать, родной, владычицы осѣненіе, свыше облакъ святыхъ... на ангелахъ висо...высокихъ... Страница заговорила что-то черезчуръ высокое и закашлялась.

Смокли. Андрей, почесывая за поясомъ, слѣзъ съ палатей и подошолъ къ столу. Онъ заглянулъ было въ миску, но не найдя въ ней ничего, привался уплетать оставшіяся корки хлѣба. Бабы посмотрѣли на него недоброжелательнымъ взглядомъ; страница при этомъ даже очень назидательно вздохнула, но Андрей мало обратилъ вниманія на это и пригорѣлыя корки захрустѣли на его здоровыхъ зубахъ.

— Аль опять проголодался? спросила старуха, которую наконецъ злость взяла.

— Я-то?

— Ты-то.

— А ты напередъ спроси, что я ѣлъ сегодня?

— Видѣла что, не слѣпая.

— Окромѣ рѣдьки да квасу, маковой росняки во рту небыло. А я вѣдь не Кузьма, — тотъ почитай однимъ воздухомъ питается.

— Знаемъ мы этотъ воздухъ. А впрочемъ жри коли охота пришла, я молчу. Бабка вздохнула.

— Богъ не безъ милости, заговорила страница.

— Вотъ какъ нынче, мать моя, и постъ-отъ не ублажаетъ на-

родъ; праведный да твердый человекъ за рѣдкость сталъ. Вотъ какія времена мы съ тобой переживаемъ.

— Ничего, на нашу жизнь еще хватитъ святыхъ-то людей, отвѣчала странница: — есть такіе люди, что весь постъ не пьютъ недѣлять, а что первую да послѣднюю седмицу, сплошь да рядомъ видѣла, — одной молитвой сыты бываютъ. Хранить ихъ мать Богородица; ими только и міръ держится. Да вотъ, къ слову. Марья Андревна Варухина, — семь просвирокъ въ постъ, — и вся пища. Ейбогу.

— Зарѣдкость, матушка, зарѣдкость въ подвиги.

— А чай трудно ничего-то не есть? замѣтилъ Андрей, пережевывая послѣднюю корку.

— Еще бы, отвѣчала бабка: — безъ труда не спасешься. Вотъ дѣдка мой, царство ему небесное, тоже однажды далъ обѣтъ Богу цѣлый постъ ничего не ѣсть, да грѣхи свои отмаливать; только съ нимъ недоброе дѣло вышло. Какъ теперь вижу (я была еще ребенкомъ), въ самое это прощенное воскресенье къ вечеру, простился онъ сердешный съ нами, легъ въ большой ларь ничкомъ, да и велѣлъ запереть себя на замокъ, а ключъ на жкону повѣсить. Мы, какъ слѣдуетъ, сдѣлали это дѣло: заперли его, вынесли на сѣнякъ, чтобъ значить не смерзъ, и ждемъ что будетъ, — радуемся что изъ нашей родни хоть одинъ праведникъ выдетъ. Да вѣтъ, не вышелъ, — только пять сутокъ пролежалъ, а на шестыя такой крикъ да возню подвѣлъ, что хоть святыхъ вонъ неси. Сбѣжались это мы всѣ къ сѣнянку, въ попыхахъ отперли ларь, а онъ смотритъ на насъ словно шальной, глазами такъ и ворочаетъ, да какъ закричить: — ѣсть давайте, хлѣба, каши, молока — кричитъ. Что ты дѣдко, говоримъ, опомнись, вѣдь постъ новѣ; мы сами не ѣвши ходимъ, а ты обѣтъ далъ. — «Я вамъ дамъ, говоритъ, обѣтъ,» да и почалъ ругать все что ни пришло въ голову, и насъ, и всѣхъ; до того дошолъ, что у насъ волосы дыбомъ встали. Дѣлать нечего, надо было скорѣе накормить его, не то думаемъ убить кого...

— Какъ, и скорѣи дали? спросила Арина.

— Все поѣлъ, къ вечеру даже пьянъ наливался.

— Ишь ты какъ вышло, вотъ-те и носъ, замѣтилъ ухмыляясь Андрей. Онъ вообще любилъ послушать разные занятные разговоры.

— Опосля однако дурь прошла, продолжала бабка: — скался, плакать сталъ, да съ третьей недѣли и сбѣжалъ съ дому. До самой пасхи мы его не видали.

— Куды сбѣжалъ?

— Христосъ его вѣдаетъ. Сказывалъ потомъ, что у пустыни-

ковъ саровскихъ жилъ ; да и спрашивать его болаше объ этомъ дѣлѣ : не любилъ старикъ .

— Такъ , мать моя , такъ . Все это лукавый шутить : губить онъ души христіанскія . Особенно падохъ онъ на нашу братію людей стрянныхъ , отрекшихся отъ міра , — вѣтъ-вѣтъ да и втянетъ въ какое непотребное дѣло . Вотъ къ примѣру я раскажу вамъ одинъ случай . Однѣ знакомый былъ у меня , ну чисто божій человѣкъ , — тоже ко всѣмъ угодикамъ ходилъ , съ міру кормился , перяги носилъ тяжолыя . Толпами бѣгалъ за нимъ народъ , спрашивалъ значить его о спасеніи , и онъ побожески умудрялъ грѣшниковъ . Только о великомъ посту однажды , ревнуя о спасеніи душевномъ , онъ рѣшился всѣ сорокъ день безвыходно провести въ храмъ божіемъ . Ну и началъ это дѣло , какъ надо быть : двемъ молился съ прочими , а на ночь оставался одинъ на подвигѣ . Только тутъ нечистый его и попуталъ , да какъ еще попуталъ . .

— Въ церкви-то ?

— Да , родной ; тамъ обуляли его эти проклятыя твари , и надумили она его взломать кружки церковныя . Онъ не устоялъ отъ искушенія , забралъ деньги , да такъ и бѣжалъ . На утро хватились , анъ яя его ни денегъ нѣтъ .

— Во-какъ ! ай ты мать Богородица ! вырвалось у Андрея .

— Ей-богу . Такъ и скрылся .

— Чтожъ , словили потомъ ?

— Опосля словили гдѣ-то въ лѣсу да прямо въ станъ и представили . Хоть онъ и говорилъ становому , что только юродства ради стянулъ деньги , чтобъ меньше значить говору было въ народѣ о его святости , — да не повѣрили . Такъ и сгибъ .

— Може и въ самъ-дѣлѣ только для юродства .

— Христось его знаетъ .

— Гдѣжъ онъ теперь ?

— Сказываютъ , что въ Сибири на каторгѣ работаетъ ; тамъ чай спасаетъ свою душеньку , яко разбойникъ благочестивый . Уже если кому на роду написано спастись , — спасется гдѣ бы ни былъ . Помните ны мое слово .

Старуха ничего не возразила и задумалась . Андрей зѣвая потянулся поправить лучину и опрокинулъ миску . Пустая миска кушаремъ покатиалась по полу ; Андрей ворча подпьялъ ее , осмотрѣлъ опять и пнулъ въ ставецъ съ посудой . Ребенокъ , молчавшій до сей поры , опять заплакалъ . Акулина очулась отъ тоскаливаго забытья и принялась качать его . Она смутно слышала всѣ эти толки и страшно стало ей за себя : совѣсть защищала сердце . А ребенокъ тя-

вотся къ ней, ручками ищетъ чего-то. Страница замѣтила Акулину.

— Тебя совсѣмъ не слышать, молодка; что больно пригорюнилась? спросила она вкрадчиво.

— Ничего, отвѣчала та.

— Сениюшка слышь болѣнъ, отвѣчалъ за нее Андрей.

— Чтожъ, родищецъ что ли у него?

— Нѣтъ, другая болѣсть: онъ не встѣ ничего.

— Этому радоваться надо, чуетъ значитъ въ немъ душа христіанская, что теперь постъ.

— Молока хочеть, глухо произнесла Акулина.

— Что ты, голубица, аль онъ самъ тебѣ сказалъ. Конечно...

Старуха бабка спохватясь прервала еѣ.

— Вотъ родная, самъ Богъ тебя сюда занесъ; надоушь ты бабу: можно ли дать теперь молока ребенку? въ посту-то великомъ? а?... Ишь она убивается: дать хочеть.

— Волному воля, спасенному рай, уклончиво отвѣчала хозяйка.

— Да нѣтъ, ты толкомъ внуши ей, по писанью значитъ, можно, аль нѣтъ? Ужъ коли старая да больная старуха не выпьетъ, исцѣленья ради, масла съ чудотворной иконы, — приходится ли христіанскому-то человѣку молоко трескать.

Страница вспомнила свою лавешнюю оплошность и поняла, что ей слѣдуетъ теперь показать себя во всемъ величїи подвижничества. Она немедленно приняла важный видъ, и проговорила на распѣвъ, отчеканивая каждое слово:

— Можно, коли совѣсть не зазреть, коли нѣтъ страха загубить съязмала душу христіанскую.

Акулина вздрогнула отъ этихъ словъ; прожгла онѣ ее. Быстро взглянула она на Арину. Та отвѣтила ей долгимъ, зловѣщимъ взглядомъ.

— Покажи-ка мнѣ дѣту-то, сказала она подходя къ Акулинѣ.

Та отвернулась и еще крѣпче прижала его къ груди. Чуюло ея сердце что-то недоброе и плакало за свое дѣтище. Всѣ притихли.

— Да ты не бойси, продолжала Арина: — нѣшто я съѣмъ его; мнѣ только посмотрѣть его надо.

И вырвавъ ребенка почти насильно, она поднесла его къ огню, распалила ему глаза и ротъ, осмотрѣла, ощупала всего и возвратила назадъ.

— Ничего, сказала она: — такой здоровенный, что десять лѣтъ не ѣвши проживеть. Значитъ это собственный твой грѣхъ; такъ и знать будемъ. Ну скажи ты на милость, съ чего-то задумалось

загубить-то себя? По глупости что ли?.. Крещенъ у тебя сынъ-то?

— Крещенъ, отвѣтила Акулина.

— Хорошо; значить онъ христіанинъ. А ты сама чтишь ли св. угодниковъ божіихъ?

— Почитаю.

— Мы не святые, продолжала странница горячася; — да и дѣти у насъ грѣшныя. А ты пріучай ихъ, коли въ тебѣ душа есть; не по-блажай бѣсовской природѣ! Коли дѣти у тебя крещены въ христіанской вѣрѣ, такъ и пусть съизмала дѣйствуютъ какъ должно, по закону. Не пріучишь, — ты же виновата останешься; литю Богъ простить за его неразуміе, а съ матери-то възыщется на томъ свѣтѣ, припекуеть ее огнемъ неугасимымъ: потому мать — разумъ глупаго ребенка... Погубить свое дѣтище-такой грѣхъ, какому и прощенья нѣтъ. Самъ Господь сказалъ, что тому, кто погубить малаго ребенка, лучше камень повѣсить на шею, да и нехай тонеть въ пучинѣ морской... И это сказано про посторонняго человѣка, а матери-то втрое пуще достанется. Слышишь баба?..

— Господи, Господи! прошептала бѣдная мать: — страшно!..

— Молись, мать, молись до кроваваго поту. Отъ Бога вѣдь не спряешься: отыщеть тебя его правосудіе и накажетъ лютою казнью... Тебя страхъ пронимаетъ? трясешься?.. Трясись же: страшно будетъ въ пеклѣ твоей душенькѣ... изноеть она... Странница воодушевилась, подошла къ Акулинѣ, вытаращивъ глаза, и остановилась. — А бѣсы-то радуются за твою погибель, продолжала она съ шипѣньемъ: — пляшутъ свои адскія пляски... польмиа раздувають... Батюшки, что я вижу... вонъ они машутъ крыльями и толпой летаютъ надъ твоей головою... Одинъ подходитъ... смотритъ на тебя... глаза какъ огонь... языкомъ дразнить... У, какой страшный, зхидный... Сгинь, пропади...

Странница отскочила въ сторону и закрыла глаза руками. Потомъ отмахиваясь отъ кого-то, она бросилась опять къ Акулинѣ и принялась торопливо крестить ее. У той совсѣмъ подкосились ноги и съ воплемъ, какъ мертвая, покотилась она къ ногамъ странницы. Стануха-бабка, дрожа всѣмъ тѣломъ, уперлась лицомъ въ уголъ и едва дышала.

— Не замай! закричалъ Андрей не своимъ голосомъ: — вишь обмерла совсѣмъ, кон...

Голосъ его оборвался. Сзади быстро распахнулась дверь; вѣтеръ взвизгнулъ; свѣча погасла и послышался стукъ, будто что обвалилось. Всѣ сперва онѣмѣли отъ ужаса, но потомъ услышавъ знакомый голосъ, ожили и вздохнули свободнѣе. То вошелъ Кузьма,

который прежде всего громко выругался, наткнувшись въ ночьшахъ на кадку съ квашней.

— Это ты Кузьма? спросилъ Андрей для проформы.

— На кой чортъ вы огонь-то задули? отвѣтилъ тотъ: — ногу со-вѣтъ зашибъ.

— Вѣтромъ задуло; зажги братъ поскорѣй.

Кузьма вздулъ огня, перебѣнилъ лучину и остановился въ изумленіи. Освѣтилась живая картина: Акулица лежала на полу, а ребенокъ барахтался одинъ на скамейкѣ. Бабка, все еще весиѣя оборотиться, шептала молитву. Андрей тоже не глядѣлъ на то мѣсто, гдѣ лежала Акулина, и творилъ крестное знаменіе. Страницца стояла прижавшись къ стѣнѣ и въ страхѣ ворочала бѣлками, оглядывая вошедшаго.

— Ишь какъ напугалъ, прошептала она: — я думала что и вправду...

— Что тутъ у васъ? Чего лежитъ Акулька? спросилъ Кузьма.

— Тутъ братъ такія вещи были, что страхъ... Акулина больно испугалась, водой облить ее наю — пройдетъ, отвѣтилъ Андрей. — Чегожъ ты сидишь-то ручки сложиши, лѣншій.

Кузьма выбѣжалъ въ сѣни, притащилъ ведро воды и сталъ об-ливать ею голову Акулины; онъ всѣми силами теръ ей лицо кон-цомъ своего зипуна и немилосердо теребилъ за волосы. Андрей не шелохнулся: онъ боялся теперь Акулины. Бѣдная баба наконецъ очулась, оглядѣлась и заревѣла. Страницца сама перетрусилась; она не рассчитывала на такой эффектъ. Кузьма бросалъ озабоченные взгляды на всѣ стороны.

— Не плачь, Акулька, пройдетъ горе, встанетъ и радость, утѣ-шалъ онъ молодицу. — А ты что старая, жива ли? Чего ты тамъ глядишь? Да Христа-ради растолкуйте мнѣ что тутъ такое было?

— Черти были, отвѣтилъ отрывисто Андрей.

— Какіе черти?

— Настоящіе черти. Акульку задушить хотѣли.

— Сама видѣла?

— Нѣтъ; мать Арина сказала.

— Это ты? спросилъ Кузьма подозрительно осматривая стран-ницу.

— Чего я? Извѣстно я. А ты не приставай.

Кузьма отвернулся отъ нея и сталъ утѣшать Акулину. Та пла-кала горько.

— Аринушка! прошептала старая бабка, все еще не огляды-ваясь: — подь-ко сюда, моя голубка!

— Что бабушка? спросила та подходя къ ней.

— Не видать больше?

— Не видать, мать моя, я изъ крестнымъ знаменемъ оступила, они и пропали.

— И ты изъ видѣла?

— Своими глазами видѣла.

— Съ рогами?

— Съ рогами и хвостомъ; глаза огненные, страшные.

— Экіе страхи какіе! Вотъ до чего грѣхъ-то доводитъ!

Она наконецъ оборотилась; медленно обвела глазами вокругъ и сѣла въ углу, пережевывая губами разные молитвы. Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Акулина всклипывала. Кузьма утѣшалъ ее. «Не крушись ты моя птаха! шепталъ онъ: — на все воля божія, и попъ такъ говорилъ: грѣха не будетъ...»

— А у попа-то былъ? спросилъ Андрей.

— Былъ.

— Чтожъ онъ?

— Завтра утречкомъ самъ хотѣлъ зайти потолковать; а теперь велѣлъ накормить Сенюшку.

— Да чѣмъ накормить-то, въ этомъ и штука вся.

— Известно чѣмъ, — молокомъ; вѣдь я сказывалъ.

Эти слова тоже имѣли свое дѣйствіе. Старуха такъ и усталилась на Кузьму.

— Это попъ велѣлъ? спросила она.

— А то ктожъ. И лекарь и попъ въ одно слово сказали: дать и все тутъ.

— Брехню несешь ты. Самъ я у попа небось не былъ.

— А гдѣжъ мнѣ быть-то? Я свое дѣло сдѣлалъ: поклонился въ ноги попу; такъ и такъ, говорю, сынишка молъ маленькій умираеть съ поста, нельзя ли дать ему грудь пососать. Можно, говорить.

— Слышишь, мать Арина?

— Слышу.

— Вотъ каковы нынѣче попы. Уму-то разуму учать.

— Не впервой ужъ я слышу такія вещи. Тѣже грѣшники что и мы. А баба пусть лучше меня послушаетъ: худому не научу. Если даже и помретъ дѣтѣ, такъ и тому должно радоваться, а не плакать: потому воля божія... А коли хочеть, по своему глупому разуму, дѣтей своихъ ко грѣху приучать, то пусть лучше и въ церковь божію съ нами не ходитъ. Видала ты Акулина, продолжала странница зловѣщимъ голосомъ: — что въ церкви въ дверяхъ написано: тамъ стоитъ ангелъ, такой грозный и держитъ онъ въ рукѣ мечъ огненный; а подъ нпзомъ написано: «кто сюда съ нечистымъ помысломъ войдетъ, того мечемъ этимъ поражу.» И поразитъ онъ

тебя. Огненный-то мечъ — это молния... Отъ нея не укроешься!
Вотъ что.

Будто смертный приговоръ свой слушала Акулина эти дедовыя рѣчи. Совѣсть такъ и грызетъ; холодный потъ проливается... Наконецъ она не выдержала и, бросивъ ребенка на руки Кузьмы, съ воплемъ упала къ ногамъ старухи.

— Казните меня! закричала она не своимъ голосомъ; — казните грѣшницу!.. Согрѣшила я! Пропала моя головушка!.. и съ истерическимъ рыданіемъ бросилась обнимать ей ноги.

— Что ты? что съ тобой? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Да я уже кормила сегодня ребенка; спутала меня бѣды! Ой дупать она меня... дупать, спасите!

Она металась, рвала волосы и цѣловала одежду странницы и бабки.

Никто не отвѣчалъ ей. Всѣ будто растерялись, оторопѣли. А та плачетъ, надрывается; все нутро точно поворачивается у ней отъ боли. Андрея въ жаръ бросило. Кузьму прошибла слеза.

— Встань, Акулька, полно! заговорилъ Кузьма, стараясь водвигать ее и утирая кулакомъ слезы.

— Оставь ее, пусть наплачется вволю! отозвалась старуха.

— Баушка! кричала Акулина: — прости меня! не погуби меня грѣшную!..

— Миѣ-то што; ты проси у Бога.

— Богъ прощать велѣлъ грѣшныхъ, виѣмался Кузьма. — Вотъ она уже будетъ говѣть, покается.

— Мало ей говѣть-то. За такой грѣхъ пусть сама весь постъ не жретъ ничего, да отмаливается.

— Не буду ничего ѣсть! видитъ Богъ, не буду, и Сенюшкѣ ничего не дамъ, пусть помретъ на рукахъ моихъ... Сама задушу и ропотнаго слова не вымолвлю, — только отгоните отъ меня нечистаго... Матушка Аринушка, возьми ты меня съ собою на подвигъ!..

И она упала опять въ ноги странницѣ.

— Куда-жь я тебя возьму?.. Кабы деньги ты имѣла...

— Полно же, Акулька, не убивайся христа-ради, говорилъ Кузьма. — Засни-ка лучше... Вотъ поутру ночь придетъ; подолкуемъ.

Онъ почти насильно уложилъ ее на постель.

— Не хочу я! пусти меня! умру да не встану, кричала та...

Неожиданный случай прекратилъ эту тяжелую сцену. За дверью послышался громкій смѣхъ и захватская, беззаботная пѣсня:

— Я вечеръ млада во пиру была,
Во пиру была во бесѣдушкѣ...

Всѣ переглянулись. Акулина притихла, всхлипывая.

— Никакъ Михайка идетъ? сказалъ Андрей прислушиваясь.

— Михайка и есть. Не пускать его...

Но было уже поздно. Дверь распахнулась и на порогѣ показался Михайка. Онъ былъ безъ шапки и безъ шубы. Вода ручьемъ сбѣгала съ его рубахи, прилипшей къ тѣлу. Косматая грудь на распашку. Взбитые волосы прядями торчали во всѣ стороны, и межъ этихъ прядей свѣтились два черные плутовскіе глаза. Эта рожа улыбалась какой-то горькой и вмѣстѣ насмѣшливой улыбкой.

— Здравствуйте господа честные! рѣзкимъ голосомъ сказалъ онъ выжидая воду изъ своей рѣденькой бороденки.

— Убирайся ты къ чорту! закричали въ голосъ Кузьма и Андрей, поворачивая его назадъ. — Кой дьяволъ тебя по ночамъ такаетъ? Вишь не время; проваливай!

— Постойте, братцы, минуточку; дайте кваску испить христарди!

— Да ты ужъ и безъ того испилъ кажись?

— Испилъ, братъ, да не квасу; а тутъ жжотъ, пить смерть хочется...

— Ну стой, я принесу.

Кузьма принесъ ему ковшъ квасу. Михайка выпилъ и сбѣлъ на скамью.

— Чегожъ ты усѣлся? Иди что ли! опять заговорили парни.

— Братцы мои, одну минуточку только, ейбогу усталъ до смерти, дайте духъ перевести.

— То-то, усталъ. Откуда это тебя несетъ нелегкая?

— Прямо съ кабака, братцы. Ходилъ, ходилъ я по селу: отецъ домой не пускаетъ; толкнулся было тулы-сюды, — вездѣ гонять нашего брата; а у васъ огонекъ свѣтится, — дай зайду, думаю съ постомъ проздравить.

— Кому постъ, а кому все масляница, язвительно замѣтила Арина.

— Э! да тутъ еще гости есть? Натюшки свѣты, да это божіи странница, мать Арина, что у святого Нила четки стянула; да мы, братъ, съ тобой знакомы; помнишь, въ Питерѣ разъ въ одномъ кабакѣ сидѣли.

— Чего ты лаешься! закричала Арина: — я вѣдь у добрыхъ людей сажу; за меня вступятся.

— Да не сердчай, моя краля, это я такъ, къ слову пришлось, больно хотѣлось мнѣ похвастать, что я тоже не промахъ: съ праведными людьми значить за панибрата.

— Забылъ ты постъ-отъ, безстыжее твое рыло.

— Ты матушка уже слишкомъ злится, изволишь, слова-то говоришь не святые... А я поста не забудь и поцусь почище вашего. Вѣдь всѣ эти пять дней только одной сивухой и пробавляюсь. А въ сивухѣ, сама знаешь, окромя хлѣба да воды яичего нѣту. Такъ нѣшто я не поцусь?.. И весело, и душѣ польза.

— Ишь вѣдь напелся что, проклятая душа! проворчала старуха вѣзая на печку.

— Врешь, старая, — ты моей души не знаешь, такъ и не толкуй. А ты мнѣ скажи-ка тетка, сказалъ Михайка опять обращаясь къ странницѣ: — ты всякія тамъ книжки читала, видѣнія разные творила, скажи-ка теперь мнѣ: отчего это одни только вы чорта-то видите, а мы грѣшныя не видимъ?

— А тебѣ небось хочется, такъ увидишь; не горюй, твой чередъ еще впереди.

— Ты не страшай, а говори толкомъ... А я вотъ еще тебя спрошу, отчего это у вашей братіи странницъ да странниковъ носы всегда бываютъ красныя? Не знаешь?

— Съ тобой и говорить-то грѣхъ, нехристь эдакой.

— Оттого, моя красавица, что вашего брата часто черти за носъ водятъ, что вы *нашею* поста придерживаетесь...

— Ну братъ полно, заврался, вмѣшался Кузьма: — проваливай домой?

— Кудыжъ я пойду?

— Кулы хошь, а тутъ тебѣ не мѣсто: тутъ все народъ молитвенный живетъ.

— Постой еще минуточку; вотъ два слова только теткѣ скажу.

— Нечего тутъ говорить; коли самъ сгибъ, — другихъ не губи.

— Ты чего ругаешься?

— Я не ругаюсь, а ты проваливай. Или себѣ трескай сивуху, — опосля наплачешься. Эхъ, Михайка, человекъ-то ты знатный былъ; съ чего же это на тебя дурь нашла, погубить себя задумалъ?

— Оставь его, Кузьма, сказалъ Андрей: — нѣшто онъ пойметъ доброе слово? Сказано: пропащій, и все тутъ.

— Пропащій? нѣтъ, врешь Андрей, я не пропащій! Ты думаешь, что во мнѣ и души-то нѣтъ, — образъ божій потерялъ? Врешь ты, чужая душа для тебя потемки. Онъ выпрямился, и дико взглянул на Андрея, зубы заскрежетали у него со злости. Потомъ онъ закрылъ лицо руками и опять упалъ на лавку. — И я братцы хотѣлъ жить почеловѣчьи, заговорилъ онъ уже слезливо: — многого желалось моей душенькѣ, да супротивъ рожна видно не далеко уйдешь. Эхъ ты горе наше плакучее!.. Душа вся изныла... все бы плакалъ кажись, да слезъ не хватаетъ... Нечего колотъ меня пьянствомъ: я

братъ грамотѣ учился, сизикъ всякую знаю; на фабрикахъ пять лѣтъ мыкался; повидѣлъ значить свѣту божьего....

— Сила-то, сила какая была у меня, продолжалъ Михайка: — кровь ходуномъ ходила, кажись бы только дали ей развернуться... эхъ! работа закипѣла бы, только держись... Гдѣжь ты наша вешешка!.. гдѣ ты желанная!..

Михейко склонился головою на руки, протеръ глаза, потому ударилъ со злостью кулакомъ по столу и оглядѣлся. Страница перекрестилась и отодвинулась подальше.

— Чтожь ты тетка присмирѣла? сказалъ онъ ей съ злодѣйской улыбкой: — рассказывай что видѣла въ Кіевѣ? вѣдь слушаютъ.

— Я ужъ пойду, родные, сказала робко Арина, хватаясь за свои пожитки.

— Кудажь ты? Чего ты божій человекъ испужался? заговорили хозяева: — ишь онъ у насъ шальной какой.

— Поди ты теперь къ Торехѣ Лысому, да погляди, накую кашу тамъ заварила, замѣтилъ Михайка. — Эхъ вы дармошны этакіе! суда-то на васъ вѣтъ. Губите вы нашего брата, благо вѣрятъ вамъ! Что бѣлки-то выпучила? думаешь, что видѣніе видишь? Совѣсть твоя это говоритъ? Нѣтъ, рожа ты змѣиная, человекъ говорить съ тобой!.. Вѣхала бы ты поскорѣе къ туркамъ чудеса творить: благо бы твоего духу здѣсь не было...

— Убѣеть онъ меня! завопила Арина: — убѣеть совѣсть; лица на немъ вѣтъ человеческого!..

— Слышь, Михайко, коли ты тронешь ее, а те прямо въ зубы. Насъ вѣдь двое,мотри, управимся.

— Нѣтъ, а такъ пошутить только, отвѣтилъ Михайка: — душа слуру выболталась. Нѣтъ, вы берегите ее, братцы, берегите хорошенько, — потому человекъ божій!..

Никто не отвѣтилъ ему. Михайко задумался.

— Чтожь, яти мнѣ? спросилъ онъ.

— Стуай живѣе.

— Пойду.

Онъ всталъ, почесываясь, и опять оглядѣлся.

— А гдѣжь моя шапка? спросилъ Михайко.

— Да ты безъ шапки приходишь.

— Безъ шапки? Ну безъ нея и уйду. Можно жить и безъ шапки. Эхъ, проговорилъ онъ въ дверяхъ: — кабы утро у человека было больше, все бы кажись лилъ въ себя эту божію водичу, такъ и лилъ бы безъ конца. Одна радость только и осталась! всѣмъ горюнамъ радость!..

Дверь хлопнула, Михайко ушелъ припѣваючи:

• Пропадай моя головушка!
Пропадай моя безталанная! •

Вѣтеръ подхватилъ иѣсню и разнесъ, развѣялъ ее безъ слѣда.

— Ушолъ, слава те Господи! залепетала бабка: — слова вымолвить боялась, думаю изругаетъ совѣмъ.

— Въ посту-то, мать моя, на первой недѣлѣ какія дѣла здѣсь творятся! примолвила странница.

— Не говори, родная, слушать страшно. Охъ люль-людской, сколько въ тебѣ золь-то!

— А что, вѣдь мы засидѣлись долгонько. Чай пѣтухи иѣли?

— Иѣли, голубка, сама слышала.

— Ложись ребята спать.

— А что Акулька?

— Спать.

— Чудно какъ: спать, а у самой слезы текутъ. Гляди-ко Андрей.

— Пусть выплачется, это къ добру.

— А куда Сенюшку дѣвать?

— Да сунь его къ матери. Живъ еще?

— Живъ.

Странница растянулась подъ образами, положивъ котомку подъ голову. Парни опять взобрались на палаты. Лучина потухла.

— А что, братцы, этому Михайкѣ на томъ свѣтѣ чай жутко будетъ? спросилъ Андрей улегшись.

— Може и будетъ, отвѣчалъ Кузьма.

— Въ постъ да какія рѣчи говорилъ, пьяница кромѣшная; меня убогую странницу стыдомъ сжогъ. Кабы не вы, ухилилъ бы совѣмъ, обиженнымъ тономъ ворчала Арина.

— Сказано: пропащій, чего же тебѣ больше!

— А все грамота, братцы, все грамота; не поведеть она къ добру; развратитъ она сердце христіанское. Помяните вы мое слово!

На это мудрое заключеніе не было возраженій.

А вьюга пуще шумить, надрывается, будто плачь и стонъ какой стоитъ надъ селомъ и оплакиваетъ его горькое житье. Среди этого плача порой слышится гдѣ-то жалобное мяуканье kota; кричить онъ бѣдный не своимъ голосомъ. Въ избѣ раздастся тяжелый сонъ парней, оханье старухи, и бользенные стоны убитой горемъ матери и умирающаго ребенка. Ужь не плачетъ онъ, а только ностъ мучительно, надрывая сердце матери, которая несмѣетъ болѣе при-

жать его къ своей груди, потомучто семейный совѣтъ осудилъ его на голодную смерть. Черезъ часъ посышалось чье-то слержавное, аппетитное чавканье: кто-то пользуеться сномъ сосѣдей тайкомъ грѣшить противъ поста... Ужь не странница ли?..

Чуть забрезжилъ свѣтокъ, Аринушка улелась во свояси. Перель уходомъ она сдѣлала маленькій поборъ съ хозяевъ на гробъ господень; она брала деньги, тряпье, съѣстное, даже огарокъ сальной свѣчки взяла... Хозяева отдавали эти вещи съ полною охотою, имѣя въ виду тотъ расчетъ, что Господь за все заплатитъ имъ вчетверо, въ чемъ ихъ крѣпко завѣрила Ариня. Все это произошло очень торопливо, потомучто странница, по невольному антагонизму, не хотѣла встрѣчаться съ священникомъ. Въ девять часовъ пришолъ и священникъ. Его приняли сухо и выслушали молча, какъ обыкновенно выслушиваютъ начальство. Рѣчи его не подѣйствовали на слушателей; впечатлѣнїе вчерашняго было еще слишкомъ сильно и наполнило ужасомъ все село. Священникъ уаалился, взявъ съ хозяевъ обѣщаніе накормить ребенка.

А ребенокъ на третій день померъ, — не вынесъ значить...

Н. А. ВЛАГОВЪЩЕНСКІЙ

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО

САМОДУРЫ

Если и до-сихъ поръ еще самодурство не исчезло у насъ въ разныхъ слояхъ общества, то въ иныхъ утратило рѣзкія формы, въ другихъ прикрывается какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ и только еще въ грубой массѣ стараго купечества да въ отживающихъ уже мемнотихъ невѣждахъ-помѣщикахъ проскакиваетъ оно довольно въ привлекательномъ видѣ. Но лѣтъ тридцать назадъ по степнымъ захолустьямъ самодурство доходило до такого безобразія, что теперь становится рѣшительно непомятымъ какъ общество, гордившееся уже Пушкинымъ и Грибоѣдовымъ, по наружности сходное съ европейскимъ, могло терпѣть въ себѣ особей, для которыхъ не существовали ни законъ, ни приличіе, ни уваженіе чужой личности. «Семейная хроника» Аксакова и «Прежніе годы» Печерскаго представляютъ полные типы самодуровъ, но оба эти писателя выводили на сцену прошлое столѣтіе, а между тѣмъ въ позднѣйшую эпоху можно насчитать сотни Куролесовыхъ и безобразниковъ г. Печерскаго. Оно, если хотите, самодурство у насъ немножко въ крови, потому что и нынѣ еще мы встрѣчаемъ самодуровъ, учившихся не на мѣдныхъ деньги, хотя конечно господа эти не стануть выкидывать отцовскихъ и дѣдовскихъ продѣлокъ. Но, какъ уже выше сказано, новѣйшіе самодуры поотесались и прикрылись наружнымъ лоскомъ, такъ что можно смѣло утверждать — цинизмъ исчезъ въ ихъ ухорскихъ штукахъ. Самодурство отчасти получило право гражданства и въ нашей прессѣ, но развивать эту мысль дальше я считаю неудобнымъ къ дѣлу. Правда, случается, что и новѣйшій самодуръ проявляетъ стремленіе къ какой-нибудь безобразной продѣлкѣ,

но уже находить мало сочувствія, и если мы видимъ иногда примѣры, что иной зѣло упившійся юноша начинаетъ пускать въ дѣло кулачную расправу въ дѣловской формѣ, то въ этомъ мнимомъ стремленіи, его поддерживаютъ уже весьма не многіе, да и то не по принципу, а вслѣдствіе своей размахистой натуры и попой изъ нежеланія отстать отъ товарища.

Самодурство со всѣми своими грязными и дикими сторонами не могло нигдѣ успѣшнѣе возникнуть и выработаться какъ на почвѣ крѣпостного права и при всеобщемъ невѣжествѣ, этомъ обширномъ и тучномъ полѣ для всякихъ самыхъ вопіющихъ безобразій. Даже по нынѣшнимъ дѣйствіямъ многихъ личностей, завѣщанныхъ намъ добрыми старыми временемъ, можно уже судить что дѣлалось тридцать лѣтъ назадъ по далекимъ угламъ нашего отечества, когда самодурничали и начальникъ, и подчиненный, и отецъ семейства, и мотъ наконецъ самодурничать каждый мало-мальски достаточный человекъ, при укороеніишемся понятіи, что важенъ не законъ, а расположеніе лица, исполняющаго законъ, и при томъ широкое прощаніе, который позволяли себѣ провинціальныя власти, начиная отъ губернатора и оканчивая становымъ — въ мѣрѣ официальной, а помѣщики въ своихъ владѣніяхъ. Если вникнуть глубже въ тогдашній общественный строй, и припомнить всю провинціальную обстановку, весь умственный застой и грубые обычаи, то невольно придешь къ заключенію: отчего же было и не самодурничать, когда расходившійся нравъ, имѣлъ такъ мало препятствій и могъ выказывать себя со всѣмъ ухорствомъ разнузданнаго безобразія. Но самодурство, разлитое такъ-сказать въ воздухъ и отражавшееся на многихъ сторонахъ жизнедѣятельности, приняло наконецъ хроническій характеръ, утрачивая мало-помалу ужасающіе симптомы, такъ что дикія выходки дѣлались рѣже и рѣже и потомъ начала уже удвѣлять обыкновенныхъ самодуровъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы не будемъ касаться ни купческаго ни крестьянскаго быта, въ которыхъ и до сихъ поръ попрежнему сцены возмутительнаго самодурства, и ограничимся субъектами изъ сословія помѣщиковъ, которые не давая какъ лѣтъ за тридцать до настоящаго времени, еще всецѣло сохраняли права и обычаи дикихъ ордъ и не обращали ни малѣйшаго вниманія ни на потребованія времени, ни на движеніе прогресса, ни на

присутствіи гуманности, которая, получивъ право гражданства въ Европѣ, дѣлала уже робкія попытки проникать и въ наше отечество. Последней казѣ-то особенно не счастливо было у насъ и въ болѣе позднѣйшее время, и добро бы она не могла укореняться въ влѣдствіе существованія крѣпостного права, вездѣ и всегда стоявшаго въ разрѣзъ съ принципами кротости и любви, но и тамъ, гдѣ это право было непримѣнимо, наврядъ въ отношеніяхъ членовъ семейства или просто въ сосѣдскихъ отношеніяхъ, члвчичность существовала только въ видѣ случайнаго качества усобой, но не прививалась путемъ воспитанія и житейскихъ привычекъ. Безъ сомнѣнія крѣпостное право вліяло и здѣсь въ значительной степени, потому что закоренѣлый крѣпостникъ являлся деспотомъ и въ семействѣ и въ кругу подчиненныхъ, однако были же и другія причины, сложившія этотъ порядокъ вещей, выходявшій изъ предѣловъ общечеловѣческихъ условій.

При значительной склонности къ самодурству, помѣщики той эпохи познакомились уже съ болѣе утонченнымъ образомъ жизни и начали проматывать состоянія, свидѣтелями чего могутъ служить архивы ломбардовъ и приказовъ общественного призанія, которые учреждены были конечно не съ этой цѣлью, но служили удобнымъ средствомъ протранжирить отличное имѣніе. Случалось дѣйствительно, что иные помѣщики пользовались ссудой для поправленія дѣлъ и пуская капиталъ въ оборотъ, извлекали значительную выгоду; но такихъ врядъ ли можно назвать и четвертую долю. Большинство занимало обыкновенно деньги собственно для того, чтобъ жить не по состоянію, утѣшаясь необыкновенно продолжительнымъ срокомъ, течение котораго мало ли что могло случиться. Невзирая однакоже и на такіе сроки, не взирая на удобную разверстку платежей, многие должники запускали уплату, сперва посылая неакуратно проценты, потомъ просрочивая и наконецъ давая возможность наростать процентамъ на проценты, такъ что доходило до аукціона. Другого исхода и быть не могло, если заемъ дѣлался не съ экономическою цѣлью купить на занятыя деньги выгодно имѣніе, или улучшить свои хозяйственные средства. Я не говорю о состояніяхъ значительныхъ, но знаю имѣнія не больше какъ во сто душъ, у владѣльцевъ которыхъ господская усадьба отстраивалась роскошно и кромѣ многочисленной дворни существовалъ иногда оркестръ музыки человекъ въ двѣнадцать. Слова мѣтъ,

что эти музыканты, занимались и уборкой хлѣба, и на скотныхъ дворѣ, и въ саду, и на мельницѣ, и даже уходили пахать землю; но все же тратили время на жалкое изученіе музыкальныхъ искусствъ и потомъ во время пировъ должны были потѣшать почтеннѣйшую публику. Если такой баринъ закладывалъ имѣніе, то понятно, что шедождавшись вождѣннаго срока подвергался большимъ неприятностямъ. Впрочемъ въ прежнее время совсѣмъ прометавшіеся господня, который могъ еще извлекать кое-какіе доходишки, имѣлъ возможность нѣсколько лѣтъ уваливать отъ аукціона, потому что земская полиція дѣйствовала съ примѣрною медленностью и составляла опись впервыхъ не скоро, восторыхъ забывала какую-нибудь формальность, а тамъ должникъ посылалъ малую толику процентовъ и тянулъ меледу, продолжая свою агонію и добывая жалкіе остатки имѣнія. Нужды нѣтъ, что при заключеніи займа значительная сумма получена была разомъ: ее хватило не надолго, потому что у каждаго почти являлись затѣи, требовавшія непроеводительныхъ затратъ, словно занятые деньги представляли неистощимую сокровищницу. Жить нечего состоянію въ тридцатыхъ годахъ дѣлалось какъ бы необходимою, и стоило только посмотреть на дни семейныхъ праздниковъ, на эти огромные сѣзды, на эти пиры, продолжавшіеся по трои сутки, чтобъ судить о чрезвычайныхъ издержкахъ, поглощавшихъ можетъ-быть полугодовые доходы. Небогатый помѣщикъ, имѣвшій, положимъ, душъ полтораста крестьянъ, заложенныхъ и перезаложенныхъ, если у него были взрослые дочери, къ днямъ домашнихъ торжествъ, кромѣ огромнаго количества запасовъ, обязанъ былъ заботиться еще и о приобрѣтеніи туалетовъ женѣ и дочкамъ, потому что по принятому обычаю на деревенскихъ сѣздахъ, дамы переодѣвались по три раза на день, а нельзя же было надѣть платье, которое уже видѣли. Утромъ такъ-называемое тогда неглиже, въ которомъ появлялись къ завтраку, къ обѣду какое-нибудь шелковое дорогое платье, а вечеромъ для танцевъ бальный туалетъ со всѣми принадлежностями. Представьте же себѣ поѣздъ иногда около ста особъ обоего пола, которыхъ нужно было размѣстить и продовольствовать прилично, не говоря уже о количествѣ лошадей и прислуги, требовавшихъ въ свою очередь необходимаго содержанія. Если круглымъ числомъ приѣзжало тридцать семействъ, то лошадей можно было насчитать не менѣе полтораста, потому что мало-мальски доста-

тотчасъ чинить вѣдалъ шестерякомъ, рѣдко четверней, и за нимъ следовала еще бричка или фургоны съ горничными и гардеробомъ. Хозяинъ, какой бы скупецъ ни былъ, въ эти торжественные дни старался казаться гостеприимнымъ и по необходимости допускалъ развѣсившее море. Кофе, чай, сахаръ, вино, кухонные припасы вывозили въ огромныхъ размѣрахъ, а сѣно, овесъ, живность не шли въ счетъ на томъ основаніи, что все дескать свое домашнее.

Другой способъ вроматывать состояніе, особенно на югѣ, представляли ярманки, на которыя обыкновенно помѣщики вѣдали сбыть свои деревенскіе продукты и запастись предметами роскоши и необходимости. Малорусскія ярманки, какъ я уже замѣчалъ выжестся не разъ, кромѣ своей специальной цѣли привлекали покупателей еще и посылными развлечениями: какой-нибудь броулачей трупой, вольтижорами, звѣрицею и такъ-называемыми *благородными собраніями*, гдѣ молодежь танцевала до упаду и можно было блеснуть свѣжими модными костюмами. Разъ ступивъ ногой на ярманку, помѣщикъ забывалъ экономическія цѣли, и если онъ выгодно продавалъ сырые продукты и деревенскія издѣлія, если выгодно покупалъ необходимое, то все-таки въ какую-нибудь недѣлю истрачивалъ столько, сколько дома не могъ истратить въ полгода. Помѣщикъ на ярманку привѣжалъ съ обычной обстановкой и окружалъ себя своимъ деревенскимъ комфортомъ. Съ нимъ путешествовали и многочисленная прислуга и большое количество лошадей, а иные брали и свою музыку не для того, чтобъ воспользоваться какими-нибудь материальными выгодами, а просто изъ удовольствія поставить у себя на дворѣ доморощенный оркестръ и показать прочимъ, что «молъ знай паянхъ!» Въ результатѣ оказывалось, что ярманки стоили очень дорого, и бывали примѣры, что помѣщикъ, продавшій выгодно продукты, занималъ подъ большіе проценты денегъ для обратнаго шествія во-свои. И говорить нечего, что на ярманкахъ самодурство проявлялось во всемъ своемъ безобразіи: вопервыхъ шѣя подъ рукою различные подходящіе источники, вовторыхъ пользуясь сѣздомъ многихъ личностей, которыхъ только и можно было видѣть среди ярманочнаго кутежа и теперь уже немыслимыхъ оргій.

Изъ этого бѣлаго очерка читатель видитъ, что для самодурства представлялось достаточно матеріаловъ, а потому и самыя

самодуры подраздѣлялись на нѣсколько descending mental-ty-
 бою категорій. Въ строгомъ смыслѣ у самодуровъ всѣхъ стѣпѣ-
 новъ были общія основанія; въ принципѣ они различались не
 слишкомъ, но что касается подробностей, то каждая группа
 развивалась сообразно со своими наклонностями, и нѣдѣлю само-
 дуры двухъ категорій расходились съ самой точкой отправления.
 Самодуръ-пьяница и самодуръ-конецлюбъ нѣдѣлю совмѣщали въ
 одномъ лицѣ обѣ професіи, но самодуръ-экономистъ и самодуръ-
 безобразникъ, дѣйствовали въ діаметрально-противоположномъ
 направленіи. Самодуръ-начальникъ могъ выщипать въ себѣ само-
 дурство ханжи по призванію, но самодуръ-собачникъ не въ ка-
 комъ случаѣ не сходился съ самодуромъ-реформаторомъ. Навѣдъ
 самодурства нѣдѣлю посѣщало и особъ нѣжнаго пола, и надобно
 сказать правду, что барыни, одержимыя этимъ настроеніемъ, не
 только не отставали отъ мужчинъ-самодуровъ, а случалось пре-
 восходили послѣднихъ, разумѣется проявляя самодурство не въ
 столь разнообразныхъ формахъ, по неизбѣжно такого обширнаго
 поля для своихъ эксцентрическихъ выходовъ.

Само-собою самодуры не составляли касты и не отърекше-
 денія получали наклонность къ самодурству, но усвоивали ея въ
 послѣдствіи, хотя случалось, что и очень молодые люди, рано на-
 чавшіе безобразничать, дѣлались формальными самодурами, энер-
 гически развивая принятое направленіе и недождавшись сдѣлать
 волосъ, достигали полнаго апогея. Большинство этихъ особей,
 какъ мы уже сказали, имѣло свою точку самодурства, подобно
 тѣмъ сумасшедшимъ, которые свихиваются на одномъ пунктѣ, и
 съ такими людьми еще можно было сладить. Но были самодуры
 такъ-сказать полноцвѣтные, законченные, которые не знали
 предѣла самодурству и безобразничали на всѣхъ поприщахъ,
 словно охваченные неодолимой силой, подталкивавшей ихъ на
 совершеніе циническихъ и отвратительныхъ продѣлокъ, взумля-
 вшихъ не одного даже самодура, преданнаго своей спеціальности.
 Такіе особи имѣли девизомъ: «валяй въ хвостъ и въ гриву»
 то-есть жили очертя голову и незадумывались надъ совершеніемъ
 преступокъ и самое уголовное преступленіе. Самодуръ не справ-
 лялся объ этомъ даже и тогда, когда у него не хватало средствъ
 широко подкупать кого слѣдовало, и хоть рѣдко, но случалось
 подвергаться заслужонному наказанію. Отъявленные самодуры-

бушки, давшие въ окрестности извѣстную свою специальность; служили для полиціи обильнымъ источникомъ дохода, и если представляла хоть малѣйшая возможность прикрыть ихъ безобразію, оно было приприто на томъ основаніи, что новыя продѣлки опять принесутъ новую выгоду. Но мервка отъ полиціи грѣбавалась отсутствіемъ всякаго самолюбія, при встрѣчѣ съ господиномъ, который хоть и щедро платилъ, однако любилъ пошвырнуться надъ чужую личность. Попадались и цѣлыя самодурныя семейства, въ которыхъ самодурничали даже малыя дѣти, и положимъ это случалось весьма не часто, но какъ фактъ по долгу быть пройдено моччаніемъ. Подобныя семейства принадлежали конечно людямъ достаточнымъ, которые благами дѣтей и портили съ малолѣтства всевозможными способами, такъ что какой-нибудь десятилѣтній Митя или двѣнадцатилѣтняя Маша, имѣвшіе свой штабъ прислуги, распорядились послѣднею властью по примѣру дражайшихъ родителей. Я зналъ нѣсколько домовъ, отличавшихся такой характеристикой, но однимъ особенно врызался у меня въ памяти по тѣмъ сценамъ, какія безъ сомнѣнія трудно встрѣтить, но позабыть невозможно.

Самодуры различныхъ специальностей при встрѣчѣ любили пошвырнуться другъ надъ другомъ, словно незамѣчая, что собственные ихъ поступки были также достойны смѣха и порицанія. На всѣхъ помѣщичьихъ сѣздахъ всегда можно было найти нѣсколько самодуровъ, и если самъ хозяинъ какой-нибудь стороною принадлежалъ къ этой почтенной категоріи, то необходимо безъ комическихъ а порою и трагическихъ происшествій. Такъ-называемые штукари, которые считали обязанностью выкидывать разнаго рода штуки, разумѣется не стѣпяясь преимущественно надъ людьми болѣе безотвѣтными, всецѣло принадлежали къ числу самодуровъ, и какъ эти господа отправляли свое ремесло собственно для утѣшенія публики, то пользовались расположеніемъ большинства и на всѣхъ сѣздахъ принимались съ распротертыми объятіями. Подобные легкіе самодуры существуютъ и по настоящее время по угламъ провинцій, и если они уже прикрыты нѣсколько паружнымъ лоскомъ и въ обществѣ появляются въ лакированныхъ сапогахъ и гласированныхъ перчаткахъ, то внутреннее ихъ содержаніе осталось прежнее.

Тогдашнее молодое поколѣніе — я говорю о провинціи, — оно давало уклоненіе на поправу развитія, и если молодые люди

съ зависаетъ новыхъ понятій въ сѣбѣ: силы: въ высшемъ университетовъ, то эти понятія скоро стиралась въ омутъ дѣятельности, а силы или притупляясь въ борьбѣ съ могущею ственной рутинной или служили въ достиженію цѣлей, обусловленныхъ тогдашнимъ общественнымъ положеніемъ. Разумѣется образованный человѣкъ не упадетъ ужь въ грубое самодурство, но неусвоенная какихъ-нибудь его безобразныхъ видовъ, случалось самодурничать и онъ въ болѣе степенной формѣ, особенно если былъ матушкинъ сынокъ и получилъ университетскій дипломъ за деньги или вслѣдствіе друзей равномощныхъ обстоятельствъ. Если понятія о чести и теперь еще у многихъ сбивчивы и бывають иной разъ причиной важнѣхъ недоразумѣній, то въ прежнія времена челоѣчество было несравненно разборчиво относительно своихъ поступковъ. Проклятыя и не заплатить считалось въ высшей степени безправственнымъ; хуже воровства, а взять деньги взаймы и дать расписку съ крючкомъ, по которому оплошный кредиторъ могъ никогда не получить своей собственности, было не болѣе какъ ловкой шуткой своего рода. Господинъ стянувшій взятку и не исполнившій желанія своего кліента, прямо въ глаза назывался подлецомъ, но тотъ-кто изъ благодарности дѣлалъ самое ниакое и позорное дѣло, по условію, считался честнымъ челоѣкомъ.

Но возвратимся къ самодурамъ.

Въ настоящемъ очеркѣ я хочу познакомить читателя съ нѣсколькими личностями изъ этой категоріи и именно той эпохи, когда самодурство не было еще названо настоящимъ именемъ, а терпѣлось въ обществѣ, и въ силу христіанскаго правила прощать ближнему его погрѣшности, и вслѣдствіе понятія, что люди рождаются съ разными характерами. Общественное мнѣніе не преслѣдовало самодуровъ, а всѣ смѣялись надъ ихъ проделками, и только самое незначительное меньшинство начинало осуждать проявленія самодурства и то развѣ при какихъ-нибудь катастрофахъ. И долго держалось самодурство въ первоначальныхъ формахъ пока наконецъ, уступая требованіямъ времени, не перешло въ другія болѣе легкія формы, подобно какъ иныя тяжолыя болѣзни съ вѣками теряють свой жестокой характеръ и ослабѣвая утрачиваютъ силу своей злокачественности.

Новѣйшіе самодуры даже понимаютъ, что они дѣлають, но

и эти господа составляли предметъ настоящего моего рас-
каза.

Въ обширномъ кабинетѣ, довольно скромно убранномъ, сидѣлъ отставной генералъ-майоръ Савва Михайлычъ Бобови-
кинъ. Это былъ старикъ лѣтъ подлѣ шестьдесятъ, довольно плеч-
ный и вообще той счастливой организаціи, какою отличается
человѣчество; родившійся въ концѣ прошлаго столѣтія. Волосы
его почти всё посѣдѣли, но были густы и даже на макушкѣ по-
казались еще и признака лысины, одолѣвающей челоуѣчество
позднѣйшаго происхожденія, а румяныя, немного отягшія ще-
ки украсены были тѣми узенькими каймами волосъ, которыя,
бывъ выдуманы гнѣдами или англичанами, передѣлались у насъ
въ особую форму бакенбардъ, подлѣ названіемъ казенныхъ. Усы
у Бобовкина были желтаго цвѣта собственно оттого, что онъ
выпускалъ изъ рта трубки, которую имѣлъ привилегію курить
въ присутствіи самыхъ утовченыхъ барынь, увѣрявшихъ, что
онъ дурно отъ самаго лѣйшаго запаха табачнаго дыма. Безъ
этой льготы Савва Михайлычъ не ѣздилъ ни куда въ гости, а
какъ онъ считался однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ, при-
томъ же происходилъ изъ старбовыхъ дворянъ и титуловался
превосходительствомъ, то присутствіе его на помѣщичьихъ съѣз-
дахъ считалось особенною милостью, вслѣдствіе чего и трубка
его дымилась тамъ, гдѣ курить считали преступленіемъ.

Пятнадцать лѣтъ уже какъ Савва Михайлычъ вышелъ въ
отставку и поселился въ родовомъ имѣніи, но не только не от-
сталъ отъ своихъ военныхъ привычекъ, а напротивъ всю дерев-
ню обратилъ въ военное поселеніе и завелъ въ ней какъ стро-
жайшую дисциплину, такъ и нѣкоторый родъ регулярной служ-
бы. Это былъ въ высшей степени оригинальный господинъ, и
если его нельзя назвать типомъ, то во всякомъ случаѣ нельзя
причислить и къ разряду обыкновенныхъ оригиналовъ. Много
есть отставныхъ военновъ, которые до гроба остаются вѣрными
прежнему ремеслу, любятъ рассказывать про походы и сраженія,
вспрочь и прихвастнуть описывая давнишнія событія, но всё
они болѣе или менѣе свыкаются съ мирной гражданской жизнью;
завѣдываютъ по заведенному порядку и только требуютъ слѣ-
доваго, безпререкословаго повиновенія подчиненныхъ. Савва Ми-

хадить: стесненіе поведенья дѣлъ, вслѣдствіе же явной уступки новому для него быту, не спилъ ни одного статскаго скорта, не надѣвалъ ни разу сапоговъ безъ шпоръ, не выѣзжалъ никуда безъ сабли, и къ каждому низшему чиномъ, кто бы онъ ни былъ, относился тогда съ начальникоу.

Бобовикинъ вышелъ въ отставку вскорѣ по возвращеніи нашей войскъ изъ Франціи, и какъ посылалъ молва, оставилъ службу вслѣдствіе разладны съ ближайшимъ своимъ начальникомъ, который во время долгаго пребыванія за границей усвоилъ много новыхъ гуманныхъ понягій, между тѣмъ какъ Савва Михайлычъ оставался неизмѣненнымъ и не поддавался ни малѣйшему обаянію чужеземщины. Какъ командовалъ онъ до окончанія войны эскадрономъ, употребляя всѣ крутыя и перѣдко дикія мѣры, свойственныя тогдашнему времени для поддержанія порядка и дисциплины, такъ начальствовалъ впоследствии и полкомъ, не разставаясь съ тѣми же приемами строгости и произвола постояннѣ въ окрестностяхъ Парижа, что и въ суровой губерніи. Савва Михайлычъ никогда не отличался умственными способностями, но былъ въ высшей степени исполнительнъ, аккуратенъ, кропотливъ и притомъ, происходя изъ хорошаго дворянскаго рода, имѣлъ связи и протекціи, вслѣдствіе чего ему везло по службѣ. Съ возвращеніемъ арміи въ Россію, когда нѣкоторые изъ начальниковъ начали смотрѣть дружными глазами на исполненіе своей обязанности и какъ бы старались находить черту, отдѣляющую законность отъ произвола въ дѣйствіяхъ командировъ, стремились къ возстановленію справедливости, зависѣвшей собственно отъ личнаго расположенія начальства, — Бобовикинъ не поддавался никакимъ законнымъ и гуманнымъ стремленіямъ, а напротивъ развивалъ свою доморощенную теорію, прилагая ее къ дѣйствительности на основаніи самаго широкаго произвола. Савва Михайлычъ первый разъ въ жизни пошелъ въ разрѣзъ со своимъ начальствомъ и былъ уволенъ съ чиномъ генераль-майора, съ мундиромъ и пенсіономъ. Бобовикинъ потерялъ жену еще до кампаніи двѣнадцатаго года, и какъ у него оставались два сына и дочь, то онъ и поручилъ воспитаніе малютокъ родной сестрѣ своей — старой дѣвкѣ, которой дѣлать далъ довѣренность на управленіе хорошо устроеннымъ имѣніемъ. Мальчиковъ, согласно съ волей отца, отвезли въ кадетскій корпусъ, а дочь воспитывали дома, но обязали даже

принимать заботы и прилежательство объ охраненіи отъ преступности отъ соблазна и расчлывали, что было бы еще шире, непослушна, уакала бы старшихъ, а отъ хорошихъ прилежнѣе всегда можно выйти замужъ и безъ моднаго воспитанія. Когда Бобовихинъ вышелъ въ отставку, съ шестью толстыми сестрами старуху и дочь по шестому году, которыхъ разувѣннѣе туже минуту подчинилъ строжайшей дисциплинѣ и притомъ не дозволялъ хозяйствомъ, разумѣется не имѣя о немъ ни малѣйшаго понятія. Имѣніе дало очень хорошіе доходы и время того сестра вручила Савву Михайловичу значительный капиталъ вѣличными — такъ какъ, по обычаю того времени, землевладѣльцы предпочитали держать деньги въ экстауляхъ, не заботясь о приращеніи процентами. Вступивъ во владѣніе имѣньемъ, населеннымъ почти двумя тысячами душъ, необремененныхъ разнаго рода угодьями и находившимся сравнительно съ другими въ отличной обстановкѣ, Бобовихинъ немедленно сдѣлалъ инспекторскій смотръ всему своему имѣнію. Савва Михайловичъ почти съ малолѣтства поступилъ въ военную службу, каждый день былъ занятъ постоянно — сперва фронтъ, затемъ сѣдствами, кромѣ фронта, распоряженіями и подшивкой бумагъ, совершалъ огромные походы и до того сроднился съ дѣятельностью, что когда пріѣхалъ въ Переясовку, деревня показалась ему гауптвахтой, на которую посадилъ его выдержать вѣдѣе долговременнымъ или пожизненнымъ арестомъ. И говорить будетъ лишнимъ, что Савва Михайловичъ возвратился къ своимъ пенатамъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Книгъ онъ не читалъ отроду, да и не любилъ тѣхъ кто занимался книгами, приписывая имъ все зло и даже собственную отставку, а потому для подобной природы нужна была непрерывная дѣятельность. Права онъ былъ крутого и даже не послѣдовалъ примѣру дѣдовъ услаждать горе бутылкой, потомучто и въ службѣ держалъ себя всторонѣ отъ кутежей: въ молодости исполняя волю матери, а въ лѣтахъ зрѣлыхъ изъ боязни нарушить дисциплину. Случалось, что въ обществѣ равныхъ онъ тянулъ порядкомъ вслѣдъ за красносивыми носами, но никогда не находилъ удовольствія въ похмѣльи, и объѣзжать самому лошадей во правлахъ берейторскаго искусства, или копать въ амунчицкѣ считалъ наилучшимъ развлеченіемъ въ свободное время. Впрочемъ Бобовихинъ такъ устроилъ свою жизнь, что и свободнаго

время оставалось ему не много. Онъ горю съдѣлялъ за широкую власть иной власти; вслѣдствіе чего надобно было немедленно проучить вѣдомыхъ офицеровъ, наказывать солдатъ, присутствовать при ученьяхъ, обойти конюшни, мастерскія, побѣдить паравули и проч. Отравленный отъ сокрытыхъ обидныхъ любимыхъ авантажъ и злодѣй въ непонятный ему хаосъ сельскаго хозяйства, Савва Михайловичъ тѣмъ не менѣе не хотѣлъ по принятому обычаю спрашивать чужого бы то шибало, созвѣя и рѣшился хозяйничать по своей собственной махерѣ; надобно сказать правду, не съ той цѣлью, чтобъ увеличить доходы, а главное показать какъ надобно распорядиться имѣніемъ. Послѣ вступительнаго всесторонняго осмотра всему своему состоянію, Бобовихинъ остался чрезвычайно недоволенъ, во первыхъ безолаберностью вождь хозяйственныхъ приналожностей, во вторыхъ неповоротливостью и расторопностью крестьянъ, а главное отсутствіемъ во всемъ единства и порядка, къ которымъ такъ привыкаетъ глазъ человѣка, привыкшаго къ фронтовой службѣ. Но преимущественно разсердило генерала неряшество на конюшнѣ, дурное содержаніе лошадей и незнаніе конюхами простыхъ правилъ выводки. Какъ ни былъ вснѣмъ чинъ Савва Михайловичъ и какъ ни привыкъ ту же минуту вымѣщать неудовольствіе свое на подчиненныхъ, однако на этотъ разъ поудержался, ограничиваясь только устной распекаціей и обѣщаніемъ согнуть всѣхъ въ бараній рогъ и выколотить мужицкія привычки и хватки.

Дня два Бобовихинъ ломалъ голову, пока уложился въ ней планъ реформы; но зато, немедля ни минуту онъ началъ приводить его въ исполненіе. Во всѣ близъ-лежащія селенія, отправлены были имъ гонды съ приказаніемъ потребовать къ генералу всѣхъ отставныхъ солдатъ, преимущественно кавалеристовъ, въ формѣ, какая у кого сохранилась, и чтобъ приносили свои указы объ отставкѣ. Это была первая мѣра преобразования, послѣ чего уже Савва Михайловичъ рассчитывалъ приступить къ различнымъ перемѣнамъ, обезпечивъ себя расторопными и дисциплинированными исполнителями приказаній. На другой же день во дворѣ Бобовихина собралось человекъ до тридцати отставныхъ солдатъ, изъ которыхъ многіе были ранены и въ томъ числѣ безрукіе и безногіе. Генералъ вышелъ въ полной формѣ, подорожался известной фразой, получилъ въ отвѣтъ неменѣе известное привѣтствіе и произвелъ смотръ ветеранамъ. Бобовихинъ

предложилъ старить служивымъ разнымъ мѣстамъ, а особенно довольно выгодныхъ условіяхъ и все они, за исключениемъ двухъ трехъ неспособныхъ, съ удовольствіемъ поступили на службу. Составилъ личные списки, назначилъ конюшю, обеспечилъ съ подробной инструкціей, Савва Михайловичъ началъ по-расоводать управленіе, какъ собственнымъ, а крестьянскихъ хозяйствомъ, какъ и вообще селомъ. Перелосовкой и много сказавъ поелъ съ урочнаго времени пока удалось ему поскорѣе ввести порядокъ, дисциплину и наружное благообразіе. Черезъ три года онъ имѣніе поставилъ на военную ногу и съ тѣхъ поръ покойно и безмятежно жилъ въ своей Перелосовкѣ. Военная пореформа, образовывавшіяся тогда по плану Аракчеева, не только сравнялись съ устройствомъ перелосовской экономіи, а наружный порядокъ, стоявшій въ поселеніяхъ степныхъ киргизовъ у Бобовихина возникъ съ гораздо меньшими затрудненіями. Оно и понятно: въ военныхъ поселеніяхъ началъ обращать вниманіе на доброту, преимущественно жилищныхъ казенныхъ крестьянъ, а Бобовихинъ на правѣ помѣщика распоряжался въ собственности имѣніемъ. Впрочемъ Бобовихинъ при всемъ своемъ уваженіи и непреклонности не подвергалъ крестьянъ значительнымъ издержкамъ, и то, что по его имѣнію необходимо было у нихъ перестроить, дѣлалъ на свой счетъ и на барскихъ дняхъ, такъ что мужикамъ пришлось только измѣнить немного одежду, да образъ жизни сообразно съ генеральскимъ приказаніемъ, и войти во вкусъ военной дисциплины. Перелосовка чрезвычайно походила на какой-нибудь штабъ военныхъ поселеній, хотя надо сказать правду, Бобовихинъ уже послѣ своей реформы, посѣтилъ чугуевскіе округа, и съ гордостью разсказывалъ впоследствии, что мысль подобнаго устройства ему пришла въ голову гораздо прежде Аракчеева. Савва Михайловичъ передѣлалъ въ своемъ дворѣ все хозяйственныя заведенія, обративъ особенное вниманіе на конюшню, и выстроилъ хорошій манежъ, гдѣ выѣзжались какъ его верховыя лошади, такъ и приготовленныя къ ремонту. Тутъ же помѣщался и большой конный заводъ, составлявшій главную хозяйственную заботу генерала. Вотчинная контора переименована была въ канцелярію, гдѣ подъ руководствомъ отставнаго офицера, человекѣкъ пять мальчиковъ постоянно переписывали рапорты генералу, ассигновки, указы, и наконецъ гдѣ велась переписка

съ офицальными и частными лицами. Дворъ отороченъ блудъ заборами съ столбами, выкрашенными фориными пестами; а у параднаго крыльца дома стояла расписанная будка, въ которой сперва ночью помѣщался караульщикъ, но впоследствии и днемъ ставился на часы провиншійся мужикъ, совершать въ наказаніе, въторыхъ для приученія къ порядку службы. У такого часового обыкновенно была въ рукахъ метла, которой онъ подметалъ каждую соринку, которую могъ брать на плечо, ставить къ ногѣ, но не выпускалъ изъ рукъ. Оканавы двора поведены были дорожками, убитыми щебенкой, а посрединѣ отгорожено мѣсто для лѣталью шапжа и вообще для проѣздки лошадей. Большое количество отставныхъ солдатъ, исполнявшихъ различныя должности, находились во дворѣ въ чистыхъ сертукахъ или шинеляхъ, смотря по приказанію, но непременно выбритые, застегнутые на всѣ крючки и обязанные снимать фуражки, проходить передъ генеральскими окнами. Вся домашняя прислуга одѣта была однообразно въ платье военного покроя и шесъбла не отдавать чести прѣвстрѣчь со старшими, иначе подвергалась наказанію съ карлетардіи. Такъ назывался небольшой домикъ, въ одной половине котораго жилъ смотритель двора, а въ другой устроена была комната съ рѣшетчатыми окнами, куда сажались арестованные, гдѣ чинилась всякая расправа, какъ по приказанію генерала, такъ и по усмотрѣнію дворецкаго, если сужденіе о проступкѣ совершилало принадлежавшей ему власти. Рабочій скотъ у генерала и всѣ земледѣльческія орудія, помѣщавшіяся на особомъ отдѣлѣ двора, не только были въ порядкѣ, но единообразіемъ своимъ и особенною выдержкою приводили въ удивленіе всѣхъ сосѣдей. Такъ на примѣръ плуги у Бобовихина безукоризненно-тождественные, запрягались одномастными волами, тоже подобранными по ранжиру, и къ каждому плугу расписаны были и свои номера рабочихъ. Раза два въ годъ Савва Михайлычъ инспектировала свои земледѣльческія орудія, и плуги, бороны, рала, возоки проходили мимо его иногда по два рядъ, иногда справа по одному на известную дистанцію. Рабочіе одѣвались въ то время въ праздничную одежду и кнуты свои должны были держать во принятой формѣ. Для этого иногда производились особые ученья съ кнутами. Вообще косари, т. е. крестьяне отъ 48 до 50 лѣтъ, переписанные по ранжиру, стремились въ десятку и полусотни, обязаны были ходить въ ногу, зотя и вольные

шагоны и размахивать руками по правиламъ, привѣщать въ штышомъ фронтъ. Долго бился генераль пока косари на работѣ привыкли къ однороднымъ движеніямъ, и хоть и достигъ, что полусотни прихизвали косами въ одинъ моментъ, и съ каппитъ-то особеннымъ свѣтомъ, но если онъ сводилъ двѣ-три полусотни штыствъ, то непременно выходила перетасовка, ломалась линия равенія и косы сверкали разнориченно.

Конюхи вообще походили на солдатъ и даже одѣты были въ рейтузы съ лямми (кожаная подкладка); тоже и прочая прислуга умѣла становиться во фронтъ, опускать руки по шланъ и правильно бросать глаза на начальника. Въ послѣднее время Бобовихинъ завелъ хоръ музыки, но преимущественно ограничился роговыми инструментами. Музыканты одѣты были въ куртки, на рукавахъ обшиты басонами, въ кавалерійскіе рейтузы и отлично знали марши и сигналы. Съ тѣхъ же поръ какъ устроилась музыка, каждый вечеръ и утро у кордегардіи дежурный трубачъ обязанъ былъ играть зорю; на которую собиравались всѣ дворовые мужчины и потомъ расходились по своимъ мѣстамъ. Послѣ зори какъ во дворѣ такъ и въ этапн тушились непременно огни, кромѣ генеральскаго дома и кухни, и если кто попадался на улицѣ безъ уважительной причины, тому предстояло быть отправленнымъ въ кордегардію. Это обстоятельство для крестьянъ было тяжелѣ военной одежи и перестройки ихъ жилищъ. Куреніе трубокъ также преслѣдовалось генераломъ. Запрещеніе это онъ впрочемъ ввелъ тотчасъ же по приѣздѣ въ мѣстнѣ, и какъ Череносовка состояла изъ малорусовъ, курищихъ отъ мала до велика, то не мало стоила хлопотъ генералу. Бобовихинъ не ограничился запрещеніемъ курить на улицѣ, на работѣ, наковецъ на дворахъ, но безусловно велѣлъ перестать курить гдѣ бы то нибыло, и въ назначенный день потребовалъ къ себѣ всѣ крестьянскія трубки, которыя и учинено было торжественное ауто дафе въ его присутствіи. Разумѣется этимъ онъ не сразу покончивъ, потомучто страстные курильщики пытались, гдѣ-нибудь втихомолку предаваться запрещенному удовольствію, но при строгостяхъ въ вотчинномъ управленіи, ослушники выдавались очень скоро и получали въ острастку другимъ примѣрное наказаніе. Потомъ только еще пастухи, пользуясь удаленіемъ въ степь, курили тайкомъ гдѣ-нибудь въ рощѣ, но и это донесено было генералу, — у пастуховъ сдѣланъ былъ осмотръ, найденъ

трубки, а провинившихся: позвали въ кордегардію, конечно не для того, чтобъ доглядить за головкѣ. Однимъ словомъ, дуреніе ушачково: было въ Переносовкѣ. Даже отставные солдаты во всё пользовались дозволеніемъ; однимъ лишь унтеръ-офицерамъ разрѣшалось курить, но и то у себя на квартиракѣ.

Бобовихинъ перестроилъ Переносовку 'точь-вточь' какъ въ военныхъ поселеніяхъ, т. е. уничтожилъ живописный безпорядокъ малорусской деревни; раскиданной по обѣ стороны рѣчки, провелъ прямыя улицы, вырубивъ для этого вѣковые сады, разжевалъ огороды и поставилъ крестьянамъ однообразныя дойки съ одинаковыми же хозяйственными принадлежностями; велѣлъ посадить вдоль заборѣвъ деревья и приладилъ такъ, что церковь находилась какъ разъ въ центрѣ селенія. У всѣхъ крестьянъ домъ до того походилъ одинъ на другой, что генералъ даже пришолъ въ умиленіе, и велѣлъ всё ставни выкрасить зеленой краской. Избъ въ Переносовкѣ вышло четыреста и на каждую сотню назначенъ былъ опытный унтеръ-офицеръ; каждый изъ нихъ имѣлъ подъ рукой десять расторопныхъ десятниковъ изъ крестьянъ, обязанныхъ доносить сотнику, какъ о благополучіи, такъ и обо всѣхъ происшествіяхъ. Главное же начальство надъ селеніемъ генералъ ввѣрилъ отставному подпоручику изъ выслужившихся рядовыхъ, который впрочемъ имѣлъ весьма небольшой кругъ власти, а обязанъ былъ рапортовать генералу и доносить по командѣ черезъ капеллярію. Всѣхъ провинившихся подпоручикъ за карауломъ представлялъ въ кордегардію, гдѣ дворецкій, имѣлъ особыя инструкціи, или самъ чинилъ расправу, или докладывалъ его по—стѣву.

Приведя такимъ образомъ въ порядокъ свое имѣніе, Бобовихинъ послѣ дневныхъ занятій, по постройкамъ, по полевымъ работамъ, измученный то повѣркой винокуреннаго завода, то выѣздкой лошадей, — вечеръ посвящалъ еще и воспитанію дочери, которая воспитывалась подъ руководствомъ священника и подъ надзоромъ тетки. Священникъ, по тогдашнему обычаю былъ самъ не изъ ученыхъ, но понимая вещи, отказывался дѣлѣе учить дѣвочку, требовавшую уже, по его мнѣнію, иного образованія.

— А зачѣмъ ей образованіе? спросилъ генералъ, когда священникъ рѣшился сказать объ этомъ самому Бобовихину.

— Помилуйте, в. п—ство, дочь такого именитого мужа, такого знатного дворянина...

— Ну чтожь? она и останется дочерью генерала, если и nebude знать мифологій, физикъ или другой дребедени, которыми набиваютъ головы девченоекъ.

— Съ позволенія в. п—ства: у насъ въ околodкѣ уже не одни богатые люди заботятся...

— А вы не знаете зачѣмъ?

— Ради просвѣщенія ума и сердца.

— Эхъ вы, батюшка! для просвѣщенія! Просто для выставки, чтобъ товаръ лицомъ показать. Повѣрьте, если узнаютъ, что за Людмилой будетъ сто тысячъ приданого, посмотрите какіе явятся женихи!

— Само собою. Однако и науки...

— Вздоръ! Какая наука? Не надо бабѣ никакой науки. Еще мужчинѣ можно пожалуй служить въ артиллеріи или въ кононовожатыхъ, сдѣлать карьеру... Да и то я вамъ скажу, эта модная наука свихнула головы многимъ молодымъ офицерамъ. Еслибъ не эта проклятая наука...

Тутъ генералъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Еслибъ не эта мераостная наука, я командовалъ бы уже дивизіей. Понимаете ли вы?

— Понимаю.

— То-то же! Вы обучили Людмилу грамотѣ, молитвы она знаетъ: я самъ каждый вечеръ ее экзаменую. Теперь позаймитесь письмомъ, — я хочу сдѣлать изъ нея своего старшаго адъютанта.

Въ это время вошелъ по какому-то дѣлу подперучикъ.

— А вотъ кстати Дудоренко. Ты учился какимъ-нибудь тамъ географіямъ? спросилъ Бобовихинъ.

— Никакъ-нѣтъ, в. п—ство.

— А въ Парижъ вѣдь ходилъ?

— Хадылъ в. п—ство.

— И всю нѣмечину какъ-есть выходилъ?

— Точно такъ, в. п—ство.

— Ну, и физикѣ не обучался?

— Никакъ-нѣтъ, в. п—ство.

— А развѣхъ нехристей бивалъ?

— И еще какъ, в. п—ство!

— Видите, батюшка, что каждый может обойтись без этой дребедени. Меня самого деревенскій дьячокъ училъ грамотѣ, и клянусь вамъ крестомъ, послѣ того я не бралъ ни одной книги въ руки, кромѣ устава, да календаря на двѣсти лѣтъ, а смотрите, слава-богу не хуже другихъ.

Съ подобными помятїями объ образованїи Бобовихинъ тѣмъ не менѣе каждый вечеръ, усѣвшись за чаемъ, экзаменовала свою дочь, то-есть выслушивала ея уроки изъ катихизиса и св. исторїи. Дѣвочка бойко говорила мануэль възбуреннымъ мѣтомъ, а если ошибалась, то отецъ по собственному малограмотству не всегда замѣчалъ ея ошибки и только требовалъ, чтобъ дочь говорила урокъ громко и безъ записки. По окончанїи экзамена если бывалъ въ хорошемъ расположенїи духа, Савва Михайлычъ училъ Людмилу сабельнымъ приемамъ и фланжировкѣ пикой, посвящая слегка въ стойку и маршировку, насколько самъ, какъ истый кавалеристъ того времени, зналъ эту премудрость. Когда дѣвочкѣ исполнилось тринадцать лѣтъ, онъ купилъ ей на ярманкѣ маленькую лошадку, выѣзженную отлично, и въ годъ Людмила могла не только сопровождать отца верхомъ въ конныхъ прогулкахъ, но знала даже тонкую маневренную ѣзду. Съ тѣхъ поръ, бросивъ книги, она заступила при отцѣ должность секретаря, или какъ говорилъ генераль, старшаго адъютанта. Дѣвушка писала дѣйствительно бойко, имѣла красивый почеркъ и мало-помалу, при помощи тетки, начала заниматься женскимъ хозяйствомъ. Въ семнадцать лѣтъ это была хорошенькая дѣвушка, но она болѣе походила на красиваго мальчика, потомучтѣ въ ея движенїяхъ и приемахъ мало оставалось женскаго.

Сознавая вдвойнѣ свое достоинство, какъ потомокъ древняго рода и какъ человекъ, дослужившїйся до большого чина, Бобовихинъ, держалъ себя чрезвычайно гордо относительно уѣздныхъ властей и сосѣдей. Съ выходомъ въ отставку онъ очень хорошо зналъ, что въ качествѣ помѣщика ему надо было подчиняться гражданскимъ постановленїямъ, однако рассчитывалъ, что уплачивал акуратно подати и доставляя своевременно рекрутъ, онъ избавлялся отъ всѣхъ столкновенїй съ предводителемъ и съ земскою полицїей. Бобовихинъ не считалъ даже нужнымъ сдѣлать визитъ предводителю на томъ основанїи, что послѣднїй былъ не болѣе какъ поручикъ въ отставкѣ, и только вышменно уведомилъ его о своемъ приѣздѣ въ имѣніе. Съ исправникомъ онъ

уже совершенно не церемонился, и какъ оба эти должностныя лица сразу подчинились волѣ Саввы Михайлыча и оба, какъ нарочно, заѣхали самы къ нему познакомиться, то подобный порядокъ вещей установился и на будущее время. Такимъ образомъ Бобовихинъ приобрѣталъ значеніе въ уѣздѣ и самолюбіе возрастало въ немъ съ неимоверною силою. Савва Михайлычъ носилъ и дома всѣ ордена, но этого мало: онъ сталъ требовать, чтобы всѣ кто ни приѣзжалъ къ нему, являлись не иначе какъ въ мундирахъ и въ полной формѣ. Большинство чиновниковъ изъ разныхъ побужденій исполняли этотъ капризъ, и только послѣдніе два предводителя начали отзываться объ этомъ съ насмѣшкой, приводя старика въ негодованіе. Относительно сосѣдей Савва Михайлычъ поставилъ себя въ очень выгодное положеніе и пользовался повсемѣстнымъ почетомъ не собственно потому, что былъ генералъ, но въ качествѣ богатаго помѣщика-капиталиста, у котораго многіе пользовались кредитомъ, кто только умѣлъ заслужить его доброе расположеніе. Разумѣется преимущественно отставнымъ военнымъ помогалъ онъ и деньгами и совѣтами, не бралъ даже процентовъ, но, давая деньги, навязывалъ свое нравственное вѣшателство въ дѣла сосѣда и требовалъ безусловнаго повиновенія.

Генералъ былъ гостепріименъ. Онъ не задавалъ пировъ, но снисходительно принималъ гостей и замѣчалъ сосѣдей, которые неприѣзжали поздравлять его съ годовыми праздниками. Самъ онъ выѣзжалъ довольно рѣдко, болѣе къ людямъ титулованнымъ и въ послѣднее время сталъ брать съ собою дочь, которая не умѣла одѣваться и была совершенной дикаркой въ обществѣ молодежи. Кое-кто изъ лицъ, которыхъ Савва Михайлычъ удостоивалъ выслушивать, пытались говорить ему о щекотливомъ положеніи богатой невольсты, но Бобовихинъ отстранялъ подобныя бесѣды и не поддавался ничьему вліянію, пока въ окрестности не поселилась княгиня Сазандарова, вдова заслужоннаго генералъ-лейтенанта. Эта госпожа, при первомъ же знакомствѣ съ Саввой Михайлычемъ прибрала его къ рукамъ и какъ авторитетъ, если не убѣдила его въ несообразности воспитанія, даннаго дочери, то по крайней мѣрѣ заставила его принять въ домъ компаньонку для Людмилы, одну изъ своихъ воспитанницъ. Генералъ согласился на эту мѣру болѣе потому, что компаньонка обязывалось выучить Людмилу танцамъ, которые были тогда единственнымъ развлеченіемъ

не только молодежи, но и людей среднего возраста. Савва Михайлыч, конечно, посвоему смотрѣлъ на танцы и называлъ ихъ скоморошествомъ, однако не могъ не признать за ними права гражданства, потомучто безъ нихъ необходимо ни одно деревенское собраніе. А дѣйствительно въ обществѣ странную роль играла Людмила, — невѣста со ста тысячами приданого, неумѣвшая даже пройти въ экосеза. Между тѣмъ къ Людмилѣ начинали уже присватываться женихи, и появленіе княгини Сазандаровой подоспѣло какъ нельзя болѣе кстати, потомучто она въ качествѣ аристократки, жившей постоянно въ Москвѣ, постаралась соеленить въ своемъ домѣ избранное общество. Выѣзжая съ отцомъ къ сосѣдямъ Людмила и сама понимала неловкость своего положенія и хоть не сознавала главнѣйшаго своего недостатка — отсутствія образованія, однако видѣла, что неумѣнье танцевать мѣшало веселиться, а ей хотѣлось принять участіе въ удовольствіи сверстницъ и поболтать съ молодыми людьми, съ которыми безъ танцевъ такъ трудно разговаривать было въ провинціи. Людмила замѣтила также и всю несообразность своего туалета, которымъ занималась тетушка, невыѣзжавшая лѣтъ двадцать изъ деревни, возбуждавшего, какъ замѣтила она, во многихъ, если не явныя насмѣшки, то непріятный шопоть, что приводило ее въ смущеніе. Но княгиня Сазандорова не упустила изъ виду этого обстоятельства и прямо потребовала отъ Бобовихина коренной реформы въ нарядахъ дочери. Савва Михайлычъ на этотъ разъ не оказалъ никакого сопротивленія, а выразилъ величайшую готовность построить новую экипировку Людмилѣ, которая по своему положенію какъ генеральская дочь, должна была являться не только не хуже другихъ, но превосходить всѣхъ дѣвицъ въ околodкѣ. Компаньонкой къ богатой невѣстѣ попалась веселая неглупая дѣвушка, которая тотчасъ же добросовѣстно принялась за роль наставницъ и если не могла передѣлать рѣзкихъ мужскихъ манеръ своей ученицы, то покрайней-мѣрѣ довольно скоро сѣумѣла передать ей тогдашніе общеупотребительныя танцы: экосезъ, вальсъ, матродуръ, русскую, кадрили и мазурку. Генераль по вечерамъ присутствовавшій при урокахъ, хоть и ничего не смыслилъ въ танцахъ, однако дѣлалъ свои замѣчанія и припоминалъ, что видѣлъ балеты въ Парижѣ, гдѣ «этакія разныя канашки чортъ-знаетъ какія штуки выдѣлывали погами.»

Компаньонка при своемъ живомъ характерѣ и умѣньи подла-

живаться ко всему, вскорѣ постигла Савву Михайлыча и мѣсяца черезъ два поладила съ его превосходительствомъ. Бобовихинъ никогда не отличался мягкостью характера, съ женою жилъ постоянно не въ ладахъ, а овдовѣвъ рѣшительно не терпѣлъ женскаго общества; онъ и смотрѣлъ на женщину чисто съ солдатской точки зрѣнія. Но это потому, что составивъ себѣ планъ жизни, онъ не отступалъ отъ програмы и никогда не пытался войти съ женщиной въ болѣе интимныя отношенія. Когда же въ домъ его поселилась молоденькая хорошенькая дѣвушка, бойкая, кокетливая, генералъ невольно поддался обаянію новыхъ ощущеній, и смотря на гибкую фигуру компаньонки, на ея раскрасившееся лицо во время тапцевальныхъ уроковъ, на стройныя ножки, иногда усиленно покручивалъ рыжеватые усы и, пыхтя трубку, мычалъ про себя:

— Гм! какая смазливая канашка, чортъ побери!

Въ послѣднее время Бобовихинъ смягчился до того, что при встрѣчѣ съ компаньонкой припоминалъ даже многія французскія фразы, усвоенныя имъ, конечно, въ такой же формѣ, какъ ихъ усвоили Дудоренко и подобные ему ветераны, побывавшіе за границей.

Въ началѣ разказа мы видѣли Савву Михайловича сидящимъ у стола съ трубкой въ зубахъ и преланнаго какой-то особенной заботливой задумчивости. Сѣдые кустистыя брови генерала сдвинулись, и изъ подъ нихъ большіе генеральскіе глаза посматривали грозно, какъ во время оно въ разгарѣ неудачнаго ученья. Дѣло вотъ въ чемъ. Мѣсяца два назадъ въ сосѣдствѣ Переносовки появился отставной ротмистръ Усольцовъ и не только не исполнилъ своей обязанности отдать почтеніе генералу, а нѣсколько разъ, рыская съ борзыми, вытантывалъ хлѣба у Бобовихина и у его крестьянъ и со смѣхомъ разказывалъ про то сосѣдямъ, что передавалось Саввѣ Михайловичу многими доброжелателями. Генералъ даже не постигалъ поведенія сосѣда, и его огорчало воиервыхъ невѣжество какого-нибудь ротмистра, а вовторыхъ мысль остаться въ щекотливомъ положеніи передъ дворянами, не приведя либерала къ должному чипопочитанію. Наканунѣ описаннаго дня Усольцовъ вытопталъ значительное количество генеральской гречихи, и когда случившіяся на мѣстѣ

сотникъ началъ было отстаивать собственность своего патрона, Усольцовъ чубукомъ прогналъ сотника и велѣлъ передать генералу такія фразы, какія разумѣется были ему переданы въ весьма смягченномъ видѣ. Будь Усольцовъ мелкопомѣстный владѣлецъ, Бобовихинъ незадумался бы командировать исправника для внушенія буяну его обязанностей, но ротмистръ получилъ въ наслѣдство отъ тетки отличное имѣніе въ тысячу душъ съ угодыми чуть лишь не лучшими нежели у Бобовихина. Савва Михайлычъ не могъ не знать, что богатый помѣщикъ неслишкомъ-то обращалъ вниманіе на земскую полицію и рѣшился дѣйствовать сперва силою убѣжденія, а впоследствии уже искать суда формальнымъ образомъ, чего всегда боялся Бобовихинъ, да и не имѣлъ еще къ тому повода. Если случались какія-нибудь порубежныя неудовольствія, то генералъ оканчивалъ ихъ своимъ судомъ въ двадцать четыре часа, не считая нужнымъ прибѣгать ни къ чьему посредничеству. Разумѣется его крестьяне непопадались, потому что надъ ними распространялась слишкомъ заботливой опека, а страдали преимущественно луга, поля и роціи переносовскія отъ умышеннаго и неумышленнаго нашествія сосѣдскаго скота, отъ легкаго воровства хлѣбовъ и сѣна или незначительной порубки дѣса. Съ бѣдныхъ людей Бобовихинъ небралъ денежнаго вознагражденія, а требовалъ только примѣрнаго наказанія крестьянъ, съ богатыхъ же назначена была такса и кромѣ того мужики само по себѣ платились спиною. Случаи вытѣпыванья хлѣбовъ охотниками еще были совершенною новизною для Саввы Михайлыча, потому что хотя многіе помѣщики держали охоту, однако отправлялись въ отъѣзжее поле или осенью по чернотропу или съ первой порошей. Усольцовъ же, пренебрегая мѣстными обычаями, началъ рыскать еще когда не убранный былъ хлѣбъ съ полей и какъ нарочно для своихъ подвиговъ избралъ владѣнія Саввы Михайлыча. Первый разъ генералъ пропустилъ поѣздъ Усольцова безъ особенныхъ преслѣдованій, но когда забубенный ротмистръ не только не уgomонился, а напротивъ началъ нарочно топтать переносовскія поля и однажды даже промчался съ своею стаей по селенію мимо генеральскаго двора съ гикомъ, свистомъ и выстрѣлами, Бобовихинъ возмущился такимъ забвеніемъ приличій и чинопочтанія и началъ придумывать мѣры къ обузданію неугомоннаго сосѣда. Въ это время ротмистръ учинилъ пассажъ болѣе значительный и еще

какъ намъ извѣстно, неуважительно отозвался о его превосходствѣ.

За дверью нѣсколько разъ уже раздавался легкій кашель, но генералъ не слышалъ этого легкаго вопроса, можно ли войти? и не скоро позвонилъ въ колокольчикъ.

Вбѣжалъ мальчикъ въ курткѣ и рейтузакъ военнаго покроя.

— Что прикажете, ваше п—ство?

— Позвать мнѣ Голоножку!

— Я давно здѣсь, ваше п—ство! отозвался громкій голосъ и вслѣдъ за этимъ высокій унтеръ-офицеръ, войдя въ кабинетъ, вытянулся у притоки.

— Отчего же ты не явился?

— Несмѣлъ безъ приказанія вашего п—ства; я раза три кашлянулъ.

Оборотясь къ мальчику, генералъ сдѣлалъ выразительный жестъ, послѣ котораго тотъ исчезъ за дверью, а другимъ жестомъ Савва Михайлычъ подозвалъ унтеръ-офицера.

— Ну, что?

— Копенъ на сорокъ выбито, ваше п—ство.

— А на крестьянскихъ поляхъ?

— Повзято не много просо, самая малость.

— Все равно, слѣдуетъ привести въ извѣстность. У тебя наружныхъ знаковъ никакихъ не осталось.

— Никакихъ, ваше п—ство. Они изволили меня вытянуть раза три по спинѣ и совсѣмъ небольно ваше п—ство.

— Болванъ! Не въ томъ дѣло, а какъ онъ смѣлъ бить моего подчиненнаго, тѣмъ болѣе, что ты находишься при исполненіи своей обязанности.

— Точно такъ, ваше п—ство.

— И кромѣ того при тебѣ осмѣливался неуважительно отзываться о твоёмъ начальникѣ.

— Точно такъ, в. п—ство.

— Ступай въ канцелярію и вели старшему писарю изготовить дѣло, да нарядить верхового порасторопише къ этому забіякѣ.

— Слушаю. Счастливо оставаться, в. п—ство.

— Вели позвать мнѣ алыюганта.

Черезъ нѣсколько времени въ кабинетъ вошла Людмила, и не говоря ни слова, присѣла къ письменному столу, на которомъ въ

порядкѣ разложены и разставлены были всѣ канцелярскія принадлежности.

— Пиши черновую, сказалъ Бобовихинъ.

— Готово.

— Отставному генералъ-майору и кавалера Бобовихина, отставному же ротмистру Усольцову.

— А не надо, папенька, прибавить и кавалеру.

— Вотъ этого не знаю, не мудрено, что и кавалеръ, разбойникъ.

— Такъ я прибавлю.

— Ну, а если не кавалеръ, зачѣмъ напрасно величать его, пожалуй еще больше зазнается. Пиши: «Съ полученія сего предлагаю в. б—дію увѣдомить меня, по какому праву осмѣлились вы топтать неоднократно мои поля, наносить побой моимъ подчиненнымъ и оскорбительно отзываться обо мнѣ въ присутствіи своихъ холопей? Кромѣ этого донесенія для представленія его по командѣ, предлагаю вамъ явиться ко мнѣ завтра поутру въ девять часовъ для дальнѣйшихъ моихъ распоряженій.

— Есть.

— Отправь въ канцелярію перебѣлать и подвесишь мнѣ къ подпису, а потомъ запечатай въ конвертъ и отправь съ нарочнымъ.

— Слушаю, папенька. Я видѣла этого Усольцова мелькомъ у княгини, и кажется у него есть ленточка въ петлицѣ.

— Да можетъ онъ носить медальку въ память двѣнадцатаго года. Впрочемъ нѣтъ особой важности, если онъ имѣетъ орденъ, а я не называлъ его кавалеромъ: младшему это не проходитъ даромъ, старшаго же за такія мелочи не осудятъ.

Черезъ полчаса, подписавъ грозную бумагу и отправивъ ее съ нарочнымъ, генералъ несовѣмъ спокойно отправился обѣдать и неподдавался веселому болтанью компаньонки, которая умѣла какъ-то развлекать Савву Михайлыча. Бобовихинъ очень хорошо зналъ, что предписаніе не произведетъ желаемаго дѣйствія, а послалъ его впервыхъ для очищенія совѣсти, а вторыхъ для показанія Усольцову, что генералъ-майоръ не можетъ стать на одну доску съ какимъ-нибудь ротмистромъ; третьихъ же и это самое главное, что Усольцовъ не посмѣетъ нагрубить ему на бумагѣ. Онъ боялся только одного, что ротмистръ не станетъ отвѣчать письменно, и можетъ-быть велитъ конюху пе-

редать на словахъ какую-нибудь невѣжливость, оскорбительную для генеральскаго самолюбія... Вотъ почему весь обѣдъ онъ былъ мало разговорчивъ, отвѣчалъ нехотя, лаконически и почти не рассказывалъ о своихъ подвигахъ и походахъ. Онъ даже придрался къ повару за недожареную индѣйку и велѣлъ отправить его въ кордегардію.

Генераль обыкновенно имѣлъ привычку, выпивъ чашку послѣобѣденнаго кофе и выкуривъ большую трубку, ложиться на полтора часа спать и самъ просыпался акуратно въ назначенное время. Будить его никто не имѣлъ права и въ домѣ былъ завелъ такой порядокъ, что во время сна его превосходительства не только стукъ или шумъ строго наказывались, но вообще во дворѣ и въ саду соблюдалась чрезвычайная тишина, потому что Савва Михайлычъ спалъ очень чутко. Но въ описанный день, ложась отдохнуть послѣ обѣда, Бобовихинъ приказалъ дочери тотчасъ же разбудить его при возвращеніи гонца, посланнаго къ Усольцову. Однако Саввъ Михайлычу не пришлось подвергнуться лишенію: въ тотъ моментъ, когда онъ проснулся и позвонилъ въ колокольчикъ, ему донесли о пріѣздѣ коноха. Несмотря на слѣпое исполненіе всѣхъ своихъ привычекъ, генераль, который проснувшись, принимался полоскаться минутъ по крайней мѣрѣ десять, тотчасъ же кликнулъ гонца и усѣлся въ спокойное кресло.

— Здравія желаю, в. п—ство, проговорилъ высокій парень, остановясь у порога и вытянувшись въ струнку, разумѣется съ руками, опущенными по швамъ, изъ которыхъ въ одной держалъ запечатанный конвертъ.

— Видѣлъ самого?

— Самого, в. п—ство!

— И есть отвѣтъ?

— Пожалуйте, в. п—ство!

И конохъ, слѣваъ два шага впередъ, подалъ письмо генералу.

— Скотина! Сколько разъ я говорилъ, что пожалуйста значить дайте, — а тебѣ слѣдовало сказать извольте.

— Виновать, в. п—ство.

— Тебя не выругали?

— Выругали, в. п—ство.

— А въ морду незаѣзжалъ?

— Никакъ нѣтъ, не заѣзжали, а погрозили только кулакомъ, в. п—ство.

— И больше ничего не сказывалъ?

— Не сказывали... нѣтъ... говорили...

Генералъ нахмурился.

— Болванъ! не заминаться!

— Не смѣю, в. п—во.

— Пошолъ вонъ, дуракъ! Не болтать въ застоальной! Понимаешь?

— Понимаю, в. п—во.

— Маршъ!

Конюхъ повернулся налѣво—кругомъ и вышелъ изъ кабинета.

Савва Михайлычъ дрожащими руками распечаталъ конвертъ. Всѣ письма и бумаги обыкновенно читала ему Людмила, но на этотъ разъ генералъ счелъ за лучшее не тревожить своего адъютанта. Надѣвъ очки, онъ принялъ однакожь гордый видъ, чтобъ хоть въ этомъ сохранить свое достоинство, и развернулъ листокъ почтовой бумаги. Довольно—крупнымъ и четкимъ почеркомъ было написано слѣдующее:

Милостивый государь

Савва Михайлычъ.

«Забавное предписаніе вашего превосходительства получилъ и довольно посмѣялся. За помятую гречиху плачу сколько придется, ибо Усольцовъ никому изъяну не дѣлаетъ и слава—богу выѣсть чѣмъ оплачивать свои лотѣхи. Являются къ вамъ ненамѣренъ, а мои ворота постоянно отперты для друга и недруга. Погребъ у меня великолѣпный, и если я сегодня не пьянъ, то причиною этому поѣздка моя къ помѣщику Контрапошкину, гдѣ мы урѣжемъ какъ слѣдуетъ. Охоту смерть люблю, потому что и дѣдъ и отецъ мой выросли на псарнѣ, да и у самого какъ—то сердце лежитъ къ собакамъ. Когда вылетаю въ отъѣзжее поле, я не смотрю ни на кого и ни на что: ату его! ухъ его! и валяй во всю ивановскую! Попадись на дорогѣ негольшко несжатая полоса, а какіе угодно цвѣтники, я не посмотрю имъ въ зубы. Такъ я привыкъ дѣйствовать, а въ мои годы трудно отстать отъ привычекъ. Притомъ же у меня всю жизнь было правило: «ѣду, ѣду не свищу, а наѣду не спущу!» Вашъ покорный слуга
Д. Усольцовъ.

Бобовихинъ два раза прочелъ отвѣтъ, и его бросило въ легкую испарину.

— Ишь, подлець, красно какъ пишетъ! проговорилъ онъ и заперъ письмо въ столъ, чтобъ не попалось на глаза Людмилѣ или писарю.

Пораженіе было довольно полное, и не предвидѣлось никакой возможности привести буяна къ должному повиновенію. Бобовихинъ почувствовалъ даже что-то вродѣ разлитія жолчи и рѣшилъ, что не было другого средства, какъ пожаловаться губернатору. Правду сказать его тревожило любопытство узнать что сказалъ Усольцовъ его посланному, и онъ обдумывалъ, какъ бы, сохраняя приличіе, выслушать подлинныя ротмистерскія фразы, но такъ какъ ему представлялась возможность выйти побѣдителемъ въ глазахъ сосѣдей истребованіемъ съ Усольцова денежнаго вознагражденія, то и нечего уже было производить подробное сѣдствіе. Весь день Савва Михайлычъ оставался въ дурномъ расположеніи духа, распекалъ всѣхъ кто ему ни подвертывался, а потомъ вечеромъ, съ помощью Людмилы и старшаго писаря, составлялъ требованіе отъ переносовской экономіи въ экономію Усольцова объ уплатѣ денегъ за помятую гречиху. На этотъ разъ бумага была послана не въ формѣ предписанія, а простымъ отношеніемъ изъ генеральской канцеляріи. Посланный однакоже не засталъ ротмистра дома, а контора Усольцова очень вѣжливо отвѣчала, что безъ барина не можетъ прислать требуемой суммы, не имѣя на этотъ предметъ никакого предписанія. Какъ-то уже черезъ недѣлю былъ полученъ въ канцеляріи конвертъ со вложеніемъ требуемыхъ денегъ при бумагѣ отъ имени ротмистерскаго управителя, которая оканчивалась слѣдующимъ образомъ :

«Демьянъ Павлычъ находятъ, что цѣна за побитую гречиху назначена довольно высокая и приказали до свѣдѣнія переносовской экономіи, что и на будущее время они не отказываются вытѣпывать генеральскіе посылы, но желали бы болѣе умѣренной оцѣнки, ибо нынѣ хлѣба вообще продаются не дорого.»

Конечно въ этомъ отношеніи проглядывала насмѣшка, но какъ бумага была написана въ канцелярію и о генералѣ прямо не упоминалось, то Бобовихинъ проглотилъ и эту пилюлю, не обнаруживъ особаго раздраженія. Предъ-вечеръ онъ даже при-

шолъ къ тому заключенію, что современемъ можно будетъ Усольцова привести постепенно, если не къ покорности, то къ чинопочитанію, тѣмъ болѣе, что осенью онъ ожидалъ визита губернатора, который обѣщалъ послѣ ревизіи уѣзднаго города захватить въ Переносовку.

У Саввы Михайлыча одна изъ гостиныхъ комнатъ была посвящена фамильнымъ портретамъ, рисованнымъ по большей части самозванцами-живописцами, которые преимущественно обращали вниманіе на сходство костюма, аксессуаровъ, на вычурность позы, но не заботились, или можетъ-быть слишкомъ уже заботились о сходствѣ фізіономій, такъ что предки Бобовихина и съ отцовской и съ материнской стороны чрезвычайно походили другъ на друга и разумѣется съ подлинниками не имѣли никакаго подобія. Собственный поясной портретъ Саввы Михайлыча въ генеральскомъ мундирѣ, нарисованъ былъ довольно сносно заграницей, но какъ въ то время у него не было еще звѣзды и ленты, а Бобовихину не хотѣлось видѣть изображенье своей фигуры безъ должныхъ украшеній, то какой-то досужій маляръ на заграничномъ портретѣ прибавилъ звѣзду и ленту, испортивъ совершенно работу чужеземнаго собрата. Савва Михайлычъ, любившій до страсти симетрію, долго безпокоился при видѣ своей портретной галереи, съ значительными пробѣлами на стѣнахъ и не зналъ чѣмъ наполнить комнату, предназначенную единственно для фамильныхъ изображеній. Нѣкоторые портреты были даже въ двухъ экземплярахъ, а все еще одна стѣна оставалась свободною, и Бобовихинъ не рѣшался повѣсить на ней разныхъ генераловъ, испещрявшихъ стѣны залы и большой гостиной. Наконецъ однажды ему пришла мысль, и онъ схватился за нее съ особеннымъ рвеніемъ, заказать большую картину своихъ военныхъ подвиговъ, въ особенности взятіе деревни Сент-Эшеля, гдѣ онъ единственный разъ въ жизни командовалъ отрядомъ. Надобно сказать, что Савва Михайлычъ не отличался ни военными способностями, ни соображеніемъ, но при извѣстной долѣ личной храбрости отлично зналъ всѣ мелочи обмундировки, фронта, пригонки, умѣлъ отчетливо дѣлать всѣ эволюціи на смотрахъ, ученьяхъ и исполнять въ точности всѣ приказанія начальства. Въ бою же, тамъ гдѣ дѣло представлялось его собственному усмотрѣнію, онъ терялся совершенно. Нѣсколько разъ во время большихъ битвъ онъ выходилъ неудачно именно отъ

своей суетливости и несообразительности; въ пылу сраженій этого не замѣчали, и онъ даже получалъ и награды въ числѣ прочихъ. Случилось какъ-то во Франціи Бобовихину находиться въ отрядѣ, начальникъ котораго былъ убитъ во время сраженія. Савва Михайлычъ, какъ старшій, подъ пулями принялъ начальство надъ отрядомъ въ то время, когда наши, увлекаемые храбростью и пыломъ боя, тѣснили французовъ, застѣвшихъ въ деревенькѣ Сент-эшень, и взяли ее приступомъ. Разумѣется честь побѣды приписана была Бобовихину, который и пожалъ при этомъ случаѣ неожиданные лавры. Но Савва Михайлычъ, самъ ослѣпленный славою, единственно себя приписалъ удачное занятіе Сент-эшени и любилъ рассказывать объ этомъ подвигѣ съ малѣйшими подробностями. Впослѣдствіи, и именно подъ старость, штурмъ этотъ казался ему одной изъ важнѣйшихъ причинъ успѣшности всего нашего заграничнаго похода. Бобовихинъ даже пришолъ къ заключенію, что, по интригамъ, его обошли наградой, — именно ему слѣдовало Георгій 3-й степени, и что подвигъ этотъ оцѣнится развѣ однимъ безпристрастнымъ потомствомъ.

Бобовихинъ не былъ скупъ, денегъ у него всегда водилось много, и потому какъ только ему пришла мысль заказать картину своихъ подвиговъ, онъ тотчасъ же написалъ въ Петербургъ къ своему двоюродному брату, выслать въ Переносовку порядочнаго живописца, съ тѣмъ, чтобы послѣдній не беспокоился относительно вознагражденія за работу. Разумѣется путевыя издержки Савва Михайлычъ принималъ на себя. Исторія съ Усольцовымъ вытѣснила было на время у генерала любимую мечту о картинѣ и о скоромъ пріѣздѣ художника, который, по письму двоюроднаго брата, давно уже находился въ дорогѣ. Хотя Савва Михайлычъ и получилъ деньги за вытоптанную гречиху, что въ глазахъ сосѣдей служило нѣкоторымъ образомъ какъ доказательство его превосходства надъ буинымъ его сосѣдомъ, который не зналъ границъ своеволю, однако тѣмъ немнѣе вѣсьмо ротмистра и отношеніе его конторы въ канцелярію показывали, что Усольцовъ впервыхъ не преминетъ снова выкинуть какую-нибудь пакость, а вовторыхъ, легко можетъ разгласить и о своей перепискѣ. Поэтому нужно было хорошенько подумать, какбы выйти изъ целовкаго положенія, наслучай если забубенный ротмистръ учинитъ новыи наѣздъ, а что

всего хуже раззвонить о своемъ послушаніи противъ старшаго. Разуѣется у него была сильная надежда на губернатора, который по мнѣнію Саввы Михайлыча, обвинить Усольцова уже потому, что ротмистръ гораздо моложе чиновомъ; но до прѣизда губернатора могло еще произойти не одно столкновение. Формально жаловаться въ судъ Бобовихинъ не хотѣлъ на томъ основаніи, чтобъ эти «приказные крючки» не подумали о несостоятельности генерала совладать съ какимъ-нибудь ротмистромъ.

Дня черезъ два, неуспѣлъ Савва Михайлычъ пробудиться отъ послѣ-обѣденнаго сна, какъ ему доложили о прѣздѣ изъ Петербурга какого-то молодого человѣка.

— А! проговорилъ Бобовихинъ съ просвѣтлѣвшею нѣскольکو физиономіей: — просить сюда въ кабинетъ.

И генералъ поспѣшилъ надѣть халатъ, но, не възрадъ на то-ропливость, непреминулъ запахнуть полу такимъ образомъ, чтобъ звѣзда бросилась ту же минуту въ глаза прѣзжему. Въ кабинетъ вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ подѣ-тридцать, довольно-красивой наружности, во фракѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, и почтительно поклонился.

— Имѣю честь рекомендоваться, Филипъ Андреевъ сынъ Колотырскій.

— Очень радъ. Вы художникъ?

— Точно такъ, в. п-во. По вызову вашему отправленъ Семеномъ Петровичемъ.

— Вы изъ какихъ?

— Изъ дворянъ, в. п-во.

— Въ такомъ случаѣ прошу садиться. Но прежде, чѣмъ начать дѣло, скажите, батенька, обѣдали ли вы?

— Собственно говоря, в. п-ство, перекусилъ въ дорогѣ.

— Ну такъ и толковать нечего; сытый голоднаго не разуѣетъ! сказалъ улыбаясь Савва Михайлычъ и позволилъ въ колокольчикъ.

— Подать водки и тотчасъ приготовить обѣдъ что осталось! продолжалъ онъ, обращаясь къ вошедшему слугѣ: — а вещи этого барина перенести во флигель и назначить Федотку въ услуженіе.

Вѣрный своему принципу не говорить о дѣлѣ на тощій желудокъ гостя, генералъ спрашивалъ о своемъ двоюродномъ братѣ, о дорогѣ и потомъ повелъ художника въ столовую, гдѣ

подавъ былъ послѣдному хорошій обѣдъ, потому что хотя къ генералу и рѣдко приѣзжали посторонніе, однако принято было за правило оставлять всё блюда на всякій случай. Проголодавшись въ дорогѣ, художникъ не заставлялъ себя припрашивать, что считалось въ то время необходимой принадлежностью гостеприимства, и съ усердіемъ работалъ ножомъ и вилкой. Онъ пообедалъ довольно скоро, и когда ему подали чашку кофе, генералъ пригласилъ его въ кабинетъ потолковать о дѣлѣ, которое такъ долго было завѣтной мечтой Саввы Михайлыча. Генералъ до такой степени былъ проникнутъ предметомъ, что, позабывъ огромное разстояніе между нимъ и какимъ-нибудь маляришкой, предложилъ Колотырскому трубку.

— Такъ ты, батюшка, изъ дворянъ? сказала онъ тѣмъ мягкимъ начальничьимъ тономъ, который употребляется иногда съ подчиненными.

— Точно такъ, в. п—ство, изъ бѣдвыхъ дворянъ —ской губерніи. Съ малолѣтства имѣлъ стремленіе къ искусству и пѣшкомъ пошелъ въ Петербургъ въ академію.

— Значитъ, братецъ, поэтому ты изъ неважныхъ живописцевъ.

— Свободный художникъ.

— Какъ?

Колотырскій повторилъ.

— Это что за названіе?

— Такъ-сказать степень.

— Странная степень! Чтожь это за свободный художникъ?

Не признаешь властей чтоли?

И сѣдыя, генеральскія брови пѣсколько нахмурились.

— Помилуйте, в. п—ство! Вопервыхъ у насъ есть свое начальство, повторыхъ какже можно властей не признавать!

— То-то же. Ну, такъ ты хорошо изучилъ ремесло?

— По силамъ и способностямъ. Теперь вотъ думаю писать картину на полученіе золотой медали, и можетъ-быть удастся поехать за границу.

— Это зачѣмъ?

— Изучать произведенія великихъ мастеровъ.

— Чтожь тамъ краски составляютъ лучше нашихъ, чтоли?

— Такъ ужъ принято, в. п—ство. Не побывавъ за границей и славы не заслужишь...

— А тебѣ хочется славы? Это братъ, приобретается только съ оружіемъ въ рукахъ! сказалъ генералъ не безъ нѣкоторой гордости.

— То совѣтъ другая слава, в. п—ство, наша болѣе скромная, такъ-сказать мирная.

— Гм! старайся, старайся батинька, это похвально. Если удачно напишешь мою картину, я похлопочу тебѣ о золотой медали, потомучто вещь-то будетъ необыкновенная. Здѣсь дѣло идетъ о прославленіи нашего оружія.

— Я занимался баталической живописью, в. п—ство.

— То есть какъ?

— Неразъ копировалъ картины, изображающія различныя битвы.

— Стало-быть подготовленъ. Теперь къ дѣлу. Повторяю, если исполнишь мою мысль хорошо, впервыхъ заплачу тебѣ щедро, а вовторыхъ и въ Петербургѣ о тебѣ постараюсь.

Последнее Савва Михайлычъ сказалъ уже въ видахъ приданія себѣ большей важности, потомучто онъ рѣшительно не имѣлъ никакого знакомства въ академіи.

Колотырскій поклонился.

— Я готовъ исполнить самымъ добросовѣстнымъ образомъ желаніе в. п—ства.

— А взялъ ли ты съ собою всѣ свои матерьялы? У насъ въ уѣздномъ городѣ врядъ ли найдутся краски.

— Какже, в. п—ство! нашему брату нельзя выѣзжать безъ всѣхъ необходимыхъ принадлежностей.

— Что умно, то умно. Значить мы можемъ приступить къ дѣлу. Ты, какъ вижу, малый не глупый. Не случилось ли тебѣ читать такиихъ разныхъ исторій?

— Конечно... да...

— Не читалъ ли ты или не слыхалъ отъ кого о Французской деревнѣ Сент-Эшелѣ?

— Нѣтъ.

— Странно! можетъ быть позабылъ. Штурмъ Сент-Эшеля очень важенъ.

— Помнится слыхалъ, в. п—ство! поправился художникъ, начинавшій смѣкать, что не мѣшало поддакивать генералу.

— То-то же. Штурмъ этотъ производилъ твой покорный слуга, и его-то я хочу видѣть на картинѣ.

— Это будет для меня особенная честь, в. п—ство, и я на-
дѣюсь сдѣлать себѣ нма вашей картиной.

— Еще бы! Миѣ желательно большой картины, но мы съ
тобой несмѣ рассмотрим стѣну, на которой слѣдуетъ ее повѣ-
сать, а прежде я долженъ рассказать тебѣ разныя подробности.

— Безъ этого я не могу приступить къ работѣ, в. п—ство.

— Само собою. Теперь же слушай внимательно.

И Савва Михайлычъ принялъ геройскую, по его мнѣнію,
позу.

— Деревня Сент-Эшель лежитъ надъ рѣчкой, которая въ ши-
рину будетъ этакъ сажень двадцать. По лѣвую сторону равнина
в только вправо невысокая роща, а тамъ пошло пахатное поле.
Тамъ знаешь поля не больше нашихъ огородовъ. Вотъ ты сперва
изобрази Сент-Эшель; домики можешь нарисовать покрасивѣе,
только непременно у каждаго садикъ. Въ деревнѣ стоятъ фран-
цузы, пѣхота и кавалерія. Они однакожъ разсыпаны за пле-
тнями, а позади церкви два орудія. Миѣ приказано взять деревню
и выбить изъ нея непріятеля. По сю сторону рѣки ты изобрази
вашихъ: батальонъ пѣхоты, дивизіонъ драгунъ, сотню дон-
скихъ казаковъ и два легкія орудія. Впереди стою на боевомъ
конѣ я въ полной драгунской формѣ. Я тогда былъ полковни-
комъ. Значитъ изобрази меня стоящимъ спиной къ деревнѣ, съ
саблей въ рукѣ, то-есть я повернулся къ отряду и командую.
Это впрочемъ далеко отъ деревни. Потомъ я дѣлаю распоряже-
ніе: посылаю двѣ роты въ кустарники, спѣшиваю драгунъ, ору-
дія въ середину и посылаю сперва ядра, а потомъ жарю непрі-
теля картечью. Стрѣлки въ это время производили ружейную
пальбу. Изъ деревни тоже слышны выстрѣлы, но гораздо рѣже.
Такимъ образомъ я соображаю, что перестрѣлкой возьмешь не
много, посылаю ординарца собрать двѣ роты въ рощѣ и иду на
штурмъ. Поло мною убиваютъ лошадей. Миѣ подають казачьяго
скакуна; я приказываю переправляться черезъ рѣчку, а орудія
занять поставилъ за мельницей, — я забылъ сказать, ты нарисуй
тутъ же мельницу, — и обдавалъ французовъ хорошимъ гостин-
цемъ. Наши бросаются впередъ. Непріятель въ это время строит-
ся въ колонны и собирается отражать приступъ. Помню одно,
что миѣ приказано взять Сент-Эшель, и хоть непріятель гораздо
многочисленнѣе, однако я воодушевилъ своихъ молодцовъ. «Ре-
бята, говорю, впереди смерть, но впереди и благодарность на-

чальства, позади, говорю, стыдъ. Ура!» И подвигъ саблю, первый бросаюсь въ рѣчку. Градъ пуль осыпаетъ насъ, но мы переходимъ бродъ, ударили въ штыки, опрокинули непріятеля и почти всю пѣхоту взяли въ плѣнъ. Конница вздумала было улепетнуть, но я съ дивизіономъ драгунъ и сотней казаковъ настагаю ее, крошу и разгоняю по полямъ, засѣяннымъ пшеницей. Жители принимаютъ насъ какъ побѣдителей. Вотъ тебѣ исторія, и если ты не знаешь тогдашней формы, я раскажу тебѣ все до самой послѣдней гайки на мундштукѣ.

— Дѣло это дѣйствительно блестящее, и художнику можно воспользоваться многимъ, но только позвольте же узнать какой угодно будетъ в. п—ству выбрать моментъ: передъ штурмомъ, когда вы оборачиваетесь къ отряду, самый ли штурить, или наконецъ торжественное вступленіе въ Сент-Эшель.

— Какой тутъ моментъ, братецъ! Ты долженъ изобразить все, что я рассказывалъ.

— Это невозможно, в. п—ство, развѣ прикажете написать три, четыре картины.

— Не хочу я трехъ, четырехъ картинъ, а ты помѣсти на одной все это дѣло, какъ я передалъ.

— Мнѣ очень грустно неисполнить волю в. п—ства, но я долженъ сказать, что у искусства есть свои законы и свое приличіе; истинный художникъ не переступитъ ни того, ни другого.

— Это что за дребедень?

— Я говорю въ томъ смыслѣ, в. п—ство, что требованіе ваше не можетъ быть исполнено художникомъ.

— Значитъ ты попросту ничего не смыслишь въ живописи. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ было и ѣхать.

— Я не подозрѣвалъ подобнаго требованія, в. п—ство. Двоюродный вашъ братъ, Семенъ Петровичъ, сказалъ только, что вамъ угодно заказать картину, но не предъявлялъ мнѣ предложенныхъ вами условій. Иначе я, извините, не поѣхалъ бы.

— И прекрасно бы сдѣлалъ. Если не умѣешь исполнить требованія заказчика, нечего и браться; значитъ молодо-зелено.

— Не въ томъ дѣло, а в. п—ство изволите требовать невозможнаго.

— Прошу меня не учить, если не потому, что я имѣю честь состоять въ чинѣ генералъ-майора, но хоть изъ уваженія къ моимъ сѣдинамъ. Ты не можешь написать картину и баста, а я

за свои деньги всегда найду живописца. Но ты не думай, что я тебя выписалъ для твоего убытка. Ты вѣдь получалъ отъ Семена Петровича деньги на дорогу?

— Точно такъ.

— Я выдамъ тебѣ прогоны обратно до Петербурга, и сутокъ пять какъ оберъ-офицеру.

— Покорно благодарю, в. н—ство, но мнѣ очень прискорбно.

— Мнѣ братъ ни тепло ни холодно отъ твоего прискорбія, А если прѣвѣдился даромъ изъ Петербурга, прѣняй на себя. Учись, прилежай, слушайся старшихъ и современемъ будешь порядочнымъ живописцемъ, не разбирая никакихъ тамъ моментовъ. Прощай! Переночуешь здѣсь, тебѣ завтра утромъ выдадутъ изъ канцеляріи деньги и отвезутъ въ уѣздный городъ. Тамъ уже твое дѣло.

И генералъ разстался съ живописцемъ въ самомъ мрачномъ расположеніи духа.

Верстахъ въ десять отъ Переносовки лежало богатое село Комарово — помѣстье отставного ротмистра Усольцова, нѣсколько уже намъ знакомаго по столкновеніямъ съ генераломъ Бобовинымъ. Демьянъ Павлычъ Усольцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ гулякъ, которыхъ въ то время довольно было на матушкѣ Россіи, и который выражалъ собою именно типъ стариннаго гусара, неразъ описаннаго Д. Давыдовымъ. Какъ сынъ богатыхъ родителей, онъ даже получилъ недурное образованіе, любилъ приволокнуться и женился въ чинѣ корнета, укравъ дочь у своего бригаднаго командира. Но узы Гименея не могли совладать съ широкой натурой Усольцова, и онъ постоянно участвовалъ во всѣхъ холостыхъ кутежахъ и пирушкахъ. Усольцовъ тянулъ мертвую, но больше любилъ буяннить или потѣшаться надъ кѣмъ бы то нибыло, кто подвертывался ему подъ руку, или какъ онъ выражался чье «мордаре» было ему не повкусу. Въ войну нѣсколько разъ его вызывали на дуэль, вѣдствие чего лицо Усольцова нашло на себѣ три или четыре перекрестныхъ рубца, однако онъ не унимался и чуть только встрѣчалъ подходящую личность, тотчасъ же пускалъ въ ходъ самыя небывалыя предѣлки. Несмотря однакоже на духъ времени, въ

которое гусары не отличались скромностью, чему доказательством творения все того же Д. Давыдова, полковая жизнь стѣсняла Усольцова и онъ кое-какъ перебывался до смерти отца, который не позволялъ ему выйти въ отставку и не прощалъ за самовольную женитьбу. Но едва старикъ отравился къ праотцамъ, какъ Усольцовъ поѣхалъ за ремонтомъ, а черезъ годъ рѣшился навсегда разстаться и съ любимымъ полкомъ, и съ шумными кутежами, и съ веселымъ скитаньемъ по походамъ, которые въ особенности давали обильную пищу изобрѣтательности Демьяна Павлыча. Его сманила совершенно независимая жизнь въ деревнѣ, гдѣ онъ могъ дѣлать что ему угодно, нестрашась уже ни суда товарищей, ни распекающаго начальства. Въ хозяйствѣ онъ ничего не смыслилъ, и хоть управляющій его обкрадывалъ порядочно, однако Усольцовъ, проживъ пять лѣтъ въ отставкѣ, не промоталъ имѣнья, а только значительно его поразстроилъ. Сокращеніе доходовъ дошло уже до половины, когда умерла родная его тетка, жившая по сосѣдству съ Саввой Михайлычемъ Бобовихинымъ. Тетка же терпѣть не могла Усольцова, не принимала его и все грозилась лишить наслѣдства, однако такъ и скончалась, не сдѣлавъ никакого распоряженія. Изъ наслѣдниковъ у ней былъ не только ближайшимъ, но и единственнымъ Демьянъ Павлычъ. Кромѣ хорошаго имѣнья, старуха оставила ему богатый старинный домъ со всѣми принадлежностями, и Усольцовъ тотчасъ же переѣхалъ на новоселье, во первыхъ поближе познакомиться съ наслѣдствомъ, во вторыхъ — покутить въ другомъ уѣздѣ, славившемся своими отъѣзжими полями, куда при жизни тетки онъ изрѣдка появлялся на охоту и то въ отдаленномъ углу въ имѣніи пріятеля своего Контрапошкина.

Мы назвали Усольцова типомъ стариннаго гусара и это совершенная правда, потому что онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ необходимыя качества для олицетворенія и ёры и забіяки и дорогого собутыльника, и кромѣ того съ саблей въ рукѣ тоже выдѣлывалъ чудеса храбрости. Но съ другой стороны онъ былъ великолѣпный образецъ самодура на томъ основаніи, что въ трезвомъ видѣ могъ выкидывать уму непостижимыя штуки, неговоря уже о тѣхъ продѣлкахъ, какія выметывалъ онъ отъ извѣстнаго употребленія горячихъ напитковъ. Тотчасъ же выходя въ отставку, почувявъ себя совершенно избавленнымъ отъ всякой

омаки, Усольцовъ началъ жить по весьма широкой программѣ, не стѣсняясь уже тѣми ограниченіями, какія въ службѣ налагались на него званіемъ офицера, честию мундира, наконецъ самою подчиненностью. Правда Демьянъ Павлычъ и въ полку иногда умѣлъ искусно обходить нѣкоторыя стѣснительныя для него условія, но тѣмъ не менѣе все-таки онъ чувствовалъ себя связаннымъ, потому что безобразное буйство не было безусловно терпимо въ арміи, и если порой сходило съ рукъ, то не иначе какъ вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ, а Усольцовъ имѣлъ непреодолимую склонность побуянить при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Съ выходомъ въ отставку Демьянъ Павлычъ разомъ высказалъ главныя силы самодурства и избрѣлъ много новыхъ, какъ онъ называлъ «штукантерій», непродѣлывавшихся до него въ губерніи самыми отчаянными сорви-головами.

Женясь въ девятнадцать лѣтъ по любви, Усольцовъ дѣйствительно какихъ-нибудь полгода бѣшено любилъ жену и ревновалъ ее самымъ непопозволеннымъ образомъ. Жена его годомъ или двумя старѣе мужа, была недурная собою женщина, безъ воспитанія, избалованная въ семействѣ. Она увлеклась молодымъ красивымъ корнетомъ и легко ушла съ нимъ отъ родителей, которые не желали этого брака, зная за Усольцовымъ многія рѣзкія продѣлки еще въ юнкерскомъ чинѣ. Счастье молодой четы скоро нарушилось: старикъ Усольцовъ не прощалъ сыну женитьбы и хоть не уменьшалъ ему годового содержанія, однако чего не хватало обыкновенно и холостому, того безъ сомнѣнія мало было для женатаго, и потому молодой супругъ скоро пришлось разочароваться и пожалѣть о своемъ увлеченіи. Не успѣлъ у нихъ родиться первый ребенокъ, а уже Усольцовъ значительно охладѣлъ къ своей Антонинѣ и оставлялъ ее нерѣдко по цѣлымъ днямъ одну, порой безъ всякихъ средствъ существованія, — уѣзжал съ товарищами для кутежей и лебошей на ярманки въ дальнія окрестности. Разумѣется отецъ Антонины не скупился ни на замѣчанія, ни на строгія внушенія, но какъ дѣло шло не о службѣ, то Усольцовъ на это мало обращалъ вниманія, тѣмъ болѣе, что бригадиръ любилъ свою дочь и помогать ей, несмотря на свои собственные скудные средства. Дѣйствовать энергически противъ зятя генералъ не могъ: иначе, подвергая неприяностямъ Усольцова, ставилъ бы и дочь въ болѣе грустное положеніе.

Кромѣ ширины натуры относительно кутежей и всякаго подкдащаго безобразія, Демьянъ Павлычъ не прочь былъ и метнуть направо-налѣво, такъ что за частую молодая чета свивалась безъ обѣда. Но къ счастью для жены Усольцова подскочила война, и она оставалась въ семействѣ генерала покрайней-мѣрѣ не голодная и хоть кое-какъ одѣтая. Въ походахъ Усольцовъ совершенно позабылъ о своей дражайшей половинѣ и жилъ на холостую ногу, а по возвращеніи домой отыскалъ ее и снова сдѣлалъ участницей разныхъ лишеній и недостатковъ. Любовь съ его стороны исчезла безвозвратно, и онъ содержалъ жену уже на томъ только основаніи, что ея родители померли и ей негдѣ было преклонить голову, но онъ не скрывалъ, что она ему надоѣла. Антонина же Григорьевна все еще питала едвали не самую глѣбкую страсть къ своему мужу и если не ревновала открыто, имѣя передъ глазами десятки его невѣрностей, то все-таки не могла оставаться равнодушной и плакала втихомолку, но мужу неизмѣняла и въ то время, когда еще многіе за ней ухаживали. Отдохнула она немного съ выходомъ Усольцова въ отставку: Разумѣется забубенный ротмистръ не возвратился къ ней, но сталъ богатымъ помѣщикомъ, покупалъ ей наряды, давалъ средства роскошно жить въ хорошемъ помѣщеніи, и Антонину Григорьевну покрайней-мѣрѣ не убивала мысль что она будетъ и будетъ ли завтра обѣдать. Въ минуты особеннаго расположенія духа Усольцовъ дарилъ ей даже порядочные куши денегъ, которыя она могла тратить куда хотѣла, но бѣдная, забытая женщина не находила въ этомъ удовольствія; тѣмъ болѣе, что при изобиліи всего необходимаго и притомъ въ деревнѣ, она не имѣла возможности купить изъ прихоти какую-нибудь бездѣлку. Выѣзжала она очень рѣдко. Вообще Антонина Григорьевна была женщина безгласная, отвыкла отъ общества, и все что еще оставалось ей — это занятіе по хозяйству, которому училась она отъ нечего дѣлать.

Усольцовъ не любилъ сидѣть дома. Въ этомъ отношеніи онъ постоянно сохранялъ полковую привычку, которой измѣнилъ на какихъ-нибудь полгода послѣ женитьбы, а потомъ обыкновенно являлся домой только спать, да и то не всегда въ трезвомъ видѣ. Выйдя въ отставку, онъ тотчасъ же освѣдомился — нѣтъ ли «теплыхъ ребятъ» въ уѣздѣ, и какъ этого сорта не занимать-стать было во время оно, то жизнь Усольцова пошла какъ по

милу въ кругу веселыхъ товарищей. Но не брезгая на первыхъ порахъ никакой веселой компаніей, Усольцовъ впоследствии избралъ себѣ такъ-называемыхъ закадычныхъ друзей, изъ которыхъ нѣкоторые жили въ другой даже губерніи, и тогда только началъ считать себя счастливымъ. Выборъ этотъ онъ сдѣлалъ на харьковской крещенской ярманкѣ. Друзья эти были все такія же неугомонныя головы, и въ переѣздахъ отъ одного къ другому проходила шумная жизнь Демьяна Павлыча. Раза два въ годъ пріятели навѣщали и Усольцова и тогда разумѣется онъ сидѣлъ уже дома, но развѣ въ первый день съѣзда Антонина Григорьевна видѣла мужа и друзей его, потому что ихъ обычныя веселости были, какъ говорить Усольцовъ «безпорядочнаго свойства» и тѣмъ ребята требовали какъ безграничнаго простора, такъ и самой широкой распашки. Пребываніе закадычныхъ друзей въ домѣ Демьяна Павлыча заканчивалось обыкновенно какимъ-нибудь безобразіемъ; послѣ котораго разгульная компанія переносила куда-нибудь на другое мѣсто свою разгульную дѣятельность. Вырывалось впрочемъ время, когда Усольцовъ пріѣзжалъ домой и по двѣ недѣли сидѣлъ въ деревнѣ — это или въ глухую пору безденежья, или въ періодъ головныхъ болей, одолѣвавшихъ эту желѣзную и неугомонную натуру. Демьянъ Павлычъ не имѣлъ впрочемъ пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ, и хотя онъ въ кругу друзей пьянствовалъ по цѣлымъ днямъ безъ просыпу и могъ пить все, начиная отъ шампанскаго до самой скверной сивухи, однако не иначе какъ въ товариществѣ собутыльниковъ; а оставаясь одинъ, не выказывалъ особенной склонности къ горячимъ напиткамъ. Зато у него были развиты двѣ неодолимая страсти — къ собакамъ и женщинамъ. Охота его во многочисленности и породѣ борзыхъ могла считаться одной изъ лучшихъ въ губерніи, и были у него экземпляры по сту и болѣе червонцевъ. Чего же касается до прекраснаго пола, то Усольцовъ, отъявленный врагъ однообразія, рыская по ярманкамъ, выбиралъ себѣ красивыхъ спутницъ по своему вкусу и любилъ чрезвычайно столкновенія національностей. Нерѣдко, двѣ-три компаньонки сопровождали его изъ Харькова или изъ Кіева и поселялись въ большомъ флигелѣ, который назывался «номерами для пріѣзжающихъ». Когда онъ переселился въ теткинскую деревню, то первой обязанностью счелъ построить большой флигель съ тѣмъ же назначеніемъ, и надо отдать ему справед-

ливость, что никогда своих оргій и египетских пиршеств онъ не продолжалъ подъ одной кровлей съ женою, хотя въ особомъ помѣщеніи безобразничалъ со всѣми порывами необузданной фантазіи. Выхватывались у него подъ очень пьяную руку попытки отправиться съ буйной компаніей къ женѣ, собственно для показанія, что онъ имѣлъ полное право распоряжаться какъ глава и повелитель, но всегда кто-нибудь изъ теплыхъ ребятъ умѣлъ его останавливать, представляя безропотность и покорность Антонины Григорьевны.

— Да чего же она киснетъ, чего же она постоянно хнычетъ? говаривалъ Демьянъ Павлычъ въ такихъ случаяхъ.

— А ты бы лучше хотѣлъ, чтобъ она злилась и ругалась!

— Желалъ бы, ейбогу! Я тогда показалъ бы ей что значить мужъ и какъ по закону она должна уважать меня.

— Оставь ее, Демьянъ: она тебѣ не мѣшаетъ веселиться, метрону же и ты ее въ свою очередь.

— Эхъ, жизнь! скажетъ бывало Усольцовъ, ударить кулакомъ по столу и великъ сыграть какую-нибудь забористую.

Во время оргій Усольцовъ очень любилъ пляску, разумѣется пляску, какъ говорилъ онъ, разнузданную, передъ которой блѣднѣли всѣ наши даже загородные канканы, и нерѣдко самъ доказывалъ чудеса искусства. Танцы у него для мужчинъ не были обязательны вообще, каждый могъ оставаться и спокойнымъ зрителемъ, если на то была добрая воля; но если Усольцовъ приказывалъ играть «вдоль по улицѣ» никто не имѣлъ права не участвовать въ самой бѣшеной пляскѣ, представлявшей высшую степень разгула и безобразія. Въ дни трезвости Усольцовъ любилъ проводить вечера въ своемъ флигелѣ и истиннымъ наслажденіемъ для него было ссорить его обитательницъ, поддразнивая ихъ. Женскія схватки, особенно на словахъ, тѣшили его чрезмѣрно, онъ допускалъ самую либеральную жестикоуляцію, но если дѣло доходило до рукопашнаго боя и миролюбивое посредничество рогиистра неимѣло успѣха, онъ обыкновенно сымалъ со стѣны черкескую плѣть и посредствомъ этого аргумента соглашалъ соперницъ къ перемирію.

Интересны были въ домашней жизни отношенія Антонины Григорьевны къ обитательницамъ флигеля и ихъ къ госпожѣ Усольцовой. Конечно и предполагать невозможно, чтобъ она не знала о присутствіи въ домѣ постороннихъ женщинъ, но она старалась

всѣмъ силамъ не показать этого и въ некоторомъ значеніи, навѣщавшимъ ее, а если уже неизбежно приходилось ей говорить о гостяхъ во флигель, то она выражалась о нихъ не иначе какъ о *комедьянткахъ*, приглашенныхъ мужемъ въ деревню для развлечения. Подобнымъ названіемъ бѣдная женщина хотѣла какъ бы оправдать и собственное положеніе и поведеніе мужа, который все-таки, несмотря на разгулъ и буйство, доставлялъ ей роскошную жизнь въ матеріальномъ отношеніи. *Комедьянтки* при встрѣчѣ, — а это лѣтомъ на примѣръ случалось довольно часто, раскланивались съ нею, а она нехотя отдавая поклонъ, старалась не уронить своего достоинства и спѣшила уйти, чтобы какъ-нибудь не заговорить съ ними что по ея миѣнію могло компрометировать ее въ глазахъ прислуги. *Комедьянтки* у ретивистра собиравлось иногда три или четыре, и такъ какъ онѣ всѣ болѣе или менѣе любили пощеголять, то необходимо было при командировать къ нимъ нѣсколько горничныхъ, черезъ которыхъ и всѣ скандалы передавались настоящей барыни. Антонина Григорьевна была посвящена во внутренній бытъ флигеля и знала до подробностей характеристику *комедьянтокъ*. Она впрочемъ давно уже привыкла переносить нравственное униженіе: — еще въ молодыхъ лѣтахъ Усольцовъ откровенно сказалъ ей, что она ему надоѣла и даже предоставлялъ полную свободу жить гдѣ и какъ угодно, лишь бы она не предъявляла никакихъ претензій на его особу и не стѣсняла его вкуса по сердечной части. Въ первое время Антонина Григорьевна плакала, ревновала, дѣлала даже мужу сцены, но слезы, ревность и сцены имѣли только одно дѣйствіе, именно доставили ей возможность поближе познакомиться съ черкесскою плѣтью, оставивъ дѣло любви въ такомъ же положеніи, въ какомъ было оно и до этого знакомства. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ Демьянъ Павлычъ очень хорошо обходился съ женою, и когда она, какъ натура совершенно неразвита, не зная чѣмъ наполнить жизнь, ударилась въ ханжество и начала водиться съ юродивыми, попрошайками и странницами, — припадки ревности начали оставлять ее мало-помалу и она постепенно шла по пути отупѣнія. Въ описываемую эпоху Антонина Григорьевна походила на какую-то мумію. Кромѣ постоянного нравственнаго угнетенія, вліявшаго на ея здоровье, она слушалась каждой проходивки и налагала на себя самыя строгія лишенія — не по убѣжденію, а единствен-

но по составу страшиковъ и странищъ, которыхъ и теперь еще довольно шляется по провинци. Усольцово однакоже боялся этотъ народъ и заревилъ посѣщать Антонину Григорьевну во время отсутствія ротмистра, при видѣ котораго самый лозкій юрдыный, подбравъ полы, удиралъ въ ближайшій лѣсъ, во избѣжаніе какой-нибудь весьма негуманной выходки.

Но годы брали свое, и привычка самодурствовать, вхлѣвавшая уже въ плоть и кровь Усольцова, начинала подкапывать дружественныя отношенія его къ Антонинѣ Григорьевнѣ. Ущипшись долголѣтною властью надъ всѣмъ окружающимъ, дойдя почти до абсолютнаго деспотизма надъ пріятелями, которые по его наповенію готовы были на самое вопіющее безразсудство, Демьянъ Павлычъ иногда подумывалъ — какой же онъ мужъ, если не могъ жену «привести къ одному знаменателю.» Ему вдругъ на съ сего, ни съ того приходило въ голову, что немишало бы и Антонину Григорьевну сдѣлать участницей какой-нибудь оргіи и заставить ее вибѣсть съ нѣсколькими странниками и странищами вротанцовать трешака среди расхлѣдившихся гостей подъ ярые, отрывастыя звуки балалайки. Но противъ этого возставали даже его гости, въ которыхъ все еще оставалось какое-то инстинктивное состраданіе къ женѣ Усольцова, вслѣдствіе чего Демьянъ Павлычъ иногда выходилъ изъ себя, а все-таки не рѣшался послать за барыней или ворваться къ ней со всей бунтовавшей компаніей.

Послѣднее время однакоже отъ исполненія этого намѣренія его отвлекало столкновеніе съ Бобовихинымъ, котораго онъ не влюбилъ и которому задумалъ надѣлать штукъ, еще неслыханныхъ, собственно потому, что Савва Михайлычъ былъ гордъ и непремѣнно требовалъ отъ сосѣдей уваженія. Въ этомъ отношеніи Усольцовъ былъ одинаковъ и пьяный и трезвый, и жажда взбѣсить Бобовихина овладѣла имъ до такой степени, что онъ снизошелъ даже до испрашиванья совѣта у своихъ приверженцевъ, чего прежде не дѣлалъ ни въ какомъ случаѣ. Появляясь изрѣдка на съѣздахъ сосѣдей, Усольцовъ виразу еще не встрѣчалъ Саввы Михайлыча, на что сперва онъ и не обращалъ особеннаго вниманья, но когда получалъ отъ генерала известную строгую бумагу, у ротмистра возгорѣлось желаніе сойтись гдѣ-нибудь съ Бобовихинимъ и непремѣнно озадачить его превосходительство. Въ сосѣдствѣ онъ встрѣтилъ разные отзывы о Саввѣ Михайлы-

тѣ, но преимущественно о генералѣ отъивались съ уваженіемъ, и хоть нѣкоторые находили въ немъ смѣшныя стороны, однако сѣяться позволяли себѣ не иначе какъ въ короткомъ кругу, да и то подъ веселую руку. Вообще же Бобовихина сосѣды уважали, подчинялись его вліянію и смотрѣли на него какъ на человѣка, оказавшаго важныя услуги отечеству. Мы уже видѣли, что Савва Михайлычъ самъ высокаго мѣстна о своихъ подвизгахъ, которые хотѣлъ увѣковѣчить, передавъ на полотно, и только упрямство художника лишило его исполненія этого намѣренія. Когда Усольцовъ вытопталъ генеральскую гречиху и получалъ известное предписаніе, онъ поѣхалъ рассказать объ этомъ обстоятельстве ближайшимъ сосѣдамъ, разумѣется выставляя всю комическую сторону подобной переписки. Но два-три ближайшихъ сосѣда назвали Савву Михайлыча правымъ, быть убѣждены, что генералъ иначе и не могъ написать къ ротмистру, не уронивъ своего достоинства. Усольцовъ только пожалъ плечами и началъ сзывать своихъ собутыльниковъ на совѣтъ какъ быть въ данномъ случаѣ и какую «сморозить шутокантерію?» Нѣсколько дней сряду собирались самые бурные мотники, но оканчивались ничѣмъ, потому что всѣ продѣлки, какія только предлагались ротмистру, были ему давно известны, и Усольцовъ своихъ совѣтниковъ обругалъ свиньями, которыя неспособны выручить изъ бѣды пріятели. Демьянъ Павлычъ рѣшился прибѣгнуть къ своей шибрѣтательности, и въ ожиданіи счастливой мысли, вознамѣрился пакостить генералу всевозможными средствами. Для этого онъ поставилъ на ноги всю свою огромную деревню и общалъ знатительное вознагражденіе тому изъ крестьянъ, кто поймаетъ на разводскихъ поляхъ какую-нибудь генеральскую скотину или даже птицу на пашнѣ или сѣнокосѣ. Разумѣется въ сосѣдствѣ не безъ этихъ столкновеній, и хоть у генерала рабочіе и дворовые держали что-называется ухо остро, однако возможно ли, живя межа съ межею, поручиться за какое-нибудь животное, чтобы оно не перешло сосѣдской границы. Генералъ впрочемъ тщеславился порядкомъ своей администраціи и любилъ ставить себя въ примѣръ какъ помѣщика, на котораго сосѣды не смѣли пожаловаться. Но Бобовихинъ не зналъ съ кѣмъ пришлось имѣть ему дѣло. Обыкновенно генеральскіе пастухи, изъ боязни отвѣтственности, зорко слѣдили за стадами и дѣйствительно некогда даже рогатый скотъ въ лѣтніе жары, когда онъ мечется

отъ мухъ словою шальной, не забѣгалъ въ чужіе владѣнія. Хотя и сосѣдскіе пастухи, по случаю строгостей переносовской экономіи, старались избѣгать впаденія въ чужія границы, однако во встрѣлѣ энергической настойчивости со стороны своихъ властей, они допускали порой различныя безпорядки, вслѣдствіе чего по генеральской границѣ разбѣжались ревизоры и захватывали чужихъ лошадей, скотъ и овецъ на мѣстѣ преступленія. Усольцовъ только дѣлалъ еще набѣги на сосѣдскія владѣнія во время охоты, въ чемъ онъ впрочемъ нигдѣ и никогда не стѣснялся, потому что къ подобному образу дѣйствія привыкъ издавна; но теперь онъ выискивалъ всѣ средства задѣть за живое Бобовихина и независимо отъ извѣстнаго приказанія, отданнаго крестьянамъ, считалъ обязанностью, верхомъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ псарей, дѣлать пограничныя разбѣды съ цѣлю напасть на какую-нибудь добычу. При подобномъ положеніи вещей, случай незамедлилъ представиться къ завякъ весьма нитороснаго дѣла.

Какъ-то разъ выпавшись хорошенько послѣ обѣда, Усольцовъ выѣхалъ на охоту, направивъ путь на генеральскія владѣнія. Съ нимъ рядомъ ѣхалъ любимецъ его Игнашка и главный левній и главный камердинеръ и наконецъ главный повѣренный всѣхъ барскихъ тайнъ, вслѣдствіе чего пользовавшійся уваженіемъ не только дворовыхъ, но и управляющаго и всей вотчины; этотъ Игнашка огромный дѣтина съ серьгой въ ухѣ олицетворялъ титъ крѣпостнаго лакея прежнихъ временъ, но лакея безъ привязанности къ барину и надѣленнаго всѣми пороками разгульной и развратной дворни. Игнашка поступилъ къ Усольцову мальчишкой и полюбился ему за красавую наружность и необыкновенную расторопность. Года три Усольцовъ шклаталъ его, порою съкъ раза три на день, пока довелъ до той степени, что Игнашка понималъ малѣйшее его движеніе. Наконецъ Демьянъ Павлычъ окончательно пристрастился къ расторопному мальчику, одѣвалъ его лучше всѣхъ, дарилъ вещи, но не пропускалъ ни малѣйшаго, по его мнѣнію, вростунка и довольно часто посылалъ на конюшню съ приказаніемъ «выпастъ» извѣстное количество. Игнашка выносилаъ тяжолое обращеніе, вопервыхъ потому что не видѣлъ исхода, восторыхъ все-таки имѣлаъ преимущество предъ другими, которымъ больше доставалось въ которыхъ ничѣмъ не награждали, а стретыхъ имѣлаъ возмож-

ность подчасъ таскать у барина перядочныя деньги, такъ какъ Усольцовъ никогда не считалъ ихъ, да и заирадь иногда не весьма акуратно. Притомъ же Игнашка былъ лажой по природѣ, кажется въ четвертомъ или пятомъ колѣнѣ и любилъ на-еѣздахъ предъ прочею прислугой хвастать своей холонской генеалогіей.

— И дѣдъ, и прадедъ, и отецъ мой zawsze служили въ лакеяхъ, говаривалъ онъ: — отецъ даже былъ буфетчикомъ, а умеръ дворѣцкимъ.

Въ гостяхъ, гдѣ бывалъ Усольцовъ, Игнашкѣ всегда предстоило множество интимныхъ и трудныхъ порученій, въ случаѣ исполненія которыхъ баринъ давалъ ему денегъ, и въ гостяхъ никогда не обходился съ нимъ дурно что Игнашкѣ подавало поводъ хвастать не только расположеніемъ барина, но и вообще безнаказанностью всѣхъ своихъ поступковъ. Хвастовство это придавало ему большую цѣну въ глазахъ всего лакейства.

На охотѣ какіе ни были бы гости, за Демьяномъ Павлычемъ на добромъ конѣ всегда ѣхалъ Игнашка, затянутый въ красивую черкеску съ дорожной флягой черезъ плечо и съ длиннымъ арапникомъ. Обязанность его была набивать барину трубку и въ случаѣ неудовольствія Усольцова отсчитывать удары бича какъ провинившемуся охотнику, такъ и путнику, неумѣвшему свертать съ дороги, и вообще всѣмъ, на кого бы имъ указалъ Демьянъ Павлычъ.

— Игнашка! Жги его! бывало крикнуть Усольцовъ.

И проворный Игнашка немедленно спѣшилъ исполнить приказаніе барина со всѣмъ усердіемъ, какое чувствовалъ къ занятіямъ подобнаго рода.

Въ описываемый день Усольцовъ отправился на охоту безъ товарищей въ сопровожденіи достаточнаго количества псарей и лѣбзачихъ. Подѣхавъ на рыскахъ къ генеральскимъ грампамъ, Демьянъ Павлычъ замѣтилъ пару воловъ, которые паслись невдалекѣ отъ межи, но по генеральской землѣ, при которыхъ однакоже не было никакого пастуха. Усольцовъ тотчасъ же велѣлъ остановиться и послать Игнашку перекинуть воловъ на свою землю. Не успѣвъ наперсникъ исполнить этого повелѣнія, какъ тотчасъ же, словно нарочно, изъ-за кургана показался генеральскій объѣздникъ на доброй степной лошади. Когда послѣдній подѣхалъ на близкое разстояніе, Усольцовъ подосвалъ его

къ себѣ. Унтеръ-офицеръ ковъ и весьма не охотно, однако приблизился и проговорилъ обычное

— Здравія желаю, в. б—іе.

— Здорово, братецъ! сказала Усольцова. Не признаешь ли ты этихъ воловъ?

— Какъ не признать, в. б—іе! Волы нашего крестьянина Головошки. Да и онъ долженъ быть подалече, — вѣрно заснулъ бестія.

— Для меня все равно заснулъ ли онъ, не заснулъ, пустьъ ли нарочно или случайно, а ваши волы ходятъ по моей землѣ, в шабашъ!

— Точно такъ, в. б—іе.

— Гей! Кто тамъ провориѣ изъ доѣзжачихъ, — гони воловъ со двора и прикажи не отдавать безъ меня.

— Осмѣлюсь доложить, сказалъ унтеръ-офицеръ: — простите мужика, потому что его превосходительство всерчаюгъ и больно покажутъ виновнаго.

— Ты вздумалъ меня учить, чтели?

— Сохрани-богъ, в. б—іе.

— Смотри, чортъ возьми! Ты тоже хорошъ гусь, исправно наблюдаешь. Какъ твоя фамилія?

— Демешовъ, в. б—іе.

— Хорошо. Ступай, докладывай генералу о происшествіи, ха, ха, ха!

Доѣзжачій погналъ воловъ по дорогѣ въ Разводоку, а Усольцова, скомандовала рысью, помчался вдоль своей границы въ отъѣзжее поле.

Того же дня вечеромъ Демьянъ Павлычъ очень долго вымъ пуншъ для вдохновенія и сочинялъ письмо къ Бобовихину о поимкѣ воловъ. Нѣсколько почтовыхъ листовъ искортилъ онъ, пока остался доволенъ своимъ краснорѣчіемъ, и велѣлъ переписать въ конторѣ слѣдующее:

Господину отставному генералъ-майору и кавалеру Бобовихину.

Отставного же ротмистра и кавалера Усольцова.

Рапортъ.

«Имѣю честь почтительнѣйше довести в. в—ству, что вчерашняго числа въ четыре часа и сорокъ двѣ минуты пополудня, мной лично усмотрѣны ваши скоты на моей травѣ, которую идя-

вали неправильно. Хотя я не хочу видетьъ съ вашей стороны тако- ваго имѣ приказанія, которое было бы неугодно въ вашемъ хотѣ и отставномъ чинѣ, но полагаю, что каждый человѣкъ имѣетъ право стоять горой за свою собственность. При чемъ осмѣливаюсь присовокупить, что распущенные скоты ваши не только пожирали мою траву, а значительное количество оной и вытоптали, такъ что ущербъ мной понесенный оказывается не малъ. Въздвигая такого имѣю честь покорнѣйше просить о распоряженіи выслать мнѣ 4 р. 83⁴/₁₀₀, копѣекъ по оцѣнкѣ всего общества моихъ крестьянъ по строгой справедливости. Въ слу- чаѣ же съ вашей стороны не послѣдуетъ оного приказанія, то вынужденъ наиглубочайше увѣдомить, что волею съ завтрашняго же дня поступать на экономическую работу, при чемъ съ мнѣ будутъ обходиться со всѣмъ приличіемъ, какое сметамъ вашего п—ва подобаешь. Повергнувъ сіе на благоусмотрѣніе вашего п—ва, имѣю честь испрашивать немедленнаго предписанія.»

Бобовихинъ только-что окончилъ вечерній чай и былъ въ отличномъ расположеніи духа, потому что мѣстный священникъ врискалъ ему живописца, который за дешовую цѣну брался изобразить на одной картинѣ всѣ его подвиги, уже извѣстные читателю. Но пріятныя мечты эти были прерваны дежурнымъ мальчишкой, который доложилъ о приходѣ унтеръ-офицера Лемешова.

— Что же онъ не по командѣ? спросилъ генералъ недоволь- нымъ тономъ: — развѣ порядка не знаетъ! Эй, Лемешовъ!

— Здравія желаю, в. п—ство.

— Ты, кажется, не рекрутъ и долженъ знать, что къ началь- нику двѣ дороги: на бумагѣ черезъ канцелярію, словесно черезъ старшаго записнаго.

— Точно такъ, в. п—ство. Но осмѣлюсь доложить происше- ствіе очень важное.

— Что такое?

— Ихъ благородіе ротмистръ Усольцовъ самолично засталъ на своей травѣ шару переносовскихъ волювъ.

Генералъ вскочилъ съ мѣста.

— Экономическихъ? спросилъ онъ грозно.

— Никакъ нѣтъ, в. п—ство, крестьянина первой сотни, третьего десятка Семена Голоножки.

— А! произнесъ Бобовихинъ, садясь на свое кресло. Слѣдствіе произведено?

— Я былъ самъ на мѣстѣ.

— Какъ же это случилось?

— Не могу знать, в. п—ство, я прибылъ когда ротмистръ изволилъ уже отдать приказъ объ уговѣ воловъ въ экономію.

— Гдѣ же была эта бестія? Какъ бишь его?

— Голоножка.

— Онъ вѣрно пьянъ.

— Никакъ нѣтъ. Голоножка прилежъ отдохнуть, а волы должно быть самовольно отлучились.

Во всякомъ случаѣ безпорядокъ мѣѣ непріятный. Кто былъ дежурнымъ разъѣзднымъ?

— Я, в. п—ство.

— Подъ арестъ на три сутки. Голоножку допросить въ канцеляріи. Но это не твое дѣло. Болванъ!

— Слушаю, в. п—ство!

— Ты долженъ зорко глядѣть за благодеиствіемъ вотчины. Служишь весь вѣкъ въ таможенной стражѣ и неумѣешь оберегать границы своего генерала. Въ другой разъ выгоню изъ службы.

— Помилосердуйте, в. п—ство.

— Неразсуждать! Маршъ!

По уходѣ Лемешова Бобовихинъ нахмурилъ брови и задумался о фактѣ, повидимому пустомъ и обыкновенномъ, но который въ сущности произвелъ на генерала сильное впечатлѣніе. За все время управленія его Переносовкой это былъ еще первый случай, могшій подать сосѣдямъ поводъ заключить о слабости генеральской администраціи, объ отсутствіи дисциплины и т. п. обстоятельстве, чего Савва Михайлычъ боялся пуще огня и дѣйствовалъ, какъ мы видѣли, довольно энергически въ духъ чудовищной строгости. При томъ же онъ очень хорошо понималъ, что Усольцовъ, угоняя воловъ, имѣлъ въ виду не корысть, но какую-нибудь злонамѣренную выходку, что приводило генерала въ крайне дурное расположеніе. Не говоря уже, что ротмистръ могъ объ этомъ рассказать въ преувеличенномъ видѣ сосѣдямъ и былъ способенъ на дерзости, тѣмъ болѣе что теперь имѣлъ на своей сторонѣ право. Волы принадлежали крестьянину, слѣдовательно

казалось бы генералу нечего и беспокоиться, однако онъ понималъ вещи иначе и скорбѣлъ за свою репутацію. Напрасно онъ ломалъ голову какъ бы придумать подходящее соглашеніе: ни одна утѣшительная мысль не являлась Бобовихину кромѣ одной, — наказать какъ можно строже крестьянина Голоножку, причинившаго такой важный беспорядокъ.

Людмила, пользовавшаяся правомъ являться безъ доклада, тихо вошла въ кабинетъ и молча остановилась у письменнаго столика.

— А! Это ты.

— Вы кажется озабочены, а я полагала, что веселы, какъ были недавно, и хотѣла пригласить къ намъ на танцевальный урокъ.

— Не до урока. А впрочемъ приду; все-равно ничего не думаешь.

— Чтоже случилось?

— Прескверная исторія. Представь себѣ, мерзавецъ крестьянинъ первой сотни третьяго десятка, Голоножка, поймался съ волами на травѣ Усольцова.

— Воны экономическіе?

— Нѣтъ, крестьянскіе.

— О чемъ же беспокоиться? Мужикамъ не разъ было приказано, не разъ подтверждалось, а поймался, — самъ виновать.

— Ты разсуждаешь такъ, потомучто молодо-зелено.

— Виповата, — я иначе не понимаю.

— Потвоему если крестьянинъ поймался, его вздуть, заставить заплатить за поправу, и дѣло съ концомъ.

— Конечно.

— Вотъ у тебя и почеркъ очень хорошъ и предписаніе умѣешь составить, а соображенія нѣтъ. Ну, да ты женщина.

— Въ чемъ же тутъ главное?

— А отвѣтственность старшаго! Вѣдь Голоножка мой крестьянинъ, понимаешь?

— Теперь понимаю. Значитъ вы все-таки отвѣчаете?

— Иначе не будетъ субординаціи. Унтеръ-офицеръ Лемешовъ исправный служивый, онъ объѣзжалъ границы можетъ-быть верстахъ въ иѣсколькихъ отъ происшествія, а я все-таки посадилъ его подъ арестъ на три дня, и старшему вахмистру сдѣлалъ выговоръ. Нельзя, дисциплина.

— Все это хорошо, но неужели вы думаете, что Усольцовъ привяжется: ему все-равно, лишь бы уплатили деньги, потому-что и мы взяли съ него недавно.

— Положимъ и не привяжется, вопервыхъ какъ младшій, восторыхъ тотчасъ же получить удовлетвореніе; но онъ можетъ раструбить по всему уѣзду, что генераль Бобовихинъ мокрая курица, неумѣетъ держать подчиненныхъ въ рукахъ, и надѣлаетъ мнѣ сраму. Впрочемъ утро вечера мудренѣе. Я пойду къ вамъ на урокъ, а послѣ дѣло пообдумаемъ.

Утромъ рано однакоже посланный Усольцова привезъ извѣстныя рапортъ и получилъ росписку въ канцеляріи. Самъ старшій писарь принесъ бумагу къ его превосходительству. Бобовихинъ слегка вздрогнулъ принимая запечатанный конвертъ и узнавъ, что посланный ждетъ отвѣта, приказалъ писарю идти въ канцелярію. Прежде всего онъ искоса посмотрѣлъ на конвертъ, не оскорбилъ ли его ротмистръ какою-нибудь выходкой, но генеральское чело вскорѣ прояснилось при видѣ приличной надписи въ формѣ правильнаго рапорта. Оставалось прочесть содержаніе. Какъ ни тупъ былъ генераль, какъ ни старался обмануть себя почтительными фразами, однако насмѣшливый тонъ оскорбилъ самолюбіе Саввы Михайлыча, тѣмъ болѣе что проникалъ не частное письмо, а форменную бумагу, за которую на службѣ могло достаться ротмистру. Отсылку денегъ Бобовихинъ рѣшилъ тотчасъ же, хотя и зналъ, что пара воловъ не могла причинить такого убытка, но какимъ образомъ сочинить отвѣтъ, который не роняя генеральскаго достоинства и показывая вольнодумцу-ротмистру все неприличіе его поступка, уколеть бы въ свою очередь Усольцова.

— Экая досада, говорилъ Савва Михайлычъ, бросая бумагу на столъ, что нѣтъ моего аудитора Клотокова. Силенъ былъ бестія въ кляузахъ всякаго рода и сумѣлъ отбрить кого угодно.

Онъ взялся было за колокольчикъ позвать дежурнаго, но раздумалъ, лѣниво потянулся за перомъ, придвинулъ листъ бумаги и началъ строчить предписаніе. Около получаса сидѣлъ генераль за столомъ, выкурилъ двѣ или три трубки, а на бѣломъ листѣ бумаги появилось лишь нѣсколько перемаранныхъ строчекъ, которыя состояли изъ весьма обыкновенныхъ фразъ: «Вслѣдствіе рапорта в. б—іа», «Согласно рапорту в. б—іа», «такъ какъ въ рапортѣ своемъ за № и т. д.» Дальше генераль

да могъ ничего придумать. Наконецъ онъ велѣлъ кликнуть старшаго адъютанта.

— Что угодно, папенька? сказала Людмила, остановясь у своего стола и открывъ чернильницу.

— Дѣло очень важное. Прочти-ка эту бумагу.

Людмила прочла внимательно.

— Ну, что?

— Я нахожу рапортъ довольно дерзкимъ.

— Гм! И я тоже думаю. — Надо бы отдѣлать этого мерзавца,

— Извольте диктовать — я готова.

— Диктовать! Я уже написалъ кое-что, да боюсь — не слишкомъ ли мягко. Попробуй-ка ты начертить предписаніе, а послѣ поправимъ.

— Я право, папенька, незнаю, я привыкла писать подъ вашу диктовку.

— Надо же привыкать и самой заниматься дѣломъ. Ты, слава-богу, не маленькая.

— Я боюсь...

— Боятся нечего, когда приказываютъ. Сядишь и пиши, а я поправлю.

Людмила долго нерѣшалась, но слыша непрерывныя понуканья, набросала отвѣтъ Усольцову.

«За потравленную водами крестьянина моего Головожки траву, деньги столько-то при семь къ в. б—ю препровождаю. Удивительно мнѣ какъ вы, состоя въ такомъ маломъ чинѣ, осмѣливаетесь употреблять довольно дерзкія выраженія въ своемъ рапортѣ. Объявляя о семь в. б—ю, я отношу оное немаче какъ развѣ къ нетрезвому виду, въ которомъ вы часто упражняетесь и строжайше предписываю на будущее время быть осторожнѣе. Въ противномъ случаѣ вынужденъ буду представить в. б—ю по командѣ, какъ беспокойнаго сосѣда въ неуваженіи къ старшимъ.»

Бобовихинъ не только одобрилъ написанное дочерью, но даже позавидовалъ способностямъ дѣвушки, которая неслуживъ нигдѣ, получила такой навыкъ, что могла съ успѣхомъ написать самую щекотливую бумагу, на какую нехватало силы у него, у челоѣвка посѣдѣвшаго на службѣ. Ему просто сдѣлалось досадно, и напиши это писарь или кто-нибудь посторонній, онъ

придрался бы, перемаралъ предписание и даже испортилъ бы разными неподходящими вставками. Между тѣмъ бумага выходила именно въ томъ духѣ, въ какомъ ему хотѣлось, и выраженія Людмилы словно прежде уложились въ его головѣ, только онъ неумѣлъ ихъ выразить.

— Прочти-ка еще разъ, только внятнѣе, сказалъ онъ.

Людмила исполнила приказаніе.

— Недурно. Я только думаю — слова «довольно дерзкія выраженія» зачеркнуть и написать «неумѣстныя выраженія», потому что младшій не можетъ относиться съ дерзостями къ старшему. Въ концѣ тоже нужно прибавить «ибо отставка ни въ какомъ случаѣ не избавляетъ отъ чиновочитанія.»

— Миѣ кажется, папенька, что послѣдняя прибавка лишняя.

— Нехорошо, душа моя, что ты позволяешь себѣ разсужденіе: въ твои лѣта необходимо одно слѣпое повиновеніе начальству. Что же ты находишь на примѣръ излишнимъ?

— Видите ли, папенька, Усольцовъ не разъ уже дѣлаетъ вамъ штуки.

— Поэтому-то и необходимо внушить ему.

— Но какъ видно, эти внушенія на него не дѣйствуютъ. Онъ думаетъ, что отставные чины...

— Ну?

— Онъ всѣхъ считаетъ въ отставкѣ равными.

— Ка-а-акъ? Всѣхъ равными? Это откуда ты понабралась масонскихъ, вольтерьянскихъ мыслей?

— Я папенька? Боже меня сохрани!

— То-то.

— Я говорю объ Усольцовѣ, и миѣ кажется лучше былобы рапортъ его представить губернатору.

— А ты думаешь я и не представляю! Я очень радъ, что Усольцовъ позволяетъ себѣ такія вещи: онъ тѣмъ самымъ у меня въ рукахъ, по пословицѣ «что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ».

— Вы говорили, посланный ждетъ отвѣта.

— И по этому случаю садись и перепиши на форменномъ листкѣ предписание. Я нехочу, чтобы въ конторѣ знали содержаніе рапорта.

Но вѣроятно въ тотъ день Бобовихину суждено было испы-

тывать неприятности. Не успѣла Людмила перебѣлить предписаніе, какъ старшій писарь принесъ новый запечатанный конвертъ.

— Это что такое? спросилъ Савва Михайлычъ.

— Отъ ротмистра Усолцова, в. п—во. Просятъ отвѣта.

— Хорошо. Ступай!

Генеральскія брови сильно нахмурились, и Бобовихинъ какимъ-то неестественнымъ голосомъ скомандовалъ себѣ трубку. Съ нимъ даже сдѣлалась маленькая дрожь, когда онъ распечатывалъ конвертъ своего неугомоннаго сосѣда. Заголовокъ однакоже попрежнему былъ почтительный, и генералъ прочелъ слѣдующее:

«Въ дополненіе къ моему рапорту за № имѣю честь почтительнѣйше донести в. п—ву, что бывши я сегодня на своей степи, конный патруль донесъ мнѣ о чрезвычайномъ происшествіи. Значительное стадо вашихъ овецъ, перейдя самовольно мои границы, расположилось на моихъ лугахъ и будтобы съ вѣдома вашего жадно пожирало мою траву, не обращая вниманья, что самъ я имѣю не мало овецъ и прочей скотины. Случившіеся тутъ мои крестьяне, радѣя о пользѣ своего господина и во исполненіе моего приказанія захватывать чужой скотъ на моихъ земляхъ, поспѣшили угнать вашихъ овецъ въ числѣ двухсотъ-семидесяти. Когда они исполняли барскую волю, то ваши пастухи, замѣтивъ оное, начали сопротивляться и вступили съ моими людьми въ рукопашной бой, который продолжался около получаса. Поле сраженія осталось за моими. Убитыхъ нѣтъ, раненыхъ двое; одинъ вашъ пастухъ съ перешибенной ногой, а одинъ мой крестьянинъ съ выбитымъ глазомъ. Такъ какъ бой велся людьми в. п—ва, то и отвѣтственность падаетъ на нихъ, а потому осмѣливаюсь спрашивать вашего начальческаго распоряженія — первое: принять моего раненаго крестьянина въ переносовскій госпиталь и лечить на свой счетъ, удовлетворивъ его потомъ за калѣчество; второе, присылать по двадцати копѣекъ за каждую овцу, безъ чего онѣ не будутъ выпущены, а третьихъ, приказать на будущее время не дѣлать мнѣ ущерба какъ рогатыми, такъ и безрогими скотами в. п—ва. Причемъ имѣю честь нижайше присовокупить, что на случай новаго вторженія на мои земли, я приказалъ уже безъ церемоній стрѣлять все, за исключеніемъ людей и тѣхъ животныхъ, которыя за-

прягонныя будутъ слѣдовать съ повозками. Вы же, в. п—во сами можете безпрепятственно ѣздить по моимъ владѣніямъ съ какой угодно охотой и топтать мою жатву. Въ этомъ случаѣ я сохѣлъ весьма снисходительный и не позволю себѣ мѣшать охотиться не только вамъ, но и послѣднему цырульнику — было бы у него желаніе. До завтрашняго утра овцы ваши будутъ цѣлы невредимы, но потомъ, если не получу слѣдуемыхъ денегъ, то каждый день пара овецъ, въ вознагражденіе за ихъ содержаніе, пойдетъ на кормъ для моей псарни, которая у меня въ отличномъ порядкѣ. Изъ всего вышеписаннаго в. п—во изволите усмотрѣть, что не одинъ я бываю причиною сохѣдскихъ несогласій, и не оставите своимъ начальническимъ распоряженіемъ, дабы впредь не было нарушаемо спокойствіе мое и моего семейства.»

Надобно было видѣть генерала по прочтеніи этого рапорта; онъ бросилъ бумагу на полъ, схватился руками за волосы и началъ топтать ногами. Людмила испугалась, не смѣла подать голоса.

— Позвать мнѣ старшаго вахмистра! закричалъ наконецъ Бобовихинъ.

Старый, плотный унтеръ-офицеръ вошелъ въ кабинетъ и остановился у двери.

— Здравія желаю, в. п—ство!

Савва Михайлычъ уже нѣсколько припохъ въ себя.

— Что значать эти безпорядки, Агафомовъ! спросилъ онъ, сверкая глазами.

— Не могу знать какіе безпорядки, в. п—ство.

— Какъ не можешь знать? Ктоже будетъ заботиться? Значить ты не годишься ни къ чорту, — распустилъ команду.

— Помилуйте, в. п—ство, денно и ночью соблюдаю правила службы.

— А какже наши овцы попались къ Усольцову?

— Еще не получено никакаго донесенія.

— Кто дежурный по разъѣздамъ?

— Пѣуховъ, в. п—ство!

— Вѣрно запынствовался?

— Въ ротъ не беретъ хмѣльнаго, в. п—ство.

Въ это время явился писарь и доложилъ, что Усольцовъ при-

сдѣлать еще одинъ рапортъ съ третьимъ нарочнымъ. Бобовихина выхватывалъ конвертъ изъ рукъ писаря и прочелъ слѣдующее :

«Въ дополненіе къ рапорту за № шибю честь почтительнѣйше довести до свѣдѣнія в. п—ства, что развѣданный вѣзгъ, отставной рядовой Пѣтуховъ узналъ объ отбитіи овецъ моими крестьянами, бросился за ними въ погоню и силою хотѣлъ возвратитъ стадо. При этомъ насиліи, которое означенный Пѣтуховъ производилъ побоями, люди мои связали его и представили на мое благоусмотрѣніе, какового дерзкаго буяна я посадилъ подъ арестъ до поступленія съ нимъ по законамъ. Но, повнимая дисциплину, спѣшу увѣдомить в. п—ство, что подчиненный вашъ наговорилъ мнѣ дерзостей, якобы я подучилъ моихъ крестьянъ захватить нарочно овецъ на вашей землѣ и т. п. вздоры. Шибю честь покорнѣйше просить о почтеніи меня предписаніемъ, какъ мнѣ въ семь случаевъ дѣйствовать : самому ли выпоротъ грубияна или положиться на ваше милостивое распоряженіе. Въ такомъ случаѣ осмѣливаюсь утрудить, чтобы оный Пѣтуховъ наказанъ былъ на границѣ нашихъ владѣній при депутатѣ съ моей стороны, дабы не произошло какого-либо послабленія. Изъ всего этого в. п—ство изволите усмотрѣть, что не я причиною различныхъ неудовольствій, ибо не я первый началъ взыскивать штрафы, а всегда былъ готовъ смотрѣть сквозь пальцы на мелочи, случающіяся въ сосѣдствѣ.»

Этотъ рапортъ привелъ окончательно Бобовихина въ бѣшенство. Онъ выгналъ изъ кабинета всѣхъ, неисключая Людмилы, и на первыхъ порахъ рѣшился было запрягать лошадей и ѣхать прямо къ губернатору, но успокоившись немного, отложилъ это намѣреніе. У него просто закружилась голова отъ столкновенія нѣсколькихъ разнообразныхъ происшествій, и если страдало самолюбіе отъ дерзостей ротмистра, то и денежный ущербъ игралъ не послѣднюю роль, потому что генералъ былъ акуратемъ и слѣдилъ за расходомъ каждой копейки. Онъ могъ бы протестовать противъ требованій Усольцова, оцѣнивавшего довольно дорого свои убытки, но нѣсколько дней передъ снмъ взялъ съ него контрибуцію, которая была выплачена безъ отговорокъ. Оставалось отвѣчать на всѣ три рапорта разомъ, отвѣчать съ достоинствомъ, а слѣдовательно надобно было хорошенько положить голову надъ сочиненіемъ такой дипломатической бумаги, гдѣ бы болѣе, что отвѣта ожидали три нарочныхъ и всякое пре-

медленіе могло показати сосѣду несостоятельность не только генеральской канцеляріи, но и способностей самого его превосходительства. Бобовихинъ кончилъ тѣмъ, что снова кликнулъ Людмилу, передалъ всѣ рапорты и приказалъ изготавить соответствовавшее предписаніе. Дѣвушка внимательно прочла письмо Усольцова и приняла живое участіе въ оскорбленіи отца, потому что въ каждой строчкѣ ротмистра видѣла насмѣшку и смутно догадывалась, что вся эта переписка не болѣе какъ одна пустая комедія. Тѣмъ неменѣе, исполняя волю отца, надо было приготовить отвѣтъ, и Людмила рѣшалась еще разъ попробовать свое канцелярское краснорѣчіе. Плодомъ этой рѣшимости явилась коротенькая бумага, исправленная весьма впрочемъ незначительно. Вотъ что подписалъ Бобовихинъ къ своему сосѣду :

«Въ разрѣшеніе трехъ рапортовъ в. б—ія за №№ увѣдомляю, что слѣдующія деньги съ симъ вмѣстѣ посылаются, а рядовой Пѣтуховъ будетъ примѣрно наказанъ за буйство, если таковое подтвердится. При семъ строжайше предписываю в. б—ію не утруждать меня впредь вашею неприличною перепискою, какую буду сообщать губернатору для поступленія съ вами по законамъ. Что же касается сосѣдскихъ несогласій, то рекомендую вамъ наблюдать свои владѣнія; о пограничномъ же прісмотрѣ моего имѣнія сдѣлаю распоряженіе, дабы производимъ былъ строжайшій осмотръ ежедневно пѣшими и конными сторожами. Меня удивляетъ оплошность моихъ людей, которымъ давно уже внушены правила субординаціи, но если съ вашей стороны употреблено было какое-либо насиліе, то сіе не останется безъ послѣдствій, такъ какъ я ожидаю пріѣзда губернатора и представлю ему обо всемъ на законномъ основаніи.»

Черезъ три дня однакожь послѣ этой бумаги Бобовихинъ снова получилъ рапортъ Усольцова, прочелъ его, плюнулъ и велѣлъ выгнать посланнаго въ шею, сказавъ, что впредь никакіе конверты отъ ротмистра принимаемы не будутъ. Рапортъ заключался въ слѣдующемъ :

«Въ предписаніе в. п—ства за № вложена была сумма за нанесенный мнѣ убытокъ, но оказалось $\frac{1}{4}$ копѣйки излишку. Не желая пользоваться вашею генеральскою казною и не думая, чтобъ вы умышленно желали оскорбить меня подаркомъ подобной бездѣлницы, имѣю честь препроводить при этомъ ко-

пѣйку, изъ которой слѣдуетъ мнѣ только $\frac{3}{7}$. Въ денежныхъ дѣлахъ всегда необходима акуратность. Рядовой Пѣтуховъ выпущенъ изъ-подъ ареста; волы и овцы слѣдуютъ восвоися подъ присмотромъ моихъ собственныхъ людей до границъ вашихъ, гдѣ будутъ сданы кому слѣдуетъ, а въ случаѣ небытія никого отпустятся на произволъ на всѣ четыре стороны. Угрозы вашей жаловаться губернатору я не боюсь, потомучто всѣ неудовольствія происходятъ отъ генеральской гордости в. п—ства, о чемъ почтительнѣйше донести честь имѣю.»

Послѣ этого генералъ занялся строжайшимъ изслѣдованіемъ всѣхъ происшествій, и узналъ отъ рядового Пѣтухова, что не только овцы взяты были на генеральской землѣ силою, но по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ деревнѣ ротмистра, оказалось, что и крестьянскіе волы угнаны были самымъ коварнымъ образомъ. Тогда Бобовихинъ, подтвердивъ не принимать никакихъ посланныхъ Усольцова и приказавъ удвоить бдительность на границахъ, далъ себѣ слово преслѣдовать судомъ ротмистерскія шалости. Спокойное состояніе продолжалось около мѣсяца, втеченіе котораго Усольцовъ отправлялся кутить куда-то къ своимъ врятелямъ.

Болѣе всѣхъ товарищей ротмистръ любилъ недоросля изъ дворянъ, помѣщика Ивана Алексѣича Контропошкина, жившаго на другомъ концѣ уѣзда. Это былъ типъ оригинальнаго самодура, конечно невозможный въ нашу эпоху, но который появлялся по временамъ еще въ сороковыхъ годахъ, хотя и тогда уже на него указывали, какъ на нѣчто ненормальное. Контропошкинъ по метрику перевалилъ уже за сорокъ, но болжлся и увѣрялъ, что ему около тридцати-пяти, любилъ щеголять изысканнымъ туалетомъ, особенно въ дамскомъ обществѣ, и когда бывалъ не пьянъ, охотно танцевалъ съ хорошенькими. Наслѣдовавъ отъ отца въ раннемъ возрастѣ доходное имѣніе и значительный капиталъ, Иванъ Алексѣичъ не захотѣлъ окончить курса въ частномъ пансіонѣ, а приѣхалъ въ деревню жуировать и хозяйничать подъ присмотромъ довольно благоразумнаго попечителя. Но какъ попечительство имѣло срокъ и разумѣется окончилось, то Контропошкинъ, очутясь на полной свободѣ, принялся кутить самымъ безразсуднымъ образомъ и лѣтъ въ

пять промоталъ большую часть своего капитала. Онъ можетъ быть сдѣлалъ бы тоже и съ имѣніемъ, но родъ Контропошкиныхъ по какому-то случаю владѣлъ майоратомъ, котораго ни продать, ни заложить юный самодуръ не имѣлъ права. Впрочемъ по какому-то странному стеченію обстоятельствъ Контропошкину попался весьма добросовѣстный управляющій, который несмотря на свою бѣдность, не только не обкрадывалъ помѣщика, а напротивъ сберегалъ хозяйское добро словно свое собственное. Контропошкинъ зналъ это, и въ припадкѣ самаго яраго самодурства, избѣгалъ дѣлать своему управляющему малѣйшую непріятность, наперстывая разумѣется это лишеніе въ ущербъ своимъ пріятелямъ. Управляющій, оригиналъ въ своемъ родѣ, умѣлъ держаться около двадцати лѣтъ въ имѣніи Контропошкина и оставилъ должность только собственно потому, что радѣя о хозяйской пользѣ, промокъ осенью на рыбныхъ ловляхъ, схватилъ горячку и отправился къ праотцамъ. Ему-то обязанъ былъ Контропошкинъ и порядкомъ въ имѣніи, и сбереженіемъ остальныхъ банковыхъ билетовъ, потому что управляющій ухитрился втолковать самодуру простую мысль, что если уже необходимо проживать доходы, то не слѣдуетъ тратить капитала, и всегда такъ ловко представлялъ ему картину промотавшагося кутилы, что Контропошкинъ свято исполнялъ его завѣты, транжирилъ только доходъ, а если и дѣлалъ небольшіе долги, то боялся, чтобы непровѣдалъ управляющій. Въ этомъ случаѣ Контропошкину много помогало обстоятельство, что онъ не игралъ въ карты. Въ пылкой молодости, даже въ обществѣ самыхъ безпардонныхъ картежниковъ, онъ не поддавался обаянію игры, и хоть его за это иногда называли скрягой, свинтусомъ и даже подлецомъ, однако онъ выдерживалъ себя и не понималъ наслажденія банка, стога или гальбика (halbzwölf, djabelek). Зато во всѣхъ прочихъ развлеченіяхъ Контропошкинъ не клалъ охулки на руку и не было ни на одной окрестной ярманкѣ мало-мальски значительнаго дебоша, въ которомъ бы онъ не принималъ дѣятельнаго участія. Пилъ онъ, какъ слѣдуетъ индивидууму его закала, но пилъ не просто какъ пьютъ даже самые записные аматеры, а съ какимъ-то особеннымъ шикомъ, возводя свое пьянство въ строгую и вмѣстѣ стройную систему. Онъ чрезвычайно въ этомъ случаѣ любилъ барекую обстановку, и потому самая буйная оргія подъ предводительствомъ

Контропошкина теряла весь кабацкій характеръ, принимая колоритъ какой-то утонченности, недопускавшей грязнаго безобразія. Контропошкинъ конечно пилъ все, что только изобрѣтено съ незапамятныхъ временъ для наслажденія смертныхъ: онъ могъ въ случаѣ надобности пить мерзкую, вонючую сивуху и въ количествѣ весьма почтенномъ, во чтобы эту сивуху ему подали на серебряномъ подносі, въ блестящемъ хрусталѣ. Шампанское напримѣръ не холодное и не въ бакалѣ онъ называлъ неприличнымъ пойломъ, и тѣхъ, кто употреблялъ его изъ стакана, считалъ грубыми пьяницами, которые рады, что дорвались до вина, бывшаго для нихъ рѣдкостью, и не понимали, что вкусъ шампанскаго и букетъ, тогда только естественны и законны, когда оно пѣнится въ узкогорломъ бокалѣ. Лафитъ пилъ онъ подогрѣтымъ, рейнвейнъ изъ зеленой рюмки, но во всякомъ случаѣ требовалъ самой щегольской изящной обстановки. Такъ уже сложилось въ немъ это пьянственное направленіе, удивительное тѣмъ болѣе, что во всѣхъ прочихъ проявленіяхъ жизни Контропошкинъ обнаруживалъ особаго аристократизма и былъ напримѣръ совершеннымъ профаномъ въ гастрономіи, уписывалъ съ удовольствіемъ простые щи, не могъ отличить хорошихъ трюфелей отъ дурныхъ, а главное — чувствовалъ отвращеніе къ лимбургскому сыру, этому краугольному камню каждаго утонченнаго объѣдалы. Бѣлье и платье носилъ онъ дорогое, но сюртукъ на немъ зачастую былъ въ пятнахъ и не чищенъ, а рубашка иной разъ грязная. Разумѣется на балы Контропошкинъ одѣвался щеголемъ во всемъ новенькомъ, но собственно для себя не только что не соблюдалъ опрятности, а просто былъ неряхой и серьезно увѣрялъ, что мыться каждый день — для него сущее наказаніе. Въ домѣ у него тоже, несмотря на цѣнность мебели и украшеній, господствовалъ ералашъ и неопрятность, чему впрочемъ причиною были борзые и гончія собаки, которыя безнаказанно валялись на креслахъ и диванахъ, разрывая лапами и пачкая обивку, ссорясь другъ съ другомъ и вообще пестѣвшая въ своихъ правахъ и обычаяхъ. Но мимо всего этого Контропошкинъ не былъ ни безпробуднымъ пьяницей, ни записнымъ охотникомъ. Нужды нѣтъ, что у него выходило нѣсколько тысячъ въ годъ на вина и попойки, что содержаніе псарни обходилось очень дорого, Иванъ Алексѣичъ могъ цѣлую недѣлю не напиться пьянымъ и недѣли двѣ невы-

ѣзжать на охоту: то и другое зависѣло отъ преобладающаго характера компаніи, его посѣщавшей или имъ посѣщаемой. Если онъ попадалъ въ общество кутиль-картежниковъ, онъ пьянствуя безъ просыпу, торчалъ у стола въ качествѣ зрителя, и любилъ подавать мнѣніе въ случаѣ ссоры между картежниками; если съѣзжались истые охотники, онъ по цѣлымъ суткамъ пропадалъ въ отъѣзжемъ полѣ, но бывали времена, что Контропошкинъ два-три дня танцевалъ до упаду, и только не могъ воздержаться отъ какихъ-нибудь штукъ надъ тѣмъ или другимъ субъектомъ, которые повидимому рождены были служить предметомъ забавы для праздныхъ помѣщиковъ добраго стараго времени.

У Ивана Алексѣича съ юныхъ лѣтъ были двѣ преобладавшія равносильныя страсти, изъ которыхъ ни та, ни другая, по какой-то странной прихоти судьбы, не получили желаннаго исхода, хотя одна изъ нихъ погасла въ сердцѣ Контропошкина съ приближеніемъ почтеннаго возраста. Страсти эти были — гусарскій мундиръ и женитьба на красавицѣ; обѣ онъ не только непротиворѣчили, а напротивъ совпадали съ его характеромъ, но Ивану Алексѣичу по волѣ судебъ не пришлось ни носить на лихомъ конѣ въ ментикѣ и доломанѣ, ни стать подъ вѣнецъ съ идеальной красавицей. Сперва эти страсти были враждебны одна другой, такъ что если Контропошкинъ положимъ влюблялся и собирался жениться, ему вдругъ приспичивало поступить въ полкъ; онъ ѣхалъ опредѣляться въ гусары и раздумывалъ встрѣтить хорошенькую дѣвушку, за которой усердно принимался ухаживать. Нѣсколько разъ онъ почти опредѣлялся, нѣсколько разъ былъ почти сговоренъ, а все что-называется консувшии устами чаши наслажденія, невыпвалъ ее и оставался холостымъ недорослемъ изъ дворянъ для вящаго своего прискорбія и для соблазна сердобельныхъ матушекъ, у которыхъ находились на рукахъ перерѣзья невѣсты, разумѣется безъ приданаго. Въ тотъ вѣкъ патриархальности и хваленной простоты нравовъ едва ли больше чѣмъ теперъ, какъ почтеннѣйшіе родители, такъ и молодежь заботились о зашибаніи копѣйки посредствомъ восторженной любви и розовыхъ цѣпей супружества. Это можно, не погрѣшая противъ истины, примѣнить къ богатому и среднему класу помѣщиковъ, между которыми, несмотря на видимую простоту отношеній, искусство ловить жениховъ доведено

было до известной степени совершенства, и во многих домах, особенно на югѣ, существовали положительныя правила, одобрявшія искательство, или отымавшія надежду. Перечислять разныя надувательства и продѣлки для овладѣнія выгодной партией, значило бы повторять высказанное не въ одной повѣсти или романѣ; но нельзя не замѣтить, что не только описываемое поколѣніе, но и болѣе отдаленные предки наши при заключеніи браковъ руководствовались корыстными видами и самыя нѣжныя матери не задумывались торговать дочерьми, разумѣется прикрывая эту торговлю благовиднымъ предлогомъ желанія счастья, упроченія будущности и т. п. Влѣдствіе подобнаго общественнаго настроенія Иванъ Алексѣичъ Контропошкинъ былъ сущимъ кладомъ для невѣстъ какъ своего уѣзда, такъ и нѣсколькихъ сосѣднихъ, и читателю легко вывести заключеніе, какими глазами смотрѣли на него батюшки и матушки, у которыхъ оставались дочери не пристроенными. Но что удивительнѣе всего, Контропошкинъ былъ влюбчивъ до крайности, и несмотря на приближеніе весьма почтеннаго возраста, не утратилъ этой способности. Страсти этой нельзя назвать вообще падкостью къ прекрасному полу, столь свойственною многимъ даже изношеннымъ старцамъ, напротивъ это была любовь въ нѣкоторомъ родѣ идеальная, та форменная любовь описываемой эпохи, которая проповѣдовалась и въ романахъ, и въ дѣйствительности по крайней мѣрѣ при свидѣтеляхъ. При такомъ характерѣ, казалось бы, Ивану Алексѣичу слѣдовало бы жениться лѣтъ осьмнадцати отъ роду, тѣмъ болѣе, что отказа подобному жениху бояться было нечего, не говоря уже со стороны родителей, а и отъ самыхъ невѣстъ, которымъ кромѣ выгодной партіи предстоялъ и молодой мужъ красивой наружности. Но женитьба не давалась Контропошкину собственно по его примѣрному непостоянству, съ какимъ онъ измѣнялъ предмету самой пламенной и повидимому неугасимой страсти. Раза три или четыре его чуть не женили силою и только благодаря значительнымъ суммамъ онъ не вступалъ въ бракъ съ некрасивыми особами и удерживалъ свою свободу, которою однакоже тяготился, все мечтая принести ее въ жертву какой-нибудь значительной красавицѣ. Впослѣдствіи, когда Контропошкинъ прокутилъ молодость и поразтрясъ карманъ, если его и занскивали гдѣ-нибудь, то и родители и сами невѣсты, знавшія по преданіямъ всѣ его

похожденія, старались быть съ нимъ осторожниѣе и невѣриди въ какимъ его божбамъ и клятвамъ. Болѣе практическіе люди требовали съ него на гербовой бумагѣ условія вступить въ бракъ съ дочерью и назначали неустойку. Притомъ же у него не было ни малѣйшей твердости характера: довольно было кому-нибудь изъ пріятелей посмѣяться надъ его волокитствомъ, намѣкнуть хоть о вымышленномъ недостаткѣ у особы, которая ему нравилась, Контропошкинымъ тотчасъ овлаѣвало раскаянье, и онъ по его выраженію «поворачивалъ оглобли въ другую сторону», Гусарство сильно завлекало его въ свою очередь: даже послѣ двадцати-пяти лѣтъ онъ бредилъ конемъ-угоремъ, красивымъ ментикомъ, писаной ташкой и стоянкой въ Польшѣ — земномъ раѣ для волокитъ тогдашняго времени. Въ опредѣленіи въ полкъ ему неvezло и впоследствии Иванъ Алексѣичъ пришолъ къ убѣжденію, что его сглазилъ кто-нибудь по злобѣ или просто безъ всякой причины.

Года черезъ два послѣ смерти отца, пожуировавъ довольно на свободѣ и только-что раздѣлавшись съ одной невѣстой, Иванъ Алексѣичъ твердо рѣшился поступить въ гусары и поѣхалъ верстъ за двѣсти въ штабъ одного извѣстнаго полка, съ цѣлью поступить на службу. Путь его лежалъ чрезъ Кіевъ, въ которомъ какъ нарочно въ то самое время кипѣли въ полномъ разгарѣ знаменитые «контракты». Такъ называлась зимняя ярманка, извѣстная далеко по огромности своихъ оборотовъ и по необыкновенно шумной жизни для провинціаловъ, стекавшихся туда тысячами. Сѣзжались преимущественно польскіе и малорусскіе помѣщики, и военныхъ всегда бывало множество. Это былъ первый шумный сѣздъ, видѣнный Контропошкинымъ, и когда молодой человекъ очутился среди ярманочнаго гама, посмотрѣлъ на груды роскошныхъ товаровъ, а вечеромъ очутился на балѣ въ контрактномъ домѣ, онъ не могъ отдать себѣ отчета въ разнообразныхъ ощущеніяхъ, быстро въ немъ возникавшихъ и еще быстрѣе смѣнявшихся другъ друга. Тутъ же на балѣ онъ познакомился съ нѣсколькими гусарами, изъ которыхъ одинъ самый отчаянный обратилъ на себя особенное его вниманіе. Контропошкинъ тотчасъ же сообщилъ новому пріятелю о своемъ намѣреніи поступить въ военную службу, и лихой гусаръ тотчасъ же предложилъ вступить въ вѣхъ полкъ, обѣщая свести его послѣ контрактовъ. Послѣ ба-

да гусаръ посвятилъ юношу во всѣ тайны ярманочныхъ развлеченій, и на другой день между ними завязалась самая тѣсная дружба: молодые люди были неразлучны и въ постоянномъ кутежѣ, и въ легкомъ буйствѣ, и въ учиненіи небольшихъ скандаловъ, и въ безразсудномъ разбрасываніи денегъ, потому что и тотъ и другой имѣли порядочные запасы въ карманѣ. Но Котропошкинъ хотя и всецѣло отдался бурнымъ наслажденіямъ и успѣлъ влюбиться въ дочь какого-то пріѣзжаго пана, однако его мучила мысль, что онъ долженъ являться въ общество «рябчикомъ», «штафиркой». Ему хотѣлось на балахъ рисоваться хоть въ юнкерскомъ ментикѣ, гремѣть саблей, бранчать шпорами и вообще представлять изъ себя нѣчто высшее нежели недоросль изъ дворянъ: однимъ словомъ онъ желалъ поскорѣе погусарить и именно на контрактахъ предъ красивыми полками, которые въ то время, какъ и наши соотечественницы на челоуѣка въ кавалерійскомъ мундирѣ смотрѣли особенными глазами. Онъ рѣшился даже съѣздить въ полкъ, поскорѣе опредѣлиться, надѣть ментикъ и снова прилетѣть на контракты, чтобы хоть на послѣдяхъ блеснуть кавалерійской удаley, къ которой онъ чувствовалъ себя совершенно приготовленнымъ. Но мысль эта пришла ему въ голову тогда, какъ исполненіе ея представляло физическую невозможность. При видѣ неутѣшной горести Котропошкина, лихой гусаръ, изъ желанія оживить друга, предложилъ юношѣ безъ церемоніи облечься въ мундиръ ихъ полка, отпировать ярманку, и тогда уже ѣхать на службу, обѣщая уладить дѣло съ нѣсколькими своими офицерами, чтобы они смотрѣли сквозь пальцы на костюмъ будущаго товарища. Разуется Котропошкинъ тотчасъ же заказалъ себѣ юнкерскую форму и на другой день появился на балѣ красивымъ, разбитымъ юнкеромъ. Пошло какъ нельзя лучше, и балъ окончился бы для самозванца-гусара безъ особыхъ послѣдствій, еслибы Котропошкинъ, воспылавшій особеннымъ воинственнымъ жаромъ, не поссорился съ молодымъ полякомъ за даму своего сердца и не подрался съ нимъ въ самомъ разгарѣ мазурки. Будь онъ статскій, его вывели бы изъ собранія и дѣло съ концомъ, но скандалъ произведенъ юнкеромъ, а потому плацъ-адъютантъ доложилъ коменданту и завязалась исторія. Хотя офицеры и уладили дѣло съ полякомъ, однако отъ Котропошкина потребовали объясненія, и самозванство его открылось. Котропош-

кину предстояло дорого поплатиться за удовольствіе надѣть нѣсколько часовъ гусарскую форму, тѣмъ болѣе что въ Кіевѣ пріѣхалъ начальникъ гусарской дивизіи, который требовалъ примѣрнаго наказанія молодого человѣка. Въ Контропошкинѣ принялъ участіе губернаторъ, но не изъ сожалѣнія къ судьбѣ юноши, а просто по духу противорѣчія, и началъ дѣйствовать для смягченія генерала разными способами. Склонялся на просьбы одной дамы, начальникъ дивизіи подался и оставилъ дѣло безъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, но потребовалъ къ себѣ самозванца и распекъ его какъ подобало. Генералъ подконецъ рѣчи разгорячился и запретилъ Контропошкину не только подавать прошеніе въ какой бы то нибыло полкъ его дивизіи, но даже не смѣть появляться въ мѣстахъ расположенія войскъ, находившихся подъ его командой. Такимъ образомъ первая попытка вступить въ гусары, для Контропошкина окончилась едва не катастрофой, и онъ поѣхалъ домой въ грустномъ настроеніи духа, тѣмъ болѣе что не предвидѣлъ возможности опредѣлиться именно въ ту дивизію, въ которую ему хотѣлось. Отвѣдавъ однажды наслажденіе носиться на балѣ въ гусарскомъ мундирѣ, который по его мнѣнію, придавалъ ему красоты, шикъ и важности; онъ не могъ уже примириться съ мыслью, носить статское платье. Тамъ же въ Кіевѣ запасся онъ парой венгерокъ съ шолковыми снурками, накупилъ шпоръ и рѣшился до опредѣленія на службу ходить хоть полувоеннымъ. Онъ могъ бы поступить въ драгуны, которые квартировали верстахъ въ семидесяти отъ его имѣнія, но въ то время въ кавалеріи драгуны считались чѣмъ-то вродѣ пѣхоты, да и кромѣ того Контропошкинъ только и бредилъ ментикомъ и доломаномъ. Надо было выбрать другую гусарскую дивизію. Между тѣмъ онъ влюбился въ хорошенькую барыню, молодую жену старика-сосѣда, которая сама привязалась къ пылкому Контропошкину. Влюбленные сперва мечтали о скорой смерти старика и дали слово вступить въ супружество, но старикъ жилъ отлично, пользовался здоровьемъ и не подавалъ надежды на переселеніе въ лучшій міръ. Интрига была слишкомъ соблазнительна, и хоть Контропошкинъ волочилъ на сторонѣ — безъ этого ужъ онъ не могъ обойтись, — однако дотога привыкъ къ прекрасной сосѣдкѣ, что его бросало въ дрожь при одной мысли о разлукѣ. Связь однакоже прервалась неожиданно: Контропошкинъ, по страстной натурѣ своей и по врожденной страсти человѣка къ

разнообразію, увлекся одною собственною крестьянкою что дошло до свѣдѣнія ревнивой сосѣдки, и двухлѣтняя интрига разрушилась. Мечты о гусарствѣ снова вспыхнули въ головѣ Контропошкина, которыя онъ и началъ приводить въ исполненіе. Но уже въ это время у Контропошкина образовался тѣсный кружокъ пріятелей, изъ которыхъ нѣкоторые серьезно представляли молодому человѣку всю прелесть независимой деревенской жизни и всѣ невыгоды кочевого армейскаго быта, кромѣ котораго самая юнкерская служба въ нѣмыхъ полкахъ рисовалась въ довольно мрачномъ цвѣтѣ, особенно подъ начальствомъ строгихъ командировъ. Контропошкинъ долго прожилъ на свободѣ, началъ уже порядочно самодурствовать и порой склонялся на совѣты пріятелей записаться въ предводительскую канцелярію и жить въ полномъ удовольствіи жизнью независимаго барина, а все какъ припоминалъ три часа, проведенные на балѣ въ юнкерскомъ мундирѣ, его подмывала охота послужить въ гусарахъ. Когда его разобрано ненашутку облекъ поскорѣй въ доломанъ и ментикъ, онъ считался еще женихомъ одной хорошенькой дѣвушки, и любовь къ невѣстѣ боролась въ немъ съ желаніемъ гремѣть саблей и бряцать шпорами. Какъ нарочно на имляпихахъ у одного сосѣда Контропошкинъ напился до положенія ризъ въ компаніи помѣщиковъ и вслѣдствіе какой-то ссоры или недоразумѣнія далъ пощечину своему нареченному тестю. Тотъ вломился въ амбидію, и хоть Контропошкинъ былъ выгодный женихъ, хоть дочь чувствовала къ послѣднему расположеніе, оскорбленный родитель отказалъ Контропошкину отъ дому и подалъ жалобу.

Разжалованному жениху не оставалось другого утѣшенія, какъ опредѣлиться поскорѣе на службу, и онъ уѣхалъ искать какого-нибудь лихого гусарскаго полка, но непременно такого, чтобъ ментикъ или доломанъ были красные. Путь его снова лежалъ черезъ Кіевъ, столько ему памятный по контрактowymъ приключеніямъ. На послѣднемъ ночлегѣ къ этому городу съѣхался онъ съ однимъ забубенымъ уланскимъ корнетомъ, который въ качествѣ ремонтерскаго помощника рыскалъ рѣшительно безъ цѣли по всѣмъ губерніямъ россійской имперіи. Молодые люди разговорились; съ Контропошкинымъ былъ ромъ, они знатно выпили, и ремонтеръ началъ хвалить какъ общество своей дивизіи вообще, такъ и своего полка въ особенности. На заявле-

ніе же Контропошкина, что ему непременно хотѣлось быть гусаромъ, сказалъ, что гусарская и уланская совѣсть одна и таже, кутилы-мученики есть вездѣ, а относительно красоты формы — уланской отдавалъ предпочтеніе. Долго они спорили о преимуществѣ доломана и ментика передъ расписаннымъ уланскимъ колетомъ, у котораго выпушки не только на рукавахъ, но и на шинѣ, и если ремонтеръ соглашался, что положимъ гусарскій мундиръ наряднѣе, то требовалъ наконецъ и согласія Контропошкина въ томъ, что гусарскій киверъ смахивалъ на шѣхотный, а рогатая уланская шапка, надѣтая немного на бекрень, придавала челоуѣку вообще какую-то геройскую наружность. Контропошкинъ все-таки стоялъ за гусарскую форму. Тогда ремонтеръ кликнулъ деньщика, велѣлъ распаковать чемоданы, достать всѣ принадлежности и облекся въ полную парадную форму. Щегольски сшитый колетъ съ красными отворотами и цоуенькимъ серебрянымъ приборомъ, красная шапка съ блестящимъ гербомъ, новая лядунка, свѣжая португя и шарфъ съ блестками возымѣли свое дѣйствіе на Контропошкина. Онъ сразу согласился, что и уланскій костюмъ не лишонъ своей пріятности и попросилъ ремонтера позволить ему нарядиться въ его форму. Молодые люди не слишкомъ разошлись ни возрастомъ ни объемомъ, и потому ремонтерскій мундиръ и всѣ доспѣхи почти пришлись въ пору Контропошкину, который какъ взглянулъ на себя въ зеркало, просто ахнулъ отъ восхищенія. Онъ показался себѣ такимъ красивцемъ, что мысль о гусарствѣ тотчасъ же оставила его вѣтряную голову. Въ тотъ же вечеръ было рѣшено, поужировать недѣльку въ Кіевѣ, ѣхать въ штабъ уланскаго полка, въ который ремонтеръ взялся отвезти его самъ и опредѣлить въ три дня и общалъ представить на смотръ начальству. Восторгъ Контропошкина не имѣлъ границъ, когда ремонтеръ объявилъ ему, что уланскіе юнкера носятъ эполеты и упомянулъ объ обычаѣ дѣлать юнкерскіе эполеты больше форменныхъ, и потому въ особенности издали, походили на офицерскіе. Въ Кіевѣ новые пріатели кутнули порядкомъ, и хоть Контропошкину страшно хотѣлось надѣть юнкерскій мундиръ, однако помня еще живо катастрофу, онъ этого не сдѣлалъ, а только заказалъ рѣшительно всю форму, по указанію ремонтера. Выѣхавъ однакоже изъ Кіева, онъ раза два въ дорогѣ облекался въ юнкерскій ко-

стюмъ , прищипляя офицерскую саблю и на одной станціи побилъ пясаря за какое-то двусмысленное , по его мнѣнію , выраженіе. Удалство это впрочемъ стоило ему недорого. Полкъ , въ который съ такимъ жаромъ стремился вступить Контропошкинъ , стоялъ въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ , куда путешественники и прибыли около полудня. Дорогою ремонтеръ рассказывалъ своему спутнику о прелестяхъ юнкерской службы и увѣрялъ , что во всей дивизіи необходимы такъ , какъ у нихъ съ юнкерами , которые дѣлали что хотѣли и не только съ субалтернъ-офицерами , но и съ эскадронными командирами жили товарищески. Проѣзжая мимо манежа , они увидѣли однакоже зрѣлище , которое произвело на Контропошкина глубокое впечатлѣніе. У воротъ сидѣлъ юнкеръ и горько плакалъ. Ремонтеръ остановился , соскочилъ изъ экипажа , спутникъ его сдѣлалъ тоже и они подошли къ плакавшему. Оказалось , что начальникъ юнкерской команды ротмистръ Киргизцевъ за какую-то неисправность велѣлъ привѣсить юнкеру на шею торбу съ овсомъ и посадить наказаннаго у воротъ манежа на виду , какъ для вящаго огорченія виновнаго , такъ и для устрашенія его товарищей... Контропошкина это обезкуражило до такой степени , что онъ растерялся , а когда онъ узналъ , что юнкера собраны были въ штабъ и Киргизцевъ обращался съ ними хуже нежели съ солдатами , сажалъ ихъ верхомъ на коновязь , поминутно ставилъ на часы , распекалъ не стѣсняясь выраженіями и не пускалъ никуда за черту города , Контропошкину снова представилось превосходство гусарской формы , и онъ , несмотря на слово , данное пріятелю своему ремонтеру , ночью потихоньку выѣхалъ изъ штаба полка и прежде чѣмъ опредѣлиться въ гусары , рѣшился еще завернуть домой мѣсяца на два , на три. Но тутъ уже онъ встрѣтилъ камень преткновенія , который окончательно помѣшалъ ему вступить въ военную службу. По дорогѣ , въ одномъ изъ городковъ своей губерніи остановился онъ взглянуть на ярманку , гдѣ встрѣтилъ не только знакомыхъ , но и человѣка три пріятелей. Единственнымъ развлеченіемъ , кромѣ кукольной комедіи , была бродячая труна волтжоровъ. Въ этомъ циркѣ отличалась красотой и граціей шестнадцатилѣтняя Тереза , дочь хозяина , которая успѣла свести съ ума какъ холостыхъ , такъ и жеватыхъ помѣщиковъ. По убѣжденію ли , изъ желанія ли , что-

бы обожатели дѣлали болѣе выгодныя предложенія , Тереза не оказывала никому особенной благосклонности , а любезничала со всѣми и принимала подарки. Съ перваго же момента какъ увидѣла красивую наѣздницу , Контропошкинъ далъ себѣ слово побѣдить ея холодность , и похвалился передъ товарищами не только заслужить ея взаимность , но и увести ее въ свою деревню. Во время антрактовъ въ числѣ прочихъ аматеровъ и Контропошкинъ отправился за перегородку. Тамъ пѣнилось шампанское , еще больше пѣнились пламенные выраженія страсти , осыпавшія со всѣхъ сторонъ молоденькую Терезу. Первый приступъ Контропошкина не увѣнчался особеннымъ успѣхомъ , однако Тереза остановила на немъ внимательно свои большіе черные глаза. Послѣ представленія Контропошкинъ пригласилъ къ себѣ всю труппу , выдавъ за это хозяину порядочную сумму , и у него до утра происходила порядочная оргія , гдѣ наѣздницы , наѣздники и даже клоунъ пировали въ кругу помѣщиковъ. Контропошкинъ явно и пристально ухаживалъ за Терезой. На другой день въ циркѣ не было красивой наѣздницы и разумѣется въ числѣ зрителей не видѣли Контропошкина , который , похитивъ Терезу , умчалъ ее въ свою Разводку и сдержалъ слово , данное пріятелямъ. Хозяинъ цирка пришелъ въ отчаяніе , но какъ всѣмъ было извѣстно куда скрылась Тереза , то и отыскивать ее было незатруднительно , а потому отецъ , неимѣя возможности продолжать безъ Терезы представленій , со всей труппой отправился прямо въ Разводку требовать своей дочери. Контропошкина это нимало не смутило ; онъ даже хотѣлъ было прогнать въ три шеи незваныхъ гостей , но случившійся тутъ сосѣдъ-юристъ разъяснилъ ему , что дѣло можетъ окончиться весьма нехорошо , если пойдетъ формальнымъ порядкомъ . Завязались переговоры , и за три тысячи рублей оскорбленный отецъ рѣшился оставить Терезу у Контропошкина , выкупивъ еще пару лошадей изъ конюшни молодого безобразника. Вскорѣ наѣздница приобрѣла такую власть надъ своимъ обожателемъ , что покупая ей дорогіе подарки , Контропошкинъ , казалось , потерялъ всякую самостоятельность и не имѣлъ своей воли. Подобное ненормальное состояніе продолжалось для него около году , втеченіе котораго онъ почти измѣнился. Тереза повидимому любила его , и Контропошкинъ довольствовался этою любовью , изрѣдка уже бредмль

гусарствомъ и совершенно позабылъ о женитьбѣ. Подобная жизнь ему нравилась, и онъ признавался своимъ пріятелямъ, что никогда еще не встрѣчалъ женщины, которая могла бы сравниться съ Терезой. Но оказалось, что Тереза рѣшаясь на побѣгъ съ Контропошкинымъ, дала слово одному своему товарищу по цырку выйти замужъ за него, но не иначе какъ разбогатѣвъ на счетъ молодого помѣщика. Она успѣла добыть у Контропошкина порядочную сумму, и въ то время какъ счастливый Иванъ Алексѣичъ отправился на именины къ сосѣду, Тереза, забравъ свои драгоценности, скрылась неизвѣстно куда, оставивъ записку весьма неопредѣленнаго содержанія. Вскипѣлъ Контропошкинъ и хотъ онъ чувствовалъ за собою грѣшокъ по случаю одного легкаго волокитства на именинахъ, однако бѣгство Терезы взволновало его до пробужденія самыхъ звѣрскихъ инстинктовъ. Тотчасъ же онъ снарядилъ погоню въ разныя мѣста, а самъ поскакалъ по направленію къ пограничной переправѣ черезъ большую рѣку, куда по его мнѣнію, должна была преимущественно устремиться бѣглянка. На несчастье Контропошкинъ настигъ Терезу, загнавъ свою лучшую тройку. Не описываемъ возмутительной сцены, но скажемъ, что дѣвушку едва живую отняли у Контропошкина крестьяне, случившіеся на постояломъ дворѣ. Разумѣется завязалось формальное дѣло, и хотъ въ прежнія времена подобные факты покрывались зачастую, однако случились обстоятельства, которыхъ нельзя было поспѣшно привести къ благополучному окончанію. Расправа съ Терезой стоила Контропошкину нѣсколько десятковъ тысячъ и двухлѣтняго пребыванія въ уѣздномъ городѣ, изъ котораго онъ не смѣлъ отлучиться. Между тѣмъ Ивану Алексѣвичу исполнилось уже двадцать четыре года и ему было неловко, казалось даже страннымъ поступить въ полкъ юнкеромъ, бросить привольную жизнь для тяжелыхъ лишеній и подчиниться строгой дисциплинѣ. Но за то Контропошкинъ далъ себѣ честное слово не поступать ни въ какую канцелярію и лучше весь вѣкъ считаться недорослемъ изъ дворянъ, нежели, какъ онъ говорилъ «окунуться въ чернильницу.» И вотъ еще года черезъ два Контропошкинъ совершенно отказался отъ гусарства, хотъ съ восторгомъ рассказывалъ свои юнкерскія похождения, которые разрастались у него съ каждымъ годомъ, такъ что для непосвященныхъ, военная служба его могла не

подлежать сомнѣнію. Особенно любилъ онъ рассказывать разговоръ свой съ начальникомъ дивизіи, окончивъ который, онъ обыкновенно прибавлялъ, махнувъ рукою:

— Теперешніе юнкера и въ подметки не годятся противъ нашенскихъ.

Изъ этого очерка читателю легко убѣдиться, что характеръ Контропошкина имѣлъ много общаго съ характеромъ Усольцова, и потому оба эти «теплые ребята» сошлись и довольно скоро и довольно тѣсно. Въ одномъ только несходились они — это въ понятіяхъ о женщинѣ. Усольцовъ смотрѣлъ на нее чисто съ турецкой точки зрѣнія и не упускалъ случая безъ всякихъ вѣжностей достигать своей цѣли. Успѣхъ доставлялъ ему удовольствіе, неуспѣхъ не огорчалъ нимало, и Демьянъ Павлычъ имѣлъ обыкновеніе говорить при подобныхъ обстоятельствахъ:

— Ну и чортъ съ нею! А все-таки бей сороку и ворону, авось попадешь на яснаго сокола.

Контропошкинъ дѣйствовалъ совершенно иначе. Разумѣется онъ не пропускалъ хорошенькихъ и въ низшемъ сословіи, но ухаживалъ прилежно за барынями и барышнями, потому что для него сдѣлалось необходимымъ быть влюблену, хоть для того, чтобъ похвастать въ кругу пріятелей своими побѣдами. Онъ и влюблялся дѣйствительно, все еще горя желаніемъ жениться на молоденькой красавицѣ, но съ тѣхъ поръ какъ завязалась у нихъ тѣсная дружба съ Усольцовымъ, ему уже было невозможно привести въ исполненіе свою завѣтную мечту о женитьбѣ. Демьянъ Павлычъ рѣшилъ положительно, что супружество вредно Контропошкину, что другъ его изъ теплаго, лихого наляго сдѣлается вюней, попадетъ непременно подъ башмакъ жены и совершенно утратитъ характеръ веселаго, беззаботнаго кутяны. У нихъ происходили объ этомъ частые споры, и когда Усольцовъ убѣдился, что никакіе совѣты, никакія дружескія внушенія не оказывали вліянія на матримоніальныя наклонности Контропошкина, онъ перемѣнилъ систему насмѣшекъ и нападокъ и рѣшился дѣйствовать втихомолку. Каждую новую сердечную страсть своего друга Усольцовъ принималъ подъ свою опеку, и если замѣшана была барыня, онъ покровительствовалъ Контропошкину, если же дѣвица, то разными негласными ву-

тими старался помѣшать сватовству, хотя бы послѣ этого слѣдовала и небольшая размолвка съ влюбленнымъ пріятелемъ. Между тѣмъ Контропошкинъ до такой степени привязался къ ротмистру, что незадумавшись приносилъ ему въ жертву инныя свои привязанности, не догадываясь впрочемъ, что неуспѣхомъ обзавъ былъ услужливости своего закадычнаго друга. Усольцовъ въ свою очередь до самопожертвованія, лишь бы по его мнѣнію спасти Контропошкина отъ угрожавшей опасности. Такъ въ послѣднее время, когда Контропошкинъ началъ ухаживать за одной молоденькой дѣвушкой, которую родители мимо ея воли охотно отдали бы за богатаго холостяка, — когда успѣшное сватовство пошло уже въ ходъ, Усольцовъ рѣшился на довольно энергическую мѣру. Въ ту пору въ числѣ комедіантокъ у него жила хорошенькая полька, умѣвшая около полугода держать въ рукахъ сердце вѣтрянаго ротмистра. Контропошкину она всегда нравилась, но по условію съ другомъ онъ не долженъ былъ напѣвать нѣжностей черноглазой Розаліи, хотя втихомолку и пробовалъ нарушать обѣщаніе, перемигиваясь, впрочемъ безъ особаго успѣха съ красавицей. Можетъ-быть онъ и побѣдилъ бы непреклонную, но впервыхъ самъ Усольцовъ не спускалъ съ нее глазъ, вовторыхъ вродіа комедіантки, сердитыя на Розалію за предпочтеніе, пересказали бы ротмистру малѣйшее съ ея стороны уклоненіе отъ своей обязанности. Видя однакоже серьезное сватовство Контропошкина, Усольцовъ началъ убѣждать друга не дѣлать окончательней, по его понятію, глупости, не губить молодецкой волюшки, и когда пріятели осушили большое количество бокаловъ, ротмистръ взявъ Розалію за руку, подвелъ ее къ тому, кто за полчаса восторгался красотой своей невѣсты.

— Знаешь что, Ваня! сказалъ онъ: — мнѣ такъ жаль тебя, такъ не хочется видѣть тебя заживо схороненнымъ, что если дашь мнѣ слово покинуть нелѣпое сватовство, я уступлю тебѣ Розалію.

Раскрасившаяся дѣвушка улыбалась, сидя въ легкомъ костюмѣ в граціозной позѣ.

Глаза Контропошкина засверкали.

— Демьянъ! Ты не шутишь?

— Говорю безъ всякихъ шутокъ.

— Другъ!

И Контропошкинъ вскочилъ съ мѣста.

— Вотъ вижу, что настоящій другъ! продолжалъ онъ.

— То-то видишь, и небось только въ первый разъ. Гей! педать венгерскаго!

Розалія очутилась на колѣняхъ у Контропошкина и понято, что въ тотъ же вечеръ дано было слово прекратить всякія стремленія къ сватовству на сосѣдкѣ.

— Къ черту женитьбу! воскликнулъ Контропошкинъ: — то-ли-дѣло своя волюшка!

— Дурень ты, Ваня! Вѣдь самъ очень хорошо понимаешь въ какой бросался омутъ, а нѣтъ ни на-волось характера.

— У меня нѣтъ характера? Хочешь я невѣстѣ своей наплюю въ рожу, хочешь?

— Ужь и наплюешь!

— Подлецъ я буду, анафема, если не сдѣлаю! говорилъ расходившійся Контропошкинъ: — мнѣ нипочемъ. Когда я былъ гусарскимъ юнкеромъ...

— Ты, братъ, мнѣ не городи этой околесицы, а будь порядочнымъ человѣкомъ. Чего теперь тебѣ, рожна чтоли? Да есть ли во всемъ уѣздѣ такая красавица вакъ Розалія!

— О, это золото, говорилъ Контропошкинъ, лаская дѣвушку: — и я, свинья, хотѣлъ жениться на какой-то картофели!

И точно, Розалія долго удерживала Контропошкина отъ всякихъ помышленій о женитьбѣ, и хоть недоросль изъ дворянъ увлекался на балахъ хорошенькими дѣвушками, однако не доходилъ до такой степени, чтобы предлагать руку и сердце.

Контропошкинъ жилъ довольно далеко отъ Усольцова и когда у послѣдняго завязалась съ Бобовихинымъ извѣстная переписка, ротмистръ послалъ нарочнаго къ своему другу съ просьбой пріѣхать немедленно по весьма важному, экстренному дѣлу. Недоросль изъ дворянъ, какъ и ожидать слѣдовало, обѣщавъ явиться, давъ слово напередъ помогать закадычному другу и защищать его до послѣдней капли крови. Контропошкину уже представлялась катастрофа и онъ горѣлъ желаніемъ принять горячее участіе въ какомъ-нибудь вопіющемъ скандалѣ. Желаніе это было такъ велико, что Контропошкинъ явился къ Усоль-

пову ровно въ полночь, когда ротмистръ давно уже покоился послѣ утомительной и удачной охоты. Но прїѣздъ Контропошкина подвигалъ весь домъ на ноги, потому что недоросль изъ дворянъ ѣздилъ съ двумя, а иногда и съ тремя колокольчиками и приближаясь къ дому прїятеля, велѣлъ обыкновенно двумъ лакеямъ трубить тревогу, а самъ дѣлалъ нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ, приговаривая:

— У насъ такъ погусарски!

Черезъ нѣсколько минутъ гаремъ освѣтился; заспанные одалиски поспѣшно привели свой туалетъ въ порядокъ; большой самоваръ кипѣлъ на столѣ, и Усольцовъ въ богатомъ халатѣ вышелъ навстрѣчу своему другу.

— Я зналъ, Ваня, что ты прїѣдешь, сказалъ онъ.

— Да за кого же ты меня принимаешь, Демьянъ; что я потвоему, штафиръ какой, или мокрая курица? Другъ пишетъ «прїѣзжай!» и Контропошкинъ дуется во всю ивановскую. Говори, приказывай!

— Тутъ приказывать нечего. Пей чай прежде, а тамъ потолкуемъ.

— Да чтоже, Демьянъ! нужно ли кого отпороть или выкинуть замысловатую штуkenцію.

— Все, братъ, съ этимъ Бобовихиннымъ.

— А! Ну, дѣло. Я готовъ — ты меня знаешь: вѣдь у насъ погусарски.

Усольцовъ въ короткихъ словахъ передалъ послѣднія происшествія съ генераломъ и прочелъ Контропошкину всю переписку.

— Эхъ, Демьянъ, какая изъ тебя приказная строка вышла. И ты самъ сочинялъ всю эту сволочь.

— Ей-богу самъ! Чтожъ — надо какъ-нибудь отписываться.

— Молодецъ! Хвалю, задалъ загвоздку. Ха, ха, ха! Теперь же что?

— Въ томъ и штука, что надо придумать небывальщину.

— Давай, Демьянъ, придумаемъ. Я готовъ хоть ночь неоспать. Нельзя ли подвести комедію.

— Да какую же, Ваня? разумѣется комедію не мѣшаетъ.

— Знаешь, что мнѣ пришло въ голову : нанастъ на него гдѣ-нибудь на охотѣ и потравить какъ русака. А ? Каково ?

— Чортъ знаетъ, что за штуки, — вопервыхъ глупе, восторыхъ Бобовихинъ никогда не ѣдитъ на охоту,

— Жаль, а я вотъ какъ атукнулъ бы, Демьянъ, т. е. мое почтеніе.

— Ты если и выдумаешь, Ваня, то какую-нибудь глупость : съ тебя какъ съ козла — ни шерсти, ни шолока.

— Шалишь, Демьянъ ! Я не такія дѣла обдѣлывалъ, я, братъ, и передъ начальникомъ дивизіи перобѣлъ.

— Ахъ, Ваня, охота тебѣ со мною бобы разводить.

— Ну, такъ знаешь ли, гдѣ-нибудь на мянинахъ.

— Пошолъ свое городить ! Нѣтъ, ужъ видно мнѣ самому придется придумать, а ты только помоги, да не выдай.

— Кто ? Я ? Да мнѣ наплевать, если и самъ чортъ повернется. Не таковъ Контропошкинъ, чтобъ выдать товарища.

— Въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь. А каковы рапорты, Ваня, а ?

— Что и говорить — ты, братъ Демьянъ, собаку съѣлъ. Ну, а какже насчетъ Бобовихина ?

— Ужъ ты молчи и не мѣшай — къ завтраму что-нибудь да придумаю.

— Значить сегодня мы какъ же ?

— Шарахнемъ чтоли !

— Да ты хочешь пить ?

— Я неслишкомъ. А ты ?

— И я нельзя-сказать, чтобъ слишкомъ.

— Ну, и ладно. А впрочемъ, Ваня, по хересамъ пройти можно.

— Я непрочъ.

— Нѣтъ ужъ — хересъ не ночное дѣло, — лучше вдовушку кливо.

— И гораздо лучше. Только, братъ Демьянъ, ты меня знаешь — не могу...

— Иначе какъ въ бокалахъ ?

— Это само собою. Нѣтъ, братъ, если ужъ пить шампанское, душа требуетъ того — какъ-бишь его ? Этакъ, знаешь, разби-

расть тебя... Музыка нужна, дѣвки пусть пляшутъ, все чтобы вокругъ тебя водухомъ ходило...

— Ха-ха-ха! Да за кого же ты меня принимаешь? Гей, Игнашка!

Игнашка явился.

— Жги! подать сюда балалаешника и торбяниста! А вы, все красавицы, живо въ лучшія платья!

— Э, Демьянь, да у тебя уже на мѣсто Розалин новенькая.

— А ты какъ думалъ.

— Подлецъ ты, братъ, какъ я тебя вижу: вѣдь это почище будетъ Розальки.

— Небось хочешь подмазаться? Дудки!

— Полно! полно! Ну, вели убирать со стола эту скучную чаевину, да поскорѣй бы музыку и пѣсни. Миѣ что-то спать не хочется.

— Жаль, что нѣтъ никого изъ шутовъ гороховыхъ.

— И въ самомъ дѣлѣ! Ахъ какая досада. Да вѣдь мы долго будемъ веселиться сегодня?

— Надѣюсь, что иначе не стоило бобовъ разводить.

— Такъ сдѣлай дружбу, пошли за тѣмъ, который живетъ поближе.

— Игнашка! Отправить поскорѣе бѣговья дрожки за Куропаткой и велѣть ему чтобы ѣхалъ немедленно. Пошли кого-нибудь порасторопнѣе. Или лучше — жги самъ и тащя его безъ церемоній.

Куропатка былъ пьянчужка — владѣлецъ пяти или шести хатъ, хуторокъ котораго стоялъ недалеко отъ Комарова. Пьянчужка этотъ, отецъ многочисленнаго семейства, пробавлялся преимущественно подачками богатыхъ сосѣдей, особенно съ тѣхъ поръ какъ принялся за ремесло шута и исполнялъ его со всѣмъ усердіемъ, а главное съ безответственностью предъ людьми достаточными. Это впрочемъ былъ типъ жалкаго шута, котораго не весьма любилъ Усольцовъ, а если и посылалъ за нимъ, то единственно изъ желанія доставить удовольствіе Контропошкину. Съ Куропаткой Усольцовъ и не выдѣлывалъ даже ухорскихъ штукъ, потому что Куропатка никогда не огрызался, исполнялъ всякое приказаніе, безропотно пилъ и ѣлъ порою возмутительную мерзость, одѣвался во что угодно, а въ случаѣ какого-

нибудь насилія принимался плакать. Такихъ шутовъ терять не могъ Усольцовъ и не гналъ его со двора на томъ основаніи, что онъ, какъ мы сказали, нравился Контропошкину и подчасъ доставлялъ развлеченіе гаремнымъ затворницамъ.

Куропатка пріѣхалъ въ то время, когда оба пріятеля перядочно натянулись, и Контропошкинъ принялъ на себя роль распорядителя различныхъ дивертисментовъ. Разумѣется всѣ проекты о штукавтеріяхъ Бобовихину были забыты, и во Флигелѣ до разсвѣта раздавались пѣсни, музыка, топотъ пляски, смѣхъ, дикія восклицанія, свистъ, плачь Куропатки и вой собакъ, которыя, какъ извѣстно, иной разъ не могутъ переносить музыку и громко протестуютъ противъ какой угодно мелодіи.

А. ЧУЖВИНСКІЙ

РАСКАЗЫ ДВОРОВАГО

I

ПРИЖИВАЛКА

«Нѣтъ, что ужь за житье теперь?! не чета прежнему, и ровнять не приходится... Истинно, что люди-человѣки перерождаются, стали! Баре какіе-то все модные сдѣлались; хозяйство плохо, въ имѣньяхъ не живутъ, а все въ Питеръ или Москву наравятъ: вишь тамъ общество, говорятъ, лучше... А извѣсно ужь, какое тамъ общество: атрисы, да ахтерки, да нѣмцы, — а болѣ и нѣтъ никого... Эка важность ахтерки! и у нашего покойнаго Никиты Иваныча во-двались такія; даромъ что въ деревнѣ, а не въ Питерѣ жилъ! А по моему что Питеръ, али Москва — все тѣ же города, какъ и нашъ, напримѣръ, Нырковъ: ну, какимъ, скажешь, отличьемъ берутъ?.. такъ, феферъ одинъ, шушера!..

«Я хоть тамъ и не бывалъ, да знаю; на то человѣкъ и созданъ, чтобъ все произойти... Вотъ что, судырь ты мой!

«Примѣрно взять покойнаго Никиту Иваныча, баринова отца, — вотъ такъ человѣкъ былъ! не чета сыну... э тотъ что? форсомъ и беретъ только, а важнаго такого ничего и нѣтъ въ немъ... То ли дѣло, папенька! тотъ былъ видный такой, здоровенный: настоящій баринъ! и бывало чего захочетъ, сейчасъ чтобъ и было; и дѣлали дѣло, не хуже васъ, теперешнихъ-то!..

«А ужь значитъ угостить кого, — такъ на этомъ они собаку съѣсть изволили, Никита-то Иванычъ; однихъ нахлѣбниковъ, да приживалокъ съ десятокъ было, поболѣ. Ну, и значитъ жили, да

еще какъ! пустяками не обижались никогда. — А баринъ покойный, царство ему небесное, крутенокъ таки былъ, нече сказать... Ну, да чтожь? хоть и такъ, да хорошо было.

«Коли что не по ндраву имъ придется, такъ призовутъ виноватаго, да изъ собственной ручки и поколотятъ маненько; а все жили! — да оно, тово, и пріятность, значить, свою имѣть: потому, самъ вѣдь, своеручно...

«Была у насъ, къ слову сказать, приживалка, нѣкая Авдотья Міроновна; еще баринъ Авдотькой все звали... Пришла она къ намъ осенью; «съ Кіева», говорила; погостить хотѣла, да такъ и осталась, благо что баринъ добрый былъ...

«Ну, эфта самая Авдотька, презлющая была какая, упаси Боже; разъ даже котенку любимому ногу сломала... право, вотъ те Христось, не лгу!

«И эфтая Авдотька вздумала поперечить разъ барину, Никитѣ-то Иванычу, самому, слышь: «вы-сь, говоритъ, не такъ тутъ поступили, не по христіанскому обычаю; вамъ не такъ слѣдъ дѣлать!..» Не помню, что у нихъ за дѣло такое вышло... да, бишь... нѣтъ, запаматовалъ. — Ну, баринъ значить промолчалъ, слова не промолвилъ, а было это за обѣдомъ; они какъ покончили кушать, къ себѣ и изволили уйти...

«Только, значить, съ часъ эдакъ времени прошло, слыну : зоветъ! меня самово зоветъ... Я пошолъ; прихожу: они это на кровати изволятъ лежать, ножки задрали кверху, а ручкой волосики перебирають... я ничего: стою.

«— Ты, спрашиваютъ, Кондрашка?

«— Я-сь!..

«— А! ну, и хорошо; позови-ка ко мнѣ Прошку!

«Я изъ спальни вышелъ тихохонько, потому: вижу, собой не довольны... Побѣгъ я къ Прохору, во флигели; а тотъ въ кучерахъ жилъ у насъ, и оченно баринъ его любили: бывало, безъ него, ни на версту не выйдутъ...

«Пришолъ и говорю: «вставайте, Прохоръ Потопычъ, баринъ къ себѣ зовутъ; немедленно, молъ, нужно!..»

«Онъ въ затылкѣ почесалъ; «сейчасъ», говоритъ; слѣзъ съ печи, одѣлся, и пошли мы съ нимъ.

«Приходимъ. А Никита Иванычъ все въ томъ же приложеніи лежать... Мы молчимъ.

«— Пришли? говоритъ, и грозно таково.

«— Пришли-съ!

«— Ну, ладно! иди же ты Кондрашка къ Авдотькѣ, и узнай : дома ли она?

«Само собой я пошолъ. А Прохору наказалъ онъ воды холодной и горячей приготовить, да розокъ поболѣ. И велѣлъ ему всю эту провизію сволочить въ баню...

«Баня то у насъ была новая, просторная! у ключа была поставлена, въ лѣску. — Я значить сходилъ къ Авдотьѣ Мироновѣ, и великатнымъ манеромъ узналъ, что дома; да и уйти то ей некуда было, а все узнать лучше: на вѣрняка чтобы...

«Сходилъ я, и прихожу къ ему опять, значить.

«А онъ сердито таково по комнатѣ ходить изволить, и ножками потопываетъ... Я молчокъ.

«Увидалъ онъ меня и спрашиваетъ :

«— Ну что, узналъ?

«— Узналъ, говорю, батюшка : дома.

«Ааа!» закричалъ, и ручками радостно такъ по окну забарабанилъ.

«— Ну, говоритъ, возьми ты скамью изъ застойной, и въ баню носи не медля; да чтобъ никто не видалъ!.. А потомъ ко мнѣ придешь, на верхъ...

«Я скамелку стащилъ живо, да и прихожу на верѣхъ, во флигели, значить. А Прохоръ Потапычъ ужъ тамъ. Какъ увидалъ меня баринъ, подскочилъ сейчасъ, да чуть было и не въ зубы: «зачѣмъ долго мѣшкался?» спрашиваетъ. — А чево долго? въ минуту сдѣлалъ. Ну, да Богъ съ нимъ!..

«— Идите вы, говоритъ, къ ней, къ Авдотькѣ и въ баню ее, да живо! слышали?

«— Слышали-съ! говоримъ и пошли; а онъ за нами въ баню пойти наволѣлъ...

«Только, приходимъ это мы къ ней, а она, голубушка, чулокъ вяжетъ и котъ околѣ ея, — ногу то которому свередила...

«— Такъ и такъ, говоримъ, баринъ пригнать васъ велѣли...

«А она хоть бы словечко пикнула, — обомѣла только и сидеть.

«Видно догадалась, что онъ затѣялъ сдѣлать.

«Мы опять говоримъ, что итти надо. — А она все сидитъ, словно

камень какой, прости Господи! — Ну, Прохоръ Потапычъ, шутиливо таково, взялъ ее подъ ручку и на руки потомъ.

«— Поддерживай! кричить. — Я тово, подошолъ и тоже подсобляю нести ее...

«Дошли мы до бани, слышимъ : свистить ! А ужъ коли свистать началъ, не въ терпѣжъ значить стало...

«Вотъ, какъ принесли мы её, Авдотьку-то, онъ и кричить :

«— А ! здравствуйте, сударыня ! какъ здоровы ?..

«А она, сердечная, все молчить. Да ужъ тогда, какъ велѣлъ онъ ее раздѣвать, такъ какъ всплачется ! и-и-и !

«А онъ : ничего, говорить, — что вы это ? еще ничего вамъ не сдѣлали.

«И ужъ жутко же ей пришлось въ тую пору ! ухъ, какъ !..

«Вотъ какъ было дѣло : какъ раздѣли мы ее (въ рубашкѣ одной оставили), она и скажи барину :

«— Что это вы, Никита Иванычъ, изволите дѣлать ? Я не простая какая-нибудь говорить, и забижать меня вамъ не слѣдъ !.. Не хотите, говорить, держать, такъ уйду, — а потѣшаться собой не позволю !..

«Право, такъ прямо и говорить. — Ну, а баринъ-то какъ заголосить, просто левъ какой, что ли !

«— А слова-то свои за объдомъ позабыла, поганица ?! не простая, а ?

«Авдотья Мироновна ему ни слова... молчить. Онъ ждалъ—пождалъ, да видить, что молчить, и приказалъ намъ :

«— Положите ее, говорить, на скамью ; да привязать покрѣпче, чтобъ не соскочила ! а потомъ и жарь ее въ мою голову !..

«Мы все, какъ слѣдуетъ, сполнили : разложили ее, матушку, и веревочкой, не само крѣпко, привязали...

«А Никита Иванычъ, какъ увидѣли, что готово, и говорятъ :

«— Валяй !.. да пошибче !

«Ужъ мы драли ее, драли, — ажно потъ прошибъ ! Что же дѣлать ? велѣно ..

«Мы деремъ, она вопить, а онъ кругомъ похаживаетъ, да покрививаетъ :

«— Лихо ! говорить, — важно, молодцы !.. Что, будешь мнѣ ндравоученья давать, а ? спрашиваетъ у Авдотьи Мироновны.

« — Во вѣки вѣковъ не буду! закричала, и дѣтямъ, и внукамъ закажу! Ой, ой, ой! больно, смерть моя!

« Вѣрно ужъ жарко пришлось, или показать хотѣла, что барской гнѣвъ и наказанье поощааетъ, — не знаю.

« А относительно дѣтей, что кричала, такъ это она солгать изволила... право, такъ! у нея и впоминѣ дѣтей никакихъ не бывало. . истинно! « Ну, тутъ мы ее и отпустили. »

« — Довольно, закричалъ, — кинуть!..

« А самъ изъ бани вонъ, и домой отправился; въ рукахъ тросточка.

« Мы Авдотьку отвязали, и одѣться ей помогли, — не могла сама: разуважили! А впрочемъ... дворянка, вѣдь и то правда!

« Какъ мы понесли ее домой, она ни въ что какъ, пыталась отругивать насъ :

« — Изверги! говорить, -- орудія злобы демонской! и мало ли, чего ни говорила... Глупы вѣдь эти бабы, прости Господи!

« А у флигелей людскихъ дворовые собрались.

« Мироновну, кричать, несутъ! сѣкли ее!..

« (Всѣ у насъ дворовые Мироновной звали; а ужъ это если въ праздникъ, или въ другой разъ когда, такъ поименно и отечественно назовутъ...)

« Ну, снесли мы ее, значить, уложили; и дверку въ ея спаленку приперли...

« А въ домѣ, слышь, всѣ ходятъ носы повѣся; такъ они этому сѣченью спужались! Особливо еѣ братья-приживалки: такъ тѣ всѣ по своимъ каморкамъ позаперлись. Точно отъ непріятеля осажденіе получили! хи, хи, хи!

« Только братецъ ты мой, баринъ, Никита Иванычъ, какъ всталъ на утро, и спрашиваетъ у меня (а я имъ сапожки чистилъ, да привесъ) :

« А что, говорить, Авдотька жива? — и самъ веселый такой.

« — Жива-съ! говорю, — и усмѣхнулся таки маленько...

« Подождаль это онъ; да не подолгомъ времени и говорить :

« — Хорошо, говорить, вели же позвать ее послѣ чаю, — а теперь мыться!

« Я мыться подалъ ему, и онъ тутъ еще кой-что со мной поговорилъ, весело таково...

« Она какъ пришла, Никита Иванычъ успокоивать ее начали :

«— Ну, что жъ? говорить (я все за дверью слышалъ. . онъ ее и на креслецо посадить изволимъ), что жъ за бѣда? извините меня, Авдотька! у меня демперламентъ такой ужъ, говорить...

«И какъ сказалъ это, да и полѣзъ въ карманъ за деньгами... кажись, въ тѣ поры цѣлковыхъ 25 ей отсчитать изволимъ... ей-Богу! И намъ по рублю.

«Вотъ такъ господа! и въ страхѣ держать умѣли и награждать за то; двадцать-пять рублей не шутка, поди ты!

«А нынче что?..»

II

О Х О Т А

«А то, скажу я тебѣ, судырь ты мой, какую штуку выкинулъ Никита Иванычъ на охотѣ, значить. Важную штуку изволили выкинуть!.. Ну, да и имъ не менѣ тово цопало; можетъ и болѣ!..

«Охотился то онъ не то, чтобы часто, а такъ себѣ: когда, значить, скука нападетъ.

«А только у насъ къ этому ремеслу было всего довольно: собакъ было много, и все большущія эдакія, злыя! Царей тоже не мало и охотниковъ наберется человѣка три, четыре въ домѣ; а оружія вся висѣла въ кабинетѣ у нево, — тоже было порядкомъ: и присталетки, и ружья, и ножи, и рога были; всего было много...

«Ну, да что объ этомъ толковать: сказъ впереди еще! было всего, — и конецъ!..

«Вотъ только разъ наѣхала къ Никитѣ Иванычу гостей куча: всякіе были!

«А въ тѣ поры ужъ іюнь былъ на половинѣ. — Теплень стояла такая, что ну!.. даже скотъ въ лѣсѣ не хотѣлъ идти, а въ хлѣвѣ наровить все: стало быть, жарко...

«День о ту пору вышелъ славный такой: ни облачка; чистехонько на небѣ....

«Ну, господа завтракать. — А пріѣхали они еще свечера: ночью, значить. Онъ оповѣститъ прислалъ, чтобы сбирались ..

«А на утро поднялъ всѣхъ ранымъ рано!

«— Эхъ вы, охотники! кричить имъ; заспать изволили, — а я за нимъ по комнатамъ ходилъ.

«Только, какъ повставали они, поодѣлись, да умылись, — онъ и погналъ всѣхъ въ залу: къ завтраку, значить...

И долгонько они тамъ сидѣли: съ часъ, а можетъ и поболѣ; вина такъ выпили пропасть!

«Да онъ, надо сказать, не жалѣлъ этово никогда: хоть на полъ лей!..

«Ну, позавтракавши, поблагодарили его, значить, и на дворъ: а тамъ лошади ужъ готовыя стояли.

«И онъ, слышь, всѣмъ своихъ коней осѣдлалъ!..

«Какъ поуѣлись этто они, онъ:

«— Маршъ! кричить, — съ Богомъ!

«Иии! какъ поскачемъ всѣ, — любо дорого! человекъ тридцать было, никакъ...

«А у насъ о ту пору подглавный псарь захворалъ; слегъ, значить: ѣхать ему не можно...

«Ну, вотъ Никита Иванычъ и зовутъ меня къ себѣ.

«Прихожу. — Они еще въ халатикъ, и трубочкой забавляются...

«— Здравствуй Кондратій! говорятъ.

«— Здравія желаю, батюшка, Никита Иванычъ! и поклонился, какъ слѣдуетъ.

«— Я, говорить, хочу тебя на мѣсто Трошки на сегодня назначить, а?

«(А псаря-то больново Трошкой звали.)

«— Я, говорю, вашей милости, всегда готовъ волю исполнять! и опять поклонился..

«Ну, ну! закричалъ; это мы знаемъ: хорошо! пошолъ, одѣвайся!..

«Я ногами посеменялъ маленько, да опять говорю:

«— Только я, говорю, этому двлу совѣмъ непривыченъ, говорю; сноровки у меня нѣту: въ первый разъ...

«— Ничего, ничего! говорить; иди, и сноровку получишь! — А самъ веселый такой...

«Нечего дѣлать! Пошолъ я къ Трофиму, и кустюмъ ево взялъ. — И какъ сталъ я въ него облекаться, а Трошка какъ захохочетъ! даромъ что больной былъ...

« — Ха, ха, ха! говорить; чучело какое, — чистое чучело! Смотрите, кричить, ребята: Кондратій Павлыч чучеломъ одѣлся...

«Шутникъ онъ былъ, право? — Самъ ты посуди: какое я чучело?..

«А тѣ дураки, что во флигеляхъ были, — и сбѣжались! — Гаупный, значить, народъ: молоды! Да и я, сказать тебѣ надо, тоже молодъ былъ въ тѣ поры, — не то, что теперь...

«А все, значить, постарше ихъ былъ, — и камердинарь при томъ: не шутка!..

«Ну, да ладно!

«Вотъ, какъ выѣхали мы, — и отправились сейчасъ къ Черному Овражку: славно тамъ мѣсто! И утки водятся, рѣка тамъ течетъ: тоже Овражкомъ прозывается, — потому, берега круты тамъ.

«Да баринъ, правда, утокъ-то не любилъ: никогда не кушалъ, «это, говоритъ, все одно, что галочье мясо»; поди ты...

«А за нами не медля телѣгу съ провизией отправили: коли проголодаются въ лѣсу, такъ чтобы закусить чево было...

«А отъ нашево-то села до Чернаго Овражка версты три будетъ, поболѣ.

«Лѣсъ тамъ такой чудный, густой! — а въ лѣсу сухо, и трава большая; благодать, да и только! — Въ этакихъ мѣстахъ какъ не быть дичи, али звѣрю?..

«Приѣхали. — Антонъ Митрычъ (исаремъ старшимъ былъ) собаку спустил; баре развѣхались и карауляютъ...

«Любо посмотрѣть! Собаки какъ въ лѣсъ повбѣжали, — рыскаютъ и заливаются... чудо простѣ! голосистыя были! по лѣсу стонъ:

« — Ату ево! ату! ату! кричатъ исари, и баре подмогаютъ...

«И я съ ними туда же: реву во все горло, да и только!

«Знай нашихъ! — не страшно, значить...

«А это мы зайцевъ тамъ искали; и много ихъ тамъ было! — Бывало, поидемъ за грибами, али за ягодами, — и собаку возьмемъ для случая. Только ты въ лѣсъ, — а она въ кусты: глядь-поглядь, и залаетъ! — нашла, значить...

«Минуты, такъ, съ три прошло, — глядимъ: заяцъ! матерой такой, бестія!

«И бѣжить это онъ въ баринову сторону... какъ поровнялся онъ, значить, съ нимъ, — баринъ и нацѣлился... анъ: пафъ!..

«Да не онъ только : съ гостей одинъ стрѣлялъ, — да не попалъ, вишь! — Баринъ на эту штуку ничево не сказалъ : только глаза такъ дивно свѣлъ, — внутрь совѣмъ уши...»

«А выскочка-то эта, — что стрѣлялъ, — юнкать одинъ былъ. — У отца деревнюшка околъ насъ была; такъ ёнъ на лѣто къ нему прѣхалъ, — къ отцу, значить. А тамъ, знамо, въ службѣ-то ему воли нѣту, такъ онъ тутъ и въ куражъ вошолъ... А важная ли птица? самъ посуды.»

«И отецъ-то евоный тутъ же былъ; вмѣстѣ и прѣхали...»

«Да отецъ-то, — правду сказать, — совѣмъ другой человекъ былъ : добрый, смиренный, тихій; — просто, чудо баринъ!

«Чтобы это онъ ударилъ ково изъ мужиковъ своихъ? — ни за что, никогда не ударить!..»

«А сынъ другое : тотъ такой озорникъ былъ, — упаси Боже! за дѣвками всегда гонялся; да я слыхалъ, что отъ ево и отцу доставалось... вотъ что!

«Какъ увидѣлъ юнкать, что не попалъ, — и камфузно ему стало : на лошади такъ и завертѣлся...»

«А другіе хохочуть; и отецъ-то, бѣдный, съѣжился весь : сынъ вѣдь, все-таки!

«Только, не по долгомъ времени гонять еще... выбѣжалъ; гляжу : русакъ здоровенный!..»

«Метнулся это онъ, бѣдняга, въ сторону, да въ другую потомъ, да туда опять; — что ты будешь дѣлать? не стоитъ на мѣстѣ, да и только!..»

«А къ намъ капитанъ одинъ прѣхамши былъ :

«Сергей Матвѣичемъ звали; такъ тотъ важно стрѣлялъ, — безъ промаху. Въ кавалеріи онъ и служилъ; я и чинъ-то помнилъ, да... забылъ теперя : вормистъ, рофмистъ, — такъ какъ-то; на нашево бурмистра схоже...»

«Только, судырь ты мой, какъ заяцъ-то вильнулъ къ нему, — онъ и баць! да ловко какъ : съ разу угодилъ.»

«Тутъ всѣ, кто поплоче умѣлъ, къ нему подѣхали, — къ капитану, и проздравлять его стали :

«— Ахъ! говорятъ, — какъ славно! очень хорошо, говорятъ, — вы вѣрно большой мастеръ? это видно...»

«Капитанъ улыбается только; извѣстно : ему не въ диковину это.»

«А Никита Иванычъ и съ мѣста не двинулся : стоитъ себѣ, да въ лѣсъ смотритъ ; и смурный самъ такой, — точно осень...

«Глядь-поглядъ : еще!.. всѣ зашевелились, да и сами, точно зайцы : туда, сюда ! а заяцъ къ барину ; прямо встрѣчу и бѣжить... ну, тотъ, сейчасъ ружье въ прикладъ и : бацъ!.. бацъ !

«И чтожъ бы ты думалъ ? опять не попалъ... А все тотъ же юнкарь помѣшалъ : какъ барину то стрѣлить, онъ чутьчку раньше ево и пафъ!.. и съизнова не попалъ !

«Вѣрно хотѣлось ему поправиться передъ чужими-то : умѣю, вишь, стрѣлять, не думайте!..

«Да казія-то вишь какая подошла !

«Никита Иванычъ какъ увидали, что юнкарь этотъ перебилъ ихъ да дѣло еще спортилъ, — и подѣхали къ нему. А онъ шагахъ въ тридцати, эдакъ, стоялъ, не болѣ...

«Подѣзжаетъ къ нему баринъ и говоритъ :

«— Коли вы, говорить, милостивой государь, стрѣлять не умѣете, такъ и не совались бы лучше... Да притомъ, видите, говорить, что я хотѣлъ бить, — я ! Прошу васъ не мѣшать мнѣ, говорить, а то я васъ велю прогнать отсюда ! говорить.

«Юнкарь все молчалъ ; да какъ баринъ стали говорить, да стращать, что прогнать велеть, — такъ онъ не вытерпѣлъ, да и говорить Никитѣ-то Иванычу :

«— Ну, говорить, это еще увидимъ ! Если такъ, такъ зачѣмъ же звали?..

«Баринъ ни слова ; отѣхалъ и стоитъ.

«Ну, юнкарю-то надо бы прочь уйти послѣ такихъ словъ, а онъ остался ; и стыдно ему, стыдно передъ гостями!.. Потому, извѣстно дѣло : распекали его!..

«Еще тутъ штуку убили, зайца же ; да молоденькаво такъ ; меня даже жалость взяла, какъ посмотрѣлъ на него, сердечнаво...

«Только убилъ его не баринъ и не юнкарь, а другой кто-то... я позабылъ.

«Поѣхали потомъ мы въ болото, версты двѣ въ сторону : на мошниковъ, да рябовъ значить.

«А ихъ вѣдь тамъ многое-множество !

«Ну, пріѣхали. Вязко такъ, что бѣда просто ! лошадь въ тину такъ и уходитъ... что дѣлать ? — да что ? лошадей отдали и человѣка

къ нимъ приставили, — а сами пѣшкомъ пошли ; потому : у всѣхъ высокіе сапоги были.

«И я за ними туда же.

«Баринъ, Никита-то Иванычъ, идетъ впереди ; (сердитый такой и нагайка въ ручкѣ, а ружье за плечомъ ;) а гости за нимъ, толпой эдакой и говорятъ всѣ, точно пчелы !

«Только, вдругъ въ сторонкѣ собака : гамъ ! гамъ !

«Баринъ чуточку постоялъ, послушалъ и шепчетъ : — «Есть!» да какъ сказалъ это и подралъ бѣгомъ по лаю, а гости за нимъ... Точно хвостъ какой ! да это бы еще что ? а то бѣгутъ, шумятъ, — кричатъ иные ; — срамъ ! что тутъ за охота ? точно барановъ стадо, — право !

«Прибѣжали ; лаетъ Шарикъ (собака у насъ была) на ель ; а на ели-то, знаешь, тетера...

«Только что баринъ разглядѣли ее, да хотѣли стрѣлить, вдругъ... пафъ !

«А это юнкаръ опять ; кто его знаетъ, что это ему вздумалось ! Да хоть попалъ бы, добро, — а то, вишь, нѣтъ!..

«Ну, тутъ ужъ барина взорвало совѣмъ ! Да какже ? посуди ты самъ : онъ еще передъ тѣмъ, какъ нацѣлился, «подождите, господа!» сказалъ, «я хочу попробовать» ; а тутъ другой вдругъ стрѣляетъ...

«Подскочилъ это онъ тогда къ юнкарю, да какъ крикнетъ!..

«— Ты, мальчишка, дразнить меня вздумалъ, чтоли ? кричить ; говори, говорить, оселъ ! а ?

«А юнкаръ-то :

«— Самъ ты оселъ, говорить, — да еще старый ! и хотѣлъ это уйти, да баринъ не далъ ему, голубчику...

«— Какъ ? я... оселъ ? ! говорить ; да приподнял нагайку, да и хлысь его по лицу ! юнкаря-то, а ?..

«Юнкаръ бѣдный поблѣднѣлъ весь (вѣрно отъ злости), а по лицу-то кровь потекла, какъ баринъ ударилъ его : право !

«— Хорошо ! сказалъ и ушолъ ; и больные, слышь, ничего не промолвилъ !

«Гости въ тѣ поры всѣ присмирѣли ; носы повѣсили, — молчать ; ну, и охота сейчасъ кончилась, — и не нашли болѣ...

«А какъ стали, воротившись къ нему, развѣзжаться, онъ и говорить имъ, гостямъ-то :

«— Скажите, говорить, пожалуйста, мерзавцу тому, что если,

да поидеть онъ на меня жаловаться, такъ я ево, говорить, на ко-
нюшинъ кнудомъ отстегая!..

« Гости молчать.

« А отецъ-то юнкаря тутъ же былъ : какво ему-то слышать?..

« Да что возьмешь ? сила ! онъ заплакалъ, сердечный, да и по-
шолъ вонъ.

« Гости молчать ; мигаютъ промежь себя, — а молчать.

« Ну, а тутъ Никита Иванычъ сталъ имъ говорить :

« До свиданья, господа ! говорить, — я усталъ ! и ушолъ изъ за-
лы ; даже и обѣдать никоно не оставилъ.

« Постояли они, постояли маленько, да съ тѣмъ и уѣхали...

« Только, прошолъ день. Прошолъ и другой : объ юнкаря ничево
не слышно...

« Только, значить, на третій ужъ день пришолъ онъ, въ ночь.

« Вотъ какъ было :

« Какъ поужинали Никита Иванычъ, такъ встали да и ушли
къ себѣ : спать, значить. — Мы, люди, тоже поужинавши, уле-
глись.

« Въ домѣ я одинъ остался, да мальчикъ маленькой, — Гришей
звали ; я уснулъ въ лакейской, околъ баринова кабинета, значить.
А Гриша, — тожь въ сѣняхъ легъ : потому лѣто, тепло.

« И ужъ позднеенько таки это было...

« Только, въ ночь, проснулся я вдругъ и слышу будто кто изъ
саду лѣзетъ къ барицу въ окно... Да тихо эдакъ...

« Я, знаешь, поднялся осторожно, осторожно, и вышелъ на дворъ
босикомъ какъ спалъ ; а со двора шмыгнулъ въ садъ прямо, черезъ
калитку...

« Только, знаешь, мнѣ и въ голову не пришло вовсе, что это
юнкаря лѣзъ ; думалъ : воръ, али другой кто, — только не ёнъ.

« Подхожу я къ кабинетнымъ окнамъ : тихо, никоно нѣту.

« А окно отворено...

« Подойти-то я боюсь : долго ль до бѣды?.. а постоялъ маленько,
да и слышу :

« Хлысь ! хлысь ! еще ! еще !.. Что такое ?

« А тутъ вдругъ собака на дворѣ залаяла ; я сейчасъ къ окну, —
глядь : онъ оттуда (юнкаря-то), и кнутъ въ рукѣ, — а баринъ за
нимъ...

« Пролетѣлъ это онъ мимо меня, — я въ кусты, — а онъ черезъ

заборъ, да и былъ таковъ ! Тамъ ево лошади дожидались, — тройка ; сѣлъ, да только и видѣли... ою !

« А барина—то онъ раза четыре кнутомъ хватилъ ; сперва по лицу, а потомъ по спинѣ, да баринъ—то вскочилъ...

« На другой день, Никита Иванычъ самъ къ отцу махнулъ, къ юнкареву ; да ничево не сдѣлалъ этимъ :

« Отецъ—то ему сказалъ, что сынъ въ полкъ съ вечера укатилъ... далеко куда—то !

« Только мы ево и видѣли : пропалъ, какъ въ воду канулъ...

« Отцу же письмо оставилъ : пишетъ, что хочетъ позоръ свой, какой—то, смыть... Богъ ево знаетъ !

« А должно быть молодецъ ; смѣлъ видно былъ : потому, въ чужой домъ забратъся, да барина побить !?..

« Я и фамилью ему помнилъ : да забылъ теперь

Н. В—ОВСКІЙ

* * *

Послушай же — ну будь ко мнѣ добрый!
Вотъ видишь : я всегда такой бываю,
Вотъ видишь, быть и лучше и умвѣй
Могу ли я — я право самъ не знаю.

И для чего жъ меня такъ огорчать?
И безъ того мнѣ тяжело и больно,
И безъ того готовъ я зарыдать,
И полюбилъ вѣдь я тебя невольно.

Невольно, да. Вѣдь я и самъ не радъ.
Ты говоришь, что мы сойтись не можемъ,
Ты говоришь, что самъ я виноватъ,
Что мы себя все попусту тревожимъ, —

Не знаю я. Но лишь съ тобой сойдусь,
Мнѣ станетъ вдругъ легко и такъ пріятно!
Все на тебя гляжу и такъ боюсь
Я что-то все утратить невозвратно.

И счастливъ я, и грежу я тогда,
Какъ тотъ монахъ, что слушалъ птичку рая,
Минуты такъ проходятъ иль года
Не знаю я, въ восторгъ замирая...

О. ВЕРГЪ

ЗЕМСТВО И РАСКОЛЬ

БЪГУНЫ

II

Въ началѣ осьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка пробирались по галицкимъ лѣсамъ костромской губернии трое бѣглыхъ: солдатъ съ крестьянкой и крестьянинъ. Идя по лѣсу, они толковали что-то о пришествіи и царствѣ антихриста, о гоненіи на христіанъ, о новой ревизіи 1782 года, о *спасеномъ пути*, о бѣгствѣ отъ антихриста. Солдатъ говорилъ, а спутники больше слушали и тяжело вздыхали да крестились.

Крестьянинъ былъ бѣглый изъ пошехонскаго уѣзда. Его звали Егоромъ Егоровымъ. Но откуда и зачѣмъ полъ въ лѣсъ этотъ солдатъ бѣглый, что за спутница съ намъ шла и чему онъ представлялъ бѣглыхъ странниковъ? спросимъ старожиловъ-старорѣровъ, и они скажутъ намъ.

То былъ основатель согласья *бѣгуновъ*, Евфимій, бѣглый солдатъ изъ переяславскихъ мѣщанъ.

Тогда во всѣхъ волжско-камскихъ и сѣверо-поморскихъ городахъ, мѣщанамъ, посадскимъ, какъ мы отчасти видѣли, житье было худое, трудное. Безземелье, рекрутчина и подать, цеховая замкнутость и стѣсненность труда — все это сильно, горько тяготило мѣщанство. Не имѣя мочи переносить это горе, негодуя на свое жалкое, полатное и цеховое устройство, мѣщане, вмѣстѣ съ крестьянами и купцами, тоже по большей части происходившими изъ мѣщанства и крестьянства, мѣщане, говорю я, поневолѣ уклонялись въ расколъ, составляли помимо цеховъ свои свободныя, трудовыя, общинныя согласья. Дѣти ихъ съ раннихъ лѣтъ воспитывались такимъ образомъ ужь въ духѣ раскола, тѣмъ болѣе, что при

отсутствіи правительственныхъ училищъ и учителей для простого народа, старообрядческіе грамотники, наставники были почти единственными учителями молодыхъ податныхъ поколѣній, ближе всѣхъ стояли къ умственнымъ потребностямъ и понятіямъ массы народной. Вотъ и Евфимій, сынъ переяславскаго мѣщанина, съ равныхъ лѣтъ научился безпоповщинскому толку отъ фелосѣвскихъ наставниковъ. Разъ возбужденная, затронутая грамотой, ученьемъ, душа Евфимія ужъ не могла успокоиться на пачаткахъ мысли, знанія; жаждала больше, рвалась дальше. Евфимій чувствовалъ непреодолимое влеченіе бѣжать. Такова участь большей части русскихъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ самородковъ, начиная отъ Ломоносова до Кольцова. Недаромъ и старообрядческой стихъ выражаетъ эту жажду удовлетворенія умственныхъ потребностей:

Душа своей пищи дожидается,
 Душѣ надо жажду утолить.
 Потщися душу свою гладу не оставить.

Вотъ и Евфимій съ жаждой уясненія затронутыхъ въ душѣ вопросовъ, въ порывѣ пылливости, любознательности, въ молодомъ увлеченіи и экзальтации религіознаго энтузіазма, бѣжитъ изъ дома отеческаго, изъ Переяслава Залѣскаго, приходитъ въ Москву и скрывается у старцевъ филиповскаго согласья, въ то время только что появившагося въ Москвѣ. Старцы его вновь окрестили и назвали Евстафіемъ, научили его не молиться за государей, не виноваться никакимъ властямъ, ни гражданскимъ, ни воинскимъ, ни духовнымъ, отвергать всякую, какъ гражданскую, такъ особенно солдатскую службу и проч. Въ Москвѣ Евфимія поймали и отправили назадъ въ Переяславль. Мѣщанское общество отдало его въ солдаты. Но солдатская служба была нетолько тягостна для Евфимія, но и противна его совѣсти. Онъ зналъ, какъ тысячи въ его время уклонялись отъ рекрутчины, бѣжали отъ солдатской службы. Онъ зналъ и ученье такого раскольничьяго согласья, которое основано было бѣглымъ солдатомъ, зналъ ученье филиповскаго толка, что солдатская служба — есть служба антихристу. И вотъ, Евфимій бѣжалъ изъ солдатской службы, опять пришолъ къ своимъ въ Москву. Фелосѣвская община преображенскаго кладбища въ то время составляла центръ управленія для самой большой части областныхъ, мѣстныхъ безпоповщинскихъ общинъ, управлялась своими выборными попечителями; развивала, устраивала, чрезъ своихъ агентовъ—наставниковъ областныя, мѣстныя общины. Въ этой общинѣ Евфимій нашолъ пріютъ, постригся въ иноки и скоро назначенъ былъ наставникомъ въ поморской скитъ филипов-

скаго согласья. Здѣсь-то, въ Москвѣ онъ взялъ съ собою послѣдовательницу филипповскаго же толка, бѣглую крестьянку тверской губерніи, Ирину Федорову. И вотъ она-то была его спутницей повсюду. Съ ней Евфимій прибылъ въ поморскій скитъ. Здѣсь въ то время настоятелемъ былъ бѣглый сержантъ, вѣкто Адріанъ. Въ бытность свою въ Ярославлѣ, онъ взятъ былъ полиціей, какъ безпашпортный, и лишонъ монашеской одежды; но потомъ какъ-то увернулся отъ полиціи и пришолъ въ поморской скитъ. Евфимій съ нимъ неполадилъ и разсорился за то, что онъ скрывалъ отъ братіи бывшій съ нимъ въ Москвѣ случай. Ссора дошла до того, что Евфимій написалъ на Адріана жалобу старцамъ московскаго согласья. Тѣ приказали ему повиноваться Адріану, какъ настоятелю поморскаго согласья. Тогда огорченный Евфимій ушолъ съ своей Ириной изъ поморскаго скита опять въ Москву для личнаго объясненія съ старцами преображенской общины. Наконецъ, когда и здѣсь не нашолъ согласья съ своимъ мнѣніемъ объ Адріанѣ, крайне огорчился и отправился съ Ириной Федоровой въ ярославскую губернію. Въ это то время, послѣ всѣхъ странническихъ переходовъ, въ душѣ Евфимія окончательно созрѣла мысль — начать въ народѣ свое ученіе, устроить свою пропаганду странствующихъ наставниковъ, основать новое согласье бѣгствующихъ, странниковъ, бѣгуновъ. Онъ сталъ проповѣдывать, сначала въ самомъ городѣ Ярославлѣ, а потомъ и переходя изъ села въ село, что со времени патріарха Никова и царя Алексѣя Михайловича зародился въ великороссійской земли антихристовъ порядокъ, что Петръ I есть главный, послѣдній рогъ двурожнаго звѣря, главный нововводитель антихристовъ порядка: ревизіи душъ, раздѣленія людей на чины и сословія, неравномѣрнаго раздѣленія земли между людьми и проч., что съ 1742 года, со второй ревизіи истинная христіанская община сохранилась только въ бѣглыхъ отъ ревизіи; что воинскія и гражданскія власти образы звѣря, облаающіе человѣческими душами и т. д. «Бѣгство, странство, выводилъ отсюда Евфимій, — вотъ одинъ спасенный путь отъ звѣря-антихриста, отъ его властей, отъ всего его царства. Бѣжать и бѣжать остается христіанамъ нетолько отъ всякой службы, отъ податей, отъ ревизской записи въ списокъ подданныхъ антихриста, но и отъ отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ и сродниковъ! Такія начала религіозно-политическаго отрицанія, сѣмена новаго согласья, носѣялъ Евфимій въ городѣ Ярославлѣ, въ деревнѣ Малышевой ярославскаго уѣзда, и особенно въ селѣ Сопѣлакахъ, въ четырехъ верстахъ отъ деревни Малышева. Такимъ образомъ положилъ начало пропаганды бѣгуновъ, приобрѣлъ нѣсколько странствующихъ наставниковъ, и самъ, съ крестьянкой Ириной Федоровой и

съ крестьяниномъ Егоромъ Егоровымъ, пошолъ показать на дѣлѣ примѣръ бѣгуства, странства.

Вотъ кто былъ тотъ бѣглый солдатъ, что съ двумя спутниками пробирался по галицкимъ лѣсамъ костромской губерніи. Онъ шолъ съ странницей Ириной Федоровой, и съ пошехонскимъ крестьяниномъ въ галицкіе лѣса для того, чтобы тамъ основать скитъ, убѣжище для новаго согласія, и буде можно, положить начало прочному устройству общины бѣгуновъ. Тамъ они расчистили изъ-подъ лѣса мѣсто, поставили общую келью и поселились въ ней. Тамъ въ тиши Евфимій облумывалъ основныя мысли своего «лицевого апокалипсиса» и «цвѣтника».

Такъ тихо, невѣдомо для правительства, для вельможества скатертинскаго времени, для архипастырей, желавшихъ уничтожить расколъ, для полиціи, жестоко и обирательно преслѣдовавшей его, такъ неслышно, невидимо возникали новыя и еще болѣе, чѣмъ прежде, демократическо-оппозиціонныя согласія раскола. Въ глуши ирвинциальныхъ захолустьевъ, въ глуши лѣсовъ, бѣглые солдаты, крестьяне и крестьяне думали свою думу, по мѣркѣ, по кругозору своего практическаго и религіознаго смысла. Такъ возникало и согласіе бѣгуновъ. Сейчасъ мы изложимъ основныя начала ученія Евфимія, а затѣмъ — и всѣхъ бѣгуновъ. Но пока Евфимій пребываетъ въ лѣсу и облумываетъ свой «цвѣтникъ», дума наша невольно останавливается и углубляется въ общій смыслъ народныхъ событій, ознаменовавшихъ семидесятыя и восьмидесятыя годы прошлаго столѣтія.

Въ то время, какъ въ высшемъ, образованномъ класѣ народа, невѣдомо для крѣпостныхъ и податныхъ массъ, замышлялась аристократическая попытка Панина и Дашковой, и готовилась или начиналась уже борьба мистико-идеалистическаго направленія Новикова и его общества съ матерьяльно-отрицательнымъ направлениемъ, въ то время и въ массахъ простого, податнаго народа видимъ тоже двоякаго рода движенія. Одно движеніе, могучей физической силы, вышедшей изъ терпѣнья, непосредственно-натуральное буйное движеніе накипѣвшаго, наболѣвшаго въ сердцахъ народныхъ антагонизма и недовольства, — это просто рьяный, сбойчатый, мятежный порывъ несносно-слержанныхъ могучихъ силъ народа къ выходу изъ-подъ вѣковаго гнета: это *пугачевщина*. Другое движеніе тихое, духовно-нравственное, мистико-идеалистическое. Это болѣзненное выраженіе угнетеннаго, наболѣвшаго сердца, духа народнаго, выраженіе страдальческихъ чувствъ народа крѣпостнаго, поработеннаго, оставленнаго самому себѣ, безъ просвѣщенія, безъ цивилизаціи; экзальтація большихъ сердецъ, мечтанія и грезы

больныхъ, разгоряченыхъ, вздѣтированныхъ фантазій. Это общество *людей божіихъ, селивановщина*, и вообще всѣ такъ-называемыя мистическія *пророческуюшія* секты.

Въ Петръ III, какъ мы уже сказали, крѣпостные крестьяне ждали почему-то своего искупителя, освободителя отъ крѣпостного ига. Разнослились въ то время даже толки, будто Петръ III ужъ и далъ указъ о свободѣ, да его скрываютъ отъ народа, и что народъ самъ долженъ начать дѣло освобожденія, и тогда указъ будетъ объявленъ. Движенія и начались въ 1762 году. Но ничѣмъ и кончились, Послѣ Петра III вступила на престолъ Екатерина II, а манифеста о свободѣ крѣпостного народа не бывало. Въмѣсто того, вышла при Екатеринѣ жалованная грамота только о вольности одного дворянства. Надежды массъ народныхъ на Петра III, на свободу и льготы жестоко обманулись...

Но угнетенныя, крѣпостныя массы народа неотчаялись въ своихъ надеждахъ и мечтаніяхъ. Скоро явились между ними, подъ именемъ Петра III, свои, самозванные провозвѣстники свободы. Одни мечемъ возвѣстили о народномъ ожиданіи воли и льготъ; другіе мистико-идеалистической пропагандой пророчили про искупленіе, освобожденіе народныхъ душъ. Пугачевъ, назвавшись Петромъ III, поднялъ общее движеніе податныхъ, крѣпостныхъ и служилыхъ массъ народныхъ. А ряломъ съ пугачевщиной, полъ тѣмъ же знаменемъ, совершалось другое движеніе къ искомой, вожделѣнной свободѣ, движеніе духовнонравственное. Кондратій Селивановъ, или по другимъ извѣстіямъ, Ивановъ, крестьянинъ орловской губерніи, также подъ именемъ Петра III шолъ за свободу, но не съ мечемъ, а съ пророчесвенной проповѣдью объ *искупленіи, освобожденіи душъ* народныхъ. Онъ не общалъ народу матерьяльныхъ благъ, земель, водъ и т. д., не давалъ въ руки, какъ Пугачевъ, «пороху и свинцу», но призывалъ къ открытому возстанію. Отрицая церковно-библейскій буквализмъ и православно-восточную обрядность, онъ, сообразно съ естественно-инфологическою настроенностью народнаго мирозерцанія, шолъ путемъ мифической мистико-идеалистической пропаганды, въ символическихъ образахъ возвѣщалъ свободу духа, совѣсти, человѣка, народа. Проповѣдуя о *воскресеніи душъ*, онъ ободрялъ духъ народный, забытый, деморализированный, — будущимъ оживленіемъ его во времена свободы, внушалъ вѣру въ это оживленіе, ожиданіе его, стремленіе къ нему. Возвѣщая *искупленіе, освобожденіе душъ*, Селивановъ внушалъ вѣру въ свободу, которая рано или поздно должна настать для рабскаго народа, возбуждалъ стремленіе къ ней. Въмѣсто вооруженной силы, вмѣсто «конныхъ и пѣшихъ полковъ», онъ

собиралъ по всѣмъ странамъ *кавалерію духовную*, общество его послѣдователей, готовившихся къ будущей свободѣ, воодушевлявшихся мистико-идеалистической экзальтаціей въ коммунистическихъ собраніяхъ, безотчетными, беззаботными, даже веселыми пророчесственными пѣснями объ искупленіи, освобожденіи и воскресеніи душъ. Самъ онъ считался *полковникомъ* этой духовной кавалеріи, которая иначе называлась *кораблемъ духовнымъ*, въ которомъ онъ былъ *кормимъ*. Въ мифическомъ образѣ богатыря или полковника силы духовной представляетъ Селиванова пѣсня людей божіихъ :

У насъ было на сырой землѣ
Претворилися такіа чудеса:
Растворилися седьмыя небеса,
Сокатилися златыя колеса,
Золотыя, еще огненные.
Ужь на той колесницѣ огненной
Надъ пророками пророкъ сударь гремитъ,
Нашъ батюшка покатываетъ,
Утверждаетъ онъ святой божій законъ.
Подъ нимъ бѣлый храбрый конь,
Хорошо его конь убранъ
Золотыми подковами подкованъ.
Ужь и этотъ конь не просто:
У добра ковы жемчужный хвостъ,
А гривушка позолоченая,
Крупнымъ жемчугомъ унизаная.
Во очахъ его камень моргарить,
Изо-устъ его огонь-пламя горить.
Ужь на томъ ли на храбромъ на ковъ
Искупитель нашъ покатываетъ,
Онъ катаетъ со златыми ключами
По всѣмъ четыремъ сторонушкамъ,
По нивымъ землямъ французскимъ,
Французскимъ и иркутскимъ.
Набиралъ полки премудрыя
Кавалерію духовную.
А теперь то, други милые,
Прикатилось красно солнышко,
Во сѣверну сторонушку,
Во сѣверну, во питерскую.
При батюшкѣ искупитель,
При второмъ спасителѣ
Душамъ нашимъ воскресеніе.
Ужь сталъ нашъ батюшка родной
Государь нашъ полковникъ дорогой
Своими полками полковать, и проч.

.....
 Спѣшить батюшка, катаеть
 Онъ со страшнымъ судомъ,
 Со рѣшеньемъ и прощеньемъ,
 Со златыми со трубами
 Съ богатырскими конями

.....
 Не помогутъ мои други
 Сего свѣту вамъ князья,
 И цари-то всѣ земные
 Пойдутъ они подъ землю,
 И накроетъ ихъ земля,
 Что горючія каменя
 За ихъ къ вѣрнымъ нерадѣнье
 Ваша воля, ваша власть,
 Что угодно, то устрой.

Глубоко задумаешься, в разгадать не можешь, что за тайна русскаго народа, судьбы народной высказалась въ этихъ странныхъ историческихъ метаморфозахъ или персонификаціяхъ народнаго духа. *Снизу, изъ массъ народныхъ*, выходили, цѣлымъ полтора столѣтія, *самозванцы-цари*, по характеристическому выраженію лѣтописи XVII вѣка, *ирали царемъ*, и во имя свободы, льготъ матерьяльныхъ, житейскихъ, магически увлекали массы, громко заявляли о массѣ народной передъ всей Россіей, будили, пугали всѣхъ, сильно занимали царей и правительство; податныя, крѣпостныя, служилыя массы крестьянства, которыхъ почти вовсе невидно, не слышно было въ исторіи со временъ Стеньки Разина, вдругъ и громко выступаютъ на сцену исторіи, ворочаютъ цѣлымъ краемъ имперіи, вдутъ съ своимъ самозваннымъ царемъ — бѣглымъ казакъ-раскольникъ, и ужасаютъ правительство! Съ другой стороны, опять почти цѣлое столѣтіе, являются другіе самозванцы — христы, пророки, искупители, освободители, пастыри, учителя и проч., и отрицая многія библейскія книги, византійскія или православно-восточныя преданія, отрицая великороссійскую церковь съ ея іерархіей, священниками, съ таинствами, проповѣдуютъ свои свободныя религіозныя мнѣнія, распространяютъ демократизмъ и религіозный и гражданскій, подъ знаменемъ религіи христовой, православной и также сильно затрогиваютъ церковь православную и духовное правительство! Да, что-нибудь да значать въ исторіи народной, въ развитіи духа и міросозерцанія, стремленій и идеаловъ народныхъ что-нибудь значать такія чудовищныя явленія, какъ пугачевщина, христовщина, селивановщина, самозванство политическое и самозванство религіозное...

Въ то время, какъ массы находились въ такомъ хаотическомъ движеніи, когда и пугачевщина не завоевала имъ воли, и мистико-идеалистическая, мифически-пророчесвенная селивановщина не облегчала земной, ежедневной, диннонощной, злой неволи, — въ это время возникло согласье бѣгуновъ. Оно не заносилось, какъ селивановщина, за седьмыя небеса, не носилось на колесницахъ огненныхъ по облакамъ, не мечтало о таинственномъ воскресеніи и искупленіи душъ, какъ мистическія, пророчесвенныя секты. Оно прямо и твердо стало на землю, даже говорило о *владѣніи землями, рѣками и усадьбами* — въ пользу народа. Оно указывало податнымъ, крѣпостнымъ и служилымъ массамъ путь спасенія не отвлеченный, не мистическій, а чисто *земной*, и притомъ ужъ указанный народной исторіей путь *бѣгства, странничества, скрытія*. Бѣгство и скрытіе было уже фактическимъ, дѣйствительнымъ самоосвобожденіемъ отъ великихъ сдержекъ и тягостей житейскихъ и политическихъ, домашнихъ и общественныхъ; было не словеснымъ и не мистикосозерцательнымъ, а реальнымъ, практически-жизненнымъ, дѣлательнымъ, демократически-оппозиціоннымъ отрицаніемъ всякой крѣпостности и помѣщичества, и ревизской и казенно-податной и церковной; было фактическимъ, дѣйствительнымъ самоисключеніемъ изъ списка поданныхъ крѣпостныхъ, податныхъ и служилыхъ рабовъ имперіи и сыновъ церкви. Равнымъ образомъ, не надѣясь, подобно пугачевщинѣ, разомъ тряхнуть Москвою, низпровергнуть неурядившійся политическій и церковный порядокъ, согласье бѣгуновъ возвѣстило принципъ постепеннаго и постояннаго, личнаго и обще-согласнаго отрицанія этого порядка бѣгствомъ отъ него, принципъ постепенной подготовки простаго народа къ политической борьбѣ, посредствомъ странствующей пропаганды, странствующихъ наставниковъ массъ народныхъ. «Братся подобаетъ съ антихристомъ, говорили бѣгуны, но до времени открытой брани съ нимъ братся нельзя, а подобаетъ только братся противленіемъ его волѣ и неисповненіемъ его законовъ; а когда придетъ время открытой брани, тогда всякъ, иже убитъ будетъ, получить вѣнецъ, какой не получалъ никто изъ мучениковъ.» Таковы главныя, общія стремленія бѣгуновъ.

Съ такимъ ученіемъ выступилъ на путь пропаганды и самъ Евфимій, основатель согласья бѣгуновъ. Своими сочиненіями онъ первый положилъ основаніе и догматикѣ ихъ. Черезъ два года, Евфимій съ Ириной Федоровой возвратился изъ костромскихъ лѣсовъ въ Ярославль, и снова началъ распространять и утверждать свое ученіе и согласіе. Въ тоже время, для руководства, изложилъ основные пункты своего ученія въ письменныхъ сочиненіяхъ. Въ

1781 г. онъ издалъ *лицевой апокалипсисъ* съ картинами и съ своими толкованіями. Въ картинахъ этихъ онъ наглядно для простаго народа изобразилъ свое ученіе: *антихристъ съ короной* у него означалъ верховную власть, *лжепророки антихристовы*, изображенные въ лицахъ, означали духовную и гражданскую власть, служащую антихристу. Незадолго передъ смертью, Евфимій написалъ *Цѣлтыкиъ*. Здѣсь онъ довольно подробно изложилъ свое ученіе — сущность и основаніе согласья бѣгуновъ. Въ 1792 году Евфимій умеръ въ Ярославлѣ, въ домѣ купчихи Пастуховой, и похороненъ былъ по странническому обычаю, въ ямскомъ лѣсу. Съ тѣхъ поръ, послѣдователи согласья бѣгуновъ, каждый годъ, въ день смерти Евфимія, служатъ панихиду за упокой его души.

Изложимъ теперь сущность ученія Евфимія, на основаніи его «Цѣлтыка».

Съ 1666 года, училъ Евфимій, настало въ російскомъ государствѣ царство антихриста. Патріархъ Никонъ лжепророкъ антихриста, имя его Никита, или по гречески *Никитос* (50, 8, 2, 8, 300, 10, 70, 200=666) ⁽¹⁾ означаетъ число звѣрiя 666, знаменующее имя антихриста. Съ 1666 года, священнослужители суть демоны, демонскія тѣлеса, уста звѣрiны; духовная власть служитъ антихристу; новопечатныя книги, какъ-то псалтырь, евангеліе, соборное дѣяніе, жезлъ, скрижали, увѣтъ, пращица и другія, суть ученіе дьявольское.

«Царь Алексѣй Михайловичъ, говоритъ далѣе Евфимій, былъ первымъ рогомъ двурожнаго звѣря, послѣднимъ же рогомъ былъ сынъ его Петръ I.» На Петра I Евфимій, какъ и всѣ другіе расколотчики фелосѣевскіе, филиповскіе и другіе, излилъ всю горечь своего недовольства и ученья. «Петръ I, пишетъ онъ, воцарился антихристомъ въ російскомъ государствѣ. На римскомъ языкѣ *императоръ* пишется *императоръ* и заключаетъ въ себѣ число звѣрiно. Въ семъ гордостномъ князѣ міра сего заключается быть первый тейтанъ, презлѣйшій и преисподній бѣсъ. Всѣ повинующіеся императору антихристу заклеимены его печатью, отрицаются Христа и предаются дьяволу. Петръ I есть чувственный антихристъ. Всѣ его повелѣнія ложны, законопреступны и богопротивны. Обложить денежнымъ окладомъ православныхъ, онъ записалъ ихъ въ сретяки. Чувственные бѣсы, посланные антихристы учинили народную перепись, назвали православныхъ раскольниками и обложили ихъ двойнымъ денежнымъ окладомъ ⁽²⁾. Бѣсовскіе полки

⁽¹⁾ Вычислено по славянскому численному значенію буквъ.

⁽²⁾ Указъ 1715, 16 и 18 гг. п. с. з. т. V, №№ 2889, 2991, 2996 и 3232.

воинскія и гражданскія власти исполнили царскіе указы отъ 8 февраля 1716 и 2 марта 1718 годовъ.»

Особенно достойны вниманія нападки Евфимія на слѣдующія реформы и нововведенія Петра I. «Онъ, говоритъ Евфимій, уничтожилъ до конца древніе остатки благочестивыхъ обычаевъ, возобновилъ, на мѣсто ихъ, языческіе поганскихъ вѣръ обычаи, какъ-то: бритье бороды, народныя переписи, раздѣленіе человекъ на разныя чины, размежеваніе земель, рѣкъ и усадьбъ, завѣщая каждому наблюдать свою часть, а другому недавъ ничего; учрежденіе цеховъ и гильдій и введеніе разныхъ богопротивныхъ изъ латынскихъ и нѣмецкихъ странъ странъ установлений, чѣмъ возстановилъ онъ междоусобную брань, сваръ и бой.

Со времени Петра I, учпль далѣе Евфимій, царская власть—икона сатаны; всѣ, повинующіеся царской власти, кланяются иконѣ сатаны. Воинскія и гражданскія власти антихриста нынѣшняго времени суть образъ звѣря, чувственные бѣсы, иконы сатаны, обладающія душами человекскими, принуждающія въ погибельную ересь, укрѣпляемую царями и князьями вѣка сего.»

Изъ всего этого взгляда и ученія Евфимій выводитъ свой основной, главный догматъ о необходимости спастись бѣгствомъ отъ антихриста и всѣхъ его властей и порядковъ. Проклятіями грозилъ онъ тому, кто не будетъ противиться власти антихриста и спастись отъ нея бѣгствомъ.

Малосодержательно, голословно и даже пустословно ученіе бѣгуна Евфимія, но и оно послужило плодотворнымъ семенемъ для послѣдующаго развитія историко-демократической догматики бѣгуновъ. Съ тѣхъ поръ оно породило нѣсколько религіозно-политическихъ сочиненій бѣгуновъ, которыя дальше будутъ разсмотрѣны по порядку. Какъ ни пустословно было ученіе Евфимія, но для массы народной оно было вполне достаточно, убѣдительно. Умы и сердца народныя оно за живое затрогивало. Массѣ не нужно было многословное изложеніе близкихъ ей сердцу и опыту предметовъ, внушенъ равнымъ-образомъ и тонкій, отвлеченно-теоретическій анализъ. Массѣ, въ насущныхъ вопросахъ въ жизни, нужны только положенія, указанія. Нужно только задѣтъ, указать, выставить на видъ тѣ вопросы или факты, которые народъ на себѣ испыталъ, тяжело прочувствовалъ, претерпѣлъ, — и этого достаточно, чтобъ увлечь массу народную. Таково было и ученіе Евфимія бѣгуна. Однимъ основнымъ догматомъ о бѣгствѣ отъ всего тяготящаго въ государствѣ, объ отреченіи отъ всѣхъ властей и ихъ предписаній и требованій, о самоисключеніи, самоосвобожденіи посредствомъ бѣгства изъ списка поданныхъ, крѣпостныхъ, податныхъ, слу-

живыхъ имперіи, — однимъ этимъ всеобъемлющимъ догматомъ Евфимій магически увлекалъ народъ, и безъ того склонный къ бѣгству отъ разныхъ тяготящихъ условій, замыкающихъ, удушливо-тѣсняющихъ обстановокъ горемычнаго быта.

Услышавъ такое, за-живое затрогивающее ученіе, крестьяне, вѣщане, купцы, солдаты, недовольные своимъ бѣдственнымъ угнетеннымъ положеніемъ, толпами устремились въ бѣгство, въ согласье бѣгуновъ. Горько-думная житейская искушенность, горько прочувствованныя, горько прожитыя тяготы, горе жизни, несвободнаго труда, труднаго семейнаго прокормленія, подати, рекрутчины, фабричной и заводской безхозяйственной замкнутости, помѣщичьяго ига, чиновничьихъ нападокъ, обидъ и грабительство, цеховой и гильдейской закрѣпленности, безземельнаго тяжелаго приобретанья средствъ жизни и казенныхъ уплатъ, — все это разомъ затронуто было ученіемъ Евфимія и согласья бѣгуновъ. Все это и прежде такъ и наводило само собою на мысль, что бѣгство, отрицаніе на дѣлѣ всего того, что тяготитъ жизнь, — единственный путь спасенія и свободы. Крестьянинъ, съ котораго вымучивали подушную подать, или котораго тѣснилъ помѣщикъ, становой, — шолъ въ бѣгуны. Сынъ крестьянина, молодой, работающій парень, только-что хотѣвшій жениться или ужъ и женившійся, только-что обзавелшійся избушкой, хозяйствомъ, и вдругъ, наѣздомъ военной команды, отторгнутый отъ дома, забранный въ рекруты, бѣжалъ въ бѣгуны. Мѣщанинъ, записной замкнутый рабъ цеха, едва кормившійся своимъ кругомъ стѣсненнымъ ремесломъ, только-что едва смогшій уплатить выдавленную подушную подать, и ждавшій рекрутчины, бѣжалъ въ бѣгуны. Кунецъ, своимъ потовымъ трудомъ нажившій капиталецъ, изъ крестьянъ записавшійся въ купцы, въ гильдію, кругомъ испытывавшій придирчивое обирательство, сверхъ пошлпнъ, придирчивое насильственное закрытіе лавокъ, торгова, безгласный въ шестигласной думѣ, рабъ гильдіи и чиновничества, до освобожденія купечества отъ рекрутства долженствовавшій за себя поставить рекрута, терпѣвшій отъ начальниковъ и военнослужащихъ чиновъ ругательства, побой и проч., кунецъ этотъ записывался въ бѣгуны *мірскіе жилые* и становился самъ покровителемъ, *крестанодержителемъ* странствующихъ бѣгуновъ, помощникомъ ихъ пропаганды. Солдатъ, оторванный отъ родины, отъ жены и дѣтей, изъ далекой губерніи, солдатъ бѣжалъ въ бѣгуны. Однимъ словомъ, согласье бѣгуновъ возвѣстило, открыло широкій, просторный путь для всѣхъ угнетенныхъ, крѣпостныхъ, податныхъ, чернорабочихъ и служилыхъ классовъ народа.

А какой просторъ открыло согласье бѣгуновъ молодымъ кипу-

чищъ натурамъ, удалымъ буйнымъ молодцамъ! Все, что сдерживало жизнь, давило широкую грудь молодца — все бѣгунство сбрасывало. Изъ душевной мастерской или фабричной, онъ бѣжалъ бѣгуномъ въ лѣсъ отдохнуть свѣжимъ воздухомъ.

Я сокроюсь въ лѣсахъ темныхъ,
Водворюся со звѣрями,
Тамъ я стану жить...
Тамъ пріятный — воздухъ чистъ,
И услышу птицѣй свистъ.
Нѣжны вѣтры тамо душатъ
И токи водъ журчатъ.

Крушило горе, давила кручина молодца, — онъ бѣжалъ бѣгуномъ въ пустыню.

Съ горя, со кручины,
Я пойду же разгуляюсь,
Во прекрасной во пустынѣ.
Моя матушка вторая,
Ты прекрасная пустыня!
Прими меня пустыня
Со премногими грѣхами,
Со горячими слезами...
Принимаетъ же пустыня
На своемъ-то бѣлы руки,
Яко мати свое чадо...
И отвѣщаетъ мать-пустыня
Архангельскимъ своимъ гласомъ:
И охъ ты, гой еси, молодой юношь!
Тебѣ въ кельѣ не сожиги,
Черна платья не сноси.
У меня же во пустынѣ
Нѣту сладкіе-то нищи,
У меня же во пустынѣ
Нѣту питія медвина.
У меня ли во пустынѣ
Нѣтъ свѣтнаго-то платья.
У меня ли во пустынѣ
Нѣту свѣтлыя палаты,
У меня ли во пустынѣ
Тебѣ не съ кѣмъ слова молвить,
У меня ли во пустынѣ
Тебѣ не съ кѣмъ разгуляться.
Что возговорить молодой юношь.
Охъ ты матушка вторая,
Ты прекрасная пустыня!

Прими меня къ себѣ жити
 Миѣ-ка сладкая-то пища
 Миѣ гнилая-то колода,
 Миѣ-ка питія медвина
 Миѣ горька вода болотная,
 Миѣ-ка цвѣтное-то платье
 Эта черна схи́ма,
 Миѣ-ка свѣтлая палата
 Эта мала хата,
 Миѣ-ка слово-то промолвити
 Съ тобою же пустыня.
 Я пойду же, разгуляюсь
 По веленой по дубравѣ.
 Отвѣщаеъ мать-пустыня
 И архангельскимъ своимъ гласомъ:
 Ой, ты юношь, какъ стоскуешься, младой,
 Придетъ тогда весна красна
 Налетятъ тогда съ моря пташки
 Горемычныя кукушки.
 И онѣ станутъ куковати,
 Жалобы станутъ причитати,
 А ты станешь слезно плакать...

Не утѣшила ювошу пустыня. Тяжело, несносно было молодому
 юношѣ сидѣть въ темной, душной кельѣ монастырской. Тяжолъ,
 противенъ былъ монашескій, послушничій подрясникъ. Несносенъ
 былъ отеческій деспотизмъ игумена. Молодой инокъ сбрасывалъ
 черный подрясникъ, и бѣжалъ бѣгуномъ изъ монастыря.

Една сосенка стоитъ,
 А полъ сосенкой при той
 Молодой инокъ лежитъ,
 Ничего не говорить.
 Токмо плачетъ какъ рѣка,
 Что пришла къ нему бѣда, бѣда не малая,
 Что игумень гнѣвъ имѣлъ,
 И соборомъ онъ смирялъ...
 Не нечаянно пришла
 Нестерпимая бѣда.
 Куда же миѣ и дѣтися,
 Ой лучше разгулятися.
 Какъ, иди миѣ въ монастырь?
 И прощенія просить?
 Не хочу я у нихъ жить...
 Урѣзжали къ судьямъ.
 Объявили мой побѣгъ,

Что я тайно у нихъ убѣгъ.
 Вы прощайте, мои други,
 Пѣвцы славны-крылошане.
 Не хочу я у васъ жить,
 Со всѣми съ вами я прощусь
 И на вѣки разлучусь
 Прощай славный монастырь.
 Не хочу я въ тебѣ жить !..

Находился человекъ въ состояніи мистической экзальтаціи, мучилъ его страхъ смерти и отвѣтственности за грѣхи: онъ бѣгнувъ предавался подвигу странства. Онъ пѣлъ:

Ничто же можетъ воспретити,
 Отъ странства мя отлучити.
 Пищи тако не алкаю,
 Странствоваться понуждаюсь.
 Не такъ жаждою смущаюсь
 Скитатися понуждаюсь.
 Всему міру въ смѣхъ явлюся,
 Токмо странства не мнуса.
 Бѣжи, душа, Вавилона,
 Постигай свѣшно Сіона,
 Тецы путемъ къ горню граду.
 Плачи, душе, о томъ времѣ,
 О грѣховномъ своемъ бремѣ,
 Какъ будешь отвѣщати,
 На судѣ страшномъ предстати.
 Уже часъ дне сокращается,
 Смертный часъ приближается...

И не только давало исходъ всѣмъ недовольнымъ согласье бѣгунствъ, но и возводило въ демократическій догматъ горьковатыя выводы народной горемычной жизни и вѣковой искушенности и практики. Подданныя, крѣпостныя, служилыя массы народа, горькимъ опытомъ своимъ, путемъ своей вѣковой жизненной практики невольно сами собой доходили до тѣхъ жизненныхъ выводовъ и ученій, до какихъ и лучшіе, просвѣщеннѣйшіе умы того времени доходили путемъ науки, теоріи, рациональныхъ соображеній и идей. Такимъ практическимъ, саможизненнымъ путемъ, по непосредственному опыту, массы дознавали многія политико-экономическія истины, и саможизненно, фактически, страдальческимъ исповѣдничествомъ, путемъ горькихъ протестацій, выразили эти истины, основали особыя согласія, пропаганды для уясненія, дальнѣйшаго развитія и распространенія этихъ истинъ. Ихъ самородки-наставники, даровытѣе начитанные грамотники, только откликнулись

на горько-жизненный вопль и стонъ полатыныхъ, крѣпостныхъ, рабочихъ и служилыхъ массъ, и испли проповѣдниками многихъ такихъ идей, которыя въ то время зрѣли и въ наукѣ, и въ лучшихъ государственныхъ умахъ. Укажемъ для примѣра двѣ-три такихъ идеи Евфимія бѣгуна.

Вотъ напримѣръ Евфимій возсталъ противъ *учрежденія цеховъ и гильдій*. А кто изъ образованныхъ людей не знаетъ, что противъ цеховъ вооружался и такой знаменитый государственный человѣкъ, какъ Тюрго! А у насъ невооружался ли противъ цеховъ и гильдій знаменитый Мордвиновъ. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ: «Узаконяемое гдѣ-либо отъ правительства раздѣленіе упражненій человѣческихъ во всѣ времена и отъ всѣхъ народовъ, опытами познаваемо было за главнѣйшую препону къ народному обогащенію, да и въ самомъ дѣлѣ позволять одному промышлять тѣмъ, другому другимъ, не есть ли тоже самое, что предписывать прелѣлы уму и дѣятельности человѣческой; учреждать частную каждого пользу, ему одному могущую быть извѣстною, тѣснясь волею, обстоятельствами измѣняемую и зависящую отъ облагаемыхъ каждымъ способомъ дѣйствія, содѣлывать постоянными частныя упражненія, когда все вокругъ человѣка измѣняется и неудерживается въ постоянствѣ ни естественнымъ ходомъ вещей, ни правительственными законоусліями? Не есть ли тоже самое, что позволять одному употреблять ноги свои, другому руки, третьему умъ, и подвергать наказанію за малѣйшее отступленіе отъ узаконеннаго разряда, сколько бы онъ ни стѣснителенъ былъ для личныхъ каждого польза. Въ Россіи раздѣленіе на гильдіи учреждено было между-прочимъ съ намѣреніемъ извлечь изъ того казенный доходъ; но какъ по приведеннымъ здѣсь основаніямъ, всякое раздѣленіе останавливаетъ успѣхи народнаго обогащенія, то можно утвердительно сказать, что доколѣ у насъ торговля и внутренняя промышленность не получаютъ совершенной свободы съ предоставленіемъ заниматься оными всѣмъ сословіямъ варода, безъ всякаго различія и безъ всякаго со стороны правительства участія и притязанія, до тѣхъ поръ Россія не достигнетъ цвѣтущаго состоянія» и т. д. Мордвиновъ доказываетъ вредъ для торговли, промышленности раздѣленія на цехи и гильдіи торговцевъ и ремесленниковъ. Въ статистикѣ Кольба тоже справедливо сказано о нашихъ цехахъ и гильдіяхъ: «Цеховыя учрежденія въ Россіи обратились прямо въ стѣсненія для промысловъ... Ремесленные управы для усиленія ремесленныхъ сборовъ простирали свои требованія о запискѣ въ цехи не только на домашнія заведенія или малыя фабрики, содержатели которыхъ вовсе освобождены отъ взятія гильдейскихъ свидѣтельствъ, но и на фабричныя и заводскія заве-

денія, снабженныя льготными свидѣтельствами и даже непризнанныя фабрики, подъ тѣмъ предлогомъ, что на нихъ работа производится ручнымъ способомъ, и что есть цехи одинаковаго съ ними названія. Онѣ произвольно размножали число цеховъ и безъ разбора примѣняли къ нимъ нѣсколько несходныя производства ⁽¹⁾ не только ремесленныя, но и фабричныя, стараясь включить въ кругъ своего вѣдѣнія всю мелкую фабричную и заводскую промышленность. Мелкій фабрикантъ, понавшій однажды въ цехъ, съ трудомъ уже можетъ выбраться изъ него и поступить на фабричное положеніе, расширивъ производство, тѣмъ болѣе, что полученіе свидѣтельства на званіе фабриканта или заводчика сопряжено съ сложными формальностями и потерю времени. Притомъ цеховыя формальности, отвлекая рабочихъ отъ дѣла, затрудняя хозяевъ, служатъ поводомъ къ явнымъ неудовольствіямъ и спорамъ... Гильдіи имѣютъ не только матерьяльно, но и нравственно вредное вліяніе на торговлю и на торговцевъ. Ограничивая размѣрами объявленнаго капитала дѣятельность каждаго торговца, опредѣляя ими ихъ право и значеніе, онѣ впервыхъ удаляютъ многихъ честныхъ и способныхъ людей съ торговаго поприща, закрывая напредѣръ для нихъ заграничную торговлю; вовторыхъ приучаютъ купца смотрѣть на свое ремесло только какъ на средство добывать всѣми возможными путями деньги; подрываютъ всякія нравственныя основы въ этомъ сословіи и всякую сословную гордость и честь; дѣлаютъ изъ купца, по выраженію «Вѣстника промышленности», «мѣшокъ съ золотомъ», которому воздаются почести до тѣхъ поръ, пока на немъ есть ярлыкъ, свидѣтельствующій о богатствѣ этого мѣшка; притомъ почести, сообразныя съ цифрою, выставленною на ярлыкѣ. Наконецъ, гильдіи, по крайней неравномѣрности налога, стѣсняють чрезмѣрно мелкихъ торговцевъ и чрезмѣрно облегчаютъ большихъ ко времю малыхъ. Отсюда происходятъ неравномѣрность: купецъ, торгующій по 3 гильдіи съ капиталомъ 3,000 р. и получающій на него 20% (600 р.), отдаетъ $\frac{1}{4}$ или 25% своего дохода; тогда какъ купецъ 1 гильдіи, торгующій на 300,000 р. и получающій дохода 10% или 30,000 р. с., платитъ съ него только 2%.

Далѣе бѣгунъ Евфимій возстаетъ противъ *раздѣленія чело­вѣкъ*

(1) Въ 1850 г. въ числѣ 35 цеховъ, состоявшихъ при с. петербургской ремесленной управѣ, между-прочимъ поименованъ цехъ ситцепечатный, съ причисленіемъ къ нему производствъ: шпалернаго, клееночнаго и резиновыхъ вещей: въ цехъ малярный занесены табачное и сургучное производства; въ цехъ колбасный, помадное, горчичное и ваксылное производства; въ цехъ шорный, ватное и прядильное. Подобное же причисленіе самыхъ разнородныхъ производствъ къ разнороднымъ цехамъ было въ Москвѣ, въ числѣ 24 цеховъ.

на разные чины. Это нападки на *табель о рангах* или на чиновную иерархическую градацию и раздѣленность народа, и вообще на *сословное раздѣленіе земства*. Если въ наше время начала гуманности и реформы уничтожили безконтрольность и самовластіе, то не такъ было въ то смутное время. Податныя, крѣпостныя и вообще простыя массы такъ называвшагося въ прошломъ столѣтіи *подлаго народа*, испытали весь гнетъ, все стѣснительное преобладаніе надъ собой высшихъ сословій — военного офицерства и генералитета, духовнаго сословія — церковной іерархіи и чиновничества. Печальный результатъ сословнаго устройства — антагонизмъ сословный, въ эпоху Евфимія-бѣгуна, выразился болѣзненно и страшно въ пугачевщинѣ.

При Екатеринѣ II, въ то время когда жилъ бѣгунъ Евфимій, началось и генеральное размежеваніе земель, но производилось дурно и чрезвычайно медленно. Народу, нетерпѣвшему въ то время ревизіи душъ, народнаго описанія, и межеваніе, росписаніе русской земли казалось нарушеніемъ его вѣстаринныхъ земскихъ нравъ.

Въ ревизіи душъ народъ сразу понялъ нарушеніе права общинъ въ дѣлѣ народныхъ переписей, прикрѣпленіе свободныхъ крестьянъ и общинъ не только къ государству, но и къ личности помѣщиковъ, понялъ лишеніе крестьянъ волп (1). Въ старой Россіи, право землевладѣнія было общенародное, общинное и личное. Не только крестьяне и сельскія общины, служилые люди, но и гости или купцы и посадскіе, монастыри, церкви, владыки, священно и церковно-служители, всѣ имѣли право владѣть землею. Съ XVIII вѣка, когда земля окончательно обращена была въ крѣпостную собственность имперіи, короны и дворянства, для прочихъ классовъ народа чрезвычайно затруднено и даже невозможно стало землевладѣніе. И купить земли не всѣ имѣли право. Отсюда произошли разные безземельные классы народа: мѣщане, литераторы, художники, ученые и т. п. Если они не принадлежали къ высшему дворянству и были безъ средствъ и связей, — имъ крайне трудно и даже невозможно было приобрѣсти землю, хотя бы они тоже были личные дворяне. Отсюда большая часть городскихъ жителей, всимѣя постояннаго, вѣрнаго источника жизненныхъ средствъ, съ трудомъ могла приобрѣтать насущное обезпеченіе. Въ особенности, какъ мы видѣли, мѣщане страдали и донышѣ страдаютъ отъ безземелья. По-

(1) Бѣгунъ Евфимій въ своемъ «Цѣтникѣ» отрицалъ и поголовныя народныя переписи или ревизіи душъ, такъ же какъ отрицаютъ и другіе старообрядцы. Объ этомъ будетъ рѣчь дальше, при разборѣ другихъ сочиненій бѣгуновъ.

нятно послѣ этого, почему именно бѣглый мѣщанинъ Евфимій возсталъ противъ лишенія земель.

III

Основанное Евфиміемъ согласье бѣгуновъ быстро распространилось почти по всѣмъ великорусскимъ губерніямъ и въ Сибири. Оно открыло податнымъ, крѣпостнымъ и служилымъ массамъ народа новый, широкій путь противо-церковной и противо-правительственной оппозиціи, стало своеобразнымъ и сложнымъ наростомъ и скоплениемъ новыхъ, народныхъ оппозиціонныхъ элементовъ. Перечисляя первыхъ послѣдователей согласья бѣгуновъ, мы видимъ въ немъ, какъ и во всѣхъ прочихъ согласьяхъ раскола, опять все крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ, преимущественно происходившихъ изъ крестьянъ, или бывшихъ съ ними въ родственныхъ, либо торговыхъ связяхъ, и солдатъ-дезертировъ.

Исходными пунктами согласья бѣгуновъ были — село Сопелки, на берегу Волги, въ пятнадцати верстахъ отъ г. Ярославля (1), и деревня Малышева, въ четырехъ верстахъ отъ Сопелокъ. По смерти старца Евфимія, ученица его Ирина Федорова поселилась въ Сопелкахъ, у крестьянина Петра Семенова Крайнева, и вмѣстѣ съ нимъ продолжала дѣло Евфимія. Сначала она окрестила въ странническое согласье самого Крайнева, переименовавъ его Севастьяномъ, и родственника его ярославскаго купца Полетаева, происшедшаго изъ крестьянъ села Сопелокъ и женившагося на дочери Крайнева. Потомъ окрещены были Ириной Федоровой жители села Сопелокъ — крестьянинъ Яковъ Яковлевъ и купецъ Филиппъ Курочкинъ съ матерью и женой, проживавшій въ селѣ Сопелкахъ. Въ 1812 году бѣжалъ изъ Ярославля, по наученію Крайнева, мѣщанинъ Михайло Федоровъ Чагринъ, поселился въ селѣ Сопелкахъ у Край-

(1) Село Сопелки прежде принадлежало помѣщику фонъ-Мертенсъ. Теперь жители его свободные хлѣбопашцы и управляются выборными изъ своихъ крестьянъ. Промышленностью особенной они никакой не занимаются; только семейства Пановыхъ, Гурьяна Степанова и нѣкоторыхъ другихъ имѣютъ свои суда и торгуютъ хлѣбомъ и лѣсомъ. Несмотря на то, всѣ крестьяне села Сопелокъ зажиточны. Двое изъ крестьянъ, Курочкинъ и Полетаевъ, записались въ купечество и очень богаты. Жители Сопелокъ всѣ безъ исключенія придерживаются странническаго согласья, и всѣ занимаются пристанодержательствомъ. До 1850 года, т. е. до начала дѣйствій слѣдственной комиссіи о бѣгунахъ, скрывалось въ Сопелкахъ до ста человекъ бѣглыхъ раскольниковъ и въ томъ числѣ до двадцати военныихъ дезертировъ.

неза и былъ имъ перекрещенъ въ согласіе бѣгуновъ, подъ именемъ Мокея. Этотъ Чагринъ странствовалъ впродолженіи двадцати-пяти лѣтъ, въ 1836 году былъ пойманъ въ деревнѣ Исакова, въ вотчинѣ графа Киселева, и по суду приговоренъ къ ссылкѣ въ Закавказскій край за непризваніе царя, за дерзкія выраженія противъ церкви и правительства и за бродяжничество. Но обманомъ вывернулся изъ острога, и снова сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ ученія Евѣмїя. Онъ, Егоръ Егоровъ, ученикъ Евѣмїя, и Севастьянъ Крайневъ стали главными распространителями толка бѣгуновъ въ ярославской губерніи. Скоро явилось и много другихъ наставниковъ по обѣимъ сторонамъ Волги.

Подъ вліяніемъ этихъ и другихъ учителей, странническій толкъ распространился въ самой большой части ярославскихъ селъ. Напримѣръ въ приходѣ села Сопелокъ это ученіе принято было въ деревнѣ *Ярецель* — вотчинѣ Кокоскина и въ деревнѣ *Алексѣевой* — Арнаутова. Изъ Сопелокъ, по правой сторонѣ Волги, ученіе бѣгуновъ распространилось преимущественно въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ вотчинѣ Матлевой, что въ восьми верстахъ отъ села Сопелокъ, въ деревняхъ: *Голенищевель*, *Кочаевель*, *Тимохинь*, *Борисовель*, и *Телищевель*, гдѣ оно смѣшалось съ фелосѣвскою сектою, во всемъ *крисносельскомъ приходѣ*, въ которомъ господствующая секта — филищовщина. Село Красное находится близъ границъ костромского и нерехтскаго уѣздовъ, въ сорока-пяти верстахъ отъ г. Ярославля. Въ приходѣ этомъ, появились бѣгуны въ слѣдующихъ селеніяхъ: въ вотчинѣ графа Киселева — въ селѣ *Красномъ*, въ деревняхъ: *Исаковель*, *Лобастовель* и *Усковель*, въ вотчинѣ графа Мамонова — въ деревняхъ: *Юрьевской*, *Петраковель*, *Гридинь*, *Мигачевель*; въ вотчинѣ Хомутова и Лукьянскаго, въ деревняхъ: *Ченцовель*, *Кстовель*, *Ивановской*, въ вотчинѣ Толбучина, въ деревнѣ *Млчковель*, въ приходѣ села Новаго, въ вотчинѣ Ольхиной, въ деревняхъ: *Гашикахъ*, *Дубкахъ*, *Борисовель*, *Тимоновель*, и въ приходѣ села *Туношны* — въ вотчинѣ графа Воронцова. Група деревень, находящихся на правой сторонѣ отъ дороги изъ села Туношны въ городъ Нерехту, и составляющихъ приходы селъ *Высоцкаго*, *Сеславина* и *Михайловскаго*, представляютъ особый пунктъ сонелковской пропаганды бѣгуновъ. Въ этой мѣстности странническое ученіе особенно распространено въ вотчинѣ генерала Кокоскина, въ деревнѣ *Торговцовой* и князя Юсупова, въ деревнѣ *Облезцовель*, въ которомъ все жители занимаютъ приставодержательствомъ; точно также въ деревнѣ *Измайловой*, вотчинѣ того же князя Юсупова, въ деревнѣ *Федоровой* — вотчинѣ Кокоскина, въ деревняхъ *Погорьлькель* и *Мутовкель*, вотчинѣ Сорохтина, въ деревнѣ *Скородумкель*, вотчинѣ Хомутова, въ дерев-

въ *Шарупиной*, вотчинѣ Осокина, въ селѣ *Сеславиль*, Комаровскаго, въ селѣ *Бурмакиль* и въ деревнѣ *Щипцовъ*, вотчинѣ Воронцова. Наконецъ, по тойже линіи, ученіе Евфимія распротранилось въ казенной кобыльскій волости, преимущественно въ деревняхъ: *Дудкиль*, *Харловъ*, *Докукиль*, *Жилиль*, *Рыковъ*, въ селѣ *Вышеславскомъ*, въ деревнѣ *Прошениль* и др. — По лѣвой сторонѣ Волги ученіе сопелковской секты распротранилось въ ярославскомъ уѣздѣ до самыхъ границъ даниловскаго и романо-борисоглѣбскаго уѣздовъ, въ деревняхъ прусовскаго прихода, находящихся противъ села Сопелокъ, на противоположномъ берегу Волги — въ деревнѣ *Филмоковъ*, вотчинѣ Перепелкина, въ деревнѣ *Терентьевской*, вотчинѣ Патрикѣва и *Семеновой*, вотчинѣ Ханыкова, въ вотчинахъ Васильева и Власьева, въ деревняхъ прихода Городиць: *Боркахъ*, *Невѣровъ*, *Ивановской* и *Бичетниковъ*, въ вотчинѣ Кутайсовой, въ приходѣ села Печелокъ, особенно въ деревняхъ *Вахрушевъ* и *Иношиль*, наконецъ въ деревняхъ казенной григорьевской волости и въ вотчинѣ графа де-сантъ-Антуанъ-Обрѣзкова, преимущественно въ деревняхъ *Дудкиль*, *Скомороховъ*, *Бычковъ*, *Островкахъ*, *Аграфениль*, въ селѣ *Гавшишкахъ*, въ дер. *Юркиль* и другихъ.

Такъ въ одномъ ярославскомъ уѣздѣ, въ первомъ станѣ до восьмидесяти-трехъ селъ и деревень стали пріютомъ согласья бѣгуновъ. Судя по этому, можно отчасти представить степень распротраненія его и въ другихъ уѣздахъ и станахъ ярославской губерніи.

Изъ того же села Сопелокъ ученіе бѣгуновъ проникло въ костромскую губернію. Начатки его тамъ посѣяны были уже отчасти самимъ Евфиміемъ. Потомъ около 1812 г., прибылъ въ село Сопелки изъ села Краснаго, костромскаго уѣзда, вотчины князя Вяземскаго, бѣглые раскольники филиповской секты — Родіонъ Михайловъ съ отцомъ своимъ Михайломъ Тихоновымъ, и были крещены и приняты въ согласье бѣгуновъ Мокѣемъ Федоровымъ. Въ 1824 г. прибылъ въ Сопелки, изъ костромской губерніи, крестьянинъ села сидоровскаго, кинешемскаго уѣзда, по отцѣ Андриановъ, былъ крещенъ наставникомъ Родіономъ Михайловымъ и по начитанности, скоро самъ сдѣлался наставникомъ. Спустя нѣсколько времени, тула же прибыли изъ костромскаго села Краснаго двѣ жевщины, Авдотья и Анна, для узнавія ученія Евфимія. Послѣ бесѣды и совѣщанія съ сопелковскими старцами, онѣ пригласили къ себѣ въ костромскую губернію наставника Михайла Андреева. При помощи этого учителя, въ короткое время, онѣ увлекли въ странническое согласье много селеній около села Краснаго, что въ тридцати-пяти верстахъ отъ Костромы, и около заштатнаго города Шлеса: цѣлымъ семействамъ, поголовно, сманивали онѣ въ новое согласье. Такимъ

образомъ, ученіе Евфимія быстро распространилось по уѣздамъ костромскому, верехтскому и кивешемскому.

Изъ верехтскаго уѣзда согласно бѣгуновъ проложило себѣ дорогу во владимірскую губернію. Здѣсь оно преимущественно распространялось въ шуйскомъ уѣздѣ и дошло до знаменитаго села Иванова. Далѣе, ученіе Евфимія простерлось внизъ по Волгѣ, въ нижегородскую губернію, въ балахнинскій уѣздъ, въ Казань, въ Симбирскъ. Есть извѣстія, что сопелковская пропаганда приобрѣла послѣдователей въ алатырскомъ уѣздѣ симбирской губерніи, въ селѣ Кевлево, въ которомъ расколъ въ высшей степени развитъ; въ селѣ удѣльнаго вѣдомства — Кладбищѣ, въ жигулевскихъ горахъ съзранскаго уѣзда. Далѣе ученіе бѣгуновъ простерлось въ Самару и въ Саратовъ. Усердный приверженецъ его, сопелковскій купецъ Курочкинъ и одинъ изъ сыновей купца Полетаева часто проживалъ въ городѣ Самарѣ; другой же сынъ Полетаева — на пристави села Майны. Купцы эти, крестьянинъ Гурьянъ Степановъ и другіе изъ жителей села Сопелокъ ежегодно отправляли свои суда въ тѣ губерніи за хлѣбомъ, и на этихъ судахъ, особенно на коноводныхъ машинахъ, перевозили бѣглыхъ раскольниковъ. Въ Саратовъ, впрочемъ, ученіе бѣгуновъ проникло еще до двадцатыхъ годовъ. Въ 1815 г. прибылъ изъ Саратова крестьянинъ ярославскаго уѣзда, деревни Симоновской, нѣкто Симеонъ Шубникъ. Познакомившись съ сопелковскими бѣгунами, онъ сталъ имъ описывать всѣ удобства жизни въ Саратовѣ, возможность укрывательства въ садахъ, и предложилъ Ирину Федоровой, Доминикѣ Андреевой, дочери ярославскаго мѣщанина Душина, перекрещенной еще самимъ Евфиміемъ, Родіону Михайлову и его отцу Сергѣю Тихонову перейти на жительство въ саратовскіе сады. Тѣ согласились и ушли. Ирина Федорова и Доминика нашли пристанище въ саду купца Григорья Яковлева Крюкова, а Родіонъ Михайловъ и отецъ его скрывались въ буеракахъ у Филиповцевъ. Тамъ они скрывались восемь лѣтъ. Наконецъ, Ирина Федорова и Родіонъ Михайловъ рѣшились возвратиться въ Ярославль и вновь явились въ Сопелки; Доминика же и Симеонъ отправились изъ Саратова въ астраханскую губернію, гдѣ поселились въ камышахъ на берегу Каспійскаго моря. Тамъ они были пойманы: Симеонъ сосланъ въ Закавказскій край, а Доминика въ Сибирь на поселенье, гдѣ, по освобожденіи изъ тобольскаго острога, долго бродяжничала и наконецъ поселилась на жительство въ кельѣ, въ кійской волости, въ томской губерніи. Всѣ эти бѣгуны занесли ученіе Евфимія въ понизовый, прикаспійскій край.

Въ области верхней Волги, въ тверской губерніи ученіе Евфимія-бѣгуна распространилось преимущественно съ 1835 года. Пер-

вымъ проповѣдникомъ его здѣсь былъ бѣглый раскольникъ изъ крестьянъ кочевского уѣзда, деревни Завражья, вотчины васильчиковой, Степанъ, по переименованіи, Иванъ Кононовъ. Онъ, по возвращеніи изъ ярославской губерніи, проповѣдывалъ сопелковское ученіе въ казенныхъ деревняхъ калязинскаго уѣзда: Лебзинѣ, Клетинѣ, Костинѣ, селѣ Кимрѣ, деревнѣ Луканинѣ, Бобакиной и другихъ. Кононову помогали въ распространеніи ученія крестьянинъ казенной деревни Клетина Осипъ Федоровъ. Въ 1842 году тверскіе бѣгуны, крестьяне корчевскаго уѣзда, нарочно съѣздили въ Сопелки и пригласили къ себѣ въ наставники Ермогена Кузьмина, жившаго въ то время въ ярославскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Кетовѣ, у крестьянина Якова Батыева. Ермогенъ Кузьминъ, сдѣлавшись наставникомъ тверской паствы, сталъ уже дѣйствовать систематически, приоброуль много пристаней или *мѣстъ*, по выраженію бѣгуновъ, въ корчевскомъ и калязинскомъ уѣздахъ. Въ то же время, онъ распространялъ сопелковское согласье и въ московской губерніи. Сюда онъ приглашонъ былъ богатымъ крестьяниномъ дмитровскаго уѣзда, села Рогачева, Прохоромъ Григорьевымъ, который построилъ ему на свой счетъ двѣ кельи: одну въ своемъ домѣ, а другую въ деревнѣ Каменкахъ у знакомой женщины.

Въ Москвѣ ефимово или сопелковское ученіе распространилось съ самаго начала его появленія въ ярославской губерніи. Въ Москвѣ преимущественно усвоили его тѣ купцы и мѣщане, которые происходили изъ крестьянъ ярославской губерніи, или были въ родственныхъ связяхъ съ ярославскими сектаторами. Вліятельныхъ пропагандистовъ согласья бѣгуновъ до 1850 г. въ Москвѣ было до двѣнадцати человѣкъ.

Въ области сѣверной рѣчной системы ученіе бѣгуновъ проникло въ первые годы настоящаго столѣтія, а быть можетъ и ранѣе, еще при Евфиміѣ. Въ новгородской губерніи оно распространилось въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія до 1808 года, и послѣ. Тамъ бѣгуны основали свою первую общину въ колотиловскомъ мѣсу, устюжскаго уѣзда. Наставникомъ ихъ былъ старецъ шестидесяти лѣтъ, нѣкто Яковъ Яковлевъ, не объявлявшій своего рода. Отсюда они выходили на пропаганду по окрестностямъ. Въ ноябрѣ 1808 г. поймано было въ колотиловскомъ мѣсу двадцать-девять человѣкъ, скрывавшихся въ кельяхъ. Исключая шести покаившихся и прощенныхъ, всѣ прочіе вмѣстѣ съ наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ, послѣ заточенія въ устюжскомъ острогѣ, наказаны были кнутомъ и сосланы въ Нерчинскъ на каторжную работу. Изъ устюжскаго уѣзда ученіе бѣгуновъ распространилось въ чаромскую волость череповецкаго уѣзда, въ деревню Назарово.

Около 1813 года, бѣглый раскольникъ филиповскаго согласия, изъ села Краснаго, костромскаго уѣзда, Василиій Петровъ, перекрестивъ самъ себя и переименовавшись Иваномъ, пошолъ съ проповѣдью ученія о бѣгствѣ и странствѣ въ вологодскій уѣздъ. Здѣсь онъ успѣлъ основать общину бѣгуновъ въ домшинской волости. Именитый учитель бѣгуновъ, Никита Семеновъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ ярославской губерніи, не только утвердилъ и умножилъ общину домшинскую, но и распространилъ сопелковское ученіе по всей окрестной вологодской сторонѣ. Преимущественно оно укоренилось здѣсь въ двухъ деревняхъ казенной устиновской волости — Вахрушевой и Елданкахъ, и въ четырехъ деревняхъ домшинской волости, въ Вотеркахъ, Черновой, Матьковой и Микулинѣ.

Вслѣдствіе странствованія и проповѣди Никиты Семенова, ученіе ефиміево или сопелковское перешло изъ вологодской губерніи въ олонекскую, въ каргопольскій уѣздъ, и въ архангельскіе предѣлы. Сюда это ученіе занесено было кѣмъ-то еще прежде. Потому что самъ Никита Семеновъ впервые усвоилъ его въ пустынь архангельской губерніи, на Топь-озерѣ, гдѣ досталъ «цвѣтникъ» Евфимія и самъ себя окрестилъ въ странство. Теперь, прибывши въ сѣверное поморье въ другой разъ, Никита Семеновъ самъ посѣялъ здѣсь новыя семена согласия бѣгуновъ.

Въ Сибирь ефиміево ученіе внесено было ссыльными: новгородскимъ наставникомъ Яковомъ Яковлевымъ, ученицей Евфимія, ярославской мѣщанкой Доминикой Душницей и другими послѣдователями этого ученія. По водвореніи на поселеніе, ссыльные бѣгуны обыкновенно опять уходили въ странство, клейма вытравливали разными средствами, иногда высасывали ртомъ, и съ фальшивыми видами ходили по западной Сибири. Иногда еще на пути въ Сибирь, бѣгуны имѣли возможность разсѣивать свой толкъ, какъ напримѣръ Яковъ Яковлевъ, который дорогой видѣлся и бесѣдовалъ съ ярославскими вождями согласия — Мокѣемъ Федоровымъ и Ириной Федоровой. Кромѣ того, многіе бѣгуны и сами бѣжали въ привольную Сибирь и на дорогѣ устроили пристани. Такимъ образомъ они посѣяли ученіе Евфимія и устроили пристани, напримѣръ въ Курганѣ, пермской губерніи, въ Кунгурѣ и особенно въ Тюмени, тобольской губерніи, также на золотоустовскихъ и топлинскихъ заводахъ. Тюмень стала даже исходнымъ пунктомъ и средоточіемъ мѣстной, сибирской пропаганды согласия бѣгуновъ. Далѣе, въ западной Сибири, бѣгуны преимущественно распространялись въ томской губерніи, въ кійской, боготольской и дмитріевской волостяхъ. Здѣсь они строили кельи въ горахъ по рѣкѣ Кіѣ, иногда въ глухихъ лѣсахъ или тайгахъ, и селились. Есть извѣстія, что бѣгуны

сибирскіе даже со всѣми удобствами устранивають свои кельи въ лѣсу: имѣютъ свои поля, огороды, лошадей, однимъ словомъ полное хозяйство. Странствующие бѣгуны кормились и кормятся подавляющими богатыхъ поселенцевъ сосѣднихъ селъ и деревень, а лѣтомъ уходятъ на золотые пріиски. По недостатку наставниковъ, сибирскіе странники часто перекрещиваются сами, почему въ народѣ называются *самокрещанцами* или *скрытными*, по главному догмату согласья, повелѣвающему скрываться.

Такъ изъ исходнаго пункта — села Сопелокъ, путемъ бѣгства и странства, распространилось ефиміево или сопелковское согласье бѣгуновъ по большей части великорусскихъ губерній и въ Сибири. Сообразно съ такимъ географическимъ распространениемъ и съ основнымъ догматомъ согласья бѣгуновъ, развивалось его внутреннее устройство и опредѣлился внутренній составъ.

Существенный догматъ согласья бѣгуновъ — бѣгство, странство и скрытіе. Это по ихъ ученію единственный путь спасенія отъ антихриста, единственный путь рѣшительнаго, фактическаго, дѣятельнаго и всежизненнаго, всецѣлаго отрицанья всякой государственной крѣпости, крѣпости правительственной, ревизской, паспортной, подушно-податной, служебной, помѣщичьей и церковно-іерархической. Отсюда первая обязанность всѣхъ пропагандистовъ, наставниковъ согласья бѣгуновъ, ходить, странствовать по Россіи и научать прежде всего бѣгству, странству и скрытію. Первая обязанность каждаго вступающаго въ согласье бѣгуновъ или странниковъ — обречься на странство. Эта обязанность такъ важна въ ученіи бѣгуновъ, что въ 1812—1813 г. между ними шли жаркіе споры о томъ, крестить ли вступающихъ въ ихъ согласье до выхода ихъ въ странство. Ревностные послѣдователи Евфимія упорно настаивали на томъ, что до выхода въ странство не должно крестить. При такой строгой обязательности странства и необходимости его для распространенія ученія бѣгуновъ, также обязательно и необходимо было, съ другой стороны, и скрытіе странствующихъ бѣгуновъ. Отсюда неминуемо вытекала необходимость убѣжищъ, пристаней для укрывательства странниковъ. И вотъ согласье странниковъ или бѣгуновъ раздѣлилось на два равно необходимые разряда: на странниковъ или бѣгуновъ *жиловыхъ, мірскихъ*, пристанодержателей, и на бѣгуновъ *странствующихъ*, бѣгствующихъ. Первые преимущественно выполняли обязанность *скрытія*, укрывательства и покровительства, вторые — обязанность *странства* и странствующей миссіи, пропаганды согласья бѣгуновъ.

Бѣгуны *мірскіе* или *жиловые*, большею частію богатые купцы и зажиточные мѣщане и крестьяне, живутъ въ городахъ и селахъ,

иѣсть съ православными въ своихъ домахъ. Для исполненія за-
вѣтнаго догмата ефеміева о странствѣ, они или только съ самаго
начала, до перекрещенія въ странническое согласіе, предаются не-
долговременному и недалекому странству, или на старости лѣтъ пе-
редъ смертію просто только переселяются изъ дома въ домъ. Стран-
ство, бродяжничество для нихъ — одна только формальность. Глав-
ную же, священную обязанность ихъ составляетъ скрытіе и при-
станодержательство. Почти всѣ жилые или мірскіе бѣгуны —
пристанодержатели странствующихъ бѣгуновъ, или бѣглыхъ стран-
никовъ. Поэтому они особенно строятъ свои дома, приспособи-
тельно къ пристанодержательству. Сохраняя во всей наружности
домовъ общій и старинный архитектурный типъ русскихъ по-
строекъ, пристанодержатели бѣгуновъ обыкновенно устраиваютъ
въ подзбидцахъ, въ подпольяхъ, въ подклетахъ или подгорницахъ,
подъ сѣнами, иногда на чердакѣ особыя кельи и клѣти, въ кото-
рыхъ и проживаютъ бѣглые раскольники, странствующие бѣгуны.
Для удобства укрывательства ихъ, въ домахъ сдѣлано нѣсколько
тайныхъ входовъ, выходовъ, отверстій, лазеекъ, такъ что во время
самаго обыска бѣгунъ можетъ незамѣтно увернуться, либо быстро
перебѣгая изъ клѣти въ клѣть черезъ сокровенныя дверки въ забо-
рахъ и стѣнахъ, либо живо приподнимая половицу и спускаясь подъ
полъ. Иногда клѣтки устраиваются на дворѣ или въ огородѣ, или въ
садахъ, какъ на примѣръ въ саратовскомъ и астраханскомъ краю, а
иногда и въ полѣ. Усердные и богатые пристанодержатели, зани-
мающіе удобную, просторную усадьбу, настраиваютъ иногда по нѣ-
скольку клѣтей въ своихъ домахъ или около нихъ. По старинному
писцово-крестьянскому обычаю клѣтки эти называются *мѣстами*.
Если странники говорятъ, что въ такомъ-то селеніи *есть мѣсто*,
это значитъ незанятая келья или клѣть. Тѣ мѣстности, селенія или
города, гдѣ жили извѣстные постоянные пристанодержатели, гдѣ
находились средоточія мѣсть, называются *пристанями* или *станами*.
Такихъ пристаней и пристанодержателей много на всѣхъ путяхъ
странствованія бѣгуновъ. Мы могли бы исчислить большую часть
и селъ и городовъ, гдѣ до 1852 года были пристани бѣгуновъ, могли
бы исчислить много и купцовъ, и мѣщанъ, и крестьянъ пристано-
держателей, но считаемъ это излишнимъ и утомительнымъ для чи-
тателя. Укажемъ общими цифрами число пристаней и пристанодер-
жателей въ разныхъ мѣстахъ до 1852 года. Въ ярославскомъ уѣздѣ,
въ 1-мъ станѣ, въ 83 селахъ и деревняхъ считалось до этого года
248 пристанодержателей; во 2-мъ станѣ, въ норскомъ посадѣ, въ
5 деревняхъ 9 пристанодержателей; въ г. Ярославлѣ 27; всего въ
89 поселеніяхъ въ ярославскомъ уѣздѣ, въ обоихъ станахъ 284 при-

станодержателя. Въ романо-борисоглѣбскомъ уѣздѣ, въ 29 деревняхъ 72 пристанодержателя, да въ самомъ городѣ Романовѣ 2. Въ пошехонскомъ уѣздѣ, въ 40 деревняхъ 74 пристанодержателя, да въ городѣ Пошехонѣ 3. Въ даниловскомъ уѣздѣ, въ 9 деревняхъ 17 пристанодержателей и 1 въ г. Даниловѣ. Въ рыбинскомъ уѣздѣ, въ г. Рыбинскѣ 3, въ одной деревнѣ (Кишкинѣ) 2. Въ г. Угличѣ 2, да въ селѣ Заозерьи 3 пристанодержателя. Въ ростовскомъ уѣздѣ, въ селѣ Уголичи 1 крестьянинъ. Въ *костромской губерніи*, въ 96 поселеніяхъ 122 пристанодержателя. Именно: въ костромскомъ уѣздѣ, въ 16 деревняхъ 20 пристанодержателей; въ кинешемскомъ уѣздѣ, въ 31 деревнѣ 30 пристанодержателей; въ нерехтскомъ уѣздѣ, въ Плесѣ, заштатномъ городѣ, 14 пристанодержателей, да въ 48 селахъ и деревняхъ 57; въ юрьевокомъ уѣздѣ, въ ячменской казенной волости 1 извѣстный. Въ *владимірской губерніи*, въ шушскомъ уѣздѣ, въ селѣ Ивановѣ, извѣстно было до 1852 года 10 пристанодержателей. Въ *нижегородской губерніи*, въ балахинскомъ уѣздѣ, въ 3 селахъ 7 пристанодержателей. Въ *московской губерніи*, въ самой Москвѣ извѣстно было 12 пристанодержателей — купцовъ и мѣщанъ; въ дмитровскомъ уѣздѣ, въ 8 деревняхъ 17 пристанодержателей. Въ *тверской губерніи*, въ корчевскомъ уѣздѣ, въ 17 деревняхъ 25 пристанодержателей. Въ *вологодской губерніи*, въ вологодскомъ уѣздѣ, въ 2 деревняхъ казенной устиновской волости — Вахрушевой и Елланкахъ 7 пристанодержателей; въ домшинской волости того же уѣзда, въ 4 деревняхъ до 5 пристанодержателей. Въ деревнѣ Вахрушевой главная пристань Никиты Симеонова. Въ *тобольской губерніи*; въ Тюмени 4 пристанодержателя: у купца Якова Михайлова Опрокидникава, нынѣ умершаго, мѣсто для странниковъ устроено было при мыльномъ заводѣ, а у другого купца за городомъ въ полѣ выстроены особый флигель исключительно для странниковъ. Далѣе, въ западной Сибири пристанодержатели находились въ Томскѣ, въ бывшемъ селѣ Кій (нынѣ городъ), гдѣ пристанодержателемъ былъ донской казакъ, тамошній поселенецъ; около села Кій по р. Кіѣ лѣса и въ нихъ кельи бѣгуновъ. Наконецъ есть пристанодержатели: 1) въ Дмитровской волости; 2) около златоустовскихъ заводовъ; 3) топлинскихъ заводовъ; 4) въ г. Красноярскѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. На Алтайскихъ горахъ, на Камнѣ издавна селились бѣгуны всякаго рода и званія, извѣстные подъ названіемъ *каменьщиковъ*. Столько намъ извѣстно о пристанодержателяхъ до 1852 года; разумѣется остается множество неизвѣстныхъ.

Бѣгствующіе странники, или бѣгуны-бродяги имѣли свѣдѣнія о всѣхъ этихъ пристаняхъ и пристанодержателяхъ. У нихъ были

свой маршруты или путники. Приведемъ для образца одинъ маршрутъ по Сибири, въ какую-то азіятскую, невѣдомую страну, и при маршрутѣ пригласительное письмо (1): «На Екатенбургъ, на Томскъ, на Барнауль, вверху по рѣкѣ Катунѣ на красной Ярѣ, деревня Ака, тутъ часовня и деревня Устба. Во Устбѣ спроситъ страннопріимца Петра Кирилова, зайти на фатеру. Тутъ еще множество фатеръ. Сиѣговья горы: оныя горы на 300 верстѣ, отъ Алама стоятъ во всемъ видѣ. За горами Дамасская деревня; въ той деревнѣ часовня; настоятель схимникъ инокъ Іоаннъ. Отъ той обители есть холъ 40 лней съ роздыхомъ, чрезъ Кижискую землю, потомъ четыре дни ходу къ Татанію, тамъ востѣонское госуларство; живутъ въ губѣ океяна моря: мѣсто называемое бѣловодіе и озеромъ Ловѣ, а на немъ 100 острововъ, а одинъ островъ есть .. верстѣ, а на нихъ горы, а въ горахъ живутъ о Христѣ подражатели христовой церкви, православные христіане. И съ тѣмъ прошу желающихъ православныхъ христіанъ; прямымъ образомъ, безъ всякой лести васъ увѣряемъ всѣхъ православныхъ христіанъ, желающихъ послѣдовать стопамъ христовымъ. А тамъ не можетъ быть антихристъ, и не будетъ. И во ономъ мѣстѣ лѣса темныя, горы высокія, разсѣдлыны каменны; а тамъ народъ именно, варварствъ нпкакихъ нѣсть и не будетъ, а ежели бы всѣ китайцы были христіане, то бѣ и ни една душа не погибла.. Любители христовы, грядите вышеозначенною стезею!.. Отъ пана гоними изъ своея земли, отлучилися пять сотъ лѣтъ и прискивали имъ мѣсто два старца, церковей сирскихъ (асирскихъ) .. сущихъ христіанскихъ... Россійскихъ церковей 44, и христіанскіе у нихъ митрополиты занялись отъ сирскаго патріарха, и отлучилися отъ своихъ мѣстъ отъ численія Никова патріарха, а приходъ былъ отъ Зосимы и Савватія, святыхъ соловецкихъ чудотворцевъ, кораблями чрезъ ледовое море. И такимъ образомъ, отцы

(1) Напередъ замѣтимъ, что этотъ маршрутъ какой-то странный, и указываетъ онъ дорогу въ какую-то мифическую, баснословную страну. Между тѣмъ у раскольниковъ есть маршруты другого рода, съ вѣрными топографическими указаніями, съ точнымъ названіемъ городовъ и мѣстностей, съ подробнымъ адресомъ купцовъ, мѣщанъ, крестьянъ, живущихъ на дорогѣ, у которыхъ путникъ можетъ просить ночлега или пріюта. Таковъ напримѣръ ~~идущійся~~ у меня подробный маршрутъ, кажется бѣглопоповщинскій — дорога отъ г. Квалынска (сарат. губ.) чрезъ Москву, чрезъ черниговскую губернію и т. д., чрезъ Днѣстръ, въ Молдавію, къ Некрасовцамъ. Любопытно какъ въ Россіи, въ эпоху распространенія и развитія раскола, образовались у старообрядцевъ свои особыя пути-дороги, помимо трактовыхъ, общихъ, въ родѣ дорогъ, указанныхъ въ раскольничьихъ маршрутахъ, или въ родѣ такъ-называемой *сиротской дороги*, проложенной въ XVIII вѣкѣ бѣглыми гонимыми старообрядцами по саратовской степи къ Ураду.

посылаема, проискивали отъ Изосимы и Савватія. Сей же памятникъ писалъ самъ, тамо былъ, и писалъ имъ свое многогрѣшное иное Миханлъ своєю рукою, и о Христвѣ съ братією своєю писалъ вамъ.»

Запасаясь на дорогу такими маршрутами, бѣгуны иногда запакаются и фальшивыми, самодѣльными паспортами. Нѣкоторые приставодержатели специально занимались составленіемъ поддѣльных, своеобразныхъ бѣгунскихъ паспортовъ. Паспорты эти имѣютъ различныя формы, иногда даже исполнены фантастическаго и юмористическаго содержанія. Нѣкоторые бѣгуны имѣютъ паспорта, начинающіеся такъ: «Господь покровитель и спаситель мой, кого ся убою? Данъ сей паспортъ изъ града бога вышняго, изъ сіонскаго правленія, изъ вольной полиціи» и т. д. Бѣгуны собственно отрицаютъ паспорта и всякій письменный видъ, считая ихъ печатью антихристовою, но свои поддѣльные паспорта, составленные въ духѣ ихъ ученія, считаютъ необходимыми для безопасности странствованія, или для показанія земской полиціи въ случаѣ понжки, что они ее и ея паспортовъ и знать не хотятъ, а знаютъ только *вольную полицію сіонскаго правленія, и паспорта изъ града бога вышняго*, т. е. въ сущности никакой полиціи и никакихъ паспортовъ не признаютъ. Точно также для охраненія себя отъ всякихъ напастей на далекомъ пути-дорогѣ, бѣгуны иногда берутъ съ собой въ рукописныхъ тетрадкахъ, или заучиваютъ наизусть, по простонародному обычаю, особые народные заговоры или молитвы *въ путь идущимъ и назадъ идущимъ*. Молитвы эти употребительны и у раскольниковъ и у православныхъ. За неимѣніемъ подъ руками мифическихъ путевыхъ заговоровъ, приведемъ для примѣра двѣ молитвы. Молитва *въ путь идущимъ*: «Господи Боже нашъ, въ путь шествовати угоднику своему Якову устрои его, рабу своему (имя рекъ) сопутствуй, раба своего владыко изми отъ искушенія, разбойника, разбойства, всякаго навѣта, и въ ширѣ и близко пространства. Устави прежде всякаго творяща промыслъ по зановѣдемъ твоимъ, исполни житіе небесныхъ благъ, бывши тамо, возвратиться благоволи: яко твое есть царство, сила и слава, отца и сына и святаго Духа. Аминь.» Молитва *назадъ идущимъ*: «Господи владыко, Боже отецъ нашихъ, тя просимъ, тебя съ милосердіемъ, якоже бѣ изволилъ самъ взыти со угодникомъ твоимъ Моисеемъ во свѣтъ. Люди твоя избра, израильяне извѣда въ земли чуждой, такожде и нынѣ самъ иди съ рабомъ твоимъ, (имя рекъ), самъ, своихъ сохрани, ихъ день и ночь, якоже укрѣпилъ Иисуса Наввина, образомъ и крестомъ съ молитвою...»

Сообразно съ географическимъ распространеніемъ ученія бѣгу-

новъ и съ топографическимъ распредѣленіемъ ихъ главныхъ приставей, развивалось внутреннее своеобразное, юридическое самоуправство ихъ согласья. Село Сопелки, какъ исходный пунктъ развитія всѣхъ областныхъ, мѣстныхъ приставей бѣгуновъ, какъ средоточіе наибольшаго странническаго населенія, естественно образовало центръ, средоточіе всего союза, или согласья великорусскихъ и сибирскихъ приставей. А совокупность всѣхъ этихъ областныхъ, мѣстныхъ общинъ, или приставей, великорусскихъ и сибирскихъ, образовала федерацію, или цѣлый союзъ согласья бѣгуновъ, концентрированный около села Сопелокъ. Вслѣдствіе такого союзнаго устройства, каждая областная приставь составляла самоуправляемую паству или общину, имѣла свой *совѣтъ* и *судъ*. Такъ напримѣръ, особая мѣстная приставь представляли Москва, заштатный городъ Плесь въ костромской губерніи, деревня Вахрушева для вологодскаго сословья бѣгуновъ, Тюмень — для западно-сибирскихъ бѣгуновъ, и т. д. Всѣ вмѣстѣ областныя или мѣстныя пристави бѣгуновъ *тянули* судомъ и совѣтомъ къ своему исходному пункту и центру — къ селу Сопелкамъ, такъ какъ изъ него онѣ были насаждены. Здѣсь былъ, въ случаяхъ нужныхъ, общій, главный сходъ, совѣтъ и судъ бѣгуновъ. Сюда сходились обыкновенно изъ всѣхъ мѣстныхъ приставей для изученія подлиннаго ученія Евфимія и для перекрещенія. Здѣсь былъ общій судъ бѣгуновъ, когда кто-либо провинялся въ какомъ-нибудь важномъ проступкѣ противъ цѣлаго согласья. Сюда же стекались изъ разныхъ великорусскихъ и сибирскихъ приставей главные наставники мѣстныхъ общинъ, для рѣшенія споровъ догматическихъ. Таковъ напримѣръ былъ сходъ и совѣтъ въ селѣ Сопелкахъ въ 1842 году, на который стеклось до пятнадцати мѣстныхъ, главныхъ учителей, и въ томъ числѣ изъ Тюмени. Нетолько такія ближнія паствы бѣгуновъ, какъ напримѣръ костромская или московская, но и отдаленная тюменская паства находилась въ непосредственныхъ и довольно частыхъ сношеніяхъ съ селомъ Сопелками. Наставники ея, вродѣ бѣглаго казака Овчинникова и Дементьяна Михайлова, ѣздили въ Сопелки для совѣщанія съ здѣшними старцами, вывозили съ собой много книгъ, въ томъ числѣ, для украшенія согласья и связи съ сопелковцами, брали у нихъ для руководства своей паствѣ *цѣльникъ* Евфимія.

Каждая областная группа приставей или отдѣльная мѣстная паства бѣгуновъ имѣла своихъ выборныхъ наставниковъ и управителей. Такъ сопелковскою общиною управляли, до слѣдственной комиссіи 1850 года, слѣдующіе наставники: 1) Иванъ Степановъ, изъ крестьянъ мышкинскаго уѣзда; 2) Михайло Андреевъ Кувшиновъ,

ярославскій мѣщанинъ, съ фабрики Яковлевыхъ ; 3) Семень Григорьевъ, бѣглый солдатъ, родомъ ярославскаго уѣзда, деревни Семеновоѣ ; 4) Яковъ, по перекрещеніи Фока Максимовъ, бѣглый солдатъ, родомъ борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Ивановской. Кромѣ этихъ наставниковъ принимали участіе въ судѣ и въ совѣтѣ, въ качествѣ главнѣйшихъ сектаторовъ : 1) Иванъ, по перекрещенью Федоръ Ивановъ Кривой, бѣглый кантонистъ, родомъ костромскаго уѣзда, деревни Шелкова ; 2) Алексѣй, по перекрещенью Василій Петровъ Горбунчикъ, изъ крестьянъ ярославскаго уѣзда, деревни Когаева, и еще девять человекъ, изъ которыхъ шесть были бѣглые солдаты, одинъ отставной унтеръ-офицеръ, и два крестьянина. Сѣверною группою пристаней или паствъ управлялъ главнѣйшій наставникъ, наиболѣе почитаемый между учителями и управителями бѣгуновъ, Никита Семеновъ. Въ паствахъ пошехонскаго, романо-борисоглѣбскаго и даниловскаго уѣздовъ наставниками были : 1) Димитрій Егоровъ, въ странствѣ Василій Яковлевъ, бѣглый солдатъ, родомъ даниловскаго уѣзда, изъ дворовыхъ людей ; 2) Марко Яковлевъ Большой, изъ крестьянъ ярославской губерніи ; 3) Петръ Тимофеевъ Чумакъ, изъ помѣщичьихъ крестьянъ пошехонскаго уѣзда, деревни Скрылева, и еще двое — одинъ изъ крестьянъ, другой неизвѣстнаго происхожденія. Точно также имѣли своихъ выборныхъ и управителей паствы и пристани : костромская, твѣрская, олонецкая, тюменская и другія.

Согласіе бѣгуновъ, какъ и нѣкоторыя другія безпоповщинскія общины, эманципировали простонародную женщину изъ рабскаго, замкнутаго, исключительно-рабочаго положенія. Бѣгуны уважали женщинъ начитанныхъ и возводили ихъ, наравнѣ съ мужчинами, въ достоинство наставницъ. Такъ изъ начитанныхъ страницъ сопелковскаго согласія слѣдующія женщины были болѣе уважаемы и около 1850 года выбраны для служенія въ малыхъ собраніяхъ : 1) Татьяна, по перекрещенью Марья Васильева, крестьянка ярославскаго уѣзда, деревни Вахрушевоѣ ; 2) Елизавета Алексѣева, крестьянка изъ деревни Борковъ, ярославскаго уѣзда ; 3) Екатерина, по перекрещенью Фіонія Львова, крестьянка изъ деревни Дудкина, ярославскаго уѣзда ; 4) Александра Ильина, ярославскаго уѣзда, деревни Голенищева ; 5) Марья Ильина, изъ деревни Пещерки, ярославскаго уѣзда ; 6) Елизавета, по перекрещенью Лукерья Васильева, изъ крѣпостныхъ крестьянокъ романо-борисоглѣбскаго уѣзда ; 7) Авдотья Петрова, пошехонскаго уѣзда, деревни Рыжково ; 8) Афанасія Фокина, дочь наставника Фоки Максимова, романо-борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Ивановской ; 9) Варвара, по перекрещенью Меланья Васильева, изъ деревни Ивашева.

Изъ сочинителей и грамотниковъ-мужчинъ, болѣе начитанныхъ, занимавшихся перепиской книгъ, духовныхъ стиховъ и проч., были болѣе извѣстны, до слѣдственной комиссіи 1850 года: 1) Михаилъ Андреевъ Кувшиновъ, ярославскій мѣщанинъ съ фабрики Яковлевыхъ, бывшій однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей быстрого развитія сопелковского согласія, увлекшій въ него, кромѣ множества постороннихъ, свое семейство — мать, пять братьевъ, сестру и двухъ дочерей. 2) Василій Петровъ Горбунчикъ, крестьянинъ изъ деревни Когаева, ярославскаго уѣзда. По начитанности, этотъ наставникъ постоянно считался членомъ главнаго совѣта старцевъ сопелковского согласія. Онъ имѣлъ постоянную пристань и занимался книгами въ селѣ Сопелкахъ у крестьянина Федора Иванова Савелова, у котораго при обыскѣ лѣтомъ 1852 года найдены въ тайникахъ всѣ книги Василя Петрова, между прочимъ весьма любопытныя рукописи, и въ числѣ ихъ подлинныя сочиненія основателя согласія бѣгуновъ Евфимія; 3) Никита Семеновъ, изъ крестьянъ, ярославской губерніи, вотчины графа Мамонова. Сначала онъ обучался въ Москвѣ портному мастерству, но потомъ бросилъ это занятіе. Будучи еще только шестнадцати лѣтъ, онъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Ларіономъ Ивановымъ бѣжалъ и поселился въ пустынь архангельской губерніи, на Топь-озерѣ. Тамъ Никита досталъ «цвѣтникъ» Евфимія, основателя толка бѣгуновъ, рѣшился послѣдовать его ученію, самъ себя окрестилъ въ страиство и, прибывъ въ село Сопелки, для знакомства и бесѣды съ ярославскими старцами, былъ принятъ ими въ согласіе. Потомъ онъ удалился въ романо-борисоглѣбскій уѣздъ, и, поселившись въ деревнѣ Голубенкахъ, люнѣвской волости, у послѣдовательницы согласія бѣгуновъ, дѣвицы Варвары Дмитріевой, далъ ходъ своимъ дарованіямъ. Отселъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ сталъ онъ проповѣдывать сопелковское ученіе и писать въ пользу его. Своими дарованіями, начитанностію, даромъ преподаванія и сочинительства онъ почти затмилъ память объ Евфиміѣ. Весьма замѣчательно его сочиненіе: «*На тридцать ересей*». Въ немъ Никита Семеновъ обличаетъ всѣ старообрядческія согласія, особенно поповщійскую общину, за тѣ уступки, какія она сдѣлала православнои церкви и православному правительству, поучаетъ ихъ строгой выдержанности религіозной и гражданской оппозиціи, увѣщеваетъ всѣ согласія раскола къ примиренію для дружнаго, совокупнаго противодѣйствія православнои церкви и православному правительству. Кромѣ перечисленныхъ нами сочинителей и наставниковъ бѣгунскихъ, еще извѣстны были до 1852 года: Федоръ Ивановъ Кривой, Василій Яковлевъ, Кузьма Абрамовъ Бурмовъ,

Афанасій Григорьевъ, Меркурій Григорьевъ, Иванъ Васильевъ Грозный изъ московскихъ мѣщанъ; Иванъ Васильевъ Шумиловъ изъ крестьянъ ярославскаго уѣзда, села Прусова; Агафонъ, по перекрещенью Савва, Степановъ, изъ крестьянъ, пошехонскаго уѣзда, деревни Телешипа; Семень Григорьевъ, изъ крестьянъ ярославскаго уѣзда, деревни Теретьевской; Емельянъ Григорьевъ, по искрещенью Мефодій изъ крестьянъ романо-борисоглѣбскаго уѣзда, деревни Киселева; Филиппъ Никифоровъ изъ дворовыхъ людей, московской губерніи, бронецкаго уѣзда.

Подъ вліяніемъ такихъ наставниковъ, ученіе Евфимія развивалось и послѣ него. Въ существенныхъ догматахъ оно совершенно согласовалось съ общей безпоповщической догматикой, особенно феодеѣвской, и потому находило въ ней много готовыхъ, развитыхъ началъ. Попрежнему, камнемъ преткновения для старообрядческаго общества были реформы Петра великаго, до самой сердцевины коснувшія стариннаго, естественно-историческаго земскаго народнаго строенія. Потому, со второй половины XVIII вѣка, въ письменности старообрядческой, особенно въ безпоповщической, усилилась историко-политическая протестація противъ преобразованій Петра, особенно тяжело налегавшихъ на бытъ народной массы. Такъ во второй половинѣ XVIII вѣка разносилась по городамъ и селамъ тетрадка, подъ заглавіемъ: *«челобитная объ антихристѣ ежесть Петръ I.»* Это всенародная, окружная протестація раскола противъ реформъ Петра I. *Челобитная* эта сочинена какъ бы въ ироническій укоръ Петру великому, который первый не сталъ лично принимать и слушать народныя челобитныя; уничтожилъ, вмѣстѣ съ челобитнымъ приказомъ, самый принципъ земской, общинно-областной, челобитной гласности и представительности народа предъ правительствомъ, кака была въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Вотъ отрывокъ изъ этой челобитной: «Мы смотряюще недремательнымъ окомъ познаваемъ, яко отъ лѣтъ по числу 1666 конецъ пріяша пророчества, а совершенное же вся злобы исполненіе исполнися на Петрѣ, егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступилъ отъ святой православной вѣры, а послѣ его въ третьихъ восцарствова на престолѣ всея Русіи сынъ его первородный Петръ, и нача превозноситься паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сиречь помазаниковъ, и нача величаться и славиться предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Россіи въ 1700 году возобнови, уничтожи патриаршество, дабы ему единому владствовать, не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единою превысочайшею главою, судією

всей церкви, пріялъ на себя титулу патріаршескую, и именовася отецъ отечества и глава церкви россійскія и бысть самовластенъ, не имѣя никого себѣ въ равенствѣ, восхитивъ на себя не точію царскую, но и патріаршую власть, и нача себя величати и славити, возвышаяся на всяка возобновленія; въ 1700 году собра весь свой синклитъ въ 1 день января мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому Янусу, и предъ всѣмъ народомъ нача творити чудеса, подъ видомъ фавмазін, и вси воскликнуша ему единогласно: вивать, вивать новыи годъ! Отъ того дни разосла своя указы во всю Русію, повелѣ праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву, иже на первомъ вселенскомъ соборѣ положенную праздновати новое лѣто въ 1 день сентября мѣсяца, разрушая сію законную клятву, и при томъ своемъ янусовскомъ собраніи поздравленіе пріялъ за императора августѣйшаго, свречь надъ всѣми обладателя. Оле, благоразумная чада, вонмите здѣ, коему ежегодно коепразднуете новыи годъ? Всѣ господнія лѣта истребленн, а сатанивы извѣщены; вонистину исполнися здѣсь тайнозрительное откровеніе и власть перваго звѣря всю творити предъ нимъ, и творяше землю и вся живущая на пей, да поклонятся ему. Удалаться и бѣгати подобаеъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна богослова во главѣ 12 писано, яко церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истинніи раби христовы побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гопити и лѣстити и искореняти останокъ въ Русіи православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя, нова законоположенія полагаая, по духовному и по гражданскому расположенію состави многіе регламенты и разосла многіе указы во всю Русію съ великимъ угроженіемъ о непремѣнномъ исполненіи оныхъ, и уставив севать, и самъ бысть надъ ними главою и судьей главнѣйшимъ; тако нача той глаголемый богъ паче мѣры возвыпатися, учини описаніе народное, исчисляя вся мужеска пола и женска старыхъ и младенцевъ, живыхъ и мертвыхъ, и облагая ихъ данми великими, не точію на живыхъ, но и на мертвыхъ таково тиранство учини, съ мертвыхъ дани востребова. Егда же той императоръ или монархъ, свречь еднопачальникъ или единовластитель народное описаніе учини; называя то ревизією или исчисленіемъ душъ человѣческихъ, которыя приняи его за императора и за единовластнаго правителя, мы отъ Христа спаса научимомся законъ и заповѣди его сохранять и вѣру святую блюсти, и такому же Христу въ послушество отдатися не хоцемъ и въ книги его законопреступныя писатися съ нечестивыми никогда не будемъ, да и хотящимъ спастися якому несовѣтуемъ: творите съ нами, что хотите, ибо есмьмы хри-

стіане единаго исповѣданія у вселенскихъ соборовъ св. отецъ и св. страдалцевъ соловецкой обители, пострадавшихъ за древнее благочестіе; того исповѣданія и мы держимся, и въ книгѣ ваши законопреступныя гражданскія, въ силу указа вашего императора и сего законоположеній ревизіи, не пишемся: ибо мы отъ крещенія записаны есмы въ книги животныя у царя небеснаго, поуже видимъ во святомъ писаніи, яко прежде бывшіи въ Русіи благочестивые цари Иванъ Васильевичъ, Федоръ Ивановичъ и Михаилъ Федоровичъ и Алексѣй Михайловичъ, бывший въ благочестіи до Никола патріарха, яко сіи вси народнаго исчисленія отъ мала до велика мужеска пола и женска, живыхъ и мертвыхъ и всего общечеловѣчества не творили и оставляли то въ судьбу правительства всемогущаго Бога. Зрите челоуѣды, и вонмите, и рассмотрите по святому писанію, въ кнѣхъ лѣтахъ жительствуемъ, и кто нынѣ обладаетъ вами, ибо духъ петровъ царствуетъ во всѣхъ до скончанія вѣка, якоже свидѣтельствуетъ книга: «кабинетъ Петра великаго», ибо духъ государей русскихъ есть духъ Петра великаго. Петръ великій, восхващая на себя славу сына превысочайшаго, именовася Петръ I, и прочіи по немъ такожде именуется, и паки именовася божествомъ Русіи, яко свидѣтельствуетъ книжка, «кабинетъ Петра»: онъ богъ твой, онъ богъ твой, о Россія! Тамъ же православнымъ христіанамъ подобаетъ всеусердно держатися отеческаго наказанія. Подобаетъ намъ жизнь препровождати въ безмолвіи и въ пустыняхъ, яко господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: изыдите, изыдите, люди моя изъ Вавилона.»

По всѣмъ мыслямъ, и особенно по взгляду на бѣгство, какъ на спасительный путь, это сочиненіе «*объ антихриствѣ, еже есть Петръ I*» едвали не можетъ быть приписано бѣгунамъ. Во всякомъ случаѣ, въ немъ вполне выразилось основное ученіе бѣгуновъ. Поэтому мы рассмотримъ его здѣсь. Для того, чтобы понять взгляды всѣхъ безпововцевъ и въ особенности бѣгуновъ на учрежденія Петра, нужно разсматривать ихъ съ народно-исторической точки зрѣнія, такъ какъ расколь держится между-прочимъ на старинѣ народной.

Бѣгуны и вообще безпововцы протестуютъ, во первыхъ, противъ того, что Петръ I «*императоръ наречеся, спречь монархъ или единовластитель, не имья равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ нетворили, но имѣли бы его себѣ превысочайшею главою.*» Въ этомъ протестѣ ихъ выразилось изстаринное русское народное воззрѣніе на единодержавную власть царя. Вопросъ о *самодержцѣ* сталъ сильно занимать мыслящихъ русскихъ людей съ того времени, когда московскіе цари стали называться *самодержцами*, т. е.

съ XVI столѣтія, когда «великій государь царь и великій князь Василій Ивановичъ (отецъ Грознаго) повелѣлъ писать себя *самодержцемъ* и въ посольскихъ грамотахъ и въ исторіяхъ.» Лѣтопись отиѣтила это, какъ фактъ, знаменательный въ народной исторіи. И вотъ, вслѣдствіе историческаго развитія такого образа мыслей о самодержавіи, когда Петръ I не только не призналъ народосовѣтія, но и *назречся императоръ* и издалъ *правду воли монаршей*, расколь грянулъ проклятіемъ: «антихристъ!» И съ тѣхъ поръ стало развиваться въ расколѣ, и у бѣгуновъ достигло высшаго развитія историко-демократическое ученіе объ антихристѣ, еже есть Петръ I. Съ тѣхъ поръ, многія безпоповщинскія согласія, и въ томъ числѣ бѣгуны, стали вовсе отрицать и отрицаютъ императорскую власть, находя въ самыхъ именахъ императоровъ со времени Петра I звѣриво число 666. Нѣкоторые, впрочемъ, царей благовѣрныхъ признаютъ, а императоровъ не признаютъ. Напримѣръ, одна безпоповщинская раскольница-странница въ показаніи своемъ говорила: «за благовѣрнаго царя, который дѣлаетъ благія дѣла Богу, молюсь, но за императора и весь императорскій домъ Богу не молюсь и въ молитвахъ своихъ не упоминаю.» Другіе бѣгуны въ показаніяхъ своихъ, какъ увидимъ далѣе, вовсе отрицаютъ и царскую и императорскую власть. Мало того, они встаютъ и противъ всѣхъ тѣхъ, кто молится за царя, «собираются, говорятъ бѣгуны, въ свое богомерзкое собраніе, за него Бога молити, и молятъ за богоотступника, антихриста молебны и читаютъ тропарь: «Господи, спаси державнаго царя нашего, и подаждь ему побѣду на сопротивныя.» Зрите, богоотчужденные! о какой побѣдѣ молитесь!.. На тѣхъ, кон, по св. писанію, кроются въ горахъ, въ вертепахъ и земляныхъ пропастяхъ отъ лица его, и *неидутъ къ нему подь присягу*, и недаютъ ему *свои души и душевный окладъ* и оброкъ въ смущенную, жиловскую церковь. О нихъ вы и молитесь, чтобы ихъ побѣдилъ, плѣнилъ и въ свою область присовокупилъ къ вашему богоотчужденному собранію.» (Разглагольствованіе тюменскаго странника, и объ антихристѣ еже есть Петръ I).

Далѣе бѣгуны и всѣ раскольники протестуютъ противъ того, что Петръ *устави сенатъ и синоподъ*. Это протестъ противъ централизаціи народныхъ дѣлъ, гражданскихъ и церковныхъ. Русскіе земскіе люди, изстари привыкшіе *жить на всей своей прежней волѣ, по старинѣ и по пошлннѣ*, вѣрные отеческимъ преданіямъ старинны, хотѣли мѣстнаго, земскаго самоуправленія и *самосуда межъ себя*, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и въ религіозныхъ. Старожилы, коренные, *прирожденные* русскіе люди, приверженцы отчей и дѣвней старинны, старообрядцы помили, по преданіямъ отцовъ и

дѣловъ, и читали въ старыхъ лѣтописяхъ про старинныя юридическіе земскіе обычаи, про *мірскіе сходы* и согласья въ водостахъ, про городскія *людскія собранья* или *сходы на думу на вѣча*, про сохранившіеся еще въ первой половинѣ XVII вѣка *областные земскіе сходы и совѣты*, наконецъ про московскіе *земскіе соборы*. Помнили и въ старыхъ лѣтописяхъ читали они, какъ предки ихъ, или старинныя городовыя вѣча, напримѣръ псковское и новгородское, и сельскіе мірскіе сходы сами рѣшали даже дѣла церковныя, религіозныя. Помнили они, какъ прежде посадскіе и крестьяне *судились сами межъ себя*. И вотъ, когда въ Петербургѣ устроены были сенатъ и синодъ, когда часто стали тянуть ихъ сюда по разнымъ дѣламъ, они возопили противъ Петра за то, что *устави сенатъ и синодъ*. Тяжкія истязанія, какія претерпѣвали старообрядцы въ сенатѣ и синодѣ, по дѣламъ старовѣрства и по дѣламъ житейскимъ, особенно укрѣпили въ нихъ предубѣжденіе и протестацію противъ обоихъ высшихъ, центральныхъ правительствующихъ вѣдомствъ. Недаромъ даже солдаты при Петрѣ великомъ протестовали противъ сената и его злоупотребленій. «Выдалъ штуку въ градскихъ правахъ, — роптали они въ своемъ подметномъ письмѣ, — учинилъ сенатъ. Что прибыли? Только жалованья берутъ много. Спросилъ бы хоть у одного челобитчика, рѣшили-ль хоть одному безволокитно, прямо, да сыскавъ за такое непослушаніе, хоть одному штрафъ учинилъ». Безпорядки, какіе господствовали во внутреннемъ устройствѣ и дѣлопроизводствѣ сената и синода въ XVIII вѣкѣ, также усиливали въ расколѣ чувство оппозиціи противъ нихъ. Недостатки эти громко высказывались просвѣщенными людьми второй половины XVIII и первой четверти XIX столѣтія. Напримѣръ кн. Щербатовъ о сенатѣ писалъ: «почтеніе къ сенату упадаетъ, да и полнинно пристрастія и пороки въ сенаторахъ есть, но недовольно, что ихъ охуляютъ за оное, надлежало бы проникнуть ихъ начало. Сенаторы, бывъ уже люди чиновные, бывъ въ столь узкихъ границахъ, властью генераль-прокурорскою стѣснены, теряютъ нужную бодрость, для государственнаго управленія надлежащую. Симъ самымъ показуется, что сіе высшее правительство не все такъ исполняетъ, какъ надлежитъ; сенаторы впадаютъ въ пристрастія и неправосудіе, и тако можно сказать, что сенаторы повреждаютъ сенатъ, а сенатъ повреждаетъ сенаторовъ.» О синодѣ XVIII вѣка Щербатовъ писалъ: «равное сенату правительство есть синодъ для духовныхъ дѣлъ. Но разсмотримъ и сіе самое, такъ ли учреждено, какъ бы надлежало для достиженія до желаемого конца? Архіереи и другія духовныя особы, присутствующія въ синодѣ, суть люди почтенные ихъ саномъ, а часто и пронырствомъ, сочиняющіе корпусъ между

собою, яко безпрестанно борющійся для приобрѣтенія себѣ больше силы, а въ сопротивленіе имъ посаженъ одинъ оберъ-прокуроръ, чловѣкъ небольшого чина и по большей части не случайный при государѣ, то можетъ ли онъ единой силѣ ихъ сана, пронырствамъ и соединенію противиться?» Точно также императрица Екатерина II, а при Александрѣ I Сперанскій, Мордвиновъ и графъ А. Воронцовъ, изображали неустройство и безпорядки сената. Послѣдній даже пришолъ къ такому заключенію о сенатѣ: «ежели сенатъ оставить такъ, какъ онъ есть, сдѣлавшись ничтожнымъ, то кажется понапрасну и имѣть оный, и чинить на него издержки». (Прим. на нѣк. ст. кас. до Россіи.) Если государственные умы, по своимъ просвѣщеннымъ юридическимъ и административнымъ идеямъ и наблюденіямъ, сознавали недостатки высшихъ, центральныхъ правительственныхъ учреждений, то простые люди, старообрядцы доходили до предубѣжденія противъ сената и сипода путемъ горькаго опыта и разорительно-страдальческаго дѣлоходенія.

Потомъ безпоповцы и бѣгуны возстаютъ противъ новыхъ законоположеній Петра, противъ составленія *«многихъ регламентовъ»* по духовному и по гражданскому расположенію, и противъ многихъ указовъ, разосланныхъ по всей Россіи, «съ великимъ угроженіемъ о вспрямѣнномъ исполненіи оныхъ». Это прежде всего протестъ народный противъ строгой обязательности и санкціи самодержавныхъ императорскихъ указовъ. Встарину, до уложенія 1649 года, не разсмыслились вдругъ по всей Россіи общіе, строго-обязательные нововводительные законы, указы и уставы, а отдавались только царскіе указы и грамоты мѣстныя, по мѣстнымъ нуждамъ. И притомъ эти указы и грамоты не навязывались областнымъ общинамъ насильно, противъ воли народа, а всегда издавались и присылались въ области, вслѣдствіе мѣстныхъ, общинно-областныхъ народныхъ челобитныхъ. Народъ такимъ образомъ посредствомъ общинно-областного челобитнаго представленія своихъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей, какбы участвовалъ въ изданіи указовъ и грамотъ. Это участіе особенно замѣтно было въ изданіи наиримѣрь уставныхъ грамотъ объ изблюбленномъ самоуправленіи. Теперь же, при Петрѣ, было совершенно иначе. Вдругъ и строго предписываются народу до 28 регламентовъ, уставовъ и инструкцій, болѣе 2,900 указовъ съ 1700 по 1725 годъ. И всѣ эти регламенты и указы вдругъ радикально измѣняютъ на совершенно новый, искусственно-чуждый ладъ все естественно-историческое, вольно-народное земское строеніе, весь вѣковой, самобытный, обычный складъ народной жизни. И система регламентаціи потомъ растетъ до чрезмѣр-

ности, до крайняго стѣсненія народной дѣятельности и производительности многосложными кодексами регуль. Въ XVIII вѣкѣ только старообрядцы протестовали противъ регламентаціи Петра великаго. А въ первой четверти XIX столѣтія, в такой просвѣщенный и знаменитый государственный человѣкъ, какъ Мордвиновъ, такимъ образомъ писалъ объ излишествѣ регламентаціи: «Еще въ правительствѣ нашемъ съ нѣкотораго времени до излишества воздѣйствовалъ духъ предразсужденія, что можно частную пользу управлять регламентами или уставами. Но по уставу самой природы, никакой торгъ, никакое ремесло, ни художество не могутъ процвѣтать безъ свободы въ дѣйствіяхъ своихъ, и свобода единственное есть достовѣрное и надежное руководство къ успѣхамъ дѣятельности народной. Уставы, перѣдко содержа въ себѣ противорѣчія и недоразумѣнія, требуютъ многихъ толкованій и поясненій, коими и самое основаніе учрежденія часто совѣмъ испровергается; вообще же, они множествомъ и обширностью своею служатъ не къ сокращенію, а къ умноженію поводовъ къ злоупотребленіямъ. Правительство не должно ни въ какомъ случаѣ принимать на себя управленій занятіями и производствами частныхъ людей, ибо сіе значило бы тоже, что и принимать на себя учреждать необходимость видовъ частной пользы», и проч. (О причин. разстр. финанс. въ Россіи).

Еще бѣгуны и другіе безпоповцы протестуютъ противъ поголовнаго народнаго описанія или *ревизіи душъ*. Народъ сразу и очень хорошо понялъ значеніе пововведенной Петромъ подушной переписи. Онъ искони не любилъ поголовнаго числа, какъ знака даня. При главномъ, преобладающемъ значеніи въ древнемъ быту народномъ земли, земскаго строенія, при всенародной и общинной принадлежности земли, какъ самаго перваго и общаго, естественнаго даннаго источника *животовъ* и *промысловъ*, въ старой, до-петровской Россіи народъ выработалъ поземельную писцовую перепись и окладную систему, и привыкъ къ поземельной цѣнности и дани. Потомъ онъ привыкъ и къ подворной переписи, все-таки не касавшейся собственно личности и ненарушавшей общины. Но когда Петръ I ввелъ подушную перепись, народъ возопилъ. Онъ возсталъ противъ ревизіи душъ, во первыхъ потому, что она, внося каждую душу, каждую личность въ «*переписную книгу*», прикрѣпляла такимъ образомъ каждую душу, каждую личность къ государству; во вторыхъ, на земляхъ служило-вотчинныхъ прикрѣпляла каждую душу, каждую личность къ власти помѣщика, и такимъ образомъ завязывала крѣпкій узелъ крѣпостнаго права; третьихъ, росписывая души или личности по родамъ ихъ службы и занятій,

систематически дробила народъ на сословія и закрѣпляла ихъ внутреннюю, корпоративную, или кастальную раздѣльность подушнымъ, поголовнымъ росписаніямъ. Притомъ ревизія душъ производилась не общинами, не выборными отъ народа, а исключительно приказными чиновниками съ военными командами. Наконецъ подушная перепись или ревизія душъ несогласна была съ народнымъ понятіемъ потому, что брала критеріумомъ податной оцѣнки и сбора душу, неподлежащую цѣнѣ. Вотъ причины, по которымъ не только старообрядцы, но и старообрядцы протестовали противъ ревизіи душъ. Такъ Посошковъ писалъ: «во исчисленіи душевномъ не чаю жъ я проку быть; душа — вещь неосязаемая, и умомъ непостижимая, и цѣвы неимущая: надлежитъ цѣнить вещи груатованныя. Въ душевномъ сѣдованіи труда много подъято, а казны чаю тысячи десятка два-три истощилось; обаче чаю я, что она вся пропала». Волынской, въ инструкціи данной крестьянамъ въ 1724 году, также возстаетъ противъ *поголовщины*, отстаивая систему писцовыхъ, окладныхъ книгъ. Бѣгуны возстаютъ противъ подушной переписи, какъ знака приниси или прикрѣпленности къ государству или «къ смущенной жидовской церкви антихриста», какъ они выражаются.

Точно въ такомъ же смыслѣ бѣгуны и другіе безпоповцы возставали и возстаютъ противъ *подушной подати и даней многихъ*. Разумѣется одною изъ главныхъ причинъ этого протеста была тягость для податного народа подушныхъ податей и сборовъ, особенно при Петрѣ и въ XVIII вѣкѣ. И теперь сплошь и рядомъ можно слышать вопль о тягости податей и разныхъ земскихъ сборовъ, особенно отъ бѣдныхъ крестьянъ и безземельныхъ мѣщанъ. Но бѣгуны главнымъ образомъ возстаютъ противъ подушной подати опять, какъ противъ явнаго знака подданства, порабощенія душъ антихристу. «Антихристъ души людей подушнымъ окладомъ себѣ подчиняетъ», говорятъ они. Ропотъ ихъ на то, что и съ мертвыхъ данн *востребова*, намекаетъ кажется на существующій и доселѣ платежъ подати живыми членами податного семейства за умершихъ, до новой ревизіи.

Около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія сочинено бѣгуномъ Василиемъ Москвиннымъ «Разглагольствіе тюменскаго странника». Въ этомъ сочиненіи изложены тѣже основные догматы, что и въ «Цвѣтникѣ» Евфимія, и въ рукописи «Объ антихристѣ, еже есть Петръ I». Весь міръ, по ученію тюменскаго странника, раздѣляется на два царства: на *міръ божій* и *міръ сатанинъ* или *титановъ*. Въ первомъ господствуетъ духъ божій, истинный, животворящій, во второмъ — духъ ложный, противный и убиватель-

ный. Въ міръ божіемъ находится градъ небесный, Сіонъ, гдѣ пребываютъ бѣгуны; въ міръ сатаниномъ — великій градъ чешскій Вавилонъ, гдѣ обрѣтаются злобѣрные, злочинные, мустоповы, кови сатанины; въ первомъ праздники торжественные, во второмъ праздники табельные, табачные.

Въ «Вавилонѣ» (т. е. въ Россіи) по личному мѣшю тюменскаго странника, управляетъ всѣми людьми антихристъ, который господствуетъ не духовно, а тѣлесно и видимо, а именно съ 1666 года, когда исполнилось число имени его, или 666. Воплотился антихристъ въ началѣ въ образѣ беззаконной троицы: царя Алексѣя Михайловича, и Никона и справщика книгъ Арсенія Грека. Послѣ того антихристъ постоянно обновляется въ верховныхъ властяхъ. Русское правительство, по ученію тюменскаго странника, есть собраніе слугъ антихриста, который въ первомъ своемъ обновленіи (въ лицѣ Петра I) устроилъ *инсказательный духовный судъ*, и въ немъ поставилъ «богоотчужденное нѣкое зеркало», а въ зеркалѣ написалъ богопротивный человекъ, сирѣчь Петръ I, ихъ законодѣецъ и пастырь, и новый Христось, сирѣчь антихристъ». «Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, — говоритъ тюменскій странникъ, — *судятъ и распоряжаютъ по своей похоти, по злату и серебру, по мѣшкамъ и по штофамъ*, и между судей пребываетъ и распоряжается противникъ божій, отецъ ихъ дьяволъ».

Русскіе законы тюменскій странникъ называетъ *красосказательными книжками* (1), святѣйшій синодъ — *жидовскимъ синодріономъ*, правительствующій сенатъ — *антихристовымъ совѣтомъ*. Въ словѣ *сенаторы* бѣгуны усиливаются отыскать число звѣрино 666, почему пишутъ не сенаторы, а *сенатри*, и такъ вычисляютъ: $c=200 + e=5 + n=50 + a=1 + t=300 + p=100 + i=10 = 666$.

Все ученіе бѣгуновъ есть всецѣлое, рѣшительное, дѣятельное или фактическое отрицанье всѣхъ основныхъ началъ и учреждений имперіи, всей государственной системы. Такъ тюменскій странникъ, какъ и всѣ бѣгуны, отрицаетъ *присягу*, отвергаетъ *резизию души*, отвергаетъ *подати и оброки*: «ибо антихристъ души людей подушнымъ окладомъ себѣ подчиняетъ». Укоряя раскольниковъ другихъ толковъ, платящихъ государственныхъ подати, тюменскій странникъ пишетъ: «мняте службу приносить Богу, а сами не зрятъ, кое время достигли, у кого во области находятся, и сами

(1) Это сознавала сама великая законодательница Екатерина II, когда, изображая вообще недостатки законовъ XVIII вѣка, между прочимъ, замѣтила въ манифестѣ 1766 года: «*страстные толки часто затмѣвали прямой разумъ законовъ*» и проч. Щербатовъ также *озулялъ* законы, (Оправд. моихъ мыслей и проч. Библиогр. Зап. за 1859 г. № 13).

себѣ въ область предаша, клятвою и присягою обложившася и души своя отдаша, сирѣчь душевный окладъ и оброкъ въ смущенную жиловскую церковь: овъ тридесять рублей, овъ 60 рублей, овъ 100 рублей». Противъ присяги бѣгуны и вообще непризнающіе верховной власти раскольники тѣмъ болѣе протестовали, что ихъ часто насильно принуждали присягать. Такая присяга сама себя уничтожала, не имѣя нравственнаго основанія въ совѣсти, въ убѣжденіяхъ присягавшаго принужденно. *Паспорты* и всякій письменный видъ странникъ считаетъ печатью антихриста, толкуя посвоему слова апокалипсиса: «дасть имъ начертаніе на деснѣи руцѣ ихъ или на челахъ ихъ, да никтоже возможесть ни купити, ни продати, токмо кто имать начертаніе, или имя звѣря, или число имене его» (апок. XIII, 16, 17). Подъ числомъ имени его бѣгуны разумѣютъ императорскій титулъ, употребляемый въ плакатныхъ паспортахъ; начертаніе видятъ въ государственномъ гербѣ. Изображеніе государственнаго герба, въ видѣ двуглаваго орла съ распушенными крыльями и лавровыми вѣнками въ лапахъ, толкуютъ такъ: «Орелъ отъ тяжкихъ людскихъ беззаконій крылья свои опустилъ, и держитъ онъ не скипетръ и державу, крестами увѣнчанныя, какъ прежде, во времена благочестія, а змѣи антихристовыхъ». Апокалипсическое выраженіе, что безъ начертанія никто не возможесть ни купити, ни продати, странникъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что безъ купеческаго свидѣтельства, безъ свидѣтельствъ гильдейскаго и цеховаго и безъ паспорта нельзя торговать, ни продавать, ни покупать (1). Стѣснятельность паспортной системы, а равно и гильдейско-цеховыхъ свидѣтельствъ теперь чувствуется всѣми. Отрядая всѣ атрибуты или условія государственнаго вѣроподданства, странникъ отвергаетъ и рекрутскую повинность, и военную службу. Въ защиту бѣгства изъ солдатской службы, странникъ приводитъ слова писанія: «на немъ же аще мѣстѣ воя соберуть, не види тамо, уклонися же и измѣни, не уснуть бо аще зла не сотворить; отъинемется сонъ отъ нихъ, и не спятъ» и проч. (Притч. IV, 15—17). Поэтому бѣгуны охотно принимали въ свое общество бѣглыхъ солдатъ, да и согласье ихъ основано бѣглымъ солдатомъ, и между наставниками ихъ много бѣглыхъ солдатъ. Рекрутскій наборъ тюменскій странникъ также отвергаетъ. Укоряя раскольниковъ другъихъ согласій, онъ говоритъ: «дѣтей ему своихъ въ полки бѣсов-

(1) Въ этомъ образѣ мыслей бѣгуны тѣмъ болѣе утверждались, что начальство, особенно въ прошломъ столѣтіи, часто притѣсняло кушцовъ, мѣщанъ и крестьянъ въ выдачѣ имъ паспортовъ на отпускъ для торговли и промысловъ. (См. напр. донесеніе Державина, въ Архивѣ Калачова, 1859 г. кн. 2, XIV, 21—22.

скіе провожаютъ и снаряжаютъ, какъ и прежде зыки, незнающіе Бога». И практическимъ путемъ горькаго опыта податный народъ дознавалъ, ощущалъ, тягостно переносилъ зло рекрутскаго набора.

Наконецъ тюменскій странникъ, согласно съ Евфиміемъ, говорить, что слѣдуетъ или брань творить съ антихристомъ (апок. XII, 7), или бѣжать въ горы и пустыни отъ него (Мате. XXIV, 16; апок. XII, 14), и пророчить про открытую борьбу съ антихристомъ. «Братся съ антихристомъ открытою силою, — говоритъ странникъ, — до времени нельзя; но когда придетъ время, тогда всякой, записанный въ книги животнаго, долженъ ополчиться на антихриста, и если кто въ этой борьбѣ будетъ убитъ, тотъ получитъ такой мученическій вѣнецъ, какого еще никто изъ христовыхъ мучениковъ не получалъ». Въ ожиданіи этой борьбы, бѣгуны утверждаютъ, что скоро спаситель придетъ съ неба на *бѣломъ конѣ*, сотворитъ брань съ антихристомъ, что тогда всѣ бѣгуны будутъ въ рядахъ воинства его, и затѣмъ наступитъ царство ихъ, откроется для нихъ давно искомый или грядущій городъ, новый Иерусалимъ при каспійскомъ морѣ. Оттого-то бѣгуны туда, въ астраханскую губернію и другія прикаспійскія мѣста и стремились преимущественно.

Таковы существенные, общіе догматы бѣгуновъ. Кромѣ этихъ основныхъ началъ, проявлялись и проявляются нѣкоторые отбѣнки и особенности въ ученіи частныхъ наставниковъ. Напримѣръ Василій, по переврещеніи Иванъ Петровъ, крестьянинъ изъ села Краснаго, костромскаго уѣзда, учившій въ домшинской волости вологодскаго уѣзда и въ пошехонскомъ уѣздѣ проповѣдывалъ своеобразный социализмъ: воспрещалъ собственность и обращалъ личное имущество странниковъ въ пользу всей общины. Кромѣ того онъ запрещалъ принятіе денегъ, какъ заклеяемыхъ антихрисловою печатью. Другіе учителя нападали на греко-россійскую вѣру. Напримѣръ очень даровитый и начитанный ярославскій мѣщанинъ Мокей Федоровъ говорилъ: «Греко-россійская вѣра есть вѣра гражданская, мірская, не на правомъ, искреннемъ убѣжденіи основанная, но служащая правительству для поддержанія порядка и богочтенія къ земной власти».

Нравственный характеръ и бытъ бѣгуновъ вполне сообразенъ съ ихъ ученіемъ. Основной догматъ ихъ о спасительности страстнаго, бѣгства совершенно расторгаетъ между ними семейную замкнутость, возвращаетъ эманципацію членовъ семейства и свободный выходъ изъ дома на всѣ четыре стороны. Тогда какъ въ православномъ купечествѣ напримѣръ, по домостроевскимъ понятіямъ и обычаямъ, господствуетъ крѣпкая семейная заключенность, и

дѣти находятъ почти въ крѣпостной зависимости отъ деспотической власти отцовъ, у бѣгуновъ напротивъ свободно расторгается семья: не только сынъ, но и дочь уходитъ съ любимымъ бѣгуномъ куда угодно. Примѣры бѣгства дочерей изъ отеческихъ домовъ съ бѣгунами-любовниками въ исторіи странниковъ повторялись нерѣдко. Напримѣръ съ бѣгуномъ сибирскимъ, бѣглымъ казакомъ Овчинниковымъ, находилась въ странствѣ дочь тюменскаго купца Опрокидянкова, Надежда Яковлева. Въ него же влюбилась и съ нимъ странствовала дочь сопелковскаго крестьянина Ивана Егорова Панова, Марья. Вообще рѣдкій наставникъ бродяжничалъ безъ любовницы. Намъ доводилось читать любопытную исповѣдь одного наставника бѣгуновъ, какъ онъ съ своей любовницей наслаждался поэзіей любви въ лѣсахъ, полѣ тѣнью деревь и проч. Иногда эти любовницы проявляли рыцарскій героизмъ. Напримѣръ въ началѣ тридцатыхъ годовъ извѣстный наставникъ бѣгуновъ, Василій Горбунчикъ, былъ пойманъ въ Ярославлѣ и по судебному рѣшенью сосланъ въ закавказскій край. Любовница его, странница Марья Васильева, съ соучастіемъ бѣглаго раскольника Афанасія Григорьева, освободила его съ неимоверною смѣлостью. На парѣ лошадей она догнала этапъ, въ которомъ шолъ Василій Петровъ Горбунчикъ, близъ Переяслава. Марья Васильева пѣшкомъ провожала Горбунчика. Они отстали отъ этапа, оставаясь подъ надзоромъ одного конвойнаго, не подозрѣвавшаго злонамѣренности со стороны добродушныхъ, повидимому сострадательныхъ людей. Марья Васильева и Афанасій Григорьевъ воспользовались безпечностью конвойнаго, выхватили у него ружье, бѣглецы съ арестантомъ бросились въ тѣлѣгу, и хотя за ними погнались верховые, но смѣлые раскольники успѣли ускакать и спрятаться въ лѣсу. Тамъ они переодѣлись и, бросивъ лошадей, возвратились къ своимъ приставодержателямъ.

Многое можно бы сказать о замѣчательныхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ избранныхъ бѣгуновъ. Эта необыкновенная смѣлость, энергія, удаля, нерѣдко богатырская, эта хитрая, ловкая вывертливость и находчивость въ стѣснятельныхъ обстоятельствахъ, эта изумительная смѣтливость, изобрѣтательность и удаля, съ какою бѣгуны освобождаются изъ остроговъ и тюремъ, эти похождения, исполненные борьбы и разнообразныхъ приключеній: все это могло бы составить сборникъ любопытнѣйшихъ и характеристическихъ былинъ и народно-физиологическихъ очерковъ. Но для этого нужны особые изысканія и очерки. Въ настоящемъ очеркѣ, мы отмѣтимъ два-три факта, изображающихъ нравственный характеръ бѣгуновъ. Въ высшей степени поразительна эта за-

каменная, твердая, упорная выдержанность отрицанья, какую обнаруживали бѣгуны на судѣ. Напримѣръ бѣгунъ крестьянинъ Емельянъ, по переименованію Мефодій, Герасимовъ, на допросѣ передъ слѣдователями, такъ смѣло и прямо говорилъ въ своемъ показаніи: «Отъ лѣтъ Никона патріарха, царя за благочестивыя не почитаю, а за богоотступники, сопротивники, антихристы; гражданская власть — такожде антихриста слуги; духовная власть — ложные пророки и еретики; за царя и Бога не молю и молитъ не буду, и власть его надъ собою не почитаю, но токмо надъ собою къ душевному спасенію власть признаю царя небеснаго; а церковь великороссійскую за святую не признаю, и у еретиковъ на духу отъ роду не бывалъ, потому я не почитаю за святое.» Содержавшійся въ корчевскомъ тюремномъ замкѣ въ 1840 году, бѣгунъ, крестьянинъ тверской губерніи, корчевскаго уѣзда, деревни Заврашья, Стефанъ, по переименованію Иванъ Кононовъ, по манифесту, состоявшемуся въ 1841 году, былъ освобожденъ; потомъ, послѣ вторичнаго побѣга, опять былъ пойманъ, и при слѣдствіи объявилъ, что онъ христіанскаго исповѣданія, государя и всѣ установленныя имъ власти считаетъ раскольниками, что хотя онъ освобожденъ по манифесту, но манифестъ этотъ за милость не признаетъ, потому что благодѣаніе дано государемъ не по душѣ, а по плоти.» Въ 1841 году былъ пойманъ въ Нижнемъ-Новгородѣ бѣгунъ, крестьянинъ кивешемскаго уѣзда, села Вичуги, Прокофей Васильевъ Царевъ. При допросѣ онъ объявилъ, что государя императора, учрежденныхъ имъ властей, законовъ духовныхъ и гражданскихъ, судебныхъ мѣстъ и самыхъ помѣщиковъ не признаетъ и не почитается имъ, объясняя при этомъ, что на небесахъ есть царь царствующихъ, а на землѣ онъ самъ себѣ царь и іерей.» Бѣгунъ Дементій Петровъ, выдерживая твердость подобныя отвѣтовъ передъ судомъ, отвергалъ всякую пищу, довелъ себя до чахотки и умеръ. А вотъ показаніе женщины, бѣгунши, хотя и не отличающейся рѣзкостью отрицанья, но также достойно вниманія по правотѣ отвѣта и для дополненія характеристики женщинъ-страшницъ или бѣгуншъ: «Матрена (а по христіанскому наименованію Улита) Тимофеева Шаряева, отъ роду имѣю сорокъ лѣтъ, грамотна, христіанка; на исповѣди и у святого причастія не бывала, что такое значить исповѣдь и святое причастіе — понятія не имѣю; церковь божію признаю за истинную, православную, но молятся въ оную нехожу, потому что служители ея крестное знаменіе творятъ шепотомъ, не соблюдая святой троицы, и богослуженіе производятъ противъ солнца; за благовѣрнаго царя, который дѣлаетъ благія дѣла, Богу молюсь; но за императора и весь императорскій домъ

Богу не помошь, а въ молитвахъ своихъ неупоминаю; мощи святыхъ угодниковъ не призываю; что такое именуется мощами — не знаю: ни гдѣ о таковыхъ въ книгахъ исповѣдываемой мною христіанской вѣры не читывала; христіанкою себя именую потому что Христось пострадалъ за родъ человѣческій и умеръ на крестѣ... Назадъ тому лѣтъ двѣнадцать была судима за семилѣтній побѣгъ изъ мѣстожительства своего для богомолья въ лѣса и уклоненіе въ поморскую секту; но по данной правительству подпискѣ быть по прежнему въ православіи — оставлена отъ дѣла свободною. Послѣ освобожденія изъ кунгурскаго тюремнаго замка за первый побѣгъ, я проживала семь лѣтъ въ домѣ родителей своихъ, ходила въ православную церковь молиться Богу; но святыхъ таинъ не приобщалась и побуждаема къ тому не была, а какъ зная, что истинная христіанская вѣра соблюдается въ лѣсахъ, и исполнители оной отъ міра бѣжать, то назадъ тому три года, передъ праздникомъ Ильи пророка, изъ дому отца своего скрылась вторично; скиталась по лѣсу, пришла на ключъ, впадающій въ рѣку Березовку, и отыскавши удобное мѣсто, основала земляную келью... куда пришла ко мнѣ дѣвица Марфа Маракулина; по окончаніи кельи мы именовали себя христіанскими именами: я называлась Улитой, а дѣвица Марфа — Анной... Обратиться попрежнему въ православіе не желаю, потому что, совращаясь дважды въ расколъ, несмѣю надѣяться болѣе на покровительство закона. На всѣ данныя мнѣ вопросы отвѣтствую по чистой совѣсти, справедливо, въ томъ собственноручно и подписуюсь. Къ симъ отвѣтамъ крестьянская дѣвка Матрена Ширяева по упрямству своему руки не приложила и приложить таковую никому не довѣрила.»

Въ заключеніе, для дополненія характеристики учонія и религіозно-политическаго характера бѣгуновъ, приведемъ *полемическое сочиненіе противъ странниковъ*, неизвѣстно кѣмъ написанное — православнымъ или бѣглопоповцемъ. Сочинитель пишетъ: «Можетъ быть скажетъ намъ странникъ, что отъ царей тогда такъ (христіанами странники) названы были, однако сего утвердить не можно, чтобы и сами такъ никогда ненаричались... Мы не дерзаемъ возставлять крामолу на властей, якоже странники... Отъ того, еже злорѣчатся нынѣ христіаномъ раскольниками, яко отъ небывалаго нѣкоего и внезапнаго клича ужаснены будучи странники, нарушили всякое благочиніе и вѣчный законъ христовой церкви, и постави сие довольною причиною неточію непокоренія властемъ, но единственною виною гибели христовой церкви, и составили новый странническій совмъ, все растерзали и попрали въ церкви. Сія ихъ дерзость второкрещенія и верхъ всякаго ихъ законоположенія со-

вершено ихъ отчуждали отъ всякаго вѣрныхъ присоединя .. Я не знаю, претерпѣвала ли когда церковь отъ хулителей своихъ такіа хулы и укоризны, каковыя сѣмя ея терпять нынѣ отъ сихъ христіано-хулителей — странниковъ. Не вѣсть, тщился ли кто такъ отъ еретиковъ разсвѣтать свою прелесть, какъ сіи. Они празны будучи и бездѣльны и невястянуты никакими законами, успѣшно исполняютъ, какъ жнать, дѣло проповѣданія истины. И въ малое, какъ извѣстно намъ, время, отъ лѣта 7332, аки вины преткновенія ихъ, день отъ дня вѣще и вѣще умножаются въ количествѣ. Яко болѣе 500 нынѣ быти числу ихъ какъ сами сказываютъ...

Странники не только что отвергаютъ *повиновение свѣтской власти, но и власть оной повиновущихся*, аще и въ тѣлесныхъ, *облажаютъ судомъ отступничества и погнбелю*... Вопросы странника: кто основалъ вашу церковь? Недолжны ли будутъ рещи, яко отецъ Евфимій? Странники церкви и истинному крещенію ругаются, перекрещиваются, ибо прежде начальникъ ихъ Евфимій крещенъ былъ истиннымъ крещеніемъ, но потомъ наругался тому самокрещеніемъ и прочимъ показалъ примѣръ». Далѣе обличитель называетъ странниковъ разбойниками: «разбойники суть, понеже виновны бываютъ погнбелю не только душевной, но и тѣлесной, за непризнаніе надъ собою челоуѣческой власти и за непокорство въ тѣлесныхъ; крамольники суть, понеже крамолу на властей выдвизаютъ; отступники суть, понеже отступили отъ православной христовой церкви, и нехотятъ выдавать власти даней, уроковъ, чести и страха, якоже и ересеначальникъ ихъ; ибо не только странники удаляются, отступаютъ мѣста отечества ихъ, елико отеческаго права, ибо во всѣ времена никто не узаконивалъ, чтобъ всѣмъ бѣгать и удалаться домовъ своихъ... Развѣ токмо самая праздность учить ихъ обходить всюду грады и веси и всѣхъ развращать своимъ ученіемъ. Самъ Христосъ низжайшее состояніе рабства себѣ избра: отъ самаго рожденія своего вписанъ рабъ быти и данникъ Кесаря; власти Кесаря и Пилата ни въ чемъ не противился. Развѣ только скажутъ на сіе странники, что не своею волею Христосъ въ рабѣхъ кесаревыхъ напился, а по силѣ повелѣнія, но и сіе мнѣніе несогласно евангелію... Наши же изумленные странники обвиняютъ насъ и всю церковь, которая во всѣ гонительныя времена не отверглась ярма рабства, даней и властей мірскихъ... Какой извѣтъ непослушанія своего дадутъ странники? Если скажутъ, что власти тогда были не таковы, какъ нынѣ; но властей въ то время, когда апостолы поучали повиноваться властямъ предержавнымъ, во всемъ мірѣ не бѣ православныхъ, но вси идолослужители, даже до Константина великаго... «По ученію странническому нигдѣ же нѣсть въ мірѣ неодолимой цер-

кви, повсюду то ересями, то гоневіями есть одолѣна, даже и въ самой Россіи, отъ временъ Петра I и бывшей отъ него второй ревизіи и записанія ради въ расколъ одолена и погибла, якоже укрѣпляютъ они насъ въ томъ своими тетрадами; наипаче же и самымъ дѣломъ доказалъ то начальникъ ихъ Евфимій: основалъ на себѣ новую бѣгствующую церковь. И если о себѣ скажутъ, что они потомки древнихъ російскихъ христіанъ, написавшихся въ ревизіи, то и сіе лжа есть, ибо Евфимій нигдѣ не нашолъ незаписанныхъ въ расколъ по 2-й и по 3-й ревизіи; а если же кто и былъ отъ укрывающихся, то отъ записанныхъ не раскальвались. Бѣгуны говорятъ, что погибла церковь во вторую ревизію, бывшую въ 1744 году, и что до 1782 года, втеченіи 38 лѣтъ, отъ второй ревизіи до самокрещенія евфиміева, церковь укрывалась гдѣ-нибудь.»

А. ЩАПОВЪ

БѢЛАЯ НОЧЬ

Дымъ потянуло вдаль, повѣяло прохладой.
Безъ тѣни, безъ огней, надъ блѣдною Невой
Идетъ ночь блѣдная — лишь куполъ золотой
Изъ-за сѣдыхъ дворцовъ, надъ круглой колонадой,
Какъ мертвеца вѣнецъ передъ лампадой,
Мерцаетъ въ высотѣ холодной и нѣмой.
Скажи, куда нати за счастьемъ, за отрадой,
Скажи, на что ты золь, товарищъ бѣдный мой?!
Вотъ темный монументъ вознесся надъ гранитомъ,
Иль мысль стѣсненная твоя,
Спасенья ищетъ въ жалѣ ядовитомъ,
Какъ эта мѣдная змѣя
Подъ мѣднымъ всадникомъ, прижатая копытомъ
Его несущаго кова...

Я. ПОЛОНСКІЙ

СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТЪ

РАСКАЗЪ

Этотъ скверный анекдотъ случился именно въ то самое время, когда началось съ такою неудержимою силою и съ такимъ трогательно-наивнымъ порывомъ возрожденіе нашего любезнаго отечества и стремленіе всѣхъ доблестныхъ сыновъ его къ новымъ сульбамъ и надеждамъ. Тогда, однажды зимой, въ ясный и морозный вечеръ, впрочемъ часу уже въ двѣнадцатомъ, три чрезвычайно почтенные мужа сидѣли въ комфортной и даже роскошно убранной комнатѣ, въ одномъ прекрасномъ двухъ-этажномъ домѣ на петербургской сторонѣ и занимались солиднымъ и превосходнымъ разговоромъ на весьма любопытную тему. Эти три мужа были всѣ трое въ генеральскихъ чинахъ. Сидѣли они вокругъ маленькаго столика, каждый въ прекрасномъ, мягкомъ креслѣ, и между разговоромъ тихо и комфортно потягивали шампанское. Бутылка стояла тутъ-же на столикѣ въ серебряной вазѣ со льдомъ. Дѣло въ томъ, что хозяинъ тайный совѣтникъ Степанъ Никифоровичъ Никифоровъ, старый холостякъ лѣтъ шестидесяти-пяти, праздновалъ свое новоселье въ только-что купленномъ домѣ, а кстати ужъ и день своего рожденія, который тутъ-же припалъ и который онъ никогда до сихъ поръ не праздновалъ. Впрочемъ празднованіе было не Богъ знаетъ какое; какъ мы уже видѣли было только двое гостей, оба прежніе сослуживцы г. Никифорова и прежніе его подчиненные, а именно: дѣйствительный статскій совѣтникъ Семень Ивановичъ Шипуленко и другой, тоже дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Пралинскій. Они пришли часовъ въ девять, кушали чай, потомъ принялись

за вино и знали, что ровно въ половину двѣнадцатаго имъ надо отправляться домой. Хозяинъ всю жизнь любилъ регулярность. Два слова о немъ: началъ онъ свою карьеру мелкимъ, необезпеченнымъ чиновникомъ, спокойно тянулъ канитель лѣтъ сорокъ—пять сряду, очень хорошо зналъ до чего дослужится, терпѣть не могъ хватать съ неба звѣзды, хотя имѣлъ ихъ уже лѣтъ, и особенно не любилъ высказывать по какому—бы—то ни было поводу свое собственное личное мнѣнiе. Былъ онъ и честенъ, то есть ему не пришлось сдѣлать чегонибудь особенно безчестнаго; былъ холостъ, потому что былъ эгоистъ; былъ очень не глупъ, но терпѣть не могъ выказывать свой умъ; особенно не любилъ неряшества и восторженности, считая ее неряшествомъ нравственнымъ, и подъ конецъ жизни совершенно погрузился въ какой—то сладкiй, лѣнивый комфортъ и въ систематическое одиночество. Хотя самъ онъ и бывалъ иногда въ гостяхъ у людей получше, но еще смолоду терпѣть не могъ гостей у себя, а въ послѣднее время, если не раскладывалъ грань—пасьянсъ, довольствовался обществомъ своихъ столовыхъ часовъ и по цѣлымъ вечерамъ невозмутимо выслушивалъ, дремя въ креслахъ, ихъ тиканье подъ стекляннымъ колпакомъ на каминѣ. Наружности былъ онъ чрезвычайно приличной и выбритой, казался моложе своихъ лѣтъ, хорошо сохранился, обѣщавъ прожить еще долго и держался самага строгаго джентльменства. Мѣсто у него было довольно комфортное: онъ гдѣ—то засѣдалъ и что—то подписывалъ. Однимъ словомъ его считали превосходнѣйшимъ человѣкомъ. Была у него одна только страсть, или лучше сказать одно горячее желанье: это — имѣть свой собственный домъ и именно домъ, выстроенный на барскую, а не на капитальную ногу. Желанье его наконецъ осуществилось: онъ приглядѣлъ и купилъ домъ на петербургской сторонѣ, правда далеко, но домъ съ садомъ и притомъ домъ изящный. Новый хозяинъ рассуждалъ что оно и лучше, если подальше: у себя принимать онъ не любилъ, а ѣздить къ комунибудь или въ должность, на—то была у него прекрасная двумѣстная карета шоколаднаго цвѣту, кучеръ Михей и двѣ маленькiя, но крѣпкiя и красивыя лошадки. Все это было благоприобрѣтенное сорокалѣтней, копотливой экономiей, такъ что сердце на все это радовалось. Вотъ почему, приобретя домъ и переѣхавъ въ него, Степанъ Никифоровичъ ощутилъ въ своемъ спокойномъ сердцѣ такое довольство, что пригласилъ

даже гостей на свое рожденіе, которое прежде тщательно утаивалъ отъ самыхъ близкихъ знакомыхъ. На одного изъ приглашенныхъ онъ имѣлъ даже особые виды. Самъ онъ въ домѣ занялъ верхній этажъ, а въ нижній, точно также выстроенный и расположенный, надобилось жильца. Степанъ Никифоровичъ и рассчитывалъ на Семена Ивановича Шипуленко, и въ этотъ вечеръ даже два раза сводилъ разговоръ на эту тему. Но Семенъ Ивановичъ на этотъ счетъ отмалчивался. Это былъ человекъ тоже туго и долго-временно пробивавшій себѣ дорогу, съ черными волосами и бакенбардами и съ оттѣнкомъ постояннаго разлитія жолчи въ физиономіи. Былъ онъ женатъ, былъ угрюмый домосѣдъ, свой домъ держалъ въ страхѣ, служилъ съ самоувѣренностію, тоже прекрасно зналъ до чего онъ дойдетъ и еще лучше до чего никогда не дойдетъ, сидѣлъ на хорошемъ мѣстѣ и сидѣлъ очень крѣпко. На начинавшіеся новые порядки онъ смотрѣлъ хоть и не безъ жолчи, но особенно не тревожился : онъ былъ очень увѣренъ въ себѣ и не безъ насмѣшливой злобы выслушивалъ разглагольствія Ивана Ильича Пралинскаго на новыя темы. Впрочемъ всѣ они отчасти подвыпили, такъ что даже самъ Степанъ Никифоровичъ снизошелъ до г. Пралинскаго и вступилъ съ нимъ въ легкій споръ о новыхъ порядкахъ. Но нѣсколько словъ и о его превосходительствѣ г. Пралинскомъ, тѣмъ болѣе, что онъ-то и есть главный герой предстоящаго разсказа.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Пралинскій всего только четыре мѣсяца какъ назывался вашимъ превосходительствомъ, однимъ словомъ былъ генераль молодой. Онъ и по лѣтамъ былъ еще молодъ, лѣтъ сорока-трехъ и никакъ не болѣе, на видъ-же казался и любилъ казаться моложе. Это былъ мужчина красивый, высокаго роста, щеголялъ костюмомъ и изысканной солидностію въ костюмѣ, съ большимъ умѣньемъ носилъ значительный орденъ на шеѣ, умѣлъ еще съ дѣтства усвоить нѣсколько великосвѣтскихъ замашекъ и будучи холостой, мечталъ о богатой и даже великосвѣтской невѣстѣ. Онъ о многомъ еще мечталъ, хотя былъ далеко не глушъ. Подчасъ онъ былъ большой говорунъ и даже любилъ принимать парламентскія позы. Происходилъ онъ изъ хорошаго дома, былъ генеральскій сынъ и бѣлоручка, въ нѣжномъ дѣтствѣ своемъ ходилъ въ бархатъ и батистъ, воспитывался въ аристократическомъ заведеніи и хотъ вынесъ изъ него немного познаній, но на службѣ усилъ и дотя-

нуль до генеральства. Начальство считало его человѣкомъ способнымъ и даже возлагало на него надежды. Степанъ Никифоровичъ, подѣ началомъ котораго онъ и началъ и продолжалъ свою службу почти до самаго генеральства, никогда не считалъ его за человѣка весьма дѣловитаго и надежнаго на него не возлагалъ никакихъ. Но ему нравилось, что онъ изъ хорошаго дома, имѣеть состояніе, то есть большой капитальный домъ съ управителемъ, сродни не послѣднимъ людямъ и сверхъ того обладаетъ осажкой. Степанъ Никифоровичъ хулилъ его про себя за избытокъ воображенія и легкомысліе. Самъ Иванъ Ильичъ чувствовалъ иногда, что онъ слишкомъ самолюбивъ и даже щекотливъ. Странное дѣло: подчасъ на него находили припадки какой-то болѣзненной совѣстливости и даже легкаго въ чемъ-то раскаянья. Съ горечью и съ тайной занозой въ душѣ сознавался онъ иногда, что вовсе не такъ высоко летаетъ какъ ему думается. Въ эти минуты онъ даже впадалъ въ какое-то уныніе, особенно когда разыгрывался его геморой, называлъ свою жизнь une existence pauvre, переставалъ вѣрить, разумѣется про себя, даже въ свои парламентскія способности, называлъ себя парлеромъ, фразеромъ и хотя все это конечно приносило ему много чести, но отнюдь не мѣшало черезъ полчаса опять подымать свою голову и тѣмъ упорнѣе, тѣмъ запосчивѣе ободряться и увѣрять себя, что онъ еще успѣетъ проявиться и будетъ не только сановникомъ, но даже государственнымъ мужемъ, котораго долго будетъ помнить Россія. Даже мерещились ему подчасъ монументы. Изъ этого видно, что Иванъ Ильичъ хваталъ высоко, хотя и глубоко, даже съ нѣкоторымъ страхомъ танлъ про себя свои неопредѣленные мечты и надежды. Однимъ словомъ человѣкъ онъ былъ добрый и даже поэтъ въ душѣ. Въ послѣдніе годы, болѣзненные минуты разочарованья стали-было чаще посѣщать его. Онъ сдѣлался какъ-то особенно раздражителенъ, мнителенъ и всякое возраженіе готовъ былъ считать за обиду. Но обновляющаяся Россія подала ему вдругъ большія надежды. Генеральство ихъ довершило. Онъ воспрянулъ; онъ поднялъ голову. Онъ вдругъ началъ говорить краснорѣчиво и много, говорить на самыя новыя темы, которыя чрезвычайно быстро и неожиданно усвоилъ себѣ до ярости. Онъ искалъ случая говорить, ѣздилъ по городу и во многихъ мѣстахъ успѣлъ прослыть отчаяннымъ либераломъ, что очень ему льстило. Въ этотъ-же вечеръ, вышивъ бокала четыре, онъ

особенно разгулялся. Ему захотѣлось переубѣдить во всемъ Степана Никифоровича, котораго онъ передъ этимъ давно не видалъ и котораго до сихъ поръ всегда уважалъ и даже слушался: Онъ почему-то считалъ его ретроградомъ и напалъ на него съ необыкновеннымъ жаромъ. Степанъ Никифоровичъ почти не возражалъ, а только лукаво слушалъ, хотя тема интересовала его. Иванъ Ильичъ горичился и въ жару воображаемаго спора, чаще тѣмъ-бы слѣдовало пробовать изъ своего бокала. Тогда Степанъ Никифоровичъ бралъ бутылку и тотчасъ-же добавлялъ его бокалъ, что неизвѣстно почему, начало вдругъ обижать Ивана Ильича, тѣмъ болѣе что Семень Ивановичъ Шипуленко, котораго онъ особенно презиралъ и сверхъ того даже боялся за цинизмъ и за злость его, тутъ-же съ боку прековарно молчалъ и чаще тѣмъ-бы слѣдовало улыбался. «Они, кажется, принимаютъ меня за мальчишку» мелькнуло въ головѣ Ивана Ильича.

— Нѣтъ-съ, пора, давно ужъ пора было, продолжалъ онъ съ азартомъ. — Слишкомъ опоздали-съ, и на мой взглядъ гуманность, гуманность первое дѣло, гуманность съ подчиненными, памятуя, что и они человѣки. Гуманность все спасетъ и все вывезетъ...

— Хи-хи-хи-хи! слышалось со стороны Семена Ивановича.

— Да что-же однакожъ вы насъ такъ распекаете, возразилъ наконецъ Степанъ Никифоровичъ, любезно улыбаясь. — Признаюсь, Иванъ Ильичъ, до сихъ поръ не могу взять въ толкъ, что вы изволили объяснять. Вы выставляете гуманность. Это значить человѣколюбіе, что-ли?

— Да, пожалуй хоть и человѣколюбіе. Я...

— Позвольте-съ. Сколько могу судить, дѣло не въ одномъ этомъ. Человѣколюбіе всегда слѣдовало. Реформа-же этимъ не ограничивается. Поднялись вопросы крестьянскіе, судебные, хозяйственные, откупные, нравственные и... и... и безъ конца ихъ, этихъ вопросовъ, и все вместе, все разомъ можетъ породить большія такъ-сказать колебанья. Вотъ мы прочто опасались, а не объ одной гуманности...

— Да-съ, дѣло поглубже съ, замѣтилъ Семень Ивановичъ.

— Очень понимаю-съ, и позвольте вамъ замѣтить Семень Ивановичъ, что я отнюдь не соглашусь отстать отъ васъ въ глубинѣ пониманія вещей, язвительно и черезъ-чуръ резко замѣтилъ

Иванъ Ильичъ: — но однакожъ все-таки нозьму на себя смѣлость замѣтить и вамъ Степанъ Никифоровичъ, что вы тоже меня во-все не поняли...

— Непонялъ.

— А между тѣмъ я именно держусь и вездѣ провожу идею, что гуманность, и именно гуманность съ подчиненными, отъ чиновника до писаря, отъ писаря до двороваго слуги, отъ слуги до мужика, — гуманность, говорю я, можетъ послужить такъ-сказать краеугольнымъ камнемъ предстоящихъ реформъ и вообще къ обновленію вещей. Почему? Потому. Возьмите силогизмъ: я гуманенъ, слѣдовательно меня любятъ. Меня любятъ, стало-быть чувствуютъ довѣренность. Чувствуютъ довѣренность, стало-быть вѣрують; вѣрують стало-быть любятъ... т. е. нѣтъ, я хочу сказать если вѣрують, то будутъ вѣрить и въ реформу, поймутъ такъ-сказать самую суть дѣла, такъ-сказать обнимутся нравственно и рѣшать все дѣло дружески, основательно. Чего вы смѣтаетесь Семень Ивановичъ? не понятно?

Степанъ Никифоровичъ молча поднялъ брови; онъ удивлялся.

— Мнѣ кажется я немного лишнее выпилъ, замѣтилъ ядовито Семень Ивановичъ: — а потому и тугъ на соображеніе. Нѣкоторое затмѣніе въ умѣ-сь.

Ивана Ильича передегернуло.

— Не выдержимъ, произнесъ вдругъ Степанъ Никифорычъ послѣ легкаго раздумья.

— То-есть какъ это не выдержимъ? спросилъ Иванъ Ильичъ, удивляясь внезапному и отрывочному замѣчанью Степана Никифорыча.

— Такъ, не выдержимъ. Степанъ, Никифорычъ очевидно не хотѣлъ распространяться далѣе.

— Это вы ужъ не на счетъ ли новаго вина и новыхъ мѣховъ? не безъ ироніи возразилъ Иванъ Ильичъ. — Ну, нѣтъ-сь; за себя-то ужъ я отвѣчаю.

Въ эту минуту часы пробили половину двѣнадцатаго.

— Сидятъ-сидятъ да и ѣдутъ, сказалъ Семень Ивановичъ приготавливаясь встать съ мѣста. Но Иванъ Ильичъ предупредилъ его, тотчасъ всталъ изъ-за стола и взялъ съ камина свою соболью шапку. Онъ смотрѣлъ какъ обиженный.

— Такъ какже, Семень Ивановичъ, подумаете? сказалъ Степанъ Никифорычъ, провожая гостей.

— На счетъ квартирки-то-съ? Подумаю, подумаю-съ.

— А что надумаете, такъ увѣдомьте поскорѣе.

— Все о дѣлахъ? любезно замѣтилъ г. Пралинскій съ вѣкторымъ заискиваніемъ и поигрывая своей шапкой. Ему показалось, что его какъ-будто забываютъ.

Степанъ Никифорычъ поднялъ брови и молчалъ въ знакъ того, что не задерживаетъ гостей. Семень Ивановичъ торопливо откланялся.

— А... ну... послѣ этого какъ хотите... коли не понимаете простой любезности, рѣшилъ просебя г. Пралинскій и какъ-то особенно независимо протянулъ руку Степану Никифорычу.

Въ передней Иванъ Ильичъ закутался въ свою легкую дорожную шубу, стараясь для чего-то не замѣчать истасканнаго енота Семена Ивановича и оба стали сходить съ лѣстницы.

— Нашъ старикъ какъ-будто обидился, сказалъ Иванъ Ильичъ молчавшему Семену Ивановичу.

— Нѣтъ, отчего же? отвѣчалъ тотъ спокойно и холодно.

— Холопъ! подумалъ про себя Иванъ Ильичъ.

Сошли на крыльцо. Семену Ивановичу подали его сани, съ сѣрымъ неказистымъ жеребчикомъ.

— Кой-чортъ! Куда же Трифонъ дѣвалъ мою карету! вскричалъ Иванъ Ильичъ, не видя своего экипажа.

Туда-сюда, — кареты не было. Человѣкъ Степана Никифорыча не имѣлъ объ ней понятія. Обратились къ Варламу, кучеру Семена Ивановича, и получили въ отвѣтъ, что все стоялъ тутъ, и карета тутъ же была, а теперь вотъ и нѣтъ.

— Скверный анекдотъ! произнесъ г. Шипуленко: — хотите доведу?

— Подлецъ-народъ! съ бѣшенствомъ закричалъ г. Пралинскій. — Просился у меня, каналья, на свадьбу, тутъ же на петербургской, какая-то кума замужъ идетъ, чортъ ее дери. Я строго запретилъ ему отлучаться. И вотъ бьюсь объ закладъ, что онъ туда уѣхалъ!

— Онъ дѣвствительно, замѣтилъ Варламъ, поѣхалъ туда-съ; да общалъ въ одну минутую обернуться, къ самому то-есть времени быть.

— Ну такъ! я какъ-будто предчувствовалъ! ужъ я-жь его!

— А вы лучше поспѣйте его хорошенько раза два въ части, вотъ онъ и будетъ исполнять приказанья, сказалъ Семень Иванычъ, уже закрываясь полостью.

— Пожалуста не беспокойтесь, Семень Иванычъ!

— Такъ не хотите, доведу.

— Счастливый путь, шерсі.

Семень Иванычъ уѣхалъ, а Иванъ Ильичъ пошелъ пѣшкомъ по деревяннымъ мосткамъ, чувствуя себя въ довольно сильномъ раздраженіи.

— Нѣтъ ужъ, я-жъ тебя теперь мошеника! Нарочно пѣшкомъ пойду, чтобъ ты чувствовалъ, чтобъ ты испугался! Воротится и узнаетъ, что баринъ пѣшкомъ пошелъ... мерзавецъ!

Иванъ Ильичъ никогда еще такъ не ругался, но ужъ очень онъ былъ разбѣшонъ и въ добавокъ въ головѣ шумѣло. Онъ былъ человѣкъ неплющій, и потому какія-нибудь пять-шесть бокаловъ скоро подѣйствовали. Но ночь была восхитительная. Было морозно, но необыкновенно тихо и безвѣтренно. Небо было ясное, звѣздное. Полный мѣсяцъ обливалъ землю матовымъ серебрянымъ блескомъ. Было такъ хорошо, что Иванъ Ильичъ пройдя шаговъ пятьдесятъ почти забылъ о бѣдѣ своей. Ему стало какъ-то особенно пріятно. Ктому же люди подъ хмѣлкомъ быстро мѣняютъ впечатлѣнія. Ему даже начали нравиться невзрачные деревянные домики пустынной улицы.

— А вѣдь я славно, что я пѣшкомъ пошелъ, думалъ онъ про себя: и Трифону урокъ, да и мнѣ удовольствіе. Право, надо чаще ходить пѣшкомъ. Чтожъ? на большомъ проспектѣ я тотчасъ найду извозчика. Славная ночь! Какіе тутъ все домишки. Должно быть мелкота живетъ, чиновники... купцы можетъ-быть... этотъ Степанъ Никифоричъ! и какіе всѣ они ретрограды, старые колпаки! Именно колпаки, c'est le mot. Впрочемъ онъ умный человѣкъ; есть этотъ bon-sens, трезвое, практическое пониманіе вещей. Но за то старики, старики! Нѣтъ этого... какъ бишь его! — Ну да чего-то нѣтъ... Невыдержимъ! что онъ этимъ хотѣлъ сказать? Даже задумался, когда говорилъ. Онъ впрочемъ меня совсѣмъ не понималъ. А и какъ бы не понять? Труднѣе не понять, чѣмъ понять. Главное то, что я убѣжденъ, душою убѣжденъ. Гуман-

ность... человеколюбіе. Возвратить человека самому себѣ... возродить его собственное достоинство и тогда... съ готовымъ матерьяломъ приступайте къ дѣлу. Кажется ясно! Да-съ! Ужь это позвольте ваше превосходительство, возьмите силогизмъ: мы встрѣчаемъ на примѣръ съ вами чиновника, чиновника бѣднаго, забитаго. Ну... кто ты? отвѣтъ: чиновникъ. Хорошо, чиновникъ; далѣе: Какой ты чиновникъ? отвѣтъ: такой-то, дескать, и такой-то чиновникъ. — Служишь? Служу! — Хочешь быть счастливъ? Хочу. — Что надобно для счастья? То-то и то-то. — Почему? потому... И вотъ человекъ меня понимаетъ съ двухъ словъ: человекъ мой, человекъ уловленъ такъ-сказать сѣтями, и я дѣлаю съ нимъ все что хочу, то-есть для его же блага. Скверный человекъ этотъ Семень Иванычъ! и какая у него скверная рожа... Высѣки въ части, — это онъ нарочно сказалъ. — Нѣтъ врешь, самъ сѣки, а я сѣчь не буду; я Трифона словомъ дойму, попрекомъ дойму, вотъ онъ и будетъ чувствовать. Насчетъ розогъ, гм... вопросъ нерѣшонный, гм... А не заѣхать ли къ Эмерансъ? Фу ты чортъ, проклятые мостки! вскрикнулъ онъ, вдругъ оступившись. И это столица! Просвѣщеніе! Можно ногу сломать. Гм. Ненавижу я этого Семена Иваныча; препротивная рожа. Это онъ надо мной давеча хихикалъ, когда я сказалъ: обвинутся нравственно. Ну и обвинутся, а тебѣ что за дѣло? Ужь тебя-то не обвиню; скорѣй мужика... Мужикъ встрѣтится и съ мужикомъ поговорю. Впрочемъ я былъ пьянъ и можетъ-быть не такъ выражался. Я и теперь можетъ-быть не такъ выражаюсь... Гм. Никогда не буду пить. Съ вечеру наболтаешь, а на завтра раскаеваешься. Чтожъ, я вѣдь не шатаюсь иду... А впрочемъ всѣ они мошенники!

Такъ рассуждалъ Иванъ Ильичъ, отрывочно и безсвязно, продолжая шагать по тротуару. На него подѣйствовалъ свѣжій воздухъ и такъ-сказать раскачалъ его. Минуть черезъ пять онъ бы успокоился и захотѣлъ спать. Но вдругъ, почти въ двухъ шагахъ отъ Большого проспекта, ему послышалась музыка. Онъ оглядѣлся. На другой сторонѣ улицы, въ очень ветхомъ одноэтажномъ, но длинномъ деревянномъ домѣ задавался пиръ горой, гудѣли скрипки, скрицѣлъ контръ-басъ и визгливо заливалась флейта на очень веселый кадильный мотивъ. Подъ окнами стояла публика, больше женщины въ ватныхъ салопахъ, и въ платкахъ на головѣ; онѣ напрягали всѣ усилія, чтобы разглядѣть что-нибудь сквозь щели ставень. Видно весело было. Гулъ отъ топота тан-

пующихъ достигалъ другой стороны улицы. Иванъ Ильичъ не вдалекѣ отъ себя замѣтилъ городского и подошелъ къ нему.

— Чей это братецъ, домъ? спросилъ онъ, немного распахивая свою дорожную шубу, ровно на столько, чтобы городской могъ замѣтить значительный орденъ на шеѣ.

— Чиновника Пселдонимова, регистратора, отвѣчалъ выпрямившись городской, мигомъ успѣвшій разглядѣть отличие.

— Пселдонимова? ба! Пселдонимова!... Чтожъ онъ? женится?

— Женится, ваше высокородіе, на титулярнаго совѣтника дочери. Млекопитаевъ, титулярный совѣтникъ... въ управѣ служилъ. Этотъ домъ за невѣстой ихней идетъ—съ.

— Такъ-что теперь ужъ это Пселдонимова, а не Млекопитаева домъ?

— Пселдонимова ваше высокородіе. Млекопитаева былъ, а теперь Пселдонимова.

— Гм. Я потому тебя, братецъ, спрашиваю, что я начальникъ его. Я генералъ надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ Пселдонимовъ служилъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство. Городовой вытянулся окончательно, а Иванъ Ильичъ какъ-будто залумался. Онъ стоялъ и соображалъ...

Да, дѣйствительно Пселдонимовъ былъ изъ его вѣдомства, изъ самой его канцеляріи; онъ припомянулъ это. Это былъ маленькой чиновникъ, рубляхъ на десяти въ мѣсяцъ жалованія. Такъ какъ г. Пралипскій принялъ свою канцелярію еще очень недавно, то могъ и непомнить слишкомъ подробно всѣхъ своихъ подчиненныхъ, но Пселдонимова онъ помнилъ, именно по случаю его фамиліи. Она бросилась ему въ глаза съ перваго разу, такъ что онъ тогда же полюбопытствовалъ взглянуть на обладателя такой фамиліи повнимательнѣе. Онъ припомнилъ теперь еще очень молодого человѣка, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, съ бѣлобрысыми и кочковатыми волосами, худосочнаго и худовыкормленнаго, въ невозможномъ вицмундирѣ и въ невозможныхъ даже до неприличія невыразимыхъ. Онъ помнилъ, какъ у него тогда же мелькнула мысль: не опредѣлить ли бѣдняку рублей десятокъ къ празднику для поправки? Но такъ какъ лицо этого бѣдняка было слишкомъ постное, а взглядъ крайне несимпатичный, даже возбуждающій отвращеніе, то добрая мысль сама собой какъ

то испарилась, такъ что Пселдонимовъ и остался безъ награды. Тѣмъ сильнѣе изумилъ его этотъ же самый Пселдонимовъ, не болѣе какъ недѣлю назадъ, своею просьбой жениться. Иванъ Ильичъ помнилъ, что ему какъ-то не было времени заняться этимъ дѣломъ подробнѣе, такъ что дѣло о сватьбѣ рѣшено было слегка, наскоро. Но все-таки онъ съ точностію припоминалъ, что за невѣстой своей Пселдонимовъ беретъ деревянный домъ и четыреста рублей чистыми деньгами; это обстоятельство тогда же его удивило; онъ помнилъ, что даже слегка съострилъ надъ столкновениемъ фамилій Пселдонимова и Млекопитаевой. Онъ ясно припоминалъ все это.

Припоминалъ онъ, и все болѣе и болѣе раздумывался. Извѣстно, что цѣлыя разсужденія проходятъ иногда въ нашихъ головахъ мгновенно, въ видѣ какихъ-то ощущеній, безъ перевода на человѣческій языкъ, тѣмъ болѣе на литературный. Но мы постараемся перевести всѣ эти ощущенія героя нашего и представить читателю хотя бы только сущность этихъ ощущеній, такъ сказать то, что было въ нихъ самое необходимое и правдоподобное. Потому что вѣдь многія изъ ощущеній нашихъ, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, покажутся совершенно неправдоподобными. Вотъ почему они никогда и на свѣтъ не являются, а у всякаго есть. Разумѣется ощущенія и мысли Ивана Ильича были немного безсвязны. Но вѣдь вы знаете причину.

— Что же! мелькало въ его головѣ: — вотъ мы всѣ говоримъ, говоримъ, а коснется до дѣла и только шишъ выходить. Вотъ примѣръ, хоть бы этотъ самый Пселдонимовъ: онъ приѣхалъ давеча отъ вѣнца въ волненіи, въ надеждѣ, ожидая вкусить... Это одинъ изъ блаженнѣйшихъ дней его жизни... Теперь онъ возится съ гостями, задаетъ пирь — скромный, бѣдный, но веселый, радостный, искренній... Что жъ еслибъ онъ узналъ, что въ эту самую минуту я, я, его начальникъ, его главный начальникъ, тутъ же стою у его дома и слушаю его музыку! А и въ самомъ дѣлѣ, чтобы съ нимъ было? Нѣтъ, чтобы съ нимъ было, еслибъ я теперь же вдругъ взялъ и вошелъ? гм... Разумѣется сначала онъ испугался бы, онѣмѣлъ бы отъ замѣшательства. Я помѣшалъ бы ему, я разстроилъ бы можетъ быть все... Да, такъ и было бы, еслибъ вошелъ всякій другой генералъ; но не я... Въ томъ-то и дѣло, что всякій, да только не я...

Да, Степанъ Никифоровичъ! Вотъ вы не понимали меня давеча, а вотъ вамъ и готовый примѣръ.

Да-съ. Мы всё кричимъ о гуманности, но героизма, подвига, мы сдѣлать не въ состояніи.

Какого героизма? такого. Разсудите-ка: при теперешнихъ отношеніяхъ всѣхъ членовъ общества, мнѣ, мнѣ войти въ первомъ часу ночи на свадьбу своего подчиненнаго, регистратора, на десяти рублѣхъ, да вѣдь это замѣшательство, это — коловращеніе идей, послѣдній день Помпеи, сумбуръ! Этого никто не пойметъ. Степанъ Никифоровичъ умереть — не пойметъ. Вѣдь сказалъ же онъ: невыдержимъ. Да, но это вы, люди старые, люди паралича и косности, а я, я вы-дер-жу! Я обращаю послѣдній день Помпеи въ сладчайшій день для моего подчиненнаго и поступокъ дикій — въ нормальный, патріархальный, высокій и нравственный. Какъ? такъ. Извольте прислушаться...

Ну... вотъ я положимъ вхожу: — они изумляются, прерываютъ танцы, смотрять дико, пьются. Такъ-съ, но тутъ-то я и выказываюсь: я прямо иду къ испуганному Пселлонимову и съ самой ласковой улыбкой, такъ-таки въ самыхъ простыхъ словахъ говорю: «такъ и такъ, дескать, былъ у его превосходительства Степана Никифоровича. Полагаю знаешь, здѣсь, по соѣдству...» Ну, тутъ слегка въ смѣшномъ этакъ видѣ рассказываю приключеніе съ Трифономъ. Отъ Трифона перехожу къ тому, какъ пошолъ пѣшкомъ... «Ну — слышу музыку, любопытствую у городского и узнаю, братъ, что ты женишься. Дай, думаю, зайду къ подчиненному, посмотрю какъ мои чиновники веселятся и... женятся. Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю!» прогонишь! Каково словечко, для подчиненнаго. Какой ужъ тутъ чортъ прогонишь! Я думаю онъ съ ума сойдетъ, со всѣхъ ногъ кинется меня въ кресло сажать, задрожитъ отъ восхищенія, не сообразится даже на первый разъ!..

Ну что можетъ быть проще, взявшиѣ такого поступка! Зачѣмъ я вошолъ? Это другой вопросъ! Это уже, такъ сказать, нравственная сторона дѣла. Вотъ тутъ-то и сокъ!

Гм... Объ чемъ бишь я думалъ? да!

Ну ужъ конечно они меня посадятъ съ самымъ важнымъ гостемъ, какой-нибудь тамъ титулярный, али родственникъ, отставной штабсъ-капитанъ съ краснымъ носомъ... Славно этихъ оригиналовъ Гоголь описывалъ. Ну, знакомлюсь разу-

мѣется съ молодой, хвалю ее, ободряю гостей. Прошу ихъ не стѣсняться, веселиться, продолжать танцы, острою, смѣюсь, однимъ словомъ — я любезенъ и милъ. Я всегда любезенъ и милъ, когда доволенъ собой... Гм... то-то и есть, что я все еще, кажется, немного того... т. е. не пьянъ, а такъ...

... Разумѣется я, какъ джентльменъ; на равной съ ними ногѣ и отиудю не требую какихъ-нибудь особенныхъ знаковъ... Но нравственно, нравственно дѣло другое: они поймутъ и оцѣвятъ... Мой поступокъ воскресить въ нихъ все благородство... Ну и свжу полчаса... Даже часъ. Уйду разумѣется передъ самымъ ужиномъ, а ужъ они-то захопочутъ, напекутъ, нажарятъ, въ поясъ кланятся будутъ, но я только выпью бокаль, поздравлю, а отъ ужина откажусь. Скажу: — дѣла. И ужъ только что я произнесу «дѣла», у всѣхъ тотчасъ же станутъ почти-тельно строгія лица. Этимъ я деликатно напомиу, что они и я, это разница-съ. Земля и небо. Я не то, чтобы хотѣлъ это внушать, но надо же... даже въ нравственномъ смыслѣ необходимо, что ужъ тамъ ни говори. Впрочемъ я тотчасъ же улыбнусь, даже посмѣюсь пожалуй и мигомъ всѣ ободрятся... Пошучу еще разъ съ молодой; гм... даже вотъ что: намекну, что приду опять ровнешенько черезъ девять мѣсяцевъ въ качествѣ кума, хе-хе! А она вѣрно родить къ тому времени. Вѣдь они плодятся какъ кролики. Ну и всѣ захохочутъ, молодая покраснѣетъ; я съ чувствомъ поцалую ее въ лобъ, даже благословлю ее и... и на завтра, въ канцеляріи мой подвигъ уже извѣстенъ. На завтра я опять строгъ, на завтра я опять взыскательнъ, даже неумолимъ, но всѣ они уже знаютъ кто я такой. Душу мою знаютъ, суть мою знаютъ: «Онъ строгъ какъ начальникъ, но какъ человекъ — онъ ангелъ!» И вотъ я побѣдилъ; я уловилъ какимъ-нибудь однимъ маленькимъ поступкомъ, котораго вамъ и въ голову не прійдетъ; они ужъ мои; я отецъ, они дѣти... Нутка, ваше превосходительство, Степанъ Шкифоровичъ, подите-ка сдѣлайте этакъ...

... Да знаете ли вы, понимаете ли, что Пселдоимовъ будетъ дѣтямъ своимъ поминать, какъ самъ генералъ пировалъ и даже пилъ на его свадьбѣ! Да вѣдь эти дѣти, будутъ своимъ дѣтямъ, а тѣ своимъ внукамъ рассказывать, какъ священнѣйшій анекдотъ, что сановникъ, государственный мужъ (а я всѣмъ этимъ къ тому времени буду) удостоилъ ихъ... и т. д. и т. д. Да

вѣдь я униженнаго нравственно подыму, я самому себѣ его возвращу... Вѣдь онъ десять рублей въ мѣсяцъ жалованья получаетъ!.. Да вѣдь повтори я это разъ пять, али десять, али что-нибудь въ этомъ же родѣ, такъ повсемѣстную популярность приобрѣту... У всѣхъ въ сердцахъ буду напечатлѣнъ и вѣдь чортъ одинъ знаетъ что изъ этого потомъ можетъ выйти, изъ популярности-то!..

Такъ или почти такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ — (господа, мало ли что человѣкъ говорить иногда про себя, да еще нѣсколько въ эксцентрическомъ состояніи). Всѣ эти разсужденія промелькнули въ его головѣ въ какія-нибудь полминуты и, конечно, онъ можетъ и ограничился бы этими мечтаньями и, мысленно пристыдивъ Степана Никифоровича, преспокойно отправился бы домой и легъ спать. И славно бы сдѣлалъ! Но вся бѣда въ томъ, что минута была эксцентрическая.

Какъ нарочно, вдругъ, въ это самое мгновеніе въ настроенномъ воображеніи его, нарисовались самодовольныя лица Степана Никифоровича и Семена Ивановича.

— Не выдержимъ! повторялъ Степанъ Никифоровичъ свысока улыбаясь.

— Хи-хи-хи! вторилъ ему Семенъ Ивановичъ, своей самой прескверной улыбкой.

— А вотъ и посмотримъ какъ не выдержимъ! рѣшительно сказалъ Иванъ Ильичъ, и даже жаръ бросился ему въ лицо. Онъ сошелъ съ мостковъ и твердыми шагами прямо направился черезъ улицу, въ домъ своего подчиненнаго, регистратора Пселдонимова.

Звѣзда увлекала его. Онъ бодро вошелъ въ отпертую калитку и съ презрѣніемъ оттолкнулъ ногой маленькую, лохматую и осипшую шавку, которая, болѣе для приличія, чѣмъ для дѣла, бросилась къ нему съ хриплымъ лаемъ подъ ноги. По деревянной настилкѣ дошелъ онъ до крытаго крылечка, будочкой выходившаго на дворъ и по тремъ ветхимъ деревяннымъ ступенькамъ поднялся въ крошечныя сѣни. Тутъ хоть и горѣлъ гдѣ-то въ углу сальный огарокъ или что-то въ родѣ плошки, но это не помѣшало Ивану Ильичу, такъ какъ есть, въ калошахъ, пощасть лѣвой ногой въ гадангиръ, выставленный для остуженія.

Иванъ Ильичъ нагнулся и посмотрѣвъ съ любопытствомъ, увидѣлъ, что тутъ стоятъ еще два блюда съ какимъ-то заливнымъ, да еще двѣ формы очевидно съ бламанже. Раздавленный галантиръ его было сконфузилъ и на одно самое маленькое мгновение у него промелькнула мысль: не унизнуть ли сейчасъ же? Но онъ почелъ это слишкомъ низкимъ. Разсудивъ, что никто не видалъ и на него ужь никакъ не подумаютъ, онъ поскорѣе обтеръ калошу, чтобы скрыть всѣ слѣды, нащупалъ обитую войлокомъ дверь, растворилъ ее и очутился въ премаленькой передней. Одна половина ея была буквально завалена шинелями, бекешами, салопами, капорами, шарфами и калошами. Въ другой расположились музыканты: двѣ скрипки, флейта и контрбасъ, всего четыре человѣка, взятые разумѣется съ улицы. Они сидѣли за некрашенымъ деревяннымъ столикомъ, при одной сальной свѣчкѣ, и во всю ивановскую доплавляли послѣднюю фигуру кадрили. Изъ отпертой двери въ залу можно было разглядѣть танцующихъ, въ пыли, въ табакѣ и въ чаду. Было какъ-то бѣшено весело. Слышался хохотъ, крики и дамскіе взвизги. Кавалеры топали какъ эскадронъ лошадей. Надъ всѣмъ содомомъ звучала команда распорядителя танцевъ, вѣроятно чрезвычайно развязнаго и даже растегнувшася человѣка: «Кавалеры впередъ, шень де дамъ, баланс!» и проч., и проч. Иванъ Ильичъ въ нѣкоторомъ волненіи сбросилъ съ себя шубу и калоши и съ шапкой въ рукѣ вошелъ въ комнату. Впрочемъ онъ ужь и не разсуждалъ...

Въ первую минуту его никто не замѣтилъ: всѣ доплясывали кончавшійся танецъ. Иванъ Ильичъ стоялъ какъ оглушенный и ничего подробно не могъ разглядѣть въ этой кашѣ. Мелькали дамскія платья, кавалеры съ папиросами въ зубахъ... Мелькнулъ свѣтло-голубой шарфъ какой-то дамы, задѣвшій его по носу. За ней въ бѣшенномъ восторгѣ промчался медицинскій студентъ съ разметанными вихремъ волосами и сильно толкнулъ его по дорогѣ. Мелькнулъ еще передъ нимъ, длинный какъ верста, офицеръ какой-то команды. Кто-то неестественно-визливымъ голосомъ прокричалъ пролетая и притопывая вмѣстѣ съ другими: «Э-э-эхъ Пселдонимушка!» Подъ ногами Ивана Ильича было что-то липкое: очевидно полъ навошили воскомъ. Въ комнатѣ, впрочемъ не очень малой, было человѣкъ до тридцати гостей.

Но черезъ минуту кадрили кончилась и почти тотчасъ же произошло тоже самое, что представлялось Ивану Ильичу, когда онъ еще мечталъ на мосткахъ. По гостямъ и танцующимъ, еще не успѣвшимъ отдышаться и обтереть съ лица потъ, прошелъ какой-то гулъ, какой-то необыкновенный шопоть. Всѣ глаза, всѣ лица начали быстро оборачиваться къ вошедшему гостю. Затѣмъ всѣ тотчасъ же стали понемногу отступать и пятиться. Незамѣчавшихъ дергали за платье и образумливали. Они оглядывались и тотчасъ же пятались вмѣстѣ съ прочими. Иванъ Ильичъ все еще стоялъ въ дверяхъ, не двигаясь ни шагу впередъ, а между нимъ и гостями все болѣе и болѣе очищалось открытое пространство, устланное на полу безчисленными конфетными бумажками, билетиками и окурками папирозъ. Вдругъ въ это пространство робко выступилъ молодой человекъ, въ вицмундирѣ, съ вихроватыми, бѣлокурыми волосами и съ горбатымъ носомъ. Онъ подвигался впередъ, согнувшись и смотря на неожиданнаго гостя совершенно съ такимъ же точно видомъ, съ какимъ собака смотритъ на своего хозяина, зовущаго ее, чтобъ дать ей пища.

— Здравствуй, Пселдонимовъ, узнаешь?.. сказалъ Иванъ Ильичъ, и въ тоже мгновение почувствовалъ, что онъ это ужасно неловко сказалъ; онъ почувствовалъ тоже, что можетъ быть дѣлаетъ въ эту минуту страшнѣйшую глупость.

— В-в-ваше прево-сходительство!... пробормоталъ Пселдонимовъ.

— Ну то-то. Я братъ къ тебѣ совершенно случайно зашелъ, какъ вѣроятно, ты и самъ можешь это себѣ представить...

Но Пселдонимовъ очевидно ничего не могъ представить. Онъ стоялъ выпучивъ глаза въ ужасающемъ недоумѣніи.

— Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю... Радъ не радъ, а гости принимай!.. продолжалъ Иванъ Ильичъ, чувствуя, что конфузится до неприличной слабости, желаетъ улыбнуться, но уже не можетъ; что юмористическій расказъ о Степанѣ Никифоровичѣ и Трифонѣ становится все болѣе и болѣе невозможнымъ. Но Пселдонимовъ, какъ нарочно, не выходилъ изъ столбняка и продолжалъ смотрѣть съ совершенно дурацкимъ видомъ. Ивана Ильича передернуло, онъ чувствовалъ, что еще одна такая минута и произойдетъ невѣроятный сумбуръ.

— Я ужь не помѣшалъ ли чему... я уйду! едва выговорилъ онъ и какая-то жилка затрепетала у праваго края его губъ...

Но Пселдонимовъ уже опомнился...

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ... Честь... бормоталъ онъ, уторопленно кланяясь: — удостойте присѣсть-съ... И еще болѣе очнувшись, онъ обѣими руками указывалъ ему на диванъ, отъ котораго для танцевъ отодвинули столъ...

Иванъ Ильичъ отдохнулъ душою и опустился на диванъ; тотчасъ же кто-то кинулся придвигать столъ. Онъ бѣгло осмотрѣлся и замѣтилъ, что онъ одинъ сидитъ, а всѣ другіе стоятъ, даже дамы. Признакъ дурной. Но напоминать и ободрять было еще не время. Гости все еще пятались, а передъ нимъ скрючившись стоялъ все еще одинъ только Пселдонимовъ, все еще ничего не понимающій и далеко не улыбающійся. Было скверно, короче: въ эту минуту нашъ герой вынесъ столько тоски, что дѣйствительно его гарунъ-аль-рашидское нашествіе, ради принципа, къ подчиненному могло бы почестся подвигомъ. Но вдругъ какая-то фигурка очутилась подлѣ Пселдонимова и начала кланяться. Къ невыразимому своему удовольствію и даже счастью, Иванъ Ильичъ тотчасъ же распозналъ столоначальника изъ своей канцеляріи, Акима Петровича Зубикова, съ которымъ онъ хоть, конечно, и не былъ знакомъ, но зналъ его за дѣльнаго и безсловеснаго чиновника. Онъ немедленно всталъ и протянулъ Акиму Петровичу руку, всю руку, а не два пальца. Тотъ принялъ ее обѣими ладонями въ глубочайшемъ почтеніи. Генералъ торжествовалъ; все было спасено.

И дѣйствительно, теперь уже Пселдонимовъ былъ такъ сказать не второе, а уже третье лицо. Съ разговоромъ можно было обратиться прямо къ столоначальнику, за нужду принявъ его за знакомаго и даже короткаго, а Пселдонимовъ тѣмъ временемъ могъ только молчать и трепетать отъ благоговѣнія. Слѣдственно приличія были соблюдены. А рассказъ былъ необходимъ; Иванъ Ильичъ это чувствовалъ; онъ видѣлъ, что всѣ гости ожидаютъ чего-то, что въ обѣихъ дверяхъ столпились даже всѣ домохадцы и чуть не взлѣзаютъ другъ на друга, чтобъ его поглядѣть и послушать. Скверно было то, что столоначальникъ по глупости своей все еще не сядилъ.

— Что же вы! проговорилъ Иванъ Ильичъ, неловко указывая ему подлѣ себя на диванъ.

— Помилюйте-съ... я и здѣсь-съ... и Акимъ Петровичъ быстро сѣлъ на стулъ, подставленный ему почти на лету упорно остававшимся на ногахъ Пселдонимовымъ.

— Можете себѣ представить случай, началъ Иванъ Ильичъ, обращаясь исключительно къ Акиму Петровичу нѣсколько дрожащимъ, но уже развязнымъ голосомъ. Онъ даже растягивалъ и раздѣлялъ слова, ударялъ на слоги, букву *a* сталъ выговаривать какъ-то на э, однимъ словомъ самъ чувствовалъ и признавалъ, что кривляется, но уже совладать съ собою не могъ; дѣйствовала какая-то виѣшняя сила. Онъ ужасно много и мучительно признавалъ въ эту минуту.

— Можете себѣ представить, я только-что отъ Степана Никифоровича Никифорова, слышали можетъ-быть, тайный совѣтникъ. Ну... въ этой комиссiи...

Акимъ Петровичъ почтительно нагнулся всѣмъ корпусомъ впередъ: «Дескать, какъ не слыхать-съ.»

— Онъ теперь твой сосѣдъ, продолжалъ Иванъ Ильичъ на одинъ шагъ для приличія и для непринужденности обращаясь къ Пселдонимову, но быстро отворотился увидавъ тотчасъ же по глазамъ Пселдонимова, что тому это рѣшительно все равно.

— Старикъ, какъ вы знаете, бредилъ всю жизнь купить себѣ домъ... Ну и купилъ. И прехорошенькій домъ. Да... А тутъ и его рожденіе сегодня подошло, и вѣдь никогда прежде не праздновалъ, даже таилъ отъ насъ и отиѣкивался по скупости, хе-хе! а теперь такъ обрадовался новому дому, что пригласилъ меня и Семена Ивановича. Знаете: Шипуленко.

Акимъ Петровичъ опять нагнулся. Съ усердіемъ нагнулся! Иванъ Ильичъ нѣсколько утѣшился. А то ужъ ему приходило въ голову, что столоначальникъ пожалуй догадывается, что онъ, въ эту минуту необходимая точка опоры для его превосходительства. Это было бы всего сквернѣе.

— Ну, посидѣли втроемъ, шампанскаго намъ поставилъ, говорили о дѣлахъ... Ну, о томъ, о семь... о во-про-сахъ... Даже пос-по-рили... Хе-хе!

Акимъ Петровичъ почтительно поднялъ брови.

— Только дѣло не въ этомъ. Прощаюсь съ нимъ наконецъ, старикъ акуратный, ложится рано, знаете, къ старости. Выхожу... нѣтъ моего Трифона! Тревожусь, спрашиваю: Куда дѣвалъ Трифонъ карету? Открывается, что онъ, понадѣясь, что я

засижусь, отправился на свадьбу къ какой-то своей кумѣ, или къ сестрѣ... ужь Богъ его знаетъ. Здѣсь же гдѣ-то на петербургской. Да в карету ужь кстати съ собою захватилъ. — Генералъ опять для приличія взглянулъ на Пселдонимова. Того немедленно скрючило, но вовсе не такъ какъ надобно было генералу. «Сочувствія, сердца нѣтъ» промелькнуло въ его головѣ.

— Скажите! проговорилъ глубоко пораженный Акимъ Петровичъ. Маленькій гулъ удивленія прошолъ по всей толпѣ.

— Можете себѣ представить мое положеніе... (Иванъ Ильичъ взглянулъ на всѣхъ). Нечего дѣлать, иду пѣшкомъ. Думаю добреду до Большого проспекта, да и найду какого-нибудь ваньку... хе-хе!

— Хи-хи-хи! почтительно отозвался Акимъ Петровичъ. Опять гулъ, но уже на веселый ладъ прошолъ по толпѣ. Въ это время съ трескомъ лопнуло стекло на стѣнной лампѣ. Кто-то съ жаромъ бросился поправлять ее. Пселдонимовъ встрепенулся, и строго посмотрѣлъ на лампу, но генералъ даже не обратилъ вниманія и все успокоилось.

— Иду... а ночь такая прекрасная, тихая. Вдругъ слышу музыку, топоть, танцуютъ. Любопытствую у городского: Пселдонимовъ женится. Да ты, братъ, на всю петербургскую сторону балы задаешь? ха-ха, вдругъ обратился онъ опять къ Пселдонимову.

— Хи-хи-хи! да-съ... отозвался Акимъ Петровичъ; гости опять пошевелились, но всего глупѣе было то, что Пселдонимовъ хотъ и поклонился опять, но даже и теперь не улыбнулся, точно овъ былъ деревянный. «Да онъ дуракъ, чтоли!» подумалъ Иванъ Ильичъ, «тутъ-то бы и улыбаться ослу, и все бы пошло какъ по маслу». Нетерпѣніе бушевало въ его сердцѣ. «Думаю, дай войду къ подчиненному. Вѣдь не прогонитъ же онъ меня... радъ не радъ, а принимай гостя. Ты, братъ, пожалуста извини. Если я чѣмъ помѣшалъ, я уйду... Я вѣдь только зашелъ посмотрѣть...»

Но мало-помалу уже начиналось всеобщее движеніе. Акимъ Петровичъ смотрѣлъ съ усланнымъ видомъ: «Дескать можете ли ваше превосходительство помѣшать?» Всѣ гости пошевеливались и стали обнаруживать первые признаки развязности. Дамы почти всѣ уже сидѣли. Знакъ добрый и положительный. Посмѣлѣе изъ нихъ обмахивались платочками. Одна изъ нихъ, въ встертомъ бархатномъ платьѣ что-то нарочно громко прогово-

рила. Офицеръ, къ которому она обратилась, хотѣлъ было ей отвѣтить тоже погромче, но такъ какъ они были только двое изъ громкихъ, то спасовалъ. Мужчины, все болѣе канцеляристы и дватри студента, переглядывались, какбы подталкивая другъ друга развернуться, откашливались и даже начали ступать по два шага въ разныя стороны. Впрочемъ никто особенно не робѣлъ, а только всѣ были дики и почти всѣ про себя враждебно смотрѣли на персону, ввалившуюся къ нимъ, чтобъ нарушить ихъ веселье. Офицеръ, устыдясь своего малодушія, началъ понемногу приближаться къ столу.

— Да послушай, братъ, позволю спросить какъ твое имя и отчество? спросилъ Иванъ Ильичъ Пселдонимова.

— Порфирій Петровъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ выпуча глаза, отрывисто, точно на смотру.

— Познакомь же меня, Порфирій Петровичъ, съ твоей молодой женой... Поведи меня... я...

И онъ обнаружилъ было желаніе привстать. Но Пселдонимовъ кинулся со всѣхъ ногъ въ гостиную. Впрочемъ молодая стояла тутъ же въ дверяхъ, но только-что услышала, что объ ней идетъ рѣчь, тотчасъ спряталась. Черезъ минуту Пселдонимовъ вывелъ ее за руку. Всѣ разступались давая имъ ходъ. Иванъ Ильичъ торжественно привсталъ и обратился къ ней съ самой любезной улыбкой.

— Очень, очень радъ познакомиться, произнесъ онъ съ самымъ великосвѣтскимъ полупоклономъ: — и тѣмъ болѣе въ такой день...

Онъ прековарно улыбнулся. Дамы пріятно заволновались.

— Шарме, произнесла дама въ бархатномъ платьѣ, почти вслухъ.

Молодая стояла Пселдонимова. Это была худенькая дамочка, всего еще лѣтъ семнадцати, блѣдная, съ очень маленькимъ лицомъ и съ востренькимъ носикомъ. Маленькіе глазки ея, быстрые и бѣглые, вовсе не конфузились, напротивъ смотрѣли пристально и даже съ отгѣнкомъ какой-то злости. Очевидно Пселдонимовъ бралъ ее за красоту. Одѣта она была въ бѣлое кисейное платье на розовомъ чехлѣ. Шея у нея была худенькая, тѣло цыплячье, выставлялись кости. На привѣтъ генерала она ровно ничего не съумѣла сказать.

— Да она у тебя прехорошенькая, продолжалъ онъ, вполго-

лоса, какъ-будто обращаясь къ одному Пселдонимову, но нарочно такъ, чтобъ и молодая слышала. Но Пселдонимовъ ровно ничего и тутъ не отвѣтилъ, даже и не покачнулся на этотъ разъ. Ивану Ильичу показалось даже, что въ глазахъ его есть что-то холодное, затаенное, даже что-то себѣ на умѣ, особенное, злокачественное. И однакожъ, во чтобы то ни стало, надо было добиться чувствительности. Вѣдь для нея-то онъ и пришолъ.

— Однако парочка! подумалъ онъ. Впрочемъ...

И онъ снова обратился къ молодой, помѣтившейся возлѣ него на диванѣ, но на два или на три вопроса свои получилъ опять только да и нѣтъ, да и тѣхъ правда вполнѣ не получилъ.

«Хоть бы она поконфузилась, продолжалъ онъ про себя. Я бы тогда шутить началъ. А то вѣдь мое-то положеніе безвыходное.» И Акимъ Петровичъ какъ нарочно тоже молчалъ, хоть и по глупости, но все же было неизвинительно. «Господа! ужь я не помѣшалъ ли вашимъ удовольствіямъ?» обратился было онъ ко всѣмъ вообще. Онъ чувствовалъ, что у него даже ладони потѣютъ.

— Нѣтъ-съ... Не беспокойтесь ваше превосходительство, сейчасъ начнемъ, а теперь... прохлаждаемся-съ, отвѣчалъ офицеръ. Молодая съ удовольствіемъ на него поглядѣла: офицеръ былъ еще не старъ, и носилъ мундиръ какой-то команды. Пселдонимовъ стоялъ тутъ же, подавшись впередъ и казалось еще болѣе чѣмъ прежде выставляя свой горбатый носъ. Онъ слушалъ и смотрѣлъ какъ лакей, стоящій съ шубой въ рукахъ и ожидающій окончанія прощальнаго разговора своихъ господъ. Это сравненіе сдѣлалъ самъ Иванъ Ильичъ; онъ терлся, онъ чувствовалъ, что ему неловко, ужасно неловко, что почва ускользаетъ изъ подъ его ногъ, что онъ куда-то зашолъ и не можетъ выйти, точно въ потемкахъ.

Вдругъ всѣ разступились и появилась невысокая и плотная женщина, уже пожилая, одѣтая просто, хотя и принарядившаяся, въ большомъ платкѣ на плечахъ, зашпиленномъ у горла и въ чепчикѣ, къ которому она видимо не привыкла. Въ рукахъ ея былъ небольшой круглый подносъ, на которомъ стояла непочатая, но уже раскупоренная бутылка шампанскаго и два бока-

ла, ни больше, ни меньше. Бутылка очевидно назначалась только для двух гостей.

Пожилая женщина прямо приблизилась къ генералу.

— Ужь не взыщите, ваше превосходительство, сказала она кланяясь, а ужь коль не погнушались нами, оказали честь къ сыночку на свадьбу пожаловать, такъ ужь просимъ милости проздравьте виномъ молодыхъ. Не погнушайтесь, окажите честь.

Иванъ Ильичъ схватился за нее какъ за спасеніе. Она была еще вовсе не старая женщина, лѣтъ сорока пяти или шести не больше. Но у ней было такое доброе, румяное, такое открытое, круглое русское лицо, она такъ добродушно улыбалась, такъ просто кланялась, что Иванъ Ильичъ почти утѣшился и началъ было надѣяться.

— Такъ вы-ы-ы ра-ди-тель-ница вашего сы-на, сказалъ онъ, привставъ съ дивана.

— Родительница, ваше превосходительство, проямилъ Пселдонимовъ, вытягивая свою длинную шею и снова выставляя свою ность.

— А! Очень радъ, о-чень радъ познакомиться.

— Такъ не обрезгайте ваше превосходительство.

— Съ превеликимъ даже удовольствіемъ.

Подносъ поставили, вино налилъ подскочившій Пселдонимовъ. Иванъ Ильичъ, все еще стоя, взялъ бокаль.

— Я особенно, особенно радъ этому случаю, что могу... началъ онъ, что могу... при семъ засвидѣтельствовать... Однимъ словомъ какъ начальникъ... желаю вамъ сударыня (онъ обратился въ новобрачной) и тебѣ мой другъ Порфирій — желаю полного, благополучнаго и долгаго счастья.

И онъ даже съ чувствомъ выпилъ бокаль, счетомъ седьмой въ этотъ вечеръ. Пселдонимовъ смотрѣлъ серьезно и даже угрюмо. Генералъ начиналъ мучительно его ненавидѣть.

— Да и этотъ верзила (онъ взглянулъ на офицера) тутъ же торчитъ. Ну, чтобы хоть ему прокричать: Ура! И пошло бы, и пошло бы...

— Да и вы, Акимъ Петровичъ, выпейте и проздравьте, прибавила старуха, обращаясь къ столоначальнику. — Вы начальникъ, онъ вамъ подчиненный. Наблюдайте сыночка-то, какъ мать прошу. Да и впредь насъ не забывайте, голубчикъ нашъ, Акимъ Петровичъ, добрый вы человекъ.

— А вѣдь какія славныя эти русскія старухи! подумалъ Иванъ Ильичъ. Всѣхъ оживила. Я всегда любилъ народность...

Въ эту минуту къ столу поднесли еще поднось. Несла дѣвка, въ шумлицѣ, еще невытомъ ситцевомъ платьѣ и въ кринолинѣ. Она едва обхватывала поднось руками, такъ онъ былъ великъ. На немъ стояло безчисленное множество тарелочекъ съ яблоками, съ конфетами, съ пастилой, съ мармеладомъ, съ грецкими орѣхами и проч. и проч. Поднось стоялъ до сихъ-поръ въ гостиной, для угощенія всѣхъ гостей, и преимущественно дамъ. Но теперь его перенесли къ одному генералу.

— Не побрезгайте, ваше превосходительство, нашимъ яствомъ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, повторяла кланяясь старуха.

— Промилуйте... сказалъ Иванъ Ильичъ и даже съ удовольствіемъ взялъ и раздавилъ между пальцами одинъ грецкій орѣхъ. Онъ ужъ рѣшился быть до конца популярнымъ.

— Между тѣмъ молодая вдругъ захихикала.

— Что-съ? спросилъ Иванъ Ильичъ, съ улыбкой обрадовавшись признакамъ жизни.

— Да вотъ-съ, Иванъ Костенькинычъ смѣшнѣе-съ, отвѣчала она потупившись.

Генералъ дѣйствительно разсмотрѣлъ одного бѣлокураго юношу, очень недурного собой, спрятавшася на стулѣ, съ другой стороны дивана и что-то нашептывавшаго ш-ше Пселдонимовой. Юноша вѣвсталъ. Онъ повидимому былъ очень застѣнчивъ и очень молодъ.

— Я про «сонникъ» имъ говорилъ, ваше превосходительство, пробормоталъ онъ какъ-будто извиняясь.

— Про какой же это сонникъ? спросилъ Иванъ Ильичъ снисходительно.

— Новый сонникъ-съ есть-съ, литературный-съ. Я имъ говорилъ-съ, если г. Панаева во снѣ увидѣтъ-съ, то это значить кофею манлишку залить-съ.

«Экая невинность», подумалъ даже со злобою Иванъ Ильичъ. Молодой человекъ хоть и очень разругался говоря это, но до невѣроятности былъ радъ, что рассказалъ про г. Панаева.

— Ну да, да, я слышалъ... отозвался его превосходительство.

— Нѣтъ, вотъ еще лучше есть, проговорилъ другой голосъ подлѣ самаго Ивана Ильича: — новый лексиконъ издается, такъ

говорять г. Краевскій будетъ писать статьи, Алфераки... и обличительная литература...

Проговорилъ это молодой человекъ, но уже не конфузливый, а довольно развязный. Онъ былъ въ перчаткахъ, бѣломъ жилетѣ и держалъ шляпу въ рукахъ. Онъ не танцовалъ, смотрѣлъ высокомерно, потому что былъ одинъ изъ сотрудниковъ сатирическаго журнала «Головешка», задавалъ тонъ и попалъ на свадьбу случайно, приглашенный какъ почетный гость Пселдонимовымъ, съ которымъ былъ на ты и съ которымъ, еще прошлаго года, вмѣстѣ бѣдствовалъ у одной нѣмки «въ углахъ». Водку онъ однакожъ пилъ и уже неоднократно для этого отлучался въ одну укромную заднюю комнатку, куда всѣ знали дорогу. Генералу онъ ужасно не понравился.

— И это потому смѣшно-съ, съ радостію перебилъ вдругъ бѣлокурый юноша, рассказавшій про манишку, и на котораго сотрудникъ въ бѣломъ жилетѣ посмотрѣлъ за это съ ненавистью: — потому смѣшно, ваше превосходительство, что сочинителемъ полагается будто г. Краевскій правописанья не знаетъ и думаетъ что «обличительную литературу» надобно писать обличительная литература...

Но бѣдный юноша едва докончилъ. Онъ по глазамъ увидалъ что генералъ давно уже это знаетъ, потому что самъ генералъ тоже какъ-будто сконфузился и очевидно оттого, что зналъ это. Молодому человеку стало до невѣроятности совѣстно. Онъ успѣлъ куда-то поскорѣе ступешваться и потомъ все остальное время былъ очень грустенъ. Взавѣтъ того развязный сотрудникъ «Головешки» подошелъ еще ближе и казалось намѣревался гдѣ-нибудь по близости съѣсть. Такая развязность показалась Ивану Ильичу нѣсколько щекотливой.

— Да! скажи пожалуйста Порфиріи, началъ онъ, чтобы что-нибудь говорить: — почему — я все тебя хотѣлъ спросить объ этомъ лично — почему тебя зовутъ Пселдонимовъ, а не Псевдонимовъ? Вѣдь ты навѣрное Псевдонимовъ?

— Не могу въ точности доложить, ваше превосходительство, отвѣчалъ Пселдонимовъ.

— Это вѣрно еще его отцу-съ, при поступленіи на службу, въ бумагахъ перемѣшались-съ, такъ что онъ и остался теперь Пселдонимовъ, отозвался Акимъ Петровичъ. Это бываетъ-съ.

— Неп-ре-мѣнно, съ жаромъ подхватилъ генералъ: — неп-ре-

нѣн-но, потому сами посудите: Псевдонимовъ, вѣдь это происходитъ отъ литературнаго слова псевдонимъ. Ну а Пселдонимовъ, ничего не означаетъ.

— По глупости-съ, прибавилъ Акимъ Петровичъ.

— То-есть собственно что по глупости?

— Русскій народъ-съ; по глупости измѣняетъ иногда литеры-съ и выговариваетъ иногда по своему-съ. Напримѣръ говорятъ невалидъ, а надо бы сказать ивалидъ-съ.

— Ну да... невалидъ, хе-хе-хе...

— Мумерь тоже говорятъ, ваше превосходительство, брякнулъ высокій офицеръ, у котораго давно уже зудѣло, чтобъ какъ-нибудь отличиться.

— То-есть какъ это мумерь?

— Мумерь, вмѣсто нумерь, ваше превосходительство.

— Ахъ да, мумерь... вмѣсто нумерь... Ну да, да... хе, хе, хе!.. Иванъ Ильичъ принужденъ былъ похихикать и для офицера.

Офицеръ поправилъ галстукъ.

— А то вотъ еще говорятъ: нимо, ввязался было сотрудникъ «Головешка». Но его превосходительство постарался этого ужъ не разслышать. Не для всѣхъ же было хихикать.

— Нимо вмѣсто мимо, приставалъ «сотрудникъ», съ видимымъ раздраженіемъ.

Иванъ Ильичъ строго посмотрѣлъ на него.

— Ну, что присталъ? Шепнулъ Пселдонимовъ «сотруднику».

— Да чтожъ это, я разговариваю. Нельзя чтоль и говорить, заспорилъ было тотъ шопотомъ, но однакожъ замолчалъ, и съ тайною яростью вышелъ изъ комнаты.

Онъ прямо пробрался въ привлекательную заднюю комнатку, гдѣ для танцующихъ кавалеровъ, еще сначала вечера, поставлена была на маленькомъ столикѣ, накрытомъ ярославскою скатертью, водка двухъ сортовъ, селедка, икра лѣмтыками и бутылка крѣпчайшаго хересу изъ національнаго погребка. Съ злостью въ сердцѣ онъ налилъ было себѣ водки, какъ вдругъ вбѣжалъ медицинскій студентъ, съ растрепанными волосами, верный танцоръ и канканеръ на балѣ Пселдонимова. Онъ съ топорливою жадностью бросился къ графину.

— Сейчасъ начнутъ! проговорилъ онъ и скоро распоря-

жаясь. — Приходи смотри́ть: соло са́блюю верхъ ногами, а послѣ ужина рискну *рыбку*. Это будетъ даже идти къ свадьбѣ-то. Такъ сказать дружескій намекъ Пселдонимову... Славная эта Клеопатра Семеновна, съ ней все что угодно можно рискнуть.

— Это ретроградъ, мрачно отвѣчалъ сотрудникъ выпивая рюмку.

— Кто ретроградъ?

— Да вотъ, особа-то, передъ которой пастилу поставили. Ретроградъ! я тебѣ говорю.

— Ну ужъ ты! вробормоталъ студентъ и бросился вонъ изъ комнаты, услышавъ ритуфель кадрили.

Сотрудникъ, оставшись одинъ, налилъ себѣ еще, для большаго куража и независимости, выпилъ, закусилъ и никогда еще дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ не приобрѣталъ себѣ болѣе яростнаго врага и болѣе неумолимаго мстителя, какъ пренебреженный имъ сотрудникъ «Головешки», особенно послѣ двухъ рюмокъ водки. Увы! Иванъ Ильичъ ничего не подозрѣвалъ въ этомъ родѣ. Не подозрѣвалъ онъ и еще одного капитальнѣйшаго обстоятельства, имѣвшаго вліяніе на всѣ дальнѣйшія взаимныя отношенія гостей къ его превосходительству. Дѣло въ томъ, что онъ хоть и далъ съ своей стороны приличное и даже подробное объясненіе своего присутствія на свадьбѣ у своего подчиненнаго, но это объясненіе въ сущности никого не удовлетворило и гости продолжали конфузиться. Но вдругъ все перемѣнилось какъ волшебствомъ; всѣ успокоились и готовы были веселиться, хохотать, визжать и плясать, точно также, какъ еслибы неожиданнаго гостя совсѣмъ не было въ комнатѣ. Причиной тому былъ неизвѣстно какимъ образомъ вдругъ разошедшійся слухъ, шопотъ, извѣстіе, что гость-то кажется того... подъ-шефе. И хоть дѣло носило съ перваго взгляда видъ ужаснѣйшей клеветы, но мало-помалу стало какъ-будто оправдываться, такъ что вдругъ все стало ясно. Мало того, стало вдругъ необыкновенно свободно. И вотъ въ это-то самое мгновеніе и началась кадрили, послѣдняя передъ ужиномъ, на которую такъ торопился медицинскій студентъ.

И только что было Иванъ Ильичъ хотѣлъ снова обратиться къ новобрачной, пытаясь въ этотъ разъ довать ее какимъ-то каламбуромъ, какъ вдругъ къ ней подскочилъ высокій офицеръ, и съ размаху сталъ на одно колено. Она тотчасъ же вскочила съ

дивана и уперхнула съ нимъ, чтобъ стать въ ряды кадрили. Офицеръ даже не извинился, а она даже не взглянула уходя на генерала, даже какъ-будто рада была, что избавилась.

— Впрочемъ, въ сущности она въ своемъ правѣ, подумалъ Иванъ Ильичъ: — да и приличій они не знаютъ. Гм... ты бы, братъ, Порфирій, не перемонился, обратился онъ къ Пселдонимову. Можетъ у тебя тамъ есть что-нибудь... насчетъ распоряженій... или тамъ что-нибудь... пожалуста не стѣсняйся. — Что онъ сторожить чтоли меня? прибавилъ онъ про себя.

Ему становился невыносимъ Пселдонимовъ съ своей длинной шеей и глазами, пристально на него устремленными. Однимъ словомъ все это было не то, совсѣмъ не то, но Иванъ Ильичъ далеко еще не хотѣлъ въ этомъ сознаться.

Кадриль началась.

— Прикажете, ваше превосходительство, спросилъ Акимъ Петровичъ, почтительно держа въ рукахъ бутылку и готовясь налить въ бокалъ его превосходительства.

— Я... я право не знаю, если...

Но ужъ Акимъ Петровичъ съ благоговѣнно-сіяющимъ лицомъ наливалъ шампанское. Наливъ бокалъ онъ какъ-будто украдкой, какъ-будто воровскимъ образомъ, ежась и корчась налилъ и себѣ, съ тою разницею, что себѣ на цѣлый палецъ не долилъ, что было какъ-то почтительнѣе. Онъ былъ какъ женщина въ родахъ, сидя подлѣ ближайшаго своего начальника. Объ чемъ въ самомъ дѣлѣ заговорить? а развлечь его превосходительство слѣдовало даже по обязанности, такъ какъ ужъ онъ имѣлъ честь составить ему компанію. Шампанское послужило выходомъ, да и его превосходительству даже пріятно было что тотъ налилъ, — не для шампанскаго, потому что оно было теплое и гадость естественнѣйшая, а такъ, нравственно пріятно.

— Старикъ самому хочется выпить, подумалъ Иванъ Ильичъ, — а безъ меня не смѣетъ. Не задерживать же... Да и смѣшно, если бутылка такъ простонитъ между нами.

Онъ прихлебнулъ и все-таки оно показалось лучше, чѣмъ такъ-то сидѣть.

— Я вѣдь здѣсь, началъ онъ съ разстановками и удареніями

ми: — и вѣдь адѣсь такъ—сказать случайно и конечно можете быть имые найдуть... что мнѣ... такъ сказать не—прим—лично быть на такомъ... собраніи.

Акимъ Петровичъ молчалъ и вслушивался съ робкими любопытствомъ.

— Но я надѣюсь вы поймете, зачѣмъ я здѣсь... Вѣдь не знаю же въ самомъ дѣлѣ я чить пришолъ. Хе, хе!

Акимъ Петровичъ хотѣлъ было похихикать вслѣдъ за его превосходительствомъ, но какъ-то осѣкся и опять не отвѣтилъ ровно ничего утѣшительнаго.

— Я здѣсь... чтобы такъ сказать ободрить... показать такъ сказать нравственную, такъ сказать, цѣль, продолжалъ Иванъ Ильичъ, досадуя на тупость Акима Петровича, но вдругъ и самъ замолчалъ. Онъ увидѣлъ, что бѣдный Акимъ Петровичъ даже глаза опустилъ, точно въ чемъ-то виноватый. Генераль въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ поспѣшилъ еще разъ отхлебнуть изъ бокала, а Акимъ Петровичъ, какъ—будто все спасеніе его было въ этомъ, схватилъ бутылку и подлил снова.

— А немного-жъ у тебя ресурсовъ, подумалъ Иванъ Ильичъ, строго смотря на бѣднаго Акима Петровича. Тотъ же, предчувствуя на себѣ этотъ строгій генеральскій взглядъ, рѣшился ужъ молчать окончательно и глазъ неподымать. Такъ они просидѣли другъ передъ другомъ минуты двѣ, двѣ болѣзненные минуты для Акима Петровича.

Два слова объ Акимѣ Петровичѣ. Это былъ человекъ смиренный какъ курица, самаго стараго закала, взлелѣянный на подобострастіи и между тѣмъ человекъ добрый и даже благородный. Онъ былъ изъ петербургскихъ русскихъ, то-есть и отецъ и отецъ отца его родились, выросли и служили въ Петербургѣ, и ни разу не выѣзжали изъ Петербурга. Это совершенно особенный типъ русскихъ людей. Объ Россіи они почти не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, о чемъ вовсе и не тревожатся. Весь интересъ ихъ сужень Петербургомъ, и главное мѣстомъ ихъ службы. Всѣ заботы ихъ сосредоточены около копѣечнаго преферанса, лавочки и мѣсячнаго жалованья. Они не знаютъ ни одного русскаго обычая, ни одной русской пѣсни, кромѣ «лучинушки», да и то потому только, что ее играютъ шарманки. Впрочемъ есть два существенные и незыблемые признака, по которымъ вы тотчасъ же отличите настоящаго русскаго отъ петербургскаго

русскаго. Первый признакъ состоитъ въ томъ, что всѣ петербургскіе русскіе, всѣ безъ исключенія, никогда не говорятъ : « Петербургскія вѣдомости » а всегда говорятъ : « Академическія вѣдомости ». Второй, одинаково существенный признакъ, состоитъ въ томъ, что петербургскій русскій никогда не употребляетъ слово : « завтракъ », а всегда говоритъ : « Фрыштикъ », особенно напаяя на звукъ *фры*. По этимъ двумъ кореннымъ и отличительнымъ признакамъ вы ихъ всегда различите ; однимъ словомъ это тихъ смиренный и окончательно выработавшійся въ послѣдніе тридцать-пять лѣтъ. Впрочемъ Акимъ Петровичъ былъ вовсе не дуракъ. Спроси его генераль объ чемъ-нибудь подходящемъ къ нему, онъ бы и отвѣтилъ и поддержалъ разговоръ, а то вѣдь неприлично подчиненному и отвѣчать-то на такіе вопросы ; хотя Акимъ Петровичъ умиралъ отъ любопытства узнать что-нибудь подробнѣе о настоящихъ намѣреніяхъ его превосходительства...

А между тѣмъ Иванъ Ильичъ все болѣе и болѣе впадалъ въ раздумье, и въ какое-то коловращеніе идей ; въ разсѣянности онъ непримѣтно, но поминутно прихлебывалъ изъ бокала. Акимъ Петровичъ тотчасъ же и усерднѣйше ему подливалъ. Оба молчали. Иванъ Ильичъ началъ было смотрѣть на танцы и вскорѣ они нѣсколько привлекли его вниманье. Вдругъ одно обстоятельство даже удивило его...

Танцы дѣйствительно были веселы. Тутъ именно танцовалось въ простотѣ сердець, чтобъ веселиться и даже бѣситься. Изъ танцоровъ ловкихъ было очень немного ; но неловкіе такъ сильно притопывали, что ихъ можно было принять и за ловкихъ. Отличался впервыхъ офицеръ : онъ особенно любилъ фигуры, гдѣ оставался одинъ, вродѣ соло. Тутъ онъ удивительно взгвбался, а именно : весь, прямой какъ верста, онъ вдругъ склонялся на бокъ, такъ что вотъ думаешь упадеть ; но съ слѣдующимъ шагомъ онъ вдругъ склонялся въ противоположную сторону, подъ тѣмъ же косымъ угломъ къ полу. Выраженіе лица онъ наблюдалъ серьезнѣйшее и танцовалъ въ полномъ убѣжденіи, что ему всѣ удивляются. Другой кавалеръ со второй фигуры заснулъ подлѣ своей дамы, нагрузившись предварительно еще до кадрили, такъ что дама его должна была танцовать одна. Молодой регистраторъ, отплясывавшій съ дамой въ голубомъ шарфѣ, во всѣхъ фигурахъ и во всѣхъ пяти кадриляхъ,

которыя протанцованы были въ этотъ вечеръ, выкидывать все одну и ту же штуку: а именно, онъ нѣсколько отставалъ отъ своей дамы, подхватывалъ кончикъ ея шарфа, и малюту, при переходѣ визави, успѣвалъ швырнуть въ этотъ кончикъ десятка два поцѣлуевъ. Дама же впереди его, плыла какъ-будто ничего не замѣчая. Медицинскій студентъ дѣйствительно сдѣлалъ соловѣрь вверхъ ногами и произвелъ местовый восторгъ, топотъ и визаги удовольствія. Однимъ словомъ непринужденность была чрезвычайная. Иванъ Ильичъ, на котораго и вино подѣйствовало, началъ было улыбаться, но мало-помалу какое-то горькое сомнѣнiе начало закрадываться въ его душу: конечно онъ очень любилъ развязность и непринужденность; онъ желалъ, онъ даже душевно звалъ ее, эту развязность, когда они всѣ пятились, и вотъ теперь эта развязность уже стала выходить изъ границъ. Одна дама напрямѣръ, въ истертомъ синемъ бархатномъ платьѣ, перекупленномъ изъ четвертыхъ рукъ, въ шестой фигурѣ зашила свое платье булавами, такъ что выходило какъ-будто она въ панталонахъ. Это была та самая Клеопатра Семеновна, съ которой можно было все рискнуть, по выраженiю ея кавалера, медицинскаго студента. Объ медицинскомъ студентѣ и говорить было нечего: просто Фокинъ. Какже это? То пятились, а тутъ вдругъ такъ скоро эманципировались! Кажись бы и ничего, но какъ-то страненъ былъ этотъ переходъ: онъ что-то предвѣщалъ. Точно совсѣмъ они и позабыли, что есть на свѣтѣ Иванъ Ильичъ. Разумѣется онъ хохоталъ первый, и даже рискнулъ аплодировать. Акимъ Петровичъ почтительно хихикалъ ему въ унисонъ, хотя впрочемъ съ видимымъ удовольствiемъ, и неподозрѣвая, что его превосходительство начиналъ уже откармливать въ сердцѣ своемъ новаго червяка.

— Славно, молодой человекъ, танцуете, принужденъ былъ Иванъ Ильичъ сказать студенту, проходившему мимо, только-что кончилась кадрили.

Студентъ круто повернулся къ нему, скорчалъ какую-то гримасу, и приблизивъ свое лицо къ его превосходительству на близкое до неприличiя разстоянiе, во все горло прокричалъ пѣтухомъ. Этого уже было слиткомъ. Иванъ Ильичъ всталъ изъ за стола. Несмотря на то, послѣдовалъ залпъ неудержимаго хохоту, потому что крикъ пѣтуха былъ удивительно натураленъ, а вся гримаса совершенно неожиданна. Иванъ Ильичъ еще стоялъ

въ недоумѣнн, какъ вдругъ явился самъ Пселдонимовъ, и кланяясь сталъ просить къ ужину. Вслѣдъ за нимъ явилась и мать его.

— Батюшка, ваше превосходительство, говорила она кланяясь: — окажите честь, не погнушайтесь нашей бѣдностью...

— Я... я право не знаю... началъ было Иванъ Ильичъ: — я вѣдь не для того .. я... хотѣлъ было ужь идти...

Дѣйствительно онъ ужь держалъ въ рукахъ шапку. Мало того: тутъ же, въ это же самое мгновеніе, онъ далъ себѣ честное слово непремѣнно, сейчасъ же, вочто бы то ни стало уйти и визачто не оставаться и... и остался. Черезъ минуту онъ открылъ шествіе къ столу. Пселдонимовъ и мать его шли передъ нимъ и раздвигали ему дорогу. Посадили его на самое почетное мѣсто и опять непочатая бутылка шампанскаго очутилась передъ его приборомъ. Стояла закуска: селедка и водка. Онъ протянулъ руку, самъ налилъ огромную рюмку водки и выпилъ. Онъ никогда прежде не пилъ водки. Онъ чувствовалъ, что какъ-будто катится съ горы, летитъ, летитъ, летитъ, что надо бы удержаться, уцѣпиться за что-нибудь, но мѣтъ къ тому никакой возможности.

Дѣйствительно положеніе его становилось все болѣе и болѣе эксцентрическимъ. Мало того: это была какая-то насмѣшка судьбы. Съ нимъ богъ-знаетъ что произошло въ какой-нибудь часъ. Когда онъ входилъ, онъ такъ сказать простиралъ объятія всему человѣчеству и всѣмъ своимъ подчиненнымъ; и вотъ, не прошло какого-нибудь часу, и онъ, всѣми болями своего сердца, слышалъ и зналъ, что онъ ненавидитъ Пселдонимова, проклинаетъ его, жену его и сватьбу его. Мало того: онъ по лицу, по глазамъ однимъ видѣлъ, что и самъ Пселдонимовъ его ненавидитъ, что онъ смотритъ чуть-чуть не говоря: «А чтобы ты провалился, проклятый! Навязался на шею!..» Все это онъ уже давно прочелъ въ его взглядѣ.

Конечно Иванъ Ильичъ, даже и теперь, сядя за столъ, далъ бы себѣ скорѣе руку отсѣчь, чѣмъ признался бы искренно, не только вслухъ, но даже себѣ самому, что все это дѣйствительно точно такъ было. Минута еще вполне не пришла, а теперь еще было какое-то нравственное балансе. Но сердце, серд-

це... оно пыло! оно просилось на волю, на воздухъ, на отдыхъ. Вѣдь слишкомъ ужь добрый человекъ былъ Иванъ Ильичъ.

Онъ вѣдь зналъ, очень хорошо зналъ, что еще давно было надо было уйти, и не только уйти, но даже спастись. Что все это вдругъ стало не тѣмъ, ну совершенно не такъ обернулось, какъ мечталось давеча на мосткахъ.

— Я вѣдь зачѣмъ пришолъ? Я развѣ за тѣмъ пришолъ, чтобъ здѣсь ѣсть и пить? спрашивалъ онъ себя, закусывая селедку. Онъ даже приходилъ въ отрицаніе. Въ душѣ его шевелилась мгновениями иронія на собственный подвигъ. Онъ начиналъ даже самъ непонимать, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ онъ вошелъ?

Но какъ было уйти? Такъ уйти, недокончивъ, было невозможно. Что скажутъ? Скажутъ что я по неприличнымъ мѣстамъ таскаюсь. Оно даже и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ такъ, если не докончить. Что скажетъ напримѣръ завтра же (потому что вѣдь вездѣ разнесется) Степанъ Никифорычъ, Семенъ Иванычъ, въ канцеляріяхъ, у Шембелей, у Шубиныхъ? Нѣтъ, надо такъ уйти, чтобъ они всѣ поняли, зачѣмъ я приходилъ, надо нравственную цѣль обнаружить... А между тѣмъ патетическій моментъ никакъ не давался. Они даже не уважаютъ меня, продолжалъ онъ. Чему они смѣются? они такъ развязны, какъ-будто безчувственные... Да, я давно подозревалъ все молодое поколѣніе въ безчувственности! Надо остаться, вочто бы то ни стало!.. Теперь они танцовали, а вотъ за столомъ будутъ въ сборѣ. Заговорю о вопросахъ, о реформахъ, о величїи Россїи... я ихъ еще увлеку! Да! можетъ быть еще совершенно ничего не потеряно... Можетъ быть такъ и всегда бываетъ въ дѣйствительности. Съ чего бы только съ ними начать, чтобъ ихъ привлечь? Какой бы это такой приѣмъ изобрѣсть! теряюсь, просто теряюсь... И чего имъ надо, чего они требуютъ?.. И вижу они тамъ пересмѣиваются. Ужъ не надо мной ли, господи-боже! Да чего мнѣ-то надо... я-то чего здѣсь, чего я-то не уйду, чего добиваюсь?.. Онъ думалъ это, и какой-то стыдъ, какой-то глубокой, невыносимый стыдъ, все болѣе и болѣе надрывалъ его сердце.

Но все ужъ такъ и шло, одно къ одному.

Ровно двѣ минуты спустя, какъ онъ сѣлъ за столъ, одна страшная мысль овладѣла всѣмъ существомъ его. Онъ вдругъ почувствовалъ, что ужасно пьянъ, т. е. не такъ какъ прежде, а пьянъ окончательно. Причиною тому была рюмка водки, выпитая вслѣдъ за шампанскимъ, и оказавшая немедленно дѣйствіе. Онъ чувствовалъ, слышалъ всѣмъ существомъ своимъ, что слабѣетъ окончательно. Конечно куражу прибавилось много, но сознаніе не оставляло его и кричало ему: «нехорошо, очень нехорошо, и даже совсѣмъ неприлично!» Конечно неустойчивыя пьяныя думы не могли остановиться на одной точкѣ: въ нештъ вдругъ явились, даже осязательно для него же самого, какія-то двѣ стороны. Въ одной былъ куражъ, желаніе побѣды, ниспроверженіе препятствій и отчаянная увѣренность въ томъ, что онъ еще достигнетъ цѣли. Другая сторона давала себя знать мучительнымъ нытьемъ въ душѣ и какимъ-то засосомъ на сердцѣ. «Что скажутъ? чѣмъ это кончится? что завтра-то будетъ, завтра, завтра!..»

Прежде онъ какъ-то глухо предчувствовалъ, что между гостями у него уже есть враги. «Это оттого, что я вѣрно и давеча былъ пьянъ», подумалъ онъ съ мучительнымъ сомнѣньемъ. Какое же было его ужасъ, когда онъ дѣйствительно, по несомнѣннѣйшимъ признакамъ увѣрился теперь, что за столомъ дѣйствительно были враги его, и что въ этомъ уже нельзя сомнѣваться.

— И зачто! зачто! думалъ онъ.

За этимъ столомъ помѣстались всѣ человѣкъ тридцать гостей, изъ которыхъ уже нѣкоторые были окончательно готовы. Другіе вели себя съ какою-то небрежною, злокачественною независимостью, кричали, говорили всѣ вслухъ, провозглашали преждевременно тосты, перестрѣливались съ дамами хлѣбными шариками. Одинъ, какая-то невзрачная личность въ засаленомъ сюртукѣ, упалъ со стула какъ только сѣлъ за столъ, и такъ и оставался до самаго окончанія ужина. Другой хотѣлъ непремѣнно влѣсть на столъ и провозгласить тостъ, и только офицеръ, схвативъ его за фалды, умѣрилъ преждевременный восторгъ его. Ужинъ былъ совершенно разночливный, хотя и начинался для него поваръ, крѣпостной человѣкъ какого-то генерала: былъ галантиръ, былъ языкъ подъ картофелемъ, были котлетки съ зеленымъ горошкомъ, былъ наконецъ гусь, и подѣ-

конецъ всего бламанже. Изъ вина было: пиво, водка и керёсъ. Бутылка шампанскаго стояла передъ однимъ генераломъ, что принудило его самого налить и Акиму Петровичу, который собственной своей инициативой за ужиномъ уже не смѣлъ распорядиться. Для гостей же прочимъ гостямъ предназначалось горское, или что попало. Самый столъ состоялъ изъ многихъ столовъ, составленныхъ вмѣстѣ, въ число которыхъ пошелъ даже лемберный. Накрывать онъ былъ многими скатертями, въ числѣ которыхъ была одна ярославская цвѣтная. Гости сидѣли въ перемежку съ дамами. Родительница Пселдонимова сидѣть за столомъ не хотѣла; она хлопотала и распорядилась. Зато явилась одна злокачественная женская фигура, непоказывавшаяся прежде, въ какомъ-то красноватомъ шелковомъ платьѣ, съ подвязанными зубами, и въ высочайшемъ чепчикѣ. Оказалось, что это была мать невѣсты, согласившаяся выйти наконецъ изъ задней комнаты къ ужину. До-сихъ-поръ она не выходила по причинѣ непримиримой своей вражды къ матери Пселдонимова; но объ этомъ упомянемъ послѣ. На генерала эта дама смотрѣла злобно, даже насмѣшливо, и очевидно не хотѣла быть ему представленной. Ивану Ильичу эта фигура показалась до крайности подозрительною. Но кромѣ нея и нѣкоторыя другія лица были подозрительны, и вселяли невольное опасеніе и безпокойство. Казалось даже, что они въ какомъ-то заговорѣ между собою, и именно противъ Ивана Ильича. Покрайней-мѣрѣ ему самому такъ казалось, и въ продолженіе всего ужина онъ все болѣе и болѣе въ томъ убѣждался. А именно: злокачественъ былъ одинъ господинъ съ бородкой, какой-то вольный художникъ; онъ даже нѣсколько разъ посмотрѣлъ на Ивана Ильича и потомъ, повернувшись къ сосѣду, что-то ему наптыывалъ. Другой, изъ учащихя, былъ правда совершенно ужь пьянъ, но все-таки по нѣкоторымъ признакамъ подозрителенъ. Худыя надежды подавалъ тоже и медицинскій студентъ. Даже самъ офицеръ былъ несовсѣмъ благонадеженъ. Но особенною и видимою ненавистью сиялъ сотрудникъ Головешки: онъ такъ развалился на стулѣ, онъ такъ гордо и заносчиво смотрѣлъ, такъ независимо фыркалъ! И хотъ прочіе гости и не обращали никакого особеннаго вниманья на сотрудника, написавшаго въ Головешкѣ только четыре стиха и слѣвавшагося оттого либераломъ, даже видимо не любили его, но когда возлѣ Ивана Ильича упалъ вдругъ хлѣбный шарикъ, оче-

видно назначавшійся въ его сторону, то онъ готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что виновникъ этого шарика былъ не кто другой, какъ сотрудникъ Головешки.

Все это конечно дѣйствовало на него плачевнымъ образомъ.

Особенно непріятно было и еще одно наблюдение: Иванъ Ильичъ совершенно убѣдился, что онъ начинаетъ какъ-то неясно и затруднительно выговаривать слова, что сказать хочется очень много, но языкъ не двигается. Потому, что вдругъ онъ какъ-будто сталъ забываться и главное, ни съ того ни съ сего вдругъ фыркнуть и засмѣется, тогда какъ вовсе нечему было смѣяться. Это расположеніе скоро прошло послѣ стакана шампанскаго, который Иванъ Ильичъ хоть и налилъ было себѣ, но не хотѣлъ пить, и вдругъ выпалъ какъ-то совершенно нечаянно. Ему вдругъ послѣ этого стакана захотѣлось чуть не плакать. Онъ чувствовалъ, что впадаетъ въ самую эксцентрическую чувствительность; онъ снова начиналъ любить, любить всѣхъ, даже Пселдонимова, даже сотрудника Головешки. Ему захотѣлось вдругъ обняться съ ними со всѣми, забыть все и помириться. Мало того: рассказать имъ все откровенно, все, все, то-есть какой онъ добрый и славный человѣкъ, съ какими великолѣпными способностями. Какъ будетъ онъ полезенъ отечеству, какъ умѣетъ смѣшить дамскій полъ, и главное какой, онъ прогрессистъ, какъ гуманно онъ готовъ снизойти до всѣхъ, до самыхъ низшихъ и наконецъ, въ заключеніе, откровенно расказать всѣ мотивы, побудившіе его, незваного, явиться къ Пселдонимову, выпить у него двѣ бутылки шампанскаго и осчастливить его своимъ присутствіемъ.

— Правда, святая правда прежде всего и откровенность! Я откровенностью ихъ дойму. Они мнѣ повѣрятъ, и вижу ясно; они даже смотря враждебно, но когда я открою имъ все, я ихъ покорою неотразимо. Они наполнятъ рюмки и съ крикомъ выпьютъ за мое здоровье. Офицеръ, я увѣренъ въ этомъ, разсбьетъ свою рюмку о шпору. Даже можно бы прокричать ура! Даже еслибъ покачать вздумали погусарски, и бы и этому не противился, даже и весьма бы хорошо было. Новобрачную я поцалую въ лобъ; она миленькая. Акимъ Петровичъ тоже очень хорошій человѣкъ. Пселдонимовъ конечно впоследствии исправится. Ему недостаетъ, такъ сказать, этого свѣтскаго лоску... И хотя конечно нѣтъ этой сердечной деликатности у всего этого

новаго поколѣнія, но... но я скажу имъ о современномъ назначеніи Россіи въ числѣ прочихъ европейскихъ державъ. Упомяну и о крестьянскомъ вопросѣ, да и... и всѣ они будутъ любить меня и я выйду со славою!..

Эти мечты конечно были очень пріятны, но непріятно было то, что среди всѣхъ этихъ розовыхъ надеждъ Иванъ Ильичъ вдругъ открылъ въ себѣ еще одну неожиданную способность, именно: плевать. Покрайней-мѣрѣ слюна вдругъ начала высккивать изъ его рта совершенно помимо его воли. Замѣтилъ онъ это на Акимѣ Петровичѣ, которому забрызгала щеку и который сидѣлъ, не смѣя сейчасъ же утереться изъ почтительности. Иванъ Ильичъ взялъ салфетку и вдругъ самъ утеръ его. Но это тотчасъ же показалось ему самому дотога нелѣпнымъ, дотога внѣ всего здраваго, что онъ замолчалъ и началъ удивляться. Акимъ Петровичъ хоть и выпилъ, но все-таки сидѣлъ какъ обваренный. Иванъ Ильичъ сообразилъ теперь, что онъ уже чуть не четверть часа говоритъ ему о какой-то самой интереснѣйшей темѣ, но что Акимъ Петровичъ слушая его, не только какъ-будто сконфузился, но даже чего-то боялся. Пселдонимовъ, сидѣвшій черезъ стулъ отъ него, тоже протягивалъ къ нему свою шею и наклонивъ на бокъ голову, съ самымъ непріятнымъ видомъ прислушивался. Онъ дѣйствительно какъ-будто сторожилъ его. Окинувъ глазами гостей онъ увидалъ, что многіе смотрятъ прямо на него и хохочутъ. Но страннѣе всего было то, что при этомъ онъ вовсе не сконфузился, напротивъ того, онъ хлебнулъ еще разъ изъ бокала и вдругъ во всеуслышанье началъ говорить.

— Я сказалъ уже! началъ онъ какъ можно громче: — я сказалъ уже господу сейчасъ Акиму Петровичу, что Россія... да, именно Россія... однимъ словомъ вы понимаете, что я хочу ска-ка-зать... Россія переживаетъ по моему глубочайшему убѣжденію гу-гуманность...

— Гу-гуманность! раздалось на другомъ концѣ стола.

— Гу-гу!

— Тю-тю!

Иванъ Ильичъ было остановился. Пселдонимовъ всталъ со стула и началъ разглядывать: кто крикнулъ? Акимъ Петровичъ украдкой покачивалъ головою, какъ бы усовѣщевая гостей. Иванъ Ильичъ это очень хорошо замѣтилъ, но съ мученіемъ смолчалъ.

— Гуманность! упорно продолжалъ онъ: — и лавеча... и именно лавеча я говорилъ Степану... Шки-ки-Форовичу... да... что... что обновленіе, такъ сказать, вещей...

— Ваше превосходительство! громко раздалось на другомъ концѣ стола.

— Что прикажете? отвѣчалъ прерванный Иванъ Ильичъ, стараясь разглядѣть кто ему крикнулъ.

— Ровно ничего, ваше превосходительство, я увлекся; продолжайте! пра-дал-жайте! послышался опять голосъ.

Ивана Ильича передернуло.

— Обновленіе, такъ сказать, этихъ самыхъ вещей...

— Ваше превосходительство! крикнулъ опять голосъ.

— Что вамъ угодно?

— Здравствуйте!

На этотъ разъ Иванъ Ильичъ не выдержалъ. Онъ прервалъ рѣчь и оборотался къ нарушителю порядка и обидчику. Это былъ одинъ еще очень молодой учащійся, сильно наклюкавшійся и возбуждавшій огромныя подозрѣнія. Онъ уже давно оралъ и даже разбилъ стаканъ и двѣ тарелки, утверждалъ, что на свадьбѣ будто-бы такъ и слѣдуетъ. Въ ту минуту, когда Иванъ Ильичъ оборотился къ нему, офицеръ строго началъ распекалъ крикуна:

— Что ты, чего орешь? вывести тебя, вотъ что!

— Не про васъ, ваше превосходительство, не про васъ! продолжайте! кричалъ развеселившійся школьникъ, развалился на стулѣ: — продолжайте, я слушаю и очень, о-чень, о-чень вами доволенъ! Па-хвально, па-хвально!

— Пьяный мальчишка! шопотомъ подсказалъ Цеслоновъ.

— Вижу что пьяный, но...

— Это я рассказалъ сейчасъ одинъ забавный анекдотъ-съ, ваше превосходительство! началъ офицеръ: — про одного поручика нашей команды, который точно также разговаривалъ съ начальствомъ; такъ вотъ онъ теперь и подражаетъ ему. Къ каждому слову начальника онъ все говорилъ: па-хвально, па-хвально! Его еще десять мѣтъ назадъ за это изъ службы выключили.

— Ка-какой же это поручикъ?

— Нашей команды, ваше превосходительство! сошолъ съ

ума на похвальномъ. Сначала увѣщевали мѣрами кротости, потомъ подь арестъ... Начальникъ родительскимъ образомъ усовѣщевалъ; а тотъ ему: па-хвально, па-ахвально! И странно: мужественный былъ офицеръ, девяти вершковъ росту. Хотѣли подь судъ отдать, но замѣтили что помѣшанный.

— Значить... школьникъ. За школьничество можно бы и не такъ строго... Я съ своей стороны готовъ простить...

— Медицинной смидѣтельствовали, ваше превосходительство.

— Какъ! ана-то-мировали?

— Помилуйте, да вѣдь онъ былъ совершенно живой-съ.

Громкій и почти всеобщій залпъ хохоту раздался между гостями, сначала было державшими себя чинно. Иванъ Ильичъ разсвирѣпѣлъ.

— Господа, господа! закричалъ онъ, на первое время даже почти не замкаясь: — я очень хорошо въ состояніи различить, что живого не анатомируютъ. Я полагалъ, что онъ въ помѣшательствѣ былъ уже не живой... то-есть умеръ... то-есть я хочу сказать... что вы меня не любите... А между тѣмъ я люблю васъ всѣхъ... да, и люблю Пор... порфирія... Я унижаю себя, что такъ говорю...

Въ эту минуту преогромная салива вылетѣла изъ устъ Ивана Ильича и брызнула на скатерть, на самое видное мѣсто Пселдонимовъ бросился обтирать ее салфеткой. Это послѣднее несчастье окончателно подавило его.

— Господа, это ужъ слишкомъ! прокричалъ онъ въ отчаяніи.

— Пьяный человекъ, ваше превосходительство, снова-было подсказалъ Пселдонимовъ.

— Порфирій! Я вижу, что вы... всѣ... да! Я говорю, что я надѣюсь... да, я вызываю всѣхъ сказать: чѣмъ я унижилъ себя?

Иванъ Ильичъ чуть не плакалъ.

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ!

— Порфирій, обращаюсь къ тебѣ.. Скажи: если я пришолъ... да... да на свадьбу, я имѣлъ цѣль. Я хотѣлъ нравственно поднять... я хотѣлъ, чтобъ чувствовали... Я обращаюсь ко всѣмъ: очень я униженъ въ вашихъ глазахъ или нѣтъ?

Гробовое молчаніе. Въ томъ-то и дѣло, что гробовое молчанье, да еще на такой категорическій вопросъ. «Ну что бы имъ, что бы имъ хоть въ эту минуту прокричать!» мелькнуло

въ головѣ его превосходительства. Но гости только переглядывались. Акимъ Петровичъ сидѣлъ ни живъ ни мертвъ, а Пселдонимовъ, нѣмѣя отъ страха, повторялъ про себя ужасный вопросъ, который давно уже ему представлялся :

— А что-то мнѣ за все это завтра будетъ ?

Вдругъ сотрудникъ Головешки, уже сильно пьяный, но сидѣвшій до сихъ поръ въ угрюмомъ молчаніи, обратился прямо къ Ивану Ильичу и съ сверкающими глазами сталъ отвѣчать отъ лица всего общества :

— Да-съ! закричалъ онъ громовымъ голосомъ : — да-съ, вы унизили себя, да-съ, вы ретроградъ. . Рет-ра-градъ!

— Молодой человѣкъ, опомнитесь! съ кѣмъ вы, такъ сказать, говорите! яростно закричалъ Иванъ Ильичъ, снова вскочивъ съ своего мѣста.

— Съ вами и ввторыхъ я не молодой человѣкъ... Вы пришли ломаться и искать популярности.

— Пселдонимовъ, что это ! вскричалъ Иванъ Ильичъ.

Но Пселдонимовъ вскочилъ въ такомъ ужасѣ, что остановился какъ столбъ и совершенно не зналъ, что предпринять. Гости тоже онѣмѣли на своихъ мѣстахъ. Художникъ и учащійся аплодировали, кричали браво, браво !

Сотрудникъ продолжалъ кричать съ неудержимою яростью :

— Да, вы пришли, чтобъ похвалиться гуманностью ! Вы помѣшали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишкомъ дорого для чиновника съ десятию рублями въ мѣсяцъ жалованья, и я подозреваю, что вы одинъ изъ тѣхъ начальниковъ, которые лакомы до молоденькихъ жонъ своихъ подчиненныхъ ! Мало того, я увѣренъ, что вы поддерживаете откупа... Да, да, да !

— Пселдонимовъ, Пселдонимовъ ! кричалъ Иванъ Ильичъ, простирая къ нему руки. Онъ чувствовалъ, что каждое слово сотрудника было новымъ кинжаломъ для его сердца.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, не извольте беспокоиться ! энергически вскрикнулъ Пселдонимовъ, подскочилъ къ сотруднику, схватилъ его за шиворотъ и вытащилъ вонъ изъ-за стола. Даже и нельзя было ожидать отъ тщедушнаго Пселдонимова такой физической силы. Но сотрудникъ былъ очень пьянъ, а Пселдонимовъ совершенно трезвъ. Затѣмъ онъ

задалъ ему нѣсколько тумаковъ въ спяну, и вытолкнулъ его изъ двери.

— Всѣ вы подлецы! кричалъ сотрудникъ: — я васъ всѣхъ завтра же въ Головешкѣ окарикатурю!..

Всѣ повскакали съ нѣсть.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! кричали Пселдонимовъ, его мать и нѣкоторые изъ гостей, толпясь около генерала: — ваше превосходительство, успокойтесь!

— Нѣтъ, нѣтъ! кричалъ генералъ: — я уничтоженъ... я пришолъ... я хотѣлъ, такъ сказать, крестить. И вотъ за все, за все!..

Онъ опустился на стулъ какъ безъ памяти, положилъ обѣ руки на столъ и склонилъ на нихъ свою голову, прямо въ тарелку съ бламанже. Нечего и описывать всеобщій ужаеъ. Черезъ минуту онъ всталъ, очевидно желая уйти, покачнулся, запнулся за ножку стула, упалъ со всего размаха на полъ и захрапѣлъ...

Это бываетъ съ непьющими, когда они случайно напьются. До послѣдней черты, до послѣдняго мгновенья сохраняютъ они сознание и потомъ вдругъ падаютъ какъ подкошенные. Иванъ Ильичъ лежалъ на полу, потерявъ всякое сознание. Пселдонимовъ схватилъ себя за волосы и замеръ въ этомъ положеніи. Гости стали поспѣшно расходиться, каждый посвоему толкуя о пропедшемъ. Было уже около трехъ часовъ утра.

Главное дѣло въ томъ, что обстоятельства Пселдонимова были гораздо хуже того, чѣмъ можно было ихъ представить, несмотря на всю непривлекательность и одной теперешней обстановки. И покаместъ Иванъ Ильичъ лежитъ на полу, а Пселдонимовъ стоитъ надъ нимъ, въ отчаяніи теребя свои волосы, прервемъ, избранное нами теченіе сказаза и скажемъ нѣсколько пояснительныхъ словъ собственно о Порфиріѣ Петровичѣ Пселдонимовѣ.

Еще не далѣе, какъ за мѣсяць до своего брака, онъ погубилъ совершенно безвозвратно. Происходилъ онъ изъ губерніи.

гдѣ отецъ его чѣмъ-то когда-то служилъ и гдѣ умеръ подъ судомъ. Когда, мѣсяцевъ пять до женитьбы, Пселдонимовъ, цѣлый уже годъ погибавшій въ Петербургѣ, получалъ свое десятирублевое мѣсто, онъ было воскресъ и тѣломъ и духомъ, но вскорѣ опять принизился обстоятельствами. На всемъ свѣтѣ Пселдонимовыхъ оставалось только двое, онъ и мать его, бросившая губернію послѣ смерти мужа. Мать и сынъ погибали вдвоемъ на морозѣ и питались сомнительными матерьялами. Бывали дни что Пселдонимовъ съ кружкой самъ ходилъ на фонтанку за водой, чтобъ тамъ и напиться. Получивъ мѣсто онъ кое-какъ устроился вмѣстѣ съ матерью гдѣ-то въ углахъ. Она принялась стирать на людей бѣлье, а онъ мѣсяца четыре сколачивалъ экономію, чтобъ какъ-нибудь завести себѣ сапоги и шинеличку. И сколько бѣдствій онъ вынесъ въ своей канцеляріи: къ нему подходило начальство съ вопросами: давно ли онъ былъ въ банѣ? Про него ходила молва, что у него подъ воротникомъ вицмундира гнѣздами заводятся клопы. Но Пселдонимовъ былъ характера твердаго. Съ виду онъ былъ и смиренъ и тихъ; образованіе имѣлъ самое маленькое, разговору отъ него почти не было слышно никогда. Не знаю положительно: мыслилъ ли онъ, создавалъ ли планы и системы, мечталъ ли объ чемъ-нибудь? Но взаимнъ того въ немъ выработывалась какая-то инстинктивная, кражевая, безсознательная рѣшимость выбиться на дорогу изъ сквернаго положенія. Въ немъ было упорство муравьиное: у муравьевъ разорите гнѣздо и они тотчасъ же вновь начнутъ создавать его, разорите другой разъ и другой разъ начнутъ, и такъ далѣе безъ устали. Это было существо устроительное и домовитое. На лбу его было видно, что онъ добьется дороги, устроить гнѣздо и можетъ-быть даже скопить и про-запасъ. Одна только мать и любила его въ цѣломъ свѣтѣ и любила безъ памяти. Женщина она была твердая, неустанная, работающая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добрая. Такъ бы в ждѣли они въ своихъ углахъ можетъ-быть еще лѣтъ пять или шесть, до переменны обстоятельствъ, еслибъ не столкнулись они съ отставнымъ титулярнымъ совѣтникомъ Млекопитаевымъ, бывшимъ казначеемъ и служившимъ когда-то въ губерніи, въ послѣднее же время основавшимся и устроившимъ себя въ Петербургѣ съ своимъ семействомъ. Пселдонимова онъ зналъ и отцу его былъ чѣмъ-то, когда-то обязанъ. Деньжонки у него водились, конечно, неболь-

нія, но они были; сколько ихъ дѣйствительно было, — про это никто не зналъ, ни жена его, ни старшая дочь, ни родственники. Было у него двѣ дочери, а такъ какъ онъ былъ страшный самодуръ, пьяница, домашній тиранъ и сверхъ того большой человѣкъ, то и вздумалось ему вдругъ выдать одну дочь за Пселдонимова: «я дескать знаю его, отецъ его былъ хорошии человѣкъ и сынъ будетъ хорошии человѣкъ.» Млекопитаевъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ; сказано, сдѣлано. Это былъ очень странный самодуръ. Большею частію онъ проводилъ время сидя на креслахъ, лишившись употребленія ногъ отъ какой-то болѣзни, что не мѣшало ему однакожъ пить водку. По цѣлымъ днямъ онъ пилъ и ругался. Человѣкъ онъ былъ злой; ему надобно было непременно кого-нибудь и непрерывно мучить. Для этого онъ держалъ при себѣ нѣсколько дальнихъ родственниковъ: свою сестру, больную и сварливую, двухъ сестеръ жены своей, тоже злыхъ и многоязычныхъ; потомъ свою старую тетку, у которой по какому-то случаю было сломано одно ребро. Держалъ еще одну приживалку, обрусѣвшую нѣмку, за талантъ ея рассказывать ему сказки изъ тысячи одной ночи. Все удовольствіе его состояло шпынять надъ всеми этими несчастными нахлѣбницами, ругать ихъ поминутно и на чемъ свѣтъ стоитъ, хотя тѣ, неисключая и жены его, родившейся съ зубною болью, не смѣли передъ нимъ пикнуть слова. Онъ ссорилъ ихъ между собою, изобрѣталъ и заводилъ между ними сплетни и раздоры и потомъ хохоталъ и радовался, видя какъ всѣ онъ чуть не дерутся между собою. Онъ очень обрадовался, когда старшая дочь его, бѣдовавшая лѣтъ десять съ какимъ-то офицеромъ своимъ мужемъ и наконецъ оvdовѣвшая, переселилась къ нему съ тремя маленькими больными дѣтьми. Дѣтей ея онъ терпѣть не любилъ, но такъ какъ съ появленіемъ ихъ увеличился матеріалъ, надъ которымъ можно было производить ежедневные эксперименты, то старикъ былъ очень доволенъ. Вся эта куча злыхъ женщинъ и больныхъ дѣтей, вмѣстѣ съ ихъ мучителемъ, тѣспилась въ деревянномъ домѣ на петербургской, недоѣдала, потомучто старикъ былъ скупъ и деньги выдавалъ копѣйками, хотя и не жалѣлъ себѣ на водку; не досыпала, потомучто старикъ страдалъ безсонницею и требовалъ развлеченій. Однимъ словомъ все это бѣдствовало и проклинало судьбу свою. Въ это-то время Млекопитаевъ и взглянулъ Пселдонимова. Онъ былъ пораженъ его длиннымъ носомъ и

сиреннымъ видомъ. Тщедушной и невзрачной младшей дочкѣ его минуло тогда семьнадцать лѣтъ. Она хотя и ходила когда-то въ какую-то нѣмецкую школу, но изъ нея почти ничего, кромѣ азбукъ, не вынесла. Затѣмъ росла, золотушная и худосочная, подъ костылемъ безногаго и пьянаго родителя, въ сѣдомѣ домашнихъ сплетней, шпионствъ и наговоровъ. Подругъ у ней никогда не бывало, ума тоже. Замужъ ей давно уже хотѣлось. При людяхъ была она безсловесна, а дома, возлѣ маньки и приживалокъ, зла и сверлива какъ буравчикъ. Она особенно любила ципаться и раздавать колотушки дѣтямъ сестры своей, фискалить на нихъ за утащенный сахаръ и хлѣбъ, отчего между ней и старшей сестрой ея существовала безконечная и неутолимая ссора. Старикъ самъ предложилъ ее Пселдонимову. Какъ ни бѣдствовалъ тотъ, но однако попросилъ нѣсколько времени на размышленіе. Долго они вмѣстѣ съ матерью раздумывали. Но на невѣстину имя записывали домъ, хоть и деревянный, хоть и одноэтажный и гаденькій, но все-таки чего-нибудь стоившій. Сверхъ того давали четыреста рублей, — когда-то ихъ самъ-то накопишь! «Я вѣдь къ чему беру въ домъ чловѣка? кричалъ пьяный самодуръ. Вонервыхъ, для того, что всѣ вы бабѣ, а мнѣ надоѣло одно бабѣ. Я хочу чтобъ и Пселдонимовъ по моей дудкѣ плясалъ, потому я ему благодѣтель. Вовторыхъ потому беру, что вы всѣ того не хотите и злитесь. Ну такъ вотъ на зло вамъ и сдѣлаю. Что сказалъ, то и сдѣлаю! А ты, Порфирка, ее бей, когда женой тебѣ будетъ; въ ней семь бѣсовъ отъ рожденія сидитъ. Всѣхъ изгони и клюку изготовлю»...

Пселдонимовъ молчалъ, но онъ ужъ рѣшился. Ихъ съ матерью приняли въ домъ еще до свадьбы, обмыли, одѣли, обули, дали денегъ на свадьбу. Старикъ ихъ покровительствовалъ, можетъ-быть именно потому, что все семейство на нихъ злобствовало. Старуха Пселдонимова ему даже понравилась, такъ что онъ удерживался и надъ ней не шпынялъ. Впрочемъ самого Пселдонимова заставилъ еще за недѣлю до свадьбы проплясать передъ собою казачка. — Ну довольно, я хотѣлъ только видѣть не забываешься ли ты передо мной, сказалъ онъ по окончаніи таца. Денегъ онъ далъ на свадьбу въ обрѣзъ и созвалъ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ своихъ. Со стороны Пселдонимова былъ только сотрудникъ «Головешки» и Акимъ Петровичъ, почетный гость. Пселдонимовъ очень хорошо зналъ,

что невѣста къ нему питаесть отвращеніе и что ей очень бы хотѣлось за офицера, а не за него. Но онъ все переносилъ, ужъ такой у нихъ уговоръ былъ съ матерью. Весь свадебный день и весь вечеръ старикъ ругался скверными словами и пьянствовалъ: Вся семья по случаю свадьбы приютилась въ заднихъ комнатахъ, и стѣснилась тамъ до смрада. Переднія же комнаты предназначались для бала и ужина. Наконецъ, когда старикъ заснулъ, совершенно пьяный, часовъ въ одиннадцать вечера, мать невѣсты, особенно злившаяся въ этотъ день на мать Пселдонимова, рѣшилась перемѣнить гнѣвъ на милость и выйти къ балу и къ ужину. Появленіе Ивана Ильича все перевернуло. Млекопитаева сконфузилась, обидѣлась и начала ругаться зачѣмъ ее не предупѣдомили, что звали самого генерала. Ее увѣряли, что онъ пришолъ самъ, незванный — она была такъ глупа, что не хотѣла вѣрить. Потребовалось шампанское. У матери Пселдонимова нашолся одинъ только цѣлковый, у самого Пселдонимова ни копѣйки. Надо было кланяться злой старухѣ Млекопитаевой, просить денегъ на одну бутылку, потомъ на другую. Ей представляли будущность служебныхъ отношеній, карьеру, усовѣщевали. Она дала наконецъ собственныя деньги, но заставила Пселдонимова выпить такую чашу жолчи и оцта, что онъ уже неоднократно вбѣгая въ комнатку, гдѣ приготовлено было брачное ложе, схватывалъ себя молча за волосы и бросался головой на постель, предназначенную для райскихъ наслажденій, весь дрожа отъ безсильной злости. Да! Иванъ Ильичъ не зналъ чего стоили двѣ бутылки джаксона, выпитыя имъ въ этотъ вечеръ. Какковы же были ужасъ Пселдонимова, тоска и даже отчаяніе, когда дѣло съ Иваномъ Ильичемъ окончилось такимъ неожиданнымъ образомъ. Опять представлялись хлопоты и можетъ-быть на цѣлую ночь, взвизги и слезы капризной новобрачной, укеры безтолковой невѣстиной родни. У него и безъ того уже голова болѣла, и безъ того уже чадъ и мракъ застилали ему глаза. А тутъ Ивану Ильичу потребовалась помощь, надо было искать въ три часа утра доктора или карету, чтобы свезти его домой, и непременно карету, потомучто на ванькѣ въ такомъ видѣ, и такую особу нельзя было отправить домой. А гдѣ взять денегъ, хотя бы для кареты? Млекопитаева, взбѣшонная тѣмъ, что генералъ не сказалъ съ ней двухъ словъ и даже не посмотрѣлъ на нее за ужиномъ, объявила, что у ней вѣтъ ни копѣйки. Можетъ-

быть и въ самомъ дѣлѣ не было ни кошѣйки. Гдѣ взять? Что сдѣлать? Да, было отчего теревить себѣ волосы.

Между тѣмъ Ивана Ильича покамѣсть перенесли на маленькій кожаный диванъ, стоявшій тутъ же въ столовой. Покамѣсть убрали со столовъ и разбирали ихъ, Пселдонимовъ бросался во всѣ углы занять денегъ, пробовалъ даже занять у прислуги, но ни у кого ничего не оказалось. Онъ даже рискнулъ было побеспокоить Акима Петровича, остававшагося дольше другихъ. Но тотъ, хотъ и добрый человекъ, услышавъ о деньгахъ, пришолъ въ такое недоумѣнье и въ такой даже испугъ, что наговорилъ самой неожиданной дряни :

— Въ другое время, я съ удовольствіемъ, бормоталъ онъ : — а теперь... право меня извините...

И взявъ шапку поскорѣй бѣжалъ изъ дому. Одинъ только добросердечный юноша, рассказывавшій про сонникъ еще пригодился на что-нибудь, да и то некстати. Онъ тоже оставался дольше всѣхъ, принимая сердечное участіе въ бѣдствіяхъ Пселдонимова. Наконецъ Пселдонимовъ, мать его и юноша рѣшили на общемъ совѣтѣ не посылать за докторомъ, а лучше послать за каретой и свезти больного домой, а покамѣсть, до кареты, испробовать надъ нимъ нѣкоторыя домашнія средства, какъ-то смачивать виски и голову холодной водой, прикладывать къ темени льду и проч. За это ужъ взялась мать Пселдонимова. Юноша полетѣлъ отыскивать карету. Такъ какъ на петербургской даже и вавекъ въ этотъ часъ уже не было, то онъ отправился къ извозчикамъ куда-то далеко на подворье, разбудилъ кучеровъ. Стали торговаться, говорили, что въ такой часъ за карету и пяти рублей взять мало. Согласились однако жъ на трехъ. Но когда, уже въ исходѣ четвертаго часа, юноша прибылъ въ нанятой каретѣ къ Пселдонимовымъ, у нихъ уже давно перемѣнилось рѣшеніе. Оказалось, что Иванъ Ильичъ, который былъ все еще не въ памяти, до того разболѣлся, до того стоналъ и метался, что переносить его и везти въ такомъ состояніи домой, стало совершенно невозможнымъ и даже рискованнымъ. «Еще что изъ этого выйдетъ?» говорилъ совершенно обезкураженный Пселдонимовъ. Что было дѣлать? Возникъ новый вопросъ :

Если ужь оставить большого дома, то куда же перенести его, и гдѣ положить? Во всемъ домѣ было только двѣ кровати: одна огромная, двуспальная, на которой спали старикъ Млекопитаевъ съ супругою, и другая, новокупленная, подъ орѣхъ, тоже двуспальная и назначенная для новобрачныхъ. Всѣ прочіе обитатели или лучше сказать обитательницы дома спали на полу, въ повалку, болѣе на перицахъ, отчасти уже попортившихся и продуронныхъ, то-есть вовсе неприличныхъ, да и тѣхъ было ровно въ обрѣзъ; даже и того не было. Куда же положить больного? Перина—то бы еще пожалуй и нашлась, — можно было вытащить изъ подъ кого-нибудь въ крайнемъ случаѣ, но гдѣ и на чемъ постлатъ. Оказалось, что постлатъ надо въ залѣ, такъ-какъ комната эта была отдаленнѣйшею отъ цѣдра семейства и имѣла свой особый выходъ. Но на чемъ постлатъ? неужели на стульяхъ? Извѣстно что на стульяхъ стелютъ только однимъ гимнастамъ, когда они приходятъ съ субботы на воскресенье домой, а для особы, какъ Иванъ Ильичъ, это было бы очень неуважительно. Что сказала бы она завтра, увидя себя на стульяхъ? Пселдонимовъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Оставалось одно: перенести его на брачное ложе. Это брачное ложе, какъ мы уже сказали, было устроено въ маленькой комнаткѣ, тотчасъ же подлѣ столовой. На кровати былъ двуспальный, еще необновленный, новокупленный матрасъ, чистое бѣлье, четыре подушки въ розовомъ каленкорѣ, а сверху въ кисейныхъ чехлахъ, обшитыхъ рюшемъ. Одѣяло было атласное, розовое, выстеганное узорами. Изъ золотого кольца сверху опускались кисейныя занавѣски. Однимъ словомъ все было, какъ слѣдуетъ и гости, почти всѣ перебивавшіе въ спальнѣ, похвалили убранство. Новобрачная, хоть и терпѣть не могла Пселдонимова, но впродолженіе вечера нѣсколько разъ, и особенно украдкой, забѣгала сюда посмотрѣть. Каково же было ея негодованіе, ея злость, когда она узнала, что на ея брачное ложе хотятъ перенести больного, заболѣвшаго чѣмъ-то вродѣ холерыны! Машинка новобрачной вступилась было за нее, бранилась, обѣщала завтра же жаловаться мужу; но Пселдонимовъ показалъ себя и настоялъ: Ивана Ильича перенесли, а новобрачнымъ послали въ залѣ на стульяхъ. Молодая хныкала, готова была щипаться, но послушаться не посмѣла: у папашы былъ костыль, ей очень знакомый, и она знала, что папаша непременно

завтра потребуетъ кой въ чемъ подробнаго отчета. Въ утѣшеніе ея перенесли въ залу розовое одѣяло и подушки въ кисейныхъ чехлахъ. Въ эту-то минуту и прибылъ юноша съ каретой; узнавъ, что карета уже ненужна, онъ ужасно испугался. Приходилось платить ему самому, а у него и гривеника еще никогда не было. Пселдонимовъ объявилъ свое полное бавкротство. Пробовали уговорить извозчика. Но онъ началъ шумѣть и даже стучать въ ставни. Чѣмъ это кончилось, подробно не знаю. Кажется юноша отправился въ этой каретѣ плѣнникомъ на Пески, въ четвертую рождественскую улицу, гдѣ онъ надѣялся разбудить одного студента, заночевавшего у своихъ знакомыхъ, и попытаться: вѣтъ ли у него денегъ? Былъ уже пятый часъ утра, когда молодыхъ оставили и заперли въ залѣ. У постели страждущаго осталась на всю ночь мать Пселдонимова. Она приютилась на полу, на коврикѣ, и накрылась шубенкой, но спать не могла, потомучто принуждена была всгавать поминутно: съ Иваномъ Ильичемъ сдѣлалось ужасное разстройство желудка. Пселдонимова, женщина мужественная и великодушная, раздѣла его сама, сняла съ него все платье, ухаживала за нимъ какъ за роднымъ сыномъ и всю ночь выносила черезъ коридоръ изъ спальни необходимую посуду и вносила ее опять. И однако жъ несчастья этой ночи еще далеко не кончились.



Не прошло десяти минутъ, послѣ того какъ молодыхъ заперли однихъ въ залѣ, какъ вдругъ послышался раздирающій крикъ, не отраднй крикъ, а самаго злокачественнаго свойства. Вслѣдъ за криками послышался шумъ, трескъ, какъ-будго паденіе стульевъ, и въ мигъ въ комнату, еще темную, неожиданно ворвалась цѣлая толпа ахающихъ и испуганныхъ женщинъ всевозможныхъ дезабилье. Эти женщины были: мать новобрачной, старшая сестра ея, бросившая на это время своихъ больныхъ дѣтей, три ея тетки, приплелась даже и та, у которой было сломанное ребро. Даже кухарка была тутъ же, даже проживалка-нѣмка, рассказывавшая сказки, изъ подъ которой вытащили силой для новобрачныхъ ея собственную перину, лучшую въ домѣ и составлявшую все ея имѣніе, приплелась вмѣстѣ съ прочими. Всѣ эти почтенныя и прозоравыя женщины, уже съ четверть часа,

какъ пробрались изъ кухни, черезъ коридоръ на цыпочкахъ и подслушивали въ передней, пожираемая самымъ необъяснимымъ любопытствомъ. Между тѣмъ кто-то наскоро зажогъ свѣчку и всѣмъ представилось неожиданное зрѣлище. Стулья, невыдержавшіе двойной тяжести и подпиравшіе широкую перину только съ краевъ, разъѣхались и перина провалилась между ними на полъ. Молодая хныкала отъ злости; въ этотъ разъ она была до-сердца обижена. Нравственно убитый Пселдонимовъ стоялъ какъ преступникъ, уличенный въ злодѣйствѣ. Онъ даже и не пробовалъ оправдываться. Совсѣхъ сторонъ раздавались ахи и взвизги. На шумъ прибѣжала и мать Пселдонимова, но маньяка новобрачной на этотъ разъ одержала полный верхъ. Она сначала осыпала Пселдонимова странными и по большей части несправедливыми упреками на тѣму: «какой ты, батюшка, мужъ послѣ этаго? Куда ты, батюшка, годенъ, послѣ такого сраму?» и прочее, и наконецъ взявъ дочку за руку, увела ее отъ мужа къ себѣ, взявъ лично на себя всю отвѣтственность на завтра передъ грознымъ отцомъ, требующимъ отчета. За нею убралась и всѣ, ахал и покивая головами своими. Съ Пселдонимовымъ осталась только мать его, и попробовала его утѣшить. Но онъ немедленно прогналъ ее отъ себя.

Ему было не до утѣшеній. Онъ добрался до дивана и сѣлъ въ угрюмѣйшемъ раздумьи, такъ какъ былъ босой и въ необходимѣйшемъ бѣльѣ. Мысли перекрещивались и путались въ его головѣ. Порой, какъ бы машинально, онъ оглядывалъ кругомъ эту комнату, гдѣ еще такъ недавно бѣсился танцующіе и гдѣ еще ходилъ по воздуху папиросный дымъ. Окурки паяросъ и конфетныя бумажки все еще валялись на залятомъ и изгаженномъ полу. Развалина брачнаго ложа и опрокинутыя стулья свидѣтельствовали о бренности самыхъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ земныхъ надежъ и мечтаній. Такимъ образомъ онъ просидѣлъ почти часъ. Ему приходили въ голову все тяжолыя мысли, какъ напримѣръ: что-то теперь ожидаетъ его на службѣ? онъ мучительно сознавалъ, что надо переимѣнить мѣсто службы, во чтобы ни стало, а оставаться на прежнемъ невозможно, именно вслѣдствіе всего что случилось въ сей вечеръ. Приходилъ ему въ голову и Млекопитаевъ, который пожалуй завтра же заставитъ его опять пласать козачка, чтобъ испытать его кротость. Сообразилъ онъ тоже, что Млекопитаевъ хоть и далъ пятьдесятъ рублей на свадебный

день, которые всё ушли до копѣйки, но четыреста рублей приданныхъ и не думалъ еще отдавать, даже и помипу о томъ еще не было. Да и на самый домъ еще не было полной формальной записи. Задумывался онъ еще о женѣ своей, покинувшей его въ самую критическую минуту его жизни, о высококомъ офицерѣ, становившемся на одно колѣно передъ его женой. Онъ это уже успѣлъ замѣтить; думалъ онъ о семи бѣсахъ сидѣвшихъ въ женѣ его, по собственному свидѣтельству ея родителя, и о клюкѣ, приготовленной для изгнанія ихъ... Конечно онъ чувствовалъ себя въ силахъ многое перенести, но судьба подпускала наконецъ такіе сюрпризы, что можно было наконецъ и усомниться въ силахъ своихъ.

Такъ горевалъ Пселдонимовъ. Между тѣмъ огарокъ погасалъ. Мерцающій свѣтъ его, падавшій прямо на профиль Пселдонимова, отражалъ ее въ колоссальномъ видѣ на стѣнѣ, съ вытянутой шеей, съ горбатымъ носомъ и съ двумя вихрами волосъ, торчавшими на лбу и на затылкѣ. Наконецъ когда уже повѣяло утренней свѣжестью, онъ всталъ, издрогшій и онѣмѣвшій душевно, добрался до перины, лежавшей между стульями и не поправляя ничего, не потушивъ огарка, даже не подложивъ подъ голову подушки, всползъ на четверенькахъ на постель и заснулъ тѣмъ свинцовымъ, мертвеннымъ сномъ, какимъ должно-быть спать приговоренные на завтра къ торговой казни.

Съ другой стороны, что могло сравниться и съ той мучительной ночью, которую провелъ Иванъ Ильичъ Пралинскій на брачномъ ложѣ несчастнаго Пселдонимова! Нѣкоторое время головная боль, рвота и прочіе непріятнѣйшіе припадки не оставляли его ни на минуту. Это были адскія муки. Сознаніе, хотя и едва мелькавшее въ его головѣ, озаряло такія бездны ужаса, такія мрачныя и отвратительныя картины, что лучше еслибы онъ и не приходилъ въ сознаніе. Впрочемъ все еще мѣшалось въ его головѣ. Онъ узнавалъ наиримѣръ мать Пселдонимова, — слышалъ ея незлобивыя увѣщанія вродѣ: «потерпи мой голубчикъ, потерпи батюшка, стерпится-слюбится», узнавалъ, и не могъ однако дать себѣ никакого логическаго отчета въ ея присутствіи подлѣ себя. Отвратительныя привидѣнія представлялись ему:

чаще всѣхъ представлялся ему Семень Иванычъ; но вглядываясь пристальнѣе онъ замѣчалъ, что это вовсе не Семень Иванычъ, а носъ Пселдонимова. Мелькали передъ нимъ и вольцый художникъ, и офицеръ и старуха съ подвязанной щекой. Болѣе всего занимало его золотое кольцо, висѣвшее надъ его головою, въ которое продѣты были занавѣски. Онъ различалъ его ясно при свѣтѣ тусклаго огарка, освѣщавшаго комнату и все добивался мысленно: к чему служить это кольцо, зачѣмъ оно здѣсь, что означаетъ? онъ нѣсколько разъ спрашивалъ объ этомъ старуху, но говорилъ очевидно не то, что хотѣлъ выговорить, да и та видимо его не понимала, какъ онъ ни добивался объяснить. Наконецъ, уже подъ утро, припадки прекратились и онъ заснулъ, заснулъ крѣпко, безъ сновъ. Онъ проснулся около часу и когда проснулся, то былъ уже почти въ полномъ сознаньи, чувствуя нестерпимую головную боль, а во рту, на языкѣ, обратившемся въ какой-то кусокъ сукна, сквернѣйшій вкусъ. Онъ привсталъ на кровати, оглядѣлся и задумался. Блѣдный свѣтъ начинавшагося дня, пробравшись сквозь щели ставень узкою полоскою, дрожалъ на стѣнѣ. Было около семи часовъ утра. Но когда Иванъ Ильичъ вдругъ сообразилъ и припомнилъ все, что съ нимъ случилось съ вечера; когда припомнилъ всѣ приключенія за ужиномъ, свой манкированный подвигъ, свою рѣчь за столомъ; когда представилось ему разомъ, съ ужасающей ясностью все, что можетъ теперь изъ этого выйти, все что скажутъ теперь про него и подумаютъ; когда онъ оглядѣлся и увидалъ наконецъ до какого грустнаго и безобразнаго состоянія довелъ онъ мирное брачное ложе своего подчиненнаго, — о, тогда такой смертельный стыдъ, такія мученія сошли вдругъ въ его сердце, что онъ вскрикнулъ, закрылъ лицо руками и въ отчаяннѣе бросился на подушку. Черезъ минуту онъ вскочилъ съ постели, увидалъ тутъ же на стулѣ свое платье, въ порядкѣ сложенное и уже вычищенное, схватилъ его, и поскорѣе, торопясь, оглядываясь и чего-то ужасно боясь, началъ его напяливать. Тутъ же на другомъ стулѣ лежала и шуба его, и шапка, и желтыя перчатки въ шанкѣ. Онъ хотѣлъ было улизнуть тихонько. Но вдругъ отворилась дверь и вошла старуха Пселдонимова, съ глинянымъ тазомъ и рукомоиникомъ. На плечѣ ея висѣло полотенце. Она поставила рукомоиникъ и безъ дальнихъ разговоровъ объявила, что умыться надобно непременно.

— Какже, батюшка, умойся, нельзя же не умывшись—то...

И въ это мгновеніе Иванъ Ильичъ созпалъ, что если есть на всемъ свѣтѣ хоть одно существо, котораго онъ бы могъ теперь не стыдиться и не бояться, такъ это именно эта старуха. Онъ умылся. И долго потомъ въ тяжолыя минуты его жизни припоминалась ему, въ числѣ прочихъ угрызеній совѣсти и вся обстановка этого пробужденія, и этотъ глиняный тазъ, съ фаянсовымъ рукомошкой, наполненнымъ холодной водой, въ которой еще плавали льинки, и мыло, въ розовой бумажкѣ, овальной формы, съ какими-то вытравленными на немъ буквами, копѣекъ въ пятнадцать пѣною, очевидно купленное для новобрачныхъ, но которое пришлось почать Ивану Ильичу; и старуха съ камчатнымъ полотенцемъ на лѣвомъ плечѣ. Холодная вода освѣжила его, онъ утерся, и не сказавъ ни слова, не поблагодаривъ даже свою сестру милосердія, схватилъ шапку, подхватилъ на плеча шубу, поданную ему Пселдонимовой и черезъ коридоръ, черезъ кухню, въ которой уже мяукала кошка и гдѣ кухарка, приподнявшись на своей подстилкѣ съ жаднымъ любопытствомъ посмотрѣла ему вслѣдъ, выбѣжалъ на дворъ, на улицу и бросился къ проѣзжавшему извозчику. Утро было морозное, мерзлый желтоватый туманъ застилалъ еще домъ и всѣ предметы. Иванъ Ильичъ поднялъ воротникъ. Онъ думалъ, что на него всѣ смотрятъ, что его всѣ знаютъ, всѣ узнаютъ...

Восемь дней онъ не выходилъ изъ дому и не являлся въ должность. Онъ былъ боленъ, мучительно боленъ, но болѣе нравственно; чѣмъ физически. Въ эти восемь дней онъ выжилъ цѣлый адъ и должно быть опи зачислсь ему на томъ свѣтѣ. Были минуты, когда онъ было думалъ постричься въ монахи. Право были. Даже воображеніе его начпало особенно гулять въ этомъ случаѣ. Ему представлялось тихое, подземное пѣнье, отверзтый гробъ, житье въ уединенной кельи, лѣса и пещеры; но очнувшись онъ почти тотчасъ-же сознавался, что все это ужаснѣйшій вздоръ и преувеличенія, и стыдился этого вздора. Потомъ начинались нравственные припадки, имѣвшіе въ виду его existence manquée. Потомъ стыдъ снова вспыхивалъ въ душѣ его, разомъ овладѣ-

валъ ею и все выжигалъ и разтравливалъ. Онъ содрогался, представляя себѣ разныя картины. Что скажутъ о немъ, что подумаютъ, какъ онъ войдетъ въ канцелярію, какой шопоть его будетъ преслѣдовать цѣлый годъ, десять лѣтъ, всю жизнь. Анекдотъ его пройдетъ въ потомство. Онъ впадалъ даже иногда въ такое малодушіе, что готовъ былъ сейчасъ-же ѣхать къ Семену Ивановичу и просить у него прощенія и дружбы. Самъ себя онъ даже и не оправдывалъ, онъ порицалъ себя окончательно: онъ не находилъ себѣ оправданій и стыдился ихъ.

Думалъ онъ тоже подать немедленно въ отставку и такъ, просто, въ уединеніи посвятить себя счастью человечества. Во всякомъ случаѣ надо было непременно переѣхать всѣхъ знакомыхъ и даже такъ, чтобъ искоренить всякое о себѣ воспоминаніе. Потомъ ему приходили мысли, что и это вздоръ и что при усиленной строгости съ подчиненными все дѣло еще можно поправить. Тогда онъ начиналъ надѣяться и ободряться. Наконецъ, по прошествіи цѣлыхъ восьми дней сомнѣній и муки, онъ почувствовалъ, что не можетъ болѣе выносить неизвѣстности и un beau matin рѣшился отправиться въ канцелярію.

Прежде, когда еще онъ сидѣлъ дома, въ тоскѣ, онъ тысячу разъ представлялъ себѣ какъ онъ войдетъ въ свою канцелярію. Съ ужасомъ убѣждался онъ, что непременно услышитъ за собою двусмысленный шопоть, увидитъ двусмысленныя лица, пожметъ злокачественнѣйшія улыбки. Каково-же было его изумленіе, когда на дѣлѣ ничего этого не случилось. Его встрѣтили почти-тельно; ему кланялись; всѣ были серьезны; всѣ были заняты. Радость наполнила его сердце, когда онъ пробрался къ себѣ въ кабинетъ.

Онъ тотчасъ-же и пресерьозно занялся дѣломъ, выслушалъ нѣкоторые доклады и объясненія, положилъ рѣшенія. Онъ чувствовалъ, что никогда еще онъ не разсуждалъ, и нерѣшалъ такъ умно, такъ дѣльно, какъ въ это утро. Онъ видѣлъ, что имъ довольны, что его почитаютъ, что относятся къ нему съ уваженіемъ. Самая щекотливая мнительность не могла-бы ничего замѣтить. Дѣло шло великолѣпно.

Наконецъ явился и Акимъ Петровичъ, съ какими-то бумагами. При появленіи его, что-то какъ будто кольдудо Ивана Ильича въ самое сердце, но только на одинъ мигъ. Онъ занялся

съ Акимъ Петровичемъ, толковалъ важно, указывалъ ему какъ надо сдѣлать и разъяснял. Онъ замѣтилъ только, что онъ какъ-будто забѣгаетъ, слишкомъ долго глядѣть на Акима Петровича, или лучше сказать, что Акимъ Петровичъ боялся глядѣть на него. Но вотъ Акимъ Петровичъ кончилъ и сталъ собирать бумаги.

— А вотъ еще просьба есть, началъ онъ какъ можно суше: — чиновника Пселдонимова о переводѣ его въ департаментъ... Его превосходительство Семенъ Ивановичъ Шипуленко обѣщали ему мѣсто. Просить вашего милостиваго содѣйствія, ваше превосходительство.

— А, такъ онъ переходитъ, сказалъ Иванъ Ильичъ и почувствовалъ, что огромная тяжесть отошла отъ его сердца. Онъ взглянулъ на Акима Петровича и въ это мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились.

— Чтожь, я съ моей стороны... я употреблю, отвѣчалъ Иванъ Ильичъ, я готовъ.

Акимъ Петровичъ видимо хотѣлъ поскорѣй улизнуть. Но Иванъ Ильичъ вдругъ, въ порывѣ благородства, рѣшился высказаться окончательно. На него очевидно опять нашло вдохновеніе.

— Передайте ему, началъ онъ, устремляя ясный и полный глубокаго значенія взглядъ на Акима Петровича, передайте Пселдонимову, что я ему не желаю зла; да, не желаю!.. Что, напротивъ, я готовъ даже забыть все прошедшее, забыть все, все...

Но вдругъ Иванъ Ильичъ осякъся, смотря въ изумленіи на странное поведеніе Акима Петровича, который изъ разсудительнаго человѣка, неизвѣстно почему, оказался вдругъ ужаснѣйшимъ дуракомъ. вмѣсто того, чтобъ слушать и дослушать, онъ вдругъ покраснѣлъ до послѣдней глупости, началъ какъ-то уторопленно и даже неприлично кланяться какими-то маленькими поклонами, и вмѣстѣ съ тѣмъ пятиться къ дверямъ. Весь видъ его выражалъ желаніе провалиться сквозь землю или лучше сказать добратся поскорѣе до своего стола. Иванъ Ильичъ, оставшись одинъ, всталъ въ замѣшательствѣ со стула. Онъ смотрѣлъ въ зеркало и не замѣчалъ лица своего.

— Нѣтъ, строгость, одна строгость и строгость! шепталъ онъ почти безсознательно про себя, и вдругъ яркая краска облила все

его лицо. Ему стало вдруг до того стыдно, до того тяжело, какъ не бывало въ самыя невыносимыя минуты его восьмидневной болѣзни. — «Не выдержалъ!» сказалъ онъ про себя и въ безсиліи опустился на стулъ.

ФЕДОРЪ ДОСТОВСКИЙ

НА МЫЗЪ

(Е. А. Шт. к. и. шн. д. р.)

Ползеть ночная тишина
Подслушивать вочные звуки...
Травую пахнетъ и влажна
Въ саду скамья твоя... Больна,
На книжку уронивши руки,
Сидишь ты въ тѣнь погружена,
И говоришь о дняхъ грядущихъ,
Объ угнетенныхъ, о гнетущихъ,
О роковой растратѣ силъ,
Которыхъ ключъ едва пробилъ
Кору тупаго закоснѣнья,
О всемъ, что губить вдохновеньс,
Чѣмъ такъ униженъ человекъ
И что великаго презрѣнья
Достойно въ нашъ великій вѣкъ.

А тамъ — сквозь тѣнь — огни за часемъ,
Сквозь окна — музыка... Серпомъ
Блеститъ луна, и лѣсъ кругомъ,
Съ его росой и соловьемъ,
И ты назвать готова раемъ
И этотъ садъ и этотъ домъ.

Страну волковъ преображая
Въ подобіе земнаго рая,
Здѣсь рѣчка вышла изъ болотъ,
На тундрахъ домъ возникъ — и вотъ
Трудомъ тяжелымъ, неустаннымъ,
Кругомъ все ожило : нежданымъ

Паденьемъ безмятежныхъ водъ
 Возмущены почвья тѣни,
 И усыпительно для лѣни,
 Однообразно жернова
 Шумятъ, — и лодка у плотины,
 И Термуса изъ бѣлой глины
 Вдали мелькаетъ голова...

Здѣсь точно рай, и ты привыкла
 Къ благополучью своему.
 Здѣсь рай. Зачѣмъ же ты поникла,
 И вновь задумалась к чему?
 Иль поняла, что рай твой тѣсенъ
 Для гражданина и для пѣсенъ,
 Что мысли здѣсь займутъ луна,
 Цвѣты, грибы, прогулки лѣтомъ,
 И новой жизни семена
 Взойдутъ быть-можетъ пустоцвѣтомъ;
 Что въ этомъ маленькомъ раю
 Все измельчаетъ понемногу.
 Иные скажутъ : «слава-богу!»
 А ты, — ты голову свою
 Повѣсивъ, будешь какъ нѣмая
 Сидѣть и думать : «Боже мой!
 Какъ хорошо бѣжать изъ рая
 И окунуться съ головой,
 Въ жизнь, поднимающую вой,
 Какъ злое море подъ грозой...»

Л. ПОДОНСКІЙ

КЪ ВОПРОСУ О ПОСТРОЙКѢ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ НА ЮГѢ РОССИИ

I

Конечно никто теперь не сомнѣвается, что польза отъ возможнаго увеличенія въ Россіи количества желѣзныхъ дорогъ, даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ крайняя необходимость ихъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе укрѣпляется въ понятіяхъ и убѣжденіяхъ нашего общества. Едвали сдѣлаемъ мы какое-либо преувеличеніе, если скажемъ, что убѣжденіе въ необходимости такихъ дорогъ для Россіи столь же прочно и сильно въ умахъ образованныхъ людей, какъ и убѣжденіе въ необходимости совершеннаго уже улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ и уничтоженія откупной системы. Причина тому понятна. Несмотря на ограниченность сферы нашей гласности, общество наше въ послѣднее время все-таки имѣетъ несравненно болѣе возможности, чѣмъ въ прежніе годы, слѣдить за развитіемъ и состояніемъ между прочимъ и нашего экономическаго быта; вмѣстѣ съ этимъ оно можетъ лучше прежняго слѣдить за состояніемъ и развитіемъ экономическаго быта другихъ народовъ, преимущественно передовыхъ, а потому оно и въ состояніи вѣрнѣе сравнивать свои успѣхи и неудачи въ этомъ отношеніи съ успѣхами и неудачами другихъ народовъ. Такое сравненіе конечно не можетъ не имѣть благотворнаго вліянія на умы и не вести ихъ между прочимъ къ тому заключенію, что несмотря на благотворность совершаемыхъ нынѣ у насъ реформъ, Россія далеко еще не догнала запада какъ во многихъ другихъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Такое убѣжденіе имѣетъ тѣмъ болѣе силы и значенія и становится съ каждымъ днемъ тѣмъ глубже, что общество наше въ высокой степени *чувствуетъ* (ибо выноситъ на себѣ) тяжесть тѣхъ затрудненій, которыя порождены неразвитостью нашего экономическаго быта. Эта тяжесть выражается конечно въ

возрастающей ежедневно дороговизнѣ предметовъ потребленія, почти нисколько неумѣремой въ общей сложности (такъ по крайней мѣрѣ кажется большинству нашего городского населенія) увеличеніемъ количества средствъ къ жизни (т. е. доходами, зароботкой, платой, жалованьемъ и проч.); она выражается также въ безденежьи, на которое, какъ извѣстно, постоянно жалуются теперь почти всѣ, въ недостатокѣ кредита, въ уменьшеніи количества производства нѣкоторыхъ важныхъ статей производительности страны, въ недостаточномъ развитіи, даже въ застоѣ торговли и проч. и проч. Продолжая свое сравненіе, образованные классы нашего общества приходятъ къ тому заключенію, что Россія не только не догнала запада, но и отстаетъ не только отъ него, но и отъ себя въ важнѣйшихъ для нея статьяхъ торговли съ ними. Въ самомъ дѣлѣ, если и не уменьшаются, а напротивъ увеличиваются вообще, по мѣрѣ возможности, наши торговые сношенія съ другими государствами, тѣмъ не менѣе изъ Россіи вывозится теперь за границу менѣе изъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ статей ея производства, чѣмъ въ прежніе годы, и это въ то время, когда значительно увеличивается вывозъ тѣхъ же статей производства изъ другихъ странъ, конкурирующихъ въ торговлѣ съ Россіей этими статьями.

Прійдя къ такому заключенію, т. е. убѣдясь, что если мы страдаемъ отъ безденежья, что если торговля наша съ иностранными государствами находится въ стѣсненномъ состояніи, то все это между прочимъ происходитъ отъ того, что значительно уменьшается вывозъ за границу нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ статей нашего производства, — убѣдясь въ этомъ, а не убѣдиться въ этомъ нельзя, ибо факты на лицо, — понятно, что общество наше не удовольствовалось подобной находкой, а пошло далѣе, т. е. начало отыскивать причины такого знаменательнаго факта, какъ уменьшеніе вывоза нашихъ произведеній за границу. Конечно уже давно знали у насъ многіе, какія вообще препятствія существуютъ въ Россіи къ развитію промышленности вообще; но знать, даже вполне сознать и глубоко чувствовать, — не одно и тоже, а потому и знаніе это не имѣло ни значенія народнаго сознанія, ни мощи болѣе или менѣе громко кричащей о себѣ народной нужды. Потому-то это знаніе, даже подъ часъ полное сознаніе положенія, оставалось какъ бы дѣломъ только кабинетнымъ, и притомъ не министерскп-кабинетнымъ конечно, а только учено-кабинетнымъ, такъ что, какъ извѣстно, лѣтъ съ десять-пятнадцать тому назадъ, да же менѣе, нѣкоторымъ *практикамъ* нашимъ — высшаго полета разумѣется, а не изъ тѣхъ, которые по собственному опыту знали Россію и ея нужды, — наши пути сообщенія вообще казались до-

статочнo-хорошими, и Россія по ихъ понятіямъ не нуждалась и надолго немогла нуждаться въ болѣе совершенныхъ путяхъ сообщенія, въ особенности въ желѣзныхъ дорогахъ. Но настало наконецъ другое время, — и учено-кабинетское знаніе сдѣлалось знаніемъ болѣе или менѣе общественнымъ, ибо фактъ сдѣлался обязательнымъ для всего нашего общества, сдѣлался его нуждой. Въ подобныхъ случаяхъ общество поступаетъ и у насъ по возможности такъ же, какъ и вездѣ, а именно оно хочетъ знать, отыскиваетъ, а потому и находятъ причину зла, которое дѣйствуетъ неблагоприятно и враждебно на его благосостояніе. Благодаря наукѣ и журналистикѣ, въ которыхъ и въ этомъ отношеніи не могли не принять большаго или меньшаго участія всѣ болѣе или менѣе образованныя сословія наши, а также и многіе въ полномъ смыслѣ слова практическіе люди, — благодаря наукѣ и журналистикѣ, говоримъ мы, общество наше легко разъяснило себѣ, если быть-можетъ още и не всѣ, то многія важнѣйшія причины подобаго зла, т. е. уменьшенія вывоза нашихъ естественныхъ произведеній за границу, и нашла одну изъ такихъ причинъ, въ несовершенствѣ нашихъ путей сообщенія вообще, и въ недостаткѣ у насъ желѣзныхъ дорогъ въ особенности. Оно и немогло не прийти къ такому выводу, вѣрность котораго лишній разъ подтверждаетъ истину, что каждое общество рано или поздно лучше кого бы то нибыло сознастъ свои потребности, и притомъ тѣмъ скорѣй и лучше, тѣмъ заблаговременнѣе, чѣмъ менѣе тому естественныхъ и въ особенности искусственныхъ препятствій.

Вѣрность такого вывода бросается въ глаза и подкрѣпляется самыми основательными соображеніями и несомнѣнными фактами. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ уменьшать, при настоящихъ обстоятельствахъ, отпускъ нашихъ произведеній за границу въ то время, когда отпускъ тѣхъ же произведеній изъ другихъ странъ не только не уменьшается, а даже увеличивается? Конечно *дороговизна* нашихъ произведеній. Торговля не разбираетъ, или по меньшей мѣрѣ не очень-то увлечается ни національностями, ни политическими вообще соображеніями, ни чѣмъ другимъ, кромѣ своихъ интересовъ. Покупщикъ, — а каждый народъ есть и покупатель и продавецъ, — покупатель, а потому и каждый купецъ, промышленникъ и коммерсантъ, покупаетъ по возможности только тамъ, гдѣ можетъ купить товаръ дешевле, точно также, какъ и продаетъ онъ свои произведенія и товары по возможности только тому, кто дастъ за нихъ высшую цѣну. Наши произведенія вздорожали въ сравненіи съ такими же произведеніями другихъ странъ, — у насъ и перестали или стали менѣе покупать, чѣмъ у другихъ. Уменьшеніе нашего

сбыта происходить стало—быть отъ дороговизны нашихъ произведеній. Откуда же такая дороговизна?

Правильная (обычная) цѣна произведеній зависить отъ *стоимости* (или цѣны) *производства* ихъ и *количества* существующихъ на нихъ *требованій*. Исключеніе пзъ этого правила составляютъ только весьма рѣдкія случайности. Въ вопросѣ о томъ, почему уменьшается сбытъ нашихъ произведеній за границу, *количество требованій* на нихъ не имѣеть важнаго значенія, ибо требованія на нихъ, какъ напримѣръ на пшеницу для Англіи и нѣкоторыхъ другихъ странъ, продолжаютъ по прежнему, но не по прежнему, а въ меньшей противъ прежняго степени удовлетворяются эти требованія отпускомъ пшеницы изъ Россіи и въ болѣе въ то же время степени, чѣмъ въ прежніе годы, отпускомъ изъ другихъ странъ, какъ напримѣръ изъ Венгріи, турецкихъ владѣній, Пруссіи. Такимъ образомъ цѣны нашихъ отпускныхъ произведеній, по отношенію къ цѣнамъ тѣхъ же произведеній нѣкоторыхъ другихъ странъ, зависять исключительно отъ стоимости производства этихъ произведеній, а въ томъ числѣ разумѣется и доставки ихъ какъ на *рынокъ* (городъ, портъ, ярмарку и проч., т. п.), гдѣ они могутъ найти покупателей, такъ и на *рынокъ*, на которомъ они могутъ быть перепроданы потребителямъ. Такимъ образомъ произведеніе, стоящее въ Петербургѣ и Парижѣ рубль, будетъ конечно покупаться для Англіи или для Германіи не непременно въ Парижѣ и Петербургѣ, а или въ Петербургѣ, или въ Парижѣ, смотря по тому, откуда, при тождествѣ другихъ условій и обстоятельствъ, провозъ этого произведенія въ Англію или Германію обойдется дешевле покупателямъ, ибо въ такомъ случаѣ отъ провоза только будетъ зависѣть разница въ цѣнахъ произведенія, происходящая отъ покупки его въ этихъ городахъ.

Россія, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу странъ, изъ которыхъ вывозится множество сырыхъ, преимущественно льняныхъ и земледѣльческихъ вообще произведеній. Главный предметъ нашего вывоза — пшеница. До послѣднихъ годовъ Россія была самымъ опаснымъ и могущественнымъ соперникомъ въ заграничной торговлѣ пшеницей для всѣхъ странъ, производящихъ пшеницу; въ послѣднее же время эти страны, какъ напримѣръ Венгрія, все болѣе и болѣе увеличивали въ этомъ отношеніи свое значеніе, а Россія утрачивала свое, т. е. ихъ сбытъ увеличивается, а нашъ уменьшается, и такимъ образомъ соперничество этихъ странъ становится опаснымъ для Россіи. Откуда такая перемѣна? Почему наши произведенія, напримѣръ хоть наша пшеница, не могутъ, по цѣнѣ, въ той степени конкурировать съ подобными произведеніями дру-

гихъ странъ, въ какой конкурировали прежде? Вѣдь неизмѣнились ни географическія условія мѣстностей, ни даже политическія въ той мѣрѣ, чтобъ оченъ вліять на цѣны такихъ произведеній. Что же измѣнилось? Въ чемъ перемѣна?

Измѣнились условія производства, имѣющія главнѣйшее вліяніе на цѣны произведеній; измѣнились въ особенности условія перемѣщенія, провоза произведеній.

Сравнивая Россію съ другими странами по отношенію къ отпуску ея произведеній на западъ, остающійся до сихъ поръ главнѣйшимъ потребителемъ нашихъ произведеній, нельзя не видѣть, что на ея сторонѣ не много выгодныхъ условій; на примѣръ она болѣе другихъ странъ, съ которыми соперничаетъ по предметамъ своей отпускной торговли, удалена отъ важнѣйшихъ европейскихъ рынковъ. Кромѣ того она мало населена, мало развита и въ экономическомъ отношеніи, такъ-что не можетъ производить *трудож* столь же дешево, какъ другія, болѣе ея образованныя страны; въ ней мало, относительно, природныхъ и въ особенности искусственныхъ путей сообщенія; въ ней, относительно, мало рукъ и капиталовъ; крѣпостное право не менѣе, какъ на половину, уменьшало производительность народнаго труда и при этомъ не менѣе, какъ вдвое увеличивало расходы природныхъ силъ страны; а между тѣмъ до послѣдняго времени регламентація даже промышленности считалась у насъ чѣмъ-то особенно выгоднымъ и необходимымъ для края; по тяжелымъ бременемъ, гнетущимъ тормазомъ была она для развитія нашихъ экономическихъ силъ и т. п. Несмотря однако на все это, природа столь щедро надѣлила Россію своими дарами, что отъ продажи одного избытка естественныхъ и земледѣльческихъ произведеній края, Россія долгое время, какъ *казалось* по крайней мѣрѣ многимъ, богатѣла между прочимъ отъ значительнаго торга съ западомъ и была опасной соперницей, преимущественно своими земледѣльческими произведеніями, для странъ, находящихся въ несравненно выгоднѣйшихъ условіяхъ для сбыта такихъ же произведеній, въ особенности важнѣйшихъ изъ нихъ, какъ на примѣръ пшеницы.

Всѣ почти выгодныя и невыгодныя условія для такой торговли у насъ сохранились въ большей или меньшей степени. На примѣръ уничтоженіе крѣпостного права и другія благодѣтельныя реформы еще, по недавности своей, не могли выказать всего своего благотворнаго вліянія на нашу заграничную торговлю, тѣмъ болѣе, что благотворность этого вліянія значительно парализируется другими неблагоприятными для производительности страны обстоятельствами, какъ-то: дороговизной и болѣею противъ прежняго времени

рѣдкостію свободныхъ капиталовъ, уменьшеніемъ размаха кредита и проч. Стало быть, въ этомъ отношеніи степень возможности для Россіи конкурировать въ торговлѣ своими произведеніями съ странами, съ которыми она соперничаетъ, покуда еще не увеличилась, да и не могла, по обстоятельствамъ, увеличиться.

Напротивъ она къ сожалѣнію уменьшилась и должна была, по обстоятельствамъ, уменьшиться, ибо увеличилась степень возможности другихъ странъ конкурировать съ Россіей. Покуда мы вели крымскую войну, покуда у насъ совершались между прочимъ безспорно благотѣльные, но тѣмъ не менѣе такія реформы, которыя требовали немало умственныхъ напряженій и матеріальныхъ затратъ до своего осуществленія, — соперничающія съ нами по затраничной торговлѣ страны совершенствовали свое производство и свой экономическій бытъ вообще, улучшали у себя пути сообщенія, строили желѣзныя дороги, и это, конечно, несмотря на то, что несравненно менѣе Россіи нуждались въ такихъ улучшеніяхъ и дорогахъ.

Конечно и у насъ строились желѣзныя дороги и улучшались пути сообщенія вообще въ послѣднее время; но количество такихъ построекъ и улучшеній далеко не соотвѣтствовало потребностямъ въ нихъ страны, особенно при той спѣшности, съ какой это дѣлалось въ соперничающихъ съ нами въ промышленномъ отношеніи государствахъ.

Венгрія напримѣръ изобилуетъ естественными водными сообщеніями, рѣками. Дунай соединяетъ ее съ нѣсколькими государствами Германіи, а притоки его — съ внутренними венгерскими житищами и рынками. Дунай же соединяетъ ее съ Чернымъ моремъ; да притомъ же она гораздо ближе чѣмъ Россія къ Средиземному морю. Несмотря на такія благопріятныя для торговли естественныя удобства, несмотря на каналы и болѣе или менѣе хорошія шоссеыя дороги, въ Венгріи построено уже нѣсколько значительныхъ линій желѣзныхъ дорогъ и употребляются всѣ средства, чтобъ увеличить ихъ количество. Вотъ почему отпускъ хлѣба напримѣръ изъ этой страны быстро растетъ съ каждымъ годомъ, и отъ двухъ до трехъ миліоновъ центнеровъ въ 1855—1859 годахъ возросъ безъ малаго до семи миліоновъ въ 1860 году. Кромѣ того, земледѣіе и сельское хозяйство вообще значительно улучшаются въ Венгріи, чего нельзя еще сказать конечно о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, ибо оно находится еще только на пути къ улучшеніямъ. Такимъ образомъ, если и въ прежніе годы Венгрія могла иногда съ успѣхомъ конкурировать съ Россіей въ торговлѣ хлѣбомъ, то конечно сдѣлавъ значительные успѣхи въ своемъ экономическомъ бытѣ, при неизбѣж-

ной покуда недостаточности такихъ успѣховъ въ Россіи, Венгрія должна была сдѣлаться для насъ болѣе или менѣе опасной соперницей въ торговлѣ хлѣбомъ, а частію и другими сельскими произведеніями.

Тоже самое можно сказать и о нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Такимъ образомъ торговля Россіи хлѣбомъ начала утрачивать свое прежнее значеніе. Нашъ промышленный міръ, а за нимъ и все русское общество не могли конечно не открыть рано или поздно такой причины уменьшенія отпуска русскихъ произведеній, составляющей въ тоже время и одну изъ причинъ какъ нашего безденежья, такъ и нѣкоторыхъ другихъ явленій въ нашей современной жизни.

Сознавъ эту причину, у насъ заговорили о крайней необходимости желѣзныхъ дорогъ для Россіи, особенно южной дороги, долженствующей соединить внутреннія, хлѣбородныя мѣстности страны и ея внутренніе хлѣбные рынки съ Чернымъ моремъ.

Какъ извѣстно, существуетъ уже нѣсколько проектовъ и предположеній о постройкѣ южныхъ линій желѣзныхъ дорогъ. Одни требуютъ соединенія Кіева, Харькова, Воронежа, Москвы съ Одессой, другіе такъ-называемую Феодосійскую дорогу.

Есть и еще одинъ проектъ, неизвѣстный еще публикѣ, именно харьковско-таганрогской желѣзной дороги. Много есть проектовъ.

II

Считая, подобно многимъ другимъ, вопросъ о необходимости постройки южной дороги рѣшительнымъ, но въ тоже время не имѣя достаточно свѣдѣній, чтобъ разбирать достоинства и недостатки извѣстныхъ намъ проектовъ и соображеній касательно направленія предполагаемыхъ линій, мы понеобходимости должны предоставить такой разборъ специалистамъ и вообще людямъ болѣе насъ состоятельнымъ въ этомъ отношеніи. Да и не съ цѣлью подобнаго разбора пишемъ мы эту статью. Цѣль наша состоитъ въ томъ, чтобъ посылить содѣйствовать къ разрѣшенію уже подвятаго въ нашей литературѣ вопроса, а именно: какъ ни необходима та или другая южная линія, имѣетъ ли Россія въ настоящее время возможность и средства построить ее? Другими словами: гдѣ взять денегъ на проведеніе новой линіи желѣзныхъ дорогъ? Немало ли на то у насъ теперь свободныхъ капиталовъ? Можемъ ли мы обойтись безъ капиталовъ иностранныхъ и возможно ли намъ въ настоящее время приобрѣсть ихъ на своихъ условіяхъ? Кроме того сюда же относится и вопросъ: кому строить дорогу, —

правительству ли на общественные капиталы или на казенные средства, или же частной компаніи, русской или иностранной, на частные, русскіе или иностранные капиталы?

Такіе вопросы неизбежны при современномъ состояніи нашего денежнаго рынка, равно какъ и при другихъ текущихъ обстоятельствахъ, которыми обуславливаются средства Россіи для важныхъ и необходимыхъ общественныхъ построекъ.

Займемся сначала вопросомъ: есть ли у насъ *денегъ* на постройку желѣзныхъ дорогъ или покуда *одной* только южной дороги? При этомъ прежде всего необходимо знать, во что можетъ обойтись такая дорога. Судя по предположеніямъ одного проектора (г. Джурича), дорога отъ Харькова до Таганрога (*главнаго* южнаго порта нашего, ибо онъ, благодаря Волгѣ и Дону съ ихъ притоками, лучше другихъ черноморскихъ портовъ соединяетъ сѣверо-восточную, юго-восточную, среднюю и южную полосы Россіи съ Чернымъ моремъ) должна стоить не дороже 20 миліоновъ руб. (400 верстъ по 50,000), но можетъ, въ случаѣ крайности стоить и несравненно меньше. Судя же по предположеніямъ другихъ лицъ, совѣтующихъ вести дорогу напримѣръ на Одессу и Феодосію, она должна обойтись несравненно дороже, а именно отъ 60 до 80 и болѣе миліоновъ. Возьмемъ среднюю между ними цифру въ 40 миліоновъ, ибо на первые два, три или четыре года, пока строится дорога, и эта цифра должна быть во всякомъ случаѣ достаточна, хотя бы проведеніе всей линіи встало отъ 80 до 100 миліоновъ. Гдѣ же намъ взять 40 миліоновъ, предполагая, что будетъ отлано предпочтеніе какой-либо наиболѣе длинной и дорогой линіи?

Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о состояніи нашего денежнаго рынка, нашей монетной системы и нашихъ государственныхъ финансовъ вообще, и потому болѣе подробное рѣшеніе его мы должны отложить до другого раза, а теперь заняться дѣль лишь настолько, насколько это крайне-необходимо для предмета настоящей статьи, а именно о средствахъ добыть 20 или въ случаѣ надобности 40 или нѣсколько болѣе миліоновъ рублей на постройку одной какой-либо южной желѣзной дороги. Россія конечно нуждается не въ одной, а въ нѣсколькихъ линіяхъ желѣзныхъ дорогъ, на проведеніе которыхъ потребуется не 20, 40, а 200, 300 и можетъ-быть значительно болѣе миліоновъ, которые также конечно могутъ, *должны* быть и будутъ добыты, ибо желѣзныя дороги необходимы и полезны во всѣхъ отношеніяхъ для Россіи. Но покуда, какъ мы сказали, мы ограничимся разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ средствъ для постройки одной южной дороги.

Итакъ *есть* ли у насъ 20 или 40 свободныхъ миліоновъ на по-

стройку одной южной дороги? Есть! Они едва ли не вовсе праздно и бесполезно для страны лежать въ нашемъ государственномъ банкѣ, за покойное и благополучное пребываніе въ которомъ это учрежденіе обязано платить въ общей сложности не менѣе четырехъ процентовъ вкладчикамъ, которые одни только и выигрываютъ отъ такого для нихъ благополучія, за что конечно ихъ не слѣдуетъ осуждать, ибо при другихъ, болѣе нормальныхъ обстоятельствахъ они вѣроятно пользовались бы еще высшимъ благополучіемъ, и притомъ съ болѣею пользою для народнаго благосостоянія. Такимъ образомъ оказывается, что нашъ государственный банкъ повидимому *можетъ* или *могъ бы* находящіеся въ немъ вклады употребить или ссудить на постройку южной линіи, и это съ пользою для себя и государства, а также и съ пользою для своихъ вкладчиковъ. Однако какъ ни просто повидимому такое употребленіе капиталовъ, праздно лежащихъ въ кладовыхъ банка, тѣмъ не менѣе оно представляетъ собою довольно сложный и запутавшій вопросъ, вслѣдствіе образа дѣйствій и положенія нашего банка въ государствѣ. Напримѣръ онъ по назначенію своему есть *государственное* кредитное учрежденіе и потому обязанъ содѣйствовать какъ дѣлу улучшенія нашей денежной системы, такъ и дѣлу промышленнаго и экономическаго вообще развитія Россіи, т. е. обязанъ стремиться къ достиженію *чисто-государственныхъ*, общепользныхъ цѣлей; но по устройству своему нашъ государственный банкъ есть только частію государственное учрежденіе, ибо онъ устроенъ *преимущественно* на *коммерческихъ* основаніяхъ, а потому и долженъ по необходимости болѣе всего дѣйствовать на *коммерческихъ* основаніяхъ, т. е. по образу дѣйствій *частныхъ* банковъ, хотя весь капиталъ его, по крайней мѣрѣ судя по его уставу, есть капиталъ *государственный*, а не *частный*. Вотъ почему банкъ всегда можетъ оправдать образъ своихъ дѣйствій (какими бы ни представлялись они съ истинно-государственной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія общественной пользы) своими коммерческими основаніями и интересами. Вотъ почему также государственный банкъ нашъ можетъ казаться почти всегда и правымъ и виноватымъ, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія, государственной или частно-коммерческой, смотрѣть на его операціи и вообще на его образъ дѣйствій. Вотъ почему и несмотря на то, что банкъ располагаетъ капиталами на постройку южной дороги, изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ ни то, что онъ употребитъ, ни то даже, что онъ *можетъ* или *долженъ* употребить эти капиталы на такое предпріятіе. Для того, чтобъ знать: употребитъ ли, можетъ ли и долженъ ли онъ употребить располагаемые имъ свободные капиталы на устройство южной

или какой-либо другой желѣзной дороги, необходимо знать всѣ тайныя и явныя пружины его дѣйствій, видовъ, намѣреній, цѣлей; необходимо также знать состояніе располагаемыхъ имъ денежныхъ средствъ со всѣми ихъ тончайшими свойствами и качествами, а этого никакъ не узнаешь изъ однихъ хотя и довольно часто публикуемыхъ имъ отчетовъ, даже и при увѣренности, что эти отчеты въ общей сложности математически точны. Напримѣръ, что такое означаютъ въ балансахъ нашего государственнаго банка, въ отдѣлѣ актива, 12,000,000 государственныхъ фондовъ? Иностранные ли это фонды, могущіе быть реализованы и замѣнены звонкою монетою или слитками, или же это неотверженный или отверженный долгъ нашей казны, и потому если и видно, что эта сумма входитъ и должна входить въ отдѣлъ актива государственнаго банка, то никакъ не видать изъ балансовъ банка принадлежитъ ли она къ активу или къ пассиву нашей казны? Въ одномъ изъ вашихъ періодическихъ изданій было объявлено, что эти 12 миліоновъ — долгъ нашей казны; но такъ ли это? или правильнѣе, можно ли это вывести изъ балансовъ государственнаго банка? Конечно нѣтъ.

По всему этому, какъ правительство, представитель общественныхъ интересовъ, такъ и общество наше могутъ имѣть свои виды и цѣли между прочимъ и по отношенію къ операціямъ нашего государственнаго банка, но банкъ можетъ имѣть и свои собственные, которые могутъ иногда далеко не вполне согласоваться съ видами и цѣлями какъ правительства, такъ и общества, ибо будучи государственнымъ учрежденіемъ, онъ въ тоже время есть и учрежденіе коммерческое, частное, хотя и устроенное насчетъ казны, и за состоятельность котораго ручается казна. Онъ не то что французскій и англійскій банки. Эти банки — чисто-коммерческія, частныя, а не государственныя учрежденія, созданы на частныя средства, даже кредитуютъ правительствамъ, и потому-то между прочимъ пользуются отъ нихъ извѣстными привилегіями. У насъ же выходитъ наоборотъ: не государственный банкъ ссужаетъ правительство или казну, а напротивъ только благодаря казнѣ пользуется нашъ банкъ извѣстнымъ довѣріемъ публики; только благодаря капиталамъ и средствамъ казны существуетъ онъ, и потому конечно онъ ей не въ помощь и въ случаѣ нужды никакъ не выручитъ ее, — онъ не то что французскій и англійскій банки, которые, благодаря своимъ значительнымъ средствамъ и образу своихъ дѣйствій, не разъ помогали англійской и французской казнамъ своими капиталами и довѣріемъ къ нимъ публики.

По всему этому нельзя также ни требовать, ни ожидать, чтобы государственный банкъ употребилъ тѣ вклады, которые безъ поль-

зы даже для него самого лежать въ его кладовыхъ, на построеніе крайне-необходимой для Россіи южной желѣзной дороги. Банкъ *можетъ* опасаться, что эти вклады могутъ быть у него потребованы, и въ такомъ случаѣ не только онъ, но и казна — такъ покрайней-мѣрѣ кажется нѣкоторымъ лицамъ — можетъ быть поставлена въ затрудненіе. Такое опасеніе банка при его организаціи, при настоящемъ вообще устойчивѣ нашей денежной системы и т. п., такое опасеніе банка *можетъ* быть основательнымъ, хотя бы въ тоже время и не безосновательно, а напротивъ весьма основательно было высказанное въ «Современной Лѣтописи» («Русскаго Вѣстника») мнѣніе, что слѣдовало бы употребить болѣе или менѣе обременительное для банка значительное количество частныхъ вкладовъ на проведеніе необходимыхъ желѣзныхъ дорогъ, или по меньшей мѣрѣ, на содѣйствіе этому дѣлу такими вкладами. Противъ такого мнѣнія можно сказать только то, что и промышленность и недвижимая собственность крайне нуждаются у насъ въ кредитѣ, и потому заботясь о желѣзныхъ дорогахъ, не слѣдуетъ терять изъ виду интересовъ недвижимой собственности и промышленности вообще. Но съ другой стороны и недвижимая собственность и промышленность могутъ только выиграть отъ постройки желѣзныхъ дорогъ, такъ что такой выигрышъ отчасти вознаграждаетъ ихъ за недостатокъ въ кредитѣ и въ оборотныхъ капиталахъ. Словомъ, при настоящемъ устройствѣ нашего банка и при настоящемъ направленіи, или правильнѣе, характерѣ нашей финансовой администраціи, невозможно предрѣшить этотъ вопросъ частнымъ лицамъ, ибо и самое правильное рѣшеніе его можетъ несогласоваться не только съ нѣкоторыми видами и цѣлями, но даже и съ извѣстными только немногимъ лицамъ, но тѣмъ неменѣе существующими обстоятельствами. Напримѣръ банкъ, при такихъ-то и такихъ-то условіяхъ, и на такихъ-то и такихъ-то основаціяхъ, могъ бы конечно съ значительной пользой и для него самого и для всей Россіи употребить частныя вклады на постройку желѣзныхъ дорогъ; но если эти вклады уже получили назначеніе, или если банкъ и даже министерство финансовъ уже имѣютъ въ виду *избавить* банкъ отъ прилива вкладовъ, къ чему въ такомъ случаѣ поведутъ и самыя правильныя соображенія и предположенія касательно такихъ вкладовъ?! Конечно ровно ни къ чему... Каждый родъ капиталовъ, даже каждый видъ ихъ долженъ имѣть свое назначеніе и употребленіе, и имѣетъ его конечно тамъ, гдѣ есть полная и вполне сформировавшаяся денежная и финансовая система; тамъ только и можно съ основательностью и толкомъ располагать такимъ назначеніемъ и употребленіемъ, а также и судить о нихъ.

Но всему этому заслуживаетъ полнаго вниманія и мнѣнїе, что на постройку желѣзныхъ дорогъ намъ безусловно необходимо значительное содѣйствіе иностранныхъ капиталовъ, даже и на постройку одной южной дороги. Мы думаемъ однако, что Россія можетъ рѣшительно обойтись безъ займовъ, т. е. безъ иностранныхъ капиталовъ, при постройкѣ одной только южной дороги, въ особенности харьковско-таганрогской; если же строить нѣсколько линій желѣзныхъ дорогъ, примѣрно мильоновъ на 200, а тѣмъ болѣе на 300, то конечно при нынѣшней финансовой и денежной системѣ нашей, а также и при современномъ состояніи нашего денежнаго рынка, Россія никакимъ образомъ не можетъ обойтись безъ иностранныхъ капиталовъ, т. е. займовъ. Конечно отъ такихъ займовъ немногимъ улучшится состояніе русскихъ финансовъ, наше денежное обращеніе, и даже нашъ денежный рынокъ, что видно уже изъ того, что у насъ есть, можетъ и должно быть въ этомъ отношеніи при настоящемъ характерѣ нашей финансовой администраціи. При такихъ обстоятельствахъ займы болѣе или менѣе необходимы, или правильнѣе неизбѣжны, а тѣмъ болѣе въ случаѣ постройки нѣсколькихъ линій желѣзныхъ дорогъ, предполагая въ особенности, что ихъ будетъ строить правительство или иностранная компанія. Конечно и мы бы обошлись безъ иностранныхъ капиталовъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ не только на 200, но и на 300, а можетъ-быть и болѣе мильоновъ, потому что количество свободныхъ у насъ капиталовъ никакимъ образомъ не ограничивается тѣми вкладами, которыми тяготится нашъ государственный банкъ. Россія болѣе богата свободными капиталами, нежели это кажется людямъ очень небогатымъ своими государственно-финансовыми способностями и знаніемъ Россіи. Россіи нужны, необходимы и полезны желѣзныя дороги, а потому Россія имѣетъ въ самой себѣ и средства надѣлать себя ими, точно также, какъ каждый человѣкъ, маломальски не пивалидъ и не стражающій какой-либо особенной болѣзنیю, имѣя потребность въ пищѣ, одеждѣ, всегда имѣетъ и возможность, при отсутствіи лишнихъ, искусственныхъ препятствій, добыть себѣ трудомъ, т. е. своими силами, и пищу, и одежду и т. п. Русскій Кольбергъ, Тюрго, Ревентловъ, Брукъ или Кавуръ *впрямь бы* непременно, и притомъ сознательно въ Россію, ибо зналъ бы ея нужды и средства, а потому—то непременно нашолъ бы въ ней и капиталы, и все нужное на необходимыя для нея линіи желѣзныхъ дорогъ. Да онъ бы и не могъ ихъ не найти: они есть, они разбросаны по всей Россіи, но почти всѣ лежатъ втупѣ, не только празднымъ, но отчасти и гниющимъ капиталомъ. Да и какъ не вбросать въ силы Россіи, въ особенности въ настоя-

щее время, когда, несмотря на свое тысячелѣтнее существованіе, она по своему развитію, едва достигаетъ совершеннолѣтія и является отъ власти надъ собою крѣпостного права и отъ болѣе или менѣе подобныхъ ему, по вредности, стѣснительныхъ и уже совершенно неумѣстныхъ пелень и оковъ? Такъ можетъ ли не быть въ такой странѣ средствъ для ея безбѣднаго существованія, въ особенности, когда все то, что наиболѣе до сихъ поръ противо-дѣйствовало производительности народнаго труда и вообще развитію благосостоянія страны, все то или окончательно устраняется или значительно парализируется благими реформами и сознаниемъ народа?

Мы сказали выше, что по нашему мнѣнію, если при современной финансовой администраціи у насъ и неизбежны займы на постройку нѣсколькихъ линій желѣзныхъ дорогъ, то во всякомъ случаѣ можно бы было обойтись безъ займа въ случаѣ постройки одной только южной желѣзной дороги, въ особенности харьковско-таганрогской. Гдѣ же и какъ добыть деньги на эту дорогу?

До рѣшенія этого вопроса необходимо рѣшить вопросъ: кому строить, или кто будетъ строить дорогу? Строить ее, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, слѣдуетъ правительству, ибо, говорятъ они: ваше правительство прекрасно построило николаевскую желѣзную дорогу, а частныя лица, главное общество напр. построили извѣстныя линіи далеко не такъ хорошо, да притомъ же и не слишкомъ дешево, и прочее тому подобное.

Такое доказательство, по нашему мнѣнію, не довольно убѣдительно. Французское общество могло дѣйствовать и хуже того, чѣмъ оно дѣйствовало, а все-таки это несколько не свидѣтельствовало бы въ пользу постройки дорогъ правительствомъ, ибо англичане, бельгійцы, нѣмцы, шведы, даже русскіе, по всей вѣроятности, построили бы дороги лучше французовъ, въ особенности еслибъ всѣ основныя условія постройки были бы опредѣлены надлежащимъ образомъ, и еслибъ во главѣ управленія этого дѣла стояли не чьи-либо кліенты или протеже, а люди способные. Не французы дурны, а дурны, по крайней-мѣрѣ для постройки желѣзныхъ дорогъ, въ особенности въ Россіи или на примѣръ Турціи, французы вѣка Людовика-Наполеона, воспитывающіеся на безотчетности, произволѣ и тому подобныхъ правлахъ.

Мы думаемъ, что слѣдовало бы дорогу строить не правительству, а компаніи частныхъ лицъ, если не русской, такъ хоть иностранной, даже французской, но безъ содѣйствія конечно влиятельнаго французскаго правительства или, что иногда тоже, гг. Шерейра и Фульда. Правительство конечно можетъ построить дорогу хорошо,

прекрасно (доказательство николаевская дорога); но дешево, дешево частнымъ лицъ оно строить *не можетъ*, что уже извѣстно всему образованному міру. Вотъ почему желательнo было бы, чтобъ правительство, какъ наше, такъ и всякое другое, никогда, кромѣ крайней необходимости, не занималось подобнымъ дѣломъ, даже и тогда, когда у него денегъ много, ибо лишнихъ денегъ ни у кого нѣтъ и никогда не бываетъ, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя не знаютъ цѣны деньгамъ, а потому и не способны употреблять ихъ съ толкомъ, ядрово-экономически. Кромѣ того такое дѣло было бы противорѣчіемъ болѣе или менѣе общему и благому характеру и направленію нашей государственной администраціи въ настоящее время, которая старается не усложнять, а упрощать свой механизмъ и не увеличивать, а по возможности уменьшать служебный персоналъ, что разумѣется въ высшей степени рационально. Назначеніе правительства по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ состоитъ не въ постройкѣ ихъ своими чинами и средствами, а въ *необходимомъ* содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ частнымъ компаніямъ, сообразно требованіямъ государственныхъ интересовъ. Такое содѣйствіе можетъ выражаться конечно какъ нѣкоторыми необходимыми привилегіями, гарантіями, ссудами или субсидіями, такъ и дозволеніемъ между-прочимъ состоящимъ въ государственной службѣ лицамъ вступать на болѣе или менѣе продолжительный срокъ на служеніе компаніямъ, подобно тому, напримѣръ, какъ это уже у насъ дѣлается морскимъ министерствомъ и т. п.

Но если будетъ строить южную дорогу правительство, то гдѣ добыть ему денегъ, предполагая, что государственный бюджетъ не представляетъ излишка?

Правительство можетъ добыть такіе капиталы различными способами. Оно можетъ впервыхъ заключить новый заемъ на иностранныхъ рынкахъ; но это средство далеко не выгодное для Россіи, въ особенности при настоящихъ обстоятельствахъ и тѣмъ болѣе при постройкѣ дороги правительствомъ. Вообще всегда легче занимать, чѣмъ уплачивать долги, даже и такіе, которые дѣлаются на производительныя и выгодныя промышленныя предпріятія, къ которымъ принадлежитъ и постройка желѣзныхъ дорогъ. Въ вторыхъ правительство можетъ увеличить налоги; но такимъ образомъ польза отъ постройки желѣзной дороги будетъ значительно, а можетъ быть и до того парализована зломъ, что упнчтожитъ все значеніе такой пользы. Въ дѣлѣ налоговъ, для блага страны и пользы казны, намъ необходимо не увеличеніе, а правильное распредѣленіе ихъ, т. е. новую финансовую систему, но не такую конечно, какую готовы надѣлать Россію, по иностран-

ными примѣрамъ и въ особенности учебникамъ, въ которые изъ нашихъ извѣстныхъ ученыхъ финансистовъ, вся экономическая и финансовая ученость которыхъ ограничивается одними вершками науки, какъ видно изъ ихъ дѣлъ и мнѣній. Въ третьихъ правительство можетъ заключить внутренній заемъ; но опять, при современной намъ финансовой системѣ и при другихъ текущихъ обстоятельствахъ, такая мѣра, рациональная въ другое время, неудобна и невыгодна въ настоящую минуту ни для казны, ни для страны, не взобливающей свободными капиталами. Въ четвертыхъ правительство можетъ воспользоваться празднo-лежащими въ государственномъ банкѣ капиталами и употребляя ихъ на устройство южной напримѣръ дороги, воспользоваться ими лучше, чѣмъ пользуется банкъ. Оно можетъ это сдѣлать, потомучто, ввѣряя банку свои выгоды, капиталисты ввѣряютъ ихъ собственно не банку, а правительству, государственной казнѣ, которую считаютъ, и весьма основательно, вполне состоятельной. Да и странно было бы не считать казны нашей даже богатой, когда она могла бы создать безъ малѣйшей затраты своихъ капиталовъ и съ значительной для себя выгодой, громаднѣйшій и прочнѣйшій въ мірѣ банкъ, и когда она на свои собственные, значительныя средства (до 15 миліоновъ), создала нашъ государственный банкъ и своей самостоятельностью обезпечиваетъ его вкладчиковъ. Такъ покрайней-мѣрѣ должно предполагать между-прочимъ на основаніи устава и балансовъ государственнаго банка.

По всему этому правительство имѣетъ полное право воспользоваться частными вкладами банка и употребляя ихъ производительно и экономно на устройство желѣзныхъ дорогъ, дать имъ назначеніе, при которомъ частныя капиталы вкладчиковъ банка будутъ употреблены лучше, чѣмъ употребляются они банкомъ. Притомъ такая затрата ихъ, выгодная для всей Россіи, доставитъ нашей казнѣ меньше риска или невыгодъ и больше пользы, чѣмъ при настоящемъ ихъ употребленіи или неупотребленіи банкомъ.

Вѣроятно отъ того выиграетъ и самый банкъ. Опасеніе, что капиталы будутъ потребованы вкладчиками, въ особенности когда на желѣзную дорогу затрачено будетъ въ первые годы не болѣе 40 миліоновъ — такое опасеніе едва ли основательно, да притомъ же и въ случаѣ отлива вкладовъ изъ банка, вкладчики могутъ быть удовлетворены другими средствами казны, а не банка конечно. Но опять такая мѣра можетъ не согласоваться съ нѣкоторыми видами и цѣлями, чего въ настоящее время невозможно съ точностью опредѣлить и трудно избѣжать. Въ такомъ случаѣ правительство

можетъ воспользоваться еще однимъ способомъ : оно можетъ сдѣлать *новый выпускъ кредитныхъ билетовъ*.

Мы очень хорошо знаемъ что хорошаго и что дурного въ системѣ кредитныхъ билетовъ. Мы неразъ печатно опредѣляли ихъ свойства, и неразъ писали противъ произвольныхъ выпусковъ ихъ на непроеводительныя употребленія. Мы бы и теперь также возставали противъ выпуска кредитныхъ билетовъ, на какое бы то ни было по пользѣ и производительности употребленіе, еслибъ обстоятельства не вполнѣ оправдывали такого выпуска. Мы попрежнему убѣждены, что Россіи необходимы не кредитные, а банковые ⁽¹⁾ билеты, за отсутствіемъ которыхъ первые частью, но только частью и вовсе не вполнѣ, по своему достоинству, замѣняютъ послѣднихъ. Попрежнему же мы убѣждены, что какъ наша финансовая, такъ и наша денежная система нуждаются въ коренномъ преобразованіи. Но принимая въ соображеніе все современныя обстоятельства и условія благосостоянія нашего отечества, мы, *за отсутствіемъ больше рациональныхъ средствъ и мѣръ*, вслѣдствіе существующихъ противодѣйствій и препятствій такимъ мѣрамъ, допускаемъ выпускъ кредитныхъ билетовъ на дѣло болѣе чѣмъ произвольное, на дѣло крайне необходимое — устройства желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе, что сдѣланный съ такою цѣлью и экономически употребленный, согласно своему назначенію, выпускъ кредитныхъ билетовъ принесетъ несравненно болѣе пользы, нежели вреда всему и всему въ государствѣ. Притомъ же возможное зло отъ такого выпуска можетъ быть не только значительно парализовано, но даже и вполнѣ устранено постройкой желѣзной дороги по возможности исключительно на капиталы и вообще промышленныя средства и силы Россіи ⁽²⁾.

Есть конечно и другіе способы добыть капиталы на постройку

(1) Не наши 4 или 5 процентные банковые, а такіе, каковы билеты напри- мѣръ французскаго и англійскаго банковъ.

(2) Ремеслы положительно могутъ и по требованію здравой экономіи должны быть изготовляемы въ Россіи, изъ русскаго металла, русскимъ топливомъ и русскими руками. Для этого между-прочимъ стоить только нѣкоторые, маюпроизводительные казенные на югѣ Россіи заводы передать въ частныя руки, съ тѣмъ между-прочимъ, чтобъ на этихъ заводахъ изготовлялись ремесла и проч. Локомотивы тоже едва ли не выгоднѣе было бы строить у насъ въ Россіи, чѣмъ за- границей, ибо намъ нужно же когда-нибудь выучиться практической механикѣ, а не все только платить за свое ученье. Не бросаясь въ воду, не выучишься плавать. такъ точно не пробуя своихъ силъ въ механическомъ (свойственномъ и необходимомъ для Россіи) дѣлѣ, мы никогда не будемъ имѣть механиковъ, и вся наша промышленность будетъ оттого всегда терпѣть.

железныя дороги, но мы считаемъ лучшимъ теперь разсуждать о нихъ.

Если же будетъ рѣшено, чего и слѣдуетъ по нашему убѣжденію желать, что не правительство, а частная компанія должна строить южную дорогу, то спрашивается: какая лучше, русская или иностранная, на русскіе или иностранныя капиталы?

Наука отвѣчаетъ: та, которая можетъ исполнить свое назначеніе и скорѣе, и лучше, и дешевле. При равенствѣ условій, русскій патриотизмъ дастъ конечно преимущество русской компаніи и постарается употребить въ пользу предложеніе иностранныхъ капиталовъ на какое-либо другое, полезное для Россіи дѣло. Но допуская и требуя свободной конкуренціи, политическая экономія, подобно здравому уму и разуму, научаетъ насъ не увлекаться тѣмъ, что видно, но совѣтуетъ не забывать и того, что невидимо. Вотъ почему и при равенствѣ условій и основаній русской и иностранной компаніи никакъ не противорѣчить, а вполне согласуется съ требованіями политической экономіи, обсужденіе вопроса: не выгоднѣе ли отлатъ преимущество русской компаніи не только при равенствѣ, но даже и при неравенствѣ условій, если она возьмется и способна построить дорогу безъ содѣйствія не только иностранныхъ капиталовъ, но и иностранныхъ механиковъ, заводчиковъ и проч.? Въ такомъ случаѣ будетъ бросаться въ глаза денежная невыгодность такого предпочтенія, но слѣдуетъ ли терять при этомъ изъ виду ту пользу, которую принесутъ Россіи, русскимъ рабочимъ, заводчикамъ, механикамъ, инженерамъ, — ученіе и знанье устройства железныхъ дорогъ и всего для нихъ необходимаго?

Читатели поймутъ, что мы не имѣемъ права предрѣшать вопросъ: какой, русской или иностранной компаніи, слѣдуетъ дать преимущество? ибо для окончательнаго рѣшенія этого вопроса, въ особенности въ настоящее время, необходимо имѣть, кромѣ намежащаго авторитета, множество такихъ свѣдѣній, которыя намъ недоступны. Мы имѣемъ право только высказать свое желаніе, чтобъ преимущество было дано, по возможности, русской компаніи. Это потому, что польза отъ иностранной компаніи будетъ всегда значительно парализироваться невыгодами отъ нея, — при тѣхъ обстоятельствахъ, разумѣется, которыми обусловливается въ настоящее время благосостояніе Россіи. Наше желаніе оправдывается и тѣмъ, что въ случаѣ постройки южной дороги на исключительно русскія средства, всѣми выгодами отъ нея воспользуются одни русскіе люди, — капиталисты, землевладѣльцы, рабочіе, заводчики и фабриканты, техники и проч., а съ ними и наша казна, которой при

этомъ условіи будетъ легче воспользоваться *предлагаемыми* Россіи иностранными капиталами для улучшенія нашей денежной системы и проч. Кромѣ того, дѣло построенія желѣзныхъ дорогъ у насъ только-что начинается; оно непремѣнно разовьется, а потому и нельзя не желать, чтобъ у насъ были свѣдущіе по этой части люди. Наконецъ очень много русскихъ людей всѣхъ классовъ нуждается въ занятіяхъ, въ честной заработкѣ насущнаго хлѣба. Очень можетъ быть, что количество такихъ людей даже увеличится въ скоромъ времени между-прочимъ отъ реформъ въ нашей администраціи. Конечно правительство не оставитъ такихъ лицъ и участь ихъ безъ какого вниманія; тѣмъ неменѣе все-таки желательно было бы, чтобъ они какъ можно скорѣй находили для себя занятія, между прочимъ, и въ промышленномъ мірѣ. Чѣмъ меньше лишнихъ страдальцевъ въ обществѣ, хотя бы причина ихъ страданій заключалась въ самыхъ благихъ для государства реформахъ и обстоятельствахъ, тѣмъ лучше для всѣхъ и для всего въ государствѣ.

Если преимущество будетъ дано какой-либо иностранной компаніи, то конечно дорога будетъ строиться, по всей вѣроятности, если не вполне, то преимущественно на иностранные капиталы. Въ такомъ случаѣ въ капиталахъ недостатка не будетъ. По крайней-мѣрѣ можно будетъ устранить такой недостатокъ новыми льготами, особенно если миръ Европы не будетъ въ это время нарушенъ какими-либо новыми подвигами Людовика-Наполеона и проч. Война же, конечно, можетъ значительно затруднить, даже и вовсе приостановить постройку дороги иностранцами и на иностранные капиталы.

Если же построеніе дороги будетъ предоставлено русской компаніи, то спрашивается: гдѣ и какъ такая компанія добудетъ капиталы въ настоящее время? Какъ извѣстно, почти всѣ наши промышленныя предпріятія, даже самыя основательныя и прочныя между ними, страдаютъ отъ недостатка въ оборотныхъ капиталахъ. Капиталисты наши предпочитаютъ 5% банковые билеты и имъ подобныя цѣнности едвали не всѣмъ акціямъ и облигаціямъ. Конечно такое положеніе будетъ продолжаться не вѣчно; тѣмъ не менѣе, въ настоящее время, оно одно изъ главныхъ препятствій и тормозовъ, противодѣйствующихъ развитію у насъ промышленныхъ предпріятій. Какъ однако ни затруднительно въ настоящее время находить капиталы, какъ ни кажутся они рѣдкими, тѣмъ не менѣе найти ихъ можно, и притомъ не только 20, 40, но и значительно болѣе миллионовъ. Для этого необходимы два условія: 1) *прочность* ихъ помѣщенія, гарантированная по возможности, или правильнѣе *какъ можно болѣе солидностью* и свойствами вообще предпріятія или же

правительствомъ, а еще лучше и правительствомъ и самимъ предпріятіемъ; 2) *выгодность* предпріятія для капиталистовъ, также гарантированная правительствомъ. По крайней мѣрѣ такія условія необходимы для привлеченія капиталовъ большинства капиталистовъ.

Помѣщеніе капиталовъ въ акціи и облигаціи желѣзныхъ дорогъ, по сущности своей, принадлежитъ всегда къ самымъ прочнымъ, если и не всегда къ самымъ выгоднымъ помѣщеніямъ. Потери акціонеровъ и владельцевъ облигацій возможны здѣсь только отъ дурной администраціи, общественной и частной. При хорошей же администраціи, вполне знакомой съ дѣломъ, такія потери едва ли возможны. Южная дорога представитъ капиталистамъ одно изъ такихъ помѣщеній, и если при образованіи и устройствѣ компаніи будутъ приняты надлежащія мѣры къ устраненію возможныхъ въ администраціи такихъ компаній злоупотребленій, то конечно эта дорога представитъ собой не только прочное, но и выгодное помѣщеніе для капиталовъ.

Но наши капиталисты вообще, кромѣ исключеній, откажутся отъ такого помѣщенія своихъ капиталовъ, если съ нимъ будетъ связана большая или меньшая необходимость слѣдить за образомъ дѣйствій администраціи компаніи. Вотъ почему, для привлеченія капиталовъ, необходима гарантія правительства, и притомъ съ точностью формулированная, причемъ необходимо принять въ соображеніе и то количество капиталовъ, которое можетъ быть въ настоящее время привлечено къ такому предпріятію. Какъ весьма основательно было замѣчено въ «Современной Лѣтописи» («Русскаго Вѣстника») громадная гарантія правительства (напримѣръ въ 6 и болѣе процентовъ) была бы подрывомъ для акціонеровъ другихъ компаній, а потому была бы несправедливостью. Дѣйствительно, самый лучший способъ содѣйствія компаніямъ желѣзныхъ дорогъ со стороны правительства заключается въ достаточныхъ субсидіяхъ, которыя бы обезпечивали и своевременное окончаніе дорогъ, и доходы акціонеровъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мѣстные землевладельцы окажутъ сильное содѣйствіе и со своей стороны компаніи и не откажутся употребить въ дѣло всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы обезпечить капиталистовъ. Еслибъ у насъ существовали еще прежнія кредитныя установленія или были ипотечные банки, то конечно мѣстные землевладельцы въ случаѣ надобности воспользовались бы ими, чтобы заложить свои имущества и употребить капиталы на желѣзную дорогу. Въ настоящее же время они, *въ случаѣ надобности*, могутъ гарантировать доходы капиталистовъ своими имуще-

ствами, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что предвидя доходность предпріятія, многіе изъ нихъ не откажутся отъ такого обязательства, въ особенности если съ нимъ будетъ сопряжено и право пользоваться извѣстнымъ процентомъ изъ тѣхъ доходовъ желѣзной дороги, которые будутъ превышать всѣ необходимые расходы, а въ томъ числѣ и гарантированный правительствомъ и землевладѣльцами процентъ капиталистамъ.

По нашему крайнему убѣжденію, и правительство, въ случаѣ содѣйствія компаніи или компаніямъ субсидіями (1), осудами капиталовъ, кромѣ права на возвращеніе ихъ при извѣстныхъ условіяхъ, имѣетъ основаніе выговаривать себѣ также и право на участіе въ превышающихъ извѣстный процентъ доходахъ компаніи. Современнѣмъ подобная мѣра доставила бы нашей казнѣ не незначительныя доходы.

Успѣшность подписки на акціи южной желѣзной дороги можетъ быть значительно обезпечена иѣкоторыми мѣрами, которыя побудятъ нашихъ комерсантовъ, располагающихъ свободными капиталами, приобрести эти акціи. Одна изъ такихъ мѣръ состоитъ въ томъ, чтобъ государственный банкъ или казначейства выдавали подъ залогъ этихъ акцій *кредитные билеты*, сто за сто. Выпущенныя такимъ образомъ кредитные билеты не будутъ конечно безпроцентнымъ долгомъ государственнаго казначейства, а будутъ только своего рода *банковыми билетами*, въ особенности когда обмѣнъ ихъ на монету будетъ вполне свободенъ и курсъ ихъ возвысится до *at par*. Выпускъ кредитныхъ билетовъ съ такою цѣлью будетъ безвреденъ во всѣхъ отношеніяхъ и не понизитъ курса кредитныхъ билетовъ вообще, въ особенности если все необходимое для желѣзныхъ дорогъ будетъ снабжено Россіей и не потребуетъ вывоза нашей монеты за границу.

Вообще, было бы только желанье да умѣнье, а за средствами, притомъ рациональными, дѣло не станетъ. Россія относительно небогата денежными капиталами, нето что Англія на примѣръ; тѣмъ не менѣе у насъ есть и достанетъ ихъ по крайней мѣрѣ на то, чтобъ удовлетворить нашимъ насущнымъ потребностямъ, къ числу которыхъ принадлежитъ проведеніе линій желѣзныхъ дорогъ, въ особенности южной дороги. Если наша недвижимая собственность и промышленность вообще нуждаются въ капиталахъ, то это не столько происходитъ отъ недостатка ихъ, сколько отъ другихъ причинъ.

(1) Субсидіи могутъ быть не только денежныя, но между прочимъ и имуществочныя. На примѣръ правительство можетъ въ случаѣ надобности надѣлать компанію поземельными угодьями, каменугольными копами и т. п.

Вотъ почему, если промышленность и собственность у насъ нуждаются въ капиталахъ, то и въдъ и капиталы у насъ нуждаются въ помѣщеніяхъ, ибо многіе изъ нашихъ капиталистовъ вносятъ ихъ въ государственный банкъ напримѣръ только потому, что не знаютъ другихъ достаточно прочныхъ и удобныхъ помѣщеній. Никто не имѣетъ права осуждать за это капиталистовъ. Осторожность ихъ куплена ими очень дорогою цѣною, благодаря разнымъ ложнымъ теоретическимъ увлеченіямъ нашего общества въ послѣдніе годы. Только теоріи, даже истинныя, но ложно-понимаемыя нашими мнимо-передовыми людьми, могутъ задержать у насъ дѣло постройкы желѣзныхъ дорогъ, точно такъ же, какъ задерживаютъ онѣ и многое другое, необходимое и полезное. По повѣніямъ нѣкоторыхъ нашихъ финансистовъ напримѣръ намъ и шагу не ступитъ на иностранныкъ рынкахъ безъ помощи дома Ротшильдовъ, а между тѣмъ Россія стоитъ только пожелать — и иностранныя капиталы явятся къ ея услугамъ, что весьма понятно кажется, ибо какъ извѣстно, «есть нѣкто побогаче (а мы прибавимъ: и подешевле) Ротшильдовъ: это — всѣ.» Одна Россія, относительно небогатая денежными капиталами, въ случаѣ дѣйствительной потребности и при небольшомъ хотя умѣньши распорядителемъ дѣла, можетъ доставить болѣе свободныхъ капиталовъ, даже въ монетѣ, чѣмъ домъ Ротшильдовъ. Но, разумѣется, дѣло мастера боится.

III

Успѣхъ постройки южной желѣзной дороги и вообще дѣло построенія у насъ желѣзныхъ дорогъ въ значительной степени обуславливается тѣми мѣрами и способами, отъ которыхъ можетъ въ большей или меньшей степени зависѣть возможная дешевизна такихъ построекъ, съ наименьшимъ убыткомъ для нашего народнаго хозяйства, а потому и съ устраненіемъ, по возможности всего, того, что можетъ стѣснять какія-либо отрасли нашей промышленности, въ обширномъ значеніи этого слова.

Къ числу такихъ мѣръ принадлежатъ слѣдующія двѣ: а) наибольшее употребленіе въ дѣло отечественныхъ матерьяловъ, русскихъ заводовъ и фабрикъ, русскихъ техниковъ, рабочихъ и т. п., б) содѣйствіе войска въ производствѣ работъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, мѣръ, о которой уже заявлено въ «Современной Лѣтописи» («Русскаго Вѣстника»).

Каждый заравомыслищій человекъ согласится, что Россія не для чего, что не экономно, безрасчетно покупать, во что бы то ни стало,

за границей жезво и другіе материалы, когда они у насъ, такъ сказать, валяются или гниютъ дома безъ употребленія въ пользу. Не можетъ быть для народнаго хозяйства особенно выгоднымъ отпускъ или продажа напримѣръ чугуна и жельза, когда они должны возвращаться къ намъ въ передѣланномъ видѣ и въ особенности, когда такая передѣлка возможна внутри Россіи, выгодна для отечественной промышленности и уступается иностранной промышленности только вслѣдствіе какой-то безрасчетности или по причинѣ какихъ-либо неумѣстныхъ регламентацій. Производящаяся съ подобною цѣлю передѣлка такихъ материаловъ за границей рѣдко, очень рѣдко можетъ быть для Россіи выгодной и обходиться ей дешевле передѣлки у себя дома, ибо одинъ провозъ туда и обратно стоить конечно не дешево. Недостатокъ рукъ для земледѣлія напримѣръ, которымъ обыкновенно оправдывается, во имя свободы торговли, подобное предпочтеніе заграничнымъ заводамъ и фабрикамъ, въ ущербъ отечественнымъ, представляетъ собою крайне недостаточное оправданіе подобнаго образа дѣйствій. Наше земледѣліе напримѣръ терпитъ или терпѣло до сихъ поръ не отъ недостатка рукъ, а между-прочимъ отъ недостатка рукъ, свободныхъ отъ крѣпостнаго и ему подобнаго правъ, отъ неумѣнья или невозможности вести сельское хозяйство на болѣе рациональныхъ основаніяхъ и т. п. Доказательствомъ этому служитъ то, что въ настоящее время нѣкоторые лучшіе сельскіе хозяева обрабатываютъ уже меньшее противъ прежняго количество земли и съ меньшимъ числомъ рабочихъ, а между-тѣмъ производятъ значительно болѣе прежняго. Соответственное физическимъ и другимъ средствамъ Россіи развитіе у насъ мануфактурной и заводской промышленности никакъ не можетъ повредить, а напротивъ, по здравому смыслу, опыту и здраво-понимаемымъ экономическимъ законамъ, должно содѣйствовать процвѣтанію у насъ между-прочимъ и земледѣльческихъ отраслей промышленности. Процвѣтаніемъ у насъ всѣхъ родовъ промышленности обуславливается между-прочимъ и процвѣтаніе заграничныхъ отраслей промышленности. Между-тѣмъ только въ исключительную пользу этихъ послѣднихъ и въ ущербъ отечественнымъ, ратуютъ повиданному (зрочемъ добросовѣстно въ невинности души) наши мнимые, но тѣмъ не менѣе болѣе или менѣе знаменитые у насъ авторитеты-экономисты. Благодаря знакомству своему съ двумя-тремя иностранными политико-экономическими учебниками, схвативши такимъ образомъ одни только верхки науки, большинство нашихъ экономистовъ, по экономическому закону, что *рѣдкостью* между прочимъ обуславливается дороговизна, т. е. болѣе или менѣе высокая цѣна предметовъ, приобрѣло себѣ въ глазахъ нѣкоторыхъ дружкавъ нашего

общества значеніе, которое нисколько не соответствует *экономическому* достоинству этихъ лицъ и объясняется одною лишь *рѣдкостью* у насъ даже поверхностнаго знанія политическихъ наукъ. Пробрѣта съ такимъ способомъ и такъ *дешево* извѣстность, даже нѣчто существовавшійшее, чѣмъ извѣстность, и не придавая при этомъ надлежащаго значенія смыслу русской поговорки: *дешево, да ишло*, наши скороспѣлки-экономисты легко вообразили, что и все иностранное должно тоже скоро, выгодно и дешево доставаться Россіи, а потому, съ свойственною имъ благопробрѣтенною при помощи иностранныхъ учебниковъ мудростью, рѣшили, что стоитъ только какъ можно болѣе понизить таможенные пошлины на иностранные товары, — въ ущербъ русской промышленности, и Россія будетъ надѣлена однимъ изъ величайшихъ и дѣйствительнѣйшихъ благъ — свободой торговли. И нечего сказать, сослужили же они такимъ образомъ службу русскому прогрессу. Наши *юноши-экономисты* забыли на примѣръ, что если начало свободы торговли вѣрно, то вѣрно именно потому, что оно основано на непреложной правдѣ и справедливости; а правда и справедливость требуютъ свободной конкуренціи, требуютъ полного равенства правъ и обязанностей для конкурирующихъ между собой промышленностей. Кто же изъ здравомыслящихъ людей не согласится, что если промышленность какой-либо страны связана какими-либо на примѣръ регламентативными узами, то правда и справедливость, основной элементъ всѣхъ истинныхъ экономическихъ, равно какъ и другихъ законовъ и началъ, требуютъ или освобожденія промышленности отъ противодѣйствующихъ ей развитію узъ, или же огражденія ея, въ вознагражденіе за нихъ, какими-либо льготами, на примѣръ таможенными пошлинами, чтобы она могла, сообразно естественнымъ силамъ своимъ и по требованію правды и справедливости, на болѣе или менѣе одинаковыхъ правахъ конкурировать съ дѣйствительно свободными отъ регламентацій промышленностями. Наши экономисты забыли, что свобода торговли не возможна безъ свободы промышленности вообще, ибо безъ нея такая свобода превращается въ торговое крѣпостное право, даже въ своего рода рабство или, иначе, въ неравную, но не по естественнымъ, а по искусственнымъ силамъ, часто убійственную для связанной регламентативными узамъ промышленности борьбу. Они забыли, что свобода торговли вовсе не обуславливается однимъ разиѣромъ таможенныхъ пошлинъ. И при самыхъ высокихъ охранительныхъ пошлинахъ внутренняя конкуренція можетъ создать, что и бываетъ на дѣлѣ, возможную дешезизну предметовъ внутренняго производства, дешезизну, которая однако ни гдѣ бы не была возможна, даже при полномъ отсутствіи таможенныхъ сборовъ, еслибъ внутреннія ре-

главнѣйшья мѣры (или все то, что подобно имъ дѣйствуетъ на промышленность, какъ на примѣръ отсутствіе дѣйствительнаго правосудія) вездѣ противодействовали дешезианѣ производства и торговли. Ясно, что наши экономисты и въ этомъ отношеніи уяснились тѣмъ что *видно*, и не подумали о томъ, *чего невидать*.

Не въ одной экономической свободѣ, не въ одномъ освобожденіи отъ крѣпостнаго права нуждаются наши крестьяне. Для благосостоянія ихъ нужно еще, между прочимъ, чтобъ они имѣли какъ можно болѣе случаевъ къ заработкамъ. Земледѣліе не можетъ, да и не должно быть, во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества, единственнымъ средствомъ къ жизни и къ благосостоянію нашихъ сельскихъ жителей уже потому, что не вездѣ земледѣльческія работы могутъ продолжаться круглый годъ. Наши крестьяне сами прекрасно сознаютъ это, что лучше всего доказывается ихъ различными промыслами въ зимнее и вообще въ свободное отъ земледѣльческихъ занятій время. Сама природа нашего отечества вознаграждаетъ его обитателей между прочимъ за долгую зиму самыми разнообразными средствами къ существованію. Еслибъ всѣ рабочія силы нашихъ крестьянъ, или иначе, всѣ руки ихъ были заняты однимъ земледѣліемъ, къ которому неслишкомъ-то и благосклонна, во многихъ мѣстностяхъ, природа нашего отечества, то бытъ нашихъ крестьянъ былъ бы не лучше, а хуже настоящаго уже потому, что въ случаѣ неурожаевъ, имъ не оставалось бы ничего болѣе, какъ только умирать съ голоду или жить на счетъ Россіи, ибо промышленность, въ особенности фабричная, не создается мгновенно по щучьему велѣнію. Неосновательно и мнѣніе, что на фабрикахъ развивается безнравственность рабочихъ класовъ. Безнравственность развивается не отъ фабрикъ и честныхъ промысловъ, а отъ невѣжества, праздности и разнообразнаго гнета. Чѣмъ шире и свободнѣе область труда, тѣмъ менѣе поводовъ къ праздности, тѣмъ болѣе и средствъ у рабочихъ выйти изъ гнетущаго положенія, тѣмъ ближе они и къ просвѣщенію, ибо тѣмъ короче и легче для нихъ путь къ нему. Это потому конечно, что чѣмъ болѣе требованій на трудъ, тѣмъ выше и плата за него, тѣмъ легче трудящимся. тѣмъ лучше участь ихъ. Волякій честный, по достоинству вознаграждаемый трудъ только облагораживаетъ человѣка между прочимъ потому, что спасаетъ его отъ праздности, а потому и никакъ не можетъ вести его къ разврату и безнравственности. Въ этомъ отношеніи онъ также благотворно дѣйствуетъ на человѣка и на душу его, какъ чистая и честная любовь: она одна спасаетъ его отъ любви нечестной и нечистой, притомъ же и не отъ одной подобной любви.

Но если таково слѣдствіе труда, если отъ расширенія области

ого въ Россіи можетъ только выиграть въ просвѣщеніи, нравственности и благосостояніи вообще наиболѣе многочисленный и потому самый важный классъ нашего народонаселенія, и еслибъ это обуславливалось небольшою, во всякомъ случаѣ, приплатою за предметы потребленія преимущественно наиболѣе развитыхъ и благополучающихъ классовъ нашего общества, то не стоитъ ли принести такую жертву въ неисчислимую пользу для многихъ, т. е. для всей почти массы народонаселенія? «Дорого стоитъ намъ наша конституція», говорятъ практическіе и здравомыслящіе англичане, «но она такая хорошая для насъ вещь, что стоитъ платить за нее — даже дорого!»

Притомъ же правильное, естественное, по промышленнымъ условіямъ края, развитіе нашей фабричной и заводской промышленности никакимъ образомъ не можетъ ни вести къ дороговизнѣ, ни противодействовать развитію нашего земледѣлія. Напротивъ. Кромѣ того наша заводская и фабричная промышленность нуждается не въ какомъ-либо исключительномъ покровительствѣ, а въ *правдѣ*, т. е. въ устраненіи *искусственныхъ* къ развитію ихъ препятствій или же въ законномъ вознагражденіи ихъ за такія препятствія, ибо безъ того имъ никакимъ образомъ нельзя ни конкурировать съ промышленностью другихъ народовъ, ни даже существовать.

Безъ такого устраненія препятствій или безъ вознагражденія за нихъ, напримѣръ таможенными пошлинами, для нихъ будетъ только *униженіе*, своего рода *крѣпостное право*, а для промышленностей другихъ странъ экономическая свобода. Нѣтъ, даже не свобода, а привилегія, т. е. какъ для одной, такъ и для другой стороны — отсутствіе свободы, сначала въ видимый ущербъ для одной только стороны, а потомъ и въ ущербъ для всѣхъ сторонъ, къ чему и ведетъ всегда отсутствіе свободы, или правомѣрной конкуренціи.

Что касается употребленія въ дѣло части нашего войска для производства нѣкоторыхъ, возможныхъ для нижнихъ воинскихъ чиновъ работъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, то, какъ намъ кажется, эта мѣра представляетъ только выгодныя стороны, или по крайней-мѣрѣ болѣе выгодныхъ, нежели невыгодныхъ сторонъ. Нетолько за границей, но и у насъ очень недавно сдѣлавъ, какъ извѣстно, удачный и притомъ въ довольно большомъ размѣрѣ опытъ тому, а именно участіемъ на работахъ двухъ полковъ гренадерской дивизіи по линіи московско-нижегородской желѣзной дороги.

Мы впрочемъ далеко не вполне раздѣляемъ высказанное недавно въ нашей, какъ прежде въ другихъ литературахъ, мнѣніе, будто употребленіе волиныхъ рабочихъ на постройку желѣзныхъ дорогъ

не выдерживать. въ экономическомъ отношеніи, сравненіи съ народомъ войскъ. Говорятъ напримѣръ, что «при нарядѣ войскъ употребляются подрачники и ихъ помощники, а этихъ людей необходимо также платить, хотя они и не участвуютъ въ работахъ. Вольные рабочіе обходятся дороже, дороже солдатъ, въ особенности въ такое время, когда работъ много, а мало относительно рукъ. Кромѣ высокой платы, вольныхъ рабочихъ надо кормить, строить для нихъ помѣщенія, нанимать для нихъ врачей, устраивать лазареты. При нарядѣ же войскъ назначеніе подневной платы и ея размѣръ зависятъ отъ правительства, пища и содержаніе производителей насчетъ министерства и зависятъ весьма мало отъ того, употребляются ли войска на государственныя работы, или занимаются строевыми упражненіями».

Далѣе говорятъ, что «въ успѣхѣ работъ войсками сомнѣваться также нечего: онѣ будутъ имѣть преимущество предъ вольными работами. Роты и батальоны, наряжаемые на работы подъ надзоромъ офицеровъ, представляютъ собою дисциплинированное дѣло, которое нельзя сравнивать даже съ артелями, часто неповидающимися подрачниками. Ничтожная подневная плата, которую правительство можетъ назначить солдату, будетъ служить для него лучшимъ вознагражденіемъ, нежели для вольнаго рабочаго плата подрачника» и т. п.

Въ этомъ мнѣніи есть своя, и притомъ большая доля правды, но есть и такое, съ чѣмъ никакъ нельзя согласиться, потому что оно противорѣчитъ *экономическимъ законамъ* и опыту. То-есть нельзя согласиться по принципу, въ теоріи, но при настоящемъ положеніи вещей приходится многимъ поступаться. И въ самомъ дѣлѣ, польза отъ войска въ этомъ отношеніи обуславливается только тѣмъ, что оно превращается такимъ образомъ, хотя, на время и частію только, въ производительно-промышленную силу, что особенно важно тогда и тамъ, гдѣ число рабочихъ не соответствуетъ требованію на нихъ. Войско, насколько оно необходимо, должно быть только войскомъ; если же его много, такъ-что часть его можетъ исправлять свое воинское дѣло, съ необходимыми размѣтами днями и часами отдыха, а другая можетъ заниматься посторонними для военныхъ людей работами и промыслами, то эта послѣдняя часть совершенно лишняя, лишняя уже потому, что она дорого стоитъ государству, и исполняя чуждыя своему назначенію обязанности, не можетъ по необходимости *столь* исполнять свое прямое назначеніе. Вотъ экономическій законъ, которому слѣдуетъ конечно въ настоящее время и наша военная администрація. По крайней мѣрѣ, думаемъ мы, она не иначе какъ на основаніи не-

жду прочимъ и этого закона, съ одной стороны уменьшаетъ количество войска, а съ другой — значительно улучшаетъ его состояніе, отъ чего наши военные силы нисколько не уменьшаются, а напротивъ, значительно увеличиваются, ибо и военные силы страны столько же, если только не болѣе, обуславливаются ихъ качествомъ, сколько и количествомъ. Понятно, что отъ подобной мѣры правительства только выиграываетъ государство, чему и слѣдуетъ быть, ибо эта мѣра вполне согласуется съ вышеприведеннымъ эмпирическимъ закономъ, подтверждаемымъ какъ всѣми добытыми наукой истинами, такъ и опытомъ.

Но разумеется никакое рациональное преобразование не совершается вдругъ, безъ необходимой послѣдовательности: притомъ политическое состояніе міра, да и нѣкоторые другіе обстоятельства не позволяютъ покуда еще болѣе уменьшить нашу армию и улучшить положеніе всѣхъ нашихъ военныхъ чиновъ до того, чтобы они не имѣли ни лишняго времени для какихъ-либо постороннихъ и чуждыхъ ихъ званію занятій, ни въ особенности нужды въ такъихъ занятіяхъ. По этому-то и желательно, чтобы войска наша между прочимъ находили дѣло для себя и въ общественныхъ работахъ вообще, особенно тогда и тамъ, гдѣ можетъ оказаться недостатокъ въ рабочихъ. Такія работы, а въ томъ числѣ конечно и работы по устройству желѣзныхъ дорогъ, тѣмъ болѣе возможны и удобны для нашего войска или по крайней-мѣрѣ нѣкоторыхъ частей его, что и теперь ездая не во всѣхъ войскахъ у насъ отпускаются болѣе или менѣе постоянно нижніе чины на вольныя работы, съ цѣлю улучшенія ихъ хозяйственнаго быта. Такимъ образомъ наряды войскъ на работы по желѣзнымъ дорогамъ будутъ только, а не нашимъ понятіямъ и должны только быть своего рода отпусками на вольныя работы, съ тѣмъ единственнымъ отличіемъ отъ этихъ послѣднихъ, что наряды войскъ на постройку желѣзныхъ дорогъ будутъ дѣлаться массами и на болѣе продолжительное время, чѣмъ обыкновенные, существующіе отпуска на вольныя работы. Ставить же солдатамъ въ обязанность заниматься работами, которыя не соответствуютъ ихъ назначенію, ремеслу солдата, а иногда и противны ихъ естественнымъ склонностямъ, — не правомѣрно, да и не выгодно. Вотъ почему мы и не раздѣляемъ мнѣнія, будто наряды войскъ исполнять съ большею выгодой для казны или частныхъ лицъ работы, нежели вольные рабочіе. Солдаты въ такомъ только случаѣ исполнять дѣло не хуже вольныхъ рабочихъ, когда они будутъ на этихъ работахъ не противъ своей воли, а охотно, и когда они будутъ получать такую плату, которая будетъ соответствовать ихъ трудамъ. Этого требуетъ правда и совѣсть; этого же

требуетъ политическая экономія; наконецъ это оправдывается и опытомъ, о чемъ и скажемъ мы ниже.

Создать прежде всего такой же человекъ, какъ и все люди, а потому и слѣдуетъ прежде всего поступать съ нимъ по-человѣчески, — воздавать ему должное, помнить, что онъ, подобно каждому человеку, имѣетъ свои наклонности, свои способности, а потому и можетъ между прочимъ лучше всего и дешевле все исполнять только тѣ работы, которыя соответствуютъ его наклонностямъ и способностямъ. Въ торыхъ, солдатъ, какъ солдатъ, имѣетъ свои права и въ особенности обязанности. Невыполненіе нѣтъ обязанностей болѣе или менѣе невозможно или опасно для него, ибо онъ подѣ строгимъ присмотромъ. Права же его какъ сословныя, такъ и вообще человѣческія должны быть тѣмъ священнѣе для его согражданинъ, что несовершенство-то легки его обязанности и далеко не всегда достаточно вознаграждаются труды его. Вотъ почему когда правительство предоставляетъ солдату право и возможность заниматься вольными работами, когда онъ нѣкоторымъ образомъ перестаетъ быть солдатомъ и дѣлается просто человекомъ, работникомъ, то въ это время даже и при общественныхъ работахъ слѣдуетъ вести съ нимъ дѣло и поступать съ нимъ какъ съ человекомъ вольнымъ, рабочимъ, а не солдатомъ, котораго можно приневолить къ работѣ, къ которой онъ неспособенъ или которой не любитъ. Этого требуетъ *совѣсть и правда*; этого требуетъ и ясно сознаваемый *интересъ*, ибо свободный и добровольный трудъ не только лучше какъ извѣстно труда крѣпостного и рабскаго, но и дешевле ихъ, хотя бы поденная плата рабу или крѣпостному человекѣ была значительно ниже платы вольному рабочему. По этой же причинѣ желательно было бы, чтобы въ случаѣ наряда войскъ на работы по желѣзнымъ дорогамъ вызывались охотники и чтобы не требовалось напримѣръ отъ сапожниковъ, слесарей и портныхъ, чтобы они немедленно превращались въ землеконовъ. Хорошо было бы также, чтобы поденная плата солдатамъ была не возможно-низкая, произвольная, а такая, которая бы вполне соответствовала цѣнности ихъ работъ и была пропорціональна платѣ вольнымъ рабочимъ, ибо въ противномъ случаѣ будетъ *дешево да много*, отчего потерпятъ и солдаты, и самое дѣло. Конечно въ большей части случаевъ плата солдатамъ будетъ и должна быть ниже платы вольнымъ рабочимъ (если только не будетъ задѣльной платы), ибо работа солдатъ, временно и случайно занимающихся земледѣльной работой, будетъ вообще уступать въ количествѣ и качествѣ работѣ привыкшихъ къ ней людей. Но и изъ этого обстоятельства не слѣдуетъ выводить, чтобы солдаты должны были получать воз-

возможно-низкую плату. Плата имъ должна вполнѣ по возможности соответствовать ихъ труду и постоянно увеличиваться по мѣрѣ того, какъ будутъ количественно и качественно совершенствоваться ихъ работы. Качественное же и количественное улучшение работы солдатъ будетъ неперемѣннымъ слѣдствіемъ справедливаго вознагражденія за ихъ труды. Безъ такого вознагражденія улучшение не мыслимо. Словомъ, и на общественныхъ работахъ солдаты должны работать на правахъ вольныхъ рабочихъ, на условіяхъ добровольнаго найма. Выгода отъ наряда войскъ будетъ уже и оттого значительна, что такимъ образомъ восполнятся недостатки въ рабочихъ и войско по мѣрѣ возможности и надобности изъ непроезводительной силы превратится въ производительную или правильнѣе изъ отрицательно-производительной превратится въ положительно-производительную силу.

Все здѣсь нами сказанное оправдывается какъ требованіями политической экономіи и конечно человѣколюбіемъ, такъ и опытами, произведенными въ другихъ государствахъ.

Извѣстно напримѣръ, что во Франціи нѣсколько разъ въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ (въ первомъ случаѣ по поводу наряда войскъ на провѣшеніе и улучшеніе государственныхъ дорогъ, а во второмъ по поводу сооруженія парижскихъ стѣнъ) поднимался вопросъ о нарядѣ войскъ на подобныя работы. Всѣ экономическія, инженерныя и военныя знаменитости того времени принимали участіе въ разрѣшеніи этого вопроса, и если далеко не всѣ, то тѣмъ не менѣе многіе изъ нихъ говорили и писали въ пользу производства такихъ работъ войсками. Покрайней-мѣрѣ восторжествовало мнѣніе, что необходимо предоставлять арміи возможность быть не только воинскою, но на сколько позволяютъ обстоятельства и производительной силой. Въ примѣръ такихъ бойцовъ за употребленіе войскъ на общественныя работы назовемъ извѣстнаго генерала Ронья (Rogniat). Сторонники этого мнѣнія находили почти только однѣ выгодныя стороны въ употребленіи войскъ на общественныя работы. Во время мира, утверждали они, назначеніе солдата состоитъ въ томъ, чтобъ онъ былъ не угрозой для мирныхъ гражданъ, а вмѣстѣ съ ними содѣйствовалъ развитію общественнаго благосостоянія. Кромѣ того они утверждали, что наряды войскъ на общественныя работы полезны и для самаго воинскаго дѣла, ибо солдаты привыкаютъ на нихъ къ тяжелымъ трудамъ и непогодѣ, крѣпнутъ тѣломъ и духомъ. Для солдатъ подобныя работы полезны и потому, что на нихъ они учаются къ такому рода труду, который можетъ дать имъ болѣе или менѣе вѣрный кусокъ хлѣба по выходѣ ихъ въ отставку. Въ под-

творженіе всего этого приводились примѣры какъ изъ древней, такъ и новой исторіи. Дѣйствительно Ю. Цесарь на примѣръ и многіе другіе римскіе императоры и полководцы часто заставляли войска свои производить различныя работы, иногда колоссальныя, и это дѣлалось ими какъ потому, что такія работы были необходимы для достиженія военныхъ цѣлей, такъ и потому, чтобъ войска были постоянно заняты и не предавались праздности. А между-тѣмъ какъ извѣстно, войска римское было почти всегда значительно малочисленнѣе армій современныхъ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ. Въ царствованіе Гейнриха IV во Франціи до 6,000 солдатъ работала надъ прорытіемъ бриарскаго канала. При Людовикѣ XIV довольно часто употреблялись войска для подобныхъ работъ, что оправдывали эти монархи, равно какъ и Людовикъ XVI, тѣмъ, что страна нуждается въ рабочихъ рукахъ.

Въ 1835 и 1836 годахъ французскія войска участвовали въ работахъ по проведенію такъ-называемыхъ *восточныхъ стратегическихъ дорогъ*. Этотъ новѣйшій въ то время овытъ оказался весьма неудачнымъ, или правильнѣе невыгоднымъ для французской государственной казны, что нововидному и оправдало мнѣнія тѣхъ, которые были противъ употребленія войскъ на общественныя работы. Но подробнѣйшее изслѣдованіе дѣла сжѣлательствуетъ противъ основательности такого мнѣнія и вполне опровергаетъ его. Дѣло въ томъ, что въ этомъ случаѣ дурны были нѣкоторыя распоряженія французскаго правительства и работы производились противно правиламъ и требованіямъ политической экономіи. Такъ на примѣръ, войска отправлялись на работы цѣлыми батальонами и ротами въ полномъ ихъ составѣ, съ здоровыми и больными, съ способными и неспособными къ такимъ работамъ людьми и т. п., а между тѣмъ всѣмъ имъ назначена была и раздавалась одинаковая пенденная плата, не соответствовавшая вообще достоинству работъ исправнѣйшихъ къ нимъ солдатъ. Кромѣ того, надзоръ за работами былъ порученъ гражданскимъ чиновникамъ, приказанія которыхъ мало уважались военскими чинами, вмѣсто того, чтобъ поручить его на примѣръ инженерамъ, которымъ солдаты обыкновенно охотнѣ повинуются, какъ лицамъ, принадлежащимъ, хотя бы иногда и по мундиру только, къ военному сословію.

Въ 1837 и 1838 годахъ опытъ былъ повторенъ, и овытъ былъ несравненно удачнѣе предыдущаго, а именно при постройкѣ одного моста въ морбиганскомъ департаментѣ. Успѣшность этого опыта обуславливалась именно тѣмъ, что строитель моста, инженеръ Лебланъ (Leblanc) неимаче хотѣлъ пользоваться работой военныхъ командъ, какъ только съ условіемъ, чтобъ на работы ходили люди

не обязательно, а добровольно и въ большей или меньшей степени на правахъ «вольныхъ рабочихъ».

Еще успѣшнѣе во всѣхъ отношеніяхъ производились войсками работы при возведеніи парижскихъ стѣнъ; но и здѣсь причина успѣха, какъ видно изъ донесеній начальниковъ войскъ и производителей работъ, состояла въ томъ, что на работы вызывались *охотниками* и плата имъ назначалась соотвѣтственно качеству ихъ работъ.

По всему вышезложенному, если мы глубоко сочувствуемъ и у насъ въ Россіи возможно и полезному наряду войскъ на общественныя работы, особенно на проведеніе линий желѣзныхъ дорогъ, то это не потому, что можно заставить солдатъ работать за самую ничтожную плату, а потому что, съ одной стороны, увеличеніе производительныхъ силъ страны и особенно обращеніе непродвигательныхъ силъ въ производительныя всегда полезно для государства, а съ другой стороны, если страна нуждается въ работѣ солдатъ, то и солдаты, особенно армейскіе, нуждаются въ своей очереди въ работѣ, благодаря которой они могутъ улучшить свой экономическій бытъ. Но повторяемъ, на работахъ и для работъ, не входящихъ въ область воинскихъ обязанностей, солдатъ долженъ быть *солдатыми рабочими*, а не солдатомъ, иначе трудъ его обойдется весьма дорого, хотя и будетъ можетъ-быть казаться очень дешовымъ. И въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ гнаться за двумя зайцами.

І. ШИМЛЪ

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО ВЪ ДЕПАРТАМЕНТАХЪ

Нѣсколько дѣтъ тому назадъ издана была презабавная раскрашенная таблица, показывавшая путешествіе и судьбу бумаги отъ нижней полицейской и судебной инстанціи до самой верхней, и объяснявшая нагляднымъ образомъ, сколько мытарствъ должна пройти несчастная, сколько личностей, облеченныхъ большою или меньшею властью, должна она встрѣтить, какіе зигзаги и криволинейные пути надлежало ей описать вверхъ и внизъ, какое непомѣрное количество времени слѣдовало ей употребить на путешествіе отъ уѣзднаго и земскаго учрежденія до палаты, отъ палаты до учрежденій столичныхъ и обратно, чтобы донести наконецъ до терпѣливаго просветителя рѣшеніе или только нѣкоторый результатъ, нерѣдко вызывавшій другую бумагу на такое же нескончаемое путешествіе, оканчивавшееся такимъ же грустнымъ исходомъ. Вѣроятно многимъ случилось видѣть эту таблицу, на которой мѣста и учрежденія были подвижны и хитро соединялись безчисленными перепутанными нитями, сходившимися къ одному приводу, который стоило немножко потянуть у того или другого учрежденія, чтобы весь механизмъ пришолъ въ движеніе, и стоило опустить, чтобы обозначилось движеніе обратное. Если механизмъ достигалъ своей цѣли и показывалъ нагляднымъ образомъ соотвѣтствіе и связь между всѣми своими частями, то главная, передаваемая имъ идея была невѣрна въ основаніи, что такой наглядный опытъ не давалъ никакого понятія о времени пришествія бумаги, о задержкахъ, ею встрѣчаемыхъ, и совершенно противорѣчилъ дѣйствительности. Представляя превосходно устроенный механизмъ, который весь приходилъ въ движеніе отъ одного прикосновенія къ приводу, онъ производилъ впечатлѣніе противоположное намѣреніямъ изобрѣтателя, ибо какъ бы сложна ни была машина, она не представляетъ особенныхъ неудобствъ, если легко приходитъ въ дѣйствіе и достигаетъ предполагаемой цѣли безъ особенной траты силъ и времени. Напротивъ

того, такой сложный механизм и такъ легко повинующійся приводу, такъ быстро передающій движеніе до отдаленнѣйшихъ сферъ отъ просителя, былъ бы чудомъ, совершенствомъ своего рода и ничего лучшаго и большаго не можетъ пожелать самый требовательный проситель. Противъ такого сложнаго, хотя и совершеннаго механизма, мы можемъ сказать только то, что чѣмъ сложнее механизмъ, тѣмъ онъ дороже стоитъ и что его слѣдуетъ непремѣнно замѣнить простѣйшимъ и дешевѣйшимъ, если послѣдній достигаетъ тѣхъ же цѣлей и даетъ тѣже результаты.

Вотъ почему простая, раскрашенная таблица съ обозначеніемъ только путей, тоже раскрашенныхъ и съ указаніемъ, что красный путь означаетъ, что дѣло принимаетъ такъ-сказать кровавый характеръ и непремѣнно требуетъ расходовъ на его веденіе, — несравненно ближе къ жизни и дѣйствительности. Несмотря на несомнѣнныя достоинства этой таблицы, въ ней есть недостатокъ, пробѣлъ, восполненіе котораго необходимо придасть ей особенный характеръ, а общее впечатлѣніе, ею производимое, возведетъ въ квадратъ, если не въ кубъ: въ таблицѣ опущено путешествіе бумаги въ каждомъ изъ обозначенныхъ учрежденій, путешествіе, рельефно дорисовывающее общую картину. Въ послѣднее время, какъ всѣмъ извѣстно, у насъ приступлено было къ преобразованіямъ по всѣмъ отраслямъ управленія; всюду только и слышится объ ограниченіи расходовъ, объ упрощеніи дѣлопроизводства, о сокращеніи переписки, объ уменьшеніи штатовъ. Самыя дѣятельныя, самыя энергическія мѣры для усовершенствованія бюрократіи предприняты были особенно въ морскомъ министерствѣ. Къ сожалѣнію, обществу остались неизвѣстны результаты, которыхъ достигли на этомъ пути и насколько они соотвѣтствовали цѣлямъ, къ достиженію которыхъ стремились; въ крайней-мѣрѣ никакихъ отчетовъ, никакихъ разсужденій или преній по этому поводу не было заявлено нашей журналистикой; если же вопросъ этотъ и разрабатывался, то въ сферахъ недоступныхъ для большинства читающихъ, въ сферахъ слишкомъ ограниченныхъ и специальныхъ. Между-тѣмъ литература могла бы принести не малую долю пользы разработкою этого вопроса. Мы скажемъ свое слово объ этомъ важномъ предметѣ, вовсе не считая его послѣднимъ и окончательнымъ безъ всякой претензіи, что захватили предметъ во всей его совокупности или подошли къ нему со всѣхъ сторонъ.

Предпошлемъ нашему разсужденію нѣсколько теоретическихкихъ соображеній. Прежде всего письмоводство, камора, бюро, письменное дѣлопроизводство есть средство въ высшей степени полезное и необходимос для веденія дѣла. Главная его цѣль — выиграть время

и сохранить расходы. Только въ самомъ немногочисленномъ обществѣ, занимающемъ самую незначительную по пространству территорию, можно обойтись безъ переписки по какому бы то ни было дѣлу, будетъ ли оно законодательное, судебное, административное. Если же общество многолюдно, занимаетъ обширное пространство земли, то обойтись безъ переписки, слѣдовательно безъ письменоводства, невозможно. Къ сожалѣнію отчасти вслѣдствіе самаго значенія письменнаго дѣлопроизводства, отчасти вслѣдствіе различныхъ злоупотребленій и несовершенствъ чловѣческаго организма, письменоводство, необходимое и полезное содѣйствіе для веденія дѣлъ въ случаѣ невозможности веденія устнаго, затмило самое дѣло, отодвинуло его на задній планъ и заняло его мѣсто: отсюда всё злоупотребленія и несовершенства бюрократіи, обратившія письменное дѣлопроизводство изъ средствъ въ цѣль, а самое дѣло въ мѣсто второстепенное; вотъ почему за бумагой мы обыкновенно не видимъ дѣла. Если можно въ этомъ случаѣ слѣвать физиологическое сравненіе, то вообразите, что вы укололи ногу и вамъ слѣдуетъ навлечь занозу и привести для этого въ дѣятельность мускулы рукъ, а вы между-тѣмъ завели особаго рода переписку между нервами и мускулами, которая поглощаетъ все ваше вниманіе, между-тѣмъ какъ нога все болѣе пухнетъ. Конечный и единственный результатъ всякой переписки, всякаго дѣлопроизводства есть выраженіе воли, приказаніе имѣющаго власть, которое слѣдуетъ исполнить, привести въ исполненіе лицу, получившему его. Письмоводство стало-быть есть орудіе, посредствующій механизмъ для передачи воли. Ясно, что чѣмъ лучше, чѣмъ совершеннѣе этотъ механизмъ, тѣмъ лучше, тѣмъ совершеннѣе будутъ отправления воли. Идеаль быль бы достигнуть, еслибы проситель и исполнитель были налицо предъ властью: проситель просить, власть немедленно поручаетъ исполнителю привести свое рѣшеніе (согласно съ просьбой просителя или вѣтъ) въ исполненіе — и дѣло кончено. Такое простое отношеніе къ сожалѣнію невозможно, и невозможно тѣмъ болѣе, чѣмъ сосредоточеніе власти исключительнѣе. Вслѣдствіе неномѣрнаго увеличенія числа прошеній и желаній, вслѣдствіе удаленія ихъ отъ центра разрѣшающей власти, сама власть необходимо раздробляется, она требуетъ болѣе и болѣе посредствующихъ степеней и посредниковъ, докладчиковъ. Все же главная задача остается таже: чтобы дѣйствія и распоряженія шли быстро и безостановочно. Лицо, облеченное властью, не въ состояніи принять на себя исполненія всѣхъ дѣлъ и поручаетъ часть ихъ товарищу или подчиненному, возлагая на нихъ вмѣстѣ съ симъ и отвѣтственность за точность и добросовѣстность исполненія и во всякомъ случаѣ наблюдая за нѣмъ,

дѣйствіями. Вотъ теоретическое объясненіе и подвигъ на каждой бумагѣ, и скрѣпилъ ее секретаремъ или дѣлопроизводителемъ.

Предпослать эти немногія мысли, я могу уже сказать, насколько соответствуетъ наше дѣлопроизводство начерченному идеалу и въ чемъ состоятъ его неудобства и несовершенства, но для большаго разъясненія дѣла, я долженъ рассказать что происходитъ съ каждой бумагой съ поступленія ее въ правительственное или судебное мѣсто до ее выхода; какія она испытываетъ судьбы, чтобы дополнить общую картину, представляемую упомянутой мною выше таблицей. Для полной и всесторонней характеристики я избираю высшее центральное управленіе — министерство. Бумаги получаютъ съ почты въ канцеляріи министерства и распредѣляются по его департаментамъ и канцеляріямъ; адресованныя на имя министра вскрываются и по содержанію своему тоже распредѣляются по департаментамъ и канцеляріямъ, ибо дѣло адресованное къ министру нигдѣ не можетъ быть ведено какъ въ одномъ изъ его департаментовъ или въ канцеляріи. Изъ этого уже ясно, что большинство бумагъ, адресованныхъ на имя министра, слѣдуетъ обращать прямо въ соответствующіе дѣлу департаменты, ибо если исполненіе по нимъ и зависеть отъ министра, то не въ какомъ случаѣ онѣ не могутъ мановить его, а измѣненіе это уже сократило бы переписку на нѣсколько дней по значительному количеству дѣлъ.

Но насъ занимаетъ не этотъ вопросъ. Бумаги, полученные въ департаментъ, распечатываетъ (или долженъ распечатать) директоръ департамента. Онъ ихъ читаетъ и кладетъ на нихъ свою резолюцію, которую слѣдуетъ исполнить дѣлопроизводителю. Далѣе бумаги поступаютъ къ журналисту, который долженъ переписать ихъ содержаніе и номера во входящій журналъ, а потомъ распредѣлять ихъ и роздать по отдѣленіямъ и канцеляріи департамента. Начальники отдѣленій и правителя канцелярій, получивъ бумаги, распредѣляютъ ихъ и роздаютъ по столамъ столоначальникамъ, помощникамъ столоначальниковъ или дѣлопроизводителямъ. Назначеніе начальниковъ отдѣленій состоитъ въ томъ, чтобы дать должное направленіе бумагѣ, которая должна составляться подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ. Они скрѣпляютъ изготовленные столоначальникомъ бумаги своей подписью и несутъ за нихъ отвѣтственность передъ закономъ, какъ официальные дѣлопроизводители, секретари и докладчики.

Къ дѣятельности ихъ мы вернемся ниже, а теперь будемъ продолжать наше наблюденіе за поступившей бумагой.

По этой бумагѣ надобно слѣлать распоряженія, выражаясь чиновничьимъ языкомъ, слѣдуетъ исполнить бумагу. По одному изъ

ннхъ исполненіе зависитъ отъ директора департамента, но другнхъ исполненіе превышаетъ закономъ опредѣленную власть директора и принадлежитъ или министру, или высочайшей волѣ. Въ первомъ случаѣ столоначальникомъ по резолюціи директора и подъ наблюденіемъ начальника отдѣленія дѣлается справка, соображеніе и составляется черновой проектъ отвѣта или исполнительная бумага.

Проектъ переписывается писаремъ и снова прочитывается и свѣряется съ черновымъ — столоначальникомъ, чтобы не вкрались наклебо пропуски, безсмысленности, грамматическія ошибки. Переписанный проектъ поступаетъ къ подписи начальника отдѣленія, который наблюдаетъ за направленіемъ и сущностью исполненія, слѣдить за логическою и грамматическою правильностью бумаги и проч.

Въ случаѣ еслибы оказались какія ошибки, а это случается нередко, бумага снова нисходитъ до столоначальника и тѣмъ же порядкомъ снова восходитъ до начальника отдѣленія, къ его подписи или скрѣпѣ. Подписавши бумагу, начальникъ отдѣленія идетъ доложить ее къ директору, который требуетъ объясненій, словеснаго изложенія всего дѣла и подписываетъ ее, если проектированное исполненіе согласно съ его мнѣніемъ; въ противномъ случаѣ онъ не соглашается ирложить свою подпись, требуетъ измѣненій къ ея сущности или содержанію; оправдываетъ логическія и грамматическія погрѣшности въ нее вкравшіяся, и тогда бумага снова нисходитъ до столоначальника для исправленія и снова восходитъ тѣмъ же путемъ къ подписи директора. Бумага, подписанная директоромъ департамента (замѣтимъ, что директоромъ же выставляется число и числа на бумагахъ), поступаетъ къ журналисту, который вписываетъ ее въ исходящій журналъ и выставляетъ на ней номеръ. Отъ журналиста она идетъ обратно къ писарю, который ее переписывалъ, чтобы снять съ нея копію, такъ-называемый *отпускъ*, всегда необходимый при дѣлопроизводствѣ для свѣдѣній и справки. Копію съ бумаги или отпускъ свѣряетъ съ подлинникомъ тотъ же столоначальникъ, который составлялъ бумагу и скрѣпляетъ ихъ (съ подлиннымъ вѣрно). Когда снимутъ копію, бумага поступаетъ къ чиновнику или писарю, обязанность котораго вложить ее въ конвертъ и запечатать, а потомъ вписать адресъ ея и номеръ въ разсыльную книгу и слать на руки разсылному или курьеру, который выноситъ ее наконецъ въ другое учрежденіе, гдѣ ея нею повторится таже описанная мною судьба.

Во второмъ случаѣ, когда исполненіе по бумагахъ зависитъ отъ министра или отъ высочайшей воли, то поступается двоякимъ образомъ. Впервыхъ тѣмъ же столоначальникомъ, подъ руководствомъ начальника отдѣленія, пишется докладъ, то-есть особенная

бумага въ подписи директора, въ которой вылагается содержание дѣла, справна съ закономъ или съ другимъ дѣломъ, министръ директора департамента и испрашивается согласіе министра, поступающаго такимъ образомъ, какъ предполагаетъ директоръ. Въ случаѣ его согласія прилагается къ подлинку одна или нѣсколько бумагъ исполнительныхъ, скрѣпленныхъ подписью директора. Если директоръ согласенъ съ докладомъ и съ исполнительными бумагами (и тотъ и другія относятся ему начальникомъ отдѣленія), то подлинкуется докладъ и скрѣпляетъ исполнительныя бумаги; въ противномъ же случаѣ все возвращается внизъ до столоначальника, испрашивается, передѣлывается и тѣмъ же путемъ восходитъ снова къ директору. Подписанный имъ докладъ и скрѣпленные исполнительныя бумаги идутъ уже обыкновеннымъ путемъ къ журналисту (который вписываетъ въ журналъ содержаніе доклада и выставляетъ на немъ нумеръ), замечаются и отправляются къ министру. Последний или соглашается съ доводами, представленными въ докладѣ и подлинкуетъ исполнительныя бумаги, или не соглашается и кладетъ свою резолюцію, направляетъ докладъ и бумаги, и въ такомъ случаѣ все дѣло снова спускается до столоначальника, передѣлывается имъ, снова переписывается и тѣмъ же путемъ идетъ къ подлинку министра. Если подлинку положена, дѣло съ бумагами возвращается въ тотъ департаментъ, изъ котораго оно вышло, и поступаетъ къ директору, отъ него къ журналисту, который теперь вписываетъ въ исходящій журналъ содержаніе исполнительныхъ бумагъ и выставляетъ на нихъ нумеръ, потомъ уже съ этихъ бумагъ снимается отпущикъ и т. д. Чтобы избѣжать излишняго переписыванья исполнительныхъ бумагъ въ томъ случаѣ, когда министръ не согласенъ съ ними, въ нѣкоторыхъ департаментахъ заведено посылать къ министру одинъ докладъ безъ исполнительныхъ бумагъ. На докладѣ кладется министромъ резолюція и докладъ возвращается въ департаментъ все къ тому же столоначальнику, который изготовляетъ исполнительныя бумаги согласно съ положенною на докладѣ резолюціей, и онѣ идутъ съ тѣмъ же докладомъ и тѣмъ же путемъ, претерпѣвая ту же судьбу, до министра и снова возвращаются въ департаментъ къ журналисту и для снятія копій. Безъ всякаго сомнѣнія, что такимъ путемъ избѣгается переписываніе лишній разъ бумаги, если не согласенъ съ нею министръ, но зато докладъ два раза проходитъ всю іерархическую лѣстницу и теряется значительное количество времени.

Я ограничусь тѣмъ, что сказалъ о путешествіи бумаги по департаменту. Забычу, что все сказанное мною объ отдѣленіи и его начальникѣ относится прямо до канцеляріи и ея правителя. Если же

я задумалъ бы описатьъ дальнейшее дѣйствіе и выторговать бумагу, то употребилъ бы на это еще нѣсколько сучныхъ свечей однимъ образомъ страницъ и въ настоящемъ случаѣ бесполезныхъ.

Отъ описанія перейду теперь къ разсужденію. Я не стану говорить о коренныхъ и рациональныхъ измѣненіяхъ всей системы дѣлопроизводства, о приведеніи его въ простѣйшій видъ, оказавшійся самымъ удобнымъ и принятымъ во всѣхъ торговыхъ конторахъ. Я не скажу ни одного слова противъ самой системы, я намѣренъ сказать только нѣсколько словъ о возможности ея усовершенствованія, упрощенія, сокращенія переписки, уменьшенія расходовъ на такую сложную организацію.

При внимательномъ разсмотрѣніи описанной мною системы уже всякому снѣтливому человѣку бросятся въ глаза три несовершенства ея, которые могли бы быть отстранены или измѣнены, чрезъ что весь механизмъ значительно бы упростился: 1) непонятная роль начальника отдѣленія, какъ человѣка, не несущаго de facto обязанности дѣлопроизводителя, но скрѣпляющаго бумагу подписью и несущаго за нихъ отвѣтственность, и раздѣленіе обязанностей дѣлопроизводителя отъ обязанностей докладчика по существу своему нераздѣлимыхъ; 2) непонятные доклады, принимающіе ктому же иногда громадныя размѣры, представляющіе часто замѣчательный, капиталный трудъ и остающіеся совершенно бесполезными послѣ появленія по нимъ исполнительныхъ бумагъ, и 3) снятіе копій и отпусковъ, когда существуютъ черновые проекты дѣлопроизводителя и когда съ помощью механическихъ пособій, принятыхъ во всѣхъ конторахъ, есть возможность сохранить силу, трудъ и выиграть значительное количество времени.

Скажемъ о трехъ этихъ неудобствахъ нѣсколько словъ, — можетъ быть слова наши принесутъ какую-нибудь пользу и мы достигнемъ хотя отчасти цѣли, ради которой мы рѣшились произнести свое слово.

Припомнимъ, что для правильнаго и успѣшнаго дѣлопроизводства по изложенной намъ системѣ существенно необходимы: лицо разрѣшающее, облеченное властью для извѣстнаго круга дѣйствій и подписывающее бумагу; секретарь, докладчикъ или дѣлопроизводитель, исполняющій его приказанія, работающій по его указаніямъ, составляющій бумагу и скрѣпляющій ее и наконецъ чернорабочій, писарь, переписывающій бумагу на-бѣло, котораго при разсмотрѣваемой нами системѣ, какъ видно, обойти было невозможно. Начнемъ съ начала съ воступленія бумаги въ департаментъ. Ее распечатываетъ, какъ мы сказали, директоръ, прочитываетъ и кладетъ резолюцію. Показано, что можетъ встрѣтиться бумага, требующая

особенныхъ соображеній, справокъ, ссылки на законъ, на которую онъ не можетъ положить немедленно резолюцію. Прекрасно: онъ приказываетъ исполнить бумагу, если исполненіе не встрѣчаетъ затрудненій, дѣло ему хорошо извѣстно и не требуетъ разъясненій; въ противномъ случаѣ онъ приказываетъ навести справку, отыскать законъ, разъяснить обстоятельства, объясняющія дѣло и проч. и дѣлаетъ въ такомъ смыслѣ помѣтку. Перваго рода бумаги просто и немедленно исполняются согласно положенной на нихъ резолюціи; по вторымъ необходимъ докладъ, ибо по докладу на нихъ должна быть положена резолюція, которая и направила бы дѣло съ извѣстной стороны; только директоръ и никто кромѣ него не имѣетъ права и не облеченъ властью давать извѣстный ходъ, то или другое направленіе дѣлу.

Въ такомъ видѣ и съ такимъ значеніемъ постунають бумаги къ начальнику отдѣленія, который *de jure* есть officialный дѣлопроизводитель и докладчикъ. Посмотримъ на его дѣятельность въ настоящемъ случаѣ. Если онъ докладчикъ и дѣлопроизводитель, если онъ скрѣпляетъ бумагу и несетъ за нее часть отвѣтственности, то ясно, что онъ долженъ изготовить бумагу. Между-тѣмъ обязанности его въ существующей системѣ раздѣлены: онъ удерживаетъ за собою обязанности докладчика, а часть дѣлопроизводительную поручаетъ столоначальнику, который работаетъ подъ его наблюденіемъ. Это противорѣчитъ логикѣ и влечетъ за собою многія неудобства. Получивъ бумагу съ резолюціей и помѣтками директора, начальникъ отдѣленія первый долженъ просто исполнить согласно положенному на нихъ приказанію, вторымъ долженъ разработать, отыскать законъ, навести справку и доложить директору, чтобы получить разрѣшеніе дать извѣстное направленіе бумагѣ. Легче всего исполнить бумагу ему, такъ какъ онъ хорошо ознакомился съ нею, отвѣтъ созрѣлъ въ головѣ его и его слѣдуетъ только написать. Для чего же поручать это готовое уже дѣло другой головѣ, другимъ рукамъ? Не значить ли это потерять понапрасну время?

Начальникъ отдѣленія *de jure* не имѣетъ права давать направленіе дѣлу; право это принадлежитъ высшей іерархической власти; да еслибы онъ и имѣлъ это право, то не для чего поручать дѣло столоначальнику, обращать его въ дѣлопроизводителя *de facto*, которому придется совершенно бесполезно во второй разъ наводить справку, отыскивать законъ и проч., когда все это уже извѣстно начальнику отдѣленія.

Навести справку, отыскать законъ, разъяснить обстоятельство — это тоже что исполнить бумагу; написать ее недолго, когда всѣ данныя извѣстны, факты собраны. Итакъ начальникъ отдѣле-

ніа впервыхъ не имѣеть права направлять дѣла въ ту или другую сторону: онъ можетъ только доложить директору, что такое ея личное мнѣніе; онъ не можетъ направлять и работу столоначальника, ибо для этого онъ долженъ изучить дѣло; совершенно съ нимъ ознакомиться, а это, какъ сказали, тоже что исполнить бумагу; если же наконецъ послѣднее и возможно, то нечего даромъ терять время, объяснять дѣло столоначальнику, послѣднему снова наводить справку, отыскивать законъ и проч., чтобы составить бумагу, означивъ словомъ два раза дѣлать одно и тоже дѣло.

Все эти неудобства легко объясняются практикой. Еслибы обязанности начальника отдѣленія ограничивались бы направлениемъ дѣла, то это значило бы, что онъ имѣеть полное право ничего не дѣлать, и только долженъ раздать поступившія къ нему въ отдѣленіе бумаги по столамъ, съ новою подписью исполнять или навести справку, ибо еслибы онъ занялся разъясненіемъ какой-нибудь бумаги, то это бы было все равно, что онъ исполнилъ ее.

На дѣлѣ начальникъ отдѣленія и раздаетъ только бумаги по столамъ, оставляя себѣ, чтобы не сидѣть сложа руки, болѣе важныя и серьезныя, сколько успѣеть исполнить; то-есть сама практика показываетъ, что въ сущности онъ лишнее посредствующее лицо, а такой же дѣлопроизводитель, какъ его столоначальники, да кромѣ того еще онъ и офиціальныи докладчикъ. О послѣднемъ мы должны сказать нѣсколько словъ.

Между-тѣмъ какъ обязанности докладчика остались за начальникомъ отдѣленія, характеръ его дѣятельности, какъ дѣлопроизводителя, измѣнился вслѣдствіе огромной массы дѣлъ и бумагъ, проходящихъ черезъ его руки. Въмѣсто того, чтобы увеличить поэтому число дѣлопроизводителей *de jure* или число начальниковъ отдѣлений, предоставляя имъ работу по силамъ, увеличивали число столоначальниковъ, дѣлопроизводителей *de facto*, такъ какъ содержаніе первыхъ обходится казнѣ несравненно дороже содержанія вторыхъ. Посему и результатъ вышелъ противоположный. Настоящій дѣлопроизводитель — столоначальникъ, занимаясь порученной бумагой, изучая дѣло въ возможной подробности, справляясь съ законами, наводя справки, разумѣется знаетъ или долженъ знать его до малѣйшихъ подробностей — онъ положительно и лучшій, и законнѣйшій докладчикъ дѣла до той самой минуты, пока оно не будетъ рѣшено высшею іерархической властью, которая по закону имѣеть право порѣшить его. Что же выходитъ на дѣлѣ? Столоначальникъ, дѣлопроизводитель *de facto* объясняетъ дѣло, насколько случится, начальнику отдѣленія, дѣлопроизводителю и докладчику *de jure*, который положительно не можетъ знать его въ такой же подробности,

тотъ какъ не занимался имъ, и этотъ уже съ непомыслии отбѣдрили) итти съ докладомъ къ директору департамента. Въ этомъ обстоятельствѣ, по крайнему моему разумѣнію и наблюденію за практическимъ ходомъ дѣлъ, заключается одна изъ главнѣйшихъ причинъ, почему при существующей системѣ дѣлопроизводства терется по-выпросну столько труда и времени и почему столько докладовъ возвращается назадъ для переписки и передѣлки. Еще разъ повторю: *лучшій докладчикъ есть дѣлопроизводитель*. А то что же выходитъ уже помимо описанныхъ неудобствъ? Хорошо пошла бумага — честь и слава начальнику отдѣленія, загребающему въ этомъ случаѣ жаръ чужими руками; возвращена назадъ — вся вина падаетъ на столоначальника. Одно изъ двухъ: или столоначальникъ лишнее лицо и мѣсто его слѣдуетъ упразднить, замѣнить его дешевымъ чернорабочимъ, писаремъ, и увеличить въ должномъ количествѣ начальниковъ отдѣленій; или уничтожить мѣста послѣднихъ, и въ такомъ случаѣ можно обойтись безъ увеличенія числа столоначальниковъ; столоначальниковъ же, какъ дѣйствительныхъ дѣлопроизводителей, слѣдуетъ и докладчиками. Дѣло выиграетъ много чрезъ это измѣненіе даже при настоящей системѣ письмоводства, не говоря о возможныхъ сбереженіяхъ и выгодахъ казны. Что мѣшаетъ подобному преобразованію? рутинѣ? но противъ нея такъ много говорилось въ послѣднее время; неловкость оставить безъ мѣстъ начальниковъ отдѣленій? но преобразование можетъ быть слѣвано исподоволь, по мѣрѣ открытія и упраздненія вакансій. Возраженіе, что такимъ образомъ расплодилось бы число докладчиковъ и обременило бы директоровъ департаментовъ, падаетъ само собою предъ тѣмъ доводомъ, что необходимо для выслушанія докладчиковъ время рассчитывается директоромъ не по числу докладчиковъ, а по числу докладовъ и бумагъ, а количество тѣхъ и другихъ останется неизмѣннымъ при обращеніи дѣлопроизводителей *de facto* въ докладчиковъ.

Обратимся теперь къ выгодамъ и удобствамъ, представляемымъ тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣлопроизводитель и докладчикъ необходимо одно лицо, и оставимъ въ сторонѣ вопросъ о сбереженіи расходовъ и выгодъ казначейства. Прежде всего докладчикъ будетъ знать несравненно лучше докладываемое дѣло, бумаги рѣже будутъ возвращаться назадъ: онѣ обстоятельнѣе будутъ объясняться начальнику; за непредвидѣнною начальникомъ отдѣленія справкою не зачѣмъ будетъ возвращаться къ столоначальнику или затѣмнять дѣло первымъ попавшимся объясненіемъ, чтобы самому вывернуться изъ непріятнаго положенія вслѣдствіе повятнаго и легко объяснимаго незнанія какой-либо подробности, такъ какъ надъ дѣломъ работала другой, а между-тѣмъ эта подробность часто можетъ

быть причиною возвращенія назад доклада и его середьки вопреки истины и справедливости; выиграется время, соблюдется справедливость относительно труда мелкаго теперь чиновника, работающаго до поту без надежды на сколько-нибудь достойное его трудовъ вознагражденіе.

Съ другой стороны число докладчиковъ умножится; директора департаментовъ и министры придуть въ соприкосновеніе съ большимъ числомъ личностей, что не можетъ не дать благодѣтельныхъ результатовъ. Выборъ для порученій, для особенныхъ работъ не можетъ встрѣтить затрудненій, ибо вмѣсто трехъ или четырехъ личностей начальникъ ознакомится съ пятнадцатью и двадцатью. При настоящей системѣ директору департамента, не говоря уже о министрѣ, положительно нѣтъ возможности знать и половины работающихъ у него чиновниковъ. Сколько молодыхъ людей съ университетскимъ образованіемъ, съ юношескою пламенною готовностью служить обществу сидятъ столоначальниками или ихъ помощниками въ совершенной и несправедливой неизвѣстности, черно-рабочими дѣлопроизводства, между-тѣмъ какъ они и исполняютъ всѣ дѣла, за которыя только не имъ слѣдуютъ награды! Они должны быть докладчиками по праву, потому что они дѣлопроизводители на дѣлѣ. Мы твердо увѣрены, что если вообще настоящая система дѣлопроизводства удержится, то преобразование ея въ обозначенномъ нами направленіи принесетъ огромныя пользы, не говоря о сбереженіяхъ. Лучше имѣть нѣсколько дѣльныхъ, работающихъ дѣлопроизводителей и обезпечить имъ существованіе безобиднымъ содержаніемъ, чѣмъ держать сонмы бесполезныхъ чиновниковъ, далеко не окупающихъ своею службою стоимости ихъ содержанія для казначейства. Намъ не безызвѣстно, что проектъ нашъ найдутъ зараженнымъ демократическимъ духомъ, — мы настаиваемъ на несомнѣнной его пользѣ.

Высшимъ властямъ не придется сѣтовать, что при такомъ порядкѣ у нихъ недостанетъ времени выслушивать большое число докладчиковъ. Мы уже упоминали, что количество докладовъ останется тоже и нѣтъ причинъ думать, что человѣку, которому хорошо извѣстно дѣло, понадобится бы на изложеніе его болѣе времени, чѣмъ человѣку менѣе съ нимъ знакомому или знакомому съ нимъ по сообщенію дѣлопроизводителя. Намъ даже кажется, что дѣлопроизводителю было бы весьма полезно находиться и при дальнѣйшихъ докладахъ производимаго имъ дѣла, ибо весьма легко можетъ случиться, что опущенное имъ обстоятельство въ докладѣ, которое онъ считалъ незаслуживающимъ вниманія, будетъ поднято при докладѣ; потребуется справка, и если дѣлопроизводитель на лицо, то

онъ его слова можетъ разъяснить обстоятельства и рѣшить дѣло; т. е. перейти къ подшивъ исполнительной бумаги, тогда какъ при его отсутствіи все дѣло будетъ возвращено назадъ, часто вследствие самаго ничтожнаго недоразумѣнія, которое не могъ объяснить официальный докладчикъ. Мы ничего не можемъ сказать противъ докладчика (будь это хоть самъ директоръ департамента на докладѣ министру), если онъ очутится въ невозможности объяснить какого-либо обстоятельства: вѣдь положительно нѣтъ никакой человѣческой возможности знать ему дѣло до такой подробности, какъ оно извѣстно дѣлопроизводителю, копавшемуся надъ нимъ дни и часто недѣли, — да это не всегда бываетъ и нужно, — а между-тѣмъ понятно вѣловкое его положеніе, если онъ не въ состояніи дать положительнаго и удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ министра. Что же выхолить? Онъ не можетъ же сказать: «не знаю этого обстоятельства», но вѣроятно оно не могло ускользнуть отъ вниманія дѣлопроизводителя и что-нибудь напутаетъ болѣе или менѣе правдоподобное. Докладъ возвращается, исполнительныя бумаги не подписаны, время потеряно. Еще хорошо, если его замѣшательство и объясненіе не повлекутъ за собой болѣе печальныхъ послѣдствій. Чтобы поддержать авторитетъ директора, можетъ придется передѣлывать докладъ вопреки чувству справедливости и здравому смыслу. Все это пагубно отражается на характеръ дѣятельности дѣлопроизводителя. Съ энергіей, достойной лучшей участи, съ любовью къ дѣлу начинаетъ онъ свое служебное поприще, посвящаетъ ему лучшія свои силы, кладетъ въ него часть души своей. Мало-помалу илюзіи его разлетаются какъ дымъ, доклады по разнымъ причинамъ возвращаются назадъ, нерѣдко съ выговоромъ за небрежность, за отступленіе отъ формы, за неумѣнье докладчика выказать дѣло съ надлежащей стороны и проч.

Энергія его упадаетъ, проницаніе надъ дѣломъ вытѣсняется любовью къ нему, безразличіе овладѣваетъ имъ все болѣе и разрѣшается волюнтаризмомъ или индифферентизмомъ, анатіей, кончающимися извѣстными у насъ и получившими права гражданства: лишь бы сбыть съ рукъ дѣло, отписаться, или фамосовсяннъ «подписано, такъ съ плечъ долой!»

Сколько хорошихъ, свѣтлыхъ личностей, благородныхъ и энергическихъ, могущихъ быть весьма полезными своею дѣятельностью, потубила формалистика, рутинна и педантизмъ нашей канцелярской службы! Человѣкъ надломленный неправдами и несообразностями бюрократическихъ требованій, четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ недослужившійся до знака отличія за безпорочную службу, перешолъ въ литературу, сдѣлался однимъ изъ ея любимыхъ те-

цевъ. Это что-нибудь подаркомъ. Разумѣется легко поручиться надъ его бесполезною, донкихотскою рѣшительною, да къ чему же доведетъ психишка и много ли она разъяснитъ и исправить дѣло?

Я упомянулъ о неловкомъ положеніи докладчика, вызванномъ приятнымъ и легко оправдываемымъ замѣшательствомъ и неумѣніемъ разъяснить какое-либо обстоятельство доклада, надъ которымъ работалъ другой. Это неловкое положеніе виѣсть съ другими обстоятельствами, болѣе личнаго и независащаго отъ службы свойства, породило другое неудобство нашего дѣлопроизводства, запутавшее письменоводство и вызвавшее особенно тягостное увеличеніе переписки — это письменные доклады, къ которымъ я и перейду теперь. Я не говорю о докладахъ самостоятельныхъ, въ формѣ записокъ, мнѣній, составляющихъ спеціальныя работы по вопросамъ административнымъ или по преобразованіямъ. Такіе доклады будутъ всегда необходимы. Отличительная черта ихъ — это то, что они не сопровождаются исполнительными бумагами и исполняются по окончательному ихъ рѣшенію въ совѣтахъ, комитетахъ или высочайшей волей. Докладъ, о которомъ я говорю, имѣетъ цѣлю изложеніе дѣла, подлежащаго рѣшенію; подносится онъ собственно для того, чтобы прочитавши его, лицо, облеченное властью, подписало исполнительныя бумаги. Онъ служитъ только для разъясненія, почему то а не другое распоряженіе слѣдуетъ сдѣлать, чтобы достигнуть лучшей и полезнѣйшей цѣли. Докладъ, по прочтеніи его и подписаніи бумагъ, возвращается въ то мѣсто, гдѣ онъ составлялся, и хранится при дѣлахъ, то-есть при отпускахъ посланныхъ по немъ бумагъ въ отвѣтъ на бумагу, его породившую. Хотя для справокъ докладъ и бываетъ нуженъ, но легко обойтись и безъ него, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Въ докладѣ излагается прежде всего сущность бумаги, вызвавшей его, за тѣмъ помѣщается справка (съ закономъ или съ бумагами, производившимися по этому же дѣлу), потомъ приводится соображеніе, высказывается мнѣніе, какъ слѣдовало бы поступить въ данномъ случаѣ и наконецъ испрашивается согласіе на это мнѣніе, и въ такомъ случаѣ подносится къ поднеси проектъ исполнительной бумаги. Не проще ли было бы на той же бумагѣ, которая сопровождаетъ докладъ, въ которой стало-быть уже изложена вся сущность дѣла, коротко привести справку, помѣтить число мѣсяца, номеръ бумаги, статью закона за поднесью дѣлопроизводителя, и все остальное: мнѣніе, испрашиваніе согласія и разрѣшеніе поступить извѣстнымъ образомъ, высказать устно при докладѣ, тѣмъ болѣе, что сущность всего изложеннаго помѣщена въ проектѣ испол-

ительной бумаги? Все въ чемъ можетъ встрѣтиться надобность при справкахъ, останется въ департаментѣ налицо, на входящей бумагѣ, хранящейся при дѣлахъ. Дѣло ничего не проиграло бы, напротивъ въ барышахъ остались бы сбереженный трудъ, и время и всѣ выгоды, представляемыя устнымъ докладомъ. Я привелъ выше неизмѣнный законъ правильно и рационально-организованнаго дѣлопроизводства, что дѣлопроизводитель и докладчикъ долженъ быть одно лицо, ибо дѣлопроизводитель есть несомнѣнно лучший, единственно возможный хорошій докладчикъ; теперь присоединю второе правило, нарушеніе котораго ведетъ къ печальнымъ результатамъ бюрократіи, порождаетъ бесплодную переписку и отстраняетъ дѣло на задній планъ, выдвигая впередъ переписку: *все доклады по возможности должны быть устными*; всѣ же письменныя должны быть отстранены, за весьма немногими исключеніями, когда дѣло выходитъ изъ тѣсной сферы спеціальнаго вѣдомства, въ которомъ оно рѣшается и переходитъ на разсмотрѣніе въ другія, постороннія учрежденія. Уничтоженіе письменныхъ докладовъ, мы утверждаемъ смѣло, сократитъ ненужную переписку по крайней-мѣрѣ на сорокъ процентовъ.

Разсудите хорошенько что такое письменный докладъ, при которомъ посылается исполнительная бумага? это не документъ, который слѣдуетъ хранить, въ которомъ можетъ встрѣтиться надобность въ будущемъ; это не распоряженіе, ибо распоряженіе есть исполнительная бумага — это просто записка для памяти докладчика, записка верѣлко на десяткахъ листовъ, порожденная тѣмъ обстоятельствомъ, что обязанности докладчика и дѣлопроизводителя раздѣлены, когда онѣ по сущности своей раздѣлены быть не могутъ. Не показывается ли онъ наглядно, что докладчикъ не имѣетъ возможности сохранить въ своей памяти всѣ обстоятельства дѣла? И это весьма понятно: такъ какъ не имѣ производилось оно, не онъ работалъ надъ нимъ, и такъ какъ при устномъ докладѣ онъ могъ бы напутать и не объяснить могущаго встрѣтиться обстоятельства, то докладъ *посылается писанный*, когда по здравому смыслу онъ долженъ быть *личный и устный*. Мы не забываемъ возраженія, которое намъ могутъ сдѣлать, что докладчикъ можетъ быть обремененъ такимъ количествомъ занятій, что прибѣгаетъ къ письменному докладу, чтобы выиграть время. Но лицо облеченное властью, къ которому поступаетъ письменный докладъ, непременно обременено еще болѣе дѣлами, а при настоящемъ порядкѣ оно обязано же читать докладъ и убивать на это ровно въ два раза больше времени, чѣмъ потребовалъ бы докладъ устный? а тѣ дѣлопроизводители, на обязанность которыхъ возложена вся черная работа, требую-

щая по преимуществу большого количества времени, развѣ оброчены меньше оффиціального докладчика?

Безъ всякаго сомнѣнія тѣмъ лучше идетъ всякая часть административнаго управленія, чѣмъ меньше посредствующихъ степеней, задерживающихъ быстрое рѣшеніе дѣла: чѣмъ ближе власть къ непосредственному исполнителю, тѣмъ скорѣе рѣшеніе приводится въ исполненіе. Но высшая іерархическая власть положительна не въ состояніи рѣшать всѣ дѣла по ея вѣдомству; вотъ почему законъ облекъ частью ея лицо посредствующее, которое въ определенной сферѣ можетъ дѣйствовать самостоятельно, отъ своего имени и подъ личною отвѣтственностью. Въ такомъ положеніи находится директоръ департамента, какъ помощникъ министра, и только по дѣламъ высшаго управленія онъ есть его дѣлопроизводитель и докладчикъ, имѣя своего оффиціального дѣлопроизводителя и докладчика въ начальникѣ отдѣленія. Все было бы хорошо, еслибы бюрократическая іерархія de facto, какъ и de jure останавливалась на этомъ послѣднемъ дѣлопроизводителѣ и докладчикѣ. На дѣлѣ этого нѣтъ. Существуетъ еще настоящій, но не оффиціальнй дѣлопроизводитель, вошедшій помимо законовъ въ обычаи бюрократіи, служащій впрочемъ не по найму, не на торговомъ, свободномъ правѣ, а числящійся на службѣ, получающій отъ казны жалованье, чины и знаки отличія, это — столоначальникъ и его помощникъ; такъ что начальникъ отдѣленія является тоже какъ особая посредствующая степень, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ не облеченъ никакою властью, никакою самостоятельностью для рѣшенія хотя самаго незначительнаго дѣла. И съ этой точки зрѣнія или онъ лице лишнее, ненужное, или какъ мы уже говорили, ненуженъ столоначальникъ; то-есть слѣдовало бы: или уничтожить столоначальниковъ, увеличивъ число начальниковъ отдѣленій соответственно дѣйствительной надобности, или уничтожить начальниковъ отдѣленій, обративъ въ докладчиковъ дѣлопроизводителей, и такъ какъ первое преобразование сопряжено съ большими расходами, то слѣдовало бы остановиться на второмъ и хорошенько его разработать. Мы увѣрены, что при рациональномъ преобразованіи дѣлопроизводства можно бы было сократить и число самихъ дѣлопроизводителей, увеличивъ ихъ содержаніе изъ остаточныхъ суммъ и имѣющихъ открыться вслѣдствіе упраздненія мѣстъ начальниковъ отдѣленій.

Изложивъ главнымъ образомъ сущность дѣлопроизводства при настоящей системѣ, прослѣдимъ въ краткихъ чертахъ на бумагѣ при упрощенномъ канцелярскомъ механизмѣ. Дѣлопроизводитель получаетъ двоякаго рода бумаги, помѣченныя директоромъ депар-

тамента: одинъ, не представляя никакихъ затрудненій, не требуетъ никакихъ справокъ, подлежатъ немедленному исполненію въ смыслѣ, обозначенномъ резолюціей директора, другія для исполненія требуютъ особой разработки, справокъ и проч. По первымъ тотчасъ заготавливаются исполнительныя бумаги и подносятся къ подписанію директора департамента; на вторыхъ съ боку на поляхъ помѣщается справка, ссылка на статью закона и въ такомъ видѣ докладываются устно директору департамента. Зависитъ ли теперь исполненіе бумаги отъ власти директора или бумага должна идти къ подписи министра, директоръ согласно съ своимъ мнѣніемъ и наведенными справками, закономъ, приказываетъ приготовить исполнительную бумагу, изготовивши которую, дѣлопроизводительноситъ ее къ подписанію, и если разрѣшеніе ^{зависитъ отъ} власти министра, то непременно присутствуетъ при докладѣ директора, которому можетъ встрѣтиться въ немъ наобочность при разъясненіи какого либо вопроса. Такъ какъ такихъ докладовъ встрѣчается сравнительно гораздо меньше, а письменное ихъ заготовленіе требуетъ наибольшаго времени, то этимъ-то и сохранился болѣе всего переписка и выиграется время. Этотъ порядокъ представляетъ еще ту выгоду, что теперь извѣстны будутъ не только способности дѣлопроизводителей, но и количество несомима ими труда, что необходимо повлечетъ за собою и основное правило вознагражденія: *à chacun selon ses capacités, à chaque capacité selon ses oeuvres.*

Мы не можемъ окончить нашего краткаго и по необходимости слишкомъ спеціальнаго изложенія, не сказавъ въ заключеніе нѣсколько словъ о чернорабочихъ канцеляріи, о поденщикахъ бюрократіи, о писаряхъ. Уже почти на половину былъ бы сокращенъ ихъ безспорно тяжелый трудъ уничтоженіемъ такъ-называемыхъ отпусковъ, копій со всѣхъ исходящихъ бумагъ. Мы рѣшительно не понимаемъ къ чему эти отпуска, требующіе огромнаго чернаго труда и еще болѣшаго количества времени, задерживающіе отправленіе часто весьма спѣшной бумаги, пока съ нея не будетъ снята копія? Мы не можемъ также объяснить себѣ, почему черновые проекты бумагъ дѣлопроизводителя не могутъ замѣнить ихъ и служить руководствомъ для наведенія справокъ? Вѣдь если проставить на нихъ номеръ ихъ исходящаго журнала и число мѣсяца, то кромѣ болѣе или менѣе разборчиваго почерка, они ничѣмъ не будутъ отличаться отъ копій, такъ какъ они служили оригиналами для исполнительной бумаги. Въ торговыхъ конторахъ тоже оставляются копія съ исходящихъ бумагъ и писемъ. Но для этого употребляется не дорогой и кропотливый трудъ переписчика, а копировальныя прессы. Если уже необходимо снимать копія съ бѣловыхъ бумагъ, то почему бы

не завести такихъ прессовъ (и стоятъ-то она отъ 15 до 25 руб.) въ канцеляріяхъ? Правда, что этими прессами возможно снять копию только въ первые часы по написаніи бумаги, пока чернила не сохвѣтъ засохли, а бумага съ надписью можетъ вернуться и черезъ нѣсколько дней, но чтоже мѣшало бы списать копию немедленно послѣ переписки бумаги, а еслибы она возвратилась назадъ для перекрѣпки, какъ негодная, то перекрѣчивать копию и снимать новую со вновь изготовленной бумаги? Но повторяемъ, это дѣло лишнее, потому что вмѣсто копій, или отпуски, можетъ служить черновая дѣлопроизводителя, сберегая на половину трудъ писарей.

Все сказанное нами далеко не захватываетъ глубь самаго предмета, неукладывается нисколько отъ существующей системы дѣлопроизводства, не противорѣчитъ главнымъ ея основаніямъ; именно поэтому-то мы и рѣшили сказать свое слово; мѣры, предлагаемыя нами, можетъ-быть даже и не новы, тѣмъ не менѣе мы подвергнемъ ихъ общему обсужденію, такъ какъ вопросъ объ уменьшеніи переписки, объ упрощеніи формъ дѣлопроизводства, о сокращеніи штатовъ и расходовъ казны, если и рѣшался въ специальныхъ административныхъ сферахъ, то литературой почти не затрагивался.

П. ВИНКОВЪ

ЛЕРМОНТОВЪ И ЕГО НАПРАВЛЕНІЕ

КРАЙНІЯ ГРАНИ РАЗВИТІЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ВЗГЛЯДА

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

IV

ЗАКОННЫЯ СТОРОНЫ РОМАНТИЗМА

Поэтъ скорбей и страданій того поколѣнія, которое поэтически-буйствовало и вмѣстѣ стеноло съ Полежаевымъ, которое думало застыть въ гордости отчаянія съ Лермонтовымъ и между тѣмъ дошло только до поворотной грани къ комизму въ лицѣ его Печорина, поэтъ отпѣлъ ему грустную и искреннюю панихиду въ своемъ посланіи къ «Друзьямъ»:

Мы въ жизнь вошли съ прекраснымъ упованьемъ,
Мы въ жизнь вошли съ неробкою душой,
Съ желаньемъ истины, добра желаньемъ,
Съ любовью, съ поэтической мечтой,
И съ жизнью рано мы въ борьбу вступили
И юныхъ силъ мы въ битвѣ не щадили...
Но мы вокругъ не встрѣтили участья
И лучшія надежды и мечты,
Какъ листья средь осенняго ненастья,
Попадали и сухи и желты.
И грустно мы остались между нами,
Сплетая дружно голыми вѣтвями.
И на кладбище стали мы похожи:
Мы много чувствъ, и образовъ, и думъ
Въ душѣ глубоко погребли... И что же?
Упрекъ ли сердцу скажетъ дерзкій умъ?

Кн. XI. — Отд. II.

4

Къ чему упрекъ? *Смиренье* въ душу вложимъ
И въ ней ватворимся — безъ жолчи, если можемъ!..

Сопоставьте съ этой дышащей искренностью панихидою лермонтовскую «думу», и вы поразитесь очевидною разницею результатовъ, добытыхъ, очевидно страданіями, тѣмъ и другимъ поэтомъ. Разумѣется о сопоставленіи по отношенію къ формѣ, тутъ не можетъ быть и рѣчи: свистащій какъ бичъ и стальной стихъ Лермонтова, энергическая сжатость его формъ, выпуклость его поэтической манеры, нейдутъ въ паралель съ небрежною формою поэта «монологовъ», по дѣло не въ сравненіи ихъ талантовъ... Поэтъ «монологовъ» самъ лучше другихъ сознавалъ силу и могучесть Лермонтова; самъ онъ говорилъ о немъ разъ:

Нѣтъ!.. есть поэтъ
Хоть онъ и офицеръ армейскій...

Сила въ томъ, что въ лермонтовской «думѣ», столь безпощадной въ отношеніи къ тому поколѣнію, которое бичуя воспѣвалъ онъ въ ней, въ поколѣніи, которое приравнялъ онъ къ «плоду до времени созрѣлому», которое пройдетъ

Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой,
Ни геніемъ зачатого плода;

въ этихъ «дубовыхъ листахъ», «оторвавшихся отъ вѣтки родимой», въ поколѣніи, котораго прахъ

Со строгостью судьи и гражданина
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ...

Сила въ томъ, говорю я, что въ этой безпощадной, мрачно-про-нической «думѣ» гораздо больше гордости и самообольщенія, чѣмъ въ панихидѣ поэта «монологовъ» по безплодной борьбѣ и погибшимъ надеждамъ своего поколѣнія... Ну чтожь?.. какъ будто говоритъ Лермонтовъ: да! мы таковы, да! въ насъ

И радость и горе и все такъ ничтожно...

да! мы сознали мелочность и ничтожность нашей радости и горя... во въ этомъ сознаніи — наша сила, и мы гордимся этою силою. Пусть грядущее наше и «пусто и темно», пускай безвременно состарился мы «подъ бременемъ страданья и сомнѣнья», нужды нѣтъ! Мы купили опытомъ жизни холодъ самообладанія.

И вотъ, вслѣдствіе такого нравственнаго процесса, является у поэта образъ Печорина, котораго комическія стороны едва ли и самому ему были ясны, и который долго дѣйствовалъ обаятельно на другихъ.

Какъ задатки комическаго въ образѣ Печорина, задатки обозначающіеся рѣзко какъ только этотъ образъ наивно повторился въ Тамиринѣ, такъ и обаятельныя, могущественно дѣйствовавшія на его воображеніе черты его — несомнѣнны. Разсмотрѣть тѣ и другія, дѣло далеко не бесполезное, даже и въ настоящую минуту...

Но обаятельныя стороны печоринскаго образа, какъ типа человѣка *хитраго*, въ противоположность человѣку *смирному*, представителя тревожныхъ началъ «необъятныхъ силъ» по его собственному выраженію — въ связи съ тѣмъ же самымъ русскимъ романтизмомъ, о которомъ уже говорилъ я. Вѣдь когда обаятеленъ Печоринъ?.. Неужели тогда, когда онъ *боится* обнять Максима Максимыча и вообще фарсить великосвѣтскостью... Иначе будетъ обаятеленъ и Тамиринъ, когда онъ фарситъ передъ степными помѣщиками тѣмъ, что завтракаетъ по утрамъ вѣсто того, чтобы чай пить. Печоринъ влекъ насъ всѣхъ неотразимо и до сихъ поръ еще можетъ увлекать, и вѣроятно всегда будетъ увлекать тѣмъ что въ немъ есть физиологически нашего, а именно — броженіемъ необъятныхъ силъ съ одной стороны и соединеніемъ съ этимъ вмѣстѣ съверной сдержанности черезъ присутствіе въ себѣ почти демонскаго холода самообладанія. Вѣдь можетъ-быть, этотъ какъ женщина нервный господинъ способенъ былъ бы умирать съ холоднымъ спокойствіемъ Стеньки Разина въ ужаснѣйшихъ мукахъ. Отвратительныя и смѣшныя стороны Печорина, въ немъ нѣчто напускное, нѣчто миражное, какъ вообще вся наша великосвѣтскость... основы же его характера трагичны, пожалуй страшны, но никакъ уже не смѣшны... Какъ онъ ни изѣденъ анализомъ и какъ ни безпощаденъ онъ въ своемъ критическомъ отрицаніи, звѣрство Мцыри прорывается въ рыданіяхъ по уѣхавшей Вѣрѣ; чувются люди иной титанической эпохи, готовые играть жизнию при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, затѣмъ ли, чтобы оставить по себѣ страничку въ исторіи, или просто такъ, изъ удали, въ его похожденіяхъ съ контрабандисткой и въ его фаталистической игрѣ, которою кончается романъ... Вотъ этими-то своими сторонами Печоринъ не только былъ героемъ свдего времени, но едва ли не одинъ изъ нашихъ органическихъ типовъ героическаго.

О законности этого типа въ нашей литературѣ, о законности столь же несомнѣнной, какъ и законность другого нашего типа, типа смирнаго человѣка, я поднимаю вопросъ довольно часто, но,

съ опасностью наскучить читателямъ, долженъ поднять его еще неразъ: въ отношеніи же къ Лермонтову и къ его представлеию о героическомъ онъ неизбѣженъ.

Около десяти лѣтъ, литература наша ведетъ и глухую и открытую, и болѣзненную и здоровую борьбу съ этимъ хищнымъ тяпомъ, съ легкой руки Ивана Петровича Бѣлкина.

Но Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ былъ человекъ себѣ на умѣ, несмотря на свою кажущуюся простоту; онъ отшатнулся отъ мрачнаго и сосредоточеннаго Сильвіо, засвидѣтельствовавъ только, что вотъ дескать какой странный человекъ мнѣ встрѣтился. Мы пошли дальше. Мы заподозрили съ самихъ себѣ и стало-быть въ нашихъ герояхъ начала тревоги и страстности, мы начали обвинять ихъ въ неискренности, въ «приподнятости» и «подогрѣтости» чувствъ, не подозревая того, что сами готовы впасть въ другого рода неискренность, въ нѣкоторую мовоманію искренности.

Быть искреннымъ! Да! Искренность дѣйствительно слово огромной важности, но подвергая критикѣ все, должно и самое это слово, т. е. повятіе, замыкающееся въ словѣ, подвергнуть критикѣ.

Есть люди, которые весьма искренно не понимаютъ Шекспира и весьма искренно въ этомъ сознаются; знавалъ я даже такихъ, которые весьма искренно ругали Шекспира и ругали тѣхъ, которые по ихъ мнѣнію неискренно восторгались Шекспиромъ. Знавалъ я также одну барыню, изъ очень эмансипированныхъ, которая помѣшалась на искренности и все сердилась на людей, что они ее преслѣдуютъ за искренность. Дѣлая величайшія несообразности и даже мерзости, эта барыня надоѣдала всѣмъ до смерти повторяемымъ ею на каждомъ шагу восклицаніемъ Марьи Андреевны Островскаго: «зачѣмъ въ людяхъ такъ мало правды?» Чтожъ, вѣдь она въ самомъ дѣлѣ была очень искренна! Она очень искренно, несмотря на свою эмансипацію, бранилась съ своими горничными, искренно метала икру, т. е. выбрасывала передъ другими весь душевный соръ, какой наносило ей вѣтромъ въ голову или сердце, если сердце у нея было, — именно вѣтромъ, потомучто своихъ собственныхъ мысли или чувства у нея никогда не зарождалось; — но при всей этой искренности внѣшнихъ отправленій, она была въ высшей степени фальшива, чуть ли не фальшивѣе другой барыни, которой огоньки фонариковъ, озарявшихъ мизерныя алейки сада лѣтнихъ маскарадовъ, представлялись *мерцающими звездачками*, которая закатывала глаза подъ лобъ, и несмотря на глубочайшее невѣжество, говорила въ тонѣ героини Марлинскаго.

Впрочемъ обѣ барыни были одинаково постыдно невѣжествен-

ны, равно какъ и тѣ господа, отъ которыхъ мнѣ часто случалось слышать искреннюю хулу на Шекспира.

Виновать, — впрочемъ въ господахъ можно было различить нѣсколько степеней невѣжества: 1) невѣжество «заматорѣвшее во двѣхъ», невѣжество русскаго помѣщика, 2) невѣжество молодое, невѣжество, примѣрно, бойкаго свѣтскаго юноши; 3) дубовое и дерзкое невѣжество школьника, всегда готоваго утвердительно или отрицательно эрготировать о вопросѣ: *An non spiritus exstant*, школьника воспитавшагося въ безплодной діалектической словобитиѣ и нестряхнушаго съ себя чувства злобы, развиваемаго тяжолымъ гнетомъ бурсы; 4) окаменѣлое, опрагматизованное до поклоненія себѣ, ученое невѣжество специалиста, который искренно считаетъ все вздоромъ, кромѣ предмета, который онъ удостоилъ избрать, и 5) невѣжество умное, но лѣнивое, рѣшившееся на всю жизнь остаться невѣжествомъ и знающее къ несчастію, что оно умно.

Все это, говорю я вамъ, очень искренно, будетъ не понимать многого и очень искренно заподозрить въ другихъ сочувствіе ко многому.

Должно еще сказать, что во многихъ подозрѣніяхъ своихъ оно окажется совершенно право. Вѣдь нѣтъ ничего хуже фальшивой впечатлительности, и нѣтъ ничего вреднѣе, ибо ничто неспособно такъ поддержать застоя понятій, какъ фальшивая впечатлительность. Разбирая душевный хламъ свой, каждый изъ насъ можетъ убѣдиться, что множество дурныхъ и постыдныхъ, т. е. ложныхъ душевныхъ движеній, держится въ насъ за извѣстные типы, къ которымъ мы приковались за извѣстныя наносныя, а не родившіяся въ насъ впечатлѣнія, на которыя мы приучили сперва нѣсколько насильственно, а потомъ уже очень легко и свободно отъзывагься струны этого диковиннаго, безконечно сложнаго и вмѣстѣ цѣльнаго инструмента, называемаго душою человѣческою.

Когда-то покойный К. С. Аксаковъ, анализируя характеръ Ивана Грознаго, высказалъ въ этомъ анализѣ затаенную вражду свою и цѣлаго направленія, къ которому принадлежалъ онъ, вражду къ художеству, художественной способности, красотѣ. Онъ отнесъ грознаго вѣщценосца къ числу художественныхъ натуръ, которыми правда жизни уразумѣвается только черезъ образъ, въ который она облекается и только по степени того, прекрасенъ ли и эффектенъ ли образъ или нѣтъ. Признаюсь вамъ откровенно, что эта мысль, высказанная притомъ съ замѣчательною ясностью и съ кажущеюся глубиною, еще и прежде меня долго мучила, но болѣе или менѣе превращалась всегда въ одинъ и тотъ же результатъ,

т. е. въ то, что всѣмъ, а не одной категоріи людей правда дается красотою, образомъ, что разумѣніе истины обусловлено художественною способностью, въ каждомъ изъ насъ болѣе или менѣе существующею. Бываетъ только красота истинная и красота фальшивая, но отзвѣвъ на правду пробуждается въ нашей душѣ *непременно* красотою. Красота одна можетъ воплотить правду и такое воплощеніе сообщаетъ намъ живую увѣренность «въ бытіи, свойствахъ и дѣйствіяхъ» правды. Голая мысль, добытая однимъ мозговымъ процесомъ, однимъ логическимъ путемъ, т. е. выведенная изъ однихъ только отрицаній, остается для насъ всегда чѣмъ-то чуждымъ.

Истинная истина намъ не доказывается, а проповѣдуется, что тѣмъ разумѣется, которые «мбгутъ пріяти», истина бываетъ очевидна съ перваго же раза и дается не по частно, а всецѣло, какъ вообще все, что ни дается душѣ человѣческой, дается не по частно, а всецѣло, или вовсе не дается. По частно и путемъ доказательствъ могутъ входить въ меня только математическія истины; отъ которыхъ мнѣ ни тепло ни холодно. За логическій выводъ мы не пожертвуемъ жизнью, ни даже благосостояніемъ, а если и жертвуемъ, то жертвуемъ не собственно за него, а за подкладку живыхъ душевныхъ образованій, съ которыми онъ связанъ, за правду собственной природы или за смутное предчувствіе живого будущаго образа, которому логическій выводъ отворяетъ почитательно двери.

Впечатлѣнія и созерцанія наши держатся за типы, сложившіяся въ нашемъ душевномъ мірѣ, и все дѣло въ томъ, какъ сложились эти типы, когда, изъ чего, и наконецъ точно ли они сложились и образовали живые органическіе образы или засорили душу, какъ наносные пласты?.. Однимъ словомъ, дѣло въ томъ: 1) вѣримъ ли мы въ эти типы или готовые данныя души, или 2) не вѣримъ, но, восхищаясь ими (сознательно или безсознательно — это тоже очень важно) хотимъ въ нихъ вѣрить, или 3) не вѣря въ нихъ и даже не чувствуя никакого особаго къ нимъ влеченія, укореняемъ ихъ въ душѣ по причинамъ совершенно внѣшнимъ и уже не естественно, искусственно, а напротивъ насильственно заставляемъ себя на нихъ отзываться.

Крѣпность простаго, неразложоннаго типа, и здоровая красота его, въ особенности когда мы возьмемъ его въ противоположеніи съ тою безцвѣтностью, какую представляютъ типы вторичныхъ и третичныхъ, но во всякомъ случаѣ искусственныхъ образованій, населяющихъ голову многихъ, весьма впрочемъ образованныхъ господъ, — эти-то прекрасныя качества типа *цельнаго*, выигрывающія въ особенности отъ противоположенія, и могутъ вовлечь въ

наше время въ искушеніе всякую живую натуру. Живая натура познается потому, какъ она воспринимаетъ правду: черезъ посредство логическихъ выводовъ или черезъ посредство типовъ. Любовь къ типамъ и стремленіе къ нимъ, есть стремленіе къ жизни и къ живучему и отвращеніе отъ мертвечины, гнили и застоя, жизненныхъ или логическихъ. Гоголь приходилъ въ глубокое отчаяніе отъ того, что нигдѣ не видалъ прекраснаго, т. е. цѣльнаго человѣка, и погибъ въ бесплодномъ стремленіи отыскать прекраснаго человѣка. Не зная гдѣ его искать (ибо малороссъ Гоголь не зналъ великой Россіи, пора уже это сказать прямо), онъ сталъ по частямъ собирать прекраснаго человѣка изъ осколковъ тѣхъ же кумировъ формализма, которые разбилъ онъ громами своего негодующаго смѣха. Вышли образы безличныя, сухіе, непривлекательныя, почти что служащіе оправданіемъ великорусскому мошенничеству Ерша Ершовича или друга нашего, Павла Ивановича Чичикова.

Дѣло въ томъ, что процессъ исканія въ себѣ и въ жизни простого и непосредственнаго завелъ насъ на первый разъ въ неминуемую односторонность. За простое и непосредственное, за чистотиповое, мы на первый разъ приняли тѣ свойства души, которые сами по себѣ суть отрицательныя а не положительныя.

Первый пріемъ нашей эпохи въ этомъ дѣлѣ былъ пріемъ чистомеханической.

Въ литературахъ западныхъ, вслѣдствіе работы анализа надъ утонченными и искусственными феноменами въ организационно-человѣческой души, вслѣдствіе необходимаго затѣмъ пресыщенія всѣмъ искусственнымъ и даже всѣмъ цивилизованнымъ, явилось стремленіе къ непосредственному, непочатому, свѣжому и органически-цѣльному. Существенное въ таковыхъ стремленіяхъ одного изъ великихъ поэтовъ нашей эпохи, Занда, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ писателей, (а въ числѣ ихъ есть люди столь замѣчательныя, какъ авторъ «Деревенскихъ рассказовъ» Ауэрбахъ) — было именно это стремленіе, порожденное анализомъ съ одной стороны и пресыщеніемъ съ другой.

Тоже самое стремленіе, по закону отраженія, которому мы подверглись съ петровской реформы, двинувшей насъ хоть и напряженно, но естественно въ кругъ общечеловѣческой жизни, явилось и въ нашей литературѣ. Покрайней-мѣрѣ несомнѣнно таково происхожденіе той школы описателей простого, непосредственнаго быта, которой замѣчательнѣйшимъ представителемъ былъ Григоровичъ. Не внутреннимъ, но внѣшнимъ, чисто-рефлексивнымъ процессомъ порождены даже самыя даровитыя произведенія этой школы «Деревня», «Антонъ Горемыка». Всѣ они не болѣе какъ мозаика,

составная работа. Какъ-будто даровитый, но заѣзжій изъ чужихъ краевъ путешественникъ подмѣчаетъ въ нихъ особенныя черты любопытнаго ему быта, записываетъ въ памятную книжку странныя для него слова и оригинальные обороты рѣчи, и складываетъ потомъ съ большимъ тщаніемъ и вкусомъ свою мозаическую, миниатюрную картинку. Картинка эта принимаетъ необходимо идиллическій характеръ...

Но кромѣ этого чисто-механическаго процесса, въ насъ совершался еще процессъ органической, процессъ, который очеркомъ обозначилъ свои грани — въ нашемъ величайшемъ, единственно полномъ представителѣ художественномъ, Пушкинѣ; процессъ борьбы скудной, еще не воздѣланной почвы съ громадными и воспримчивыми силами.

Исходною точкою этого процесса была наша критическая, анализирующая и повѣряющая жизнь способность.

Эту способность мы довели однако до крайности.

Всѣ люди, сколько-нибудь мыслящіе, знаютъ вѣроятно по личнымъ опытамъ, что первый врагъ нашъ въ дѣлѣ воспріятія впечатлѣній, это мы сами, это — наше я. Оно становится между нами и великимъ смысломъ жизни, не даетъ намъ ни удержать, ни даже уловить его, набрасывая на все внѣшнее колоритъ различныхъ душевныхъ нашихъ состояній, или, что еще хуже того и что часто бывало вѣроятно съ каждымъ изъ насъ, не даетъ ни о чемъ думать, кромѣ самого себя, примѣшивая ко всему новому ржавчину, часто ядовитую, стараго и прожитаго. Или наконецъ, что тоже нерѣдко бывало вѣроятно со многими, кто только добросовѣстно въ самомъ себѣ рылся и добросовѣстно готовъ обнаружить результаты этой работы, это я заставляетъ при воспріятіи впечатлѣнія болѣе думать о значеніи воспринимающаго, чѣмъ о значеніи воспринимаемаго. Другими, болѣе нецеремонными словами говоря, часто мы ловили и ловимъ самихъ себя при извѣстныхъ впечатлѣніяхъ, на дѣлѣ такъ-сказать совершенно актерскомъ: всегда какъ-то позируешь, если не передъ мухами какъ занловскій Орасъ, то передъ самимъ собою, т. е. передъ тѣмъ я, которое судитъ другого себя, т. е. позирующаго, любитъ красотою его позу и сравниваетъ съ позировкою другихъ индивидуумовъ. Вотъ тутъ-то, вслѣдствіе такого сличенія и зарождаются различныя отношенія къ собственной позировкѣ. Если поза, принятая мною, *позирующимъ*, по сличеніи представится мнѣ, *судящему*, не мнѣ принадлежащею, а заимствованною или даже (что надобно отличать) во мнѣ самомъ созданною искусственно, вытасченною изъ стараго запаса и

насмѣшленно повторенною, тогда образуется къ этой позѣ отрицательное и просто даже насмѣшливое отношеніе. Критическимъ назвать это отношеніе еще нельзя — ибо оно не свободное, а родилось изъ чувства самосохраненія (сохраненія собственной личности) стало-быть по необходимости есть состояніе необходимой обороны противъ упрека въ заимствованіи или въ повтореніи. Оборонительное положеніе берется даже часто въ прокъ, въ запасъ на будущее время: ампутація, нѣсколько конечно болѣзненная, вытерпливается героически — и избѣгая всѣми мѣрами обличеній въ погрѣзаніи, мы готовы довести себя до состоянія нуля, чистой *tabula rasa*, *стусеваться*, говоря словомъ сентиментальнаго натурализма. Въ сущности же, это есть нечто иное какъ оборонительное положеніе, т. е. новая, если не красивая, то по крайней-мѣрѣ прочная поза, прищипанная въ конечное обезпеченіе своей личности. Этотъ процессъ столь обыкновененъ, что совершается даже и во внутреннемъ мірѣ лицъ, которыя вовсе незанимаются душевнымъ рудокопствомъ. Какое бываетъ наприимѣръ первое отношеніе *благоразумнаго* большинства людей или собственно того, что можетъ быть названо умственно-нравственнымъ мѣщанствомъ, ко всему новому или ко всему вообще не ежедневному, необычному во внѣшней или внутренней жизни? (я не говорю о толпѣ или о верхахъ, но о моральномъ и общественномъ мѣщанствѣ). Непремѣнно недовѣрчивость, т. е. желаніе видѣть единственно невыгодныя стороны всего новаго. А почему? потому-что мѣщанство боится всего болѣе подвергнуть свое *statu quo* опасности разрушенія или опасности, для многихъ еще болѣе — осмѣянія. Первый приемъ всего новаго всегда таковъ и вездѣ таковъ: это есть страхъ за личность и за все, что съ личностью тѣсно связано, общее свойство человѣческой натуры, вслѣдствіе котораго преслѣдовали галилеевъ и смѣялись надъ колумбами и вслѣдствіе котораго точно также все, мало-мальски галилеевское или колумбовское, въ нашей душѣ возникающее, принимается мѣщанскою стороною души съ недовѣрчивостью и подозрительностью. Такъ какъ, въ большей части случаевъ, мѣщанство (общественное или наше внутреннее) оказывается въ подозрительности своей правѣ дикаго энтузіазма, который именно только въ одно новое и небывалое вѣрять, одному новому и небывалому служить; такъ какъ большая часть галилеевскаго и колумбовскаго, возникающаго въ нашей душѣ, оказывается воздушными замками морганы, то оправданное недовѣріе становится для человѣка неглупаго просто догматомъ, точкою отправления. Бѣда только въ томъ, что точку отправления многіе въ наше время такъ-сказать останавливаютъ, считаютъ за конечную цѣль и это называютъ критическимъ отношеніемъ, когда съ нея, какъ съ

исходной точки только—что начинается настоящее, совершенно свободное критическое отношеніе нашего я къ самому себѣ.

Я посмѣялся, положимъ, надъ извѣстнаго рода впечатлѣніемъ, ибо увидалъ, что оно мною или занято безъ отдачи у другихъ, его переживавшихъ, или подогрѣто изъ стараго моего душевнаго запаса. Посмѣялся, значить отрѣшился отъ него. Хорошо! Какое же отношеніе къ извѣстному внѣшнему или внутреннему явленію поставилъ я въ душѣ на мѣсто того, которое отсѣчено анатомическимъ инструментомъ? Пустого пространства быть между душой и жизнью не можетъ, — деревяшка возможна въ моральномъ мірѣ еще менѣе. Что-нибудь да я поставилъ. Чтоже именно?..

Возьмемъ какой-нибудь фактъ внутренней жизни, — оно будетъ виднѣе.

Положимъ, я заподозрилъ въ себѣ и заподозрилъ совершенно основательно романтическое чувство любви или лучше сказать чувство любви въ его романтическихъ формахъ, съ романтическими движеніями. Беру поле всѣмъ доступное «идѣже пѣсть ни мужескъ полъ, ни женскій, ни іудей, ни славнъ.» Найдется ли кто, на кого бы именно то что называется романтическимъ въ этомъ чувствѣ, не дѣйствовало *когда-нибудь*; скажу болѣе, на кого бы оно совершенно *утратило* свои дѣйствія.

Всякій чувствующій человекъ нашей эпохи понималъ же хотя разъ, какъ напримѣръ сладко — больно тревожить себя цѣлый день обаяніемъ страстной и манящей женской рѣчи, слышанной накануне, какъ отрадно быть больнымъ нравственной лихорадкой, какъ хорошо, мучительно-хорошо

Шептать и повѣрять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя приносила ты.

Какъ можно доходить до того, чтобы

...въ опьяненіи, наперекоръ уму
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму...

что такое однимъ словомъ

Блаженство ночь не спать и днемъ бродить во снѣ...

и тому подобныя душевныя настроенія.

Романтическое впечатлѣніе заподозрѣно. Прекрасно! Романтическое чувство признано зашедшимъ откуда-то, или блюдомъ изъ подогрѣтыхъ отсадокъ. Еще лучше! Значить, названіе впечатлѣ-

нія признано на правдивомъ судѣ незаконнымъ. А что-то вѣдь было однако? Недобросовѣстно же сказать, что ничего не было! А какъ только мы назвали это странное *что-то* какимъ-нибудь именемъ, такъ и отнесли къ извѣстному роду и приковали къ извѣстному типу.

Назовемъ ли мы впечатлѣніе просто кипѣніемъ крови, т. е. одну физическую сторону впечатлѣнія признаемъ имѣющею права на имя, а всю романтическую его оболочку — незаконною, фальшивую, или назовемъ это именемъ моральной симпатіи, или именемъ сентиментальнаго баловства: въ томъ, и другомъ, и третьемъ случаѣ мы стараемся дать настоящее имя впечатлѣнію или чувству, вмѣсто того, которое мы нашли фальшивымъ.

Такъ у Писемскаго въ «Бракѣ по страсти», чувство Мари Ступицыной къ Хазарову (не Хазарова къ ней, ибо тутъ ни на какое чувство и не посягалось) изъ романтическаго разжаловано въ чувственность на половину, въ баловство на другую, — равно какъ романтическимъ чувствованіямъ м-ше Мамиловой дано ихъ настоящее имя, имя баловства, нравственнаго сладострастія, которому только робость и нѣкоторая вялость натуры мѣшаютъ перейти въ сладострастіе настоящее.

Такъ съ большою злостью и злостью честною, если не съ искусствомъ, въ повѣсти Крестовскаго «Фразы», сведена съ романтическихъ холуль, объяснена, растолкована, обличена въ ея эффектныхъ позахъ и ея эффектныхъ чувствахъ женская натура, представляющая собою крайнюю степень типа, къ которому принадлежитъ м-ше Мамилова. Но тутъ же мы и попадаемъ на различіе разоблаченія. Кто скажетъ, чтобы анализъ Писемскаго былъ несправедливъ? Я покрайней-мѣрѣ не скажу этого въ отношеніи къ м-ше Мамиловой, хоть многіе и сердились, даже печатно, за это лицо на автора «Брака по страсти».

Странно между тѣмъ, что никто не сердился на автора повѣсти «Фразы». Я же лично разсердился, конечно не на разоблаченіе лица эммансипированной барыни, а за недостатокъ глубины и за грубую рѣзкость разоблаченія. Стоитъ только сличить два этихъ образа: «м-ше Мамилову» и героиню повѣсти «Фразы», чтобы понять — какое неизмѣримое различіе лежитъ между свободнымъ художествомъ, которое на все имѣетъ право, и между произведеніями, къ которымъ относится извѣстный эпитафій *indignatio fecit versum*, которыя будучи порожденіемъ однихъ только

• Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ, •

имѣютъ странное свойство сердить за то, на что они нападаютъ совершенно законно. Замѣтите между прочимъ, что г. Крестовскій знаетъ свѣтъ и свѣтскихъ женщинъ, умѣетъ говорить ихъ языкомъ, описывать ихъ обстановку, а Писемскій вовсе въ этомъ не-свѣленъ, но что до этого за дѣло? Психологическая правда и сила художественной концепціи, соединенныя съ глубиною взгляда на человѣческую натуру вообще, даютъ художнику право на смѣлые очерки безъ красокъ, и съ другой стороны извиняютъ даже малевку того, что въ создаваемыхъ имъ образахъ есть слишкомъ частное, если эти образы не частными своими сторонами входятъ въ созданіе.

Но на что имѣетъ право искусство, т. е. воплощеніе мысли, на то не все имѣетъ право. Голый анализъ еще не господинъ, а такой же рабъ, какъ безразличный синтезъ. Анализъ только разбиваетъ ложь, только лишаетъ моральное явленіе незаконно принадлежащаго ему имени.

Анализъ сердить, и сердить справедливо, когда явленію разоблаченному имъ, т. е. лишонному незаконнаго имени, придастъ первое попавшееся, ибо тогда онъ становится неправъ въ свою очередь. Лучше сказать, голый анализъ сердить потому, что самъ сердится, ибо сердится на явленіе до тѣхъ поръ только, пока не опредѣлятъ ему въ душѣ мѣста и не назовутъ его по имени. За симъ его казнятъ, оправдываютъ или оставляютъ въ сторонѣ, смотря по тому, какое его имя: старая ли ложь, и притомъ злая ли ложь, или глупая и пустая ложь, или новая правда.

Повѣсть «Фразы» разсердила лично меня когда-то, именно тѣмъ, что она сама сердится и бьетъ сплеча во что нипопало.

Авторъ казнить афектацію чувства, безнравственность ощущеній, называющихъ себя тонкими и особенными, и что же противопоставляетъ этому? Деревяную ограниченность чувства, мѣщанскую добродѣтель, узенькія понятія губернскаго или вообще условнаго курятника. Такимъ образомъ онъ рубитъ сплеча не только мишурную одежду, т. е. фразы, но и живое дѣло, т. е. тревожное, страстное начало жизни, безъ котораго жизнь обратилась бы въ губернскій муравейникъ.

Не таково истинное искусство. Своимъ правдивымъ отношеніемъ къ фальши жизни, оно не сердить, а «обращаетъ его внутрь души», выражаясь словами Гамлета.

Скажу еще болѣе. Истинное искусство даже не дѣйствуетъ прямо на то, что повидному казнить. Въ этомъ заключается его высокая бепольность. Однимъ очень умнымъ человѣкомъ, по по-

воду «Доходнаго мѣста», Островскаго, высказано было, что Кукушкины, Юсовы и Бѣлогубовы, которые будутъ сплѣтъ въ театрѣ въ представленіе пьесы (а представленія-то между-прочимъ по неизвѣстнымъ причинамъ до сихъ поръ еще не восслюдовало), вынесутъ изъ представленія *правила для жизни*, т. е. они взглядъ на жизнь Юсова и заботы Кукушкиной о воспитаніи дочерей и о домашнемъ порядкѣ примутъ вовсе не съ комической стороны, а за настоящее дѣло. Замѣчаніе въ высочайшей степени вѣрное, въ отношеніи ко всякому произведенію, имѣющему плоть и кровь. Сколько настоящихъ Кукушкиныхъ весьма наивно не узнали себя въ лицѣ комедіи, и сколько настоящихъ Юсовыхъ сочувствовали глубинѣ юсовскаго міросозерцанія насчетъ колеса фортуны.

Оскорбляются за разоблаченіе «всякой неправды» не тѣ, въ комъ неправда «весьма застарѣла», по выраженію старика-Посошкова. Наши подъячье (я еще это помню), сами подъ гитару пѣвали остроумные и злые куплеты бывалаго времени насчетъ взяточничества, тотчасъ же вслѣлъ за романсомъ «Подъ вечеръ осенью ненастной» и подмигивали даже такъ плутовски, что радовались какъ-будто этому остроумію въ полномъ убѣжденіи, что дескать, «толкуй себѣ, толкуй, а ужъ это изпоконтъ-вѣка заведено: но нами началось, не нами и кончится.» Это отношеніе обличаемыхъ къ обличенію, съ вѣсколько аристофановскою свободою приѣма, выразилъ Островскій въ первоначальномъ заключеніи своей пѣрвой комедіи, въ обращеніи Лазаря Елизарыча къ публикѣ. Эту же черту Крыловъ обозначилъ въ своемъ мѣткомъ стихѣ:

А Васька слушаетъ, да ѣсть ..

Только совѣтъ, который даетъ онъ повару, полезенъ для повара, но неотучитъ Ваську отъ лакомаго куска, равно какъ и то, что Гоголь называетъ «страхомъ идущаго вдали закона», весьма мало измѣнитъ нравственную сущность Антона Антоновича Сквозника-Дмухановскаго... ибо все это есть только голое отрицаніе извѣстнаго нравственнаго факта, только снятіе съ него фальшиваго имени безъ заклеяменія его именемъ настоящимъ, такимъ именемъ, подъ которымъ бы онъ въ душѣ получилъ опредѣленное мѣсто въ числѣ фактовъ, или совершенно незаконныхъ, по душевному, внутреннему, а не внѣшнему, только извнѣ пришедшему убѣжденію, или законныхъ въ основахъ, но не законныхъ въ приложеніяхъ къ даннымъ обстоятельствамъ. Пустого мѣста въ душѣ оставить нельзя. Посадить на него вмѣсто факта пугало — не значитъ уничтожить фактъ, но заставить его только на время *притвориться* несуществующимъ. Живой фактъ вытѣсняется изъ души только живымъ

же фактомъ, т. е. фактомъ, составляющимъ для души убѣжденіе и сочувствіе.

Обращаясь къ тому за что я стою, и что я называю *романтическимъ* въ мірѣ нашей души, я скажу тоже самое. Литература пустилась отправлять обязанность повара, а впродолженіи его проповѣдей, романтической Васька слушала да ѣла. Обличители отнимали обглоданный кусокъ, но Васька кралъ другой, можетъ быть по той простой причинѣ, что Васька ѣсть хотѣла, а пищу ему не давали, т. е. что *силы* чувствовали себя «необъятными». Кто говорить, что котъ Васька — котъ нравственный и хорошо дѣлалъ, что кралъ; кто говорить, что Печоринъ, «чувствуя въ себѣ силы необъятныя, занимался спеціально «высасываньемъ аромата свѣжей, благоухающей души», что Арбенякъ сдѣлался картежникомъ потому только, что

Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился,

что Веретьевъ тургеневскаго «Затишья» съ его даровитостью пьянствовалъ, шатался и безобразничалъ, что Хорьковъ запылъ навѣкъ, а Тюфякъ умеръ отъ заноя; кто говорить, что дни правы? — но не на нихъ же однихъ возложить всю вину безумной растраты силъ даромъ, растраты на мелочи или даже на зло... Изъ всѣхъ этихъ романтиковъ, такъ или иначе себя сгубившихъ, такъ или иначе попавшихъ въ бездны — одинъ только Любимъ Торцовъ, несмотря на безумную трату данныхъ ему силъ, не сдѣлался котомъ-Васькой; для него одного, «воровство», т. е. вообще нарушеніе порядка природнаго и общественнаго, не стало чѣмъ-то нормальнымъ, чѣмъ стало оно и для Арбеняка и для Печорина, и для Владимира Дубровскаго, и поэтому-то онъ въ своемъ родѣ совершенно правъ, говоря: «Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ всѣхъ... Всѣ другіе — общественные отщепенцы, которые отъ совершенно законныхъ точекъ отправления, отъ исканія простора своей силѣ пошли въ беззаконіе или въ ложь. Трагическое въ нихъ конечно принадлежитъ не имъ, а тѣмъ силамъ, которыя они въ себѣ носятъ и безумно тратятъ, или нелѣпо извращаютъ, но во всякомъ случаѣ, оно есть истинно-трагическое. Едвали даже не приходится сознаться, что всѣ «необъятныя» силы нашего духа покаместъ выражались въ типъ, одно изъ самыхъ яркихъ отраженій котораго выражаетъ собою лермонтовскій Печоринъ.

Вглядитесь во всѣ выраженія этого типа, отъ образовъ созданныхъ Пушкинымъ до геніальныхъ начинаній Лермонтова, до лицъ постоянно мучившихъ и едвали еще переставшихъ мучить Тургенева, отъ гордой, вольнолюбивой, и выѣстъ «какъ птичка, безза-

ботной, и вмѣстѣ восточно-эгоистической и ревнивой природы Алеко, до того демонски-унылаго и зловѣщаго блеска, которымъ окружилъ Тургеневъ фигуру своего Василья Лучинова; взгляните въ этотъ же типъ, захваченный художниками въ болѣе простыхъ, общественныхъ отношеніяхъ, какъ напримѣръ Островскимъ — Любимъ Торцовъ и Петръ Ильичъ, или Писемскимъ его «Тюфякъ», вы убѣдитесь, что въ этотъ типъ вошли наши лучшіе соки, наши положительныя качества, наши высшія стихи, и въ артистическую, мирскую жажду наслажденія пушкинскаго Жуана, и въ критическую послѣдовательность печоринскаго цинизма, и въ холодное, сѣверное самообладаніе при бѣшеннѣйшей южной страстности Василья Лучинова, и въ «прожиганіе жизни» Веретьева, и въ загулъ Любима Торцова. Только стихи эти находятся въ состояніи необузданномъ. Ихъ «турманомъ кружить», говоря языкомъ драмы Островскаго, и происходитъ это отъ того, что, какъ замѣчаетъ Бородинъ, «основательности нѣтъ...» къ жизни, т. е. въ жизни у нихъ не было и нѣтъ, почти всегда по независимымъ отъ нихъ причинамъ, основъ, держась за которыя крѣпко какъ центръ, онѣ сіяли бы какъ наши блестящія типовыя достоинства.

Морально запуганные крайними послѣдствіями логической мысли, ставшей въ разрѣзъ съ дѣйствительностью, и въ почвѣ не находя ей отвѣта, мы впадали и въ уныніе и даже въ глубокое отчаяніе, мы скорбно стнали съ поэтомъ монологовъ:

Отъ старыхъ истинъ я отрекся правды ради,
 Для призраковъ давно я заперъ дверь;
 Листъ за листомъ я рвалъ завитыя тетради
 И все, и все изорвано теперь...

и въ сознаніи собственнаго безспія на борьбу, говорили съ нимъ же, нашимъ искреннѣйшимъ исповѣдникомъ идеализма:

Я долженъ надъ своимъ безсиліемъ смѣяться
 И видѣть вкругъ себя безсиліе людей;

и дѣйствительно или смѣялись надъ собою съ Тургеневымъ судорожнымъ смѣхомъ «Гамлета щигровскаго уѣзда», издѣвались съ нимъ же болѣзненно надъ «Дневникомъ лишняго человѣка...» Но именно Тургеневъ, который хотѣлъ быть искреннимъ въ казни несостоятельной личности передъ судомъ жизни и дѣйствительности, писатель наиболѣе добросовѣстный изъ всѣхъ осужденныхъ какимъ-то роковымъ проклятіемъ добиваться отъ самихъ себя искренности, разоблачавшій самъ для себя и на глазахъ своихъ читателей и поклонниковъ различныя искусственно-сложившіеся идеалы, занимав-

шіе въ душахъ людей современнаго ему по развитію поколѣвія незаконное мѣсто, — Тургеневъ самъ между тѣмъ борьба, и борьба болѣзненная. Слѣды этой борьбы поэта, безпощадно разоблачавшаго, напримѣръ въ грубыхъ чертахъ своего «Бреттера», одну сторону Печорина, и во множествѣ другихъ своихъ произведеній ниня фальшивыя стороны обаятельнаго образа, видны на всей его дѣятельности, чѣмъ можетъ быть онъ намъ всѣмъ и дорогъ въ особенности.

Когда утомленный горькимъ и тяжелымъ обличеніемъ несостоятельности личности, Тургеневъ, отдаваясь душою всѣмъ вѣяніямъ, бросился искать успокоенія въ простомъ, органически-типовомъ, непосредственномъ, онъ неожиданно удивилъ въ ту пору всѣхъ иплическими изображеніями Хора и Калиныча, но въ тоже самое время, — и это фактъ въ высшей степени знаменательный, — старый обаятельный типъ вновь познался у нашего поэта блистательнымъ очеркомъ лица Василья Лучинова, въ повѣсти «Три портрета», къ немалому оскорбленію исключительныхъ поклонниковъ смирнаго типа, сразу же назвавшихъ Василья Лучинова «гнилымъ человѣкомъ.» А что ни говорите о безнравственности Василья Лучинова, но несомнѣнно, что въ этомъ образѣ есть поэзія, есть обаяніе. Эта поэзія, это обаяніе, въ которыхъ не виноваты ни Тургеневъ, ни мы, ему сочувствовавшіе нѣкоторымъ образомъ, это обаяніе даже сильнѣе и значительнѣе обаянія лермонтовскаго Печорина, какъ у самого Лермонтова его недоконченный, но вѣчно мучившій его Арбенинъ или Арбеньевъ, поэтичнѣе и обаятельнѣе холоднаго и часто мелочваго Печорина. Развѣнчать обаятельныя стороны этого типа, столь долго мучившаго Лермонтова и все наше поколѣніе, Тургеневъ пытался нѣсколько разъ и почти всегда, стремясь къ логической послѣдовательности въ мысли, измѣнялъ ей въ создаваемомъ имъ образѣ... То хотѣлъ онъ развѣнчать въ этомъ типѣ сторону безумной страсти или увлеченій и безграничной любви къ жизни, соединенныхъ съ какою-то отважною безпечностью и вѣрою въ минуту и создавалъ Веретьева въ «Затишьѣ», придумывая и сочиняя достойное наказаніе его бесплодному существованію. — и что же? бесплодное существованіе точно являлось бесплоднымъ, но созданное поэтомъ лицо, въ минуты страстныхъ своихъ увлеченій, увлекало неволью, оставалось обаятельнымъ, не теряло своего поэтического колорита. Безнравственность Василья Лучинова вы, разумѣется моральнымъ судомъ, казнили, но то грозное, то страстное до безумія и вмѣстѣ владѣющее собою до рефлексіи, что въ немъ являлось, ни художникъ не развѣнчивалъ, ни вы развѣнчать не могли и внутри вашей души никакъ не могли согласиться съ Аксаковымъ, назвавшимъ Василья Лучинова гнилымъ человѣкомъ. Василій Лучининъ, пожалуй

не только—что гнилъ , — онъ гнусенъ, но сила его , эта страстность почти что южная, соединенная съ сѣвернымъ владѣніемъ собою, эта пламенность рефлексіи , или рефлексія пламенности , есть типовая особенность. Типовую же особенность вы не сдвинете въ душѣ нашей съ мѣста, если таковое она въ ней занимаетъ , однимъ логическимъ судомъ надъ нею ; докажите что она нетиповая особенность , или лучше скажите докажите , т. е. покажите , что она не въ такомъ видѣ составляетъ типовую особенность и тогда вы ее уничтожите. До тѣхъ же поръ , вы тщетно будете бороться съ ея обаятельными , т. е. жизненными сторонами. Таковъ законъ вѣчнаго существованія типовъ и въ особенности этого типа. Василью Лучинову Тургеневъ я придаю особенную важность , потомучто въ этомъ лицѣ старій типъ донъ-Жуана, Ловласа и т. д. принялъ впервые наши русскія, оригинальныя формы, формы нашего русскаго XVIII вѣка.

Но донъ-жуановское или ловласовское начало неисчерпываетъ еще всего содержанія типа , съ которымъ литература вступала въ открытую, добросовѣстную, но наивно-слабую борьбу.

Тургеневъ вздумалъ на глазахъ же читателей помѣряться съ отраженіемъ типа въ образѣ Рудина. Если уже въ беззаботномъ прожигателѣ жизни Веретевѣ , или въ развратномъ и холодномъ Васильѣ Лучиновѣ есть стороны неотразимо увлекающія , обаятельныя, то тѣмъ болѣе онѣ должны быть въ «Рудинѣ», человекѣ исполненномъ если не убѣжденій , то всей предрасположенности къ убѣжденіямъ, человекѣ, по даннымъ природы котораго можно заключить, что жизнь его должна совсѣмъ не тѣмъ кончаться, чѣмъ кончается она въ эпилогѣ повѣсти , хотя эпилогъ и выходитъ апотеозой Рудина. Къ повѣсти «Рудинъ» у меня , каюсь въ этомъ , есть особенная слабость , и именно вотъ за что. Въ ней , въ этой повѣсти, совершается передъ глазами читателей явленіе наивно-искреннее и совершенно особенное. Художникъ , начавши критическимъ отношеніемъ къ создаваемому имъ лицу, видимо путается въ этомъ критическомъ отношеніи, самъ не знаетъ что ему дѣлать съ своимъ анатомическимъ ножомъ и наконецъ, увлеченный порывомъ искренняго сочувствія, снова возводитъ въ апотеозу въ эпилогѣ то, къ чему онъ пытался отнестись критически въ рассказѣ. И нельзя даже подумать , чтобы критика была ловкимъ подоломъ къ апотеозѣ : такъ быстро и прямо совершается передъ глазами читателя поворотъ. Такъ послѣ прочтенія эпилога становится ясно, что все, кромѣ эпилога, до той минуты, когда Рудинъ , стоящій вечеромъ у окна и заключающій свою бесѣду, свою проповѣдь легендою о скаплинскомъ царѣ, напоминаетъ манеры, приемы и цѣлый образъ одного изъ любимѣйшихъ людей нашего поколѣнія, покойнаго Гра-

вовскаго, что кромѣ этого, говорю я, все остальное *сдѣлано*, а не рождено, сдѣлано искусственно, хоть и несовсѣмъ искусно, вымучено изъ души насильственно... Тутъ однимъ словомъ обнаруживается въ отношеніяхъ художника къ создаваемому имъ типу, да вмѣстѣ съ тѣмъ и въ отношеніяхъ тѣхъ изъ насъ, кто только полюбросовѣстнѣе, замѣчательная путаница... Что такое Рудинъ въ повѣсти? Фразеръ, — но откуда же у Фразера сила, дѣйствующая на глубокую натуру Натали и на чистую, юношески-благородную натуру Басистова? человекъ слабый и безхарактерный, «куцый» по выраженію Пигасова, — но отчего же Пигасовъ такъ радъ тому, что разъ подмѣтилъ его куцымъ и отчего Лежневъ, знающій его вдоль и поперекъ боится его вліянія на другихъ? Отчего *благородный малый* Волинскій такъ «скорбенъ головой» при своемъ благородствѣ и отчего его судьба, по предсказанію положительнаго Лежнева, быть подъ башмакомъ у Натали? что за несчастіе въ нашей литературѣ добрымъ и благороднымъ малымъ! Или они тѣни, или ихъ бьютъ. Право такъ.

Въ литературѣ у насъ или лучше сказать на сценѣ (ибо это вещь болѣе сценическая, чѣмъ литературная) есть комедія, пользовавшаяся и пользующаяся доселѣ большимъ успѣхомъ. По поводу этой комедіи, послѣ перваго ея представленія мнѣ случилось выдержать долгій и серьезный споръ въ однимъ изъ искреннѣйшихъ моихъ друзей на счетъ въ ней выведеннаго типа. Въ комедіи, авторъ повидимому имѣлъ задачей анализировать и казнить лицо одного изъ отверженниковъ и отщепенцевъ общества, Ферагусовъ и Мовриво, поколику Ферагусы и Мовриво, смягченные и разжиженные, являются въ нашей жизни. Несмотря на видимую казнь, всякому чувствуется въ комедіи скрытое симпатическое или ужь по крайней-мѣрѣ далеко несвободное отношеніе казнящаго къ казнимому. И это, по сознанію самого спорившаго со мной пріятеля, происходило не отъ игры актера, — игра казалась намъ довольно слабою и мы оба хотѣли бы видѣть въ этой роли покойнаго Мочалова и оба были убѣждены, что смѣшной и до дикости странный, какъ свѣтскій человекъ, въ первомъ актѣ, онъ былъ бы недостигаемо великъ въ двухъ остальныхъ... Между тѣмъ и въ бѣдномъ изображеніи, которое мы видѣли, была извѣстная поэзія и его окружала извѣстнаго рода ореола.

Въ казнимомъ всякимъ моральнымъ судомъ отщепенца общественномъ были обаятельныя стороны, способныя прельстить и увлечь: симпатическое или по крайней-мѣрѣ весьма несвободное отношеніе къ нему автора проглядывало и въ явномъ стараніи, съ которымъ выставлялись блестящія свойства его природы, и въ под-

членів его моральной силѣ всего окружающаго и въ томъ, что честный человекъ, благородный малый, безуспѣшно съ нимъ борющійся, представленъ какимъ-то идиотомъ и поставленъ хоть и разъ правда, но разъ несмыслимый, разъ неслогданный, поставленъ не то что въ комическое, въ безвыходно-сравное положеніе и наконецъ въ заключительныхъ словахъ общественнаго отщепенца, словахъ, которыя почти что мирятъ съ нимъ и въ которыхъ слышится не самоуниженіе, а скорѣе вѣра его въ себя, въ свои обязательныя стороны.

Пріятель мой возставалъ противъ всѣхъ этихъ предположеній, прибѣгая болѣе къ аргументамъ *ad hominem*, какъ наиболѣе дѣйствительнымъ въ словесномъ спорѣ, т. е. самаго меня укоряя какъ всегда въ отсутствіи прочныхъ нравственныхъ убѣжденій. Я же собственно ничего не сдѣлалъ иного, какъ добросовѣстно и смѣло назвалъ по имени то чувство или то впечатлѣніе, которое какъ онъ, такъ и я испытывали равно, съ тѣмъ различіемъ, что онъ противъ впечатлѣнія принималъ оборонительное положеніе, а я давалъ впечатлѣнію полную въ себѣ волю.

Пріятеля моего гораздо болѣе убѣдили немногія слова одной прямой, правдивой и вовсе не эманципированной женщины, чѣмъ вся наша длинная бесѣда на зеленомъ диванѣ одного московскаго клуба и я это совершенно понимаю. Что же въ самомъ дѣлѣ, женская-то душа не человѣческая что ли въ дѣлѣ вопросовъ о сочувствіяхъ? Вѣдь только Сабакевичъ, да и то въ юридическомъ казусѣ почелъ нужнымъ замѣнить имя: «Елисавета Воробей», именемъ «Елисаветъ Воробей», чтобы придать существу, посвященному это имя, ревизиій характеръ, — но вѣдь область моральныхъ сочувствій не область юридическихъ вопросовъ.

На сколько мое отступленіе ведетъ къ дѣлу, предоставляю рѣшить читателямъ. Дѣло же все главнѣйшимъ образомъ въ томъ, что пока извѣстныя стороны какого-либо типа не перешли въ область комическаго, до тѣхъ поръ вы тщетно станете бороться въ душѣ вашей съ извѣстнаго рода сочувствіемъ къ нимъ. Комизмъ есть единственная смерть для типа или лучше сказать для извѣстныхъ его сторонъ, — но надобно, чтобы комизмъ былъ нисколько не насильственный, ибо мало-мальски онъ насильственъ — онъ дѣли своей не достигаетъ... Тамаринъ напримѣръ убилъ вѣшнвія стороны Печорина, но зато рельефно отбѣнилъ его внутреннія. Батмавовъ Писемскаго — эта грубая, но все-таки живая, художническая малевка, или его же болѣе удачный образъ Бахтіарова въ «Тюфякѣ» — дѣли своей не достигли, можетъ-быть именно по-

тому, что художникъ, то малюя, то рисуя ихъ, предполагалъ себѣ известную цѣль, вступалъ съ ними въ борьбу съ самаго начала. «Меричъ» Островскаго, этотъ замоскворѣцкій Франтъ, съ претензіями на Чайльд-Гарольда, лицо блѣдное, но полно очерченное, убиваетъ только мелочныя стороны Печорина. Наконецъ лица, съ которыми ведетъ наивнѣйшую борьбу Тургеневъ, или бьютъ мимо цѣли, какъ «Бреттеръ» или дразнятъ обаятельными сторонами типа какъ Веретьевъ, или наконецъ поднимаютъ типъ до патетическаго въ «Рудинѣ» — представляющемъ другую его сторону. Въ этомъ лицѣ захвачены глубоко и стремленія и самыя формы, колоритъ стремлешій цѣлой эпохи нашего развитія, эпохи могущественнаго вліянія философіи, которая только на своей родинѣ въ Германіи, да у насъ нускала такіе глубокіе, жизненные корни, съ тѣмъ различіемъ, что въ Германіи постоянно, и стало-быть органически, а у насъ, благодаря независимости отъ нея, философіи, обстоятельствамъ, порывами. Вслѣдствіе того, что ей удавалось дѣйствовать только порывами, и вслѣдствіе особенности русскаго ума, широко и смѣло захватывающаго мысль въ конечныхъ ея результатахъ, она быстро переходила у насъ въ практическое примѣненіе, быстро сообщала колоритъ, особенный отливъ эпохамъ умственной жизни. Русская сметливость подсказывала не только такой высокой натурѣ, какъ напримѣръ натура Бѣлинскаго, конечные результаты гегелизма, она даже гениально-безхарактернаго самоучку Полевого ставила сознаниемъ выше Кузена, изъ котораго почерпалъ онъ когда-то всю свою премудрость, а главное дѣло, что мысль, разъ созннанная, получала тотчасъ же практическое примѣненіе. Всякое вѣяніе переходило такъ-сказать въ религію, т. е. въ связанное, цѣльное бытіе идеала и дѣйствительности, мысли и жизни. Въ этомъ наша сила, но въ этомъ же, повторяю опять и повторю вѣроятно еще иѣсколько разъ, наша слабость. Книги для насъ не просто книги, предметы изученія или развлечения: книги переходили и переходятъ у насъ непосредственно въ жизнь, въ плоть и кровь, измѣняли и измѣняютъ часто всю сущность нашего нравственнаго міра... Поэтому-то самому всякое идеальное вѣяніе, переходя у насъ непосредственно въ нѣчто реальное, сообщало доселѣ умственнымъ эпохамъ нашего развитія особый цвѣтъ и запахъ. По этому-то самому во всемъ отсталомъ нашего отечества и развито такое безсознательное отвращеніе къ мысли, болѣзнь мысли-болѣзни; но слѣдная отсталость, нравственное и умственное мѣщанство не видятъ по ограниченности своей, что стараясь мѣшать мысли въ ея органической дѣятельности и заставляя ее такимъ образомъ вторгаться и дѣйствовать порывами, они сами были виною того, что мысль ломается, со-

крушаетъ факты вмѣсто того, чтобы распредѣлять и отстранять ихъ съ подобающею терпимостью.

Мысль, вторгаясь всегда порывомъ, дѣйствуетъ и дѣйствовала въ насъ мучительно и болѣзненно... Опять обращусь я къ единственному истолкованію тайнъ жизни, къ поэзіи, и укажу вамъ на дикіе результаты бурныхъ и слѣпыхъ стихійныхъ вѣяній романтизма въ поэзіи, въ натурѣ Полежаева; на страшную и холодно-безпопадную послѣдовательность Лермонтова; на мучительныя «Думы» самородка Кольцова, такъ разрушительно подѣйствовавшія на натуру и жизнь нашего высокаго народнаго лирика; на глубокую религиозность поэзіи Тютчева, на скорбные стоны поэта, которые невольно цитуешь безпрестанно, какъ только заговоришь о дѣйствіи мысли на жизнь:

И ночь и мракъ! какъ все томительно пустынно!

Безсонный дождь стучить въ мое окно,

Блуждаетъ лучъ свѣчи, мѣняясь съ тѣнью длинной,

И на сердцѣ печально и темно.

Былые сны! душѣ разстаться съ вами больно;

Еще ловлю я призраки вдали,

Еще желаніе въ груди кипить невольно!

Но жизнь и мысль убили сны мои...

Мысль, мысль! какъ страшно мнѣ теперь твое движеніе,

Страшна твоя тяжолая борьба,

Грознѣй небесныхъ бурь несешь ты разрушеніе,

Неумолима какъ сама судьба!

Ты миръ невинности давно во мнѣ сломила,

Меня навѣкъ въ броженіе вовлекла,

За вѣрой вѣру ты въ душѣ моей сгубила,

Вчерашній свѣтъ мнѣ тьмою назвала.

Въ этомъ глубокомъ, искреннемъ и безъискусственномъ стонѣ задушевная исповѣдь цѣлой эпохи, стонъ цѣлаго поколѣнія... Въ былые, блаженные дни юности, оно, это беззавѣтно отлававшееся мысли поколѣніе, толкуя какъ кружокъ «Гамлета щигровскаго уѣзда» о вѣчномъ солнцѣ духа «переходя in's Unendliche» съ Гете и сливаясь съ жизнью des absoluten Geistes, ликовало, торжествовало младенчески, трепетало отъ восторга въ сознаніи, что жизнь есть великое таинство... «Было время — говорило оно тогда устами Бѣлявскаго, одного изъ высшихъ и геніальнѣйшихъ своихъ представителей, относясь съ озлобленіемъ и ожесточеніемъ неофитизма къ XVIII вѣку, своему великому предшественнику, котораго оно еще не понимало въ чадѣ упоенія символами и мистеріями, — было время, когда думали, что конечная цѣль человѣческой жизни есть сча-

стіе. Твердили о суетности, непрочности и непостоянствѣ всего подлуннаго и взапуски спѣшили жить, пока жилось и наслаждаться жизнью во что бы то ни стало. Разумѣется всякій по своему понималъ и толковалъ счастье жизни, но всѣ были согласны въ томъ, что оно состоитъ въ наслажденіи. Законы, совѣсть, нравственная свобода человѣческая, всѣ отношенія общественныя почитались не инымъ чѣмъ, какъ вещами, необходимыми для связи политическаго тѣла, но въ самихъ себѣ пустыми и ничтожными. Молились въ храмахъ и кощунствовали въ бесѣдахъ; заключали брачные контракты, совершали брачные обряды и предавались всѣмъ неистовствамъ сладострастія, знали вслѣдствіе вѣковыхъ опытовъ, что люди не звѣри, что ихъ должны соединять религія и законы, знали это хорошо и принаровили религіозныя и гражданскія понятія къ своимъ понятіямъ о жизни и счастіи: высочайшимъ и лучшимъ идеаломъ общественнаго зданія почиталось то политическое общество, котораго условія и основанія клонились къ тому, чтобы люди не мѣшали людямъ веселиться. Это была религія XVIII вѣка. Одиянъ изъ лучшихъ людей этого вѣка сказалъ:

Жизнь есть небесъ мгновенный даръ;
 Устрой ее себѣ къ покою,
 И съ чистою твоей душою
 Благословий судьбъ ударъ

.....

Пой, ѣшь и веселись, сосѣдъ!
 На свѣтѣ жить намъ время срочно;
 Веселье то лишь непорочно
 Раскаянья за коимъ нѣтъ.

«Это была еще самая высочайшая нравственность: самые лучшіе люди того времени не могли возвыситься до высшаго идеала иной. Но вдругъ все измѣнилось: философовъ, пустившихъ въ оборотъ это понятіе, начали называть, говоря любимымъ словомъ барона Брамбеуса, надувателями человѣческаго рода. Явились новые надуватели — нѣмецкіе философы, къ которымъ по справедливости вышерѣченный мужъ питаетъ ужасную антипатію, которыхъ нѣкогда такъ прекрасно отшлифовалъ г. Масальскій, въ превосходной своей повѣсти: донъ-Кихотъ XIX вѣка — этомъ истинномъ chef d'œuvre русской литературы, и которыхъ наконецъ недавно убилъ наповалъ «Библіотека для Чтенія». Эти новые надуватели съ удивительною наглостію и шарлатанствомъ начали проповѣдывать самыя безнравственныя правила, вслѣдствіе коихъ цѣль бытія человѣческаго состоитъ будто бы не въ счастіи, не въ наслажде-

ніяхъ земными благами, а въ полномъ сознаніи своего человѣческаго достоинства, въ гармоническомъ проявленіи сокровищъ своего духа. Но этимъ не кончилась дерзость жалкихъ вольнодумцевъ: они стали еще утверждать, что будто только жизнь, исполненная безкорыстныхъ порывовъ къ добру, исполненная лишеній и страданій, можетъ назваться жизнію человѣческою, а всякая другая, есть большее или меньшее приближеніе къ жизни животной. Нѣкоторые поэты стали дѣйствовать какъ будто бы по согласію съ сими злонамѣренными философами и распространять разныя вредныя идеи, какъ-то: что человѣкъ непременно долженъ выразить хоть какую-нибудь человѣческую сторону своего человѣческаго бытія, если не всѣ, т. е. или дѣйствовать практически на пользу общества, если онъ стоитъ на важной ступени онаго, безъ всякаго побужденія къ личному вознагражденію, или отдать всего себя знанію для самого знанія, а не для денегъ и чиновъ; или посвятить себя наслажденію искусствомъ, въ качествѣ любителя, не для свѣтскаго образованія какъ прежде, а для того, что искусство (будто бы) есть одно изъ звѣзвевъ, соединяющихъ землю съ небомъ, или посвятить себя ему въ качествѣ дѣйствителя, если чувствуетъ на это призваніе свыше, но не признаніе кармава, или любить другую душу, чтобы каждая изъ земныхъ душъ имѣла право сказать:

Я все земное совершила :
Я на землѣ любила и жила ,

или наконецъ просто имѣть какой-нибудь высшій человѣческій интересъ въ жизни, только не наслажденіе, не объяденіе земными благами. Потомъ на помощь этимъ философамъ пришли историки, которые стали и теоріями и фактами доказывать, что будто не только каждый человѣкъ въ частности, но и весь родъ человѣческій стремится къ какому-то высшему проявленію и развитію человѣческаго совершенства; но зато и катаетъ же ихъ, озорниковъ, почтенный баронъ Брамбеусъ! Я, съ своей стороны, право незнаю что правъ: прежніе ли французскіе философы или нынѣшніе нѣмецкіе; который лучше: XVIII или XIX вѣкъ; но знаю, что между тѣми и другими, между тѣми и другимъ, большая разница во многихъ отношеніяхъ...» (Сочин. В. Бѣлижскаго томъ I, стр. 382).

Философскія вѣрованія были истинно вѣрованія, переходили въ жизнь, въ плоть и кровь. Нужды нѣтъ, что дѣло кончилось извѣстнымъ изображеніемъ змѣя, кусающаго свой собственный хвостъ, нужды нѣтъ, что въ концѣ концовъ, идеализмъ XIX вѣка, гордо возстававшій на XVIII вѣкъ, сошолся съ нимъ въ послѣднихъ результатахъ. Дѣло не въ результатахъ, дѣло въ процесѣ, который

приноситъ къ результатамъ, какъ сказалъ одинъ изъ великихъ учителей XIX вѣка въ своей феноменологiи...

И вотъ почему всѣ, и здоровыя, и болѣзненные попытки наши насмѣяться надъ нашимъ броженiемъ, окончательно побѣдитъ обаятельный типъ слагавшiйся передъ нами, типъ, который въ лицѣ Печорина сознаетъ въ себѣ «силы необъятныя», растрчиваемыя имъ на мелочи, типъ сильнаго страстнаго человѣка, оказались тщетными. Комизмомъ мы убили только фальшивыя, условныя его стороны.

Еще болѣе оказались мыльными пузырями попытки наши замѣнить этотъ типъ другимъ, выдвинуть на его мѣсто типъ положительно-дѣятельный. Увы! дальше героевъ, недослуживающихъ четырнадцати лѣтъ и пяти мѣсяцевъ до пражки, мы пока неходили. Положительно-дѣятельный типъ только-что опозоренъ и промахомъ великаго Гоголя въ его Констанжогло и промахомъ даровитаго Писемскаго въ герою его «Тысяча душъ», и повѣстями г. Дружинина, съ его докторами Арыгольдами и другими господами, дѣйствующими благородно и ревностно въ какихъ-то никому невѣдомыхъ областяхъ и окончательно наповалъ убить этотъ типъ Штольцомъ, идеаломъ г. Гончарова.

Путемъ анализа и разоблаченiя мы добрались пожалуй до того, что героическаго нѣтъ уже въ душѣ и въ жизни: что кажется героическимъ, то въ сущности — тамаринское или даже хлестаковское. Но странно, что никто не потрудился спросить себя, какого именно героическаго нѣтъ больше въ душѣ и въ натурѣ, и въ какой натурѣ его нѣтъ?.. Предпочли нѣкоторые или стоять за героическое уже осмѣянное (и замѣчательно, что за героическое стояли господа, болѣе склонные къ практически-юридическимъ толкамъ въ литературѣ), — или стоять за природу.

Не обратили вниманiя на обстоятельство весьма простое. Со времени Петра великаго народная натура примѣривала на себя выдѣланныя формы героическаго, выдѣланныя не ею. Кафтанъ оказывался то узокъ, то коротокъ: нашлась горсть людей, которые кое-какъ его напялили, и они стали переважно въ немъ расхаживать. Гоголь сказалъ всѣмъ, что они щеголяютъ въ чужомъ кафтанѣ, и этотъ кафтанъ сидитъ на нихъ, какъ на коровѣ сѣдло, да ужъ и затасканъ такъ, что на него смотрѣть скверно. Изъ этого слѣдовало только то, что нуженъ другой кафтанъ по мѣркѣ толщины и роста, а вовсе не то, чтобы совсѣмъ остаться безъ кафтана, или продолжать пилить на себя кафтанъ изношенный.

Была еще другая сторона въ вопросѣ: Гоголь выказалъ передъ сложенымъ вѣками идеаломъ героическаго несостоятельность

только того въ нашей душѣ и въ окружающей дѣйствительности, что на себя идеалъ примѣривало. Между тѣмъ и въ насъ самихъ и вокругъ насъ было еще вѣчто такое, что жило по своимъ собственнымъ началамъ и жило гораздо сильнѣе чѣмъ то, что примѣривалось къ чуждымъ идеаламъ, что оставалось чистымъ и простымъ послѣ всей борьбы съ блестящими, но чуждыми идеалами.

Между тѣмъ самыя сочувствія, развѣ возбужденныя, умереть не могли, — идеалы не потеряли своей обаятельной силы и прелести.

Да и почему же эти сочувствія въ основахъ своихъ были незаконны?

Положимъ или даже не положимъ, а скажемъ утвердительно, что нехорошо сочувствовать Печорину, такому, какимъ онъ является въ романѣ Лермонтова, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были «ротиться и клатися» въ томъ, что мы никогда не сочувствовали натурѣ Печорина до той минуты, въ которую является онъ въ романѣ, т. е. стихіямъ природы до извращенія ихъ. Изъ этого еще менѣе слѣдуетъ, чтобы мы все сочувствіе наше перенесли на Максима Максимыча и его возвели въ героя. Максимъ Максимычъ, конечно очень хорошій человѣкъ, и конечно правѣе и достойнѣе сочувствія въ своихъ дѣйствіяхъ чѣмъ Печоринъ, но вѣдь онъ тупоумнѣе и по простой натурѣ своей даже и не могъ впасть въ тѣ уродливыя крайности, въ которыя попалъ Печоринъ.

Голосъ за простое и доброе, поднявшійся въ душахъ нашихъ противъ ложнаго и хищнаго, есть конечно прекрасный голосъ, но заслуга его есть только отрицательная. Его положительная сторона есть застой, закъсъ, моральное мѣщанство.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

МИРОВОЙ СУДЪ

НО СМЫСЛУ - ГЛАВНЫХЪ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ПРОЕКТОВЪ ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА И СУДОУСТРОЙСТВА.

Нѣсколько времени тому назадъ , приблизительно съ 1861 года , начались у насъ , и въ обществѣ и въ литературѣ , толки о мировыхъ судахъ и судьяхъ , поднялся *мировой вопросъ*.

Каждый хотѣлъ сказать *свое* слово , представить *свой* проектъ . И какихъ только не составлялось проектовъ ! Проекты эти не блистали разумѣется новизною : всѣ они были по большей части сколки , передѣлки , болѣе или менѣе неудачныя , съ существующихъ уже мировыхъ учрежденій на западѣ . Одни напримѣръ хотѣли ввести въ нашъ будущій мировой судъ французское , бюрократическое начало ; другіе , англомены — англійское , аристократическое ; третьи , и это были самые остроумные , — хотѣли слить оба начала во одно , и на этой-то неблаговидной смѣси аристократизма съ бюрократизмомъ построить нашъ мировой судъ . Но были также и такіе , которые замѣчая , что ни французскія , ни англійскія учрежденія , ни безалаберное соединеніе тѣхъ и другихъ , не могутъ быть совершенно примѣнимы къ намъ , русскимъ ; понимая , что насъ въ настоящее время не могутъ вполне удовлетворить ни *только* аристократическія , ни *только* бюрократическія , ни *только* бюрократо-аристократическія начала , — вводятъ въ него новое начало , *земское* , вносятъ въ него новый элементъ , *простонародный* . Но , боже мой , какую жалкую роль давали они этому *новому* началу ! Въ ихъ проектахъ земство является не болѣе какъ для виду ; на самомъ же дѣлѣ вліяніе его совершенно парализируется вліяніемъ помѣщиковъ и чиновниковъ . Впрочемъ о проектахъ этого сорта мы имѣли уже случай говорить въ статьѣ , написанной по поводу « Деревенскихъ писемъ » г. Сумарокова . Тогда мы ихъ называли « двулличными , псевдо-либерально-помѣщачьими » . Мнѣніе наше о нихъ а теперь

не измѣнилось: господа, писавшіе подобные проекты были, извините за рѣзкость выраженія, самые уклончивые, виляющіе господа. Бюрократы и помѣщики-англомавы говорили по крайней-мѣрѣ прямо *чего* они хотятъ, они не прикрывались фразами о земствѣ и его интересахъ, они не воодушевлялись мнимымъ сочувствіемъ его нуждамъ, мнимымъ движеніемъ къ его правамъ. И за то имъ спасибо!

И вотъ среди хаоса всевозможныхъ противорѣчивыхъ мнѣній всѣ съ нетерпѣніемъ ждали «слова» отъ правительства. Какъ оно откликнется на этотъ вопросъ, какъ оно рѣшитъ его? И вотъ это давножданное слово сказано.

Въ первыхъ числахъ октября опубликованы были во всѣхъ газетахъ «главныя основанія для проектовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и судоустройства». Мы высказали уже наше мнѣніе касательно благотѣльной важности этой реформы для Россіи («Время», октябрь, Наши дом. дѣла). Изъ этихъ «главныхъ основаній» мы узнаемъ начала, на которыхъ долженъ создаться нашъ будущій мировой судъ.

Какія же это начала? На сколько они благотворны для народа? Какъ отвѣтило самой жизненной потребности народа, какъ повяло ее правительство?

Вопросы эти стоятъ того, чтобы подумать о нихъ обстоятельно, серьезно; отдѣлываться пустыми фразами, да восклицаніями, какъ это уже и было сдѣлано при настоящемъ случаѣ нашими многими псевдо-публицистами, мы считаемъ здѣсь въ высшей степени неумѣстнымъ. Это значило бы слишкомъ поверхностно и въ этомъ отношеніи слишкомъ неуважительно относиться къ реформамъ правительства. А относясь къ нимъ поверхностно, *наши* публицисты впадаютъ въ страшную непослѣдовательность.

Сами же они кричатъ, что эти реформы важны и радикальны; а если онѣ дѣйствительно важны и радикальны, то зачѣмъ же не остановиться на нихъ повнимательнѣе, не растолковать ихъ публикѣ со всевозможною точностью? Неужели однѣ восклицанія, неужели однѣ патріотическія изліянія *умиленныхъ* публицистовъ могутъ привести хоть кому-нибудь, хоть какую-нибудь пользу?..

Что касается до насъ, то мы по мѣрѣ силъ своихъ постараемся со всѣмъ уваженіемъ, т. е. какъ можно серьезно отвѣстись къ правительственной реформѣ; обстоятельнѣе, всестороннѣе, *на сколько это только возможно*, рассмотримъ данныя основанія. Быть-можетъ въкоторыя изъ нашихъ замѣчаній и пригодятся при дальнѣйшемъ развитіи этихъ основаній.

Главные основанія проектируемаго мирового суда мы изложимъ

какъ можно кратче; въ послѣднее время о судебной реформѣ такъ уже много говорили, что мы право боимся наскучить читателю частымъ повтореніемъ одного и того же.

Каждый уѣздъ со всѣми своими городами составляетъ *мировой округъ*. Мировой округъ можетъ имѣть нѣсколькихъ мировыхъ судей: каждому изъ этихъ судей подвѣдомственъ извѣстный участокъ; оттого и судья получаетъ названіе *участковаго*. Кромѣ дѣйствительныхъ, участковыхъ мировыхъ судей, будутъ еще *почетные* мировые судьи. Почетные мировые судьи пользуются всѣми правами и преимуществами дѣйствительныхъ, во многихъ случаяхъ даже замѣняютъ ихъ, и отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что не получаютъ, какъ дѣйствительные судьи, отъ общества вознагражденія. Единичный судъ мирового судьи составляетъ первую мировую инстанцію, съѣздъ всѣхъ (въ томъ числѣ и почетныхъ) окружныхъ мировыхъ судей составляетъ вторую, высшую инстанцію; сюда приносятся апеллія на единичный мировой судъ. О томъ, какія дѣла подлежатъ этой инстанціи и какъ великъ вообще кругъ дѣятельности мирового судьи мы скажемъ ниже; посмотримъ теперь кто составляетъ *среду*, изъ которой будутъ выбираться мировые судьи. «Мировымъ судьей можетъ быть всякій, удовлетворяющій слѣдующимъ условіямъ: 1) имѣющій гдѣ-нибудь, какую-нибудь недвижимую собственность, приносящую извѣстный доходъ (величина дохода опредѣлится впоследствии); 2) окончившій курсъ наукъ въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи. Также всякій, прослужившій пять лѣтъ по судебной части имѣетъ право быть мировымъ судьей.» Къ несчастію, а можетъ-быть и къ счастью, по этому опредѣленію еще ничего нельзя сказать положительнаго о той средѣ, изъ которой будутъ выходить мировые судьи. Приблизительно можно конечно и теперь сказать, что она будетъ состоять главнымъ образомъ изъ такъ-называемыхъ «благородныхъ», дворянъ; что вся масса, или почти вся, крестьянъ будетъ удалена отъ отправленія должностей мировыхъ судей; можно ли въ самомъ дѣлѣ думать, что «въ потѣ лица трудящійся» крестьянинъ, не говоря уже при нынѣшней, но даже и при лучшей обстановкѣ станетъ серьезно мечтать о высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, будетъ въ состояніи окончить въ нихъ съ успѣхомъ курсъ наукъ. Право, ему теперь не до того: и радъ бы былъ да... жена, дѣти, оброкъ помѣщику, государева повинность и многое еще множество другихъ прямихъ и не прямихъ поборовъ — одному никакъ не свернуться; дѣти подростаютъ — они должны помочь, въ работу ихъ, скорѣй въ работу! Какая ужъ тутъ гимназія, какой ужъ тутъ университетъ! Такъ что если и будетъ когда-нибудь, что вдругъ «всѣ мужики полѣзутъ въ университетъ»,

то это будетъ еще въ очень и очень далекомъ будущемъ. А теперь мы довольны бы были и тѣмъ, что крестьянинъ знаетъ хотя в грамоту, учился хотя и въ приходскомъ училищѣ.

Но даже и это приблизительное опредѣленіе «среды», изъ которой будутъ выбираться мировые судьи, несовсѣмъ точно. Мы назвали ее средою, состоящею изъ *благородныхъ*; но это въ высшей степени неопредѣленное названіе невѣрно. Купцы, мѣщане, городскіе обыватели и т. п., хотя и не составляютъ въ сущности тотъ классъ, который мы привыкли называть *благороднымъ*, могутъ и будутъ во многихъ случаяхъ удовлетворять условіямъ, требующимся отъ мирового судьи: имѣть недвижимую собственность (домъ наприимѣръ) и окончить образованіе въ среднемъ или высшемъ учебномъ заведеніи. Такъ что если мы хотимъ по сословіямъ перечислить приблизительно лица, которыя могутъ удовлетворять этимъ неяснымъ требованіямъ, то мы должны сказать, что это будутъ: 1) всѣ помѣщики, большинство чиновниковъ и вообще дворянъ; 2) большинство купцовъ; 3) большинство состоятельныхъ мѣщанъ и 4) очень небольшой процентъ, богатые крестьяне — собственники.

Слѣдовательно среда, изъ которой будутъ братья наши будущіе мировые судьи, *можетъ быть* довольно обширна, чужда аристократической замкнутости, имѣть характеръ не исключительно *дворянскій*, а *дворяно-мѣщанскій*, приправленный нѣкоторою дозою демократизма; но она также можетъ получить и *исключительно-дворянскій* характеръ, замкнуться въ тѣсный кругъ многоземельныхъ помѣщиковъ — все будетъ зависѣть отъ размѣра ценза: если цензъ будетъ великъ, среда приметъ узкій, исключительный, аристократическій (на сколько это у насъ возможно) характеръ; если цензъ будетъ незначителенъ — *фактическое* право быть мировымъ судьей распространится почти на всю массу дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и на нѣкоторыхъ крестьянъ.

Ни шившимъ, ни тахитимъ ценза не опредѣленъ, слѣдовательно коммиссія, которой поручено составленіе полныхъ проектовъ по судебной части, имѣетъ передъ собою обширное поле дѣятельности: она ничѣмъ не стѣснена, такъ что она можетъ или влить струю земства (принимая это слово въ самомъ обширномъ значеніи) въ наши мировыя учрежденія, или наложить на нихъ печать строгатаго аристократизма, т. е. правильнѣе *печать помѣщичества*, придать этимъ учрежденіямъ чисто-помѣщичій характеръ; разумѣется, *первое* гораздо лучше *второго*. Допустить до избранія въ мировые судьи только, или покрайней-мѣрѣ почти только однихъ помѣщиковъ, да еще притомъ многоземельныхъ, значитъ убить въ началѣ, въ са-

момъ зародышѣ наши мировыя учрежденія, сдѣлать мировой судъ непопулярнымъ, ненавистнымъ для народа, уничтожить въ народѣ всякое къ нему довѣріе, а мировой судъ безъ довѣрія, опять вторю, худшая нелѣпность изъ всѣхъ нелѣпостей!

Съ точки зрѣнія *чистаго* права такой мировой судъ покажется также бессмысленнымъ. Какое право имѣеть одно, сравнительно малочисленнѣйшее сословіе присвоить себѣ судъ надъ другимъ сословіемъ, сравнительно многочисленнѣйшимъ.

Нѣтъ, такой судъ не согласенъ съ духомъ *данныхъ основаній*. Основанія эти не должны быть искажены, они должны быть развиты не въ духъ одной какой-нибудь касты, а въ духѣ, въ интересѣ всего народа, всего земства, всего *мира*; только тогда это будетъ *дѣйствительно мировой судъ*, только тогда принесетъ онъ намъ *дѣйствительную* пользу.

Примѣромъ Англій, этой классической страны аристократизма, намъ нечего увлекаться. Тамъ, благодаря особенному ходу исторической жизни, сложился экономическій бытъ въ высшей степени благопріятный для *массъ*, для простого, трудящагося народа, и въ высшей степени благопріятный для меньшинства, счастливецъ, самымъ безсовѣстнымъ образомъ эксплуатирующихъ трудъ большинства. Поземельная и промышленная аристократія, развившаяся тамъ до чудовищныхъ размѣровъ, заслоняетъ собою массу *чернаго* народа, массу пролетаріата; и вотъ почему долгое время намъ казалось, что государственное устройство въ Англій есть идеалъ государственнаго устройства. Для аристократіи, для богачей, банкировъ, для *имущихъ* оно дѣйствительно чрезвычайно удобно, выгодно, а мы, принимая эту аристократію, этихъ фабрикантовъ-эксплуататоровъ, этихъ гордыхъ денди, этихъ изящныхъ джентльменовъ за англійскій народъ, наивно восхищались англійскими учрежденіями! Впадать опять въ эту ошибку, начать теперь намъ, русскимъ, при нашемъ экономическомъ бытѣ, рабски подражать Англій въ одномъ изъ ея самыхъ аристократическихъ учреждений — мировомъ вистигутѣ, — будетъ непростительною виною. Но довольно объ этомъ.

Какъ великъ будетъ объемъ власти будущаго мирового судьи? «Вѣдомству мирового суда подлежатъ :

1) Дѣла о менѣ важныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, за которыя въ законѣ определяются слѣдующія наказанія :

- а) выговоры и замѣчанія;
- б) денежныя взысканія на сумму до 300 руб.;
- с) аресты до трехъ мѣсяцевъ или замѣшлюція оныя наказанія.

2) Дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, по которымъ производство, начинаясь не иначе какъ по жалобамъ лицъ, потерпѣ-

щикъ убытокъ или обиженныхъ, можетъ быть прекращено примиреніемъ.

3) Дѣла о кражѣ, мошенничествѣ, лѣсныхъ порубкахъ, присвоеніи себѣ найденныхъ вещей и другихъ преступленій сего рода, совершонныхъ ладами, подлежащими за эти противозаконныя дѣйствія заключенію въ смирительномъ домѣ.

«Для дознанія истины судья можетъ призывать свидѣтелей и дѣлать обыски».

Всѣ дѣла онъ долженъ рѣшать по закону, причемъ ему дозволяется уменьшать наказаніе на цѣлыхъ двѣ степени. На рѣшеніе мирового судьи апелліція допускается только для дѣлъ, стоимость которыхъ превышаетъ пятнадцать рублей. Вотъ все что мы знаемъ объ объемѣ власти и о характерѣ мирового суда.

Остановимся прежде всего на чертѣ, общей всѣмъ вообще мировымъ учрежденіямъ. Важность дѣла опредѣляется не потому, какъ глядятъ на него сами тяжущіеся, а потому, какъ велика его *должная стоимость*, его *цѣнность*. А эта стоимость, эта цѣнность опредѣляются заранѣе, *по предположенію*; предполагается напримѣръ, что всѣ тяжбы на сумму, непревышающую трехсотъ рублей, не могутъ тяжущихся, кто бы ни были эти тяжущіеся, слишкомъ сильно интересоваться, настолько покрайней-мѣрѣ, чтобы они захотѣли переносить ихъ въ высшую инстанцію, гдѣ гарантій для правильныхъ рѣшеній всегда болѣе, чѣмъ въ мировомъ судѣ. Или напримѣръ, что кража, на сумму непревышающую тридцати рублей, не можетъ произвести слишкомъ большого разстройства въ имѣвіи пострадавшаго, кто бы ни былъ этотъ пострадавшій, а потому и не стоитъ о ней много беспокоиться; тяжущихся разсудить и помирить одинъ мировой судья безо всякихъ ненужныхъ формальностей и излишнихъ гарантій суда второй инстанціи.

Конечно подобныя предположенія могутъ быть весьма справедливы для многихъ случаевъ, особенно если процессъ въ судѣ второй инстанціи сопряженъ со многими издержками да со многими проволочками, но все-таки законодатель, рассчитывая а ригорі, можетъ часто и очемъ даже часто ошибаться. Тяжба въ триста рублей и кража въ тридцать рублей для многихъ бѣдняковъ тоже, что для богачей процессъ въ 30,000 или кража въ 3,000 рублей. Впрочемъ объ этомъ мы уже имѣли случай разъ говорить во «Времени» (кн. VII): тогда мы сказали, что не слѣдуетъ проводить рѣзкую черту между мировымъ и обыкновеннымъ судомъ; что не слѣдуетъ говорить: такіа-то и такіа-то дѣла подвѣдомственны суду мировому, в такіа-то и такіа-то общему суду; пусть самимъ тяжущимся будетъ предложено рѣшить: въ какомъ судѣ, у какого судьи хотятъ они су-

даться? Свобода ихъ въ этомъ отношеніи ничѣмъ не должна быть стѣснена. И эта мысль, мысль о томъ, какъ нераціонально важность дѣла опредѣлять его цѣнностью, была гораздо прежде высказана знаменитымъ Бентамомъ; однако нѣтъ и не было до сихъ поръ ни одного мирового учрежденія, гдѣ бы она прилагалась къ практикѣ, гдѣ бы отъ произвола тяжущихся зависѣло подвергнуться или обыкновенному суду, или же удовольствоваться мировымъ.

Принципъ Бентама совершенно рационаленъ, неоспоримъ; отчего же происходитъ, чѣмъ объясняется эта упорная во всѣхъ государствахъ рутина? Вопросъ этотъ такъ интересенъ, что нельзя не остановиться на немъ, тѣмъ болѣе, что онъ нисколько не чуждъ нашему предмету, и останавливаясь на немъ, мы ни на волосъ не отвлекаемся отъ цѣли. Итакъ, чѣмъ же объяснить это странное явленіе? Объясняется оно очень просто. Если размѣры власти мирового судьи не будутъ тѣсно ограничены, кругъ дѣятельности мирового суда не будетъ строго отдѣленъ отъ вѣдомства общихъ судовъ, то случаи вторженія мировой власти въ сферу обыкновенныхъ судовъ *могутъ и будутъ* повторяться очень часто; эта власть будетъ все болѣе и болѣе втѣсняться и усиливаться насчетъ власти общихъ судовъ. А это чрезвычайно губительно для общества. Мировой судъ по самой своей сущности не можетъ дать обществу тѣхъ гарантій, которыя даетъ ему судъ высшей инстанціи; онъ производится быстро, сокращеннымъ порядкомъ, безъ присяжныхъ и безъ адвокатовъ — судьба подсудимаго ввѣряется почти *вполнѣ одному человеку*; потому-то прибѣгать къ такому суду часто, а главное, въ важныхъ случаяхъ, невыгодно и опасно для общества. Вотъ откуда и является необходимость ограничить кругъ дѣятельности мирового суда, поставить рѣзкую границу между нимъ и обыкновеннымъ судомъ, границу, которую бы ни тотъ, ни другой не могъ безнаказанно переходить. Иными словами, это вотъ что значить: единственный мировой судъ представляетъ очень мало гарантій въ правильности, въ неподкупной истинности своихъ рѣшеній, а потому пусть онъ будетъ вѣчнымъ достояніемъ бѣдняковъ «съ ихъ грошовыми тяжбами, съ ихъ мелочными раздорами», намъ же съ нашими тысячными тяжбами, съ нашими громадными процессами, намъ нуженъ судъ *самый* правильный, *самый* истинный, намъ нужны положительныя гарантіи въ правильности его приговоровъ, намъ нужны присяжные, адвокаты и т. п.!

«Ну такъ чтоже», скажутъ люди, доказывающіе необходимость рѣзкой границы между мировыми и обыкновенными судами, — «допустимъ, что это объясненіе справедливо; изъ двухъ золъ надо выбирать меньшее: или власть мирового суда слѣдуетъ заключить

въ тѣсныя границы, или же общество подвергнется существенной опасности потерять все то, что оно привыкло считать за основныя гарантіи права».

Неспорно; при нынѣшнемъ состояніи мировой и *немировой* юстиціи въ Европѣ, такая альтернатива существуетъ; при нынѣшнемъ устройствѣ мировыхъ и общихъ судовъ дѣйствительно опасно прилагать къ практикѣ принципъ Бентама; но вѣдь это все-таки происходитъ не отъ состоятельности принципа, а отъ несостоятельности судебныхъ учрежденій, отъ ихъ фальшиваго положенія. Имѣютъ ли основаніе думать, что власть мирового суда, при уничтоженіи раздѣляющей черты, увеличится въ ущербъ власти общихъ судовъ? Разумѣется имѣютъ; но какое? А вотъ какое: процессъ въ обыкновенныхъ судахъ съ адвокатами и присяжными сопряженъ съ большими денежными издержками, — издержками, которыя бываютъ часто очень чувствительны и для богатыхъ людей (напримѣръ какъ въ Англіи) и съ большими проволочками. Издержки же и проволочки — вещи очень непріятныя. Чтобъ избѣжать ихъ, тѣжущіеся нерѣдко готовы пожертвовать всѣми гарантіями судовъ высшихъ инстанцій — слышомъ онѣ уже дороги. Пока *перегородки* существуютъ, такая *готовность* тѣжущихся не имѣетъ разумѣется никакого значенія; но уничтожьте перегородки — и дѣло приметъ совсѣмъ другой оборотъ: скажи въ судахъ высшихъ инстанцій чаще обыкновеннаго будутъ оставаться пустыми, дѣла у судей убавятся на половину, зато у мировыхъ судей вдвое прибавятся. Есть значитъ основаніе бояться уничтоженія *перегородокъ*, основаніе очень вѣрное, тѣмъ болѣе что примѣръ у насъ передъ глазами. Въ Англіи, гдѣ кругъ власти мировыхъ судей очень властиченъ, и гдѣ процессъ въ обыкновенныхъ судахъ очень дорогъ, сопряженъ съ большими проволочками, тамъ въ настоящее время значеніе мировой юстиціи все болѣе и болѣе возрастаетъ, и власть мирового судьи все болѣе и болѣе втѣсняется въ сферу дѣятельности общихъ судовъ.

Причина боязни слѣдовательно найдена: она заключается во внутренней несостоятельности самого суда. Доведите издержки и проволочки, съ которыми онъ неразлученъ, до *minimum'a* — и бояться будетъ нечего. Кто пойдетъ тогда въ мировой судъ, когда и въ обыкновенномъ судѣ, со всѣми его гарантіями, дѣло будетъ рѣшаться скоро, не будетъ стоить большихъ издержекъ? Если же и тогда вы не перестанете бояться слишкомъ большого расширенія мировой власти, то прибѣгните къ послѣднему, спасительному лекарству. Лекарство очень не мудро. Поставьте мирового судью подъ всегдашній и непосредственный контроль общества, слѣйте такъ, чтобы ему было *выгодно, въ денежномъ, въ чисто-матеріаль-*

Кн. XI. — Отд. II. 6

номъ отношеніи выгодно установить правильныя рѣшенія, — и власть его, если она даже и усилится (чего мы впрочемъ не думаемъ), рѣшительно перестанетъ быть опасною.

Полная независимость выборовъ, особенный способъ вознагражденія, во которой судья вознаграждался бы по своимъ заслугамъ, т. е. пропорціонально числу верховныхъ или дѣлъ (отчего заслуги судьи можно измѣрять числомъ верховныхъ дѣлъ? объ этомъ мы скажемъ ниже), неслишкомъ долій срокъ службы — вотъ что дастъ обществу возможность постоянно контролировать своихъ судей, а судей заставило бы быть по возможности правдивыми, осторожными и осмотрительными въ своихъ приговорахъ (1).

Изъ предыдущаго мы могли видѣть, что кругъ дѣятельности нашихъ будущихъ мировыхъ судей будетъ очень значителенъ: всѣ преступленія и проступки, влекущіе за собою трехъ-мѣсячное тюремное заключеніе, или заключеніе въ смѣрительномъ дѣлѣ, а также всѣ споры и тяжбы стоимостью въ 300 руб., подлежатъ вѣдомству мирового суда. Мировой судья можетъ дѣлать обыски, снимать наказаніе на дѣлѣ степені — власть обширная! Но она можетъ дѣлаться еще обширнѣе. Для того, чтобы кругъ мировой власти былъ постояннъ, не могъ бы ни суживаться, ни растягиваться по произволу, необходимо, чтобы заранѣе съ возможною точностью были перечислены всѣ случаи ея примѣненія. А это трудъ невозможный. Воздвигнуть стѣну между мировымъ и обыкновеннымъ судомъ, можетъ быть и можно по теоріи, но на практикѣ рѣшительно выше силъ человеческихъ. Вспомнимъ при этомъ, что процессъ въ общихъ судахъ, особенно въ первое время будетъ требовать и денежныя издержки и проволочекъ времени, ни чуть не меньшихъ, чѣмъ напримѣръ во Франціи или въ Англіи, а во всей вѣроятности и большихъ; что, какъ все новое и незнакомое, наши переорганизованныя суды не сразу приобретутъ себѣ любовь и довѣріе съ народѣмъ, тогда какъ напротивъ мировой судъ, простой, короткій, безъ всякихъ формальностей и торжественности (чего такъ не любить и боится нашъ народъ) и теперь уже отчасти знакомъ народу по сходству своему съ третейскимъ судомъ, пользовавшимся всегда его симпа-

(1) Жалованье мирового судьи пропорціонально числу верховныхъ дѣлъ: чѣмъ больше слѣдовательно дѣлъ у судьи, и чѣмъ скорѣе вершить онъ эти дѣла, тѣмъ ему лучше. Выгода его требуетъ привлечь къ себѣ какъ можно болѣе тяжущихся, внушить имъ къ себѣ какъ можно болѣе довѣрія. А чѣмъ онъ можетъ привлечь ихъ къ себѣ, заставить ихъ довѣрять себя, какъ не постоянной честностью, неподкупностью, правдивостью и осмотрительностью въ своихъ приговорахъ? Итакъ чѣмъ правдивѣе и скорѣе будетъ рѣшать онъ тяжбы, тѣмъ ему выгоднѣе. Это такъ просто, что и распространяться объ этомъ много не стоитъ.

тій, гораздо большею, чѣмъ общій судъ, который только пугалъ и отталкивалъ его, и что много времени пройдетъ, пока народъ пойметъ существенную разницу между этимъ судомъ и судомъ новымъ; вспомнимъ все это, я говорю, и мы легко поймемъ почему мировая власть не удержится въ назначенныхъ ей предѣлахъ (какъ бы ни были обширны эти предѣлы), почему она будетъ постоянно стремиться втѣсниться въ сферу общихъ суловъ, будетъ имѣть постоянную тенденцію все расширяться, расширяться... и наконецъ можетъ дойти до такихъ размѣровъ, что сдѣлается опасною для общества. А потому намъ кажется, что общество всегда должно имѣть подъ руками всевозможныя средства для постояннаго контроля надъ мировыми судьями. Это совершенно необходимо при такомъ положеніи мировой власти. Насколько же удовлетворяютъ начала, данныя «главными основаніями для проектовъ» и т. д. этой потребности, этой необходимости, мы именно здѣсь и имѣемъ рассмотреть. Чтобы сдѣлать контроль общества надъ своими судьями *действительнымъ* и постояннымъ, слѣдуетъ удовлетворить слѣдующимъ тремъ условіямъ:

Впервыхъ, избраніе мирового судьи должно зависеть только отъ міра, и отъ всего міра, а не отъ какой-нибудь одной его части: волскія немірскія вліянія здѣсь положительно вредны: какъ только судья узнаетъ, что онъ избранъ и держится на своемъ мѣстѣ не силою міра, а какими-нибудь другими посторонними силами, онъ тотчасъ же перестанетъ обращать вниманіе на волю, мнѣнія, желанія міра, перестанетъ служить ему «вѣрою и правдою», не будетъ стараться вестностью своихъ приговоровъ приобретать себѣ у него довѣріе, и сдѣлается рабомъ той силы, которая избрала и поддерживаетъ его.

Ввторыхъ, необходимъ короткій срокъ службы, въ противномъ случаѣ міръ будетъ часто вынужденъ держать у себя слишкомъ долго судью, который *не любитъ* ему. Судья, при короткомъ срокѣ службы, будетъ чувствовать себя болѣе подъ контролемъ общества, чѣмъ при долгомъ; это такъ ясно, что и говорить объ этомъ не стоитъ: всякому понятно и безъ объясненія.

Втретьихъ, вознагражденіе ⁽¹⁾, назначаемое отъ міра мировому судѣ, должно быть пропорціонально его заслугамъ. А такъ, какъ его заслуги измѣряются числомъ вершоновыхъ имъ дѣлъ, то очевидно, что *жалованіе мировому судѣ должно быть пропорціонально чи-*

(1) Подъ словомъ «вознагражденія» я здѣсь разумю только жалованье, платимое судѣ за его личныя заслуги; деньги проѣздныя, и деньги на канцелярскіе расходы, въ расчетъ разумѣется не входятъ: количество ихъ не можетъ очевидно соразмѣряться заслугами и вообще личными качествами судьи.

слу вершоновыхъ имъ дѣлъ. Первое уравненіе — вознагражденіе по заслугамъ, такъ безспорно очевидно, что не требуетъ никакихъ доказательствъ. Такъ ли же точно второе уравненіе: заслуги по числу вершоновыхъ дѣлъ? Можно ли заслуги судьи измѣрять только количествомъ, а не *качествомъ* порѣшоновыхъ имъ дѣлъ? Можно, и вотъ почему:

1) дѣла, подлежащія вѣдомству мирового суда, почти всѣ *одинаково* просты, незапутаны, не головоломны, т. е. по своему качеству они почти всѣ равны, слѣдовательно при оцѣнкѣ заслугъ судьи, *качество* дѣла не можетъ играть никакой роли;

2) допустимъ однако, что различіе въ свойствахъ дѣлъ, подчиненныхъ мировой юстиціи существуетъ, что изъ этого выйдетъ? А вотъ что: чѣмъ правдивѣе и скорѣе рѣшитъ судья запутанное, важное дѣло, тѣмъ больше ему чести, тѣмъ больше извѣстности приобрететъ онъ въ округѣ, тѣмъ обширнѣе будетъ его практика, слѣдовательно все-таки увеличится *количество* дѣлъ; по разбирательству его увеличенія мы можемъ судить, почти безошибочно, и о самомъ *качестве* дѣлъ. Судья, который все только рѣшаетъ маловажныя, пустыя, незапутанныя дѣла, никогда не приобрететъ себѣ такой практики, какъ судья, уже прославившійся рѣшеніемъ трудныхъ, *темныхъ* тажбъ.

Такъ что, при опредѣленіи заслугъ судьи количествомъ вершоновыхъ дѣлъ, ничуть не упускается изъ виду и *качество* этихъ дѣлъ. Итакъ уравненіе вѣрно.

А если вѣрны оба эти уравненія, первое и второе, то должно быть вѣрно и третье, т. е. вознагражденіе мирового судьи относится къ его заслугамъ равно какъ заслуги къ числу вершоновыхъ имъ дѣлъ.

Или: вознагражденіе мирового судьи равно числу вершоновыхъ имъ дѣлъ.

Посмотримъ же теперь насколько удовлетворяютъ данныя «основанія» этимъ тремъ условіямъ?

Выборы въ мировые судьи производятся слѣдующимъ образомъ: Въ каждомъ округѣ составляются списки лицъ, могущихъ занять должность мирового судьи. Списки эти *проверяются* губернаторами, и изъ нихъ послѣ *всѣми сословіями совокупно* избираются мировые судьи.

Слово *проверяется* здѣсь очевидно только значить, что губернаторъ просто просматриваетъ списки, вѣтъ ли въ нихъ какихъ пропусковъ, недосмотровъ и т. п. Вычеркивать же изъ нихъ тѣхъ лицъ, которыя *по его мнѣнію* (безъ подкрѣпленія этого мнѣнія очевидными фактами) не годятся быть мировыми судьями, хотя бы въ сущности они и удовлетворяли *всѣмъ* требуемымъ условіямъ,

или вносить въ сибирскія лица, которыя только по его мнѣнію годятся для должности: все это разумѣется не можетъ имѣть никакого мѣста. Вѣдь сказано: *провьрнется*, а не *исправляется*; слову же *провьрнется* дать другое толкованіе, чѣмъ мы ему дали, невозможно. Итакъ, насколько мы можемъ судить по «общимъ основаніямъ», исполнительная власть не должна имѣть никакого значенія, никакого вліянія на ходъ избранія мирового судьи. Иначе это будетъ несогласно съ духомъ «данныхъ началъ». Мировой судья избирается *всѣмъ земствомъ, всѣмъ міромъ, всѣми сословіями совокупно*. Фактъ въ высшей степени утѣшительный. Сословныя *перезородки* начинаютъ ломаться, къ великой скорби гг. Бориса Чичерина, Сумарокова и всей братіи. Жалко только, что такъ мало говорится въ «общихъ основаніяхъ» о томъ, *какимъ образомъ* будетъ производиться это совокупное избраніе. Каждое ли сословіе будетъ имѣть одинаковое число голосовъ (депутатовъ), или число голосовъ будетъ пропорціонально численности каждаго сословія? Въ первомъ случаѣ выигрываютъ разумѣется помѣщики, дворяне, во второмъ — крестьяне. Въ первомъ случаѣ выборы будутъ производиться преимущественно подъ вліяніемъ дворянства, во второмъ — крестьянства. Во второмъ случаѣ выбранный судья можетъ разумѣется съ большею справедливостью назваться «мировымъ» земскимъ судьей, чѣмъ въ первомъ. Тамъ онъ зависитъ почти исключительно отъ крестьянства, здѣсь почти исключительно отъ дворянства. Интересно знать, какъ рѣшится этотъ важный вопросъ; все конечно будетъ зависѣть отъ комиссіи; въ «основаніяхъ» глухо сказано: «выбираются совокупно всѣми сословіями», но какъ совокупно? Вотъ обширное поле для всевозможныхъ толкованій.

Второе условіе — недолгій срокъ службы — вполне удовлетворено въ «основаніяхъ». Трехлѣтній срокъ службы избранъ необыкновенно удачно. Этотъ срокъ не слишкомъ коротокъ, такъ что судья будетъ имѣть достаточно времени ознакомиться и свыкнуться со своею обязанностью; онъ и не слишкомъ дологъ, такъ что общество не можетъ потерять свой контроль надъ судьей; самъ судья, изъ простаго страха, чтобы не лишиться черезъ три года мѣста, будетъ стараться быть въ своихъ приговорахъ честнымъ, скорымъ, правдивымъ и осторожнымъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о вознагражденіи.

Въ «основаніяхъ» сказано просто, что «дѣйствительные мировые судьи будутъ получать *опредѣленное вознагражденіе*». Но какимъ образомъ будетъ производиться это вознагражденіе, этого не сказано. Изъ предыдущаго намъ однако извѣстно, что мировой

округъ раздѣляется на участки, что каждый участокъ будетъ имѣть своего мирового судью, что этому судья будутъ подвѣдомственны всѣ жители участка, по всѣмъ дѣламъ и тяжбамъ, подлежащимъ мировому суду. Следовательно могутъ ли тяжущіеся, подвѣдомственные одному участковому судья, сулиться у другого? Въ рѣшеніи этого вопроса заключается и рѣшеніе вопроса о *способѣ вознагражденія*. Если свобода тяжущихся выбирать себѣ судью не будетъ стѣснена, если они будутъ пользоваться правомъ сулиться у судья, потому что онъ имъ любъ, потому что они ему довѣряютъ, а не потому, что живутъ въ его участкѣ, не потому только, что они по закону подвѣдомственны ему, то мы не видимъ почему бы здѣсь нельзя приложить предлагаемаго нами способа вознагражденія. Другое дѣло, если *всѣ жители* одного участка будутъ *обязаны* судиться именно у своего судья, если переходъ отъ одного судья къ другому будетъ строго воспрещенъ, тогда конечно невозможно будетъ измѣрять заслуги судья числомъ верховныхъ имъ дѣлъ. Хорошъ ли судья, худъ ли онъ, довѣряютъ ли ему или не довѣряютъ, у него все-таки будутъ дѣла, и количество этихъ дѣлъ будетъ зависѣть не отъ личныхъ достоинствъ судья, а просто отъ большей или меньшей склонности жителей участка къ спорамъ и тяжбамъ. Если нравственность жителей, если ихъ умственное развитіе стоятъ на низкой ступени, если экономическій бытъ ихъ устроенъ фальшиво, односторонно, способствуетъ развитію бѣдности, крайней нищеты, то очевидно въ этомъ участкѣ будетъ болѣе поводовъ ко всевозможнымъ нарушеніямъ права, ко всякаго рода процессамъ, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ, съ болѣе благоприятной обстановкой, и вотъ потому-то измѣрять достоинства и заслуги мировыхъ судей двухъ разныхъ участковъ, числомъ верховныхъ ими дѣлъ, было бы вышею нецѣлостью. Такъ что если тяжущимся не будетъ вполне обезпечено право свободного выбора судья изъ всѣхъ судей округа, то подъ словомъ «опредѣленное вознагражденіе» слѣдуетъ понимать, что мировой судья будетъ получать отъ своего участка *заранье назначенное, неизмѣнное* годовое содержаніе. И въ этомъ случаѣ одно изъ могучихъ средствъ контроля будетъ отягано у общества, судья будетъ получать жалованье за *предполагаемыя*, а не за *дѣйствительныя* заслуги, за то только, что онъ судья, а не за то, что онъ *хорошій* судья, т. е. за свое *должность*, за свое *мѣсто*, а не за свои личные *достоинства*. Не думаемъ, чтобы такой порядокъ вещей можно было назвать *рациональнымъ*, справедливымъ порядкомъ. Не думаемъ, чтобы могло выйти что-нибудь хорошее изъ стѣсненія свободы тяжущихся судиться *гдѣ они хотятъ и у кого они хотятъ*.

На *дѣлопроизводство* въ мировомъ судѣ мы здѣсь не будемъ останавливаться. Позволимъ себѣ сдѣлать на этотъ счетъ только одно замѣчаніе, или лучше сказать одинъ вопросъ: почему бы въ дѣлахъ сомнительныхъ, важныхъ (относительно разумѣется), запутанныхъ, *темныхъ* (если только это прилагательное можетъ быть примѣнено въ дѣламъ; подвѣдомственнымъ мировому суду) не дозволить мировому судѣ по собственному желанію, или по требованію тяжущихся, призывать «къ слушанію дѣла и къ совѣту» лицъ, пользующихся и довѣріемъ судьи, и довѣріемъ обѣихъ сторонъ (этотъ призывъ, или лучше сказать это приглашеніе можетъ быть или обязательнымъ или необязательнымъ): это было бы въпервыхъ значительнымъ облегченіемъ тяжелой обязанности судьи, вовторыхъ тѣснѣе бы скрѣпило миръ съ его судомъ; въ третьихъ, было бы новою, могущественною гарантіею для общества.

Этимъ мы и окончимъ нашу замѣтку.

Въ началѣ ея мы говорили, что постараемся *насколько это возможно* рассмотреть *подробно, всесторонно, обстоятельно* данныя «основанія» проектируемаго мирового суда. Но едва принялся мы за дѣло, какъ увидѣли невозможность исполнить обѣщаніе. *Основанія* эти, какъ и вообще все основанія, все проекты, такъ неопредѣлены, допускаютъ такое множество истолкованій, что изъ нихъ можно вывести самыя противурѣчивыя слѣдствія, потому намъ приходилось только указывать на эти слѣдствія, болѣе спрашивать, чѣмъ дѣлать замѣчанія.

Выходя изъ однихъ и тѣхъ же началъ, мировой судъ нашъ однако можетъ прійти къ совершенно противоположнымъ результатамъ, — все будетъ зависѣть отъ рѣшенія этихъ трехъ вопросовъ:

- 1) Какъ великъ будетъ цензъ?
- 2) Какимъ образомъ будутъ производиться выборы судей?
- 3) Будетъ ли, или не будетъ дана свобода тяжущимся судиться *идя и у кого они хотятъ*, и отсюда прямо вытекаетъ вопросъ: какимъ способомъ будетъ производиться вознагражденіе мировымъ судьямъ?

Только съ окончаніемъ трудовъ комиссіи, на эти вопросы будетъ ясно, категорически отвѣчено, и только тогда мы можемъ сказать: «вопросъ о мировыхъ судахъ» рѣшонъ окончательно.

Будемъ ждать и надѣяться.

П. ТКАЧЕВЪ

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Куда мы идемъ? — Журнальные объявленія. — Загадка мирового съѣзда. — Загадка статистическая. — Первобытный помѣщикъ. — Г. фонъ-Укке и погорѣлые мужики. — Какимъ образомъ доходятъ до острога. — Мировая по случаю кражи 3,000 рублей. — Недосмотры политической экономіи. — Нѣчто о политической экономіи, заграничной торговлѣ и о желѣзныхъ дорогахъ съ русской точки зрѣнія. — Пристань Екатериновка и торговля хлѣбомъ. — Выкупная операція. — Гомеопатія для народа. — Помѣщенія для нуждающагося населенія. — Пересмотръ горнаго устава. — Вызовъ комиссіи по преобразованію судебной части.

Прежде всего, надо какъ можно яснѣе поставить вопросъ. Безъ этого нѣтъ никакой возможности договориться до чего бы то нибыло, кромѣ вопіющихъ противорѣчій. Всѣ безконечныя и ни къ чему неведущіе споры происходятъ именно отъ не ясно постановленнаго вопроса, и нерѣдко двѣ спорящія стороны, потерявъ много времени, рассыпавъ множество цвѣтовъ краснорѣчія, доходятъ до того, что рѣшаются поточнѣе опредѣлить, о чемъ у нихъ илеть рѣчь. Такъ напримѣръ: какъ намъ быть съ постройкою новыхъ желѣзныхъ дорогъ? Вопросъ чрезвычайно неясный и можно говорить о немъ безконечно, нѣсколько лѣтъ сряду, въ разныя стороны. Но о чемъ именно рѣчь? О деньгахъ? или о направленіи новыхъ дорогъ? или о довѣрїи къ тѣмъ, кто будетъ собирать подписку на желѣзныя дороги? Но для отвѣтовъ на эти вопросы, нужно рѣшить еще нѣсколько предварительныхъ вопросовъ, важнѣйшихъ, основныхъ.

Стоять ли наша свеклосахарная промышленность мраморнаго памятника въ видѣ колоссальной сахарной головы, какой хотятъ поставить въ Кіевѣ? Опять неясно. По отношеніи къ кому эта промышленность можетъ стоять памятника? По отношенію къ заводчи-

нечъ? или къ потребителямъ? или къ крестьянамъ, которые съѣли сѣклу въсто пшеницы? И что за памятникъ? триумфальный, или надгробный?

Или еще вопросъ, возбужденный одною почтенною газетою, которая при этомъ сама съ собою спорить: что важнѣе, освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости или преобразование судебной части? Не говоря уже о томъ, что бесплоднѣ этого вопроса ничего нельзя выдумать, потому что обѣ эти мѣры были съ одинаковою радостью привѣтствованы всѣми честными людьми, — все-таки вопросъ постановленъ неясно. Въ какомъ смыслѣ важнѣе? По отношенію къ матеріальному благосостоянію? По отношенію къ будущему, болѣе или менѣе отдаленному? Въ смыслѣ нравственнаго преуспѣянія? Или въ смыслѣ политическаго значенія нашего отечества? Или въ отношеніи къ удовлетворенію насущнѣйшихъ потребностей нашихъ. Но тутъ, для рѣшенія основнаго вопроса слѣдуетъ рѣшить, куда же мы идемъ? къ чему стремимся? Къ какимъ послѣдствіямъ или результатамъ слѣдуетъ желать придти. Нуженъ идеалъ, и прежде всего идеалъ. А послѣ, когда идеалъ уясненъ, по-крайней-мѣрѣ насколько идеалъ уясненъ быть можетъ, не трудно уже отдать отчетъ о каждомъ шагѣ: ведетъ ли онъ прямо къ цѣли, или сворачиваетъ въ сторону; не трудно сравнить и два шага: который изъ двухъ составляетъ болѣе близкій переходъ, при помощи котораго мы дальше отодвигаемся отъ прошедшаго и ближе подходимъ къ идеалу, иначе сказать, который изъ двухъ имѣетъ болѣе революціонное значеніе. Революція, какъ всякому извѣстно, значитъ переворотъ, перемѣна, преобразование, и революція въ бытѣ нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ есть безъ сомнѣнія не исключительная, не одиночная мѣра: она есть только начало, краеугольный камень будущаго зданія, приближающагося къ идеалу. Преобразование судебной части есть прямое продолженіе, и дѣло на этомъ не остановится. Впередъ, впередъ! — есть девизъ нашего нравительства.

Тотъ же самый девизъ имѣетъ и вся наша литература, за нѣкоторыми траурными исключеніями, о которыхъ нечего говорить. Даже «Голось» г. Красевскаго утверждаетъ, что у него будетъ стремленіе къ прогрессу; стало-быть о направленіи нашего движенія говорить нечего. Но съ разрѣшенія цензуры и въ предѣлахъ этого разрѣшенія есть оттѣнки чрезвычайно тонкіе, даже совершенно неуловимые. Въ изданныхъ объявленіяхъ о подпискѣ на слѣдующій годъ каждый журналъ старается опредѣлить и обозначить свое направленіе со своими особенными оттѣнками. Въ итогъ выходитъ, что всѣ стремятся впередъ; всѣ чувствуютъ потребность улучшеній, всѣ собираются здра-

не обсуживать современные насущныя потребности нашего общества; всё стремится къ переворотамъ и къ реформамъ; всё вполнѣ вѣрять прогрессивнымъ стремленіямъ и не вѣрять въ реакцію. Но при большомъ вниманіи можно отыскать различіе отъѣнковъ, которыхъ сущности мы не беремся пояснять. Есть либеральныя прогрессисты, есть прогрессисты умѣренные, есть умѣренныя либералы, есть либеральныя консерваторы, прогрессивныя консерваторы, умѣренныя консерваторы. Всѣмъ этимъ и многимъ другимъ еще болѣе тонкимъ отъѣнкамъ нельзя придавать особеннаго значенія, потому что все это происходитъ въ предѣлахъ цензурнаго разсмотрѣнія и разрѣшенія. Всѣ безъ исключенія честные люди истинно-сердечно радуются всѣмъ преобразованіямъ, которыя совершены, предприняты и предпринимаются правительствомъ. Всѣ до одного періодическія изданія стоятъ на сторонѣ прогресса, т. е. движенія впередъ. Но куда же это впередъ? Гдѣ идеаль? Гдѣ планъ, по которому возведется окончательное зданіе нашего благосостоянія, будущаго и величія нашего отечества? Безъ плана, хотя бы самого легкаго, хотя бы набросаннаго отъ руки, нѣтъ возможности предпринять никакой передѣлки или перестройки, и только видя планъ можно съ большою или меньшею основательностью сказать въ какой мѣрѣ данный положенный въ стѣну камень цѣлесообразенъ, или въ какой мѣрѣ теперь строящіеся дѣла будутъ пригодны для будущаго величественнаго зданія. Удовлетвореніе насущныхъ потребностей нашего общества, какъ выражаются нѣкоторыя программы нашихъ періодическихъ изданій, дѣло конечно хорошее; но этимъ окончательно удовлетвориться нельзя, потому что иногда полезное, даже необходимое удовлетвореніе насущныхъ потребностей не ведетъ къ главной, основной цѣли, къ идеалу. Иногда необходимо бываетъ подпереть ветхую, ненадежную стѣну зданія, поступившаго въ передѣлку, и подпорку сдѣлать истинно полезную, фундаментальную, такъ что въ домѣ можно будетъ еще вѣкъ прожить. Но и подпорка пойдетъ въ ломъ, когда дойдетъ до нея очередь по общему плану работъ, согласно съ планомъ возводимаго зданія. Стало-быть иногда насущная потребность есть не болѣе, какъ переходная мѣра, какъ подпорка, которая впоследствии будетъ затруднительна. Стало-быть удовлетвореніе насущныхъ потребностей — само по себѣ, а планъ, идеаль — самъ по себѣ, и за насущными потребностями забывать его нельзя.

Правительство предприняло преобразованія во всѣмъ частямъ, и теперь нѣтъ ни одной отрасли государственнаго управленія, въ которой не провело бы или не подготовлялось бы перемѣнъ, преобразованій. Изъ всѣхъ этихъ преобразованій, Россія конечно

идеть обновленною, свѣжею, могучею, исполненною умствен-
ныхъ и матеріальныхъ богатствъ. Но какой именно она приведетъ
идь? Гдѣ тотъ идеалъ, къ которому она стремится?

Одинъ почтенный журналъ увѣряетъ, будто такъ-называемая
наука, политическая экономія, несомнѣнно показываетъ эту цѣль.
Другой почтенный журналъ говоритъ, что для насъ всего выгоднѣе
хоть понемногу, а какъ можно постепеннѣе приближаться къ Англіи.
Третьему можетъ-быть болѣе нравится Франція, четвертый можетъ
быть предпочитаетъ Гессенъ-Кассель или Шварцбургъ-Мейнин-
генъ-Гильдбурггаузенъ. Наконецъ иные могутъ полагать, что ко-
нечная цѣль развитія не можетъ быть предугадывасма никѣмъ, что
народъ долженъ свободно развиваться въ томъ направленіи, какое
внушено ему будетъ его гениемъ и сообразно съ будущими обстоя-
тельствами, для чего нужно только, чтобы ему предоставлена была
какъ можно большая свобода, чтобы онъ избавленъ былъ отъ все-
возможныхъ насильственныхъ и искусственныхъ вліяній.

Но такъ-называемая наука, политическая экономія, есть только
зародышъ науки. Очень можетъ быть, что при дальнѣйшей разра-
боткѣ она въ самомъ дѣлѣ и сдѣлается наукой; но до сихъ поръ
она еще не подозреваетъ своего истиннаго призванія. Точно такъ
же, какъ существуетъ общая патологія и частная патологія, общая
терапия и частная терапия, такъ должна существовать общая и част-
ная политическая экономія. Да сверхъ того, соображаясь съ орга-
низмомъ и исторіей каждаго пациента, приходится принимать раз-
личныя мѣры и прилагать правила частной терапій не безъ разбора
ко всякому лицу и во всякомъ его возрастѣ, а съ нѣкимъ больнымъ
держаться выжидательнаго способа, другому давать энергическія
средства, третьему слабодѣйствующія. Точно такъ же и въ полити-
ческой экономіи, которая относится къ весьма ограниченному числу
вѣдѣливыхъ. Для каждаго государства необходимо должны суще-
ствовать особые, отдѣльные законы политической экономіи, и об-
щія законы, еслибы даже они были несомнѣны и неоспоримы, дол-
жны прилагаться къ отдѣльнымъ народамъ съ большою осмотри-
тельностью. При дальнѣйшей разработкѣ «ивуки» окажется, что
правиль тамъ гораздо меньше, нежели исключеній, точно такъ же,
какъ было въ алхіміи, когда она стала переходить въ химию.

Такимъ образомъ алхімія или политическая экономія никакъ
не можетъ сказать намъ, куда мы идемъ: она сама еще не рѣшила
хорошенько, куда она идетъ и откуда. Она сама еще не сказала, что
это такое: народъ? что такое государство? Составляетъ ли народъ
что-нибудь особое отъ другихъ народовъ, вѣчто родъ вѣдѣливаго.
Можетъ быть каждый народъ есть особенный, отдѣльный орга-

видѣтъ, который болѣе или менѣе нуждается въ другихъ подобныхъ ему организмахъ и долженъ составлять съ ними общество. Разсматривая народы, политическая экономія, конечно сдѣлаетъ различіе между государствомъ и народомъ и постановитъ, что Вальденъ-Пирмонтъ или Гогенцоллернъ-Зигмарингенъ хотя и отдѣльные государства, но вовсе не отдѣльные народы и каждое изъ нихъ не составляетъ особеннаго организма. Она найдетъ, что и Пруссія съ своими двумя большими землями и пятнадцатью или двадцатью череполосными малыми участками не составляетъ отдѣльнаго народа, хотя и принадлежитъ къ числу великихъ державъ, и что прусскій патриотизмъ такая же забавная вещь, какъ патриотизмъ костромской или смоленскій. Потомъ политическая экономія постарается опредѣлить внутреннюю дѣятельность каждаго отдѣльнаго политическаго организма и указать что именно совершенно необходимо для того, чтобы организмъ не разрушился, не пересталъ быть организмомъ, при чемъ окажется, что не всякому организму необходимы одинакія учрежденія, законы, и что у всякаго есть свои потребности, кромѣ тѣхъ, которыя общи всѣмъ. Потомъ наука постарается хорошенько, повнимательнѣе изслѣдовать одну изъ такъ-называемыхъ истинъ, будто бы выработанныхъ ею: *laissez faire, laissez passer*. Ирокезы и Могиканы держались тоже этого правила, когда давали волю и дорогу различнымъ пришлецамъ изъ цивилизованной Европы. Поэтому отъ нихъ осталось очень немного на этомъ свѣтѣ: пара хорошихъ романовъ, да нѣсколько названій урочищъ въ Америкѣ. Но по извѣстному глубокомысленному правилу: *regem ducimus, fiat justitia*, политическая экономія говоритъ, что такъ имъ и надо было, что ежели ирокезы и могиканы не выдержали напора цивилизованныхъ варваровъ, то значить ихъ не нужно было на свѣтѣ, они напрасно тяготили землю. Тоже самое можно сказать о человѣкѣ, который не выдержитъ напора падающаго свола. Падаетъ, такъ *laissez faire*, не дѣлай подворокъ, выноси на своей голове, а не выдержишь, такъ значить, не нужно тебя на свѣтѣ. Вообще политической экономіи надо будетъ нѣсколько воздержаться отъ своихъ людоедскихъ склонностей. Да если потому эта «наука» переберетъ всѣ свои такъ-называемыя истины, то окажется, что большая часть изъ нихъ пойдетъ въ ломъ. А впоследствии, когда политическая экономія по справедливости будетъ называться наукой, она и будетъ въ состояніи указать идеалъ, къ которому каждый народъ долженъ стремиться, и для каждаго народа окажется свой путь къ своей особой цѣли.

Для этого окажется совершенно несомнѣннымъ, что для насъ вовсе не годятся ни французскіе, ни англійскіе, ни нѣмецкіе, ни

шведскіе идеалы. Начать съ того, что надо опредѣлить съ точностью, что мы такое, — земледѣльчeskій народъ, или какой другой, опредѣлить отношеніе между собою различныхъ слоевъ общества, опредѣлить наши свойства, наклонности, стремленія, восприимчивость къ преобразованіямъ т. е. революціонную способность, опредѣлить нашу способность къ городской и сельской жизни, и т. д. Еслибы кто-нибудь, вовсе не зная Россіи, вздумалъ искать отъихъ опредѣленій въ газетахъ, отыскивая тамъ нашего быта такъ какъ онъ есть, то онъ былъ бы поставленъ въ тупикъ, въ безвыходное недоумѣніе и отправился бы искать разрѣшенія куда-нибудь на площадь, на покосъ, на постоялый дворъ, въ присутственное мѣсто — куда угодно, но уже никакъ не положился бы на газеты или на журналы.

Вотъ примѣръ что нашолъ бы въ газетахъ за прошлый мѣсяцъ любознательный читатель.

Одинъ мировой съѣздъ разсматривалъ отвѣтъ одного помѣщичьяго управленія посреднику и нашолъ въ этомъ отвѣтѣ слѣдующую фразу: «Мировой съѣздъ не можетъ измѣнить ни одной іоты въ высочайше утвержденномъ положеніи — неопровержимая истина, известная съѣзду вѣроятно не менѣе подписавшаго бунагу?» Съѣздъ заключилъ, что отвѣтъ «неумѣстенъ и дерзокъ» и постановилъ: «сдѣлать подписавшему отвѣтъ выговоръ, а за повтореніе того же предать его суду.» — Что за странная власть мировой съѣздъ, подумаетъ читатель, вовсе не знающій Россіи. Это что-нибудь громадное, вродѣ съѣзда юристовъ въ Вѣнѣ, и что-нибудь преувеличенно-шекотливое, нетерпящее неопровержимыхъ истинъ. А «предать суду», конечно, что-нибудь особенное, неизвѣстное въ Европѣ, потому что какъ это судить человѣка за то, что онъ сказалъ такую неоспоримую истину, что дважды два четыре?

Въ четвертой московской гимназіи какъ-то не топили печей и въ классѣ было холодно. Напечатано объ этомъ въ газетахъ, да не одна, а вѣсколько статей. О чемъ же это они хлопочутъ? о вазанкѣ дровъ? Да неужели же учитель не могъ просто приказать сторожу истопить печку, а ежели не имѣлъ права распорядиться самостоятельно, то развѣ не могъ сказать объ этомъ кому слѣдуетъ? Или ужъ такъ сильна субординація, какъ бывало при Фридрихѣ великомъ между солдатами, когда ни одинъ рядовой ни въ какомъ случаѣ не могъ заявить своего желанія или своихъ нуждъ?

Въ разныхъ мѣстахъ газетъ видно, что въ Россіи есть губернскіе статистическіе комитеты, и въ газетахъ же есть примѣръ, какія собираются статистическія цифры. Хлѣба въ одной волости собрано среднимъ счетомъ полчетверти съ десятины, а рядомъ семь

четвертей. Еще въ одной волости сѣна собрано съ десятины все-таки среднимъ счетомъ $3\frac{1}{2}$ пуда, а въ другой, рядомъ 110 пудъ. Въ одной волости при урожаѣ $1\frac{1}{8}$ четверти на душу, хлѣба будто бы не покупають, а въ другой волости, при урожаѣ $4\frac{5}{8}$ четверти хлѣба покупаетъ каждая душа на семь рублей. Одна волость собрала 81 пудъ соломы на каждую четверть хлѣба, а другая на тоже количество хлѣба только $2\frac{1}{2}$ пуда соломы. И много такихъ невѣроятныхъ доказаній. И въ этомъ—то заключается русская статистика? На такихъ—то данныхъ правительство обязано основывать свои распоряженія? Какая же тутъ есть возможность распорядиться? Кому и на чѣмъ повѣрять? на чѣмъ остановиться?

Помѣщикъ пишетъ между прочимъ мировому посреднику: «Хотя сосѣди мои капитальные люди и уже имѣютъ нанятыхъ сторожей, но наемщикъ, яко наемщикъ, не всегда можетъ быть надежнымъ сторожемъ, потому что въ насъ идущіе люди не изъ добрыхъ холзевъ, а изъ какой-либо сволочи и пьяницъ. Докладывалъ мнѣ сельскій староста Федоръ Омельниченко, что недавно утрашона былъ ночью какимъ—то страшнымъ явленіемъ; то я ему растолковалъ, что подъ часъ утрашающее насъ видѣніе ночное есть нечто иное, какъ переодѣтый воръ, мошенникъ, что подчасъ видѣніе духа тмы можетъ быть переодѣтый, суемудренный духъ западнаго просвѣщенія, и что если староста будетъ съ помощію креста и съ молитвою на устахъ: съ нами Богъ! то англичанамъ не доведется похвалить первого своего министра Пальмерстона за его революціонные планы... И посему, по требованію вашему, я даю отвѣтъ на жалобу Макара Самоботченка, а ваше высокоблагородіе, яко избраннаго и поставленнаго между потомками Сима и Афета и между освобожденнымъ племенемъ Хама, почтительнѣйше честь имѣю просить: повелѣть удержать въ порядкѣ Макара Самоботченку, равно и его сына Виктора. Макаръ Самоботченко, еще въ прошломъ году, кричалъ на меня изъ своей шабы, что якобы его Викторъ поровнялся со мною, что онъ теперь такой же ланъ, какъ и я, то въ этомъ разѣ растолковать ему, что дворянинъ не можетъ быть равенъ мужику и что по новымъ положеніямъ всякій потомственный дворянинъ въ званіи высокородія, а не дворянинъ не можетъ быть дворяниномъ, не выслуживши «стацкаго» совѣтника. Это твердить нужно не только моему Макару Самоботченку, но и всѣмъ простомышлянамъ, кои какъ полагать должно — обоняютъ уже духъ западной цевелизаціи, масипаціи и либерализаціи.» — Ну, здѣсь что-нибудь не такъ, подумаетъ любознательный читатель, мало знакомый съ Россіей. Почтенный помѣщикъ мало знакомъ съ виконтомъ Пальмерстономъ, который меньше всего способенъ на революціонные планы,

и англичанамъ не доведется похвалить его за это даже и безъ престо и молитвы старосты. Что же касается до того, что почтенный помѣщикъ приходитъ въ негодованіе противъ того, что простолюдины будто бы «обоняютъ духъ» западной «цивилизациі, маспациі и либерализациі», то пусть спроситъ того же виконта Пальмерстона. Онъ себя со своимъ лордствомъ считаетъ выше всѣхъ остальныхъ своихъ соотечественниковъ мелордовъ и очень твердо знаетъ (и все же не ошибается въ этомъ случаѣ), что и всѣ остальные англичане видятъ въ немъ не простого человѣка, не такого же смертного, какъ всѣ прочіе, а существо, стоящее выше обыкновеннаго человѣческаго уровня. Лордъ Пальмерстонъ увѣренъ, что ни одному изъ его соотечественниковъ—простолюдиновъ никакъ не можетъ прийти въ голову, что обыкновенный смертный могъ поровняться съ лордомъ, даже при помощи выслуги «стадакаго» софиста. Въ западныхъ простолюдинахъ такой разаратной мысли итъ и не будетъ, конечно, еще сколько столѣтій, пока они въ самомъ дѣлѣ не почувтъ «обонять духъ» истинной цивилизациі. Если же въ самомъ дѣлѣ русскіе простолюдины не считаютъ лордовъ жалубогами, то это показываетъ, что у нихъ есть врожденный или исторически выработанный, но совершенно равный взглядъ на различныя сословія; значить, у нихъ однимъ предрасудкомъ или однимъ тормазомъ меньше. По отношенію къ «цивилизациі» и грамотности самихъ помѣщиковъ, любознательный читатель не сдѣлаетъ никакого заключенія, такъ какъ данное письмо могло быть исключеніемъ, болѣе или меньше рѣдкимъ.

Далѣе читаетъ и изучается любознательный читатель.

Въ аткарскомъ уѣздѣ саратовской губерніи въ селѣ Барановкѣ, имѣнія баронесы Буа-Романъ-Кайсаровой случился пожаръ въ то время, какъ крестьяне были въ полѣ на барщинной работѣ у своей владѣлицы. Сгорѣло 34 двора со всѣмъ имуществомъ, съ платьемъ, обувью, хлѣбомъ, съ лошадымъ, съ упряжью и съ казачьими орудіями. Мировой посредникъ г. Фодтъ (незнающій Россіи читатель подумаетъ, что саратовская губернія въ острайскомъ краю) прислалъ управляющаго имѣніемъ баронесы дать погорѣвшимъ крестьянамъ иѣкоторыя льготы. Но управляющій, г. Умке (любознательный читатель начинаетъ приходить къ полному убѣжденію, что дѣйствіе происходитъ въ острайскомъ краю) несогласился дать несчастнымъ никакой льготы. Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе постановило ходатайствовать о выдачѣ погорѣвшимъ особаго вспоможенія, сверхъ 45 рублей, которое обыкновенно выдается на каждый сгорѣвшій дворъ.

Любознательный читатель становится втупить, а не вылетѣть,

не находитъ никакой нити, чтобы выйти изъ недоумѣнн. Всѣ газеты — думаетъ онъ — наполнены подпискою въ пользу червогорцевъ, петербургскихъ лавочниковъ и финляндевъ. Это прекрасно, великодушно, величественно. Первые пострадали въ нынѣшнюю войну, вторые въ нынѣшніе пожары, третьи въ нынѣшній неурожай. Но чѣмъ же всѣ эти счастливицы лучше жителей сельца Барановки, у которыхъ зима на носу, голову преклонить негдѣ, и надо еще ходить на барщину. Положимъ, что подписка въ пользу червогорцевъ есть нѣчто вродѣ политическаго митинга, демонстраціи противъ Европы, угнетающей нашихъ соплеменниковъ посредствомъ блистательной Порты; финляндцы хоть и совершенно чужой для насъ народъ, но въ самомъ дѣлѣ имъ грозитъ голодная смерть, если не будетъ подана дѣятельная помощь, а лавочники потеряли все, что натрговали въ нѣсколько лѣтъ. Но жители Барановки еще несравненно ближе: потеряли все, что заработали во вѣсь вѣтъ кровенымъ яствомъ, и уже если пошло на демонстраціи, то подписка въ пользу потерѣвшихъ жителей Барановки была бы прекрасною демонстраціей противъ разныхъ господъ фонъ-Укке, которые несогласаются дать бѣднымъ крестьянамъ никакой льготы; чтобы оставить имъ время построить себѣ хоть какія-нибудь хаты на зиму. Господина фонъ-Укке правъ, совершенно правъ съ западной точки зрѣнн. Лордъ Пальмерстонъ, котораго почтенный оубицинтъ такъ несправедливо упрекаетъ въ революціонныхъ замыслахъ; никогда не даетъ льготы своимъ фермерамъ, это правда, и господа фонъ-Укке дѣйствуютъ совершенно на основанн западной «целилизаціи», но собственно говоря, это дикій эгоизмъ въ соединенн съ гнуенншимъ уваженнмъ права.

«Академія наукъ доводитъ до всеобщаго свѣдѣнн, что въпускъ въ ея музеи, открытые въ продолженн лѣтнихъ мѣсяцевъ, съ 9 октября прекращенъ.»

Любознательный читатель, не зная устройства академіи наукъ, подумаетъ непремѣнно, что это странное заведенн учреждено какимъ-нибудь частнымъ лицомъ, очень капризнымъ, которое то позволяетъ входъ въ свои музеи, то запрещитъ, какъ вздумается, и не заботясь о пользѣ общей, исполняетъ только свои прихоти. Иначе почему бы запрещать входъ въ музеи осенью, зимою и весною? Въ это время музеи особенно были бы полезны, какъ учащимся, которые на лѣто разбѣгаются въ разные стороны, такъ и публикѣ, живущей лѣтомъ на дачахъ. Для кого же существуютъ музеи? Для рабочихъ, которые лѣтомъ стекаются въ Петербургъ въ огромныхъ количествахъ? Но имъ не до музеевъ, и вочтенные труженники работаютъ лѣтомъ для того, чтобы быть сытыми зимою. Стало-

быть, заключаетъ читатель, музеи академіи существуютъ преимущественно для академиковъ. Но въ газетахъ не оказывается слѣда пользы академіи, и читатель остается въ недоумѣніи касательно значенія академіи наукъ въ Россіи.

Далѣе по газетамъ оказывается, что уѣздныя аптеки наши падаютъ въ печальномъ состояніи. Въ Глуховѣ (болѣе 10,000 жителей) аптека находится въ завѣдываніи неэкзаменованнаго ученика и беретъ съ своихъ потребителей непомятый цѣны за лекарства. Жители не ропщутъ, потому что ропотъ вообще показываетъ безпокойный характеръ, къ тому же аптекарь вѣроятно есть начальство надъ всѣми пациентами, которые вынуждены къ нему обращаться. Стало-быть какъ же можно роптать? У аптеки есть свой чиновникъ особыхъ порученій студентъ Бродовскій, высланный изъ кievскаго университета будто бы по политическимъ дѣламъ. Этотъ г. Бродовскій лечилъ глуховскую публику съ большимъ успѣхомъ, но по какому-то случаю не поладилъ съ городовымъ врачомъ, и уѣхалъ, а мѣсто его занялъ другой господинъ К—въ. Но тутъ вышелъ опять странный случай. Одинъ больной солдатъ показалъ, что это не лекаръ К—въ, а фельдшеръ Гиря, за какое-то преступленіе лишонный правъ состоянія и сосланный, но потомъ убѣжавшій съ дороги. Другой солдатъ показалъ тоже самое, и не смотря на то, что документы г. К—ва были въ порядкѣ, его арестовали. Городничій предписалъ городовому врачу проэкзаменовать арестованнаго, и экзаменъ оказался неудовлетворительнымъ. Сверхъ того слѣдователь (вѣроятно не врачъ) спрашивалъ его между прочимъ, что такое литотомія, и отвѣтъ оказался неудовлетворительнымъ. Ко всему этому прибавилось отсутствіе всякаго самолюбія у К—ва, его кротость и терпѣніе при всякаго рода поруганіяхъ. Г. К—ва посадили въ острогъ, до полученія справокъ, и почти черезъ мѣсяцъ выпустили. Все это напечатано въ журналѣ «Современная Медицина» за подписью г. Ивана Пантюхова, и любознательный читатель вовсе отказывается понимать.

Въ городѣ Глуховѣ черниговской губерніи образуется экзаменационная комиссія для того, чтобы убѣдиться въ степени знаній доктора или лекаря. Эта комиссія-факультетъ состоитъ изъ городского врача и судебного слѣдователя. Лекаръ-арестантъ, подвергаемый всякаго рода поруганіямъ (мы ничего не прибавляемъ и не выдумываемъ) отвѣчаетъ неудовлетворительно, какъ-будто человекъ, которому посредствомъ самоуправства, насилія и всякаго рода поруганій производятъ цефалотомію, можетъ во время операціи отвѣчать, что значить литотомія. Къ тому же г. К—въ переносилъ всякаго рода поруганія съ кротостью и терпѣніемъ, стало-быть онъ

человѣкъ не безпокойный, не высланный по какимъ-нибудь псевдо-политическимъ дѣламъ. Что же все это значить? Какой во всемъ этомъ смыслъ. И любознательный читатель дѣлаетъ такой выводъ. Степень образованности въ Россіи такъ высока, что въ любомъ городѣ въ 10,000 жителей съ большимъ удобствомъ образуется медицинскій факультетъ, получающій предписанія отъ городничаго. Экзамену подвергается всякій, кто имѣетъ документы въ порядкѣ, но заподозрѣнъ большимъ солдатомъ. Въ случаѣ, если экзаменуемый терпѣливо и кротко переноситъ всякаго рода поруганія, то его сажаютъ и держатъ вмѣстѣ съ разными ворами и разбойниками мѣсяць, до полученія справокъ, а потомъ (такъ развито чувство справедливости!) если окажется, что онъ дѣйствительно кончилъ медицинскій курсъ, въ самомъ дѣлѣ г. К—въ, а не бѣглый сосланный фельдшеръ Гиря, то его изъ острога выпускаютъ. Между тѣмъ изъ другихъ фактовъ, тоже обнародованныхъ въ газетахъ, оказывается, что если человѣкъ не кротко и не съ терпѣніемъ переноситъ всякаго рода поруганія, то его тоже сажаютъ въ острогъ, изъ чего незнакомый съ Россією читатель и можетъ заключить, что острогъ есть въ Россіи нѣчто индифферентное, вродѣ кристальнаго дворца, или нѣчто похожее на справочное мѣсто для опредѣленія званія врачей, или наконецъ обычное послѣдствіе докторскаго экзамена, или что-то непонятное, непостижимое.

Но теперь становится до послѣдней очевидности ясно, что мало знакомый съ Россією читатель не въ состояніи будетъ вывести изъ нашихъ газетъ правильнаго заключенія, ничего ровно не пойметъ, потому что не совсѣмъ понятны газетныя статьи и для коренныхъ жителей, имѣющихъ претензію очень хорошо знать свое отечество. Дѣло въ томъ, что плохо мы сами знаемъ Россію, свѣдѣнія о ней почерпаемъ нерѣдко изъ иностранныхъ сочиненій, смотримъ на себя сквозь очки англійской политической экономіи и гораздо больше обращаемъ вниманіе на черногорцевъ и финляндцевъ, нежели на погорѣлыхъ жителей селца Барановки, блаженствующихъ подъ управленіемъ господина фонъ-Укка.

Дѣло въ томъ, что ни французскій, ни англійскій, ни вѣмецкій, никакаго другой идеалъ къ намъ никакъ не подходитъ. Климатическія, географическія и историческія условія сдѣлали изъ насъ нѣчто до такой степени отдѣльное, особенное, что къ намъ не подойдетъ никакая иностранная мѣрка. Вотъ маленькій примѣръ.

Въ вѣдомостяхъ московской городской полиціи рассказано, что 13 октября вечеромъ, городской части 4 квартала, изъ номера кирсановскаго мѣщанина Дуботолкова, украдена шкатулка съ деньгами 1,500 руб. и векселемъ на такую же сумму, выданнымъ московскимъ

ищаниномъ Казариновымъ , въ кражѣ коей Дуботолковъ подозрѣваетъ живущаго съ нимъ по сдѣлству крестьянина Кондакова. При дознаніи полиціи Кондаковъ сначала въ кражѣ не сознался, но потомъ объявилъ , что укралъ шкатулку по просьбѣ Казаринова и передалъ ему такую; но Казариновъ въ этомъ не сознавался и по обыску шкатулки у него не найдено. Послѣ чего Казариновъ , сознавая свою неосторожность въ томъ , что бывши въ номерѣ у Кондакова 13 октября , ушелъ оттуда , не показавшись никому , чѣмъ и можетъ навлечь на себя подозрѣніе , обязался удовлетворить Дуботолкова за покраденное , съ тѣмъ , что если шкатулка съ деньгами будетъ найдена , то уже должна принадлежать ему , на что и Дуботолковъ изъявилъ свое согласіе. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Ну гдѣ въ Европѣ можно встрѣтить такое прелестное окончаніе дѣла? Гдѣ-нибудь во Франціи , гдѣ совершенно возможенъ Жанъ Вальжанъ , сосланный на галеры , за покушеніе украсть кусокъ хлѣба , сейчасъ принялись бы , въ интересахъ закона , раскапывать истину , засадили бы Казаринова и Кондакова въ тюрьму , какъ соучастниковъ ; они выбрали бы себѣ адвокатовъ ; доказано было бы , что Казариновъ имѣлъ выгоду въ произведенной кражѣ , что Кондаковъ не могъ на себя визачто-нипрочно взвести напраслину , что вынужденный дознаніемъ возвратъ покраденнаго не покрываетъ совершеннаго преступленія , что наконецъ въ интересахъ закона , ради торжества юстиціи , не могутъ быть допущены никакія сдѣлки между преступникомъ и его жертвой. А тутъ дѣло кончилось любовно. Человѣкъ попался , но не признается , хотя улики противъ него , и чтобъ не растравлять юстиціи и не выносить изъ избы сору , онъ соглашается отдать украденныя деньги. Обвиняютъ русскихъ въ подражательности. Но тутъ , въ этой драгоценной , невыдуманной , офиціально засвидѣтельствованной , неподражаемой чертѣ нравовъ кому они подражаютъ ? И что здѣсь пойметъ мало знакомый съ Россіей , хотя и любознательный читатель ?

Можно бы привести еще множество подобныхъ происшествій , изъ которыхъ несомнѣнно окажется наша нравственная своеобразность. Но не въ этомъ покажѣтся наша цѣль. Главный , насущный и дѣйствительно чрезвычайно важный вопросъ теперь — экономическія отношенія , вещественная сторона жизни , матеріальное благосостояніе , которое составляетъ необходимое условіе успѣховъ въ нравственной и умственной жизни. Казалось бы , что тутъ всего лучше , всего удобнѣе слѣпо предоставить себя предписаніямъ той государственной гігіены , которая выработана въ политической экономіи. Но кромѣ того , что эта наука выработала лишь небольшое количество безспорныхъ общенародныхъ истинъ , а всѣ остальные

весьма еще спорны, она до сихъ поръ еще не затронула вопроса о различной приложимости своихъ гигиеническихъ правилъ къ различнымъ политическимъ организмамъ, что конечно показываетъ еще весьма раннее младенчество науки и лишаетъ ее въ данномъ случаѣ довѣрія. А вопросъ въ высшей степени серьезный, потому что идти впередъ безъ яснаго сознанія куда именно идешь, не зная напередъ условій очень большого количества будущихъ шаговъ, дѣло довольно рисковое. Здѣсь будущее больше всего похоже на сфинкса, который задаетъ загадку и говоритъ: «Угадай, а не то съѣмъ.»

Разсматривать вопросъ о томъ, куда мы идемъ, мы здѣсь не станемъ по многимъ причинамъ, и только коснемся нѣкоторыхъ недосмотровъ политической экономіи по отношенію къ намъ. Эти недосмотры въ вину такъ называемой наукѣ мы ставить не будемъ. Она родилась на чужой намъ почвѣ, насъ не знала, а наши политико-экономы по большей части, не всѣ конечно, занимаются только переводами «съ иностраннаго».

Въ послѣднее время стали особенно рѣшительно говорить о крайней необходимости устроить южную желѣзную дорогу, изъ Москвы въ Феодосію. «Московскія Вѣдомости» нерѣдко помѣщаютъ статьи въ этомъ смыслѣ; «Современная Лѣтопись» предлагаетъ разные мѣры для постройки этой дороги, на примѣръ употребить на нее срочные вклады государственнаго банка и наряжать на земляныя работы войска вмѣсто вольнонаемныхъ рабочихъ. Одинъ изъ сотрудниковъ «Московскихъ Вѣдомостей» увѣряетъ, будто теперь то и есть самое настоящее, удобное время для совершенія внутренняго займа на постройку 5,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ отъ Москвы до Перми, до Риги, до Одессы и до Феодосіи. «Рускій Вѣстникъ» убѣдительношимъ образомъ доказывалъ надобность въ дорогѣ отъ Одессы до Кіева. Слова вѣтъ, очень бы хорошо имѣть желѣзныя дороги по этимъ и еще по многимъ другимъ направленіямъ; но зачѣмъ же такая непроходимая наивность? Какимъ образомъ для перевозки сырыхъ продуктовъ рассчитывать на тысячеверстные желѣзные пути, какъ-будто хлѣбъ въ обыкновенный средне-урожайный годъ можетъ выпести такую перевозку безъ убытка? Какъ рассчитывать на вѣчную отправку за границу хлѣба, льну, лѣсу, поташу, костей, тряпья? Это все равно какъ-будто для частнаго человѣка, на примѣръ, возможно вѣчно разоряться, и не дойти наконецъ до того, чтобы самая возможность разоренія прекратилась? Какъ прибѣгать къ такого рода наивностямъ, для подтвержденія пользы новыхъ дорогъ, будто у насъ явятся десятки новыхъ торговыхъ мѣстъ такихъ, какъ Петербургъ, Рига

и Одесса? Будто во многихъ губернскихъ городахъ поселятся просвѣщенные торговые дѣятели, которые принесутъ странѣ громадную пользу? Какъ рѣшаться увѣрить, будто отъ постройки киево-одесской желѣзной дороги хлѣбъ въ Одессѣ подешевѣетъ, такъ что будетъ въ состояніи выдержать соперничество съ венгерскимъ хлѣбомъ? Зачѣмъ же не заняться хорошенько изученіемъ сельскаго хозяйства въ Европѣ, чтобы потомъ сравнить его съ нашимъ и съ какою-нибудь основательностью заключить о надеждахъ на соперничество? Какъ же не обратить вниманія на наши климатическія и географическія условія? Какъ не дойти до убѣжденія, что страна, приговоренная къ вѣчному отпуску за границу сырыхъ продуктовъ и вѣчному полученію фабрикатовъ изъ-за границы, этимъ самымъ приговорена къ вѣчному первобытному состоянію и къ роли черно-рабочаго по отношенію къ фабрикующимъ странамъ? Можно такимъ образомъ наивничать только при одномъ условіи, при взглядѣ на Россію сквозь очки англійскаго политико-экономическаго ученія, да еще при извѣстномъ научномъ стоицизмѣ, который утверждаетъ, что если при невыгодныхъ условіяхъ страна не можетъ выйти изъ первобытнаго, варварскаго состоянія, изъ роли черно-рабочаго, такъ стало-быть и не надо ей выходить, туда ей и дорога. Точно такъ же разсуждалъ бы врачъ, давая своему паціенту невыносимый пріемъ сильнаго лекарства: не поправится, такъ туда ему и дорога. Не мѣшаетъ однако же спросить паціента, согласенъ ли онъ на эту дорогу?

Никто не сомнѣвается въ великой выгодѣ хорошихъ, удобныхъ и быстрыхъ путей сообщенія. Они сближаютъ между собою производителей, при помощи ихъ населеніе страны становится какъ-будто гуще и такимъ образомъ мѣна облегчается. Еслибы для общества не пужна была мѣна, то не было бы никакой надобности и въ дорогахъ. Мѣна въ обширномъ смыслѣ есть душа обществъ, первое и послѣднее слово цивилизациа.

Мѣна происходитъ отъ раздѣленія труда. Только что люди пошли до умѣнья защищать себя и свои жатвы отъ дикихъ звѣрей, какъ земледѣліе начало давать излишекъ противъ того, что необходимо для существованія земледѣла. Тогда часть общины оставляетъ обработку земли и принимается за ремесла. Кузнецъ и ткачъ получаютъ свое продовольствіе, обмѣниваясь услугами и продуктами съ пахаремъ. Даже еще раньше этой степени общиннаго развитія мѣна услугъ происходитъ въ семействѣ. Дикарь доставляетъ пищу, женщина ее готовитъ; онъ убиваетъ звѣрей, она дѣлаетъ изъ шкуръ одежду. Домашняя мѣна началась съ тѣхъ поръ, какъ Адамъ сталъ воздѣлывать землю, а Ева пряхетъ.

Чтобы произошла мѣна, необходимо нужны два продукта, два производителя, да еще надобно производителямъ войти въ сношеніе между собою. Въ дѣйствительности они обмѣниваются только взаимными услугами, т. е. услуга одного обмѣнивается на услугу другого. Эта истина несомнѣнна, когда обмѣниваются личныя услуги, напримѣръ въ семействѣ или въ крестьянской помощи во время уборки хлѣба. Имѣется безчисленное множество формъ взаимныхъ услугъ людей, составляющихъ общину, и выгоды этого очевидны, потому что сообща можно сдѣлать то, чего одинъ человекъ никогда не сдѣлаетъ безъ помощи машинъ, напримѣръ выстроить домъ. Въ обмѣнѣ услугъ, заключающихся въ предметахъ вещественныхъ, этотъ фактъ нѣсколько затемненъ. Дѣйствительные производители рѣдко входятъ въ личныя сношенія, и продукты, которыми они мѣняются, почти никогда не сравниваются между собою непосредственно. Новгородскій крестьянинъ привозитъ въ Питеръ возъ сѣна и продаетъ на наличныя деньги, потомъ на эти деньги онъ покупаетъ самоваръ, сдѣланный въ Тулѣ изъ уральской мѣди и фунтъ чаю, выращеннаго и собраннаго въ Китаѣ. Производство сѣна было необходимымъ условіемъ продажи мѣди, самовара и чаю, а производство самовара и чаю неизбѣжное условіе продажи сѣна. Производство одного зависѣло отъ производства другого, потому что рабочіе производили обмѣненные тутъ предметы не для личнаго своего употребленія. Если производители мѣди, самовара и чаю не получаютъ прямо новгородскаго сѣна за свою работу, то сѣно здѣсь замѣняетъ другіе продукты, которые были имъ выданы, и пока эти продукты не замѣнены сѣномъ, самоваръ и фунтъ чаю только занимаютъ мѣсто на рынкѣ, въ ожиданіи воза сѣна, мѣшаютъ новому производству сырого матерьяла, изъ котораго они сдѣланы и приложенію труда, необходимаго на фабрикацію окончательныхъ предметовъ новой мѣны. Всего важнѣе при этомъ замѣтить, что люди, предлагающіе сбытъ продуктовъ и дающіе поводъ къ ихъ производству — вовсе не тѣ, которые перевозятъ ихъ и торгуютъ ими, а тѣ, кто потребляетъ ихъ окончательно для удовлетворенія своихъ нуждъ и производитъ новые продукты или услуги для мѣны. Только трудъ создаетъ запросъ на трудъ, и именно трудъ, посвящаемый на производство, а не тотъ, который посвященъ только производству мѣны. Этотъ послѣдній только возвышаетъ цѣнность продуктовъ, не увеличивая ихъ количества.

Милль, знаменитый англійскій политико-экономъ, стало-быть пристрастный поклонникъ капитала, постановляетъ основное ученіе свое о капиталѣ. «Если что платитъ и производително употребляетъ трудъ, такъ это капиталъ, истраченный на то, чтобы зачать

этотъ трудъ , а не запросъ со стороны погребителей оконченныхъ продуктовъ труда. Спросъ продуктовъ не есть спросъ труда. Запросъ на продукты опредѣляетъ только , къ какой особенной отрасли производства будутъ направлены капиталъ и трудъ. Запросъ опредѣляетъ *направленіе* труда , а вовсе не большее или меньшее количество самаго труда или его вознагражденіе.» Знаменитый поклонникъ капитала объявляетъ , что эта истина можетъ казаться парадоксомъ для умовъ обыкновенныхъ , и что только Рикардо и Сей постоянно видѣли это въ виду. Но тутъ понятно само собою , сколько лжи можно построить на ложномъ основаніи. Это основаніе подстроено въ особенности затѣмъ , чтобы на немъ возвести ученіе будто бы , съ точки зрѣнія народнаго труда , все равно какъ потребитель тратитъ деньги для удовлетворенія своихъ нуждъ : обращается ли онъ къ національной промышленности , или къ иностранной. Но мы покажемъ , что останавливаться на этомъ не будемъ. Когда-нибудь мы подробно разберемъ эту основную теорему капитала и докажемъ , какъ она далека отъ истины. Но отсюда , въ этомъ вопросѣ и въ его развитіи мы идемъ въ другую сторону отъ Милля.

Одного только физическаго сближенія не довольно для установленія правильной мѣны. Никто не оставитъ и на нѣкоторое время работы , доставляющей ему пищу и одежду безъ твердой увѣренности , что одна изъ этихъ потребностей удовлетворена будетъ кѣмъ-либо другимъ , въ обменъ на подобную же съ его стороны услугу. Такимъ образомъ имѣется настоящій , хотя и безмолвный контрактъ , въ силу котораго земледѣль , собирающій болѣе хлѣба , чѣмъ ему нужно , можетъ обмѣниваться на работу чловѣка , приготовляющаго тоже лишнее количество одежды.

Въ первыя же времена общества люди должны были замѣтить , что раздѣленіе труда представляетъ значительныя выгоды. Они должны были замѣтить , что отъ раздѣленія труда увеличивается производительная его сила по многимъ причинамъ , прекрасно развитымъ и доказаннымъ въ политической экономіи. Повторять ихъ здѣсь мы не будемъ.

Мѣна и раздѣленіе труда имѣютъ одинаковый объемъ и взаимно зависятъ другъ отъ друга. Мѣна бываетъ выгодна чловѣку или его общинѣ на столько , на сколько увеличивается производительность отъ раздѣленія труда. Положимъ , что двумъ людямъ А и В необходимо имѣть по одной шляпѣ и по парѣ сапогъ ; можно кстати предположить , что сдѣлать шляпу можно ровно во столько же времени , во сколько сапоги. Чтобы примѣръ вышелъ яснѣе , положимъ также , что А дѣлаетъ однѣ только шляпы и такъ набилъ себѣ руку въ этомъ дѣлѣ , что можетъ сдѣлать шляпу въ три дня , и ровно во

столько же времени В сошьетъ пару сапогъ, тоже вслѣдствіе привычки. Еслиже каждый изъ нихъ будетъ самъ дѣлать и шляпы, и сапоги, и телѣги, и печки, и еще нѣсколько другихъ вещей, то безъ преувеличенія можно сказать, что имъ нужно было бы, безъ привычки къ одной работѣ, цѣлые шесть дней на производство шляпы и ровно столько же на производство пары сапогъ. Тутъ при раздѣленіи труда три дня даютъ такой же результатъ, какъ шесть дней безъ этого раздѣленія. Въ три дня шляпочникъ дѣлаетъ шляпу себѣ, а въ три слѣдующіе дня, дѣлая шляпу для своего сосѣда-сапожника, онъ зарабатываетъ себѣ пару сапогъ. И сапожникъ дѣлаетъ тоже самое. Въ шесть дней у cadaго явилось по шляпѣ и по парѣ сапогъ, тогда какъ безъ раздѣленія труда и безъ мѣны у одного не было бы сапогъ, а другой ходилъ бы безъ шляпы. До-сихъ-поръ выгода ограничивается только двумя лицами. Но если они будутъ продолжать работать еще недѣлю, община обогатится еще двумя парами сапогъ и двумя новыми шляпами, для двухъ другихъ лицъ, которыя безъ сообщества производителей не имѣли бы этихъ вещей, необходимыхъ для ихъ здоровья или удобства, стало-быть для увеличенія ихъ производительныхъ силъ. Выигрышъ производящихъ и мѣняющихся лицъ есть выигрышъ ихъ общины. Что тутъ выигралъ сапожникъ? — Время, оставшееся у него въ экономіи, три дня, которые не пропали у него на дѣланье половины шляпы и въ которые онъ могъ прибавить къ общему богатству новую пару сапогъ. Подобнаго же рода выигрышъ на сторонѣ шляпочника. Ихъ община выиграла одну шляпу и одну пару сапогъ, которыхъ бы безъ раздѣленія труда и безъ мѣны вовсе бы не было.

Но положимъ, что оба эти лица не члены одной общины, а сапожникъ живетъ въ Москвѣ, а шляпочникъ въ Парижѣ, и предположимъ, что какимъ-нибудь образомъ мѣна ихъ продуктовъ произойдетъ безъ расходовъ на перевозку и безъ вмѣшательства купцовъ. Чтоже выйдетъ? Русскій сапожникъ точно такъ же выиграетъ время на производство новой пары сапогъ, или просто новые сапоги; это будетъ въ барышахъ для его страны; но страна ничего не выиграетъ отъ лишней шляпы, которую, благодаря мѣнѣ, успѣетъ сдѣлать французскій шляпочникъ. Эта лишняя шляпа потеряна для Россіи, и становится барышомъ Франціи. Имѣется конечно выгода для обѣихъ странъ (оставляя пока всторонѣ перевозку, купцовъ и пр.); но эта выгода составляетъ ровно половину той, которая была бы въ случаѣ принадлежности обоихъ мѣняющихся къ одной общинѣ. Еслибы можно было уговорить парижскаго шляпочника переѣхать въ Москву и сдѣлаться русскимъ, то

понятно, что его мѣна съ сапожникомъ доставитъ странѣ двойную выгоду. Увеличеніе дѣйствительности его труда (вслѣдствіе возможности мѣнять свои продукты на трудъ своихъ соотечественниковъ) составитъ прибыль страны въ видѣ большого запаса шляпъ.

Какъ бы ни опредѣлялась цѣнность мѣняемыхъ продуктовъ, какая бы ни была разница въ цѣнѣ шляпъ русскихъ и французскихъ, это не измѣняетъ силы великаго закона о бѣльшей выгодности внутренней мѣны противъ заграничной, но разсужденіе, основанное на цѣнности и цѣнахъ можетъ нѣсколько затемнить дѣло, нисколько впрочемъ не измѣняя его сущности. Цѣнность и цѣна, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами, могутъ въ самомъ дѣлѣ опредѣлить предѣлъ, до котораго внутренняя мѣна выгодна для общины; но это нисколько не ослабляетъ заключенія, что внутренняя мѣна, при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, и принимаемая въ соображеніе только существенныя основанія всякой мѣны, выгоднѣе иностранной торговли.

Ад. Смитъ съ этимъ совершенно согласенъ, но затемняетъ дѣло вводнымъ обстоятельствомъ, именно капиталомъ, который служитъ орудіемъ мѣны. На конечный результатъ, на сущность, на смыслъ дѣла капиталъ не имѣетъ никакого вліянія, кромѣ того, что онъ требуетъ уплаты за свои услуги и такимъ образомъ беретъ на свою долю часть продуктовъ у производителей, отнимаетъ часть ихъ выгодъ. Не прибавляя ничего къ количеству продуктовъ, капиталъ отнимаетъ у обѣихъ сторонъ по нѣкоторой части, которая досталась бы на долю производителей, еслибы они стали въ непосредственныя между собою сношенія, безъ его помощи. Изъ этого не слѣдуетъ, что услуги капитала въ этомъ случаѣ бесполезны для общины. Напротивъ, нѣкоторое количество капиталовъ, посвященныхъ мѣнѣ совершенно необходимо, по тому же закону раздѣленія труда. Но понятно, что чѣмъ относительно менѣе нужно капитала и труда для удовлетворительнаго движенія мѣны въ данной общинѣ, тѣмъ болѣе останется капитала и труда на дѣла производительныя. Въ этомъ случаѣ Россія находится въ исключительномъ положеніи, о которомъ рѣчь впереди.

Рикардо и другіе поклонники капитала несогласны съ этимъ закономъ о выгодности внутренней мѣны, и оставляя въ сторонѣ производителей, истинныхъ и конечныхъ дѣйствующихъ лицъ всякой мѣны, ставятъ на ихъ мѣсто купцовъ, которыхъ выгоды зависятъ просто отъ цѣны, по которой они могутъ продать товаръ своей за границей, тогда какъ по отношенію къ внутренней мѣнѣ важно количество продуктовъ, а вовсе не ихъ цѣна, которая никогда почти не соотвѣтствуетъ цѣнности. По отношенію къ выгодамъ народа,

цѣна и цѣнность находятся въ правильномъ отношеніи между собою только тогда, когда *дѣйствительный* трудъ общины равняется *ей нарицательному* труду, когда вся производительная способность общины находится въ полной дѣятельности и трудъ раздѣленъ выгоднѣйшимъ образомъ. Все, что имѣетъ община, идетъ на содержаніе членовъ этой общины, несмотря на то, могутъ они или хотѣть они работать, или не могутъ и не хотѣть. И въ этомъ случаѣ Россія находится въ исключительномъ положеніи, о которомъ мы будемъ еще имѣть случай говорить. Вспомнимъ только покамѣстъ, что нашъ дѣйствительный трудъ вдвое меньше нарицательнаго по одному уже тому, что климатъ мѣшаетъ намъ работать половину года, не считая другихъ невыгодныхъ для нашего труда условий, изъ которыхъ нѣкоторыя перестали существовать съ 19 февраля прошлаго года, а другія и до-сихъ-поръ еще существуютъ. Частному торговцу до всего этого нѣтъ дѣла. Барышомъ въ рубляхъ и въ копѣйкахъ для него рѣшаются и заканчиваются всѣ его операціи, а тамъ — хоть трава въ полѣ не рости. Какъ только цифра купеческихъ барышей примѣшается къ нашимъ соображеніямъ, тотчасъ является нѣкоторая сбивчивость, и надо постоянно быть насторожѣ, чтобы не впасть въ ошибку. Такъ не воздержался Робертъ Пиль въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей, когда хотѣлъ примѣромъ подтвердить ученіе Рикардо и другихъ новѣйшихъ англійскихъ экономистовъ.

«Положимъ — говорилъ онъ — что въ одномъ городѣ живутъ два ремесленника или два купца: одинъ сапожникъ, а другой портной. Этому нужны сапоги, а тому платье. Имъ кажется, будто они обязаны поддерживать промышленность своего города и торговать другъ съ другомъ вмѣсто того, чтобы мѣняться съ иностранцами. За нѣкоторое количество платья сапожникъ платитъ портному десять шиллинговъ, тогда какъ въ сосѣднемъ городѣ могъ бы имѣть тоже самое за семь шиллинговъ. Портной точно также платитъ десять шиллинговъ за сапоги, которые могъ бы имѣть въ другомъ городѣ за семь. Развѣ въ этомъ городѣ не произошло такимъ образомъ убытку шесть шиллинговъ?»

Замѣчательно, что умному человѣку представилось, будто бы на этотъ вопросъ можно отвѣчать иначе, какъ отрицательно. Вся эта операція есть обмѣнъ сапогъ на платье, и больше ничего. Что же за дѣло городу, высока цѣна или низка, когда она одна и та же съ обѣихъ сторонъ? Пусть даже часть платья стоитъ тысячу рублей, и сапожникъ занимаетъ эту сумму у банкира, чтобы платье купить. На другой день портной покупаетъ пару сапогъ за ту же тысячу, которую вчера получалъ отъ сапожника, который и отвоситъ эти

деньги банкиру въ уплату своего долга. До мѣны городъ имѣлъ сапоги, платье и тысячу рублей, послѣ мѣны осталось тоже самое. Что справедливо о городѣ, то одинаково справедливо и о гораздо большемъ пространствѣ, объ огромной общинѣ. Для тѣхъ, кто мѣняется своей работой, совершенно все равно, какая цѣна показана на ярлычкахъ, прилѣпленныхъ къ товару, высокая или низкая, лишь бы въ обоихъ случаяхъ они заработали, т. е. вымѣняли одно и тоже.

Робертъ Пиль объясняетъ свою фразу предположеніемъ, будто каждый шилингъ соотвѣтствуетъ часу работы и говоритъ, что въ мѣнѣ между портнымъ и сапожникомъ каждый отдалъ десять часовъ труда за вещь, которую могъ бы приобрести за семь часовъ, и имѣть три часа въ своемъ распоряженіи. Весь вопросъ значитъ въ томъ, чтобы въ случаѣ заграничной мѣны нашлась работа. Положимъ, что сапожникъ могъ бы купить нужное ему платье за границей, но въ такомъ случаѣ онъ приговорилъ бы портного къ десятичасовому бездѣйствію. Тоже самое могъ бы сдѣлать портной относительно сапогъ и сапожника. Стало-быть задача въ томъ, какимъ образомъ человѣкъ можетъ получить семь шилинговъ за десять часовъ бездѣйствія? Конечно легче заработать семь шилинговъ, чѣмъ десять, работая по шилингу за часъ, но когда нѣтъ работы, точно также невозможно добыть семь шилинговъ, какъ и десять.

Но примѣръ Роберта Пила, ничего не доказывающій въ томъ смыслѣ, какъ онъ хотѣлъ, наводитъ однакоже на весьма важный вопросъ касательно весьма низкаго заработка, дающаго только хлѣбъ насущный. Два работника, которыхъ трудъ только что ихъ прокармливаетъ, прибавляютъ къ народному капиталу не болѣе того, что прибавляетъ одинъ. Все равно, одинъ ли человѣкъ добываетъ себѣ пропитаніе безъ всякихъ остатковъ, или два, капиталъ общины остается неподвижнымъ. Еслибы они оба умерли, то народъ нисколько не сдѣлался бы бѣднѣе прежняго. Но если кромѣ пропитанія они производятъ излишекъ, то, какъ бы онъ малъ ни былъ, народное богатство увеличивается, и смерть одного изъ нихъ была бы истинною потерей. Внутренняя торговля въ сравненіи съ иностранной оживляетъ большее количество труда, это несомнѣнно. Если же къ тому можно доказать, что она дѣлаетъ данный трудъ производительнѣе, то преимущества ея будутъ несомнѣнны, и самые ученики англійскихъ экономистовъ согласны будутъ въ томъ, что, правда, ихъ ученіе весьма выгодно, представляетъ наибольшее ручательство успѣшнаго хода дѣлъ, но для одной только Англій.

Итакъ выгода мѣны внутренней или заграничной заключается въ увеличеніи производства вслѣдствіе раздѣленія труда. Мы говорили все о трудѣ, приспособляющемъ предметы къ непосредственному употребленію. Шляпочникъ, сапожникъ, портной берутъ шерсть, шолкъ, кожу или мѣха, измѣняютъ ихъ первоначальную форму и превращаютъ ихъ въ издѣлія, ожидающія только потребителя. Если обѣ системы мѣны дѣлаютъ трудъ болѣе производительнымъ, то или доставляютъ сбереженіе сырого продукта, т. е. дозволяютъ производить тоже количество и тоже качество фабрикатовъ изъ меньшаго количества сырыхъ матерьяловъ, или даютъ той же суммѣ труда силу измѣнять и превращать въ окончательный видъ большее количество сырья. Но это послѣднее условіе выгодно только тогда, когда ведетъ къ производству большаго количества матерьяловъ. Если не является большее противъ прежняго количество шерсти, льну или хлопка, то умѣнье превращать ихъ въ одежду съ сбереженіемъ труда становится совершенно бесполезнымъ. Надо чтобы трудъ, сберегаемый въ окончательной обработкѣ, былъ обращенъ на производство обрабатываемыхъ матерьяловъ. Въ другомъ случаѣ, когда выгода заключается въ сбереженіи матерьяловъ, въ результатѣ выходитъ тоже самое. Во всякомъ случаѣ выгода состоитъ въ производствѣ даннаго предмета съ остаткомъ матерьяловъ на новый предметъ.

Стало-быть вопросъ въ томъ, какая система болѣе благопріятствуетъ производству сырыхъ продуктовъ, та ли, при которой сырые продукты перерабатываются по близости производителей, или та, которая вывозитъ сырье за границу, для употребленія другихъ народовъ? Иначе сказать, надо разсмотрѣть, какое вліяніе имѣетъ близость или дальность потребителей на выгоды земледѣльской промышленности. Поэтому надо разсмотрѣть препятствія къ мѣнѣ, то есть то, во что мѣна обходится. Разстояніе между производителемъ и потребителемъ есть великое препятствіе; цѣна провоза составляетъ для нихъ великую тягость, и въ этомъ случаѣ согласны всѣ экономисты.

Четыре тысячи четвертей хлѣба стоятъ гдѣ-нибудь въ хлѣбородной губерніи положимъ четыре тысячи рублей. За провозъ ихъ до Москвы надо заплатить тысячу, что и составитъ четвертую часть всего количества, или 1000 четвертей только за провозъ товара на рынокъ. Хозяинъ отправился съ мѣста имѣя 4,000 четвертей, а на мѣстѣ у него оказывается всего только 3,000. Результатъ одинъ и тотъ же, удерживаютъ ли перевозчики хлѣбъ натурой за свои личные услуги и въ видѣ процентовъ на капиталъ, заключающійся въ ихъ лошадяхъ и баркахъ, или производитель хлѣба платитъ за ихъ

услуги деньгами. Во всякомъ случаѣ у производителей останется три тысячи четвертей или цѣна трехъ тысячъ четвертей на покупку необходимыхъ для него продуктовъ. Если однакоже онъ тратитъ эти три тысячи четвертей на покупку московскихъ фабричныхъ издѣлій на продажу или для собственнаго употребленія, эти товары должны еще сдѣлать весь обратный путь, на мѣсто производства хлѣба, гдѣ они и будутъ потреблены оковчательно. Стало-быть надо сберечь еще достаточно хлѣба или цѣны хлѣба, чтобы заплатить за ихъ провозъ. Къ счастью мануфактурныя издѣлія въ меньшемъ объемѣ заключаютъ болѣе цѣнности, чѣмъ земледѣльческіе продукты, и слѣдовательно провозъ ихъ дешевле. Двухъ сотъ четвертей хлѣба или даже меньше достаточно для перевозки мануфактурныхъ издѣлій, замѣняющихъ такое количество хлѣба, котораго провозъ обошелся въ тысячу четвертей. И тутъ результатъ одинъ и тотъ же, заплатится ли провозъ мануфактурныхъ издѣлій хлѣбомъ, или самыми издѣліями, или деньгами отъ продажи нѣкоторой части этихъ издѣлій, все равно. Производители хлѣба получать ихъ меньшее количество, и какія бы ни были приняты мѣры для уплаты, во что бы ни обошлись купленные товары, все-таки провозъ въ оба пути ложится весь на производителя хлѣба.

Еслибы это не было понятно само собою, то можно въ этомъ убѣдиться, разсмотрѣвъ цѣны хлѣба на разныхъ разстояніяхъ отъ большого рынка, наиримѣръ въ Оренбургѣ, въ Самарѣ, въ Казани, въ Нижнемѣ, въ Ярославлѣ, въ Рыбинскѣ, въ Питерѣ и въ Лондонѣ. Разницы въ цѣнахъ довольно вѣрно соотвѣтствуютъ цѣнамъ провоза отъ мѣста до мѣста.

По отношенію къ цѣнности труда все это точно такъ же справедливо. Понятно само собою, что за извѣстное количество хлѣба можно получить столько труда, сколько это количество, пройдя сквозь человѣческое тѣло, можетъ поддержать мускульной дѣятельности; очевидно точно такъ же, что хлѣбъ не приобрѣтетъ большей питательной силы отъ перемѣны мѣста. Четверть хлѣба возстановитъ такое же количество потерянной мускульной силы въ курской губерніи, какъ и въ англійской мастерской, и посредствомъ животной химіи можетъ быть обращена тамъ и здѣсь въ одинаковое количество механической силы. Ремесленникъ, потребляющій этотъ хлѣбъ въ Англии не можетъ ни въ какомъ случаѣ сдѣлать больше дѣла, чѣмъ сколько онъ сдѣлалъ бы, еслибы работалъ близъ самаго того мѣста, гдѣ растетъ этотъ хлѣбъ. Тоже самое можно сказать о сыромъ матеріалѣ для фабрикъ. Все, что можно получить въ объѣмъ на берковецъ льну, это кусокъ ткани, которая изъ него выйдетъ безъ того, что стоило спрясть его и соткать. Но это можно бы полу-

чить ряломъ съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ленъ растетъ. Но если фабрика въ Голландіи, то земледѣлецъ долженъ еще потерять все то, что стоятъ провозъ льну изъ ярославской губерніи въ Голландію и провозъ ткани обратно. Кстатѣ замѣтить, что провозъ льну стоитъ почти тоже, что передѣлка его въ ткань. Гораздо дешевле обошлось бы соткать полотно на мѣстѣ, свозить его въ Голландію и привести обратно, чѣмъ везти туда ленъ и привезть полотно, потому что послѣднее занимаетъ меньше мѣста.

Всякое улучшеніе въ средствахъ перевозки, ведущее къ удешевленію провоза, производитъ такое же дѣйствіе, какъ уменьшеніе разстоянія. За мѣна луговой дороги шоссейною, за мѣна шоссейной дороги желѣзною или еще лучше каналомъ уменьшаетъ цѣну провоза земледѣльческихъ продуктовъ на рынки, и вся разница въ цѣнѣ немедленно прибавляется къ цѣнности продуктовъ на мѣстѣ ихъ производства. Это обстоятельство вмѣстѣ съ своимъ результатомъ, который состоитъ въ сбереженіи производителю всѣхъ расходовъ перевозки, повторяется такъ часто, что доказывать его нечего.

Еслибы цѣны земледѣльческихъ продуктовъ были неподвижны, то очевидно, что можно отыскать такое разстояніе отъ рынка, на которомъ вся цѣнность этихъ продуктовъ будетъ вполнѣ поглощена провозомъ. А провозъ обходится дороже или дешевле, смотря по объему и вѣсу продуктовъ и по способу перевозки. Изъ обнаруженныхъ отчетовъ, о дѣйствіяхъ провіантскаго вѣдомства во время крымской войны видно, что бывали иногда приказанія отправить для потребностей арміи сѣно изъ екатеринославской губерніи въ Севастополь на волахъ. Случалось, что дорогою вола съѣдали все сѣно, которое везли, и являлись въ дѣйствующую армію вовсе безъ сѣна, такъ что приходилось еще имъ же выдавать кое-что на обратный путь, или покупать воловъ на убой, а сѣна все-таки не было. Тутъ осязательно продуктъ поглощался сполна перевозкой. Въ Самарѣ бывали случаи, что пшеница бѣлокурка, привезенная на волахъ съ Урала, вся безъ остатка отлавалась возчикамъ за провозъ. Будь это не пшеница, а рожь, то при болѣе низкой своей цѣнѣ она не доѣхала бы до Самары. Картофель, имѣющій объемъ еще большій, не имѣетъ никакой цѣны еще на меньшемъ разстояніи. Другіе продукты, какъ напримѣръ персики, малина, не могутъ выносить значительной перевозки, такъ какъ они очень нѣжны. Молоко можетъ перевозиться лишь на небольшое разстояніе; масло можетъ ѣхать нѣсколько далѣе, сыръ еще далѣе. Соображаясь съ этимъ, производитель можетъ разнообразить свою промышленность, и ежели отъ него рынокъ такъ далекъ, что напримѣръ цѣнность

ржи вся поглощается провозомъ, онъ можетъ обойти затрудненіе, превративъ свою рожь въ свиное мясо. Семь фунтовъ зерна, при хорошемъ уходѣ за домашнимъ скотомъ, превращаются въ фунтъ свиного мяса, перевозка котораго обходится въ семь разъ дешевле, нежели семь фунтовъ зерна. На извѣстномъ разстояніи поглощается и цѣнность мяса. Въ Бразиліи и въ южной Россіи убивается несмѣтное множество животныхъ ради только кожъ и сала, а мясо остается безъ употребленія. И вездѣ, въ цѣломъ свѣтѣ земледѣлецъ обязанъ приспособлять свои приемы не только къ свойствамъ своей почвы, но и къ разстоянію своему отъ потребителей. Въ своихъ посѣвахъ, сѣвооборотахъ и въ уходѣ за скотомъ онъ вынужденъ сообразоваться не съ количествомъ, которое онъ можетъ получить въ обмѣнъ на данное количество труда, но съ тѣми жертвами, которыя онъ долженъ принести для доставленія своихъ продуктовъ потребителямъ.

Такимъ образомъ иностранная торговля, отвлекая трудъ отъ производства и обращая его на перевозку продуктовъ, влечетъ за собою необходимо, въ сравненіи съ внутренней торговлей, значительную потерю силы. Чѣмъ ближе другъ къ другу мѣняющіеся между собою, тѣмъ большее количество продуктовъ они могутъ привозить на рынокъ и взаимно предлагать, и тѣмъ больше слѣдовательно будетъ цѣнность и итогъ происходящей между ними мѣны. Ясно, что близость ихъ между собою будетъ пропорціональна числу жителей страны. Когда въ Россіи будетъ вмѣсто нынѣшнихъ шестидесяти-пяти — сто тридцать мильоновъ жителей, разстоянія между жителями будутъ вдвое менѣе. Перевозочныя средства всей торговли ста-тридцати мильоновъ не должны будутъ превышать тѣхъ, которыя достаточны для шестидесяти-пяти мильоновъ. А между тѣмъ количество ихъ продуктовъ, по естественному ходу дѣлъ, болѣе нежели удвоится, потому что меньшее количество труда будетъ отвлечено отъ производства и сверхъ того производство будетъ обильнѣе вслѣдствіе большаго раздѣленія труда.

Внѣшняя торговля необходимо ведетъ къ обдѣлыванію почвы, къ уменьшенію ея производительныхъ силъ или, что тоже самое, требуетъ все большаго количества труда и капитала для поддержанія одинаковой степени ея плодородія. Нѣтъ на свѣтѣ неистощимой почвы. Если изъ почвы извлекается извѣстная составная часть ея, хотя бы въ самомъ незначительномъ количествѣ, то продуктъ, которому эта часть необходима, наконецъ перестанетъ образовываться. Когда на извѣстномъ пространствѣ земли пасутся животныя, то производительность почвы повидимому не уменьшается. Но если это коровы, то въ ихъ молоко заключаются значительное ко-

личество фосфорнокислой извести, и если постоянно отсылать его на рынок, то почва перестанет наконец рано или поздно давать траву, годную на производство молока. Честширскія пастбища, въ Англіи, знаменитыя огромнымъ количествомъ производившагося на нихъ масла и сыру, об'являя такимъ образомъ. Плодородіе возстановилось отъ обильной посыпки молотыми костями, которыя были привезены большею частию изъ Ватерлоо и съ другихъ мѣстъ сраженій на материкѣ. Всякая жатва безъ исключенія извлекаетъ изъ почвы какую-нибудь существенную составную часть, и въ какой бы формѣ эта часть ни была вывезена, въ мускулахъ и костяхъ животныхъ, въ видѣ льнянаго волокна или въ видѣ руна, сколько бы передѣлокъ ни прошла она, но только-что она вывезена, земля столько именно потеряла. Природа есть очень добродушный кредиторъ, который вовсе не требуетъ процентовъ и убытковъ за истощеніе своей производительности. Но капиталъ ей слѣдуетъ возвращать непременно въ видѣ удобренія, иначе она не въ состояніи будетъ давать. У насъ не въ обычаѣ считать, сколько мы должны землѣ, а стоило бы объ этомъ подумать. Въ 1850 году считано, во что обходится удобреніе, ежегодно возвращаемое почвѣ въ Великобританіи. Выходитъ, что удобреніе это стоитъ ежегодно 103,369,139 фунтовъ стерлинговъ, т. е. немного менѣе той суммы, которая составляется въ годъ изъ привоза всѣхъ въ Великобританію товаровъ изъ всѣхъ частей свѣта. (Въ 1858 году эта сумма была 116,414,331 ф. ст.).

Такимъ образомъ торговля внутренняя или домашняя содержитъ крайней-мѣрѣ двойное количество производителей, нежели могла бы содержать торговля внѣшняя; она стремится къ увеличенію производительной силы всѣхъ рабочихъ, тогда какъ внѣшняя торговля похищаетъ изъ земли важнѣйшія для плодородія составныя части. Это особенно вѣрно по отношенію къ тому виду торговли, который стараются навязать другимъ народамъ англійскіе экономисты и настойчивая политика англійскаго правительства. Имъ хочется, чтобы всѣ страны производили сырые продукты, которые вывозились бы въ Англію для переработки и потомъ снова привозились бы для употребленія первыми производителями. Ад. Смитъ сильно возставалъ противъ распоряженій правительства, стѣснявшихъ производство въ американскихъ колоніяхъ, когда онѣ еще не освободились. Между прочимъ онъ замѣчаетъ:

«Англія покровительствуетъ въ Америкѣ производство сырого желѣза въ брускахъ, избавляя его отъ пошлины при ввозѣ въ Великобританію, а между тѣмъ безусловно запрещаетъ устройство въ Америкѣ мануфактуръ стальныхъ. Она не хочетъ, чтобы колоніи фабриковали эти болѣе тонкія издѣлія даже для своего собствен-

наго употребленія, но требуетъ, чтобы онѣ покупали всѣ необходимыя для нихъ вещи у ея купцовъ и заводчиковъ. Она безусловно запрещаетъ перевозъ изъ одной американской провинціи въ другую сухимъ путемъ и волою, на лошади или на телегѣхъ шляпъ, шерсти и шерстяныхъ издѣлій американскихъ мануфактуръ; отъ этого никакъ тамъ не могли устроиться большія мануфактуры для тонкихъ издѣлій, такъ какъ не было выгоды прилагать слишкомъ большія старанія для каждой маленькой провинціи отдѣльно.»

Англійская политика и до сихъ поръ держится тѣхъ же самыхъ правилъ вездѣ, гдѣ только можетъ, во всѣхъ странахъ земного шара, гдѣ силою, а гдѣ и убѣжденіемъ. Главная забота ея — заставить народъ привозить сырые продукты, въ самой необработанной формѣ и посредствомъ машинъ обращать эти продукты въ оконченный видъ на англійскихъ фабрикахъ и заводахъ. Соединенные-Штаты семь лѣтъ вели войну, чтобы освободиться отъ такого стѣсненія. Когда новые штаты освободились, то у нихъ вовсе не было промышленнаго развитія, которое запрещалось у нихъ метрополіей, и запрещеніе это продолжалось косвенно, посредствомъ остановки высленія ремесленниковъ и вывоза машинъ изъ Англій. Съ тѣми выгодами, которыя были на ея сторонѣ, съ монополіей машинъ и искусствыхъ, опытныхъ, привычныхъ рабочихъ, ея мануфактуры продавали свои продукты такъ дешево, что въ конецъ разорили предпринимчивыхъ ремесленниковъ, которые въ другихъ странахъ вздумали попражать ея машинамъ и привыкать къ ихъ употребленію.

Понятно само собою, что монополія фабричнаго, оканчивающаго труда имѣетъ точно такое же дѣйствіе на народы, которые ей покоряются, чѣмъ она ни поддерживается, умѣньемъ ли, ловкостью, талантомъ или силою оружія. Въ томъ и въ другомъ случаѣ народы вынуждены производить иѣну такъ, что она тратитъ и истощаетъ самые источники производства, похищая у труда его законное вознагражденіе. Если народы свободны, если они не связаны какими-нибудь дипломатическими обстоятельствами или силою оружія, то они могутъ выбирать и рѣшать, что имъ выгодноѣе. Невыгоды внѣшней торговли, по свойству своему, постоянны. Выгоды внутренняго производства и внутренней торговли постоянны точно также, и сверхъ того постоянно возрастаютъ. Возрастающее разнообразіе работъ, и стало-быть талантовъ и способностей, увеличеніе капитала вслѣдствіе возрастанія плодородія земли и сокращенія бесполезныхъ тратъ на перевозку, естественнымъ образомъ увеличиваютъ еще большее возрастаніе способностей и капиталовъ на будущее время. Народъ, однажды начавшій увеличивать свою производительную силу, находитъ, что каждый шагъ его впередъ легче предыдущаго;

тогда какъ если онъ дастъ себя увлечь назадъ, съ каждымъ шагомъ становится труднѣе остановиться на стремнинѣ. Съ другой стороны въ сопротивленіи заключается осязательная и непосредственная выгода. Она заключается въ видимомъ пожертвованіи, въ покупкѣ за высшую цѣну, деньгами, продуктовъ, слѣванныхъ дома въ сравненіи съ тѣми, которые предлагаются другими народами. Таково по крайней-мѣрѣ временное слѣдствіе сопротивленія. Но еслибы можно было доказать, что это слѣдствіе постоянное и вѣчное, и что цѣна на деньги есть истинный указатель траты труда, посредствомъ котораго можно добыть иностранный продуктъ, тогда конечно придется согласиться, что кто хотѣлъ бы замѣнить иностранную торговлю внутреннею, тотъ долженъ опираться на какія-нибудь другія соображенія, а не на одни чисто экономическіе доводы. А другія соображенія тоже есть, и не такого рода, чтобы можно было ими вовсе пренебрегать; но о нихъ приходится отложить рѣчь до другого раза.

Въ псковской губерніи растутъ на одномъ полѣ ленъ, а на другомъ, рямомъ, рожь. Всѣ рѣчки и ручьи, текущіе теперь безъ пользы, имѣютъ всѣ условія хорошей двигательной силы для машинъ. Еслибы кто-нибудь вздумалъ утверждать, что псковскій земледѣлецъ; отправляя въ Англію свой ленъ, чтобы его тамъ спряли и соткали, и отправляя также рожь, чтобы ею поддерживать механическую мускульную силу прядильщиковъ и ткачей, можетъ получить ткань дешевле, чѣмъ если онъ заставитъ прясть и ткать свой ленъ у себя дома или у сосѣда, причемъ работники будутъ потреблять его рожь, то сказать это легко, а доказать нѣтъ возможности. Мы говоримъ о ржи и льнѣ только для ясности, хотя англійскій работникъ ржи не ѣстъ, предпочитая откармливать этимъ клѣвкомъ своихъ свиней, а самъ ѣстъ пшеницу, тогда какъ въ чисто земледѣльской, по увѣренію англійскихъ экономистовъ, странѣ и себѣ-то часто недостаетъ ржи, такъ что приходится мѣшать ее съ мякиной. Но особенно ощутительной разницы въ результатѣ не будетъ, если ленъ привезется въ Англію изъ Ярославля, а пшеница изъ Одессы. Если намъ покажутъ прейсъ-курантъ такъ-называемой послѣдней распродажи голандскаго и ирландскаго полотна, привезеннаго изъ-заграницы, въ доказательство того, что ярославское полотно того же достоинства дороже, то можно будетъ подумать, что цѣна на деньги не обозначаетъ настоящаго положенія вещей. Во-первыхъ земледѣлецъ долженъ заплатить за провозъ своего льна до англійскихъ фабрикъ; можетъ быть нужна пятая доля всего количества льну, чтобы окупить провозъ. Можетъ быть такое же количество останется въ видѣ оческовъ. Потомъ онъ заплатитъ за

провозъ пшеницы, служащей для прокормленія прядильщиковъ; и этотъ расходъ поглощаетъ двѣ трети цѣнности пшеницы, которая въ Манчестерѣ стоитъ втрое дороже, чѣмъ въ Харьковѣ, а иногда и болѣе чѣмъ втрое. Прядильщики и ткачи покупаютъ ее по этой возвышенной цѣнѣ, и такъ какъ эта цѣна составляетъ значительную часть ихъ заработка, то пшеница входитъ въ цѣнность полотна по англійской цѣнѣ. Земледѣлецъ (или весь земледѣльческій край) продаетъ пшеницу по пяти рублей за четверть, а выкупаетъ ее обратно въ видѣ полотна по пятнадцати. Сверхъ того часть льну идетъ фабриканту въ вознагражденіе за употребленіе его машинъ и работниковъ въ прибавку къ тому, что они употребляютъ на покупу пшеницы. Наконецъ земледѣль платитъ за провозъ ткани изъ Англіи обратно въ Россію, и потомъ по Россіи до мѣста производства льну. Въ такой громадной странѣ, какъ наша, это тоже чего-нибудь да стоитъ. Изъ всѣхъ исчисленныхъ издержекъ, внутреннему производству и внѣшнему общи только заработная плата рабочихъ и прибыль фабриканта на машины. Все остальное чистѣйшая потеря, не приносящая выгоды ни той, ни другой странѣ. Если можно привезти иностранный продуктъ дешевле, нежели можно произвести его дома, тамъ гдѣ производится сырой для него матеріалъ, то это вѣроятно потому, что иностранный производитель имѣетъ преимущества въ дешевизнѣ капитала и въ дешевизнѣ труда, до такой степени, что эти преимущества перевѣшиваютъ потерю, происходящую отъ всѣхъ остальныхъ частей операціи. О дешевизнѣ труда и капитала здѣсь говорить не мѣсто; но развѣ искомскому земледѣлю не все равно, заплатитъ ли живущему рядомъ съ нимъ прядильщику пудъ хлѣба, или заплатитъ англійскому такому же работнику только пятнадцать фунтовъ, употребивъ остальные двадцать-пять на провозъ хлѣба туда и фабрикованнаго товара отсюда? А если уже держаться только счета на деньги, то не все ли равно: заплатитъ ли четвертакъ за поденную работу, заключенную въ извѣстномъ кускѣ полотна и продать свой хлѣбъ по четвертаку за пудъ (потому что цѣна его опредѣляется весьма отдаленнымъ рынкомъ) — или заплатитъ рубль за поденную работу и продать пудъ ржи за рубль (потому что рынокъ рядомъ). Что справедливо о хлѣбѣ, точно такъ же справедливо и о другихъ земледѣльческихъ продуктахъ, которые надо вывозить, если нѣтъ имъ сбыта внутри страны. Стадо-быть внутреннія, туземныя мануфактуры идутъ къ тому, чтобы уменьшить стоимость мануфактурныхъ произведеній посредствомъ возвышенія цѣнности сырыхъ продуктовъ и хлѣба, на который они вымѣниваются, и труда который они представляютъ. Если принимать въ соображеніе только денежные дѣны, то всѣ эти

соображенія ускользаютъ. Тоже самое надо сказать и объ уменьшеніи производительности почвы въ слѣдствіе постояннаго вывоза продуктовъ. По этому насчетъ объединенія почвы слѣдовало бы къ номинальной цѣнѣ всякаго привознаго фабрикованнаго продукта, привозимаго въ обмѣнъ на отпускаемое сырье, прибавлять еще вѣкоторую сумму, достаточно представляющую это объединеніе.

Сверхъ того внутренній рынокъ представляетъ такую правильность въ спросѣ и въ сбытѣ, какой напрасно стали бы мы ожидать отъ иностраннаго. А всякій производитель очень хорошо знаетъ какую важность имѣетъ правильный, обеспеченный сбытъ не только на выгоды, но и на самую возможность производства. А сбытъ сырья, сбытъ хлѣба меньше всего правиленъ, потому что онъ зависитъ отъ урожая, стало-быть частію отъ погоды, не говоря уже о весьма возможныхъ политическихъ причинахъ, которыя могутъ вовсе остановить всякій сбытъ. Къ тому же еще наши доморощенные политико-экономы знать не хотятъ, что нашъ сбытъ находится въ зависимости отъ просвѣщенія Франціи такимъ образомъ, что мы вынуждены желать ей всяческихъ политическихъ а стало-быть и умственныхъ бѣдъ для сбыта нашего хлѣба. По самому точному вычисленію оказывается, что въ нынѣшнемъ году при рациональномъ хозяйствѣ, четверть пшеницы на образцовыхъ фермахъ обошлась въ четыре рубля девять гривенъ четверть, и это безъ крѣпостного труда, безъ казенной приплаты, а совѣмъ, съ процентами на покунку земли и съ жалованьемъ директорамъ. Вотъ тутъ-то какъ намъ быть? Если народное развитіе дойдетъ до такого совершенства въ хозяйствѣ, то Франція будетъ вывозить хлѣбъ въ Англію, какъ теперь уже вывозить Бельгія, даже въ годы посредственныхъ урожаевъ, несмотря на то, что народонаселеніе въ ней относительно гораздо плотнѣе, чѣмъ въ Англіи и во Франціи, и хлѣбъ этотъ будетъ ей обходиться безъ малаго по пяти рублей четверть на мѣстѣ, а провозъ до Англіи — только черезъ проливъ. Соперничать съ такимъ хлѣбомъ и по такой дешевой цѣнѣ возможности не будетъ — это яснѣе солнца, — и тогда намъ придется вывозить одно сало, да шкуры, стало-быть обратиться въ пастушеское состояніе и вдостоль одичать. Можетъ быть съ англійской точки зрѣнія это и хорошо, только не совѣмъ выгодно для насъ.

А между тѣмъ каждая четверть хлѣба, ускользнувшая отъ вывоза за границу, всякая четверть, происходящая отъ увеличенія производства въ слѣдствіе сохраненія удобренія, которое иваче было бы выслано за границу въ вилѣ хлѣба и сырыхъ продуктовъ, увеличиваетъ всю свою цѣнностью покупательную силу земледѣльческой половины народа и открываетъ для туземныхъ мануфактуръ

сбыть, котораго бы не было и не могло бы быть по случаю иностраннаго соперничества.

Въ случаѣ, еслибы туземные фабриканты, пользуясь отсутствіемъ иностраннаго соперничества, брали слишкомъ большіе барыши, тягостные для потребителей, то это возможно лишь на самое короткое время, потому что немеленно явится внутреннее соперничество, которое не замедлитъ низвести выгоды новой промышленности къ обыкновенному уровню.

Такимъ образомъ мы стоимъ для Россіи за покровительственную систему. Большая часть новѣйшихъ экономистовъ держится противоположнаго мнѣнія; ихъ главный доводъ состоитъ въ томъ, что для народа, съ точки зрѣнія выгодъ, нѣтъ никакой разницы между внутреннею торговлею и вишнею. Но всѣ они допускаютъ однакоже исключеніе, чрезвычайно широкое, покрывающее чуть ли не все правшло.

Милль говоритъ: «Превосходство одной страны надъ другою въ извѣстной отрасли промышленности весьма часто происходитъ лишь оттого, что одна страна раньше другой занялась этою отраслью. Можетъ не быть никакой существенной выгоды съ одной стороны и никакой невыгоды съ другой, кромѣ дѣйствительнаго превосходства опытности и приобрѣтеннаго умѣнья. Страна, которой приходится приобрести недостающую опытность и умѣнье, можетъ быть въ другихъ отношеніяхъ еще способнѣе къ производству чѣмъ та, которая раньше занялась этимъ производствомъ; сверхъ того справедливость требуетъ замѣтить, что почти всякая отрасль производства приобретаетъ особенную склонность къ успѣшности, ежели испытывать ее въ благопріятныхъ новыхъ условіяхъ. Но нельзя ожидать, чтобы отдѣльныя лица захотѣли вводить новую отрасль промышленности на свой собственный счетъ и рискъ, или, вѣрнѣе сказать, съ вѣрнымъ убыткомъ и взять на себя заботу развивать ее до тѣхъ поръ, пока новыя производители стануть въ уровень съ тѣми, которые знакомы съ пріемами уже очень давно. *Покровительственная пошлина* въ продолженіи благоразумнаго срока есть иногда удобнѣйшій способъ, посредствомъ котораго страна можетъ поддѣржать полезный опытъ.»

Слѣдуетъ замѣтить, что въ этой весьма широкой уступкѣ неупомянуты облегчающія обстоятельства, которыя съ самаго начала опыта уменьшаютъ, если не совершенно уравниваютъ временное возвышеніе цѣны покровительствуемаго продукта. Обѣдѣніе почвы, потеря вслѣдствіе перевозки земледѣльческихъ продуктовъ на весьма удаленные рынки и тѣ продукты, которые тоже надо вывозить для покрытія цѣны фабрикаціи, всѣ эти и другія пожертво-

ванія считаются у Милля и его послѣдователей ничто. Они не хотятъ подумать, что во всякой безъ исключенія странѣ имѣется болѣе выгоды для переработки сырыхъ матерьяловъ, *извлекаемыхъ изъ ея собственной почвы*, чѣмъ со всякой другой, потому что сберегается цѣна провоза этихъ матерьяловъ и предметовъ, на которые они обмѣниваются. Свеклосахарные заводы показываютъ намъ между прочимъ какъ иногда эти выгоды перевѣшиваютъ даже климатическія преимущества. Во Франціи эта промышленность началась тогда, когда блокада закрыла тропическому сахару входъ въ порты европейскаго материка. Сначала она обходилась дорого, развивалась медленно, подъ покровительствомъ пошлины, взимаемой съ тропическаго сахара для покрытія нуждъ казначейства, до тѣхъ поръ, пока наконецъ производство свекольнаго сахара стало значительно убавлять таможенный доходъ. Въ 1837 году внутренній сахаръ обложенъ былъ пошлиной, которая тогда считалась достаточною для ограниченія его фабрикаціи до одной трети всего потребленія, съ тѣмъ чтобы двѣ остальные трети дополнялись сахаромъ колониальнымъ. Но свекольный сахаръ продолжалъ вытѣснять своего соперника. Съ 1847 года свекольный сахаръ внутренняго приготовленія платилъ совершенно одинаковую пошлину съ колониальнымъ. Но фабрикація продолжала увеличиваться, и стало быть подрывать таможенный сборъ. Тогда положено было, что съ 1851 года сахаръ, привозимый изъ французскихъ колоній будетъ платить цѣлымъ рублемъ съ пуда меньше пошлины, чѣмъ свекольный. Но фабрикація все-таки усиливалась, такъ-что въ 1850 году приготовлено было 62 милліона килограммовъ, а въ слѣдующемъ году 76 милліоновъ. А между тѣмъ доказано, что десятина сахарнаго тростнику дастъ гораздо больше сбора, чѣмъ десятина свеклы, и въ тростникѣ заключается сахару гораздо больше. Въ земляхъ германскаго союза добыча свекольнаго сахару шла еще быстрѣе: съ 1844 года до 1851 она увеличилась въ четыре раза.

Всякая страна можетъ приняться за переработку своихъ сырыхъ продуктовъ съ несомнѣнною выгодою, если только жители способны возвыситься до той степени умѣнья и ловкости, которыми обладаютъ иностранныя рабочіе, и если они могутъ добыть такихъ же хорошихъ машинъ. Если только страна не хочетъ признать, что ея ремесленники отъ природы тупы, глупы и не способны ни къ какому усовершенствованію, то нѣтъ поводовъ не стремиться къ этой цѣли. А потомъ, какъ только приобрѣтено умѣнье, касательно капитала не можетъ быть никакого затрудненія. Питательные продукты и сырой матерьялъ есть вездѣ, матерьялы для постройки зданій и машинъ, дерево, желѣзо тоже имѣются въ каждый странѣ, они

ждать только образованнаго ума, который поставитъ ихъ между собою въ надлежащія отношенія и пуститъ въ холъ мертвыя силы, лежація непроизводительно въ лѣсахъ и рудникахъ. А такъ какъ ума русскому человѣку не занимать стать, то оиять—таки всего нужнѣе образованность, наука, университеты. Да еще не менѣе того нужны всевозможныя канцелярскія облегченія, полная свобода внутренней промышленности и торговли. Возьмемъ хотя одинъ только примѣръ.

Вы знаете, что олопецкая губернія чрезвычайно богата минералами и всѣми условіями, при которыхъ въ Америкѣ или въ Англии она завалила бы желѣзомъ и мѣдью всѣ внутренніе рынки. Вы хотите употребить свой капиталъ на разработку тамошнихъ богатствъ и дѣлаете внимательный обзоръ мѣстности. Оказывается, что вытегорскій уѣздъ наполненъ быстро-текущими рѣчками и каскадами, никогда не замерзающими, которые вполне удобно могутъ быть съ пользою употреблены какъ двигательная сила. Оказывается, что лѣса тамъ непочатые, но таксѣ государственныхъ имуществъ продаются изъ казенныхъ дачъ по 60 коп. сер. за кубическую сажень, а подъ землею, на глубинѣ какой-нибудь сажени кругомъ вездѣ — неисчерпаемый слой желѣза, изъ котораго безъ переплавки въ чугуунъ туземцы куютъ молотки и топоры. Въ добавокъ ко всѣмъ этимъ благамъ, тутъ же, на глубинѣ, толстый пластъ богатѣйшаго каменнаго угля. Чего же лучше? Прямо за работу, за дѣло. Желѣзо намъ теперь всего нужнѣе, кому же тамъ драгоценная маринская система съ великолѣпнѣйшими сооруженіями. Доставка 3½ копѣйки до Питера и сверхъ того рукой-подать Волга. Но какъ быть? Прежде всего нужно разрѣшеніе, нужно стало быть писать бумагу на листѣ надлежащаго достоинства. Вы рѣшили устроить заводъ именно на такомъ—то мѣстѣ, готовы, разумѣется, платить надлежащую цѣну за пользованіе народнымъ богатствомъ, и подаете прошеніе, положивъ въ министерство финансовъ, такъ какъ оно завѣдуетъ дѣлами, во части рудниковъ и металлическихъ заводовъ. Надо замѣтить, что мы рассказываемъ то, чего вовсе не было, мы говоримъ только о порядкѣ, неизбѣжномъ въ данномъ случаѣ. Производится справка. Избранное вами мѣсто находится въ странныхъ обстоятельствахъ. Руда состоитъ въ вѣдомствѣ министерства финансовъ, надъ нею растущій лѣсъ — въ вѣдомствѣ министерства государственныхъ имуществъ, лѣсной департаментъ; по сосѣдству живущіе казенные крестьяне, двора четыре, въ вѣдомствѣ другого департамента, да если на выбранномъ участкѣ имѣется нѣсколько мачтовыхъ деревьевъ, то здѣсь по справедливости участвуетъ морское министерство. Всѣ эти вѣдомства очень естественно, чтобы не противорѣчить

другъ другу, должны списаться, а это не дѣлается и не можетъ дѣлаться скоро. Послѣ многихъ просьбъ, справокъ, ходатайствъ, дѣло наконецъ налаживается, повидимому просьба будетъ исполнена, «имѣя въ виду съ одной стороны приращеніе казенныхъ доходовъ отъ предлагаемой такимъ-то аренной платы, а съ другой развитіе столь полезной и во всѣхъ отношеніяхъ выгодной для страны промышленности...» Вдругъ открывается новое обстоятельство. Избранное мѣсто находится еще подъ вѣдомствомъ военнаго министерства, такъ какъ оно находится по прямому направленію мѣнѣ чѣмъ на 150 верстѣ отъ Петрозаводска, и стало быть всѣ руды, лежащія на этомъ разстояніи, приписаны къ оному заводу какимъ-то стариннымъ распоряженіемъ, несмотря на то, что желѣза въ землѣ достанетъ на пятьсотъ, подобныхъ заводовъ, если они будутъ съ утроенною дѣятельностью работать сто тысячъ лѣтъ. Такъ благополучно налаженное дѣло окончательно разстроивается, при чемъ вы уже истратили весьма замѣтную долю своего капитала и потеряли нѣсколько лѣтъ времени. Понятно, что при подобныхъ порядкахъ промышленность неслишкомъ торопится въ своемъ развитіи. Но это маленькая вводная рѣчь. Дѣлая свои предположенія о нашей экономической будущности, мы прямо рассчитываемъ, что промышленность наша будетъ въ скоромъ времени освобождена отъ канцелярской зависимости. Это такое условіе, безъ котораго всѣ остальные рѣчи и соображенія суть нечто иное, какъ безполезнѣйшее словозверженіе. Но дайте.

Нельзя не замѣтить, что механизмъ мѣны съ чужими странами точно также дорогъ, какъ и фабрикація внутри страны. Работа и матерьялъ, употребленные на постройку корабля для перевозки желѣза изъ Англіи и для вывоза туда хлѣба, совершенно достаточны для возведенія хорошаго завода, который прослужитъ гораздо долѣе корабля и превратитъ руду въ такую массу желѣза, какой не перевезетъ корабль въ тройной свой вѣкъ. Не въ томъ дѣло, кто поставляетъ механизмъ заграничной мѣны, это все равно; дѣло въ томъ, что надо заплатить за употребленіе этого механизма, и не менѣе того, сколько нужно для его возобновленія въ такой періодъ времени, когда онъ при обыкновенной работѣ износится. Да къ этому еще надо прибавить барыши завѣдывающихъ мѣновымъ механизмомъ.

Человѣкъ, котораго существованіе коротко и способности ограничены, можетъ находить иногда совершенно необходимымъ употреблять болѣе дорогой способъ иностранной торговли вмѣсто того, чтобы имѣющимся подъ рукою матерьяламъ дать болѣе прочную и только впослѣдствіи болѣе выгодную форму промышленнаго меха-

визимъ Но община вѣчна, ея именно общинная сила довольно велика для совершенія всѣхъ плановъ предусмотрительной бережливости. Такъ какъ она существуетъ вѣчно и члены ея смѣняются безъ перемежки, то она никакъ не должна позволять себѣ жертвовать постоянными выгодами безграничнаго будущаго удобству настоящаго времени, которое короче мгновенія.

Говорятъ, что покровительственная политика вредитъ торговлѣ, что различные народы, по различію климатовъ, по необходимости производятъ неодинакіе продукты, что ихъ взаимныя выгоды требуютъ мѣны. Въ Россіи не растетъ хлопка; чтобы ее имѣть, она обязана отпускать другіе товары, для производства которыхъ она имѣетъ особенныя удобства. Сама природа назначила то, что называется «поземельнымъ раздѣленіемъ труда», которое можетъ быть поддержано только международною мѣною. Все это совершенная правда. Само собою разумѣется, что не садить же намъ хлопокъ въ тульской губерніи, не разводить же намъ винограду въ Архангельскѣ. Но все это нисколько не противорѣчитъ вышеннеложеннымъ соображеніямъ. Вопросъ не о томъ, должны ли народы мѣняться между собою своими продуктами, но о томъ, въ какомъ видѣ эти продукты должны быть размѣнены. Разумѣется каждый народъ долженъ, по удовлетворенію своихъ потребностей, промѣнять излишекъ своихъ продуктовъ на излишекъ другихъ продуктовъ, предлагаемыхъ другими народами. Но онъ долженъ дѣлать это съ возможно меньшими расходами. Въ дѣйствительности мѣняется трудъ, заключенный съ каждой стороны въ продуктахъ, цѣнность происходящая отъ труда и представляющая главнѣйшимъ образомъ пищу, служившую для поддержанія этого труда. При данномъ разстояніи между обѣими сторонами, желающими мѣняться, препятствія мѣны измѣряются объемомъ продуктовъ каждой изъ сторонъ и пропорціе произведшаго ихъ труда. Каждая сторона больше вымѣняетъ и больше возьметъ въ обмѣнъ, если большую цѣнность заключить въ меньшемъ объемѣ. Повятное дѣло, что можно размѣнять большее количество желѣза въ брускахъ на большее количество свинцу въ свинкахъ, чѣмъ тогда, когда бы эта мѣна происходила въ видѣ руды съ обѣихъ сторонъ.

Конецъ концовъ, люди мѣняются между собою только хлѣбомъ и умомъ. Зерна иной разъ нельзя увезти въ его первобытной формѣ. Тогда выкармливаютъ имъ скотъ и увозятъ мясо. А еще выгоднѣе дать его рабочимъ, заставивъ ихъ посредствомъ ума произвести фабричныя издѣлія, и зерно, въ видѣ фабриката, можетъ вынестись перевозку на край свѣта.

Такимъ образомъ выходитъ, что можно увеличить и расширить

внѣшнюю торговлю только однимъ способомъ, именно развивъ сначала торговлю внутреннюю. Излишекъ сырыхъ произведеній всего удобнѣе сойдетъ съ рукъ, когда получить форму, удобную для дальней перевозки. Такъ дѣйствуетъ Англія; о ней весьма справедливо выразился одинъ изъ членовъ парламента, жаркій поборникъ внѣшней торговли, что «Великобританія больше всѣхъ странъ на свѣтѣ вывозитъ зерноваго хлѣба, потому что ея хлѣбъ, передѣланный человѣческою лабораторіей въ сукно, каленкоръ и проч. проложилъ себѣ дорогу во всѣ концы свѣта». Что же касается до денегъ, то конечно въ цѣнѣ фабрикованнаго продукта, кромѣ расходовъ по фабрикаціи, заключается еще плата за умъ. Это особенно выгодно, потому что въ сыромъ продуктѣ этой платы не полагается: везачто.

Итакъ отправкою сырья за границу мы постепенно понижаемъ плодородіе нашихъ почвъ. Этого надо бояться пуще всего, а то придется выписывать кости изъ-за границы.

Чтобы не отправлять сырье, намъ нужны фабрики для обработки нашихъ собственныхъ продуктовъ, а хлопчатую бумагу и т. п. намъ могутъ обрабатывать и другіе.

Чтобы наши фабрики могли существовать, нужны удобныя внутреннія, хотя мѣстами и короткіе пути сообщенія, которые потомъ пожалуй могутъ протянуться до границъ имперіи, но не для вывоза сырыхъ продуктовъ (этотъ вывозъ во всякомъ случаѣ разорителенъ) а уже для другихъ цѣлей.

Чтобы явились внутренніе пути сообщенія, нужна возможно достаточная самостоятельность общинъ, потому что проведеніе дорогъ административнымъ порядкомъ неудобно и невыгодно.

И разумѣется само собою нужна образованность, которая откроетъ намъ глаза не на однѣ обыкновенныя, насущныя потребности, которыя чувствуются ошущно, а на отдаленное будущее.

Она же насъ избавитъ и отъ мечтателей, вроде автора статьи «Московскихъ Вѣдомостей», который увѣряетъ, будто теперь-то и есть самое удобное время для займа 300 миліоновъ на постройку 5.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ.

И вѣдь непремѣнно какъ можно больше; такая ужъ широкая натура; меньше пяти тысячъ верстъ не надо, а какая-нибудь дорога въ 25, 50 или 100 верстъ — нечего и пачкаться изъ-за такого вздора, какъ почтеннѣйшій Михаилъ Ивановичъ Собакевичъ, которому ужъ если барана, то всего барана подавай.

Кажется, что насъ тутъ до нѣкоторой степени соблазняетъ примѣръ Соединенныхъ-Штатовъ, гдѣ дороги строились на ужасающія протяженія, часто по пространствамъ, едва населеннымъ, какъ

ваши, причесть имѣлось въ виду, что переселенцы скоро заселятъ пустыни, и если дорогу вести не до города, то все-равно городъ самъ станетъ на концѣ дороги. Но тамъ — дѣло другое: туда изъ всѣхъ вероисповѣданій народомъ странъ Европы народъ идетъ искать простора и благопріятнаго климата. У насъ этого долго еще не будетъ. На что лучше климатъ и почва, какъ въ таврической губерніи, и на что хуже житье славянъ, какъ не въ Турціи. И то съ начала нынѣшняго года до половины іюля обратно выселилось за границу 7,268 душъ обоого пола видинскихъ болгаръ, которые было водворались у насъ въ бердянскомъ, милитопольскомъ и днѣпровскомъ уѣздахъ и въ Крыму. Конечно, значительное число ихъ осталось, потому что втеченіе прошлаго года и въ первую половину нынѣшняго водворено всего 5.986 семействъ въ числѣ 24,196 душъ обоого пола, почти все славянъ. Если предположить, что семь тысячъ душъ выселилось обратно въ Турцію въ нынѣшнемъ году, да тысячи двѣ въ прошломъ, то все-таки мы обогатились почти пятнадцатю тысячами душъ новыхъ соотечественниковъ. Но это весьма немного.

Мы можемъ рассчитывать стало-быть почти исключительно на естественное размноженіе числа жителей безо всякаго притока иностранныхъ поселенцевъ. А при нашемъ нынѣшнемъ числѣ жителей, при существующемъ запросѣ на передвиженіе пассажировъ и товаровъ, при нынѣшней степени развитія промышленности, при самомъ свойствѣ нашихъ товаровъ намъ положительно еще рано строить колоссальныя желѣзные пути вродѣ московско-феодосійскаго или московско-одесскаго. Рано не потому, чтобы мы не созрѣли для такихъ дорогъ, или не потому, чтобы мы не нашли на эти дороги машинистовъ и механиковъ, не потому рано, чтобы намъ не нужно было быстрыхъ, удобныхъ и дешовыхъ путей сообщенія; напротивъ, они намъ нужнѣе нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ онѣ сблизили бы слишкомъ разбѣянное населеніе, убавили бы чрезмѣрное разстояніе, облегчили бы внутреннее движеніе продуктовъ земледѣлія и фабрикъ. Но рано ихъ намъ имѣть потому, что онѣ облегчили бы разорительную отправку за границу сырыхъ продуктовъ, стало-быть въ этомъ смыслѣ помогали бы нашему разоренію; во вторыхъ рано потому, что если даже согласиться на разорительную внѣшнюю торговлю, то все-равно, хлѣбъ и другое сырье слишкомъ тяжелы, чтобы выдерживать тысячеверетную перевозку по желѣзной дорогѣ, и можетъ произойти одно изъ двухъ: или въ видахъ ошибочнаго поощренія отправки сырья къ портамъ, отправки весьма впрочемъ выгодной для иностранныхъ negociантовъ, торгующихъ въ Одессѣ, мы слишкомъ удешевимъ провозъ

по южной желѣзной дорогѣ, такъ что издержки провоза намъ не будутъ окупаться; или напротивъ, назначимъ за провозъ настоящую цѣну, способную покрыть всякій разъ какъ издержки самой операціи перевозки такъ и привести хотя два-три процента на капиталъ, употребляемый на содержаніе самаго пути и подвижного состава его въ надлежащей исправности, такъ наконецъ сверхъ того и привести семь, восемь или десять процентовъ для уплаты по займу на постройку дороги; въ такомъ случаѣ провозъ хлѣба будетъ такъ дорогъ, что возить не будутъ, и дорога будетъ служить только для стратегическихъ цѣлей. Выходитъ, что въ томъ и въ другомъ случаѣ, то-есть при слишкомъ дешевой перевозкѣ сырыхъ продуктовъ и при назначеніи за эту перевозку ни слишкомъ дорогой, ни слишкомъ дешевой, а справедливой цѣны, — дорога не будетъ достигать своей цѣли и за нее проценты будутъ платить не тѣ, кому она станетъ приносить выгоды, такъ какъ небольшія, незначительныя мѣстные выгоды все-таки будутъ.

Изъ Одессы пишутъ, что цѣны на хлѣбъ тамъ, вслѣдствіе издержекъ провоза, выше тѣхъ, которыя стоятъ на рынкахъ западной Европы. Такимъ образомъ землевладельцамъ будтобы остается или держать хлѣбъ, какъ мертвый капиталъ, въ рукахъ, выжидая голоднаго года въ западной Европѣ и высокихъ цѣнъ, или пролавать свой товаръ въ убытокъ. «И такъ (прибавляетъ «Сѣверная Почта», говоря о желѣзныхъ нашихъ дорогахъ) въ настоятельной необходимости какъ можно скорѣйшей постройки желѣзныхъ дорогъ, южной и сибирской, а особенно первой, согласны всѣ люди мыслящіе и практичныя.»

«Но — прибавляютъ «Биржевыя Вѣдомости» — намъ кажется, что послѣ тѣхъ радикальныхъ преобразованій, которыми ознаменованы послѣдніе годы, не мѣшало бы приостановиться навремя и присмотрѣться къ тѣмъ явленіямъ, которыми отразились они въ народной жизни.»

Все это совершенно справедливо. Какъ не желать желѣзныхъ дорогъ? Мы сами въ этой же книгѣ помещаемъ статью г. Шилля о «Южной желѣзной дорогѣ» и нашими замѣчаніями несколько не противорѣчимъ ей. Все дѣло въ деньгахъ, которыхъ у насъ не много, и въ томъ, на что лучше употребить ихъ. И еслибы съ ихъ дивною въ какія-нибудь двадцать или тридцать тысячъ верстъ свалилась къ намъ съ неба, мы были бы въ восторгѣ. Но ради блага Россіи строить ихъ теперь не нужно, по крайней-мѣрѣ въ томъ объемѣ и въ тѣхъ направленіяхъ, какія теперь предлагаются мечтателями, а если строить, то только тѣ и только такія, которыя несомнѣнно должны быть выгодны, и именно для внутренней

промышленности. Надо присмотрѣться къ результатамъ совершенныхъ радикальныхъ преобразованій, — говорятъ «Биржевыя Вѣдомости». Слѣдуетъ прибавить, что еще и еще ожидаются преобразованія. Во очію совершается громаднѣйшій переворотъ. Вся до одной отрасли управленія пересматриваются. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что преобразованія совершаются въ смыслѣ большой свободы и большого обезпеченія личности отъ административнаго произвола. Что изъ этого выйдетъ? Куда обратится промышленность? Какое направленіе приметъ наша экономическая дѣятельность — можно только догадываться. Да къ тому же спѣшить нѣтъ никакой возможности, потому что нѣтъ денегъ. А на нѣтъ и суда нѣтъ. Мечтатели совѣтуютъ заемъ; но онъ невозможенъ рѣшительно. Внутренній заемъ стѣснилъ бы наши рынки до послѣдней степени, производство окончательно должно бы остановиться, торговля пришла бы въ полный застой. О внѣшнемъ займѣ на постройку желѣзныхъ дорогъ нечего и думать, покрайней-мѣрѣ за столько процентовъ, сколько можно ожидать отъ будущихъ желѣзныхъ дорогъ въ продолженіи многихъ лѣтъ. Но о займахъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, мы поговоримъ въ другой разъ.

Повидимому, страннымъ можетъ показаться, что въ наше время желѣзныхъ дорогъ могутъ раздаваться голоса именно противъ желѣзныхъ дорогъ. Но мы отнюдь не говоримъ противъ желѣзныхъ дорогъ вообще; мы только утверждаемъ, что по одежкѣ слѣдуетъ протягивать ножки, и больше ничего. Желѣзная дорога отъ Анадырскаго острога до Нижнекамчатска или до Авачинской губы могла бы принести пользу: оживила бы край, способствовала бы развитію промышленности, пробудила бы въковой застой тамошнихъ дикихъ странъ, и т. д.; можно бы наговорить объ этомъ еще разныя пріятности, вродѣ моста черезъ прудъ, по обѣимъ сторонамъ лавки, а въ нихъ сидятъ кушцы и продаютъ разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. Но дѣло вотъ въ чемъ. Желѣзная дорога есть одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ результатовъ и одинъ изъ самыхъ могучихъ рычаговъ раздѣленія труда. Но во всѣхъ промышленныхъ и механическихъ производствахъ раздѣленіе труда можетъ быть доводимо лишь до извѣстной степени, только до той степени, пока оно выгодно. Это доказываетъ Милль слѣдующимъ приѣромъ:

«Раздѣленіе труда ограничивается размѣромъ продажъ. Если на булавочной фабрикѣ каждая булавка проходить черезъ десять отдѣльныхъ и различныхъ операцій, и при этомъ можно слѣлать въ день 48,000 булавокъ, то подобное раздѣленіе можетъ быть выгодно только тогда, когда число потребителей достаточно велико для

истребленія всякій день 48,000 булавокъ. Но если имѣется ежедневный запросъ только на 24,000, то раздѣленіе труда можетъ быть съ выгодною доведено только до возможности производства въ день именно этого количества. Объемъ сбыта можетъ быть ограниченъ различными причинами: слишкомъ малымъ населеніемъ, слишкомъ далеко разсѣяннымъ населеніемъ, отсутствіемъ дорогъ и водяныхъ сообщеній, и наконецъ слишкомъ большою бѣдностью населенія, когда его трудъ недовольно производительенъ, чтобы дозволить ему значительное потребленіе.»

Тѣже самыя причины ограничиваютъ выгодность желѣзныхъ дорогъ. Слишкомъ длинныя пути по малонаселеннымъ и не промышленнымъ, а только земледѣльческимъ странамъ невозможны, потому что не только процентъ на капиталъ не окупается, но могутъ не окупиться и самыя издержки эксплуатаціи. Читая смѣту расходовъ и доходовъ рижско-динабургской желѣзной дороги въ этомъ нельзя не убѣдиться. По общему мнѣнію эта дорога построена очень рачетливо и ея эксплуатація производится весьма осмотрительно, умѣренно и аккуратно, а между тѣмъ, не говоря уже о чистой прибыли, расходъ покрывается только исключительно посредствомъ пособія отъ правительства. Мы не можемъ ничего сказать противъ того, что процентъ на заемъ, сдѣланный рижско-динабургскою желѣзною дорогою, въслѣдствіи можетъ окупаться, но теперь пока мѣсть этого не видно.

Дѣятельность желѣзной дороги въ полномъ объемѣ есть не причина, а результатъ значительнаго развитія разнообразныхъ потребностей, результатъ населенности, развитой промышленности, быстрого оборота торговли и т. д. Только въ одной странѣ, поставленной въ исключительное положеніе несмѣтнымъ приливомъ поселенцевъ, желѣзная дорога до нѣкоторой степени можетъ быть если не вполне причиною всего этого, то по крайней мѣрѣ этому способствовать. Это въ Соединенныхъ Штатахъ, и то только до вышедшей несчастливой войны. Въ другихъ странахъ она едва только можетъ ускорять всѣ эти явленія, и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ. Какъ всякая усиленная дѣятельность, она точно такъ же какъ усиленное производство булавокъ, приводимое въ примѣръ Миллемъ, можетъ быть и выгодною и полезною только при соответственномъ усиленіи дѣятельности во всѣхъ прочихъ отрасляхъ, при достаточной производительности другихъ отраслей труда. Иначе выйдетъ весьма убыточная несообразность, насиліе, за которое должна будетъ платить все-такъ община.

Еслибы кто-нибудь вздумалъ въ оренбургской губерніи обрабатывать землю точно такъ же, какъ она обрабатывается въ Бельгіи,

это была бы точно такая же несообразность, какъ анэдирско-авачивская желѣзная дорога, потому что всякое усиленіе производства точно такъ же, какъ и всякое усиленіе перевозочныхъ средствъ должно быть вызываемо только потребностью. Никакіе на свѣтѣ приказы, никакія распоряженія не въ силахъ разомъ превратить край лѣсной въ край скотоводственный, этотъ послѣдній въ край широкаго, захватывающаго земледѣлія, а этотъ послѣдній въ край усиленнаго, сосредоточеннаго хозяйства. Для этого необходимо такое увеличеніе населенія, а вмѣстѣ съ нимъ и запроса, чтобы эти переходы совершились естественно; необходимы города, но не простые административные центры и центрики, а города естественные, то есть промышленные центры. Но разсмотрѣніе законовъ этихъ переходовъ завело бы насъ слишкомъ далеко; отложимъ это до другого раза.

Чтоже касается до нашихъ городовъ, то вотъ маленькій образчикъ: Енифанъ, тульской губерніи, съ 2,934 жителей. Эта цифра относится къ 1858 году и взята изъ свѣдѣній центрального статистическаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Изъ свѣдѣній расходовъ и доходовъ этого города на 1862 годъ видно въ какомъ смыслѣ это городъ. Расходовъ предполагается 3,453 рубля, цифра весьма значительная, такъ какъ надо предположить изъ 2,934 жителей никакъ не болѣе 719 или 720 взрослыхъ мужчинъ, считая тутъ же и городскія, и уѣздныя, и всякія чиновныя власти, но платящихъ въ доходъ города конечно не болѣе 700 человекъ. Выходитъ, что они платятъ каждый кругомъ по 4 руб. 93 коп. въ годъ. Но въ этотъ доходъ входятъ 827 руб. съ городскихъ имуществъ, 746 руб. съ промышленниковъ, 532 руб. съ контрактовъ, договоровъ и векселей; но главный доходъ получается по добровольной раскладкѣ съ купцовъ и мѣщанъ 1,026 руб. 80 коп. Стало-быть около третьей доли всего городского дохода не составляетъ обыкновеннаго, нормальнаго поступленія, а происходитъ изъ налога на доходы, своего рода income-tax. Но расходъ этихъ 3,453 рублей несравненно замѣчательнѣе источниковъ, изъ которыхъ они собираются. Двѣ трети этой суммы 2,253 руб. идетъ на содержание лицъ городского управленія, а на наружное благоустройство города, на ремонтъ городскихъ зданій и заведеній назначается не болѣе семнадцати рублей двадцати-восьми копѣекъ. Не говоря объ этой комической суммѣ, потому что на семнадцать рублей едва поправивъ порядочно двѣ печки, первая расходная статья 2,253 рубля ясно показываетъ, для кого и для чего существуетъ городъ. Дальнѣйшіе расходы: приходскому училищу 142 руб., городской больницѣ 37 руб., акушеркѣ 30 руб., и енифанскому городищу за двѣ

сажени осиновыхъ дровъ 27 руб. Эти 27 руб. едвали не кончатъ 17 руб. на ремонтъ городскихъ зданій и на наружное благоустройство города, и были бы совсѣмъ невѣроятны, могли бы быть признаны нелѣною клеветою съ нашей стороны, еслибы это не было напечатано въ официальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, которое вѣдаетъ дѣла по городскому хозяйству. «Сѣверная Почта» однако замѣтила, что это «обстоятельство довольно неясное». Не стоило бы говорить объ этихъ осиновыхъ дровахъ и доказывать, что городничій не имѣлъ никакого права пролавать городу дрова, что онъ самъ ихъ получаетъ отъ города, еслибы всѣ остальные или почти всѣ городскіе расколы Епифани не были такъ вполне бесполезны. И этотъ любопытный городъ показываетъ положеніе и значеніе всѣхъ нашихъ уѣздныхъ городовъ, за весьма немногими исключеніями.

Городскія общества до сихъ поръ пользовались такими незначительными правами, такъ много власти имѣлось у лицъ весьма незначительныхъ, но стоящихъ внѣ городского общества, такъ эти лица произвольно распоряжались всѣмъ, до чего только могли подъ какимъ-нибудь предлогомъ добраться, что городскія общества теперь не только не имѣютъ никакой самостоятельности, но въ строгомъ смыслѣ даже и обществами назваться не могутъ. Привыкнувъ съ похвальною безропотностью переносить административный произволъ, они не вѣрятъ возможности той тѣни самостоятельности, какая теперь предоставляется имъ въ устройствѣ сначала пожарныхъ командъ, а потомъ и прочихъ отраслей городского управленія. Имъ не вѣрится, и едвали можно ихъ за это винить. Напримѣръ въ пензенской губерніи «вопросъ объ устройствѣ пожарныхъ учрежденій на началахъ, указанныхъ министерствомъ еще въ 1860 году не достигъ практическаго примѣненія, сколько по недостатку должной дѣятельности городскихъ управленій, столько же и по уклончивости городскихъ сословныхъ обществъ отъ дѣлъ общественно-городского интереса.» (Сѣв. Поч. № 223). Это въ высшей степени справедливое замѣчаніе. Но чѣмъ объяснить это странное повидимому явленіе, что городскія общества уклоняются отъ устройства своихъ собственныхъ дѣлъ по городскому общественному хозяйству. Чѣмъ объяснить эту повидимому непостижимую, тупую, упрямую, бессмысленную холодность людей къ своему собственному карману, къ своему имуществу, которое съ устройствомъ общественной пожарной команды было бы подъ ихъ собственною охраной. Губернскія начальства, исполняя циркуляръ господина министра, *распоряжаются* по этой части весьма дѣятельно, но распоряженія недостаточно *пожимаются* городскими мѣстными управ-

деніями. По большей части въ совѣщаніяхъ принимаютъ участіе не всѣ сословія, а преимущественно только тѣ, которыя болѣе привыкли къ покорности, именно сословія податныя, купцы, мѣщане, цеховые, а неподатныя лица, чиновники, дворяне, духовенство, хотя тоже домовладѣльцы, но уклоняются. Губернское начальство, очень хорошо понимающее намѣренія правительства, недовольно такою властью хода дѣлъ. Въ городѣ Керенскѣ мѣщане и цеховые постановили, что «они согласны принять на себя устройство пожарной команды, если въ томъ примутъ участіе прочія сословія.» Въ Наровчатѣ купцы и мѣщане «принимаютъ на себя выборъ изъ стрелы своей, по очередв, извѣстнаго числа лицъ для дѣйствія на пожарахъ, но желаютъ оставить *на прежнемъ основаніи* расходы на поставку лошадей, содержаніе и ремонтъ пожарныхъ инструментовъ.» Губернское начальство недовольно, вновь *подтверждаетъ о безотлагательномъ* обсужденіи этого вопроса, говоря, что въ Керенскѣ городское управленіе должно было *вызвать участіе* къ этому предмету прочихъ сословій.

Мы останавливаемся такъ долго на пензенской губерніи, потому что впервые состояніе пожарнаго вопроса въ этой губерніи обнаружено, а во вторыхъ она можетъ служить образчикомъ того, что непремѣнно должно происходить и въ прочихъ губерніяхъ. Всѣ части нашего отечества, если не развивались, то стояли въ послѣднее время въ такихъ одинаковыхъ условіяхъ, что нѣтъ никакого повода полагать, чтобы отвѣты на одинъ и тотъ же вопросъ рѣшались въ различныхъ мѣстностяхъ различно.

Губернское начальство имѣетъ совершенно достаточныя поводы быть недовольнымъ, но оно упускаетъ изъ виду, что приказать, предписать и потомъ подтвердить о безотлагательствѣ добровольнаго участія — по меньшей мѣрѣ нелогично, точно также, какъ вельзя приказать радоваться или веселиться. Если обществу или извѣстной части общества предоставляется извѣстная доля самоуправления, то нѣтъ возможности поступить иначе, какъ *обезпечить* эту долю навсегда. Нетолько русскій, но и всякій безъ исключенія человекъ, для проявленія свободной дѣятельности своей, требуетъ прежде всего ея обезпеченія. Еслибы дано было право, но вѣчно и неотъемлемое право, съ несомнѣннымъ завѣреніемъ о его вѣчности и неотъемлемости, то ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія, что люди немедленно бы имъ воспользовались. По обычному недовѣрію нашему, или по недовѣрчивости, мы скептически принимаемъ приказаніе произвольно распорядиться пожарною командою уже въ своемъ городѣ. Какъ бы на первыхъ порахъ не потерпѣть убытки,

повторяемъ мы съ помѣщицей Коробочкой. И скептицизмъ нашъ идетъ далеко. Хорошо, думается намъ, положимъ, что мы повѣримъ, да и накупимъ и лошадей, и пожарныхъ трубъ, и сдѣлаемъ даже (какъ намѣрены сдѣлать въ Пензѣ) водопроводъ для пожарныхъ случаевъ. А какъ устроимъ все какъ слѣдуетъ въ лучшемъ видѣ, вдругъ все и поступитъ въ казну. Знаемъ мы твердо, что въ предписаніи его превосходительства сказано несовсѣмъ ясно, а секретарь думы или магистрата ясно подтверждаетъ, что это все будетъ наше, общественное. Положимъ, что мы и повѣримъ обѣщаніямъ его превосходительства, но видали мы и не такіа обѣщанія. Вдругъ его преемникъ вздумаетъ распорядиться иначе, вотъ и прощай и лошадки, и трубы, да съ ними пожалуй и насъ запишутъ въ пожарную команду съ жалованьемъ 2 р. 12 коп. въ годъ и военнымъ пайкомъ. Съ другой стороны и то надо подумать, что мы выберемъ себѣ пожарнаго старосту, который и будетъ распорядиться на пожарѣ, и всѣ мы уже станемъ тогда его слушаться. Но понятное дѣло, что выше его, надъ нимъ будетъ же начальство, городничій, частный, брантъ-мейстеръ или кого поставятъ. Ну на пожарѣ известное дѣло народъ въ попыхахъ, хлопочетъ, суетится. Пожарный староста скажетъ: ломай, ребята, этотъ домишко! А начальство скажетъ: отставвай! пальцемъ не тронь! Конечно, начальство у насъ доброе, но въ попыхахъ всяко бываетъ, можетъ и разгорячиться, да заѣхать... Нѣтъ ужъ лучше все по старому, пусть будетъ на прежнемъ основаніи. По крайности заплатилъ что знаю, а съ начальствомъ ни-ни, чтобъ никакой встрѣчи не было, особенно въ жаркое время. Опять же и охотники наберутся: много найдется изъ мастеровыхъ народу ловкаго, расторопнаго, будутъ дѣйствовать не такъ, какъ наши пожарные инвалиды. Да опять бѣда. Чуть что начальству не понравилось, — одного въ рыло, другого въ рожу, третьяго въ зубецъ, противиться не смѣй. Народъ-то, помилуй Богъ, и разбѣжится. И пошло въ Питеръ дозвѣненіе, что по случаю грубости и неуваженія къ начальству, упущенъ пожаръ на большое разстояніе, и вышло разореніе на многія тысячи; тогда пожалуй и угодишь въ острогъ... Не то, чтобы начальство было недоброе, нѣтъ, начальство какъ быть, да вѣдь пожарный случай пуще всего кровь кипятить, и опять же усердіе надо показать, награду получить... Нѣтъ, ужъ лучше мы какъ-нибудь такъ промаячимъ, а съ начальствомъ сталкиваться и грубить не желаемъ.

Читатель, сколько-нибудь знакомый съ Россіей, согласится, что мы нисколько не преувеличиваемъ. У насъ нѣтъ довѣрія, и не

принимая на себя труда изслѣдовать, въ какой мѣрѣ это основательно, мы выставляемъ только фактъ. Для жителя Наровчата или Керенска весьма недостаточно одного только циркулярнаго предписанія губернскаго правленія, чтобы развязать свою болѣе или менѣе жидконаполненную кошну. Что по закону слѣдуетъ, заплатилъ, сверхъ того обычныя приношенія совершилъ. Чего же еще надо? Чтобы намъ лучше было? Да развѣ можно приказать, чтобы было лучше? и развѣ лучше будетъ, какъ по приказу больше тратить денегъ станемъ? На своей на всей волѣ мы истратимъ сколько угодно, въ свое удовольствіе. Слыхали мы, что въ сѣверной Америкѣ богатые жители щеголяютъ пожарными трубами своими и выѣзжаютъ съ ними по праздникамъ промать лошадей и людямъ показать нарочно заказанную новую трубу, а отчасти тоже и просто похвастать, какъ мы хвастаемъ своими рысакими. Пожалуй завелось бы это и у насъ, потому что и у насъ есть люди капитальные. Пожалуй г. Голопузиковъ и г. Краснобрюшкинъ стали бы тягаться, кто лучше заведетъ трубу, у кого она будетъ исправнѣе и дальше бить, но для этой полезной и выгодной для общества затѣи нужно какъ можно большее самоуправленіе общинъ и какъ можно большая свобода отъ административнаго произвола. Поэтому смѣло можно сказать, что добросовѣстные, усердныя усилія губернскихъ начальствъ будутъ безплодны, потому что встрѣчаются съ недоувѣріемъ. А это неблагоприятнѣйшая въ мѣрѣ почва, на которой не взойдетъ никакое зерно. Никакого нѣтъ сомнѣнія, что покамѣстъ не будетъ обезпечено полнѣйшее и главное всегдашнее безотмѣнное самоуправленіе обществъ по части пожарныхъ командъ, пока общества не будутъ такимъ образомъ застрахованы отъ административнаго произвола, до тѣхъ поръ всѣ усилія губернскихъ начальствъ будутъ также точно безплодны, какъ въ пензенской губерніи, или будутъ приносить недозрѣлыя плоды вродѣ тѣхъ предположеній по устройству пожарной части, какія составились въ самой Пензѣ. Они еще не утверждены и вѣроятно не утвердятся, какъ печальное порожденіе канцелярскихъ внушеній въ совокупленіи съ новорожденнымъ одностороннимъ самоуправленіемъ.

Вопросъ о взаимномъ застрахованіи, возбужденный вмѣстѣ съ вопросомъ о добровольныхъ пожарныхъ командахъ, по неизмѣннѣю мѣста отложимъ до другого раза.

Впослѣдствіи можетъ-быть у насъ будутъ являться города тамъ, гдѣ укажетъ на это сила обстоятельствъ, помимо административныхъ соображеній, и гдѣ устранены будутъ нѣкоторыя непостижи-

мыя препятствія, какъ напримѣръ въ селѣ Промзвнѣ или въ селѣ Екатериновкѣ. Это послѣднее село стоитъ на правой сторонѣ Волги, въ семидесяти верстахъ ниже губернскаго города Самары, и находится въ удѣльномъ вѣдомствѣ. До сихъ поръ въ этомъ селѣ производилась большая торговля хлѣбомъ. Окрестности Екатериновки — гладкая степь, превосходный черноземъ двухъ вѣдомствъ, удѣльнаго и казеннаго, и дажѣ нѣскольکو частныхъ громадныхъ и весьма хлѣбородныхъ пространствъ. Тамошняя пшеница-бѣлотурка славится и достоинствомъ зерна и урожайностью. Въ Екатериновкѣ живутъ нѣскольکو купцовъ и крестьянъ, скупающихъ окрестную пшеницу, какъ водится, по необыкновенно дешовымъ цѣнамъ, такъ какъ опять-таки смыслъ торговой операціи частнаго человѣка заканчивается барышомъ въ рубляхъ и копѣйкахъ. Окрестные и туземные крестьяне, а съ ними и вся Россія, которая весьма нуждается въ пшеницѣ, жестоко страдаютъ отъ этихъ скупщиковъ-кулаковъ. Послѣднее слово техническое, его изъ пѣсни не выкинешь. Кулаковъ тамъ мало, и потому между ними имѣется почти постоянная стачка относительно цѣнъ, а мало ихъ потому, что кромѣ удѣльныхъ крестьянъ никто не имѣлъ права строить амбары на пристани, стало-быть некуда было складывать огромнаго количества привозимаго хлѣба, а туземные монополисты по части амбаровъ разумѣется не упускали случая пользоваться своимъ правомъ и брали за складъ что хотѣли. Вотъ съ краю села далеко по степи видно, какъ тянется обозъ. Кулаки, очень пріятно и дружно проводящіе время, оставляютъ картишки, шашки и пуншикъ и расходятся по разнымъ избамъ, чтобы сдѣлать видъ, будто они не всѣ принадлежатъ къ одной шайкѣ, а напротивъ стараются другъ у друга перекупить. Мужики знаютъ очень хорошо, что между кулаками существуетъ стачка; съ своей стороны кулаки тоже знаютъ очень хорошо, что мужикамъ это извѣстно, однако комедія акуратно повторяется каждый разъ. Обозъ безостановочно проходитъ мимо первыхъ избъ, направляясь на базарную площадь. Съ искомъ отворяется калитка, выходитъ кулакъ на улицу, дѣлаетъ видъ, будто лѣнливо зѣваетъ, потягивается, и будто случайно замѣчаетъ обозъ. Медленно, съ переваломъ подходитъ, спрашиваетъ еще, не пшеницу ли везутъ мужички-голубчики (тогда какъ никогда въ Екатериновку ничего другого они не провозятъ сухимъ путемъ), и медленно запускаетъ руку въ тщательно окутанный толстымъ рядкомъ возъ. Опытная рука знаетъ способъ этого укутыванья и никакъ не ошибется, не задумается какъ добратся до зерна. Обозъ остававливается. Кулакъ вытаскиваетъ горсть зерна,

разсматриваетъ его, одно или два зерна ловко кидаетъ себѣ въ ротъ и наконецъ съ сожалѣніемъ и ласково говоритъ :

— Нѣтъ, любезный, такого товару не требуется! и сыпаетъ горсточку себѣ въ карманъ.

Мужикъ уже знаетъ этотъ пріемъ, но все-таки чувствуетъ себя нѣсколько оскорбленнымъ.

— Какого еще товару тебѣ надо? Весь какъ есть зерно къ зерну подобрано! отвѣчаетъ онъ обиженнымъ тономъ, завертывая раскрывшееся мѣсто на своемъ возу.

— Не требуется такого, не требуется! продолжаетъ небрежно кулакъ, идя къ другому возу.

Между тѣмъ выползаютъ изъ другихъ скрипучихъ калитокъ еще кулаки, и подходятъ къ другимъ возамъ. Начинается комерція. Кулаки увѣряютъ, что товаръ никуда не годится; мужики увѣряютъ, что зерно первое, лучше не надобно. Сначала дѣло идетъ вполголоса или не громче обыкновеннаго разговора, но мало-помалу обѣ стороны одушевляются, споръ становится шумнѣе; кулаки набавляютъ къ своей цѣнѣ по четверть-копѣйкѣ, разумѣется асигнаціями, мужики съ своей цѣны уступаютъ по копѣйкѣ. По мѣрѣ того, какъ обѣ стороны сближаются къ соглашенію, пафосъ доходитъ до высшей степени. Прежде закутанвые возы растрепаны, голоса охрипли; покупатели и продавцы уже ругаются постыднѣйшимъ образомъ.

— Ну, какого ты чорта продаешь! кричитъ озлобленный кулакъ: — вишь какую пшеницу вывезъ! При этомъ онъ схватываетъ горсть пшеницы и тычетъ ее подъ носъ мужику. — Развѣ это пшеница, посконное твое рыло! Это горохъ, а не пшеница.

— А ты чего лаешься-то? Кулакъ, право, ейбогу, кулакъ и есть. Извѣстно, зерно крупное, какъ быть.

— Крупнос! Видали мы не элатое крупное! Куда намъ его? Намъ за границу требуется, въ Англію, понимаешь? Глухая голова! Туда гороху твоего не надо, туда мелкое надо зерно, чистое.

— Коли это еще не хлѣбъ, такъ сыты вы, черти эдакіе, пра черти. Никуда не надо лучше этого хлѣба.

— Никуда! извѣтельно замѣчаетъ кулакъ. Ворона ты заморская! Видишь, знаетъ что въ Англіи требуется, значитъ бывалый, образованный, баринъ, чортъ! Провались ты съ своимъ зерномъ, коли мало тебѣ восьмидесяти-четырехъ! И разсвирѣпѣвшій кулакъ бросаетъ горсть драгоцѣннаго хлѣба на возъ, и пшеница летитъ во всѣ стороны на землю.

Но комерція наконецъ слаживается. Мужики знаютъ очень хо-

рошо, что съ хлѣбомъ некуда имъ дѣваться. Ъхать въ Самару? Тамъ дадутъ подороже, но вѣдь это семьдесятъ верстъ въ одинъ конецъ да семьдесятъ обратно: прибавкой цѣны и не окупится пожалуй поѣздка. И отдають они хлѣбъ по той цѣнѣ, выше которой кулаки положили не платить, и везутъ ссыпать. При ссыпкѣ опять торгуются изъ-за каждой горсточки, и обобранные мужики, получая деньги, еще благодарить своихъ грабителей и, закупивъ кое-какой мелочи у тѣхъ же кулаковъ, торопятся домой къ новымъ угнетительнымъ, изнуряющимъ трудамъ. Видя такую коммерцію вольно подумаешь о крайней необходимости для насъ свободы торговли, но сначала внутренней торговли.

Теперь сдѣланъ огромный шагъ впередъ: по ходатайству управляющаго удѣльною конторой снято запрещеніе постороннимъ лицамъ строить амбары въ Екатериновкѣ. Теперь всякій желающій можетъ строить амбары, но все-таки «иначе, какъ съ дозволенія удѣльной конторы, и съ платою въ доходъ удѣла: за первую путину по 2½ копѣйки съ четверти хлѣба по вмѣстимости амбара, а за вторую путину тотъ же сборъ полагается по количеству дѣйствительно ссыпаннаго въ амбаръ хлѣба.» Въ какой мѣрѣ благотельно подѣйствуетъ эта мѣра на развитіе торговли края, видно ужъ изъ того, что цѣны эти ничуть не дешевле петербургскихъ. Удобно устроенный амбаръ длиною одинацать, а шириною пять сажень легко вмѣститъ въ себѣ 2,200 четвертей хлѣба, за что удѣльная контора получить 55 рублей серебромъ, или ровно по рублю въ годъ за квадратную сажень голой земли, на которой наниматель на свой счетъ выстроитъ амбаръ. Въ случаѣ же, если ему удастся на вторую путину ссыпать, хотя половинное противъ этого количество, то онъ заплатитъ по полтора рубля въ годъ за квадратную сажень, кромѣ того, что ему придется переѣзжать ссыпанный на вторую путину хлѣбъ при чиновникахъ, которые обязаны будутъ брать за насъ земля подъ амбаръ по количеству хлѣба. Правда, что число скупщиковъ хлѣба въ Екатериновкѣ можетъ вслѣдствіе новой мѣры до нѣкоторой степени увеличиться, стало быть стачка между ними можетъ сдѣлаться нѣсколько затруднительнѣе.

Но довольно о такихъ прискорбныхъ предметахъ. У насъ есть еще въ запасѣ нѣсколько пріятныхъ явленій, которыя должны быть занесены въ нашу дѣтопись.

По цѣлой Россіи въ разныхъ мѣстахъ множество открывається школъ; часто попадается въ газетахъ сравненіе количества школъ въ разныхъ мѣстахъ до освобожденія крестьянъ и послѣ освобожденія. Въ послѣднее время отъ 19 февраля 1861 года, почти въ полтора

года количество школъ мѣстами удвоилось, мѣстами даже болѣе нежели удвоилось, тогда какъ до того десятки лѣтъ стояло все въ одномъ положеніи.

Выкупная операція совершается надлежащимъ порядкомъ. Крестьяне освобождаются окончательно отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику посредствомъ выдачи помѣщику части выкупной суммы государственными пятипроцентными банковыми билетами, а вмѣсто остальной части назначается помѣщику непрерывный доходъ изъ казны въ размѣрѣ $5\frac{1}{2}$ процентовъ. Въ этихъ процентахъ не заключается погашеніе самого капитала; этотъ доходъ въ полномъ размѣрѣ будетъ производиться постоянно, до тѣхъ поръ, пока правительство не найдетъ возможнымъ и нужнымъ уплатить получателямъ непрерывнаго дохода самый капиталъ, доходу этому соответствующій. До истеченія десяти лѣтъ правительство предоставляетъ себѣ объявить о способѣ и порядкѣ погашенія той части выкупной ссуды, которая обращается въ непрерывный доходъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ подобной операціи.

У г. Кочубея въ черниговской губерніи, козелецкаго уѣзда, было имѣніе съ 963 ревизскими душами. Мировыя учрежденія законнымъ порядкомъ удостовѣрили въ состоятельности крестьянъ къ взносу выкупныхъ платежей. Выкупаютъ они свой полный надѣлъ, 1,761 десятину съ саженьями, за 58,720 руб. 26 к., слѣдовательно по 33 руб. 34 коп. за десятину. Правительство беретъ на себя эту уплату, удерживая конечно лежащій на имѣніи банковый долгъ. Въ этомъ случаѣ долгу было 47,368 руб. 50 коп., стало-быть осталось выдать помѣщику 11,351 руб. 76 коп. Дѣйствительно выдано 2,900 руб. пятипроцентными билетами, наличными 1 руб. 75 коп., и выкупное свидѣтельство въ 8,450 руб., по которому бывший помѣщикъ будетъ получать по $5\frac{1}{2}$ процентовъ, впредь до окончательнаго полученія этой суммы. Такимъ образомъ бывший помѣщикъ получаетъ 609 руб. 75 коп. доходу изъ казны, а крестьяне будутъ выплачивать въ казну 58,730 руб. 26 коп., въ теченіе опредѣленнаго закономъ числа лѣтъ малыми суммами, съ придачею шести процентовъ.

Подобныхъ выкупныхъ операцій произведено въ три мѣсяца (май, іюнь, іюль нынѣшняго года) шесть сотъ тринадцать, на 76,792 ревиз. души, выкупившихъ 266,466 десятинъ земли. Такимъ образомъ выдано, такъ сказать, крестьянамъ взаймы 8,307,134 рубля. Нѣсколько менѣе половины этой суммы 4,121,118 руб. казенныхъ долговъ, остальное выдано выкупными ($5\frac{1}{2}\%$) свидѣтельствами

3,269,570 руб., пятипроцентными билетами 907,750 руб. и наличными деньгами 8,696 руб. Каждая десятина удобной и неудобной земли обошлась крестьянамъ кругомъ по 31 р. 17 к. Это довольно дорого; но если принять въ соображеніе, что уплата разложена на продолжительный срокъ, и что въ придачу къ землѣ получается за тѣже деньги и воля, то оказывается, что совсѣмъ не дорого. Но на каждую душу приходится кругомъ довольно мало земли, немногимъ болѣе $3\frac{1}{2}$ десятинъ. Въ августѣ и въ сентябрѣ утверждены еще 474 выкупныя сдѣлки, но подробности ихъ еще не обнаружены, а считая и тѣ сдѣлки, которыя до 1 августа поступили въ губернскія присутствія, но по разнымъ причинамъ еще не были представлены въ главное выкупное учрежденіе, оказывается, что число ихъ доходитъ до 1,518; для 173,013 душъ. Это составляетъ вѣскольکو болѣе одной пятьдесятъ-седьмой доли всѣхъ душъ, бывшихъ крѣпостныхъ. Изъ 57 человекъ одинъ покончилъ теперь всѣ счеты съ своимъ прежнимъ владѣльцемъ, а остальные 56 находятся еще если не въ зависимости, то покрайней-мѣрѣ въ отношеніяхъ болѣе или менѣе обязательныхъ, начиная отъ оброка до издѣльной повинности натурой.

Но этотъ одинъ изъ 57 теперь землевладѣлецъ, такой же точно, какъ бывший его помѣщикъ, но владѣющій небольшимъ количествомъ земли, около $3\frac{1}{2}$ десятинъ, которыя заложены въ казну за 108 рублей, съ расплатою въ теченіе продолжительнаго срока, рублей по семи въ годъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ «Сѣверной Почты», въ неофициальномъ отдѣлѣ этой газеты, горько и весьма справедливо сѣдуетъ, что большинство нашего народа родится, живетъ и умираетъ безъ всякой медицинскій помощи. У насъ приходится кругомъ по одному врачу на $7\frac{1}{2}$ тысячъ жителей, и такъ какъ двѣ трети всего числа врачей заняты своей службой, гражданской и военной, то едва ли на двадцать тысячъ сельскаго населенія приходится одинъ медикъ. Все это совершенно справедливо, и съ точно такою же справедливостію сотрудникъ «Сѣверной Почты» продолжаетъ, что по огромности уѣздовъ нашихъ, врачъ, живущій въ уѣздномъ городѣ, никакъ не можетъ подавать помощь всѣмъ живущимъ въ уѣздѣ. Поэтому необходимо распространить въ массѣ народа вѣрныя понятія о сохраненіи здоровья и развить домашнюю медицину. Заняться же леченіемъ всего удобнѣе сельскимъ священникамъ и всѣмъ, имѣющимъ отношеніе къ народу, особенно же землевладѣльцамъ, чтобы заслужить любовь и расположеніе народа. Это все

твѣ, во замѣчательнѣе всего, что далѣе совѣтуется гомеопатическая метода леченія, какъ наиболѣе легкая, безопасная и безвредная, лекарства предписанныя по этой методѣ будтобы дѣйствуютъ только въ такомъ случаѣ, когда соотвѣтствуютъ болѣзни: и дешево и хорошо. Ктому же «Народная Бесѣда» предполагаетъ издать въ 1863 году «Народный гомеопатическій лечебникъ», а центральная гомеопатическая аптека, по соглашенію съ редакціей, берется доставлять необходимыя при лечебникѣ лекарства по возможно дешовой цѣнѣ. То—есть иначе сказать: пожалуйста, сейчасъ начинается, для васъ только, товаръ первѣйшаго сорта, отдадимъ съ уступочкой. Пожалуйста, честные господа.

Хвалебное слово гомеопатіи напечатано было въ «Сѣв. Почтѣ», И взыграло сердце всѣхъ російскихъ гомеопатовъ. Ура! наша взяла! Нѣтъ болѣе мелицины! Да процвѣтаетъ гомеопатія. Одинъ изъ ревностныхъ поклонниковъ Ганемана продолжалъ хвалебный гимнъ гомеопатіи въ «Сѣверной Пчелѣ», такъ что составлялся понемногу довольно согласный и пріятный хоръ. «Эта великая, неопровержимая истина (о преимуществѣ гомеопатіи) — говорить статья «Сѣверной Пчелы» — высказана здѣсь въ официальной газетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго медицинскою частью въ Россіи. Честь ему и слава, что оно, въ видахъ пользы человѣчества, въ видахъ государственнаго блага, признало вѣрность и благодѣтельность важнѣйшаго открытія новыхъ временъ, которое въ другихъ (даже просвѣщенныхъ) странахъ томится подъ гнетомъ предрассудка и педантскаго упрямства, непреодолимыхъ и для самаго благонамѣреннаго правительства...» То—есть иначе сказать мелицина есть предрассудокъ, педантское упрямство, которое управляетъ правительствами не только у насъ, но даже въ просвѣщенныхъ странахъ, а гомеопатія есть важнѣйшее открытіе новыхъ временъ. Но почтенная «Пчела» нѣсколько поторопилась: въ неофициальномъ отдѣлѣ «Почты» часто помѣщаются статьи частныхъ лицъ, имѣющихъ право выражать свои мнѣнія независимо отъ видовъ и соображеній министерства, на общихъ литературныхъ основаніяхъ. А директоръ медицинскаго департамента напечаталъ въ «Сѣверной Почтѣ» не совсѣмъ пріятное для гомеопатовъ заявленіе, что леченіе больныхъ по гомеопатическому способу никогда досихъ—поръ ни въ Россіи, ни въ образованныхъ европейскихъ государствахъ официально рекомендуемо со стороны медицинской администраціи не было и что напротивъ того, если у насъ и было допускаемо и терпимо это леченіе, болѣе какъ уступка настоятельному желанію со стороны публики, тѣмъ не менѣе однако это леченіе со-

стоитъ подъ особеннымъ надзоромъ и контролемъ медицинскаго начальства.

Такъ нарушилась великая радость гомеопатовъ, и «важнѣйшее открытіе новыхъ временъ» осталось попрежнему безъ официальной поддержки. А жаль. Это такой дешовый, безопасный, безвредный, не научный способъ леченія, такъ онъ въ существѣ своемъ противорѣчить всѣмъ даннымъ естественныхъ наукъ, составляющихъ единственное прочное основаніе медицины, что для своихъ поклонниковъ, уѣздныхъ почмейстеровъ, мелкопомѣстныхъ помѣщичъ и отставныхъ кавалеристовъ онъ въ высшей степени удобенъ. Знаній никакихъ не требуется: маленькая книжечка, да аптека цѣною въ три рубля, и того за четыре рубля можно прикнуть къ «важнѣйшему открытію новыхъ временъ» и слѣлаться такимъ же отличнымъ гомеопатомъ, какъ первѣйшій гомеопатъ на свѣтѣ. Да за ту же цѣну можно еще вздыхать о «гнетѣ предрасудка и педантскаго упрямства, непреодолимыхъ и для самого благонамѣреннаго нравительства.» Дешевле нѣтъ возможности добыть себѣ удовольствіе на цѣлую жизнь, потому что трехъ рублевой аптеки и рублевой книжечки достанетъ на весь вѣкъ, да въ добавокъ подобная аптека имѣетъ еще волшебное свойство того неистощимаго кошелька, изъ котораго сколько ни берешь, все въ немъ остается больше прежняго. Извѣстно, что чѣмъ больше разбавить гомеопатическое лекарство, тѣмъ оно сильнѣе дѣйствуетъ. А тѣ-то, угнетатели, люди предрасудка и педантскаго упрямства, учатся, учатся цѣлые годы, лучшіе годы своей жизни и потомъ всю жизнь отдаютъ наукѣ, добиваются степеней, и все изъ-за чего же? Чтобы угнетать «важнѣйшее открытіе новыхъ временъ», и все угнетеніе состоитъ въ недаваніи гомеопатіи официальнаго покровительства, въ предпочтеніи науки невѣжеству. Все это пустяки. Маленькая книжечка и маленькая аптека въ форматѣ книжечки, такъ что все мило и уютно укладывается въ карманъ. Вотъ и вся наука, въ собственномъ смыслѣ карманная или портативная наука, отрицающая всякіе авторитеты кромѣ тѣхъ, которые въ карманѣ. Можно бы привести нѣсколько курьознѣйшихъ примѣровъ изъ этой карманной науки; но мы вообще не любимъ вещей неприличныхъ, скандализирующихъ здравый смыслъ, и потому оставляемъ гомеопатію въ сторонѣ.

Но дѣлать нечего, надо сказать нѣсколько словъ объ обществѣ для улучшенія въ С. Петербургѣ помѣщеній рабочаго и нуждающагося населенія и объ образцовомъ его домѣ. О важности дешовыхъ и удобныхъ помѣщеній говорить нечего: она понятна всякому, даже поклоннику «важнѣйшаго открытія новыхъ временъ.» Общество

поставило себя задачей устраивать въ Петербургѣ дома, приспособленные къ потребностямъ недостаточныхъ обывателей, съ обезпеченіемъ здоровья и удобства живущихъ. Положено ограничиваться незначительнымъ дивидендомъ на складочный капиталъ, съ тѣмъ чтобы какъ можно болѣе понижать наемную плату. Былъ объявленъ конкурсъ на составленіе проектовъ, и тутъ произошло то, чего обыкновенно въ Европѣ не бываетъ. Гг. Меркуловъ и Гиппиусъ представили лучшіе проекты, и получили за нихъ премія, а исполнителемъ выбранъ г. Ганъ, тоже архитекторъ. Почему же исполнителемъ не назначенъ г. Меркуловъ, — покрыто мракомъ невѣстности. Послѣ смерти г. Гана, окончаніе постройки поручено было г. Жиберу. Выстроили домъ въ *шесть* этажей. Всѣхъ квартиръ девяносто восемь, цѣна за наибольшую (кроме магазинной нижняго этажа) 162 рубли въ годъ, а за наименьшую, въ одну крошечную комнатку 48 рублей. Цѣна очень дешовая, конечно. Но надо знать размѣръ комнатокъ. Вся наибольшая квартира, семейная, включаетъ въ себя вмѣстности неполныхъ одинадцать кубическихъ сажень. Это значитъ, что при вышинѣ въ четыре аршина, вся квартира съ кухней, переднею, и прочими необходимостями не болѣе восьми аршинъ ширины и девять аршинъ длины, то-есть столько, сколько занимаетъ обыкновенная крестьянская изба. Квартирка въ одну комнату занимаетъ пространство по полусажени въ ширину и двѣ сажени въ длину, при высотѣ въ сажень съ вершкомъ. Такимъ образомъ за кубическую сажень вмѣстности квартиры «нуждающійся» жилецъ платитъ 22 рубля въ годъ. Цѣна громадная. Но за то во всемъ домѣ большая чистота, порядокъ, тепло и сухо. Жильцы высоко цѣнятъ это благополучіе и дорожатъ квартирами. Всѣ заняты, и имѣется столько кандидатовъ, что большая половина ихъ перемретъ, не дождавшись благополучія пожить въ «образцовомъ» домѣ. Наконецъ слѣдуетъ замѣтить, что въ кандидаты на занятіе квартиры можно попасть только по большой протекціи, по рекомендаціи важныхъ лицъ, составлявшихъ общество, которое тѣмъ не менѣе получаетъ за свои благодѣянія чистаго дохода 7,817 рублей или около четырехъ процентовъ на затраченный капиталъ. Такимъ образомъ это общество по справедливости можетъ называться обществомъ взаимнаго одолженія. Его акціи выгоднѣе многихъ другихъ, а капиталъ его тратился точно такъ же какъ и въ другихъ, безъ скупости, размахисто, порусски, безъ нѣмецкой расчетливости.

Изъ многихъ облегчительныхъ мѣръ, приготовляемыхъ правительствомъ, нельзя не упомянуть о пересмотрѣ устава о полиціи.

Новый уставъ уже составленъ и разсматривается въ высшей палатѣ.

Пересматривается уставъ горный. Говорятъ, что въ новомъ уставѣ горная промышленность получитъ весьма большую свободу. Вліяніе горнаго управленія ограничится только общимъ надзоромъ, для охраненія безопасности рабочихъ, для собиранія налоговъ, какими эта промышленность будетъ обложена и для собиранія точныхъ статистическихъ данныхъ. Налогъ на частную горную промышленность будетъ распределенъ равномерно, чѣмъ до-сихъ-поръ. Наконецъ, главная и самая интересная черта въ этихъ надеждахъ состоитъ въ томъ, что будтобы проектъ новаго устава, до его утвержденія, будетъ обнародованъ и предоставленъ общему обсужденію.

Эта наклонность къ разрѣшенію всѣмъ и каждому смѣть свое сужденіе имѣть является и въ объявленіи отъ комиссіи для составленія проектовъ законоположеній о преобразованіи судебной части. Эта «комиссія признала не только возможнымъ, но *существенно-необходимымъ*, для успѣшнаго совершенія предстоящихъ ей работъ, имѣть въ виду всѣ тѣ практическія и теоретическія свѣдѣнія и соображенія относительно развитія преподаваемыхъ въ руководство комиссіи основныхъ началъ означеннаго преобразованія, которыя могли бы быть доставлены изъ разныхъ мѣстностей Россіи лицами, знакомыми съ судебною частью вообще и съ особыми условіями разныхъ губерній. Вслѣдствіе сего, согласно съ заключеніями комиссіи, слѣданы распоряженія о приглашеніи должностныхъ лицъ судебного вѣдомства, а также професоровъ юридическихъ наукъ въ университетахъ, лицяхъ и училищъ правовѣднія, которые пожелаютъ содѣйствовать успѣху этого общаго для всей Россіи дѣла, доставить въ государственную канцелярію свои замѣчанія и соображенія, относительно способовъ развитія обнародованныхъ уже основныхъ положеній. Независимо отъ сего комиссія проситъ *всѣхъ желающихъ* оказать ей свое содѣйствіе, доставлять въ государственную канцелярію замѣчанія и предположенія о наиболѣе соответствующемъ требованіямъ науки и практики развитія и примѣненія основныхъ положеній преобразованія судебной у насъ части какъ вообще, такъ и по разнымъ отдѣльнымъ ихъ предметамъ. Всѣ подобнаго рода сомнѣнія и предположенія комиссія будетъ принимать съ особенною признательностью и воспользуется ими при окончательномъ составленіи проектовъ, уставовъ и законоположеній по преобразованію судебной у насъ части.»

Нельзя не замѣтить, что это въ высшей степени рациональное

обращеніе комиссіи къ сотрудничеству всѣхъ знающихъ и опытныхъ людей въ Россіи принесетъ великолѣпные плоды. Умъ хорошо, а сто лучше. Триста или четыреста умовъ даже образуютъ прекрасное, плотное, здоровое ядро общественнаго мнѣнія. Но если уже нельзя собрать триста или четыреста умовъ, то можно по крайней-мѣрѣ замѣтить, что комиссіи возложила на себя такимъ образомъ невообразимо громадную работу. Она обратилась къ сотрудничеству *всѣхъ желающихъ*. Это масса ужасающая. У насъ великое множество охотниковъ писать. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только спросить редакторовъ журналовъ, которые не знаютъ куда дѣваться отъ множества поступающихъ къ нимъ «сочиненій» по всѣмъ частямъ. Къ счастью еще журналовъ довольно много, и *всѣ желающіе* раздѣляются. Но комиссіи одна, она одна и будетъ цѣлью невѣроятно плодовитыхъ присылокъ со всѣхъ концовъ Россіи. Произойдетъ бомбардировка комиссіи, и конечно, среди множества непроходимаго вздору, будутъ перлы, которыми справедливость требуетъ воспользоваться. Но какъ же отыскать эти перлы? Перечестъ все не будетъ никакой возможности. Поэтому не было ли бы несравненно выгодыѣе предоставить печати разработку вопроса. Печать имѣетъ то удобство, что профильтрованное сначала сквозь редакціи, а потомъ сквозь мнѣнія читателей — статьи очищаются великолѣпно, такъ что комиссіи останется только еще разъ пересмотрѣть не готовые, а подготовленные результаты и свести ихъ въ одно цѣлое. Былобыдесятеро меньше труда; но еслибы даже комиссіи не боялась ужасающей работы, то былобы и несравненно больше пользы. Печать точно также какъ и рукописи, съ которыми придется возиться комиссіи, наговорить пропасть вздору; но это обстоятельство не важное: вздоръ какъ-то самъ собою отваливается, отпадаетъ, и остается дѣло. Затѣмъ остается еще другое, не менѣе важное и совершенно неотъемлемое преимущество на сторону печати. Она одна можетъ подготовить далеко не приготовленную публику къ принятію новаго преобразования. Теперь печать только извѣстила о готовящемся преобразованіи, отнеслась къ нему съ глубокимъ сочувствіемъ, потому что нельзя же не сочувствовать такому благому дѣлу, и потомъ замолкла, за неимѣніемъ права говорить подробности, развивать основныя положенія, толковать о ихъ примѣненіи и т. д. Печать, въ особенности наша, русская, всегда вѣрой и правдой служила либеральнымъ намѣреніямъ нашего правительства. Сошлемся въ этомъ случаѣ на крестьянскій вопросъ, несмотря на то, что былъ у насъ «Журналъ землевладѣльцевъ». Еслибы населенія не были подготовлены къ его разрѣшенію печатью, та-

кого рода явленія , какъ въ казанской губерніи повторялись бы можетъ-быть въ каждой волости. Вопросъ о преобразованіи судебной части конечно относится къ другой сферѣ : даже тѣни волненія ожидать нельзя, развѣ это будетъ волненіе восторга , огромное ура! по всей Россіи. Но несомнѣнно также , что чѣмъ болѣе народъ будетъ приготовленъ къ новой мѣрѣ , тѣмъ самая мѣра легче , свободнѣе , непринужденнѣе будетъ дѣйствовать. Изъ запроса министерства , по губерніямъ , въ какой мѣрѣ будущіе мировые судьи въ состояніи будутъ къ концу 1863 или къ началу 1864 замѣнить вынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ , оказывается , что окончательнаго преобразованія судебной части можно ожидать черезъ годъ и даже черезъ полтора. Это большое время , и печать успѣетъ наговориться вдоволь и договориться кое-до-чего хорошаго.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «ВРЕМЯ» (1)

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ : «ПѢВЕЦЪ КУБРЫ»

Et voilà comme on écrit l'histoire.

М. г. Какъ жена покойнаго князя Петра Ивановича Шаликова, котораго вѣроятно вы не знали ни лично, ни по репутаціи, чело-вѣка много лѣтъ уважаемаго и любимаго въ московскомъ обще-ствѣ, я позволила себѣ нѣсколько замѣчаній на статью Е. Колба-сина «Пѣвецъ Кубры», гдѣ я нашла нѣкоторыя невѣрныя черты характеристики моего мужа, и прошу васъ покорнѣйше, милости-вый государь, дать мѣсто моимъ замѣткамъ въ издаваемомъ вами журналѣ.

Признаюсь вамъ, ветолюкко я сама, но и всѣ знавшіе лично по-койнаго моего мужа, едва вѣрили глазамъ своимъ, читая истинно-забавныя... я бы сказала клеветы г. Колбасина, еслибъ могла пред-полагать въ челоувѣкѣ совершенно постороннемъ какой-нибудь умы-селъ бросить тѣнь на его память. Г. Колбасинъ можетъ-быть и самъ непрочъ отъ того, чтобъ узнать нѣкоторыя болѣе точныя подро-бности о личности, которой онъ коснулся въ своемъ психологиче-скомъ очеркѣ.

Усиливаясь доказать, что кв. Шаликовъ былъ «интриганъ и

(1) Редакція печатаетъ это письмо единственно изъ принципа справедливо-сти. Оцѣнка дѣятельности и самаго характера лицъ, сошедшихъ съ обще-ственной сцены, есть несомнѣнная принадлежность литературы, и оспаривать у нея это право въ наше время немыслимо. Г. Колбасинъ, авторъ статьи «Пѣ-вецъ Кубры» выводилъ свои заключенія основываясь на фактахъ и на *подлин-ныхъ* письмахъ. Вѣрны ли его выводы, онъ предоставляетъ судить читателямъ. Факты и письма на лицо. Но еслибъ онъ въ чемъ и ошибся, то это будетъ только ошибка, и подозрѣвать его въ клеветѣ на челоувѣка давно уже умершаго, мы не могли и не имѣли на то права. Это искреннее мнѣніе редакціи. Письмо это мы печатаемъ безъ малѣйшихъ переменъ и выпусковъ. *Ред.*

низкопоклонникъ», авторъ статьи: «Пѣвецъ Кубры» до такой степени не попалъ на настоящій его недостатокъ, что заставилъ всѣхъ невольна улынуться. Крайняя вспыльчивость моего мужа, нещадившая никакое лицо, вошла даже въ пословицу въ кругу нашихъ знакомыхъ; а рѣзкая правдивость, возстановившая противъ него многихъ, въ глазахъ друзей его извинялась только рѣдкою добротою сердца и совершенно дѣтскою нерасчетливостію. Довѣрчивый до наивности, онъ даже въ другихъ непонималъ духа ивтриги; взглядъ его на жизнь былъ взглядомъ поэта и философа, а левеѣ считать онъ никогда не умѣлъ. Такимъ представлялся онъ каждому, кто видѣлъ его мелькомъ раза два; такимъ знали его тѣ, которые были сближены съ нимъ съ молодыхъ лѣтъ и до глубокой старости. Никто менѣе его не измѣнялся съ лѣтами. Этотъ недостатокъ практичности, эта неукротимость избалованной натуры, составлявшіе главную черту его характера, могутъ служить истолкованіемъ многихъ его странностей. Кто не зналъ его за несправимаго оригинала. Кто не помнитъ, какъ онъ, не только въ салонахъ, но и во время ежедневныхъ своихъ прогулокъ, свободно и открыто говорилъ о происшествіяхъ и лицахъ, возмущался крѣпостнымъ правомъ, и не стѣсняясь ничѣмъ, высказывалъ среди собравшейся во кругъ него публики самыя смѣлыя идеи. Кому не приходилось удивляться тому, что не разъ самыя почтенныя дамы, которымъ случалось ему наговорить всердцахъ пропасть колкостей, приѣзжали первыя мириться съ нимъ? На него нельзя было сердиться: живая, пылкая натура этого человѣка, всегда юная и увлекающаяся, всегда вдававшаяся въ крайности, съ ироническимъ складомъ ума, съ большою начитанностію, съ южнымъ воображеніемъ и съ женскою, непритворною добротою, обаятельно дѣйствовала на все окружающее, и ему все прощалось. Да, это была не пошленькая личность, какою выставилъ ее г. Е. Колбасинъ, скорбя о пагубномъ вліяніи, какое будтобы имѣлъ князь Шаляковъ на стихотворное развитіе графа Хвостова.

Въ тридцатыхъ годахъ (эпоха, въ которую упоминаетъ о моемъ мужѣ г. Е. Колбасинъ), ему было уже слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; но несмотря на эти преклонныя лѣта, его всюду желали видѣть, какъ человѣка пріятнаго, всегда принадлежавшаго къ образованному, лучшему обществу. Будучи крайне разборчивъ въ знакомствѣ съ свѣтскими людьми, и передавъ это свойство своему семейству, онъ для иныхъ литераторовъ дѣлалъ исключенія, принимая ихъ во имя литературы, а съ другими былъ друженъ съ молодыхъ лѣтъ, какъ на примѣръ съ В. Л. Пушкинымъ, Батюшковымъ и другими; былъ всегда дружески принятъ у княгини

Зенеды Волковской. Прочитавъ статью г. Е. Колбасина «Пѣвецъ Кубры», право можно подуматъ, что князь Шаликовъ былъ нѣчто вроде высланнаго изъ бурсы семинариста, или вольноотпущеннаго лакея, пробившаго себѣ дорогу интригами, сплетнями, угодливостью и всякими подобными средствами.

Видно, что г. Е. Колбасинъ вообще мало знакомъ съ преданьями московскихъ салоновъ того времени, когда еще существовало общественное мнѣніе въ аристократическомъ кругу, и любезность французскаго ума: *l'urbanité française*, была сильно въ ходу. Иначе онъ не рѣшился бы дѣлать заключенія о человѣкѣ по выхваченному наудачу письму.

Семейство наше никогда вичѣмъ не пользовалось отъ графа Хвостова, и если мужъ мой, равный ему по рожденію и воспитанію, писалъ лестные отзывы о его сочиненіяхъ, то это дѣлалось съ добродушіемъ, чтобъ потѣшить добраго старика, считая стихотворство его вполне невинною забавою, и притомъ высоко цѣня его нравственныя качества и эту любовь къ литературнымъ занятіямъ, въ которыхъ онъ находилъ все свое утѣшеніе. И вправду, кому могъ повредить почтенный гр. Хвостовъ, воспѣвая Кубру?

Мужъ мой, прожившій болѣе восьмидесяти-трехъ лѣтъ⁽¹⁾, можно сказать не зналъ старости. За годъ до своей кончины, онъ читалъ очень много, писалъ твердымъ и красивымъ почеркомъ, ѣздилъ верхомъ; за два мѣсяца цитировалъ Вольтера и Монтескьё, разбиралъ «*Contrat Social*», съ любовью говорилъ о Ж. Ж. Руссо, которому всегда пламенно сочувствовалъ. О евангелии онъ однако постоянно относился какъ о высшемъ произведеніи истинной мудрости и за четыре года до смерти, вполне вникнувъ въ духъ евангельскаго ученія, онъ пожелалъ приобщиться св. таинъ, чего прежде не дѣлалъ нѣсколько лѣтъ. О кончинѣ его можно сказать, что она была проста и естественна какъ и вся жизнь его. Онъ безъ болѣзни уснулъ вѣчнымъ сномъ, какъ младенецъ, угасъ какъ лампада.

Не такова была старость графа Д. И. Хвостова. Когда мужъ мой началъ издавать «Дамскій журналъ», графъ былъ уже дряхль и слѣпъ, и вмѣсто своего имени, ставилъ чрезвычайно смѣшную каракулю, которая очень потѣшала моихъ маленькихъ дѣтей. По словамъ же г. Е. Колбасина иной право подумалъ бы, что графъ Хвостовъ былъ пылкій юноша, котораго сбили съ толку и погубили коварные льстецы и интриганы, во главѣ которыхъ стоялъ князь

(1) Онъ скончался въ 1852 г.

Кн. XI. — Отд. II.

Шаликовъ. Да это до крайности забавно всѣмъ, кто зналъ не только лично, но даже и понаслышкѣ, того и другого.

Г. Колбасина приводитъ въ страшное недоумѣніе вопросъ: Отчего графъ Хвостовъ писалъ стихи? Онъ убѣжденъ, что все это потому, что кн. Шаликовъ и Щедрицкій надули ему въ уши о какомъ-то безсмертіи, ожидающемъ поэтовъ за гробомъ.

Но это предположеніе такъ смѣшно, что объ немъ не стоитъ много толковать. Взглянемъ лучше на эпоху Екатерины. Сама великая монархиня занимается литературой, пишетъ для театра, слушаетъ съ наслажденіемъ оды Державина, осыпаетъ милостями и вниманіемъ фонъ-Визина, переписывается съ Вольтеромъ, который говоритъ:

c'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière,

и плеяда поэтовъ, окружавшая ее, такъ возвеличена и прославлена въ глазахъ цѣлой Россіи, что каждый, кропя стихи, мечтаетъ заимствовать хоть одинъ лучъ отъ этого ослабительнаго свѣта. Хвостовъ, жившій въ кругу министровъ-писателей, увлекается блестящею поэтической славой ихъ, и подобравъ нѣсколько рифмъ, называетъ себя пѣвцомъ Кубры, маленькой рѣчки, протекавшей въ его имѣніи, которую онъ и желаетъ обезсмертить.

Александръ Пушкинъ, родившійся 50 лѣтъ спустя послѣ Хвостова, подшучиваетъ надъ нимъ подъ рукою, но какъ человѣкъ гениальный и образованный вмѣстѣ съ тѣмъ, не позволяетъ себѣ открыто смѣяться надъ почтеннымъ старикомъ.

Очень вѣроятно, что умный, достойный всякаго уваженія гр. Д. И. Хвостовъ не писалъ бы стиховъ, еслибъ родился въ наше время; онъ можетъ-быть и литераторовъ бы не сталъ принимать у себя въ домъ, и еслибы провѣдалъ, что въ вотчинѣ его протекаетъ Кубра, то это для того, чтобъ поставить на ней мельницу.

Сверхъ того, едвали кому-нибудь покажется вѣроятнымъ, чтобъ единственной причиною раззоренія гр. Хвостова могло быть печатаніе его сочиненій, какъ увѣряетъ въ томъ публику г. Колбасинъ.

Конечно очень естественно, что человѣкъ, мечтающій о царскихъ богатѣхъ, въ житейскихъ дѣлахъ бываетъ очень непрактиченъ. Но еслибъ это было и такъ, то мужъ ли мой виноватъ въ этомъ, онъ, который и самъ страдалъ, увы! тѣмъ же самымъ недугомъ. Грустную обстановку одинокой старости графа Хвостова согрѣвала литература, и этому-то и сочувствовалъ мой мужъ, какъ душа любящая. О состояніи дѣлъ и доховъ графа мы никогда ни-

чего не знали и о нихъ не справлялись. Графъ жилъ постоянно въ Петербургѣ, а мужъ мой въ Москвѣ; для свиданій съ графомъ онъ въ Петербургъ не ѣздилъ, не пилъ на его счетъ шампанскаго, не обыгрывалъ его въ карты, не занималъ у него денегъ (да и ни у кого никогда не занималъ, слава-богу!). Все, что можно допустить, это то, что графу посылались можетъ быть пять или шесть билетовъ на «Дамскій журналъ», который самъ же графъ просилъ иногда прислать ему для раздачи знакомымъ. Этимъ трудно было пріавести въ бѣдственное состояніе богатаго человѣка. Это были просто литературныя отношенія, безъ всякаго значенія для семейства.

Намекъ г. Е. Колбасина, который говоритъ, что будтобы «хвалители графа Хвостова взяли съ него что могли», можетъ заставить думать, что литературные друзья графа жили на его счетъ. Смѣло скажу, это чистая клевета, по крайней-мѣрѣ касательно моего мужа и гг. Щедрицкаго и Макарова. О петербургскихъ господахъ я ничего не знаю, но за этихъ многіе готовы поручиться. Вотъ въ вѣсколькихъ словахъ, что мнѣ извѣстно о графѣ Хвостовѣ и объ отношеніяхъ этихъ господъ къ нему.

Отецъ его, И. М. Хвостовъ, былъ довольно богатый переяславльскій помѣщикъ, а г. А. Щедрицкій (отецъ профессора московскаго университета, о которомъ идетъ рѣчь) занималъ должность учителя въ Переяславлѣ и былъ всегда радушно принятъ у старика Хвостова. М. Н. Макаровъ имѣлъ также помѣстье въ томъ уѣздѣ, и знакомство ихъ обоихъ съ гр. Дмитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ относится ко времени ихъ молодости. Измаилъ Алексѣевичъ Щедрицкій помнитъ какъ онъ еще ребенкомъ бывалъ въ пышныхъ палатахъ И. М. Хвостова, и какъ тотъ всегда ласкалъ его. Сынъ Хвостова, гр. Дмитрій Ивановичъ, впоследствии женился на племянницѣ Суворова, княжѣ А. И. Горчаковой и получилъ титулъ сардинскаго графа. Братъ графини, князь Алексѣй Ивановичъ Горчаковъ въ то время былъ министромъ. Эти родственныя связи и вообще жизнь при дворѣ требовали разумѣется самой блестящей обстановки, и весьма вѣроятно, что расходы графа Хвостова постоянно превышали его средства. Графиня, какъ и всѣ знатныя дамы того времени, конечно не занималась хозяйственными расчетами, да и самъ графъ не слылъ практичнымъ человѣкомъ въ этомъ отношеніи.

Шетолько въ Петербургѣ, но даже и въ имѣніи своемъ, они давали балы и обѣды, на которые съѣзжалось до двухъ-сотъ человѣкъ, конечно не литераторовъ. При такомъ образѣ жизни мудрено ли было разстроить свое состояніе и безъ литературной слабости,

безъ всякихъ издержекъ на печатаніе стихотворныхъ произведеній? У графа былъ только одинъ сынъ, и онъ, какъ говорили, мало заботился о его будущности. На самого же графа Дмитрія Ивановича сыпались всѣ почести современіа его женитьбы. Императрица Екатерина II, когда ей намекнули, что надо бы пожаловать Хвостова въ камергеры, сказала: «Для Суворова я и въ статсъ-дамы его произведу, если нужно», давая этой шуткою понять, что для Суворова у ней нѣтъ ничего невозможнаго. Къ чести графа Хвостова, надо прибавить, что онъ не былъ ослѣпленъ всѣмъ этимъ блескомъ, и остался простымъ, добрымъ человѣкомъ, до конца жизни, предпочитая рифмы чинамъ и почестямъ. Правда, онъ нѣрѣдко *зачитывалъ*, какъ говорится, *на-смерть* попавшагося ему слушателя (¹); но кто не былъ снисходителенъ къ этой слабости, особенно когда графъ сталъ уже очень старъ? Всѣ эти господа, будучи несравненно моложе его, не могли же читать ему наставленій и отчески говорить, какъ говорилъ Суворовъ: «не пиши, любезный другъ, стиховъ — это пустяки! займись лучше хозяйствомъ!» Но Макаровъ, Щедрицкій и Волковъ, точно также какъ и мужъ мой, оградничивались литературными сношеніями съ графомъ, и тѣми же лестными фразами, и комплиментами, въ которыхъ не отказывали ему ни Карамзинъ, ни Державинъ, поддерживали знакомство съ почтеннымъ старикомъ. Когда и гдѣ этого не дѣлалось? Щедрицкій отъ души расхохотался, когда узналъ къ какой категоріи причислялъ его Е. Колбасинъ, котораго онъ неимѣетъ чести знать и считаетъ псевдонимомъ. «Ни копѣйки никогда не видалъ отъ графа, да и не просилъ!» воскликнулъ онъ съ добродушіемъ безукоризненнаго чловѣка. Занимая кафедру статистики при московскомъ университетѣ, онъ давалъ частные уроки въ лучшихъ домахъ (жена поэта Пушкина одна изъ его ученицъ) и такимъ образомъ трудомъ составилъ себѣ обезпеченное состояніе и донинѣ безбѣдно живетъ съ семействомъ, пользуясь заслужоннымъ уваженіемъ.

Начиная съ того, что письма графа къ моему мужу были тоже наполнены комплиментами и разными нѣжностями, которыя были въ духѣ того времени, я замѣчу біографу и психологу Е. Колбасину, что желая безпристрастно описать какую-либо эпоху, надо схватить всѣ ея оттѣнки и особенности и не забывать напримѣръ, говоря о людяхъ образованныхъ екатерининскаго времени, что

(¹) Чего никогда не дѣлалъ мой мужъ. Это чистая выдумка со стороны не помню кого-то, и желаніе сдѣлать его смѣшнымъ, рассказавъ будто онъ читалъ свои стихи дворовому мальчишкѣ. Онъ даже и въ засѣданіяхъ любителей россійской словесности никогда самъ не читалъ своихъ произведеній, признаваясь, что слишкомъ робѣеть.

учтливость ихъ доходила до крайнихъ предѣловъ и впадала нерѣдко въ фразерство. Теперь конечно не то: теперь хвастаются тѣмъ, что готовы всячески пасолить человѣку, оказавшему имъ услугу; но въ то время считалось признакомъ хорошаго воспитанія преувеличить сдѣланное одолженіе и восхвалять за малѣйшую услугу. Autre temps, autres mœurs. Можетъ статься, что въ будущемъ столѣтіи формула нашихъ писемъ: *милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга*, будетъ казаться верхомъ нелѣпости; но воля ваша, не могу предполагать, чтобъ потомство всѣхъ насъ осудило за это, какъ тупица и льстецовъ. Г. Колбасинъ, надо признаться, взглянулъ съ своей точки зрѣнія на отдаленную эпоху и выпустилъ все это изъ виду. Добросовѣстный біографъ долженъ справиться путемъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ при жизни человѣкъ, о которомъ онъ пишетъ. Литераторы стараго времени заслуживаютъ, чтобы о нравственныхъ качествахъ ихъ говорили осторожнѣе вынѣшніе жрецы науки. Между первыми не существовало никогда корыстныхъ связей; они не обирали другъ друга, не подставляли нога собрату въ надеждѣ уронить его, напротивъ поддерживали другъ друга побратски — честно и добросовѣстно. Если мужъ мой не любилъ Н. А. Полевого, такъ это именно потому, что считалъ его меркантильное направленіе весьма вреднымъ въ дѣлѣ литературы; тогда какъ никто изъ старинныхъ литераторовъ, такъ вѣрно не цѣнилъ, такъ горячо не сочувствовалъ А. С. Пушкину, какъ мужъ мой.

Въ жизни и характерѣ моего мужа преобладалъ поэтический элементъ; изъ этого не слѣдуетъ, что онъ долженъ былъ писать прекрасные стихи, но прямо истекаетъ то, что онъ не былъ черненькою личностью, съ которой знакомить г. Колбасинъ своихъ читателей, навязывая этой личности, созданной его воображеніемъ, имя князя Шаликова.

Однадцати лѣтъ отъ роду, еще будучи въ благородномъ пансіонѣ, мужъ мой получилъ офицерскій чинъ и служилъ въ военной службѣ при Екатеринѣ, большею частью въ Варшавѣ; но былъ прежде всего свѣтскимъ человѣкомъ, хотя и собиралъ бібліотеку классиковъ. Какъ ни легка и пріятна была его адъютантская должность, однако онъ, по смерти отца своего, премьеръ-майора Сумскаго гусарскаго полка, поспѣшилъ выйти въ отставку, предпочитая всему на свѣтѣ свободу и покой. Въ это время явился на сцену Карамзинъ, съ которымъ онъ скоро сблизился. Блескъ Карамзина, его привлекательная личность, новые элементы, которые онъ внесъ въ нашу литературу, увлекъ многихъ, въ томъ числѣ и моего мужа, слогъ котораго былъ тогда замѣченъ и расхваленъ. Онъ сталъ печатать свои статьи, издавать журналы: «Аглаю» и «Зрителя». Со-

чиненія его расходились хорошо, онъ имѣлъ успѣхъ въ тогдашнемъ обществѣ; романсы его перекладывались на музыку и пѣлись въ салонахъ, самъ онъ имѣлъ очень пріятный теноръ, выразительную, южную фizioномію, зналъ иностранныя языки, говорилъ бойко и складно, словомъ считался однимъ изъ блестящихъ людей своего времени. Старинныя связи съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгоруковымъ, съ Василемъ Львовичемъ Пушкинымъ и Иваномъ Ивановичемъ Дмитріевымъ незамѣтно вдвинули его въ литературную колею. Вся эта сфера была возвышенная и благородная, которой много обязано нынѣшнее просвѣщеніе. Но вотъ бѣда, что у насъ на Руси все слишкомъ скоро забывается.

Что мужъ мой о чинахъ не думалъ, доказательствомъ тому служить то, что будучи близокъ ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ, онъ жилъ въ отставкѣ около двадцати лѣтъ. Уже послѣ двѣнадцатаго года, женившись и разстроивъ дѣла своею непрактичностью (не желая отыскивать крѣпостныхъ крестьянъ, пожалованныхъ дѣду его въ полтавской губерніи, онъ продалъ за безцѣнокъ имѣніе) онъ по ходатайству Карамзина, получилъ должность при редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» и скоро сталъ издателемъ ихъ. Еслибъ даже онъ и былъ очень честолюбивъ, то имѣя титулъ, онъ могъ бы неслишкомъ заботиться о чинѣ. Дѣло въ томъ, что ему уже не хотѣлось, въ силу новаго указа императора Николая, держать экзаменъ на чинъ коллежскаго асессора и онъ можетъ-быть просилъ графа Хвостова напомнить министру о его представленіи, которое очень долго лежало подъ сукномъ, какъ говорится. Скажу къ слову: могъ ли Хвостовъ раздавать чины служившимъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія? Не думаю. Притомъ же съ чиномъ коллежскаго асессора не было сопряжено для моего мужа ни особаго блеска, ни особыхъ выгодъ; этотъ несчастный чинъ я едва затвердила и то только тогда, какъ овдовѣвъ, стала подписывать дѣловыя бумаги.

Право, въ Москвѣ насъ принимали не по чину коллежскаго асессора.

Кто знаетъ Москву, тотъ скажетъ что здѣсь о чинахъ въ хорошемъ обществѣ и не говорятъ. Жаль, что г. Колбасинъ этого не зналъ, писавши свой психологическій очеркъ. Если и дѣйствительно въ письмѣ моего мужа къ графу Хвостову и говорилось: «жена моя проситъ васъ . . . о чинѣ» то самыя точки показываютъ что тутъ было намѣреніе вызвать улыбку на лицѣ старика. Мужъ мой любилъ употреблять шуточный тонъ и нерѣдко говаривалъ, желая охарактеризовать какого-нибудь господина: онъ такъ глупъ, что шутки не понимаетъ. Нынѣ въ самомъ дѣлѣ, всѣ такъ глубокомы-

сленно погружены въ свои интересы, что не достигаютъ смысла той игривости, которая проявляется у людей ребячески чистыхъ душою, Говоря откровенно, ни портрета графа, ни просьбы нашей о чинѣ я не помню; все это были такими незначительными событіями въ моей жизни. Я знаю одно, что мужъ мой отъ всей души любилъ графа. Удивляться ли этому, когда самъ біографъ признастъ за нимъ много прекрасныхъ душевныхъ качествъ?

Что сказать послѣ того о людяхъ, которые льстятъ какому-нибудь безграмотному превосходительству? Что сказать о тѣхъ, которые преднамѣренно и дерзко бросаютъ тѣнь клеветы на человѣка, основывая свое право только на томъ, что встрѣчали имя его подъ печатною статьею?

Къ счастью есть еще люди, которые хорошо помнятъ моего мужа, и зная его любовь къ правдѣ, его пылкую благородную душу. Алексѣй Алексѣевичъ Писаревъ, бывшій попечитель московскаго университета, никогда не пользовался репутаціею блестящаго человѣка, но былъ человѣкъ хорошій. Онъ не важничалъ, не заносился, бывалъ у насъ за-просто, принималъ у себя радушно, равно какъ и жена его, замѣчательно умная женщина. Стихи свои онъ неоднократно печаталъ въ «Дамскомъ журналѣ».

Не знаю на какомъ основаніи Е. Колбасинъ увѣрлетъ, что Раичъ, въ засѣданіи общества любителей россійской словесности, назвалъ моего мужа взяточникомъ и Булгаринымъ. Намъ позволено думать, что это импровизація, дѣлающая честь воображенію автора, но ни съ чѣмъ несообразная. Объявивъ, что Мерзляковъ, Каченовскій, Волковъ и Загоскинъ желали выжить князя Шаликова изъ общества любителей россійской словесности, Е. Колбасинъ не подумалъ, что безчеловѣчно чернить память этихъ покойниковъ, потому что не зналъ вѣроятно, что не только сами они, но и семейства ихъ были хорошо знакомы съ нами. За что же? Колбасинъ выставляетъ ихъ людьми двуличивыми? Да и на чемъ основано его мнѣніе, что они не знали какъ отдѣлаться отъ него? Сцена съ М. А. Дмитріевымъ была несколько не подготовлена. Мужъ мой вспылалъ и на дерзость отвѣчалъ можетъ быть слишкомъ рѣзко. Его надобно было буквально за руки держать изъ боязни, чтобы онъ по окончаніи засѣданія, не бросился душить человѣка, сказавшаго ему, будто онъ взялъ у графа Хвостова какихъ-то пятьсотъ рублей. Самая эта исторія показываетъ, что моему мужу впервыхъ была несвойственна и неавторитетна двуличивость, ввторыхъ, что онъ ничѣмъ не пользовался отъ графа. Все это ясно доказываетъ, что такой человѣкъ въ Булгаривы не годится. Его можно было упрекнуть въ раздражительность, въ неумѣніи подлаживаться къ людямъ и обстоятельствамъ, чѣмъ

опъ и не нравился многимъ. Надо замѣтить, что многіе и ему не нравились и онъ этого не скрывалъ. Это была конечно большая ошибка съ его стороны: ему недоставало иезуитской уклончивости.

Когда произошло такимъ образомъ скандалъ въ засѣданіи общества, то мужъ мой поспѣшилъ выйти изъ него, и искренно жалѣлъ, что такъ случилось. Дѣло состояло въ одномъ М. А. Дмитріевѣ; всѣ же другіе старались примирить ихъ, зная азіатскую вспыльчивость моего мужа. Какъ всѣ добряки, онъ нерѣдко впадалъ въ чрезмѣрную запальчивость; несмотря на это, сколько друзей у него было! Это доказываетъ, что въ характерѣ его не было ничего ложного, искаженного и низкаго. Все въ немъ было до того естественно, такъ прямо вытекало изъ особенностей его природы, что ему надѣвать маску было положительно невозможно. Манеры его между тѣмъ напоминали маркизовъ стариннаго вѣка и многое въ убѣжденіяхъ его отзывалось блестящимъ временемъ энциклопедистовъ. Всѣ образованные русскіе той эпохи смахивали болѣе или менѣе на этотъ типъ; но богатая натура моего мужа вносила въ него много своего, оригинальнаго что бросалось въ глаза каждому. Иные можетъ-быть тайнѣ и въ одиночку не любили его, но открыто противъ него никогда не могли бы ополчиться цѣлой толпою: общественное мнѣніе было за него. Вотъ поэтому-то и не вѣренъ очеркъ Колбасина. Мужъ мой пользовался большою популярностью, даже между купцами; его бывало запотчуютъ они, какъ встрѣтять гдѣ-нибудь, и большою частью люди, которыхъ онъ не зналъ по имени называть. Никогда «Московскія вѣдомости» не были такъ распространены до редакторства моего мужа. Его имя сдѣлалось извѣстно повсемѣстно. Статьи его о бѣдныхъ, печатавшіяся въ «Московскихъ вѣдомостяхъ» и въ его журналѣ, сближали его со множествомъ людей разнаго класса. И теперь еще помнятъ добро, которое онъ дѣлалъ. У него была рука легка. Его бѣдные богатѣли. Отраднo было для насъ приближеніе пасхи, рождества Христова или новаго года. Со всѣхъ концовъ Россіи посылались отъ неизвѣстныхъ лицъ деньги для вспоможенія нищимъ, о которыхъ писалъ онъ; нерѣдко изъ дальнихъ губерній писали ему незнакомыя дѣти, что откладывали нѣсколько мѣсяцевъ деньги отъ лакомства и тому подобнаго съ тѣмъ, чтобъ скопить въ некоторую сумму и отправить на помощь такому-то семейству. Ни концерты, ни спектакли не устраивались на эти деньги... никто не веселился, не вальсировалъ, костюмовъ себѣ не шилъ, а между тѣмъ находились люди и во множествѣ, которые дѣлая добрыя дѣла, скрывали свои имена и отъ души благодарили мужа, что доставилъ имъ случай быть полезными. Успѣхъ этого дѣла былъ значителенъ и

радовалъ насъ , потомучто мы видѣли , что цѣлыя семьи извлечены изъ нищеты и устроены. Многіе помнятъ , съ какой горячностью мужъ мой дѣлалъ добро , какъ неостапавляясь ни передъ какимъ затрудненіемъ , доставлялъ мѣста , обращаясь для этого иногда къ вовсе незнакомымъ людямъ , словомъ дѣятельно хлопоталъ о меньшихъ братьяхъ , ссорясь перѣдко за это съ богачомъ и подвергаясь истиннымъ неприяностямъ. Это была потребность его души. Онъ отыскивалъ несчастныхъ по черлакамъ и трущобамъ и любилъ , чтобъ дѣти его видѣли что такое нужда и приучались бы отыскивать средства облегчать страданья ближнихъ. Безпечный во всемъ другомъ , тутъ онъ былъ неутомимо дѣятеленъ , терпѣливъ и практиченъ гораздо болѣе , чѣмъ въ дѣлахъ собственнаго своего семейства. Степанъ Степановичъ Апраксинъ , Александръ Ивановичъ Бахметевъ , князь Андрей Петровичъ Оболенскій , эти добродѣтельные люди своего вѣка , образцы какихъ становится очень , очень рѣдки въ нашемъ обществѣ , любили его , считая добрѣйшей душою. Оно такъ и было. Тщеславія и подмалевки не было и тѣни въ его заботахъ о бѣдныхъ. Любви его не было конца.

Ничто необличаетъ въ мужъ моему «мелкую , подозрительную , интригантскую натуру» , какую ему навязываетъ г. психологъ. Прибавлю къ характеристикѣ мужа , что онъ не побоялся написать эпиграму на важное административное лицо , противорѣчилъ начальнику , шолъ на перекоръ ему и рисковалъ потерять мѣсто. Правда , что съ лѣтами онъ сдѣлался нѣсколько страшенъ , рѣзокъ , взыскателенъ , но тѣмъ не менѣе глубокая честность и безкорыстіе , которыя лежали въ основаніи его натуры , чувствовалось всѣми. Самый взглядъ его на образованіе женщинъ показываетъ въ немъ не дюжннаго человѣка. Онъ высоко ставилъ всегда свободу женщины , полагая ее конечно не въ куреніи папиросъ и не въ студенческой беззащитности молодыхъ дѣвушекъ ; онъ говорилъ : честь женщины должна быть охраняема ею самою , а не другими , и всегда предпочиталъ англійское воспитаніе французскому , которое дѣлаетъ изъ женщины лицемѣрную куклу. Его недостатки , можно смѣло сказать , происходили по прямой линіи отъ его достоинствъ , и носили на себѣ характеръ той эпохи , неустановившейся , но широкой и благородной , недопускавшей мелкихъ пороковъ и мелкихъ дразгъ.

Карамзинъ , Иванъ Ивановичъ Дмятріевъ , Жуковскій , князь Вяземскій , Вас. и Ал. Пушкины конечно не Булгаряна видѣли въ немъ , бывши съ нимъ постоянно въ наилучшихъ отношеніяхъ ; а предполагать , чтобъ въ комъ-либо можно было ошибаться впродолженіи шестидесяти лѣтъ почти несбыточно. Въ одинъ изъ тяжкихъ годовъ , когда Россія переживала жестокое испытаніе , Карамзинъ

писалъ мужу: «Добрый князь, молитесь за Россію!» Жуковскій въ бытность свою въ Москвѣ, увидя нашу меньшую дочь, уговорилъ отдать ее въ институтъ, и она вовсе неожиданно была принята на счетъ императрицы. А. С. Пушкинъ всегда присылалъ мужу свои сочиненія, едва появившіяся въ свѣтъ, съ самою лестною надписью и никогда не забывалъ захватить къ намъ, будучи въ Москвѣ. Василій Львовичъ Пушкинъ говорилъ ему въ стихахъ: «Я эгоистъ — твое здоровье берегу...» Большая пачка писемъ отъ всѣхъ этихъ людей хранится у меня въ портфель. Но мнѣ право странно и смѣшно выставлять все это на видъ публики, какъ бы хвастая простыми отношеніями, на которыя привыкло мое семейство смотрѣть какъ на обыкновенный порядокъ вещей, но г. Колбасинъ вызвалъ меня на это объясненіе, и всякій пойметъ чувство, которое овладѣло мною при чтеніи его статьи.

Еслибъ мужъ мой былъ интриганъ, то вмѣсто того, чтобъ заискивать въ графѣ Хвостовѣ, онъ бы поддѣлывался къ своимъ богатымъ родственникамъ: двоюродная сестра его, графиня Завадовская имѣла огромное состояніе; несмотря на это родныя тетки ихъ жили у моего мужа, и изъ-за нихъ-то онъ и ссорился съ нею постоянно. Единственный сынъ ея графъ Иванъ Яковлевичъ Завадовскій умеръ бездѣтно; мужъ былъ друженъ съ нимъ въ молодости (они были почти однихъ лѣтъ), но впоследствии разошелся и съ нимъ послѣ того, какъ окончательно разошелся съ его матерью. Графиня умерла, оставивъ сыну большіе капиталы и нѣсколько тысячъ душъ⁽¹⁾. Графъ жилъ въ Петербургѣ; мужъ мой и несправлялся о немъ никогда. Но князь Кочубей, пріятель Завадовскаго, встрѣтившись съ мужемъ моимъ, объявилъ ему, что графъ Иванъ Яковлевичъ въ безнадежномъ состояніи и совѣтовалъ ему съѣздить къ нему въ Петербургъ, прибавивъ, что бѣдный Завадовскій умираетъ на чужихъ рукахъ. «Чтобъ я поѣхалъ къ умирающему богачу за духовной! воскликнулъ мужъ мой: — да сохрани меня Богъ! Подать ему мысль, что я подлпчаю передъ нимъ, заискиваю его шлюстей — никогда!» Такъ и не поѣхалъ, не написалъ даже Завадовскому! Завадовскій умеръ, вспомнивъ однако передъ смертью о моемъ мужѣ, которому по духовному завѣщанію отказалъ двадцать пять тысячъ асигнаціями наравнѣ съ камердинеромъ, съ докторомъ и духовникомъ, прибавивъ, что князь П. И. Шаликовъ «ближайшій родственникъ мой со стороны родительницы моей.» — «И за то спасибо!» сказалъ мужъ мой: — его воля была отдать кому взду-

(1) Двѣ тысячи душъ выморочнаго имѣнія поступило въ казну по смерти ея сына.

мается!» А отдалъ графъ Иванъ Яковлевичъ огромную сумму денегъ совершенно посторонней особѣ.

Прилагаю при этомъ письмо, писанное ко мнѣ Из. Ал. Щедритскимъ, которое и прошу васъ, г. редакторъ, помѣстить въ концѣ моей статьи, если вы желаете показать безпристрастіе въ этомъ дѣлѣ. Вотъ оно:

ПИСЬМО Г. ШЕДРИТСКАГО (1)

Милостивая государыня!

Прочитавши статью: «Пѣвецъ Кубры», составленную Е. Колбасинымъ, нахожу, сколько могу припомнить, что дѣйствительно были писаны мною письма къ гр. Хвостову, но въ тѣхъ же самыхъ вырженіяхъ и все ли писалъ то что напечатано — не помню. Вѣроятно также, что я упомянулъ въ письмѣ и о сестрѣ своей, ибо какъ я узналъ отъ нея, она, живши еще въ Переяславлѣ, подавала просьбу императору чрезъ министра народнаго просвѣщенія о предоставленіи ей пенсіона покойнаго отца нашего въ знакъ особенной, исключительной милости государя, — но не получила пенсіона. Изъ этого видно, какъ равно изъ содержанія самыхъ писемъ заключить можно, что они писаны были не изъ подкупной обязанности непременно хвалить и лстить, но писаны были къ человѣку давно знакомому, земляку, знавшему положеніе семейной нашей жизни и принимавшему въ своихъ единоземцахъ живое, сердечное участіе. Однѣ только злонамѣренный Колбасинъ хочетъ дать превратный толкъ нашимъ письмамъ, то-есть, что мы будтобы умышленно напередъ расточаемъ похвалы гр. Хвостову, какъ бы желая размягчить его сердце, а потомъ уже просимъ о своихъ надобностяхъ. Такой черныи взглядъ выражаетъ только худое воспитаніе Колбасина, низкую среду, въ которой онъ родился, выросъ и изъ которой выползъ на свѣтъ божій для того, чтобы злорѣчить о другихъ своимъ гусинымъ перомъ. Похвалы, которыя помѣщались въ письмахъ къ гр.

(1) Помѣщаемъ это письмо г. Щедритскаго безъ всякихъ переменъ и выписокъ, во первыхъ по просьбѣ княгини Шаликовой, признавшей его удобнымъ къ печати и полезнымъ для своей статьи, а во вторыхъ какъ образецъ полемики хвостовскаго времени. Мы просимъ извиненія у г. Колбасина за тѣ личныя, невозможныя ни въ какой литературѣ ругательства, которыя онъ встрѣтитъ въ этомъ письмѣ. Впрочемъ мы не помѣстили бы его низачто, еслибъ не были увѣрены, что письмо это и особенно его неопозволительный тонъ послужатъ скорѣе къ оправданію, чѣмъ къ обвиненію г. Колбасина. Такія письма не оскорбляютъ.

Ред.

Хвостову, всегда были слѣдствіемъ дѣйствія, произведеннаго самимъ графомъ, или присылкою сочиненія, представляемаго благосклонному вниманію, или жалобой на несправедливость людей. Какъ же бы поступить тутъ по мнѣнію Колбасина? Отослать назадъ сочиненіе къ графу и написать: мнѣ ненадобно твоихъ сочиненій; ты пишешь худо; ты дуракъ, какъ величаетъ его Колбасинъ, шутско-морохъ. Колбасинъ невѣжда, онъ не знаетъ и не понимаетъ условій общественной жизни. Когда и кто неблагодарилъ графа и нехвалилъ его сочиненій? Цари, вельможи, академіи, университеты, писатели... самъ превозносимый Колбасинымъ Пушкинъ, называетъ графа своимъ славнымъ и любезнымъ патріархомъ, стихи его — пѣснями лиры заслужонной и вѣчно-юной; поэтъ Шатровъ пишетъ ему въ стихахъ похвальное слово, называя графа по уму и сердцу гениемъ — и все это позволительно; а намъ, такъ названнымъ хвалителямъ графа, нельзя уже назвать его маститымъ пѣвцомъ, старѣйшимъ членомъ русскаго царскаго — все это ставить намъ въ укоръ, стыдъ, поношеніе, недобросовѣстность, безнравственность. Что за нападка! Что за гнусное злорѣчіе? Что за кривой судъ? Чѣмъ же представляетъ себя пошлый Колбасинъ почтеннаго, добраго графа? Извергомъ, чудовищемъ, язвою, чумою, къ которому нельзя прикоснуться и письмомъ, ибо и это дѣйствіе считается позоромъ или подкупомъ. Безуміе психолога Колбасина, относительно гр. Хвостова и насъ, его хвалителей, доходитъ до того, что онъ, посредствомъ насъ, хочеть объяснить психологическую задачу: отчего графъ не покидалъ писать стихи, несмотря на всѣ насмѣшки, злыя эпитеты, совѣты умирающаго Суворова — не писать стиховъ, несмотря на то, что онъ былъ образецъ сенаторовъ, умный, образованный, честный, добрый человекъ. Были люди, говоритъ Колбасинъ, говорившіе Хвостову, что имя его бессмертно, и что онъ не умретъ въ потомствѣ, и что не признають его изъ одной зависти — это мы, его хвалители, то-есть кн. Шаликовъ, я, Лялинъ, Макаровъ и другіе. Скажите, есть ли тутъ какой-нибудь здравый смыслъ и не ребяческое ли это сужденіе? Я началъ переписку съ графомъ, современникомъ, по Колбасину, фонъ-Визина, Державина и др. съ 1827 года; мои письма, приводимыя Колбасинымъ, относятся къ 1827 году; графу Хвостову было тогда уже семьдесятъ лѣтъ и писать стихи вѣроятно началъ онъ уже пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ: какъ же я могъ увѣрять въ бессмертіи графа, когда меня не было еще и на свѣтѣ, и что значило мое, молодого человека, увѣреніе послѣ совѣтовъ умирающаго Суворова, почти боготворимаго Хвостовымъ. Не галиматію ли пишетъ Колбасинъ? и такую галиматію хочеть онъ разрѣшать психологическія явленія? Колбасинъ

не имѣеть понятія о *душѣ*. Онъ плететь только ложь и хочет очернить ближняго! Далѣе Колбасинъ увѣряетъ, что мы, хвалители, дали названіе Пѣвца Кубры графу. послѣ чего будто бы и самъ Хвостовъ сталъ величать себя такимъ. Это сущая ложь! Давнымъ-давно Хвостовъ самъ называлъ себя Пѣвцомъ Кубры — и повторяли ему это названіе, потому что знали, что это ему нравилось. Но всего забавнѣе увѣреніе Колбасина, будтобы графъ Хвостовъ такъ переполненъ былъ нашими похвалами, что ни на минуту не забывалъ о нихъ. «Кланяясь Пушкину и Баратынскому, пишетъ Колбасинъ, онъ невольно припоминалъ фразы своихъ хвалителей вродѣ знаменитой фразы Щедритскаго: вы бессмертный писатель, вы гражданинъ всѣхъ вѣковъ и народовъ.» Полно, такъ ли? Думалъ ли такъ графъ Хвостовъ? Не самага ли себя описываетъ Колбасинъ, самолюбивое твореніе? И для чего эти общія мысли, общее разсужденіе примѣнилъ онъ къ графу Хвостову, хотя онѣ и были помѣщены въ письмѣ къ нему? Эти мысли могли бы относиться къ самому Колбасину, еслибы онъ заключалъ въ себѣ тѣ достоинства, за которыя награждаютъ подобными фразами. Но довольно: я усталъ; у меня болитъ голова. Прощайте! Будьте здоровы и благополучны!

Вашъ покорный слуга

Измаиль Щедритскій.

Р. S. Весьма любопытно бы знать, кто и что такое Колбасинъ? Какъ равно любопытно знать, имѣеть ли право журналистика обнародывать переписку лицъ, которые еще не перешли въ міръ историческій.

КН. АЛЕКСАНДРА ШАЛКОВА

Москва.

ДУРНЫЕ ПРИЗНАКИ

O quam contempta res est Homo, nisi supra
humana se exerxit! Динкей.

On the origin of species by Ch. Darwin. 1859.

Charles Darwin, über die Entstehung der Arten im Thier- und Pflanzenreich durch natürliche Züchtigung. Uebers. und mit Anmerk. v. Dr. H. G. Bronn. Stutt. 1860.

De l'origine des espèces, ou des lois du progrès chez les êtres organisés par Ch. Darwin. Trad. par *Clémence-Aug. Royer*, avec préf. et notes du traducteur. Paris 1862.

Настоящее время, во всякомъ случаѣ загадочное, и можетъ быть болѣе загадочное чѣмъ всякое другое, нерѣдко сравниваютъ съ эпохою упадка древняго міра; говорятъ, что мы переживаемъ періодъ такого же всеобщаго одряхленія, такого же постепеннаго и безвыходнаго разрушенія всѣхъ формъ, въ которыхъ жизнь до сихъ поръ выражалась. Гдѣ и какъ возникаетъ новая жизнь, какія формы она приметъ, неизвѣстно.

Судить основательно и точно о вопросахъ такого широкаго объема, конечно, очень трудно. Духъ исторіи, совершающейся вокругъ насъ, та глубокая жизнь, которая движеть развитіемъ человечества, есть безъ сомнѣнія величайшая тайна для ума. Мы сами погружены въ потокъ этой жизни, сами увлечены ходомъ этого развитія; слѣдовательно не можемъ глядѣть на это движеніе со стороны, какъ наблюдатель, имѣющій твердую точку опоры. Болѣе или менѣе ясно, но мы чувствуемъ, что въ насъ дѣйствуетъ эта сила, для которой мы сами не составляемъ полнаго и совершеннаго проявленія; слѣдовательно мы не можемъ признать себя вполне точнымъ ея мѣриломъ.

Но мысль, какъ извѣстно, старается отрѣшиться отъ временныхъ и частныхъ условій. Она, по самой своей природѣ, считаетъ возможнымъ найти въ себѣ самой ту неподвижную точку, то начало координатъ, отъ котораго измѣряются всѣ явленія, всѣ разстоянія и направленія. Поэтому мысль не можетъ отказаться отъ права измѣрять даже ходъ современнаго ей историческаго развитія.

Итакъ положимъ, что мы будемъ стараться проникнуть въ ходъ этого развитія. Для этой цѣли замѣтимъ, что изъ всѣхъ областей человѣческой дѣятельности самая ясная, наиболѣе доступная для пониманія и оцѣнки, есть область умственной дѣятельности. Такъ что изъ всѣхъ сферъ развитія, въ этой сферѣ всего прямѣе и отчетливѣе могутъ для насъ обнаружиться и черты, зависящія отъ духа эпохи; по этимъ чертамъ можетъ-быть возможно составить понятіе и о состояніи цѣлой жизни человѣчества.

Что же мы находимъ въ современной умственной дѣятельности? Повидимому едва ли кто рѣшится сказать, чтобы въ этой дѣятельности замѣтенъ былъ упадокъ или дряхлость. Безъ сомнѣнія никогда еще на земномъ шарѣ науки не процвѣтали такъ, какъ процвѣтаютъ нынѣ: ученая дѣятельность кипитъ все въ большихъ и большихъ размѣрахъ. Притомъ успѣхи, дѣлаемые науками, не ограничиваютъ самыхъ наукъ, не указываютъ имъ предѣловъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше расширяютъ ихъ горизонтъ и открываютъ поприще для новыхъ успѣховъ.

Таково по крайней-мѣрѣ обыкновенное наше понятіе о ходѣ и движеніи наукъ. Но умы скептическіе и тоскующіе, какъ извѣстно, смотрятъ на это иначе. Въ этомъ движеніи, столь быстромъ и разительномъ, они находятъ коренную фальшь. Они думаютъ, что наука во многихъ и именнѣе въ важнѣйшихъ случаяхъ дошла до внутренняго противорѣчія съ самой собою, до отрицанія самой себя. Они утверждаютъ поэтому, что наука въ этихъ случаяхъ держится и движется только рутинною, но что въ ней нѣтъ уже живой вѣры въ себя, и что слѣдовательно раньше или позже ей неминуемо грозитъ катастрофа.

Мы говоримъ здѣсь о глубокомъ скептицизмѣ и глубокой тоскѣ. Сюда однако же примыкаетъ и тотъ дешовый и легкій скептицизмъ, который въ большомъ ходу кажется во всѣ времена. По мнѣнію многихъ, обыкновенно пезнакомыхъ близко съ науками, умъ человѣческій повторяетъ одво и то же, только въ различныхъ формахъ; каждый вопросъ имъ кажется спорнымъ, и въ умноженіи изысканій и книгъ они видятъ только умноженіе разнорѣчія. Въ исторіи они находятъ одну путаницу лицъ и событій, въ философіи — одинъ туманъ, въ занятіяхъ древними — пустую забаву, пу-

стую трату времени, вездѣ бесплодное круженіе ума, обманчивый, ни къ чему неведущій трудъ.

Есть однако же науки, передъ которыми умолкаетъ всякій скептицизмъ, какъ поверхностный, такъ и глубокій, которыхъ успѣхи никто не рѣшится отвергать, которыхъ польза и плодотворность ясны до несомнѣнной очевидности. Это — науки естественныя, а въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя уже издавна пользуются почетнымъ названіемъ *точныхъ наукъ*. Если въ настоящее время эти науки приобретаютъ все больше и больше приверженцевъ и сотрудниковъ, то это зависитъ главнымъ образомъ отъ этой ихъ *несомнѣнности*, ставящей ихъ выше всякаго подозрѣнія и отъ болѣе или менѣе ясно чувствуемаго скептического отношенія къ другимъ наукамъ. Умъ необходимо требуетъ дѣятельности и ищетъ спасенія тамъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя вполне самоувѣреннымъ, гдѣ у него твердая почва подъ ногами.

Въ этомъ отношеніи естественныя науки дѣйствительно имѣютъ явное преимущество передъ всѣми другими. Предметъ ихъ такъ очевидно-ясенъ, методы такъ просты и элементарны, что твердость приобретаемыхъ познаній не можетъ казаться подлежать никакому сомнѣнію. Нужно быть повидимому или крайне-тупымъ, или крайне-легкомысленнымъ для того, чтобы значительно отступить отъ истины въ изслѣдованіи по предмету естественныхъ наукъ. Поэтому натуралисты всѣ составляютъ одну школу, безъ раздѣленій, безъ сектъ; по крайней-мѣрѣ у нихъ такъ много общаго, что небольшія разногласія ничего не значатъ въ сравненіи съ общепринятыми познаніями. Философія вѣчно дѣлится на разногласныя школы; историческіе взгляды могутъ быть весьма различны; между тѣмъ точно такъ, какъ существуетъ только *одна* математика, такъ существуетъ только *одна* физика, *одна* химія, *одна* физиологія и проч. Служить другимъ наукамъ, невходящимъ въ кругъ естественныхъ, трудно: въ нихъ значительная часть дѣятельности пропадаетъ даромъ, то-есть оказывается трудами, не приносящими самой наукѣ никакой пользы. Извѣстно, что книга съ историческимъ содержаніемъ можетъ не имѣть никакого значенія для исторіи; большая часть книгъ; по заглавію философскихъ, представляютъ мертворожденныхъ уродовъ и ничего не значатъ для философіи. Между тѣмъ, если кто станетъ самостоятельно изучать природу, то передъ нимъ прямо открывается твердый путь; каждое наблюденіе, ничтожный фактъ — все это годится, все быстро и правильно примыкаетъ къ цѣлому науки; ошибки, недосмотры исчезаютъ и исправляются съ величайшею легкостію и очевид-

доказанію, такъ что не представляютъ никакой задержки общему теченію науки впередъ.

Эта твердость пути, эта несомнѣнная и правильность пріемовъ доказывается и самими результатами, до которыхъ достигаютъ естественныя науки. Нельзя вообразить себѣ успѣховъ болѣе блестящихъ, болѣе многообъемлющихъ и многообобщающихъ. Эти успѣхи всѣми признаны, но настоящую ихъ важность и цѣну знаютъ только одни натуралисты. Тотъ, кто незнакомъ съ естественными науками, никогда не представитъ себѣ, какъ ярки, какъ широки бываютъ эти новые потоки свѣта, вдругъ озаряющіе цѣлыя области мірозданія, которыя до тѣхъ поръ были какъ хаосъ закрыты мракомъ и недоступны для ума. Въ два-три десятка лѣтъ возникаютъ цѣлыя науки поразительной стройности и глубины; таковы напримѣръ — палеонтологія, органическая химія.

Послѣ этого понятно, что естественныя науки вѣрятъ въ себя, что они полны жизни, радости, и что умы, расположенные къ тоскѣ и сомнѣнію ищутъ себѣ отрады въ этой свѣтлой области знанія. Вотъ одна изъ чертъ современнаго умственнаго настроенія. Какъ бы мы ни смотрѣли на ходъ другихъ проявленій ума, въ наукахъ о природѣ невозможно видѣть признаковъ упадка, а необходимо признать полную живучесть, сабжу и здоровую силу.

Естествознаніе вообще есть нѣчто новое. Въ немъ можно видѣть одну изъ живыхъ струй, отличающихъ нашъ новый міръ отъ древняго міра. Въ этомъ нельзя не убѣдиться, если мы вспомнимъ, что древніе были люди высоко-развитые, обладавшіе глубокою умственною дѣятельностью. Ихъ философія, ихъ поэзія — вѣчные образцы для насъ. Между тѣмъ ихъ познанія о природѣ были въ полномъ смыслѣ слова ничтожны въ сравненіи съ нашими. Объяснить это можно только однимъ, именно особеннымъ, *древнимъ* отношеніемъ ихъ ума къ природѣ. Для насъ удивительно, какъ они не замѣчали самыхъ простыхъ, ежедневно повторяющихся законовъ и явленій. Очевидно въ новое время духъ человѣческой сталъ въ особенное, новое положеніе въ отношеніи къ природѣ и вотъ почему быстро и успѣшно пошла эта новая умственная дѣятельность.

Такимъ образомъ нынѣшніе успѣхи естественныхъ наукъ необходимо предполагаютъ нѣкоторый великій переноротъ въ умственномъ настроеніи человѣчества. Обыкновенно этого не замѣчаютъ и не признаютъ. Въ пріемахъ изученія природы не умѣютъ видѣть никакой особенной глубины, никакого особеннаго достоинства. Даже наоборотъ извѣстно, что ученые нерѣдко смотрятъ свысока на дѣятельность натуралистовъ: она кажется имъ слишкомъ мелкою, слишкомъ престою и грубою. Нынѣшники, дѣлаемыя въ

этомъ смыслѣ надъ натуралистами, очень объективны. Какъ интересный примѣръ, доказывающій между прочимъ ихъ давность, приведу здѣсь слова Малербранша, который, какъ извѣстно, занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи философіи. Эти слова сказаны были двѣсти лѣтъ назадъ, но уже въ то время, когда естественныя науки заявили себя первыми блестящими успѣхами, такъ называемую эпоху великихъ открытій. «Люди», говоритъ онъ въ своей книгѣ объ изысканіи истины, «не созданы для того, чтобы всю свою жизнь изслѣдовать мушекъ и насѣкомыхъ; нельзя вполнѣ облагородить трудовъ, подъятыхъ нѣкоторыми господами для того, чтобы изучить, какъ устроены уши у каждаго рода животныхъ и какъ различныя черви превращаются въ мухъ и мотыльковъ. Такими вещами позволительно развѣ забавляться для развлечения, когда нечего дѣлать.»

Философъ обнаруживаетъ здѣсь очевидное непониманіе. Изученіе природы все еще кажется ему въ извѣстной степени загадкою. Для него странно, какъ можно серьезно заниматься такими мушкетками какъ черви и букашки; онъ находитъ, что гораздо лучше разсуждать о Богѣ. Но натуралистъ имѣетъ полное право смѣяться надъ философомъ, какъ скоро свое занятіе букашками онъ успѣлъ превратить въ научный, полный мысли трудъ. Въ данномъ случаѣ онъ совершаетъ извѣстную умственную дѣятельность, которой философъ не понимаетъ и потому не умѣетъ цѣнить. Еще болѣе натуралистъ имѣетъ право смѣяться, если эта дѣятельность даетъ ему точныя, строгіе результаты, и ведетъ его шагъ за шагомъ впередъ, между тѣмъ какъ философъ, разсуждая о Богѣ, легко можетъ остаться при одной заслугѣ *доброй лампы*.

Слова Малербранша верѣдко повторяются, и нынѣ. Очевидно есть нѣкоторая трудность въ томъ, чтобы какъ слѣдуетъ понимать и цѣнить изученіе природы. Конечно въ настоящее время, когда дѣятельность этого изученія очень развита, она передается и передерживается однимъ поколѣніемъ въ другое. Но Малербраншу, или какому-нибудь ученому среднихъ вѣковъ, или древнему греку дѣйствительно могло бы показаться чѣмъ-то *мидольскимъ*, неразумнымъ то вниманіе и усердіе, съ какими натуралисты цѣлые годы занимается анатоміею ничтожнаго животного или предается мельчайшему и простѣйшему анализу какихъ-нибудь явлений, и съ неистощимымъ терпѣніемъ повторяетъ и повѣряетъ извѣстные опыты. Натуралисты усердно работаютъ, потому что ясно видятъ или твердо убѣждены, что дѣлаютъ дѣло. Пока это дѣло не было яснымъ, понятнымъ, до тѣхъ поръ за него и не дуемъ принимать и не придавали ему никакого важнаго значенія.

Итакъ въ современной умственной дѣятельности повидному существуетъ элементъ дѣйствительно крѣпкій, дѣйствительно новый, дѣйствительно плодотворный, именно изученіе природы. Она составляетъ лучшій и неоспоримый признакъ живности современнаго развитія. И вотъ почему изученіе природы въ настоящее время окружено тайнымъ свѣтлымъ ореоломъ надеждъ и вѣрованій. Отъ него многіе всего ожидаютъ, въ него вѣрятъ, какъ въ разрѣшеніе всѣхъ задачъ, какъ въ источникъ всякой мудрости. На естественныя науки безпрестанно ссылаются, какъ на непреложный авторитетъ; ихъ метода, ихъ приемы переносятся въ другія науки, дѣлаются правиломъ для тѣхъ областей знанія, которыя повидному всего дальше отстоятъ отъ нихъ по своему предмету, напримеръ для исторіи, для философіи.

Безъ сомнѣнія все это составляетъ очень хорошіе признаки настоящаго времени: все это свидѣтельствуетъ о живомъ, сильномъ развитіи, о глубокомъ прогрессѣ. Такъ что, кто будетъ судить о состояніи человѣческаго духа по той жизни, какую обнаруживаютъ естественныя науки, тотъ никакъ не согласится съ мыслью о паденіи этого духа, о разрушеніи современной цивилизаціи.

Сомнѣніе однако же все-таки возможно; въ самомъ дѣлѣ дѣйствительно ли можно судить о современной жизни человѣческаго духа по естественнымъ наукамъ? Эти науки во всякомъ случаѣ есть частный фактъ, частная область умственной дѣятельности. Дѣйствительно ли можно искать въ нихъ спасенія, найти въ нихъ ту твердую точку опоры, на которой можно крѣпко держаться среди окружающаго разрушенія?

Нужно многое для того, чтобы рѣшиться отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ. Вообще говоря, мы знаемъ, что главный центръ тяжести историческаго движенія не совпадаетъ съ областью естествознанія. Жизнь человѣческая руководится и направляется другими, болѣе глубокими основаціями. Если мы обратимся къ исторіи естественныхъ наукъ, то легко убѣдимся, что они сами никогда не были совершенно самостоятельны. Легко было бы доказать многочисленными примѣрами, что въ своихъ взглядахъ и стремленіяхъ они обыкновенно получивались другими, болѣе сильными вліяніями, что не отъ нихъ зависѣлъ духъ времени, а скорѣе наоборотъ они отъ духа времени. Имѣя въ себѣ зачатки самобытнаго развитія, она постепенно освобождалась отъ постороннихъ вліяній, постепенно обрасывала съ себя слѣды чуждаго имъ духа, но однакоже никогда не были во главѣ движенія, никогда не руководили общимъ настроеніемъ умовъ. Тѣ, которые видѣются, что

это будет со временемъ. во всякомъ случаѣ должны признать, что этого до сихъ поръ не было.

Если мы такимъ образомъ предположимъ, что изученіе природы не составляетъ главнаго русла человѣческаго ума, то должны будемъ признать, что оно не спасетъ насъ, когда обмелѣетъ главное русло, когда иссякнутъ главные источники. Въ настоящее время естественныя науки часто заявляютъ притязаніе на господство, на руководящее значеніе. Въ этихъ случаяхъ всего легче судить о томъ, справедливы ли ихъ притязанія и надежды. Кто беретъ за дѣло, превышающее его силы, тотъ сейчасъ же обнаружитъ слабость своихъ силъ.

Въ недавнее время намъ встрѣтился любопытный случай именно такого рода. Мы изложимъ его читателямъ, такъ какъ, намъ кажется, въ немъ можно найти ясныя черты и современнаго состоянія европейской жизни, и отношенія къ нему естественныхъ наукъ.

Въ послѣдніе годы въ ученіи объ организмахъ, то-есть о животныхъ и растеніяхъ, совершился великій переворотъ. Этотъ переворотъ произвела книга *Дарвина о происхожденіи видовъ*, которой заглавіе, также какъ и заглавіе ея переводовъ, стоитъ въ началѣ нашей статьи. Она кореннымъ образомъ измѣнила самыя главныя, самыя существенныя понятія, которыхъ до сихъ поръ держались относительно организмовъ. Чтобы получить въ которое понятіе о важности этого переворота, припомнимъ тотъ взглядъ на вещи, то міросозерданіе, которое крѣпко стояло въ прежнее время и отъ котораго мы конечно не вполне освободились и до сихъ поръ. Предполагалось, что всѣ вещи имѣютъ опредѣленные, неизмѣнныя свойства, что эти свойства нераздѣльны съ ихъ сущностью и принадлежатъ имъ отъ вѣка. На міръ смотрѣли какъ на совокупность такихъ вещей; на жизнь и на исторію какъ на случайное столкновеніе этихъ вѣчныхъ свойствъ и неизмѣнныхъ вещей, такъ что въ сущности жизнь не была нарастаніемъ новаго, и въ исторіи не происходило никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Этотъ взглядъ, очевидно метафизическій и имѣющій глубокіе источники въ духѣ чловѣка, былъ цѣликомъ перенесенъ и на организмы. Каждая форма растеній и животныхъ, ясно отличающаяся отъ другихъ формъ, была признаваема за особый видъ, которому отъ созданія принадлежатъ всѣ его свойства и особенности. Виды почитались неизмѣнными, т. е. неизмѣнно обладающими извѣстными свойствами, какъ принадлежащими къ ихъ сущности. Натуралисты заботились о томъ, чтобы различить, наименовать и перечислить всѣ виды; а *видовъ*, говорилъ Линней, *столько, сколько ихъ въ началѣ создалъ Богъ*.

Къ такому взгляду неподвижныхъ, неизмѣнныхъ существей такъ или иначе постоянно возвращается человѣческій умъ. Но прежде онъ былъ строго и послѣдовательно примененъ ко всему, о чемъ мыслитъ человѣкъ. Самое познаніе считалось ничѣмъ инымъ, какъ постепеннымъ открытіемъ неизмѣнныхъ, вѣковѣчныхъ сокровищъ истины. Новыя открытія только численно умножали умственные познанія, но ни въ чемъ существенно не измѣняли дѣла. Мало-помалу однакоже въ неизблемой почвѣ, на которую люди такъ крѣпко опирались, стало замѣтно колебаніе. Велико должно было быть удивленіе тѣхъ, кто первый это замѣтилъ. Все, что считалось неподвижнымъ и несомнѣннымъ, поколебалось и двинулось; земля стала обрѣцаться около солнца; величайшіе авторитеты были разбиты въ прахъ, вѣковыя отношенія и связи нарушились; наконецъ самая мысль измѣнила свои приемы и стала дѣйствовать иначе: человѣчество живо почувствовало, что въ немъ смѣривается исторія, что въ мірѣ происходятъ не одніе случайныя и видныя, а существенныя перемѣны.

Съ тѣхъ поръ постепенно все больше и больше распространяется новое міросозерцаніе. Измѣнныя существа и ихъ необходимыя свойства все дальше и дальше отодвигаются на задній планъ. Постепенно проникаетъ всюду убѣжденіе, что все измѣняется и что постоянны не существа, а законы ихъ измѣненія. Вѣра въ прогрессъ, въ развитіе, въ усовершенствованіе заступила мѣсто вѣры въ неизмѣнныя существа и вѣчныя истины. Послѣдній успѣхъ этого взгляда, послѣднюю его побѣду мы видимъ въ книгѣ Дарвина. Эта книга опровергаетъ такъ называемое *постоянство видовъ*, догматъ, которой упорно защищали до сихъ поръ всѣ признанныя натуралисты. Они думали, что каждый видъ животныхъ и растеній являлся первоначально со всѣми своими вышнѣшними свойствами; что при размноженіи происходитъ только повтореніе тѣхъ формъ, которыя размножаются, и слѣдовательно самыя формы остаются неизмѣнными. Каждое растеніе, каждое животное производятъ *себя подобныя* и слѣдовательно виды не происходятъ, но существуютъ исконно.

Весьма замѣчательно, что такой метафизическій взглядъ на постоянство вещей всего дольше и крѣпче держался въ естественныхъ наукахъ. Были правда попытки поколебать его, но натуралисты смотрѣли на нихъ съ большимъ презрѣніемъ. Большею частью эти попытки принадлежали такъ называемымъ *натур-философамъ*, то-есть людямъ, въ мнѣніяхъ которыхъ натуралисты ничего не видѣли кромѣ бредней. Еслиже постоянство видовъ отвергалось и нѣкоторыми восточными натуралистами, напримѣръ Ла-

маркомъ, Стефаномъ Жофруа Сентъ-Илеромъ, то это было въ глазахъ ученыхъ патвомъ на памяти этихъ людей, какъ гипотеза слишкомъ смѣлая, какъ игра воображенія, недостойная науки. Самъ Дарвинъ, хотя давно знаменитъ превосходными работами, хотя выступилъ съ полною твердостью и увѣренностью, однакоже прежде, чѣмъ заявить свое мнѣнiе, двадцать лѣтъ накопалъ матерьялы и размышленія.

Нельзя оправдывать въ этомъ случаѣ натуралистовъ тѣмъ, что они близко держались фактовъ; — фактовъ, доказывающихъ постоянно вещей, нѣтъ и быть не можетъ. Сколько бы времени мы ни наблюдали вещи, мы не можемъ ручаться, что они не измѣнились до нашихъ наблюденій, и что они не измѣнятся послѣ нихъ. Невѣроятности открыть нельзя, открыть измѣненiе возможно.

Въ своей книгѣ Дарвинъ скопилъ множество фактовъ, доказывающихъ измѣнчивость видовъ. Со временемъ мы надѣемся больше поговорить объ этомъ предметѣ, теперь же ограничимся одними результатами. Дарвинъ нашолъ, что виды переходятъ одинъ въ другой, что они постепенно *вырождаются* изъ одной формы въ другую. Такимъ образомъ изъ стѣней одного и того же растенія, въ различныхъ мѣстностяхъ, при различныхъ обстоятельствахъ можетъ въ длинной смѣнѣ поколѣнiй произойти нѣсколько различныхъ растеній. Различные виды животныхъ и растеній происходили постепенно вслѣдствiе такого распада одной формы на нѣсколько новыхъ. Организмы никогда не производятъ *себя подобныя* въ точномъ смыслѣ слова: дѣти всегда отличаются отъ родителей и также не вполне схоли между собою. Отъ постепеннаго накопленiя этихъ различiй въ длинныхъ родахъ поколѣнiй и произошло все разнообразiе животнаго и растительнаго царства.

Вотъ великiй переворотъ, который заключаетъ въ себя книга Дарвина. Но открытiе его состоитъ собственно не въ этомъ. Мнѣнiе о перерожденiи видовъ было неразъ высказываемо и подкрѣпляемо фактами и до него. Оно получаетъ полный вѣсъ у Дарвина только потому, что ему удалось найти черты одного изъ тѣхъ законовъ, по которымъ совершается измѣненiе видовъ. Законъ, который имъ найденъ, названъ имъ *закономъ естественнаго избранiя или жизненной конкуренции*. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ :

• Между всеми органическими существами, разбѣянными на поверхности земнаго шара, существуетъ конкуренция, неизбежно происходящая изъ ихъ размноженiя въ геометрической прогрессii: это законъ Мальтуса въ приложенiи ко всему животному и растительному царству. Такъ какъ рождается гораздо больше недѣльныхъ, чѣмъ сколько можетъ жить, и такъ какъ вслѣдствiе этого между ними происходитъ

возобновляется борьба за средства существованія, то отсюда слѣдуетъ, что если какое-нибудь существо отличается отъ другихъ хотя бы весьма незначительно, но такъ, что это отличие выгодно для него лично, то при сложныхъ и часто измѣнчивыхъ условіяхъ жизни такое существо имѣетъ больше возможности пережить другихъ и такимъ образомъ будетъ *естественнымъ образомъ избрано* или предпочтено другими. Затѣмъ по вѣсильнымъ законамъ наслѣдства, всякая *избранная разновидность* получаетъ стремленіе передавать размноженіемъ свою новую видозмѣненную форму.

Вотъ законъ Дарвина, который мы передали его собственными словами. Въ этомъ естественномъ избраніи, по его изслѣдованіямъ, заключается главный, если и не исключительный способъ послѣдовательныхъ измѣненій организмовъ. Смыслъ и важность этого прекраснаго закона требовали бы многихъ поясненій. Замѣтимъ только вообще, что въ силу этого закона измѣненіе организмовъ, перерожденіе и распаденіе видовъ зависятъ не отъ чего либо посторонняго, а *отъ самихъ же организмовъ*. Организмы сильно размножаются, они получаютъ иногда болѣе выгодное устройство; они борются между собою за средства существованія; вотъ три условія, отъ которыхъ зависитъ постепенное перерожденіе видовъ путемъ естественнаго избранія. Совершенно ясно, что законы развитія организмовъ далеко этимъ не исчерпаны, хотя Дарвинъ кажется замѣчать недостаточность своего закона; тѣмъ не менѣе ему принадлежитъ великая заслуга перваго указанія на *внутренній законъ развитія организмовъ*. Всѣ органическія существа составляютъ у него единую область и развиваются внутреннимъ взаимодействіемъ; вслѣдствіе *размноженія, усовершенствованія и борьбы*. Процессъ этого внутренняго развитія конечно очень сложенъ и не такъ еще скоро намъ будетъ ясенъ; но тѣ черты, которыя указалъ въ немъ Дарвинъ, безъ сомнѣнія совершенно точны и вѣрны.

Изъ всего этого читатель видитъ, что книга Дарвина представляетъ великій прогрессъ; огромный шагъ въ движеніи естественныхъ наукъ. Разумѣется она тотчасъ же возбудила общее вниманіе. Въ Англіи каждый годъ является новое ея изданіе. Тотчасъ же послѣ ея выхода она была переведена на нѣмецкій языкъ и недавно, слѣдовательно по обыкновенію немножко позже, на французскій. По обыкновенію она возбудила сильную оппозицію, въ особенности въ Англіи, въ особенности у тамошнихъ духовныхъ, чего конечно и надобно было ожидать. Но среди всего шума и движенія, возбужденнаго книгою Дарвина нельзя найти ничего страннаго и неожиданнаго, какъ тотъ отзывъ, который сдѣланъ французскою переводчицею книги и на который мы рѣшаемся указать чита-

теламъ. На французскій языкъ книга была переведена дѣвицею Кле-
менцією *Августою Ройе* (Royer), снабдившею переводъ длинными пре-
дисловіемъ и примѣчаніями. Эта дѣвица, какъ видно изъ предисло-
вія читала въ Швейцаріи публичныя лекціи *Философіи природы и*
исторіи. Но это не все. Недавно ею написано сочиненіе *о налогахъ*,
которое было удостоено преміи, наравнѣ съ сочиненіемъ Прудона о
томъ же предметѣ. Слѣдовательно мы имѣемъ дѣло не съ дюжян-
нымъ человѣкомъ, а съ писательницей, имѣвшей успѣхъ; судя по
всему она — передовой человѣкъ, представительница современнаго
образованія Европы. Идеи Дарвина глубоко ее заинтересовали: по
ея словамъ они вполнѣ сошлись съ тѣмъ взглядомъ, который она
сама еще раньше излагала на лекціяхъ. О вотъ она послѣдшія вы-
вести изъ великаго переворота естественныхъ наукъ самыя далекія
и самыя общія слѣдствія; она готова, какъ она говоритъ, написать
объ нихъ даже цѣлую книгу.

•Теорія г. Дарвина», говоритъ г-жа Ройе, «въ особенности богата
гуманитарными, нравственными слѣдствіями. Здѣсь я могу только ука-
зать на эти слѣдствія; они одни наполнили бы цѣлую книгу, которую
я желала бы имѣть возможность написать когда-нибудь. Эта теорія
включаетъ въ себѣ цѣлую философію природы и цѣлую философію че-
ловѣчества. Никогда взглядъ болѣе широкій не былъ проводимъ въ
естественной исторіи: можно сказать, что это — всеобщій синтезъ эво-
люціоническихъ законовъ, естественная социальная наука, подлежащая живымъ
существомъ всякаго рода и времени. Здѣсь мы находимъ объясненіе на-
шихъ мистицистовъ, столь долго искомое основаніе нашихъ нравовъ,
таинственный источникъ понятія о долгѣ и капитальную важность его
для сохраненія вида. Съ этихъ поръ мы будемъ обладать абсолютнымъ
критеріемъ того, что хорошо и что дурно въ нравственномъ отноше-
ніи, такъ какъ нравственный законъ всякаго вида есть тотъ законъ,
который стремится къ его сохраненію и размноженію, къ его прогресу
сообразно съ мѣстомъ и временемъ.»

Это восторженное изданіе, мы надѣемся, не произведетъ осо-
бенно пріятнаго впечатлѣнія на читателя. Сказать, что въ 1859 году,
когда явилась книга Дарвина, найдено наконецъ *абсолютное разлн-
чіе между добромъ и зломъ*, — значитъ сдѣлать предположеніе вѣсь-
ма странное, и не менѣе странно то мнѣніе, что понятіе долга до
этого года оставалось *таинственнымъ* для человѣчества. Но какихъ
чудесъ не бываетъ на свѣтѣ! Посмотримъ, что-то намъ скажетъ
новое откровеніе.

•Обобщеніе закона Мальтуса, сдѣланнаго Дарвиномъ, доказываетъ
очевиднѣйшимъ образомъ, какъ ошибочны заключенія, выведенныя
изъ этого закона для человѣческой породы самимъ Мальтусомъ; такъ

нать усовершенствовавія всякаго вида зависить отъ его обильнаго распложенія, то устанавливать это распложеніе значить ставить препятствіе его прогресу. Изъ книги г. Дарвина оказывается наконецъ, что этого закрѣтъ, повидимому столь грубый, скупой и роковой, повидимому уличившій и природу въ скаредность, злости или безсиліи, есть напротивъ, премудрый законъ провидѣнія, законъ экономіи и изобилія, необходимая гарантія благосостоянія и прогреса всей органической твари.

Въ самомъ дѣлѣ, какія удивительныя открытія! Что значить наука! Когда въ семействѣ много дѣтей, а всѣхъ вѣчего, Мальтусъ простодушно принималъ это за несчастіе. Теперь же мы видимъ, что чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше, тѣмъ сильнѣе можетъ дѣйствовать благодѣтельный законъ конкуренціи. Слабые погибнуть, а выдержатъ борьбу только *естественно избранныя*, лучшія привилегированныя члены, такъ что въ результатѣ получится прогрессъ — улучшение всего племени.

Подобныя мѣнья чудовищны, невѣроятны, но какъ видитъ читатель, они существуютъ. Дѣвица Ройе безтрепетно приводитъ свою мысль до конца и не останавливается ни перелѣ какими слѣдствіями. Послушайте дальше:

«Какъ скоро мы приложимъ законъ естественнаго избранія къ человѣчеству, мы увидимъ съ удивленіемъ, съ горестію, какъ были ложны до сихъ поръ наши законы политическіе и гражданскіе, а также наша религіозная мораль. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно указать здѣсь на одинъ изъ самыхъ еще незначительныхъ ее недостатковъ, именно на преувеличеніе того состраданія, того милосердія, того братства, въ которомъ наша христіанская эра постоянно полагала идеалъ социальной добродѣтели; на преувеличеніе даже самопожертвованія, состоящее въ томъ, что вездѣ и во всемъ сильныя приносятся въ жертву слабымъ, добрыя злымъ, существа обладающія богатыми дарами духа и тѣла — существамъ порочнымъ и хилымъ. Что выходитъ изъ этого исключительнаго и неразумнаго покровительства, оказываемаго слабымъ, больнымъ, неизлечимымъ, даже самымъ злодѣямъ, словомъ всѣмъ обиженнымъ природою? То, что слѣдствія, которыми они поражены, укореняются и размножаются безъ конца, что зло не уменьшается, а увеличивается, и возрастаетъ на счетъ добра. Мало ли на свѣтѣ этихъ существъ, которыя неспособны жить собственными силами, которыя всю свою тяжесть висятъ на здоровыхъ рукахъ и, будучи втагость себѣ самимъ и другимъ членамъ общества, гдѣ проходитъ ихъ чужое существованіе, занимаютъ на солнцѣ больше мѣста, чѣмъ три индивидуума хорошей комплексіи! Тогда какъ эти послѣдніе не только жили бы съ полною силою для удовлетворенія своихъ собственныхъ потребностей, но могли бы произвести сумму наслажденія, превышающую то, что бы они сами потребили. Думали ли когда-нибудь объ этомъ серьезно?»

Кому бы ни принадлежали подобныя рѣчи, хотя бы и вѣтхой ученой и пероловой дѣвицѣ, читатель согласится что онѣ весьма замѣчательны. Въ настоящемъ же случаѣ сверхъ-того ясно, что это не простая болтовня, а послѣдовательный, строгій выводъ изъ началъ, взятыхъ за основаніе. Г-жа Ройе только смѣлке другихъ и справедливо укоряетъ нашъ вѣкъ въ недостаточной послѣдовательности, говоря, что со временемъ его назовутъ *вѣкомъ болтливыхъ*.

«Весьма основательно она вывела, что мы въ нашемъ развитіи поступаемъ такъ сказать *противоестественно*, что мы не слушаемся природы. Только напрасно она полагаетъ, что человечество *никогда серьезно-ею этою не думало*. Нѣтъ, эта идея была понята довольно ясно и сознательно. Мы сознательно поставили для себя иной законъ, иную норму, иной идеалъ, чѣмъ тѣ законы и идеалы, которыми слѣдуетъ природа. Мы знали, что идею въ разрѣзъ съ природою и вѣрѣдко жаловались на ея противодѣйствіе, потому что побѣждать его не легко. Но, хотя мы довольно ясно сознавали эту идею, дѣвица Ройе напрасно жалуется на то, что будтобы мы дали ей слишкомъ широкое примѣненіе, слишкомъ большое господство въ жизни. Мы кажется неслишкомъ преувеличивали состраданіе, милосердіе и самопожертваніе. Для нашего прогресса и развитія мы дѣйствовали конечно ни чѣмъ не хуже растений и животныхъ. Мы ялоднили въ достаточномъ количествѣ и постоянно вели горячую борьбу не только за средства существованія, но и за другія блага. Если посмотрѣть на дѣло немножко внимательнѣе, то легко убѣдиться, что эта борьба была у насъ даже такъ сильна, разнообразна и сложна, какъ она и не можетъ быть у животныхъ и растений. У насъ всегда шла великолѣпнѣйшая *жизненная конкуренція* и законъ *естественнаго избранія* постоянно находилъ полнѣйшее примѣненіе. Сильный давилъ слабого, богатый бѣднаго, и вообще изъ малѣйшаго преимущества была извлекаема въ этой борьбѣ наибольшая выгода, какую только оно могло доставить. Жертвы погибали во множествѣ. Люди, которымъ не было мѣста на пиру жизни, тѣмъ ялдянымъ способомъ должны были покидать поле битвы. Такимъ образомъ владыками жизни и обладателями благъ всегда оставались *естественные избранники* и прогрессъ усовершенія человеческой породы шолъ впередъ быстро и безостановочно.

Въ заключеніе приведемъ послѣдній выводъ, который переводчица Дарвина дѣлаетъ изъ его теоріи. Она находитъ въ ней сплныя основанія противъ ученія о политическомъ равенствѣ людей, которое она считаетъ «невозможнымъ, вреднымъ и противоестественнымъ».

Нѣтъ ничего очевиднѣе, шире, какъ совершенное различіе различныхъ человѣческихъ расъ; нѣтъ ничего явнѣе, какъ это же неравенство между различными недѣлимыми одной и той же расой. Факты, теорія естественнаго избрація не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что высшія расы произойди постепенно, и что слѣдовательно, въ силу закона прогресса, онѣ предназначены въ дальнѣйшемъ ходѣ заимѣстять собою низшія расы, а не смѣшаться и слиться съ ними, причемъ онѣ подверглись бы опасности быть поглощенными этими расами посредствомъ скрещиваній, которыя понизили бы средній уровень всей породы. Однимъ словомъ человѣческія расы не суть отдѣльные виды, но суть рѣзно-отличающіяся и весьма неравныя разновидности; нужно не разъ подумать объ этомъ, прежде чѣмъ провозгласить политическую и гражданскую свободу въ народѣ, состоящемъ изъ меньшинства идогерианцевъ, и изъ большинства монголовъ или негровъ. Теорія г. Дарвина требуетъ поэтому, чтобы множество вопросовъ, слишкомъ поздно рѣшонныхъ, были снова подвергнуты серьезному изслѣдованію. Люди не равны по природѣ: вотъ изъ какой точки должно исходить. Они не равны индивидуально, даже въ самыхъ чистыхъ расахъ; а между различными расами эти неравенства получаютъ столь большіе размѣры въ умственномъ отношеніи, что законодатель никогда не долженъ упускать этого изъ виду.

Замѣтимъ, что въ настоящемъ случаѣ дѣвица Ройе приписываетъ теоріи Дарвина гораздо больше важности и значенія, чѣмъ она имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Уже и прежде, и до появленія книги Дарвина было замѣчено, что если смотрѣть на людей какъ на животныхъ, то между ними существуетъ большое неравенство. Достоверно замѣчено было, что люди различаются между собою не въ силу, по росту, по полнотѣ или худобѣ, по силѣ мускуловъ, по цвѣту кожи, по большей или меньшей остротѣ чувствъ и даже по большей или меньшей смысленности. Если же несмотря на эти и другія, даже больше важныя различія, существовала идея о равенствѣ людей между собою, то это равенство признавалось никакъ не въ смыслѣ зоологическомъ, а съ точки зрѣнія совершенно особенной, странной, загадочной, таинственной: люди считаютъ, что они равны между собою именно какъ люди, а не какъ животныя. Этотъ однаково всѣмъ принадлежащій признакъ *человѣческаго достоинства*, признакъ повидимому неувимый, неизмѣримый и неопредѣлимый никакими ясными чертами, былъ однакожъ въ глазахъ людей такъ важенъ, такъ великъ и существенъ, что покрылъ собою всѣ очевидныя различія, которыя отдѣляютъ невѣжественнѣйшаго изъ негровъ отъ образованнѣйшаго изъ европейцевъ.

Мы здѣсь не думаемъ впрочемъ рѣшать или изслѣдовать какой бы то нибыло вопросъ. Мы постарались только ясно представить

читателямъ любопытный оантъ западно-европейскаго образованія в надеются, что они сами отдадутъ себѣ отчетъ въ впечатлѣніи, которое онъ производитъ.

Совершенно очевидно одно: мы перестаемъ понимать человѣческую жизнь, мы теряемъ ея смыслъ, какъ скоро не отдѣляемъ человѣка отъ природы, какъ скоро ставимъ его на ряду съ ея произведеніями, и начинаемъ судить о немъ съ той же точки зрѣнія, какъ о животныхъ и растеніяхъ. Тайна человѣческой жизни заключается въ ней самой.

Изученіе природы еще не все что нужно. Если кто смотритъ на это изученіе, какъ на живую струю, которая можетъ свести жизнь дряхлѣющей цивилизаціи, то ему можно указать на выводы, сдѣланные изъ великаго открытія въ природѣ г-жою Ройе: эти выводы совершенно приличны эпохѣ паденія.

Заключимъ нашу замѣтку словами величайшаго изъ натуралистовъ, поставленными нами въ эпиграфъ: *какая жалкая вещь былъ бы человекъ, еслибы онъ не стремился къ сверхчеловѣческому!* Это парадоксальное восклицаніе принадлежитъ Ливнею, натуралисту, который выѣстъ съ безпримѣрнымъ даромъ понимать природу, обладалъ, вѣроятно какъ слѣдствіемъ это дара, глубокимъ поэтическимъ прозрѣніемъ. Разсматривая человѣка на ряду съ животными и другими произведеніями природы, онъ живо убѣдился, что человекъ есть *жалкая вещь*. Спасеніе отъ этого ничтожества онъ находитъ въ стремленіи къ сверхчеловѣческому; но мы твердо увѣрены, что то, что Ливней называетъ сверхчеловѣческимъ, въ сущности есть *истинно-человѣческое*.

И. СТРАХОВЪ

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТУРГІИ И СЦЕНЫ

V

На нынѣшній разъ мы опять начнемъ голыми статистическими данными репертуара нашей сцены и, откровенно сказать, не можемъ ручаться, чтобы это было въ послѣдній. На образумленіе и осмысленіе этого репертуара какъ-то плохо пока надежды — а до тѣхъ поръ, пока онъ не осмыслится, мы упорно будемъ констатировать факты и вести лѣтописи его странностей.

Мы начинаемъ съ 21 октября.

21 октября. На Маріинскомъ: «Фенелла». — На Александринскомъ: «Демонъ», «Русскіе въ Эпсѣ», «Утка и стаканъ воды» (водевилъ г. П. Федорова).

22 октября на Александринскомъ: «Ермакъ Тимофеевичъ», «Тестя любитъ честь», «Первое декабря». — На Маріинскомъ: «Страделла».

23 октября. На Маріинскомъ: «Шейлокъ», «Женатыя повѣсы». «Осенній вечеръ въ деревнѣ». — На Александринскомъ: «Блѣдность не порокъ» (Любимъ Торцовъ г. Бурлачевъ). «Зачѣмъ явные люди женятся» (водевилъ съ переодѣвваньемъ). (!!!)

24 октября. На Маріинскомъ: «Любовь и предвзусудокъ» (Sullivan) переводъ г. П. Федорова. «Всѣхъ цвѣточковъ болѣ». «Голь на выдумки хитра». — На Александринскомъ «Новгородцы въ Рязанѣ» большое представленіе съ конными и пѣшими сраженіями, соч. (11) гг. Соколова и Егорова. «Война жонъ съ мужьями» водевилъ въ пяти дѣйствіяхъ (бенефисъ г. Леонидова).

25 октября. На Маріинскомъ: «Не первый и не послѣдній», комедія въ пяти дѣйствіяхъ г. Давченко. «Учитель и Молочница».

26 октября. На Маринскомъ: «Страделла». «Москаль-чаривникъ». — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ». «Война жонъ» (объ во второй разъ).

28 октября. На Маринскомъ: «Не первый и не послѣдній» г. Дьяченко, (который разъ? Мы ужъ и счетъ потеряли). «Проказы барышень на Черной рѣчкѣ». — На Александринскомъ: «Двумужница», князя Шаховскаго. «Живчикъ», водевиль г. Тарновскаго и Руднева.

29 октября. На Маринскомъ: «Страделла». — На Александринскомъ: «Легкая надбавка» г. Погосскаго. «Три пощечины». «Средство выгнать воловѣть».

30 октября. На Маринскомъ: «Горе отъ ума». «Отецъ какихъ мало». — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ третій разъ). «Цирульникъ на Пескахъ». «Милые братятся» водевиль г. Тарновскаго.

31 октября. На Маринскомъ: «Гугеноты», (бенефисъ г. Васильева). — На Александринскомъ, въ первый разъ по возобновленіи «Маркитантка» г. Кукольника. «Возмное обученіе».

1 ноября. На Маринскомъ: «На въ довѣгахъ счастье» г. Червышева (Боярышниковъ г. Марковецкій). «Запутанное дѣло». Сидва г. Горбунова. — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ четвертый разъ). «Андрей Степановичъ Букаа» (г. Васильевъ 2-й).

2 ноября. На Маринскомъ: «Жидовна». — На Александринскомъ: «Отецъ и откушникъ или дочь и откугъ», комедія Цолерого, въ первый разъ по возобновленіи; стошло вѣдъ возобновлять), «Въ людяхъ ангелъ не жена» Ленскаго, (въ первый разъ по возобновленіи); «Демонстръ я Гераклитъ» (бенефисъ г. Каратыгина).

4 ноября. На Маринскомъ: «Трубадуръ» (г. Владиславлеву). — На Александринскомъ: «Не по носу табакъ» г. Погосскаго. «Свои собачки грызутся — чужая не приставай» Островскаго, «Чего на свѣтѣ не бываста».

5 ноября. На Маринскомъ: «Жизнь за царя» (въ 210 разъ). — На Александринскомъ, повтореніе бенефиса г. Каратыгина.

6 ноября. На Маринскомъ: «Мишура» г. Потихина, (г-жа Спорова). «Тестъ любить честь»; «Мотя», водевиль г. Тарновскаго. — На Александринскомъ: «Ермакъ Тимофеевичъ»; «Багдадскіе вирожники», волшебное представленіе.

7 ноября. На Маринскомъ: «Марта» (г. Владиславлева). «Москаль-чаривникъ». — На Александринскомъ: «Маркитантка» «Нараша».

8 ноября. На Маринскомъ: «Не первый и не послѣдній» г. Дя-

еще. «Бабушкины грѣшки». — На Александринскомъ: «Жизнь игрока». «Сынъ венеціанскаго разбойника».

9 ноября. На Маринскомъ: «Испорченная жизнь» г. Чернышова. Водевиль съ переодѣваньемъ (11 даже и на *аристократическомъ* Маринскомъ!!!) «Полтора рубля». — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ пятый разъ). «Въ тихомъ омутѣ» г. Кошн. «Жена и зонтикъ».

11 ноября. На Маринскомъ: «Минюра» г. Потѣхина. «Несчастье особаго рода». «Бѣдовая бабушка». — На Александринскомъ: «Вальсарій». «Жена канцлѣ много».

19 ноября. На Маринскомъ: «Страдалла». «Москаль-чаривникъ». — На Александринскомъ: «Легкая нагбава» г. Цогоссаго. «Балъ у банкира».

13 ноября. На Маринскомъ: «Слово и дѣло», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, Ѳ. Н. Устрялова. «Что такое любовь?», оперетка. Сцена г. Горбунова (бенефисъ г-жи Жулевой). — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ шестой разъ). «Упрямство и настойчивость». «Дочь русскаго актера».

14 ноября. На Маринскомъ: «Жидовки». — На Александринскомъ: «Царина Сибирячка», Полевого (по возобновленіи къ первому разъ). «Бродяги», водевиль въ четырехъ дѣйствіяхъ.

15 ноября. На Маринскомъ: повтореніе бенефиса г-ши Жулевой. — На Александринскомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ седьмой разъ!!!). «Старый математикъ». «Ножка».

16 ноября. На Маринскомъ: «Феелла». — На Александринскомъ: «Гроза», Островскаго (Тихомъ Кабановѣ — г. Васильевъ 2).

18 ноября. На Маринскомъ: «Аскольдова могила». «Москаль-чаривникъ». — На Александринскомъ: «Ермакъ». «Въ чужомъ иду ру вихмѣль», Островскаго. «Осенній вечеръ въ деревнѣ».

19 ноября. На Маринскомъ: «Жизнь за царя» (въ 211 разъ). — На Александринскомъ: «Былъ молодцу не укора», комедія г. Н. Потѣхина. «Земные жены», водевиль.

20 ноября. На Маринскомъ: «Слово и дѣло» (въ третій разъ). «Беззаботная» (г-жа Спорова). — На Александринскомъ: «Царина сибирячка» (во второй разъ). «Не соглась характерамъ», Островскаго (въ первый разъ по возобновленіи). «Женщины-чардейцы».

21 ноября. На Маринскомъ: «Страдалла» (въ шестой разъ). — На Александринскомъ: «Жертва за жертву», г. Дьяченко. «Женщины изъ долговаго отдѣленія», комедія г. Чернышова. «Комедія съ дялюшкой».

22 ноября. На Маринскомъ: «Слово и дѣло» (въ четвертый разъ). «Виць-шудиръ». Сцена г. Горбунова. — На Александринскомъ:

скомъ: «Новгородцы въ Ревелѣ» (въ восьмой разъ). «Которая изъ двухъ?». «Жена кавалериста».

Мы имѣли терпѣнне прослѣдить репертуаръ за цѣлый мѣсяцъ, — незнаемъ, имѣютъ ли терпѣнне читатели просмотрѣть его. Во всякомъ случаѣ, вотъ факты, которые должны быть выведены изъ него по здравому разуму.

1) Русская драматургія обогатилась несомнѣнно новымъ капитальнымъ произведеніемъ «Новгородцы въ Ревелѣ». Въ теченіе мѣсяца чѣмъ четырехъ недѣль, эта прекрасная драма дана восемь разъ.

2) Другое высокое и капитальное произведеніе — «Не первый и не послѣдній», г. Дьяченко, по прежнему продолжаетъ интересовать публику.

3) Восходитъ новое лучезарное явленіе — «Слово и дѣло», комедія г. Устрялова, данная уже четыре раза, съ 13 по 22 ноября.

4) Изъ старыхъ капиталовъ драматургіи возобновлены съ успѣхомъ: «Ермакъ», «Параша», «Отецъ и Откупщикъ», Полевого. «Ермакъ» въ особенности имѣетъ успѣхъ. Жаль, что не возобновляютъ до сихъ поръ комедіи «О войнѣ Федосьи Федоровны съ китайцами», ирисато произведенія того же плодовитаго и великаго руссiйскаго драматурга и его chef-d'œuvre въ серьезномъ родѣ: «Блесты Главской». Публика, т. е. какіе-нибудь Павелъ Степановичъ и Прасковья Сергѣевна останутся вѣроятно очень довольны возобновленіемъ этихъ произведеній, вполне соответствующихъ потребностямъ ихъ утонченнаго и образованнаго вкуса.

5) Пьесы Островскаго, могутъ быть даваемы только на плебейскомъ театрѣ — на Александринскомъ. На Марининскомъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца недавно было ни одной изъ нихъ. Вообще, онѣ имѣютъ весьма мало успѣха, такъ что изъ признаваемыхъ «этою высокоумѣрною русскою литературой» капитальными его произведеній («Свои люди сочтемся», «Бѣдная невѣста», «Доходное мѣсто», «Гроза», «Мининъ») можетъ быть давана только «Гроза». Для драматическихъ артистовъ гораздо благодарнѣе роли «Ермака» и ссыльнаго въ «Парашѣ», чѣмъ роль Минина; для драматическихъ артистовъ — роли въ вѣсѣ г. Дьяченко, чѣмъ роль «Бѣдная невѣста»; для комиковъ — роли, создаваемыя г. Чернышовымъ, чѣмъ роли Большова и Лазаря, Беневоленскаго и Добротворскаго, Вышневецкаго и Юсова. И благодарно, да и безопасно. Въѣтъ благодаря этой высокоумѣрной выскочкѣ русской литературы, этихъ ролей

нельзя играть, возложивъ всѣ упованія на суеверскую будку: вѣдь въ нихъ не простятъ незванія пожалуй даже и такому огромному дарованію какъ г. Самойловъ, не простятъ, даже и признавая его огромность! Тутъ обдуманность, изученіе потребуется, а изъ чего спрашивается хлопотать? Вѣдь мало ль что вретъ, со временъ Бѣлинскаго, эта такъ называемая русская литература, которая и въ театрѣ даже рѣдко ходитъ!

б) Въ русской оперѣ считается семь теноровъ, три bassi profoundi, вѣскольکو баритоновъ, несчетное количество пѣвицъ, а пѣть у насъ должно-быть можно только всего шесть оперъ, да одну оперетку. («Жизнь за царя», «Жиловка» и «Фенелла» (г. Сѣтовъ), «Страделла (г. Никольскій), «Марта» (г. Сѣтовъ) и «Москаль-чаривникъ» (г. Артемовскій и г-жа Леонова), «Аскольдова могила» (г. Булаховъ). Разъ даже, говорятъ, при семи тенорахъ не нашли кѣмъ замѣнить одного заболѣвшаго, и не знали что дать. «Гугеноты» даны всего одинъ разъ, хотя въ нихъ, по мудрымъ соображеніямъ публики, т. е. разныхъ Павловъ Степановичей вмѣсто г-жи Валентины Біанки, которую ожидала слышать масса, пѣла пѣвица не ей чета — г-жа Лаврова-Спекки.

Вотъ главные выводы, къ которымъ приводятъ статистическіе факты. Печальны или веселы эти выводы — пусть судятъ читатели.

Позвольте спросить васъ, милостивыя государи — фантастическіе или нефантастическіе члены разныхъ къ сожалѣнію нефантастическихъ комитетовъ, какъ по вашему разумѣнію — театръ ли существуетъ для публики, или публика для театра?.. Знаемъ, что вы на этотъ вопросъ намъ не отвѣтите прямо: мы читали, какъ защищалъ васъ потребностью сборовъ г. Театринъ. Резонъ, единственный резонъ, на который вы обопретесь, будетъ тотъ, что хваленныя дескать вами пьесы Гоголя и Островскаго играютъ передъ пустымъ театромъ, а въ «Новгородцевъ» и въ новыя вещи г. Дьяченко народъ, что говорится, ломится; что изъ возобновленныхъ безсмыслицъ штука вроде Ермака — тоже сборы большіе даетъ.

Но вѣдь какже ставятся пьесы Гоголя и Островскаго? вотъ въ чемъ вопросъ, вопросъ, на который вы ни гугу, и на который поэтому приходится отвѣчать намъ.

Оставимъ на время Гоголя, потомучто и театръ на это время оставилъ въ покоя великаго покойника; неправда ли, каламбуръ нашъ сорветъ улыбку одобренія съ устъ вашей публики, то-есть

Павловъ Степановичей и пр.; ни одной его пьесы втеченіе цѣлаго мѣсяца не было дано, а фантастическій комитетъ все пѣлъ изъ «Роберта»:

Дяче... Дяче... Дячениѣ предоставишь
Мы пу... мы пу... мы публику пѣнять.

Займемся постановкой пьесъ Островскаго. Вы вѣроятно для очищенія совѣсти скажете, что втеченіи этого мѣсяца дано было пять пьесъ его и одна даже возобновлена (Не сошлась характеристиками). Точно, вотъ передъ вами пять афишъ, напоминающихъ намъ о томъ, что мы, по обязанности и по сердечному влеченію, были въ театрѣ.

23 октября на александрянскомъ театрѣ шла: «Бѣдность не порокъ». Не говоримъ уже о томъ, что высокое созданіе народнаго поэта осквернено сопоставленіемъ съ нимъ пошлости г. Григорьева 1-го: «Зачѣмъ иные люди женятся» и невыносимымъ для всякаго порядочнаго человѣка «Водевиль съ переодѣваньемъ» г. Куликова; мы этихъ гадостей и не видали въ этотъ разъ, но какъ обставлена комедія: Любимъ — г. Бурдинъ, который только краткое время могъ

Пу... пу... публику пѣнять

подражаніемъ манеръ Садовскаго, пока самъ Садовскій не приѣхалъ въ Петербургъ, г. Бурдинъ, въ которомъ прежде всего вѣтъ искренности игры, и котораго драматическіе порывы просто непереносны для всякаго уха неиспорченнаго фальшивыми тонами. Г. Бурдинъ въ Любимѣ Торцовѣ, когда въ этой роли мы видѣли и Садовскаго, и Самойлова, и Васильева 2, который въ ней чуть ли не выше того и другого... А вѣдь Любимъ Торцовъ одинъ изъ весьма немногихъ трагическихъ образовъ, созданныхъ нашими художниками, одно изъ великихъ откровеній нашей народнои сущности... Не забыть намъ никогда ни той пьяной улыбки, съ которою г. Васильевъ 2 общается «сдѣлать штуку съ братомъ», ни болѣзненныхъ, судорожныхъ кривляній г. Самойлова, ни просвѣтленія Садовскаго въ концѣ третьяго акта, а насъ угощаютъ г. Бурдинымъ!

Любовь Гордѣевна — поэтическій образъ русской дѣвушки въ первой порѣ ея развитія, съ глубокою впечатлительностью души, съ милою граціозностью и шаловливостью, съ гордостью хозяйской дочери («Ты смотри, не смѣй теперь смотрѣть!») съ полудѣтскимъ лукавствомъ (только что пальцы замарала!) и вмѣстѣ съ тѣмъ съ вѣжкою страстностью, вѣдь это роль для первостепенной артистки, а ее играетъ г-жа Струйская.

Анна Ивановна — одинъ изъ самыхъ яркихъ типовъ, созданныхъ нашимъ народнымъ поэтомъ, торжество такой артистки, какова г-жа Косицкая; здѣсь г-жа Воронова, недурная иногда въ свахахъ Островскаго, но положительно неспособная выразить блестящую, размашистую и вмѣстѣ поэтическую, и увлекающуюся, и способную увлечь натуру Анны Ивановны. Удивительно ли, что у г-жъ Струйской и Ворововой пропадаютъ всѣ тонкіе, поэтическіе оттѣнки, вродѣ сцены, въ началѣ второго дѣйствія, когда онѣ хотятъ объявись въ потемочкахъ и говорить о любви.

Митя — г. Пронскій. Онъ не хуже и не лучше всѣхъ господъ, которыхъ мы видали въ Митѣ, но вѣдь изъ этого ничего не слѣдуетъ. Неужели же нѣтъ актера, который бы сыгралъ Митю безъ фальшивыхъ, сентиментальныхъ нотъ. Что бы наиримѣръ г. Горбунову, у котораго всегда такъ вѣренъ тонъ въ пьесахъ Островскаго, попробовать свои силы надъ Митей.

Коршуновъ, котораго игралъ Щепкинъ (Щепкинъ, милостивые государи!) — г. Шемаевъ... Коментаріи не нужны.

Гуслинъ — г. Озеровъ. Да вѣдь въ этой роли, хоть и маленькой, но трудной, — первое дѣло, надо вѣрный тонъ имѣть, второе дѣло — надобно пѣть хорошо. Вѣдь эту *маленькую* ролькой въ Москвѣ создалъ свою репутацію актера шведъ Климовскій!

Разлюляевъ — г. Марковецкій, рутинеръ, давно всѣмъ извѣстный. А это была тоже одна изъ самыхъ блестящихъ ролей г. Васильева 1, нынѣ, къ сожалѣнію друзей искусства, покойника.

Хороши только гг. Зубровъ (Городѣй), г-жа Линская (мать), г-жа Громова (нянька).

О другихъ лицахъ и говорить нечего, просто срамъ! А у Островскаго тутъ все вѣдь лица, живыя лица, съ живымъ, колоритнымъ тономъ.

А зачѣмъ пѣсни поются въ пьесѣ не тѣ, какія слѣдуютъ?.. А зачѣмъ даже свадебные мотивы испорчены?..

И вотъ еще что: г. Самойловъ бросилъ роль Любима; ну, это его воля; хоть это и жаль, но развѣ роль Коршунова недостойна его таланта?.. Зачтоже это великолѣпно набросанное художникомъ лицо досталось въ жертву г. Шемаеву?

4 ноября, на Александринскомъ театрѣ, удостоили чести занимать середину между ерундой г. Погосскаго: «Не по носу табакъ» и чьей-то пошлостью подъ названіемъ: «Чего на свѣтѣ не бываетъ», — вторую часть трилогіи о Бальзаминовѣ: «Свои собаки грызутся — чужая не приставай» (третьей части т. е. женитьбы Бальзаминова, фантастическій комитетъ, какъ извѣстно, не удостоилъ представленія, яростно вопія, изъ «Роберта»:

Въ законъ... въ законъ... въ законъ себѣ поставимъ.
 Изъ пьесъ .. изъ пьесъ на сцену не пускать!

Обставлена она была много лучше чѣмъ «Бѣдность не порокъ», Г. Горбуновъ игралъ Бальзаминова, и въ тонѣ былъ удивительно вѣренъ: странно только, что этому замѣчательно понимающему тонъ артисту, недостаетъ сценической живости, недостаетъ даже апломбу, необходимаго для успѣха, ужь не оттого ли, что онъ мало играетъ? Всѣ остальные лица, хотя артисты кажется и хорошіе (г-жи Громова, Линская) не попали въ тонъ, кромѣ г-жи Вороновой, которая была отлично хороша въ роли свахи. Г-жа Линская въ особенности не поняла Анфису Даниловну Антрыгину. Г. Степановъ хотѣлъ изъ Устрашимова сдѣлать нѣчто напоминающее фамилію этого лица, но вѣдь онъ забылъ, что г. Островскій вовсе не имѣлъ въ виду фигуры съ ярлыкомъ на лбу: вышло что-то нелѣпое, какъ суздальскія картинки и дикое какъ герои александринскихъ драмъ.

18 ноября, послѣ «Ермака Тимофеича», и передъ «галантерейностью» г. Куликова (галантерейное, чортъ возьми, обхождение!) «Осенній вечеръ въ деревнѣ», шло «Въ чужомъ пиру похмѣлье». Учителя Иванова, котораго въ Москвѣ играетъ г. Шумскій, игралъ г. Вороновъ, изображающій обыкновенно разныхъ королей александринскихъ драмъ, артистъ по видимому толковый, но совершенно бездарный. Дочь его, которую въ Москвѣ играетъ артистка съ высокимъ талантомъ, г-жа Васильева, изображала г-жа Надеждина; Аграфену Платоновну, играла и играла превосходно г-жа Линская, но зато въ Андрюшѣ и въ Титѣ Титычѣ, «отличались» г. Шемаевъ (что это, сколько хорошаго и характернаго, отъ Молчалина до Коршупова и Андрюши, отдано ему въ жертву?) и г. Бурдинъ, которому какъ человѣку умному давно бы кажется пора понять, что роли вродѣ Дикова, въ «Грозѣ», и Тита Титыча, вовсе не по его силамъ: въ нихъ нужно искреннее созданіе, а не подражаніе. Захара Захарыча какъ-то казенно и безцвѣтно игралъ г. Зубровъ, и глубоко-задуманный и рельефно очерченный художникомъ типъ Купидоши, погибъ въ игрѣ г. Озерова. Г-жа Воронова, опять прекрасно поняла и передала Наталью Панкратьевну, но у г-жи Громовой, ничего не вышло изъ Ненилы Сидоровны.

Чтожъ это? Вѣрно и роль учителя Иванова считаетъ г. Самойловъ недостойною своей славы?

16 ноября. На Александринскомъ театрѣ дана была «Гроза», единственная пьеса Островскаго, идущая съ ансамблемъ на нашемъ театрѣ, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже лучше чѣмъ въ Мо-

сивъ, кроѣ разумѣется того обстоятельства что тамъ Дикова, играетъ Садовскій, а у насъ прежде провалился въ немъ г. Бурдинъ, а нынѣ «представляетъ» его «нарочно», г. Григорьевъ 1-й, точно также «нарочно» какъ все что онъ ни представляетъ отъ королей и рыцарей до куццовъ. Г. Бурдинъ предпочелъ по временамъ являться въ этой драмѣ въ роли Кабанова, чередуясь съ г. Васильевымъ 2 и должно быть онъ признается актеромъ аристократическимъ, а г. Васильевъ 2-й, плебейскимъ, ибо въ прошлый разъ, когда давали «Грозу», на Маринскомъ театрѣ, Кабанова изображалъ онъ. А вѣдь г. Васильевъ 2-й, въ этой роли равенъ, шутка сказать, и покойному Мартынову и покойному брату своему, играя ее впрочемъ совершенно самостоятельно. О г-жѣ Линской, Снѣтковой 3-й, о г. Горбуновѣ мы не считаемъ нужнымъ говорить; мы на похвалы скуны до времени. Г. Малышевъ самый сносный Борщъ, какого мы видѣли, по г. Шемаевъ (опять г. Шемаевъ, ужасное божество, пожирающее страшное количество жертвоприношеній) уничтожаетъ вѣчное звѣно драмы, — Кулигина.

За «Грозою» послѣдовала картинка съ природы, (съ какой это природы?) и водевилъ г. Ермолова «Волшебная флейта...» Положимъ, что таковъ обычай, но

Зачѣмъ не уничтожить намъ такой дурной обычай
Онъ сдѣлалъ насъ посмѣшищемъ другихъ...

20 ноября *ibidem*, т. е. въ Александринскомъ возобновили комедию Островскаго, «Не сошлись характерами», сунувши ее между «Парашей сибирячкой», и «Женщинами гвардейцами». Горестное представленіе, гдѣ главное лицо Поля, господина съ претензіями на большой свѣтъ, игралъ опять-таки всепожирающій идолъ, г. Шемаевъ, а знатную барыню, мать его, г-жа Сабурова 2, и гдѣ истинно хорошъ и вѣренъ тону только кучеръ кунца Толстогораздова, г. Горбуновъ.

Чтоже мудренаго, что такимъ образомъ обстановленнымъ произведеніемъ нашего народнаго драматурга не приносятъ сборовъ. Вы, по здравому разуму полагаете вѣдь въ театрѣ видѣть въ Ивановѣ г. Самойлова, или въ Полѣ г. Нильскаго, а на дѣлѣ выходитъ, что играютъ гг. Вороновъ, и Шемаевъ, ждете въ «Любимѣ» г. Васильева 2, а должны усажлаться г. Бурдинымъ!

«Да чтоже вы все старую пѣсню поете, могутъ обратиться къ намъ читатели. Островскій, да постановка пьесъ Островскаго, а объ новомъ ничего не говорите».

«О чемъ же прикажете, милостивые государи? О «Новгородцахъ въ Ревелѣ?» Мы говоримъ съ вами о театрѣ; а не о маслянич-

ныхъ представленіяхъ на адмиралтейской площади... О произведе-
ніяхъ г. Дьяченко? Мы не хотимъ

пу... пу... публику плѣнять.

А кстати, приводя часто этотъ взглядъ и вообще хоръ фантасти-
ческаго комитета, мы совѣмъ и забыли спросить васъ, читали ли
вы въ «Гудкѣ» весьма яловитыя и злыя, и — что очень рѣдко въ
произведеніяхъ нашей обличительной литературы — вполне остро-
умныя сцены, въ которыхъ какой-то фантастическій Репертуаровъ
испытываетъ всю тяжесть «благодѣтельной гласности» и сѣтуеть о
ковечной погибели общественнаго и нравственнаго порядка, сово-
купно съ главами «общества умственнаго паралича»... Право, пре-
зривыя сцены — и мы отъ души совѣтуемъ вамъ прочесть ихъ.
Неизвѣстный авторъ выказалъ въ нихъ гораздо больше комиче-
скаго дорованія, чѣмъ всѣ привилегированныя драматурги Алексан-
дринскаго театра, взятые вмѣстѣ, отъ г. Н. Потѣхина до г. Дьяченко
включительно.

Животрепещущею, волнующею, даже сценическою новостью
была въ послѣдніе дни комедія г. Ф. Устрялова: «Слово и дѣло».
Театръ полонъ до сихъ поръ во всѣ ея представленія. Рукоплещутъ
ей наисильнѣйшимъ образомъ и рукоплещетъ не та публика, кото-
рую плѣняетъ г. Дьяченко. Молодость ей рукоплещетъ, молодость,
составляющая для насъ какъ и для всѣхъ порядочныхъ людей —
предметъ любви и уваженія, несмотря на ея способность увлекаться
или пожалуй за эту самую, святую способность увлекаться — благо-
родная, искренно чувствующая и еще искреннѣе выражающая свои
чувства, молодость.

Но она не самой комедіи рукоплещетъ, а задней мысли, которая
подложена самимъ авторомъ или лучше современнымъ вѣніемъ
надъ комедіею — она видитъ въ ней поправку тургеневской якобы
ошибки, изображеніе Базарова, отпоръ того, что называется ниги-
лизмомъ.

Герой ея, Вертяевъ, впрочемъ потому только нигилистъ, что на
вопросъ о томъ, чѣмъ онъ занимается и какихъ убѣжденій, от-
вѣчаетъ: «я мыло варю», какъ Базаровъ говоритъ: «я лягушекъ
рѣжу». Другого нигилизма въ немъ нѣтъ никакого: напротивъ, онъ
идеалистъ, да еще какой! Онъ ради дружбы тайтъ въ себѣ силь-
ную страсть къ дѣвушкамъ, которая сама его любитъ, ради дружбы
жертвуетъ своей страстью, потомъ въ заключеніе, жертвуетъ этой
страстью неизвѣстно чему-то. Другъ его умеръ, и умирая передалъ ему
невѣсту. Невѣста влюблена въ него безъ памяти, ниѣтъ состояніе,
стало-быть не помѣшаетъ ему «мыло варить», и если еще не раз-

вилась до его нигилизма, то «рада стараться» и стало-быть тоже не может помѣшать ему въ жизненныхъ воззрѣніяхъ. Подозрѣваемъ, что авторъ недосказалъ одного весьма важнаго обстоятельства: не пошолъ ли нигилистъ его въ одинъ браконевистный, до вольнаго мученичества раскольническій толкъ?

Но г. Самойловъ превосходно схватилъ манеры и тонъ тургеневскаго Базарова, и кукольная комедія не только нравится, — увлекаетъ. А все-таки о ней, какъ о ней самой, говорить не стоитъ. Литературно она — плоха, изъ рукъ вонъ, и едвали какой-либо изъ нашихъ журналовъ ее напечатаетъ, а это въ настоящую минуту, какъ хотите, единственное необманчивое мѣрило литературнаго достоинства драматическаго произведенья. Правда, «Отечественныя Записки» напечатали какъ-то комедію г. Н. Потѣхина, но и то вѣроятно не мало калялись. Хорошая вещь можетъ не даваться на сценѣ, чему мы видимъ множество примѣровъ, къ сожалѣнью, благодаря фантастическимъ и нефантастическимъ комитетамъ, но не можетъ не явиться въ которомъ либо изъ признанныхъ авторитетами, журналовъ, по той простой причинѣ, что хорошія вещи имъ самимъ нужны.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ. — Французскія дѣла. — Итальянскія дѣла. —
Последнія извѣстія.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ.

За послѣдній мѣсяць важнѣйшее политическое событіе состоитъ въ томъ, что у Гарибальди изъ ноги вынули пулю, и такимъ образомъ его выздоровленіе сдѣлалось возможнымъ, даже вѣроятнымъ. Министерство Ратацци будетъ облегчено въ своей громадной отвѣтственности передъ странюю по крайней-мѣрѣ въ томъ, что народный герой не умретъ вслѣдствіе аспромотской раны, которая могла бы весьма худо кончиться. Смерть бывшаго диктатора легла бы на тѣхъ, кто приказалъ подстрѣлить чистѣйшаго представителя итальянской народности.

Во Франціи политическихъ событій никакихъ не было. За немѣніемъ новостей, газетчики пробавлялись обсуживаньемъ греческихъ дѣлъ, да предположеніями о томъ, какъ встрѣтятся въ Компьени министръ финансовъ Фульдъ съ королемъ финансовъ Ротшильдомъ, и какъ они будутъ бесѣдовать въ присутствіи императора французовъ о благѣ финансовъ. Но за немѣніемъ событій политическихъ, есть двѣ-три черты нравовъ, въ которыхъ проявляются слѣдствія политическихъ вліяній, подъ которыми Франція находится въ послѣдніе двѣнадцать лѣтъ. Изъ этихъ драгоценныхъ чертъ оказывается, что нынѣшнее поколѣніе французовъ служить исключительно денежнымъ интересамъ и дальше денегъ, и помимо денегъ ничего не видитъ и видѣть не хочетъ, и что всего плачевнѣе, кажется потеряло способность видѣть.

Если не въ самой Англій, то для Англій произошло важное по-

литическое событіе : валлійскій принцъ, наследникъ великобританскаго престола, встрѣтился въ Килѣ съ своею нареченною невестой, дочерью датскаго короля Александро-Каролиной-Маріей-Шарлоттой-Луизой. Говорятъ, что парламентъ будетъ созванъ въ началѣ или въ половинѣ января. Тогда обстоятельства оживятся и начнутъ по немногу выступать наружу вся накопляющаяся въ вакаціонное время ложь.

Въ Пруссіи, послѣ распущенія палаты министерство стало въ ложное положеніе; оно нарушило конституцію, прикрываясь конституціонными оговорками; явилось противорѣчіе между дѣломъ и словами, и необходимо вывертываться посредствомъ изворотовъ, въ которыхъ тоже нѣтъ правды. Депутаціи, спаряжонныя и подстроенныя вліятельными лицами, безпрестанно беспокоятъ короля своими выраженіями преданности и своими поздравленіями съ побѣдой надъ конституціей. Король милостиво принимаетъ ихъ. Рѣчи ихъ заранѣе извѣстны начальству. Церемонія происходитъ обыкновенно въ королевскомъ дворцѣ, и такъ-какъ наконецъ скучно становится принимать каждую депутацію порознь, то въ послѣднее время стали пригонять ихъ такъ, чтобы можно было отдѣлаться отъ нѣсколькихъ депутацій разомъ. До послѣдняго времени все шло прекрасно. Но вотъ въ одной изъ депутацій оказался очень честный и очень преданный королю нѣмецъ, который именно честностью своею и испортилъ все дѣло. Онъ попросилъ позволенія выразить королю свои чувства вѣрности и преданности и прибавилъ, что эти чувства раздѣляютъ съ нимъ всѣ до одного члены представляющей депутаціи. «Однакоже, сказалъ онъ въ добавокъ: — справедливость требуетъ замѣтить, что подписавшіе адреса составляютъ меньшинство довольно слабое, а страна вся вообще не раздѣляетъ мнѣній, выраженныхъ въ адресахъ. Стало-быть было бы разумно, въ интересахъ короля и страны, поискать средства ихъ помирить.» Остальные депутаты machten dazu ein dummes Gesicht, какъ говоритъ Гейне, и произошелъ между ними великій скандалъ. Но его величество изволилъ благосклонно выслушать чудака, и безъ его неумѣстной честности зная все это очень хорошо, милостиво поклонился оратору и началъ читать свой отвѣтъ.

Въ Австріи происходятъ попытки сближенія между правительствомъ и Венгрією, или какъ тамъ говорятъ, между имперіей и королевствомъ. Императорское правительство обнародовало для Венгріи прощеніе политическихъ преступленій и ожидало, что подобная мѣра будетъ встрѣчена съ восторгомъ, съ пышными изъ-

явленіями благодарности; но ожиданія не оправдались. Амнистія встрѣчена неблагодарнымъ населеніемъ какъ нѣчто должное, какъ позвать несомнѣнно принадлежащаго. Замѣтили даже, что императоръ австрійскій не былъ коронованъ въ качествѣ венгерскаго короля, а между тѣмъ прошеніе обнародовано отъ имени короля, что, стало-быть, не совсѣмъ такъ. Потомъ замѣтили даже, что прощенные политическія преступленія вовсе не считались бы преступленіями, если бы императору угодно было чистосердечно признать венгерскую конституцію во всемъ ея объемѣ, потому что прощены теперь только тѣ, которыхъ все преступленіе состояло въ вѣрности этой конституціи и въ томъ, что они отстаивали права, неоспоримо имъ принадлежація въ силу конституціи. Стало-быть — не стоптъ благодарности, хотя надо правду сказать, что актъ амнистіи показываетъ, если не откровенное желаніе приблизиться къ конституціи, то по крайней-мѣрѣ кое-что обещающее въ будущемъ. Это уже много.

Въ Турціи тоже произошло замѣчательное политическое событіе. Въ теченія шести мѣсяцевъ во второй уже разъ султанъ испытывалъ отеческія радости; на этотъ разъ третья супруга султана подарила ему принца, который названъ Махмудъ-Джемаль-Эдливъ. Въ теченія трехъ дней всѣ батареи сухопутныя и морскія, по всему Босфору вплоть до Черпаго моря, и всѣ военные корабли производили неумолкаемые салюты во время каждой изъ пяти ежедневныхъ молитвъ о здравіи и долгоденствіи новорожденнаго. Всѣ дома официальныхъ людей были надлежащимъ образомъ иллюминированы.

Въ Испаніи объявлено официально, что королева опять находится въ благословенныхъ обстоятельствахъ. Въ церквахъ произведены надлежація моленія.

Въ Швеціи предложено было измѣненіе конституціи для подведенія шведской уставной грамоты къ одному знаменателю съ англійскою и прусскою; предложено было учредить вмѣсто нынѣшнихъ четырехъ палатъ: дворянской, духовной, мѣщанской и крестьянской, только двѣ, — верхнюю и нижнюю съ сохраненіемъ нынѣшняго количества членовъ. Но члены всѣхъ четырехъ палатъ, даже дворянской, не согласились на перемѣну и предпочли остаться при нынѣшнихъ своихъ законахъ.

Въ бывшихъ Соединенныхъ Штатахъ смѣненъ главнокомандующій Макъ-Клеанъ; оказывается, что онъ командовалъ сѣверными, свободными войсками и постоянно старался дѣйствовать такъ, чтобы какъ можно меньше нанести югу вреда, ни разу не воспользовался побѣдой, останавливался и не шолъ далѣе, когда всѣ

залатки успѣха были на его сторонѣ; а теперь, получить отставку, онъ открыто сталъ на сторону рабовладѣльцевъ и уже числится кандидатомъ на будущій выборъ въ президенты, на мѣсто Линкольна. Вотъ съ кого долженъ бы брать примѣръ достопочтенный членъ той депутаціи, который представляясь прусскому королю, не могъ удержаться, чтобы не сказать правды. Въ дѣлахъ политики и дипломатіи, правда никогда до добра не доводитъ.

ФРАНЦУЗСКІЯ ДѢЛА

Мѣсяцъ тому назадъ мы рассказывали о поединкѣ, бывшемъ 22 октября, между молодымъ герцогомъ де-Кадеруссъ-Граммонемъ и молодымъ сотрудникомъ журнала «Спортъ», г. Дильономъ, который тогда былъ заколотъ наповалъ. 18 ноября назначенъ былъ судъ. Въ отчетахъ о судѣ, какъ водится, газеты съ омерзительною игривостью рассказываютъ, что стеченіе публики было непмонѣрное, благодаря имени и «общественному положенію» обвиняемыхъ, таланту ихъ защитниковъ, всеобщему сочувствію къ жертвѣ, и наконецъ благодаря самому свойству процесса, къ счастью исключительнаго. Обвиняемыхъ пятеро, именно убійца и четверо секундантовъ. Изъ обвинительнаго акта, составленнаго «со всѣмъ изяществомъ формы», на какое способенъ только нашъ (Французскій) языкъ», явствуетъ, что Дильонъ роился въ Англии, былъ старшимъ сыномъ протестантскаго священника англиканской церкви и внукомъ «леди Аугусты Дильонъ, тетки нынѣшняго маркиза Кланриккарда». Стало-быть Дильонъ былъ тоже не какой-нибудь чловѣкъ «средняго рода», какъ говорится у насъ, и ежели былъ сотрудникомъ журнала «Спортъ», то не по страсти къ стяжанію, а вслѣдствіе самаго пламеннаго призванія. Онъ всегда писалъ о скачкахъ, о лошадяхъ, о большей или меньшей ловкости наѣздниковъ. Онъ обсуживалъ нѣкоторые затрудненія, возникавшія по поводу скачекъ, и ни въ одной изъ своихъ статей не заходилъ за предѣлы дозволенной критики. Всего любопытнѣе новодъ къ началу ссоры между двумя противниками. Молодой герцогъ нехотѣлъ признать за однимъ всадникомъ достоинства «джентльмена», сторону котораго держалъ Дильонъ. Потомъ г. Кадеруссъ обидѣлся нѣсколькими журнальными статьями, въ которыхъ мерещилось ему враждебное поддразниванье журналиста. Онъ послалъ редактору «Спорта» письмо, заключавшее въ себѣ оскорбительныя выраженія противъ Дильона, и требовалъ, чтобы редакторъ это письмо напечаталъ. Это

письмо было оскорбительно по формѣ своей, и заключало въ себѣ обидныя выраженія для Дильона; тамъ были нападки на его честность и его честь, и выраженія вообще недопускаемыя. Напримѣръ тамъ было сказано: «Г. Дильонъ не пропускаетъ никакого случая дѣлать замѣчанія, всегда неблагопріятныя, когда они касаются свѣтскихъ людей и всегда невѣрныя. Г. Дильонъ лучше всѣхъ знаетъ невѣрность того, что говоритъ.» Далѣе сказано: «Любопытно также, что г. Дильонъ считаетъ себя въ правѣ быть судьею въ названіи *джентльменъ*; но гдѣ же ему было научиться это узнавать?» Редакторъ «Спорта» не напечаталъ письма. Тогда г. де-Кадеруссъ послалъ это письмо въ какой-то бруссельскій журналъ; тамъ письмо напечатали, и экземпляръ журнала былъ доставленъ въ релакцію отъ имени молодого герцога. Нападеніе было прямое, обида кровная и сверхъ того публичная. Какъ? Что? Мнѣ не знать, что такое *джентльменъ*? Я? да я... И пошолъ Дильонъ къ своему другу, полковнику де-Ноэ, посоветоваться. Эти двѣ умныя головы рѣшили, что ежели молодой герцогъ не отречется публично отъ напечатанныхъ имъ словъ, то требовать удовлетворенія оружіемъ.

Г. де-Кадеруссъ не отрекся, и Дильонъ выбралъ себѣ секундантами полковника де-Ноэ и отставного офицера де-Мюсси; съ своей стороны г. де-Кадеруссъ назначилъ г. Фитцъ-Джемса и г. Толона. Если были сдѣланы попытки примирить противниковъ, то онѣ весьма скоро оказались тщетными: оставалось только назначить часъ и мѣсто встрѣчи, и выбрать оружіе. Дильонъ не имѣлъ понятія о шпагѣ, никогда не держалъ въ рукахъ рапиры; его свидѣтели считали его обиженнымъ и требовали посланка на пистолетахъ. Но свидѣтели молодого герцога отказали на-отрѣзъ, утверждая, что обиженный — не Дильонъ, а г. де-Кадеруссъ, и выбрали оружіемъ шпагу. Напрасно де-Ноэ представлялъ нтъ, какъ тяжка для Дильона обида, напечатанная въ бельгійскомъ журналѣ, напрасно напоминалъ имъ, что Дильонъ неопытенъ, и никогда даже не бывалъ въ фехтовальномъ залѣ, тогда какъ его противникъ былъ хорошимъ фехтовальщикомъ и уже имѣлъ два поединка на шпагахъ. Секунданты герцога отвѣчали, что тѣмъ хуже для него; даемъ ему пять часовъ на размышленіе, и если онъ не рѣшится на шпагу, то мы объявляемъ, что онъ дрянъ, и заставимъ его выгнать изъ всѣхъ *турфовъ* на свѣтѣ. Дильонъ въ сосѣдней комнатѣ ожидалъ результата этой конференціи; ему тѣмъ нужнѣе было знать исходъ переговоровъ, что черезъ недѣлю назначена была его свадьба. Ему передали рѣчи секундантовъ и тогда онъ вскричалъ: «Мнѣ нечего думать пять часовъ: они у меня хлѣбъ отнимутъ.»

Лучше смерть, нежели безчестіе! Скажите имъ, что я принимаю шпагу.»

Встрѣча назначена была назавтра, 22 октября, въ сен-Жерменскомъ лѣсу. Полковникъ де-Ноэ хотѣлъ дать своему другу хоть какое-нибудь понятіе о фехтованьи, и повезъ его къ учителю фехтованья, который и опредѣлилъ, что онъ вполне неопытенъ въ дѣлѣ. На другой день произошла встрѣча. Дрались не болѣе двухъ секундъ; со второго раза Дильонъ былъ зарѣзанъ на-повалъ.

Молодой герцогъ уѣхалъ въ Бельгію, но по требованію суда явился. Газеты съ большою заботливостью замѣчаютъ, что г. де-Кадеруссъ одѣтъ весьма элегантно въ черномъ фракѣ и въ свѣтлыхъ перчаткахъ сѣровато-перловаго цвѣта. Онъ сказалъ, что выбралъ шпагу, а не пистолеть, очень просто потому, что онъ былъ вызванъ Дильономъ и имѣлъ право выбирать оружіе, а ежели что толкуютъ о его фехтовальномъ искусствѣ, то это пустяки; онъ взялъ всего только какой-нибудь десятокъ уроковъ, и ежели передъ тѣмъ дрался на дуэли, то все-таки до крайности неопытенъ. На вопросъ императорскаго прокурора, какъ же это случилось, что его поединокъ съ г. де-ла-Рокка продолжался весьма долго, обвиняемый сказалъ, будто до встрѣчи съ де-ла-Рокка онъ никогда не имѣлъ въ рукахъ шпаги, а дуэль продолжалась долго потому, что они во время боя семь разъ отдыхали.

Показаніе полковника де-Ноэ, по мнѣнію газетъ, отличалось совершенно военною откровенностью. «Я не былъ знакомъ съ г. Дильономъ, разъ только встрѣтилъ я его на желѣзной дорогѣ. Когда я имѣлъ честь служить въ военной службѣ, то адресуйся ко мнѣ простой солдатъ съ просьбой быть его секундантомъ, я не могъ бы отказать. Дильонъ обратился ко мнѣ какъ журналистъ; я тоже журналистъ; онъ хотѣлъ меня взять секундантомъ. Я прочелъ статью герцога де-Кадерусса, и говорю Дильону: Вы знаете, что я военный. Принимая роль, которую вы мнѣ поручаете, я постараюсь вообразить себя на вашемъ мѣстѣ, а вы представьте себя на моемъ. Хотите вы отступить, или нѣтъ? Дильонъ сказалъ, что нѣтъ, не отступить. Ну и рѣшили, что будутъ драться. Дильонъ былъ силенъ въ пистолетѣ. Признаться, я предпочелъ бы это оружіе, потому что ежели Дильонъ очутился подъ моимъ покровительствомъ, то уже ему и слѣдовало убить или ранить г. де-Кадерусса. Однако тѣ пистолета не захотѣли. Дильонъ былъ не въ своей тарелкѣ. Я ему и говорю: «Да вѣдь вы, несчастный, не умѣете шпаги держать въ рукахъ; вы хотите драться на пистолетахъ; да это страшное оружіе, тогда какъ человекъ съ сердцемъ, шпагой можетъ защищаться противъ кого угодно.» Дильонъ и говоритъ: «Чтобы вы слѣ-

дали на моемъ мѣстѣ?» Я и говорю, что вѣдь я военный, а у васъ въ арміи на это есть свои правила. Дильонъ говоритъ: Полковникъ, говоритъ, не покидайте меня, я рѣшился на шпагу. Цошоль я къ нимъ и объявилъ, что мы шпагу принимаемъ. И говорю: если бы мнѣ сводить Дильона къ фехтовальному учителю, такъ какъ онъ никогда не бралъ шпаги въ руки. Они и говорятъ, что пусть его учится сколько хочетъ до завтра. Тогда я повезъ его къ Понсу, фехтовальному учителю. Узнавши, что дѣло идетъ о дуэли, Понсъ мнѣ сказалъ, что, говоритъ, г. де-Кадеруссъ мой ученикъ, такъ мнѣ нельзя давать уроки его противнику. Поѣхали къ Гатшеру. Дильонъ взялъ урокъ у Гатшера-отца и два урока у Гатшера-сына. Гатшеръ, человекъ искусный, объяснилъ, что фехтованье въ залѣ и фехтованье на поединкѣ — разница, и доказалъ, что съ двумя, съ тремя уроками, Дильонъ могъ и долженъ былъ отлично убить г. де-Кадерусса. Гатшеръ научилъ, или старался научить Дильона, что такое тьерсъ и картъ, но бѣднякъ ничего не понималъ. Гатшеръ однако доказалъ ему, что лучше ему начинать съ тьерса, чѣмъ съ карта. Гатшеръ и говоритъ мнѣ передъ поединкомъ: «Вы, говоритъ, ѣдете, полковникъ; эти господа должны васъ уважать; поэтому вы постарайтесь поставить вашего господина въ тьерсъ, а если онъ станетъ въ картъ, то пропасть.» Я сказалъ, что постараюсь. Приѣхали мы въ сен-Жерменскій лѣсъ. Я говорю Дильону: Помните же уроки Гатшера; на мѣстѣ я вамъ слѣлаю знакъ, когда хорошо станете на линію. Въ самомъ дѣлѣ, я пристально смотрѣлъ на Дильона, но уговору. Можетъ быть я поступалъ не хорошо, но думаю себѣ: Чтоже? они ничего не видятъ, тѣмъ хуже для нихъ. И говорю Дильону: Помните же свое дѣло: начинайте съ тьерса, потомъ увернетесь; Кадеруссъ кипится на васъ и вы его посадите на шпагу, какъ на вертелъ куропатку. Сначала Дильонъ и послушался моего совѣта, но потомъ хотѣлъ парировать. Г. де-Кадеруссу стоило только протянуть руку, и Дильонъ упалъ мертвый. А вѣдь непременно хотѣлъ драться.»

Пропуская всѣ прочія показанія, замѣтимъ только, что императорскій прокуроръ напомнилъ о *правилахъ* поединка, по которымъ оскорбленный имѣетъ право выбирать оружіе. Адвокатъ обвиняемыхъ цитировалъ разныхъ авторовъ, писавшихъ о дуэли. Вотъ что говоритъ Гизо: «Французскіе нравы — рыцарскіе и элегантные. Они замѣнили убійство поединкомъ. Когда совершенно покушеніе на честь мужчины или женщины, необходимо удовлетвореніе. Варвары мстятъ посредствомъ засады и убиваютъ изъ-за угла; у французовъ на это имѣется дуэль. Напрасно станете вы писать законы противъ поединка: люди съ сердцемъ будутъ надъ ними смѣяться.»

Вотъ что говорилъ Дюпенъ въ 1837 году: «Совѣсть присяжныхъ имѣетъ тайны, которыхъ никто не можетъ проникнуть. Они отвѣчаютъ только передъ Богомъ и страню. Всегда такъ будетъ въ приговорахъ присяжныхъ, составленныхъ изъ почтенныхъ гражданъ, и когда они будутъ призваны къ произнесенію приговора вслѣдствіе поединка, всякій внесетъ въ приговоръ строгость, и въ то же время осмотрительность. При этой системѣ все остается въ порядкѣ. Всякій фактъ, нарушившій нормальный ходъ общества, преслѣдуется. Отчетъ о поединкѣ, повлекшемъ за собою смерть или рану гражданина, является въ публику не черезъ газеты, всегда слишкомъ краснорѣчивыя по поводу всякаго рода поединка, но онъ проходитъ сквозь строгое разсмотрѣніе суда, сквозь судъ страны; даже въ случаѣ признанія невинности, покрайней-мѣрѣ воздается должное закону, нравственности и справедливости.»

Присяжные объявили, что ни убійца, ни его свидѣтели, ни свидѣтели Дильона не виноваты.

Но вопіющее безобразіе, мерзостная безнравственность всего дѣла кидается въ глаза. Чтобы герцогу де-Калеруссъ-Граммону не стыдно было, если онъ убьетъ какого-нибудь человѣка средняго рода, услужливыя газеты отыскиваютъ у покойника бабушку, леди Августу Дильонъ, стало-быть убитый есть почти родной племянникъ нынѣшняго маркиза Кленрикарда. Далѣе — толкуютъ люди о джентльменствѣ, лѣзутъ на рожонъ за джентльменство. Потомъ уговариваясь касательно убійства, секунданты говорятъ, что *тѣмъ хуже* для Дильона, если онъ не учился рѣзаться, *тѣмъ хуже*, потому что онъ будетъ зарѣзанъ. Потомъ для бѣдняка Дильона, жившаго своимъ трудомъ, дѣйствительно нужно было быть членомъ разныхъ клубовъ, чтобы писать о скачкахъ; но сгоряча онъ смѣшалъ кусокъ хлѣба съ выборомъ между смертью и такъ-называемымъ безчестьемъ, если только безчестье — даже въ самомъ дѣлѣ не имѣтъ понятія о джентльменствѣ. Далѣе, убійца прямо, не краснѣя, жготъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ, увѣряя будто онъ не имѣлъ понятія о шпагѣ, когда дрался съ г. де-ла-Рокка, и отдыхалъ семь разъ, тогда какъ вовсе не нужно глубокихъ познаній въ фехтованьѣ, чтобы понять всю нелѣпность этого. Кто можетъ семь разъ отдыхать, тотъ великій мастеръ убойнаго дѣла; безъ глубокихъ знаній по этой части, и съ обѣихъ сторонъ, въ самомъ дѣлѣ достаточно двухъ секундъ, чтобы наткнуться на шпагу, какъ куропатка на вертелъ. Но верхъ совершенства тутъ полковникъ де-Шоэ. Онъ не сбѣгалъ ни одного шагу, чтобы помирить противниковъ; напротивъ, онъ раздувалъ въ Дильонѣ желаніе драться, увѣряя его, что *хоть онъ и не имѣетъ держать шпаги въ рукахъ, но человѣкъ*

съ сердцемъ шпагою можетъ защищаться противъ кого угодно. Потомъ онъ же во время драки, когда все вниманіе человѣка должно быть всецѣло устремлено на конецъ шпаги своего противника, отвлекаетъ его какими-то знаками. Хорошъ тоже императорскій прокуроръ, который толкуетъ о законахъ поединка. Если въ судѣ можно толковать о законахъ такой вещи, какъ поединокъ, то уже держаться ихъ строго и преслѣдовать ихъ нарушеніе. Если въ самомъ дѣлѣ законъ въ этомъ случаѣ таковъ, что оружіе долженъ выбирать оскорбленный (и если оскорбленіе было), то молодой герцогъ есть обыкновенный убійца, но только гораздо хуже разбойника, который рѣжетъ по большимъ дорогамъ. И въ такомъ случаѣ поединокъ есть признанное установленіе съ опредѣленными законами. Оправдательный приговоръ произнесенъ присяжными именно вслѣдствіе того, что они несомнѣнно признаютъ поединокъ правильнымъ учрежденіемъ, но покривили душою ради того, что г. Кадеруссъ-Грамонъ все-таки, кто что ни говори, а герцогъ, и потомъ ловкій адвокатъ напомнилъ имъ, что и по мнѣнію важнаго, суроваго Гизо, у французовъ нравы рыцарскіе и элегантныя. Такъ какъ же не оправдать людей, которые убійствомъ доказываютъ и элегантность в рыцарство французскихъ нравовъ.

Но хорошо, пусть такъ, допустимъ рыцарство, допустимъ элегантность, допустимъ все это въ серьезномъ смыслѣ. Черезъ недѣлю новый судъ: мать зарѣзаннаго Дильона требуетъ себѣ пожизненной пенсіи отъ богача герцога, элегантно убившаго ея сына. Мать зарѣзаннаго, бѣдная вдова, старуха, промышленная кое-какъ уроками англійскаго языка и получавшая пособіе отъ сына, терять уже и способность и возможность продолжать жить своимъ трудомъ. Ктоже ее поддержать? Казалось бы, что рыцарство и элегантность не стануть торговаться о грошахъ. Да, матушка, имѣлъ я несчастье убить твоего сына (элегантность требуетъ, чтобы убійца жалѣлъ о своей жертвѣ); судьба рыцарскаго поединка рѣшила такъ, что я сына у тебя отнялъ. Замѣнять его я не могу, такъ вотъ покрайней-мѣрѣ тѣ деньги, которыя онъ могъ тебѣ давать, только не ропщи на меня, что мнѣ привелось убить твоего сына по правиламъ элегантнаго рыцарства. Вотъ тебѣ на похороны моей жертвы, и вотъ половина моего состоянія.

Но итъ. Только что рѣчь коснулась денегъ, выдачи, какъ пропали и элегантность и рыцарство. У меня денегъ нѣтъ, я самъ бѣдный человѣкъ, перебиваюсь кое-какъ, день да ночь и сутки прочь, кругомъ долженъ. Нашлись даже искусные адвокаты, которые посредствомъ нышнихъ фразъ старались замать дѣло. Какъ? Неужели мать ставеть спекулировать кровью своего сына? Неужели

овертывается взять выкупъ за свое несчастіе и позволить утѣшить себя деньгами? Потеря сына, такая громадная, невознаградимая шчѣмъ потеря, что у насъ не хватитъ духу предложить ей какую бы то ни было сумму, какъ бы она велика или какъ бы мала ни была. Чтобы отстоять свои гроши, рыцарская эlegantность не постыдилась раскопать частную, домашнюю жизнь покойнаго Дильона. Въ судѣ подробно вычислено было сколько зарабатывалъ Дильонъ, почтѣмъ получалъ за статьи, какъ ему выдавались двѣнадцать франковъ суточныхъ денегъ, кромѣ путевыхъ издержекъ, когда онъ долженъ былъ ѣхать куда-нибудь изъ Парижа на скачки; раскопали, что онъ велъ неправильную жизнь, что у него была незаконная связь, вывели невѣроятныя сплетни, утѣрили, будто онъ матери никогда ничего не давалъ, и потому она не можетъ ничего требовать. Ктому же ее горе такъ велико, потеря такъ громадна, что ее невозможно ни вознаградить, ни даже нѣсколько утѣшить какими бы то ни было деньгами. Да сверхъ того мы далеко не вѣроверы, хоть, правда, о насъ это и говорятъ; хоть мы, пожалуй, живемъ и несомнѣнъ дурно, а прилично-нашему званію, поучучто какъ бы то ни было, герцогу нельзя же жить такъ, какъ жилъ покойный Дильонъ, хотя можетъ быть онъ и зарабатывалъ своими статьями около десяти или пятнадцати тысячъ франковъ. Если даже онъ и племянникъ какой-то (седьмая вола не кисель) вытѣшшему англійскому маркизу Кларрикарду, однако титулъ герцога для чести и для славы Франціи нельзя считать совершенно ничтожною вещью. Говорятъ еще, что у покойнаго остался сумашедшій какой-то братъ, за котораго онъ будто бы платилъ въ день умалишонныхъ, такъ вѣдь мало ли чего! А деньги счетъ любить...

Но все это было бы не бѣда. Мало ли какія бываютъ рѣшенія судовъ и приговоры многообразныхъ инстанцій; но нельзя же въ нихъ винить все общество, нельзя дѣлать изъ нихъ никакого заключенія о цѣломъ обществѣ, когда имѣется хоть какой-нибудь протестъ. Но противъ оправдательнаго приговора убійцы, молодому герцогу, никто не протестовалъ ни въ какой формѣ, ни въ газетахъ, ни изустно, и все общество, напротивъ, замѣчательно-довольно и судомъ, и защитой, и свѣтлыми сѣрвато-перловыми перчатками молодого герцога и даже тѣмъ, что онъ сначала бѣжалъ въ Бельгію, чтобы не сидѣть въ тюрьмѣ до суда, и уѣзжая объявилъ черезъ своего адвоката, что по первому требованію онъ будетъ въ распоряженіи суда. А по поводу другого процесса, по поводу иска вдовы Дильонъ, матери убитаго, замѣчается отвратительное молчаніе, по отношенію къ сущности дѣла (такъ какъ не-

чего и толковать, что деньги считать любят), и мѣстами только является глуповатый восторгъ передъ той или другой ловко вывернутой и въ самомъ дѣлѣ элегантной фразой адвоката. Само собою разумѣется, что отъ подобнаго общества съ такими наклонностями, съ такими воззрѣніями, Европа не будетъ ждать ничего до тѣхъ поръ, пока оно не слѣзаетъ надлежащихъ усилій, чтобы переродиться, отречься отъ условій, которыя низвели его съ прежней высоты передоваго общества туда, куда за нимъ никто слѣдовать не захочетъ.

Чтоже касается до другой половины жизни французскаго народа, до *gloire militaire*, то дѣла идутъ прекрасно. Мексиканская экспедиція выполнена, число войскъ доведено въ Мексикѣ до тридцати или тридцати-шести тысячъ человекъ, мажущихъ безъ какъ доносить тамошніе начальники. Маленькія непріятности ередъ урагана, разстрѣланнаго весь флотъ и погубившаго на какомъ-то разбитомъ кораблѣ сколько-то сотъ человекъ, ередъ *voûto*, отъ котораго умерло тоже сколько-то сотъ, все это не считается. Главное дѣло въ томъ, что военская слава гремитъ въ Америкѣ, какъ она прогремѣла недавно на поляхъ сѣверной Италия и на равнинахъ Кохинхины. Канаа польза для Франціи отъ всѣхъ этихъ потерь, страданій и смертей, никто разумѣется не думаетъ. Раздалася бы громъ побѣдъ, чувствовалася бы въ воздухѣ цороховой дымъ, да были бы довольно благонадежны биржевые курсы, и «первый народъ въ мірѣ» совершенно счастливъ. Онъ не станетъ обращать вниманія на мелочи, которыя вездѣ, во всякой другой странѣ изумили бы все образованное общество; онъ будетъ смотрѣть какъ на обыкновенную мѣру дисциплины, на обстоятельство, обозначающее нѣчто совершенно другое. На дняхъ объявленъ былъ строжайшій выговоръ начальства одному морскому лейтенанту зато, что онъ напечаталъ въ какомъ-то періодическомъ изданіи статью о дохинхивской экспедиціи «безъ разрѣшенія министра». Стало-быть рѣчь тутъ не о томъ, какъ онъ смотритъ на эту экспедицію: находить ли ее хорошою или дурною, находить ли онъ полезнымъ приобрѣтеніе новой колоніи для Франціи, которая никогда не умѣла колонизировать, или находить подобную трату людей и денегъ вовсе ненужною. Дѣло идетъ только о томъ, какъ человекъ, находясь на службѣ, рѣшился напечатать статью безъ разрѣшенія его превосходительства господина министра.

Но чѣмъ же наполняются, чѣмъ пробавляются горемычныя французскія газеты? Большею частью толкуютъ объ иностранныхъ дѣлахъ, сажаютъ королей на упраздненный греческій престолъ, толкуютъ о томъ, что скоро земля сядетъ на луну и раздавить та-

днимъ образомъ дѣйствія носы, то-есть разводить и размазываютъ предположеніе о томъ, какъ Италия помирится съ папой; а въ дѣлахъ внутренней политики серьезно обсуживаютъ вопросъ о томъ, что вотъ скоро Эмиль де Жирарденъ, придавшій столько блеску газетѣ «Presse», снова будетъ принимать участіе въ редактированіи этой газеты, а что Constitutionnel вѣбрилъ свой политическій отдѣлъ Огюсту Шевалье, депутату. «Въ движеніи нашего вѣка печать призвана къ великой роли; она можетъ поторопить наступленіе этой эры плодотворной свободы, которую призываетъ она всѣми своими желаніями, но это только съ условіемъ, чтобы она не была «смутнымъ вихремъ», въ чемъ упрекаетъ ее г. де-Жирарденъ, ни стремилась бы сдѣлаться «властью», какъ онъ повидимому того ей желаетъ. Пусть она упражняетъ свое вліяніе въ истиннѣ, въ добрѣ и въ прекрасномъ; пусть она будетъ суровымъ и честнымъ провозвѣстникомъ истинныхъ и дѣйствительно прогрессивныхъ идей; только такимъ образомъ она снова получитъ то вліяніе и ту власть, которыя ослабѣли въ послѣднее время вслѣдствіе политическихъ и нравственныхъ безпорядковъ». Это говоритъ знаменитая газета «La France», офиціозный органъ правительства.

И французы читаютъ, да похваляютъ, Вотъ чѣмъ должна быть печать! Это мы открыли, и честь этого открытія, какъ впрочемъ и всѣхъ другихъ, принадлежитъ нашему отечеству, великой Франціи.

Итальянскія дѣла

Министерство подало въ отставку. До послѣдняго времени оно надѣялось, что король согласится распустить палату представителей народныхъ и восторжествуетъ политика покорности передъ волею императора Наполеона. Однако распустить не рѣшились. При нынѣшнемъ волненіи умовъ въ Италиі, распушеніе могло бы имѣть весьма вредное вліяніе, и результаты новыхъ выборовъ были бы весьма сомнительны. Теперь еще есть возможность управлять при содѣйствіи палаты, которая съ голоса Гарибальди сама провозгласила соединеніе Италиі въ одно королевство подъ скипетромъ Виктора Эмануила. Нынѣшняя палата и выбиралась подъ вліяніемъ всеобщаго восторга и мысли о соединеніи. Но теперь восторгъ охладился, и цѣловаль, само министерство Ратацци позаботилось объ этомъ охлажденіи, подстрѣливъ восторгъ при Аспромонте. Но по крайней мѣрѣ вывѣщіе депутаты, если безъ энтузіазма, то хотя

изъ одного желанія остаться вѣрными себѣ, будутъ крѣпко держаться мысли о единствѣ. А новая палата, выбранная подъ вліяніемъ безчисленнаго множества возбужденныхъ неудовольствій, можетъ уже далеко не такъ упорно слѣдовать этой мысли; даже, кто знаетъ? можетъ отнестись къ ней скептически; и тогда чтоже будетъ съ единствомъ?

Изъ нынѣшнихъ преній въ палатѣ итальянскихъ депутатовъ оказывается, что страна именно держится той программы, которой держался Гарибальди, что стало-быть при Аспромонтѣ министерство Ратацци одержало побѣду надъ строною. Но въ государствѣ съ правленіемъ представительнымъ, съ конституціей или уставною грамотой такое торжество не можетъ быть продолжительно. Надо, чтобы кто-нибудь уступилъ: или палата, которая можетъ быть невѣрнымъ представленіемъ страны, или министерство, которое можетъ быть въ противорѣчій со строною. На этотъ разъ уступило министерство. Для дѣла Италіи это несовсѣмъ однако счастливо. Новое министерство при нынѣшнемъ положеніи дѣла можетъ все-таки не имѣть ясно-опредѣленнаго характера, можетъ быть чисто только административнымъ, какъ и можно догадываться по *спролтымъ* именованіямъ новаго министерства. Предсѣдателемъ министровъ будетъ, говорятъ, Пазолини, онъ же и министръ иностранныхъ дѣлъ; финансы — Мингетти; внутреннія дѣла — Перуцци. Въ случаѣ обращенія къ странѣ, то-есть распушенія палаты и выбора новыхъ депутатовъ, г. Ратацци конечно удержаться бы не могъ, потому что если большинство палаты противъ него, то страна еще болѣе противъ, такъ какъ онъ далеко не пользуется популярностью. Но зато новые выборы яснѣе нынѣшнихъ преній показали бы истинныя желанія страны, стремленія опредѣлились бы гораздо точнѣе, стало-быть каждый шагъ будущаго министерства былъ бы тверже, устойчивѣе, каждое предпріятіе находило бы больше сочувствія.

Нѣкоторыя газеты стараются придать нето трогательный, нето величавый видъ положенію предсѣдателя министровъ, г. Ратацци, который борется одинъ противъ цѣлой палаты. Но если что тутъ трогательно, то ужъ конечно не положеніе президента, а страны, которая такъ долго была подъ управленіемъ челоуѣка, не понимавшаго истинныхъ ея потребностей, ея стремленій. Министерство вполне заслужило упреки въ томъ, что не посоуѣтовавшись съ палатой объявило южныя провинціи въ осадномъ положеніи. Съ этимъ почти согласны и самые приверженцы министерства. Да и много накопилось за все время разныхъ промаховъ. Особенно невыгоденъ былъ для министерства арестъ въ Неаполѣ трехъ деу-

татовъ, Мердани, Кольвино и Фабрици. Первый изъ нихъ сказалъ по этому поводу блистательную рѣчь.

— Миѣ весьма непріятно, сказалъ онъ: — говорить о вопросѣ личномъ, касающемся меня и моихъ достопочтенныхъ друзей Кальвино и Фабрици. Но дѣлать нечего. Постараюсь говорить спокойно, какъ слѣдуетъ въ настоящемъ случаѣ. Личнаго неудовольствія у меня нѣтъ; но все-таки дѣло далеко непріятное, потому что тутъ было поправо право. Миѣ не трудно впрочемъ одолѣть свое негодованіе, потому что всякое наше несогласіе за границей доставляетъ большое удовольствіе. Говорятъ, что Аспромонте было трауромъ для народа. Согласенъ; но главное, это было торжествомъ за границей. Наше правительство стремится къ расширенію круга своей дѣятельности и въ оправданіе свое выставляетъ намъ примѣръ англійскаго парламента. Но ничего похожего нѣтъ. Я изучалъ исторію Англій и видѣлъ, что тамъ короли и министры подвергались суду и даже осужденію парламента. Правительство въ Англій уважаетъ власть парламента. Но у насъ иначе: правительство живетъ произволомъ, и какъ только произволъ достигаетъ нѣвѣстной степени, то являются возстанія. Пока наши конституціонныя вѣлосты не будутъ обезпечены, всегда намъ будетъ грозить опасность. Бывшая иекомонтская налата представила множество примѣровъ мудрости и независимости. Напримѣръ одинъ итальянецъ изъ старыхъ провинцій былъ изгнанъ, въ чужихъ земляхъ дрался противъ тирани и вернулся въ Италію въ 1818 году. Послѣ паденія Рима, этотъ итальянецъ ушелъ изъ города цѣлъ и невредимъ и попробовалъ поднять провинціи средней Италіи. Но онъ долженъ былъ отказаться и направился къ городу Лагунъ, гдѣ народъ еще сопротивлялся иностранцу. Непріятельскіе корабли на него напали и онъ, встрѣтивъ послѣдній выдохъ жены, махнулъ убѣжище въ сардинскія земляхъ. Этого человека звали, — нечего и говорить — Гарибальди. Его арестовали и свезли въ Генуу. Въ одномъ изъ засѣданій парламента прочитано было прошеніе гражданъ Кизвары, которые протестовали противъ ареста Гарибальди. Министерство утверждало, что Гарибальди долженъ быть изгнанъ изъ Италіи. Пренія были замѣчательныя; кончались они постановленіемъ, что арестъ Гарибальди и его изгнаніе противны всякимъ человѣческимъ правамъ. Въ 1862 году произошло арестъ трехъ депутатовъ. Не стану разбирать, было ли на это приказаніе министерства; это миѣ все равно. Но такъ какъ министерство насъ не выпустило тотчасъ же, то значить оно приняло на себя и всю отвѣтственность, которая падаетъ на генерала ла-Мермера и его подчиненныхъ. Пора же наконецъ Италіизнать, что принципъ виновности не можетъ миѣ

шать низшимъ агентамъ несполнять незаконныхъ предсѣній. Не чего спрашивать, можно ли арестовать депутата иначе, какъ на томъ же мѣстѣ преступленія. (Тутъ ораторъ читаетъ во вселѣшпаніе статью уставной грамоты о неприкосновенности депутатовъ). Но онъ и его два товарища жили мирно въ Неаполь. Онъ объявляетъ, что еслибъ у него тогда было оружіе, то онъ сталъ бы защищаться и примѣнилъ бы на дѣлѣ правило, что всякій можетъ защищаться противъ самоволія и насилія. Далѣе онъ доказываетъ примѣрами Авглии и Франціи, что король ни подъ какимъ предлогомъ не имѣетъ права нарушать или отиѣлять конституціонныя вольности. Когда еще не было единаго Италіи, а былъ только Пьемонтъ, въ 1852 году объявлено было осадное положеніе въ городѣ Сассари. Палата возстала. Произошли бурныя пренія. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Пернати вмѣстѣ съ г. Ратацци утверждали, что осадное положеніе прекращаетъ всѣ конституціонныя вольности. То было еще въ Пьемонтѣ. Но Италія, соединясь, искала увеличенія, а не ограниченія своихъ вольностей. Къ тому же въ южныхъ провинціяхъ исполнительная власть была достаточно вооружена, такъ что не имѣла надобности нарушать конституцію, что всегда ведетъ къ вѣрному разоренію. Государственный человѣкъ, принявшій большое участіе въ объявленіи осаднаго положенія Сассари, именно Кавуръ, всегда отталкивалъ мысль объ осадномъ положеніи южныхъ провинцій и на смертномъ одрѣ своемъ завѣщалъ странѣ — не прибѣгать къ осадному положенію. Общественное мнѣніе страны требуетъ, чтобы министерство, которое такъ нарушило конституцію, удалилось, тѣмъ болѣе, что оно имѣло несчастье написать на своемъ знамени съ одной стороны Аспромонте, а съ другой послѣдній увѣзительный циркуляръ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Мы всѣ недавно были въ соприкосновеніи съ избирателями, а знаемъ очень хорошо, что приливъ негодованія противъ министерства поднимается и возрастаетъ со дня на день. Что сказать о героической Ломбардіи, гдѣ оно не сумѣло найти ни одного приверженца? Что сказать о благородной Тосканѣ? Что сказать о южныхъ провинціяхъ, о несчастномъ ихъ положеніи? Всѣ вольности тамъ попораны, аресты происходятъ цѣлыми толпами, приговоры произносятся безъ суда... Развѣ такимъ образомъ они намѣрены сдѣлать Италію свободною? Никто въ Италіи не доволенъ, министерство не имѣетъ нравственной силы, страна потеряла бодрость, грозитъ со всѣхъ сторонъ безначаліе... У Италіи осталась одна только надежда, именно на парламентъ. Италія идетъ отъ парламента аста, который возстановилъ бы его значеніе, отомстилъ бы попоранный законъ; она идетъ слова жизни или смерти.

Башуа горлачю; ричь признаеетъ депутатъ Никотера. Опъ доказатъ, что министерство Ратации поступаетъ иной разъ хуже бурбонскаго правительства. Въ южныхъ провинціяхъ такъ необходимо возмыслить нравственность народа, а правительству даетъ примѣръ безнравственности. Чтобы прекратить продѣлки каюрнство, задерживаютъ мелкихъ воршшекъ, а предводителямъ ихъ даютъ орденъ и доходныя мѣста. Г. Никотера предлагалъ привести факты въ доказательство своихъ словъ. Гг. Ратация и Депретисъ, когда надо было разогнать неволитанскихъ судей; наводили справки, требовали доказательствъ; а когда дѣло идетъ о гарибальдійцахъ, внезапно не стѣсняются: сажаютъ ихъ въ тюрьмы, шарашатъ съ законористами. И насидія этимъ не ограничиваются. Вотъ нѣсколько примѣровъ: въ Конкатте нельзя было посадить сивлика, преданнаго Гарибальди; такъ посадили его отца, семидесяти-пятилѣтняго старика. Въ Ното редакторъ журнала печатаетъ статью противъ министерства: его сажаютъ въ тюрьму, гдѣ опъ черезъ двѣ недѣли начинаетъ харкать кровью. Въ другомъ мѣстѣ человѣкъ выстрѣлилъ изъ ружья, но тутъ же услышалъ, что приближается войско, и ушолъ къ своему прителю; тотъ старается успокоить его, говорить, что стоять только показать убитую имъ птицу. Подходить войско, человека арестуютъ и тутъ же разстрѣливаютъ. Когда поймутъ дезертира, то кажется его слѣдуетъ судить военнымъ судомъ прежде нежели разстрѣлять. Однажды въ Фентинѣ являютъ семь человекъ одѣтыхъ гарибальдійцами. Командиръ поста принимаетъ ихъ за дезертировъ и приказываетъ разстрѣлять. Напрасно несчастные утѣряютъ, что они вовсе не бѣглецы: ничего не помогло, разстрѣляли, а послѣ ужъ узнали, что между ними действительно дезертировъ было только двое, а остальные пятеро пошли на тотъ сабъ такъ, въ придачу. А прокламация генерала Чіальдини — что это такое? Людоустье нарое-то, приказъ, достойный Тамерлана. Это было нарушеніемъ конституціи, закона. Приказъ Чіальдини — анахронизмъ, которому потомство не повѣритъ. Виноваты ли были гарибальдійцы?... Если Гарибальди былъ виноватъ, то слѣдовало его казнить, если ужъ не прицѣпять въ соображеніе его услугъ. При Аспромонте слѣдовало просто окружить его позицію, а не прямо вынестись на него съ ружейными выстрѣлами. Какъ можно было вѣтѣвать битву съ людьми, которые не хотѣли драться? Мнѣ хотѣлось бы сообщить вамъ приказаніе, данное мнѣ генераломъ въ доказательство того, что Гарибальди и не думалъ драться. Хотѣли только раздавить, подстрѣлить человека; ну, и подстрѣлили. Героя, который далъ Италіи два королевства, преслѣдовали какъ какого астри; а что генералъ Чіальдини требуетъ награды тѣмъ, кто не

билъ. Гарибальди тогда какъ намъ слѣдуетъ требовать объясненія министерства и суда валь нимъ. Пусть судить его ховъ севать, какъ г. Депретисъ хотѣлъ, чтобы судили Гарибальди.

При этихъ словахъ г. Ратацци, сидя на своемъ мѣстѣ, холодеетъ, а г. Депретисъ утверждаетъ, что онъ не принимаетъ преній на основаніи сарказмовъ и личностей. Въ палатѣ слышался ропоть.

Это все явленія многозначительныя, показывающія, куда ваетъ Италия. Само собою разумѣется, что палата имѣетъ политѣе право предать министерство суду; но нынѣшняя палата этого не слѣдуетъ, не рѣшится слѣвать, и г. Ратацци имѣетъ въ основаніи хотѣть, спокойно сидя на своемъ мѣстѣ, а другой министры, г. Депретисъ, имѣетъ поволы называть сарказмовъ и личностей вои оскорбленной и униженной страны. Поэтому нельзя не отдать справедливости глубокой проникательности короля, который не хотѣлъ распустить палату. Нынѣшніе депутаты выбраны тогда, когда страна не была еще оскорблена министерствомъ, преклоняющимся передъ тюльерійскимъ кабинетомъ; новые депутаты съ болѣе опредѣленнымъ взглядомъ, могли бы надѣвать министру большіи хлопотъ, и суда бы ему не миновать.

26 ноября г. Ратацци говорилъ свою оправдательную рѣчь. Онъ говорилъ холодно, съ вѣкоторымъ отѣвикомъ презрительности, и какъ слѣдовало ожидать, остался вѣреть самому себѣ и той политикѣ, которой онъ слѣдовалъ: торжество канцелярскаго порядка и вѣрность императору французовъ. А мы знаемъ очень хорошо, какая разниа между канцелярскимъ порядкомъ и настоящимъ, истиннымъ нами. Но канцелярскому порядку слѣдовало арестовать въ Неаполѣ трехъ депутатовъ, тогда какъ это страшный безпорядокъ, неформальное злоупотребленіе власти. Въ Палермохъ генералу Ламармора была послана депеша такого рода: «Обратите вниманіе на то, что Морлини, Кальвино и Фабрици похвали воднимать населенія». Слѣвавъ былъ намекъ на то, что они хотѣли поднять Неаполъ. Морлини съ товарищами похалъ въ Сицилію въ видахъ примирительныхъ, потому что они были избраны въ Сицилію и каждый служить представителемъ своего округа. Въ минуту опасности имъ хотѣлось быть среди своихъ избирателей, чтобы имѣти на нихъ благотворное вліаніе. Но они скоро оттуда уѣхали, почти неслѣдъ затѣвъ, какъ объявлено было осадное положеніе, потому что примирительному голосу нечего дѣлать тамъ; тѣ сверкаетъ сабля, гдѣ гремѣтъ ружейныя выстрѣлы. Арестованіе депутатовъ народныхъ представителей, которыхъ личность неприкосновенна (кроме случаевъ захвата на мѣстѣ преступленія) есть

одна изъ самыхъ крупныхъ ошибокъ, сдѣланныхъ министерствомъ въ послѣднее время. Палата должна была бы преслѣдовать эту ошибку в строго за нее взыскавъ; если она не хочетъ состоять въ прѣсутствіи состояніи при министерствѣ. Другая, еще болѣе важная ошибка — Асиромонте. Гарибальди во всякомъ случаѣ есть великій элементъ громадной силы, какъ центръ, фокусъ народнаго движенія. Лишать себя добровольно такой силы — дуже велика ошибка. Шоэль асиромонтскаго дѣла рѣзкѣмъ сѣмъло поднула голову: Франція стала обращаться съ Италіей презрительно, Австрія весьма возможнымъ распустить часть своего войска. Оно непонятно: съ потерей ибательности Гарибальди; у Италіи пропала значительная, едва ли не большая доля силы.

Въ рѣчи депутатъ Петручелли, сказанной 28 ноября, уже и видны печальныя слѣдствія этихъ ошибокъ: Петручелли предложилъ созвать слѣдующее законодательное собраніе уже не въ Туринѣ, а въ Неаполѣ. Начинется значитъ соперничество различныхъ итальянскихъ столицъ. Дошелъ онъ до этого предложенія, разбирая французскую политину въ Италіи. Франція, сказалъ онъ, всегда была для Италіи причиной великаго горя: она убила республику въ Римѣ; она послала Талеирана въ Вѣну. Когда Наполеонъ на островѣ св. Елены говорилъ; что онъ хотѣлъ единства Итали, то онъ говорилъ неправду. Наполеонъ III началъ со свободы и сѣмъло пошелъ къ деспотизму; Италія, напротивъ, идетъ отъ деспотизма къ свободѣ. Отъ этого между ними никакъ не можетъ быть согласія. Императоръ слишкомъ уменъ, чтобы быть католикомъ или реакціонеромъ. Онъ держится политикѣ чисто-династической. Съ одной стороны ему говорятъ: если хотите обезпечить свою династію, то дайте свободу. Съ другой стороны его страшатъ: опирайтесь на лартію легитимистскую, охранительную; всякая сдѣлываемая вами уступка обратится противъ династ. Понятно, что онъ охотѣе склоняется ко второму совѣту; и потому не можетъ быть другомъ Италіи; и потому надо наконецъ прекратить союзъ съ нимъ. Цора Италіи начать дѣлаться на своей собственной оси. Французская дипломатія хочетъ заставить Европу повѣрить, будто она хочетъ помириться съ своими подданными, посредствомъ такихъ или другихъ уступокъ; но это неправда. Между папой, вѣродомъ римскимъ и французами невозможно никакое примиреніе. Пятнадцать или двадцать тысячъ римлянъ находится въ изгнаніи, в рѣшениіа тюрьмы полнеховныи. Какая тутъ надежда на примиреніе? До сихъ поръ римскій вопросъ былъ вѣленъ совершенно дурно. Вы просили Францію позволенія вступить въ войну съ нею въ Римѣ. Вамъ отвѣчали: Нѣтъ. Мы не видимъ никакого пра-

на требовать Рима, точно такъ же напиривъ какъ Франція не можетъ требовать Бельгій. Но пусть она только оставитъ Римъ, и этого уже будетъ совершенно довольно. За тѣмъ, если нападутъ нѣкоторыя уступки и римляне будутъ довольны — имъ нечего больше дѣлать. Но если они будутъ протестовать, если протесты будутъ на площадяхъ, тогда мы имѣемъ право вмѣшаться точно такъ же, какъ Франція вмѣшалась въ войну угнетенныхъ христіанъ въ Турціи. Развѣ римляне менѣе достойны сожалѣнія, чѣмъ турецкіе христіане?

Какъ бы то ни было, министерство не дождалось подачи голоса и пошло въ отставку, оставляя своимъ преемникамъ дѣла гораздо болѣе запутанныя, нежели приняло ихъ само. Отношенія съ Франціей становятся болѣе и болѣе натянутыя, южныя и среднія провинціи всё меновольны, въ южныхъ провинціяхъ шайки разбойниковъ образовали правильныя общества и имѣютъ своихъ агентовъ по городамъ, чуть не во всѣхъ классахъ общества; несмотря на недавній заемъ, финансы такъ разстроены, что въ самомъ непродолжительномъ времени предвидается новый заемъ въ 500 милліоновъ; огромное количество казенныхъ имѣній распродало и наконецъ величайшая сила Италіи, та сила, на которую всегда можно было надѣяться въ случаѣ крайней бѣды, Гарибальди, лежитъ больной. Что-то будетъ съ бѣдною Италіей?

Последнія извѣстія

На дняхъ будутъ въ Греціи выборы короля. Кандидатовъ, какъ извѣстно, множество. Въ послѣднее время особенно стали выдвигаться посредствомъ своихъ агентовъ принцъ Альфредъ, второй сынъ королевы Викторіи, родившійся въ августѣ 1844 года. Россія и Франція объявили, что исполняя въ точности постановленія трактатовъ, они не будутъ ни поддерживать, ни даже имѣть своихъ кандидатовъ. Говорятъ, что англійское правительство объявило, будто оно никогда не согласится на избраніе принца Альфреда въ греческіе короли. Говорятъ въ то же время, что греки все-таки выберутъ этого принца, надѣясь, что тогда Англія согласится признать выборы.

Въ курфирствѣ Гессенскомъ, дѣла котораго такъ благополучно развѣтривались нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ посредствомъ прусскаго вмѣшательства; курфирстъ возвратился къ своей прежней системѣ, распустилъ палату, уволилъ министерство и намѣренъ видѣть управить на старыхъ, абсолютныхъ основаніяхъ. Но прус-

ТЕМНЫЕ СЛУХИ

ПО ПОВОДУ «ОТВЫВА ИЗЪ КИЕВА» (Совр. Лѣт. № 46)

Земля наша, какъ извѣстно, покрыта густымъ мракомъ. Въ ней нѣтъ или почти нѣтъ ничего такого, что бы было освѣщено вполне ярко, вполне дневнымъ свѣтомъ, и что бы по этому можно было совершенно ясно видѣть и рассмотреть. Всѣ предметы и событія большіе или меньше облечены сумракомъ. Между тѣмъ видѣть намъ непремѣнно хочется и даже совершенно необходимо, — иначе можно свалиться въ яму или выколоть себѣ глаза. И вотъ мы всячески таращимъ глаза, чтобы увидать, что вокругъ насъ дѣлается. Но извѣстно, какъ дѣйствуютъ сумерки на зрѣніе: очертанія предметовъ становятся неопредѣленными, разстоянія и размѣры путаются; маленькое кажется большимъ, далекое близкимъ. Наконецъ являются призраки, порождаемые усталостью нервовъ, и въ неподвижныхъ предметахъ чуются несуществующія движенія. Вся эта неопредѣленность, эта невозможность ясно видѣть свое положеніе, порождаетъ *ночные страхи*. Невольно являются передъ нами воображаемыя опасности; опасности дѣйствительныя принимаютъ чудовищныя, преувеличенныя формы; мы не узнаемъ ни своихъ друзей, ни враговъ; мы начинаемъ наконецъ считать все враждебнымъ и опаснымъ. Въ настоящее время существованіе такихъ фальшивыхъ страховъ и опасеній не подлежитъ сомнѣнію. Они должны исчезнуть точно такъ, какъ исчезаютъ всякіе ночные страхи, — съ первымъ лучомъ солнца.

Но этого еще мало. Не видя въ потемкахъ ничего, кромѣ развѣ ближайшихъ предметовъ, мы однакоже непремѣнно стараемся составить себѣ понятіе о томъ, что закрывается отъ насъ мракомъ. Мы стараемся воспользоваться другимъ чувствомъ и начинаемъ прислушиваться. Чего мы не можемъ вѣрно узнать, увидѣть собственными глазами, о томъ мы начинаемъ судить *по слухамъ*. Русская

земля питается слухами и порождаетъ ихъ въ страшномъ изобиліи. А слухи — извѣстно что такое слухи. Они изъ мухи дѣлаютъ слона. Они не оставляютъ безъ искаженія ни одного факта, ни одной черты. А между тѣмъ чтоже дѣлать? Мысль требуетъ нищи, душа ищетъ чему отозваться, и вотъ безчисленныя нити слуховъ протягиваются со всѣхъ сторонъ. Тысячи извѣстій повторяются, передаются, и хотя каждый почти навѣрное знаетъ, что въ нихъ есть большая доля лжи и очень малая правды, — никто однакоже не въ силахъ отказаться отъ участія въ толкахъ. Всѣ вѣдь люди, всѣ человѣки.

Читатели помнятъ конечно нелѣпыя толки, которые были возбуждены петербургскими пожарами. Въ воздухѣ послышались обвиненія на какихъ-то молодыхъ людей; простой народъ прямо обвинялъ студентовъ. Вся исторія вмѣстѣ взятая надѣлала много шума, тогда какъ дѣло въ сущности совершенно обыкновенное. И впервыхъ — пора бы намъ кажется привыкнуть къ пожарамъ и воджогамъ; кто ихъ не помнить на своемъ вѣку? кто не знакомъ со всѣми частными признаками этого явленія? Каждый русскій долженъ бы кажется знать ихъ съ малыхъ лѣтъ. Извѣстно, что пожары у насъ часто бываютъ полосою, пожаръ за пожаромъ; извѣстно, что мы въ одно время даже подвергается городъ за городомъ; извѣстно, что такіе пожары приписываются, и конечно не безъ основанія, умысленнымъ поджогамъ; извѣстно, что при этомъ ходятъ слухи о подкинутыхъ запискахъ, угрожающихъ новыми пожарами; извѣстно, что жителями овладѣваетъ жестокой страхъ; извѣстно, что въ народѣ начинаютъ ходить слухи о поджигателяхъ, и обвиненіе падаетъ обыкновенно на тѣхъ, кого можно подозрѣвать въ недовольствѣ, очень обыкновенно — на ссыльныхъ поляковъ, въ настоящемъ случаѣ на студентовъ, такъ какъ въ это время извѣстные событія довели до закрытія университета. И такъ все было такъ, какъ и всегда бывало; но бѣдствіе, которое мы терпѣли столько разъ, очевидно до сихъ поръ не научило насъ ничему; мы не понимаемъ его попрежнему и попрежнему къ нему относимся.

Въ то время нѣкоторые рѣшились заявить печатно о существованіи тѣхъ толковъ, которые мы упомянули; за такое заявленіе они подверглись жестокимъ упрекамъ со стороны другихъ. Странное дѣло! Еслибы кто даже вполне вѣрилъ слухамъ, сильно ходившимъ въ обществѣ и высказывалъ печатно свою увѣренность, то и тогда едвали бы можно было поставить ему это въ вину. Литература есть впервыхъ отголосокъ общества, а уже вовторыхъ его наставница. И будтобы умысленное умолчаніе, основанное на соглашеніи литературы, на ея внутренней цензурѣ — могло бы помочь дѣлу?

Молчаніе есть во всякомъ случаѣ мракъ; оно ничего не исправляетъ и только даетъ злу расти втихомолку.

Какимъ образомъ можно обвинять то или другое частное лицо за то, что оно повѣрило извѣстнымъ толкамъ, увлеклось ими и не удержалось отъ того, чтобы не высказать своего волненія? Обвиняйте лучше настроеніе цѣлаго общества. Небѣныя слухи, хотя бы и печатные ничего не значатъ, если возрѣнія общества твердо сложились, если въ немъ есть опредѣленные, основательные взгляды на вещи. А у насъ развѣ существуетъ что-нибудь подобное? Распустили дикій слухъ; но развѣ мы не привыкли слышать ихъ каждый день? Такой-то ему повѣрилъ; но развѣ каждому не случилось на минуту повѣрить иногда невѣроятнѣйшимъ вещамъ? Развѣ есть что-нибудь столь небѣное, чтобы у насъ не нашлось людей, которые тому повѣрятъ? Развѣ есть твердая точка опоры, на которую бы мы могли опираться въ своихъ сужденіяхъ? Развѣ мы привыкли къ нормальнымъ проявленіямъ жизни, развѣ умѣемъ ихъ понимать?

Все это сводится къ одному — снѣга, больше снѣга и тогда исчезнуть, всѣ эти призраки, порождаемые тьмою. Пока мы въ сумеркахъ, до тѣхъ поръ мы будемъ волноваться и создавать мнимыя опасности и кричать со страху. Только свѣтъ успокоиваетъ, даетъ ясно, видѣть дорогу, даетъ возможность совершать правильную работу.

Предъидущія размышленія и воспоминавія пришли намъ въ голову по поводу статьи «Отзѣвъ изъ Кіева», напечатанной въ № 46 «Современной Лѣтовиси Русскаго Вѣстника». Это въ высшей степени любопытное заявленіе указываетъ на какую-то внутреннюю жизнь, на тайную борьбу, о которой мы не имѣемъ никакого яснаго понятія. Что-то случилось, что-то движется, слышенъ отрывочный, тяжолый стопъ, что-то въ темнотѣ, ничего яснаго разобрать нельзя. Этотъ отзѣвъ представляетъ жалобу, привнесенную извѣстными лицами общественному мнѣнію. Подъ всю подписано двадцать-одно имя и вѣроятно готовы подписаться многіе другіе (1). Подписавшіеся — малоросы и причисляютъ себя къ *малодому поколѣнію*. Они жалуются на «гнетъ незаслуженныхъ упрековъ», на «цесправедливыя обвиненія», на «подозрѣнія, снѣтніи и ложныя анекдоты», на

(1) Вотъ эти имена: Владиміръ Антоновичъ, Павелъ Чубинскій, Константинъ Соларина, Ал. Стояновъ, Михайло Милашенко, Автопъ Тищенко, Евгенийъ Синегубъ, Иванъ Нечипоренко, Павелъ Житецкій, Викторъ Торскій, Дмитрій Богдановъ, Фаддей Рылъскій, Николай Синегубъ, Петръ Супрунско, Владиміръ Синегубъ, Александръ Лашкевичъ, Федоръ Горячковскій, Андрей Стефановичъ, Иванъ Касюченко.

«спеціальныя слухи», не то, что «ихъ гонятъ и преслѣдуютъ общественными мнѣніемъ (а по временамъ и фактически)», что они «на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ слѣдое озлобленіе, ложь и угрозы».

Вотъ неожиданное открытіе! Слухи, о которыхъ никто не зналъ, которые ничѣмъ не были заявлены, роились и плодился во тьмѣ до того, что стали наконецъ невыносимы для тѣхъ, кого они касались. Толки и клеветы усилились, какъ видно, до страшной степени, прежде чѣмъ возможно было какое-нибудь ихъ разъясненіе и опроверженіе. Молодые люди рѣшились наконецъ сами вывести на свѣтъ эту темную силу, которая ихъ давитъ, и подробно перечисляютъ взводимыя на нихъ обвиненія. Они обвиняются (по ихъ указанію обвиненія исходятъ преимущественно изъ «мало-развитаго, провинціальнаго дворянства обрѣихъ береговъ Двѣпра») въ слѣдующемъ :

1) Что они держатся мнѣній «молодой Россіи», то-есть отвергаютъ «религію, семейныя связи, право собственности» и признаютъ справедливыми и нужными «самыя дрыя революціонныя средства».

2) Что они «стараятся препятствовать принятію крестьянами уставныхъ грамотъ, да и не прочь бымы бы отъ возбужденія ихъ къ рѣзнямъ».

3) Что они стремятся къ «государственному сепаритизму».

Таковы страшныя обвиненія,ходящія по обомъ берегамъ Двѣпра и заявленныя на этотъ разъ не обвинителями, а самими обвиненными. Понятно, какой сильный внутренній разладъ они должны производить въ обществѣ. Невольно думаешь, чтоже дѣлается въ другихъ мѣстахъ? Не ходятъ ли эти самыя слухи, или тысячи другихъ подобныхъ по другимъ берегамъ? Не гнетутъ ли они многихъ другихъ? Не возбуждаютъ ли взаимнаго страха, ненависти и недоверчивій? Не искажаютъ ли они положенія дѣлъ до того, что самыя твердые колеблются, самыя проникательныя терзаются?

Какъ видно изъ «Отзыва» страшныя придвѣпровскіе привраки есть честный обманъ чувствъ. Обвиненные смѣло вызываютъ своихъ темныхъ обвинителей:

«Мы объявляемъ, говорятъ они, кто мы: пусть это сдѣлаютъ и наши обвинители, если они хотятъ дать нравственный вѣсъ своимъ обвиненіямъ».

Разрѣшимъ споръ честнымъ образомъ: если мы дѣйствительно злодѣи, если мы затѣваемъ рѣзню, разбой, грабежъ и т. д., то изобличите насъ, ради-бога! изобличите гласно и подробно, съ указаніемъ лицъ и мѣстъ, съ обозначеніемъ времени и обстоятельствъ. Пусть одна законная и проклятая обществу заклятая наша преступленія.

Но обвиняемые, воплотившись, утверждают, что обвинители «смысла своего желанія не въ состояніи будутъ представить малѣйшаго политическаго указанія» для подтвержденія своихъ обвиненій.

Чтобы уничтожить всякую мысль о тайныхъ и умышленно-скрываемыхъ замыслахъ, обвиненные дѣлаютъ еще больше, именно: открыто заявляютъ свои убѣжденія, следовательно совершаютъ торжественный актъ, при которомъ ложь есть несмыслимое безчестіе. Чтобы разрушить обвиненія, которымъ на нихъ возводятся, они объявляютъ слѣдующее.

1) Религію, семейную нравственность и право собственности мы считаемъ неотъемлемымъ народнымъ достояніемъ; посягательство на эти начала считаемъ вреднымъ для народа и истекающимъ изъ сектаторскаго эгоизма въ противность народному духу и народной волѣ.

Неменѣе вредными для нашего народа считаемъ проповѣдуемыя Молодою Россіею революціонныя средства, какъ препятствующія всякому положительному спокойному труду общества, какъ выкупія за собой жертвы, трагическія сцены и дарованія среди фронтдерскихъ увлеченій, вмѣсто того, чтобы примѣнять ихъ къ честному и плодотворному труду.

2) Никто больше насъ не желаетъ усилешаго хода установленъ грамотамъ, такъ какъ принятіе ихъ, по нашему мнѣнію, будетъ дѣлать шагъ къ гражданскому развитію народа; никто больше не страдаетъ надъ тѣмъ печальнымъ недоумѣніемъ, которое заставляетъ крестьянъ, опираясь на ложныя надежды, подвергаться вышательству административному и военному и вынуждать насильственные мѣры.

3) Если насъ упрекаютъ въ сепаратизмъ, или по крайней мѣрѣ въ желаніе сепаратизма государственнаго, то мы объявляемъ, что это самая глупая и самая наивная клевета. Никто вѣдь изъ насъ не только не говоритъ и не помышляетъ о политикѣ, но всякое политическое отрешеніе, при настоящемъ состояніи общества до того сѣбно и реблещи-шаново въ нашихъ глазахъ, что серьезно даже считаемъ лишнимъ возражать на этотъ упрекъ. Да и въ самомъ дѣлѣ послѣдовательно ли было бы съ нашей стороны прививать къ народу политическія идеи, когда всякій намекъ на политикку (малъ судить по впечатлѣнію польской пропаганды) устраняется смысломъ и совѣстью народа, когда всѣ симпатіи его обращены въ ту сторону, откуда пришло къ нему набавленіе отъ работы египетской? Нашъ народъ, — говорится въ другомъ мѣстѣ, — вѣритъ въ своего освободителя, и съ его именемъ соединяетъ всѣ свои понятія о высшей правдѣ.

Неменѣе ясно и опредѣленно лица, подписавшія отзыиъ, объявляютъ и то, чего они хотѣтъ, чѣмъ они руководились и будутъ руководиться въ этой своей дѣятельности, которая подала поводъ къ клеветамъ и обвиненіямъ. Они указываютъ на открытѣ школы,

вать на «печальное событіе, разстроившее ихъ кругъ дѣятельности и принудившее ихъ заявить настоящій протестъ».

По нашему крайнему разумію, — говорятъ они, — единственная обязанность людей, успѣвшихъ приобрести высшее образованіе, состоитъ въ томъ, чтобы употребить всевозможныя усилія съ цѣлью доставить народу возможность образоваться, сознать себя, свои нужды, уиѣтъ заавать ихъ, словомъ внутреннимъ своимъ развитіемъ стать на ту степень гражданственности, на которую онъ возведенъ закономъ. Единственное дѣло истинныхъ друзей народа въ настоящее время — спомоществовать развитію народа, не вламаясь въ политическіе или социальныя толки и ожидая терпѣливо времени, когда народъ будетъ въ состояніи толковать съ нами о предметахъ, которые теперь недоступны его умственному развитію, а потому для него загадочны, темны и ненужны.

Многое открывается изъ этихъ объясненій и заявленій. Мы видимъ изъ нихъ не только образъ мыслей того кружка, который подписался подъ отзывомъ, но и находимъ въ некоторыхъ чертахъ народнаго настроенія въ извѣстной мѣстности. Народъ для насъ покрытъ болѣе густою тьмою, чѣмъ чтобы то нибыло другое. Мы только гадаемъ и предполагаемъ, въ какомъ настроеніи онъ находится, къ чему обращены его помыслы, съ какимъ расположеніемъ онъ встрѣчаетъ тѣ или другія событія. Отсюда для насъ возможны тысячи ошибокъ, возможны желанія и надежды, которыя вовсе несбыточны, опасенія и страхи, неимѣющіе никакого основанія. Народъ — темная сила, которая, смотря по случаю и по нашему расположенію духа, то кажется намъ невыблемою опорою, то страшною, разрушительною стихіей. Какъ видно нашлись люди, которые рѣшились сблизиться съ народомъ, чтобы изучать его въ его собственной средѣ, въ возможной близости къ нему. Какого бы нибыли кто ни былъ о результатахъ этого изученія, хотя бы считалъ ихъ неполными и незрѣлыми, никто однако не усумнится въ полной искренности, съ которою они передаются. Какъ видно эти люди готовы безъ всякаго искаженія передать намъ, чѣмъ они нашли народъ и чѣмъ находятъ его въ каждую минуту. Чтоже намъ мѣшаетъ узнать дѣло какъ возможно лучше? Чтоже намъ мѣшаетъ разсѣять наконецъ этотъ густой мракъ, порождающій всякіе призраки и не дающій намъ ничего видѣть какъ слѣдуетъ?

Темнота вредна вездѣ, гдѣ бы она ни господствовала. И въ малыхъ дѣлахъ она составляетъ такую же помѣху, какъ и въ большихъ. Въ томъ же номерѣ «Современной Лѣтописи» намъ встрѣтился фактъ, который перенесъ насъ въ другую сферу, гораздо менѣе важную, но немало для насъ любопытную. Въ меморіальной

статью, направленной против изданий «Нашего Времени», «Современная Летопись» говорит между прочимъ слѣдующее:

«Правительству, не менѣ московскаго университета, извѣстенъ образъ мыслей и вся общественная дѣятельность будущихъ издателей «Московскихъ Вѣдомостей». Если оно утвердило выборъ университета, то оно знало что дѣлало. Значитъ оно, также какъ и университетъ, признаетъ за ними достаточныя нравственныя обезпеченія и считаетъ ихъ людьми, заслуживающими довѣрія.»

Такъ говорить о самихъ себѣ гг. Катковъ и Леонтьевъ. Нельзя не пожалѣть, что слова эти сказаны мимоходомъ, вскользь, тогда какъ по нашему мнѣнію они чрезвычайно важны и наводятъ на многія размышленія. Всякій согласится, что полемика между «Современною Летописью» и «Нашимъ Временемъ» ведется въ полномъ смыслѣ благостательно; въ ней бездна остроумія, игривости, жару; противники даже очень довольны другъ другомъ и любятъ взаимною довѣстью; по собственному выраженію одного изъ нихъ, они подносятъ другъ другу горечь въ позлащенныхъ чашахъ; прекрасно! Но отчего же вопросъ столь великой важности порѣшанъ такъ глухо и безъ всякаго воодушевленія? Отчего не достадо жару и остроумія тамъ, гдѣ желалось бы самого живого обясненія?

Будущіе издатели «Московскихъ Вѣдомостей» конечно понимаютъ весь вѣсъ своихъ словъ. Они говорятъ, что правительство считаетъ ихъ заслуживающими довѣрія; но они конечно знаютъ, что до-ониъ-поръ такъ никто не говорилъ, слѣдовательно первое заявленіе такого рода не можетъ не имѣть большого значенія и важнаго повода.

Если такъ, то чтоже оно значить? Ужели то, что гг. Катковъ и Леонтьевъ составляютъ исключеніе между редакторами, что они пользуются довѣріемъ правительства, тогда какъ другіе, многіе или нѣкоторые возбуждаютъ его недоувѣріе? Безъ сомнѣнія мы не вправе давати такой смыслъ приведеннымъ словамъ; мы очень хорошо знаемъ, что изданіе журналовъ вообще разрѣшается только лицамъ благонадежнымъ и не думаемъ, чтобы «Современная Летопись» хотѣла бросить тѣнь на благонадежность этихъ лицъ. Нѣтъ, смыслъ ея словъ очевидно другой; очевидно она хочетъ сказать, что хотя правительство довѣряетъ многимъ лицамъ, издающимъ журналы, но гг. Каткова и Леонтьева оно считаетъ заслуживающими *особеннаго, преимущественнаго* довѣрія. Если такъ, то опять, чтоже это значить? К чему, выставлена такая похвала самимъ себѣ?

Ужели въ дѣлахъ литературы правительство имѣетъ настоятельную надобность возвышать, кто и на сколько заслуживаетъ его до-

вѣрнѣе? Ужели особенная благонадежность имѣется для него большую цѣну и важность? Мы охотнѣе желали бы думать, что правительство смотритъ на литературу спокойнѣе и ровнѣе. Если литература можетъ оказывать ему услуги, то для него все равно изъ какой бы точки литературнаго міра эти услуги ни происходили; чтобы пользоваться литературой, ему нѣтъ нужды подраздѣлять ее на отдѣлы по большей или меньшей степени своего довѣрія.

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ наши размышленія и соображенія, дѣло осталось въ нашихъ глазахъ совершенно темнымъ. Поэтому случаю нашъ невольнѣо пришли на память другія слова, также темныя и загадочныя и сказанныя тѣми же лицами. Именно въ объявленіи объ изданіи «Московскихъ Вѣдомостей» въ 1863 году, гг. Катковъ и Леонтьевъ говорятъ о себѣ такъ:

• Какъ при изданіи «Русскаго Вѣстника», такъ и теперь, при открывающемся новомъ изданіи «Московскихъ Вѣдомостей», свое главное назначеніе полагаютъ они въ томъ, чтобы вѣрно и добросовѣстно служить общественному мнѣнію, доставляя ему всѣ нужныя свѣдѣнія, возбуждая его энергію и способствуя правильности его бужденій. Затѣмъ они не имѣютъ никакихъ постороннихъ цѣлей, никакихъ затаенныхъ тенденцій, они не связаны ни съ какими кружкомъ, ни съ какою партией, и въ общественномъ дѣлѣ дорожатъ всего болѣе независимостью своихъ воззрѣній и своего слова. •

Вотъ это кажется несравненно яснѣе. Конечно не даромъ сюда попали такія опредѣленные выраженія, какъ «постороннія цѣли», «затаенныя тенденціи», «кружокъ», «партія.» Конечно они употреблены здѣсь не для одной красоты слога. Едвали также кто повѣритъ, что эти «постороннія цѣли», «затаенныя тенденціи», «кружки», «партіи» существуютъ гдѣ-нибудь далеко, въ Англіи или въ Америкѣ; нѣтъ, очевидно дѣло идетъ о чемъ-то близкомъ, находящемся тутъ же подъ бокомъ.

Но здѣсь и запятая. Въ самомъ дѣлѣ, какіе эти кружки, какія партіи, какія затаенныя тенденціи и цѣли, отъ которыхъ отрицаются будущіе издатели «Московскихъ Вѣдомостей?» Темнота непроходимая! Мы очевидно попали въ темную область слуховъ, въ которой, какъ мы знаемъ, воплѣ довѣряться ничему невозможно. Если слова, приведенныя нами, сами въ свою очередь послужатъ источникомъ новыхъ или поддержкою старыхъ слуховъ, то въ этомъ не будетъ ничего удивительнаго: въ полумракѣ призраки вырастаютъ легко и иногда роятся цѣлыми толпами.

Признаемся, во всемъ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, мы не можемъ налявиться тому странному простодушію, съ которымъ поступаетъ «Русскій Вѣстникъ.» Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ

очень смѣлъ и рѣшительнѣе; уже не въ первый разъ онъ рѣшаетъ такіе вопросы и опредѣляетъ такіе отношенія, надъ которыми бы всякій другой ненольно задумался. Что для другихъ трудно, для него легко; что для другихъ темно, для него ясно; въ то время какъ другіе смущаются и теряются, онъ повидному идетъ твердою и свѣтлою дорогою.

Между тѣмъ одно здѣсь дурно. Если онъ такъ опредѣленно смотритъ на вещи, если онъ такъ легко разрѣшаетъ затрудненія, если у него столько положительныхъ твердыхъ основъ, — то онъ кажется имѣть все условія для горячей и ревностной проповѣди. Крадлось бы тутъ—то и проповѣдывать съ тѣмъ жаромъ, съ какими онъ это дѣлалъ въ былыя времена! Но что же выходитъ на дѣлѣ? У него какъ—будто изсякъ источникъ вдохновенія. Бывало по самому пустому поводу у него пойдутъ прекрасныя рѣчи на общія темы; нынче по самымъ важнымъ поводамъ являются короткіе, глухіе отзывы. Не можетъ онъ не знать, какъ удивляютъ публику нѣкоторыя изъ его смѣлыхъ рѣшеній затруднительныхъ вопросовъ, и однакоже въ объясненіи этихъ рѣшеній онъ бываетъ очень скупенъ на общія начала. Такимъ образомъ онъ, повидному столь свѣтлый и блестящій, вдругъ въ извѣстныхъ мѣстахъ тускнѣетъ и покрывается мглою.

И.

СОДЕРЖАНІЕ

НОЯБРЬ. № 11

Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Часть первая Москва и начало тридцатыхъ годовъ литературы. Мое младенчество, дѣтство и отрочество. Глава I. Первые общія впечатлѣнія. — II. Міръ суевѣрій. — III. Дворян. — IV. Странна. — V. Последнее впечатлѣніе младенчества. Аполлона Григорьева	5
Соборъ парижской богородицы. (Notre-Dame de Paris). Романъ Виктора Гюго	32 ✓
Страница. Н. А. Благовѣщенскаго	141
Очерки прошлаго. Самодуры. А. Чужбинскаго	161 ✓
Рассказы двороваго. I. Проживалка. — II. Охота. Н. Б—овскаго.	237
<i>Послушай же — ну будь ко мнѣ добръ!</i> Стих. Э. Берга	250
Земство и расколъ. Бѣгуны. А. Щапова	251 ✓
Бѣлая ночь. Стих. Я. П. Половскаго	298
На мызѣ. Стих. Его же	353
Скверный анекдотъ. Рассказъ. Э. М. Достоевскаго	299 ✓

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Къ вопросу о постройкѣ желѣзной дороги на югѣ Россіи. I. Шилля.	
Дѣлопроизводство въ департаментахъ. П. Бибикова	32
Дернатовъ и его направленіе. Крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда. Статья вторая. IV. Закошныя стороны романтизма. Аполлона Григорьева	49
Мировой судъ. По смыслу главныхъ основаній для проектовъ гражданскаго и уголовного судопроизводства и судоустройства. П. Ткачева	74
НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА. (современныя замѣтки). Куда мы идемъ? — Журнальныя объявленія. — Загадка мирового съѣзда. — Загадка статистическая. — Первобытный помѣщикъ. — Г. фонъ-Укке и погорѣлые мужики. — Какимъ образомъ доходить до острога. — Мировая по случаю кражи 3,000 руб.	

лей. — Недосмотры политической экономіи. — Нѣчто о политической экономіи, заграничной торговлѣ и о желѣзныхъ дорогахъ съ русской точки зрѣнія. — Пристань Екатериновка и торговля хлѣбомъ. — Выкупная операція. — Гомеопатія для народа. — Помѣщенія для нуждающагося населенія. — Пересмотръ горнаго устава. — Вызовъ комиссіи по преобразованію судебной части	88
Письмо къ редактору журнала «Время». По поводу статьи: «Пѣвецъ Кубры». Александры Шаликовой.	143
Дурные признаки. Н. Страхова	158
Русскій театръ. Современное состояніе драматургіи и сцены. Статья вторая.	173
ПОЛИТИКА. Общее положеніе. — Французскія дѣла. — Итальянскія дѣла. — Последнія извѣстія	184
Темные слухи. По поводу «Отзыва изъ Кіева». («Совр. Лѣт.» № 46).	204

ВРЕМЯ

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІИ М. ДОСТОВЕСКАГО

№ 12. ДЕКАБРЬ

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ОДУАРА Д ПРАЦА
1862

252960

Одобрено ценсурою. С. Петербургъ, 7 декабря 1862 года.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЛѢДОВАТЕЛЯ

ВЪ АРЕСТАНТСКОЙ РОТѢ

I

ФОМА НЕПОМНЯЩІЙ РОДСТВА

Изъ партіи арестантовъ, посланной на работу въ садъ къ одному изъ мѣстныхъ купцовъ, двое бѣжали; на другой день мнѣ дали знать о побѣгѣ, и я отправился въ арестантскую роту, чтобы переспросить всѣхъ, бывшихъ въ одной партіи съ бѣжавшими.

— Какъ тебя зовутъ? обратился я къ одному арестанту лѣтъ шестидесять.

— Фома непомнящій родства.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Шестидесять—два года...

Продолжая отбирать «*формальные*» показанія, я спросилъ Фому «непомнящаго» на сколько лѣтъ по приговору суда онъ заключенъ въ арестантскія роты.

— На десять лѣтъ.

Такой отвѣтъ удивилъ меня: срокъ содержанія бродягъ, по нашему законодательству, не простирается свыше одного года.

— Кромѣ заключенія въ арестантскія роты не былъ ли ты еще чѣмъ наказанъ?

— Трехъ-стами ударами шпицрутеновъ.

Это уже окончательно выходило изъ уровня обыкновенныхъ наказаній, налагаемыхъ на бродягъ и еще болѣе заставило меня обратить вниманіе на Фому непомнящаго родства.

— Не можетъ быть чтобы ты судился за одно бродяжничество, —

ты стало быть совершилъ другія преступленія?.. Бродягъ такъ не наказываютъ...

— Никакъ нѣтъ ваше благородіе, судился за одно бродяжничество...

Я обратился къ находящемуся при слѣдствіи депутату, за разъясненіемъ недоразумѣнія.

— Скажите пожалуйста, не знаете ли вы что это значитъ?..

Офицеръ засмѣялся.

— Вы не знаете, Дмитрій Ивановичъ, что это за гусь Фома? А вы спросите—ка его, что нашли у него на спинѣ, какъ поймали его, да стали судить?

— Что же у тебя нашли, Фома?..

Фома тоже усмѣхнулся.

— Да не знай что, ваше благородіе, — люди сказываютъ что кнутъ да палки.

— Какъ кнутъ да палки?

— Да такъ ваше благородіе. Какъ потеряли спину сукномъ, да оглядѣлъ меня лекарь, ну и порѣшилъ, что до-прежде былъ наказанъ и кнутомъ и палками.

Я взглянулъ попристальнѣе на Фому и увидѣлъ на загорѣвшей кожѣ лба его едва замѣтный, въ видѣ бѣлаго рубчика, знакъ каторжнаго клейма.

— Ну братъ, Фома, ты видно въ самомъ дѣлѣ бывалый и съ каторгой стало знакомство вель.

— Бывалый небывалый, а на своемъ вѣку виды видывалъ.

— Да что Дмитрій Ивановичъ, вмѣшался депутатъ: — кнутъ да палки, — у него во всѣмъ тѣлѣ ни одного сустава вы не найдете цѣльнаго: онъ и на ухо—то одно глухъ и рука—то у него переломлена. — Бѣдовый, однимъ словомъ бѣдовый былъ.

Мое удивленіе къ Фомѣ все больше и больше возрастало. Я сначала никакъ не предполагалъ, чтобы стоявшій предо мною невзрачный съ виду человекъ, съ лицомъ обыкновеннымъ, веселымъ, имѣлъ за собой длинную исторію, полную быть-можетъ кровавыхъ, потрясающихъ эпизодовъ.

— Гдѣ это тебя угораздило, Фома, руку—то сломать?

Фома не принадлежалъ къ числу тѣхъ упорно молчащихъ арестантовъ, отъ которыхъ помимо односложныхъ отвѣтовъ вы недобьетесь ничего. Какъ арестантъ опытный, Фома очень хорошо зналъ, что въ этомъ случаѣ я спрашиваю его не какъ слѣдователь, а просто

какъ частный человѣкъ и что его небольшіе рассказы, безъ поименованія мѣстности и времени, не могутъ служить причиною измѣненія къ худшему его участи.

— Чувашишки проклятые уходили, вѣще благородіе. Забрался я къ одному: лошади больно были хороши, хотѣлъ прокатиться на нихъ, да неладно сдѣлалъ, — услышалъ басурманъ. Я было туда-сюда, да что сдѣлаешь, какъ вся деревня гонится за тобой. Отбояриваться хотѣлъ, да дубье-то не свой братъ... какъ стали, собаки, всѣ лупить меня, такъ я думалъ, что изъ меня и духъ вонъ, тутъ и смерть пришла...

— Ну что еще, въ судъ чтоли они тебя потомъ представишь?..

— Какой судъ! Сами порѣшили и печать приложили такую, что до второго пришествія не забуду. Ужь такъ, ваше благородіе, били, что кости и теперь трещать. Подлинно, что небо съ овчинку показалося.

— Еще диво какъ они тебя тутъ же не уколошили?

— И такъ диво... Полагать должно, они-то вишь думали, что я мертвый — такъ за мертваго подъ оврагъ и свалили.

— Какъ же ты очнулся-то?..

— Да спасибо такому же проходимцу, какъ и я: кабы не онъ, сдохнулъ бы въ оврагъ, какъ собака...

Фома замолчалъ, я не прерывалъ его молчанія.

Прѣшло нѣсколько секундъ...

— Ну ужь подпустилъ же я имъ краснаго пѣтуха, — долго они не забудутъ Фому непомнящаго родства.

— Всю деревню что ли вымахнулъ?

— Почитай что всю, а коли и осталось, такъ труба одна.

— А какъ деревня-то называется?

Фома взглянулъ на меня и улыбнулся.

— Деревня-то? Забылъ, ваше благородіе... вѣдь я вамъ докладывалъ, что память тогда они же у меня отшибли.

— А глухъ-то ты отчего на одно ухо сталъ?

— Глухъ-то, да отъ того что глушь былъ съ малолѣтства, но дѣвкамъ часто таскался, чужихъ жонъ любилъ, — ужь такой лакомый былъ на этотъ товаръ, что и сказать нельзя.. Хоть что хошь бывало скажи, а ужь пойду на то мѣсто, гдѣ онъ лежитъ. Коли бы не этотъ товаръ, такъ я бы въ браслетахъ теперь не сидѣлъ, по своей волющкѣ на божьемъ свѣту похаживалъ бы.

— Царховъ братъ дѣло значитъ любить этотъ товаръ?

— Плохое не плохое, только какъ-разъ такую же заплату вставятъ какъ и мнѣ.

— Ну чай и ты въ долгу не оставался...

— Зачѣмъ въ долгу. Последнее дѣло оставаться въ долгу.

— Что, тоже чай помнить будутъ Фому непомнящаго!

— Незнай — можетъ помнить, а можетъ и нѣтъ... И такъ бываетъ, что память-то сразу пришибаютъ...

— Ну, — а ты пришибаль?

— Объ эвтомъ ваше благородіе на томъ свѣтѣ спросятъ, а на этомъ-то помолчать можно...

— Давно ты бездомничать сталъ?

— Давно не давно, а почитай что васъ чай и на свѣтѣ-то не было, какъ я матушку Рассею изъ конца въ конецъ сталъ мѣрять.

— Что велика?..

— Немаловата, а исходить можно, какъ неполѣнишься...

— Ты исходилъ?

— Я не исходилъ, — что хвалиться, а на своемъ вѣку такихъ видывалъ, что почесь только тамъ небывали, гдѣ земля съ небомъ сходятся...

— За чѣмъ же ты ходилъ-то?

— За чѣмъ? По землемѣрской значить части служилъ, волюшку все отыскивалъ, — да запрѣпала она нынѣ... Въ землю бають ушла, горючъ камень лежитъ надъ ней, чтобъ несворовалъ ее и тамъ какой бездомовникъ.

— А признаться, Фома, желалъ бы я знать, какъ звали тебя прежде и что ты подѣлалъ на своемъ вѣку.

— Эхъ, ваше благородіе, какая вамъ отъ того польза. Я и самъ забыть бы хотѣлъ какъ звали меня прежде.

— Вотъ видите ли, Дмитрій Ивановичъ, стало-быть гусь прежде былъ Фома, вмѣшался опять депутатъ... А у насъ онъ сидитъ шестой годъ, такъ мы имъ и не нахвалимся, и повѣрьте смириѣ арестантика во всей ротѣ его нѣтъ... Знаете ли что онъ дѣлаетъ цѣлый день?.. Вы чай видѣли, что напротивъ арестантскихъ камеръ, въ одномъ коридорѣ унтеръ офицеры живутъ... Народъ все женатый, ребятишекъ у нихъ пропасть. Фома какъ съ работъ придетъ такъ только и дѣлаетъ что съ дѣтьми возится: игрушки ихъ мастерить, нянчится съ ними, сказки рассказываетъ... Пуще своихъ отцовъ да матерей дѣти его любятъ. Такъ всѣ дядей Фомой и зовутъ.

Я никакъ не ожидалъ такого конца. Должно быть, по выраженію лица моего Фома угадалъ, что исходъ его скитальческой жизни крайне удивилъ меня и что я хочу спросить его, вслѣдствіе какихъ причинъ пришолъ онъ къ нему.

— Укатали сивку круты горки... Погулялъ молодець, пора и честь знать, — предупредилъ меня Фома на неуспѣвшіе высказаться вопросы.

— Одно въ тебѣ нехорошо Фома, докторально сказалъ офицеръ: въ церковь ты совсѣмъ не ходишь, Богу мало молишься. Кабы не это, совсѣмъ былъ бы примѣрный арестантъ... Одно слово молитва... Но Фома посмотрѣлъ на офицера такъ пристально, что тотъ замолчалъ, неуспѣвъ кончить непрошенную проповѣдь.

Офицеръ вышелъ изъ комнаты, Фома подошелъ ко мнѣ ближе.

— Ваше благородіе, я у васъ пришолъ милости просить.

— Какой?

— Нельзя ли попросить вамъ командира, чтобы расковали меня. Ужь я не убѣгу никуда, бояться нечего...

Въ арестантскихъ ротахъ существуетъ законъ, что если изъ партіи арестантовъ, отправленныхъ на работы, кто-нибудь убѣжить, то всѣ остальные, какъ бы въ наказаніе за то, что недонесли предварительно объ умыслѣ товарищей, заковываются въ кандалы на неопредѣленное время, хотя быть-можетъ ни одинъ изъ оставшихся, на самомъ дѣлѣ не зная, что замышляется побѣгъ.

— А что, видно тяжело въ нихъ?

— Тяжело-то не тяжело, ваше благородіе, да больно стыдно... Человѣкъ-то я ужь не молодой.

Я обѣщалъ Фомѣ похлопотать за него передъ начальствомъ, но начальство было неумолимо: Фому отъ кандаловъ не освободили.

II

БАТЬКА

А вотъ и ихъ батька, сказалъ мнѣ тотъ же офицеръ, указывая на вновь входящаго арестанта, призваннаго для допроса по тому же дѣлу о побѣгъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Насыръ Веллеуловъ.

— Изъ татарь?

— Татаринь.

— Что же ты мулой что ли былъ , что тебя г. поручикъ батькой зоветь...

Измѣнившіяся черты подвижнаго лица арестанта показали, что вопросомъ дотронулись до одного изъ большихъ мѣстъ, до одного изъ воспоминаній, которыя хотѣлось бы забыть. Веллеуловъ горько улыбнулся...

— Ихъ благородіе изволить все шутить, потому и зовутъ меня батькой...

Веллеуловъ былъ обрусѣвшій татаринъ: только незначительная разница въ акцентѣ измѣняла его происхожденію.

— Вѣдь онъ однакожъ незоветъ другихъ батькой, отчего же тебя такъ величаетъ?..

— Я, ваше благородіе, палачемъ былъ, вотъ они батькой меня и прозвали.

— Палачемъ! Какъ же ты сюда попалъ? вѣдь не можетъ быть чтобы ты отслужилъ свой терминъ. Тебѣ всего лѣтъ тридцать... Да и палачи приписываются въ крестьяне или мѣщане?

— Да я не долго и былъ имъ...

— Что же ты сдѣлалъ, что опять попался?..

— Изъ острога убѣжалъ.

— Что тебѣ за охота пришла, вѣдь палачу житье хорошее: въ иной разъ водки столько, хоть вымойся, да и денегъ въ придачу дадутъ.

— Тото и есть, ваше благородіе, кому хорошее, а кому и нѣтъ. Вотъ Иванъ Захаровъ (имя одного заплечныхъ дѣлъ мастера) не убѣжить.

— Чѣмъ же для тебя—то оно не хорошо было?

— И не знай што... Какъ учился на лубку, ну думаю себѣ, дѣло легкое — валяя, только знай, а какъ привели передъ живого человека, да какъ взглянулъ на него, — а онъ стоитъ такой худой, жалостливой, кровинки въ лицѣ нѣтъ, словно мертвый, — такъ у меня руки опустились: къ кобылѣ его привязать не могу, — стою что твой столбъ. Ужъ частный ко мнѣ подошелъ, да палками пригрозилъ, такъ принялся справлять свое дѣло. Только и помню, какъ кричалъ онъ, сердешный, послѣ каждой плети.

— Что же, ты послѣ этого разу и бѣжалъ?..

— Нѣтъ еще в. б—діе... Ну думаю дѣло непривычное, обой-

дета... Повезли меня вмѣстѣ съ старымъ палачемъ въ Зачурскъ женщину наказывать. Мужа что ли отравила. Иванъ Захарычъ привязалъ ее, да и подаетъ мнѣ плеть: — бей молъ ты, а я буду смотреть. Взялъ я плеть, а народу на площади видимо-невидимо. Кричатъ всѣ: собака, басурманъ окаянный, порѣшитъ христіанскую душу. А чего мнѣ порѣшивать, — у меня ноги дрожатъ, изъ глазъ въ три ручья слезы катятся. Жалость такая на меня напала, что лучше сквозь землю провалиться, только бы не бить.

— Что же ты такъ ее и не наказывалъ?

— Нѣтъ, три раза ударилъ. Да ужъ Иванъ Захарычъ плеть у меня изъ рукъ вырвалъ. — «Баба, говорить ты». Вотъ онося этого-то раза я и думаю, не бывать видю тебѣ въ мастерахъ, — взялъ, да тягу и задалъ изъ острога. Скоро только поймали, да вогъ сюда и засадили.

— Зачѣмъ же ты пошолъ въ палачи, вѣдь ты зналъ за что ты берешься?

— Глупость ваше благородіе. Какъ есть одна глупость. Мнѣ рѣшеніе выходило, въ Сибирь значить сослали. Больно отъ своей стороны далеко идти не хотѣлось. Я и объявилъ начальству, что въ палачи молъ имѣю желаніе поступить. Знамо дѣло, кабы я чуялъ что со мной будетъ, такъ бы не то што въ Сибирь, а и дальше куда бы пошолъ. Душа-то одна, что у татарина, что у христіанина, только что насъ собаками зовутъ.

— А скажи пожалуста за что ты прежде попался?

— Лошадь у меня увели, работать не на чѣмъ было. Што тутъ станешь дѣлать: подушные требуютъ, — работникъ-то въ семьѣ я одинъ, а душъ-то на мнѣ четыре лежитъ. Я думалъ, думалъ, какъ быть, да ничего хорошаго невыдумалъ, окромѣ того, что пошолъ въ К—кую губернію, да тамъ съ поля первую лошадь и угналъ. Опознали скоро, — я человекъ не бывалый, — съ перваго же слова сознался.

— Какъ же теперь семья-то безъ тебя?

— Семья-то? Незнай какъ, а ужъ наболѣлся я объ ней.

При напомниманіи о семьи, лицо Веллеулова приняло такое печальное выраженіе, на немъ отразилась такая непритворная, простая грусть, что видно было какъ мало жи, какъ много правды заключалось въ его словахъ, что онъ «наболѣлся объ ней». Много знать недоспалъ ночей Веллеуловъ, вспоминая своихъ малыхъ дѣтей, свой убогій домъ.

Странные люди сидят иногда въ нашихъ арестантскихъ ротахъ.

III

ЧАПУРИНЪ

Еще до поступления моего въ слѣдователи я уже многое слышалъ о Чапуринѣ, и съ нетерпѣніемъ выжидалъ случая повидаться съ нимъ. Двадцатипяти-лѣтній юноша, судящійся за убійство нѣсколькихъ человѣкъ, — согласитесь, личность такого рода, что можетъ заинтересовать собой человѣка самаго не любопытнаго.

Въ острогѣ случился какой-то незначительный скандалъ: между прочими мнѣ нужно было спросить Чапурина. Я производилъ слѣдствіе въ конторѣ тюремнаго замка; со мной былъ депутатъ съ военной стороны.

— Надо убрать вотъ эти штуки-то! сказалъ офицеръ, взявши со стола огромныя ножницы.

— А что?

— Да вѣдь вы позвали Чапурина?

— Чапурина.

— То-то! Вѣдь это я вамъ доложу звѣрь, ему ничего не стоитъ сгубить христіанскую душу.

— За что же онъ насъ съ вами сгубитъ, вѣдь онъ противъ насъ ничего неимѣетъ, слѣдствіе до него почти не касается, стало быть у него нѣтъ и причины пырнуть котораго нибудь изъ насъ.

— Какая у него причина!.. Онъ отца роднаго ни за грошъ хватить.

Въ это время на дворѣ тюремнаго замка раздалось бряканіе цѣпей; офицеръ посиѣшно сунулъ подъ кипу бумагъ ножницы, такъ что ихъ вовсе нельзя было запримѣтить и взялъ въ руки перочинный ножикъ. Въ контору съ двумя конвойными ввели Чапурина.

— Терещенко! сказалъ офицеръ одному изъ конвойныхъ, оставшемуся за рѣшоткой, встань здѣсь.

Часовой вошелъ въ самую контору и неподвижно всталъ у шкапа.

Чапуринъ посмотрѣлъ въ сторону депутата; едва замѣтная улыбка показала у него на губахъ.

Чапуринъ былъ молодой человекъ бѣлокурый, съ едва замѣтной, только что начинающей прорѣзываться рѣдкой бородой; лицо Чапурина было изъ числа тѣхъ лицъ, на которыхъ не останавливаются съ перваго раза: въ толпѣ вы не обратили бы на него вниманія, но за то разъ остановившись, вы ужъ никогда не забудете его. Я много видѣлъ на своемъ вѣку антипатичныхъ фizioномій, но ни одна изъ нихъ не производила на меня такого отталкивающаго впечатлѣнiя; впрочемъ Чапуринъ никакъ не походилъ на тѣхъ героевъ, которыми мы привыкли угощаться во французскихъ мелодрамахъ. Лба у Чапурина почти не было, волосы начинали расти надъ самыми бровями, губы тоже не бросались въ глаза, но за то страшное развитіе челюстей напоминало кровожаднаго звѣря. Во все время вопроса я хотѣлъ взглянуть въ цвѣтъ глазъ Чапурина, въ ихъ выраженіе, но не могъ: впадины были такъ глубоки, что скрывали почти глазное яблоко. Только потомъ, при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ Чапуринымъ, я увидалъ, что глаза его неимѣли своего цвѣта, покрайней-мѣрѣ обыкновенно сѣрые, они иногда какъ-то чернѣли и искрились. Какъ у всѣхъ долго сидѣвшихъ въ тюремномъ замкѣ, лицо Чапурина было зеленогрязоватое, и это еще болѣе усиливало общее впечатлѣнiе, произведенное фizioноміей. Но что особенно было поразительно при лицѣ Чапурина, такъ это голосъ: я никакъ не ожидалъ услышать такой мягкости, почти нѣжности въ его тонѣ. Во все время какъ этого вопроса, такъ и послѣдующихъ Чапуринъ говорилъ тихо, нисколько не рассчитывая на эффектъ (какъ это дѣлалъ другой мой острожный знакомый Домбровский), улыбка никогда почти несходила съ его широкаго рта. Невидавши лица и незная смыслу кровавыхъ рассказовъ, вы бы никакъ не думали, что этотъ мягкій голосъ принадлежитъ такой личности каковъ былъ Чапуринъ; но увидавши это лицо и услышавши этотъ голосъ, первой мыслей, промелькнувшей въ вашей головѣ, я увѣренъ была бы: «вотъ не дай богъ съ кѣмъ встрѣтиться въ темномъ лѣсу съ глазу на глазъ!» Въ самомъ дѣлѣ не дай богъ: пощады ждать нечего, — рука Чапурина дрогнуть не можетъ.

Я только разъ видѣлъ какъ измѣнилось лицо Чапурина (объ этомъ разѣ мы скажемъ впоследствии)... признакъ откровенно, невольная дрожь пробѣжала у меня по тѣлу, я едва не отскочилъ отъ Чапурина: такъ страшно было въ это время выраженіе его лица. Красная краска выступила пятнами у него на лицѣ, въ глубокихъ

впадинахъ глазъ засвѣтился странный огонь. Я думаю, когда Чапуринъ совершалъ первыя убійства, такъ у него было такое же лицо и такіе же глаза.

Между прочими вопросами я спросилъ Чапурина за что онъ находится подъ судомъ.

— За убійство.

— Чтоже, за одно?

— Когда за одно! лѣживо отвѣтилъ Чапуринъ: — чай вы слышали.

— Нѣтъ ничего не слыхалъ, да и притомъ еслибы я и слышалъ, такъ отъ постороннихъ, а мнѣ нужно это отъ тебя слышать, чтобы записать.

— Коли нужно, такъ извольте: за убійство трехъ человѣкъ на чувашинскомъ затонѣ, за солдата, за бабу...

Чапуринъ остановился какъ бы припоминая.

— Ну.

— Дальше забылъ, ваше благородіе, съ улыбкой отвѣчалъ а-пуринъ.

— Развѣ можно забывать такія вещи?

— Видно можно, коли забылъ.

— Давно ли ты содержишься въ тюремномъ замкѣ?

— Да вотъ ужъ съ покрова четвертый годъ пошолъ.

Замѣтьте, что Чапуринъ сидитъ въ острогѣ четвертый годъ: стало быть всѣ убійства совершены имъ двадцати-одного года.

— Что же, ты двадцати лѣтъ такъ накуралъсился?

— Должно полагать что такъ.

— А что, скучно сидѣть въ острогѣ?

— Очень скучно, неприятностей много. Все лучше, какъ рѣшенье выдетъ.

— Ну, не больно будетъ весело, какъ и выдетъ.

— Извѣстно дѣло не весело какъ Иванъ Захарычъ (имя палача) въ гости позоветъ, а все лучше, покрайности рѣшенье есть. Отвѣляли значить на оба бока, сколько душѣ ихъ угодно, да и въ сторону... съ прежней улыбкой, своимъ ровнымъ голосомъ говорилъ Чапуринъ.

Чапуринъ былъ сынъ очень зажиточнаго верховаго крестьянина-лѣсопромышленника. Незадолго передъ моимъ спросомъ отецъ Чапурина нарочно приѣзжалъ въ нашъ городокъ и видѣлся съ сыномъ.

Старикъ заливался слезами; сынъ оставался все тѣмъ же тихимъ, ровнымъ, улыбка несходила съ его губъ.

— У тебя отецъ былъ недавно? спросилъ я Чапурина...

— Приѣзжалъ старикъ, калачей мнѣ привезъ.

— Жалко тебѣ чай старика-то было?

— Чего мнѣ его жалеть-то, не въ каменномъ мѣшкѣ сидитъ, — по своей волѣ гуляетъ.

— Да онъ говорятъ все плакалъ, какъ съ тобой свидѣлся!

— А низамай его плачетъ, коли охота на то пришла. Нестоль бы заплакалъ, колибъ вотъ въ эдакихъ чертогахъ побывалъ.

— Ну а мать у тебя есть?

— Коли не бывать. У всякаго почитай мать есть, улыбаясь острился Чапуринъ. И у меня была — да сплыла.

— Какъ сплыла?

— На мазарки значить стащили.

Спросъ Чапурина былъ на этотъ разъ незначительный. По обыкновенію всѣхъ арестантовъ, искусившихся въ практикѣ жизни, Чапуринъ на все отвѣчалъ уклончиво, избѣгая прямыхъ, положительныхъ отвѣтовъ.

— Кто же за тебя руку-то приложить? спросилъ я у Чапурина.

Военный депутатъ, погруженный во все время моихъ спросовъ въ душеспасительное чтеніе какого-то московскаго романа, очнулся отъ своего занятія.

— Какъ приложить? Да вѣдь ты Чапуринъ грамотѣ учился?

— Учусь-то учусь! Да какіе мы грамотные...

— Ну все же подписать хоть кое-какъ свою фамилію умѣешь? спросилъ я.

— Кое-какъ-то пожалуй что и съумѣемъ. Да все же мы какіе грамотные.

— Ну если умѣешь кое-какъ, такъ кое-какъ и подписывай.

— По мнѣ пожалуй, отчего не подписать, сказалъ Чапуринъ, взявъ отъ меня перо и очень бойко подписывая свою фамилію.

— Гдѣ это ты такъ наострился?

— Здѣсь, ваше благородіе. Въ острогѣ скучно ужъ значить очинно, вотъ и ходишь учиться...

Спросъ Чапурина кончился, его увели обратно внутрь острога. Чапурина замѣнилъ мѣстный мѣщанинъ, извѣстный коноградъ. По-

куда письмоводитель писалъ заголовку новаго протокола, я обратился къ военному депутату.

— Вы здѣсь бываете въ караулѣ?

— Какъ неназначали въ депутаты, такъ каждую недѣлю по два раза бывалъ.

— Скажите пожалуста, чѣмъ занимается Чапуринъ?

— Чѣмъ ему заниматься, Дмитрій Ивановичъ, вмѣшался въ нашъ разговоръ вновь приведенный мѣщанинъ. Пѣсни все поетъ, къ арестантамъ лѣзетъ. А то голубей ловитъ, да дворянамъ продаетъ.

— Неужели его прошедшее никогда не мучаетъ?

— Что ему мучиться, — кабы у него семья была, другое бы дѣло, а то онъ одинокій... Смѣется все, «надо бы, баить, десятокъ спустить.»

Конокрадъ, какъ видно, тоже имѣлъ довольно своеобразный взглядъ на совѣсть.

— Развѣ Чапуринъ сидитъ въ общей камерѣ?

— А гдѣ ему сидѣть-то? Знамо что въ общей, съ другимъ вмѣстѣ, съ шляхтой.

— Кто это шляхта?

— Домбровскій.

Мнѣ приходилось имѣть чуть ли не каждый день дѣла съ арестантами и нерѣдко съ самымъ Чапуринымъ; до послѣдняго нашего столкновенія, Чапуринъ былъ со мной довольно откровененъ: онъ не рисовался своими подвигами, но онъ и не молчалъ объ нихъ, по крайней-мѣрѣ не молчалъ объ тѣхъ, которые были открыты предъидущими слѣдствіями. Изъ этихъ-то рассказовъ самаго Чапурина и другихъ арестантовъ, и также изъ слѣдственного объ немъ дѣла (которое все цѣликомъ было въ моихъ рукахъ) и изъ свѣдѣній, собранныхъ мною отъ слѣдователей я постараюсь познакомить васъ по крайней-мѣрѣ съ крупными чертами, которыми бы могла характеризоваться рельефная личность Чапурина.

I

РОДНАЯ СЕМЬЯ

Чапуринъ, какъ я уже сказалъ, былъ сынъ верховаго крестьянина. Въ довольно зажиточномъ домѣ семьи Чапуриныхъ властелиномъ

былъ восьмидесятилѣтній дѣдъ, старикъ суровый, державшій всѣхъ въ ежовыхъ рукавицахъ. Отецъ Чапурина, которому самому стукнуло за шестьдесятъ, и тотъ не смѣлъ сказать лишняго слова предъ домашнимъ патриархомъ, и тотъ только молча исполнялъ его приказанія. Родъ Чапуриныхъ жилъ въ одномъ домѣ; суровый дѣдъ и слышать не хотѣлъ объ выдѣлѣ котораго нибудь изъ внуковъ: около него группировалась семья, простиравшаяся чуть ли не до сорока человѣкъ. Село, гдѣ жили Чапурины, лежало на сплавной рѣкѣ, и большая часть жителей его, или въ качествѣ хозяевъ, или въ качествѣ работниковъ занималась гонкой лѣса и лѣсныхъ произведеній въ низовыя губерніи. Максимъ Чапуринъ (герой моего рассказа) съ семнадцати лѣтъ началъ знакомство съ привольной бурлацкой жизнью. То какъ работникъ на отцовскомъ суднѣ, то какъ бурлакъ на чужихъ разшивахъ онъ видѣлъ и Самару, и Саратовъ, и Астрахань, и Казань. Вездѣ въ ватагѣ другихъ бурлаковъ (особливо, когда плылъ на чужихъ разшивахъ) Максимъ ставилъ ребромъ потомъ и кровью нажитой бурлацкѣй грошъ; набережные кабаки нерѣдко слышали въ своихъ стѣнахъ его бурлацкія пѣсни, дешовыя красавицы нерѣдко заставляли раскошелить его убогую казну. Тяжела была для Максима бурлацкая жизнь, какъ приходилось супротивъ вѣтра по острымъ камнямъ тянуть лямку на нѣсколько верстъ, но зато разгульна была она на иномъ привалѣ. Тяжелѣй бурлачества было Максиму, окончивъ путину, возвращаться въ родное село; съ первымъ же расчетомъ начинали тамъ дѣдовскій посохъ да отцовскій кулакъ учить уму-разуму молодого дурня. Что сурова была школа, въ которой приходилось брать первые уроки Максиму, то подтвердили односельцы Чапурина, когда онъ сталъ уже главнымъ героемъ кровавыхъ драмъ: «Точно, говорили односельцы подъ присягой, отецъ Максима, Кузьма, да дѣдъ Андрей подвергали его жестокимъ наказаніямъ, но не для чего иного, а для исправленія Максима, чтобъ онъ былъ хорошимъ человекомъ.»

Но какъ видно тяжолая школа выправки вовсе не имѣетъ за собой столько данностей для исправленія, сколько думали найти въ ней Андрей и Кузьма. Бурлацкія замашки не оставляли Максима на родинѣ. Да и трудно впрочемъ было отстать отъ нихъ: село, гдѣ жилъ Чапуринъ, было богатое; народъ все проходимецъ, какъ и Максимъ, выдавшій много видовъ на своемъ вѣку; дѣвки все податливыя, были бы только платки да кольца. Правда, въ деревнѣ, да

еще подъ зоркимъ наблюденіемъ отца и дѣда, нелегко было Максиму честнымъ образомъ сколотить деньгу на гульбу, но Максимъ не любилъ останавливаться на путяхъ. Долго быть-можетъ неизвѣстны были бы намъ первыя похождения Максима и способы, которыми онъ добывалъ себѣ деньги, еслибы не случилось слѣдующаго происшествія :

Чапурина по окружности всѣ знали какъ за сына зажиточнаго крестьянина. Разъ Максиму крѣпко захотѣлось гульнуть. Не думая додго, онъ отправился въ ближайшее село.

— Робя! старики возчиковъ послали меня искать.

— Чаво вести-то?

— Кульё.

— До кѣхъ мѣсть?

— До Царева.

Робя по обыкновенію отвѣчали небольшой паузой и почесали въ затылкахъ :

— Можно !..

— По жеребью чтоли ходите?

— Знамо по жеребью... Лохматый! кличь робятъ на кругъ, жеребья бросать.

Собрались остальные ребята, подрядились въ цѣнѣ на шесть подводъ, бросили жеребій. Максимъ собралъ задатки съ крестьянъ, которымъ выпалъ жребій, у одного, вмѣсто нехватившихъ денегъ, взявъ кафтанъ, сказалъ, чтобы къ завтрашнему дню всѣ были готовы, а самъ отправился въ ближайшій уѣздный городъ. Подряжонные ребята напрасно ждали Максима три дня: Максимъ не являлся, объ куляхъ и слуху не было. Увидавъ, что дѣло выходитъ несовѣтъ чистое, возчики отправились по указанію Максима въ уѣздный городъ, гдѣ и получили свѣдѣнія, что Максимъ точно былъ въ городѣ, пьянствовалъ два дня, и потомъ ушелъ изъ города неизвѣстно куда. Обманутые возчики пришли съ жалобой къ отцу Максима.

Послѣдняя продѣлка Максима вывела стариковъ изъ себя. Увидавъ, что домашними расправами, потасовками и кулаками исправленія не достигнешь, старики думали испробовать еще мѣру: въ мѣстное сельское управленіе отъ имени отца Максима подается объявленіе такого рода :

«Родной сынъ мой Максимъ Чапуринъ, постоянно занимаясь раскутствомъ и пьянствомъ, въ разное время учинилъ равныя

кражи, а именно : у родной матери Аграфены Кондратьевой холста украсть на двадцать рублей, у дѣда своего Андрея Александра небѣленого холста двѣсти-десять аршинъ, мелкія гири, кадку меду, поясъ, платни; у проходящаго нищаго муки на семдесятъ-пять копѣекъ серебромъ; у сестры Прасковьи два сарафана и т. д. (мы не высчитываемъ всѣхъ мелкихъ кражъ) да кромѣ того безъ позволенія моего нанять возчиковъ подъ кулю до Царева, и взять съ нихъ задатку девять рублей серебромъ, кои и прогулялъ неизвѣстно гдѣ, а потому прошу родного сына моего Максима за распутство, неповиновеніе и разныя кражи заключить подъ стражу и наказать.»

Это было первое дѣло о Чапуринѣ; при разслѣдованіи его всѣ показали согласно объявленію отцовскому, только мать Максима отвѣчала, «что она претензіи на сына не имѣетъ и оную оставляетъ»; самъ же Максимъ въ кражахъ не сознавался, исключая только материнскихъ холстовъ, а про возчиковъ говорилъ, что нанималъ по отцовскому приказанію. Кромѣ того при спросахъ Максимъ показывалъ, «что отецъ его Кузьма Андреевъ и дѣдъ Андрей Александровъ обращаются съ нимъ жестоко, причиняютъ ему побои чѣмъ ни попало, и изъ нихъ первый даже прошибъ ему голову, отчего и имѣется у него знакъ.»

Максимъ впрочемъ не дождался окончанія перваго дѣла : онъ «учинилъ побѣгъ». И съ этихъ поръ начинается длинный перечень его страшныхъ походовъ.

Какъ и слѣдовало ждать, Максимъ отправился къ тѣмъ привольнымъ мѣстамъ, гдѣ нынѣ все рѣже и рѣже начинаетъ раздаваться «стонъ безконечный» бурлацкая пѣсня, — на Волгу; на ней совершилъ Максимъ свои первые подвиги.

II

ДОЩЕНИКЪ

Въ городъ С. присталъ въ послѣднихъ числахъ іюля 18.. года дощеникъ (т. е. небольшое судно), нагруженный глиняной посудой. Изъ накладной видно было, что хозяиномъ дощеника былъ вятской губерніи крестьянинъ Зиновій Чубовъ. На дощеникѣ кромѣ хозяина находились внукъ его, четырнадцати-лѣтній мальчикъ и

работникъ , ихъ односелецъ , тоже несовершеннолѣтній Александръ Забиринъ. Кромѣ глиняной посуды и необходимой рухляди, въ углу гладкушки стоялъ небольшой сундукъ, деревянный, обитый желѣзными полосами. За сильными вѣтрами и за недостаткомъ хлѣба Зиновій Чубовъ, приставъ съ своей посудиною къ С., гдѣ переночевавъ и купивъ чего надо, хотѣлъ уже сниматься съ якоря, чтобы плыть дальше, какъ къ дощенику подошолъ какой-то человекъ въ желтомъ кафтанѣ, въ кожаной шапкѣ и сталъ рядить Чубова свезти его до Хвалыни. Дѣло скоро уладилось за тридцать копѣекъ.

— Ты изъ кѣхъ мѣсть-то? спросилъ только Чубовъ вновь прибывшаго.

— Изъ верховыхъ.

— Да изъ кѣхъ?

— Изъ Макарья.

— А какъ прозываешься?

— Архипъ Николаевъ.

— Въ бурлаки штоли идешь?

— Знамо въ бурлаки.

— Ладно.

Не успѣлъ отплыть дощеникъ отъ С. сорока верстъ, какъ поднялся страшный вѣтеръ съ луговой стороны. Какъ ни работалъ Чубовъ со своими мальчуганами, но дощеникъ не могъ устоять противъ вѣтра: его прибило къ чувашинской косѣ. Такъ какъ дѣлать было нечего, то Зиновій Чубовъ вмѣстѣ съ внукомъ своимъ и Архипомъ Николаевымъ вышли на берегъ, набрали сухого валежника, развели огонь и легли около него; мальчикъ оставался спящимъ на дощеникѣ.

— Вотъ я лежу около костра-то! какъ мнѣ потомъ рассказывалъ Чапуринъ, онъ же макарьевскій бурлакъ Архипъ Николаевъ: — да все думаю: толста видно мощна у старика, вонъ какой сундуцище въ углу стоитъ.

● А у тебя были въ ту пору деньги?

— Каки у бурлака деньги! путина была малая, до Василя только, что на харчакъ проѣлъ, что съ ребятами прогулялъ.

— Какже тебя принимали на суда? Вѣдь ты былъ безпаспортный?

— Вона!.. Тамъ нашего брата судариковъ заетныхъ косыми десятками считай. — Вотъ я лежу да и думаю, какъ бы отъ старика казну получить. Какъ есть всю дорогу продумалъ, не токмо что у

костра. Да какъ ее получить? трое въ шестеро глазъ на тебя смотрятъ, а ты одинъ.

— Парень! говорю я старикову мальчугашкѣ: — ай-да въ лѣсъ.

— Пошто?

— Ягодъ голова нонѣ баютъ много.

— Пошли мы съ парнишкомъ въ лѣсъ, а лѣсъ-то отъ косы былъ недалече. Вотъ какъ мы взошли въ чашу-то, я его по этому мѣсту (Чапуринъ показалъ на високъ) кулакомъ и ударилъ. Знамо, много ли нужно мальчугашкѣ, — снопомъ на землю и повалился.

— Такъ до-смерти сразу и убилъ?

— Когда до-смерти. Я опосля этого по затылку его ногой два раза ударилъ, значить какъ показалась кровь, такъ ему тутъ и духъ вонъ. Обождавъ малое время, пошолъ я къ костру: старикъ лежитъ выпучивъ глаза.

— А гдѣ, баить, Сергунька? Я молъ, видно онъ заблудился, пошли въ лѣсъ вмѣстѣ, да поотсталъ онъ отъ меня, я его изъ видовъ потерялъ; пойдѣмъ, молъ, искать, неровень часъ...

— Поднялся старикъ съ мѣста; я смекаю, что съ этимъ такимъ манеромъ не управишься; далъ ему впередъ уйти, а самъ къ костру вернулся, топоръ взялъ.

— Ну!

— Что ну, нагналъ его да по головѣ и окрестилъ, и эфотъ видно со смѣху по сырой землѣ покатился.

«Послѣ этого пошолъ я къ кладнушкѣ, застучалъ штоли, только работникъ проснулся. «Гдѣ, баить, хозяева?» — Знамо, говорю, гдѣ, на землѣ, у костра грѣются. Парнишка съ моихъ словъ завернулъ въ полушубокъ, да опять захрапѣлъ. Ну и этому карачуна задалъ.

— Вѣдь онъ спалъ; чего ты его не пожалѣлъ?

— Чего жалѣть, крѣпче спать будетъ! улыбаясь отвѣчалъ мнѣ Чапуринъ.

«Пришла мнѣ на пути — такъ записано со словъ Чапурина у слѣдователя объ этомъ происшествіи, — въ голову мысль сдѣлать преступленіе, убить хозяина дощеника и двухъ малаго роста мужчинъ, бывшихъ съ нимъ, — эту мысль я, Чапуринъ, всѣми силами старался отклонить, но сего сдѣлать былъ не въ состояніи и рѣшился быть убійцею, да и притомъ, прибавляетъ Чапуринъ, во все сіе время я былъ въ горячности, раздраженіи и пьяномъ видѣ.»

Совершивъ преступленіе, Чапуринъ разбилъ сундукъ, взявъ имѣвшіеся въ немъ деньги, счетомъ девяносто-пять рублей асигнаціями, кафтанъ чернѣй, фабричнаго сукна, кожаную сумку, отвязавъ отъ кладушки лодку и переправясь на ней черезъ Волгу, пошелъ въ близлежащее село Шамонино къ знакомому ему крестьянину.

На другой день нѣсколько крестьянъ изъ села, ближайшаго къ мѣсту совершенія преступленія, случайно пристали къ острову и открыли страшную истину. Старикъ Чубовъ и его внукъ были мертвы, малолѣтняго работника крестьяне успѣли привести въ чувство.

Началось слѣдствіе.

Чапуринъ однакожъ неудачно зашелъ къ знакомому крестьянину въ село Шамонино. Несмотря на всю боязнь суда и слѣдствія, тотъ самъ безъ вызова явился къ слѣдователямъ и далъ имъ нить, гдѣ и въ какомъ искать настоящаго убійцу.

Вотъ что показалъ крестьянинъ Даниловъ (фамилія знакомаго Чапурина).

«22 іюля, бывши въ городѣ С., встрѣтился Даниловъ (на берегу Волги) съ знакомымъ по бурлачеству крестьяниномъ Максимомъ Кузьминымъ Чапуринымъ, который на спросъ, зачѣмъ онъ въ С., сказалъ, что онъ, Чапуринъ, вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ ѣздилъ внизъ для продажи выдѣланныхъ лодокъ; 23 же іюля Даниловъ видѣлъ, какъ тотъ Чапуринъ садился на дощеникъ, на коемъ было три неизвѣстныхъ крестьянина, изъ коихъ одного доподлинно призналъ за Заборина, и видалъ, какъ они поплыли внизъ по рѣкѣ Волгѣ, а 25 іюня, послѣ солнечнаго заката, Чапуринъ, подошедши къ окну моего дома, сказалъ женѣ, что онъ, Чапуринъ, оставилъ на берегу Волги лодку, которую просилъ побережь, а если будутъ покупатели, то продать ее за одинъ рубль серебромъ, обѣщаясь за деньгами заѣхать въ будущемъ году.»

Показанная Заборину лодка была имъ признана за принадлежащую Чубову; по описанію Данилова Чапуринъ былъ совершенно схожъ съ бурлакомъ Архимомъ Николаевымъ. Слѣдъ убійцы былъ найденъ, сообщено было въ мѣсто жительства о высылкѣ Максима Чапурина за надлежащимъ конвоемъ.

III

ЛОШАДЬ

— Зачѣмъ же ты въ жительство пришолъ, когда зналъ за собой такое дѣло? Да наконецъ вѣдь ты и дома былъ подъ судомъ, ты и оттуда убѣжалъ? спросилъ однажды я у Чапурина.

— Молодо зелено значить было, школу не произошолъ всю, теперь знамо етого не сдѣлаю.

— Ну, да теперь не придется сдѣлать! замѣтилъ смотритель острога: — въ каменныхъ палатахъ сидишь, на волю незачѣмъ идти.

— Почемъ знать, — старуха бають на двое ворожила: либо дождикъ либо снѣгъ, либо ведро либо нѣтъ! съ своей обыкновенной улыбкой отвѣчалъ Чапуринъ.

По совершеніи убійства Чубовыхъ, Чапуринъ отправился на родину. Въ самомъ дѣлѣ богъ-вѣсть что его влекло туда. При самомъ вѣздѣ въ родное село, Чапурина встрѣтили караульщики, изъ которыхъ одного онъ послалъ за водкой и пропьянствовалъ съ ними всю ночь. Напившись пьянымъ, Чапуринъ стрѣлялъ изъ пистолета, ругался скверными словами, и похвалялся, что въ мірѣ онъ никого не испужается, а что его всякіе люди и звѣри будутъ бояться. Впрочемъ на этотъ разъ Максимъ бражничалъ недолго, дома уже ждала его бумага о заарестованіи и высылкѣ куда слѣдуетъ. Въ мѣстномъ сельскомъ управленіи Чапурина спросили только гдѣ онъ былъ и откуда взята имъ лошадь? На такіе вопросы Чапуринъ отвѣчалъ: «а изъ жительства своего я отлучился въ городъ Хвалынъ безъ письменнаго вида, для бурлацкой работы; возвращаясь же оттуда, купилъ въ селѣ Уржумскѣ на заработанныя деньги у неизвѣстнаго мнѣ крестьянина означенную лошадь, гнѣдую кобылу съ роспискою, которая въ городѣ М., во время пьянства въ гостиницѣ мною затеряна.»

Но не такъ отвѣчалъ Чапуринъ, когда спрашивали его неофициальныя лица откуда взялась у него гнѣдая кобыла. Чапуринъ любилъ остриться.

— Подъ березой, сударики, нашолъ; вижу, лошадка добрая, — сълъ на нее верхомъ, да и покатылъ.

— Да вѣдь ты въ телѣгѣ приѣхалъ?

— Въ телѣгѣ? ну и телѣгу нашолъ. Ужь такое видно мое счастье.

Насколько дѣйствительно помогало счастье Чапурина въ отысканіи лошади и телѣги, показываетъ слѣдующее :

Въ августѣ мѣсяцѣ, то-есть вскорѣ послѣ убійства Чубовыхъ обывателями деревни Федюлиной привезенъ былъ въ контору крестьянскій мальчикъ, — найденный ими въ лѣсу въ безчувственномъ состояніи. Прийдя въ сознаніе этотъ мальчикъ сказалъ : что онъ крестьянскій сынъ Загуляевъ, былъ посланъ отцомъ своимъ на ихъ гнѣдой кобылѣ съ неизвѣстнымъ пассажиромъ до села Мамина, но на дорогѣ при вѣздѣ въ лѣсъ, тотъ пассажиръ, имѣя въ рукахъ пистолеть, сталъ требовать идти съ нимъ вмѣстѣ въ лѣсъ стрѣлять птицъ. Когда же онъ не послушался, то пассажиръ потащилъ его насильно. Испугавшись чего, Загуляевъ сталъ кричать, потомъ вырвавшись побѣжалъ по дорогѣ, но пассажиръ нагнавъ, ударилъ его по головѣ. Что было послѣ того Загуляевъ не помнилъ.

Мальчикъ Загуляевъ послѣ расказа умеръ на третій день.

Но Максиму и на этотъ разъ не посчастливилось: — хотя отецъ убитаго Загуляева не зналъ кто былъ пассажиръ, съ которымъ онъ отправилъ своего сына до села Мамина, точно также не зналъ по имени и отчеству его односелецъ Загуляева, Губинъ, къ которому обратился сперва Максимъ за наймомъ лошади, и который привелъ его къ Загуляеву, но дѣло въ томъ, что уѣздъ, гдѣ было совершено Максимомъ послѣднее преступленіе, приходился рядомъ съ уѣздомъ родного села Чапурина. Въ народѣ пошла молва, что въ деревнѣ Жигуляхъ убить мальчикъ Загуляевъ, что у него отнята гнѣлая кобыла. Лошадь, на которой возвратился въ свое село Максимъ приводила всѣхъ въ сомнѣніе своимъ сходствомъ съ отнятой у убитаго. Молва стала прямо называть Максима убійцей Загуляева.

Къ счастью на этотъ разъ мѣстное начальство неосталось глухо къ народной молвѣ. Хотя Максимъ уже былъ препровожденъ въ то время на мѣсто убійства Чубиныхъ, но отобранная отъ него лошадь отправлена была для показанія въ деревню Загуляева. Всѣ жители подъ присягой сказали, что лошадь и збруя принадлежатъ Загуляеву.

— Бога ты небоишься Максимъ, говорилъ потомъ отецъ убитаго Загуляева на очной ставкѣ Чапурину : — зачто ты сгубилъ неповинную душу? что тебѣ сдѣлалъ мой сынишка?

— Что ты ко мнѣ лѣзешь, отвѣчалъ на это Чапуринъ: — я и тебя—то въ первый разъ вижу, не токма что твоего сына.

— Да чтоже, клевету чтоли я на тебя возвожу; тать, чтоли я церковная, что гублю тебя понапрасну?

— Извѣстное дѣло понапрасну. Ты вишь — человекъ въ несчастіи, беззащитный значитъ.

— А лошадь—то къ тебѣ какъ моя попала. Али не моя? Стало опять клевету наношу.

— Я ужъ вотъ сказывалъ ихъ благородію, что лошадь во Уржумскѣ купилъ. Почемъ я знаю, можетъ она и твоя, да только—что куплена она на собственныя денежки.

— Душегубецъ ты, Максимъ, отдашь отвѣтъ Богу.

Максимъ улыбнулся.

— Знамо отдамъ, коли спросить, — все же не тебѣ.

— Эй Максимъ, покайся, уговаривалъ и слѣдователь со своей стороны: — уликъ много противъ тебя, легче будетъ какъ правду скажешь.

— Да что вы, ваше благородіе, ихъ сторону держите; я жаловаться по начальству буду, притѣсненіе чините.

Напрасны были улики матери убитаго, Губина и еще крестьянина, видѣвшаго какъ Максимъ выѣзжалъ изъ деревни съ убитымъ Загуляевымъ: Максимъ на все отвѣчалъ, что онъ знать ничего не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ, что онъ не только у Загуляевыхъ не ночевалъ, съ ихъ мальчикомъ неотправлялся, но что онъ и въ ихъ деревнѣ отродясь небывалъ.

— Скажите пожалуста, какъ вы достигли того, что вамъ такъ откровенно сознался Чапуринъ въ убійствѣ Чубовыхъ? спросилъ я у одного изъ слѣдователей.

— Развѣ мы мало съ нимъ бились: стоить на одномъ, что ничего незнаетъ, на улики свидѣтелей отвѣчаетъ, что они клевету поносятъ, Данилова упрекаетъ, что онъ присягу ложно принялъ, изъза того что разъ въ кабакѣ съ нимъ поссорился. Къ счастью, Чапуринъ не приготовился увидать Заборина, храбрости не хватило посмотреть мальчику прямо въ лицо: вѣдъ Максимъ думалъ, что въ живыхъ—то никого не осталось. Неповѣрите, затресся весь, какъ увидалъ Заборина. Что, говорю, Чапуринъ, твое дѣло? Винавать, говорить, ваше благородіе. Ну, говори же какъ было? Такъ и такъ говорить.

IV

ТЕМНОЕ ДѢЛО

Дѣла о преступленіяхъ Чапурина начинали приходять къ концу; милостиваго рѣшенія ждять конечно было нечего: плети и каторга лежали впереди. Много замышлялъ Максимъ способовъ избѣжать наказанія, но всѣ изобрѣтенные имъ способы оказывались неудачными въ приложеніи къ практикѣ; оставалось одно — надѣяться на будущее. Но какъ затянуть дѣло? Какъ отдалить время рѣшенія?

— Чувствуя сердечное раскаяніе и угрызения совѣсти въ совершенныхъ мною преступленіяхъ, я желаю быть вызваннымъ въ присутствіе уѣзднаго суда, дабы тамъ передъ зеркаломъ и праведными судьями открыть новое мое преступленіе и воспринять за оное достойное наказаніе! пишетъ между-прочимъ Максимъ въ своемъ прошеніи къ прокурору.

И вотъ Максимъ стоитъ передъ праведными судьями и приноситъ сердечное раскаяніе:

— Въ 18.. году, недѣли за четыре до праздника рождества христова, такъ кается Максимъ: — былъ я въ городѣ З. въ питейномъ домѣ съ знакомымъ государственнымъ крестьяниномъ села Сѣчиной, по имени Кириломъ, по отчеству мнѣ неизвѣстнымъ; отъ роду ему, Кирилѣ, двадцать-два года, волосы у него на головѣ и бородѣ темнорусые, росту онъ двухъ аршинъ и восьми вершковъ, особыхъ примѣтъ не имѣетъ. Во время пьянства моего съ Кириломъ, въ питейный домъ вошелъ мордвинъ Исая, про коего Кирилъ мнѣ сказывалъ, что онъ человѣкъ богатый, торгуетъ кулями, для чего часто ѣздитъ въ городъ З. Послѣ того, я Максимъ Чапуринъ, незамышляя ничего злонамѣреннаго, возвратился въ свое мѣсто жительства... Недѣли черезъ полторы вышеозначенный Кирилъ, приѣхавши къ намъ въ село, и свидѣвшись со мною на берегу рѣки Имжи, передалъ мнѣ сначала, что мордвинъ Исая отправился въ городъ З. съ кулями, а потомъ сталъ прельщать и уговаривать меня ѣхать въ тотъ же городъ, чтобы на пути ограбить Исая и раздѣлить его деньги. Согласившись на такое преступное намѣреніе, отправился я съ Кириломъ на его лошади въ г. М., гдѣ и остановились у питейнаго дома. Въ кабакѣ мы застали Исая; впрочемъ при насъ пробылъ онъ тамъ

недолго и, выпивъ косушку вина, отправился домой; мы же, вознамѣрившись исполнить задуманное прежде злодѣйское намѣреніе, отправились вслѣдъ за нимъ. Отѣхавши отъ г. З. верстъ семь, нагнали мы мордвина Исаю въ имжинскихъ поемныхъ лугахъ, идущаго за лошадыю. Кириль остановивъ Исаю силится повалить его на землю, но Исай сбросивъ съ себя тулупъ, побѣжалъ по дорогѣ, а лошадь его ускакала впередъ. Кириль видя это, побѣжалъ за мордвиномъ Исаемъ, догнавъ его, схватилъ за горло и задушивъ положилъ лицомъ въ снѣгъ; я же Чапуринъ, слѣзши съ лошади и помоги Кирилу справиться съ Исаемъ, хотѣлъ взять имѣющіеся у него деньги; но увидавъ ѣдущихъ по дорогѣ на трехъ лошадахъ неизвѣстныхъ крестьянъ, слѣлъ съ Кириломъ на лошадь и ускакалъ...

Открывая передъ праведными судьями свое новое преступленіе, Чапуринъ между-прочимъ прибавилъ, что если Кирило въ обществѣ съ нимъ будетъ запирается, то онъ надѣется «уличить его и привести къ чистосердечному раскаянію.»

Началось новое слѣдствіе. Солоно пришлось оно съченцамъ, не вкуснѣе было и мордвамъ, — односельцамъ Исаю. Всякій кто звался Кириломъ былъ тянутъ на станovou квартиру, всѣмъ чинили допросы: и старымъ, и молодымъ, и высокимъ, и низкимъ, и блондинамъ, и брюнетамъ. Несчастные Кирилы не знали что дѣлать со своимъ именемъ. Смятеніе по деревнѣ пошло великое; въ дремучій лѣсъ Кирилы побѣги стали чинить.

Но несмотря на всю строгость слѣдствія, преступнаго Кирилу не могли никакъ найти: тотъ ростомъ не выходилъ, у того волосы чернѣе оказывались; тотъ старъ, тотъ малъ... Сколько ни тянуло временное отдѣленіе народу предъ свои ясныя очи, сколько ни рачталось краснорѣчія предъ Кирилами, а дѣло все впередъ неподвигалось.

А случай былъ въ самомъ дѣлѣ очень темный... Хотя въ з-скихъ присутственныхъ мѣстахъ и не было дѣла «объ убійствѣ мордвина Исаю», но зато было другое къ нему подходящее: «о найденномъ въ поемныхъ лугахъ рѣки Имжи мертвомъ тѣлѣ мордвина деревни новой Тукмачи, Исаю, и объ утаенныхъ при свидѣтельствѣ его деньгахъ старшиною Пахомовымъ и застѣдателемъ Дружининымъ».

Внимательно просматривая дѣло о «мертвомъ тѣлѣ Исаю» мы только ежеминутно восклицали: «темна вода въ облацѣхъ небесныхъ!» Весь экстрактъ этого дѣла заключался вотъ въ чемъ: крестьянинъ Фадѣевъ, бывши въ поемныхъ лугахъ, усмотрѣлъ неиз-

вѣстно кому принадлежашіе сани, въ которыхъ лежали онучи, и новые лапти, и невдалекѣ отъ нихъ шапку и тулупъ, и все это представилъ по начальству; другой же крестьянинъ Пантелѣй Кобылинъ объявилъ, что имъ въ поемныхъ лугахъ найдено мертвое тѣло человѣка, лежащее внизъ лицомъ. Человѣкъ этотъ оказался вышеозначеннымъ Исаемъ, а кафтанъ и онучи ему принадлежавшими. Земская полиція спросила родственниковъ Исаю, спросила (покрайней-мѣрѣ въ дѣлѣ такъ значитъ) односельцевъ его: — всѣ показали, что Исай ѣздилъ въ Э. для продажи куля, и возвращаясь оттуда домой *впрямую* по случаю бывшей мятели сбился съ дороги, захватилъ потомъ въ полынью и вылѣзши оттуда, хотя дорогу нашолъ, но выбившись изъ силъ, замерзъ. Врачъ, какъ слѣдуетъ, рѣзалъ Исаю и ученымъ образомъ, съ подтвержденіемъ авторитета врачебной управы, доказавъ: «что причина смерти Исаю былъ кровяной апоплектической ударъ головного мозга и легкихъ, и этотъ ударъ произошолъ отъ замерзанія».

Слѣдователь замерзанія Исаю, какъ видно, любилъ лаконизмъ, — что можно видѣть изъ того, что другихъ свѣдѣній кромѣ вышесказанныхъ никакихъ въ дѣлѣ не имѣется. Какъ попалъ Исай въ одну сторону, а его кафтанъ и шапка въ другую, гдѣ его лошадь, какъ она могла выйти изъ оглобелъ: все это покрыто мракомъ неизвѣстности.

Перебравъ всѣхъ имѣющихся на лицо Кириловъ, временное отдѣленіе обѣдилось новой мыслью: вызвать самого Чапурина на мѣсто изслѣдованія и заставить его показать, который же изъ Кириловъ его соучастникъ въ убійствѣ Исаю. Вызвали Чапурина.

Но опять, удивительное дѣло! лишь только Максимъ прибылъ на мѣсто, какъ затянулъ совсѣмъ другую пѣсню:

— Никакого Кирила изъ деревни Сѣчиной, показывающаго на этотъ разъ Чапурина, я не знаю, а мордвина Исаю никогда и ни съ кѣмъ не душилъ и ограбить его намѣренія не имѣлъ, да и въ то время, какъ найденъ былъ Исай въ имжинскихъ поемныхъ лугахъ, я, Чапуринъ находился самъ въ разныхъ мѣстахъ въ отлучкѣ, занимаясь пьянствомъ, и только отъ неизвѣстныхъ людей слышалъ о томъ, что Исай найденъ мертвымъ; принялъ же я, Максимъ Чапуринъ на себя новое преступленіе совершенно безвинно, по совѣту одного неизвѣстнаго миѣ арестанта, для того чтобы меня переслали въ М. тюремный замокъ, а дѣло бы мое рѣшили въ тѣхъ присутственныхъ мѣстахъ».

Тѣмъ дѣло объ Исаѣ и покончилось. Умеръ ли въ самомъ дѣлѣ

Исай отъ «замерзанія», какъ значилось въ протоколѣ врача, или еще новое преступленіе лежитъ на душѣ Максима, богъ-вѣсть.

Максимъ обыкновенно только улыбался, когда впоследствии я спрашивалъ его объ Исая.

V

ПОБѢГЪ И НОВЫЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ

Въ селѣ Радищевѣ около удѣльнаго приказа собралась толпа народа. Изъ шума, маханья рукъ, оживленныхъ лицъ можно было заключить, что совершилось что-то важное; изъ говора толпы вырывались только отдѣльныя фразы.

— Глянь-ка, глянь-ка, пострѣломъ его полоть.

— Эка бѣда кака стряслась!

— Бѣжалъ!

— Подь-ка, поди — ты больно зудкой — нашолъ!

— Да какъ это Микитка-то проштрафился!

— Загубять сердешныхъ!

— Али тебѣ животы-то надоѣли! Сунься!

— Онъ-тѣ косы-то зѣнки вышибить!

Народъ волновался, шумѣлъ. Посреди приказа стояли два крестьянина, — на нихъ не было лица.

— Повезли, знашь, мы его мимо проселку-то. Онъ окаянный и бѣжалъ. Какъ есть бѣжалъ. Пропали наши головушки! говорили только мужички.

— Наглохтились знать... съ крѣпкимъ словомъ и съ зуботычинами приставало къ мужикамъ начальство.

— Пошто наглохтиться, — маковой росинки не было во рту. Вотъ-те Христось не было. Разрази на семь мѣстѣ.

Сбитая деревня, вооруженная дреколіями, отправилась по приказу начальства въ лѣсъ, искать бѣглеца... но увы! Бѣглеца простылъ и слѣдъ. Ктоже бѣжалъ спросите вы? Да все онъ же, Максимъ Чапуринъ.

Максимъ не даромъ затягивалъ слѣдствія и выжидалъ случая. Случай дѣйствительно представился: при новомъ пересмотрѣ дѣла оказалось нужнымъ дать Максиму очную ставку съ какимъ-то крестьяниномъ, для чего потребовалось переслать его въ мѣстный

земскій судъ, который распорядился съ двумя крестьянами отправить его въ становую квартиру. Впрочемъ мы лучше послушаемъ какъ самъ Чапуринъ будетъ рассказывать о своемъ побѣгѣ.

Изъ дѣлъ производившихся о Чапуринѣ не видно, гдѣ скрывался и что дѣлалъ онъ въ продолженіи двухъ или трехъ мѣсяцевъ со дня совершенія побѣга. Но потомъ имя Максима снова является сопровождаемое такими же страшными какъ и прежде рассказами.

Верстахъ въ десяти отъ села Дроздики, изъ поемныхъ луговъ съ сѣномъ тащатся два крестьянина...

— К-а-р-а-у-д-ъ! раздается въ глубинѣ оврага.

Крестьяне стали прислушиваться: крикъ повторился въ другой разъ; они всѣ соскочили съ возовъ и бросились на крикъ. Въ глубинѣ оврага, у родника лежалъ крестьянинъ и громко стоналъ. Около него находился огромный камень, завернутый въ мѣшокъ. Прибѣжавшіе крестьяне стали спрашивать стонавшаго что съ нимъ.

— Шолъ я, говорилъ стонавшій: — изъ деревни Гуоихи, гдѣ въ батракахъ служилъ, домой; у знаменской межи повстрѣчался со мной бурлакъ штоли какой. Знашь дѣло-то на дорогѣ было, мы и пошли вмѣстѣ. Калякаемъ: ты молъ откѣлева? баить; — въ бурлакахъ на расшивѣ купца Поднавозова ходилъ. Изъ кѣхъ мѣсть-то? Изъ верховыхъ вольный, Максимъ Чапуринъ прозываюсь. Каки заработки-то были? А ты, знашь онъ-то баить мнѣ: — откѣлева? Я, молъ, въ работникахъ былъ, домой иду. Такимъ манеромъ идемъ мимо Грязнухи... Зайдемъ, баить, въ питейный? Зайдемъ... Какъ зашли мы въ питейный, выпили значить тамъ, я какъ деньги цѣловальнику отдавалъ, мошну и покажи ему свою — красенькая тамъ у меня была. Вотъ какъ вышли изъ кабака, идемъ мимо оврага. «Сойдемъ, онъ баить мнѣ: — родникъ тамъ есть, загорѣлось у меня нутро больно: — положимъ маленько», сошли туда... Я напимшись, ничкомъ, вотъ эдакимъ манеромъ легъ; онъ сгрѣбъ камень, положилъ его въ мѣшокъ, да меня вдоль спины и огрѣлъ... Свѣтика, братцы, не взвидѣлъ! Какъ заору благимъ матомъ, а онъ меня вдругорядъ. По головѣ имъ хотѣлъ ударить, да маху далъ. Я вдругорядъ заоралъ. Онъ вражій сынъ и бѣжалъ.

Новое преступленіе Максиму Чапурину не удалось совершить: привычная рука измѣняла ему, кистень оказался менѣе благонадежнымъ орудіемъ, чѣмъ топоръ.

Послѣ покушенія на жизнь батрака, мы встрѣчаемся съ Макси-

можь въ совершенно противоположной сторонѣ... Но куда бы ни шолъ этотъ страшный человекъ, кровь повсюду сопутствуетъ ему.

Недѣли черезъ три, послѣ описаннаго мною происшествія въ оврагѣ, по проселочной дорогѣ, часу въ седьмомъ вечера, шли два человека: одинъ въ солдатской шинели, другой въ крестьянскомъ кафтанѣ и лаптяхъ съ толстой палкой въ рукѣ. Оба путника были на веселѣ...

— Я кавалеръ! значить могу, — приставала шинель къ кафтану.

— Отстань, я-те говорю, сказано не лѣзь.

— Службу я почитаю, начальство въ уваженіи имѣю. Ихъ благородіе говорить: «Ты у меня что не есть первый.»

— Подь-на, нужда мнѣ какая, что ты первый: меня самого Акулька дома ждетъ.

— То значить баба... Тьфу! какъ есть баба... Я царской слуга, а ты бѣглый.

— А коли я бѣглый, что жъ ты ловить что ли меня вздумалъ, по начальству представлять?

— И представляю, награду получу...

— Рыломъ еще не вышелъ. Руки не доросли поймать меня, обшибу...

При послѣднихъ словахъ въ мягкомъ голосѣ кафтана послышалась угрожающая нота... Но солдатикъ не унимался съ своей ревностью къ начальству: — онъ не зналъ съ какимъ человекомъ имѣеть дѣло. Чѣмъ дальше шли путники, тѣмъ разговоръ ихъ становился все горячѣе и горячѣе.

— Я тебѣ говорю давай паспортъ? Крикнулъ солдатикъ схватывая за шиворотъ кафтанъ.

Дальше Максимъ (это былъ онъ) не выдержалъ, ударомъ кулака онъшибъ съ ногъ солдатика...

Въ тотъ же день обыватели деревни Задировки, возвращаясь съ базара, нашли на своемъ полѣ, саженьяхъ въ шести отъ дороги, обезображенный трупъ солдатика. Трупъ былъ страшно изуродованъ. Случай скоро открылъ настоящаго убійцу...

Въ то время какъ шолъ по дорогѣ Максимъ Чапуринъ съ рядовымъ Михайловымъ, по той же дорогѣ проѣзжалъ въ село Шестаково (находящееся въ десяти верстахъ отъ Задировки) становой приставъ. Почему-то онъ обратилъ вниманіе на идущихъ и замѣтилъ ихъ лица и одежду. Лишь только дано было знать о найденномъ мертвомъ тѣлѣ солдатика, у станового пристава тотчасъ же явилось

подозрѣніе въ убійствѣ его на человѣка, бывшаго съ нимъ спутникомъ.

Верстахъ въ тридцати отъ Задировки находится городокъ Л., служащій однимъ изъ пунктовъ найма рабочихъ на суда. Такъ какъ солдатикъ и Максимъ Чапуринъ шли по направленью къ этому городу и нѣкоторые признаки въ костюмѣ указывали, что Максимъ занимается бурлачествомъ, то становой приставъ не медля отправился прямо въ Л., гдѣ послѣ небольшихъ розысковъ Максимъ былъ найденъ въ одномъ изъ городскихъ кабаковъ.

Незнаю что за причина, скорое ли приближеніе зимы, во время которой бродяжничать очень неудобно, краткость ли времени отъ совершенія преступленія, или что другое, только на этотъ разъ Максимъ недолго заперся.

— А бѣжалъ я, Максимъ Андреевъ Чапуринъ, съ дороги, когда пересылали къ становому приставу для очныхъ ставокъ, учинивъ сіе при пособіи крестьянина, меня сопровождавшаго. Получивъ свободу, намѣревался я пробраться къ киргизамъ; бродяжничая же по разнымъ мѣстамъ, на перевозѣ чрезъ рѣку Волгу въ деревнѣ Поднавозной сошелся я съ неизвѣстнымъ солдатомъ, оказавшимся нынѣ рядовымъ Михайловымъ, съ которымъ вмѣстѣ и отправился по дорогѣ къ городу Л. По приходѣ въ село Мачурино зашли въ питейный домъ, гдѣ выпили вина: Михайловъ три шкалика, а я, Чапуринъ, косушку; по дорогѣ же солдатъ Михайловъ сталъ приставать ко мнѣ, Чапурину, и спрашивать кто я и откуда, и потомъ схвативъ меня сталъ требовать пашпортъ; опасаясь, чтобы онъ, Михайловъ, не удержалъ меня, сталъ я, Чапуринъ, отталкивать отъ себя его, Михайлова, и потомъ поваливъ на землю рѣшился убить его.

Максима опять повезли (только на этотъ разъ съ большими предосторожностями) въ село Радищево, чтобы тамъ онъ указалъ на того изъ провожатыхъ, которому далъ пять рублей серебромъ, за способствованіе въ побѣгъ. Но по прибытіи на мѣсто, Максимъ по обыкновенію отказался отъ своихъ показаній.

— Бѣжалъ же я съ дороги, такъ говорилъ Максимъ: — безо всякой чужой помощи, вытянувъ самъ внутренность замка дубовымъ прутикомъ. Показалъ же я прежде, что далъ за побѣгъ провожавшему меня крестьянину пять рублей серебромъ — ложно, оттого единственно, что во время допроса былъ пьянъ.

VI

ПОКУШЕНІЕ КЪ ПОБѢГУ И НОВОЕ ТЕМНОЕ ДѢЛО

Новыя преступленія Максима затянули опять на долго исходъ дѣла; снова пошло гулять оно отъ одного слѣдователя къ другому, изъ одной судебной инстанціи въ другую: тамъ не даны очныя ставки, тамъ не вынесены справки изъ метрикъ, тамъ забыли спросить свидѣтелей: словомъ поигрываютъ себѣ судьи и слѣдователи дѣломъ Чапурина какъ мячикомъ.

Максимъ опять очутился въ знакомомъ уже ему острогѣ. Но на этотъ разъ Максима заперли въ отдѣльную камеру. Скучно Максиму, никакого общества, никакой компаніи нѣтъ для него; онъ сидитъ одинъ въ узкой комнатѣ, еле-еле освѣщенной маленькимъ окномъ, сидитъ безо всякой работы, съ своими кровавыми воспоминаніями.

У Максима былъ дьявольски-упрямый отъ природы характеръ; постоянное заключеніе еще болѣе развило въ немъ упрямство. Понятно, что во время одиночнаго заключенія всѣ мысли Максима устремлялись на одинъ предметъ: вырваться изъ каменныхъ палатъ, погулять опять по своей волѣ; понятно, что весь характеръ его пошелъ на то, чтобы привести любимую мысль въ исполненіе. Первымъ дѣломъ Максима, по заключеніи въ отдѣльную камеру, было произвести тщательную рекогносцировку жилища...

Повидимому камера Максима не представляла большихъ удобствъ къ побѣгу: окно было маленькое, отъ полу пробито очень высоко и выходило на внутренній дворъ острога; стѣны были толстыя. Вообще работа надъ окномъ или стѣнами была невозможна: камеры осматривались каждый день при смѣнѣ караула, но Максимъ не отчаявался; его привычный глазъ замѣтилъ тотчасъ же то, мимо чего проходили неостанавливаясь караульные, смотрители, архитекторы. Осматривая полъ камеры, Максимъ увидалъ, что двѣ половицы его лежатъ не такъ близко другъ къ другу, какъ бы слѣдовало и что плинтусъ находится больше для красоты, чѣмъ для удержанія ихъ: при первомъ прикосновеніи Максима плинтусъ очень легко поднялся и далъ полную возможность приподнять обѣ половицы..

Неизвѣстно кто облегчилъ Максиму предварительную работу:

безчисленное множество архитекторовъ , или такой же арестантъ , какъ и Максимъ , мучимый жаждой свободы .

Конечно подъ приподнятыми половицами находилось второе препятствіе — каменный полъ , залитый известью , но устранить вторую преграду было тоже не невозможно : при первомъ же свиданіи съ своимъ пріятелемъ Домбровскимъ , Максимъ получилъ гвоздь , и съ нимъ принялся за работу . Изъ коридора , въ которомъ находилась камера Чапурина , въ двери просверлено было небольшое окошко , чтобы часовой могъ наблюдать за всѣмъ происходившимъ въ комнатѣ , но сколько разъ ни заглядывалъ часовой въ камеру , онъ видѣлъ только одно , что Чапуринъ покоится крѣпкимъ сномъ на нарахъ . Максимъ точно спалъ , и спалъ крѣпко цѣлые дни , но зато ночью онъ какъ кротъ принимался за работу и безъ устали работалъ и работалъ , покуда снова дневной свѣтъ не заглядывалъ черезъ желѣзныя решетки мрачнаго жилища .

Работа шла довольно успѣшно : недѣли въ двѣ Максимъ успѣлъ нетолько выбить кирпичи , но и вывести свою мину на поларшина глубины . Каждый день осматривали его камеру , его самого , но вѣчно ровный , вѣчно мягкій , Максимъ малѣйшимъ движеніемъ лица неизмѣнялъ своей тайнѣ .

Максимъ выносилъ землю и кирпичи въ то время , какъ его выпускали изъ камеры и кидалъ ихъ въ отхожее мѣсто . Я говорю , недѣли двѣ все шло успѣшно , но разъ во внутреннемъ дворѣ острога стоялъ часовой опытный , намѣтавшійся на всѣ арестантскія штуки ; онъ примѣтилъ , что Максимъ что-то несетъ съ собой подъ мышкой , сталъ слѣдить за нимъ и въ щель увидалъ , какъ Максимъ выбросилъ камень и землю . Часовой донесъ начальству , сдѣлали осмотръ въ камерѣ Максима , подняли половицы и увидали истину . Началось новое слѣдствіе .

— Намѣренія учинить побѣгъ , отвѣчалъ Максимъ слѣдователю : — я не имѣлъ , а напротивъ того съ терпѣніемъ и раскаяніемъ жду наказанія за содѣланныя мною преступленія ; кто же рылъ подкопъ въ моей камерѣ то мнѣ неизвѣстно , если же рядовой Степановъ и сказываетъ , что видѣлъ какъ я бросалъ въ ретирадное мѣсто камни , то не изъ-за чего другого , какъ изъ-за вражды ко мнѣ , ибо , какъ извѣстно мнѣ , весь караулъ питаетъ ко мнѣ злобу и ненависть .

Слѣдователь спросилъ другихъ арестантовъ не знали ли что они

объ умыслѣ Максима бѣжать, но отъ всѣхъ получилъ одинъ отвѣтъ: «Знать ничего не знаемъ, вѣдать ничего не вѣдаемъ.»

Максиму неудалась первая попытка бѣжать изъ острога, надо было опять тянуть дѣло до болѣе удобнаго случая.

— Желая быть въ судъ вызваннымъ, ваше благородіе, рапортовалъ Максимъ прибѣжавшему въ острогъ страичему.

— Зачѣмъ?

— Немогу сказать, ваше благородіе, открою токмо что передъ судьями.

Снова привели Максима передъ судьей, и снова ровнымъ голосомъ началъ Максимъ одинъ изъ своихъ обычныхъ, кровавыхъ рассказовъ.

— Опозналъ я въ арестантѣ Сивовѣ, такъ говоритъ Максимъ: — челоѵка, допрѣжде прозывавшагося крестьяниномъ Оконишниковымъ, съ которымъ и учинилъ въ 18.. году преступленіе.

— Какое же преступленіе? спрашиваютъ судьи...

— Назадъ тому года три приплылъ я въ городъ А. вмѣстѣ съ отцомъ моимъ для продажи лодокъ; черезъ недѣлю послѣ нашего прихода туда, случилась сильная буря, оторвавшая и унесшая по Волгѣ пять принадлежавшихъ намъ лодокъ, почему отецъ мой отправилъ меня отыскивать тѣ лодки. Найдя лодки въ волжинскихъ камышахъ, я, вмѣсто того, чтобы возвратиться къ отцу, продалъ ихъ повстрѣчавшемуся со мной крестьянину Акимфу Оконишникову, нынѣ прозывающемуся арестантомъ Сивовымъ, но такъ какъ для расплаты со мной на ту пору у Сивова не было денегъ, то онъ и повелъ меня въ городъ А. къ знакомому ему челоѵку, прозывавшемуся казакомъ Никитой. Получивши отъ казака Никиты деньги, Сивовъ передалъ ихъ мнѣ, но я, не выходя изъ дома, пропилъ ихъ вмѣстѣ съ Сивовымъ, Никитой и еще челоѵкомъ, прозывавшимся Парфеномъ.

Максимъ до тонкостей описалъ затѣмъ примѣты всѣхъ лицъ, а также и мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Никиты.

— На другой день къ вечеру, продолжалъ Максимъ: — казакъ Никита, вмѣстѣ съ Сивовымъ и Парфеномъ стали уговаривать меня идти ограбить одну, неизвѣстную мнѣ, но по ихъ словамъ богатую женщину. Я сначала не только не соглашался на это преступленіе, но ихъ уговаривалъ отказаться отъ своего намѣренія, но послѣ по неотступнымъ просьбамъ, присталъ къ нимъ. Когда советамъ смерклось, отправились мы черезъ сады къ дому той женщины; по приходѣ на

мѣсто Парфенъ сталъ карауломъ , а казакъ Никита , взлѣзши на домъ , проломалъ въ крышѣ дыру , черезъ которую сначала спустился онъ , а за нимъ послѣдовалъ и я съ Сивовымъ . Когда мы вошли въ комнату женщины , она спала ; казакъ Никита подошедши къ ней ударилъ ее кистенемъ , но сразу не убилъ ее , потомучто женщина проснувшись вскочила съ постели и стала кричать караулъ . Боясь , чтобы по этому крику непришолъ кто на помощь , я схватилъ лежащее на лавкѣ большое долото и имъ ударилъ женщину въ голову , послѣ чего надо полагать она умерла , потомучто больше не кричала и лежала безъ движенія .

« Убивъ женщину , мы спрятали ее въ подпольѣ , а потомъ разбили сундуки , взяли оттуда платье и денегъ двѣсти рублей ассигнаціями . Все награбленное мы раздѣлили поровну въ домъ казака Никиты , у котораго снова принялись пьянствовать . Пропьянствовавъ три дня , я , несмотря на уговоры казака Никиты остаться у него , возвратился къ отцу . »

Вслѣдствіе показанія Максима вызвали въ судъ арестанта Сивова .

Арестантъ Сивовъ былъ человекъ лѣтъ подь-сорокъ , съ черной съ просѣдью бородой , съ благообразнымъ , нѣсколько плутоватымъ лицомъ .

— Какъ ты прозываешься ? спросили Сивова .

— Въ настоящее время прозываюсь Сивовымъ . . .

— А прежде какъ ?

— До-прежде же звали меня Акимфомъ Павловымъ Оконишниковымъ .

— Изъ какихъ ты ?

— Изъ барскихъ .

— Какихъ господъ ?

— Господина полковника Туруктаева . . .

— Какой губерніи ?

Сивовъ назвалъ губернію , уѣздъ и село .

— Стало-быть ты бродяга ?

— Бродяга .

— Что же тебя заставило бродяжничать ? . .

— Ничто иное какъ нестерпимое притѣсненіе господина моего .

Судьи даже не полюбопытствовали узнать что это за нестерпимое притѣсненіе .

— Ты знаешь арестанта Чапурина , Максима ?

— Знаю.

— Что же, ты узналъ его въ острогѣ?

— Никакъ нѣтъ, гораздо допрежде.

— Гдѣ же ты съ нимъ познакомился?

— Въ городѣ А.

Судьи наострили уши.

— Какъ же это ты съ нимъ тамъ познакомился?

— Разъ на берегу Волги подошолъ ко мнѣ какой-то человекъ, и сталъ предлагать мнѣ купить у него лодки, называемыя душегубками.

— Что же, ты купилъ у него ихъ?

— Купилъ за шесть рублей серебромъ; послѣ того пошли мы съ нимъ въ питейный домъ, гдѣ и распили магарычу два полштофа; за виномъ тотъ человекъ сказалъ мнѣ, что прозывается онъ Максимомъ Чапуринымъ, и пришлылъ въ А. вмѣстѣ съ отцомъ.

— Ну чтоже дальше?

— А дальше ничего, выпили да и разстались, а послѣ того я съ нимъ больше не встрѣчался.

Но тѣмъ показанія Сивова, относительно знакомства его съ Чапуринымъ, и кончились; вызвали Максима и поставили его очи на очи.

— Съ нимъ было совершено убійство женщины въ А.? спросили Максима праведные судьи, указывая на Сивова.

— Я ужь докладывалъ вашей милости, что съ нимъ.

— Слышишь Оконишниковъ.

— Слышу, ваше благородіе.

— Ну, уличай же его Чапуринъ.

— Ты ужь говори Акимъ, обратился съ улыбкой Чапуринъ: — что скрывается-то. Я все ихъ милости рассказалъ.

— Полно ты, пустая голова, молотъ-то, самъ въ каторгу лѣзешь, такъ и другихъ туда тянешь; Бога-то видно въ тебѣ нѣтъ, и что ты эдакой поклепъ несешь. Мало ли ты покуралесилъ, нечто я съ тобой вездѣ былъ... отвѣчалъ Максиму Сивовъ.

Максимъ не особенно краснорѣчиво защищалъ на очныхъ ставкахъ свой оговоръ на Сивова, но тѣмъ не менѣе отъ него не отказывался.

Судьи, отобравъ показаніе отъ Максима и Сивова отправили ихъ въ а—кую городскую полицію для изслѣдованія на мѣстѣ ихъ справедливости; а—кая же городская полиція, внесши справку въ своемъ архивѣ, отослала показанія Максима и Сивова обратно, от—

писывая, что въ такомъ-то году никакой женщины въ городѣ А—нѣ не убито и слѣдствіе о томъ не производилось.

Вслѣдствіе полученія такого отвѣта снова выслали Максима передъ судей.

— Свое показаніе объ убитой нами женщинѣ я подтверждаю, говорилъ и на этотъ разъ Максимъ: — и если бы былъ я въ городѣ А., то преступленіе сіе и виновниковъ его раскрылъ бы вполнѣ; казакъ Никита заператься немогъ бы, потому что я оставилъ въ домѣ его три фальшивыхъ печати для пачпортовъ, и если бы сказалъ мнѣ Никита, что меня не знаетъ, то я, вынувъ печати тѣ изъ секретнаго мѣста, уличилъ бы его въ заперательствѣ.

— Гдѣ же это секретное мѣсто, въ которое спрятали ты печати?

— Здѣсь я о томъ сказать не могу, ибо казаку Никитѣ могутъ передать мой отвѣтъ.

— Неможешь ли представить другихъ доказательствъ убійства? приставаи судьи къ Максиму.

— Другихъ доказательствъ я не имѣю, но когда разслѣдуете дѣло объ убитой а — ской женщинѣ, то и открою мои иныя преступленія...

Напуганные бѣгствомъ Чапурина судьи, не препроводили его въ А., но заключили, что такъ какъ показаніе Максима Чапурина неподтвердилось, то на томъ основаніи, что Максимъ содержится болѣе полгода въ острогѣ, оставить начатое дѣло безъ послѣдствій...

VII

УБИЙСТВО КУЛАКОВОЙ

У Максима было много матерьяловъ, чтобъ затянуть дѣло: не удалось одно, удастся другое.

Въ 18.. году, въ канавѣ большой дороги, между селеніями Ковраевымъ и Микулинымъ, найдена была мертвая женщина, съ проломаной въ нѣсколькихъ мѣстахъ головой; около нея валялся окровавленный сердешникъ. Стали наводить справки объ убитой, — оказалось, что она государственная крестьянка села Вязова-ключа — Прасковья Кулакова.

«Побѣхала Прасковья — показывали ея семейные — въ среду въ городъ, взявъ съ собой денегъ двадцать-семь рублей серебромъ, чтобы купить разнаго товару, и послѣ того уже не возвращалась.»

— Кого вы подозрѣваете въ убійствѣ? спрашивали слѣдователи.

— Прямого подозрѣнія никакого изъяснить мы не можемъ, а полагаемъ, что преступленіе-то совершилъ приѣзжавшій къ намъ въ тотъ день человекъ.

— Кто же этотъ человекъ?

— Имя и отечества, а также мѣста жительства его — мы не знаемъ, только роста онъ средняго, борода темпорусая, а на лѣвой рукѣ нѣтъ средняго пальца; приѣзжалъ же онъ къ намъ, чтобы размѣнять бумажку въ три рубля серебромъ, причемъ Прасковья вынимала изъ сундука деньги и говорила, что поѣдетъ въ городъ за товаромъ.

— Одинъ чтоли былъ тотъ человекъ?

— Съ нимъ былъ еще товарищъ, который оставался въ телѣгѣ, а въ избу не входилъ, — примѣтъ того человека мы не запомнимъ.

Дальше этихъ фактовъ слѣдователи ничего не разъяснили; много было съѣдено, много было выпито въ Вязовомъ-ключѣ, но «судьба и воля божія» опять-таки порѣшили, что виновныхъ въ убійствѣ Кулаковой открыть въ настоящее время невозможно.

Со времени убійства Кулаковой прошло около двухъ лѣтъ, Максимъ въ это время посиживалъ въ острогѣ, занимался грамотой и ловлей голубей; прежній смотритель былъ смѣненъ, новый находилъ, что Чапурину полезно сидѣть въ общей каморѣ; окруженный почтеніемъ, онъ довольно пріятно проводилъ время, но до него снова дошло свѣдѣніе, что дѣло приближается къ концу, рѣшеніе выходитъ.

— Преступленіе новое желаю открыть, покаяніе принести! вызываетъ прежнимъ манеромъ Максимъ изъ своего заключенія.

Снова окруженный солдатами, идетъ Максимъ въ судъ по базарной площади, весело поглядывая на толпящійся около него народъ, да порой дѣлая остроумныя замѣчанія насчетъ котораго-нибудь изъ зрителей.

«Назадъ тому два года, совершивши побѣтъ въ ртищевской лѣсной дачѣ, — показываетъ Максимъ, — шолъ я передъ самымъ солнечнымъ закатомъ, какъ помнится мнѣ, въ воскресенье, близъ села Вязова-ключа; недоходя верстъ двухъ до Прислонищинскаго оврага

повстрѣчался со мной крестьянинъ, пригласившій къ себѣ на телѣгу; разговорившись дорогой съ крестьяниномъ я узналъ, что его зовутъ Степаномъ, и что онъ изъ Вязова-ключа. Приѣхали въ Вязовъ-ключъ ночью, и я попросился переночевать у Степана въ избѣ, на что тотъ и согласился. Утромъ къ Степану пришолъ односелецъ его, называвшійся Ефимомъ, изъ себя черный, росту небольшого, годовъ сорока, — и послали за водкой; выпивши ея не мало, стали они спрашивать мое имя и званіе; я назвалъ имъ своимъ настоящимъ именемъ, прибавивъ, что теперь я безпачпортный бродяга. Послѣ того Ефимъ передалъ намъ, что нынѣ ѣдетъ въ городъ крестьянка Прасковья Кулакова и везетъ съ собой много денегъ; а Степанъ сказалъ отъ себя, что хорошо было бы ту крестьянку ограбить, и что онъ давно даже добирается; на это согласился и Ефимъ, но я, какъ ни приставали они оба ко мнѣ идти вмѣстѣ, до той поры противился тому всѣми силами, пока не принесли еще водки, и я не нашлся пьянъ. Согласившись какъ лучше повести дѣло, Ефимъ ушолъ домой и возвратился черезъ малое время съ сердешникомъ, говоря, «что эта штука пригодится». Выѣхавъ около полудня изъ Вязова-ключа, заѣли мы съ Степаномъ подъ мостъ что на рѣчкѣ Грязнухѣ, а Ефимъ съ лошадыю отпиривился въ сторону, чтобъ не была запримѣтна лошадь. Сидѣли мы со Степаномъ подъ мостомъ болѣе часу, дождались Прасковьи, но вреда ей никакого не нанесли, потому что помѣху встрѣтили въ показавшемся обозѣ. Когда мы возвратились къ Ефиму, и рассказали о своей неудачѣ, то онъ отвѣтилъ намъ, что унывать никакъ нельзя, и что Прасковью можно встрѣтить на дорогѣ во второй разъ, а потому сѣвши на лошадей, мы повхали навстрѣчу Кулаковой окольной дорогой. Верстъ за восемь шла рѣчка Грязнуха; снова попалась намъ Прасковья, и такъ какъ на дорогѣ никого не было видно, то Степанъ схватилъ лошадь подъ уздцы, а я, взявши сердешникъ, подошолъ къ Прасковѣ, и сталъ отъ нея требовать денегъ, но та, обозвавъ меня воромъ и разбойникомъ, стала кричать караулъ, отчего пришедъ въ крайнее негодование, я такимъ образомъ ударилъ Прасковью сердешникомъ, что она, свалившись съ телѣги, тотчасъ же умерла. Взявши у Кулаковой двадцать-семь рублей серебромъ деньгами, и оттащивши трупъ въ канаву, мы возвратились обратно въ домъ къ Степану, гдѣ довольно пьянствовавъ, я снова пошолъ бродяжничать.

Неизвѣстно какими путями, но только вѣсть объ оговорѣ Максима достигла Вязова-ключа раньше, чѣмъ прибыло туда времен-

ное отдѣленіе. Трудно себѣ представить ужасъ, охватившій при этомъ извѣстїи не только Степановъ и Ефимовъ, но и весь вязово-ключинскій міръ; неопредѣленность максимовскихъ показаній заставляла содрогаться самыхъ безстрашныхъ: всѣ чувствовали себя небезопасными, надо всѣми висѣлъ дамокловъ мечъ; сегодня будутъ тянуть Степановъ и Ефимовъ, а завтра примутся за Сидоровъ и Захаровъ, острогъ и разознанія стали мерещиться всѣмъ.

— Хоть бы обиду отъ насъ каку видѣлъ, али иное что, а то и слыхомъ-то неслыхали, что есть на свѣтѣ такой человекъ. Прогнѣвали мы знатъ царя-небеснаго, напускаетъ онъ на насъ лиходѣя, понурилъ головы говорили деревенскіе люди въ ожиданіи погрома.

Въ одно прекрасное утро въ Вязовый-ключъ влетѣло нѣсколько ухорскихъ троекъ, вслѣдъ за ними на подводѣ привезли и Максима. Улыбаючись сидѣлъ Чапуринъ на телѣгѣ; словно отъ чумы сторонились и бѣжали отъ него попадавшіеся навстрѣчу деревенскіе люди.

— На станъ! на станъ! чуть-свѣтъ раздалось на другой день подъ окнами многихъ.

Крѣпко ёкнуло сердце тѣхъ, подъ чьими окнами раздался этотъ стукъ: почувяя въщунъ, что идетъ гроза неминучая.

Всѣхъ Степановъ и Ефимовъ «нарядили», присоединили къ нимъ десятка три Карповъ, Петровъ, Захаровъ, и выставили передъ становой квартирой. Въ толпѣ крестьянъ слышно было какъ пролетитъ муха. «На кого-то покажутъ?» съ ужасомъ думалъ каждый. Мужички въ ожиданіи стояли долго, пока члены временнаго отдѣленія услаждали животы свои водками и закусками, а балагуръ стряпчій потѣшалъ публику разными курьезами.

— Ну, господа, по послѣдней, да и пойдемъ травить краснаго звѣря! сказалъ пузатый исправникъ, съ неистовствомъ отправляя въ себя рюмку настойки.

Компанія послѣдовала его примѣру.

— Привести Максима Чапурина!

Привели Максима.

— Ну Максимъ, показывай участниковъ!

Временное отдѣленіе тронулось изъ комнаты, впереди его шолъ Максимъ, попрежнему смирный, улыбающійся; рядъ мужичковъ вздрогнулъ, многіе стали бѣлѣе полотна. Замѣтивъ произведенный эффектъ, Максимъ два раза молча прошолъ передъ рядами, остана

вливаясь то у одного, то у другого крестьянина. Бѣднѣи совсѣмъ терялись отъ этихъ змѣиныхъ, пристально смотрящихъ глазъ.

— Узналъ, чтоли?

— Вотъ эгототъ! сказалъ Максимъ, указывая на одного крестьянина.

Показаннаго крестьянина стала бить лихорадка, ноги подкосились, зато у остальныхъ разомъ вырвался вздохъ, словно легче стало. Выхваченный крестьянинъ оказался точно Степаномъ и притомъ очень богатымъ.

— Ну, теперь показывай другого!

Снова началось прохаживанье Максима по рядамъ, снова сперлось дыханіе у стоящихъ.

— Вотъ и эгототъ былъ! сказалъ опять Максимъ, указывая на высокаго, плечистаго крестьянина.

Силача вывели изъ рядовъ полуживого.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ грозный воевода.

— А-р-т-а-м-онъ .. Па-н-т-ѣ-лѣвъ, заикаясь, едва слышно, проговорилъ взятый.

— Какъ же ты Максимъ показывалъ, что второго участника твоего зовутъ Ефимомъ?

— Ошибся ваше в—діе, не на того показалъ, тотъ сходствіе большое имѣетъ съ энтимъ. За давностью времени запомнествовалъ.

На эгототъ разъ опытъ травли Ефима былъ неудаченъ: на кого ни показывалъ Максимъ, все навертывались то Никиты, то Васьки, то Трифоны, и какъ на зло ни одного Ефима. Наконецъ Максимъ догадался, что ощупью ничего не найдешь.

— Теперь показать не могу, потомучто головокруженіе въ себѣ чувствую, сказалъ Максимъ послѣ послѣдней неудачи.

Вечеромъ въ тотъ же день, кто-то тихо прокрадывался въ арестантскую, гдѣ сидѣлъ Чапуринъ.

— Облегченіе почувствовалъ, указать могу и Ефима, заявилъ на другой день Максимъ передъ временнымъ отдѣленіемъ.

Составился протоколъ, всѣ присутствующіе приложили къ нему руку, подписался къ нему и Максимъ; подъ крестьянскими окнами снова раздавалось постукиванье и снова ползелись мужички. На эгототъ разъ опыты Максима были удачнѣе: по первому абцугу онъ попалъ на Ефима.

Потянули и Ефима къ суду. Миръ только руками разводилъ.

— Гляди-ка, гляди-ка, и показать-то на кого зналъ, что нишасть на селѣ самые смиренные; малые ребяташки отъ нихъ обиды чай никогда не видали. Напустить господь злого челоуѣка, что съ нимъ будешь дѣлать. Въ разорѣ разорятъ окаянныя, чтобъ имъ пусто было, плакались крестьяне надъ судьбой взятыхъ Степановъ и Ефимовъ.

Женское поколѣніе взятыхъ подъ стражу голосило и причитало на всю деревню, словно надъ покойниками; противъ него оказалось даже обѣщаніе запереть насмерть протестующихъ.

Каждый день стали таскать Степана и Ефима на слѣдствіе; съ улыбкой на губахъ уличалъ ихъ Максимъ въ соучастіи: то съ крѣпкимъ словомъ налетали на нихъ слѣдователи, то убѣждалъ ихъ священникъ, но мужички стояли на одномъ.

— Чтобы дѣтей нашихъ не видѣть, когда-бъ мы эдакую мысль въ головѣ имѣли; міра всего спросите что мы за люди? кому обиды чинили. Воровъ видно попуталъ его показать на насъ, — какіе мы душегубцы!

Міръ точно одобрилъ оговариваемыхъ, ругаясь, что за ними и слыхомъ-неслышать худого дѣла; семейство убитой Кулаковой всѣми святыми клялось, что поклепъ на нихъ напрасный. Полѣзли Степаны и Ефимы за голенищи, повели ихъ коровушекъ и лошадей со двора, стали пустѣть и совсѣмъ опустѣли ихъ дотогѣ полные анбары. Долго прохлаждались и благодумствовали слѣдователи въ Вязовомъ-ключѣ: много было выпито водки, съѣдено куръ, барановъ, тянули не однихъ Степановъ и Ефимовъ, а будутъ помнить ихъ и Андрей и Митрофаны и др.

Максимъ во все время пребыванія въ Вязовомъ-ключѣ кунался какъ сыръ въ маслѣ; кому лежала дорога мимо арестантской, тотъ несмѣлъ пройти, неснявши шапки.

Но все имѣетъ конецъ.

— А показывалъ я, такъ закончилъ Максимъ дѣло о Кулаковой, на другихъ напрасно по своему слабоумью. Точно убили мы Кулакову вдвоемъ, да только съ бродягой, звавшимся Иваномъ; повстрѣчался я съ нимъ въ лѣсу, а послѣ убійства тотчасъ же и разошелся въ равныя стороны. Гдѣ пребываетъ тотъ Иванъ — я не извѣстенъ.

Тѣмъ и закончилось слѣдствіе.

VIII

МОЯ ВСТРѢЧА СЪ ЧАПУРИНЫМЪ

Въ острогѣ, вслѣдствіе доноса одного изъ арестантовъ, открыли подкопъ; поднялась страшная суматоха. Мнѣ должно было произвести слѣдствіе.

Вмѣстѣ съ караульнымъ офицеромъ и смотрителемъ, мы пошли осматривать подкопъ. Подкопъ былъ почти поконченъ: его оставалось вести не больше поларшина; онъ начинался подъ ретирадами; бѣжать условлено было дня черезъ два, во время всеобщей. Трудно было догадаться, какъ можно вести подкопъ на совершенно открытомъ мѣстѣ; но на то и принялись за него арестанты. Между поломъ ретирады и землей было пустое пространство, ничѣмъ не засыпаное; одна половица изъ пола приподнималась, подъ нее подлѣзалъ арестантъ и, снова прикрытый, начиналъ свою подземную работу. Подкопъ шолъ сначала аршина на полтора почти перпендикулярно, съ небольшимъ отвѣсомъ, такъ какъ надо было подойти подъ полъ ретирады и стѣну острога, а потомъ уже принималъ горизонтальное направленіе. Рылъ подкопъ, какъ оказалось впоследствии, одинъ Чапуринъ, и рылъ его желѣзнымъ обломкомъ, меньше чѣмъ въ два пальца шириною. Трудно себѣ представить, сколько нечеловѣческихъ усилій, сколько дьявольскаго терпѣнья надо было положить, чтобы подвести почти гвоздемъ эту мину, больше чѣмъ въ двѣ сажени длиной.

Да; потолкавшись по острогамъ, поймешь, какъ дорога человеку воля, какія жертвы въ состояніи принести онъ, чтобы получить ее.

На мой вопросъ кто можетъ быть заподозренъ въ прорытіи подкопа, смотритель прямо указалъ мнѣ на Чапурина; я просилъ его указать мнѣ, какими онъ данными руководствуется въ своемъ подозрѣніи.

— Мнѣ донесъ объ ихъ работѣ Федоровскій; по его словамъ, онъ давно уже замѣчалъ, что Чапуринъ какъ ни пойдетъ въ ретирады, такъ тамъ и пропадетъ, часа по полтора сидитъ. Федоровскій и сказалъ мнѣ, чтобы я осторожнѣе былъ, а пуще всего ретирады осматрѣлъ.

Федоровскій былъ арестантъ изъ чиновниковъ, ненавидимый всѣми другими арестантами, какъ правая рука смотрителя. Конечно, чтобы открыть истину, было бы всего лучше обратиться за распросами къ самому Федоровскому; но въ этомъ случаѣ надо было дѣйствовать съ крайнею осторожностью. Навѣрное полострога знало о существованіи подкоча, и намѣревалось черезъ него выйти на божій свѣтъ. Еслибы арестанты провѣдали главнаго виновника открытій подкоча, то съ нимъ они покончили бы такъ, что въ другой разъ ему не удалось бы быть доносчикомъ на товарищей. Судь арестантовъ въ этомъ случаѣ скоръ и страшенъ.

Получивъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ смотрителя, я велѣлъ вызвать къ себѣ Максима. Максимъ явился какъ ни въ чемъ небывало, съ своей постоянной улыбкой.

— Посмотри-ка, Максимъ, какую мину здѣсь сочинили, скажь я ему послѣ предварительныхъ привѣтствій. Я нарочно не спускалъ глазъ съ Максима, но онъ ни на-волосъ не измѣнилъ себѣ.

— Смотри-ка въ самомъ дѣлѣ, какую механику подвели. Эка шустрый видно парень-то. Ну мастеръ, мастеръ, быть видно ему ажженеромъ, сказалъ Максимъ, внимательно осматривая дыру подкоча.

— А знаешь ли, Максимъ, кого я подозреваю.

— Почему мнѣ знать что у вашей милости на умѣ.

— Тебя.

Максимъ какъ-будто удивился. Улыбка приподняла углы его рта.

— Куда-ста намъ, ваше благородіе, эдакими дѣлами заниматься: не нашему мужицкому уму-разуму подстать они.

— Ну что ты, Максимъ, дурачкомъ притворяешься, вѣдь я вѣрно знаю, что подкочъ твоя работа.

— А отъ кого это ваше благородіе узнали?

— Ну ужъ это мое дѣло.

— Для чего твое; коли то правдивый человекъ, такъ пусть въ глаза мнѣ скажетъ и уличить.

Я очень хорошо зналъ, къ чему клонится рѣчь Максима. Выдай я Максиму Федоровскаго, и судьба его рѣшилась бы. Желая добиться отъ Максима признанія другими путями, помимо уликъ Федоровскаго, я напалъ на счастливую мысль.

— Попажи-ка мнѣ свои руки, Максимъ.

Максима нѣсколько передернуло.

— На что вамъ мои руки, — руки какъ руи.

На рукахъ Максима оказались огромныя, кровавыя мозоли отъ недавней работы.

— Отчего это у тебя Максимъ такія мозоли?

Максимъ не вдругъ собрался съ отвѣтомъ.

— Воду качалъ.

— Съ гѣмъ же?

Опять небольшая пауза.

— Съ Николаемъ Маевскимъ.

— Много ты выкачалъ?

— Бадей двадцать.

— Когда?

— Непомню когда, кажись вчера.

— Ну-ка раздѣнься, Максимъ.

Максима еще болѣе передернуло.

— Чево раздѣваться-то, али на мнѣ узоры какіе выписаны!

— А ты раздѣвайся, когда тебѣ говорятъ, можетъ и узоры.

Максимъ раздѣлся.

На колѣнкахъ Максима, на животѣ и плечахъ были огромныя пятна, образовавшіяся отъ тренія; пятна были покрыты грязью. Максимъ работалъ въ подкопѣ безъ рубашки.

— Это что за пятна на тебѣ Максимъ?

Максимъ поблѣднѣлъ и закусилъ губы.

— Пятна... пятна-то... Чесотка со мной...

— А грязь-то откуда туда набилась?

— Грязь-то... это не грязь... табакъ, я натирался имъ.

— Когда же ты натирался?

— И вчерась натирался.

Въ это время мнѣ сказали, что въ острогъ приѣхалъ уѣздный врачъ: я послалъ пригласить его въ контору и просилъ освидѣтельствовать Чапурина.

Врачъ внимательно осмотрѣлъ Максима. Максимъ во все это время стоялъ блѣдный: улыбка давно исчезла у него съ лица.

— Отчегоже произошли у Максима пятна? спросилъ я врача.

— Пятна. Да отъ простого механическаго тренія, — организмъ арестанта совершенно здоровъ.

— Чесотки съ нимъ нѣтъ?

— Нѣтъ, и никогда не было.

— Слышишь Максимъ, что лекаръ говорить...

Максимъ поднятъ на меня глаза.

— Что говорить-то, да слова попустому тратить. Пишите: мое дѣло, я рылъ подкопъ. Небольно весело сидѣть въ каменномъ мѣшкѣ, выжидаячи покуда спину тебѣ всчешутъ, поневолѣ погулять по своей охотѣ хочется.

— Кто же у тебя соучастниками были?

— Никого не было, одинъ механику подводилъ.

— Неможесть этого быть.

— Ну коли не можетъ, такъ ищите, а меня объ этомъ не спрашивайте.

Впрочемъ несмотря на нежеланіе открыть соучастниковъ, Максимъ очень обстоятельно рассказалъ, какъ онъ рылъ подкопъ, когда рылъ, когда хотѣлъ бѣжать; согласно его показанію и составили подробный протоколъ, который Максимъ зарукоприкладствовалъ.

Неудавшаяся попытка бѣжать въ первую минуту страшно подействовала на Максима. Когда былъ открытъ подкопъ и Максиму сказали объ этомъ, такъ онъ, не имѣя возможности на комъ-нибудь вымѣстить сердца, искусалъ себѣ руки. Впрочемъ можно представить что чувствовалъ этотъ человѣкъ, когда увидѣлъ, что плоды его почти нечеловѣческихъ усилій разрушены въ то время, какъ готовы были осуществиться его любимыя надежды, когда нѣтъ да каторгу готова была замѣнить привольная бурлацкая жизнь.

На другой день послѣ допроса я опять приѣхалъ въ острогъ. Старшій унтеръ-офицеръ сказалъ мнѣ, что Максимъ желаетъ со мной видѣться; я велѣлъ позвать его къ себѣ.

— Что тебѣ надо Максимъ?

— Да вотъ вчера я признался вашему благородію, что подкопъ рылъ, — это я напрасный поклепъ на себя взвелъ.

Я пристально взглянулъ на Максима, но онъ очень спокойно выдержалъ мой взглядъ, — ни малѣйшее движеніе на лицѣ не измѣнило ему.

— Какъ поклепъ?

— Не въ своемъ разумѣ значить былъ, болѣзнь ощущалъ, ну на себя и наговорилъ. Такъ и запишите: самъ, дескать, въ подкопъ не виноватъ, да и другихъ никого не знаю, а что если и пока-

заль вчера иное, такъ единственно изъ слабости, непомнилъ себя. Языкъ мало ли что болтаетъ слудру.

Я сталъ уговаривать Максима, что его отказъ отъ прежнихъ словъ ни къ чему не послужитъ, что показаніе, имъ самимъ подни- санное, составляетъ полное доказательство, но Максимъ оставался на своемъ «напрасномъ поклепѣ». Я впрочемъ дѣйствительно не понималъ, что за причина была, побудившая Максима взять назадъ свои слова.

— Ну, а пятны-то?

— Пятны то? Да вѣдь я говорилъ вчерась, что чесотка со мной.

— Послушай Максимъ, еслибы я только сталъ говорить, что это не чесотка, такъ мнѣ могли бы и не повѣрить, потому что я не лекаръ и въ этихъ дѣлахъ несвѣдущъ, а вѣдь вчера тебя свидѣ- тельствовалъ докторъ, и нашолъ, что у тебя чесотки никогда не было, а пятна ты просто натеръ, рывши подкопъ.

— А развѣ лекаръ врать-то не умѣетъ, — чай онъ тоже чело- вѣкъ.

— Вреть или нѣтъ онъ, но во всякомъ случаѣ ему повѣрять больше чѣмъ тебѣ, и его бумага будетъ противъ тебя сильнымъ до- казательствомъ.

Максимъ выпрямился во весь ростъ, на рукахъ его глухо звякнули кандалы.

— Вотъ что, ваше благородіе! Дуракъ я былъ вчерась, что ба- шку лекарю кандалами не разбилъ, пересталъ бы бумаги писать, проговорилъ онъ задыхаясь.

Трудно себѣ представить перемѣну, совершившуюся въ это время въ Чапуринѣ: едвали только не тутъ можно было понять что это былъ за страшный челоуѣкъ: въ глубокихъ впадинахъ его глазъ блеснулъ какой то демонскій огонь, лицо покрылось синебагровыми пятнами, онъ словно выросъ, — весь переродился. Словомъ предо мной во всей мощи стоялъ Максимъ Чапуринъ, убійца Чубовыхъ, Зарубина, Сидорова, Кулаковой.

Черезъ нѣсколько мгновеній все кончилось, и снова передо мной былъ прежній, нѣсколько сгорбленный, улыбающійся Максимъ, по- рой вертывая шуточку въ свои показанія.

Допросъ о подкопѣ была моя послѣдняя встрѣча съ Максимомъ: онъ и до сихъ поръ еще сидитъ въ К. острогѣ. Что предприметъ и

повѣдаетъ еще Максимъ — богъ-вѣсть, только положительно можно сказать, что въ запасѣ у него найдется много матерьяловъ, чтобъ протянуть свое дѣло. Недолго жилъ этотъ страшный юноша на свободѣ, зато длинный перечень кровавыхъ преступленій оставилъ онъ за собой.

Н. СОКОЛОВСКІЙ

ОЧЕРКИ ПРОШЛАГО

САМОДУРЫ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Подходила осень, и помѣщики начали собираться чаще, не потому чтобы они лѣтомъ не имѣли времени за хозяйственнымъ занятіями, а потому что осенью и зимою дѣйствительно какъ-то бываетъ больше именинниковъ и именинницъ, случаются свадьбы, да и самая погода заставляетъ сосѣдей навѣщать друга друга и коротать вечера, такіе длинные и безотрадные для деревенскаго жителя. Въ описанномъ околоткѣ жило довольно помѣщиковъ, все болѣе народъ семейный, и начиная съ перваго сентября, съ бала у предводителя, пошли цѣлые ряды довольно шумныхъ и веселыхъ собраній. Сосѣди по большей части жили согласно, любили пошировать, поиграть въ карты; молодежь непремѣнно затѣвала танцы, и въ рѣдкомъ домѣ гости не оставались по нѣсколько сутокъ, неотступно упрашиваемые радушными хозяевами. Особенно съ приѣздомъ княгини Сазандаровой, увеселенія въ уѣздѣ приняли нѣсколько разнообразный видъ, потому что эта барыня устроила все на московскую ногу, а духъ подражанія сроденъ не одному столичному обществу. У княгини, напримеръ, ужинать накрывали на маленькихъ столикахъ, и мало-помалу въ сосѣдствѣ привилось это нововведеніе и только нѣкоторые хозяйки не могли примириться съ обычаемъ княгини не давать за ужиномъ супу, что инымъ провинціалкамъ казалось просто неприличнымъ. Хотя и у Сазандаровой разносили гостямъ бульонъ въ чашкахъ, однако уѣздныя барыни сперва называли бульонъ помоями и долго не хотѣли вводить этого, по

ихъ мнѣнію, нелѣпаго обычая, который впрочемъ нравился, особенно когда генераль Бобовихинъ выразилъ, что это хорошее заведеніе. Княгиня, напримѣръ, терпѣть не могла трубочнаго запаха и просила гостей не курить ни въ танцевальной залѣ, ни въ ближайшихъ комнатахъ, и мало-помалу на всѣхъ балахъ, гдѣ только присутствовала княгиня, трубка изгонялась изъ парадныхъ комнатъ, хотя противъ этого сильно возставали многіе помѣщики. Одинъ Бобовихинъ, о чемъ мы уже намекнули вначалѣ, не могъ и не хотѣлъ подчиниться такому тяжелому для него условію и сказалъ наотрѣзъ, что предпочтетъ постоянно оставаться дома — лишению дымить свой завѣтный янтарь, неразсгававшійся съ нимъ не только въ походахъ, но и въ знаменитой битвѣ при взятіи Сентъ-Эшеля. Здѣсь послѣдовали нѣкотораго рода дипломатическіе переговоры, послѣ которыхъ произошли небольшія обоюдныя уступки, окончившіяся впрочемъ въ пользу Саввы Михайлыча. Княгиня долго не сдавалась, требовала безусловнаго подчиненія своей волѣ, рассказывая при этомъ какъ пріятно видѣть почтеннаго старика съ золотой табакеркой въ рукахъ и воображая, что легко замѣнить одинъ способъ употребленія табаку другимъ, но Бобовихинъ выразился довольно рѣшительно и его ультиматумъ былъ переданъ слово въ слово Сазандаровой. Савва Михайлычъ пользовался слишкомъ хорошею репутациею и состоялъ въ такомъ крупномъ чинѣ, что московская аристократка должна была нѣсколько смягчить свою нетерпимость, и Бобовихину разрѣшалось торжественно курить трубку вездѣ безъ исключенія. Но какъ слѣдовало же подвести какую-нибудь причину такому явному предпочтенію, то Сазандарова однажды за обѣдомъ объявила слѣдующее: генералу позволялось курить впервыхъ потому что онъ въ военной службѣ привыкъ до страсти къ этому удовольствію, ввторыхъ одна трубка не оказываетъ слишкомъ вреднаго дѣйствія, третьихъ у Саввы Михайлыча прекрасный табакъ, въ которомъ даже много аромата. Для иныхъ во всемъ этомъ было довольно натяжекъ, потому что и другіе также привыкли до страсти къ трубкѣ и курили Р. А., но какъ Сазандарова была знакома не только съ губернаторомъ, но и съ генераль-губернаторомъ, такъ-какъ она радушно принимала гостей, кормила до отвала и была ко всѣмъ внимательна, обращалась чрезвычайно ласково, то всѣ подчинились стѣснительному условію и дымили свои трубки въ отдаленныхъ

комнатахъ. Даже либералы, возстававшіе открыто, на словахъ готовыя бравировать кого угодно, и наконецъ самъ Усольцовъ, который, какъ мы видѣли, не имѣлъ привычки стѣсняться, рѣшились не курить трубокъ въ присутствіи княгини, хотя Демьянъ Павлычъ и говорилъ, что не долго намѣренъ потворствовать капризамъ взбалмошной бабы и когда-нибудь окатить ее цѣлыми облаками Глезера и Линденлаубе — извѣстныя тогда Фирмы вакштафа. Конечно, Усольцову ничего не стоило привести свое намѣреніе въ исполненіе: — человекъ подобнаго закала любить продѣлывать штуки, но Усольцовъ, если появлялся на балы, то собственно съ двоякою цѣлью: наигратся въ карты и потѣшиться надъ кѣмъ-нибудь изъ помѣщиковъ, подмѣтивъ слабую струнку. Истые картежники засѣдали обыкновенно подалше, гдѣ можно было курить сколько угодно, а «штукантеріи» свои опять продѣлывали послѣ ужина въ мужской компаніи по большей части въ отдѣльныхъ флигеляхъ, слѣдовательно куренію трубки не могло мѣшать присутствіе Сазандаровой. Съ нимъ, какъ съ богатымъ человекомъ, княгиня обходилась очень хорошо, всегда любопытствовала узнавать о его штукахъ съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей и всегда смѣялась, если даже ротмистръ у нея въ домѣ позволялъ себѣ выходки надъ той или другой незначительной личностью. Усольцовъ былъ говорунъ, и за обѣдомъ обыкновенно овладѣвалъ обществомъ, которое жадно ловило всѣ его остроты и повторяло ихъ по всему уѣзду. Княгиня имѣла также привычку вмѣшиваться въ домашнюю жизнь супруговъ и любила открыто проповѣдывать строгую мораль, съ которою однакоже расходилась въ разрѣзъ отъ самой юности, и даже подъ старость не прочь была пошалить, прикрывая шалости разными приятными уловками, что не мѣшало приближеннымъ осуждать ея поведеніе. Но имѣя свои виды, княгиня не приставала къ Усольцову съ правоученіями относительно его супружеской жизни.

По странному стеченію обстоятельствъ Демьянъ Павлычъ нигдѣ не столкнулся съ Бобовихинимъ: когда Савва Михайлычъ посѣщалъ кого изъ сосѣдей, — Усольцовъ уѣзжалъ на какую-нибудь ярманку; если ротмистръ присутствовалъ на балѣ, — генералу встрѣчалось препятствіе выѣхать изъ дому, и оба эта лица, послѣ возникшихъ столкновеній, каждое съ особымъ побужденіемъ помышляли о встрѣчѣ, которая неминуемо должна была произойти осенью. Генералъ видимо робѣлъ при одной мысли встрѣ-

тяться съ буйнымъ сосѣдомъ, конечно изъ боязни уронить какъ-нибудь свой авторитетъ, а ротмистръ напротивъ выжидалъ съ нетерпѣніемъ случая стать лицомъ къ лицу съ Бобовихинымъ. Но прежде чѣмъ произошла эта встрѣча, сосѣди уже знали всѣ подробности переписки Демьяна Павлыча съ генераломъ, и хоть нѣкоторые оуждали Усольцова, однако большинство смѣлялось и рассчитывало на какія-нибудь небывалыя «штукенціи».

Что касается до Контропошкина, то онъ почти не имѣлъ знакомыхъ въ описываемомъ окологдѣ. Бывая у Демьяна Павлыча, онъ повидимому могъ поѣхать куда-нибудь на имянины, но впервыхъ самъ Усольцовъ поселился еще здѣсь недавно, воторыхъ Контропошкинъ, проживая у пріятеля, постоянно пьянствовалъ. Недоросль изъ дворянъ имѣлъ еще и ту запасную мысль, что бывая на балахъ вмѣстѣ съ Усольцовымъ, какъ-то неловко ухаживать за хорошенькими; дѣйствуя же на свободѣ, Контропошкинъ съ ожесточеніемъ иногда предавался волокитствамъ безъ боязни дружескаго, но нерѣдко строгаго контроля. Контропошкина впрочемъ хорошо знали далеко въ окрестности и о его сватовствахъ ходили разнообразныя анекдоты. Даже Сазандарова знала многія изъ его похожденій, но имѣя вѣрныя свѣдѣнія о состояніи недоросля изъ дворянъ, возымѣла на него виды относительно которой-нибудь воспитанницы, тѣмъ болѣе, что Контропошкинъ обладалъ майоратомъ, значить не могъ ни продать, ни заложить своего имѣнія.

Всѣ эти соображенія и предположенія въ сосѣдствѣ возникли именно въ то время, когда произошли послѣднія событія между Усольцовымъ и Бобовихинымъ. Между тѣмъ въ домѣ генерала постоянно шли танцевальныя уроки, и Людмила мало-помалу эманципировалась подъ вліяніемъ бойкой и неглупой компаньонки, которая хотя и дѣйствовала по внушеніямъ Сазандаровой, однако мечтала по возможности упрочить и собственное свое положеніе. Надо сказать правду, компаньонка эта сперва шибко рассчитывала на самого его превосходительство, но поживя нѣсколько недѣль въ домѣ, она увидѣла, что мечты ея невозможны. Савва Михайлычъ дѣйствительно обращался съ ней мягче нежели со всѣми домашними, даже лучше нежели съ родной сестрой, безмолвной старушкой, и посматривалъ на нее не совсѣмъ сухимъ безстрастнымъ взоромъ, однако постоянно заводилъ рѣчь о своемъ раскаяніи что женился и благодарилъ судьбу за пре-

клонный возраст, въ которомъ уже гарантированъ отъ повторенія подобной глупости. Значить съ этой стороны рассчитывать было нечего, а устроить себя иначе, дѣвушка, хотя бы и была можетъ-быть способна, однако пробовать не рѣшалась, полагаясь впрочемъ на прозволъ судьбы и на подходящий случай. Въ ожиданіи чего-нибудь чрезвычайнаго, дѣвица Солодовская дѣятельно занялась Людмилой, посвятила ее въ таинство переводныхъ романовъ, которыхъ навезла кучу съ собою, и дошла съ учепицей до того, что послѣдняя начала уже понимать свое фальшивое положеніе и не только не гордилась званіемъ старшаго адъютанта при отцѣ, а находила это смѣшнымъ, только не могла придумать какъ уклониться отъ этой своей обязанности.

Въ началѣ очерка мы сказали, что у Саввы Михайлыча былъ сынъ, которому послѣ отца доставалось все благоустроенное имѣніе. Молодой Бобовихинъ служилъ въ одномъ изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ и по завѣту отца не иначе могъ явиться въ отпускъ, какъ въ чинѣ капитана. На чемъ Савва Михайлычъ основывалъ подобное ограниченіе — рѣшить трудно, какъ и многое въ характерѣ генерала, мозги котораго работали какимъ-то особеннымъ образомъ; но таково было его неизмѣнное желаніе, или лучше, по его словамъ, «порядокъ службы.» По письмамъ невозможно было судить о молодомъ человѣкѣ по той причинѣ, что отецъ разъ навсегда приказалъ ему «не распространяться о постороннихъ матерьяхъ, а писать дѣло», то есть увѣдомлять о здоровьи, да о служебной обстановкѣ, а потому переписка гвардейца съ отцомъ не могла представить никакихъ данныхъ для заключенія о характерѣ молодого человѣка. Къ сестрѣ онъ писалъ довольно рѣдко, да и къ той адресовалъ всегда самыя официальные посланія, вѣроятно потому что и письма Людмилы точно также были сухи какъ и отцовскія, и представляли самый вѣрный образчикъ писарскаго слога изъ полковой канцеляріи. Каждую треть генералъ посылалъ акуратно сыну отъ себя сумму, равную казенному третнему жалованью и требовалъ непременно самаго подробнаго отчета, и если случалось, что гвардеецъ, который разумѣется строчилъ цыфры на обумъ для этой кукольной комедіи, ошибался, а генеральскій писарь пахотилъ какія-нибудь невѣрности, то вѣдомость возвращалась въ Петербургъ для исправленія иногда при строгомъ замѣчаніи. Впрочемъ ни одна вѣдомость необходилась безъ генеральскихъ замѣтокъ;

такъ напимѣрь частое посѣщеніе театра или наемъ кареты вызывали отъ Саввы Михайлыча приписку: «неприлично оберъ-офицеру мотать!», «протягивай ножки по одежкѣ», «безъ копѣйки рубля не насчитаешь» и т. п. сентенціи, которыя никого не вразумили, но многимъ памяты какъ ѣдкія слова, отравлявшія не одно юношеское наслажденіе. До штабсъ-капитанскаго чина молодой Бобовихинъ долженъ былъ представлять отцу списочное состояніе своей одежды и бѣлья, ремонтъ употребленный на починку, и не смѣлъ «построить» даже рубашки или невыразимыхъ безъ разрѣшенія, которое обыкновенно приправлялось приказаніями соблюдать строжайшую благоразумную экономію. Когда же молодой Бобовихинъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и генералъ могъ на конвертѣ подписать ему его высокоблагородію, тогда послѣдовалъ приказъ прекратить присылку списочнаго состоянія, и только доставлять разъ въ годъ вѣдомость прихода и расхода. Савву Михайлыча въ скучные часы, а ихъ у генерала бывало довольно много, особенно зимою, — ничто такъ не занимало какъ повѣрка вѣдомостей сына, потомучто по нимъ конечно, считая ихъ правдивыми, онъ хотѣлъ судить объ образѣ жизни молодого человѣка. Правда онъ иной разъ серьезно сердился, встрѣчая напимѣрь сряду два дня покупку новыхъ перчатокъ или какой-нибудь обѣдъ, поглощавшій значительную сумму, но зато онъ не видѣлъ другихъ негласныхъ расходовъ, которыхъ доискивался въ рапортичкахъ. Въ каждой однакожъ вѣдомости въ концѣ попадалось нѣсколько десятковъ рублей, израсходованныхъ на мелочи, которыя приводили генерала въ задумчивость, и онъ требовалъ положительнаго разъясненія, но гвардеецъ въ одномъ письмѣ увѣдомилъ, что подъ этой рубрикой значились всѣ мелочные расходы втеченіе трети, какъ-то: подарки па водку, завтраки послѣ развода и т. п. Въ первыхъ вѣдомостяхъ стояли обыкновенно расходы па покупку книгъ, и генералъ категорически объявилъ сыну, что благовоспитанному офицеру не слѣдуетъ тратить деньги на вещь, которую «прочиталъ и бросилъ», а если уже очень много свободного отъ служебныхъ занятій времени и надобно читать что-нибудь кромѣ устава, то стараться брать книги для прочету у праздныхъ людей изъ числа своихъ знакомыхъ. Несмотря на свою обычную официальную сухость, письма молодого Бобовихина впоследствии дѣлались все суше и холоднѣе. Генералъ однакоже неунывалъ

отъ этого, а находилъ, что Алеша сдѣлался серьезнымъ, положительнымъ человѣкомъ, которому слѣдуетъ заниматься дѣломъ, а не пустяками. И при всемъ томъ Савва Михайлычъ третируетъ его какъ мальчишку и даже денегъ не посылалъ прямо къ нему, а на имя своего двоюроднаго брата, которому и дѣлалъ порученія относительно разныхъ покупокъ.

Между Людмилой и братомъ не было никакой симпатіи. Правда, дѣвушкѣ внушали съ дѣтства, что она должна любить брата, но, какъ извѣстно всѣмъ, на подобныхъ внушеніяхъ никогда еще неосновывалась прочная привязанность, и перѣдко сестрицы и братцы, воспитанные только на этомъ принципѣ, живутъ по пословицѣ какъ кошка съ собакой. Людмилѣ безпрестанно твердили, что она должна любить, обязана уважать родныхъ, и этимъ оканчивались всѣ ея понятія объ отношеніяхъ къ окружающему, — слѣдовательно съ ея стороны трудно было, особенно подъ влияніемъ отца, который очень рано захватывалъ эту цатуру въ свои руки, получить о жизни какое-нибудь болѣе гуманное понятіе. Дѣвушка эта была здоровая, полная, безъ всякаго нравственнаго развитія, и что еще хуже, сформирована вродѣ какого-то солдата въ юбкѣ. Ей даже ничего не давали читать, и углубившись всецѣло въ переписку отца, она тупѣла преждевременно, потому что ее нечувствительно охватывало писарское направленіе. Общество компаньонки, довольно образованной дѣвушки, не могло не подѣйствовать на задавленную натуру Людмилы, которая невольно начала отрѣшаться отъ многихъ, насильственно привитыхъ къ ней убѣжденій и хоть медленно воспринимать совершенно новыя для нея понятія. Бобовихинъ конечно не зналъ какое возникало противодѣйствіе его системѣ и продолжалъ проводить свои принципы, подгоняя все подъ уровень службы, потому что Савва Михайлычъ в семейную жизнь свою считалъ службой, какъ бы не обращая вниманія, что собственное его служебное поприще давно окончилось. Иногда въ добрую минуту послѣ письменныхъ занятій, Бобовихинъ говорилъ съ дочерью о замужествѣ, — но это не была веселая беседа съ цѣлью подтрунить надъ дѣвушкой; это не былъ разговоръ, проникнутый участіемъ о будущности Людмилы, а просто командирская воля, — обѣщалъ выдать ее за одного изъ заслужонныхъ штабъ-офицеровъ, если уже не выищется генераль, а послѣдняго очень хотѣлось Саввѣ Михайлычу, чтобы хоть разъ

въ жизни имѣть подѣ начальствомъ генерала, такъ какъ онъ предполагалъ въ зятѣ самую строгую подчиненность своему авторитету. И Людмила привыкла смотрѣть на свое замужество именно съ этой точки зрѣнія, рассчитывая, что если ужъ быть въ чьей командѣ, то лучше у старшаго чиновъ, къ которому поневолѣ необходимо питать полнѣйшее уваженіе. Собственно же о семейной жизни и объ отношеніяхъ супруговъ она не имѣла ни малѣйшаго понятія. Казалось даже инстинкты человѣческіе вообще и женскіе въ особенности въ ней были приглушены нелѣпнымъ воспитаніемъ. Правда, она была на нѣсколькихъ балахъ въ сосѣдствѣ, но неучаствуя въ танцахъ и держа себя довольно гордо относительно прочихъ дѣвицъ въ качествѣ генеральской дочки, не имѣла даже возможности обратить вниманія на разныя волокитства молодежи; всѣ вообще сватовства, возникавшія въ околосѣ, подвергались строгой критикѣ со стороны Саввы Михайлыча. По его мнѣнію невѣста обязана перемѣнить свой титулъ не иначе какъ на высшій и въ крайнихъ случаяхъ на равный, а состоянье жениха непременно должно превосходить невѣстину, да и то родителямъ слѣдуетъ строго разбирать древность рода и заслуги предковъ, чтобъ какъ-нибудь не запятнать своей фамиліи. Всѣ эти правила дотога были усвоены Людмилой, что она рисковала сдѣлаться вполнѣ дочерью своего дражайшаго родителя, еслибы судьба не послала ей спасенія въ лицѣ бойкой компаньонки, воспитанной совершенно подѣ другими условіями. Дѣвица Солодовская, изучившая науку свѣта и перебожавшая десятокъ идеаловъ, всѣми помышленіями стремилась не только къ завоеванію мужа, но и сердца, и потому не утративъ еще идеальнаго направленія, представляла любовь въ довольно розовомъ цвѣтѣ. Она была даже дуалистка до нѣкоторой степени: обладая способностью любить до чортиковъ, она вмѣстѣ готова была выйти за нелюбимаго человѣка, представлявшаго обезпеченное положеніе или такъ-называемую выгодную партію. Но послѣдняго Солодовская открыто не проповѣдывала, и высматривая рысьими глазами удобный субъектъ, высказывала самое романтическое направленіе, ставя на первомъ планѣ безграничную любовь и одобряла только то супружество, которое было основано на самой пламенной страсти. Найдя въ Людмилѣ совершенное непониманіе житейской науки, Солодовская принялась воспитывать генеральскую дочку на свой ладъ и

въ два-три мѣсяца успѣла доказать ей всю нелѣпость ея понятій и выставить въ привлекательномъ свѣтѣ счастье двухъ любящихъ сердець, но, что главное, успѣла поколебать въ Людмилѣ убѣжденіе, что чѣмъ старѣе мужъ чиномъ, тѣмъ счастливѣе жена, привела въ доказательство романы, въ которыхъ проповѣдывались совершенно противоположныя истины. Людмила была не глупа отъ природы и по проченіи нѣсколькихъ книгъ, объясненныхъ ей компаньонкой, начала быстро сознавать всю комичность своего шутовского воспитанія, все безобразіе своихъ понятій относительно супружества и своихъ отношеній къ обществу. Она уже начинала краснѣть при мысли о своемъ прошломъ, въ которомъ она, дочь богатаго и значительнаго человѣка, являлась на балахъ одѣтая вродѣ кухарки и обреченная на роль всеобщаго посмѣшища — и своимъ неумѣнъ танцовать, и своими манерами, и наконецъ своимъ нелѣпымъ разговоромъ о вещахъ, казавшихся ей интересными, но которыя подавали поводъ въ сосѣдствѣ отзываться о ней какъ о какой-то шутихѣ. И чѣмъ сознательнѣе всматривалась она въ свое положеніе, тѣмъ съ большимъ усердіемъ принималась за книги, стараясь хоть въ нѣкоторой степени пополнить недостатокъ своихъ свѣдѣній и если не блистать въ обществѣ, то хоть не быть предметомъ насмѣшекъ и двусмысленныхъ намековъ. Въ танцахъ она успѣла очень хорошо и еслибы съ дѣтства неусвоила неуклюжихъ движеній, которыхъ не могли измѣнить никакіе уроки, Людмила танцевала бы удовлетворительно, потомучто все относившееся до па и фигуръ она выучила какъ слѣдуетъ, но рѣшительно не умѣла держаться и не могла приобрѣсть необходимой ловкости. Людмила однакоже не понимала этого, и съ нетерпѣніемъ ждала появиться на какомъ-нибудь балѣ, гдѣ она могла уже участвовать въ удовольствіяхъ молодежи, къ чему еще влекло ее и то обстоятельство, что Солодовская занялась кореннымъ преобразованиемъ ея туалета. Въѣсть съ этимъ перерожденіемъ ей и замужество стало казаться въ иномъ свѣтѣ, а припоминая всѣ балы, она въ кругу танцоровъ не замѣтила ни генераловъ, ни штабъ-офицеровъ, а все больше молодыхъ людей, — если же какой почтенный господинъ и пускался въ плясъ, то единственно для утѣшенія зрителей.

Последнія письма Усольцова неожиданно раскрыли глаза Людмилѣ, и если еще такъ недавно она принимала горячо ве-

пріятности отца, то впоследствии увидѣла однѣ только шутки, разумѣется, нелѣпныя со стороны Усольцова, о продѣлкахъ котораго довольно наслушалась между сосѣдями. Она даже разъ видѣла ротмистра и именно въ ея присутствіи за ужиномъ Демьянъ Павлычъ заставилъ одного мелкопомѣстнаго ѣсть бламанже съ горчицею.

Княгиня Прасковья Романовна, если и принадлежала къ типу самодуровъ, то развѣ отчасти, и самодурство ея проявлялось весьма въ слабой степени, такъ что ее можно безъ ущерба выдѣлать изъ этой почтенной категоріи. Разумѣется какъ московская барыня прежняго времени, она не могла не самодурствовать, но въ ея дѣйствіяхъ ничего не было рѣзкаго, ничего возмутительнаго. Умная отъ природы, она смотрѣла на многое довольно вѣрнымъ взглядомъ, и только подъ конецъ усвоила привычку мѣшаться въ чужія дѣла и вершать ихъ посвоему. Если хотите — самодурство не изъ тяжелыхъ, тѣмъ болѣе, что сфера ея дѣятельности обнимала только тѣхъ, кто добровольно преклонялся предъ ея авторитетомъ. Барыня эта однакоже не пользовалась въ Москвѣ особенной репутаціей на томъ основаніи, что происходила не изъ древнихъ аристократовъ, а изъ какого-то темнаго дворянскаго рода и за это называлась выскочкой или «рагвеппе», что гораздо обиднѣе звучитъ всякому, желающему блистать въ салонахъ большого свѣта. Покойный князь женился на ней собственно изъ-за красоты, и кто знаетъ, можетъ быть со временемъ жена его, умомъ, любезностью и ласковостью, успѣла бы снискать расположеніе неумолимаго ареопага, но къ несчастью князь ухаживалъ прежде за одной графиней, у которой обширная родня гнѣздилась по всему Арбату и Пречистенкѣ. Какъ только женился князь на бѣдной, ничтожной дворянкѣ, всѣ заговорили, всѣ поднялись на дыбы и нерасположеніе высшаго круга не только не прекратилось со смертию князя, но преслѣдовало и вдову его въ видѣ итальянской вендетты. При довольно большомъ состояніи Сазандарова бравировала кое-какъ выходки злоязычныхъ старухъ, смѣло являлась во всѣхъ собраньяхъ, украшенная брильянтами, но нерѣдко испытывала и горькія минуты, вслѣдствіе какого-нибудь явнаго affronta, на которые такъ изобрѣтательны люди извѣстнаго за-

кала. Въ особенности три долговѣчныя тетушка прежней невѣсты ея мужа, окруженныя многочисленнымъ потомствомъ, съ остервененіемъ продолжали преслѣдовать Сазандарову и не задумывались ни предъ какими средствами, чтобъ только уколоть ненавистную выскочку. Это было самое больное мѣсто княгини, и положимъ уколы аристократическихъ непріятелей случались не каждый день, однако она должна была постоянно находиться въ страхѣ ожиданія, если не какой-нибудь сцены, то ѣдкой фразы, способной отравить для нея самый пріятный вечеръ. Между тѣмъ какъ бы въ утѣшеніе она имѣла и большой кругъ приверженцевъ, которые впрочемъ состояли изъ существъ болѣе или менѣе неаристократической породы, а если попадались и кровные аристократы древняго происхожденія, то почему-нибудь или вовсе непріятные въ высшемъ кругу или едва въ немъ терпимые. Такимъ образомъ находясь, по выраженію одной непріятельницы, «entre ciel et terre», Сазандарова въ одномъ обществѣ испытывала скуку, порой даже униженіе, а въ другомъ распространяла свой деспотизмъ и находила большое удовольствіе, занимаясь дѣлами своихъ ближнихъ до самоотверженія. Преимущественно любимымъ ея занятіемъ было устроить сватьбы, мирить ссорившихся и вообще быть посредницей во всѣхъ недоразумѣніяхъ, что впослѣдствіи она привыкла считать не только своей обязанностью, но въ каждой сватьбѣ, совершенной безъ ея вѣдома, въ каждомъ примиреніи безъ ея участія, въ каждой сдѣлкѣ между знакомыми, случившейся безъ ея содѣйствія, она видѣла кровное себѣ оскорбленіе. Объ этомъ говорила вся Москва, какъ о явныхъ обычаяхъ Сазандаровой, но былъ еще у нея обычай тайный, или лучше сказать тщательно скрываемый, хотя о немъ тоже говорила Москва подъ рукою и съ разнообразными коментаріями. Обычай этотъ, подвергавшійся и подвергающійся всеобщему нарѣканію, не составляетъ какого-нибудь уродливаго или неестественнаго свойства человѣческой природы, но требуетъ строжайшей тайны, что какъ извѣстно не всегда удается въ обществѣ. Сазандарова любила до чрезвычайности нашъ не прекрасный полъ, и любовь свою съ юныхъ лѣтъ привыкла переносить на разныхъ индивидуумовъ, бывъ одарена вопервыхъ страстной натурой, вовторыхъ порядочнымъ запасомъ непостоянства. Мы уже не будемъ касаться ея невѣрностей мужу, о которыхъ въ свое время трубили ея

други и недруги; но собственно со времени вдовства княгини Прасковьи Романовны, у ней перемѣнилось большое количество любезныхъ, надо сказать правду, изъ различныхъ сословій. Вслѣдствіе такой безграничной любви, Сазандарова не была нечувствительна и къ результатамъ этого чувства, и съ особенной готовностью принимала на воспитаніе дѣтей, образовавшихъ у нея колонію, подъ именемъ воспитанниковъ и особенно воспитанницъ. Злые языки находили, что дѣло это не совсѣмъ чисто, что многія дѣти были ближе княгинѣ, нежели казались, однако Сазандарова громко опровергала подобныя предположенія и пересчитывала, сколько такая-то или такая-то отравили въ воспитательный домъ дѣтей, которыхъ не имѣли права держать въ своемъ семействѣ. Въ описываемое время у Сазандаровой было только три воспитанницъ и одинъ воспитанникъ, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, котораго она записала въ купцы и баловала самымъ непопозволеннымъ образомъ.

Въ деревню Прасковья Романовна переѣхала собственно потому, что у нея въ Москвѣ сгорѣлъ домъ, а нанимать квартиру она не рѣшилась на томъ основаніи, что по ея мнѣнію, ей неприлично было скитаться по чужимъ домамъ, и не достало бы средствъ при ея привычкахъ жить на широкую ногу. Имѣніе у нея было хорошее, въ околдкѣ не только ее полюбили, а оказали ей всеобщее уваженіе, на всѣхъ съѣздахъ начали за ней ухаживать, и княгиня рѣшилась послѣдовать правилу Юлія Цесаря, о которомъ впрочемъ врядъ ли слыхала, расчитавъ, лучше играть первую роль въ деревнѣ, нежели второстепенную въ столицѣ. При воспитанникѣ былъ у нея французъ—гувернеръ, дѣтина видный собою, который пользовался ея расположеніемъ, и болтовней своей развлекалъ ее отъ скуки, если она принуждена была сидѣть одна дома.

Первой заботой княгини было пристроить своихъ воспитанницъ, но на этотъ разъ она ошиблась въ расчетъ, потому что хотя провинциалы и непрочъ бы взять жену изъ такого знатнаго дома, однако ревностно докапывались до происхожденія княгининныхъ воспитанницъ, и старанія Прасковьи Романовны не имѣли успѣха. Всѣ эти дѣвушки оказывались мѣщанскаго происхожденія. Одна старая помѣщица даже разошлась по этому случаю съ княгиней: она нашла, что Прасковья Романовна компрометировала ея домъ, приводя съ собой «своихъ дѣвокъ» и допуская

ихъ въ одно общество съ благородными и высокоблагородными дѣвицами. Прочіе сосѣди не оказали подобной спѣси и лишь втихомолку велѣли дочерямъ неслишкомъ сближаться съ мѣщанками. Савва Михайлычъ тоже не обращалъ много вниманія на это обстоятельство, тѣмъ болѣе, что Прасковья Романовна въ компаньонки къ Людмилѣ отрекомендовала одну изъ воспитанницъ, настоящую дворянку, которая взята была княгиней дѣйствительно изъ состраданія. Такая снисходительность уѣзднаго общества, которое постоянно и теперь обнаруживаетъ самыя мелочныя стремленія къ мѣстничеству, объясняется еще и тѣмъ, что самъ губернаторъ посѣщалъ княгиню и при многочисленныхъ гостяхъ бралъ за руки ея воспитанницъ и разговаривалъ съ ними пофранцузски. Притомъ же княгиня, какъ ловкая женщина, посѣщая сосѣдей, поступала не безъ такта: она постоянно брала съ собой одну какую-нибудь воспитанницу, и молоденькая дѣвушка, изъ уваженія къ своей патронессѣ, пользовалась не только терпимостью, но и радушіемъ гостепріимныхъ хозяевъ. Уѣздные корифеи, за исключеніемъ помѣщицы, ставшей въ явную оппозицію, рѣшили, что если дочери ихъ и не должны сближаться съ воспитанницами княгини, то слѣдуетъ все-таки обращаться съ послѣдними вѣжливо и снисходительно, какъ съ особами, живущими въ настоящемъ аристократическомъ домѣ, такъ и на томъ основаніи, что дѣвущкѣ, даже изъ крестьянскаго сословія не невозможно приобрести титулъ сіятельства или превосходительства. Съ мужчинами другое дѣло: эти, если не принадлежали къ дворянству или не имѣли чина, во всякомъ случаѣ не заслуживали вниманія, а если на такого и смотрѣли порой снисходительно, то снисходительность эта была гораздо обиднѣе равнодушія. Впрочемъ и воспитанницамъ княгини не предстояло бы особеннаго удовольствія, еслибы Прасковью Романовну считали менѣе вліятельною, и еслибы она съ перваго раза не ошеломила сосѣдей блистательнымъ для уѣзднаго общества приѣмомъ.

Сазандарова тотчасъ же прибрала къ рукамъ сосѣдей и начала вмѣшиваться непосредственно въ дѣла каждаго, то подавая совѣты, то обѣщая ходатайство, то даже дѣлая выговоры и замѣчанія. Мы видѣли, что ей не подчинился лишь Савва Михайлычъ Бобовихинъ, — да и тотъ касательно только трубки, — да еще одна барыня, которая вломалась въ амбицію на томъ основаніи, что

ея бабушка сама происходила изъ графскаго рода. Остальные сосѣди съ особеннымъ удовольствіемъ посѣщали ея сіятельство, и даже самъ безолаберный Усольцовъ былъ у нея однажды въ какой-то праздникъ. Конечно Демьянъ Павлычъ поѣхалъ къ Сазандаровой не съ какой другой цѣлью, а собственно отвѣдать хваленаго повара, которымъ остался впрочемъ доволенъ, но вино, по его словамъ, «такая кислятина, какую только могутъ пить ячіе и подъячіе», — любимое словцо ротмистра, которымъ онъ называлъ статскихъ чиновниковъ. Усольцовъ однакоже какъ-то не позволилъ себѣ высказать въ глаза княгинѣ мнѣнія о ея погребѣ, и разстался съ нею довольно дружелюбно, впервыхъ потому, что потѣшился надъ нѣсколькими мелкопомѣстными, воторыхъ выигралъ около тысячи въ банкъ, а вторыхъ подмѣтилъ одну молоденькую горничную, съ которою пробовалъ вступить въ переговоры, и хотъ предпріятіе окончилось ничѣмъ, однако Демьянъ Павлычъ рассчитывалъ на будущее. Потомъ разныя безобразія какъ-то отвлекли Усольцова отъ Сазандаровой, и онъ никакъ не могъ попасть къ ней въ деревню, хотя тамъ и могъ встрѣтиться съ чиновнымъ сосѣдомъ своимъ, Бобовихинымъ. Княгиня нашла Усольцова очень интереснымъ, и замѣтно было, что онъ сдѣлалъ на нее довольно выгодное впечатлѣніе. Дѣйствительно для женщины подобнаго закала Демьянъ Павлычъ представлялъ явленіе не обыденное, и несмотря на немолодые лѣта, легко могъ одерживать побѣды, еслибы занимался, по его словамъ, такими пустяками. Ухаживать за дамами онъ называлъ «ангимонію разводить» и терять драгоценное время въ «разныхъ белендряхахъ». Росту Усольцовъ былъ вершковъ десяти, сложенъ отлично, усы носилъ въ завиткахъ; глаза его на выкатѣ, свѣтились постоянно, говорилъ онъ громко, а физической силой славился далеко въ околдкѣ. Княгиня, какъ опытная барыня, сразу подмѣтила всѣ эти достоинства, и начала было окружать его особымъ вниманьемъ, но Усольцовъ конечно не замѣтилъ этого и предавался обычнымъ занятіямъ возлѣ бутылки, возлѣ карточнаго стола и возлѣ молоденькихъ горничныхъ.

Замѣтивъ Усольцова какъ бельома, княгиня тогчасъ же надела справки о семейной жизни ротмистра, которая хотъ и неуничтожила совершенно ея дальнѣйшихъ намѣреній, однако сразу представила цѣлую массу препятствій. Дальновидная бары-

ня впрочемъ рѣшилась познакомиться съ женой Усольцова и много рассчитывала на дипломатическія свои сношенія съ ротмистромъ, которыми она, подъ видомъ обращенія Усольцова на путь истины, надѣялась вступить съ нимъ въ интимныя отношенія для своихъ собственныхъ цѣлей. Въ это же время у ротмистра завязалась исторія съ Бобовихинымъ, а княгинѣ предстояло трудное и довольно щекотливое посредничество—возстановить согласіе между сосѣдями, изъ которыхъ одинъ ей былъ дорогъ по чину и званію, а другой по своимъ личнымъ достоинствамъ.

Какъ мы уже видѣли, Антопина Григорьевна Усольцова сдѣлалась совершенной дикаркой, почти никуда не выѣзжала и потому знакомство ея съ княгиней было бы довольно затруднительно, еслибы Сазандарова сама не рѣшилась на время отложить аристократическую спѣсь и не отправилась съ визитомъ къ сосѣдкѣ, о которой всѣ твердили какъ о жертвѣ мужниныхъ вѣтренности и деспотизма. Усольцова не было дома во время этого посѣщенія. Поддавшись обаянію ласковости и ходячихъ успокоительныхъ фразъ, Антонина Григорьевна скоро высказалась передъ княгиней и вестѣсняясь набросала ей правдивый очеркъ своей жизни. Она даже нескрыла отношеній своихъ къ мужу и хотя невыставляла его чудовищемъ, однако, отдавая похвалу его заботливости и вниманію къ ея обстановкѣ, не могла удержаться чтобы не рассказать о «комедіанткахъ», которыхъ привозилъ онъ для развлечения. Передавъ все это въ короткихъ словахъ, Антонина Григорьевна подробнѣе начала описывать свою приверженность къ странникамъ и странницамъ и скоро вошла въ такую пассію относительно своего усердія къ этимъ авантюристамъ, что княгиня увидѣла рѣшительную невозможность возстановить согласіе между супругами. Комедіантки сбили ее совершенно съ толку и набросили грустную мысль на будущее, которое прежде представлялась ей въ розовомъ цвѣтѣ, потому что комедіантки какъ узнала она, отличались молодостью и красотою, а это обстоятельство очень хорошо выясняло ей стремленія и требованія Усольцова. Но тѣмъ не менѣе Сазандарова не теряла совершенной надежды, зная изъ опыта, что не всегда бельомы, особенно тѣ изъ нихъ, которые любятъ поѣсть и выпить, гонятся только за молодостью и красотою. Княгиня взяла слово съ Усольцовой посѣтить ее непременно, если послѣдуетъ на то согласіе Демьяна Павлыча. Разумѣется со стороны послѣдняго препятствія не бы-

до, и Усольцовъ обнаружилъ даже нѣкоторое удовольствіе, что знатная дама сама прѣѣхала къ его женѣ и тѣмъ оказала уваженіе его дому. Собственно говоря, Демьяну Павлычу отъ этого не было ни тепло, ни холодно, потому что принятый имъ образъ жизни ставилъ его въ исключительное положеніе, однако все-таки имѣть вѣсь въ глазахъ сосѣдей не мѣшало, тѣмъ болѣе, что это должно было уколоть Савву Михайлыча Бобовихина.

Мы оставили Контропошкина и Усольцова на пирѣ, который устроили они во Флигелѣ, гдѣ среди пляски, пѣсенъ и разныхъ безобразій, оба друга черѣдко принимались сочинять какую-нибудь великолѣпную «штукенцію» для прпведенія въ возможное бѣшенство Бобовихина. Но ни тотъ, ни другой не могли ничего придумать и рѣшили, что «утро вечера мудренѣе», именно въ то время, когда чудное розовое утро врывалось къ нимъ въ залу сквозь широкія стекла оконъ: Разумѣется, друзья проспали далеко за полдень, а когда каждый изъ нихъ съ похмѣлья осушилъ бутылки по двѣ квасу и оба они въ халатахъ усѣлись пить чай въ кругу многочисленнаго семейства, Игнашка доложила о прпбытіи посланнаго съ письмомъ отъ княгини Сазандаровой.

— Что за чертовщина! воскликнулъ Усольцовъ.

— А вѣдь она старуха? спросилъ Контропошкинъ.

— Какъ тебѣ сказать, — старая не старая, но и не молодая, только баба въ соку, глаза съ поволокой, брови срослись.

— Гм!

— Ну, да я на нее наплевать! А вотъ, Контропоша, у ней есть двѣ воспитанницы и одна такая милашка горничная.

Кусокъ булки съ противоположнаго конца стола полетѣлъ въ Усольцова.

— Полно, Текля, не дури, сказалъ ротмистръ безъ гнѣва: — вѣдь моей натуры не передѣлаешь, а будешь глупить, — вылеру и велю выбросить за ворота.

— Такъ у нея двѣ воспитанницы? спрашивалъ Контропошкинъ.

— Кажется даже больше, — да вѣдь ты знаешь, что это не по моей части.

— Такъ по нашей, Демьянъ. Однако посмотримъ что за письмо такое.

Усольцовъ распечаталъ конвертъ и прочелъ форменное приглашеніе къ завтраму на обѣдъ и на танцевальный вечеръ съ супругою.

— Экъ ее разносило!

— Чтожъ, валнемъ! Меня хоть и неприглашаютъ, да мнѣ-то какое дѣло: напялили фракъ и — честь имѣю рекомендоваться.

— Еще бы! мой пріятель и баста. Только на какого чорта зоветъ она эту кислую Антонину, не понимаю.

— Этикеты, братецъ, московскіе. А впрочемъ тебѣ-то что за дѣло.

— Разумѣется ничего, пускай себѣ ѣдетъ, если хочеть.

— А знаешь, Демьянъ, мнѣ кажется, что если званый обѣдъ, то непременно будетъ Бобовихинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Стало быть надо ѣхать, только худо, что мы еще ничего не придумали.

— Да мы и непридумавши сморозимъ какую-нибудь забортую штукаверію.

— Смотри, Ваня; я тебя знаю, ты сейчасъ раскиснешь: стоитъ только смазливой дѣвченокѣ заюлить у тебя передъ глазами — и все кончено! ты дѣлаешься свинья-свиньею.

— Не говори мнѣ этого, Демьянъ: я точно охотникъ до хорошенькихъ, а кажись еще невыдавалъ товарища.

— Не въ томъ дѣло, конечно не выдавалъ, а если въ то самое время когда нужна помощь, ты разлюбезничаеться и распустишь нюхи, отъ тебя какъ отъ козла ни шерсти, ни молока.

— Да развѣ у княгини воспитанницы тово?

— Конечно для тебя тово...

Контропошкинъ засмѣялся.

— Ну, я постараюсь, Демьянъ, а чтобъ дѣло было вѣрнѣе, попробую вализаться.

— Да вѣдь ты пьяный еще усерднѣе льнешь къ юпкамъ.

— И то правда. Эхъ, чортъ побори! Какъ же быть, Демьянушка?

— Не знаю какъ, но ты будешь свинтусъ, если промѣняешь друга на какія-нибудь финтифлюшки.

— Я вѣдь могу и попридержаться.

— Этого отъ тебя не требуютъ : волочись пожалуй на пропа-
лую, по чтобъ при случаѣ за тобой не было остановки.

— Изволь, я даю тебѣ честное слово. Досадно, что изъ на-
шихъ никого не будетъ. Чортъ ихъ знаетъ гдѣ теперь братья
Дубляковы.

— Извѣстно рыщутъ по малымъ ярманкамъ. Впрочемъ, если
мы и встрѣтимъ Бобовихина, то въ домѣ княгини я риздумалъ
затѣвать какія-нибудь штуки. Значить только на словахъ мо-
жетъ-быть перепалка.

— Тогда и одни управимся.

— А ты пожалуста удерживайся отъ своихъ любимыхъ вы-
раженій.

— Помилуй, братецъ, развѣ ты не знаешь, что я при дамахъ
готовъ даже покраснѣть, если съ языка сорвется какое-нибудь
этакое слово...

— Все это такъ, да ты можешь испортить дѣло, а мнѣ бы
хотѣлось у княгини показать, что мы съ тобой въ свое время
видывали хорошее общество.

— А развѣ и невидывали? Я въ Кіевѣ на контрактахъ, когда
былъ юнкеромъ...

— И потому я рѣшился, продолжалъ Усольцовъ, не обращая
вниманія на слова своего пріятеля : — задать Бобовихину баню
только одними шутками и, если можно, его одурaczyć.

— Я поддержу, Демьянъ, ты вѣдь знаешь каковъ я гусь,
если надобно кого пустить въ игру.

— Только братъ, Контропоша, дѣйствуй неслишкомъ усер-
дно, а то какъ разъ можешь наглупить и пожалуй испор-
тишь все дѣло. Однако надо написать вѣжливый отвѣтъ Сазан-
даровой. Я схожу къ женѣ, узнаю ѣдетъ ли она, но мы во
всякомъ случаѣ жгемъ въ тарантасѣ.

— И непременно, Демьянъ, въ моемъ, потому что у меня те-
перь дуга съ малиновыми колоколами.

На другой день часу въ двѣнадцатомъ къ подъѣзду княгини
Сазандаровой подкатили два пріятеля съ такимъ звономъ, что
вся дворня повыбѣжала смотрѣть на невиданное диво. Кромѣ
двухъ колоколовъ на дугѣ у Контропошкина, каждая лошадь

была увѣшана звонкими бубенчиками, которые издавали чрезвычайно рѣзкіе звуки. Антонина Григорьевна осталась дома на томъ основаніи, что назначенный день былъ постный, а она узнала подъ рукою, что у княгини всегда готовятъ скоромное, слѣдовательно прибытіе ея могло привести хозяйку въ смущеніе.

Усольцовъ нарядился въ ментикъ, а Контропошкинъ облекся въ новый фракъ и вообще постарался придать своей наружности особенную щеголеватость и даже надѣлъ чистыя перчатки. Бѣлье и платье его было пропитано сильными духами, и отъ него несло словно отъ косметическаго магазина.

Сазандарова радушно приняла Усольцова и любезно привѣтствовала Контропошкина, который, войдя въ комнату, искалъ уже глазами хорошенькихъ воспитанницъ. Но княгиня сидѣла одна и раскладывала пасьянсъ на преддиванномъ столѣ. Туалетъ ея былъ изысканнѣе обыкновеннаго, а открытый лифъ — чего не боялась она, обладая завидною полнотою — показывалъ, что она не прочь пококетничать съ тѣмъ, кто меньше всего ожидалъ этого и кто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на ея нѣсколько сохранившіяся прелести. Послѣ обычныхъ разсужденій о здоровьѣ, дорогѣ, объ Антонинѣ Григорьевнѣ, княгиня сказала Усольцову, что къ вечеру ждала много гостей, но къ обѣду пригласила только его, имѣя цогворить съ нимъ о серьезномъ дѣлѣ.

— При мнѣ вы можете говорить все, что угодно! отозвался Контропошкинъ: — мы съ Демьяномъ живемъ душа въ душу.

— Нѣтъ, Ваня! возразилъ Усольцовъ: — есть разныя дѣла, о которыхъ иногда нельзя говорить при третьемъ, и хоть ты мнѣ закадычный другъ, однако ступай, братъ, въ залу прогуляйся.

Сазандарова благодарнымъ взоромъ посмотрѣла на ротмистра и тотчасъ же обратилась къ Контропошкину.

— А чтобъ вы не скучали, я сейчасъ найду вамъ компанію.

И княгиня позвонила въ колокольчикъ.

Въ ту же минуту въ гостиную влетѣла недурненькая дѣвушка и сдѣлала приѣзжимъ реверансъ.

— Это моя воспитанница, Лиза.

Усольцовъ раскланялся, а Контропошкинъ поспѣшилъ отрекомендоваться.

— Вот тебѣ, Лиза, гость; постарайся занять его, пока мы потолкуемъ о дѣлѣ съ сосѣдомъ. Смотри же, ты мнѣ отвѣчаешь, если г. Контропошкинъ пожалуется на скуку.

Лиза улыбнулась, сдѣлала приглашительный жестъ рукою и пошла въ залу, а Контропошкинъ охорашиваясь послѣдовалъ за нею, взглянувъ мимоходомъ на себя въ зеркало.

— Капашка, просто капашка! думалъ онъ: — и какая вертлявая.

По уходѣ пріятеля Усольцовъ вопросительно посмотрѣлъ на княгиню, которая, принявъ довольно интересную позу, глядѣла на него, прищуривъ немного свои глаза съ новолокою.

— Чѣмъ могу служить вамъ? спросилъ ротмистръ, недоумѣвая, какого рода ожидала его интимная бесѣда.

— Вы позволите быть откровенной старухѣ.

— Позвольте на первыхъ же порахъ перебить васъ, потому что вы далеко не старуха...

— Много благодарна! перебила Сазандарова съ нѣкоторымъ жеманствомъ и взглянула особенно нѣжно, на что впрочемъ ротмистръ не обратилъ вниманія. — Мнѣ много бы надо сказать вамъ, но право не знаю, какъ вы примете мои слова.

— Я обыкновенно принимаю слова какъ они есть и никогда не ищу въ нихъ чего-нибудь другого.

— Мнѣ очень нравится ваша супруга.

— Она дѣйствительно добрая женщина, только не знаю, чѣмъ могла вамъ понравиться.

— Такая милая и кроткая.

— Къ несчастью пустилась въ хашжество. Но для меня это рѣшительно все равно.

— Вы кажется больше проводите время на охотѣ.

— И на охотѣ и съ пріятелями... Однако позвольте васъ спросить, княгиня, къ чему это все клонится? Я надѣюсь, что вы не проповѣдь станете мнѣ читать.

Сазандарова смѣшалась немного.

— Совѣтъ нѣтъ! Какое мнѣ дѣло? я такъ... Напротивъ, я смотрю на супружество, какъ бы вамъ сказать, то-есть полагаю, что должна быть свобода.

— И прежде всего свобода.

— Ктому же вы, безъ лести, такой молодець-мужчина.

Усольцовъ шаркнулъ ногою.

— Супруга ваша кажется болѣзненна.

— Вѣчно хнычетъ и вѣчно киснетъ, но мы съ ней живемъ попріятельски: я не мѣшаю ей возиться съ юродивыми, она не входитъ въ мой образъ жизни.

Княгиня погрозила Демьяну Павлычу пальцемъ съ лукавою по ея мнѣнію улыбкою. Усольцовъ тоже усмѣхнулся.

— Жизнь только тогда и пріятна, когда нѣтъ никакого стѣсненія! говорила Сазандарова: — и въ образованномъ кругу на нѣкоторыя шалости должно смотрѣть снисходительно.

— Это само собою разумѣется. Но я все ожидаю, что вамъ угодно было сказать мнѣ.

— Видите ли, я впервыхъ люблю, чтобы всѣ вокругъ меня жили въ полномъ согласіи.

Усольцовъ молчалъ.

— И если между сосѣдями пробѣжить черная кошка, продолжала княгиня: — я просто словно нездорова, терлю аппетитъ и только и вижу какъ бы уладить несогласіе.

Демьянъ Павлычъ сдѣлалъ движеніе.

— Позвольте, не перебивайте меня, — я стараюсь помирить только тѣхъ, кого уважаю.

— Вамъ значитъ извѣстны наши маленькія несогласія съ Бобовихинымъ! сказалъ ротмистръ.

— Къ сожалѣнію да, и мнѣ хотѣлось бы какъ-нибудь окончить ихъ у меня въ домѣ.

— Я долженъ вамъ сказать, княгиня, что съ моей стороны особой вражды не имѣется: я больше ограничиваюсь шутками. Бобовихинъ просто глушь.

— Демьянъ Павлычъ, Демьянъ Павлычъ! проговорила княгиня съ нѣжнымъ укоромъ: — можно ли такъ выражаться о старомъ, заслужономъ человѣкѣ.

По просьбѣ Сазандаровой Усольцовъ передалъ ей свои столкновенія съ генераломъ, разумѣется прихвастнувъ и скрывъ свои «штукастеріи». Но къ удивленію ротмистра княгиня, не только не осудила Бобовихина, а напротивъ утверждала извѣстный афоризмъ: «кто старшій, тотъ не меньшій». Послѣ получасоваго спора, который вслѣдствіе уступчивости княгини перешолъ съ ея стороны въ дружескую просьбу, Усольцовъ далъ слово не дѣлать Бобовихину штукъ покрайней-мѣрѣ у себя въ

домъ, и общалъ также придерживать своего друга Контропошкина.

Нѣсколько разъ на Усольцовѣ оставались пламенные взоры Сазандаровой, такъ что ротмистръ замѣтилъ это, но не могъ сообразить, что причиной всѣхъ дипломатическихъ переговоровъ было вовсе не одно желаніе княгини помирить его съ Бобовихинимъ. Правда, что примирять враговъ, вмѣшиваться въ дѣла супруговъ и устраивать свадьбы было добровольною обязанностью Сазандаровой, но любовь считалась преобладающимъ элементомъ въ ея характерѣ, а у княгини возникло неодолимое желаніе ухаживать за Демьяномъ Павлычемъ. Доказательствомъ этому служить послѣдній разговоръ ея съ Усольцовымъ: будь это кто-нибудь другой, а не ротмистръ, княгиня смѣло бы возстала и противъ нарушенія супружеской жизни и противъ неповиновенія, оказаннаго Бобовихину. Разумѣется Усольцовъ былъ не изъ тѣхъ, которые слушаются увѣщаній, но во всякомъ случаѣ не обошлось бы безъ крупнаго разговора, навлекшаго бы кто знаетъ какія послѣдствія. Теперь это обошлось безъ всякой размолвки и даже приняло шутливый оборотъ, особенно подъ конецъ бесѣды.

— Вы, какъ я вижу, большой проказникъ, Демьянъ Павлычъ! сказала княгиня, погрозивъ ему съ улыбкой.

— А чтоже остается дѣлать! Въ деревнѣ радъ-радехонекъ всякому развлеченію.

— Вы кажется любите развлеченія.

— Еще бы, пока служить здоровье.

— Шалуны вы, мужчины, шалуны! Все вамъ сходить съ рукъ.

— Ктоже мѣшаетъ и женщинамъ! сказалъ Усольцовъ, засмѣявшись и покручивая усы: — вольному воля, а спасенному рай!

— Да, подите! А что начнутъ говорить...

— На всякое чиханье не наадриваешься.

— Хорошо вамъ такъ рассуждать.

— Чего эта баба хочетъ отъ меня? подумалъ ротмистръ и посмотрѣлъ на нее внимательнѣе.

Въ это время Сазандарова оборотилась позвонить въ колокольчикъ и при этомъ движеніи показала довольно полный

бюсть, не принявшій еще печально-вялыхъ очертаній, встречаемыхъ въ наружности у женщинъ известнаго возраста.

— Она еще ничего! говорилъ самъ себѣ ротмистръ: — лѣтъ пять назадъ съ пьяныхъ глазъ можно бы, чортъ возьми, и приволокнуться.

— Итакъ я васъ заставила проскучать, дорогой сосѣдъ! молвила Сазандарова, дернувъ нѣсколько разъ сонетку.

— Помилуйте, какъ хозяйка дома вы обязаны заботиться, чтобъ гости находились въ мирѣ и согласіи.

— Такъ вы даете мнѣ слово нетрогать Бобовихина.

— Если только онъ меня не зацѣпитъ, потомучто у меня правило: «ѣду, ѣду не свищу, а наѣду не спущу».

— То-есть никому спуску.

— Никому положительно.

— О, да вы бѣдовый!..

— Былъ когда-то бурка, да уѣздили крутыя горки.

— Полноте, не клепайте на себя напраслину.

Явился слуга, которому отлаано было приказаніе позвать барышню Лизу и гостя, и черезъ минуту явилась барышня въ сопровожденіи веселаго и счастливаго Контропошкина.

— Не сучали? спросила у послѣдняго Сазандарова.

— Помилуйте, да у меня была такая хозяйка, просто анжѣ.

→ Право?

— Я не замѣтилъ времени; одно только цемного обезкураживало...

— Ахъ, боже-мой, чтоже такое?

— Нельзя курить, а признаюсь, адски хочется затянуться.

— Отчего же ты, Лиза, не предложила гостю безъ церемоніи въ угловую. Демьянъ Павлычъ, вы тоже курильщикъ; угодно — пока подалуť обѣдать.

— Пожалуй, вѣдь у насъ скверная привычка поминутно сосать трубку.

— Сдѣлайте одолженіе! Лиза, проводи гостей. Только господу не взыщите, у меня нѣтъ никакихъ припасовъ.

— У насъ все съ собою! сказалъ Контропошкинъ: — остается лишь scomандовать.

И выглянувъ изъ гостиной въ залу, онъ закричалъ громкимъ голосомъ:

— Гей, Васютка, кисеть и трубку!

Неуспѣлъ Контропошкинъ окончить фразу, какъ мальчицкъ выросъ словно изъ подъ земли и подавъ барину требуемое, Игнашка, безъ приказанія, не замедлилъ исполнить свою обязанность, и два пріятели, усѣвшись въ угловой комнатѣ, принялись дымить свои трубки съ наслажденіемъ.

— Ну, какіе тамъ секреты, Демьянъ?

— Все на счетъ Бобовихина — хочеть насъ помирить.

— А воспитанница—то Лиза, чудо мамзелька, Демьянъ.

— Ты ужь распустилъ нюни! Ну, что тамъ за чудо такое?

— У! какая аппетитная. Я, братъ, оглично провелъ время, сидѣлъ и посматривалъ на талийцу.

— Да ужь я тебя знаю, миѣ это не новость. А меня княгиня просила не дѣлать у нея въ домѣ никакихъ «штукантерій» Бобовихину; стало быть, Контропоша, сегодня намъ неудастся порядкомъ побѣсить его п—ство.

— Это почему? Неужели нельзя зацѣпить и въ шутку.

— Конечно нельзя. Но знаешь ли — это къ лучшему. Первое знакомство обойдется мирно, а тамъ мы придумаемъ средство, да и накроемъ соколика.

— Дѣлай какъ знаешь. Миѣ будетъ весело: вечеромъ составлется танцы и — кути душа.

— Не понимаю что за удовольствіе въ твои лѣта прыгать съ молодежью.

— Эхъ, странный ты какой, Демьянъ! Вѣдь вальсируешь, напримѣръ, съ хорошенькой, обнимешь поближе, прижмешь...

— Все это глупо, Контропошкинъ.

— Ну, не говори...

— Да не ужь—то ты серьезно думаешь, что въ тебя такъ вотъ и влюбится хорошенькая дѣвушка.

— Чѣмъ же я не кавалеръ? Богъ, кажется, не обидѣлъ.

— Эхъ, Контропоша, Контропоша, ты какъ я вижу цѣлый вѣкъ не перестанешь дурить — такал уже у тебя натура.

— Демьянъ! Не ты ли половину доходовъ проматывалъ на женщинъ! сказалъ Контропошкинъ нѣсколько обиженнымъ тономъ.

— Я, братъ, другое дѣло. Люблю всякихъ мамочекъ, пупочекъ, готовъ для нихъ на всѣ жертвы — и нескрываю. Но вѣдь у меня не твой правъ, Контропоша. Я не гоняюсь за барышнями, отъ которыхъ, по моему, никакого толку, а у меня жги тамъ,

гдѣ можно успѣть безъ всякихъ любвей и вздыхательствъ. Вотъ что.

— Да какъ же безъ любви-то?

— А такъ же, очень просто. Неужели, повторяю, ты думаешь, что въ тебя можетъ кто-нибудь серьезно влюбиться.

— Въ меня-то? А почему же нѣтъ?

— А потому, что тебѣ за-сорокъ, — поизносился ты не мало.

— Да вѣдь еще недавно...

— Ты мнѣ этого не рассказывай. Что тебя ловятъ какъ богатаго жениха — не спору, и можетъ случиться поймають.

— Дудки!

— Что тебѣ пожалуйъ иная дѣвченка и глазки состроить, — нѣтъ ничего удивительнаго: вопервыхъ по приказу родителей, воторыхъ въ надеждѣ сдѣлаться богатой барыней.

Контропошкинъ нахмурился.

— Ты не дуйся, Ваня, ты знаешь — я тебя люблю и ни на кого не промѣняю, но мнѣ всегда досадно смотрѣть какъ тебя дурачать.

— Посмотрѣлъ бы я!

— Да ты ничего не увидишь, а со стороны-то все, Контропоша, какъ на ладони. Сердиться нечего, пришлось къ слову — я и высказалъ.

— Ты какъ тамъ ни толкуй, а если Иванъ Алексѣичъ Контропошкинъ надѣнетъ новый фракъ, бархатный жилетъ, приколетъ бриллиантовую запонку и развѣситъ золотую цѣпь — пусть съ нимъ потягаются еще молодые.

— Не во фракъ и не въ запонкѣ дѣло: лѣта, сѣдины, морщины...

— Да вѣдь ты самъ любишь молоденькихъ.

— Еще бы! Но какъ ты не хочешь понять, что мои и твои связи двѣ вещи разныя: мнѣ понравилась дѣвушка, я стараюсь вступить въ переговоры и баста, а ты распустишь нюни, вздыхаешь и много-много что добьешься позволенія поцѣловать ручку, да и то, я думаю, приврешь иногда.

— Развѣ мало у меня было невѣсть, и тамъ, братъ, не одной ручкой пахнетъ.

— Невѣсть! Эка штука поцѣловать невѣсту! За то каждый поцѣлуй стоилъ тебѣ не одну тысячу впоследствии. Впрочемъ, Контропоша, чортъ съ тобою, живи какъ знаешь, — мое дѣло

сторона. Только смотри, если придется, что окрутятъ съ какой-нибудь франтихой, не пѣли на меня.

— Не окрутятъ, пока самъ не захочу.

— Да ты, я думаю, не прочь уже и Лизѣ сдѣлать предложіе.

— Она свѣженькая и такой шельменокъ.

— Свинтусъ ты и больше ничего. А я братъ здѣсь намѣтилъ горничную — вотъ-такъ живчикъ.

— Гдѣ жъ она?

— Здѣсь въ домѣ. Уже я поговорю съ нею, и если пойдетъ на то, выкуплю ее у княгини. Такъ, братъ Ваня, порядочные люди обдѣлываютъ дѣлшки, а киснуть передъ юбкой и не погусарски и помоему неприлично.

— Эхъ ты голова, Демьянъ! Да развѣ съ дѣвицей можно обращаться какъ съ крестьянской дѣвкой.

— А на коего чорта ты ухаживаешь за дѣвцами? принуждаетъ кто, что ли?

— Какъ же ты не хочешь понять, что съ образованной мамочкой пріятно посидѣть, пофѣжничать.

— Только развѣ что посидѣть. Но я въ этомъ не вижу никакого толку. А женщина, братъ, все вылететь одно и то же.

— Ну, шалишь, Демьянъ. У дѣвицы, напримѣръ, смотри какое бѣлое, пухиде тѣльце, ручки, ножки.

— Это, братъ, все чистѣйшая дребедень. На такія штуки я уже давно не ловлюсь, за то и живу безъ вздоховъ и страданій. Чепуха и шабашъ! Ручки, ножки! Экъ несетъ ахилею. У женщины главное — сложеніе, рожица.

— Ну, ты рассуждай себѣ какъ хочешь, а хорошенькая барышня и дѣвка — двѣ вещи разныя.

— Повторю только, что ты свинтусъ и дѣла не понимаешь. Хоть бы эта твоя Лиза. Она конечно тово, да посмотрѣлъ бы ты у нихъ горничную Таньку, такъ я не возьму за нее десятка твоихъ Лизъ. Просто объяденіе.

— Кто жъ тебѣ говорить, что и я прочь отъ милашки-крестьянки, но все-таки, братецъ, дворянское происхожденіе, образованность — пріятно и поамуриться.

— Съ тобою не сговорись. Однако мы накурились, пойдёмъ къ бабамъ. Смотри же не накинись на Бобовихина: мы ему зададимъ тревогу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

— О, я пропишу ему ловкаго феферу, только была бы подержка.

Пріятели пришли въ столовую, гдѣ кромѣ княгини и Лизы увидѣли еще воспитанницу Машу, дѣвочку такъ себѣ, воспитанника Поля и Француза м-г Бульдора, котораго какъ дворня, такъ и сосѣди называли бульдогомъ, и вслѣдствіе неправильнаго произношенія, и по чрезвычайному сходству гувернера съ собаками этой породы. Сазандарова, усадивъ возлѣ себя Усольцова, такъ его потчивала кушаньями, а больше тонкими вишнями, что Демьянъ Павлычъ за жаркимъ обращалъ уже большее вниманіе на хозяйку и, посматривая на ея дородный бюстъ, говорилъ про себя:

— Нѣтъ, чортова баба еще ничего, а должно быть съ молодую была у-у! какая забористая.

Контропошкинъ таялъ возлѣ Лизы и заговаривалъ съ Машей; Полю капризничалъ и дѣлалъ гримасы м-г Бульдору, который огрызался, а между тѣмъ уписывалъ каждое кушанье по полной тарелкѣ, да не забывалъ по обычаю тянуть и красное вино стаканомъ.

Послѣ обѣда пріятели отправились отдохнуть во флигель, а въ это время начали уже съѣзжаться дальніе гости, приглашенные на танцевальный вечеръ. Въ каретѣ шестеринномъ приѣхалъ и Бобовихинъ съ дочерью и компаньонкой, впервыхъ желая исполнить просьбу княгини, а вовторыхъ дать средство потанцевать Людмилѣ, которая въ красивомъ бальномъ платьѣ могла назваться хорошенькою.

Но изъ боязни нагнать скуку на читателя, мы не будемъ подробно описывать этого вечера, а очеркнемъ лишь тѣ сцены, въ которыхъ играютъ роль знакомыя намъ личности.

Еще не смерклося, а уже у Сазандаровой было много гостей, и вездѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ парадныхъ комнатъ, приѣзжія дамы принялись перёдѣваться къ балу. Можетъ быть теперь иному это обстоятельство покажется странностью, особенно относительно ближайшихъ сосѣдокъ, которыя могли, одѣвшись дома, явиться прямо въ бальномъ туалетѣ; но во время оно

истыя помѣщицы за двѣ версты не выѣзжали безъ обширнаго гардероба и подчасъ нѣсколькихъ горничныхъ. Если въ этомъ не было особенной надобности, то этикетъ непремѣнно требовалъ возить многочисленную прислугу. Притомъ же вечера, подобные описываемому, были очень рѣдки, а обыкновенно помѣщички собирались по случаю какого-нибудь семейнаго праздника и пировали по нѣскольку сутокъ. Сазандарова, поселясь въ околдкѣ, начала приглашать сосѣдей безъ всякаго предлога, но это непривилось, даже большинству не понравилось, потому что дамы, зная всѣ именины, дни рожденія, наконецъ годовыя торжества, такъ уже и готовились, а неожиданный балъ ставилъ нѣкоторыхъ въ щекотливое положеніе. И теперь считается неловкимъ являться въ гости въ одномъ и томъ же платьѣ, а тогда и подавно каждый отецъ семейства, даже недостаточный, изъ кожи лѣзъ, чтобъ у жены и дочери туалетъ былъ разнообразнѣе. Импровизированные вечера Сазандаровой стоили нерѣдко пылымъ слезъ и супружескихъ сценъ, а между тѣмъ на нихъ ѣхали охотно — кто изъ желанія лишній разъ потанцовать, кто хорошенько выпить и поужинать, кто наигратъся въ карты, а кто — и это были счастливицы — показаться въ новомъ платьѣ и побѣсить своихъ пріятельницъ. Впрочемъ всегда почти гости оставались и на другой день, и хотя уже не было параду, однако танцовали порой съ утра далеко за полночь.

Когда пріятели наши выпались послѣ обѣда и пошли въ домъ, въ гостиной уже собралась большая кучка, и на почетномъ мѣстѣ, возлѣ хозяйки, на диванѣ сидѣлъ въ мундирѣ Савва Михайлычъ Бобовихинъ. Почтенные помѣщички и помѣщицы окружали столъ, а молодежь веселыми группами расхаживала по залу въ ожиданіи танцевъ. Бобовихинъ видѣмо былъ не въ духѣ и серьезное лицо его сдѣлалось еще серьезнѣе, брови сдвинулись, и онъ искоса посматривалъ на дверь, какъ бы ожидая появленія чего-нибудь враждебнаго. И вотъ брякнули шпоры и въ гостиную тяжелою поступью вошелъ Усольцовъ, послѣдуемый Контропшкинымъ, который вылилъ на себя чуть не цѣлую стлянку самыхъ крѣпкихъ духовъ и до нельзя взѣрошилъ волосы, что по его мнѣнію придавало необыкновенную красоту его фizioноміи. Какъ ни владѣла собой Сазандарова, однако смѣшалась немного при входѣ двухъ пріятелей, которые, раскланявшись съ знакомыми, начали искать порошницъ и кресель.

— Вы незнакомы? спросила княгиня у Бобовихина, указывая на Усольцова и Контропошкина.

— Не имѣю чести, сухо отвѣчалъ Савва Михайлычъ, взмѣняясь нѣсколько въ лицѣ, но неизмѣняя своего положенія.

— Демьянъ Павлычъ Усольцовъ.

Ротмистръ поклонился и брызнулъ шпорами.

— Очень пріятно.

— А это Иванъ Алексѣичъ Контропошкинъ.

Генераль кивнулъ головой.

— Я имѣлъ удовольствіе видѣть в. п—ство у предводителя, развязно сказалъ Контропошкинъ.

— Можетъ-быть, сударь, отвѣчалъ Бобовихинъ.

Контропошкинъ подмигнулъ Усольцову, повернулся на одной ногѣ и подошелъ къ своему пріятелю.

— Чтоже вы, Демьянъ Павлычъ, удалаетесь? спросила княгиня.

— Я немного не по формѣ, отозвался Усольцовъ: — я не зналъ что встрѣчу его п—ство.

Бобовихинъ окинулъ Усольцова взоромъ, хоть онъ и въ первый моментъ замѣтилъ, что ротмистръ разстегнулъ ментикъ, изъ подъ котораго видѣлся пестрый бархатный жилетъ.

— Теперь, княгиня, другія времена, замѣтилъ онъ: — теперь не только молодежь, но и солидные люди не имѣютъ атенціи къ старшимъ.

— Напрасно изволите такъ говорить, в. п—ство, сказалъ Усольцовъ: — каждый благомыслящій человекъ обязанъ воздавать должному должное.

— По правиламъ такъ слѣдуетъ, сударь, однако мы очень часто видимъ неисполненіе обязанности.

— Я полагаю, в. п—ство, что это происходитъ вообще отъ слабости человѣческой натуры.

— И вы напрасно такъ полагаете, г. ротмистръ, ибо никакая слабость человѣческой натуры не входитъ въ расчетъ, гдѣ дѣло касается субординаціи и дисциплины.

— Противъ этого не смѣю спорить, но вѣдь могутъ въ жизни встрѣчаться недоразумѣнія.

— По моему, сударь, между старшимъ и младшимъ не должно быть никакихъ недоразумѣній. Таково мое правило.

Контропошкинъ толкнулъ въ бокъ своего пріятеля, а Усольцовъ слегка лягнулъ его ногою.

— Вы изволите говорить насчетъ фронта, в. п—ство.

— Насчетъ всего, сударь. Я слава-богу заслужонный генераль-майоръ моего государя, а при встрѣчѣ со старшимъ въ чинѣ не премину своей обязанностью.

— Миѣ кажется, в. п—ство, долгъ вѣжливости требуетъ отъ каждаго.

— Вѣжливость вѣжливостью, перебилъ Бобовихинъ, начиная горячиться: — а чинопочитаніе, сударь мой, не терпитъ послабленія.

Килгиня начинала находить свое положеніе не совсѣмъ ловкимъ, тѣмъ болѣе что ей хотѣлось примирить Усольцова съ Бобовихинымъ, о чемъ она чуть ли ужъ и не похвастала сосѣдямъ. И только уступчивость и мягкость ротмистра подавали ей нѣкоторымъ образомъ надежду на благоприятный исходъ дѣла.

— Вы оба, господа, отставные, сказала она: — и я увѣрена, что непременно сойдется за партіей виста, а чтобъ сохранить равновѣсіе — я сяду съ вами сама и усажу Дарью Андреевну.

— Я въ распоряженіи в. с—ства, сказалъ любезнымъ голосомъ Бобовихинъ: — и свято исполняю субординацію.

— А я хоть и терпѣть не могу тянуть капитель въ коммерческія игры, отозвался Усольцовъ, однако всегда привыкъ исполнять дамскія приказанія.

— Ну, и прекрасно... А вы, г. Контропошкинъ?

— Я не смыслю въ картахъ ни бельмеса и приготовился танцевать до упаду.

— Очень вамъ благодарна, тѣмъ болѣе, что кажется сегодня будетъ недостатокъ въ кавалерахъ.

— О, это шаркунъ, рекомендую, сказалъ засмѣявшись Усольцовъ: — его хоть малиной не корми, когда заиграетъ музыка.

Нѣкоторыя матушки двусмысленно улыбнулись, потому что онѣ довольно близко знали Контропошкина и не одна изъ нихъ прежде расчитывала поближе познакомиться съ богатымъ женихомъ.

Въ это время вошелъ лакей съ большимъ подносомъ, уставленнымъ чашками и стаканами, а мальчикъ въ военномъ казачкѣ принесъ раскуренную трубку и подалъ Бобовихину.

Контропошкинъ вопросительно посмотрѣлъ на Усольцова, а

этотъ пожалъ плечами , чего однакоже не замѣтилъ Иванъ Алексѣичъ .

— Значить , Демьянъ , и намъ можно? спросилъ послѣдній .
Я, братъ , съ чаемъ не могу безъ трубки .

Сазандарова это разслышала .

— Для такого заслужоннаго гостя я измѣнила своему правилу , сказала она : — только Саввѣ Михайлычу позволяется курить у меня въ гостиной . Одну трубку еще я могу выносить .

Генералъ съ иронической улыбкой посмотрѣлъ на пріятелей и задымилъ изъ своего янтара , но пуская дымъ тоненькими колечками , словно въ благодарность за особую привилегію .

— Впрочемъ и я долженъ признаться откровенно , сказалъ Усольцовъ : — что играя въ карты , не могу обойтись безъ трубки , хоть зарѣжьте , и потому буду просить посадить меня гдѣ-нибудь подальше .

— Нѣтъ ужъ , Демьянъ Павлычъ , возразила княгиня : — какъ угодно , а я хочу играть съ вами . Если захотите покурить , попросите кого-нибудь сыграть за васъ роверъ .

— Что ужъ и за игра безъ трубки . Но я желаю доказать какъ мнѣ пріятно быть въ вашей партіи — извольте я готовъ послѣ трехъ роверовъ посадить на время кого-нибудь за себя .

— Благодарю васъ . Итакъ , в. п—ство , мы можемъ начать , если позволите . Вотъ я только расажу гостей , велю завграть музыкѣ , и мы примемся за свой концертъ .

— А вы будете нашимъ капельмейстеромъ , замѣтилъ генералъ , который старался казаться веселымъ , хотя въ тайнѣ боялся сѣсть за одинъ столъ съ неугомоннымъ ротмистромъ .

Положеніе обоихъ противниковъ было натянуто , и хоть Усольцовъ рѣшился не говорить первый объ извѣстной перепискѣ , однако будучи связанъ словомъ , даннымъ княгинѣ , не придумалъ еще себѣ роли въ случаѣ , еслибъ генералъ вздумалъ открыто вломиться въ амбицію . О Бобовихинѣ я уже и не говорю . Савва Михайлычъ просто терялся и даже втихомолку жалѣлъ зачѣмъ приѣхалъ къ Сазандаровой . Промолчать передъ ротмистромъ о томъ , что онъ считалъ обиднымъ и не выразить дерзкому своего неудовольствія , казалось генералу несомнѣннымъ съ его званіемъ , а начать исторію , зная изъ опыта на смѣшливость и буйный нравъ ротмистра , тоже не представлялось благоразумнымъ , да еще при постороннихъ , которые могли

потерять къ генералу все уваженіе, такъ давно имъ приобретенное.

Принявъ во вниманіе эту нѣмую борьбу съ обѣихъ сторонѣ, чрезвычайно было пріятно взглянуть, когда княгиня, Бобовихинъ, Дарья Андреевна и Усольцовъ усѣлись въ диванной за ломберный столикъ. Несмотря на то, что заиграла музыка и молодежь начала кружиться въ вальсъ, многіе папеньки, считавшіе обязанностью полюбоваться на танцы своихъ дѣтокъ, не пошли въ залу, а остались наблюдать ходъ игры въ партіи, гдѣ сидѣли два врага, переписка которыхъ была уже отчасти извѣстна по уѣзду. Иные изъ зрителей позабыли даже собственную битву на зеленомъ полѣ и съ разобранными картами присутствовали въ уютной диванной. Первый роберъ играли — Бобовихинъ съ княгиней, и Усольцовъ съ Дарьей Андреевной. Генералъ видимо въ замѣшательствѣ, позабывъ пускать дымъ тоненькими колечками, пускалъ его огромными облаками, но съ особеннымъ ожесточеніемъ прихлопывалъ карты ротмистра, если у него была старшая. Въ нормальномъ положеніи, особенно при выигрышѣ, Бобовихинъ любилъ шутить и употреблять множество прибаутокъ, извѣстныхъ между провинціальными игроками, но на этотъ разъ молчалъ и только изрѣдка, при вопіющихъ ошибкахъ княгини, дѣлалъ ей отрывистыя замѣчанія. Однако Савва Михайлычъ выигралъ первый роберъ. Когда онъ собирался записать и не нашолъ возлѣ себя мѣлу, а Усольцовъ очень вѣжливо подаль ему и мѣлокъ и щотку, генералъ кивнулъ головою.

Но вотъ велѣніемъ судьбы второй роберъ пришлось играть Саввѣ Михайлычу съ Усольцовымъ.

— Гдѣ вамъ угодно сидѣть, в. п—ство?

— Останусь на своемъ мѣстѣ — я здѣсь выигралъ, проговорилъ генералъ, несмотря на своего партнера.

— Какъ будетъ угодно.

Между тѣмъ во время перваго робера Усольцовъ жадно примѣчалъ малѣйшія привычки генерала и ловилъ всѣ его фразы, срывавшіяся при ошибкахъ княгини. Такъ онъ замѣтилъ, что Бобовихинъ любилъ козырять и терпѣть не могъ, если партнеръ ходилъ отъ слабой масти; набравъ шесть взятокъ, онъ старался брать леве, не пуская въ ходъ дальнѣйшихъ комбинацій и приговаривалъ: «тише ѣдешь, дальше будешь». Но главное, онъ терпѣть не могъ репозсовъ, о чемъ и заявилъ впрочемъ еще при

самомъ началѣ. Всѣ эти маневры отлично изучилъ Усольцовъ и когда сѣлъ на второй роверъ противъ генерала, то сказалъ ему :

— Вы меня извините, в. п—ство, я въ вистъ плету лапти. Бобовихинъ недовѣрчиво взглянулъ на своего партнера.

— Я самъ небольшой игрокъ, сударь, только люблю соблюденіе правилъ, кои давно установлены.

— Ихъ-то я и не знаю, а рублю съ плеча: отгузилъ, откорделилъ, да и съ колокольни долой, какъ говорится.

Первую же задачу къ Бобовихину пришла отличная игра, которая съ помощью Усольцова должна была окончиться шлемомъ для ихъ противниковъ. Савва Михайлычъ, розобравъ карты, приободрился и, выкозырявъ у барынь послѣдняго козыря, проговорилъ обращаясь къ княгинѣ :

— Теперь только держитесь, в. с—ство.

Онъ началъ отхаживать свои масти и въ азартѣ не обращалъ уже вниманія на своего партнера, тѣмъ болѣе, что сдѣлалъ маленькій шлемъ, въ чемъ и извинился передъ дамами.

— Однако позвольте, сказала Дарья Андреевна : — вашъ партнеръ сдѣлалъ ренонсъ, и потому пожалуйста къ намъ три взятки — значить до шлема будетъ очень далеко.

— Какъ? спросилъ съ запальчивостью Бобовихинъ.

— А такъ: Демьянъ Павлычъ два раза недалъ бубенъ, а потомъ у него оказались бубны. Это называется ренонсомъ. Если бы вы опросили своего партнера, вы бы не отвѣчали.

Бобовихинъ торопливо раскрылъ взятки, увидѣлъ фактъ, но собирався спорить, а Усольцовъ поспѣшилъ сознаться въ своей ошибкѣ.

— Чтоже вы дѣлаете со мной, сударь? спросилъ съ негодованіемъ Савва Михайлычъ.

— Я уже имѣлъ честь докладывать в. п—ству, что плету лапти, смиренно отвѣчалъ Усольцовъ.

— Да вѣдь тутъ и умѣнья-то неваднобно никакого, чтобы скидывать масть, въ которую ходять.

— Теперь я и самъ вижу, что наглупилъ, но снявши голову, по волосамъ не плачутъ, в. п—во.

— У насъ была шлемовая игра, милостивый государь мой, и еслибы вы не снесли дамы червей, мы окончили бы большимъ шлемомъ.

— Совершенно справедливо, и я не знаю какъ это меня уго-
раздило.

Генераль собрался было выйти изъ себя, но взглянувъ на ротмистра и замѣтивъ на лицѣ его насмѣшливую улыбку, началъ пыхтѣть и обдавать своихъ партнеровъ тучами дыму, отъ котораго закашлялась не только княгиня, но и Дарья Андреевна, окуренная мужемъ «съ головы до ногъ», какъ она выражалась.

Слѣдующую игру Усольцовъ велъ такъ, что проигралъ девъ, хотя на карту не могъ жаловаться, и достигъ онъ этого, дѣлая нарочно такіе ходы, которые просто бѣсили Бобовихина; оправданія же его доставляли зрителямъ большое удовольствіе.

— Съ вами, сударь, играть нельзя! замѣтилъ ему Бобовихинъ.

— Трудно ужъ переучиваться въ мои годы, отвѣчалъ ротмистръ: — да и не всякому дано столько соображенія, сколько в. п—ву.

— Тутъ не соображеніе, а вы ногой ступить не умѣете. Вамъ, сударь, только играть въ бабки.

— В. п—во! имѣю честь напомнить, что я ротмистръ и кавалеръ.

— Господи! вмѣшалась княгиня: — неужели пустая ошибка можетъ быть причиною неудовольствія? Вѣдь мы играемъ для препровожденія времени.

— Но это изъ рукъ вонъ, сказалъ Бобовихинъ: — какъ? дожидаться шлема, сдѣлать его и записать только за три лева, потомучто партнеръ изволить плестъ лапти!

— А если этотъ партнеръ объявлялъ прежде, то и горьчиться нечего, замѣтилъ Усольцовъ: — тѣмъ болѣе, что и ваше п—во виноваты.

— Я? Позвольте спросить чѣмъ, сударь?

— А зачѣмъ не спросили — есть ли у меня бубны?

— Миѣ было не до того.

— Игра требуетъ вниманья, в. п—во.

— Не думаете ли вы, сударь, учить меня?

— Я только сдѣлалъ самое законное замѣчаніе.

— Помилуйте, господа, довольно! упрашивала Савандарова. — Будете продолжать игру.

Бобовихинъ запыхтѣлъ, Усольцовъ замолчалъ и Дарья

Андреевна сдала карты. Какъ нарочно къ генералу снова привалила громадная игра, такъ что онъ даже смягчилъ недавній гнѣвъ свой. Ходъ былъ Саввы Михайлыча, которому оставалось только найти какую-нибудь поддержку у товарища, и козырнувъ раза четыре, стуча кулакомъ, генералъ вышелъ съ маленькой трефовки отъ короля и валета самъ-четверть. Книгиня положила даму.

— Я питаю къ дамамъ полнѣйшее уваженіе, сказалъ Усольцовъ, сбрасывая пятерку.

— Да вы нарочно это, или какъ? спросилъ Бобовихинъ.

— Во время игры не дозволено разговаривать, отвѣчалъ ротмистръ, смотря съ улыбкой на генерала.

— И дѣйствительно нельзя, замѣтила Дарья Андреевна.

— Чтоже это за неумѣстная вѣжливость къ дамамъ.

— Послѣ игры буду имѣть честь обо всемъ доложить в. п.—ву.

— Значитъ Савва Михайлычъ не допускаетъ снисхожденія къ дамамъ, сказала смѣясь Сазандарова.

— Всему есть свое мѣсто, отвѣчалъ Бобовихинъ: — а въ картахъ и отца родного не жалѣютъ.

Однако, несмотря ни на какія ухищренія ротмистра, роберъ былъ выигранъ, и генералъ торжественно поставилъ плюсъ.

— Вамъ идетъ отлично карта, в. п.—ство, сказалъ Усольцовъ.

— Я полагаю, сударь, что и умѣнье не послѣднее дѣло.

— Это само собою.

— За долготѣнную службу я привыкъ исправлять ошибки другихъ.

— Но въ малыхъ чинахъ, вѣроятно и сами изволили оптаться.

Усольцовъ моргнулъ окружавшимъ, а тѣ кивнули головою.

— Напротивъ, всегда старался избѣгать ошибокъ, потомучто ревностно слѣдилъ за дѣйствіями старшихъ и бралъ съ нихъ примѣры.

— Покрайней-мѣрѣ въ картахъ, в. п.—во, гдѣ нужна особая сноровка...

— Старшій, сударь, вездѣ старшій.

— Извините, в. п.—во, у меня былъ полковой командиръ, которій въ бостонѣ плелъ лапти хуже меня.

— И чтожь?

— Всегда проигрывалъ, ремизился.

— Однако падѣюсь не позволялъ себѣ дѣлать замѣчаній?

— Никогда не обижался.

— Если игралъ съ штабъ-офицерами.

— Даже съ поручиками.

Генералъ махнулъ рукою.

— У васъ въ гусарахъ всегда водилось вольнодумство...

— Намъ съ вами, Савва Михайлычъ, сказала Дарья Андреевна. — Вы остаетесь на своемъ мѣстѣ?

— Конечно, да... Ахъ нѣтъ, у меня старшая, и я не знаю, говорилъ Бобовихинъ, искоса поглядывая на ротмистра, который по законамъ игры могъ согнать его съ мѣста.

— Вы, в. п—во, такъ счастливо играете, сказалъ послѣдній, — что я рѣшусь попросить позволенія сѣсть на ваше мѣсто: авось и мнѣ повезеть.

— Имѣете, сударь, полное право, отвѣчалъ Савва Михайлычъ, нехотя вставая съ кресла и пересаживаясь на другое. — Впрочемъ чему быть, того не миновать.

Робертъ прошелъ безъ особыхъ приключеній. Но когда сядь на новую очередь, Усольцовъ попросилъ у княгини позволенія посадить за него кого-нибудь, потомучто хотѣлъ покурить трубку.

— Нѣтъ, ужь лучше вы пойдете въ ту пору, когда настанетъ очередь со мной, сказалъ генералъ тономъ недопускающимъ возраженій.

— Позвольте спросить почему?

— Потомучто я не люблю тѣхъ, кто дѣлаетъ ренонсы и портитъ игру.

— Это не резонъ, в. п—во. Вы можете любить и нелюбить игроковъ, но если вамъ хозяйка дома позволяетъ курить въ гостиной, а мнѣ нѣтъ, то я имѣю полное право пойти разъ-другой затянуться.

— Идите, идите, успѣшила сказать Сазандарова, — да присылайте скорѣе кого-нибудь на свое мѣсто.

Бобовихинъ провожалъ глазами Усольцова, пока тотъ скрылся изъ комнаты.

— Первый еще разъ за все время отставки встрѣчаю такого невѣжу, сказалъ Савва Михайлычъ, не обращаясь ни къ кому

въ особенности: — я признаюсь, много надо имѣть терпѣнья, чтобъ оставаться хладнокровнымъ.

— Мнѣ кажется, генераль, замѣтила княгиня: — вы уже слишкомъ строго смотрите на вещи: помоему Усольцовъ отвѣчалъ вамъ вѣжливо.

— Ещебы онъ смѣлъ отвѣчать мнѣ невѣжливо! Но развѣ вы незамѣтили, что ренонсъ и ошибки его похожи на умысленныя, чтобъ только разбѣсить меня. А разстегнуть мундиръ въ присутствіи старшаго и выставить какой-то шутовской жилетъ — развѣ это на что-нибудь похоже!

— Да вѣдь онъ отставной.

— Такъ повашему отставной имѣетъ право на различные deboши? Вѣдь этакой баринъ пожалуй готовъ раскричаться и на отставнаго генерала.

— О, нѣтъ, я не думаю, сказала Сазандарова, поглядывая на окружающихъ и какъ бы желая найти поддержку.

— И я не полагаю, отозвался толстый помѣщикъ: — Демьянъ Павлычъ въ трезвомъ видѣ никогда себѣ не позволитъ...

— А въ пьяномъ? спросилъ генераль.

— Ну, подъ хмѣлькомъ онъ любитъ отпускать шути.

— Видите! сказалъ Бобовихинъ княгинѣ. — Я вѣдь живу съ нимъ по сосѣдству, и знаю хорошо этого гуся, хотя слава-богу и не встрѣчался съ нимъ до-сихъ-поръ. Вотъ постоитъ, придетъ губернаторъ, онъ приведетъ буяна въ должный респектъ.

— А жена у него какая тихая, милая женщина.

— Помилуйте, да у него, говорятъ, цѣлый батальонъ фаворитокъ.

Въ это время пришолъ одинъ старичекъ, уполномоченный Усольцовымъ играть за него, и разговоръ о ротмистрѣ прекратился, хотя Дарья Андреевна только-что собралась рассказать разные слухи и вѣсти о домашней жизни Демьяна Павлыча. Скоро впрочемъ явился и Усольцовъ. Шестой и послѣдній роверъ пришлось ему играть съ Бобовихинымъ, впродолженіе котораго Демьянъ Павлычъ на каждомъ шагу бѣсилъ своего партнера, но генераль, къ удивленію всѣхъ, не выходилъ уже изъ себя, а довольствовался короткими, хоть и энергическими замѣчаніями.

Оба противника не согласились съѣсть еще на одну очередь.

Въ танцевальной залѣ, гдѣ на двухъ танцующихъ дамъ едва приходилось по одному кавалеру, считая въ томъ числѣ и лысаго уѣзднаго лекаря, Контропошкинъ, по собственному выраженію, «носился ураганомъ». Осмотрѣвшись, онъ оставилъ ухватыванье за воспитанницей Лизой, и принялся шибко ударять за Людмилой Бобовихиной, которая понравилась ему ростомъ и яркимъ румянцемъ, что для Контропошкина въ женской красотѣ было первымъ условіемъ. Притомъ же Иванъ Алексѣичъ, не смотря на всѣ свои шалости, циническія выходки и прочія безобразія, въ душѣ питалъ невольное уваженіе къ аристократіи, или лучше сказать къ тому, что въ провинціи извѣстно подъ этимъ именемъ, и на Людмилу смотрѣлъ не просто какъ на обыкновенную дѣвушку съ румяными щоками, но какъ на генеральскую дочку — титулъ гораздо почетнѣе титула княгининой воспитанницы. Людмила же старалась быть съ нимъ любезной на томъ основаніи, что дебютируя первый разъ на паркетѣ, встрѣтила такого неутомимаго кавалера, который безпрестанно приглашалъ ее, невзирая на то, что было много танцорокъ гораздо ловче ея и опытнѣе.

Покончивъ первую партію виста, и пока составлялась другая безъ Усольцова, Бобовихинъ вышелъ въ залу взглянуть на успѣхи своего старшаго адъютанта. Въ этотъ самый моментъ Людмила, склонивъ на бокъ голову и крѣпко ухватясь за плечо Контропошкина, неслась въ быстромъ вальсѣ съ своимъ кавалеромъ. Иванъ Алексѣичъ имѣлъ обыкновеніе вальсировать съ какимъ-то неестественнымъ вывертомъ, и поднимая локти вверхъ, какъ бы собирался клевать носомъ свою даму. Генералъ немного поморщился. Онъ терпѣть не могъ Контропошкина не только по одной репутациі, но и за дружбу его съ Усольцовымъ, которая по мнѣнію Бобовихина, была даже унижительною званія «недоросля изъ дворянъ», хотя и послѣднее генералъ называлъ насмѣшкой надъ дворянскимъ сословіемъ. Когда Людмила окончила вальсъ, Савва Михайлычъ подозвалъ ее.

— Охота тебѣ танцевать съ этимъ Контропошкинымъ? сказалъ онъ.

— Онъ, папенька, хорошо вальсируетъ и такой веселый.

— Да вѣдь это недоросль изъ дворянъ, понимаешь ты? т. е. ниже юнкера и даже меньше канцеляриста, и при томъ извѣстный буянь и другъ Усольцова.

- Какъ же мнѣ быть , когда онъ меня ангажируетъ ?
- Просто отказать и баста !
- Солодовская говорить , что нельзя отказывать кавалерамъ , иначе могутъ произойти непріятности .
- Генералъ внутренно съ этимъ согласился .
- А ты бы сказала , что , молъ , мнѣ папенька не позволяетъ .
- Я попробую , потомучто въ самомъ дѣлѣ изъ-за него должна другимъ отказывать .
- А мнѣ этотъ мерзавецъ Усольцовъ и здѣсь уже успѣлъ испортить фунтъ крови .
- Что жъ онъ , забывается ?
- Забываться—то слишкомъ я не позволю , а пакостить въ игръ . Но я его распеку порядкомъ и отбилъ охоту фордебачить .
- А мнѣ , папенька , очень весело .
- Только смотри , Боже сохрани , не урони своего достоинства : вездѣ на каждомъ шагу ты должна помнить , что ты дочь заслужоннаго генералъ-майора . Тебѣ здѣсь нѣтъ равныхъ никого изъ кавалеровъ — все это мелюзга и ни у одного изъ нихъ нѣтъ даже порядочнаго чинишки .
- Я согласна , говорила Людмила въ раздумьи : — что не идетъ танцовать съ однимъ Контропошкинымъ , да какъ же слѣдовать-то ?
- Не танцую — и баста !
- Будетъ грубо .
- Ну , такъ какую-нибудь завиральную идею , только повторяю тебѣ мою волю , что не желаю видѣть тебя съ нимъ часто . У него и рожа смахиваетъ на сапожничью .
- В. п—ство , партія готова , сказалъ , подойдя къ генералу , сѣденькій помѣщикъ .
- Радъ стараться . А я вотъ лочкѣ даю инструкцію .
- О , у нихъ свои маневры и эволюціи .
- И генералъ величественно отошелъ , дымя изъ своей объемистой трубки .
- Усольцовъ показался у противоположной двери и подзвалъ Контропошкина .
- Ну , что Селадонъ Купидонычъ ? сказалъ онъ трепля по плечу пріятеля .
- Ничего , Демьянъ , танцую , веселюсь .

— Кто же тебя плѣнилъ, безпутный мой Контропоша? Воспитанница Лиза, что ли?

— Какое Лиза! Ты смотри на Бобовихину — просто лебедь лебедью.

— А! поздравляю. Вот молодецъ. Но она, братецъ ты мой, смахиваетъ на драгуна въ юбкѣ.

— Врешь, Демьянъ, и врешь, братъ, какъ сивый меринъ. Ты посмотри что за ростъ, что за румянецъ во всю щоку.

— И ухаживаешь серьезно?

— То-есть какъ тебѣ сказать, серьезнаго ничего нѣтъ, а подпускаю разныя лясы.

— Радуюсь твоей радости. А я, братъ, втеченіе двухъ роборовъ такъ разбѣсилъ Бобовихина, что онъ распекъ меня и не захотѣлъ играть больше.

— Ну?

— Ну, и ничего. Я сдѣлалъ что могъ, связавши себя словомъ, даннымъ княгинѣ. Значить нельзя сдѣлать ему никакой новой штукантеріи. Теперь устраиваемъ банчишку, а между прочимъ думаю вступить въ переговоры тамъ — понимаешь!

— Угорь ты, Демьянъ! Ейбогу, братъ, это гораздо умнѣе нашихъ волокитствъ.

— А ты лишь теперь это замѣтилъ? Но я увѣренъ, что ухаживая за дочкой врага, ты неизмѣнишь другу.

— То-есть въ чемъ?

— То-есть поможешь мнѣ выкинуть какую-нибудь штуканцію Бобовихину.

— А то какъ же, Демьянъ! Ты вѣдь меня не сегодня знаешь.

— То-то же. Постарайся даже съ нимъ поговорить, а я придумаю нельзя ли будетъ за ужиномъ отлить ему пулю.

— Дѣло, братъ, дѣло.

Усольцовъ ушелъ въ дальнюю комнату и не зналъ, что Контропошкинъ услужить ему гораздо скорѣе нежели онъ рассчитывалъ. Но возвратился немного.

Во время разговора генерала съ Людмилой, одна мелкопомѣстная сосѣдка, мать взрослой дочери-невѣсты, слышала фразы Саввы Михайловича относительно Контропошкина и вознамерилась предостеречь послѣдняго, какъ по свойству своей натуры, любившей переносить изъ дому въ домъ разныя вѣсти, такъ и подстрѣкаемая смутной надеждой завлечь богатаго же-

ниха своему дѣтищу. Вообще это была личность невнтересная, вѣчно плаксивая, неразъ даже причинявшая неудовольствіе въ сосѣдствѣ своими сплетнями, по которую приглашали вездѣ, хотя и остерегались при ней откровенно выражать свои мнѣнія. Когда по уходѣ отца Людмила, отыскавъ свою компаньонку, удалилась съ ней изъ залы для совѣщанія о непрерывныхъ приглашеніяхъ Контропошкина, мелкопомѣстная барыня перешла на другую сторону и сѣла рядомъ съ Иваномъ Алексѣичемъ.

— Похвально вы дѣлаете, что танцуете, сказала она ему: — я уважаю тѣхъ мужчинъ, которые не играютъ въ карты.

— Молодому человѣку пріятнѣе кружиться съ хорошенькими, нежели цѣлый вечеръ коптѣть за зеленымъ столомъ.

— Истинно такъ. Отъ картежника трудно ожидать чего-нибудь хорошаго. Вы, кажется, рѣдко бываете въ нашихъ мѣстахъ?

— Да, я первый разъ въ этомъ окологдѣ.

— А я когда-то была знакома съ вами: помните, мы встрѣчались у Свирскихъ...

— Извините...

— Конечно этому добрыхъ двадцать лѣтъ. У меня уже дочь невѣста. Вы незнакомы?

— Нѣтъ.

— Фимочка! Фимочка! закричала барыня на дородную дѣву, мечтавшую въ уголкѣ съ канцеляристомъ. — Пои сюда.

Переваливаясь какъ утка подошла Фимочка къ матери.

— Рекомендую, это моя дочь, а ты, Фимочка, познакомься съ Иваномъ Алексѣичемъ Контропошкинымъ.

Недоросль изъ дворянъ раскланялся и окинулъ взоромъ дебелую дѣву съ круглымъ лицомъ и оловяными глазами. Послѣ двухъ-трехъ незначущихъ фразъ, Фимочка отправилась на прежнее мѣсто продолжать прерванный разговоръ со своимъ собесѣдникомъ.

— Сокровище, а не дитя, сказала мать со вздохомъ: — такая кроткая и послушная, а что касается до хозяйства, то я и незнаю какъ можно въ семнадцать лѣтъ дойти до такой опытности.

Контропошкинъ промышчалъ что-то вродѣ одобренія.

— Одно бѣда — нѣтъ большого приданого, а теперешніе женихи ищутъ только прилагательнаго.

— Нельзя этого сказать обо всѣхъ, а впрочемъ я спорить не буду.

— Мнѣ хотѣлось бы, Иванъ Алексѣичъ, сказать вамъ одну вещь по старому знакомству, да право не знаю и боюсь, чтобы вы меня не выдали.

— Помилуйте, я свято сохраняю всѣ секреты.

— Видите ли, здѣсь есть особы, которыя вами недовольны.

— Вотъ какъ!

— И даже запрещаютъ своимъ дочерямъ танцовать съ вами.

Контропошкинъ вспыхнулъ.

— Какъ запрещаютъ? это откуда такія правила.

— Отъ излишней гордости, Иванъ Алексѣичъ.

— Желалъ бы я знать, говорилъ Контропошкинъ, чувствуя себя довольно неловко: — что же эти особы находятъ во мнѣ зазорнаго?

— Говорятъ, — извините меня, я вѣдь только по старому знакомству, — что вы недоросль изъ дворянъ...

— Ну, такъ что же?

— И ничего; значить находятъ, что напримѣръ генеральской дочкѣ неприлично танцовать съ вами.

— Вотъ какъ! А! понимаю. Стало-быть генералъ Бобовишинъ.

— Только вы бога-ради не выдавайте меня. Я случайно подслушала его разговоръ съ Людмилой Савишной. Видите Иванъ Алексѣичъ, чѣмъ знатнѣе люди, тѣмъ больше въ нихъ спѣси. Впрочемъ здѣсь много дѣвицъ, и...

— А мнѣ наплевать! Что жъ сказала эта Людмила Савишна?

— Я, говорить, съ нимъ танцую безъ всякаго удовольствія, да считала неловкимъ отказывать...

— Гм!

— А генералъ и говорить: «ты, моля, скажи, что я не позволяю или найди какую-нибудь отговорку, а танцовать тебѣ съ недорослемъ неприлично — онъ, говорить, ниже юнкера и даже канцеляриста». Ейбогу!

— Такъ-таки и сказалъ?

— Этими именно словами.

— Я же ему задамъ!

— Нѣтъ ужъ пожалуста вы меня невпутайте: я по своей добродѣтели...

— Зачѣмъ же васъ впутывать. Это мнѣ нравится — я ниже канцеляриста! Впервыхъ я самъ хоть недолго, а служилъ въ гусарахъ, вовторыхъ помѣщикъ не бѣдише какого-нибудь Бобовихина.

— Я слыхала, что вашъ пріятель Демьянъ Павлычъ собирается сыграть съ нимъ штуку.

— И не одну сыграетъ, — въ томъ я вамъ порукою. Мы ему покажемъ. Теперь позвольте: значить и Людмила Савишна гуляла на мой счетъ?

— Не безъ того, Иванъ Алексѣичъ. Не могу припомнить досконально что она говорила, но, выходяще, о себѣ очень высокаго мнѣнія.

— А мы вотъ проучимъ какъ батюшку, такъ и дочушку: намъ это не въ первый разъ.

— И правду сказать, немѣшаетъ. Только ужъ пожалуста, чтобъ я была въ сторонѣ.

— Не извольте беспокоиться.

Контропошкинъ словно переродился, глаза засверкали и онъ пошелъ отыскивать своего закадычнаго друга. Но Усольцовъ металъ уже банкъ, и потому не могъ принять дѣятельнаго участія въ огорченіи своего пріятеля. Онъ посоветовалъ только одно — не заводить крупнаго скандала въ домѣ княгини, съ которой хотѣлъ сойтись на счетъ «живчика Таньки», но допускалъ поучить Бобовихина, если можно оставивъ эту исторію до ужина, а если нельзя, то стараться вести себя прилично.

— Тебя ли я слышу? сказалъ Контропошкинъ, удивленный такой мягкостью Усольцова.

— Нельзя, Ваня, слово Сазандаровой дано, а ты знаешь мою глупую привычку исполнять свои обѣщанія. Притомъ же пойми, что здѣсь Танечка...

— Но во всякомъ случаѣ я могу на тебя рассчитывать.

— Какъ на каменную гору. А теперь мнѣ нѣкогда, видишь какъ начинаютъ бить у меня карты.

Ободренный однакожь надеждой на поддержку друга, Контропошкинъ смѣло пошелъ въ залу, постоянно вламываясь въ амбицію и направился прямо къ Людмиль Бобовихиной, кото-

рая, переговоривъ съ Солодовской, рѣшилась не танцовать постоянно съ однимъ Контропошкинымъ.

— На кадрили! сказалъ Иванъ Алексѣичъ, раскланиваясь фертомъ и играя цѣпочкой.

— Извините, я и такъ уже танцевала съ вами сряду двѣ кадрили.

— Почему же неудобно третью?

— Потому что это неприлично.

— Не вижу никакого неприличія.

— Такъ принято.

— А знаете ли вы, сударыня, что не имѣете никакого права перебирать кавалеровъ...

— Я не пойду съ однимъ и тѣмъ же нѣсколько разъ сряду. Кромѣ меня есть много дамъ.

— Но если я хочу танцовать съ вами.

— Очень жалѣю, а должна отказать.

— Значитъ вы не желаете изъ гордости.

— Совсѣмъ нѣтъ, а по правиламъ приличія.

— Такъ знайте же, что перебирають только кавалеровъ... впрочемъ гдѣ — я вамъ скажу послѣ...

— Я право не понимаю, г. Контропошкинъ, отчего вы пристааете непремѣнно ко мнѣ, когда столько дѣвицъ.

— Я танцевалъ съ вами прежде оттого, что находилъ въ этомъ удовольствіе, а теперь ангажирую потому, что хочу доказать свое право.

— Это очень странно. А если я не хочу танцовать съ вами?

— Потому что вы генеральская дочь?

— Если и потому?

— Такъ я докажу, что не бываетъ по вашему.

— Вотъ новости!

— Нѣтъ не новости. Если не пойдете со мною танцовать, то не будете ни съ кѣмъ, — я не позволю.

— Въ такомъ случаѣ! отвѣчала Людмила, вспыхнувъ въ свою очередь: — я говорить съ вами больше не буду, а представлю это другимъ...

И раздосадованная дѣвушка пошла прямо въ диванную, послѣдуемая однакоже Контропошкинымъ.

Дѣвица Солодовская видѣла все это и поспѣшила, если можно, предупредить бурю, возникавшую отъ столкновенія прили-

чій съ оскорбленнымъ самолюбіемъ. Но уже Людмила очутилась у ломбернаго столика и передала отцу въ несвязныхъ словахъ преслѣдованія Контропошкина. Бобовихинъ сложилъ карты и всталъ съ своего мѣста, обнаруживая гнѣвъ, который выражался у него необыкновеннымъ пыхтѣніемъ и софѣніемъ. Сазандарова даже испугалась и въ качествѣ хозяйки дома пыталась уладить несогласіе.

— Тутъ можетъ быть душечка что-нибудь не такъ! сказала она, обращаясь къ Людмилѣ.

— Помилуйте, княгиня, онъ мнѣ сказалъ, что если я пойду съ кѣмъ другимъ, то онъ не позволитъ, и такое разное.

— А вотъ и самъ Иванъ Алексѣичъ Контропошкинъ! замѣтила Дарья Андреевна, которую начала занимать неожиданная исторія.

Контропошкинъ какъ ни въ чемъ не бывало подходитъ къ столу, гдѣ засѣдало высшее судилище, т. е. отецъ дѣвушки и хозяйка дома.

— Какъ вы смѣли, сударь, оскорбить дочь мою? началъ Бобовихинъ: — развѣ не видите, что я генераль-майоръ и кавалеръ?

— Прежде узнайте, в. п—ство, въ чемъ дѣло...

— Я, сударь, знать ничего не хочу?

— Нехорошо, Иванъ Алексѣичъ! сказала княгиня: — обижать молодую дѣвицу, дочь такого заслужоннаго сосѣда.

— Однако, господа! вмѣшался сѣдой помѣщикъ: — надо же выслушать и Контропошкина.

— Чтожъ вы, милостивый государь! закричалъ на этого посредника Бобовихинъ: — хотите дочь генераль-майора ставить на очную ставку съ недорослемъ изъ дворянъ! Это что за исторія?

— Впервыхъ, генераль, я не вашъ подчиненный, а вторыхъ справедливость требуетъ выслушивать обѣ стороны.

— Ахъ, боже-мой, оставьте, господа! говорила растерянная княгиня. — Могла ли я предвидѣть.

— Дочь моя не хочетъ танцовать съ вами, и баста! сказалъ Бобовихинъ Контропошкину.

— Ни дочь ваша и никто не имѣетъ права отказывать кавалеру.

— Не разсуждать!

— Не извольте кричать! Это говоритъ вамъ Иванъ Алексѣичъ Контропошкинъ.

— Но я приказалъ моей дочери не танцовать съ вами.

— Это другое дѣло, тогда ваша дочь и должна бы мнѣ сказать объ этомъ. Но въ такомъ случаѣ позвольте васъ спросить, по какому праву отдали вы это приказаніе?

— По такому, сударь, что вы не имѣете никакого чина. Довольны?

— Но я вѣдь дворянинъ! говорилъ нѣсколько сконфуженный Контропошкинъ.

— Знаете что, Иванъ Алексѣичъ! сказала Сазандарова: — сдѣлайте мнѣ дружбу, извинитесь передъ Людмилой Савишной и дѣло съ концомъ, а послѣ пляшите на здоровье.

— Но вы развѣ, княгиня, не слышали, что генераль находитъ меня недостойнымъ.

— Генераль очень добрый человѣкъ, а если старшій и погорячится иногда, то не всякое лыко въ строку. Неправда ли, Савва Михайлычъ.

— Я обязанъ вступить за дочь.

— Генераль тоже обидѣлъ Контропошкина! замѣтилъ съдой помѣщикъ: — и потому мнѣ кажется лучше всего окончить дѣло мировою.

Людмила стояла раскраснѣвшись и со слезами на глазахъ. Бобовихинъ пыхтѣлъ и сосалъ потухшую трубку.

— Изъ уваженія къ дому княгини, сказалъ онъ: — я готовъ прекратить эту исторію, только не позволю дочери танцовать съ нимъ.

И генераль презрительно указалъ на пелоросля.

— Я и самъ больше ангажировать не буду и тоже изъ уваженія къ княгинѣ готовъ помириться.

— Не помириться, а извольте формальнымъ образомъ просить у моей дочери прощенія.

Контропошкинъ стоялъ на своемъ правѣ, и можетъ-быть исторія разыгралась бы снова, еслибы молчавшая дотолѣ Солодовская не изъяснила недорослю, что онъ ложно толковалъ танцевальные законы.

— Еслибы вы, сказала она ему: — изрѣдка приглашали Людмилу Савишну и получили отказъ, вы могли бы претендо-

вать, но вы уже танцовали съ ней двѣ кадрили сряду, слѣдовательно на третью она не стѣсняясь можетъ отказать вамъ.

Всѣ присутствовавшіе признали справедливость этого доказательства, и Контропошкинъ попросилъ у Людмилы формально прощенія.

Возвратясь въ залу, недоросль увлекся все-таки не дородной Фимочкой, а началъ приставать къ воспитанницѣ Лизѣ, да и то не весьма чистосердечно, потомучто его оскорбилъ тонъ Бобовихина. Контропошкинъ даже пропустилъ кадрили и пошолъ сообщить другу результатъ схватки своей съ генераломъ.

— Ты всегда былъ, есть и будешь мокрой курицей! замѣтилъ ему Усольцовъ, который металъ довольно удачно: — съ несчастнымъ Куропаткой, съ какимъ-нибудь канцеляристомъ ты готовъ справляться, а въ серьезномъ дѣлѣ...

— Демьянъ, ты же самъ просилъ не затѣвать скандала! сказалъ Контропошкинъ съ укоромъ.

— Зачѣмъ же скандалъ!

— А все-таки Бобовихина можно бы отбрить! виѣшался приземистый судья: — что онъ разносился съ своей дочкой, какъ съ писаной торбой!

— Такъ я ийду и надѣлаю ей штукъ! воскликнулъ Контропошкинъ, задѣтый за живое. Только вы меня, господа, подержите.

— Нѣтъ ужъ лучше, Ваня, ты оставь. Все-таки ты побѣсилъ его. Дай сроку до ужина: можетъ мы устроимъ что-нибудь общими силами.

— Такъ зачѣмъ же меня обзывать мокрой курицей? То не заводи скандала, то зачѣмъ уступилъ, чортъ знаетъ что такое! Нельзя ли у этой княгини въ буфетѣ пройтись хоть по хересамъ покрайшей-мѣрѣ?

— А въ самомъ дѣлѣ, умную рѣчь приятно и выслушать! замѣтилъ Усольцовъ: — кто, господа, коротко знакомъ въ домѣ?

Одинъ изъ игроковъ вызвался отправиться и выхлопотать до закуски хоть «легкую батарею», и дѣйствительно исходатайствовалъ полдюжины сотерну, который и былъ поглощенъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Послѣ этого Контропошкинъ танцовалъ съ одушевленіемъ, но тщетно мать Фимочки подѣбжала къ нему съ тяжеловѣ-

выми любезностями: онъ на дородную дѣву не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Сотернъ однакоже принесъ небольшіе плоды. Контропошквинъ ловко подставилъ Людмилѣ ногу въ галопадѣ, и генеральская дочь растянулась посреди залы, но маневръ этотъ произведенъ былъ весьма искусно, и причина паденія осталась тайной какъ для Бобовихина, такъ и для прочихъ. Иванъ Алексѣичъ даже первый подскочилъ на помощь къ дѣвухкѣ и выразилъ свое соболѣзнованіе. Вина свалилась на ея кавалера, котораго генералъ прилично распекъ и сказалъ во всеуслышаніе, что «когда не умѣешь танцовать, то и соваться нечего».

Послѣ этого пасажа Бобовихинъ почувствовалъ, какъ у него накипаала злость, въ особенности на Усольцова, котораго онъ считалъ тайной пружиной всѣхъ своихъ неудовольствій. Ему хотѣлось бы непремѣнно сорвать сердце на ротмистрѣ и за неудавшійся шлемъ, и за грубость Контропошкина, и за паденіе дочери, наконецъ за всѣ его рапорты, клонившіеся къ очевидной насмѣшкѣ надъ храбрымъ завоевателемъ Сент-Эшелл. Запасъ злобы у Саввы Михайлыча былъ порядочный: генераль чувствовалъ въ себѣ довольно присутствія духа, чтобъ раскричаться на ротмистра, но найти для этого предлогъ казалось ему довольно трудно, тѣмъ болѣе, что самый удобный случай за востомъ былъ уже потерянь, вслѣдствіе неслѣпаго, по его мнѣнію, уваженія къ дамамъ. И все-таки генералъ съ трубкою въ рукѣ, перейдя залу, отправился по направленію къ угловой комнатѣ, куда дорогу указывалъ сильнѣйшій запахъ табачнаго дыма, вырвавшійся въ видѣ тумана.

— Я пойду и просто потребую у него объясненія, подумалъ генераль.

Но легко было подумать, а приближался онъ къ цѣли своего предпріятія съ большимъ сомнѣніемъ въ успѣхѣ. У двери онъ почувствовалъ было какъ начала падать его рѣшимость, но генералъ превозмогъ невольную робость и очутился въ угловой, гдѣ за однимъ столомъ четыре помѣщика рѣзались въ бостонъ, а возлѣ другого человѣкъ семь окружали Усольцова, который металъ стосъ такъ-называемый «качаловскій». Слово колосъ возвышался Усольцовъ надъ прочими игроками. Растегнувъ ментикъ и жилетъ, снявъ галстухъ, раскраснѣвшись отъ сильныхъ ощущеній и порядочной прогулки по сотерну, ротмистръ пред-

ставляя изъ себя довольно грозную фигуру и выражался хотя отрывисто, но энергически, что уже съ перваго раза подрѣзало немного Бобовихина. Генераль даже рѣшился оставить буяна въ покоѣ, на томъ основаніи, что Усольцовъ выпилъ и могъ скомпрометировать его, и расправу за переписку предпочелъ произвести посредствомъ губернатора, который скоро долженъ былъ приѣхать въ городъ на ревизію. Но такъ какъ воля въ игорную, нужно же было къ кому-нибудь обратиться, то Савва Михайлычъ и разсудилъ подойти къ мирнымъ бостоицамъ.

— Ба, ба, ба, в. п—ство! сказалъ Усольцовъ, который замѣтилъ нахмуренное лицо генерала: — не прикажете ли въ скороснѣлку, такъ-называемый «качаловскій.»

— Я, сударь мой, въ азартныя игры не играю.

— Напрасно. Вамъ такъ адски везетъ во всемъ, что навѣрное вы дѣлали бы чудеса и въ стосѣ.

— Я не знаю, видалъ ли кто, чтобы генералы позволяли себѣ играть въ банкъ или стосъ? говорилъ Бобовихинъ, обращаясь къ присутствующимъ.

— Почему же и нѣтъ?

— А потому, сударь, что неприятно отъ какого-нибудь прапорщика услышать «атанде!»

— Зато пріятно стянуть съ какого-нибудь прапорщика сотню-другую.

— Здѣсь интересъ въ сторону.

— Ну, отозвался одинъ помѣщикъ, у меня, в. п—ство, былъ бригадный командиръ, который готовъ былъ по цѣлымъ суткамъ рѣзаться въ банчишку.

— А я, такъ не одного генерала обиралъ какъ липку, говорилъ смѣясь Усольцовъ: — и признаюсь это доставляло мнѣ большое удовольствіе.

— А почему такъ? спросилъ Бобовихинъ, становясь въ грозную позу.

— А потому, что они любятъ на службѣ распекать нашего брата, — тутъ же можно запустить и вмѣ брандера. Не прикажете ли, в. п—ство? Тысяча въ банкъ, а вслучаѣ чего, отвѣчаю и больше.

— Я уже сказалъ, что не играю.

— Я вѣдь не прапорщикъ, в. п—ство.

— Мнѣ все равно, сударь, и я прощу васъ оставить меня въ покоѣ.

— А мнѣ, какъ нарочно, не везетъ, в. п—ство.

— Извольте заниматься своимъ дѣломъ.

— Вы можегь-быть думаете, что я буду говорить вамъ «атанде»? напротивъ, вы можете мной командовать. Здѣсь и ренонсовъ пѣть, а еслибъ я метавши позволилъ себѣ ренонсъ, вы виѣте право меня просто въ морду, в. п—ство.

Генераль не отвѣчалъ ротмистру и чтобы выдержать, подсѣлъ на нѣсколько минутъ къ бостонистамъ.

— Эхъ жаль, господа, сказалъ Усольцовъ: — не видать мнѣ сегодня генеральскихъ денежекъ, а хотѣлось бы пощупать бумажничъ его п—ства.

— Полно вздоръ молоть, будемъ играть, отозвался кто-то.

Вскорѣ затѣялась легкая ссора, и генераль, пользуясь благоприятнымъ случаемъ, втихомолку ускользнулъ изъ угловой комнаты. Выйдя въ залу, онъ почувствовалъ прежнюю храбость и жалѣлъ, что не проучилъ пахала. Настроение это недолго однакоже продолжалось. Генераль сообразилъ, что Усольцовъ непременно и сильно напѣется за ужиномъ, чему послѣдуетъ и пріятель его Контропошкинъ, который недоволенъ за исторію съ Людмилой, — и Савва Михайлычъ задумался.

— Вздоръ! говорилъ онъ самъ себѣ: — при такомъ многочудствѣ никто не осмѣлится...

Но вдругъ какое-то смутное предчувствие начало овладѣвать Бобовихинимъ, такъ что онъ поддался его вліянію, и хоть ему хотѣлось немного поломаться, но онъ разсудилъ, что благоразумнѣе было уѣхать до ужина. Какъ ни упрашивала его княгиня, генераль остался непреклоненъ и уѣхалъ часу въ двѣнадцать къ величайшему прискорбію Контропошкина, который на ужинѣ основывать какую-то замысловатую цотѣху.

Но взаи́мну столкновения съ генераломъ неожиданно разыгралась другая сцена, окончившаяся изгнаніемъ Усольцова изъ дому Сазандаровой, и возстановившая противъ княгини нѣсколько сторонниковъ ротмистра.

Мы уже достаточно видѣли настроеніе Сазандаровой или лучше сказать видѣли ее на удалого Усольцова, который даже и не догадывался о самой сути, утративъ всякую способность тол-

ковать вниманіе женщины въ пользу своей собственной особы. Демьянъ Павлычъ волочился преимущественно въ сферѣ, гдѣ успѣхъ нисколько не зависѣлъ отъ личныхъ его достоинствъ, а опирался на право сильного или на убѣжденія «презрѣннаго металла.» Притомъ же Усольцовъ сдѣлалъ привычку съ незапамятныхъ временъ увлекаться только молодостью и свѣжими прелестями, а если и случалось ему измѣнять этой коренной привычкѣ, то не иначе какъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ долгаго путешествія или подъ вліяніемъ безобразнѣйшаго пьянства. Но въ нормальномъ состояніи, до «второго взвода» включительно, ротмистръ наблюдалъ непремѣнно, чтобы между нимъ и предметомъ страсти существовала разница неменѣе двадцати лѣтъ, иначе онъ оставался равнодушенъ даже къ заманчивому соблазну.

Княгиня ничего этого не знала, какъ равно и того обстоятельства, что Усольцову понравилась ея горничная Таня, и подстрекаемая демономъ самолюбія, рѣшилась на энергическую мѣру подчивать собственноручно за ужиномъ Демьяна Павлыча и вдолкнуть въ него хоть минутную страсть къ ея несомнѣннѣ увядшимъ прелестямъ. Эта мысль постепенно овладѣвала цѣлый вечеръ всѣми стремленіями княгини, и присутствіе ея проявлялось какъ въ посредничествѣ при стычкѣ ротмистра съ Бобовихинымъ, такъ и въ настойчивости выгородить отъ отвѣтственности пріятеля его Контропошкина въ исторіи съ Людмилой Савишной. Сазандарова даже, хоть и удерживала ужинать Бобовихина, однако радовалась въ душѣ отъѣзду генерала, рассчитывая на большую свободу своихъ дѣйствій въ отсутствіи гостя, которому обязана была оказывать преимущественное вниманіе. Притомъ съ отъѣздомъ Людмилы, къ Контропошкину возвратилась прежняя веселость, и недоросль изъ дворянъ спова «носился ураганомъ», обративъ всю свою нѣжность на воспитанницу Лизу, что также не могло не подѣйствовать пріятно на княгиню, неусыпно заботившуюся о благосостояніи своихъ воспитанницъ. Правда, т-г Бульдоръ ходилъ въ довольно мрачномъ настроеніи духа, во-первыхъ потому что неумѣлъ порусски, вовторыхъ еще и оттого, что привыкъ рано ужинать, а въ день бала какъ нарочно у него возникъ самый неустержимый аппетитъ. Княгиня видѣла эту нахмуренную фигуру, но не спѣшила какъ прежде успокоить француза, а рассчитывала на веселый ужинъ въ сосѣдствѣ Усоль-

цова. Она даже съ трудомъ могла дожидаться окончанія ма- зурки.

Когда лакеи начали извѣщать по всеѣмъ комнатамъ объ ужи- нѣ, то Усольцова за карточнымъ столомъ уже не было: онъ ушелъ во флигель, гдѣ держалъ совѣтъ съ своимъ наперсни- комъ. Игнашка однакоже донесъ барину о невозможности сви- данія съ извѣстной горничной. Оказалось, что княгинины дѣ- вушки, особенно съ нѣкоторыхъ поръ, подвергались усиленно- строгому надзору экономки, которая и приставлена была соб- ственно блюсти нравственность женской прислуги, съ тѣхъ поръ какъ м-г Бульдоръ заподозрѣнъ былъ въ преступномъ пополуно- веніи. Усольцовъ напустился на Игнашку, но тотъ возразилъ барину хладнокровно, что дѣвочку можно или украсть или вы- купить у княгини. Последняя мысль понравилась Усольцову, онъ далъ цѣлковый Игнашкѣ, и отправился ужинать въ отлич- нѣйшемъ настроеніи.

Привѣтливо встрѣтила Демьяна Павлыча княгиня и презрѣвъ этикетъ, торжественно усалила его возлѣ себя, вооруживъ нѣко- торымъ образомъ двухъ-трехъ барынь, претендовавшихъ на по- четное мѣсто. Хозяйка къ своему столику, кромѣ ротмистра, при- гласила еще глухого исправника и подслѣповатую засѣдательшу. Но какъ всполошились бы гости, еслибъ обратили вниманіе на то, что передъ Усольцовымъ поставлены были тонкія заграничныя вина, подносимыя только губернатору, и что ротмистру подали такихъ два кушанья, которыхъ не носили ни на одинъ столикъ, хотя въ числѣ гостей было нѣсколько интимныхъ знакомыхъ кня- гини. Усольцовъ, недовольный прежде поваромъ княгини, на этотъ разъ съ особеннымъ аппетитомъ кушалъ вкусныя блюда и съ особеннымъ наслажденіемъ запивая ихъ то великолѣпнымъ портвейномъ, то дорогимъ лафитомъ, значительно подогрѣтымъ, приходилъ въ совершенное умиленіе.

— Чортова баба, если захочетъ, то съумѣетъ угостить, ду- малъ онъ, посматривая на княгиню, которая въ свою очередь глядѣла на ротмистра, желая прочесть на лицѣ его отраженіе удовлетвореннаго или такъ-сказать обласканнаго желудка.

Усольцовъ дѣйствительно любилъ плотно покушать и выпить всласть за ужиномъ, а изысканныя блюда и тонкія вина привели его въ очень нѣжное настроеніе, такъ что образъ молоденькой гор-

ничной, которая ускользала от него, началъ рисоваться въ его воображеніи со всей заманчивой прелестію.

— Вы что-то необыкновенно задумчивы, Демьянъ Павлычъ, сказала княгиня.

Ротмистръ улыбнулся.

— Не всегда же и болтать, отвѣчалъ онъ.

— Такъ и не сбылись мои надежды, продолжала Сазандарова: — а мнѣ очень хотѣлось помирить васъ съ Бобовихинымъ.

— Богъ съ нимъ! Намъ и безъ него весело.

— Онъ и уѣхалъ, мнѣ кажется, отъ вашихъ штукъ въ игръ. И что за охота сердить старика. Шалунъ вы, шалунъ, Демьянъ Павлычъ.

— А ловкіе репонсы дѣлалъ я? Ха, ха, ха!

— Онъ просто выхлѣлъ съ досады. Пу-съ, такъ вы говорите, что вамъ весело.

— Развѣ у васъ бываетъ когда скучно? Вы такая любезная, княгиня.

— Полноте, это одни комплименты! Будь я моложе — могла бы повѣрить.

— Да что вы прикидываетесь старухой! Посмотрите-ка на себя, — вы что называется еще королева.

Княгиня потупила глаза не отъ скромности конечно, а отъ внутренняго самодовольства, которое зацекотало ее подъ сердцемъ.

— Вы думаете? сказала она.

— Нетолько думаю, а готовъ повторить.

Сазандарова вдругъ бросила на ротмистра взоръ, противъ котораго иѣкогда не могъ устоять ни одинъ изъ ея обожателей.

— Желала бы я, проговорила она: — чтобъ въ этой фразѣ было хоть на половину искренности.

-- Странно, отчего же вы мнѣ не вѣрите?

— Мнѣ кажется, вамъ ничего не стоитъ сказать любезность на вѣтеръ.

— Вотъ ужъ въ этомъ никогда не былъ грѣшенъ... А въ доказательство, что уважаю васъ и считаю за образованную женщину, хочу сообщить вамъ одинъ секретъ.

Княгиня покраснѣла и даже пришла въ волненіе, что обнаружилось небольшою дрожью въ рукѣ, которою она держала бутылку лафита.

— Не влюбились ли вы? спросила она, стараясь придать своему голосу шутливый тонъ.

— На свѣтъ пѣтъ ничего невозможнаго.

— Видите, я угадала, что вы шалунъ.

— Это такая пріятная шалость, отъ которой не отказываются и на краю гроба

Сазандарова видимо повеселѣла, и хоть за столомъ сидѣли глухой господинъ и глуповатая сосѣдка, однако ей не хотѣлось заводить съ ротмистромъ интимнаго разговора, тѣмъ болѣе, что къ ней безпрестанно начали подходить кто съ вопросами, кто съ любезностями.

— Мы поговоримъ съ вами послѣ ужина, шепнула она ротмистру: — молодежь непременно затѣетъ кадрили и намъ будетъ больше свободы.

— Да, мой секретъ таковъ, что хотѣлось бы передать его безъ свидѣтелей.

Княгиня взглянула на Усольцова, и лицо ея приняло самое благодушное выраженіе.

Между тѣмъ вокругъ подымался веселый говоръ, и дребезжавшій смѣхъ Контропошкина за однимъ столомъ доказывалъ, что недоросль изъ дворянъ нашолъ себѣ какую-нибудь жертву для шумныхъ продѣлокъ. Дѣйствительно Контропошкинъ потѣшался надъ какимъ-то сутягой и звалъ къ себѣ Усольцова, но ротмистръ громко замѣтилъ пріятелю, что неприлично вставать изъ-за стола для какой-нибудь глупости.

Сазандарова постоянно дѣлалась нѣжибе къ Демьяну Павлычу, и когда подали шампанское, выпила цѣлый бокалъ за его здоровье.

Послѣ ужина, едва успѣли вынести изъ залы столы, живо сформировалась довольно оживленная кадрили, несмотря на то, что нѣкоторые ближайшіе сосѣди собрались домой и уже было далеко за полночь.

Предложивъ руку Усольцову, княгиня просила отвести ее въ диванную. Ей какъ можно скорѣе хотѣлось узнать тайну ротмистра, въ которой она предчувствовала какое-то особенное удовольствіе.

— Я васъ слушаю, сказала она Усольцову, опускаясь въ кресло и показывая мѣсто возлѣ себя.

— Извините меня княгиня, но я васъ прежде считалъ гордой

барыней, а теперь каюсь, потому что вижу ласковость и доброту.

— Охотно извиняю, проговорила Сазандарова пѣжнымъ голосомъ.

— А мнѣ именно нужно было встрѣтить въ васъ и то и другое.

— Значить и я вамъ необходима.

— И очень... Видите ли... Вы не смотрите, что я не молодъ.

— О, вы просто мужчина что-называется въ порѣ.

— Жизнь моя вамъ извѣстна: съ женою мы совершенно какъ чужіе... И чертъ-знаетъ какая у меня горячая патура.

Княгиня чувствовала какъ ей захватывало дыханье, и ей чудилось, что завѣтное желанье ея сбывалось раньше нежели она думала.

— И вотъ я такъ неожиданно почувствовалъ...

Ротмистръ какъ бы смутился и замолчалъ.

— Что же вы почувствовали? спросила томнымъ голосомъ княгиня, а между тѣмъ зорко оглянулась — не было ль въ дворовой постороннихъ.

— Право не знаю какъ сказать...

— Говорите смѣло и будьте увѣрены, что я не измѣню тайнѣ; а въ чемъ могу быть полезной...

— Попросту сказать я влюбился, проговорилъ наконецъ Усольцовъ.

— Кто же она?

— Вы не обидитесь?

— О, нѣтъ, говорите.

— Княгиня, помните, что я выдаю вамъ себя головою.

— Не ужь-то вы до сихъ поръ меня не поняли! Кто же она?

— Ваша горничная, Таня.

— Какъ? вскрикнула не своимъ голосомъ и вскакивая съ мѣста княгиня.

— Чего же вы испугались?

— Но не ослышалась ли я? Повторите!

— Ваша горничная, Таня, повторилъ твердо и внятно Усольцовъ.

— За кого же вы меня принимаете? спросила Сазандарова,

и глаза ея засверкали. — Такъ вотъ вашъ секретъ! И вы смѣли дѣлать порядочной женщинѣ подобное предложение?

— Но я, княгиня, считала васъ женщиной безъ предрасудковъ. Миѣ понравилась ваша дѣвушка, и я хотѣлъ честно купить ее.

— А! такъ вотъ вы каковы? Значитъ вамъ нужна новая жертва.

— Успокойтесь, княгиня, чего же горячиться. Не правится моя просьба — и баста! Извините.

— Но кто вамъ далъ право оскорблять меня?

— А зачѣмъ же вы допытывались? Не думали ль вы, что я влюбленъ въ какую-нибудь барышню.

— Но это наглость...

— Покорнѣйше прошу безъ этихъ выраженій.

— Я васъ больше знать не хочу. Завтра же мерзкую Таньку велю выдрать, обстричь косу и сослать куда-нибудь на хуторъ свиной пасти.

— Таня здѣсь невиновата: я началъ это безъ ея вѣдома.

У княгини показались слезы.

— Вѣроломный человекъ! сказала она въ припадкѣ гнѣва: — цѣлый вечеръ напѣвать нѣжности и потомъ...

— А! такъ вы думали, что я ухаживаю за вами! Вотъ забавно, Ха, ха, ха! Вольно же было...

— Довольно сударь. Надѣюсь, что послѣ этого мы не будемъ встрѣчаться, а Танька отвѣтитъ миѣ за всѣ ваши оскорбленія.

— Не совѣтую обижать беззащитную дѣвушку, а если на то пошло, она будетъ моею.

— Да я на васъ пожалуюсь губернатору.

— Хоть и губернаторшѣ.

— Охъ, миѣ дурно!

Княгиня позвонила изо всей силы.

Вошло нѣсколько знакомыхъ и явилась прислуга.

— Господа! Демьянъ Павлычъ Усольцовъ надѣлалъ миѣ дерзостей. Надѣюсь, что вы вступитесь за оскорбленную женщину.

Скандалъ произошелъ всеобщій и ужасный. Усольцовъ расказалъ помѣщикамъ дѣло, разумѣется, не совѣмъ вѣрно; княгиня въ свою очередь передала событіе не во всей чистотѣ, и

слѣдствіемъ интимнаго разговора въ диванной было то, что Усолицовъ, а съ нимъ и Контропошкинъ выѣхали отъ княгини въ два часа ночи, поклявшись отомстить, а главное украсть хорошенькую Таню.

Импровизированный вечеръ княгини Сазандаровой, разстроившей импровизированные ея планы, не только не способствовалъ примиренію Бобовихина съ Усолицовымъ, а напротивъ уничтожилъ всякую къ тому возможность. Савва Михайлычъ возненавидѣлъ ротмистра, который въ свою очередь увидѣлъ въ немъ самый подходящий субъектъ для своихъ «штукантерій». Провешествіе на вечерѣ однакожь сильно подѣйствовало на Демьяна Павлыча, и подѣйствовало оригинальнымъ образомъ: онъ отрезвился совершенно и началъ придумывать какъ бы ловче похитить хорошенькую горничную. Контропошкинъ нѣсколько верстъ болталъ свои соображенія, но онъ опьянѣлъ окончательно и храпѣлъ потомъ во всю ивановскую. Недоѣзжая еще домой, Усолицовъ развеселился, потому что въ головѣ его созрѣло два замѣчательныхъ проекта, которые, по его мнѣнію, должны были удовлетворить и жажду наслажденія, и жажду мести. Онъ даже растолкалъ Контропошкина, который успѣлъ немного проспаться, а какъ недоросль изъ дворянъ былъ вообще пылокъ и дѣло друга принималъ близко къ сердцу, то придя въ восторгъ отъ блистательной выдумки Усолицова, приказалъ слугѣ своему трубить тревогу, а самъ произвелъ нѣсколько пистолетныхъ выстрѣловъ. Съ рѣзкими криками и всевозможнымъ гамомъ друзья подкатили къ крыльцу Демьяна Павлыча.

Весь тотъ день ротмистръ и недоросль пили мертвую, а на слѣдующее утро Усолицовъ самъ пошелъ въ кузницу заказать крючекъ особаго рода, и потомъ ввояемъ съ Контропошкинымъ принялись набѣжать молодую грѣлку. Эти сборы и приготовленія дѣлались около печи, втеченіе которой въ Демьянѣ Павлычѣ проявлялось въ разныхъ видахъ ухорство, принимаемое имъ не только къ обитательницамъ флигеля, но и къ смиренной Антонинѣ Григорьевнѣ. Разумѣется Контропошкинъ поощрялъ все безобразія и самъ потѣшался надъ шуткомъ—Куропаткой, выпиваннымъ на продолжительное время. Описывать всѣхъ оргій и безчинствъ я не стану, предоставляя читателю дополнить этотъ

пробѣлъ воображеніемъ, потому что подробности ежедневнаго быта Усольцова и Контропошкина слагались обыкновенно изъ сальностей всякаго рода. Когда предварительныя приготовленія съ тройкой были окончены, т. е. когда друзья наѣздили молодыхъ, сильныхъ лошадей до необходимой имъ степени, въ интимномъ совѣтѣ положено было приступить къ осуществленію задуманнаго предпріятія, но прежде отдохнуть отъ своихъ трудовъ и закончить хлопоты блистательнымъ праздникомъ, тѣмъ болѣе, что подѣхали братья Дубяковы.

Автоинна Григорьевна, тихо проводившая время въ обществѣ двухъ-трехъ странищъ, узнавъ, что у мужа разливанное море и что къ нему приѣхали пріятели, вздумала въ этотъ несчастный день вечеромъ отправиться въ баню, въ сопровожденіи своихъ излюбленныхъ ханжей и велѣла натопить пожарче, въ надеждѣ попариться всласть, тѣмъ болѣе, что на это было желаніе таскающихся собесѣдницъ.

Усольдовъ, цѣлый день несправлявшійся о женѣ, подѣ вечеръ вздумалъ узнать что дѣлала барыня, и получилъ донесеніе о сборахъ ея въ «маскарадъ», какъ обыкновенно многіе называютъ баню. Въ это время ротмистръ сидѣлъ за большимъ столомъ, окруженный собутыльниками и комедьянтками, и только-что рѣшилъ изгнать торжественно Куропатку, который негодился уже къ отправленію шутовства по крайней своей плаксивости.

— Ребята! А знаете ли, я выдумалъ сегодня отличную «штуковку» для всеобщей потѣхи.

— Ну, какую? спросилъ небольшого роста господинъ, Дубяковъ-старшій, спеціальностью котораго было изъ любви къ искусству преслѣдовать конокрадовъ и справляться съ ними безъ помощи полиціи.

— А такую, что посмѣмся вдоволь.

Вся пьяная компанія поднялась со своихъ мѣстъ, а испугавшіяся комедьянтки быстро переглянулись между собою, выражая боязнь, чтобъ роль дѣйствующихъ лицъ не выпала на ихъ долю.

— Я васъ угощу сегодня фейерверкомъ, да такимъ, какого врядъ ли кто и видывалъ, ха, ха, ха!

— Ой ли! сказалъ Контропошкинъ: — а развѣ ты забылъ тотъ, что артиллеристы устроили въ Ромнахъ.

— Ну, мой фейерверкъ надѣюсь будегъ почище.

— Да не мучь же, отозвался Дубняковъ-младшій, который хоть и разбѣзжалъ неразлучно съ братомъ, однако неохотно преслѣдовалъ ковокрадовъ, а спеціально занимался виномъ и картами.

— Что за любопытство! Вѣдь хочу вамъ сдѣлать сюрпризъ, съ какой же стати расскажу. Давайте лучше ухьемъ по бутылкѣ рейнвейну такъ и быть!

— А рейнвейну, такъ въ зеленяя рюмки подать, вначе пить не стану, замѣтилъ Контропошкинъ.

— Надоѣли правду сказать, Контропоша, мнѣ твои финтяфанты, да ужь дѣлать съ тобою нечего. Эй, подать рейнвейну и принести зеленяя рюмки. Ну, такъ чтоже, ребятажъ, хотите видѣть фейерверкъ?

— Хотимъ, хотимъ, раздалось отовсюду.

— И мы хотимъ, проговорили комедіантки.

— Всѣ увидите. Эй, Игнашка!

Игнашка явился.

— Сбѣгай къ барышѣ и спроси, не пожелаетъ ли она видѣть фейерверкъ; скажи молъ Демьянъ Павлычъ пуцаеть сегодня.

Наперсникъ поспѣшилъ исполнить порученіе.

Пріатели обступили Усольцова и снова принялись разспрашивать, но онъ не объявлялъ сюрприза, а только увѣрялъ, что всѣ останутся довольны.

Вскорѣ принесли вино, и шумная ватага начала опораживать узко-горлыя бутылки.

Вошелъ Игнашка.

— Ну, что?

— Антонина Григорьевна приказали сказать, что они уже собрались въ баню, а послѣ боятся простудиться, а потому не будутъ.

— Гм! мы и безъ нея обойдемся. Теперь, братцы, пейте, пляшите, — вотъ вамъ нѣсколько хозяекъ, а я съ Игнашкой уйду сдѣлать нѣсколько приготовленій. Черезъ часъ все будетъ готово. Да не выпускайте этого плаксу Куропатку, онъ намъ можетъ пригодиться.

Усольцовъ вышелъ потатываясь, но вскорѣ возвратился веселый и довольный.

— Ужъ если я не распотѣшу васъ, то позволяю себя взять за носъ и изъ компаніи вошь.

— Да гдѣ же ты набралъ снарядовъ? спрашивалъ Контропошкинъ: — кажись я у тебя живу безвыѣздно цѣлую недѣлю.

— Въ томъ и штука! отвѣчалъ ротмистръ, наливая стаканъ: — а послѣ фейерверка шампанское, плясъ, ужинъ и по-раньше спать ложиться, потомучто завтра надо бы украсть Таньку.

Комедіантки уже освоились съ мыслью увидѣть новую товарку и потому ни одна изъ нихъ не обнаруживала ревности.

— А укравши Таньку, приниматься за Бобовихина! замѣтилъ Контропошкинъ. — Это будетъ штука капитана Кука.

— Посмотримъ, посмотримъ! молвилъ Дубняковъ старшій: — и послѣ опять закутимъ, только надо будетъ завалиться куда-нибудь на ярманку.

— Пожалуй и на ярманку! сказалъ Усольцовъ: — только бы мнѣ обдѣлать свои дѣлишки. А чтобъ теперь не терять напрасно времени, позвольте, господа, Куропаткѣ прочесть монологъ изъ трагедіи Баркова съ приличными жестами, которымъ я его выучилъ.

— Позволяемъ, позволяемъ! Ха, ха, ха!

Куропатка ежился, скромничалъ, но подъ конецъ началъ уже было разоблачаться для болѣе удобной жестикуляціи, какъ появился Игнашка.

— Все готово, пожалуйста! сказалъ онъ и лукаво улыбнулся.

Начались сборы, которые продолжались недолго и, накинувъ на себя мантильи, бурнусы, публика потянулась вслѣдъ за Усольцовымъ, который повелъ зрителей прямо въ садъ съ балкона. Было уже темно и всѣ кучкой спѣшили вдоль аллеи, причемъ по временамъ слышались взвизгиванья комедіантокъ.

— Куда же мы идемъ? заоралъ Дубняковъ старшій: — тутъ еще пожалуй и лобъ разшибешь.

— Что за нетерпѣніе!

— Да я говорю потому, что какой же можетъ быть у тебя въ саду фейерверкъ? мѣста нѣтъ такого.

— Въ томъ и штука, что кажется и мѣста нѣтъ, а Усольцовъ умудряется и отмачиваетъ исторію.

Компанія скоро свернула съ большой аллеи и потянулась по небольшой тропинкѣ. Вдали показался свѣтъ въ окнахъ.

— Да гдѣ же это мы въ самомъ дѣлѣ? спрашивалъ Контропошкинъ.

— Возлѣ бани! шепнула одна изъ компаньенокъ, обнявъ которую шествовалъ Иванъ Алексѣичъ.

— А! проговорилъ послѣдній: — ну, теперь я догадываюсь, что можетъ произойти какая-нибудь «штукантерія».

— Господа, стой! скомандовалъ Усольцовъ: — за всѣ мои хлопоты и заботы я попрошу молчанія, пока не подамъ сигнала. Утѣха будетъ велика, только пожалуста приближайтесь втихомолку.

И остановивъ публику, Усольцовъ отправилъ Игнашку впередъ осмотрѣть все ли готово. Зрители шопотомъ передавали другъ другу свои догадки. Баня была очень близко. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ начали смотрѣть впередъ и замѣтили, что по угламъ бани суетились какія-то фигуры. Черезъ нѣсколько минутъ оттуда послышался легкій свистъ.

— Игнаша, жги! проговорилъ Усольцовъ негромкимъ голосомъ.

— Въ тотъ же моментъ по угламъ бани показались свѣтящіяся точки и вслѣдъ за ихъ появленіемъ вспыхнуло небольшое пламя, которое въ нѣсколько секундъ такъ разгорѣлось, что можно было видѣть большіе костры соломы, разгоравшіеся постепенно. Не успѣли зрители прійти въ изумленіе, какъ уже у каждаго угла бани подымался высокій столбъ пламени.

Усольцовъ громко захохоталъ.

— Вотъ вамъ, братцы, фейерверкъ! говорилъ онъ. — Но погодите, сейчасъ начнутъ летать ракеты.

Контропошкинъ схватился за бока.

— Шутникъ ты, Демьянъ! сказалъ онъ, заливаясь смѣхомъ: — теперь я даже знаю, какія это будутъ ракеты.

Но въ банѣ уже послышались раздирающіе вопли испуга, и въ наружную дверь, при яркомъ освѣщеніи начали выскакивать обнаженные фигуры Антонины Григорьевны, трехъ странницъ и нѣсколькихъ служанокъ съ криками: «пожаръ, пожаръ! помогите!» Антонина Григорьевна тутъ же упала подъ ближайшимъ деревомъ, а странницы и служанки бѣгали словно помѣшанныя, не захвативъ платья и боясь возвращаться за нимъ въ баню.

Взрывъ хохота и аплодисментовъ привѣтствовалъ эту сцену,

хотя надо сказать правду въ суммѣ его педоставало тоненькихъ голосовъ, принадлежавшихъ комедіанткамъ. Двѣ изъ послѣднихъ, отдѣлившись отъ толпы, бросились къ безчувственной Усольцовой и старались прикрыть ее платками и бурнусами.

Но въ это время раздалась команда Демьяна Павловича :

— Ату его, Игнашка! Жги!

И нѣсколько человекъ съ швабрами кинулись преслѣдовать визжавшихъ странницъ, которыя непонимая что вѣкругъ нихъ происходило, метались какъ угорѣлыя. Горничныя, догадавшись въ чемъ дѣло, безъ боязни вскочили въ баню, при кликахъ одобренія зрителей.

Сцена произошла отвратительная, особенно когда Куропаткинъ спустилъ со своры борзого, какъ онъ называлъ Куропатку, къ удовольствію пріятелей. Обрадованный шутъ, что и ему хоть разъ въ жизни удалось потѣшиться надъ кѣмъ-нибудь, принялся со всѣмъ усердіемъ нагонять обнаженныхъ странницъ къ горѣвшей соломѣ, галопируя словно лошадь, а въ это время, по приказу Усольцова, люди начали тушить и заливать костры, съ цѣлью предохранить баню отъ дѣйствительнаго пожара, потому что крыша ея начала уже загораться.

— Славно! лихо! молодецки! крикнули пріятели и не переставали поощрять какъ бѣсившагося Куропатку, такъ и конюховъ со швабрами, которые гонялись за несчастными женщинами.

Но потѣха скоро кончилась. Выбѣжавшія прислужницы внесли барыню въ баню, привели въ чувство, одѣли и на рукахъ понесли въ домъ, куда дозволено было отправиться и странницамъ. Ротмистръ впрочемъ объявилъ послѣднимъ, что имъ будетъ угощеніе чаемъ, по рюмкѣ водки и по полтиннику, если онѣ обогрѣвшись придутъ во флигель поплясать съ Куропаткой, а если не согласятся, то имѣютъ получить по двадцати пяти горячихъ и тотчасъ же убираться изъ деревни.

Всѣ комедіантки, за исключеніемъ одной нѣмки, оставались при Антонинѣ Григорьевѣ, пока послѣдняя неоправилась отъ испуга, и съ невеселыми лицами явились къ пировавшимъ пріятелямъ.

Антонина Григорьевна заболѣла, и хоть на другой же день приѣхалъ докторъ, однако чрезъ недѣлю ея уже не было на свѣтѣ. Тяжелая болѣзнь жены непомѣшала Усольцову украсть у

княгини Таню, которая на первое время скрыта была на одномъ уединенномъ постояломъ дворѣ въ другомъ уѣздѣ. Само собою на Усольцова поступила куда слѣдовала жалоба отъ Сазандаровой.

Возвратясь домой послѣ извѣстнаго танцевальнаго вечера, Бобовихинъ былъ обрадованъ письмомъ отъ сына, который извѣщалъ его о своемъ производствѣ въ капитаны и просилъ разрѣшенія пріѣхать въ отпускъ. Савва Михайловичъ на другой же день послалъ отвѣтъ, приложилъ денегъ на дорогу и позволилъ пріѣхать гвардіи-капитану на три мѣсяца. Это обстоятельство затерло нѣсколько всѣ непріятныя впечатлѣнія танцевальнаго вечера, на которомъ самолюбіе его подверглось такимъ испытаніямъ, и генералъ занялся заблаговременно приготовленіемъ приличной квартиры для гвардіи-капитана.

Въ одно время къ нему начали приходять, разумѣется въ искаженномъ видѣ, свѣдѣнія о скандалѣ Усольцова въ домѣ Сазандаровой и о скоропостижной смерти Антонины Григорьевны, которая, какъ говорили въ околоткѣ, чуть не была изжарена Демьяномъ Павлычемъ. Бобовихинъ даже повеселѣлъ послѣ этихъ извѣстій на томъ основаніи, что буйство Усольцова выяснилось настоящимъ образомъ, и что наконецъ высшія власти положить предѣлъ выходкамъ этого отчаяннаго сосѣда. И дѣйствительно, не такъ скандалъ у Сазандаровой, какъ смерть Антонины Григорьевны произвела нѣкоторое волненіе въ сосѣдствѣ, вслѣдствіе чего отъ Усольцова отшатнулись нѣкоторые изъ его знакомыхъ. Съ какими комментаріями передавались рассказы объ извѣстномъ памъ фейерверкѣ, читатель можетъ судить самъ, потому что вѣроятно каждому приходилось слышать различныя варіаціи на знакомую тему, особенно если этими варіаціями занимались люди, неимѣющіе другихъ занятій.

Но Бобовихина не занимала обида, сдѣланная Сазандаровой и не трогала участь Антонины Григорьевны, а его просто радовала мысль, что онъ самъ былъ правъ относительно Усольцова, называя его мерзавцемъ и негодяемъ. Эта увѣренность въ непогрѣшимости своихъ сужденій возвысила Бобовихина въ собственныхъ глазахъ, и Савва Михайловичъ почувствовалъ расположеніе еще къ значительнѣйшему самодурству. То представлялась

ему необходимость построить нѣсколько пограничныхъ редутовъ, то отбросивъ эту мысль какъ нелѣпую, онъ попадалъ въ нелѣпѣйшую — укрѣпить всю Переносовку. Наконецъ послѣ долгихъ размышленій Бобовихинъ рѣшился усилить надзоръ за своимъ дворомъ вообще и за домомъ въ особенности. Предположеніе это, какъ нарочно было подтолкнуто небольшимъ пожаромъ, происшедшимъ отъ лопнувшей трубы на чердакѣ, но потушеннымъ очень скоро при помощи многочисленной дворни. Послѣ этого Савва Михайлычъ принялся самодурствовать всеми зависѣвшими отъ него способами. Конечно на случай пожара нужно имѣть огнегасительныя средства и самое лучшее содержать во дворѣ заливную трубу. Но это простое средство и теперь очень рѣдко гдѣ употребляется, а въ прежнее блаженное время оно никому не приходило даже въ голову. Нѣтъ, генераль первымъ дѣломъ послалъ въ городъ и выписалъ колоколь въ пудъ вѣсомъ, для котораго устроилъ надъ крышей небольшую башню, и велѣлъ купить дюжины двѣ маленькихъ колокольчиковъ. Между тѣмъ, запершись въ кабинетъ, генераль чертилъ различные проекты. Наконецъ въ одинъ прекрасный день Бобовихинъ сообщилъ семейству, что онъ сочинилъ уставъ на случай пожара, и что колоколь, повѣшенный на вышкѣ, долженъ служить сигналомъ для общей тревоги. Пригласивъ въ кабинетъ сестру, дочь и дѣвицу Солодовскую, онъ занялся чтеніемъ знаменитаго пожарнаго устава. Въ началѣ, когда дѣло шло объ обязанностяхъ крестьянъ и дворовыхъ, дамы единодушно одобряли всѣ распоряженія и взысканія, находя ихъ очень полезными и необходимыми. Но вотъ въ послѣдней главѣ генераль началъ развивать обязанности свои и членовъ своего семейства и вошелъ въ такія подробности, отъ которыхъ слушательницы не могли не ощущать значительнаго беспокойства. Дѣло въ томъ, что генераль составилъ категорическое росписаніе, съ какими кто вещами долженъ по тревогѣ являться въ залу, не исключая и собственной персоны. Сестра и дочь конечно не смѣли сдѣлать ни малѣйшаго возраженія, но Солодовская попыталась было устранить себя отъ новой и весьма нелѣпой обязанности съ нѣсколькими книгами и столовыми часами, стоявшими у нихъ съ Людмилой въ комнатѣ. Очевидно, что генераль создалъ обязанность Солодовской собственно для симетріи.

— Я вамъ долженъ замѣтить, Катерина Михайловна, ска-
Кн. XII. — Отд. I.

залъ онъ ей: — что изстари существуетъ пословица: «съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходять». Учреждая такое важное учрежденіе, какъ пожарная тревога, немогу же я исключить васъ изъ членовъ своего семейства. Согласитесь, что скажутъ подчиненные и какъ они будутъ смотрѣть на исполненіе своего долга, если кто-нибудь изъ васъ исключится изъ общаго правила.

— Но какая же польза?

— Это, извините меня, не подлежитъ женскому незрѣлому размышленію. Прежде, чѣмъ сочинить уставъ, я потѣлъ надъ нимъ не мало времени.

Находя свое положеніе въ домѣ генерала довольно хорошимъ и ожидая съ нетерпѣніемъ приѣзда молодого Бобовихина, компаньонка рѣшилась наконецъ подчиниться новому порядку вещей, за что генералъ изъявилъ ей свою признательность.

Пока переписывался уставъ въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ, въ домѣ кипѣла дѣятельная работа: изъ генеральскаго кабинета во всѣ комнаты проведены были проволоки, приводившія въ движеніе множество колокольчиковъ, придѣланныхъ у изголовья каждой кровати. Вскорѣ экземпляры устава разошлись по разнымъ отдѣленіямъ и наложили на крестьянъ и на дворовыхъ новую тяжолоую обязанность. Если бы еще уставъ введенъ былъ для дѣйствительной потребности на случай пожара, которыхъ прежде никогда не бывало въ Переносовкѣ, народъ легко бы съ нимъ примирился и во время катастрофы буквально исполнялъ бы его параграфы. Но генералъ, гордившійся своимъ созданиемъ, послѣ двухъ-трехъ репетицій, вздумалъ, и разумѣется ночью, дѣлать фальшивую тревогу, приказывая авонить въ колокодъ, устроенный надъ крышею дома, при чемъ для большаго эффекта вывѣшивался на шесть фонарь, могшій быть причиною дѣйствительнаго пожара. На звуки этого набата каждый обязанъ былъ собираться съ назначенными ему орудіями — крестьяне на церковной площади, дворовые у крыльца дома, а семейство и домашняя прислуга въ большой залѣ. При этомъ, понимается, что въ уставѣ было строго обозначено время, необходимое каждому въ известномъ мѣстѣ, и что опоздавшій подвергался строгому наказанію, на котораго вообще былъ изобрѣтателемъ Савва Махайлычъ. Впрочемъ надобно замѣтить, что общія тревоги производились гораздо рѣже чѣмъ домашнія, по-

тому что генералу и самому было не весьма пріятно напримѣръ въ дурную погоду выходить на дворъ и обозрѣвать порядокъ или садиться верхомъ и ѣхать на площадь. Въ домѣ другое дѣло. Въ минуты бессоницы ему вдругъ приходила мысль: онъ troppo одѣвался (Бобовихинъ никогда не выходилъ въ подобномъ случаѣ иначе какъ въ сертукѣ), зажигалъ въ залѣ свѣчи и потомъ ударялъ изъ всей силы нѣсколько разъ въ колокольчикъ, бралъ вещи, назначенныя ему по росписанію, клалъ ихъ на большой столъ и съ часами въ рукѣ ожидалъ появленія домочадцевъ. Разумѣется дамы опаздывали постоянно, стѣсняясь костюмомъ, и хотя Бобовихинъ нѣсколько разъ повторялъ, что въ тревогѣ нечего обращать вниманіе на щегольство, однако это мало дѣйствовало и генералу приходилось ограничиваться выговорами. И вотъ мало-помалу зала наполнялась. Генеральская сестра тащила двѣ старинныя иконы; дочь несла шкатулку съ брилліантовыми и золотыми вещами и письменный приборъ; экономка выходила съ ключами и за ней двѣ горничныя несли столовое серебро, и потомъ каждая и каждый спѣшили съ вещами согласно съ распоряженіемъ. Толпа была довольно живописна, и хоть все это болѣе или менѣе жалось отъ страха, однако по залѣ происходило необычайное движеніе. Генераль обыкновенно приводилъ всѣхъ въ порядокъ и очень скоро научилъ, кому съ кѣмъ слѣдовало являться на тревогу. Затѣмъ послѣ выговора или гонки провинившимся, а иногда и благодарности исправнымъ, генераль отпускалъ всѣхъ по своимъ мѣстамъ и отправлялся спать, довольный какъ собою, такъ и своимъ изобрѣтеніемъ. Онъ очень жалѣлъ, что проживъ столько лѣтъ въ отставкѣ, не вздумалъ прежде сочинить пожарнаго устава. Конечно дѣлалъ онъ и всеобщія тревоги. Тогда Переносовка принимала необычайный видъ, и сдержанный, глухой гулъ носился по всѣмъ улицамъ, покрываемый набатомъ съ колоколни и съ вышки надъ господскимъ домомъ, а въ избахъ зажигались огни, чтобы женщинамъ удобнѣе было укладывать свои пожитки. Къ счастью Бобовихинъ — самъ ли онъ догадался или кто ему замѣтилъ объ отягощеніи крестьянъ подобной потѣхой, — только Савва Михайлычъ, посамодурствовавъ недѣлю, пока приучилъ крестьянъ къ порядку, рѣшился не часто ихъ беспокоить. Зато въ домѣ ни семейство, ни прислуга не могли рассчитывать ни на одну спокойную ночь, потому что

не знали, когда его п—ству вздумается произвести фальшивую тревогу. Сестра его старушка скоро примирилась съ этимъ нововведеніемъ и даже вошла во вкусъ, ибо спала плохо и всегда бросалась будить барышень и горничныхъ. Но Людмила и Солодовская рѣшительно не знали что имъ дѣлать. Онѣ пробовали было упросить Бобовихина избавить ихъ отъ обязанности являться по ночамъ на генеральскій трезвонъ, но Савва Михайлычъ объявилъ разъ навсегда, что старшіе должны показывать примѣръ подчиненнымъ, и только болѣзнь могла служить законной отговоркой. Обѣ дѣвушки рѣшились наконецъ болѣть каждый вечеръ поочередно и заболѣвшая такимъ образомъ привязывала языкъ колокольчика, который качался надъ самымъ ухомъ. У нихъ только и оставалась надежда, что генераль, наскучивъ самъ нелѣпымъ своимъ изобрѣтеніемъ, оставитъ ихъ наконецъ въ покоѣ. Но бѣдняжки не знали, что Бобовихинъ только еще разгуливался.

Подобная затѣя не могла долго оставаться въ тайнѣ, и скоро вѣсть о переносовскихъ тревогахъ облетѣла по всей окрестности, возбудивъ въ большинствѣ смѣхъ и шутки, а для нѣкоторыхъ послужило предметомъ удивленія къ находчивости его п—ства. Разумѣется болѣе всѣхъ утѣшался Усольцовъ, который, потерявъ жену и похитивъ Таню, думалъ только объ одномъ, какъ бы поскорѣе насолить Бобовихину. Но Демьянъ Павлычъ все это время находился не въ нормальномъ положеніи. Хотя онъ и не обвинялъ себя въ смерти жены, на томъ основаніи, что прежде дѣлалъ съ ней штуки поважнѣе, напримѣръ отстрѣливалъ ей изъ пистолета гребень на головѣ, и не умирала же она; однако все-таки дошли нѣкоторые слухи, что въ сосѣдствѣ крупно заговорили о его фейерверкѣ, за который несчастная Антонина Григорьевна заплатилась жизнью. Конечно умерла она отъ болѣзни, лекаръ жилъ безвыѣздно дней пять въ Комаровѣ, однако все-таки молва прошла какаѣ-то странная. Усольцовъ впрочемъ задалъ великолѣпныя похороны, потомъ на всякій случай сѣздіалъ къ предводителю, а исправнику подарилъ дорогого жеребца, конечно за снисхожденіе при слѣдствіи о покражѣ Тани, но во всякомъ случаѣ исправникъ долженъ былъ понимать, что за ничтожное дѣло получилъ такой драгоценный подарокъ. А между тѣмъ совѣсть глухо укоряла его, и эти укоруы, можетъ-быть даже и не сознаваемые, вызвали въ немъ

необыкновенную жажду пить и пить почти что—называется безъ просыпу. Пріятели заблагоразсудили не оставлять неутѣшнаго вдовца, и оргіи происходили довольно часто, тѣмъ болѣе, что жажда Демьяна Павлыча требовала обильныхъ возліній. Между тѣмъ Сазандарова полала на него формальную жалобу о похищеніи горничной и пригрозила исправнику гнѣвомъ губернатора, если не отыщется пропажа и съ Усольцова не будетъ разыскано по закону. Но въ тѣ блаженныя времена исправники при подобныхъ обстоятельствахъ не слишкомъ—то боялись губернатора, потому что у нихъ была поддержка какъ въ губернскомъ правленіи, такъ и въ канцеляріи, а Демьянъ Павлычъ изъ-за того, чтобъ поставить на своемъ, умѣлъ поладить съ земскою полиціей. Таня наконецъ переселилась въ Комарово, заняла первое мѣсто во флигелѣ и скоро привыкла къ новой долѣ.

Послѣ настойчивыхъ стараній, Усольцову удалось подкупить одного изъ бобовихинскихъ коноховъ, который обязанъ былъ сообщать Демьяну Павлычу, впервыхъ все что творилось въ домѣ у генерала, а вовторыхъ—и это главное—когда Савва Михайлычъ собирался выѣзжать изъ дому. На основаніи послѣдняго обстоятельства основанъ былъ одинъ коварный замыселъ Усольцова, извѣстный сперва только Контропошкину, но впоследствии открытій и братьямъ Дубняковымъ.

Была уже довольно глубокая осень, и хоть по временамъ прорывались заморозки, однако погода стояла еще отличная, и дороги, какъ слѣдуетъ въ степяхъ, превосходныя. Однажды вечеромъ, когда Усольцовъ подпилъ еще не совсѣмъ прилично и вся компанія недостигла до состоянія второго взвода, Игнашка доложилъ барину, что изъ Переносовки прибыло извѣстіе о выѣздѣ генерала на утро въ уѣздный городъ. Гуляки взбеленились, закричали ура, выпили шампанскаго, однако улеглись пораньше, вмѣня въ виду давно ожидаемую потѣху. На зарѣ уже вся эта компанія проснулась, напилась наскоро чаю, и въ трехъ экипажахъ укатила версть за восемь на дорогу, на которую долженъ былъ выѣхать изъ своихъ владѣній Бобовихинъ. Распорядились такъ, чтобы попасть навстрѣчу генералу. Въ первомъ тарантасѣ сидѣлъ Контропошкинъ вдвоемъ съ хорошенькой Теклой и напѣвалъ ей разныя нѣжности подъ звонъ своихъ колокольчиковъ и заказныхъ бубенчиковъ, которые гремѣли, какъ онъ

говорилъ, во всю ивановскую. За Контропошкинымъ въ своемъ тарантасѣ слѣдовали братья Дубняковы и горланили униссономъ камаринскую, любимое ихъ препровожденіе времени въ дорогѣ, какъ бы далеко они ни ѣхали. Позади наконецъ, на простой телѣгѣ, запряженной превосходной и бѣшеной тройкой, ѣхалъ Усольцовъ съ своимъ неизмѣннымъ Игнашкой и курилъ изъ вѣтоваго чубука огромную пѣнковую трубку. Лошади его безпрепятственно фыркали и рвались, и только необыкновенная физическая сила и ловкость кучера въ состояніи были сдерживать пыль крѣпкихъ и рьяныхъ животныхъ. Но когда, выѣзжая изъ Комарова, Усольцовъ попробовалъ «задать кончикъ», то расходящуюся тройку едва могли удержать соединенными силами ротмистръ, кучеръ и Игнашка.

Когда этотъ увеселительный поѣздъ выбрался на транспортную дорогу, по которой Савва Михайлычу необходимо было слѣдовать, какъ нарочно изъ переносовскихъ владѣній показался экипажъ Бобовихина. Въ старинной открытой коляскѣ, шестерикомъ, съ лакеемъ на запяткахъ и отставнымъ унтеръ-офицеромъ на козлахъ, закутавшись въ теплую шинель, ѣхалъ по обычаю маленькой рысцой Савва Михайлычъ, покуривая свою дорожную трубку и предаваясь размышленію о томъ, опредѣлительно ли онъ снабдилъ всѣхъ инструкціями на время своего отсутствія. Крестьяне, попадавшіеся по дорогѣ, какъ переносовскіе, такъ и окрестные, издали завидя генеральскій экипажъ, спѣшили сторониться и торопливо снимали шапки при встрѣчѣ съ такимъ важнымъ господиномъ. И вотъ Бобовихинъ замѣтилъ впереди нѣсколько экипажей. Съ необыкновеннымъ звономъ и грохотомъ проѣхалъ тарантасъ Контропошкина, который, привставъ съ своего мѣста, снялъ картузь и очень низко поклонился генералу. Узнавъ его, Бобовихинъ едва прикоснулся двумя пальцами къ козырьку и то не изъ желанія заплакать вѣжливостью за вѣжливость, а больше по привычкѣ. Минуть черезъ пять поровнялись съ нимъ Дубняковы, и приподнявшись, отвѣсили генералу по весьма почтительному поклону. Не зная этихъ господъ, Савва Михайлычъ приподнял фуражку на томъ основаніи, что неизвѣстные проѣзжіе не забылись и воздалъ ему должное уваженіе. Но вотъ раздалось гиканье, послышался рѣзкій звукъ серебрянаго колокольчика, и во весь карьеръ приближалась бѣшеная тройка Усольцова. Генералъ не успѣлъ даже распознать ротмистра и

только невольно вздрогнулъ, разсмотрѣвъ, что тройка неслась прямо на него, и вздрогнулъ не отъ испуга, а отъ негодованія — какъ смѣлъ кто бы то ни былъ неуступить ему дорогу... Но въ этотъ моментъ телѣга на всемъ карьерѣ поровнялась, генеральскія форейторскія лошади повернули круто вправо, дышловыя послѣдовали ихъ примѣру, ту же секунду каляска, описавъ дугу, поверотила назадъ, форейторъ упалъ, упряжь перепуталась, и произошла всеобщая катавасія. Когда генераль опомнился, Усольцовъ былъ уже далеко. Смиренныя лошади стояли, понуривъ головы. Бобовихинъ, выйдя изъ коляски, началъ производить слѣдствіе. Но никто не могъ сообщить ему — отчего лошади поверотили, отчего перепутались и оборвались построики. Генераль нахмурился, распекъ прислугу и отдавъ приказаніе ѣхать обратно домой, сконфуженный сѣлъ въ экипажъ, непонимая ровно ничего въ этомъ происшествіи. Форейторъ однакоже, собираясь взлѣзть на лошадь, примѣтилъ на выносахъ какой-то ему неизвѣстный крючокъ съ отрубленнымъ концомъ веревки. Крючокъ былъ представленъ генералу, который догадался, что это была штука Усольцова. Въ это время веселый поѣздъ пріятелей промчался назадъ, и снова всѣ гуляки почтительно привѣтствовали генерала и громко желали ему счастливой дороги. Бобовихинъ не выдержалъ себя и погрозилъ Усольцову кулакомъ, произнеся однакоже ни слова.

Дѣло въ томъ, что ротмистръ придумалъ особенную удочку для Саввы Михайлыча и послѣ нѣсколькихъ репетицій съ встрѣчными крестьянами, употребилъ ее наконецъ въ дѣло. Заказавъ большой крюкъ, Усольцовъ прицѣпилъ его на крѣпкой веревкѣ сажени въ двѣ длиною къ доброй окованой телѣгѣ и когда поровнялся съ генераломъ, то ловко набросилъ свою удочку на выносы, и силой разбѣжавшейся тройки сбилъ съ направленія генеральскихъ лошадей, шедшихъ мелкой рысцой и произвелъ такимъ образомъ белиберду. Но въ тотъ же моментъ отрубилъ веревку и улетѣлъ догонять своихъ товарищей.

Грозно нахмуренный и въ высшей степени разбѣшенный, возвратился Бобовихинъ въ Переносовку, предварительно запретивъ людямъ, подъ страхомъ наказанія, не рассказывать дома о приключеніи на дорогѣ. Но забота генерала оказалась напрасною, потому что нѣсколько проѣзжихъ видѣли эту штуку, и вѣсть о ней пошла съ разными коментаріями.

Усольцовъ съ пріятелями рѣшился отпраздновать свою побѣду въ уѣздномъ городѣ. Хотя до послѣдняго было не менѣе двадцати-пяти верстъ, однако ни для ротмистра, ни для друзей его подобное разстояніе ничего не значило, особенно когда Демьянъ Павлычъ, слѣдуя въ авангардѣ, скомандовалъ своему кучеру:

— Жги, Данило! да такъ жги, чтобы дубняковская и контропошкинская тройка остались покрайней-мѣрѣ версты на двѣ.

— А чтожъ, развѣ трудно. Держитесь только, баринъ; мы кажется еще ниразу не осрамились, сказалъ кучеръ.

И лошади понеслись словно бѣшеные.

Усольцовъ рѣдко посѣщалъ уѣздный городъ, но у него была абонированная квартира у одной вдовы-чиновницы, Булковской, которая за это получала въ годъ извѣстное количество разной провизіи, что для нея служило большимъ подспорьемъ. Вдова эта только и жила отдачей внаймы проѣзжимъ нѣсколькихъ комнатъ, содержа въ городѣ лучшей постоялый дворъ. Но не взирая на выгоду получать довольно деревенскихъ продуктовъ и на чрезвычайно рѣдкія посѣщенія Усольцова, Булковская тѣмъ не менѣе весьма тяготилось однимъ условіемъ. Ротмистръ всегда занималъ три комнаты, и еслибы на случай его приѣзда не оказалось этого количества, то хозяйка обязана была изгонять своихъ временныхъ жильцовъ и уступать свое собственное помѣщеніе, а сама тѣсниться въ кухнѣ съ прислугой. Случая еще не было; на время двухъ ярманокъ вдова пускала проѣзжихъ осторожно и съ оговорками, но зная по слухамъ о продѣлкахъ Усольцова, постоянно находилась въ страхѣ, чтобы не прогнѣвить ротмистра. Между тѣмъ черезъ городъ пролегла дорога, соединяющая значительные пункты, по которой всегда было много пассажировъ, и какъ у вдовы-чиновницы кромѣ приличныхъ комнатъ можно было найти и сносный обѣдъ, то постоялый дворъ ея никогда не оставался пустымъ. Хозяйку радовала усѣбная торговля, но часто въ самыя сладкія минуты ея жизни, когда всѣ комнаты были заняты, когда приѣзжіе помѣщались даже въ ея собственной спальнѣ, и когда къ ней поминутно поступали требованія то выдачи овса или сѣна, то отпуска обѣдовъ, самоваровъ, — Булковскую вдругъ посѣщала мысль: «а если нагрянетъ Усольцовъ?» Конечно было простое средство от-

казаться отъ всякихъ съ нимъ сношеній, но въпервыхъ ротмистръ пользовался забіячней репутаціей и могъ низачто обидѣть, вторыхъ она имѣла отъ него прекрасный доходъ припасами и кромѣ того получала денежные подарки, а третьихъ онъ являлся въ городъ по какому-нибудь чрезвычайному случаю. Но одно время однакоже въ уѣздѣ совсѣмъ позабыли объ Усольцовѣ, и только вѣсть о смерти Антонины Григорьевны напомнила о его существованіи.

Въ описываемое утро часамъ къ десяти, всѣ комнаты на постояломъ дворѣ Булковской были заняты нѣсколькими помѣщичьими семействами, которыя столкнулись въ городъ по случаю разныхъ покупокъ для предстоявшаго большого бала, и кромѣ того два стороннихъ проѣзжихъ завернули съ почтовой станціи выпить чаю и закусить, по рекомендаціи ямщиковъ, получавшихъ отъ вдовы-чиновницы приличное вознагражденіе. Булковская до того прониклась чувствомъ благоденствія, что позабыла о мечѣ Дамоклеса, и рассчитывала только вѣроятность соблазнительной выручки, побуждаемая къ тому обычаемъ прежнихъ помѣщиковъ ѣздить шестериками и возить съ собою еще прислугу покрайней-мѣрѣ на четверкѣ. Ко всему этому въ тотъ день сладился неожиданный сговоръ дочери стряпчего съ секретаремъ уѣзднаго суда, и по случаю этого торжества помѣщички были упрошены остаться на вечеръ, такъ что Булковская просто потирала руки отъ удовольствія. Но ключница ея положила основаніе какому-то смутному страху пустымъ и повидимому ничего незначившимъ вопросомъ.

— Откуда прикажете, барыня, брать овесъ? спросила она: — изъ закрома вышеть: развѣ прикажете начинать тотъ, что привезли отъ Усольцова.

Булковская почувствовала словно легкой морозъ по кожѣ, и въ воображеніи ея нарисовалась грозная фигура ротмистра.

— Да, отвѣчала она: — можно начинать тотъ что Усольцова, и подумала: не приѣхалъ бы въ самомъ дѣлѣ Демьянъ Павлычъ.

И Булковская вышла на крыльцо. Такая роскошь! Небо чисто, и солнышко свѣтитъ привѣтливо. Дворъ уставленъ лошадьми и экипажами. Куры, кудахтая, толпятся возлѣ желобовъ, изъ которыхъ падаегь овесъ, выбрасываемый лошадины-

ни мордами. Изъ сѣней слышно какъ на кухнѣ жарятся котлеты и жаркое.

— Нѣтъ, онъ не придетъ сегодня! подумала вдова-чиновница, придя въ умиленіе отъ картины, представившейся ея взорамъ.

— Вотъ, барыня, еще кого-то богъ посылаетъ, сказала ключница изъ сарая. — Слышите колокольчикъ?

Булковская начала прислушиваться, и невольно поблѣднѣла.

— Нѣтъ, отвѣчала она: — это фельдшеръ... А можетъ быть...

И вдова-чиновница не рѣшилась произнести имени, при одномъ воспоминаніи котораго ее бросало въ лихорадку. Между тѣмъ звонкій колокольчикъ заливался недалеко въ улицѣ, слышалось какое-то гиканье, и противъ постоялаго двора остановилась взмыленная тройка, которую кучеръ боялся съ карьера направить въ ворота.

— Ну что, не ждала Вѣдьма Вельзевуловна! весело крикнулъ Усольцовъ, слѣзая съ телѣги. Ба, ба, ба! что это значить? продолжалъ онъ, увидя весь дворъ заставленный экипажами.

Булковская машинально опустилась на колѣни.

— Батюшка, Демьянъ Павлычъ! отецъ родной! проговорила она, всплеснувъ руками.

Усольцовъ вскипѣлъ.

— Какъ, старая хрычевка! Мои комнаты заняты, а? Всѣ заняты?

— Какъ есть до одной, Демьянъ Павлычъ, говорила ни жива, ни мертва Булковская. Но я не знала.

— Ты не знала, и я знать ничего не хочу! Эй, Игнашка! жги!

Игнашка хоть и вскочилъ, однако не рѣшался еще съ чего начинать и ожидалъ болѣе категорическихъ приказаній.

— Всѣхъ вонъ сію же минуту! крикнулъ Усольцовъ, обращаясь къ хозяйкѣ. — За мной ѣдутъ гости, и мы будемъ здѣсь обѣдать.

Хозяйка окончательно растерялась, но вскочила съ колѣнъ и бросилась въ комнаты. Въ это время къ воротамъ подъѣзжали два тарантаса, звеня колокольчиками, гремя бубенчиками, и въ

нихъ вывалила во дворъ вся честная компанія. Усольцовъ заявилъ пріятелямъ непредвидѣнное событіе. Дубняковъ—старшій предложилъ сперва приказать приѣзжимъ кучерамъ вывозить экипажи, а потомъ уже позаботиться и о самыхъ пассажирахъ. Контропошкинъ замѣтилъ, что можетъ быть на постояломъ остановились хорошенькія барышни и за это получилъ отъ Дубняковыхъ дурака, а отъ Усольцова названіе свинтуса, и принужденъ былъ согласиться, что въ такомъ экстренномъ случаѣ нечего разсуждать о хорошенькихъ.

Усольцовъ, дома выпивши очень немного, въ дорогѣ только на радостяхъ вытянулъ довольно большую флягу водки, количество, не могшее сильно на него подѣйствовать, однако по всему видно было, что хмѣль попалъ ему въ голову — что въ извѣстныхъ случаяхъ много значило при подобномъ бѣшенномъ характерѣ.

Удержавъ жестомъ своихъ товарищей, которые хотѣли уже распорядиться каждый по своему усмотрѣнію, Усольцовъ вышелъ впередъ и громко, отчетливо скомандовалъ приѣзжимъ кучерамъ :

— Эй, вы! запрягать живѣе и убираться со двора, потому-что здѣсь моя квартира.

Кучера, видѣвшіе уже колѣнопреклоненіе хозяйки и соображившіе, что съ подобнымъ господиномъ какъ Усольцовъ шутить плохо, бросились отвязывать лошадей и собирались исполнять приказаніе, за исключеніемъ одного худоцаваго парня, который глодалъ остовъ какой-то рыбы и не трогался съ мѣста на томъ основаніи, что «мы де сами майорскіе».

— Игнашка, жги! вскричалъ ротмистръ: — подавай мнѣ сюда старую чертовку.

Дубняковъ—старшій, искусившійся на ловлѣ конекрадцовъ въ различныхъ уловкахъ при нападеніи и защитѣ, совалъ двухъ лакеевъ и своего дюжаго кучера и сталъ въ резервѣ на всякій случай. Но въ комнатахъ уже раздавался вой хозяйки, нищали женскіе голоса, гудѣлъ одинъ басъ, и вскорѣ на крыльцо вышелъ сѣдой старичокъ и вылетѣла одна барыня въ чепцѣ на бекрень, въ которой Контропошкинъ узналъ госпожу, навязывавшую ему у Савандаровой свою Фимочку. Завязался споръ. Усольцовъ предъявилъ, что онъ приѣхалъ на свою квартиру, за которую платятъ акуратно, и желаетъ, чтобъ она была оче-

шена. Позвали хозяйку. Дрожавшая Булковская подтвердила слова ротмистра и всѣхъ умоляла о пощадѣ. Приѣзжіе сперва пришли было въ изумленіе, но первая опомнилась маменька Фымочки и громко заявила, что во всемъ виновата одна хозяйка, и что Усольцовъ можетъ развѣдываться съ нею какъ угодно послѣ, но что на тотъ день квартиры заняты и стыдно было бы уступить ротмистру, если онъ такъ неделикатенъ, что выгоняетъ дамъ съ постоялаго двора. Старичокъ согласился съ храброй барыней, а къ нимъ на помощь выскочилъ изъ сѣней въ архалукъ какой-то здоровенный мужчина и заоралъ во всю глотку :

— Ка-а-къ? Кто смѣетъ выгонять меня съ квартиры?

— А вотъ кто! отвѣчалъ Усольцовъ, сымая съ Игнашки большую плеть.

— Эй, кучера, люди! Чтоже вы ротозѣйничаете! крикнулъ проѣзжій великанъ, и безъ церемоніи выдернулъ громадный колъ изъ плетня, окружавшаго цвѣтничекъ передъ окнами : — хватай, ребята, оглобли, все хватай, и мы покажемъ незванымъ гостямъ, что и сами не лѣвой ногой сморкаемся.

Этотъ грозный голосъ проникъ въ души даже робкихъ приѣзжихъ кучеровъ, лакеевъ и грозилъ зажечь ужаснѣйшую свалку, потомучто Дубняковъ старшій выхватилъ изъ-подъ воротъ доску, и очерта голову намѣревался ринуться въ битву. Но во дворъ запыхавшись вбѣжалъ въ оборванномъ сертучишкѣ и при шагѣ квартальный, потомучто съ задняго хода черезъ заборъ послана была кухарка въ полицію просить помощи.

— Господа! проговорилъ онъ, едва переводя духъ : — сейчасъ идуть сюда городничій... Бога ради!

— Какъ? заревѣлъ Усольцовъ : — городничій? Вонъ!

— Позвольте, я офицеръ. . я за порядкомъ...

— Не пускать, ребята, никого на дворъ! скомандовалъ Усольцовъ и въ одинъ прыжокъ очутился возлѣ хозяйки, которую схвативъ за платье, вытащилъ на середину.

— Батюшки, отцы родные! вопила вдова-чиновница.

Но уже ротмистръ, держа ее одной рукой, пустилъ въ дѣло плеть и шибко началъ стегать несчастную.

Квартальный, надо отдать ему справедливость, бросился было отымать Булковскую, но Контропошкинъ оттолкнулъ его съ такою силою, что тотъ кубаремъ отлетѣлъ къ ближайшей

каретъ и поднялся только съ помощью одного форейтора. Проѣзжій гигантъ наконецъ ринулся съ коломъ на мѣсто побоища и непременно убилъ бы Усольцова, еслибъ послѣдняго не защитилъ Дубняковъ—старшій длинною доскою... Но уже на сцену появился городничій, котораго не рѣшились задержать приставленные къ воротамъ лакеи. Гвалтъ сдѣлался ужасный, къ воротамъ натолпилось множество народу, такъ что дальнѣйшая битва нашимъ героямъ не могла уже казаться безопасною. Впрочемъ Усольцовъ и при городничемъ успѣлъ еще нѣсколько разъ ударить плетью Булковскую и на бѣду задѣлъ кончикомъ матушку Фимочки. Барыня взвизгнула, бросилась на Усольцова, чтобъ выцарапать ему глаза, однако подскочилъ городничій и закричалъ страшнымъ, неестественнымъ голосомъ :

— Стойте, стойте! Я пошлю за инвалидной командой.

Въ ворота однакоже ломилось нѣсколько десятниковъ и зрителей вбѣжало челоуѣкъ двадцать.

Дальнѣйшая драка сдѣлалась уже невозможной. Приступили къ распросамъ. Усольцовъ коротко и ясно предъявилъ свое право.

— Это надо разобрать формально! сказалъ городничій : — между тѣмъ произошла драка. Вы, г. Усольцовъ, извольте дать подписку не уѣзжать изъ города. Мы составимъ актъ.

— Что? заревѣлъ ротмистръ : — мнѣ оставаться въ вашемъ подломъ городѣ послѣ этой исторіи? Да я скорѣе всѣмъ ребра переломаю.

— Да, да! повторили его пріатели.

— Попробуй! раздался голосъ приѣзжаго великана, потрясавшаго коломъ надъ головою.

— Однако, господа, какъ же — драка, буйство, разбой...

Но этого разговора не было слышно, потомучто выбѣжали нѣсколько дѣвицъ, начали кричать, хозяйка ревѣла, а маменька Фимочки просто визжала какъ поросенокъ.

Первый смекнулъ дѣломъ Дубняковъ—старшій и наклонившись къ Усольцову :

— Демьянъ, сказалъ онъ : — дѣло плохо.

— Неужели мы не перебьемъ этой сволочи?

— Перебить можно, да послѣ будетъ скверно. Лошади наши за воротами, лучше маршъ пока цѣлы.

— Я васъ арестую! сказалъ ротмистру городничій: — эй, десяцкіе, не выпускать лошадей!

Десяцкіе не знали какихъ лошадей.

— Дѣма! отозвался Контропошкинъ, начинавшій трусить: — чортъ съ ними! Валяемъ домой.

Усольцовъ нѣсколько секундъ стоялъ въ нерѣшимости.

— Валять, такъ валять! сказалъ онъ наконецъ.

И словно по таинственной командѣ, пріятели повернули, толпа разступилась инстинктивно, комедіантка давно звала жалобно своего кавалера, сметливые кучера, заворотивъ экипажи, сидѣли на козлахъ и настегивали лошадей... Черезъ минуту раздавался страшный звонъ удалявшихся колокольчиковъ и поднялась пыль столбомъ...

— Держи, лови! кричали со двора, но отчаянные кутилы неслись уже во всѣ лопатки по базарной площади.

Часа черезъ два Усольцовъ съ пріятелями сидѣлъ уже въ своемъ флигелѣ и, въ ожиданіи обѣда, у нихъ по столу изъ рукъ въ руки ходилъ серебряный ковшъ, который употреблялся для препровожденія времени, если компанія держала какой-нибудь совѣтъ, требовавшій размышленія. Городская битва выходила изъ ряда обыкновенныхъ и могла повлечь за собой непріятныя послѣдствія за побой вдовы-чиновницы, за тукманку квартальному, а больше за легкій ударъ, нанесенный нечаянно крикливой помѣщицѣ, въ присутствіи полиціи и множества постороннихъ зрителей. Усольцовъ лучше всѣхъ понималъ отвѣтственность, но уповая на свою звѣзду, которая благопріятствовала ему долго и сообразивъ, что въ случаѣ чего можно будетъ отдѣлаться нѣсколькими тысячами, не приходилъ въ уныніе и оставался душою общества. Дубняковы обнаруживали равнодушіе; наградившій усерднымъ тумакомъ квартальнаго немного повѣсилъ носъ и былъ не въ своей тарелкѣ. Совѣтъ однакоже поставилъ вопросъ съ практической стороны: слѣдуетъ ли послать въ городъ развѣдать о впечатлѣніи, произведенномъ на умы извѣстной сценой, или прямо адресоваться къ исправнику, прося его защиты и покровительства. По вѣско-

торомъ обсужденіи и послѣ довольно оживленныхъ споровъ, Усольцовъ рѣшилъ дѣло совершенно другимъ образомъ.

— Ребята, сказалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу: — какъ ни толкуй, а штукенція вышла довольно скверная. Миѣ приводилось бывать въ такихъ передѣлкахъ. Прибилъ я однажды частнаго пристава, — помнишь, Контропошкинъ, въ Сумахъ? и меня таскали по судамъ. Слѣдствіе будетъ и здѣсь. А я вотъ что придумалъ. Тотчасъ же послѣ обѣда всѣхъ красавицъ и вещи понужнѣе отправляемъ ко миѣ въ —скіи уѣздъ, а сами оставенся, выпьемъ какъ слѣдуетъ, и ночью переѣдемъ туда же. Пока пойдутъ сообщенія, переписка, а тамъ у меня всѣ чиновники или пріятели, или франты, которые ходятъ по стрункѣ передо мною.

— Это дѣло, но зачѣмъ же ночью? спросилъ Дубняковъ-старшій.

— А затѣмъ, что ты глупъ и не имѣешь ни на волосъ соображенія.

— Да нешто за нами сегодня же будетъ погоня? отозвался Контропошкинъ.

— И ты, Ваня, свинтусъ.

Пріятели захохотали, Усольцовъ тоже засмѣялся.

— Неужели вы думаете, сказалъ послѣдній: — что оставляя эти мѣста, я могу уѣхать, не выкинувъ Бобовихину какой-нибудь торжественной штукантеріи.

— Bravo, bravo! Молодецъ! Угорь!

— То-то же.

— Какая же штукантерія?

— Миѣ она пришла въ голову очень недавно, и я вамъ слѣжаю сюрпризъ, какого вы конечно не ожидали. Вѣрите ли миѣ на слово.

Друзья отвѣчали утвердительно.

— Теперь же не мѣшайте миѣ распорядиться: впервыхъ надо послать гонца, чтобъ истопили домъ, вовторыхъ отправить разныхъ разности, ибо я думаю надолго переѣхать въ то имѣніе. Вѣрнѣе всего упекутъ подъ судъ, такъ миѣ будетъ гораздо выгоднѣе жить между пріятелями. Исправникъ тамъ просто головорѣзь, да и стряпчій охулки на руку не положить. Эй, юпочная команда, собираться живо, укладывайте свое тряпье и по-

вѣжайте съ миромъ на старое пепелище. Игнашка команду обѣдъ поживѣе.

— А между прочимъ не ударить ли намъ въ бостошку, проговорилъ Дубняковъ—младшій: — вѣдь все—равно цѣлый день дѣлать нечего.

— Я развѣ послѣ, отвѣчалъ Усольцовъ: — мнѣ некогда, а безпутный Ваня ничего въ игрѣ не смысляетъ.

— Ну въ банчишку! Желаетъ, Контропоша, а? Была не была.

— Я, братъ, по этой части не холокъ: наше дѣло, знаешь, усладить себя возлѣ хорошенькихъ.

— Одно другому не мѣшаетъ. А мнѣ, признаюсь, безъ картъ скучно, говорилъ жалобнымъ голосомъ Дубняковъ—младшій: — шутка ли сказать, — больше недѣли не бралъ въ руки пятидесяти двухъ разбойниковъ.

— Ну, полно тебѣ конючить, отозвался старшій братъ: — такъ и быть, срѣжусь съ тобой въ пикеташку.

— Вотъ и дѣло. Гей! давайте намъ столъ и карты.

Братья усѣлись за игру, а Контропошкинъ отправился во внутреннія комнаты помогать укладываться комедіанткамъ, откуда началъ вскорѣ доноситься рѣзвый смѣхъ, а повременамъ раздавались и глухіе удары, которые обыкновенно Иванъ Алексѣичъ получалъ за свои черезчуръ смѣлыя стремленія.

Вечеромъ этого достопамятнаго дня Савва Михайлычъ Бобовихинъ сидѣлъ одинъ въ своемъ кабинетѣ, непридя еще хорошенько въ себя послѣ утренняго приключенія на дорогѣ. Къ нему что-называется не было приступа. Причиною этому служило конечно то обстоятельство, что цѣлое утро, по возвращеніи домой, онъ осматривалъ хозяйство и распекалъ всѣхъ, кто подвертывался подъ руку. Сестра, дочь и даже компаньонка испытали на себѣ дурное расположеніе его духа. Онъ придирался рѣшительно ко всѣмъ и безъ малѣйшаго повода велѣлъ повѣсить одну дворовую собаку, которая какъ-то неловко зацѣпила его у крыльца, прибѣжавъ къ нему ласкаться. Бобовихинъ сидѣлъ и пыхтѣлъ у стола. Ему было довольно тяжело, потому что волненіе не утихало втеченіе сутокъ, несмотря на то, что онъ уже успѣлъ сорвать

сердце и въ домѣ, и во дворѣ, и на деревнѣ. Его мучила мысль, что выходка Усольцова клонилась къ ослабленію его авторитета, и не послѣдовалъ бы кто-нибудь еще примѣру забубенаго ротмистра. Онъ впрочемъ уже послѣ перваго столкновенія съ сосѣдомъ началъ придумывать средство возвысить себя въ общественномъ мнѣніи. Онъ даже боялся и боялся не шутя, чтобы и крестьяне его не свихнулись нѣкоторымъ образомъ и не перестали его считать могущественнымъ и важнымъ господиномъ. Для этого онъ постоянно къ обѣднѣ наряжался въ шитый мундиръ и украшался всѣми орденами. Иные окрестные помѣщики, причисленные къ переносовскому приходу, разумѣется показывали ему полнѣйшее уваженіе и торжественно поздравляли съ каждымъ праздникомъ. Одинъ незнакомый чиновникъ, прибывшій въ церковь съ кѣмъ-то изъ сосѣдей, не считъ нужнымъ поздравлять генерала, и при выходѣ на паперти получилъ серьезный выговоръ, поставившій и его самого, и знакомыхъ въ щекотливое положеніе. Послѣ этого обстоятельства Саввѣ Михайлычу пришла мысль возвысить себя еще болѣе во мнѣніи прихожанъ, и онъ предложилъ священнику на эктеньи поминать его. Какъ ни дорожилъ своимъ мѣстомъ священникъ, какъ ни боялся Бобовихина, однако отказалъ наотрѣзъ генералу. Бобовихинъ разумѣется вспылилъ и написалъ архіерею письмо съ просьбой переимѣнить ему священника. Архіерей удивился, потому что переносовскій священникъ былъ изъ лучшихъ по епархіи, и зная правъ генерала, потребовать къ себѣ подчиненнаго предварительно въ губернской городѣ. Въ описываемый день священникъ еще не возвращался. И это обстоятельство пришло въ голову Саввѣ Михайлычу, когда онъ сидѣлъ надувшись въ своемъ кабинетѣ. Генераль наконецъ позвонилъ. Вбѣжалъ мальчикъ.

— Сбѣгать къ священнику, и если онъ прибѣжалъ, просить ко мнѣ немедленно.

Черезъ полчаса явился посланный и донесъ, что батюшка часа два какъ прибѣжалъ, собрался было отдыхать, но тотчасъ будеть. Дѣйствительно вскорѣ вошелъ священникъ, поблагословилъ Савву Михайлыча и почтительно подавъ ему письмо отъ владыки. Генераль зажогъ другую свѣчку, взялъ очки и прочелъ коротенькое письмо, въ которомъ архіерей изъявлялъ надежду, что Савва Михайлычъ не станетъ преслѣдовать священ-

ника, которому внушено на словахъ, по возможности, исполнять его требованія.

— Ну, чтоже вамъ внушено? спросилъ генералъ довольно сухо, не вступая даже въ обычные распросы о дорогѣ, новостяхъ и т. п.

— Я получилъ приказаніе упоминать ваше имя въ числѣ строителей и благодѣтелей храма.

— Вотъ прекрасно! Да это же самое вы предлагали мнѣ и до поѣздки.

— Но я изъяснялъ, что подѣ именемъ строителей и благодѣтелей вы должны подразумѣваться, а теперь могу упоминать особу в. п—ва.

— То—есть какъ?

— Я получилъ разрѣшеніе провозглашать имя боярина Саввы.

— Это еще что за новости! Какого боярина? Развѣ вы забыли, что я генералъ—майоръ и кавалеръ.

— Такъ повелѣваетъ начальство.

— Ваше начальство не понимаетъ что дѣлаетъ. Развѣ въ службѣ есть гдѣ—нибудь чинъ боярина? Это, сударь мой, ваши выдумки.

— Воля ваша, Савва Михайлычъ.

Бобовихинъ запыхтѣлъ. Минуту продолжалось молчаніе.

— Я понять не могу преосвященнаго, сказалъ онъ наконецъ. — Теперь вижу, что отчасти вы не столько виноваты.

— Много благодаренъ, в. п—во. Вѣрите совѣсти, что все угодное вамъ готовъ исполнить отъ души.

— Дѣлать нечего, поминайте пока боярина, а я непремѣнно выхлопочу генералъ—майора.

— Если только мнѣ предпишетъ начальство, повѣрьте в. п—во, что я поставлю первымъ долгомъ. А то вѣдь знаете у насъ отвѣтственность какая.

— Конечно и у васъ свое начальство. Только меня удивляетъ преосвященный: неужели ему неизвѣстно, что генералъ—майоръ не какая—нибудь пѣшка. Я уже съ нимъ поговорю лично, а вы пока провозглашайте боярина Савву. Все—таки сосѣди будутъ знать, что со мною шутить не слѣдуетъ... Ну, батька, хорошо ли ѣздили?

— Слава-богу, благополучно, в. п—ство. Сынишку навѣстилъ.

— А!

— Учится изрядно.

— А поведенія-то, поведенія! Вотъ суть.

— Кажись благодравень.

— Это первое. Науки тамъ разныя сами прилутъ, молодому же человѣку необходимѣ всего дисциплина и субординація.

— Истинно такъ, в. п—во.

Генераль немного началъ проясниваться; ему все-таки стало веселѣе, что его будутъ провозглашать на эктемы.

— Ну, что новаго въ губерніи?

— Признаться было не до новостей. Ахъ, да, губернію нашу постигло несчастье.

— Напримѣръ?

— На главной улицѣ, передъ моимъ выѣздомъ сгорѣло до десяти большихъ каменныхъ домовъ.

— Чего же смотрять эти ротозѣи? Десять домовъ! Вѣрно нѣтъ никакого порядку. Ужъ эти штафирки! Губернаторъ и изрядный человѣкъ, а тоже рябчикъ.

— Извѣстно неустройство.

— А у насъ-то, батюшка! А? Вѣдь я, кажется, препроводилъ вамъ экземпляръ моего росписанія.

— Какъ же.

— И вы конечно учредили въ домѣ порядокъ?

— Да, я смотрю, елико могу...

— Нѣтъ, а вы назвачили ль своимъ вещи, которыя они должны выносить на тревогу?

— Признательно сказать — я объ этомъ неозаботился.

— Нѣтъ, сударь мой, пренебрегать такимъ дѣломъ не слѣдуетъ.

— Да вѣдь у меня домишко маленькій; въ случаѣ чего, боже сохрани, все надобно выносить.

— Вотъ и видно, что вы не служили въ военной службѣ. Какъ такъ все выносить? Надобно сдѣлать точное распределе- ніе — что за чѣмъ слѣдуетъ. Вотъ я когда-нибудь заѣду къ вамъ и все устрою какъ слѣдуетъ.

— Осчастливьте, в. п—ство.

— Теперь можете идти отдыхать, да извольте съ завтрашняго дня школить пѣвчихъ, а то они, я думаю, разбаловались.

Священникъ всталъ, хотѣлъ что-то сказать и замялся. Бобовихинъ качалъ правой ногой, положонной на лѣвую.

— Осмѣлюсь доложить, проговорилъ робко священникъ.

— О чемъ, сударь?

— Я совсѣмъ израсходовался въ дорогѣ.

— А! То есть васъ вызвали въ губернію по моему письму. Ну, чтожь! Напишите докладную записку.

— Чувствительнѣйше благодарю, в. п—ство.

— Я разрѣшу выдать по соображенію.

По уходѣ священника, генераль почти пришолъ въ нормальное состояніе, тѣмъ болѣе, что рѣшился ѣхать самъ въ губерпскій городъ лично жаловаться губернатору на Усольцова. За ужиномъ уже онъ разговаривалъ и, проведя цѣлый день въ ажитациі, разсудилъ не подымать ночью тревоги.

Еще съ вечера началъ моросить мелкій дождикъ и часамъ къ десяти сдѣлалась страшная темень. Въ домѣ генерала все успокоилось, даже сторожь не смѣлъ кричать громко: «слушай», потому что Савва Михайлычъ объявилъ за ужиномъ о своемъ желаніи хорошенько выспаться. Хотя во дворѣ у Бобовихина и строго соблюдался всевозможный порядокъ, но болѣе обращено было вниманія на исполненіе формы, и потому дежурный собственно смотрѣлъ, чтобъ караульные не спали и находились на своихъ мѣстахъ, а караульные только старались не спать на своихъ постахъ, на случай не поймалъ бы его п—ство, который иногда обходилъ рундомъ. Чтоже касается, до усерднаго исполненія своей обязанности, то разумѣется здѣсь объ усердіи и помину не было. Около саду впрочемъ и по положенію часовые не стояли, такъ какъ это не бросалось въ глаза и притомъ же онъ былъ обнесенъ заборомъ, а когда лѣтомъ поспѣвали фрукты, его лѣтомъ берегли садовники.

Переносовка, говоря прежнимъ слогомъ «погрузилась въ глубокой сонъ» и только въ кордегардіи свѣтился небольшой огонекъ, да и тотъ мигалъ какъ-то подозрительно. Вдругъ разлались три рѣзкихъ, сильныхъ удара въ колоколъ, висѣвшій надъ крышей генеральскаго дома и потомъ чрезъ нѣсколько секундъ удары эти повторились съ особенною лихорадочною поспѣшностью. Когда выбѣжали съ разныхъ сторонъ люди, сигналь-

ный фонарь горѣлъ уже надъ мезонинномъ, а церковный сторожъ подхватилъ тревогу и билъ въ набатъ на высокой колокольнѣ. При первыхъ же звукахъ тревоги проснулся Бобовихинъ, и какъ это не была уже потѣха, заказанная по его желанію, то Савва Михайлычъ растерялся до того, что зажегши въ торопяхъ свѣчку, тотчасъ же бѣшено дернулъ разъ пять за тесьму колокольчика и позабывъ одѣться бросился въ залу въ совершенномъ беспорядкѣ. Тамъ уже былъ освѣтлый дежурный мальчикъ, который поспѣшно надѣвалъ тутъ же сапоги, вестѣсьяся генеральскимъ присутствіемъ. Первая выскочила старушка сестра Саввы Михайлыча и ахнула, увидѣвъ братца въ довольно неприличномъ костюмѣ. Она однакоже рѣшилась напомнить объ этомъ, и тогда только, поручивъ сестрѣ временное начальство надъ залой, генераль бросился въ кабинетъ надѣть необходимое и захватить вещи, слѣдовавшія ему по росписанію. Между тѣмъ во дворѣ кипѣла суматоха, и скоро пришли доложить генералу, что лошадь его п—ства у крыльца, экипажи скоро будутъ готовы, но что зарева отъ пожара нигдѣ не видно. Зала уже была наполнена заспанными домочадцами. Оставивъ унтеръ-офицера для порядку въ домѣ, генераль накинулъ шинель и вышелъ на крыльцо. Во многихъ мѣстахъ горѣли фонари, люди суетились, а по деревнѣ раздавался набатъ и по улицамъ проносился глухой шумъ отъ народа, спѣшившаго къ церковной площади. Генералу очень хотѣлось обзрѣть порядокъ во дворѣ и замѣтить всѣ неисправности, но опасность была велика, времени терять не слѣдовало, и онъ въ сопровожденіи дежурнаго конюха, сквозь ужаснѣйшую темень, поѣхалъ по грязи на мѣсто сбора. Площадь уже была полна народомъ, выбѣжавшимъ съ топорами, лѣстницами, ведрами, бочками, однимъ словомъ какъ слѣдовало на пожаръ, котораго впрочемъ не было видно даже съ колокольни. Священникъ съ причтомъ стояли на паперти. Шесть фонарей горѣло вдоль церковной ограды. Завѣдуяціи деревнею подошолъ къ генералу и по обычаю отпортовалъ о благополучіи.

— Гдѣ пожаръ? торопливо спросилъ Бобовихинъ.

— Не могу знать, в. п—ство.

— Слава-богу, нигдѣ невидно, отозвался священникъ.

— Но по какому же случаю тревога и отчего этотъ болванъ

трезвонить на колокольнѣ? Вѣдь я не отдавалъ никакого приказанія.

— Согласно вашего предписанія, отвѣчалъ завѣдующій деревнею: тревога — послѣдовала изъ вашего дома и сигнальный огонь горить на вышкѣ.

— А! Но во всякомъ случаѣ должна быть причина... Однако что это значить, люди стоятъ безпорядочною толпою? Эй, сотники, чтоже вы зѣваете? Сколько разъ я приказывалъ равняться по церковному забору.

Но генераль остановился. На широкой улицѣ показались движущіеся огни и послышался звонъ колокольчиковъ и глухарей. Черезъ минуту мимо толпы, одинъ за другимъ, промчались два тарантаса и въ послѣднемъ явственно раздавалась камаринская. Третій тарантасъ, украшенный разноцвѣтными фонарями, направился прямо къ народу, и слержавныя лошади пошли шагомъ. Въ немъ отчетливо обрисовалась высокая фигура ротмистра.

— Благодарю васъ, в. п—ство! проговорилъ Усольцовъ. Я очень вами доволенъ. Не беспокойтесь. Можете распустить людей, пожара нѣтъ никакого. Я только хотѣлъ удостовѣриться въ вашей исправности. Фальшивую тревогу произвелъ мой Игнашка, съ опасностью жизни пробравшійся черезъ садъ на крышу вашего дома. Покойной ночи, в. п—ство.

Генераль протиралъ глаза отъ недоумѣнья — не во снѣ ли это, а когда онъ понялъ въ чемъ дѣло, въ воздухѣ оборвалась отрывистая фраза: «Длило, жги!» и по широкой улицѣ раздалось только шлепанье по грязи лошадей, пущенныхъ большою рысью.

А на колокольнѣ все еще продолжался набатъ, и сигнальный фонарь горѣлъ на крышѣ генеральскаго дома.

Описывать положеніе Саввы Михайлыча я не берусь, потому что никакое перо не въ состояніи передать тѣхъ странностей, которыя втеченіи двухъ часовъ покрайней-мѣрѣ обозначали самодурство Бобовихина. Могу только прибавить, что на утро же Савва Михайлычъ выѣхалъ къ губернатору.

Переселеніе Усольцова въ другой уѣздъ не спасло его отъ

грозы, которая сбиралась надъ его отчаянною головою. Кромѣ иска Сазандаровой, кромѣ эстафеты городничаго, посланной къ губернатору о буйствѣ ротмистра на постояломъ, личное ходатайство Бобовихина играло важную роль, такъ что наряжено было формальное слѣдствіе. Кто не знаетъ, что подъ судомъ, особенно человѣку богатому, можно было очень долго благоденствовать, а Усольцову казалось бы легко смягчать судейскія строгости; но Демьянъ Павлычъ по натурѣ своей не могъ оставаться въ застоѣ, чувствуя прогрессивное стремленіе къ своеобразной дѣятельности. Однажды онъ явился въ присутствіе съ трубкою. Его попросили выйти, онъ не послушался. Надо было употребить силу, а извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ онъ не былъ разборчивъ на приемы, и въ силу легкой битвы со сторожами какъ-то нечаянно уронилъ и разбилъ зеркало. Послѣ этого дѣло приняло дурной оборотъ, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отставной ротмистръ и кавалеръ Усольцовъ былъ разжалованъ въ рядовые на Кавказъ впредь до отличной выслуги. Сообщники его по буйству на постояломъ — Дубняковы и Контропошкинъ, вслѣдствіе разныхъ ходатайствъ, оставлены въ сильномъ подозрѣніи и продолжали свой обыкновенный образъ жизни.

Когда дѣло Усольцова получало направленіе, неоставлявшее уже надежды на благопріятный исходъ, Бобовихинъ потиралъ руки отъ удовольствія, и хвалился всѣмъ и каждому, что доканалъ буйнаго сосѣда. Въ это же время и сынъ его гвардіи капитанъ приѣхалъ къ нему въ отпускъ. Спѣша день и ночь по ужасной колоты, гвардеецъ разумѣется не слишкомъ заботился о своемъ туалетѣ и приѣхалъ прямо какъ былъ въ дорожномъ костюмѣ. Ему такъ хотѣлось поскорѣе обнять отца, сестру, тетку, которыхъ онъ почти не помнилъ, что не успѣвъ выскочить изъ кибитки, онъ тотчасъ же, не отряхнувши снѣгу, бросился въ домъ. Дежурный мальчикъ остановилъ его. Гвардеецъ назвалъ себя и хотѣлъ идти къ Саввѣ Михайлычу.

— Его п—ство приказали доложить о вашемъ приѣздѣ.

Молодой человѣкъ сконфузился. Онъ прождалъ добрыхъ пять минутъ пока его пригласили къ генералу, и хотя въ это время къ залѣ спѣшили уже сестра и тетка, однако онъ обязанъ былъ прежде представиться его п—ству.

Бобовихинъ успѣлъ уже одѣться въ сертукъ со всѣми орденами и величаво стоялъ, облокотясь о ручку кресель. Войдя

въ комнату, гвардеец сдѣлалъ движеніе броситься къ отцу на шею.

Генераль отстранилъ его рукою.

— Какъ, сударь, сказали онъ : — не только не въ формѣ, но и въ сертукѣ безъ эполетъ! Вотъ она гвардія-то!

— Папенька!

И молодой человекъ все-таки схватилъ руку отца, поцѣловалъ и бросился обнимать генерала... Что-то человѣческое зашевелилось въ груди Саввы Михайлыча; онъ даже почувствовалъ слезы у себя на рѣсницахъ, обнялъ сына и проговорилъ:

— Ну, ничего, ничего, на первый разъ прощаю. Только, милый мой — дружба дружбой, а служба службой...

Но черезъ двѣ недѣли молодой Бобовихинъ втянулся уже въ домашнюю жизнь: по праздникамъ одѣвался въ парадную форму, по ночамъ ходилъ визитирь-рундомъ и первый являлся, какъ на общія, такъ и на частныя тревоги. Онъ очень хорошо понималъ, что только подобнымъ образомъ могъ выманить у отца лишнюю тысячу рублей, необходимую для уплаты долговъ петербургскимъ кредиторамъ.

Прошло лѣтъ двѣнадцать. Бобовихинъ одряхлѣлъ и началъ видимо разрушаться, хогъ ему казалось, что онъ по прежнему держалъ имѣніе въ ежовыхъ рукавицахъ. Дочь онъ выдалъ замужъ за отставнаго генерала Чумбуркина и трудно описать его восторгъ, когда увидѣлъ себя въ состояніи хоть при концѣ жизни командовать его п—ствомъ. Зять, хотъ и нѣсколько моложе тестя, но все уже человекъ пожилой и добрый, весьма тяготился новымъ родственникомъ и избѣгалъ частыхъ свиданій съ Бобовихинымъ. Да и не мудрено. Савва Михайлычъ требовалъ, чтобы зять принималъ его не иначе какъ въ полной формѣ, даже въ шляпѣ съ султаномъ, и доказывалъ, что это необходимо не только для примѣра, но и для равновѣсія Европы, о которомъ тогда толковали въ «Московскихъ вѣдомостяхъ», единственной газетѣ, гулявшей по провинціямъ. Савва Михайлычъ требовалъ, чтобы зять цѣловалъ ему руку, и распекалъ его — не изъ желанія распечь, но чтобы имѣть удовольствіе, въ качествѣ старшаго, сказать ему:

— Ваше превосходительство ни о чемъ не имѣете понятія; до-служились до генеральскаго чина, а нѣтъ ни на-волось соображенія и т. п.

Сынъ Бобовихина, который произведенъ былъ въ полковники и получилъ полкъ, не получалъ уже отъ отца денегъ, а только наставленія о «благоразумной экономіи» что было излишнимъ, ибо молодой полковой командиръ за-долго еще до назначенія зналъ всю необходимую подноготную.

Послѣднее время однакоже зять Бобовихина, по просьбѣ Людмилы, совершенно переселился къ Саввѣ Михайлычу, потому что Бобовихинъ, по случаю смерти сестры, оставался безъ всякаго присмотра. Чумбуркину этого и не хотѣлось, но какъ жена его получала послѣ отца значительную долю наслѣдства, то надо же было кому-нибудь хлопотать о хозяйствѣ, которое шло богъ-знаетъ какъ, находясь въ рукахъ одного бурбона.

Было часовъ десять утра. Въ своемъ кабинетѣ, въ тепломъ халатѣ со звѣздой и съ орденской лентой на шеѣ сидѣлъ въ креслахъ Бобовихинъ и курилъ изъ своей завѣтной трубки. Волосы его пожелтѣли, лицо испещрилось продольными и поперечными морщинами, а изъ нижней челюсти торчалъ только одинъ коричневый зубъ, постоянно находившійся снаружи, потому что у Саввы Михайлыча отвисла нижняя губа, которою онъ однакоже двигалъ поминутно, стараясь привести ее въ должный порядокъ. Бобовихинъ рѣдко уже выходилъ изъ дому, но продолжалъ самъ управлять вѣднѣемъ больше на бумагахъ.

Вошелъ дежурный мальчикъ.

— Поручикъ Усольцовъ приѣхали, доложилъ онъ.

— Что-о-о? спросилъ генералъ, почувствовавъ легкую дрожь по всѣмъ членамъ.

Мальчикъ повторилъ. Савва Михайлычъ не отвѣчалъ ни слова. До него дошли слухи, что дѣйствительно Усольцовъ за какіе-то подвиги былъ произведенъ въ офицеры, и Бобовихинъ тогда же ощутилъ безпокойство при мысли снова столкнуться съ человѣкомъ, дѣлавшимъ ему столько пакостей, и который по его же ходатайству угодилъ въ солдаты. Генералъ конечно подумывалъ о возможности встрѣчи съ забубенымъ сосѣдомъ, но никакъ не ожидалъ такого скорого свиданія. Притомъ же онъ не сдѣлалъ никакого распоряженія объ отказѣ на случай приѣзда Усольцова, и вдругъ былъ застигнутъ врасплохъ неожиданнымъ

посѣщеніемъ. Бобовихинъ даже растерялся. Мальчикъ ожидалъ отвѣта. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Прости! глухо проговорилъ наконецъ Савва Михайлычъ:— и доложи его п—ству зятю, что я, молъ, требую къ себѣ немедленно.

— Ихъ п—ство изволили уѣхать на пчельникъ.

— Ну, ступай!

И не успѣлъ мальчикъ скрыться за дверь, какъ въ кабинетъ тихо вошелъ Демьянъ Павлычъ и тихо остановился у порога. Довольно было взглянуть на этого человѣка и можно уже было судить, что въ немъ ничего не осталось прежняго, исключая огромнаго роста. Блѣдное лицо съ какимъ-то тупымъ взглядомъ и страдательнымъ выраженіемъ, нѣкогда грозные усы и лѣсистые бакенбарды подстрижены, стройный станъ согнуть, и во всей фигурѣ вялость. Усольцовъ былъ въ отставномъ егерскомъ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ крючки и при шпагѣ.

— Имѣю честь явиться в. п—ству, проговорилъ онъ, удерживаясь въ почтительномъ положеніи фронта.

— А!

И генералъ замаялся.

— Поздравляю, сказалъ онъ наконецъ чрезъ нѣсколько секундъ. Давно въ отставкѣ?

— Пятый мѣсяцъ, в. п—ство. По прибытіи въ свое имѣніе счелъ первымъ долгомъ...

— Благодарю. Похвально, лепеталъ Бобовихинъ, все еще непонимая шутить ли Усольцовъ, или образумился, испытывъ долгое горе.

— Я прибылъ къ в. п—ству просить объ одномъ одолженіи.

— Гм! Садись, братецъ! То-есть прошу садиться.

— У меня на душѣ грѣхъ, в. п—ство. Въ ослѣпленіи суеты, я прежде позволялъ себѣ разныя выходки. Простите, в. п—ство.

Въ голосѣ Усольцова дрожала искренность. Перезабывъ многое, Бобовихинъ однако же помнилъ всѣ выходки неугомоннаго сосѣда и не зналъ какую роль принять на себя.

— Я тяжко виноватъ, продолжалъ Усольцовъ:— но я былъ наказанъ за сарказмство, и теперь приношу покаянiе.

Генералъ мигомъ повеселѣлъ, и ему даже явилась охота поломатьса немного.

— Да, оскорбленіе старшаго никому не проходить даромъ... Но Богъ съ вами, вы потеряли лямку. Садитесь.

Усольцовъ сѣлъ.

— А что, спросилъ генераль: — можетъ быть въ солдатской службѣ приходилось и тово?

И онъ сдѣлалъ выразительный жестъ.

— Никакъ вѣтъ, я не былъ лишонъ дворянскаго эванія.

— А! Ну, я васъ прощаю. Нехотите ли водки, трубку?

— Не пью и не курю, в. п—ство. Въ мои лѣта пора уже подумать и о душѣ. На совѣсти у меня много-много грѣховъ, в. п—ство. Жить осталось недолго, я сильно раненъ.

— Что жъ, дадутъ пансіонъ. А награды орденами были?

— Имѣю солдатскій Егорій и Анну съ бантомъ, в. п—ство.

— Отчего же не надѣли? спрашивалъ генераль, окончатель-но пришедшій въ себя отъ неожиданной перемѣны Усольцова.

— Виновать, запамятовалъ, в. п—ство.

— Ну, ничего. А я свою дочь выдалъ за генерала Чумбуркина. Хорошій, исправный офицеръ.

— Имѣю честь поздравить, в. п—ство. Такъ вы меня прощаете?

— Богъ съ вами. Если вы искренно раскаялись, сударь, мнѣ будетъ пріятно побесѣдовать съ вами о войнѣ. Я самъ когда-то бралъ приступомъ деревню Сент-Эшель. У меня это изображено и на картинѣ.

— Постараюсь, в. п—ство. А теперь счастливо оставаться.

— Куда же вы? А объѣдать?

— Немогу, в. п—ство, ѣду въ городъ по весьма нужному дѣлу.

Усольцовъ раскланялся и, понуривъ голову, вышелъ изъ кабинета.

Демьянъ Павлычъ заперся у себя въ деревнѣ, сидѣлъ одинъ, ходилъ на могилу жены, надъ которой поставилъ памятникъ, избѣгалъ встрѣчи съ женщинами, и если принималъ кого, то люди эти были совсѣмъ непохожи на его прежнихъ пріятелей.

Во время его солдатства Дубняковъ-старшій былъ убитъ гдѣ-то въ схваткѣ съ конокрадами, а меньшей братъ, промотавъ состояніе, таскался въ самой грязной шайкѣ шулеровъ по арманкамъ.

Контропошкинъ окривѣлъ и по непостижимому стеченію об-

ствоительство женился на Фимочкѣ, къ которой поступилъ подѣ башмакъ и имѣлъ удовольствіе также повиноваться своей тещѣ. Но главныя черты характера Ивана Алексѣича не измѣнились: онъ все также любилъ выпить и по возможности обнаруживалъ стремленіе къ прекрасному полу уже изъ крѣпостного званія, хотя и подвергался за это разнымъ неприяностямъ. Услыхавъ о возвращеніи Усольцова, Контропошкинъ, подѣ предлогомъ поѣздки въ городъ, выбрался изъ дому и поѣхалъ навѣстить своего неизмѣннаго Демьяна. Но бывшіе пріятели уже не понимали другъ друга. Заплакавши горько, какъ можетъ-быть нвогда не плакалъ, Контропошкинъ возвратился домой и пропьянствовалъ съ тоски цѣлую недѣлю, повторяя:

— Боже мой, что изъ него сдѣлалось!

Съ тѣхъ поръ объ Усольцовѣ не было помину. Но на похоронахъ въ Бобовихина видѣли, какъ въ полной формѣ, безъ шапки въ слякоть онъ шолъ за гробомъ Саввы Михайлыча.

А. ЧУЖВИНСКІЙ

СОБОРЪ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

(NOTRE-DAME DE PARIS)

РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО

КНИГА ДЕСЯТАЯ

I

У ГРЕНГУАРА РОЖДАЕТСЯ НѢСКОЛЬКО СЧАСТЛИВЫХЪ ИДЕЙ СРЯДУ
ВЪ УЛИЦѢ БЕРНАРДИНЦЕВЪ

Съ той минуты какъ Гренгуару сдѣлалось ясно, что дѣло въ судѣ принимаетъ плохой оборотъ и что главные лица въ этой комедіи по меньшей мѣрѣ имѣютъ быть повѣшены, онъ твердо рѣшился удержаться въ сторонѣ. Бродяги, въ обществѣ которыхъ онъ остался, разсудивъ, что это общество едва ли не лучше всякаго другого, продолжали принимать участіе въ судьбѣ цыганки. Гренгуару казалось это весьма естественнымъ со стороны людей, которымъ подѣ конецъ жизни неминуемо приходилось натолкнуться на Шармлю или Тортеру, между тѣмъ какъ ему былъ еще выходъ и на парнасъ. Онъ услышалъ отъ нихъ, что его названная жена скрывалась въ соборѣ и былъ очень радъ; навѣстить же ее не имѣлъ никакого желанія.

О козочкѣ думалъ онъ чаще, но тоже ограничивался одними воспоминаніями. Впрочемъ досуга у него было немного: днемъ онъ показывалъ фокусы, чтобы достать себѣ на пропитаніе, а ночью комментировалъ одно прекрасное сочиненіе епископа нойонскаго de Сира Petragum, которое развило въ немъ страсть къ архитектурѣ, замѣнившую въ его сердцѣ склонность къ герметикѣ. Впрочемъ, въ

этомъ случаѣ Гренгуаръ перенесъ любовь къ идеѣ на любовь къ ея выраженію.

Однажды онъ остановился на углу одного дома, называвшагося *Fog-l'Evêque*, напротивъ котораго былъ другой домъ подъ названіемъ *Fog-le-Roi*. При первомъ домѣ была прекрасная часовенка еще четырнадцатаго вѣка, съ замѣчательными скульптурными украшеніями. Гренгуаръ находился подъ вліяніемъ того эгоистическаго, исключительнаго наслажденія предметомъ, которое мѣшаетъ художнику видѣть что-либо другое въ цѣломъ мірѣ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что на плечо его опустилась чья-то тяжелая рука и оглянулся. Предъ нимъ стоялъ его прежній учитель и другъ, архидіаконъ.

Встрѣча поразила его. Онъ давно не видалъ архидіакона, а Клодъ принадлежалъ къ такимъ торжественнымъ и страстнымъ личностямъ, встрѣча съ которыми нарушаетъ равновѣсіе идей въ головѣ философа-скептика.

Архидіаконъ нѣсколько минутъ не начиналъ разговора, такъ что Гренгуаръ имѣлъ время замѣтить въ немъ большую перемѣну: онъ былъ блѣденъ какъ зимнее утро, глаза ввалились, волосы почти совсѣмъ посѣдѣли. Какъ ваше здоровье, Пьеръ? спросилъ священникъ спокойно, но какъ-то особенно холодно.

— Мое здоровье? отвѣчалъ Гренгуаръ:—о... объ немъ можно бы сказать многое... впрочемъ, вообще говоря, я немогу пожаловаться. Вы вѣдь помните, что по Гиппократу секретъ всегда быть здоровымъ *id est: cibi, potus, somni, venus, omnia moderata sint*.

— Такъ у васъ нѣтъ никакихъ заботъ Пьеръ? спросилъ архидіаконъ, пристально глядя ему въ глаза.

— Пожалуй что и нѣтъ.

— Что же вы теперь дѣлаете?

— Какъ видите, разсматриваю этотъ барельефъ.

Священникъ улыбулся той горькой улыбкой, отъ которой поднимаются только оконечности губъ.

— И это васъ занимаетъ?

— Да, это рай! воскликнулъ Гренгуаръ. Посмотрите на эту колонку,—гдѣ вы видали болѣе нѣжные листики? А эти фигуры! Какая наивность въ выраженіи лицъ, какое разнообразіе въ положеніи лицъ и драпировокъ; неужели вы не находите этого занимательнымъ?

— О, какъ же, отвѣчалъ священникъ.

— А если бы видѣли внутренность часовни, — какое множество

скульптурныхъ украшеній, — просто капустный кочень. Въ жизнь свою не видалъ я ничего лучшаго.

— Такъ вы счастливы? прервалъ его Клодь.

— По чести, да, отвѣчалъ Гренгуаръ. — Сначала я любилъ женщинъ, потомъ животныхъ, а теперь люблю камни. Въ камняхъ столько же занимательности, какъ въ женщинахъ и животныхъ, да притомъ нѣтъ и нимагѣйшаго коварства.

Священникъ провелъ рукою по лбу. Это былъ его обыкновенный жестъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? и вы ничего нежелаете?

— Нѣтъ.

— И не жаль вамъ ничего?

— Нѣтъ; я устроилъ всю жизнь такъ, что въ ней нѣтъ ни желаній ни сожалѣній.

— Судьба часто разстрѣиваетъ то что устроили люди.

— Я философъ и все держу въ равновѣсїи, отвѣчалъ Гренгуаръ.

— А какіе у васъ средства къ жизни?

— Иногда я пишу эпопеи и трагедїи, но всего болѣе приноситъ мнѣ то ремесло, которое вамъ уже извѣстно: я ношу пирамиды изъ стульевъ на зубахъ.

— Ремесло слишкомъ грубое для философа.

— Это все-таки способъ примѣнить равновѣсіе. Если у человѣка есть идея, онъ находитъ ее во всемъ.

— Знаю, отвѣчалъ архидіаконъ.

— Существованіе ваше однако незавидно, началъ помолчавъ архидіаконъ.

— Да, но я все-таки немогу назваться несчастнымъ.

Въ эту минуту раздался конскій топотъ и мимо нашихъ собесѣдниковъ проѣхалъ отрядъ королевскихъ стрѣлковъ, подъ командой офицера.

— Какъ вы смотрите на этого офицера! сказалъ Гренгуаръ архидіакону.

— Я, кажется, узнаю его.

— А какъ его зовутъ?

— Кажется его зовутъ Фебъ де-Шатоперъ.

— Фебъ? Курьезное имя. Я зналъ одну женщину, которая имъ только и бредила.

— Пойдемте отсюда, мнѣ нужно съ вами поговорить.

Съ той минуты какъ проѣхалъ отрядъ, въ архидіаконъ обнару-

жилось замѣтное волненіе; онъ пошелъ скорымъ шагомъ. Гренгуаръ слѣдовалъ за нимъ съ тѣмъ пассивнымъ послушаніемъ, которое обнаруживали всѣ сталкивавшіеся на пути съ этимъ человѣкомъ. Молча дошли они до улицы бернардинцевъ; она была совершенно пуста, и Клодь остановился.

— Что вы хотѣли сказать мнѣ? спросилъ Гренгуаръ.

— Какъ вы находите, началъ Клодь послѣ глубокой задумчивости: — вѣдь мундиръ этихъ военныхъ господъ гораздо красивѣе моего и вашего платья.

Гренгуаръ покачалъ головою.

— Ну, мнѣ болѣе по душѣ моя пестрая куртка, чѣмъ эти желѣзные украшенія. Удовольствіе, нечего сказать, подымать цѣлый содомъ, когда проходишь по улицѣ!

— Такъ вамъ никогда не случилось завидовать этимъ сыновьямъ Марса?

— Чему-же завидовать? ихъ одеждѣ, силѣ и дисциплинѣ? нѣтъ, лучше свобода, хоть и въ лохмотьяхъ. Лучше быть мушьею головой, чѣмъ львинымъ хвостомъ.

— Странно, сказалъ священникъ: — а красивый костюмъ вещь хорошая.

Гренгуаръ, пользуясь его задумчивостію, отправился разсматривать сосѣдній домъ и возвратился въ восторгѣ отъ его подъѣзда.

— Пьеръ, а куда вы дѣвали свою танцовщицу? спросилъ архидіаконъ.

— Эсмеральду? Какіе у васъ неожиданные переходы въ разговорѣ.

— Вѣдь она была ваша жена?

— Да, повѣнчанные, при разбитой кружкѣ. Намъ бы слѣдовало прожить четыре года. — А вы все еще ее помните?

— А вы не вспоминаете уже о ней?

— Рѣдко. У меня такъ много дѣла!.. Господи, какая у нея была хорошенькая козочка!

— Эта цыганка кажется спасла вамъ жизнь.

— Да, точно.

— Что-же съ ней сдѣлалось, гдѣ она?

— Немогу сказать вамъ навѣрное. Можетъ быть ее и повѣсили.

— Вы думаете?

— Неговорю ничего утвердительно. Когда дѣло дошло до ревки, я постарался удрать изъ суда.

— Больше вы ничего о ней не знаете?

— Постойте, слышала я, что она въ соборѣ и очень радъ, что ее тамъ нетронуть. Немогу только я разузнать, спаслась-ли съ ней ея козочка. Больше я ничего не знаю.

— Такъ я скажу болѣе, закричалъ Клодъ, и голосъ его, тихій до этого мгновенія, вдругъ сдѣлался громовымъ. — Она на самомъ дѣлѣ укрывается въ соборѣ, но черезъ три дня попадетъ опять въ руки правосудія и будетъ повѣшена на Гревской площади. На это есть приказъ парламента.

— Какъ жаль, сказалъ Гренгуаръ.

Священникъ снова принялъ свой холодный видъ.

— И кому же это нужно было хлопотать объ этомъ приказѣ? продолжалъ Гренгуаръ. — Къ чему тутъ вмѣшивать парламентъ? Кому могло помѣшать, что бѣдная дѣвушка укрывается на верхушкѣ Notre-Dame вмѣстѣ съ ласточками?

— Есть такіе демоны на свѣтѣ, отвѣчалъ архидіаконъ.

— Чортъ побери, это плохо.

— И она спасла вамъ жизнь?

— Да, мои теперешніе друзья-бродяги непременно бы меня повѣсили, хотя бы и пришлось пожалѣть послѣ.

— А вы ничего не хотите для нея сдѣлать?

— Душевно радъ-бы, да неровно самъ запутаешься въ скверное дѣло.

— Ну чтожъ?

— Какъ чтожъ! хороши вы! Вѣдь у меня начаты два большія сочиненія.

Священникъ ударилъ себя по лбу. Несмотря на наружное хладнокровіе, жесты его изобличали внутреннюю борьбу.

— Какъ спасти ее?

— Я вамъ скажу, отвѣчалъ Гренгуаръ: — Il n'y a que Dieu qui peut sauver son âme. — Богъ нашъ надежда.

— Какъ спасти ее? повторилъ Клодъ.

Гренгуаръ въ свою очередь ударилъ себя по лбу.

— Послушайте, домъ-Клодъ, у меня много воображенія, — я вамъ приищу способъ. Что если попросить помилованія у Людовика XI?

— Помилованія! у Людовика XI!

— Почемужъ бы и нѣтъ?

— Легче отнять кость у тигра!

Гренгуаръ приступилъ къ отыскиванію новыхъ способовъ.

— Послушайте! хотите я попрошу повивальную бабку дать свидѣтельство, что она беременна?

Глаза архидіакона засверкали:

— Беременна! развѣ ты знаешь что-нибудь объ этомъ?

Гренгуаръ струсиль и поспѣшилъ прибавить:

— О нѣтъ, лично я не убѣжденъ въ этомъ! вѣдь наша свадьба была настоящимъ forismaritagium. Я тутъ рѣшительно ни при чемъ. Однако, ради этого могутъ дать отсрочку.

— Безуміе! позоръ! не говори объ этомъ!

— Напрасно вы сердитесь, пробормоталъ Гренгуаръ. — Отсрочка никому не повредитъ, только доставитъ небольшую сумму денегъ какой-нибудь бѣднягъ, повивальной бабкѣ.

Архидіаконъ его не слушалъ.

— Нужно однакожь предпринять что-нибудь! Приговоръ долженъ быть исполненъ черезъ три дня!

— Впрочемъ, не будь даже этого приговора... этотъ Квизmodo! У женщинъ такой развращенный вкусъ! Пьеръ, сказалъ онъ громко: — я обдумалъ, есть одно средство къ спасенію.

— Какое-же? я ужъ не вижу никакого.

— Послушайте Пьеръ! вспомните, что вы обязаны ей жизни. Я откровенно выскажу вамъ мою мысль. Церковь стерегутъ днемъ и ночью и выпускаютъ изъ нея только тѣхъ, кого замѣтили при входѣ. Стало-быть вы всегда можете войти и я проведу васъ къ ней. Вы помѣняйтесь съ ней платьемъ: она надѣнетъ вашу куртку, а вы ея юбку.

— До сихъ поръ все идетъ хорошо, замѣтилъ философъ: — что-то будетъ дальше?

— Потомъ, она выйдетъ изъ церкви въ вашемъ платьѣ, а вы останетесь. Васъ можетъ быть повѣсятъ, но зато она будетъ спасена.

Гренгуаръ почесалъ за ухомъ:

— Вотъ мысль, которая не пришла бы мнѣ въ голову безъ вашей помощи.

При неожиданномъ предложеніи Клода, открытое и добродушное лицо философа внезапно приняло мрачное выраженіе, какъ ясный итальянскій пейзажъ при внезапно набѣжавшей тучѣ.

— Что же вы скажете о моей мысли, Гренгуаръ?

— Скажу, что меня не *можетъ-быть*, а *непремѣнно* повѣсятъ.

— Какое намъ дѣло до этого.

— Ишь вы!

— Она спасла вамъ жизнь, вы у нея въ долгу.

— У меня множество долговъ, которыхъ я и не думаю платить.

— Пьеръ, вы должны это сдѣлать!

Архидіаконъ принялъ повелительный тонъ.

— Послушайте, домъ-Клодъ, возразилъ смѣшавшійся поэтъ.

Вы напрасно такъ стоите за эту мысль. Я не вижу никакой необходимости быть повѣшеннымъ за другого.

— Что-же васъ такъ привязываетъ къ жизни?

— Тысяча вещей.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ воздухъ, солнце, утро, вечеръ, лунный свѣтъ, мои друзья-бродяги, прелестная парижская архитектура, три начатыхъ сочиненія, наконецъ все. Анаксагоръ говорилъ, что онъ созданъ для того, чтобъ любоваться солнцемъ. Ктому же, я имѣю счастье цѣлую жизнь проводить съ величайшимъ гениемъ, т. е. съ самимъ собою, а это не послѣднее счастье.

— Тупая голова! вскричалъ архидіаконъ: — а кто сохранилъ тебѣ эту хваленую жизнь? кому обязанъ ты тѣмъ, что вдыхаешь этотъ воздухъ, видишь это небо и имѣешь случай питать свой ничтожный умъ всѣми глупостями? безъ нея, гдѣ бы былъ ты теперь? такъ ты желаешь ея смерти, ты, получившій отъ нея жизнь? ты хочешь чтобы умерло это прелестное, кроткое, божественное созданіе, необходимое божьему міру, между тѣмъ какъ ты, полумудрецъ и полусумашедшій, пародія на человѣка будешь жить жизнью украденною у ней и столь-же бесполезною какъ свѣчка при полуденномъ солнцѣ! ну, жалься, Гренгуаръ! будь въ свою очередь великодушень; она показала тебѣ примѣръ.

Священникъ говорилъ съ жаромъ. Гренгуаръ сперва слушалъ его съ видомъ нервѣшительности, потомъ разнѣжился и къ концу рѣчи сдѣлалъ трагическую гримасу, превратившую его блѣдное лицо въ лицо новорожденного ребенка, страдающаго коликой.

— Какъ вы краснорѣчивы! сказалъ онъ, утирая слезу. Ну, я обдумалъ! мысль ваша очень страшна, впрочемъ какъ знать? можетъ меня еще и не повѣсятъ. Когда увидятъ меня въ такомъ странномъ костюмѣ, то навѣрное расхохочутся. А если и повѣсятъ? быть повѣшеннымъ — смерть вполне достойная философа-скептика; эта смерть ни рыба ни мясо, вѣрное изображеніе человѣка, колебавшагося цѣлую жизнь, смерть исполненная пирронизма и пеломъ-

нія, между небомъ и землею. Мнѣ можетъ-быть было предназначено умереть такой смертью. Прекрасно умереть такъ какъ жилъ!

— Такъ вы согласны? прервалъ его священникъ.

— Собственно, что такое смерть? продолжалъ Гренгуаръ съ увлеченіемъ. Одинъ непріятный моментъ, переходъ отъ немногаго къ полному ничтожеству. Кто-то сказалъ умирая, что очень радуется смерти, потому что увидитъ въ другомъ мірѣ Пивагора, Гомера...

Архидіаконъ протянулъ ему руку.

— Стало кончено. Вы придете завтра?

Этотъ жестъ возвратилъ Гренгуара къ дѣйствительности.

— Нѣтъ, чортъ возьми! сказалъ онъ тономъ человѣка совершенно проснушагося: — быть повѣшеннымъ! это слишкомъ неаппетитно! я не хочу.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте! попадешься ты мнѣ! прибавилъ сквозь зубы архидіаконъ.

— Не хочу я ему попасться! подумалъ Гренгуаръ и кинулся его догонять.

— Зачѣмъ старымъ друзьямъ такъ расходиться, господинъ архидіаконъ! Вы интересуетесь этой дѣвушкой, моей женой то есть, очень хорошо! вы изобрѣли способъ вывести ее невредимую изъ собора, но способъ этотъ имѣтъ нѣкоторую непріятность для меня. Что, если бы я предложилъ вамъ другой! — Мнѣ сейчасъ пришла въ голову блистательнѣйшая мысль. Что, если намъ удастся спасти ее не подвергая опасности моей шеи? Что вы на это скажете? Вѣдь вамъ не можетъ положительно хотѣться, чтобы меня повѣсили?

Священникъ, въ нетерпѣнны, обрывалъ застѣжки на своей рясѣ.

— Полно врать? Какой же твой способъ?

— Да, продолжалъ Гренгуаръ самъ съ собою, держа на носу указательный палецъ: — именно такъ!.. Бродяги-молодцы!.. цыганское племя ее любитъ!.. Они будутъ готовы съ перваго слова!.. Ничего не можетъ быть легче... Во время суматохи, ее похитятъ!.. Завтра-же вечеромъ!.. они будутъ рады!

— Ну, говори-же! вскричалъ священникъ.

Гренгуаръ величественно повернулся къ нему.

— Оставьте меня, вы видите, что я создаю планъ. Онъ подумалъ еще нѣсколько минутъ, потомъ захопалъ въ ладоши: — удивительно! успѣхъ несомнѣненъ!

— Средство! средство! гнѣвно спрашивалъ Клодъ.

Гренгуаръ торжествовалъ.

— Пойдемте, я скажу вамъ потихоньку. Вотъ славная контр-мина и мы въ сторонѣ. Признайтесь, что въ этой головѣ много смысла! Да, а козочка съ нею?

— Да, чортъ тебя побери!

— Въдь они и ее бы повѣсили?

— Что мнѣ за дѣло!

— Да, непременно-бы повѣсили! Еще третьяго дня я видѣлъ какъ вѣшали свинью. Палачи любятъ это: они послѣ съѣдятъ животное. Повѣсить мою бѣдную Джали!

— Проклятiе! вскричалъ Клодь: — твою мысль видно нужно вытащить изъ тебя клещами! Палачъ — это ты въ эту минуту!

— Потише, домъ-Клодь, вотъ въ чемъ дѣдо...

Гренгуаръ наклонился къ уху архидіакона и что-то шепталъ ему, безпрестанно оглядываясь по сторонамъ. Когда онъ кончилъ, Клодь холодно взялъ его за руку и сказалъ: хорошо, — до завтра!

— До завтра, повторилъ Гренгуаръ и повернулъ въ противоположную сторону, повторяя про себя: — Прекрасный планъ, другъ мой Пьеръ! докажемъ, что мы маленькіе люди не боимся большихъ предпріятій. Въдь ласточки и тресогузки перелетаютъ же черезъ океанъ!

II

БУДЬ БРОДЯГОЙ

Возвратясь въ монастырь, архидіаконъ засталъ у дверей своей кельи брата своего Жана, который, чтобъ сократить скучное время ожиданія, рисовалъ углемъ на стѣнѣ профиль своего братца, снабдивъ его невѣроятнымъ носомъ. Домъ-Клодь едва взглянулъ на брата. Его занимали другія мысли. Веселое лицо школьника, такъ часто разглаживавшее морщины на мрачномъ лбу ученаго, не могло теперь разогнать все болѣе и болѣе сгущавшійся мракъ въ этой суровой и зачерствѣлой душѣ.

— Братъ, я пришолъ къ вамъ, началъ смиренно школьникъ.

Архидіаконъ даже не поднялъ глазъ.

— Ну чтоже?

— Вы такъ добры ко мнѣ и даете такіе разумные совѣты, что я всегда прибѣгаю къ вамъ.

— Дальше?

— Увы, братецъ! Вы были правы, когда говорили мнѣ: Жанъ! Жанъ! *cessat doctorum doctrina, discipulorum disciplina*. Жанъ, будь благоразуменъ и прилеженъ! Жанъ, не бѣгай изъ школы безъ особенной надобности и ректорскаго разрѣшенія. Не коснѣй въ невѣжествѣ подобно ослу, *quasi asinus illetratus*. Жанъ, сноси заслуженныя наказанія. Жанъ, ходи каждый вечеръ въ часовню. Увы, какіе это были разумные совѣты!

— Дальше?

— Братецъ, передъ вами виновный, преступникъ, ужасный человекъ! Любезный братъ, Жанъ ни во что не ставилъ ваши наставленія. Я подѣломъ наказанъ и Господь Богъ справедливъ. Пока у меня были деньги, я велъ развратную жизнь. О, какъ гнусенъ развратъ, когда приходитъ сознаніе! теперь у меня нѣтъ ни полушки, я продалъ свое послѣднее бѣлье. Прощай веселье! нѣтъ болѣе посковыхъ свѣчъ: дрянной салыный огарокъ коптитъ въ моей комнатѣ. Женщины смѣются надо мною. Кредиторы и угрызенія совѣсти не даютъ мнѣ покоя.

— Еще что?

— Увы, милый братецъ! я хотѣлъ бы начать лучшую жизнь. Я пришолъ къ вамъ съ полнымъ раскаяніемъ. Каюсь, бью себя въ грудь! У васъ была прекрасная мысль сдѣлать изъ меня субинспектора въ школѣ въ Торши. Я вдругъ почувствовалъ необыкновенное призваніе къ этой должности. Но у меня нѣтъ ни книгъ, ни чернилъ, ни бумаги, ни перьевъ, все это нужно купить. Я пришолъ къ вамъ съ полнымъ повинovenіемъ и надеждой получить нѣсколько денегъ.

— Теперь все?

— Да, только немножко денегъ.

— У меня ихъ нѣтъ.

Школьникъ принялъ важный и рѣшительный видъ;

— Итакъ, братецъ, съ сожалѣніемъ долженъ сообщить вамъ, что мнѣ дѣлаютъ одно очень выгодное предложеніе. Вы не хотите дать мнѣ денегъ? — Нѣтъ. — Въ такомъ случаѣ, я дѣлаюсь бродягой!

И онъ принялъ позу Аякса, ожидая, что надъ нимъ разразится гроза. Но архидіаконъ холодно отвѣчалъ:

— Хорошо, будь бродягой!

Жанъ низко поклонился и насвистывая сталъ спускаться по лѣстницѣ. Когда онъ проходилъ подъ окномъ кельи, оно растворилось и высунулась плѣшивая голова Кюда.

— Ступай къ чорту! вотъ послѣднія деньги, которыя ты отъ меня получишь, сказалъ онъ и бросилъ школьнику кошелекъ. Кошелекъ попалъ въ голову, но Жанъ поднялъ его съ довольной миной, какъ собака, на которую посылались бы мозговья кости.

III

ДА ЗАВАНДРУЕТЪ ВЕСЕЛЬЕ!

Читатель можетъ-быть припомнить, что одна сторона двора-чудесь была обнесена старой городской стѣною, башни которой уже почти совсѣмъ развалились. Въ одной изъ уцѣлѣвшихъ башенъ, бродяги устроили себѣ родъ клуба. Въ нижнемъ этажѣ помѣщался кабакъ, а прочіе получили соотвѣтственное назначеніе. Башня эта была самымъ оживленнымъ, слѣдовательно самымъ гнуснымъ пунктомъ двора чудесь. Это былъ чудовищный улей, кишачій день и ночь. Ночью, когда замолкалъ гвалтъ во всѣхъ этихъ домишкахъ, муравейникахъ разврата и преступленія, одна башня продолжала гудѣть и свѣтилась кровавымъ свѣтомъ, выходящимъ изъ всѣхъ ея растрескавшихся поръ.

Кабакъ помѣщался въ подвалѣ. Въ него спускались по лѣстницѣ крутой, какъ классическій александринскій стихъ. На двери, въ видѣ вывѣски, красовались намалеванья деньги и зарѣзанные цыпята, съ надписью: звоняремъ за покойниковъ.

Однажды вечеромъ, когда въ городѣ уже загасили огни, сержанты (еслибы таковыя осмѣлились проникнуть въ это страшное мѣсто) могли бы замѣтить, что шумъ въ башнѣ былъ сильнѣе обыкновеннаго, что нили и ругались въ этотъ день съ большимъ азартомъ. На дворѣ образовались группы, о чемъ-то совѣщавшіяся, а мѣстами, отдѣльныя личности точили плохое оружіе на камняхъ. Въ самой тавернѣ, вино и игра настолько преобладали, что главная мысль не высказывалась, только лица всѣ были веселѣе и почти у каждаго торчалъ за поясомъ или отточенный серпъ, или коса, или ножъ и т. д.

Комната была большая, круглая, но столы стояли такъ тѣсно и по сѣтителей было такъ много, что все: мужчины, женщины, дѣти, игроки, спящіе, калеки и здоровые составляли огромную массу. На столахъ горѣли салныя свѣчи, но главнымъ освѣщеніемъ, замѣнявшимъ въ тавернѣ большую люстру, былъ костеръ. Зала была такъ сыра, что

въ ней и лѣтомъ всегда разводили огонь ; огромный каминъ съ разными кухонными принадлежностями бросалъ далекій , красноватый пламень , выходившій наружу черезъ отверстіе въ старыхъ стѣнахъ . Собака , важно сидящая у камина , поворачивала вертелъ съ большимъ количествомъ мяса .

Несмотря на ужасную тѣсноту , привыкшій глазъ могъ бы различить здѣсь три главныхъ группы , составившіяся вокругъ знакомыхъ уже читателю личностей . Одна изъ нихъ , одѣтая въ обрывки какой-то восточной ткани , была герцога Египта и цыганства . Онъ сидѣлъ на столѣ , поджавши ноги и поднявъ одинъ палецъ кверху , и удивлялъ своимъ знаніемъ бѣлой и черной магіи нѣсколькихъ чело-вѣкъ , смотрѣвшихъ на него розиня ротъ .

Другая толпа окружала нашего знакомца , императора Галилеи , вооруженнаго съ ногъ до головы . Клопечъ Трумъфу съ важностью произволилъ дѣлать оружія , лежащаго у его ногъ . Вооружались всѣ , даже дѣти , и иной рыцарь во всѣхъ доспѣхахъ пролѣзая между ногъ играющихъ , подобно огромному жуку .

Наконецъ , третья группа , самая шумная , образовалась вокругъ чело-вѣка въ полномъ вооруженіи , стоявшаго на скамьѣ и проповѣдывавшаго что-то рѣзкимъ дискантомъ . Чело-вѣчекъ этотъ совершенно исчезъ въ своихъ доспѣхахъ , такъ что виднѣлся одинъ только красный , вздернутый носъ , клокъ бѣлокурыхъ волосъ и смѣлые глаза . За поясомъ у него было множество ножей и кинжаловъ , на боку длинная сабля , на лѣвомъ плечѣ заржавленный лукъ , а передъ нимъ огромный ковшъ вина . Рядомъ сидѣла толстая , растрепанная дѣвка . Толпа вокругъ хохотала , пила и ругалась .

Если прибавить къ этому двадцать второстепенныхъ группъ , мужскую и женскую прислугу , бѣгавшую съ жбанами вина надъ головою , игроковъ во всѣ существующія игры , ссоры въ одномъ углу и поцѣлуй въ другомъ , то составитъ приблизительная картина этого логовища , освѣщеннаго краснымъ огнемъ камина , отъ котораго дрожать и движутся громадныя тѣни на стѣнахъ . Шумъ можно сравнить съ гуломъ во внутренности большого колокола въ минуту сильнѣйшаго трезвона . Сковорода съ шипящимъ на ней жиромъ наполняла своей музыкой интервалы между крикомъ и разговорами .

Среди всего этого шума на скамьѣ , передъ самымъ каминомъ , устремивъ глаза на огонь , сидѣлъ философъ , погруженный въ размышленія . Это былъ Пьеръ Гренгуаръ .

— Скорѣе! вооружайтесь всѣ! Черезъ часъ мы выступаемъ!
говоришь Трульфу своей трупѣ.

Женщина напѣвала :

Bonsoir mon père et ma mère,
Les derniers couvrent le feu.

Два игрока спорили :

— Валеть? кричалъ самый красный изъ двухъ: — я отмѣчу тебя кулакомъ въ рожу.

— Уфъ! стоналъ кто-то съ норманскимъ акцентомъ: — здѣсь точно сельди въ боченкѣ.

— Дѣти! говоришь герцогъ Египта фистулою: — во Франціи вѣдьмы идутъ на шабашъ пѣшкомъ и безъ метлы, только съ нѣсколькими кабалистическими словами, а въ Италиі ихъ всегда ожидаетъ козелъ у двери. Всѣ обязапы вылетать непременно въ трубу.

Голосъ вооруженнаго маленькаго челоѣчка покрывала собою весь говоръ. — Браво! браво! кричалъ онъ. Сегодня будетъ мой первый оныть! я бродяга, чортъ меня побери! дайте вина сюда! Друзья! я дворянинъ, меня зовутъ Жанъ Фролло дю Муленъ. Мое мнѣніе, что нѣтъ званія выше бродяги. Братья! намъ предстоитъ славная экспедиція. Мы храбрецы! нападѣмъ на церковь, выломаемъ двери, украдемъ красотку, спасемъ ее изъ лапъ судей, распугаемъ монаховъ, сожжемъ епископа въ его гнѣздѣ и все это скорѣе чѣмъ какой нибудь бургомистръ успѣетъ проглотить ложку супу. Наше дѣло правое. Мы ограбимъ соборъ и баста! мы повѣсимъ Квазимодо. Знакомъ вамъ Квазимодо, красавицы? Видѣли вы, какъ онъ звонилъ въ троицынъ день? Это красиво, клянусь сатаной, — точно дьяволъ верхомъ на колоколѣ. Друзья, послушайте! я бродяга всей душою, я ужь родился для этого. Я былъ богатъ и промоталъ богатство. Мать хотѣла сдѣлать меня военнымъ, а отецъ дьякономъ, тетка сборщикомъ податей, бабушка нотариусомъ, прабабушка казначеемъ, а самъ я сдѣлался бродягой. Я сказалъ это отцу и онъ меня проклялъ, а мать завыла какъ эта сковорода въ огнѣ. Да здравствуетъ веселье! хозяйка, вина поскорѣе, деньги готовы. Я способенъ вынуть весь погребъ, чортъ меня побери!

Толпа аплодировала съ хохотомъ, что еще болѣе возбуждало школьника.

— Славно! кричалъ онъ: — *populi debacchantis populosa debacchantio!* и онъ запѣлъ голосомъ монаха, служащаго вечерню, со-

строишь плаксивую мину: — *Quæ cantica! quæ organa! quæ cantilenæ! quæ melodiæ hic sine fine decantantur!* Ну, ты, чертова погребщица! давай мнѣ вѣсть!

Настала минута когда смѣхъ нѣсколько утихъ и снова сталъ слышенъ кисленькій голосокъ герцога Египта: — Козла зовутъ адуинъ, лисицу синей лапой, медвѣдя дѣдомъ. Шанка Гнома дѣлаеть невидимкой и показываетъ невидимыя вещи. Демонъ Сидрагазумъ имѣетъ власть заставлятъ плясать нагихъ женщинъ.

— Хотѣлъ бы я быть Сидрагазумомъ! сказалъ Жанъ.

На другомъ концѣ бродяги вооружались.

— Бѣдная Эсмеральда! говорилъ цыганъ. — Она наша сестра. Надо спасти ее оттуда.

— Еще тамъ ли она? сказалъ человѣкъ съ жидовской миной.

— Разумѣется тамъ.

— Ну, такъ въ соборѣ! тѣмъ болѣе, что тамъ есть двѣ золотыя статуи на серебряныхъ подставкахъ. Славныя вещи! я самъ золотыхъ дѣлъ мастеръ и знаю имъ цѣну!

Тутъ Жану подали ужинъ.

— Слушайте, кричалъ онъ: — у меня есть родной братъ архидиаконъ. Поступивъ въ бродяги, я отказался отъ половины дома, построеннаго въ царствѣ небесномъ, *Dimidiam domum in Paradiso*. Это я привожу текстъ. У меня есть помѣстье и всѣ женщины отъ меня безъ ума, честное слово! клянусь вамъ, братцы:

*Que je ne beuvrai de piment
Devant un an, si je cy ment!*

— Посмотри, моя прелесть, какъ вѣтеръ разноситъ облака вкругъ луны; такъ и я разорву всѣ твои покровы. Эй женщины! утрите носы ребятамъ и свѣчкамъ! Черти! что такое я ѣмъ? Эй, хозяйка! зачѣмъ ты приправляешь яичницу волосами своихъ дѣвокъ. Все хорошо на своемъ мѣстѣ. Хороша чертова гостиница, гдѣ дѣвки чешутся вилками! говоря это, онъ бросилъ на полъ тарелку и запѣлъ во все горло:

Et je n'ai, moi,
Par la sang-Dieu!
Ni foi, ni loi,
Ni feu, ni lieu,
Ni roi,
Ni Dieu!

Между тѣмъ Трульфу кончилъ раздачу оружія. Онъ подошелъ къ Гренгуару, повидимому погруженному въ глубокую думу.

— Дружище! о чемъ это ты задумался?

Гренгуаръ обернулся съ меланхолической улыбкой:

— Я люблю огонь, почтеннѣйшій господинъ. Но не по той тривіальной причинѣ, что онъ отогрѣваетъ намъ ноги или варить нашу пищу, а потому что въ немъ есть искры. Иногда я по цѣлымъ часамъ смотрю на искры. Я открываю тысячу вещей въ этихъ звѣздахъ, украшающихъ темный фонъ очага. Эти звѣзды такіе-же міры.

— Проваль тебя возьми! ничего я не понялъ. А знаешь-ли который теперь часъ?

— Не знаю, отвѣчалъ Гренгуаръ.

Клопенъ подошелъ къ герцогу Египта.

— Другъ Матіасъ, нехорошо мы выбрали время. Говорятъ Людовикъ XI въ Парижѣ.

— Тѣмъ нужнѣе вырвать изъ его когтей нашу сестру, отвѣчалъ старый цыганъ.

— Ты говоришь, какъ мужчина, Матіасъ; ктому-же, мы живо обработаемъ дѣло. Обороны ожидать нечего, монахи вѣдь зайцы, а насъ таки много. Какой носъ будетъ завтра парламентскимъ, когда они придутъ за нею! чортъ побери! не допущу я повѣсить эту красавицу!

Клопенъ выпелъ изъ кабака. Въ это время Жанъ голосилъ:

— Я сытъ, я пьянъ, я самъ Юпитеръ! Гренгуаръ тоже очнулся и озирался вокругъ, приговаривая: *Luxuriosa res vinum et tumultuosa ebrietas*. Какъ хорошо, что я не пью и какъ справедливо говорить св. Бенедиктъ: *Vinum apostatare facit etiam sapientes*.

Въ это время Клопенъ возвратился и крикнулъ громовымъ голосомъ: Полночь! При этомъ сигналѣ, мужчины, женщины, дѣги бросились изъ таверны, при звукѣ оружія. Луна скрылась. Дворъ-чудесъ былъ совершенно теменъ. Не было ни одного огонька. Но немъ двигалась во мракѣ толпа мужчинъ и женщинъ, шепотомъ говорящихъ между собою. Въ потьмахъ слышался гулъ и повременамъ блистало оружіе. Клопенъ взобрался на камень.

— По рядамъ, скомандовалъ онъ.

Произошло движеніе. Образовалась колонна. Черезъ нѣсколько минутъ снова послышалась команда: Идти по улицамъ молча! Пароль: *Petite Flambe en baguenaud!* Факела зажигать только передъ

соборомъ! маршъ. Десять минутъ спустя, стража разбѣжалась, испуганная длинной процесіей молчаливыхъ черныхъ людей.

IV

НЕЛОВКАЯ УСЛУГА

Въ эту самую ночь, Квазимодо не спалъ. Онъ только что слѣдалъ свой послѣдній обходъ по церкви и не замѣтилъ, что архидіаконъ слѣдитъ за нимъ и даже выразилъ неудовольствіе, когда крѣпкій запоръ легъ на массивныя двери. Клодъ казался озабоченнымъ больше обыкновеннаго. Впрочемъ, съ послѣдняго ночного похождения, онъ началъ притѣснять Квазимодо, но ни дурное обращеніе, ни даже побои не могли вывести горбуна изъ обычной покорности или заставить произнести жалобу. Только взоръ его съ безпокойствомъ слѣдилъ за Клодомъ, когда онъ поднимался по лѣстницѣ на башню. Впрочемъ, архидіаконъ и самъ не рѣшался показаться на глаза цыганкѣ.

Итакъ въ эту ночь Квазимодо не спалъ. Посѣтивъ свои давно забытые колокола, онъ взобрался на самую вершину башни, поставилъ на паранетъ свой потайной фонарь и сталъ смотрѣть на Парижъ.

Ночь была очень темна. Парижъ, который почти вовсе не освѣщали въ то время, представлялся какой-то темноватой массой, прорѣзываемой мѣстами бѣлой полосой Сены. Квазимодо видѣлъ только одинъ огонекъ въ отдаленномъ строеніи, мрачный профиль котораго вырѣзывался у воротъ св. Антонія. Тамъ тоже кому-то не спалось.

Безсознательно углубляясь взоромъ въ темноту, звонарь чувствовалъ на душѣ какое-то странное безпокойство. Уже нѣсколько дней онъ былъ на сторожѣ. Онъ видѣлъ, что вокругъ церкви ходятъ мрачныя личности и пристально глядятъ на мѣсто убѣжища Эсмеральды. Онъ разсудилъ, что противъ нея что-нибудь замышляютъ, что надъ нею, какъ и надъ нимъ, тяготѣетъ народная ненависть и что это можетъ кончиться дурно. Съ этими мыслями стоялъ онъ, какъ сторожевая собака, озираясь то на Парижъ, то на келейку.

Вдругъ, глазъ его, одаренный особенной зоркостію, какъ бы въ замѣнъ всѣхъ остальныхъ недостающихъ органовъ, замѣтилъ, что

одна сторона набережной какъ-то темпѣе и линія ея идетъ неровно, а колыхается, какъ вода или множество людскихъ головъ.

Это показалось ему страннымъ. Онъ удвоилъ вниманіе. Движеніе шло по направленію къ старому городу, впрочемъ тьма была совершенная. Черезъ нѣсколько минутъ, набережная очистилась и перестала колыхаться.

Пока Квазимодо терялся въ предположеніяхъ, движеніе стало обозначаться уже въ началѣ площади, параллельно фасаду. Наконецъ онъ различалъ толпу, рассыпавшуюся по площади.

Зрѣлище это не лишено было ужаснаго. Какъ бы тихо ни двигалась таинственная процесія, вблизи долженъ былъ слышаться хотя шелестъ шаговъ, который не могъ долетѣть до горбуна, и эта масса, двигающаяся на такомъ близкомъ отъ него разстояніи, казалась ему сборищемъ привидѣній, чѣмъ-то неуловимымъ, призрачнымъ. Ему казалось, что вотъ его охватитъ туманъ, населенный толпою существъ необъяснимыхъ.

Скоро припомнились ему и опасенія насчетъ цыганки. Онъ чувствовалъ, что готовится что-то рѣшительное, что минута критическая и сталъ держать совѣтъ съ самимъ собою. Нужно ли разбудить Эсмеральду? Выпустить ее? откуда? улица занята, церковь примыкаетъ къ рѣкѣ. Нѣтъ ни лодки, ни выхода! Оставалось одно лишь средство: дать убить себя на порогѣ церкви, сопротивляться хоть до тѣхъ поръ, пока явится помощь, если она можетъ явиться, и безбеспокоить пока дѣвушки. Бѣдняжка успѣетъ еще проснуться для того, чтобы умереть. Логика эта сдѣлала бы честь и не такому большому уму. Обдумавъ все такимъ образомъ, Квазимодо уже спокойнѣе началъ слѣдить за *непріятелемъ*.

Толпа казалось все прибывала. Вѣроятно, тишина была совершенная, потому что окна сосѣднихъ домовъ не растворялись. Вдругъ блеснулъ свѣтъ и, въ одно мгновеніе, зажглось семь или восемь факеловъ и поднялось надъ головами. Квазимодо съ ужасомъ увидѣлъ огромное число мужчинъ и женщинъ въ лохмотьяхъ, вооруженныхъ ножами, серпами, косами. Мѣстами, незажженные факелы надъ головами имѣли видъ роговъ. Ему смутно припомнилась толпа, провозгласившая его паной шутовъ. Человѣкъ, державшій факель въ одной рукѣ, а булаву въ другой, взобрался на столбъ и казался сталъ держать рѣчь. Странная армія обступила церковь. Квазимодо взялъ фонарь и спустился на вторую площадку, чтобы видѣть поближе и принять мѣры къ оборонѣ.

Клопенъ Трульйфу на самомъ дѣлѣ поставилъ свою армію въ боевую позицію передъ главнымъ порталомъ. Какъ опытный генералъ, онъ, даже не ожидая обороны, хотѣлъ имѣть порядокъ въ войскѣ, чтобы не попасться въ располхъ въ случаѣ нападенія стражи или патруля.

Впереди были Клопенъ, герцогъ Египта и школьникъ Жанъ Фролло. Потомъ слѣдовали кто похрабрѣе.

Въ средніе вѣка экспедиціи такого рода бывали нерѣдки. То что мы называемъ теперь полиціей тогда еще не существовало. Въ многочисленныхъ городахъ, въ особенности въ столицахъ, не было правильной, централизованной власти. Феодалная власть странно устроила свои большія общины. Городъ былъ сборищемъ тысячи владѣній, раздѣлявшихъ его на участки различныхъ величинъ и размѣровъ. Отсюда разнохарактерная полиція, противорѣчащая одна другой. Въ Парижѣ на примѣръ, независимо отъ ста сорокъ одного владѣльца, имѣющихъ право на подать, было еще двадцать пять претендентовъ на подать и расправу, — начиная съ парижскаго епископа, которому принадлежали сто пять улицъ, до пріора въ Notre Dame des Champs, владѣвшаго четырьмя улицами. Всѣ эти феодалные властелины только номинально признавали сюзеренную власть короля. Всѣ пользовались пошлиной за дорогу. Всѣ брали въ собственныхъ владѣніяхъ. Людовикъ XI, этотъ неутомимый работникъ, начавшій разрушеніе феодалнаго зданія, продолжаемое Людовикомъ XIV и Ришелье въ пользу королевской власти и оконченное Мирабо въ пользу народа, — Людовикъ XI попробовалъ было разорвать эту сѣть частныхъ владѣній въ Парижѣ введеніемъ общихъ полицейскихъ мѣръ. Такъ въ 1465 г. былъ изданъ приказъ ставить свѣчи на окна съ наступленіемъ темноты и держать на привязи собакъ; въ томъ же году, велѣно было запираеть на ночь улицы желѣзными цѣпями и строго запрещалось выходить изъ дому съ оружіемъ. Но скоро всѣ эти распоряженія рушились. Граждане не заботились о томъ, что вѣтеръ задуваетъ свѣчи на окнахъ и собаки подвергаются петлѣ; желѣзныя цѣпи протягивались только во время осады, а запрещеніе носить оружіе повело только къ переименованію улицы Coupe-Gueule въ улицу Coupe-Gorge, очевидный шагъ къ прогресу. Старое феодалное зданіе стояло крѣпко; осталось попрежнему множество округовъ и владѣній, пересѣкающихъ и мѣшающихъ другъ другу; осталось огромное, но бесполезное количество разнохарактерной стражи, сквозь которую свободно пробирался разбой, грабежъ и убійство.

Нападенія на дворець или частный отель, вродѣ того, о которомъ мы говоримъ, вовсе не были удивительной вещью даже въ самой населенной части города. Да и сосѣди начинали вмѣшиваться въ дѣло тогда только, когда очередь доходила до нихъ самихъ. Они запирали ставнями окна, заставляли двери и давали дѣлу идти своимъ порядкомъ, съ помощію или безъ помощи стражи. А на другой день говорилось: вчера у Этьенъ Барбье выломали двери; или, вчера обокрали маршала клермонскаго! Потому-то не только королевскія жилища: Лувръ, дворець, Бастилія, турпельскій замокъ, но и дома частныхъ владѣльцевъ, *Petit Bourbon, Hôtel de Sens, d'Angoûleme* имѣли зубчатые стѣны и крѣпкіе запоры у дверей. Церкви охранялись своею святостью. Нѣкоторыя были однакожъ укрѣплены, но *Notre Dame* не принадлежала къ ихъ числу. Въ *Saint Germain des Près* были стѣны какъ у баронскаго замка, а мѣди на укрѣпленіе употреблено больше чѣмъ на колокола. Въ 1610 году стояла еще крѣпость, а теперь едва существуетъ и самая церковь. Возвратимся къ собору.

Когда кончились первыя приготовленія (а надо сказать къ чести бродяжнической дисциплины, что приказанія Трульфу были исполнены въ тишинѣ и со всевозможной точностью), достойный начальникъ влѣзъ на парапетъ паперти и возвысилъ свой рѣзкій голосъ, указывая на соборъ и потрясая своимъ факеломъ, огонь котораго, задуваемый вѣтромъ, только повременамъ освѣщала краснымъ пламенемъ церковь.

— Я, Клопенъ Трульфу, князь бродягъ, епископъ шутовъ говорю тебѣ Луи-де-Бомонъ, епископъ парижскій, совѣтникъ парламента: наша сестра, напрасно осужденная за колдовство, укрылась въ твоей церкви. Ты обязанъ хранить и защищать ее. Между тѣмъ, парламентъ хочетъ взять ее и ты соглашаешься, такъ что, не будь воли божіей и вмѣшательства бродягъ, ее повѣсили бы завтра на гревской площади. Итакъ мы пришли къ тебѣ, епископъ! Если твоя церковь священна, то и убѣжище сестры нашей должно быть также священно, иначе нарушается святость церкви. Предлагаемъ тебѣ выдать намъ дѣвушку, если хочешь спасти свою церковь, или мы возьмемъ ее сами и все разграбимъ. Въ подтвержденіе словъ монахъ укрѣпляю здѣсь мое знамя и да хранить тебя Богъ, епископъ Парижа!

Къ несчастію, Квазимодо не могъ разслышать этихъ словъ, произнесенныхъ съ какимъ-то дикимъ и мрачнымъ величіемъ. Одинъ

изъ бродягъ подалъ знамя и Клопенъ торжественно водрузилъ его между двумя камнями. Это была вила, на зубцахъ которой былъ воткнуть кусокъ кроваваго мяса.

Окончивъ это, король бросилъ взглядъ на свою армію, дикую толпу, глаза которой свѣтились почти также какъ пики. Послѣ минутнаго молчанія, онъ крикнулъ: — Впередъ! слесарей! Тридцать человѣкъ съ крѣпкими мускулами, съ видомъ слесарей, вышли изъ рядовъ съ молотками, клещами и желѣзными прутьями на плечахъ. Они направились къ главной церковной двери и принялись за работу. Толпа бродягъ послѣдовала за ними съ намѣреніемъ помогать или просто смотрѣть на работу. Всѣ одиннадцать ступеней портала были заняты народомъ. Однакожъ, дверь не подавалась. — Какая здоровая, чортъ бы ее побралъ! говорилъ одинъ. — Она стара и хрящи у ней одеревенѣли, говорилъ другой. — Смѣлѣй, ребята! ободрялъ Клопенъ. Готовъ прозакладывать голову, что вы отпрете дверь, уведете дѣвушку и оберете алтарь прежде нежели просянется первый звонарь. Смотрите! кажется замокъ подался!

Клопена прервалъ страшный шумъ позади. Онъ обернулся. Огромное бревно упало сверху; оно придавило съ дюжину бродягъ къ ступени и скатилось на площадь съ громомъ пушечнаго выстрѣла, попадая на ноги несчастнымъ, пятившимся съ крикомъ ужаса. Въ одинъ мигъ площадка передъ порталомъ опустѣла. Слесаря, хотя защищенные отъ удара навѣсомъ, оставили работу и самъ Клопенъ отошелъ на почтительное разстояніе отъ церкви.

— Ну ужъ, сдобровалъ же я! кричалъ Жанъ, а мимо меня такъ и проскользнула! За то Пьера приплюснуло!

Трудно выразить какое удивленіе и ужасъ упали на толпу съ этимъ бревномъ. Разбойники стояли нѣсколько минутъ, устремивъ глаза кверху, напуганные этимъ кускомъ дерева болѣе нежели двадцатью тысячами королевскихъ стрѣлковъ.

— Сатана! проворчалъ герцогъ Египта, это пахнетъ магіей!

— Это луна бросила въ насъ бревно! сказалъ рыжіи Андри.

— Говорятъ, что Богородица любитъ луну, прибавилъ Шантепрюнъ.

— Тысяча папъ! вскричалъ Клопенъ, всѣ вы ослы! Однако, онъ не могъ объяснить страннаго явленія.

На фасадѣ, до вершины котораго не могъ достигнуть свѣтъ, ничего не было видно. Тяжелое бревно лежало посреди площадки и слышны были стоны несчастныхъ, которыхъ оно расплюснуло на

каменныхъ ступеняхъ. Когда прошолъ первый столбнякъ, король придумалъ довольно вѣроятное объясненіе: не монахи ли это защищаются, канальство! И такъ, на приступъ! на-приступъ!

— На приступъ! съ ревомъ повторила толпа, и груды стрѣлъ полетѣли на фасадъ церкви.

При этомъ проснулись смиренные обитатели сосѣднихъ домовъ; нѣсколько оконъ открылось и головы въ колпакахъ, со свѣчами въ рукѣ высунулись на площадь.

— Стрѣляйте въ окна! командовалъ Клопень.

Окошки мгновенно закрылись и бѣдные граждане, не успѣвшіе еще ничего рассмотреть въ этой странной сценѣ, дрожа укладывались подлѣ своихъ сожительницъ, мысленно задавая себѣ вопросъ: не празднуется ли теперь шабашъ на соборной площади или не напали ли бургонцы, какъ въ шестьдесятъ-четвертомъ году. И мужьямъ сталъ мерещиться грабежъ, женамъ насиліе и всѣ дрожали.

— На приступъ! повторяли мошенники, однако не смѣли подойти близко. Они смотрѣли то на бревно, то на церковь. Бревно не шевелилось, зданіе сохраняло свой спокойный и пустынный видъ, но что-то леденило бродягъ ужасомъ.

— Ну же, за дѣло, слесаря! крикнулъ Клопень. Вотъ мужчины! испугались полѣна!

Однако никто не двинулся.

Одинъ старикъ заговорилъ: — Капитанъ! Мы не бревна боимся. Дверь заперта изнутри желѣзными засовами. Ключами тутъ ничего не сдѣлаешь.

— Что же вамъ нужно, чтобъ выломать дверь?

— Нуженъ таранъ.

Король храбро подбѣжалъ къ бревну и ступилъ на него ногою.

— Вотъ, сами монахи его вамъ прислали! вскричалъ онъ. — Благодарствуйте! сказалъ онъ, насмѣшливо кланаясь по направленію церкви.

Эта выходка произвела хорошее дѣйствіе: чары бревна были разрушены. Бродяги ободрились. Скоро тяжелое бревно, поднятое какъ перышко двумя стами рукъ, неистово ударило въ дверь. Видя при мерцающемъ свѣтѣ факеловъ это длинное бревно, которыми двѣсти человекъ съ разбѣга ударяютъ въ дверь, можно бы было подумать, что это огромное, тысяченогое животное, ударяющее головою въ каменнаго гиганта.

При первомъ ударѣ полуметаллическая дверь загудѣла какъ чу-

довищный барабанъ, но не треснула; весь соборъ дрогнулъ и глухой гулъ послышался во внутренности храма. Въ ту же минуту цѣлый градъ камней посыпался на осаждавшихъ.

— Черти! вскричалъ Жанъ: — ужъ не башни ли сыпать на насъ свои зубцы?

Но дѣло уже пошло въ ходъ. Король не переставалъ подавать примѣръ. Рѣшено было, что епископъ защищается и удары въ дверь сдѣлались чаще, несмотря на раздробляемые черепа направо и налево. Замѣчательно, что камни падали по одному, но съ удивительной быстротою сѣдовали другъ за другомъ. Мошеники всегда чувствовали, какъ одинъ падаетъ въ ноги, а другой на голову. Рѣдкій не попадалъ въ цѣль и уже множество мертвыхъ и раненыхъ лежало подъ ногами у осаждавшихъ, но раздраженная толпа ежеминутно увеличивалась новыми охотниками. Бревно все ударяло въ дверь, какъ языкъ колокола; камни сыпались, дверь гудѣла.

Читатель разумѣется угадалъ, что неожиданная защита была дѣломъ Квазимодо. На бѣду случай помогъ бѣдному глухарю. Когда онъ спустился на вторую площадку, мысли его были въ ужасномъ безпорядкѣ. Онъ нѣсколько времени метался во все стороны, видя толпу, готовую напасть на церковь и умоляя небо и здѣ спасти цыганку. Ему пришла было мысль ударить въ набатъ, но пока онъ раскачаетъ языкъ, пока громкій голосъ Марьи возвѣститъ объ опасности, дверь можетъ быть десять разъ выломана. Именно въ эту минуту слесаря приближались. Что дѣлать?

Вдругъ онъ припомнилъ, что каменщики цѣлый день чинили стѣну восточной башни. Это было для него лучшемъ свѣтѣ. Стѣна была каменная, крыша свинцовая, лѣса деревянные (эти лѣса были такъ плотны, что ихъ называли лѣсомъ). Квазимодо побѣжалъ къ башнѣ. Нижнія комнаты были полны матерьяла. Тамъ были кучи песчаника, свинцовые листы, планки, уже распиленные бревна, бездна мусору. Цѣлый арсеналъ.

Минута была дорога. Колья и молотки работали внизу. Съ силой, удесятеренной опасностью, онъ поднималъ бревно самое тяжелое, самое длинное, выдвинулъ его въ слуховое окно, потомъ вытянулъ съ противоположной стороны и спустилъ по углу балюстрады, окружающей площадку. Огромное бревно, въ своемъ паленіи съ ста-шестидесяти футовой высоты, царапало стѣны, ломало скульптурныя украшенія, нѣсколько разъ перевернулось на подо-

біе мельничнаго крыла и наконецъ достигло земли. Раздался ужасный крикъ и черное бревно, катившееся по землѣ, напоминало прыгающую змѣю.

Квазимодо видѣлъ, какъ разлетѣлись бродяги при паденіи бревна, подобно кучкѣ пепла отъ дыханія дитяти. Онъ воспользовался ихъ страхомъ и пока они съ суевѣрнымъ ужасомъ поглядывали на бревно, упавшее съ неба и стрѣляли въ статуи портала, молча складывалъ кучи щебня, камней, даже мѣшки рабочихъ съ инструментами на край балюстрады, соединяющей съ главной дверью, такъ что когда бродяги принялись опять ударять въ нее, цѣлый градъ камней посыпался имъ въ головы, какъ-будто сама церковь разрушалась.

Тотъ, кто увидѣлъ бы Квазимодо въ эту минуту, навѣрно пришло бы въ ужасъ. Кромѣ матерьяловъ, собранныхъ на балюстрадѣ, передъ нимъ была еще куча камней. Когда истощился первый запасъ, онъ принялся за второй, нагибаясь и выпрямляясь съ невѣроятной быстротою; огромные камни сбивались безъ промежутка. Отъ времени до времени онъ слѣдилъ взоромъ за ихъ полетомъ и когда камень убивалъ на мѣстѣ, онъ произносилъ: Гм!

Бродяги тоже не унывали. Уже разъ двадцать тяжелая дверь вздрогнула подъ ударами дубоваго тарана, поднимаемаго сотнею рукъ. Карнизы трещали, рѣзба разлеталась во все стороны, винты вспрыгивали въ своихъ пробояхъ, доски начинали расходиться, щепы такъ и сыпались. Несмотря на свою глухоту, Квазимодо чувствовалъ каждый ударъ тарана. Онъ видѣлъ какъ бродяги съ злобнымъ торжествомъ показывали кулаки темному фасаду; онъ за себя и за Эсмеральду завидовалъ совамъ, которыя стаями пролетали надъ его головою. Всѣхъ его камней недостаточно было, чтобъ отразить нападавшихъ.

Въ эту отчаянную минуту онъ увидѣлъ немного ниже балюстрады два жолоба, приходившіеся прямо надъ главной дверью. Отверстія ихъ касались площадки, на которой онъ стоялъ. Ему пришла еще мысль; онъ принесъ вязанку хвороста изъ своей каморки, наложилъ на него нѣсколько охапокъ деревянныхъ реекъ и кусковъ олова, — матерьялы, неупотребленные еще въ дѣло, — и установилъ этотъ костеръ передъ отверстіемъ жолобовъ, зажегъ его.

Такъ какъ камни уже не сыпались, бродяги перестали смотрѣть наверхъ, но толпились все передъ дверью, задыхаясь, какъ свора собакъ, наступившая на баню. Дверь подавалась. Они лихорадочно

ждали окончательнаго удара. Каждый старался стать ближе, чтобъ первому ворваться въ этотъ богатый соборъ, складочное мѣсто сокровищъ трехъ вѣковъ. Они съ дикими криками восторга напоминали другъ другу о прекрасныхъ серебряныхъ крестахъ, парчевыхъ мантияхъ, позолоченыхъ гробницахъ, о великолѣпннхъ на праздникахъ рождества и пасхи, обо всѣхъ мощахъ, подсвѣчникахъ, дароносицахъ, дарохранильницахъ и алтаряхъ, блестящихъ золотомъ и брилльянтами. Разумѣется всѣ эти слѣпые и разслабленные начальники разныхъ воровскихъ шаекъ гораздо менѣе думали въ эту минуту объ Эсмемальдѣ, чѣмъ о своей собственной пожизнѣ. Можно даже сказать, что для большей части изъ нихъ Эсмемальда служила только предлогомъ, если ужъ и ворами нужны предлоги.

Вдругъ въ ту минуту, какъ они всѣ столпились, чтобъ нанести общими силами послѣдній, рѣшительный ударъ, задыхаясь, напрягая всѣ мускулы, раздался вой еще страшнѣе того, который послѣдовалъ за паденіемъ бревна. Тѣ, которые не кричали и были еще живы, подняли головы. Два потока растопленнаго олова лилось сверху на самый центръ толпы. Цѣлая масса людей уничтожилась подъ этимъ металлическимъ дождемъ, образовавшимъ въ толпѣ два черныя, дымящіяся отверстія, какъ въ свѣту, когда на него выльютъ кипятокъ. Умирающіе, почти залитые оловомъ, страшно стояли. Капли ужаснаго дождя разлетались и по другимъ направлениямъ, и впивались въ головы, какъ огненные гвозди. Несчастные подвергались какому-то придавливающему огненному дождю.

Раздался страшный крикъ. Всѣ и храбрые и трусливые разбѣжались, бросивъ бревно на тѣла умирающихъ, и площадь во второй разъ опустѣла.

Всѣ глаза устремились на вершину зданія. Зрѣлище было необыкновенное. На самомъ возвышенномъ пунктѣ галереи, выше центральной розетки горѣлъ сильный огонь; клубы искръ съ страшной силой поднимались между двумя колокольнями; вѣтеръ по временамъ относилъ всторону пламя. Подъ этимъ пламенемъ, подъ темной балюстрадой съ огненными отверстиями, два жолоба въ формѣ головъ чудовищъ извергали изъ своей пасти огненный дождь, серебристая полоса котораго обозначалась на темномъ фасадѣ. По мѣрѣ приближенія къ землѣ, огненные фонтаны расширялись снопомъ, какъ вода, вытекающая изъ отверстія лейки. Надъ пламенемъ двѣ огромныя башни, изъ которыхъ рѣзко виднѣлись двѣ стороны — одна черная, другая красная. Башни казались еще выше

отъ громадной тѣни, возносящейся почти къ самому небу. Скульптурныя изображенія дьяволовъ и драконовъ принимали ужасный видъ. Дрожаніе огненного столба сообщало имъ движеніе. Казалось, что чудовища хохочутъ, лаютъ, саламандры раздуваютъ огонь, жабы чихаютъ отъ дыма. И между всѣми этими чудовищами, пробужденными отъ каменнаго сна, видно было страшилище, проходившее отъ времени до времени мимо огня, какъ летучая мышь мимо свѣчи.

Такой странный маякъ конечно могъ обратить вниманіе даже дровосѣковъ на холмахъ Бисетра, когда они замѣтили бы движущіяся громадныя тѣни. Наступила тишина, прерываемая по временамъ криками монаховъ, перепуганныхъ неменѣе лошадей, запертыхъ въ конюшнѣ во время пожара, хлопаньемъ оконъ, которыя тотчасъ же снова запирались, шумомъ во внутренности домовъ и въ *Hôtel-Dieu*, трескомъ пламени, послѣдними стонами умирающихъ и журчаньемъ растопленного олова, стекающаго на мостовую.

Между тѣмъ предводители бродягъ собрались у дома Гонделорье и держали совѣтъ. Герцогъ Египта сидѣлъ на столбѣ и съ суетврнымъ страхомъ разсматривалъ фантазмогорическій костеръ. Клопень Трульфу съ яростью кусалъ свои огромные кулаки.

— Невозможно войти! ворчалъ онъ сквозь зубы.

— Волшебная церковь! ворчалъ старый цыганъ Матиусъ Гунчади-Спикали.

— Клянусь усами папы! говорилъ старый острякъ, бывшій въ военной службѣ: — эти жолоба исправнѣе плюются оловомъ, чѣмъ орудія Лектура.

— Видите вы этого дьявола, что вертится передъ огнемъ? вскричалъ герцогъ Египта.

— Да это проклятый звонарь, Квазимодо! вскричалъ Клопень.

Цыганъ покачалъ головой.

— Говорю вамъ, что это духъ Сабнака, большого маркиза, демона укрѣпленій. Онъ имѣетъ видъ вооруженнаго солдата съ львиной головой. Иногда онъ показывается на безобразной лошади. Онъ обращаетъ людей въ камни и строитъ изъ нихъ башни. Онъ командуетъ пятьюдесятью легіонами. Это онъ, я узнаю его. Иногда онъ бываетъ одѣтъ въ золотое платье по турецкой модѣ.

— Гдѣ Бельвинъ Летуаль? спросилъ Клопень.

— Умеръ! отвѣчала женщина.

Рыжий Андри смѣялся глупымъ смѣхомъ.

— Notre Dame посылааетъ—таки практику въ Hôtel Dieu сегодня! говоритъ онъ.

— Неужели нельзя выломать этой двери! вскричалъ король, топнувъ ногою.

Герцогъ Египта печально указалъ ему на два ручья свинцу, неперестававшихъ пестрить черный фасадъ фосфоровыми полосами.

— Не первая церковь защищаетъ сама себя, это и прежде бывало! сказалъ онъ вздыхая. — Святая Софья въ Константинополѣ, назадъ тому сорокъ лѣтъ, три раза сбросила луну Магомета, потрясши своими куполами, — это вѣдь ея головы. Эту церковь строилъ Вильгельмъ парижскій, а вѣдь онъ былъ колдунъ.

— Неужели уйти съ пустыми руками, какъ какимъ-нибудь карманнымъ воришкамъ! жалобно говорилъ Клопенъ: — оставить нашу сестру этимъ волкамъ въ мантияхъ, чтобы они завтра же ее повѣсили!

— А золота—то сколько въ ризницахъ! прибавилъ бродяга, котораго имени мы къ сожалѣнью не знаемъ.

— Чортъ! крикнулъ Клопенъ.

— Попробовать бы еще разъ! сказала тотъ же голосъ.

Матіасъ Гунчади покачалъ головой.

— Въ дверь намъ никакъ не войти. Надо поискать щелочку въ доспѣхахъ старой волшебницы. Отверстіе, трещину, что-нибудь.

— Кто за мною? спросилъ Клопенъ. — Я опять туда. Кетати, гдѣ-то нашъ школьникъ, что такъ вооружился давеча?

— Вѣроятно убить. Давно уже не слышать его хохота.

Король нахмурилъ брови.

— Тѣмъ хуже! у него было храброе сердце.

— А что Пьеръ Гренгуаръ?

— Капитанъ! сказалъ рыжий Андри: — онъ улизнулъ, когда мы были еще только на мосту Омдэмжъ.

Клопенъ топнулъ ногою.

— Дьяволъ его побери! онъ завелъ насъ сюда и оставляетъ въ самое нужное время. Пустой болтунъ, несостоящій подошвы!

— Капитанъ, вонъ нашъ школьникъ!

— Хвала Плутону! сказалъ Клопенъ: — что это онъ волочетъ за собою?

Жанъ въ самомъ дѣлѣ старался идти настолько быстро, насколько

это позволяли ему тяжелые доспѣхи и длинная лѣстница, которую онъ храбро тащилъ за собою, выбиваясь изъ силъ, какъ муравей, несущій травку въ десять разъ длиннѣ себя.

— Побѣда! кричалъ школьникъ: — вотъ лѣстница выгрузчиковъ товара на пристани Сен-Ландри.

Клопенъ подошелъ къ нему.

— Дитя! какого чорта будешь ты дѣлать съ этой лѣстницей?

— Вотъ она! кричалъ Жанъ, едва переводя духъ: — Я зналъ гдѣ взять ее. Подъ навѣсомъ у дома лейтенанта. Тамъ я знакомъ съ одной дѣвушкой, которая говоритъ, что я кунидонъ. Вотъ я по милости ея и досталъ лѣстницу, чортъ меня побери! Бѣдняжка встрѣтила меня въ одной рубашкѣ!

— Хорошо, но на что тебѣ лѣстница? спросилъ Клопенъ.

Жанъ плутовски посмотрѣлъ на него и прищелкнулъ пальцами. Онъ былъ хорошъ въ эту минуту. На немъ была одна изъ тѣхъ средневѣковыхъ касокъ, которыя пугали непріятеля своими химерическими верхушками. На его каскѣ было десять желѣзныхъ ключевовъ, такъ что онъ могъ бы поспорить съ гомерическимъ судномъ Нестора за страшный греческій эшитетъ: *δεξιμίδος*.

— На что она мнѣ, августѣйшій монархъ? Видите вы этотъ рядъ статуй тамъ, надъ тремя порталами?

— Да! Ну чтоже?

— Это галерея французскихъ королей.

— Что мнѣ до нея за дѣло?

— Постойте же! Въ концѣ этой галереи есть дверь, которая запирается только одной задвижкой; я дойду до нея по лѣстницѣ и буду въ церкви.

— Дитя, пусти меня впередъ!

— Нѣтъ, пріятель, лѣстница-то моя! Хочешь, такъ полѣзай вторымъ.

— Придуши тебя Вельзевулъ! вскричалъ грубый Клопенъ: — не хочу я идти послѣ кого-нибудь.

— Ну такъ ищи себѣ другую лѣстницу!

Жанъ пустился по площади, таща за собою лѣстницу, съ крикомъ: «за мной, ребята!»

Въ одну минуту лѣстница была приставлена къ балюстрадѣ нижней галереи надъ однимъ изъ побочныхъ порталовъ. Толпа бродягъ съ криками собралась вокругъ, но Жанъ стоялъ за свое право и первый занесъ ногу на ступени. Путешествіе было не близкое.

И теперь галерея французскихъ королей отстоитъ на шестьдесятъ футовъ отъ земли, а тогда было еще одиннадцать ступеней снизу. Жанъ всходилъ медленно: ему мѣшало тяжелое оружіе; одной рукой онъ держался за лѣстницу, а въ другой несъ свой лукъ. Дойдя до середины, онъ бросилъ взглядъ сожалѣнія на мертвыхъ бѣднѣковъ, которыми была усыяна паперть.

— Увы! сказалъ онъ: — эта куча труновъ заслуживаетъ мѣсто въ пятой пѣсни Иліады! и пошелъ далѣе.

Бродяги слѣдовали за нимъ. На каждой ступени было по человеку. Издали этихъ людей съ оружіемъ за спиною, ползущихъ кверху, можно было принять за змѣю съ стальной чешуею, бросающуюся на церковь. Жанъ своимъ посвистываньемъ дополнял иллюзію. Наконецъ школьникъ достигъ балюстрады галереи и вскарабкался на нее довольно ловко, ободряемый зрителями. При такомъ успѣхѣ онъ испустилъ радостный крикъ, но вдругъ остановился въ испугѣ. Онъ увидѣлъ за спиною одной изъ статуй Квазимодо, котораго глазъ металъ искры въ темнотѣ.

Прежде чѣмъ второй осаждающій успѣлъ ступить на галерею, страшный горбунъ вспрыгнулъ, схватилъ за оба конца лѣстницу своими мощными руками, оттолкнулъ ее отъ стѣны, покачалъ нѣсколько мгновеній и съ нечеловѣческой силой отбросилъ эту массу людей на площадь. Была минута, когда самые смѣлые содрогнулись. Лѣстница, оттолкнутая назадъ, нѣсколько мгновеній стояла прямо и какъ бы колебалась, потомъ вдругъ, описавъ страшную дугу, грянулась о мостовую со всѣмъ народомъ быстрѣе подъемнаго моста, у котораго оборвались цѣпи. Раздалось громовое проклятіе, потомъ все замолкло и нѣсколько несчастныхъ, изувѣченныхъ, выползло изъ груды тѣлъ. Ропотъ горя и ужаса послѣдовалъ за побѣднымъ крикомъ со стороны осаждавшихъ. Квазимодо неподвижно смотрѣлъ опершись на перила. Онъ походилъ на стараго волосатаго короля подъ окномъ.

Жанъ Фролло былъ въ критическомъ положеніи. Онъ былъ глазъ на глазъ съ страшнымъ звонаремъ, отдѣленный отъ товарищей вертикальной стѣной въ сорокъ восемь футовъ. Пока Квазимодо раскачивалъ лѣстницу, онъ толкнулся было въ дверь, но безъ успѣха. Глухарь входя заперъ ее за собою. Тогда Жанъ спрятался за какого-то короля, притаилъ дыханіе и смотрѣлъ на Квазимодо съ такимъ же растеряннымъ видомъ, какъ одинъ мужчина, шедшій на

свиданіе съ женою содержателя звѣринца и ошибкой перелѣзшій черезъ стѣну прямо въ отдѣленіе бѣлаго медвѣдя.

Въ первую минуту глухарь не обратилъ на него вниманія, но наконецъ обернулся и выпрямился. Онъ замѣтилъ убѣжище Жана. Школьникъ готовился получить страшный ударъ, но глухарь не пошевелился, только пристально глядѣлъ на него.

— Ну что ты на меня такъ печально смотришь своимъ кривымъ глазомъ?

И школьникъ втихомолку натягивалъ свой лукъ.

— Квазимодо! кричалъ онъ: — я измѣню твое прозвище: тебя впередъ будутъ дразнить слѣпымъ.

Стрѣла вылетѣла и впиалась въ лѣвую руку горбуна. На Квазимодо это произвело такое же дѣйствіе, какъ на каменную статую. Онъ вытащилъ стрѣлу и спокойно переломилъ ее объ колѣно, потомъ выронилъ тихо обломки. Сдѣлать другого выстрѣла Жану однако не удалось. Изломавши стрѣлу, Квазимодо вздохнулъ, припрыгнулъ какъ пантера и бросился на школьника, кольчуга котораго приплюснулась къ стѣнѣ. Тогда произошла ужасная сцена, освѣщаемая трепетнымъ свѣтомъ факеловъ.

Квазимодо лѣвой рукой сжалъ объ руки школьника, который уже и не сопротивлялся, чувствуя свою неминуемую гибель. Правой рукой горбунъ сталъ снимать все его доспѣхи, молча, съ ужающей медленностью, точно обезьяна, чистящая орѣхъ. Каждую вещь онъ презрительно бросалъ себѣ подъ ноги. Жанъ, увидѣвъ себя обезоруженнымъ, почти нагимъ въ рукахъ страшилища, не пробовалъ сопротивляться, только сталъ нагло смѣяться ему въ лицо и шѣтъ съ своей дѣтской безпечностью тогдашнюю народную пѣсню:

Elle est bien habillée
La ville de Cambrai.
Marafin l'a pillée.

Онъ не допѣлъ до конца. Квазимодо схватилъ его за ноги, повертѣлъ надъ пропастью, потомъ раздался стукъ чего-то костяного объ стѣну и какая-то масса зацѣпилась за архитектурный выступъ, немного не долетѣвъ до земли. Это было согнутое вдвое мертвое тѣло, съ переломленнымъ хребтомъ и пробитымъ черепомъ.

Крикъ ужаса раздался въ толпѣ.

— Мщеніе! крикнулъ Клопенъ.

— На приступъ! заревѣла толпа.

Долго слышался вой, въ которомъ смѣшивались всѣ нарѣчія, всѣ языки, всѣ звуки. Смерть бѣднаго школьника подлила пламени въ кровь осаждающихъ. Имъ стало стыдно, что одинъ горбунъ такъ долго держитъ ихъ въ страхѣ. Нашлись лѣстницы, удвоилось число факеловъ и въ нѣсколько секундъ изумленный Квазимодо увидѣлъ со всѣхъ сторонъ ползущія фигуры. Тѣ, у которыхъ не было лѣстницъ, употребляли веревки съ узлами или карабкались по выступамъ. Не было болѣе средствъ отвратить этотъ живой приливъ страшныхъ лицъ, съ сверкающими глазами, искаженными лицами. Казалось какая-нибудь другая церковь прислала свои скульптурныя чудовища и демоновъ на осаду собора. Это былъ слой живыхъ чудищъ надъ каменными.

Площадь освѣтилась тысячею огней. Драма, происходившая до сихъ поръ въ темнотѣ, вдругъ облилась яркимъ свѣтомъ. Костеръ все еще горѣлъ на вершинѣ и бросалъ отблескъ по всему городу. Гигантскій силуэтъ башень, распространившійся далеко по крышамъ Парижа, составлялъ широкое пятно тѣни. Городъ начиналъ волноваться. Раздавался отдаленный набатъ. Бродяги кричали, ревели, ругались и лѣзли вверхъ. Квазимодо, потерявшій всякую надежду, ломалъ себѣ руки и отчаянно просилъ чуда за себя и за Эсмеральду.

V

МОЛЕЛЬНЯ КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА

Читатель можетъ быть помнитъ, что Квазимодо, смотря на Парижъ съ колоколни еще до появленія бродягъ, замѣтилъ огонекъ въ самомъ верхнемъ окнѣ высокаго и мрачнаго зданія, у воротъ Сен-Антуанъ. Это зданіе была бастилія и свѣтъ происходилъ отъ свѣчи Людовика XI.

Король уже два дня былъ въ Парижѣ. Черезъ день ему нужно было уѣхать въ крѣпость Монтильицъ-ле-Туръ. Пребываніе его въ добромъ городѣ Парижѣ никогда не было продолжительно, по недостатку въ ономъ висѣлицъ, западной и шотландской стражи. Эту ночь онъ рѣшилъ провести въ бастиліи. Большая, четырехугольная комната въ Луврѣ, съ огромнымъ каминомъ, украшеннымъ двѣнад-

цатью большими звѣрями и тринадцатью пророками и съ огромной постелью ему не нравилась. Онъ терялся въ этихъ громадностяхъ. Этотъ король-буржуа лучше любилъ бастилію съ маленькой комнаткой и кушеткой. Ктому же бастилія и укрѣплена лучше.

Комнатка, которую отдѣлилъ для себя король въ государственной тюрьмѣ, была однакожъ довольно велика и занимала самый верхній этажъ одной изъ среднихъ башенъ. Она была круглая, полъ устланъ былъ блестящими соломенными рогожками, деревянные балки потолка украшены были оловянными, вызолоченными лиліями, а промежутки выкрашены краской; стѣны были рѣзные, устьяныя розетками изъ олова бѣлаго или выкрашеннаго свѣтлозеленой краской, добытой изъ заячей капусты и другихъ растений.

Окно было только одно, готическое, съ проволоочной стѣлкой и желѣзной балюстрадой. Свѣтъ затемнялся еще цвѣтными стеклами съ гербомъ короля и королевы, изъ которыхъ каждое стоило двадцать-два су. Входная дверь была тоже одна, въ новѣйшемъ вкусѣ, съ пониженнымъ полукругомъ, изнутри обитая ковромъ, а снаружи украшенная однимъ изъ тѣхъ портиковъ изъ ирландскаго дерева съ искусной рѣзбою, которые часто можно было встрѣтить въ старыхъ домахъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. «Несмотря на то, что они безобразны и только занимаютъ мѣсто, — говоритъ Совадь, — наши старики низачто не хотятъ растаться съ ними.»

Въ этой комнатѣ не было обыкновенной тогдашней мебели, какъ-то: скамеекъ, подмостокъ, табуретовъ въ видѣ ящика или богатыхъ табуретовъ на ножкахъ въ видѣ колонъ, по четыре су за штуку. Въ ней было одно только складное кресло съ великолѣпными ручками: они были расписаны розами по красному фону, а сидѣнье обито малиновой кожей съ шолковой бахромой и множествомъ золотыхъ гвоздиковъ. Отсутствіе другихъ стульевъ показывало, что только одно лицо имѣетъ право сидѣть въ этой комнатѣ. Возлѣ стула, у самаго окна, помѣщался столъ, покрытый салфеткой съ птицами. На столѣ грязная чернильница, нѣсколько листовъ пергамента, перья и рѣзной серебряный бокалъ. Немного далѣе — грѣлка, палой и подушка изъ малиповаго бархата, съ золотыми шишками. Наконецъ въ глубинѣ комнаты простая кровать, покрытая полосатой матеріей безъ блестящихъ и галуновъ, съ самой простой бахромой. Эту-то кровать показывали двѣсти лѣтъ спустя въ домѣ одного совѣтника, гдѣ и видѣла ее старая г-жа Пилу, извѣстная въ

Cygnus подъ именемъ *Arigidie* или *ходячей морали*. Вотъ какова была комната, называемая модельнею Людовика XI.

Въ ту минуту, когда мы ввели въ нее читателя, она была очень темна. Въ городѣ уже около часа погасили огни, а на столѣ мерцала одна восковая свѣча, бросавшая тусклый свѣтъ на пять особъ, различно сгруппировавшихся въ комнатѣ. Первый, на котораго падалъ свѣтъ, былъ богато одѣтый господинъ въ красномъ нижнемъ платьѣ съ серебряными лампасами и въ золотомъ парчевомъ кафтанѣ. Весь костюмъ такъ и горѣлъ. На груди вышитъ былъ гербъ: стропила, черезъ которая прыгаетъ лань; справа оливковая вѣтвь, слѣва рогъ лани. За поясомъ торчалъ кинжалъ съ богатой ручкой, на подобіе шлема съ графской короной. Физиономія господина была непріятная, выраженіе лица гордое, голова закинута кверху. Съ перваго взгляда, въ глаза бросалась дерзость, со второго хитрость. Онъ стоялъ съ непокрытой головой и съ длинной бумагой въ рукахъ за стуломъ, на которомъ, некрасиво согнувшись вдвое, заложивъ нога на ногу и опершись локтемъ на столъ, сидѣла весьма незвидино-одѣтая личность. Представьте себѣ, на великолѣпномъ креслѣ изъ кордуанской кожи, двѣ сухія ноги, обтянутыя мизернымъ чернымъ трико; торсъ, обернутый въ бумазею, обшитую мѣхомъ, до того вылѣзшимъ, что виднѣлась почти одна кожа; наконецъ старую засаленную шапку изъ сквернаго чернаго сукна, съ свинцовыми украшеніями на борту и грязную ермолку, почти закрывавшую волосы. Вотъ все что было видно. Голова сидящаго наклонена была такъ низко, что лица нельзя было разсмотрѣть въ тѣни, выдавался только конецъ носа, на который падалъ лучъ свѣта, и который вѣроятно былъ очень длиненъ. По худобѣ сморщенной руки можно было предположить, что онъ старъ. Личность эта была Людовикъ XI.

Въ нѣсколькихъ шагахъ позади, тихонько разговаривали два чело-вѣка въ фламандскомъ костюмѣ. Несмотря на недостатокъ свѣта, каждый изъ присутствовавшихъ на мистеріи Гренгуара, узналъ бы въ нихъ главныхъ лицъ изъ фламандскаго посольства: Вильгельма Райма, умнаго обывателя города Гента, и Жака Коппеноя, популярнаго торговца. Читатели помнятъ, что эти личности были посвящены въ секретную политику Людовика XI. Наконецъ совершенно въ тѣни, стоялъ на вытяжкѣ, какъ статуя, здоровый малый въ военномъ платьѣ, квадратное лицо котораго, съ выпученными гла-

вами, огромнымъ ртомъ и совершенно прямо лежащими поверхъ ушей волосами, напоминало разомъ собаку и тигра.

Всѣ кромѣ короля были съ непокрытыми головами. Придворный, стоящій за стуломъ, что-то читалъ, а король, казалось, слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Фламандцы перешоптывались.

— Клянусь богомъ, я усталъ стоять, ворчалъ Коппеноль: — развѣ здѣсь не держатъ стульевъ?

Раймъ отвѣчалъ отрицательнымъ знакомъ, сопровождаемымъ скромной улыбкой.

— Клянусь честью! повторилъ Коппеноль, съ трудомъ подавляя свой громкій голосъ: — я готовъ сѣсть на полъ, поджавши ноги, какъ въ своей мастерской.

— Не дѣлайте этого, метръ Жакъ!

— Гм, метръ Гольбомъ, такъ въ этой комнатѣ всѣ отстаиваютъ себѣ ноги?

— Или стоять на колѣняхъ, сказалъ Раймъ.

Король возвысилъ голосъ и они замолчали.

— Пятьдесятъ *солей* (sol) на платье нашихъ слугъ и двѣнадцать ливровъ на плащи нашихъ клерковъ! Такъ, такъ! отсыпайте бочками золото! Съ ума вы сошли, Оливье!

Говоря это, старикъ поднялъ голову. На шеѣ его заблестѣли золотыя раковины цѣпи св. Михаила. Свѣтъ прямо падалъ на его худую и иррачную профиль. Онъ вырвалъ бумагу у Оливье.

— Вы насъ разоряете! кричалъ онъ, слѣдя по бумагѣ своими впалыми глазами. Что это! на что намъ такой штатъ! Два капелана по десяти ливровъ въ мѣсяцъ и еще прислужникъ по сту *солей*! Камердинеръ по восьмидесяти ливровъ въ годъ! Четыре повара по сту восьмидесяти ливровъ въ годъ. Оруженосецъ, стольничій, новаренокъ, ключникъ, два конюха, по десяти ливровъ въ мѣсяцъ. Разсылный, пирожникъ, два разъѣздныхъ, по шестидесяти ливровъ! А кузнецъ за сто-восемдесятъ! А контролеру пятьсотъ! Безобразіе! Жалованье моимъ людямъ разоритъ Францію! Эдакъ придется всю посуду въ Луврѣ перелить въ деньги! А на будущій годъ, если Богъ и Пресвятая Богородица (тутъ онъ приподнялъ шапку) продлитъ намъ вѣку, мы будемъ пить грудной чай изъ глиняной чашки!

Говоря это, онъ бросилъ взглядъ на серебряный бокалъ на столѣ, кашлянулъ и продолжалъ:

— Метръ Оливье, государи, имѣющіе королевскую и императорскую власть надъ столькими владѣніями, не должны допускать

роскоши въ своемъ домѣ, потомучто оттуда она распространится по провинціямъ. Итакъ, помни Оливье: наши расходы увеличиваются съ каждымъ годомъ! Это намъ не нравится. Какъ, прости Господи! въ 79 году они не превышали тридцати шести тысячъ ливровъ, въ 80 году увеличились до сорока-трехъ тысячъ шести сотъ девятнадцати, — я помню всякій итогъ — въ 81 до шестидесяти шести тысячъ шестисотъ восьмидесяти; а въ нынѣшнемъ году, убей Богъ мою душу, dorostутъ до восьмидесяти тысячъ! Въ четыре года удвоились! Чудовищно!

Онъ остановился, чтобы перевести духъ, потомъ продолжалъ съ новымъ жаромъ:

— Меня окружаютъ все люди жирѣющіе насчетъ моей худобы. Вы высасываете изъ меня экю изъ всѣхъ поръ!

Всѣ молчали. Это былъ гнѣвъ, которому надо было дать уходить. Онъ продолжалъ:

— Это ни дать ни взять латинское прошеніе французскаго дворянства, чтобы мы возстановили то, что они называютъ придворныя должности! Хороши должности, которыя васъ даютъ! А, господа, вы говорите, что мы не должны быть королемъ *darifero nullo! buticulario pullo!* Мы вамъ покажемъ свою королевскую власть!

Тутъ онъ улыбнулся съ сознаниемъ своего могущества, и нѣсколько успокоившись, обратился къ фламандцамъ:

— Помяните мое слово, пріятель Конпеноль. Что за польза этимъ шамбелянамъ торчать при королѣ, какъ четыре евангелиста у большихъ часовъ въ палатѣ юстиціи, которые недавно исправилъ Филиппъ Бриль. Они позолочены, а время и безъ нихъ указала бы стрѣлка, — къ чему жъ они?

Онъ помолчалъ съ минуту и прибавилъ, качая старой головою:

— О-охъ! клянусь Богородицей, я не Филиппъ Бриль и не вызолочу заново важныхъ вассаловъ.

— Продолжай, Оливье.

Личность, которой принадлежало это имя, снова взяла изъ рукъ его тетрадь и начала читать вслухъ:

«... Адаму Тенону, за работу и вырѣзку новыхъ печатей для парижскаго превоства, такъ какъ прежнія по ветхости и древности своей немогли болѣе быть употребляемы въ дѣло, двѣнадцать ливровъ паризи.

«Гильому Фреръ, сумму въ четыре ливра, четыре су паризи за уходъ и прокормленіе голубей въ двухъ голубятняхъ турнель»

скаго замка, въ январѣ, февралѣ и мартѣ нынѣшняго года и ему же семь шестериковъ овса.

«Одному кордельеру за исповѣдь преступника, четыре су паризи.

Король слушалъ молча и нашлагъ отъ времени до времени, запивая травой изъ бокала и дѣлая при этомъ гримасу.

«Въ нынѣшнемъ году, сдѣлано было шесть окликовъ съ трубнымъ звукомъ по улицамъ Парижа, по распоряженію судей. Счетъ еще не сведенъ.

«За поиски, какъ въ Парижѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ зарытыхъ кладовъ, которыхъ однако жъ не оказалось: сорокъ пять ливровъ паризи.

— Схоронить столько экую, чтобы выкопать одно су! проворчалъ король.

«... За вставку шести рамъ съ бѣлыми стеклами, въ турнельскомъ замкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ желѣзная клѣтка, тринадцать су.

«За четыре щита съ королевскимъ гербомъ, заказанные по королевскому повелѣнію ко дню травли, шесть ливровъ. За два новыхъ рукава къ старому кафтану короля, двадцать солей. За банку жиру для смазки королевскихъ сапогъ, пятнадцать денье; за новое стойло для помѣщенія черныхъ поросятъ его величества, тридцать ливровъ паризи. За нѣсколько досокъ и перегородокъ, сдѣланныхъ въ помѣщеніи львовъ, двадцать два ливра.

— Вотъ дорогіе звѣри, сказалъ Людовикъ XI. Да ничего: это королевская прихоть. Очень мнѣ нравится большой рыжій левъ. Видѣли вы его, метръ Гильомъ? государи должны имѣть этихъ чудныхъ животныхъ. У насъ, королей, львы должны замѣнять собакъ, а тигры кошекъ. Все сильное идетъ къ вѣнчанной главѣ. Во времена язычества, когда народъ приносилъ въ жертву Юпитеру сто быковъ и сто овецъ, императоры жертвовали сто львовъ и сто орловъ. Это было дико, но прекрасно. Вкругъ французскаго трона всегда раздавалось львиное рыканье. Все-таки нужно отдать мнѣ справедливость, что я трачу меньше своихъ предшественниковъ: у меня львы, медвѣди, слоны и леопарды скромнѣе; продолжай Оливье. Мы хотѣли только высказать это нашимъ друзьямъ, фламандцамъ.

Вильгельмъ Раймъ низко поклонился, между тѣмъ какъ у Коппеноя былъ такой же суровый видъ, какъ у медвѣдей, о которыхъ только-что говорилъ его величество. Король не обратилъ на это вни-

манія. Онъ помакнулъ губы въ бокалъ и выплюнулъ питье со словами :

— Фуй , распротивный декокть !

Оливье продолжалъ :

« На прокормленіе одного бездѣльника разсылнаго , содержащагося шесть мѣсяцевъ въ живодернѣ , пока не выдетъ распоряженіе какъ съ нимъ поступить , шесть ливровъ четыре соля .

— Это что ? прервалъ король : — кормить тѣхъ , кого будутъ вѣшать ! *Pasque Dieu !* не дамъ я ни гроша на это прокормленіе . Оливье , уладьте это дѣло съ д'Естувилемъ , и чтобъ съ нынѣшняго же вечера сдѣланы были приготовленія къ браку этого негодяя съ висьлицей .

Оливье сдѣлалъ замѣтку ногтемъ подъ именемъ *бездѣльника разсылнаго* и читалъ далѣе :

« Генріе Кузену , исполнителю приговоровъ высшаго парижскаго суда , сумму въ шестьдесятъ солей паризи , присужденную ему господиномъ прево за покунку , по приказанію вышеупомянутаго прево , большой сабли , служащей для отсѣченія головъ лицамъ , подвергнувшимся приговору суда за свои беззаконія , также и за ножны къ ней и прочія принадлежности ; также за поправку старой сабли , притупившейся отъ долговременнаго исполненія приговоровъ меси-ра Людовика Люксамбургскаго , что можно видѣть . . .

Король прервалъ читающаго :

— Довольно ! отъ всего сердца утверждаю эту сумму . На такіе расходы я никогда не жалѣю денегъ ; далѣе .

« За отдѣлку за ново большой клѣтки . .

— А ! сказалъ король , взявшись за ручки кресла : — я зналъ , что недаромъ приѣхалъ въ бастилію . Постойте , Оливье , я хочу самъ взглянуть на клѣтку . Вы будете читать мнѣ отчетъ на мѣстѣ . Господа фламандцы , пойдите посмотрѣть , — это любопытно .

Тогда онъ всталъ , облокотился на руку своего секретаря , сдѣлалъ знакъ неподвижной личности , стоявшей въ глубинѣ комнаты , чтобъ она шла впередъ , а фламандцамъ , чтобы шли сзади и двинулся .

За дверью , къ шествію присоединились вооруженные стражи и маленькіе пажы съ факелами . Нѣсколько времени шли они по темнымъ коридорамъ , пересѣкаемымъ дверьми и лѣстницами . Капитанъ бастиліи шолъ впередъ и приказывалъ отпирать двери передъ старымъ королемъ , который горбился и кашлялъ . Въ дверяхъ , всѣ

должны были наклонять головы, исключая согнутаго уже годами короля.

— Гм! ворчалъ онъ сквозь десны, потомучто зубовъ уже не было: — мы уже близки къ дверямъ гроба: для низкихъ дверей сгорбившіеся люди.

Наконецъ, пройдя послѣднюю дверь съ такими запорами, что потребовалось четверть часа, чтобъ отпереть ихъ всѣ, кортежъ вошелъ въ высокую и обширную готическую залу, въ центрѣ которой, при свѣтѣ факеловъ, виднѣлся массивный предметъ въ формѣ куба, изъ камня, желѣза и дерева. Это была одна изъ тѣхъ знаменитыхъ клѣтокъ для государственныхъ преступниковъ, которыя назывались тогда *les fillettes du roi*. По бокамъ было три крошечныхъ окна, до того персплетенныхъ желѣзной рѣшоткой, что не видно было стеколъ. Дверь состояла изъ большой плоской каменной плиты, какъ въ гробницахъ, — дверь, изъ которой не выходили обратно. Въ этой гробницѣ заключался живой мертвецъ. Король медленно началъ ходить вокругъ маленькаго зданія, разсматривая его во всѣхъ подробностяхъ. Оливье слѣдовалъ за нимъ, продолжая чтеніе:

«... За отѣлку заново большой клѣтки, изъ крупныхъ бревенъ, съ прочными рамами и лежнями, въ девять футовъ длины, восемь ширины и семь вышины, съ двойнымъ поломъ, околоченную крѣпкими желѣзными гвоздями и повѣшенную въ одной изъ комнатъ бастиліи, и въ которую посаженъ, по повелѣнію его величества короля, преступникъ, занимавшій до сегодня старую и негодную клѣтку. Употреблено на вышеупомянутую клѣтку девяносто-шесть бревенъ поперечныхъ и пятьдесятъ-два долевыхъ, десять лежней длиною въ три сажени и девятнадцать работниковъ въ продолженіи двадцати дней.

— Довольно хорошій дубъ, сказалъ король, постукивая кулакомъ объ стѣнки.

«... Пошло на упомянутую клѣтку двѣсти-двадцать большихъ желѣзныхъ стержней въ девять и восемь футовъ длиною, также и среднихъ съ пробоями, связками и рѣшотками, всего желѣза три тысячи семсотъ тридцать-пять фунтовъ, кромѣ восьми большихъ колець, на которыхъ повѣшена клѣтка, съ задвижками и гвоздями, всего двѣсти-восемнадцать фунтовъ, не считая желѣза въ оконныхъ рѣшоткахъ въ той комнатѣ, гдѣ помѣщается клѣтка, дверныхъ желѣзныхъ засововъ и прочаго.

— Сколько желѣза, чтобъ удержать отъ вольнодумства, сказалъ король.

«... Цѣнность всего простирается до трехъ сотъ семнадцати ливровъ, семи солей, семи денье.

— *Pasque-Dieu* ! вскричалъ король.

При этой обычной поговоркѣ Людовика XI, кто-то какъ будто проснулся во внутренности кѣтки: послышался звукъ цѣпей по полу и раздался слабый голосъ, какъ-будто изъ могилы:

— Ваше величество, жальтесь!

Видѣть говорящаго не было возможности.

— Триста-семнадцать ливровъ, семь су, семь денье, повторилъ король.

Жалобный голосъ изъ кѣтки оледенилъ всѣхъ присутствующихъ, даже самого Оливье. Одинъ король какъ-будто не слыжалъ его. По приказанію его, Оливье продолжалъ, а его величество съ прежней холодностью сталъ осматривать кѣтку.

«... Кромѣ того, заплачено каменщику за просверленіе камня для вставки желѣзныхъ прутьевъ у оконъ и вымощеніе пола камнемъ, такъ какъ деревянный полъ не въ состояніи былъ выдержать такой тяжести, — двадцать-семь ливровъ, четырнадцать солей паризи...

Голосъ опять застоналъ.

— Жальтесь, ваше величество! Клянусь вамъ, что измѣнникъ былъ кардиналъ д'Анжеръ, а не я.

— Дорогонька каменная работа! сказалъ король.—Продолжайте Оливье.

«... Столяру за окна и другую работу двадцать ливровъ, два су паризи.

— Ваше величество! неужели вы не выслушаете меня? Увѣрю васъ, что писалъ не я къ кардиналу Гюйенскому, а кардиналъ Балю!

— И столяръ не дешевъ, замѣтилъ король. Ну, теперь все?

— Нѣтъ, ваше величество. — «Стекольщику за стекла упомянутой комнаты, сорокъ шесть солей, восемь денье паризи.

— Помилуйте, государь! Развѣ не довольно того, что все мое имѣніе отдала моимъ судьямъ, мое серебро г. Торси, мою библіотеку Пьеру Даріюлю, мебель губернатору Руссильонскому? Я невиненъ. Уже четырнадцать лѣтъ я томлюсь въ этой кѣткѣ. Помилуйте, государь! Вамъ воздастся за это на небѣ.

— Ну, Оливье, итогъ?

— Триста шестьдесятъ семь ливровъ, восемь солей, три денье паризи.

— Матерь божія!.. вотъ ужасная клѣтка!

Король вырвалъ тетрадь изъ рукъ Оливье и принялся высчитывать по пальцамъ, смотря попеременно на клѣтку и на бумагу. Между тѣмъ слышны были рыданія заключеннаго. Сцена была нестерпимая: всѣ лица поблѣднѣли.

— Четырнадцать лѣтъ, государь, ровно четырнадцать лѣтъ съ апрѣля 1469 года. Во имя пресвятой Богородицы, выслушайте меня, сирь! Вы все это время наслаждались солнечной теплою. А я, несчастный, неужели никогда не увижу свѣта? Смилитесь, будьте великодушны, сирь! Милосердіе — лучшая добродѣтель монарховъ. Развѣ легко будетъ въ предсмертный часъ королю, который никого не прощалъ въ своей жизни, подумайте! Ктому же, я не измѣнникъ; измѣнилъ монсеньоръ д'Анжеръ. А у меня на ногѣ ужасно тяжолая цѣпь съ такимъ тяжелымъ шаромъ въ концѣ, котораго и не полагаются по правилу. О, государь, сжальтесь надо мною!

— Оливье, сказалъ король, покачивая головою: — я замѣчаю, что съ меня берутъ двадцать солей за бочку извести, которая стоитъ только двѣнадцать, прошу передѣлать этотъ счетъ.

Онъ отвернулся отъ клѣтки и направился къ выходу. Несчастный колодникъ, замѣтившій по удаленію факеловъ, что король уходитъ, застоналъ еще жалобнѣе, но дверь затворилась. Опять настала тьма и раздавался только голось тюремщика, напѣвавшаго надъ его ухомъ:

Maitre Jean Bluen
A perdu la vue
De ses évêchés.
Monsieur de Verdun —
N'en a plus pas un;
Tous sont dépêchés.

Король молча возвращался въ свою комнату, а сопровождавшіе его все еще были подъ впечатлѣніемъ болѣзненныхъ стоновъ заключеннаго. Вдругъ, его величество обратился къ коменданту бастиліи.

— Кстати, сидитъ кто-нибудь въ этой клѣткѣ?

— Какже, ваше величество! отвѣчалъ озадаченный комендантъ.

— А кто именно?

— Епископъ вердюнскій.

Король зналъ это лучше всѣхъ, но такова ужъ была его манія.

Черезъ нѣсколько минутъ, растворилась снова дверь молельни и всѣ пятеро лицъ, уже извѣстныхъ читателю, заняли свои прежнія мѣста, и продолжали разговоры вполголоса.

Въ отсутствіе короля, на столъ положили нѣсколько депешъ, съ которыхъ онъ самъ сломилъ печати и сталъ читать одну за другою; потомъ сбѣлалъ знакъ Оливье, исправлявшему повидимому должность министра, взять перо и, не сообщая ему содержанія бумагъ, принялся шопотомъ диктовать отвѣты. Оливье писалъ стоя на колѣняхъ.

Вильгельмъ Раймъ наблюдалъ.

Король диктовалъ тихо, такъ что до фламандцевъ долетали только отрывочныя фразы. «Поддерживать плодородныя мѣста комерціей, а безплодныя мануфактурами... Показать англичанамъ наши четыре бомбарды: Лондонъ, Брабантъ, Бургъ-ан-Брессъ, Сент-Омеръ... По милости артилеріи война теперь ведется разумнѣе... Господину де Брессюиръ нашему другу... Арміи невозможно поддержать безъ налоговъ»... и т. д.

Одинъ разъ онъ возвысилъ голосъ: — *Pasque-Dieu!* Король сицилійскій печатаетъ свои письма жолтымъ сургучомъ, какъ король Франціи. Съ нашей стороны не хорошо можетъ-быть допускать это: Нашъ кузень Бургунскій не давалъ гербовъ на гортанномъ полѣ (*à champ de gueules*). Величіе дворовъ обусловливается неприкосновенностью прерогативовъ. Запишите это, Оливье.

— О, о! сказалъ онъ, въ другой разъ, толстое посланіе! чего хочеть отъ насъ нашъ братъ императоръ? — И онъ началъ читать прерывая себя восклицаніями: — Разумѣется Германія такъ велика и могущественна, что просто невѣроятно. Но мы помнимъ старую поговорку! Самое цвѣтущее графство есть Фландрія; самое лучшее герцогство Миланъ, а самое лучшее королевство Франція. Не такъ ли, господа фламандцы?

Въ этотъ разъ поклонился и Конпеноль виѣстѣ съ Раймомъ Патриотизму его польстили.

Последняя депеша заставила короля нахмурить брови.

— Что это! вскричалъ онъ: жалобы на нашъ гарнизонъ въ Пикардіи! Оливье, напишите сейчасъ-же маршалу де Руо, что дисциплина падаетъ; что жандармы, полицейская стража, швейцарцы irritъсняютъ народъ; что военные, недовольствуясь тѣмъ что даютъ имъ поселяне, побоями принуждаютъ ихъ идти въ городъ за виномъ, рыбой, пряностями и другими прихотями; что королю извѣстно это;

что мы намѣрены избавить свой народъ отъ грабежа и насилія. Что такова наша воля, клянусь Богородицей. Что кромѣ того, мы не желаемъ, чтобъ какой-нибудь минестрель, циркульникъ или конохъ одѣвался какъ принцъ въ бархатъ, шолкъ и золото, что эта суетность противна Богу. Что мы, дворянинъ, довольствуемся кафтаномъ изъ сукна по шестнадцати солей аршинъ. Что слугамъ по-давно можно унизиться до этого. — Отдайте приказаніе. — Г. де Руо нашему другу. — Хорошо.

Онъ продиктовалъ это письмо громко и твердымъ голосомъ. Къ концу его отворилась дверь и появилось новое лицо, которое бросилось въ комнату съ крикомъ: «государь! государь! въ Парижѣ народное возстаніе!»

Строгое лицо Людовика XI передернулось, но наружное волненіе исчезло какъ молнія. Онъ съ спокойною строгостью произнесъ:

— Жакъ, вы слишкомъ поспѣшно входите!

— Ваше величество, бунтъ! кричалъ запыхавшійся Жакъ.

Король всталъ, сильно сжалъ его руку и сказалъ совершенно тихо, взглядомъ указывая на фламандцевъ:

— Молчи! или говори шопотомъ! — Тотъ понялъ и тихо началъ очень оживленный рассказъ, который король выслушивалъ совершенно спокойно, а Вильгельмъ Раймъ обращалъ между-тѣмъ вниманіе Конпеноля на лицо, платье и мѣховой капишонъ новоприбывшаго — *carutia fourgata*, на его президентскую шапочку — *epitogia sigla*, и черное бархатное платье, означавшее президента.

Послѣ нѣсколькихъ объясненій, Людовикъ XI захохоталъ и произнесъ громко:

— Рассказывайте вслухъ, Куатье! зачѣмъ такая таинственность? Богу извѣстно, что у насъ нѣтъ тайнъ отъ нашихъ друзей, фламандцевъ.

— Но, ваше величество...

Куатье онѣмѣлъ отъ удивленія.

— Говори вслухъ! Ну, чтожъ? чернь нашего добраго Парижа волнуется?

— Да, ваше величество.

— И возстаютъ, говоришь ты, противъ балли въ палатѣ юстиціи?

— Кажется, отвѣчалъ заикаясь Куатье, не успѣвшій опомниться отъ внезапной переменѣны въ мысляхъ короля.

— Гдѣ стража встрѣтила толпу?

— По дорогѣ отъ двора—чудесъ къ мосту Ошанжъ. Я встрѣтилъ ее самъ, направляясь сюда по приказанію вашего величества. Я слышалъ какъ нѣкоторые кричали: «Долой парижскаго балъи!»

— А за что они возстаютъ на него?

— А, отвѣчалъ Жакъ: — за то, что онъ ихъ властелинъ.

— Вотъ какъ!

— Да, сирь. Это бродяги съ двора чудесъ. Они уже давно недовольны господиномъ балъи, своимъ владѣльцемъ. Они не хотятъ признавать его суда и расправы.

— Такъ, такъ! сказалъ король, сляясь сдержатъ довольную улыбку.

— Во всѣхъ прошеніяхъ парламенту они утверждаютъ, что хотятъ признавать только двухъ властелинновъ: ваше величество, и своего бога, который у нихъ кажется самъ сатана.

— Эге! сказалъ король.

И потирая руки, онъ смѣялся тѣмъ внутреннимъ смѣхомъ, отъ котораго прояснилось все лицо; онъ рѣшительно не въ силахъ былъ скрыть своей радости. Никто не понималъ въ чемъ дѣло, даже «самъ Оливье». Король на минуту задумался, сохраняя довольный видъ.

— А много ихъ? вдругъ спросилъ онъ.

— Да, ваше величество, отвѣчалъ Жакъ.

— А сколько?

— Покрайней-мѣрѣ шесть тысячъ.

Король засмѣялся.

— Хорошо. А вооружены они?

— Косами, пиками, заступами и разнымъ вредоноснымъ оружіемъ.

Исчисленіе оружія нимало не подѣйствовало на короля. Жакъ счелъ нужнымъ прибавить:

— Если ваше величество не поспѣшите послать на помощь, балъи пропадъ.

— Пошлемъ непременно, сказалъ король, принимая серьезный видъ. — Конечно пошлемъ. Г. балъи нашъ другъ. Шестъ тысячъ! Вотъ рѣшительные негодаи. Смѣлость невѣроятная, и мы очень разгнѣваны. Но у насъ мало людей въ эту ночь. Будетъ время и завтра.

— Не медлите, сирь! вскричалъ Жакъ. — До завтра двадцать

разъ успѣютъ все разорить и повѣсить самого бабьи. Ради-бога, государь, не дожидайтесь завтрашняго дня!

Король посмотрѣлъ на него.

— Я сказаль, что пошлю завтра.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые не допускаютъ возраженій. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ снова заговорилъ:

— Жакъ, вы должны знать это. Какъ велики были... онъ поправился: — Какъ велики феодальныя владѣнія бабьи?

— Отъ улицы Каландръ до улицы Ербери, площадь св. Михаила и мѣста, называемыя въ народѣ Мюру, недалеко отъ церкви *Notre-dame des champs* (тутъ Людовикъ XI приподнялъ шляпу); этихъ отелей тринадцать, потомъ дворъ чудесъ, потомъ Маладери, называемая городскимъ округомъ, потомъ вся улица отъ Маладери до воротъ св. Іакова. Всѣ эти мѣста подлежали его суду и расправѣ и платили ему дорожныя пошлины.

— Да! сказаль король, почесывая лѣвое ухо правою рукою: — это составляетъ порядочную часть моего города. И г. бабьи были королемъ надъ всѣмъ этимъ!

На этотъ разъ онъ уже не поправлялся. Онъ продолжалъ какъ-будто говоря самъ съ собою:

— *Tout beau*, г. бабьи! у васъ въ зубахъ былъ порядочный кусокъ нашего города, — и вдругъ разразился: — *Pasque-Dieu!* Съ какого права всѣ эти люди считаютъ себя сюзеренами, сборщиками пошлинъ, и приписываютъ себѣ право суда надъ нашимъ народомъ? У грековъ было столько боговъ, сколько колодцевъ, а у персовъ по богу на каждую звѣзду; неужели же и французы должны насчитывать себѣ столько королей, сколько плахъ въ городѣ. *Pardieu*, это скверно, и я нетерплю безпорядка! По милости божьей, я одинъ имѣю право собирать пошлины и судить своихъ подданныхъ; священна только одна королевская власть въ государствѣ! Клянусь моею душою, что придетъ день, когда въ цѣлой Франціи будетъ только одинъ король, одинъ владѣлецъ, одинъ судья, властный надъ жизнью и смертью, какъ на небѣ есть одинъ только Богъ!

Онъ опять приподнялъ свою шапку и продолжалъ все съ прежнимъ видомъ охотника, дразнящаго и усыкающаго свою свору.

— Хорошо, хорошо, мой народъ! Ломай, вали этихъ мнимыхъ властителей! Смѣлѣй, жги! грабь! вѣшай ихъ!.. А, вы хотите быть королями, господа! Впередъ, впередъ, мой народъ!

Тутъ онъ остановился, прикусилъ себѣ губы, какъ бы желая

остановить высказавшуюся мысль, обвелъ пытливымъ взглядомъ присутствующихъ, и сдернувъ обѣими руками свою шляпу, проговорилъ :

— О, я тотчасъ же сжогъ бы тебя, еслибы ты могла узнать, что у меня въ головѣ! И снова началъ поглядывать на окружающихъ съ безпокойнымъ вниманьемъ, точно лисица крадущаяся въ нору. Такъ и быть! мы пошлемъ помощь г. балли. Къ несчастью у насъ здѣсь слишкомъ мало вооруженной силы для такой массы бунтовщиковъ. Надобно подождать до завтра. Пусть передадутъ это распоряженіе въ Старый городъ, и пусть немедленно вѣшаютъ всякаго, кто попадется изъ этихъ бездѣльниковъ.

— Кстати, ваше величество, сказалъ Куатье: — я было и позабылъ впопыхахъ, что стража захватила двоихъ изъ этой шайки. Если вашему величеству угодно, ихъ тотчасъ приведутъ сюда.

— Если мнѣ угодно! *Pasque-Dieu!* Ты забываешь такія важныя вещи! Бѣги за ними скорѣе, Оливье! Сюда ихъ!

Оливье черезъ минуту вернулся съ двумя плѣнниками, окруженными стражей. У одного было толстое глупое лицо; онъ былъ пьянъ, и въ недоумѣніи озирался кругомъ; одѣтъ онъ былъ въ лохмотья и ходилъ волоча одну ногу. Другой былъ блѣдная и сладкоулыбающаяся личность; читатель уже знакомъ съ нимъ. Король молча оглядѣлъ ихъ и обратился къ первому.

— Какъ тебя зовутъ?

— Жофруа Пенсбурдъ.

— Твое ремесло?

— Бродяга.

— Зачѣмъ пошолъ ты на это дѣло?

Бродяга посмотрѣлъ на короля, съ глупымъ видомъ покачивая руками. Это была одна изъ головъ такого устройства, что уму въ ней также трудно ужитья, какъ огню подъ гасильникомъ.

— Я не знаю, отвѣчалъ онъ: — всѣ пошли и я съ ними.

— Вы собрались ограбить своего владѣльца, здѣшняго балли?

— Я знаю только, что собирались своровать что-то у кого-то, вотъ и все.

Одинъ изъ солдатъ показалъ королю серпъ, отнятый у плѣннаго.

— Узнаешь ты это оружіе? спросилъ король.

— Да, это мой серпъ. Я развожу виноградъ.

— А признаешь ты этого человѣка своимъ сообщникомъ?

— Нѣтъ. Я его не знаю.

— Довольно, сказалъ король, дѣлая пальцемъ знакъ человѣку, неподвижно стоявшему въ глубинѣ комнаты, на котораго мы уже обращали вниманіе нашего читателя: — Тристанъ, передаю его тебѣ.

Тристанъ и Эрмитъ поклонились. Онъ отдалъ шопотомъ приказаніе двумъ солдатамъ, и несчастнаго вывели вонъ.

Король между тѣмъ подошелъ ко второму пѣвнику, съ котораго потъ катился градомъ.

— Какъ зовутъ?

— Пьеръ Гренгуаръ, ваше величество

— Ремесло?

— Философія, ваше величество.

— Какъ ты осмѣлился нападать на нашего друга, г. балли, и что ты скажешь объ этомъ народномъ волненіи?

— Я не принималъ въ немъ участія, ваше величество.

— Какъ, негодяй, вѣдь стража захватила тебя въ этой шайкѣ мошенниковъ?

— Нѣтъ, ваше величество. Это ошибка. Это фатумъ. Я пишу трагедіи. Умоляю ваше величество меня выслушать. Я поэтъ. У людей этой професіи всегда есть манія бродить по улицамъ ночью. Такъ было и сегодня. Меня арестовали ошибкой; я исповиненъ въ этой гражданской бурѣ. Ваше величество изволили видѣть, что бродяга не призналъ меня. Умоляю ваше величество...

— Молчать! проворчалъ король, глотая декоктъ: — у меня голова заболѣла отъ твоей болтовни.

Тогда Тристанъ и Эрмитъ указалъ на Гренгуара и спросилъ:

— Государь, и этого можно повѣсить?

Во весь вечеръ, это было его первое слово.

— Гм, небрежно сказалъ король: — почему же его и не повѣсить!

— Какъ это можно! вскричалъ Гренгуаръ.

Нашъ философъ былъ зеленѣе оливы. По равнодушному лицу короля онъ увидѣлъ, что тутъ вывезетъ только что-нибудь очень патетическое, и бросился къ его ногамъ съ отчаянной жестикуляціей:

— Ваше величество, вы меня выслушаете! Не тратьте ваши перуны на такое ничтожное созданіе. Громъ небесный не разбиваетъ полевую былинку. Сирь, вы августѣйшій, могущественнѣйшій монархъ, жальтесь надъ бѣднякомъ, столько же неспособнымъ подать

поводъ къ возстанію, какъ льдина произвести искру. Величайшій монархъ, добродушіе есть свойство львовъ и царей. Увы, суровость только запугиваетъ умы! бурные порывы вѣтра не заставятъ путника снять плаща, между тѣмъ какъ солнце, разогрѣвая его мало-помалу, принудитъ снять и все остальное платье. Сирь, вы солнце. Клянусь моему государю и властителю, что я не принадлежу къ шайкѣ воровъ. Возмущеніе и разбой не могутъ быть спутниками Аполлона. Мнѣ ли бросаться въ эти темныя тучи, разражающіяся нападеніемъ. Я вѣрный васаль вашего величества. Хорошій васаль долженъ питать къ славѣ своего государя любовь отца къ сыну, ревность мужа къ женѣ; онъ долженъ сохнуть отъ усердія и заботливости. Всякая посторонняя страсть будетъ безуміемъ. Вотъ мои правила, сирь. Не судите по моему платью, изодранному на локтяхъ, что я тоже бродяга. Если вы меня помилите, я издеру его на колѣняхъ, молясь день и ночь Богу за ваше величество. Увы, я далеко не богатъ, это правда! Я даже немного бѣденъ, но это вѣдь не порокъ. Я въ этомъ не виноватъ. Всякій знаетъ, что богатства добываются не литературой, и что записнымъ книгоѣдамъ не всегда удается сидѣть зимой въ топленой комнатѣ. Адвокатство беретъ всѣ зерна и оставляетъ одну солому другимъ научнымъ профессіямъ. Существуетъ сорокъ отличныхъ поговорокъ насчетъ дыряваго плаща философа. О, государь, милосердіе единственный свѣтильникъ, способный озарять внутренность великой души. Милосердіе освѣщаетъ путь всѣмъ другимъ добродѣтелямъ; безъ него онѣ были бы слѣпыми, ощупью ищущими Бога. Милосердіемъ приобретається любовь подданныхъ, составляющая вѣрнѣйшую защиту королей. Не все ли равно вашему свѣтозарному величеству, что на землѣ останется однимъ бѣднякомъ больше? однимъ безвреднымъ философомъ, влачащимъ скромное существованіе съ пустымъ кошелькомъ и желудкомъ? Ктому же, сирь, я ученый. Великіе государи считаютъ славою своего вѣнца покровительство ученымъ. Геркулесъ не гнушался званіемъ Музагета. Матіасъ Корвинъ покровительствовалъ Жану де-Монройаль, лучшему изъ математиковъ. А вѣшать ученыхъ—дурное проявленіе покровительства науки. Чтобы было, если бы Александръ повѣсилъ Аристотеля? Эта черта была бы не маленькимъ пятнышкомъ на челѣ его репутаціи, а огромной, безобразной язвой. Государь, я написалъ прекрасную эпиталяму Маргаритѣ фландрской и августѣйшему дофину. Этого бы не сдѣлалъ бунтовщикъ. Ваше величество изволите видѣть, что я не кто-нибудь, что

я обладаю ученостью и природнымъ краснорѣчіемъ. Помилуйте меня, государь! Этимъ вы сдѣлаете угодное пресвятой Богородицѣ. Увѣрю васъ, что меня до-смерти напугала одна мысль быть повѣшеннымъ!

Говоря это, злополучный философъ цѣловалъ туфли короля, а Вильгельмъ Раймъ шепталъ Кошпенюлю :

— Онъ хорошо дѣлаетъ, что пресмыкается. У Людовика, какъ у Юпитера критскаго, уши въ погахъ.

Но не обращая вниманія на Юпитера, Кошпенюль съ какой-то тяжелой улыбкой, шепталъ глядя на Гренгуара :

— Такъ, такъ! Вотъ эдакъ умолялъ меня Гюгоне!

Когда запыхавшійся Гренгуаръ обратился къ королю свою дрожщую голову, тотъ выскабливалъ ногтемъ восковое пятно на панталонахъ, потомъ принялся пить декоктъ, и все это не говоря ни слова. Молчаніе это было убійственно для Гренгуара. Наконецъ король взглянулъ на него.

— Вотъ невыносимый болтуны! сказалъ онъ, и обращаясь къ Тристану, прибавилъ: Выпустить его!

Гренгуаръ съ радости упалъ ничкомъ.

— Выпустить! проворчалъ Тристанъ. — Не прикажете ли ваше величество хоть немного поддержать его въ клѣткѣ?

— Неужели ты думаешь, дружище, что наши дорогія клѣтки для птицъ подобнаго рода! Сейчасъ же выпустите этого бездѣльника, и вытолкайте отсюда въ три шеи.

— О, вотъ великій король! вскричалъ Гренгуаръ, и бросился къ двери, боясь отмѣны приказанія.

Солдаты протолкали его кулаками въ спину, что онъ перенесъ съ истиннымъ стоицизмомъ.

Хорошее расположеніе духа Людовика XI проявлялось во всемъ, съ той минуты, какъ ему объявили о возстаніи противъ балыи. Помилваніе Гренгуара тоже было однимъ изъ этихъ проявленій. Тристанъ воротился въ свой уголъ съ видомъ собаки, которой только показали кость.

Король наигрывалъ маршь на ручкѣ своего кресла. Это былъ хитрый король, но радость онъ не умѣлъ скрывать такъ какъ досаду или горе. Изъявленія удовольствія при хорошихъ вѣстяхъ заходили у него иногда очень далеко. При извѣстии о смерти Карла смѣлаго, онъ пожертвовалъ серебряную балюстраду св. Мартину

турскому, а при вступлении на престолъ, позабылъ распорядиться похоронами отца.

— Ваше величество! вскричалъ Куатье: — что же случилось съ болѣзнью, по поводу которой вы изволили меня требовать?

— О, да! Я очень болѣнъ, дружище! У меня страшная стрѣльба въ ухо и грудь, точно скребуть раскаленными граблями.

Куатье взялъ пульсъ короля съ важнымъ видомъ.

— Посмотрите, Коппеноль, говорилъ Раймъ. — Король между палачемъ и докторомъ. Это весь его дворъ. Докторъ для себя и палачъ для другихъ.

Между тѣмъ Куатье принималъ все болѣе озабоченный видъ. Людовикъ XI смотрѣлъ на него со страхомъ. Куатье продолжалъ хмуриться. Болѣзнь короля была для него источникомъ дохода и онъ пользовался ею какъ могъ.

— О, о! проговорилъ онъ наконецъ: — это и въ самомъ дѣлѣ важно.

— Неужели? спросилъ испуганный король.

— *Pulsus creber, anhelans, crepitans, irregularis*, продолжалъ докторъ.

— *Pasque-Dieu!*

— Три дня такого пульса и человекъ не станетъ.

— Матерь божья! вскричалъ король. — А есть средство, дружище?

— Объ немъ-то я и думаю, ваше величество.

Онъ посмотрѣлъ королевскій языкъ и покачалъ головою. Во время этой операціи онъ велъ такую рѣчь:

— Ваше величество, мѣсто сборщика винныхъ податей теперь вакантное, а у меня есть племянникъ.

— Пусть твой племянникъ беретъ это мѣсто, Жакъ, только избавь меня отъ этого жара въ груди.

— Если ваше величество такъ милостивы, то вѣрно не откажете немного помочь мнѣ въ постройкѣ дома въ улицѣ *St. André des Arcs*, продолжалъ Куатье.

— Гм! сказалъ король.

— Я теперь совершенно безъ денегъ, продолжалъ докторъ: — а право жаль, если домъ останется безъ крыши; жаль не стѣнъ, онъ совершенно простыя, мѣщанскія, а тѣхъ украшеній внутри, надъ которыми трудился Жанъ Фурби. Есть тамъ летящая Діана, такая нѣжная, славная, бѣленькая, такъ къ ней идетъ головной

уборъ изъ полумѣсяца, что просто нельзя долго смотрѣть на нее. Есть также Церера, чрезвычайно красивая богиня. Она сидитъ на снопахъ ржи, въ вѣнкѣ изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтовъ. Трудно себѣ представить что-нибудь сладострастнѣе ея глазъ, круглѣе ея ногъ, благороднѣе ея осанки. Драпировка лежитъ самыми живописными складками. Это одна изъ самыхъ совершенныхъ и самыхъ цѣломудренныхъ красавицъ, созданныхъ кистью.

— Палачь, къ чему клонится твоя рѣчь? простоналъ Людовикъ XI.

— Нужно прикрыть крышей всѣ эти совершенства, ваше величество; разумѣется денегъ тутъ требуется самая бездѣлица, но у меня и того нѣтъ.

— Сколько же можетъ стоить крыша?

— Да... мѣдная, вызолоченная крыша, съ выпуклыми украшениями, будетъ стоить не болѣе двухъ тысячъ ливровъ.

— О, душегубецъ! вскричалъ король. — Каждый вырванный у меня зубъ обращаетъ онъ въ брильянтъ.

— Будетъ у меня крыша? спросилъ Куатье.

— Да, чортъ тебя побери, но вылечи меня.

Жакъ низко поклонился.

— Ваше величество будете спасены. Мы приложимъ вамъ компрессъ изъ спуска, бѣлка, масла и уксусу. Вы будете продолжать лекоктъ, все пойдетъ хорошо.

Зажонная свѣча привлекаетъ не одну ночную бабочку. Оливье, видя что король милостивъ, измѣнилъ дерзкое выраженіе лица на заискивающее. Это единственное измѣненіе, которому подвергается лицо придворнаго. Король пристально посмотрѣлъ на него и сказалъ :

— Понимаю.

— Сиръ, Симонъ Раденъ умеръ, сказалъ онъ.

— Ну, чтоже?

— Онъ былъ казначеемъ, ваше величество.

— Чтожъ изъ этого?

— Сиръ, это мѣсто вакантное.

— Вы кажется полагаете, метръ Оливье, что у короля милостей, какъ воды въ моръ, но выслушайте (у насъ хорошая память). Въ 68 году мы сдѣлали васъ нашимъ нажомъ; въ 69 смотрителемъ замка на мосту Сен-Клу, съ жалованьемъ въ сто турецкихъ ливровъ (вы хотѣли сто ливровъ паризи). Въ ноябрѣ 73 мы вамъ дали па-

тентъ на званіе привратника въ Венсенскомъ лѣсу, вмѣсто кавалера Жильбера Акль; въ 75 дали мѣсто лѣсничаго вмѣсто Жака Лемеръ; въ 78 мы всемилостивѣйше пожаловали вамъ и вашей женѣ патентъ съ двумя печатями изъ зеленаго воска, доходъ въ десять ливровъ паризи съ торговой площади у сен-Жерменской школы; въ 79 сдѣлали васъ лѣсничимъ Сенарскаго лѣса, вмѣсто бѣднаго Жана Дезъ; потомъ капитаномъ въ замкъ де-Лошъ; потомъ губернаторомъ въ Сен-Кентенъ; потомъ капитаномъ на Меланскомъ мосту, а вы присвоили себѣ даже титулъ графа меланскаго. Съ пяти су штрафа, который платитъ каждый цирюльникъ, брѣющій въ праздничные дни, вы получаете три, а мы остальное. Мы согласились измѣнить ваше прозвище *le Mauvais*, которое очень шло къ вашему лицу. Въ 74 мы пожаловали вамъ, къ великому неудовольствію нашихъ дворянъ, радужный гербъ, превращающій вашу грудь въ хвостъ павлина. *Pasque-Dieu!* Кажется ловъ и такъ хорошъ, и нужно бы бояться, что лишняя большая семга можетъ опрокинуть лодку? Честолюбіе васъ погубитъ, дружище! Излишняя гордость всегда ведетъ за собою паденіе и стыдъ. Запомните это и ни слова больше.

Эти строгія слова возвратили прежнее дерзкое выраженіе лицу Оливье.

— Ба! проговорилъ онъ почти громко: — видно что король боленъ сегодня, всѣ милости одному доктору.

Людвикъ XI, вмѣсто того чтобъ разсердиться на выходку, продолжалъ ласковѣе:

— Да, я и позабылъ еще, что вы были посланникомъ въ Гентъ. Да, господа, сказалъ онъ, обращаясь къ фламандцамъ: — этотъ человекъ былъ посланникомъ! Ну, не сердись, дружище! обратился онъ къ Оливье, — мы съ тобой старые пріятели. Ужь поздно. Вся наша работа кончена. Выбѣй меня.

Наши читатели вѣроятно давно узнали въ Оливье того ужаснаго Фигаро, котораго провидѣніе дало въ спутники Людовику XI во все продолженіе разыгрываемой имъ кровавой комедіи. Здѣсь не мѣсто исполнѣе развить этотъ ужасный характеръ. У этого царскаго цирюльника было три имени. При дворѣ его вѣжливо величали Оливье Лань (*le Daim*); въ народѣ Оливье-чортомъ. Настоящее его имя было Оливье *le Mauvais*. Цирюльникъ будто и не слыхалъ приказанія: онъ стоялъ, злобно поглядывая на короля и на Жака.

— Да, все докторъ! ворчалъ онъ сквозь зубы.

— Ну, да, докторъ! повторилъ Людовикъ XI съ удивительнымъ добродушіемъ: — доктору больше почета, потомучто въ его распоряженіи все наше тѣло, а у тебя одинъ подбородокъ. Погоди, дружище, придетъ и твоя очередь. Что было бы съ тобой и съ твоей карьерой, еслибы у меня была привычка, какъ у короля Хильдерика, прикрывать подбородокъ рукою? Ну, дружище, дѣлай свое дѣло, ступай за своими инструментами.

Оливье, видя что король расподожонъ шутить, и что нѣтъ возможности и разсердить его, ворча вышелъ изъ комнаты. Король всталъ, подошелъ къ окну и растворилъ его съ необыкновеннымъ волненіемъ.

— Вотъ! вотъ, вскричалъ онъ, хлопая въ ладоши, — какое зарево надъ старымъ городомъ. Балги горить. А, мой добрый народъ! Наконецъ-то ты сталъ помогать мнѣ уничтожать сильныхъ васаловъ. Госнода фламандцы, посмотрите, вѣдь это зарево?

Фламандцы подошли

— Сильный пожаръ! сказалъ Вильгельмъ Раймъ.

— О, сказалъ Коппеноль, съ сверкающими глазами: — это мнѣ напоминаетъ пожаръ дома де Гимберкуръ. Тамъ вѣрно сильное возстаніе.

— Вы думаете, метръ Коппеноль? и глаза Людовика XI почти также блистали, какъ глаза Коппеноля. — Неправда ли, его трудно успокоить?

— Да, ваше величество, придется вамъ тутъ положить солдатъ.

— Ну, я совѣмъ другое дѣло! еслибъ я захотѣлъ ..

Коппеноль смѣло отвѣчалъ:

— Если это возмущеніе такого рода, какъ я думаю, то воли вашего величества было бы недостаточно.

— Ну, дружище, двумя отрядами моей стражи и пушечнымъ залпомъ я думаю легко разсвять кучу бродягъ.

Но Коппеноль кажется рѣшился противорѣчить, несмотря на знаки Райма.

— Ваше величество, швейцарцы тоже были не болѣе какъ толпа бродягъ, а герцогъ бургундскій, знаменитый дворянинъ, пренебрегалъ подобной сволочюю. Во время битвы при Грандсонѣ, онъ кричалъ: стрѣлять въ эту дрянъ и клялся св. Георгіемъ. Но судья Шарнатшталь бросился на именитаго герцога съ дубиной и своими мужиками, и славная бургундская армія разлетѣлась какъ стекло

отъ удара камнемъ. Много кавалеровъ легло тогда отъ руки простыхъ мужиковъ, а герцога де Шато-Гуйонъ, знаменитѣйшаго дворянина Бургундіи, нашли во рву, и съ сврой великолѣпной лошадыю.

— Другъ мой, вы говорите о сраженіи, а тутъ простая шалость, и все будетъ кончено, лишь только я нахмурю брови.

— Легко можетъ быть, ваше величество, равнодушно отвѣчалъ Коппеноль. — Только значить часть народа еще не наступилъ.

Тутъ Вильгельмъ Раймъ счелъ нужнымъ вступиться:

— Метръ Коппеноль, вы говорите съ могущественнымъ государемъ.

— Знаю, серьезно отвѣчалъ Коппеноль.

— Оставьте его, другъ Раймъ, мнѣ нравится его откровенная рѣчь. Мой отецъ, Карлъ седьмой, говаривалъ, что правда хвораетъ, а я уже было думалъ, что она умерла, не сдѣлавши завѣщанія. Метръ Коппеноль доказалъ мнѣ противное.

И онъ дружжелюбно положилъ руку на плечо Коппеноля.

— И такъ, вы говорили, метръ Жакъ...

— Я говорилъ, ваше величество, что вы можетъ быть и правы, и что часть народа еще не наступилъ въ вашемъ государствѣ.

Людвикъ XI посмотрѣлъ на него своимъ пытливымъ взглядомъ.

— А когда-жъ онъ наступитъ, метръ?

— Вы это услышите, сирь.

— А на какихъ часахъ онъ пробѣтъ, хотѣлъ бы я знать.

Коппеноль спокойно и просто подвелъ короля къ окну.

— Слушайте, сирь! Здѣсь есть сторожевая башня, набать, пушка и граждане и солдаты. Когда забѣтъ набать, заговорятъ пушки, и сокрушится башня, когда солдаты и граждане съ крикомъ бросятся другъ на друга, тогда значить пробилъ часъ народа.

Лицо Людовика XI омрачилось. Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ потрепалъ рукою толстую стѣну бастиліи, какъ треплютъ добраго коня и сказалъ:

— О, неправда ли, тебя не легко разрушить? Видали вы когда-нибудь возмущеніе, метръ Жакъ?

— Я самъ его дѣлалъ.

— А какъ это дѣлается? спросилъ король.

— А, это не трудно! отвѣчалъ Коппеноль. — Есть тысяча средствъ. Вонервыхъ, нужно чтобы въ городъ были недовольны,

что случается весьма часто. Потомъ многое зависитъ отъ характера жителей. Въ Гентѣ удобно дѣлать возстанія: тамъ всегда любятъ наследника и никогда самого правителя. Ну вотъ, положимъ, что въ одно прекрасное утро входятъ въ мою лавку и говорятъ: Такъ и такъ, дядя Коппеноль, Марія фландрская хочетъ спасти своихъ министровъ, бальи удваиваетъ налоги, или другое въ этомъ родѣ. Я оставляю работу, иду по улицамъ и кричу: За мною! Въ городѣ всегда есть какая-нибудь развалина; влѣзаю на нее и говорю первое что есть на душѣ. Тогда народъ начинаетъ собираться, бьютъ въ набатъ, вооружаютъ толпу отнятымъ у солдатъ оружіемъ и идутъ. Такъ и всегда пойдутъ дѣла до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать государи въ своихъ государствахъ, граждане въ своихъ городахъ, и крестьяне на своей землѣ.

— А противъ кого вы такъ возмущались: противъ вашихъ феодальныхъ владѣльцевъ или противъ бальи?

— Какъ случится. Иногда и противъ самого герцога.

Людвикъ XI воротился на свое мѣсто и сказалъ съ улыбкой:

— А здѣсь встаютъ еще только противъ бальи!

Въ эту минуту вошелъ Оливье. За нимъ слѣдовали два пажы съ платьемъ короля; но всего болѣе поразило короля то, что вмѣстѣ съ циркульникомъ вошелъ и прево Парижа съ начальникомъ стражи; оба казались смущенными. Злопамятный циркульникъ тоже былъ встревоженъ, но и доволенъ въ душѣ. Онъ заговорилъ первый:

— Ваше величество, прошу напередъ прощенія за дурныя вѣсти, которыя имѣю сообщить вамъ.

Король такъ быстро повернулся, что разорвалъ рогожку пошкою своего кресла.

— Что тамъ такое?

— Ваше величество, началъ Оливье, съ видомъ человѣка, которому пріятно нанести ударъ: — возмущеніе не противъ господина бальи.

— А противъ кого же?

— Противъ васъ, сирѣ.

Король вскочилъ и выпрямился, какъ молодой человѣкъ.

— Объяснись Оливье! объяснись сейчасъ! И остерегись за свою голову, пріятель, потому что клянусь тебѣ крестомъ въ Сен-Ло, что если ты солгалъ, инага, отсѣкшая голову герцогу люксембургскому, еще не такъ заржавѣла, чтобы не отпилить твою!

Клятва была торжественна: Людвикъ XI только два раза въ

жизни клялся крестомъ Сен-До. Оливье открылъ ротъ чтобъ отвѣчать.

— На колѣни! крикнулъ король. — Тристанъ, наблюдайте за этимъ человѣкомъ!

Оливье сталъ на колѣни и холодно сказалъ:

— По приказанію вашего величества была осуждена на смерть колдунья судомъ и парламентомъ. Она укрылась въ соборѣ Богоматери. Народъ хочетъ силой взять ее оттуда. Г. прево и г. начальникъ стражи сейчасъ были на мѣстѣ и могутъ подтвердить мои слова. Народъ осаждаетъ соборъ.

— Вотъ какъ, сказалъ тихо король, блѣдный отъ гнѣва. — Они осаждаютъ соборъ Богоматери, моей заступницы! Встань, Оливье! Ты правъ, я даю тебѣ мѣсто Симона Радена. Ты правъ. Возстаніе точно противъ меня. Колдунья подъ покровительствомъ церкви, а церковь подъ моимъ покровительствомъ. А я-то думалъ, что дѣло идетъ о балы! А это было противъ меня!

Онъ быстро сталъ ходить по комнатѣ, какъ бы помолодѣвъ отъ гнѣва. Онъ не смѣялся болѣе; онъ былъ ужасенъ; лисица обратилась въ гіену. Онъ задыхался и не могъ говорить; губы шевелились безъ звука, костлявые кулаки сжимались. Вдругъ онъ поднялъ голову; впалые глаза его заблестали и голосъ зазвучалъ какъ труба.

— Бери, бери ихъ, Тристанъ! бить, вѣшать этихъ негодяевъ! Ступай, ступай, Тристанъ!

Когда волненіе его утихло, онъ снова сѣлъ и подозревалъ Тристана. Въ голосѣ слышалась холодная, сосредоточенная злоба.

— Въ бастиліи, недалеко отъ насъ, есть пятьдесятъ копейщиковъ виконта де Живръ, — ты ихъ возьмешь. Есть также отрядъ нашихъ стрѣлковъ, подъ командой г. де-Шатоперь, — ихъ тоже въ дѣло. Вы, прево, у васъ должны быть люди, вы и ихъ возьмете. Въ отелѣ Сенъ-Поль, вы найдете сорокъ стрѣлковъ новой гвардіи дофина, вы ихъ тоже возьмете и со всѣмъ этимъ посидите къ собору. А, господа парижане, вы идете противъ французской короны, противъ святыни и противъ общественнаго спокойствія! Уничтожай, Тристанъ! чтобы ни одинъ не ушелъ дальше Монфокоа!

Тристанъ поклонился.

— Слушаю, ваше величество.

И прибавилъ послѣ нѣкотораго молчанія:

— А что дѣлать съ колдуньей?

Этотъ вопросъ заставилъ короля задуматься.

— А, да, колдунья! Г. д'Естутвиль, что хотѣлъ сдѣлать съ нею народъ?

— Я думаю, ваше величество, что если народъ пришолъ взять ее изъ собора, значить его оскорбляетъ безнаказанность, и онъ хочетъ ее повѣсить.

Король задумался, потомъ обратился къ Тристану.

— Ну, дружище, истреби эту сволочь и повѣсь колдунью.

— Вотъ это такъ, сказалъ Раймъ: — наказываютъ народъ, а между тѣмъ сами дѣлаютъ то что онъ хотѣлъ сдѣлать.

— Хорошо, ваше величество, сказалъ Тристанъ: — но если колдунья еще въ соборѣ, можно ли взять ее оттуда несмотря на право убѣжища?

— *Pasque-Dieu*, право убѣжища! сказалъ король, почесывая за ухомъ. — А между тѣмъ эту женщину необходимо надо повѣсить.

Вдругъ онъ упалъ на колѣни, снялъ свою шапку и произнесъ, глядя на одинъ изъ оловяныхъ образковъ, висѣвшихъ на ней.

— О мать божья, заступница моя милосердая, прости мнѣ только на этотъ разъ. Надо наказать эту преступницу. Увѣряю тебя, пресвятая владычица, что это колдунья недостойная твоего милостиваго покровительства. Тебѣ извѣстно, что многіе очень набожные государи нарушали привилегіи церкви во славу божью и для блага государства. Святой Гюго, епископъ англійскій, позволилъ королю Эдуарду повѣсить одного колдуна въ своей церкви. Святой Людовикъ французскій, мой патронъ, нарушилъ по такому же поводу права церкви св. Павла, а Альфонсъ, сынъ короля іерусалимскаго, даже права св. гроба господня. Прости же меня на этотъ разъ, парижская богородица. Я больше ужъ не сдѣлаю этого и пожертвую тебѣ такую же серебряную статую, какую поставилъ въ прошломъ году богородице въ Экри. Аминь.

Онъ перекрестился, всталъ, накрылъ голову и сказалъ Тристану:

— Поторопись, дружище! возьми съ собой г. де-Шатопера. Велибить въ набатъ, души народъ и повѣсь колдунью. Ты самъ мнѣ дашь отчетъ въ совершении этой казни. Ну, Оливье, я не лягу сегодня, обрѣй меня.

Тристанъ поклонился и вышелъ. Король отпустилъ Коппенюла и Райма.

— Ступайте съ богомъ , друзья фламандцы , отдохните немного. Теперь мы уже ближе къ утру, чѣмъ къ вечеру.

Они ушли въ сопровожденіи коменданта бастиліи. Дорогой Коппеноль сказалъ Райму :

— Ну, довольно я насмотрѣлся на этого чахоточнаго короля ! Я видѣлъ Карла бургондскаго пьянымъ, но тотъ былъ все-таки добрѣе этого больного Людовика XI.

— Метръ Жакъ , отвѣчалъ ему Раймъ : — хмѣль дѣйствуетъ лучше декокта.

IV

ПАРОЛЬ МОШЕННИКОВЪ

По выходѣ изъ бастиліи, Гренгуаръ пробѣжалъ улицу св. Антонія съ быстротою сорвавшейся лошади. Дойдя до воротъ Бодойе, онъ прямо направился къ каменному кресту, поставленному среди площади, какъ будто различивъ въ темнотѣ стоявшую тамъ фигуру, закутанную въ черное.

— Вы это, метръ ? спросилъ онъ.

Черная фигура выпрямилась.

— Вы меня мучите, Гренгуаръ, на башнѣ св. Жерве прокричали уже часъ за полночь.

— Ну, въ этомъ не я виноватъ, отвѣчалъ Гренгуаръ : — а королевская стража. Ну, вырвался же я ! Который уже разъ меня собираются вѣшать ! Вѣрно, мнѣ предназначена не эта смерть.

— Скорѣе, торопилъ его товарищъ : — какой пароль ?

— Знаю, не безпокойтесь. *Petite Flambe en baguenaud.*

— Хорошо. Иначе намъ бы не удалось пробраться къ церкви. Бродяги заняли всѣ выходы. Къ счастью, кажется она встрѣтила оборону. Можетъ быть мы придемъ еще во время.

— Да. Только какъ мы взойдемъ въ соборъ ?

— У меня есть ключъ отъ башенъ.

— А какъ мы выйдемъ ?

— За монастыремъ маленькая дѣверь, выходитъ прямо къ рѣкѣ. Ключъ отъ нея тоже здѣсь, и я приготовилъ ужъ лодку.

— Чуть-чуть меня не повѣсили ! толковалъ Гренгуаръ.

— Ну, идемъ же, идемъ! отвѣчалъ его спутникъ.

Оба направились скорымъ шагомъ къ старому городу.

VII

ШАТОПЕРЪ ВЪ ДѢЛѢ

Читатель вѣрно помнитъ, въ какомъ критическомъ положеніи мы оставили Квазимодо. Глухарь, осажденный со всѣхъ сторонъ, потерялъ не энергію, но надежду спасти Эсмеральду. О себѣ онъ и не думалъ. Онъ растерянный бѣгалъ по площадкѣ. Соборъ былъ почти въ рукахъ бродягъ. Вдругъ раздался лошадиный топотъ, и изъ всѣхъ улицъ, съ факелами, нахлынули всадники. «Франція! Франція! Бейте разбойниковъ! Въ дѣло Шатоперъ! Превотство! Превотство!» — Растерянные бродяги стали въ оборонительное положеніе.

Квазимодо, неслышавшій лошадиного топота и криковъ, увидѣлъ факелы, пики, обнаженные сабли, всю кавалерію, и во главѣ ея Феба; онъ видѣлъ замѣшательство бродягъ, почти всеобщій страхъ, и это придало ему столько силы, что онъ сбросилъ съ галереи нѣсколькихъ человѣкъ, уже долѣзшихъ до нея. Бродяги храбро защищались отъ королевскаго войска. Ихъ атаквали съ боку и съ тылу, тѣснили къ собору, который самые храбрые все еще продолжали атаковать. Такъ находились они въ положеніи, которое испыталъ впоследствии, во время знаменитой осады Туринна, въ 1640 году, графъ Генрихъ д'Аркуръ, поставленный между Фомой Савойскимъ, котораго осаждалъ самъ, и маркизомъ де-Легоне, который его блокировалъ. *Taurinum obsessor idem et obsessos*, какъ гласитъ его эпитафія.

Свалка была ужасная. На волчье мясо собачьи зубы, какъ говоритъ П. Матье. Фебъ де-Шатоперъ велъ себя храбро и не щадилъ никого. То, что не подавалось мечу, доканчивали длинныя сабли. Дурно вооруженные бродяги дрались и кусались. Женщины, дѣти, бросались на лошадей и хватали ихъ зубами, царапали ногтями. Другіе падали огнемъ лица стрѣлковъ. Третьи забрасывали врючья въ шею всадниковъ, и стаскивали ихъ съ сѣделъ. Одинъ, у котораго была длинная коса, долго подкашивалъ ноги лошадямъ. Онъ былъ страшень. Онъ гнусилъ какую-то пѣсню, и то и дѣло

работалъ косою. Съ каждымъ ударомъ падало нѣсколько жертвъ. Такъ пробирался онъ въ самую средину кавалеріи, спокойно и медленно, съ равномернымъ покачиваніемъ головы, какъ косарь, работающій въ полѣ. Это былъ Клонень Трульфу. Его убили изъ мушкета.

Между тѣмъ окна опять растворились. Сосѣди тоже вступили въ дѣло, услышавъ крикъ королевскихъ солдатъ; изъ каждаго этажа бродягъ осыпали пулями. Вся площадь дымилась. Смутно видѣлся фасадъ собора и Hôtel de Ville, въ окна котораго высунулись лица больныхъ. Наконецъ кавалерія взяла верхъ. Недостатокъ оружія, усталость, пальба изъ оконъ и неожиданный испугъ, все заставило бродягъ сдаться. Они прорвали линію осаждающихъ и пустились бѣжать по всѣмъ направленіямъ, оставляя площадь покрытою тѣлами.

Квазимодо, все время не перестававшій защищаться, при видѣ побѣды, упалъ на колѣни, поднявъ руки къ небу, потомъ съ быстротою птицы полетѣлъ по направленію той кельи, которую отстаивалъ цѣлую ночь. Теперь у него была одна мысль, стать на колѣни передъ той, которую онъ во второй разъ спасъ отъ смерти.

Келья оказалась пустою.

КНИГА ОДИНАДЦАТАЯ

I

БАШМАЧЕКЪ

Въ то время какъ бродяги начали осаждать церковь, Эсмеральда спала. Скоро усилившійся шумъ и тревожное блѣяніе козочки разбудили ее. Она приподнялась, прислушалась, посмотрѣла, и испуганная шумомъ и свѣтомъ, выбѣжала изъ кельи. Видъ площади, беспорядокъ ночной осады, страшная толпа, прыгающая какъ масса лягушекъ, и едва видная въ темнотѣ, странный крикъ этой толпы, рѣдкіе, красноватые факелы, появившіеся и исчезавшіе, какъ блуждающіе огни въ болотѣ, — вся эта ночная сцена показалась ей битвою привидѣній и каменныхъ церковныхъ чудовищъ.

Съ дѣтства налитанная суевѣріемъ въ цыганскомъ таборѣ, она

остановилась на мысли, что это похождения ночныхъ духовъ и снова зарылась въ постель отъ страха.

Между тѣмъ по усиливающемуся шуму и другимъ признакамъ дѣйствительности, ей скоро пришлось убѣдиться, что осаждаютъ не духи, а живые люди. Тогда страхъ ея принялъ другое направленіе. Она подумала, что народъ хочетъ вырвать ее изъ убѣжища. Ей снова вспомнилась возможность жить, видѣть Феба, безъ котораго она не умѣла представить будущности; ея совершенная безпомощность, рѣшительная невозможность бѣжать и другіе мрачные образы. Она упала на колѣни, спрятала голову въ постель, скрестила руки надъ головою, и цыганка, язычница, съ рыданіемъ начала молить о защитѣ христіанскаго Бога и свою покровительницу Богоматерь. Бываютъ минуты въ жизни закоренѣлыхъ скептиковъ, когда имъ приходится признать религію того храма, который первый имъ встрѣтится въ трудную минуту.

Такъ оставалась она долго, поминутно содрагаясь отъ приближающагося шума, ничего не понимая, ничего не видя, не предчувствуя страшнаго исхода. Вдругъ раздались шаги возлѣ нея; она обернулась. Двое мужчинъ съ фонаремъ вошли въ келью. Она слабо вскрикнула.

— Не бойтесь, это я! сказалъ какой-то знакомый голосъ.

— Кто вы? спросила она.

— Шерь Гренгуаръ.

Это имя ободрило ее. Она подняла глаза и дѣйствительно узнала поэта. Но подлѣ него стояла еще черная фигура, закутанная съ головы до ногъ и поразившая ее своимъ молчаніемъ.

— А! сказалъ Гренгуаръ съ упрекомъ: — Джали узнала меня прежде васъ.

Козочка въ самомъ дѣлѣ не дождалась, пока Гренгуаръ назоветъ себя. Едва онъ вошелъ въ дверь, какъ она начала виться у его ногъ, осыпая поэта ласками и шерстью, потому что она лияла. Гренгуаръ тоже не остался въ долгу.

— Кто это съ вами? тихо спросила цыганка.

— Будьте спокойны, это одинъ изъ моихъ друзей.

Тогда философъ поставилъ фонарь на полъ, присѣлъ самъ и вскричалъ, съ восторгомъ сжимая Джали въ своихъ объятіяхъ:

— О граціозное животное, конечно болѣе цѣнимое за чистоту, чѣмъ за величину, умное, понятливое, ученое какъ любой сло-

весникъ. Ну, Джали, ты ничего не забыла изъ прежнихъ штукъ? Какъ Жакъ Шармолю...

Черный человекъ не далъ ему докончить. Онъ подошелъ и грубо потрясъ его за плечо. Гренгуаръ всталъ

— Правда, а я и позабылъ, что нужно торопиться! Однакожь не слѣдуетъ все-таки такъ обходиться съ людьми. Прелестное дитя, ваша жизнь въ опасности, также и жизнь Джали. Васъ опять хотятъ взять отсюда. Мы ваши друзья и пришли спасти васъ. Идите за нами.

— И это правда? вскричала онъ въ волненіи.

— Истинная правда. Идите скорѣе!

— Хорошо! сказала она: — но отчего вашъ другъ не говоритъ ни слова?

— Его родители были странные люди и произвели его на свѣтъ мрачнымъ! отвѣчалъ Гренгуаръ.

Ей пришлось удовлетвориться этимъ объясненіемъ. Гренгуаръ взялъ ее за руку; товарищъ его поднялъ фонарь и пошелъ впереди. Отъ страха Эмеральда дѣйствовала машинально. Козочка подпрыгивала вѣдѣ за ними отъ радости, что видитъ Гренгуара и безпрестанно мѣшала ему идти, просовывая свои рожки между его ногами.

— Вотъ жизнь! повторялъ Гренгуаръ каждый разъ, какъ приходилось спотыкаться: — часто наши лучшіе друзья бываютъ виновниками нашего паденія!

Они быстро сошли по лѣстницѣ, прошли темную церковь, гудящую отъ шума снаружи, и вышли на монастырскій дворъ черезъ красную дверь. Монастырь опустѣлъ. Монахи убѣжали въ епископскій домъ молиться, на дворѣ кое-гдѣ укрывались только испуганные слуги. Они подошли къ калиткѣ, ведущей на рѣку. Черный человекъ отперъ ее ключемъ. Ключекъ земли, находящійся за калиткой, принадлежалъ собору; на немъ никого не было. Шумъ слышался тамъ уже не такъ сильно. Свѣжій вѣтерокъ колыхалъ вѣтви единственнаго дерева, и можно было уже разслышать ихъ шелестъ. Но опасность была все-таки близка. Сосѣднія строенія были соборъ и епископское подворье. Въ послѣднемъ казалась большая тревога. Темный фасадъ его пестрѣлъ огоньками, свѣтъ перебѣгалъ изъ окна въ окно, какъ искра по пеплу сожженной бумаги. Съ другой стороны черныя башни собора на красномъ фонѣ зарева, похожія на два гигантскія бревна изъ камина цыклоповъ. Остальныя

части города являлись глазу въ темнотѣ, прорѣзываемой свѣтомъ. У картинъ Рембранта бываетъ такой фонъ.

Человѣкъ съ фонаремъ шолъ прямо къ концу островка. У самой воды были развалины забора, перемѣшанные съ рогожами и столбами, по которымъ вился низенькій виноградникъ. Тутъ-то въ тѣни стояла маленькая лодка. Черный человѣкъ пригласилъ знакомъ Гренгуара и его спутницу войти въ нее; козочка послѣдовала за ними. Самъ незнакомецъ вошелъ послѣдній, обрѣзалъ причаль, отбросилъ его на землю палкой, схватилъ два весла, сѣлъ впередъ и началъ грести изо всѣхъ силъ, направляясь къ срединѣ рѣки. Сена очень быстра на этомъ мѣстѣ и ему трудно было выбраться на средину. Первой заботой Гренгуара при входѣ въ лодку было взять козу на колѣни. Онъ сѣлъ на заднее мѣсто, а Эсмеральда, чувствовавшая невольный страхъ при видѣ незнакомца, прижалась къ поэту. Когда лодка отчалила, поэтъ захопалъ въ ладоши и поцѣловалъ Джали между рожками.

— Теперь мы всѣ четверо спасены! вскричалъ онъ и прибавилъ съ видомъ глубокаго мыслителя: — иногда бываешь обязанъ удачѣ, а иногда и хитрости хорошимъ исходомъ дѣла.

Лодка тихо плыла къ правому берегу. Дѣвушка съ тайнымъ страхомъ разсматривала незнакомца. Онъ тщательно скрылъ огонь въ своемъ потайномъ фонарѣ. Въ темнотѣ онъ видѣлся на носу лодки какъ привидѣніе. Опущенный капюшонъ составлялъ родъ маски, и когда при взмахѣ веселъ расходились его широкіе рукава, они напоминали крылья летучей мыши. Онъ во все время не произнесъ ни малѣйшаго звука. Въ лодкѣ слышались только удары веселъ, да плескъ разсѣваемой воды.

— Клянусь моею душою! вскричалъ Гренгуаръ: ¹⁴ — какое веселое общество! Мы молчимъ, какъ ученики Пифагора или здѣшнія рыбы? *Pasque-Dieu*, друзья, мнѣ очень бы хотѣлось услышать человѣческое слово! Человѣческій голосъ пріятная музыка для уха. Это говорю не я, а Дидимъ Александрійскій, а его слова знамениты. Конечно Дидимъ Александрійскій былъ не послѣдній философъ. Ну, одно слово, милое дитя! скажите хоть одно слово! Кстати, помните, у васъ была такая смѣшная гримаска; вы ее еще не забыли? Знаете ли, моя милая, что парламентъ имѣетъ власть надъ всѣми убѣжищами, и вамъ могло бы плохо прійтись въ вашей соборной келейкѣ? Увы, одна маленькая птичка свиваетъ себѣ гнѣздо въ самой пасти крокодила. Метръ, вотъ луна показалась.

Какъ бы насъ не увидали! Мы поступаемъ похвально, спасая дѣвочку, однакожъ насъ бы непременно повѣсили именемъ короля, еслибъ мы попались. Увы, дѣйствія человѣка разсматриваются съ двухъ точекъ. Въ одномъ порицаютъ то, что прославляютъ въ другомъ. Человѣкъ, удивляющійся Цезарю, порицаетъ Катилину. Не такъ ли метръ? что вы скажете объ этой философіи? Я постигаю философію инстинктомъ, *ut apes geometriam*. Ну вотъ, никто не отвѣчаетъ! Какое странное расположеніе духа у васъ обоихъ сегодня; приходится говорить одному. Въ трагедіи мы называемъ это монологомъ. *Pasque-Dieu!* Объявляю вамъ, что я видѣлъ Людовика XI и у него выучился этому слову. *Pasque-Dieu!* Они все еще ревутъ тамъ въ городѣ. Король презлой старичишка, весь завернутый въ мѣхъ. Онъ до сихъ поръ не платитъ мнѣ долгъ за эпиталаму и въ добавокъ чуть меня не повѣсилъ сегодня, а это было бы скверно. Онъ скупъ для людей достойныхъ. Ему бы слѣдовало прочесть четыре книги Сальвиана Кельнскаго: *Adversus avaritiam*. Въ самомъ дѣлѣ это очень экономный король въ отношеніи поэтовъ и слишкомъ ужъ щедрый на всякія варварства. Это губка, высасывающая деньги изъ народа. Оттого-то всѣ жалобы на тяжкія времена переходятъ въ ропотъ на короля. При этомъ набожномъ принцѣ висѣлицы ломаются отъ казненныхъ, кровь не успѣваетъ высыхать, тюрьмы пучатся, какъ слишкомъ полный желудокъ. У этого короля одна рука загребаетъ, а другая вѣшаетъ. Это прокуроръ г-на Откупа и госпожи Висѣлицы. У дворянъ отнимаютъ почести, а народъ то и дѣло обременяютъ налогами. Это скверный король, я не люблю его. А вы?

Черный человѣкъ давалъ волю болтливому поэту. Онъ продолжалъ бороться съ сильнымъ теченіемъ между старымъ городомъ и соборнымъ островкомъ, который называется теперь островомъ св. Людовика.

— Кстати, метръ! вдругъ сказалъ Гренгуаръ: — замѣтили вы, когда мы проталкивались къ собору между проклятыми бродягами, того малютку, которому вашъ глухаръ готовился размохжить голову о рамку галереи французскихъ королей? Я близорукъ и не могъ узнать его. Не знаете ли вы, кто бы это могъ быть?

Незнакомецъ не отвѣтилъ ни слова, только вдругъ пересталъ грести; рука его опустилась въ изнеможеніи, голова упала на грудь и Эсмемальдѣ послышался конвульсивный вздохъ. Она въ свою очередь вздрогнула. Ей уже приходилось слышать подобные

вздохи. Лодка, предоставленная собственному произволу, нѣсколько времени плыла по теченію. Скоро черный человѣкъ опомнился, схватился за весла и снова поплылъ противъ воды. Онъ обогнулъ соборный островокъ и направился къ сѣнной пристани.

— А, вонъ замокъ Барбо! сказала Гренгуаръ: — посмотрите метръ на эту групу черныхъ крышъ, образующихъ такіе странные углы, тамъ, подъ этой кучей разорванныхъ, грязныхъ облаковъ, по которымъ луна разлилась какъ желтокъ изъ разбитаго яйца. Прекрасное знаніе. Есть тутъ часовенка съ маленькимъ сводомъ, украшеннымъ отличными орнаментами. Надъ нею прелестная колокольня. Есть также презабавный садикъ, состоящій изъ пруда, птичника, эхо, отдѣленія для игры въ шары, лабиринта, звѣринца четырехъ густыхъ аллей, очень пріятныхъ Венеръ. Есть также одно дерево, прозванное деревомъ сладострастія, потому что его тѣню воспользовалась одна знаменитая принцеса и одинъ остроумный и любезный конетабль Франціи. Увы! мы бѣдные философы также относимся къ конетаблямъ, какъ кочень капусты къ луврскому саду. Но всякому свое! Жизнь для великихъ и малыхъ людей равно имѣетъ свои худыя и хорошія стороны. Горе всегда недалеко отъ радости, какъ спондей отъ дактиля. Метръ, нужно вамъ рассказать эту исторію въ замкѣ Барбо. У ней очень трагическій конецъ. Это было въ 1319 году, въ царствованіе Филипа V, самаго длиннаго изъ французскихъ королей. Мораль моей исторіи та, что искушенія плоти пагубны. Не будемъ слишкомъ заглядываться на жену ближняго, какъ бы сладко ни дѣйствовала ея красота на наши чувства. Прелюбодѣянiе слишкомъ либеральное чувство; оно происходитъ отъ желанія испытать чужое наслажденіе, отъ любопытства... О, да тамъ шумъ сталъ еще сильнѣе!

Въ самомъ дѣлѣ шумъ около собора усилился. Они прислушались: побѣдные крики ясно долетали до ихъ ушей. Вдругъ сотни факеловъ, отражавшіеся на каскахъ военныхъ, появились на всѣхъ пунктахъ собора, на башняхъ, галереяхъ, подъ сводами. Казалось отыскивали чего-то и скоро до ушей бѣглецовъ долетѣли слова: «цыганку! смерть колдунь!» Бѣдняжка закрыла руками голову, а незнакомецъ съ удвоенною скоростью сталъ грести къ берегу. Между тѣмъ нашъ философъ предавался размысленіямъ. Онъ сжималъ въ объятіяхъ козочку и старался потихоньку отстраниться отъ цыганки, которая все ближе прижималась къ нему, какъ къ единственному защитнику.

Конечно Гренгуаръ былъ въ критическомъ положеніи. Онъ зналъ, что козочка, *въ силу существующаго закона*, должна быть повѣшена, если вновь попадетъ судьямъ. Какъ будетъ жаль бѣдную Джали! А спасти разомъ двоихъ — вещь очень трудная; ктому же товарищъ его кажется охотно принялъ бы на себя заботу объ Эмеральдѣ. Въ мысляхъ его происходила борьба, въ которой, какъ Юпитеръ илліады, онъ взвѣшивалъ то цыганку, то козу и поглядывалъ на обѣихъ глазами полными слезъ, говоря про себя: «но вѣдь не могу же я спасти васъ обѣихъ!»

Толчекъ лодки о берегъ далъ имъ знать, что они прибѣжали. Шумъ на противоположной сторонѣ все еще продолжался. Незнакомецъ подошелъ къ цыганкѣ и хотѣлъ подать ей руку, чтобы выйти изъ лодки, но она оттолкнула его и уцѣпилась за рукавъ Гренгуара, который въ свою очередь почти оттолкнулъ ее, занятый заботой о козочкѣ. Тогда она сама выпрыгнула изъ лодки. Она была такъ смущена, что не знала куда идетъ и что дѣлаетъ и нѣсколько минутъ простояла, машинально глядя на руку. Когда воротилось сознание, она стояла на берегу одна съ незнакомцемъ. Гренгуаръ вѣроятно воспользовался ея раздумьемъ, чтобы скрыться съ козой между домами улицы Grenier sur l'eau. Бѣдная цыганка вздрогнула. Она хотѣла говорить, кричать, звать Гренгуара, но языкъ не повиновался ей и губы не произнесли ни одного звука. Вдругъ она почувствовала, что ее берутъ за руку холодной, но сильной рукою. Зубы ея застучали; она стала блѣднѣе луннаго луча, освѣщавшаго ее въ эту минуту. Черный человекъ не сказалъ ни слова. Онъ началъ входить на берегъ по направленію къ гресской площади, держа ее за руку. Въ эту минуту она смутно почувствовала, что сила судьбы неотразима. У ней пропало все сознание, ее тащили, она машинально шла слѣдомъ. Въ этомъ мѣстѣ набережная идетъ въ гору, но ей казалось, что она скатывается въ какую-то пропасть. Она оглянулась по сторонамъ — ни одного прохожаго. Набережная была совершенно пуста. Весь шумъ, все людское движеніе было на той сторонѣ, но оттуда долетало до нея ея имя съ угрозами смерти. Весь остальной Парижъ погруженъ былъ въ тишину и глубокій мракъ.

Незнакомецъ все увлекалъ ее впередъ съ прежней силой и прежнимъ молчаніемъ. Она рѣшительно не помнила тѣхъ мѣстъ, гдѣ они проходили. Проходя мимо одного освѣщеннаго окна, она попробовала вырваться и крикнула «помогите!» Хозяинъ дома вы-

сунулся изъ окна съ фонаремъ, въ рубашкѣ, туно оглядѣлъ площадь, проворчалъ что-то и закрылъ окно ставнемъ. Последняя надежда исчезла.

Черный человекъ не сказалъ ни слова, только крѣпче сжалъ ея руку и пошолъ еще шибче. Она больше и не пробовала сопротивляться, только отъ времени до времени спрашивала его голосомъ, прерывающимся отъ скорой ходьбы и усталости :

— Кто вы? Да кто же вы?

Но онъ не отвѣчалъ.

Такъ прошли они, все вдоль набережной, къ довольно большой площади. Показалась луна. То была гревская площадь. Посрединѣ возвышался родъ черного креста : это была висѣлица. Незнакомецъ остановился, поднялъ свой капюшонъ и обратился къ ней.

— О! прошептала она съ ужасомъ : — я знала, что это оиать онъ!..

Да, это былъ священникъ, но уже болѣе похожій на привидѣніе отъ игры луннаго свѣта. При этомъ свѣтѣ кажется всѣ предметы видишь въ фантастической формѣ.

— Слушай! сказалъ онъ ей, и она вздрогнула отъ этого страшнаго голоса, который уже давно не раздавался въ ея ушахъ. Онъ говорилъ порывисто, какъ люди, испытывающіе внутреннюю муку : — Слушай! Мы здѣсь одни, я буду говорить съ тобою. Это гревская площадь. Это граница между жизнью и смертью. Судьба передаетъ насъ другъ другу. Твоя жизнь въ моихъ рукахъ, а моя душа въ твоихъ. Вотъ ночь и темная площадь, ничего не видно. Слушай! я скажу тебѣ... Вопервыхъ, не говори мнѣ о своемъ Фебѣ (говоря это, онъ ходилъ взадъ и впередъ и все тащилъ ее за собою). Не говори о немъ. Видишь ли! Если ты произнесешь это имя, я еще не знаю, что можетъ случиться, но случится ужасное.

Высказавъ это, онъ остановился, какъ тѣло, нашедшее центръ тяготѣнія, но въ словахъ его все еще слышалась тревога. Голосъ становился все тише и тише.

— Не отворачивайся отъ меня. Слушай! это дѣло серьезное. Вопервыхъ, вотъ что случилось. Увѣряю тебя, что тутъ не до смѣха. Чтоже я говорилъ такое? напomini мнѣ! А! парламентъ далъ приказъ взять тебя изъ убѣжища. Я вырвалъ тебя у нихъ. Но они гонятся слѣдомъ, посмотри!

Онъ указалъ на старый городъ. Поиски тамъ продолжались. Шумъ приближался; башня лейтенантскаго дома, выходящая на

гревскую площадь, освѣтилась огнями, по другой сторонѣ набережной бѣгали солдаты съ факелами и крикомъ: «Смерть, смерть цыганкѣ!»

— Ты видишь, что я не солгалъ тебѣ, тебя преслѣдуютъ. А я люблю тебя. Не раскрывай рта! не говори лучше ни слова, если ты хочешь опять высказывать свою ненависть. Я рѣшился не слышать болѣе этихъ словъ. Дай мнѣ кончить. Я спасъ тебя, я могу и совсѣмъ спасти тебя. У меня все готово, отъ тебя зависитъ лишь захотѣть. Я смогу все, чего ты пожелаешь.

Онъ остановился.

— Нѣтъ, не это нужно было сказать!

И онъ опять повлекъ ее за собой къ висѣлицѣ, и указывая на нее пальцемъ, сказалъ холодно:

— Выбирай между нами!

Она вырвалась изъ его рукъ и упала у подножія висѣлицы, цѣлуя эти мрачныя ступени, потомъ вполонину повернула къ нему свою прелестную головку и взглянула какъ неземная у подножія креста. Священникъ стоялъ неподвижно, попрежнему указывая на висѣлицу, какъ каменная статуя.

Наконецъ цыганка сказала ему:

— Она пугаетъ меня менѣе, нежели вы.

Тогда онъ медленно опустилъ руку и съ отчаяніемъ сталъ глядѣть на мостовую.

— Еслибы эти камни могли говорить! прошепталъ онъ: — они вѣрно бы сказали: какой это несчастный человѣкъ!

И онъ опять заговорилъ тихимъ и жалобнымъ голосомъ, составлявшимъ рѣзкій контрастъ съ его суровыми и жесткими чертами. Эсмеральда не прерывала его; она осталась на колѣняхъ у подножія креста, вся закрытая своими роскошными волосами.

— О, я люблю васъ! О, это суцая правда. Неужели ни одна искра этого пламени, сожигающаго мнѣ сердце, не проглядываетъ въ моей наружности? Увы, я мучусь дни и ночи, да, дни и ночи! Неужели это не заслуживаетъ хоть жалости! Эта неугомонная страсть — пытка, увѣряю васъ! О, какъ я страдаю, мое бѣдное дитя! Вы видите, я теперь кротно говорю съ вами. Мнѣ бы хотѣлось не вселять въ васъ ужаса. Вѣдь человѣкъ не виноватъ, если полюбитъ женщину! О Господи, неужели вы никогда не простите мнѣ? Будете вѣчно меня ненавидѣть? Неужели все кончено? Вотъ это-то и дѣлаетъ меня злымъ, увѣряю васъ! Я становлюсь самъ себѣ нена-

вистенъ. Вы не хотите даже взглянуть на меня! Вы можете быть думаете о чемъ-нибудь другомъ, между тѣмъ какъ я съ трепетомъ говорю съ вами въ страшную для насъ обоихъ минуту. Пуще всего не поминайте объ офицеръ! Какъ! я пресмыкаюсь въ прахъ, цѣдую, не ноги ваши, вы этого не позволите, но землю, на которую вы ступали; рыдаю какъ дитя, вырываю изъ груди сердце, всю внутренность, чтобъ доказать вамъ любовь мою, и все это напрасно, все! А между тѣмъ у васъ душа нѣжная, милосердая. На вашемъ лицѣ сіяетъ кротость, все ваше существо состоитъ изъ чистоты, доброты, милосердія и прелести. Увы, только для меня одного находитесь злоба въ вашемъ сердцѣ. О, какая ужасная случайность.

Онъ закрылъ лицо руками. Эмеральдъ послышался плачь. Это были его первыя слезы. Этотъ человекъ, рыдающій стоя, былъ болѣе жалокъ, чѣмъ еслибъ онъ рыдалъ на колѣняхъ. Долго плакалъ онъ такъ.

— Ну, не знаю что говорить теперь! сказалъ онъ нѣсколько успокоившись: — а между тѣмъ я обдумалъ все что нужно сказать вамъ. Теперь, въ рѣшительную минуту я дрожу, заикаюсь и чувствую что-то необъяснимое. О, я кажется упаду на мостовую, если вы надо мною не сжалитесь. Не произнесите нашего общаго приговора. Еслибъ вы знали, какъ я люблю васъ! Что такое мое сердце? О, куда дѣвалась вся добродѣтель, какъ страшно я опустился! Какъ ученый, я бросаю науку; какъ дворянинъ, топчу въ грязь свое имя; какъ священникъ, оскверняю свой санъ! И все это для тебя, очаровательница, чтобъ вѣрнѣе попасть въ адъ съ тобой вмѣстѣ! А ты отвертываешься отъ отступника! О, я скажу тебѣ все, все что даже ужаснѣе этихъ моихъ преступленій!

При послѣднихъ словахъ, лицо его приняло безумное выраженіе. Онъ помолчалъ съ минуту и громко продолжалъ, какъ бы говоря самъ съ собою:

— Каинъ, что сдѣлалъ ты съ своимъ братомъ?

Онъ замолчалъ опять и потомъ продолжалъ:

— Что я съ нимъ сдѣлалъ, Господи? Я взялъ его, воспиталъ, вскормилъ, любилъ, обожалъ и наконецъ убилъ его! Да, Господи, сейчасъ ему разбили голову, въ моихъ глазахъ, о камни твоего дома и я виноватъ въ этомъ, виновата вотъ эта женщина, она...

Взглядъ его былъ страненъ; голосъ ослабѣвалъ; онъ повторилъ еще нѣсколько разъ, машинально, съ довольно продолжительными

интервалами, какъ колоколь продолжающей послѣднюю вибрацію... Для нея... Для нея!... Потомъ языкъ не сталъ ему повиноваться, двигались только губы безъ звука. Вдругъ, онъ рухнулъ на землю и остался такъ безъ движенія, спрятавъ въ колѣни голову. Движеніе дѣвушки, высвобождавшей изъ подъ него свою ногу, привело его въ сознаніе. Онъ медленно провелъ рукою по впалямъ щекамъ, посмотрѣлъ съ удивленіемъ на свои мокрые пальцы:

— Неужели я плакалъ! прошепталъ онъ.

И обращаясь къ цыганкѣ съ невыразимой горечью:

— Горе мнѣ! Вы холодно смотрѣли на мои слезы! Дитя, знаешь ты, что эти слезы — лава? Неужели можно быть ко всему равнодушной въ человѣкѣ, котораго ненавидишь? Ты могла бы смѣяться при видѣ моей смерти. О, я не хочу чтобы ты умерла! Одно слово! Только одно слово прощенія! Не говори, что ты меня любишь, согласись только и я спасу тебя. Иначе... О! время проходить. Умоляю тебя всѣмъ святымъ, не дожидайся пока я обращусь опять въ камень, какъ эта висѣлица, которая также простираетъ за тобой руки! Вспомни, что судьба наша въ моихъ рукахъ, что я безумецъ, о это ужасно! Я могу опустить руки, а подъ нами страшная бездна, несчастная! Мое паденіе увлечетъ и тебя за собою! Одно доброе слово! Только одно слово, ничего болѣе!

Она открыла ротъ. Онъ упалъ на колѣни, чтобъ, какъ святыню, принять можетъ-быть слово прощенія.

— Вы убійца! сказала она ему.

Священникъ схватилъ ее съ дикой злобой и принялся хохотать ужаснымъ смѣхомъ.

— Ну да, убійца! сказалъ онъ, — но ты будешь моею! Ты не хочешь имѣть меня рабомъ, ну я буду твоимъ господиномъ. Ты будешь моею! У меня есть притонъ, куда я отнесу тебя. Ты пойдешь за мною; не можешь не пойти, потомучто, въ противномъ случаѣ, я предамъ тебя! Или смерть или я, моя красавица! Нужно отдаться священнику, отступнику, убійцѣ и въ эту же ночь, или погибнуть, слышишь? Ну, веселись, цѣлуй меня, безумная! Мои объятія или могила!

Глаза его сверкали гнѣвомъ и страстью. Его занекшіяся губы оставляли красныя пятна на шеѣ дѣвушки. Она билась въ его рукахъ, а онъ покрывалъ ее жгучими поцѣлуями.

— Не кусай меня, чудовище! кричала она. О, ненавистный мо-

нахъ! оставь меня! Я вырву твои скверные сѣдые волосы и горстями стану кидать ихъ тебѣ въ лицо!

Онъ покраснѣлъ, поблѣднѣлъ, потомъ отпустилъ руки и сталъ мрачно смотрѣть на нее. Она думала, что побѣда на ея сторонѣ и продолжала.

— Говорять тебѣ, что я вся принадлежу моему Фебу, что люблю одного Феба, что Фебъ мой красавецъ, а ты, монахъ, ты старъ и безобразенъ! Прочь отъ меня!

Онъ вскрикнулъ какъ преступникъ, заклеянный горячимъ жельзомъ.

— Такъ умри же! прошилъ онъ скрежеща зубами. Она увидѣла его страшный взглядъ и хотѣла бѣжать, но онъ схватилъ ее, повалилъ на землю и побѣжалъ къ башнѣ Роланда, таща ее по мостовой за ея чудныя руки.

У башни онъ остановился.

— Въ послѣдній разъ, хочешь быть моею?

Она съ силою отвѣчала.

— Нѣтъ!

Тогда онъ громко закричалъ:

— Гудула! Гудула! Вотъ цыганка, — отомсти за себя!

Дѣвушка почувствовала, что ее схватили за локоть. Она оглянулась. Это была костлявая рука, высунувшаяся изъ отверстія въ стѣнѣ. Ее стиснули какъ клещами.

— Держи, держи! говорилъ священникъ, это бѣглая цыганка. Не отпускаяй ее; я приведу сержантовъ, и ты увидишь какъ ее повѣсятъ!

Глухой смѣхъ былъ отвѣтомъ на эти слова. Ха! ха! ха! — Цыганка видѣла какъ священникъ побѣжалъ къ соборному мосту. Съ этой стороны слышенъ былъ лошадиный топотъ.

Бѣдняжка узнала злую затворницу и попробовала было вырвать руку, отчаянно билась, но ее держали съ невѣроятной силой. Костлявые пальцы обвили въ кругъ руки и соединились кольцомъ, какъ прикованные. Это были живые клещи, одаренные сознаниемъ.

Когда она упала выбившись изъ силъ, страхъ смерти совершенно овладѣлъ ею. Она подумала о прелести жизни, о своей красотѣ, о небѣ, о природѣ, о Фебѣ и его любви, обо всемъ что прошло и что ждетъ впереди, о священникѣ, который ее погубилъ, о палачѣ и о висящѣхъ. Ужасъ проникъ ей до мозга костей, а надъ ухомъ раздавался смѣхъ и слова затворницы.

— Ха! ха! ха! тебя повѣсятъ!

Она повернулась къ окошечку и увидѣла сухое лицо между желѣзными прутьями.

— Что я вамъ сдѣлала? спросила она съ смертнымъ отчаяніемъ.

Заторница не отвѣчала, но принялась злобно и насмѣшливо повторять на распѣвъ.

— Дочь Египта! дочь Египта! дочь Египта!

Эсмеральда закрыла лицо волосами, убѣдившись, что передъ нею неразумное существо.

Вдругъ старуха встрепенулась, какъ будто вопросъ Эсмеральды только-что долетѣлъ до ея уха.

— Что ты мнѣ сдѣлала, говоришь ты? А! что ты мнѣ сдѣлала, дочь Египта! Ну слушай! У меня было дитя! дитя, говорятъ тебѣ! хорошенькая дочка, Агнеса! вскричала она цѣлуя какой-то предметъ въ темнотѣ. — Ну, вотъ видишь ли, цыганка, у меня унесли мою дочку, украли моего-ребенка, съѣли мое дитя. Вотъ что ты мнѣ сдѣлала!

Дѣвушка отвѣчала какъ ягненокъ въ баснѣ:

— Увы, тогда меня можетъ и не было на свѣтѣ!

— О, ты должна уже была существовать! вскричала заторница. — Она была бы теперь твоихъ лѣтъ! Такъ! Теперь пятнадцать лѣтъ, какъ я здѣсь, пятнадцать лѣтъ я страдаю; пятнадцать лѣтъ молюсь; пятнадцать лѣтъ быюсь головою объ стѣны. Ее украли цыганки, слышишь ли? И съѣли ее своими скверными зубами! Есть у тебя сердце? Ну, такъ представь себѣ что такое ребенокъ, когда онъ смѣется, сосетъ грудь или засыпаетъ. Какая это невинность! Ну, такъ вотъ что у меня отняли и убили! Богъ знаетъ это! Теперь моя очередь, и я попробую цыганскаго мяса. О, какъ бы я тебя укусила, еслибы не рѣшетка. У меня голова велика, не пройдетъ! Бѣдная моя малюточка! Она спала въ это время! Если даже проснулась, то некому было услышать ея крика; меня тамъ не было! А! цыганскія матери, вы съѣли мое дитя, глядите теперь на свое!

И она начала хохотать и скрежетать зубами; смѣхъ и скрежетъ были впрочемъ очень сходны другъ съ другомъ на этомъ злобномъ лицѣ. Начиналось утро. Сѣроватый свѣтъ озарилъ эту сцену, и висѣлица еще болѣе выяснилась. Несчастная Эсмеральда начинала уже слышать приближающійся топотъ со стороны соборнаго моста.

— Сударыня! вскричала она, падая на колѣни, почти обезумѣвъ отъ ужаса. — Сжальтесь! это они! Я ничего вамъ не сдѣлала. Неужели вы хотите видѣть мою мучительную смерть? Я увѣрена, что въ васъ должна быть жалость. Это будетъ слишкомъ ужасно! Отпустите меня! Сжальтесь, я не хочу умирать!

— Отдай мнѣ мое дитя! отвѣчала затворница.

— Сжальтесь! Сжальтесь!

— Отдай дитя мое!

— Ради-бога пустите меня!

— Отдай мнѣ мою дѣвочку!

Бѣдняжка еще разъ упала, выбившись изъ силъ. Глаза ея уже начали принимать стеклянный видъ, какъ у умирающаго.

— Увы! прошептала она: — вы ищете свое дитя, а я ищу своихъ родителей.

— Отдай мнѣ мою маленькую Агнесу, продолжала Гудула. — Ты не знаешь гдѣ она, пу такъ умри! Слушай: Я была публичная женщина, у меня было дитя; мое дитя украли цыганки. Видишь, что ты должна умереть. Когда твоя мать придетъ за тобою, я скажу ей: Мать, поищи на этой висѣлицѣ! Или отдай мнѣ лучше мое дитя! Ты знаешь гдѣ она, моя дочка? Смотри, вотъ ея башмачекъ; это все, что мнѣ отъ нея осталось. Знаешь ли ты, гдѣ можно найти къ нему пару? Если знаешь, скажи мнѣ и я пойду за нимъ на край свѣта, поползу на колѣняхъ.

И она указывала свободной рукою на вышитый башмачекъ. Было уже довольно свѣтло для того, чтобы различить его фигуру и цвѣтъ.

— Покажи мнѣ этотъ башмачекъ, сказала дрожащая Эсмеральда. — Боже! Боже!

И она поспѣшно открывала свободной рукою ладонку съ зеленымъ стекломъ, которую носила на шеѣ.

— Разсматривай свой дьявольскій талисманъ! вскричала Гудула. Вдругъ она замолчала, вздрогнула всѣмъ тѣломъ и закричала голосомъ, выходящимъ изъ самой глубины души: Дочь моя!

Цыганка вытащила изъ ладонки маленькій башмачекъ, совершенно похожій на первый. Къ башмачку прикрѣпленъ былъ кусокъ пергамента, съ словами:

«Когда къ нему сыщется пара, ты найдешь свою мать.

Быстрые молнии, затворница сличила башмачекъ, прочла над-

пись, и прильнула къ рѣшоткѣ лицомъ, сіяющимъ небесною радостью.

— Дочь моя! дочь моя!

— Матушка! отвѣчала цыганка.

Но эту сцену мы отказываемся описывать.

Между ними была стѣна и желѣзная рѣшотка.

— О, эта стѣна! кричала затворница. — О, видѣть ее, и не мочь расцѣловать! Дай мнѣ твою руку!

Дѣвушка просунула ей руку сквозь рѣшотку, затворница бросилась на нее, прильнула губами и такъ и замерла на этомъ поцѣлуѣ: только повременамъ раздавались ея рыданія. Слезы ея лились рѣкою, тихо, какъ ночной дождь. Бѣдная мать выплакивала надъ этой рукою всю бездну накипѣвшаго горя въ продолженіи пятнадцати лѣтъ.

Вдругъ она поднялась, отвела отъ лица свои длинные сѣдые волосы, и не говоря ни слова, принялась обѣими руками раскачивать желѣзные прутья рѣшотки, какъ раздраженная львица. Прутья не подавались. Тогда она принесла изъ угла своей кельи огромный камень, служившій ей изголовьемъ, и бросила его съ такой силой, что одинъ пруть разлетѣлся въ дребезги. Второй ударъ совершенно вышибъ старый желѣзный крестъ, заслонявшій окно. Есть минуты, когда руки женщины приобретаютъ сверхъестественную силу. Въ одну минуту затворница схватила свою дочь за талью, и втащила въ келью.

— Надо вырвать тебя изъ бездны! шептала она.

Въ кельѣ она тихонько опустила ее на полъ, потомъ взяла опять на руки и стала носить ее, какъ-будто она прежняя маленькая Агнеса. Такъ ходила она по келейкѣ, веселая до безумія, пѣла, кричала, цѣловала свою дочку, говорила, плакала, хохотала, и все въ одно время.

— Вотъ у меня опять есть дочь! Господь возвратилъ мнѣ ее. Идите сюда всѣ, смотрите на мое счастье! Господи, какъ она хороша! Ты заставилъ меня пятнадцать лѣтъ дожидаться ее, Господи, но зато какъ она и похорошѣла. Такъ цыганки ея не съѣли! Кто бы могъ это подумать! Дочка моя, поцѣлуй же меня! Эти добрыя цыганки! Я люблю цыганокъ! Да, это ты. Такъ вотъ отчего всегда билось у меня сердце, когда ты приходила, а я-то принимала это за ненависть! Прости меня, моя Агнеса, прости! Ты вѣдь думала, что я очень зла, несправда ли? Какъ я люблю тебя! Покажи-ка, цѣлуй

ли у тебя знакъ на шейкѣ? Вотъ онъ. О, какъ она хороша! Это я вамъ дала такіе большіе глаза, сударыня. Цѣлуй же меня! Я люблю тебя! Теперь мнѣ все-равно, что у другихъ есть дѣти; что мнѣ до другихъ матерей? Пусть-ка посмотрятъ какая у меня дочь! Какая у ней шейка, глазки, волосы, руки! Найдите мнѣ что-нибудь лучше этого! О, сколько у ней будетъ поклонниковъ! Я плакала пятнадцать лѣтъ; вся моя красота перешла къ ней. Цѣлуй меня!

Много говорила она безсвязныхъ рѣчей, вся прелесть которыхъ была въ тонѣ голоса; осматривала дочку такъ, что бѣдной дѣвухѣ приходилось краснѣть; приглаживала ей волосы, цѣловала ноги, колѣни, лобъ, глаза, восхищалась всѣмъ. Дѣвушка не мѣшала ей, тихо, съ невыразимой нѣжностью повторяя: матушка!

— Дочка моя, говорила Гудула, прерывая рѣчь поцѣлуями: — какъ я буду любить тебя. Мы уйдемъ отсюда и будемъ счастливы: У меня есть маленькое наслѣдство въ Реймсѣ, на нашей родинѣ. Ты знаешь Реймсѣ? О нѣтъ, ты не можешь этого помнить, ты была такая малютка! Еслибъ ты знала, что за прелесть была ты четырехъ мѣсяцевъ! На твои маленькія ножки приходили любоваться изъ Еперней, а это въ семи лье! У насъ будетъ поле и домикъ. Мы будемъ спать на одной кровати. Господи, Господи! Кто бы подумалъ это! Я нашла свою дочку!

— О, матушка! сказала дѣвушка, оправившись наконецъ отъ волненія: — цыганка мнѣ часто говорила... У насъ была одна добрая цыганка, она умерла въ прошломъ году, она ходила за мной какъ кормилица. Она-то и надѣла мнѣ этотъ мѣшочекъ на шею. Она мнѣ всегда говорила: береги эту вещь, малютка. Это сокровище. По ней ты отыщешь свою мать. Ты носишь свою мать на шеѣ. Вотъ и сбылось ея предсказаніе!

Затворница снова прижала дочь къ груди.

— Дай расцѣловать тебя, какъ мило ты рассказываешь это. Когда придемъ на свою сторону, мы пожертвуемъ маленькому спасителю твои крошечные башмачки. Мы должны сдѣлать это для пресвятой Богородицы. Господи! какой у тебя пріятный голосъ! Когда ты говорила сейчасъ, это была настоящая музыка! Господи, мой создатель! Я отыскала свое дитя! Да можно ли этому повѣрить! Вѣрно люди не умираютъ, если я осталась жива послѣ этакой радости.

И она снова захлопала въ ладоши, засмѣялась, и все повторяла:

— О, какъ мы будемъ счастливы!

Въ эту минуту раздался звукъ оружія и лошадиный топотъ со стороны соборнаго моста, и слышался все ближе и ближе. Цыганка съ ужасомъ кинулась къ матери.

— Спасите, спасите меня, матушка! Это они ѣдутъ!

Затворница поблѣднѣла.

— О, Господи! Я было и забыла! Тебя преслѣдуютъ! Чтоже такое ты сдѣлала?

— Не знаю, отвѣчала бѣдняжка: — по меня осудили на смерть.

— На смерть! повторила Гудула, шатаясь какъ отъ громового удара. — На смерть! медленно повторила она, пристально глядя на дочь.

— Да, матушка, отвѣчала полумертвая дѣвушка: — они хотятъ убить меня. Эта висѣлица для меня. Спасите, спасите! Вотъ они!

Затворница оставалась нѣсколько минутъ неподвижна какъ статуя, потомъ покачала головою, и наконецъ разразилась прежнимъ ужаснымъ смѣхомъ.

— Не можетъ быть! это сонъ! Какъ, я нашла тебя послѣ пятнадцатилѣтней муки, и только на одну минуту! И ее у меня отнять теперь, когда она стала такая красивая, большая, говорить со мной, любить меня; и теперь они съѣдятъ ее на моихъ глазахъ, на глазахъ матери! О нѣтъ! Это невозможно. Господь не допускаетъ такихъ вещей.

Кавалькада казалось приостановилась и вдали послышался голосъ:

— Сюда, мессиръ Тристанъ! Священникъ говоритъ, что мы найдемъ ее у Крысей норы.

Лошади опять поскакали.

Гудула вскочила съ ужаснымъ крикомъ:

— Спасайся! Спасайся! Дитя мое! Я все теперь вспомнила. Ты права, это идетъ смерть! Ужасъ! Проклятіе! Спасайся!

Она взглянула въ окно и отшатнулась.

— Останься! сказала она глухимъ голосомъ, конвульсивно сжимая руку Эсмеральды. Останься и молчи! Солдаты вездѣ, тебѣ нельзя теперь выйти, слишкомъ свѣтло.

Глаза ея были воспалены и сухи. Она помолчала съ минуту и стала ходить по кельѣ, вырывая горстями свои сѣдые волосы и разрывая ихъ потомъ зубами.

Вдругъ она сказала :

— Вотъ они. Я буду говорить съ ними. Спрячься тутъ въ уголь. Они тебя не увидятъ. Я скажу имъ , что ты вырвалась , что я тебя отпустила. Она спустила съ рукъ Эсмеральду въ самый отдаленный уголокъ кельи , усадила ее такъ , чтобы не выставлялись ни руки , ни ноги , распустила ей волосы по платью , поставила передъ ней свою кружку и камень , единственную свою мебель , воображая что кружка и камень загородятъ ее и сдѣлавши все это , упала на колѣни и стала молиться. День только еще начинался и большая часть кельи была совершенно темна.

Тогда , вблизи отъ окошка , раздался голосъ священника , этотъ адскій голосъ.

— Сюда , капитанъ Фебъ де-Шатоперъ !

При этомъ имени , при этомъ голосъ , Эсмеральда сдѣлала первое движеніе.

— Не шевелись ! крикнула ей Гудула.

Цѣлая толпа вооруженныхъ всадниковъ окружила келью. Мать тотчасъ встала и подошла заслонить окно. На площади стояла бездна войска. Начальникъ сошелъ съ лошади и обратился къ ней :

— Мы ищемъ одну колдунью , которую нужно повѣсить , сказалъ этотъ человекъ съ страшнымъ лицомъ : — намъ сказали , что она у тебя.

Бѣдная мать старалась принять самый равнодушный видъ , отвѣчая :

— Не знаю я о чемъ вы спрашиваете.

— Чортъ побери , чтоже намъ толковалъ этотъ безумный архидіаконъ ! Да гдѣ онъ ?

— Монсьеёръ , онъ исчезъ , отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ.

— Ну , старая колдунья , не лги. Тебѣ поручили цыганку , что ты съ ней сдѣлала ?

Завторница разочла , что отпираться ото всего не нужно и отвѣчала грубымъ , но искреннимъ тономъ :

— Если вы говорите о той высокой дѣвушкѣ , которую было мнѣ навязали , то скажу вамъ , что она меня укусила и я ее выпустила. Вотъ вамъ и все. Оставьте меня въ покоѣ !

— Начальникъ сдѣлалъ гримасу.

— Смотри не лги , старое чучело ! Меня зовутъ Тристаномъ л'Ермита и я кумъ короля , слышишь ? Это имя здѣсь знаютъ , прибавилъ онъ , оглядываясь на площадь.

— Будьте вы хоть самъ сатана, отвѣчала Гудула, начинавшая питать нѣкоторую надежду: — и тогда мнѣ нечего будетъ сказать вамъ болѣе, и я также мало васъ испугаюсь.

— Вотъ такъ кумушка, чортъ возьми! А колдунья ушла! Куда могла она направиться?

— Кажется въ улицу Мутонъ, равнодушно отвѣчала Гудула.

Тристанъ отвернулся и здѣлалъ знакъ своему отряду продолжать путь.

Затворница вздохнула свободно.

— Монсенъеръ, вдругъ сказалъ одинъ стрѣлокъ: — распросите-ка у старухи, почему у ея окна такъ попорчена рѣшотка.

Этотъ вопросъ снова поселилъ ужасъ въ сердцѣ бѣдной матери. Однако она несовѣмъ потеряла присутствіе духа:

— Она всегда была такая, пробормотала она.

— Ба! подхватилъ стрѣлокъ: — еще вчера здѣсь былъ крестъ.

Тристанъ изкоса взглянулъ на старуху.

— Кажется кумушка смѣшалась!

Несчастливая чувствовала, что все будетъ зависеть отъ ея твердости и начала ухмыляться. У однихъ матерей бываетъ на столько силы воли.

— Ну этотъ пріятель пьянъ! сказала она. — Уже болѣе года телѣга съ камнями ударила задомъ въ мое окно и повредила рѣшотку, я даже выбрала тогда извозчика.

— Это правда, сказалъ другой стрѣлокъ: — я былъ при этомъ.

Всегда находятся люди въ толпѣ, видѣвшіе все на свѣтѣ.

Этотъ неожиданный свидѣтель ободрилъ Гудулу, которая до того была какъ на горячійхъ угольяхъ.

Но судьба постоянно повергала ее изъ свѣта въ мракъ.

— Еслибы это сдѣлала телѣга, сказалъ первый солдатъ: — прутья вогнулись бы внутрь, а теперь они вышли наружу.

— О-о! сказалъ Тристанъ солдату: — да у тебя чутье слѣдователя въ Шателе! отвѣчай на это, старуха!

— Боже мой! вскричала она съ отчаяніемъ и голосомъ, въ которомъ невольно прорывались слезы. — Клянусь вамъ, монсенъеръ, что эго сдѣлала телѣга. Вы вѣдь слышали, что солдатъ былъ при этомъ. Ктому же это вѣдь вовсе не касается вашей цыганки!

— Гм! проворчалъ Тристанъ.

— Чортъ возьми! продолжалъ солдатъ, ободренный похваломъ Тристана: — по обломкамъ видно, что дѣло было недавно.

Тристанъ покачалъ головою. Она поблѣднѣла

— Давно ли проѣзжала телѣга?

— Мѣсяць тому назадъ, можетъ быть даже двѣ недѣли, ужъ я не-помню!

— Сначала она говорила въ прошломъ году, замѣтилъ солдатъ.

— Здѣсь что-то да не такъ! сказалъ прево.

— Монсенъёръ! кричала она все не отходя отъ окна и смертельно боясь, чтобы подозрѣніе не внушило имъ мысль заглянуть къ ней въ келью: — клянусь вамъ, что это сломала телѣга. Клянусь вамъ всѣми ангелами! Пусть буду я проклята, если-то была не телѣга!

— Ты что-то уже слишкомъ клянешься! сказалъ Тристанъ съ своимъ инквизиторскимъ взглядомъ.

Бѣдная женщина чувствовала, что ее покидаетъ присутствіе духа, и что она говоритъ вовсе не то что слѣдуетъ.

Тутъ прибѣжалъ другой солдатъ:

— Монсенъёръ, старая вѣдьма насъ обманула. Въ улицѣ Мутонъ всю ночь протянута была цѣпь и сторожъ не видалъ никого.

Тристанъ, лицо котораго становилось каждую минуту ужаснѣе, крикнулъ Гудулъ:

— Ну что ты намъ скажешь на это?

Она попробовала выйти и изъ этого затрудненія:

— Я могла ошибиться, монсенъёръ, можетъ-быть цыганка переныла рѣку.

— Теперь она показываетъ на противоположную сторону, сказалъ прево. — Да кому же невѣроятно, чтобъ она воротилась туда гдѣ ее искали. Ты лжешь, старуха!

— Да и лодокъ нѣтъ ни у одного берега, сказалъ первый солдатъ.

— Она переныла безъ лодки, возразила затворница, хватаясь за соломку.

— Развѣ бабы умѣютъ плавать! сказалъ солдатъ.

— Чортова вѣдьма, ты лжешь! вскричалъ Тристанъ. — Меня разбираетъ охота бросить ту цыганку и повѣсить тебя. Пытка можетъ-быть развяжетъ тебѣ языкъ. Иди за нами!

Она жадно ухватилась за эти слова.

— Какъ вамъ угодно, монсенъёръ, я готова; чтоже, пытайте! Берите меня! Только поскорѣе. — Въ это время дочка моя спасется, подумала она.

— Чортъ побери, какая любовь къ пыткамъ! сказалъ прево. — Не понимаю я эту безумную.

Старый, съдой сержантъ вышелъ изъ ряда и подошелъ къ прево.

— Она дѣйствительно безумная, монсенъёръ. Не по своей охотѣ выпустила она цыганку: она ихъ страхъ не любить. Пятнадцать лѣтъ я здѣсь стою въ караулѣ и каждый вечеръ слышу, какія она посылаетъ проклятія всѣмъ цыганскимъ женщинамъ. Если та, которую мы ищемъ, маленькая танцовщица съ козочкой, такъ ее-то она особенно ненавидитъ.

Гудула сдѣлала надъ собою усиліе:

— Да, да, ее особенно!

Показанія всѣхъ сторожей подтвердили слова старика.

Тристанъ, не надѣясь ничего выпытать у старухи, повернулся къ ней задомъ, а она съ невыразимой мукой смотрѣла, какъ онъ медленно подходилъ къ своей лошади.

— Ну ѣдемъ дальше! сказалъ онъ: — я не засну пока не будетъ повѣшена эта цыганка!

Однакожь онъ простоялъ еще нѣсколько времени въ раздумьи. Гудула чуть-живая слѣдила за его глазами, озиравшими площадь, какъ охотничьи собаки, чутьемъ заслышавшія близость звѣря и нерѣшающіяся удалиться. Наконецъ онъ потрясъ головою и вспрыгнулъ на лошадь. Сердце Гудулы встрепенулось; она тихо шептала, бросивъ украдкой взглядъ на свою дочь: Спасена!

Бѣдная дѣвушка долго оставалась въ углу, слерживая дыханіе, не шевелясь, чувствуя смерть за собою. Она слышала сцену между Тристаномъ и матерью и каждая фраза отозвалась въ ея сердцѣ. Она чувствовала какъ лопается нить, удерживающая ее надъ бездной, тысячу разъ думала, что все кончено и только что позволила себѣ вздохнуть свободно. Въ ту самую минуту раздался голосъ, говорящій прево: шутъ ихъ ѣшь, г. прево! Въшатъ колдунью вовсе не дѣло военнаго человѣка. Мы усмирили всю сволочь, теперъ доканчивайте вы остальной. Позвольте мнѣ отправиться къ своему отряду: онъ остался безъ капитана. Голосъ этотъ принадлежалъ Фебу де Ша-топеръ. Нельзя выразить то что произошло въ душѣ Эсмеральды. Такъ онъ здѣсь, ея другъ, ея опора, ея покровитель, ея приближище, ея Фебъ! Она встала и прежде нежели мать успѣла остановить ее, бросилась къ окну и закричала:

— Ко мнѣ! Ко мнѣ, мой Фебъ!

Но Феба уже не было. Онъ усккалъ въ галопъ на уголъ улицы Кутелери. А Тристанъ еще не уѣхалъ.

Затворница съ воплемъ кинулась къ дочери, оттащила ее отъ окна, вонзивъ ей ногти въ шею. Мать тигрица не постоитъ за этимъ. Но было уже поздно. Тристанъ все видѣлъ.

— Эге! сказалъ онъ со смѣхомъ, выказавшимъ все его зубы и сдѣлавшимъ его лицо похожимъ на волчью пасть: — двѣ мыши въ одной мышеловкѣ!

— Я подозрѣвалъ это, сказалъ солдатъ.

Тристанъ потренилъ его по плечу.

— Ты славный котъ!

— Ну, гдѣ же Генріе Кузенъ?

Человѣкъ не въ военной одеждѣ вышелъ изъ рядовъ. Платье его было сѣрое пополамъ съ коричневымъ, волосы лежали плоско, рукава были кожаные, въ огромныхъ рукахъ онъ держалъ веревки. Этотъ человѣкъ также не покидалъ Тристана, какъ Тристанъ Людовика XI.

— Пріятель, сказалъ Тристанъ, я думаю что это именно та колдунья, которую мы ищемъ. Повѣсь-ка ее тотчасъ. Гдѣ твоя лѣстница?

— Лѣстница есть въ сараѣ дома съ колоннами. Такъ мы тутъ ее и повѣсимъ? спросилъ Кузенъ, указывая на вѣстлицу.

— Да.

— Гм. Намъ недалеко придется идти, сказалъ палачъ, съ какимъ-то скотскимъ смѣхомъ.

— Ну поскорѣй, послѣ посмѣешься, сказалъ Тристанъ.

— Съ тѣхъ поръ какъ Тристанъ увидѣлъ Эсмеральду и исчезла надежда на спасенье, затворница не произнесла еще ни слова. Она отбросила дочь въ самый отдаленный уголъ и снова встала перёдъ окномъ, выставивъ руки какъ когти. Безумный взглядъ ея смѣло устремлялся на всѣхъ солдатъ. Когда Генріе Кузенъ подошелъ къ ней, она сдѣлала такую ужасную мину, что даже онъ отшатнулся.

— Монсеньёр! Которую будемъ вѣшать? спросилъ онъ у прево.

— Молодую.

— Тѣмъ лучше, потому что старуха не очень податлива.

— Бѣдная, маленькая танцовщица, сказалъ старый сержантъ.

— Генріе Кузенъ снова подошелъ къ окну. Взглядъ матери за-

ставилъ его опустить глаза. Онъ произнесъ довольно нерѣшительно: сударыня!

Она прервала его тихимъ и злобнымъ голосомъ: что тебѣ нужно?

— Не васъ, другую, сказалъ онъ.

— Какую другую?

— Молодую.

— Она начала трясти головою съ крикомъ: — никого нѣтъ, никого нѣтъ, никого нѣтъ...

— Вы очень хорошо знаете, что есть. Отдайте мнѣ молодую, вамъ я ничего не сдѣлаю.

— А, ты мнѣ ничего не сдѣлаешь! сказала она съ страннымъ смѣхомъ.

— Отдайте мнѣ другую, сударыня, это воля г. прево.

Она повторила съ совершенно безумнымъ видомъ: «никого нѣтъ.»

— Говорю вамъ, что есть, возразилъ палачъ: — мы всѣ видѣли, что васъ было двое.

— Посмотри самъ, сказала подсмѣиваясь затворница. Ну, всунь голову въ окошко.

Онъ видѣлъ ея длинныя ногти и не рѣшился.

— Живѣе, крикнулъ Тристанъ, разставившій своихъ солдатъ вокругъ Крысьей норы и поджидавшій верхомъ около самой висѣлицы.

Генріе снова воротился съ прево въ большомъ замѣшательствѣ. Онъ положилъ веревку на землю и неловко вертѣлъ въ рукахъ шляпу. — Монсеньёръ! спросилъ онъ: — какъ же войти туда!

— Въ дверь.

— Двери нѣтъ.

— Ну такъ въ окно.

— Окно слишкомъ узко.

— Разширь его, гнѣвно сказалъ Тристанъ: — вѣдь съ тобой есть инструменты.

Бѣдная мать не покидала своего оборонительнаго поста. Она ужь больше ненадѣялась, сама не знала что дѣлаетъ, знала что у нея хотятъ взять дочь.

Генріе Кузень пошелъ за инструментами въ домъ съ колонами, захватилъ оттуда же лѣстницу и приставилъ ее къ висѣлицѣ. Пять человекъ принялись за работу и самъ Тристанъ пошелъ съ ними.

— Старуха, сказалъ прево строгимъ голосомъ : — отдай намъ честию эту дѣвушку.

Она на него посмотрѣла, какъ будто не поняла его словъ.

— Чортъ возьми, вмѣшался Тристанъ, — что тебѣ за охота вступаться за эту колдунью, которую король велѣлъ повѣсить!

Несчастливая снова захохотала.

— Что мнѣ за охота? Да это моя дочь.

Тонъ, которымъ произнесла она эти слова заставилъ содрогнуться самого Кузена.

— Очень жаль, сказала Прево : — но это воля короля.

— Какое мнѣ дѣло до твоего короля. Я говорю тебѣ, что она моя дочь.

— Ломайте стѣну, сказалъ Тристанъ.

Для того чтобы можно было пролѣзть въ отверстие, стоило только вытащить одинъ камень подъ самымъ окномъ.

Когда мать услышала, что ея крѣпость подается, она испустила страшный крикъ и начала кружиться по кельѣ, какъ дикій звѣрь въ своей клѣткѣ. Она молчала, только глаза у нея горѣли. Солдатамъ становилось страшно.

Вдругъ она схватила свой камень и бросила его въ рабочихъ Руки у нея такъ дрожали, что камень пролетѣлъ мимо и упалъ къ ногамъ лошади Тристана. Она заскрежетала зубами.

Солнце еще не всходило, но было уже очень свѣтло. Прелестный розовый отливъ покрывалъ уже старыя трубы съ колонами. Это былъ часъ, въ который самые ранніе обитатели города раскрываютъ свои окна. Нѣсколько пешеходовъ и зеленщиковъ, верхомъ на ослахъ, проѣзжали по площади. Они на минуту останавливались у Крысей норы, съ удивленіемъ оглядывали солдатъ и ѣхали дальше.

Затворница съѣла подлѣ дочери, заслоняя ее своимъ тѣломъ, не сводя глазъ съ несчастной, которая не шевелилась, а только тихо шептала: «Фебъ, Фебъ!» По мѣрѣ того какъ работа приходила къ концу, Гудула машинально отодвигалась и притискивала къ стѣнѣ Эсмеральду. Наконецъ камень зашевелился и послышался голосъ Тристана, ободрявшій рабочихъ; тогда мать вышла изъ оцѣненія и начала говорить. Голосъ ея былъ то рѣзокъ какъ пила, то невнятенъ какъ-будто всѣ проклятія тѣснились на ея губахъ и хотѣли сорваться разомъ: «О, вѣдъ это ужасно! вы разбойники! неужели вы въ самомъ дѣлѣ отнимете у меня дочь? Говорю вамъ, что она моя дочь. О, подлецы! о слуги палачей! подлые убійцы! спасите,

спасите! Неужели они такъ и отнимуть мое дитя? Да гдѣ же Богъ послѣ этого?

Потомъ она обратилась къ Тристану съ пѣною у рта, стоя на четверенькахъ, какъ пантера съ всклокоченными волосами:

— Ну-ка, иди брать мою дочь. Развѣ ты не понимаешь, что я ея мать? Знаешь ли ты, что значить имѣть ребенка? Кровожадный волкъ, развѣ ты не жилъ съ своею волчицею. Развѣ у тебя не было волченка? Неужели внутри тебя не шевелится ничего, когда ревуть твои дѣтеныши?

— Отнимите камень, сказалъ Тристанъ: — онъ ужь чуть держится.

Камень вытащили. Это была послѣдняя защита бѣдной матери. Она бросилась на него, старалась удержать, но усилія шести рукъ превозмогли: камень тихо скатился на землю.

Тогда Гудула бросилась поперегъ отверстія, ломая руки, колотясь головою о камень и крича голосомъ уже едва слышимымъ отъ утомленія:

— Спасите! спасите! спасите!

— Берите! сказалъ Тристанъ своимъ безстрастнымъ голосомъ. Мать такъ взглянула на солдатъ, что они призадумались.

— Ну, ступай ты, Генриэ Кузенъ, сказалъ прево.

Никто не тронулся съ мѣста.

— Какъ, военные люди бояться женщины! крикнулъ прево.

— Это вы называете женщиной, монсенъёръ? сказалъ Кузенъ.

— У нея грива какъ у львицы, добавилъ другой.

— Ну, отверстіе теперь очень широко, ступайте трое разомъ, какъ на приступѣ въ Монтуазъ. Ну, довольно промѣшкали! Перваго, который отступитъ, я разсѣку на двое!

Солдаты, поставленные между двумя опасностями, поколебались еще съ минуту, наконецъ рѣшились и направились къ Крысьей норѣ.

Когда затворница увидѣла это, то встала на колѣни, отвела отъ лица свои волосы и болѣзненно опустила свои исхудалыя руки. Крупныя слезы покатались одна за другою и стекали по глубокой морщинѣ вдоль ея щокъ, какъ потокъ уже по промытому руслу. Она заговорила такимъ тихимъ, кроткимъ, надрывающимъ душу голосомъ, что многіе изъ застарѣлыхъ молодцовъ Тристана утирали себѣ глаза.

— Одно слово, господа сержанты! Послушайте что я вамъ

скажу. Это вѣдь моя дочь! моя милая дочка, которая долго пропадала! Слушайте, это цѣлая исторія! Надо вамъ сказать, что я очень хорошо знаю господъ сержантовъ. Они всегда были добры ко мнѣ въ то время, когда маленькіе мальчишки кидали въ меня камнями, зато что я публичная женщина. Вы оставите мнѣ мое дитя, когда узнаете все. Я бѣдная отверженная женщина. У меня дочь украли цыганки. Я цѣлыя пятнадцать лѣтъ берегла ее башмачекъ, вотъ онъ, посмотрите! У ней тогда была такая ножка. Въ Реймсѣ, въ улицѣ Folle Peine, вы можетъ-быть знавали Шантолерн. Это и была я. Помните, какіе хорошіе дни случалось вамъ проводить тогда, во время вашей молодости. Ну, вы конечно сжалитесь надо мною! Ее украли цыганки и держали пятнадцать лѣтъ. Я думала, что ея нѣтъ на свѣтѣ. Представьте себѣ, друзья мои, я думала что она умерла! Пятнадцать лѣтъ я провела въ этомъ погребѣ, безъ топлива зимою. Не легко вѣдь это. Бѣдный маленькій башмачекъ! Я такъ молилась, что Господь меня услышалъ и въ эту ночь отдалъ мнѣ мою дочку. Это вѣдь чудо. Она не умерла; неужели вы захотите отнять ее у меня? Убить меня, другое дѣло, но ей еще только пятнадцать лѣтъ; дайте ей посмотрѣть на божій свѣтъ! Что могла она вамъ сдѣлать? Конечно ничего! и я вѣдь также! Вѣдь я стара, она для меня все на свѣтѣ, сама Божія-матерь дала ее мнѣ въ утѣшеніе. Вы всѣ такіе добрые! Вы не знали, что она моя дочь, а теперь знаете. О, какъ я люблю ее! Господинъ прево, мнѣ легче вытерпѣть самую лютую муку, нежели видѣть царапину на ея пальчикѣ! Вы такой добрый господинъ! Вѣдь я теперь вамъ все разъяснила, несправда ли? О, если у васъ была мать, монсенъёръ, во имя ея оставьте мнѣ мое дитя, — вы здѣсь начальникъ! Умоляю васъ на колѣняхъ, какъ молятъ Иисуса-Христа! Я ничего не хочу больше. Я изъ Реймса, господа; мнѣ тамъ досталась небольшая земля послѣ дяди Прадона. Я не нищая. Я прошу только свое дитя. О, оставьте мнѣ мое дитя! Самъ Господь-Богъ не отнялъ ея у меня! Король! Вы говорите король! Что ему за удовольствіе убить мою дочку! Вѣдь король добрый! Это моя дочь, моя! Она не королевская и не ваша! Мы уйдемъ съ ней отсюда. Развѣ можно не пропустить мать съ дочерью! Пустите насъ, мы идемъ въ Реймсѣ! О, вы очень добры, господа сержанты, я васъ всѣхъ такъ люблю! Вы не возьмете у меня мою малютку, это невозможно! Совершенно вѣдь невозможно! Дитя мое! Дитя мое!

Невозможно передать ея жеста и тона голоса: она глотала сле-

зы, складывала и ломала руки, улыбалась надрывающей сердце улыбкой, стонала, вздыхала и посреди ея безсвязныхъ словъ вырывался какой-то ужасный, поражающій вопль. Когда она замолкла, Тристанъ нахмурилъ брови, но это было для того, чтобы скрыть на-вернувшуюся слезу въ своихъ звѣрскихъ глазахъ. Скоро онъ пере-силилъ эту слабость и отрывисто произнесъ.

— Такъ хочеть король!

Потомъ онъ шепнулъ на ухо Кузену: — кончай скорѣе! Кажется и у этого челоѣвка дрогнуло сердце.

Палачъ и сержанты вошли въ келью. Мать не стала сопротивляться, только подползла къ дочери и упала на нее всѣмъ тѣломъ. Приближеніе солдатъ вывело Эсмеральду изъ оцѣпенѣнія. Ужась смерти снова овладѣла ею:

— Матушка! матушка! Они идутъ, защитите меня! вскричала она.

— Да, да, сердце мое! я защищаю тебя! отвѣчала мать ослабѣвшимъ голосомъ, прижимая ее къ груди и осыпая поцѣлуями. Эти двѣ женщины возбуждали невыразимую жалость.

Генріе Кузенъ взялъ дѣвушку за плечи. При этомъ прикосновеніи, она съ отвращеніемъ вскрикнула и лишилась чувствъ. Палачъ, у котораго градомъ катились слезы, хотѣлъ взять ее на руки и старался разнять руки Гудулы, крѣпко обнявшей дочь за талію, но это было невозможно. Генріе Кузенъ долженъ былъ тащить мать и дочь вмѣстѣ.— У матери глаза тоже были закрыты.

Солнце уже всходило, и на площади было довольно народу, издали смотрѣвшаго что это такое странное тащить къ висѣлицѣ. Тристанъ никогда не позволялъ подходить близко къ мѣсту казни.

Въ окнахъ никто не показывался. На одной изъ башенъ собора Богоматери, выходявшей на площадь, рисовались чернымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ двѣ наблюдавшія фигуры.

Генріе Кузенъ остановился у висѣлицы и съ замѣтнымъ волненіемъ накиннулъ петлю на прелестную шею дѣвушки. Бѣдняжка почувствовала страшное прикосновеніе, раскрыла глаза, увидала передъ собою ужасные столбы, начала сильно биться и вскрикнула раздирающимъ голосомъ: «Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу!» Мать, голова которой была закрыта платьемъ дѣвушки, не сказала ни слова, только вздрогнула и еще крѣпче начала цѣловать свое дитя.

Палачъ воспользовался этимъ, чтобы разнять ея руки. Она не сопротивлялась отъ утомленія и отчаянія. Онъ поднялъ дѣвушку на

плечи, откуда ея граціозная фигура склонилась согнутая вдвое къ его широкой головѣ. Тогда онъ сдѣлалъ первый шагъ на лѣстницу.

Въ эту минуту, мать лежавшая на мостовой, раскрыла глаза, встала не говоря ни слова, только лицо ея было ужасно, и бросилась какъ хищный звѣрь на руку палача. Палачъ заревѣлъ отъ боли. Подошли люди и насилу могли вынуть его окровавленную руку изо рта матери. Она продолжала молчать. Ее оттолкнули и замѣтили, что голова ея какъ-то тяжело рухнула о мостовую. Ее приподняли, но она снова упала, потому что была мертва.

Палачъ пошелъ по лѣстницѣ съ молодой дѣвушкой.

II

LA CREATURA BELLA BIANCO VESTITA (Dante)

Когда Квазимодо увидѣлъ, что келейка пуста и что Эсмеральду похитили въ то время какъ онъ защищалъ ее, онъ обѣими руками схватилъ себя за волосы, затоналъ и закричалъ отъ удивленія и горя. Потомъ, онъ обѣгалъ всѣ углы церкви, отыскивая свою цыганку, испуская дикіе вопли, и всюду оставляя клочья своихъ рыжихъ волосъ. Это было именно въ ту минуту, какъ королевскіе стрѣлки входили побѣдителями въ соборъ, отыскивая въ свою очередь Эсмеральду. Бѣдный глухарь безсознательно помогалъ имъ въ этомъ: онъ думалъ, что бродяги были враги цыганки. Онъ самъ водилъ Тристана по всѣмъ закоулкамъ, открывая ему потаенные выходы и будь несчастная дѣвушка спрятана въ церкви, онъ выдалъ бы ее своими руками.

Когда поиски утомили Тристана, а это случилось не скоро, Квазимодо все еще продолжалъ искать одинъ. Онъ сто разъ обшарилъ всю церковь вдоль и поперекъ, сверху и донизу, ходилъ по лѣстницамъ, обѣгалъ, кричалъ, нюхалъ, просовывалъ голову въ каждое большое отверстіе, освѣщалъ фонаремъ каждый сводъ и сходилъ съ ума отъ неудачи. Самецъ, потерявшій свою самку, не могъ бы быть свирѣѣе. Наконецъ, когда онъ совершенно увѣрился, что ея нѣтъ, что ее у него украли, что теперь нѣтъ больше надежды, онъ медленно пошелъ на башню по той самой лѣстницѣ, по которой лѣтелъ съ такимъ триумфомъ въ тотъ день, когда вырвалъ ее изъ рукъ

мучителей. Онъ прошолъ всѣ эти мѣста съ опущенной головою, безъ словъ, безъ слезъ, почти безъ дыханія.

Церковь опять опустѣла и погрузилась въ обычную тишину. Солдаты вышли изъ нея, чтобы продолжать свои поиски по городу. Квазимодо, оставшись одинъ въ этомъ обширномъ соборѣ, еще за минуту полномъ такого шума, направился къ келейкѣ, гдѣ провела столько недѣль Эсмемалда подь его защитой. У него оставалась еще смутная надежда найти ее тамъ. Когда, при одномъ поворотѣ на галерею, онъ увидѣлъ низенькую дверцу, приютившуюся подь сводомъ, какъ гнѣздо подь древесной вѣтвью, у него замерло сердце, и онъ прислонился къ одному изъ столбовъ. Вѣроятно, она воротилась, добрый геній опять привелъ ее сюда: эта комнатка такъ мила, такъ спокойна и безопасна, что она вѣрно тамъ. Да, говорилъ онъ самъ съ собою, она можетъ-быть спитъ или молится, — не надо мѣшать ей! Наконецъ онъ собрался съ духомъ, подошелъ на цыпочкахъ, заглянулъ и вошелъ. Пуста комнатка, пуста попрежнему. Медленно обошелъ онъ ее, перетряхнулъ постель, какъ будто Эсмемалда могла помѣститься между матрацомъ и поломъ, потомъ покачалъ головою и впалъ въ оцѣненіе. Вдругъ онъ бросилъ свой факелъ, съ бѣшенствомъ сталъ топтать его ногами и, не сказавъ ни слова, неиспустивъ ни вздоха, изо всей силы грянулся головою объ стѣну и упалъ безъ памяти.

Прійдя въ чувство, онъ бросился на постель, катался по ней, покрывалъ поцѣлуями то мѣсто, гдѣ такъ недавно еще покоилась дѣвушка и нѣсколько минутъ пролежалъ на немъ тихо, какъ будто готовился такъ умереть. Потомъ вскочилъ весь въ поту, задыхаясь, и началъ колотиться головою объ стѣну съ регулярностью колокольнаго языка и рѣшимостью челоуѣка разбиться въ прахъ.

Наконецъ, онъ еще разъ упалъ безъ чувствъ, потомъ выползъ на колѣняхъ изъ кельи и такъ и остался передъ дверью, глядя на нее съ тупымъ удивленіемъ. Такъ просидѣлъ онъ цѣлый часъ безъ движенія, съ глазами устремленными на комнатку, мрачнѣе и задумчивѣе матери, сидящей между пустою колыбелью и наполненнымъ гробомъ. Онъ не произносилъ ни слова, только, повременамъ, рыданіе потрясало все его тѣло, но рыданіе безъ слезъ, какъ лѣтняя молнія безъ грома.

Вѣроятно, въ это время ему вспало на мысль, что похитителемъ цыганки могъ быть архидіаконъ. Онъ припомнилъ, что у одного только Клода былъ ключъ отъ лѣстницы, ведущей къ келейкѣ; вспо-

мнилъ онъ также его два покушенія на дѣвушку, изъ которыхъ въ первомъ онъ помогаль, а во второмъ помѣшалъ ему. Припомнилъ многія подробности и рѣшилъ, что домъ Клодъ похитилъ у него цыганку.

Однакожь, такъ сильны были въ немъ уваженіе, благодарность и преданность своему покровителю, что и теперь нѣсколько времени они пересиливали чувство ревности и отчаянія.

При мысли, что похитилъ Эсмеральду архидіаконъ, яростная злоба, которую онъ почувствовалъ бы ко всякому другому, переходила въ невыразимую тоску.

Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда онъ думалъ объ архидіаконѣ, при свѣтѣ начинающагося дня, ему показалась движущаяся фигура на самой верхней галереи. Это былъ самъ Клодъ Фролло и шолъ ему навстрѣчу. Походка его была медленна; онъ двигался несмотря передъ собою и направлялся къ сѣверной башнѣ, между тѣмъ какъ глаза его были устремлены на правый берегъ Сены и голова поднята кверху какъ будто бы онъ силится разсмотрѣть что-то черезъ крыши. У совы часто бываетъ такое положеніе. Она летитъ въ одну сторону, а смотритъ въ другую. Такъ прошолъ Фролло надъ головою Квазимодо и не замѣтилъ его.

Глухарь, пораженный этимъ явленіемъ, видѣлъ какъ архидіаконъ вошолъ въ дверь, ведущую на сѣверную башню. Читатель знаетъ, что съ этой башни видѣнъ Hôtel de Ville. Квазимодо всталъ и пошолъ за нимъ слѣдомъ.

Квазимодо шолъ за священникомъ, чтобы узнать куда онъ направляется; что же дѣлать и говорить, еще не опредѣлилось въ головѣ бѣднаго звонаря. Въ душѣ его былъ гнѣвъ и страхъ. Архидіаконъ и Эсмеральда боролись въ его сердцѣ.

Дойдя до конца лѣстницы, онъ на минуту остановился въ тѣни, чтобъ высмотрѣть гдѣ Фролло. Архидіаконъ стоялъ къ нему спиною. Вокругъ колокольни есть узорчатая балюстрада. Священникъ прислонился грудью къ тому углу балюстрады, который выходилъ на соборный мостъ и смотрѣлъ на городъ.

Квазимодо на цыпочкахъ подошолъ посмотрѣть что его занимаетъ; впрочемъ, вниманіе Клода было до такой степени напряжено, что онъ не услыхалъ бы и обыкновенной походки.

Великолѣпное зрѣлище представлялъ Парижь, и особенно Парижь того времени, съ высоты соборныхъ башенъ, при первомъ свѣтѣ лѣтнаго дня. День былъ чисто іюльскій. Небо было безукори-

зненно чисто; нѣсколько запоздалыхъ звѣздочекъ медленно угасали, а одна ярко горѣла на востокѣ, тамъ гдѣ начиналась самая свѣтлая полоса неба. Солнце готовилось встать. Парижъ начиналъ шевелиться. Бѣловатый и чистый свѣтъ заставлялъ рѣзко выдаваться восточные планы тысячи домовъ. Гигантская тѣнь колоколенъ распространялась съ крыши на крышу, съ одного конца города на другой. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ былъ уже шумъ и говоръ. Здѣсь раздавался ударъ колокола, тамъ ударъ молотка, далѣе сложный шумъ отъ двигающейся телеги. Уже струйки дыма распространялись тамъ и сямъ надъ массою крышъ, какъ изъ трещинъ громаднѣйшаго волкана. Рѣка, воды которой покрыты рябью у столькихъ мостовъ и островковъ, блестѣла серебряными складками. За городомъ, глазъ терялся въ бѣловатомъ туманѣ, изъ котораго вырисовывались неопредѣленные линіи долинъ и граціозныя выпуклости холмовъ. Отголоски всякаго шума носились надъ просыпающимся городомъ. На восточной сторонѣ неба вѣтерокъ гналъ передъ собою нѣсколько бѣлыхъ ключевъ ваты, оторванныхъ отъ туманнаго покрывала холмовъ.

На площади, нѣсколько женщинъ съ кружками молока въ рукахъ, съ удивленіемъ указывали другъ другу на поврежденія въ главной соборной двери и на два ручья свинцу, застывшаго въ щеляхъ. Изъ всей ночной драмы остались только эти слѣды. Костеръ между башнями, зажженный Квазимодо, уже погасъ. Тристанъ уже распорядился, чтобъ очистили площадь и побросали тѣла въ рѣку. Корюки, подобные Людовику XI, любятъ скорѣе уничтожать слѣды бойни.

На наружной сторонѣ балюстрады, именно подъ тѣмъ угломъ, гдѣ стоялъ Клодъ, былъ одинъ изъ тѣхъ фантастическихъ жолобовъ, которыми усеяны готическія зданія, а въ отверстіи этого жолоба два цвѣтуція левкоя, будто кивавшія другъ другу отъ шаловливаго прикосновенія вѣтра. Надъ башнями, тамъ, въ самой высотѣ чиркали птицы.

По священникъ не видалъ и не слышалъ ничего этого. Онъ былъ изъ числа тѣхъ людей, для которыхъ не существуетъ утра, цвѣтовъ и птицъ. Изъ всего громаднаго горизонта, разстилавшагося передъ нимъ въ такихъ разнообразныхъ формахъ, глазъ его приковался только къ одной точкѣ.

Квазимодо нетерпѣливо желалъ спросить его что сдѣлалъ онъ съ цыганкой, но Фролло очевидно виталъ не въ здѣшнемъ мірѣ.

Это была одна изъ тѣхъ минутъ, въ которую человѣкъ останется нечувствительнымъ, если даже земля провалится подъ его ногами. Онъ стоялъ, устремивъ глаза на одну точку, неподвижно и молча, но въ этой неподвижности и въ этомъ молчаніи было что-то наводящее ужась, такъ что бѣдный звонарь не смѣлъ его нарушить. Онъ рѣшился слѣдить за взоромъ архидіакона, такъ какъ это было тоже способъ узнать что-нибудь, и такимъ образомъ глаза его упали на гревскую площадь.

Онъ увидалъ на что смотреть священникъ. То была лѣстница, приставленная къ висѣлицѣ, небольшая толпа народа и много солдатъ. Какой-то человѣкъ тащилъ по мостовой что-то бѣлое, къ которому прицѣпилось еще что-то черное. Человѣкъ этотъ остановился у висѣлицы. Тутъ произошло что-то, чего Квазимодо не могъ разсмотрѣть, не потому, чтобъ его единственный глазъ утратилъ дальнзоркость, но потому, что солдаты окружали группу. Кто-муже въ эту самую минуту взошло солнце и такой потокъ свѣта разлился по горизонту, что можно было подумать, будто все оконечности Парижа, стрѣлки, колокольни, трубы, флюгера вдругъ загорѣлись.

Между тѣмъ человѣкъ началъ всходить на лѣстницу. Тогда Квазимодо ясно его увидѣлъ. Онъ несъ на плечѣ женщину, дѣвушку, одѣтую въ бѣлое; у этой дѣвушки была петля на шеѣ. Квазимодо узналъ ее. Это была она.

Человѣкъ дошелъ до конца лѣстницы и сталъ устронвать петлю. Тутъ архидіаконъ, чтобъ лучше видѣть, всталъ на колѣни на балюстраду.

Вдругъ человѣкъ оттолкнулъ лѣстницу ногою, и Квазимодо, не переводившій все время дыханія, увидѣлъ на концѣ веревки, въ двухъ туазахъ отъ земли, качающуюся дѣвушку и страшнаго человѣка на ея плечахъ. Веревка нѣсколько разъ подпрыгнула и Квазимодо увидѣлъ, какъ тѣло цыганки содрогнулось ужасной судорогой. Священникъ тоже напряженно глядѣлъ на эту группу палача и женщины — мухи и паука.

Въ самую страшную минуту ужасный смѣхъ, смѣхъ демона, смѣхъ, которымъ можно смѣяться только переставши быть человекомъ, исказилъ блѣдное лицо архидіакона. Квазимодо не могъ слышать, но видѣлъ этотъ смѣхъ. Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и вдругъ; разбѣжавшись, изо всехъ силъ толкнулъ Клода въ бездну,

надъ которой тотъ наклонился. Священникъ вскрикнулъ : « проклятіе ! » и полетѣлъ внизъ.

Жолобъ внизу остановилъ его на время. Въ ту минуту, когда, отчаянно уцѣпившись за него руками, Клодъ Фролло готовился кричать о помощи, взглядъ его встрѣтилъ у балюстрады, надъ своей головою, страшное, полное мести лицо Квазимодо, и онъ не произнесъ ни звука.

Подъ нимъ была пропасть на разстояніи двухъ-сотъ футовъ и мостовая. Въ этомъ ужасномъ положеніи архидіаконъ не испустилъ ни одного стона, только истощилъ всевозможныя усилія подняться вверхъ, но тщетно : руки и ноги его только скользили по гладкой стѣнѣ. Лица, входившія на соборныя башни знаютъ, что есть каменная выпуклость подъ самой балюстрадой. На этотъ-то выступъ и силится взобраться несчастный архидіаконъ.

Квазимодо стоило только протянуть руку, чтобы спасти Клода, но онъ и не смотрѣлъ на него. Онъ смотрѣлъ на площадь, на вистлицу, на цыганку. Глухарь облокотился на балюстраду, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ за минуту стоялъ архидіаконъ, и тамъ стоялъ молча, неподвижно, какъ человѣкъ, пораженный громомъ ; только изъ глаза его, проронившаго до сихъ поръ одну только слезу въ цѣлую жизнь, слезы катились градомъ.

Между тѣмъ архидіаконъ выбивался изъ силъ. Съ его обнаженного лба потъ лилъ крупными каплями, изъ ногтей текла кровь. Онъ слышалъ, какъ при каждомъ усиліи рвалась его мантия, зацѣпившаяся за жолобъ. Къ довершенію ужаса жолобъ этотъ оканчивался оловянной трубой, которая гнулась отъ тяжести его тѣла. Архидіаконъ чувствовалъ, какъ она подается. Онъ сознавалъ, несчастный, что когда руки его затекутъ, мантия разорвется и труба разогнется, нужно будетъ упасть, и страхъ леденилъ его до мозга костей. По временамъ онъ взглядывалъ на родъ узкой площадки, случайно устроенной изъ скульптурныхъ украшеній, футахъ въ десяти ниже его и молилъ Бога, чтобы онъ допустилъ его провести весь остатокъ жизни на этомъ крошечномъ пространствѣ, еслибы даже довелось ему жить еще двѣсти лѣтъ. Одинъ только разъ онъ рѣшился взглянуть въ пропасть подъ своими ногами и волосы стали у него дыбомъ.

Молчаніе этихъ двухъ человѣкъ было ужасно. Между тѣмъ какъ архидіаконъ томился въ медленной агоніи у ногъ Квазимодо, тотъ все глядѣлъ на площадь и плакалъ.

Архидіаконъ, видя, что всё его усилія только ускоряютъ гибель, рѣшился не шевелиться. Такъ висѣлъ онъ едва дыша, обнявъ руками жолобъ и не дѣлая никакого движенія, кромѣ конвульсивнаго колебанія живота, которое испытываютъ во снѣ, падая съ высоты. Глаза его были болѣзненно-раскрыты. Мало-помалу руки его ослабѣвали, труба наклонялась все ниже и ниже. Онъ видѣлъ подъ собою ужасную вещь, кровлю церкви St-Jean le Rond, казавшуюся небольшою согнутой вдвое карты. Онъ поочередно взглядывалъ на скульптурныя украшенія, какъ и онъ висѣвшія надъ бездною, но они не страшились за самихъ себя и были безъ участія къ нему. Вокругъ него все было камень: передъ глазами каменные чудовища, внизу, тамъ далеко мостовая, надъ головою плачущій Квазимодо.

На площади составилось нѣсколько группъ любопытныхъ, разсуждавшихъ, какому чудаку пришла мысль лазить по башнѣ. Голоса ихъ долетали до Клода:

— Да эдакъ онъ рискуетъ сломать себѣ шею!

Квазимодо все плакалъ.

Наконецъ архидіаконъ, задыхаясь отъ страха и злобы, понялъ, что нѣтъ спасенія. Однакожь онъ собралъ остатокъ силъ, крѣпче уцѣпился за жолобъ, уперся колѣнями въ стѣну, уцѣпился ногтями за трещину въ стѣнѣ и поднялся на одинъ футъ повыше. Но это движеніе заставило вдругъ разогнуться трубу; въ ту же минуту разорвалось и его платье; тогда несчастный, державшійся только на затекшихъ рукахъ, закрылъ глаза, выпустилъ жолобъ и полетѣлъ внизъ.

Квазимодо слѣдилъ за его паденіемъ.

Паденіе съ такой высоты рѣдко идетъ перпендикулярно. Архидіаконъ сначала полетѣлъ внизъ головою съ распростертыми руками, потомъ нѣсколько разъ перевернулся. Вѣтеръ нанесъ его на какую-то кровлю и тогда онъ былъ еще живъ; глухарь видѣлъ какъ онъ старался уцѣпиться за ея окраину, но кровля была слишкомъ поката, а у него не было силы. Онъ мгновенно скатился съ крыши, какъ обвалившійся кирпичъ и ударился о мостовую. Тамъ ужъ онъ больше не шевелился.

Тогда Квазимодо снова поднялъ глаза на цыганку, тѣло которой вздрогнуло въ послѣднихъ судорогахъ, потомъ опять опустилъ ихъ на архидіакона, уже не имѣвшего человѣческой формы, и сказалъ съ страшнымъ рыданіемъ:

— О, все что я любилъ на свѣтѣ!

III

СВАДЬБА ФЕБА

Къ вечеру этого дня, когда судъ пришолъ поднять съ площади обезображеннае тѣло архидіакона, Квазимодо исчезъ изъ собора.

Много слуховъ ходило объ этомъ происшествіи. Всѣ давно знали, что рано или поздно Квазимодо, то-есть самъ дьяволъ, по договору долженъ взять душу колдуна, то-есть Клода Фролло. Предполагали, что онъ разбилъ тѣло, вынимая изъ него душу, какъ обезьяна разгрызываетъ скорлупу, вынимая орѣхъ.

Потому-то архидіаконъ и не былъ похороненъ въ святой землѣ.

Людвигъ XI умеръ годъ спустя, въ августъ мѣсяцъ 1483 года.

Пьеръ Гренгуаръ успѣлъ спасти козочку и имѣлъ успѣхъ въ трагедіи. Вероятно попробовавши астрологій, философій, архитектуры, герметики и всѣхъ безумныхъ вещей, онъ снова возвратился къ самой безумной, то-есть къ трагедіи. Это онъ называлъ: *дойти до трагическаго конца*. Вотъ что можно было прочесть объ его успѣхахъ въ годовомъ отчетѣ за 1483 годъ: «Жану Маршанъ и Пьеру Гренгуаръ, плотнику и сочинителю, за мистерію въ Шателе, по случаю прибытія г. легата, за постановку и одежду лицъ, такъ какъ требовалось въ упомянутой мистеріи, и также за необходимую при этомъ плотничную работу сто ливровъ.»

Фебъ де-Шатоперъ тоже дошолъ до трагическаго конца: онъ женился.

IV

СВАДЬБА КВАЗИМОДО

Мы уже сказали, что Квазимодо исчезъ изъ собора въ день смерти цыганки и архидіакона. Съ тѣхъ поръ его никто не встрѣчалъ и объ немъ не было слуховъ.

Въ ночь того дня, какъ повѣсили Эсмемальду, прислужники палача отнесли ея тѣло въ подвалъ въ Монфоконъ, какъ это дѣлалось обыкновенно.

Монфокопъ, говоритъ Соваль, былъ самымъ старымъ и самымъ великолѣпнымъ памятникомъ казней въ королевствѣ. Между предмѣстями Тамплъ и Сепъ-Мартенъ, на сто шестьдесятъ туазовъ отъ стѣны Парижа и на полетъ стрѣлы отъ Куртиль, видѣлось на плоскомъ возвышеніи зданіе, достаточно высокое для того, чтобы его можно было видѣть на нѣсколько лье кругомъ и напоминающее своей странной формой цельтичскіе храмы, въ которыхъ также приносились люди въ жертву.

Представьте себѣ, на вершинѣ извѣстковаго холма, огромный каменный паралелепипедъ, вышиною въ пятнадцать футовъ, шириною въ тридцать, длиною въ сорокъ, съ дверью, наружной лѣстницей и площадкой; на этой площадкѣ шестнадцать огромныхъ столбовъ изъ нетесааннаго камня, вышиною въ тридцать футовъ, расположенныхъ колонадой и соединенныхъ между собою огромными бревнами, на которыхъ прикрѣплены петли: а на этихъ петляхъ качаются скелеты; въ окрестностяхъ, въ долинѣ, каменный крестъ и двѣ висѣлицы второго разряда, какъ-будто отпрыски отъ главнаго корня; въ вышинѣ, надъ всѣмъ этимъ, постоянное сборище вороновъ; вотъ вамъ и Монфокопъ.

Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, эта государственная висѣлица, стоявшая съ 1328 года, начала приходить въ ветхость: перекладины сгнили, цѣпи заржавѣли, столбы покрылись плесенью; каменный фундаментъ расщелился и трава росла на этомъ полу, до котораго никогда не доставали человѣческія ноги. Профиль этого зданія на небѣ былъ ужасенъ, особенно ночью, когда луна освѣщала эти бѣлые черепа или когда вечерній вѣтеръ шевелилъ цѣпи и кости. Достаточно было одного этого зданія, для того чтобы вся окрестность приняла ужасающій видъ.

Каменный полъ, служившій основаніемъ этимъ столбамъ, былъ не сплошной. Подъ нимъ устроили обширный погребъ съ большой желѣзной рѣшотчатой дверью, куда бросали не только тѣ кости, которыя сваливались съ цѣпей Монфокона, но всѣ тѣла казненныхъ въ Парижѣ. Въ эту ужасную кладовую, гдѣ сгнило вмѣстѣ столько тѣлъ и скелетовъ, многіе сильные міра, многіе невинные принесли свои кости, начиная съ Енгеррана де-Мариньи, первой невинной жертвы Монфокона, до адмирала Колиньи, его послѣдней невинной жертвы.

Вотъ что успѣли мы узнать о чудесномъ исчезновеніи Квазимодо.

Два или полтора года спустя послѣ рассказанныхъ нами проис-

шествій, когда въ кладовой Монфокона стали отыскивать тѣло Оливье le Daim, повѣшеннаго два дня назадъ и которому Карлъ VIII дозволялъ быть погребену въ St.-Laurent въ болѣе приличномъ обществѣ, — между всѣмъ этимъ человѣческимъ прахомъ нашли два скелета, весьма странно держащіе другъ друга въ объятіяхъ. Одинъ изъ нихъ, принадлежавшій женщинѣ, сохранилъ еще нѣсколько лоскутковъ одежды, которая была бѣлая и на шеѣ у ней виднѣлось ожерелье изъ зеренъ какого-то растенія и на немъ зеленая ладонка, раскрытая и пустая. Предметы эти имѣли такъ мало цѣны, что палачъ, вѣроятно, не захотѣлъ взять ихъ себѣ. Другой скелетъ, крѣпко сжимавшій въ объятіяхъ женщину, принадлежалъ мужчинѣ. Торсъ его былъ замѣтно искривленъ, голова шла прямо отъ плечъ и одна нога была много короче другой. У него не былъ поврежденъ ни одинъ позвонокъ на затылкѣ, такъ что, безъ всякаго сомнѣнія, онъ никогда не былъ повѣшенъ. Итакъ, человѣкъ этотъ, очевидно, пришолъ сюда самъ и здѣсь умеръ. Когда начали отдѣлять его отъ другого скелета, онъ рассыпался въ прахъ.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

ГЛАВА VIII

(НЕБЫВШАЯ ВЪ ПЕЧАТИ)

ТОВАРИЩИ

Меня конечно болѣе тянуло къ своимъ, то-есть къ «дворянамъ», особенно въ первое время. Но изъ троихъ бывшихъ русскихъ дворянъ, находившихся у насъ въ острогѣ (Акимъ Акимыча, шпіона А-ва и того, котораго считали отцеубійцею) я знался и говорилъ только съ Акимъ Акимычемъ. Признаться, я подходилъ къ Акимъ Акимычу такъ-сказать съ отчаянія, въ минуты самой сильной скуки и когда уже ни къ кому кромѣ него подойти не предвидѣлось. Въ прошлой главѣ я было попробовалъ разсортировать всѣхъ нашихъ людей на разряды, но теперь, какъ припомнилъ Акимъ Акимыча, то думаю, что можно еще прибавить одинъ разрядъ. Правда, что онъ одинъ его и составлялъ. Это — разрядъ совершенно равнодушныхъ каторжныхъ. Совершенно равнодушныхъ, то-есть такихъ, которымъ было бы все равно жить, что на волѣ, что въ каторгѣ, у насъ разумѣется не было и быть не могло, но Акимъ Акимычъ кажется составлялъ исключеніе. Онъ даже и устроился въ острогѣ такъ какъ-будто всю жизнь собирався прожить въ немъ: все вокругъ него, начиная съ тюфяка, подушекъ, утвари, расположилось такъ плотно, такъ устойчиво, такъ надолго. Бивачнаго, временнаго не замѣчалось въ немъ и слѣда. Пробыть въ острогѣ оставалось ему еще много лѣтъ, но врядъ ли онъ хоть когда-нибудь подумалъ о выходѣ. Но если онъ и примирился съ дѣйствительностью, то

разумѣтся не по сердцу, а развѣ по субординаціи, что впрочемъ для него было одно и тоже. Онъ былъ добрый человѣкъ и даже помогалъ мнѣ вначалѣ совѣтами и кой-какими услугами; но иногда, каюсь, невольно онъ нагонялъ на меня, особенно въ первое время, тоску безпримѣрную, еще болѣе усиливавшую и безъ того уже тоскливое расположеніе мое. А я отъ тоски-то и заговаривалъ съ нимъ. Жаждешь бывало хоть какого-нибудь живого слова, хоть жолчнаго, хоть нетерпѣливаго, хоть злобы какой-нибудь: мы бы ужъ хоть позлились на судьбу нашу вмѣстѣ; а онъ молчитъ, клентъ свои фонарики, или расскажетъ о томъ, какой у нихъ смотръ былъ въ такомъ-то году, и кто былъ начальникъ дивизіи, и какъ его звали по имени и отчеству, и доволенъ былъ онъ смотромъ или нѣтъ, и какъ застрѣльщикамъ сигналы были измѣнены и проч. И все такимъ ровнымъ, такимъ чиннымъ голосомъ, точно вода капаетъ по каплѣ. Онъ даже почти совсѣмъ не воодушевлялся, когда рассказывалъ мнѣ, что за участіе въ какомъ-то дѣлѣ на Кавказѣ удостоился получить «святая Анны» на шпагу. Только голосъ его становился въ эту минуту какъ-то необыкновенно важенъ и солиденъ; онъ немного понижалъ его, даже до какой-то таинственности, когда произносилъ «святая Анны», и послѣ этого минуты на три становился какъ-то особенно молчаливъ и солиденъ... Въ этотъ первый годъ у меня бывали глупыя минуты, когда я (и всегда какъ-то вдругъ) начиналъ почти ненавидѣть Акимъ Акимыча, неизвѣстно за что, и молча проклиналъ судьбу свою, зато что она помѣстила меня съ нимъ на нарахъ голова съ головою. Обыкновенно черезъ часъ я уже укорялъ себя за это. Но это было только въ первый годъ; впоследствии я совершенно примирился въ душѣ съ Акимъ Акимычемъ и стыдился моихъ прежнихъ глупостей. Наружно же мы, помнится, съ нимъ никогда не ссорились.

Кромѣ этихъ троицъ русскихъ, другихъ въ мое время перебывало у насъ восемь человѣкъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я сходился довольно коротко и даже съ удовольствіемъ, но не со всѣми. Лучшіе изъ нихъ были какіе-то болѣзненные, исключительные и нетерпимые въ высшей степени. Съ двумя изъ нихъ я впоследствии просто пересталъ говорить. Образованныхъ изъ нихъ было только трое: Б-славскій, М-цкій и старикъ Ж-ховскій, бывшій прежде гдѣ-то професоромъ математики — старикъ добрый, хорошій, большой чудакъ, и несмотря на образованіе, ка-

жеться крайне ограниченный человекъ. Совсѣмъ другіе были М-цкій и Б-славскій. Съ М-цкимъ я хорошо сошелся съ перваго раза; никогда съ нимъ не ссорился, уважалъ его, но полюбить его, привязаться къ нему я никогда не могъ. Это былъ глубоко недоувѣрчивый и озлобленный человекъ, но умѣвшій удивительно хорошо владѣть собою. Вотъ это-то слишкомъ большое умѣнье и не нравилось въ немъ: какъ-то чувствовалось, что онъ никогда и не передъ кѣмъ не развернетъ всей души своей. Впрочемъ можетъ-быть я и ошибаюсь. Это была натура сильная и въ высшей степени благородная. Чрезвычайная, даже нѣсколько езуитская ловкость и осторожность его въ обхожденіи съ людьми выказывала его затаенный, глубокий скептицизмъ. А между тѣмъ это была душа страдающая именно этой двойственностью: скептицизма и глубокаго, ничѣмъ непоколебимаго вѣрованія въ вѣкоторыя свои особыя убѣжденія и надежды. Несмотря однако же на всю житейскую ловкость свою, онъ былъ въ непримиримой враждѣ съ Б-славскимъ и съ другомъ его Т-жевскимъ. Б-славскій былъ больной, нѣсколько наклонный къ чахоткѣ человекъ, раздражительный и нервный, но въ сущности предобрый и даже великодушный. Раздражительность его доходила иногда до чрезвычайной нетерпимости и капризовъ. Я не вынесъ этого характера и впоследствии разошелся съ Б-славскимъ, но зато никогда не переставалъ любить его; а съ М-цкимъ и не ссорился, но никогда его не любилъ. Разойдясь съ Б-славскимъ, такъ случилось, что я тотчасъ же долженъ былъ разойтись и съ Т-жевскимъ, тѣмъ самымъ молодымъ человекомъ, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ, рассказывая о нашей претензіи. Это было мнѣ очень жаль. Т-жевскій былъ хоть и необразованный человекъ, но добрый, мужественный, славный молодой человекъ однимъ-словомъ. Все дѣло было въ томъ, что онъ дотога любилъ и уважалъ Б-славскаго, дотога благоговѣлъ передъ нимъ, что тѣхъ, которые чуть-чуть расходились съ Б-славскимъ, считалъ тотчасъ-же почти своими врагами. Онъ и съ М-цкимъ кажется разошелся впоследствии за Б-славскаго, хотя долго крѣпился. Впрочемъ всѣ они были больные нравственно, жолчные, раздражительные, недоувѣрчивые. Это понятно: имъ было очень тяжело, гораздо тяжелѣе, чѣмъ намъ. Были они далеко отъ своей родины. Нѣкоторые изъ нихъ были присланы на долгіе сроки, на десять, на двѣнадцать лѣтъ, а главное, они

съ глубокимъ предубѣжденіемъ смотрѣли на всѣхъ окружающихъ, видѣли въ каторжныхъ одно только звѣрство и не могли, даже не хотѣли разглядѣть въ нихъ ни одной доброй черты, ничего человѣческаго, и это тоже очень было понятно: на эту несчастную точку зрѣнія они были поставлены силою обстоятельствъ, судьбой. Ясное дѣло, что тоска душила ихъ въ острогѣ. Съ черкесами, съ татарами, съ Исаемъ Фомичемъ они были ласковы и пріявѣтливы, но съ отвращеніемъ избѣгали всѣхъ остальныхъ каторжныхъ. Только одинъ Стародубскій старовѣръ заслужилъ ихъ полное уваженіе. Замѣчательно впрочемъ, что никто изъ каторжныхъ, впродолженіи всего времени какъ я былъ въ острогѣ, не упрекнулъ ихъ ни въ происхожденіи, ни вѣрѣ ихъ, ни въ образѣ мыслей, что случается въ нашемъ простонародьи относительно иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, хотя впрочемъ и очень рѣдко. Впрочемъ надъ нѣмцами только развѣ смѣются; нѣмецъ представляетъ собою что-то глубоко комическое для русскаго простонародья. Съ нашими же каторжные обращались даже уважительно, гораздо болѣе, чѣмъ съ нами русскими и нисколько не *трогали* ихъ. Но тѣ кажется никогда этого не хотѣли замѣтить и взять въ соображеніе. Я заговорилъ о Т-жевскомъ. Это онъ, когда ихъ переводили изъ мѣста первой ихъ ссылки въ нашу крѣпость, несъ Б-славскаго на рукахъ впродолженіи чуть не всей дороги, когда тотъ, слабый здоровьемъ и сложеніемъ, уставалъ почти съ полѣтапа. Они присланы были прежде въ У-горскъ. Тамъ, рассказывали они, было имъ хорошо, то-есть гораздо лучше чѣмъ въ нашей крѣпости. По у нихъ завелась какая-то, совершенно впрочемъ невинная, переписка съ другими ссыльными изъ другого города, и за это ихъ троихъ нашли нужнымъ перевести въ нашу крѣпость, ближе на глаза къ нашему высшему начальству. Третій товарищъ ихъ былъ Ж-ховскій. До ихъ прибытія М-цкій былъ въ острогѣ одинъ. То-то онъ долженъ былъ тосковать въ первый годъ своей ссылки!

Этотъ Ж-ховскій былъ тотъ самый вѣчно молившійся Богу старикъ, о которомъ я уже упоминалъ. Всѣ наши политическіе преступники были парадъ молодой, нѣкоторые даже очень; одинъ Ж-ховскій былъ лѣтъ уже слишкомъ пятидесяти. Это былъ человѣкъ конечно честный, но нѣсколько странный. Товарищи его Б-славскій и Т-жевскій его очень не любили, даже не говорили съ нимъ, отзываясь о немъ, что онъ упрямъ и вздоренъ. Незнаю ма-

сколько они были въ этомъ случаѣ правы. Въ острогѣ, какъ и во всякомъ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди собираются въ кучу не волею, а насильно, мнѣ кажется скорѣе можно поссориться и даже возненавидѣть другъ друга, чѣмъ на волѣ. Много обстоятельствъ тому способствуетъ. Впрочемъ Ж-ховскій былъ дѣйствительно человѣкъ довольно тупой и можетъ-быть непріятный. Всѣ остальные его товарищи были тоже съ нимъ не въ ладу. Я съ нимъ хоть и никогда не ссорился, но особенно не сходился. Свой предметъ, математику, онъ кажется зналъ. Помню, онъ все мнѣ силится растолковать на своемъ полурусскомъ языкѣ какую-то особенную, имъ самимъ выдуманную астрономическую систему. Мнѣ говорили, что онъ это когда-то напечаталъ, но надъ нимъ въ ученое мѣсто только посмѣялись. Мнѣ кажется онъ былъ нѣсколько поврежденъ разсудкомъ. По цѣлымъ днямъ онъ молился на колѣняхъ Богу, чѣмъ снискалъ общее уваженіе каторги и пользовался имъ до самой смерти своей. Онъ умеръ въ нашемъ госпиталѣ послѣ тяжелой болѣзни, на моихъ глазахъ. Впрочемъ уваженіе каторжныхъ онъ приобрѣлъ съ самаго перваго шагу въ острогѣ, послѣ своей исторіи съ нашимъ майоромъ. Въ дорогѣ отъ У-горска до нашей крѣпости ихъ не брили и они обросли бородами, такъ что когда ихъ прямо привели къ плацъ-майору, то онъ пришолъ въ бѣшеное негодованіе на такое нарушеніе субординаціи, въ чемъ впрочемъ они вовсе не были виноваты.

— Въ какомъ они видѣ! заревѣлъ онъ: — это бродяги, разбойники!

Ж-ховскій, тогда еще плохо понимавшій порусски и подумавшій, что ихъ спрашиваютъ: кто они такіе? бродяги или разбойники? отвѣчалъ:

— Мы не бродяги, а политическіе преступники.

— Ка-а-акъ! Ты грубить? грубить! заревѣлъ майоръ: — въ кордегардію! сто розогъ, сей же часъ, сію же минуту!

Старика наказали. Онъ легъ подъ розги безпрекословно, закусиль себѣ зубами руку и вытерпѣлъ наказаніе безъ малѣйшаго крика или стона, нешевелиясь. Б-славскій и Т-жевскій тѣмъ временемъ уже вошли въ острогъ, гдѣ М-цкій уже поджидалъ ихъ у воротъ и прямо бросился къ нимъ на шею, хотя до сихъ поръ никогда ихъ и не видывалъ. Взволнованные отъ майорскаго приѣма, они рассказали ему все о Ж-ховскомъ. Помню какъ М-цкій мнѣ рассказывалъ объ этомъ: «Я былъ виѣ себя, гово-

рилъ онъ : — я не помнилъ что со мною дѣлается и дрожалъ какъ въ ознобѣ. Я ждалъ Ж-ховскаго у воротъ. Онъ долженъ былъ придти прямо изъ кордегардіи, гдѣ его наказывали. Вдругъ отворилась калитка : Ж-ховскій, негляда ни на кого, съ блѣднымъ лицомъ и съ дрожавшими блѣдными губами прошолъ между собравшихся на дворѣ каторжныхъ, уже узнавшихъ, что наказываютъ дворянина, вошолъ въ казарму, прямо къ своему мѣсту, и ни слова неговоря сталъ на колѣни и началъ молиться Богу. Каторжные были поражены и даже растроганы. Какъ увидалъ я этого старика, — говорилъ М-цкій — сѣдого, оставившаго у себя на родинѣ жену, дѣтей, какъ увидалъ я его на колѣняхъ, позорно наказаннаго и молящагося, — я бросился за казармы и цѣлыхъ два часа былъ какъ безъ памяти : я былъ въ изступленіи...» Каторжные стали очень уважать Ж-ховскаго съ этихъ поръ и обходились съ нимъ всегда почтительно. Имъ особенно понравилось, что онъ не кричалъ подъ розгами.

Надобно однакожь сказать всю правду : по этому примѣру отнюдь нельзя судить объ обращеніи начальства въ Сибири съ ссыльными изъ дворянъ кто бы они ни были эти ссыльные, русскіе или поляки. Этотъ примѣръ только показываетъ, что можно нарваться на лихого человѣка, и конечно, будь этотъ лихой человѣкъ гдѣ-нибудь отдѣльнымъ и старшимъ командиромъ, то участь ссыльнаго, въ случаѣ еслибъ его особенно не возлюбилъ этотъ лихой командиръ, была бы очень плохо обезпечена. Но нельзя не признаться, что самое высшее начальство въ Сибири, отъ котораго зависитъ тонъ и настроій всѣхъ прочихъ командировъ, насчетъ ссыльныхъ дворянъ очень разборчиво и даже въ иныхъ случаяхъ нарываетъ дать имъ поблажку въ сравненіи съ остальными каторжными, изъ простонародія. Причины тому ясныя : эти высшіе начальники вопервыхъ сами дворяне ; вовторыхъ случалось еще прежде, что нѣкоторые изъ дворянъ не ложились подъ розги и бросались на исполнителей, отчего происходили ужасы ; а втретьихъ, и мнѣ кажется это главное, уже давно, еще лѣтъ тридцать-пять тому назадъ, въ Сибирь явилась вдругъ, разомъ, большая масса ссыльныхъ дворянъ, и эти-то ссыльные, въ продолженіи тридцати лѣтъ, умѣли поставить и зарекомендовать себя такъ по всей Сибири, что начальство уже по старинной, преемственной привычкѣ, поневолѣ глядѣло въ мое время на дворянъ-преступниковъ извѣстнаго разряда иными

глазамъ тѣмъ на всѣхъ (другихъ ссыльныхъ). Вездѣ за высшимъ начальствомъ привыкли глядѣть такими же глазами и низшіе командиры; разумеется заимствуя этотъ взглядъ и тонъ свыше, повинаясь, подчиняясь ему. Впрочемъ многіе изъ этихъ низшихъ командировъ глядѣли туго, критиковали про себя вышніе распоряженія и очень, очень рады бы были, еслибъ имъ только не шибко распорядиться по своему. Но имъ несомнѣнно это позволяли. Я имѣю твердое основаніе такъ думать, и вотъ почему. Второй разрядъ каторги, въ которомъ я находился и состоявшій изъ крѣпостныхъ арестантовъ, подъ военнымъ начальствомъ, былъ несравненно тяжеле бѣгалыхъ двухъ разрядовъ, то-есть третьяго (заводскаго) и перваго (въ рудникахъ.) Тяжелее онъ былъ не только для дворянъ, но и для всѣхъ остальныхъ арестантовъ, именно потому, что начальство и устройство этого разряда — все военное, очень похожее на арестантскія роты въ Россіи. Военное начальство строже; порядки тѣснѣе; всегда въ цѣпяхъ; всегда подъ конвоемъ, всегда подъ замкомъ; а этого нѣтъ въ такой силѣ въ первыхъ двухъ разрядахъ. Такъ по крайней мѣрѣ говорили всѣ наши арестанты, а между ними были знатоки дѣла. Они всѣ съ радостью пошли бы въ первый разрядъ, считающійся въ законахъ тягчайшимъ и даже много разъ мечтали объ этомъ. Объ арестантскихъ же ротахъ въ Россіи, всѣ наши, которые были тамъ, говорили съ ужасомъ и увѣряли, что во всей Россіи нѣтъ тяжелее мѣста, какъ арестантскія роты по крѣпостямъ, и что въ Сибири рай сравнительно съ тамошней жизнью. Слѣдственно если при такомъ строгомъ содержаніи, какъ въ нашемъ острогѣ; при военномъ начальствѣ, на глазахъ самого генералъ-губернатора и наконецъ въ виду такихъ случаевъ (иногда бывавшихъ), что нѣкоторые посторонніе, но офиціозные люди, по злобѣ или по ревности къ службѣ, готовы были тайкомъ донести куда слѣдуетъ, что такого-то дескать разряда преступникамъ такіе-то неблагонамѣренные командиры даютъ поблажку, — если въ такомъ мѣствѣ, говорю я, на преступниковъ-дворянъ смотрѣли нѣсколько другими глазами, чѣмъ на остальныхъ кагоржныхъ, то тѣмъ болѣе смотрѣли на нихъ гораздо льготнѣе въ первомъ и третьемъ разрядахъ. Слѣдственно по тому мѣсту, гдѣ я былъ, мнѣ кажется я могу судить въ этомъ отношеніи и о всей Сибири. Всѣ слухи и рассказы, доходившіе до меня на этотъ счетъ, отъ ссыльныхъ перваго и третьяго разря-

довъ, подтверждали мое заключеніе. Въ самомъ дѣлѣ на всѣхъ насъ, дворянъ, въ нашемъ острогѣ начальство смотрѣло внимательнѣе и осторожнѣе. Поблажки намъ насчетъ работы и содержанія не было рѣшительно никакой: тѣ же работы, тѣ же кандалы, тѣ же замки, однимъ словомъ все тоже самое, что и у всѣхъ арестантовъ. Да и облегчить—то нельзя было. Я знаю, что въ этомъ городѣ въ то недавнее давнопрошедшее время было столько доносчиковъ, столько интригъ, столько рывшихъ другъ другу аму, что начальство естественно боялось доноса. А ужь чего страшише было въ то время доноса о томъ, что извѣстнаго разряда преступникамъ даютъ поблажку! И такъ всякій поблаждался, и мы жили наравнѣ съ всѣми каторжными, но относительно тѣлеснаго наказанія было нѣкоторое исключеніе. Правда, насъ бы чрезвычайно удобно высѣкли, еслибъ мы заслужили это, то есть проступились въ чемъ-нибудь. Этого требовалъ долгъ службы и равенства — передъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Но такъ, зря, легкомысленно насъ все-таки бы не высѣкли; а съ простыми арестантами такого рода легкомысленное обращеніе разумѣется случалось, особенно при нѣкоторыхъ субалтерныхъ командахъ и охотникахъ распорядиться и внушить при всякомъ удобномъ случаѣ. Намъ извѣстно было, что комендантъ, узнавъ объ исторіи съ старикомъ Ж-ховскимъ, очень вознегодовалъ на майора и внушилъ ему, чтобъ онъ на будущее время изволилъ держать руки цокороче. Такъ рассказывали мнѣ всѣ. Знали тоже у насъ, что самъ генераль-губернаторъ, довѣрившій нашему майору и отчасти любившій его, какъ исполнителя в человѣка съ нѣкоторыми способностями, узнавъ про эту исторію, тоже выговаривалъ ему. И майоръ нашъ принялъ это къ свѣдѣнію. Ужъ какъ напримѣръ ему хотѣлось добратъся до М-цаго, котораго онъ ненавидѣлъ черезъ наговоры А-ва, но онъ никакъ не могъ его высѣчь, хотя и искалъ предлога, гвалъ его и подыскивался къ нему. Объ исторіи Ж-ховскаго скоро узналъ весь городъ и общее мнѣніе было противъ майора; многіе ему выговаривали, иные даже съ неврятностями. Вспоминаю теперь мою первую встрѣчу съ плацъ-майоромъ. Насъ, то-есть меня и другого ссыльнаго изъ дворянъ, съ которыми я вмѣстѣ вступилъ въ каторгу, наугали еще въ Тобольскѣ рассказы о непріятномъ характерѣ этого человѣка. Бывшіе тамъ въ это время старинные двадцатипятилѣтніе ссыльные изъ дворянъ, встрѣти-

нью насъ съ глубокой симпатіей и нѣжное съ нами отношеніи все время какъ мы сидѣли на пересыльномъ дворѣ, предостерегали насъ отъ будущаго командира нашего и обѣщались сдѣлать все что только могутъ, черезъ знакомыхъ людей, чтобъ защитить насъ отъ его преслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, три дочери генералъ-губернатора, приѣхавшія изъ Россіи и гостившія въ то время у отца, получили отъ нихъ письма и кажется говорили ему въ нашу пользу. Но что онъ могъ сдѣлать? Онъ только сказалъ майору, чтобъ онъ былъ нѣсколько поразборчивѣе. Часу въ третьемъ пополудни мы, то-есть я и товарищъ мой, прибыли въ этотъ городъ, и конвойные прямо повели насъ къ нашему повелителю. Мы стояли въ передней ожидая его. Между тѣмъ уже послали за острожнымъ унтеръ-офицеромъ. Какъ только явился онъ, вышелъ и плацъ-майоръ. Багровое, угриватое и злое лицо его произвело на насъ чрезвычайно тоскливое впечатлѣніе: точно злой паукъ выбѣжалъ на бѣдную муху, попавшуюся въ его паутину.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ моего товарища. Онъ говорилъ скоро, рѣзко, отрывисто, и очевидно хотѣлъ произвести на насъ впечатлѣніе.

— Такой-то.

— Тебя? продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, уставивъ на меня свои очи.

— Такой-то.

— Унтеръ-офицеръ! сейчасъ ихъ въ острогъ, выбрить въ кордегардіи по-гражданскому, немедленно, половину головы; кандалы перековать завтра же. Это какія шинели? откуда получили? спросилъ онъ вдругъ, обративъ вниманіе на сѣрые капоты, съ желтыми кругами на спинахъ, выданные намъ въ Тобольскѣ и въ которыхъ мы предстали предъ его свѣтлыя очи. — Это новая форма! Это вѣрно какая-нибудь новая форма... Еще проектируется... изъ Петербурга... говорилъ онъ повертывая насъ поочередно. — Съ нами нѣтъ ничего? спросилъ онъ вдругъ конвоировавшаго насъ жандарма.

— Собственная одежда есть, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ жандармъ, какъ-то мгновенно вытянувшись, даже съ небольшимъ вздрагиваніемъ. Его всѣ знали, всѣ о немъ слышали, онъ всѣхъ пугалъ.

— Все наоборотъ. Отдать имъ только одно бѣлье, и то бѣлое,

а цѣвѣтное, еслѣшесть, отобрать. Остальное все продать съ аукциона. Деньги записать въ приходъ. Арестантъ не имѣеть собственности, продолжалъ онъ, строго посматрѣвъ на насъ. — Смотрите же, вести себя хорошо! чтобъ я не слыхалъ! Нето... тѣлес-нымъ на каваніемъ! За малѣйшій проступокъ — р-р-розги!..

Весь этотъ вечеръ я съ непривычки былъ почти боленъ отъ этого пріема. Впрочемъ впечатлѣніе усилилось и тѣмъ, что я увидѣлъ въ острогѣ; но о вступленіи моемъ въ острогъ я уже рассказывалъ.

Я упомянулъ сейчасъ, что намъ не дѣлали и не смѣли дѣлать никакой поблажки, никакого облегченія передъ прочими арестантами въ работѣ. Но одинъ разъ однако попробовали сдѣлать: я и Б-славскій цѣлыхъ три мѣсяца ходили въ инженерную канцелярію въ качествѣ писарей. Но это сдѣлали инто-крыто и сдѣлало инженерное начальство. То-есть прочіе всё пожалуй, кому надо было, знали, но дѣлали видъ, что незнали. Это случилось еще при командирѣ команды Г-вѣ. Подполковникъ Г-ковъ упалъ къ намъ какъ съ неба, пробылъ у насъ очень недолго, — если не ошибаюсь, не болѣе полугода, даже и того меньше — и уѣхалъ въ Россію, произведя необыкновенное впечатлѣніе на всѣхъ арестантовъ. Его нето-что любили арестанты, его они обожали, если только можно употребить здѣсь это слово. Какъ онъ это сдѣлалъ, незнаю, но онъ завоевалъ ихъ съ перваго разу. «Отецъ, отецъ! отца пенало!» говорили поминутно арестанты во все время его управленія инженерною частью. Кутила онъ былъ камется ужаснѣйшій. Небольшого роста, съ дерзкимъ, самоувѣреннымъ взглядомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ ласковъ съ арестантами, чуть не до нѣжностей, и дѣйствительно буквально любилъ ихъ какъ отецъ. Отчего онъ такъ любилъ арестантовъ — сказать не могу, но онъ не могъ видѣть арестанта, чтобъ не сказать ему ласковаго, веселаго слова, чтобъ не пошутиться съ нимъ, не пошутить съ нимъ, и главное — онъ капли въ этомъ не было чего-нибудь начальческаго, хоть чего-нибудь обозначавашаго неровную или ясто-начальничью ласку. Это былъ свой товарищъ, свой человекъ въ высочайшей степени. Но несмотря на весь этотъ инстинктивный демократизмъ его, арестанты ниразу не проступились передъ нимъ въ какой-нибудь непочтительности, фамильярности. Напротивъ. Только все лицо

арестанта расшвытамо, когда онъ встрѣчался съ командиромъ, и снявши шапку, онъ уже смотрѣлъ улыбаясь, когда тотъ подходилъ къ нему. А если тотъ заговорить, — какъ рублемъ подарить. Бываютъ-же такіе популярныя люди. Смотрѣлъ онъ молчаливо, ходилъ прямо, браво. «Орелъ!» говорятъ бывало о немъ арестанты. Облегчить ихъ онъ конечно ничѣмъ не могъ: завѣдывалъ онъ только одними инженерными работами, которыя и при всѣхъ другихъ командирахъ шли въ своемъ всегдашнемъ, разъ введенномъ законномъ порядкѣ. Развѣ только встрѣтивъ случайно партію на работѣ, виля, что дѣло кончено, не держитъ бывало лишняго времени и отпустить до барабана. Но нравилась его довѣренность къ арестанту, отсутствіе мелкой щепетильности и раздражительности, совершенное отсутствіе инныхъ оскорбительныхъ формъ въ начальническихъ отношеніяхъ. Потерялъ онъ тысячу рублей, — я думаю первый воръ изъ нашихъ, еслибъ нашолъ ихъ, отнесъ бы къ нему. Да, я увѣренъ что такъ было бы. Съ какимъ глубокимъ участіемъ узнали арестанты, что ихъ орелъ-командиръ поссорился на-смерть съ нашимъ ненавистнымъ майоромъ. Это случилось въ первый же мѣсяцъ по его прибытіи. Нашъ майоръ былъ когда-то его сослуживецъ. Они встрѣтились послѣ долгой разлуки какъ друзья и закутили было вмѣстѣ. Но вдругъ у нихъ порвалось. Они поссорились и Г-въ сдѣлался ему смертельнымъ врагомъ. Слышно было даже, что они подрались при этомъ случаѣ, что съ нашимъ майоромъ могло случиться: онъ часто дирался. Какъ слышали это арестанты, радости ихъ не было конца. «Осьмиглазому-ли съ такимъ ужиться! тотъ орелъ, а нашъ...», и тутъ обыкновенно прибавлялось словцо, неудобное въ печати. Ужасно интересовались у насъ тѣмъ, кто изъ нихъ кого поколотилъ. Еслибъ слухъ объ ихъ дракѣ оказался невѣрнымъ (что можетъ-быть такъ и было), то кажется нашимъ арестантикамъ было бы это очень досадно. «Нѣтъ ужъ навѣрно командиръ одолѣлъ, говорили они: — онъ маленькой ла удаленькой, а тотъ слышь подь кровать отъ него залѣзъ.» Но скоро Г-ковъ уѣхалъ, и арестанты опять впали въ уныніе. Инженерные командиры были у насъ правла всѣ хороши: при нихъ смѣнилось ихъ трое или четверо; «да все не нажить ужъ такого, говорили арестанты: — орелъ былъ, орелъ и вступникъ». Вотъ этотъ-то Г-ковъ очень любилъ всѣхъ насъ дворянъ и подъ попомъ велѣлъ имъ и Б-славскому ходить иногда въ кан-

целирю. По отъѣздѣ же его это устроилось болѣе правильнѣе образомъ. Изъ инженеровъ были люди (изъ нихъ особенно одинъ) очень намъ симпатизировавшіе. Мы ходили, переписывали бумаги, даже почеркъ нашъ сталъ совершенствоваться, какъ вдругъ отъ высшаго начальства послѣдовало немедленное повелѣніе воротить насъ на прежнія работы: кто-то ужъ успѣлъ донести! Впрочемъ это и хорошо было: канцелярія стала намъ обонь очень надоѣдать. Потомъ мы года два почти неразлучно ходили съ Б. на однѣ работы, чаще же всего въ мастерскую. Мы съ нимъ болтали; говорили объ нашихъ надеждахъ, убѣжденіяхъ. Славный былъ онъ человекъ; но убѣденія его иногда были очень странныя, исключительныя. Часто у вѣнотерата разряда людей, очень умныхъ, устанавливаются иногда совершенно парадоксальныя понятія. Но за нихъ столько было въ жизни выстрадаано, такую дорогую цѣною они достались, что оторваться отъ нихъ уже слишкомъ больно, почти невозможно. Б.-славскій съ болью принималъ каждое возраженіе и съ ѣдкостью отвѣчалъ мнѣ. Впрочемъ во многомъ можетъ-быть онъ былъ и правъ меня, незнаю; но мы наконецъ разстались и это было мнѣ очень больно: мы уже много раздѣлили вѣстѣ.

Между тѣмъ М-кій съ годами все какъ-то становился грустнѣе и мрачнѣе. Тоска одолевала его. Прежде, въ первое мое время въ острогѣ, онъ былъ общителнѣе, душа его все-таки чаще и больше вырывалась наружу. Уже третій годъ жилъ онъ въ каторгѣ, въ то время какъ я поступилъ. Сначала онъ многимъ интересовался изъ того, что въ эти два года случилось на свѣтѣ и объ чемъ онъ не имѣлъ понятія, сидя въ острогѣ; спрашивалъ меня, слушалъ, волновался. Но подъ конецъ, съ годами все это какъ-то стало въ немъ сосредоточиваться внутри, на сердцѣ. Угли покрывались золою. Озлобленіе расло въ немъ болѣе и болѣе. «Je hais ces brigands» — повторялъ онъ мнѣ часто, съ ненавистью смотря на каторжныхъ, которыхъ я уже успѣлъ узнать ближе, и никакіе доводы мои въ ихъ пользу на него не дѣйствовали. Онъ не понималъ что я говорю; иногда впрочемъ разсѣнно соглашался; но на завтра же опять повторялъ: «Je hais ces brigands». Кстати: мы съ нимъ часто говорили пофранцузски, и за это одинъ приставъ надъ работами, инженерный солдатъ Дранишниковъ, незвѣстно по какому соображенію, прозвалъ насъ шершелами. М-кій воодушевлялся только вспоминая про свое

мать. «Она стара, она больная, — говорилъ онъ мнѣ! — она любить меня болѣе всего на свѣтѣ, а я здѣсь незнаю жива она или нѣтъ? Довольно ужъ для нея того, что она знала какъ меня гоняли сквозь строй...» М-цкій былъ не дворянинъ и передъ ссылкой былъ наказанъ тѣлесно. Вспоминая объ этомъ, онъ стискивалъ зубы и старался смотрѣть въ сторону. Въ послѣднее время онъ все чаще и чаще сталъ ходить одинъ. Разъ поутру, въ двѣнадцатомъ часу, его потребовали къ коменданту. Комендантъ вышелъ къ нему съ веселой улыбкой.

— Ну, М-цкій, что ты сегодня во снѣ видѣлъ? спросилъ онъ его.

«Я такъ и вздрогнулъ, рассказывалъ воротясь къ намъ М-кій. — Мнѣ будто сердце проняло.»

— Видѣлъ, что письмо отъ матери получилъ, отвѣчалъ онъ.

— Лучше, лучше! возразилъ комендантъ. — Ты свободенъ! Твоя мать просила... просьба ея услышана. Вотъ письмо ея, а вотъ и приказъ о тебѣ. Сейчасъ же выйдешь изъ острога.

Онъ воротился къ намъ блѣдный, еще неочнувшійся отъ извѣстия. Мы его поздравляли. Онъ жалъ намъ руки своими дрожащими похолодѣвшими руками. Многие арестанты тоже поздравляли его и рады были его счастью.

Онъ вышелъ на поселенье и остался въ нашемъ же городѣ. Вскорѣ ему дали мѣсто. Сначала онъ часто приходилъ къ нашему острогу, и когда могъ, сообщалъ намъ разныя новости. Преимущественно политическія очень интересовали его.

Изъ остальныхъ четырехъ, то-есть кромѣ М-цкаго, Т-жевскаго, Б-славскаго и Ж-ховскаго, двое были еще очень молодые люди, присланные на короткіе сроки, мало-образованные, но честные, простые, прямые. Третій, А-чуковскій, былъ ужъ слишкомъ простоватъ и ничего особеннаго не заключалъ въ себѣ, но четвертый, Б-мъ, человекъ уже пожилой, производилъ на всѣхъ насъ преекверное впечатлѣніе. Незнаю какъ онъ попалъ въ разрядъ танихъ преступниковъ, да и самъ онъ отрицалъ это. Это была грубая мелко-мѣщанская душа, съ привычками и правилами лавочника, разбогатѣвшаго на обесчистанныя копѣйки. Онъ былъ безо всякаго образованія и не интересовался ничѣмъ, кромѣ своего ремесла. Онъ былъ маляръ, но маляръ изъ ряду вонъ, маляръ великолѣпный. Скоро начальство узнало о его способностяхъ и весь городъ сталъ требовать Б-ма, для ма-

дерева стѣны и потолокъ. Въ два года онъ росписалъ почти всѣ казенныя квартиры. Владѣтели квартир платили ему отъ себя и жилъ онъ—таки не бѣдно. Но всего лучше было то, что на работу съ нимъ стали посылать и другихъ его товарищей. Изъ троихъ, ходившихъ съ нимъ постоянно, двое научились у него ремеслу и одинъ изъ нихъ, Т-жевскій, сталъ малевать не хуже его. Нашъ плацъ-майоръ, занимавшій тоже казенный домъ, въ свою очередь потребовалъ Б-ма и велѣлъ росписать ему всѣ стѣны и потолокъ. Тутъ ужъ Б-мъ постарался: у генералъ-губернатора не было такъ росписано. Домъ былъ деревянный, одноэтажный, довольно дряхлый, и чрезвычайно шелудивый снаружи: росписано же внутри было какъ во дворцѣ и майоръ былъ въ восторгѣ... Онъ потиралъ руки и поговаривалъ, что теперь непременно женится: «при такой квартирѣ нельзя не жениться», прибавлялъ онъ очень серьезно. Б-момъ былъ онъ все болѣе и болѣе доволенъ, а чрезъ него и другими, работавшими съ нимъ вмѣстѣ. Работа шла цѣлый мѣсяць. Въ этомъ мѣсяцѣ майоръ совершенно измѣнилъ свое мнѣніе о всѣхъ нашихъ и началъ имъ покровительствовать. Дошло до того, что однажды вдругъ онъ потребовалъ къ себѣ изъ острога Ж-ховскаго.

— Ж-ховскій! сказалъ онъ, — я тебя оскорбилъ. Я тебя выскѣкъ напрасно, я знаю это. Я раскаиваюсь. Понимаешь ты это? Я, я, я — раскаиваюсь!

Ж-ховскій отвѣчалъ, что онъ это понимаетъ.

— Понимаешь ли ты, что я, я, твой начальникъ, призвалъ тебя съ тѣмъ, чтобъ просить у тебя прощенія! Чувствуешь ли ты это? Кто ты передо мной? Червякъ! меньше червяка: ты арестантъ! а я — божьею милостью (!) майоръ. Майоръ! понимаешь ли ты это?

Ж-ховскій отвѣчалъ, что я это понимаетъ.

— Ну такъ теперь я мирюсь съ тобой. Но чувствуешь ли, чувствуешь ли это вполне, во всей полнотѣ? Способенъ ли ты это понять и почувствовать? Сообрази только: я, я, майоръ... и т. д.

Ж-ховскій самъ рассказывалъ мнѣ всю эту сцену. Стало-быть было же и въ этомъ пьяномъ, вздорномъ и безпорядочномъ че-

(!) Буквальное выраженіе, впрочемъ въ мое время употреблявшееся не однимъ нашимъ майоромъ, а я многими мелкими командирами, преимущественно вышедшими изъ нижнихъ чиновъ.

ловѣкъ человеческое чувство. Взять въ соображеніе его понятія и развитіе, такой поступокъ можно было считать почти великодушнымъ. Впрочемъ пьяный видъ можетъ—быть тому много способствовалъ.

Мечта его не осуществилась: онъ не женился, хотя ужь совершенно было рѣшился, когда кончили отдѣлывать его квартиру. Въсто жепитьбы онъ упалъ подь—судъ и ему велѣно было подать въ отставку. Тутъ ужь и все старые грѣхи ему припели. Прежде въ этомъ городѣ онъ былъ, помнится, городничимъ... Ударъ упалъ на него неожиданно. Въ острогѣ немѣрно обрадовались извѣстію. Это былъ праздникъ, торжество! Майоръ, говорятъ, ревелъ какъ старая баба и обливался слезами. Но дѣлать нечего. Онъ вышелъ въ отставку, пару сѣрыхъ продалъ, потомъ все диваніе и впасть даже въ бѣдность. Мы встрѣчали его потомъ въ митатскомъ изношеномъ сертукѣ, въ фуражкѣ съ кокардочкой. Онъ злобно смотрѣлъ на арестантовъ. Но все обаяніе его прошло, только-что онъ снялъ мундиръ. Въ мундирѣ онъ былъ гроза, богъ. Въ сертукѣ онъ вдругъ сталъ совершенно ничѣмъ и смахивалъ на лакея. Удивительно какъ много составляетъ мундиръ у этихъ людей.

ФЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

ДЕНЬ НА БИРЖѢ, НОЧЬ НА КВАРТИРѢ

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА)

Я просто-напросто раскажу одинъ изъ эпизодовъ моей скитальческой жизни въ отставкѣ. На тернистомъ моемъ поприщѣ встрѣтились мнѣ два пріятеля, которые отличившимъ образомъ подгадили мою и безъ того незавидную карьеру. Можетъ-быть читатель пожелаетъ узнать, какая карьера ожидаетъ отставного чиновника безъ пенсіи, безъ всякихъ средствъ жизни, безъ особенныхъ знаній, кромѣ краткой россійской арифметики или грамматики, и наконецъ безъ гроша въ карманѣ? А вотъ какая: опредѣлиться въ сенатъ на девять рублей девяносто-три копѣйки мѣсячнаго жалованья, поступить въ полкъ, на какихъ случится правахъ, если откроется война, или занять какую-нибудь частную должность *управляющаго всѣмъ дворомъ дома*, или скопивши рубликовъ десятокъ надѣлать къ рождеству елокъ, выручить за нихъ рублей двадцать и пуститься въ другой промыселъ, то-есть продавать размалеванныхъ херувимовъ, бумажныхъ плясуновъ по пятачку штука въ какой-нибудь апраксинъ или шукинъ, да и то когда они отстроятся. Но, чтобъ достигнуть этой блистательной карьеры, надо пока перебиться какъ-нибудь, особенно въ нашу милую петербургскую осень или зиму, въ которыя слабые здоровьемъ бѣдняки мрутъ какъ мухи. Если енотовыя, лисья и иныя другія-прочія шубы не могутъ согрѣть тѣла въ лихіе двадцати-градусные морозы; если никакія непромокаемыя калоши, пальто не могутъ предохранить человѣка отъ осеннихъ изморозей, дождей, слякоти и всякой пакости, то чего же ожидать отъ какого-нибудь пальто, подбитаго уксусомъ? А позіа сырыхъ и холодныхъ квартиръ, съ угаромъ, плесенью по стѣнамъ, снѣгомъ по угламъ, со всѣми прелестями? Слѣдовательно, чтобъ добиться порялочной карьеры игрушечныхъ дѣлъ мастера, или сенатскаго чиновника, необходимо какъ-нибудь перебиться въ лодныя времена года.

Счастливецъ тотъ , кто еще страдаетъ какою-нибудь ломотой, или неиритворнымъ ревматизмомъ , колотьями : его примутъ хоть въ больницу. Наше попечительное начальство даетъ пріютъ , пищу , леченіе , будь только боленъ.

А если и этого вѣтъ , если ты , какъ Собакевичъ , сѣтуешь на судьбу , что ни разу не былъ боленъ , что тогда ? Тогда горе ! Петербургская осень , или зима , послѣ долгихъ лѣтъ цвѣтущаго твоего зловрѣя , когда-нибудь тебя такъ подкоситъ , что тебя сразу положить , сначала въ чахоточную палату въ больницѣ , потомъ — въ ванную , для болѣе удобнаго окончанія твоей карьеры , а оттуда пропрутъ въ трупярию. Лѣтомъ другое дѣло : у бѣдняка готовыя квартиры въ александровскомъ и петровскомъ паркахъ. Всѣ удобства : тѣнь отъ елокъ , вода изъ крѣпостного рва , изъ прудовъ покрытыхъ плесенью ; трава — вмѣсто постели. Можно вдвоемъ сговориться такъ : пока одинъ спитъ , другой караулитъ твою шанку , сапоги , чтобы ихъ какъ-нибудь не сдуло вѣтромъ... Другой заснулъ — ты его караулишь , и т. д. Имѣешь десять копѣекъ , тебя прекрасно покормятъ щами и кашей въ благодѣтельномъ демидовскомъ заведеніи. Остальной пятакъ ты можешь истратить на *предметы роскоши* : купить десятокъ папиросъ... Я знаю лавочку близъ парка , гдѣ десятокъ можно купить за три копѣйки. Вотъ ужъ у тебя въ теченіи дня , скопилось остаточныхъ суммъ двѣ копѣйки , за которыя въ обжорномъ ряду , на Сытномъ рынкѣ , тебѣ дадутъ полфунта чорнаго хлѣба , нарѣжутъ четыре кусочка рубцовъ и польютъ все это бесплатно развеленнымъ хрѣномъ !.. Я когда-нибудь напишу , какимъ образомъ можно прожить *въ нѣтъ и роскоши* , за пятнадцать копѣекъ въ сутки : пить , ѣсть , курить , имѣть квартиру , двѣ бани въ мѣсяцъ , — а теперь продолжаю.

Чтобы мой правдивый расказъ непоказался инымъ очень благонамѣреннымъ людямъ щекотливымъ , я долженъ сдѣлать малюсенькую оговорку : всѣ мы , какъ военные , такъ и гражданскіе чиновники — съ лѣнцой , или правильнѣе , кромѣ пройденной нами службы , неумѣемъ ни за что прияться. Воспитаны-то мы всѣ въ скорхнатку , ни одной отрасли знаній основательно не научили , отчасти по своей лѣности , отчасти по предрассудкамъ нашихъ мыслыхъ навенекъ и шаменекъ , которые въ коронной службѣ только и видѣли свѣтъ божій... Вмѣсто того , чтобы чему-нибудь научить насъ основательно , они совали насъ въ разныя *образцовыя школы* , лишь бы свихнуть съ рукъ на казенныя хлѣбы , да научить насъ всему нововишежку для полученія чина , или диплома , дающаго право на занятіе извѣстной должности.

Получивши кой-какой въѣзній лоскъ, нахватавшись верхушкѣ, мы поступали прямо на службу, то-есть опять на готовые хлѣббы...

Никому изъ нашихъ родителей, даже изъ всего предшествовавшего чиновнаго поколѣнія не приходило въ голову, что всякое большое государство, вслѣдствіе развитія просвѣщенія, политическихъ, экономическихъ причинъ, можетъ обходиться безъ большой арміи, безъ большого штата чиновниковъ, но никакъ не можетъ обойтись безъ портныхъ, сапожниковъ, столяровъ, плотниковъ, часовщиковъ, однимъ словомъ, безъ ремесленниковъ, и чѣмъ ихъ больше въ государствѣ, тѣмъ больше въ немъ трудящихся людей, тѣмъ меньше тунеядства, тѣмъ всѣ издѣлія, продукты дешевле...

Нашимъ милымъ родителямъ также никакъ не приходило въ голову, что всякій честный трудъ, какой бы онъ ни былъ, нисколько не безчеститъ званія дворянина, или какого угодно заслужоннаго человѣка. Вотъ мы, ихъ дѣтки, попавши въ учебныя заведенія, выдержавши съ грѣхомъ пополамъ экзамены, поступали прямо со школьной скамьи подъ крылышко своихъ начальниковъ-покровителей, или снова подъ кровъ благодѣтельнаго правительства. Однимъ словомъ, съ казенныхъ хлѣбовъ школы, да опять на казенное жалованье. Оплошаемъ мы по службѣ — насъ не выгоняютъ прямо, а сначала остерегаютъ строгими требованіями долга, выговорами, арестами, приказами, внесеніемъ въ формуляръ проступка. Наконецъ, когда мы совершенно выбивались изъ рукъ — насъ удаляли въ отставку, по самой деликатной причинѣ — по домашнимъ обстоятельствамъ.... Однимъ словомъ, до выхода въ отставку, мы не знали жизни... Жизнь-то настоящая только началась съ отставки и съ отставки безъ пенсіи, безъ всякихъ средствъ жизни... Тутъ только, когда хватилъ насъ голодъ, да морозъ, да рука, повинувась ропоту пустого желудка, протягивалась къ чужой собственности — тутъ только мы взглянули серьезно на свое прошлое, взвѣсили, чѣмъ мы можемъ снискивать хлѣбъ, къ чему способны? Въ результатъ оказалось, что мы ровно ни къ чему не способны, кромѣ какъ снимать копии съ бумагъ, или маршировать подъ барабанъ. Вотъ такая толпа людей, бесполезныхъ для себя и для государства, бросилась искать должности, *какого-нибудь мѣста*.

Но число должностей, вслѣдствіе разумныхъ причинъ, вдвое уменьшалось, число претендентовъ на мѣста утроилось, а матушка-протекція осталась въ прежней силѣ: она не можетъ быть искоренена никакими мѣрами правительства, она далеко пустила корни въ нашей почвѣ. Она родня мѣстничеству, какъ мѣстничество выродокъ споровъ за старшинство родовъ. Вотъ всѣ и стали жаловаться на бѣдность, пѣнять на какія-то несправедливости, искать

причины бѣдствій не въ своихъ ошибкахъ, не въ родимой лѣни и привычныхъ предрасудкахъ, а въ причинахъ вишнихъ... Вотъ наполнились столицы празднующимися, благодѣтельными учрежденіями — просьбами о пособіи.

Ни одно государство, кромѣ развѣ Англіи, не имѣетъ такого множества благотворительныхъ учрежденій для пособія бѣднымъ, больницъ, богаѣленъ, пріютовъ; но при всемъ этомъ они не могутъ удовлетворить просьбамъ даже четвертой доли всѣхъ истинно-нуждающихся. Притомъ, какія вы придумаете мѣры для отличія истинной бѣдности отъ притворной; буквальной нищеты отъ условнаго недостатка; малыхъ, обыкновенныхъ для большинства лашеній отъ большихъ?

У насъ какъ-то въ крови слишкомъ цѣнить свои заслуги. Всякій, прослужившій пять-шесть лѣтъ, требуетъ непременно пособій, словно онъ и богъ-знаетъ какую заслугу оказалъ отечеству, что проскрипѣлъ пять-шесть лѣтъ перомъ, или промаршировалъ на плацу. Прошу ясъе повячь мою мысль и несмѣшивать правила съ исключеніями!..

Все это я велъ къ тому, чтобъ показать читателю, особенно благонамѣренному, что мой расказъ вовсе не какое-нибудь преднамѣренное изображеніе несуществующихъ у насъ бѣдствій, а правдивый истинный расказъ.

Человѣкъ я очень маленькій: чинъ такой, что можно иной разъ и на биржѣ поработать за тридцать копѣекъ въ день, и грязь въ мѣшкахъ потаскать изъ петербургскихъ рѣчекъ и каналовъ за шестьдесятъ копѣекъ. Чтобъ повернуть колесо фортуны въ свою сторону, я непрочъ былъ и колесо вертѣть для вычерпыванья баблями ила изъ какой-нибудь Мойки...

Но все-таки мой ничтожный чинишка, неприноса мнѣ ни малѣйшей пользы, препятствовалъ опредѣлиться напримѣръ въ дворники, въ приказчики къ лавочнику, въ десятники, хоть бы въ толико-полезное городу водопроводное общество и т. п. Манеры, облагороженныя службой, или правильнѣе воспитаніемъ, какая-то глупая застѣнчивость, привычка судить какъ-то по книжному, свысока, а не попросту, помужички — все это обличало во мнѣ чиновника, все это препятствовало зарабатывать мнѣ кусокъ хлѣба черной работой. Какъ я ни подѣлывался подъ мужичкій складъ рѣчи, подъ простонародный образъ сужденій — отъ меня такъ и несло жолчной вроніей Гоголя, воззрѣніями Тургенева, рифмованны-

ми слезами Некрасова и т. п. Опашу прежде всего мою попытку работать на голандской биржѣ.

Двое суток я не ѣлъ куска хлѣба: у квартирной хозяйки попросить было совѣстно, въ лавкѣ не вѣрили ни на полushку, протянуть руку за милостыней было для меня тяжелѣе смерти и я рѣшился на другое утро, во что бы то ни стало, отправиться на голандскую биржу.

Помню, какъ теперь, дѣло было въ маѣ. Завалившись съ десяти часовъ на полъ занимаемаго мною угла (у меня постели не было), я легъ на засаленную свою шинель и укрылся оною... Хозяйка, сварливая, озлобленная старуха, посмотрѣла на меня какъ-то презрительно, и полагая, что я заснулъ, начала бесѣдовать съ другою старухой:

— Вотъ нищаго держимъ! его пора взашей!..

— Да что съ нимъ прокладаться, Семеновна! иди въ кварталъ, завтра же и вытурятъ... Прошолъ чай срокъ-то?

— Ужь онъ мнѣ задолжалъ рупь!..

— Ну, и турни его! еще пожалуй обокрадетъ...

Такъ озлобленные нуждой люди терзаютъ другъ друга, тогда какъ капля участія сколько бы нибудь облегчила взаимное горе.

Слезы завернулись у меня на глазахъ, но они заѣли, какъ дымъ, непролились, засохли, поэтому не могли облегчить души... Мнѣ было тѣмъ нестерпимѣе это слышать, чѣмъ менѣе я заслуживалъ такого ругательства. Тутъ было все: — оскорбленіе чина, хоть и малого, неуваженіе къ званію, купленному кровію моихъ предковъ...

Тѣмъ болѣе это было обидно, что старухи знали кто я; знали изъ рассказовъ жизнь мою, службу, исторію предковъ. Онѣ знали, что я не сплю, говорили съ умысломъ, чтобъ уколоть меня, чтобъ скорѣе выгнать изъ квартиры. Тѣмъ было горьче для меня, что онѣ знали мою честность, оставляли незапертыми сундуки съ вещами и деньгами, знали, что я не возьму ихъ...

Ко всему этому присоединялось предчувствіе, что я, вынужденный муками голода, могу дѣйствительно украсть что-нибудь, могу дѣйствительно оправдать мерзкое о себѣ мнѣніе. Кромѣ того, я такъ палъ въ собственныхъ своихъ глазахъ, до того потерялъ увѣренность въ своихъ силахъ, въ своемъ человѣческомъ достоинствѣ, что мнѣ даже нельзя было утѣшиться гордостью невдачнаго страдальца, нельзя было идеализировать моего положенія...

Грубость, невѣжество, нравственное очерствѣніе этихъ двухъ глупыхъ, наглыхъ старухъ окончательно убивали во мнѣ вѣру въ достоинство человѣка...

Но главное, онѣ такъ явно, такъ ясно безъ всякихъ декораций

разоблачили настоящее мое положеніе, что я пришолъ въ ужасъ, словно очнулся въ забытомъ на-глухо гробу... Никакой надежды впередъ: два дня не ѣлъ; ноги, почти былъ увѣренъ, недотащатъ меня такъ рано, въ четыре часа утра, съ Выборгской на биржу... Сапожишки со стоптанными коблукками растерли ноги въ кровь... Волыри на подошвахъ и на пальцахъ... Ни родныхъ, ни знакомыхъ въ городѣ; однимъ словомъ, въ громадномъ Петербургѣ, биткомъ набитомъ богачами, благотворителями, тысячу благотворительныхъ учреждений, я боялся умереть отъ голоду, словно въ какой-нибудь барабанской степи! Ужасно!.. Не дай богъ врагу быть въ такомъ положеніи! Даже въ больницу нигдѣ не принимали, потому что ничего не болѣло. Притвораться было совѣстно, да и неумѣлъ, когда даже попробовалъ: принимающій докторъ сейчасъ это замѣтилъ и, несправясь даже объ моемъ чинѣ и званіи, сказалъ грубо:

— Убирайся братецъ! что, ты думаешь обманешь кого-нибудь? Ступай, ступай, пока не прогналъ...

Всю ночь я не могъ сомкнуть глазъ: подъ ложечкой сверлило, словно какой камень туда былъ вложенъ; хотѣлось бы, какъ высокаго блаженства, облегчающихъ слезъ, но и слезы не текли... Кости тѣла, нажимая на голый почти полъ, какъ-то болѣли... Кромѣ того ожигали то тутъ, то тамъ мелкія, увертливыя блохи... Чесалось то тамъ, то тутъ отъ извѣстныхъ причинъ, а бѣлья было смѣнить не чѣмъ... Господи!.. это адъ, а не жизнь!.. Нѣтъ ужаснѣе наказанія въ мірѣ — чувствовать себя такъ нравственно униженнымъ, пресмыкаться въ сору, въ грязи...

Стало смеркаться. Старухи, привыкшія ложиться спать вмѣстѣ съ курами, начали клевать носомъ. Долго они пересушивали, бормотали о своихъ грошахъ, кого-то судачили, наконецъ разговоръ началъ дѣлаться вялымъ, отрывочнымъ.

— Не пора ли, мать моя, поужинать; мнѣ завтра рано-ранешенько нужно идти на хабрику.

— Почему за сутки?

— Шестидесять копѣекъ, — волосъ щиплемъ.

Загрѣла заслонка; Семеновна достала изъ печки горшокъ подгрѣтыхъ щей. Лукинишна застлала треногий столъ сѣрой, какъ солдатскій набрюшникъ, салфеткой. Занахъ разогрѣтой говядины, булькинувшей въ миску, паръ отъ горячихъ щей такъ пріятно защекоталъ мои ноздри, такъ страшно раззадорилъ мой и безъ того волчій аппетитъ, что мнѣ стоило многихъ надъ собою усилий, чтобъ удержаться отъ просьбы. Господи! съ какимъ бы райскимъ наслажденіемъ я поѣлъ теперь чего-нибудь горячаго. Мнѣ казалось въ эту

минуту, что я одинъ бы выхлебалъ цѣлый горшокъ, потомъ съѣлъ бы фунта два мягкой, сочной говядины съ хрѣнкомъ, съ теплымъ хлѣбцемъ... Воображеніе голоднаго рисуется удивительно соблазнительными картинами, не хуже, чѣмъ жаждущаго путника, заблудившагося въ какой-нибудь Сахаръ. Только, вмѣсто миражей, изображающихъ стоящіе на горизонтѣ города и рощи съ синими холодными водами, рисуются столы, уставленные вкусными похлебками, протвinya съ жареными гуслии, поросягами, сальцисоны, окорока, пироги, кулебяки съ превосходной начинкой и тому подобныя прелести... Я ужъ было приподнялся съ полу, чтобъ попросить хоть кусочикъ хлѣба, хоть двѣ ложечки щей, но чего-то не доставало для полной рѣшимости. — Чтожъ такое, думалъ я: — тутъ ничего нѣтъ дурного... И я былъ когда-то человѣкъ и я дѣлился кускомъ хлѣба, даже деньгами съ прибѣгавшими ко мнѣ за помощью. Но слышавныя за минуту оскорбленія, сознание своего благородства, такъ старательно отъ колыбели вколоченное въ насъ чинюлюбивыми родителями, словно канатомъ удерживали меня отъ *унизительной* просьбы... Да, въ этихъ случаяхъ, человѣкъ благородный во всѣхъ отношеніяхъ, развитый на столько, что не можетъ непонимать своего превосходства надъ всякимъ человѣческимъ отребьемъ, испытываетъ тройную, десятирную пытку. Въ эти горькія минуты кажется, что милые ваши наставники, мамыши, папашы нарочно цѣлый десятокъ лѣтъ пичкали наши головы разною дрянью, чтобъ отравить наши грядущіе годы всевозможными мученіями.

Страшно перейти отъ паркетныхъ половъ, роскошныхъ обѣдовъ, отъ комфорта къ земляному полу, къ курной избѣ съ тараканами, къ демидовской похлебкѣ съ лучинами и мочалками вмѣсто рыбы и говядины!.. Борьба голода со стыдомъ такъ были во мнѣ сильны, что я нѣсколько разъ во время ужина приподнимался съ полу и падалъ въ изнеможеніи. Вотъ уже и надежда похлебать щей исчезла, вотъ уже старухи зачавкали, пережовывая деснами говядину, а я все еще боролся самъ съ собой, все еще не рѣшался попросить хоть корки хлѣба. Когда кончился ужинъ и старушки, легонько рыгая и икая, осѣняли уста крестнымъ знаменемъ, чувство досады на самого себя, на свою оплошность начало снова терзать меня!

Боже мой! то стыдно попросить поѣсть, то жаль упустить такой удобный случай подкрѣпитесь пицей, то надежда, что старухи скажутся, догадаются, то чувство незаслужоннаго отъ нихъ оскорбленія! Сколько пытокъ для бѣднаго, морально развитаго человѣка! Сцена эта такъ живо врѣзалась въ моей памяти, что я не могу объ ней не распространяться. Напримѣръ, старушонки, ужиная, вели самый

благочастивый разговоръ ; который потому и врѣзался въ память, что его истины, слишкомъ явно, почти нахально противорѣчали поступкамъ. И сколько есть людей въ самыхъ благонамѣренныхъ, въ самыхъ галантерейныхъ слояхъ общества, которые только-что успѣвши поспѣвать на современное развращеніе нравовъ, въ слѣдующую минуту, словно нарочно, непременно сдѣлають каку-нибудь, хоть легонькую подлость...

— Господи, какія мы грѣшницы! ужь третій день къ заутрени не ходили. Надобъ бымо маслаца къ лампадкѣ купить; все забываю окаянная; а намѣднись заработала цѣлой рупь на волосяной, да Савельичъ проклятый подвернулся! Дай рупь, да дай! Охъ, надобы намъ старый грѣхъ прикрыть, да все старый бѣсъ не женится.

— Что, онъ таперича неиспиваетъ? а то прежде кабаки награждалъ.

— О-охъ! прости наши великія прегрѣшенія! вмѣсто того, что-бы Богу угодить на старость лѣтъ, ведемъ блудную жнсть. Въ писаніи написано: алчущаго нанитай, жаждущаго напои, а сполняемъ ли мы все сѣто въ точности?

— Не дать ли ему штець, вѣдь онъ, просто околѣваетъ; неравно чтобъ случай неприключился...

— Ну его къ чорту, прости Господи! какой-нибудь пьянчуга-мазурикъ, не во осужденіе будь сказано... Что, мы подрадлились что ли кормить всякаго прибулдащаго? Пусть околѣваетъ!..

Хоть это было говорено вполголоса, но я все ясно слышалъ.

Когда у голоднаго, убитаго человѣка разстроены нервы, слухъ его дѣлается удивительно чутокъ, и онъ по малѣйшему звуку угадываетъ цѣлую фразу, смыслъ цѣлаго разговора. Это вторичное безвинное оскорбленіе уже не вскипятило моей жолчи, не заставило даже въ мысляхъ накинуться на ближнихъ; напротивъ, видя до чего могутъ быть гадки, низки люди, я углубился въ самого себя и съ какимъ-то сожалѣніемъ, близкой роднѣ презрѣнію, сталъ думать о старухахъ. Ты, думалъ я, теперь такъ гадка и тѣломъ и душою, такъ жадна ты, старая блудница, такъ грызешь, терзаешь и безъ того истерзаннаго человѣка богъ-вѣсть зачто и прочто; а незнаешь того, что черезъ какіе-нибудь двѣ-три минуты тебя скоробитъ, свететь, какъ кору на полѣнѣ, брошенномъ въ огонь. Ты зашипишь, затрещишь, какъ эта шкурка на дровахъ, будешь молить, чтобъ черти не вытащали изъ тебя твою дрянную душонку, но никакія призыванія, никакіе обѣты не могутъ отвратить закона природы: ты, какъ дрянная гнилушка, должна скоро, очень скоро свалиться въ могилу!

Необотри на вѣсколко вѣскопарный слоты, пророчество сбылось: старушонка черезъ полгода умерла. И какъ ни парючилась, а отъ смерти отвѣртѣться не могла.

Встрѣчая такіе безобразные паросты на челоуѣчествѣ, горько, обидно становится не за себя — что я, дрянн! — а за все челоуѣчество...

Какъ эти мрачныя мысли ни были утѣшительны въ моемъ безутѣшномъ положеніи, однако, когда убирала со стола ужинъ — етиска взяла верхъ и мною овладѣло глубокое отчаяніе.

Если вы, читатель, были когда-нибудь влюблены, и съ глубокой тоской, съ сдержанными рыданіями провожали любимую дѣвушку на кладбище, вы мнѣ повѣрите, что я точно также, конечно мысленно, провожалъ горшокъ съ остатками щей, выносимый Семеновной. Я со слезами на глазахъ уже видѣлъ, сквозь отворяемую дверь, какъ дожидалась подачки, помахивая пушистымъ хвостомъ, такая же голодная какъ я — жучка. Надо замѣтить, что одинаковость жребія сблизила меня съ ней, и за немнѣніемъ знакомыхъ въ Петербургѣ, я свелъ съ ней довольно короткое знакомство...

Напримѣръ, я приносилъ собственно для нея, чтобъ сдѣлать ей сюрпизъ, вѣсколко обглоданныхъ корокъ изъ демидовскаго заведенія и вообще дѣлился съ нею чѣмъ могъ. Она мнѣ тоже платила взаимностью, и ставши на заднія лапы, клала переднія на мои плечи. Когда я окончателно распрощался съ надеждою поужинать, меня началъ мучить съ новой силою созрѣвшій въ головѣ плавъ. Я сквозь прорѣху въ пальтишиѣ подглядѣлъ, что въ ящикъ стола были спрятаны три обглоданныхъ корки хлѣба. Тутъ воображеніе начало рисовать передо мной все блаженство, съ какими бы я поѣлъ этихъ корокъ... Никакія въ мірѣ сочныя жаркія, таящіе во рту пирожки и пирожныя, благоухающіе изъ дорогихъ фруктовъ желе не могли бы въ эту минуту показаться мнѣ такими вкусными, какъ эти корки... Чтожъ, думалъ я, все-равно ихъ выбросить, такъ отчего же не воспользоваться? Но въ эту минуту меня огорошилъ разлавишійся изъ глубины души вопросъ: а это не будетъ воровство? Тутъ разсудокъ, желанія, подстрекаемые голодомъ, словно искусныя адвокаты, начали доказывать разуму, задавшему вопросъ, что это вовсе не воровство. Въ душѣ моей поднялся какой-то споръ; словно въ англійскомъ парламентѣ, во мнѣ одномъ бушевало вѣсколко хозяевъ съ равными правами, направляя волю то за, то противъ проекта. Я то подирадовался къ столу, то снова ложился потихоньку. Чуть поскребется носѣ старуха, я сейчасъ притаживаю дыханіе... Ай, понимаютъ? Ай, не понимаютъ! Конечно понимаютъ: жадные старые люди спать

чутко, боюсь, что ихъ обокрадутъ... Да нѣтъ! онѣ спятъ, какъ курицы!

Однако, по шѣрѣ возобновленія и усиленія старушечьего хрома, въ душѣ снова начали роняться надежды поживиться обглодаемыми корками... я снова подымался, снова какая-нибудь изъ спящихъ переворачивалась на бокъ и я опять ложился на полъ.

Потерявши всякую надежду заснуть и поѣсть, я сѣлъ и началъ потихоньку напирать сапоги... Въ кровь растертыя ноги многократными путешествіями до того разболѣлись, что надѣть сапогъ не было никакой возможности. Оставалось одно изъ двухъ: или умереть голодною смертью, или идти на биржу. Эта дилема заставила меня преодолѣть всѣ нестерпимыя страданья; я нанялъ сапоги, надѣлъ замазливое, какъ блинъ пальто, фуражку безъ внутренностей и тихонько пробрался къ двери.

Но какъ уйти среди ночи и оставить двери незапертыми?

Кто-нибудь обереть, на меня же падеть вся вина, да еслибы и ничего не было украдено, старухи заѣдятъ меня за то какъ я смѣлъ уйти, оставивши двери незапертыми; могутъ даже сочинять, что совершилась пропажа, чтобъ избавиться отъ подозрительнаго, не ждущаго за постой жильца. Тутъ я пустился къ сиящей на постелѣ женщицѣ:

— Матушка, Агафья Семеновна! сказалъ я вполголоса, тихонько трогая шестидесятилѣтнюю старуху за плечо и за плечо.

— Что тебѣ нужно, грѣхъ-то водить? заворчала она, наконецъ проснувшись: — что ты затѣваешь, прелебодѣй этакой! видишь, я старый человекъ.

— Я нето, матушка... Заприте за мной дверь, я кочу уйти...

— Куда тебя чортъ понесетъ спозаранку? Видишь, еще не свѣтало. Еще черти на кулачки не дерутся.

— Миѣ нужно...

И проклиналъ меня, что я шляюсь по почамъ, тревожу ее попусту, старуха заперла за мной дверь.

Была ясная майская ночь. Какъ промадшій лгатель раскинулось надъ головой небо, мигающія звѣзды... Свѣжій холодъ пробиралъ до костей... Какъ неподвижное стекло лежала въ берегахъ дремлющая рѣка. Вдали грохоталъ гулящій и кутащій до разсвѣта городъ. Подъ Самсоньевскій мостъ то и дѣло шныряли парходы, наполненные, какъ бочени сельдами, курящими и стоящими господами, звонко хохочущими среди ночной тишины барьялами и барышнями... Все это стремилось въ матушкинъ трактиръ, или домой, спать, послѣ усердныхъ возліаній и изліаній. И эта кутащан

толпа — ядро петербургскаго населенія, сьющая депозитки, какъ макъ на Лизокъ, Машекъ и Матрешекъ, не воображала, что въ эту минуту тысячи мнѣ подобныхъ логли измученными и голодными съ тѣмъ, чтобы опять мучиться, голодать завтра, послѣ-завтра, можетъ-быть нескончаемые годы. И эта толпа не воображала, что тысячной доли брошенныхъ ею на сегодняшніе кутежи денегъ съ избыткомъ хватило бы на прокормленіе тысячи голодныхъ сегодня бѣдняковъ. Таже исторія и завтра, и послѣ завтра, и до окончанія вѣка...

Съ полчаса я бродилъ по пустынной набережной; ночные сторожа забивались въ будки, крыльца, впадины калитокъ, какъ мухи въ щели, дремали въ своихъ тулупахъ, изрѣдка постукивая палкой въ каменные плиты тротуаровъ... На противоположномъ берегу, на ныборгской темнѣли кирпичная фабрика, моргая, какъ глазами, тысячью зажженныхъ въ окнахъ огней. Что терять время понапрасну? Побреду-ка я лучше къ биржѣ. Миновавши рядъ паршивенькихъ домишекъ Вульфовыхъ улицъ, я смѣло углублялся въ темныя дебри пустынныхъ переулковъ, зная, что съ меня нечего стащить. Сапоги — хоть брось среди улицы, никто не подыметъ; пальтишко — да въ немъ больше дыръ, чѣмъ въ рѣшетѣ, штопать не стоитъ: иголка прорываетъ сукно; о бѣльѣ и говорить нечего: паутина и та прочиѣ... Стало свѣтать. Луна, походящая отчасти на обсосанный лимонъ, ретировалась на западъ постепенно блѣднѣя, постепенно уступая свѣту, разливающемуся на востокъ... Вотъ зари начала краснѣть, краснѣть, съ востока потянулъ вѣтерокъ; дремавшія на вѣтвяхъ садовъ птицы начали посвистывать, а городъ еще и не думалъ просыпаться.. Два-три часа утра — это пора самого сладкаго сна... Даже самые отъявленные петербургскіе гуляки или спѣшили домой, или спали, даже позабывши купленные утѣхи. Въ большихъ домахъ давно погасли огни, за то засвѣтились въ булочныхъ, пекарняхъ, хлѣбняхъ... Ковыляя отъ боли, отъ стопаныхъ сапоговъ, я брелъ по петербургскому Большому проспекту. Съ пятого часа уже начинается ремесленная жизнь; плотники, столары, маляры, усердно расплескивающіе краску по тротуарамъ, уже поднялись, уже выползли гурьбой изъ темныхъ подваловъ, харчовень и т. п.

Подкрѣпившись фунтиками тремя хлѣбца, помолясь на главы открывавшихся вдали церквей, скромные труженники брели по всѣмъ направленіямъ къ Мытному, Туткову. Каждый несъ свой инструментъ: кто теноръ, долото за поясомъ, кто ишу, лопату черезъ плечо, кто что.

Вотъ кто настояще-то полезныя члены общества, вотъ тѣ, безъ которыхъ необходимо ни одно государство, ни одно общество... Тутъ я задумался на эту тему и до того ужъ замѣчался, что самому стало совѣстно.

— Фу! какія высокопарныя, залетистыя мечты въ головѣ ободраннаго, отречаннаго, голоднаго чиновнически, бредущаго въ рубищѣ на биржу работать, чтобъ не умереть съ голода!..

При послѣдней мысли я упалъ, словно съ облаковъ въ грязь: вся горькая сущность, вся безотрадная будущность, отсутствіе какихъ либо надеждъ на лучшее — вмѣгъ предстали предо мной во всей наготѣ, наголо, безъ подкраски...

— Сторонись, сторонись, ворона! и съ этими чьими-то словами я отлетѣлъ на поларшина въ сторону отъ сильнаго толчка какаго-то сезоннаго дѣтivity, поспѣшавшаго куда-то съ ведромъ краски.

Проходя мимо деидовскаго, пеньковаго буяна, я вздумалъ было наняться за шестьдесятъ копѣекъ таскать кули съ пенькой!

— Нельзя ли здѣсь наняться на заработки? спросилъ я какаго-то мужика.

— Нѣтъ, здѣсь работаютъ артелью. Сюда можно только попасть по знакомству съ прикащикомъ, по протекцѣ.

Боже мой, Боже мой, и тутъ-то нужна протекція, подумалъ я. Подойдя къ Мытному перевозу, я, вмѣстѣ съ пятерыми мужиками, сталъ было садиться въ лодку, чтобъ переправиться на биржу.

— А копѣйка-то есть? подавай копѣйку-то! сказалъ перевозчикъ.

Словно кто ножомъ въ сердце уларилъ меня, когда я вспомнилъ, что у меня нѣтъ даже и копѣйки.

— Пошолъ, пошолъ! ишь ты, мазурикъ какой! хотѣлъ на шармака прокатиться!

И, сопровождаемый общимъ хохотомъ перевозчиковъ, я побрелъ съ окровавленными ногами отъ Мытнаго. Надо было отсюда колесить черезъ Тучковъ мостъ, чтобъ попасть на голландскую биржу.

Боль отъ растертыхъ въ кровь волдырей, боязнь опоздать, потому что больше извѣстнаго числа поденщиковъ не примутъ; досада, что не пошолъ прямо на Тучковъ мостъ — все это соединилось вмѣстѣ, чтобъ сдѣлать еще горьчее мою и безъ того горькую участь...

Придя на мѣсто въ половину шестого, я еще не опоздалъ, потому что работа начинается съ семи утра.

Какъ рой пчелъ жужжала громадная толпа близъ рѣшотки, ве-

лучей на пристань, въ ожиданіи, пока дойдетъ очередь записаться въ поденщики на сегодняшній день.

Какихъ тутъ не было фигуръ. Господа литераторы, очень любящіе описывать жизнь въ раззолоченныхъ салонахъ, роскошныхъ будуарахъ, лучше потрудились бы встать часа въ четыре, въ пять, въ лѣтнее утро, да отправиться на голандскую биржу, чтобъ описать тамошнихъ поденщиковъ. Какихъ тутъ не было фигуръ! Вотъ одинъ господинъ съ двумя сныками полъ глазами, съ припухшей щекой. На немъ не сертучишка, не штанишки вроде моихъ, а какіе-то безобразныя лохмотья, сквозь которыя, начиная отъ затылка до пятокъ, просвѣчивало тѣло. На немъ не было навталонъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ всѣ понимаютъ, а больше ничего, какъ засаленная сукопная тесьма, обвивающая ноги. Значительно повыше колѣнокъ, сквозь огромную прорѣху сверкало тѣло... Какое-то странное нѣмое отчаяніе выражалось на лицѣ его, покоробленномъ безсонными ночами пьянствомъ безъ просыпу, и непрерывными страданіями. Съ невыразимую тоскою глядѣлъ онъ на бабъ, продающихъ сѣрые, какъ солдатской набрюшникъ двухкопѣечные пироги; видно было, что онъ, сердечный, готовъ былъ проглотить не только всѣ пироги, даже самую бабу съ корзинкой, совсѣмъ. Мужички въ синихъ засаленныхъ отъ поту рубашкахъ, какъ болѣе привыкшіе къ трудовой жизни, болѣе предусмотрительные, покупали пироги, булки, попивали сбитенекъ, усѣвшись въ рядъ по краямъ тротуаровъ. Въ этой толпѣ тоже бродилъ какой-то ошипанный сертучекъ, съ распухшей, лоснящейся физиономіей, напоминающей печеное яблоко.

И вѣроятно тоже служилъ предметомъ наблюденій для такого же понохавшаго цивилизаціи и знакомаго съ удобствами Барской жизни бѣдняка, какимъ былъ самъ. Дѣйствительно, въ толпѣ этого сѣраго, грязнаго народа мелькали какіе-то блѣдныя изможденныя страдалицы съ облагороженнымъ выраженіемъ лица.

При смѣшанномъ говорѣ тысячи голосовъ раздавались голоса торговцевъ: «Сбитеньку, сбитеньку! Кавалеры подходи!», «Солдатъ, солдатъ! на грошъ горла отрѣжу!», «Сердца горячаго, сердца!» снусила баба, у которой изъ подъ сѣрой тряпки, прикрывавшей горшокъ, валилъ столбомъ паръ, страшно раздражающій аппетитъ. «У меня горячѣ!» пищала молоденькая бабенка и толпа избитыхъ отставныхъ солдатъ, запустивъ пальцы въ горшокъ, испытывала достоинство бульбона. Но всего непріятнѣе, разумѣется для гг. чистоплотныхъ выгладывали рубцы... На дурно промытой шкурѣ лежала слой грязь, а въ самомъ отрѣзѣ всадѣла разныя разности,

ва выскребенцыя изъ кишочки... Въ числѣ прочихъ, я дошелъ въ какую-то высокую со сводами комнату, чтобъ записаться полевничкомъ.

Писарь въ засаленномъ сертукѣ, со всѣми признаками невраздержанія, въ видѣ пятерь и подтековъ, выисывалъ фамиліи, вымышленныя и настоящія, смотря по тому стыдился ли подрицкичь работать на биржѣ, или нѣтъ. Между облагороженными физиономіями мелькали передо мной даже такія, которыя я гдѣ-то видѣлъ, когда-то знавалъ, только когда и въ какомъ мѣстѣ — неизвѣстно...

— Не сидѣлъ ли этотъ господинъ въ числѣ прочихъ господъ за столомъ, заваленнымъ бумагами, въ нѣкося свѣтлозеленой комнатѣ, обставленной форменными желтыми шкапами?..

Не видѣлъ ли я этого господина, брячавшаго шпорами на балѣ у моихъ знакомыхъ?.. Физиономія — двѣ капли воды...

Такія мысли приходили мнѣ въ голову, при встрѣчѣ съ лицами очень знакомыми... Нѣкоторыя изъ нихъ и на меня досматривали пристально, словно хотѣли спросить: не вы ли такой-то? Но я тотчасъ отворачивался въ сторону, или уходилъ въ толпу. Писарь, вписавши фамилію въ книгу: выдавалъ жестяную марку, съ которою насъ пропускалъ таможенный солдатъ за рѣшетку на пристань. На меня до-сихъ-поръ производятъ самое непріятное впечатлѣніе желтыя, грязныя съ арками званія у биржи, для храненія оптовыхъ товаровъ, эти испачканныя углемъ, обтертыя спинами стѣны, надписи дѣловаго и неблагопристойнаго содержанія, зубчатые съ выбоинами каменные полы, вѣчно обсыпанные синькой, сухой краской, разбросанные всюду клочки ваты, тюки, бочки, заштыя въ рокожи, на которыхъ ярко рабить въ глаза надписи.

Стражъ съ ендовой на головѣ, въ травяномъ сертукѣ, такомъ узкомъ, что пуговицы лѣзли на носъ, началъ насъ поодивачкѣ пускать на пристань. Тутъ открылась для меня довольно новая картина: корабли, обступившіе со всѣхъ сторонъ голандскую пристань, стояли такъ плотно одинъ къ другому, что по ихъ палубамъ можно было безъ труда добраться до противуположнаго берега. Какъ густая паутина, закрывали весь небосклонъ корабельныя снасти. На палубахъ, загроможденныхъ множествомъ товаровъ, тюковъ, бочекъ, земледѣльческихъ машинъ, ящиковъ съ фруктами, толпились флегматическіе голандцы въ своихъ неуклюжихъ кожаныхъ панталонахъ съ вѣшными рыже-бѣлокурыми волосами и бараньимъ выраженіемъ глазъ... Пустьъ бы поклонники всего европейскаго, приходящіе въ ужасъ отъ неотесанности русскаго мужика, поглядѣли на голандца, болѣе похожаго на барана, чѣмъ на человѣка.

На самой пристави всевозможные товары стояли цѣлыми горами; между ними суетились, какъ муравьи, работники, носильщики, такъ-называемые дрягили. Тамъ и сямъ были разбросаны телѣжки на малевькихъ деревяныхъ колесахъ такой грубой, тяжелой конструкціи, словно онѣ были сдѣланы во времена Іоанна Грознаго.

И на этой-то неуклюжей телѣжкѣ, которую одну-то на силу стащить, несчастные поденщики, за 25 коп. въ сутки, таскають, возятъ двѣнадцать часовъ сряду громадныя тяжести. И никому изъ негоціантовъ, загребающихъ мильоны чужими руками, не придетъ на умъ проложить хоть рельсы отъ воротъ пристани до всѣхъ пакгаузовъ, а эти допотопныя телѣжки замѣнять другими, которыя ходили бы по рельсамъ. Розинувши ротъ и не зная, за какую работу приняться, я бессмысленно смотрѣлъ на этотъ суетащійся вокругъ меня людской муравейникъ.

— Ты что, голубей-то считаешь? сказалъ мнѣ какой-то черныи какъ голеннице солдатъ, толкнувши меня въ спину. Иди телѣжки мазать!

— Кто ко мнѣ, кто ко мнѣ? кавалеры, подходи на работу.

— Ну, пойдемъ на третій штабель! Я вижу, что ты — ворона...

И съ этими словами, дрягиль третьяго штабеля повелъ меня къ телѣжкамъ.

— Чтобы всѣ восемь телѣжекъ были сейчасъ вымазаны, а не то проговню въ шею за ворота! Живо!

И съ этими словами, онъ меня такъ толкнулъ, что я чуть не клонулся носомъ въ баклагу съ дегтемъ.

Скрѣпя сердце, я принялся мазать колеса дегтемъ. Во всю свою жизнь мнѣ не приходилось заниматься такой работой. Я попробовалъ было просить у дрягиля другой работы, но стоящіе вблизи поденщики только захохотали.

— Экая вѣженка! экая бѣлоручка! говорили они: — вѣрно сложа ручки лучше сидѣть, да другихъ посылать на работу! Не прикажете ли васъ посадить въ большуіе хоромы, да сахарцомъ кормить? Что прикажете, ваша высокосвѣтлость? говорили нѣкоторые, насмѣшливо мнѣ кланяясь. Насмѣшники видимо догадывались, что я не ихъ поля ягода; я боялся, что узнають кто я, а это для меня было хуже смерти.

Красный какъ ракъ отъ стыда, я бессознательно тыкала мазилкой въ баклагу. Съ каждымъ моимъ неловкимъ движеніемъ, обступившая меня толпа принималась хохотать.

— Ну полно, полно, ротозѣи! рады, что дурака нашли! Пора за работу!

Толпа нехотя разбрелась: кто отправился на палубу ближайшихъ судовъ, чтобъ скатывать по мостамъ бочки, тюки и прочее; кто принялся накладывать товары на тележки. У каждаго черезъ плечо была надѣта мочальная лямка, которая своей петлей зацѣплялась за крюки въ тележкѣ.

Шесть человекъ, по-трое съ каждой стороны, натуживши груди, какъ ломовыя лошади, подавались впередъ, шагъ за шагомъ, кати товару пудовъ на пятьдесятъ. Вся эта процессія вытянувшись въ линію направлялась къ пакгаузамъ. Картины подобнаго рода хорошо извѣстны петербургскимъ жителямъ, проходящимъ и приходящимъ на биржу, чтобъ поглазѣть на собакъ, птицъ, привозимыхъ на корабляхъ лесною. Но вѣдь на эту египетскую работу хорошо посмотреть издали, а каково въ двадцати-градусную іюльскую жару, обливаясь потомъ, пропекаясь стоящимъ надъ головой солнцемъ, возить непрерывно двѣнадцать часовъ сряду тяжести пудовъ по восьми, по десяти на каждаго? Перепачкавши какъ нельзя быть лучше сапоги, штанишки, слѣлавшись, какъ говорится, чортъ-чортомъ, я тоже впрягся во второй рядъ. Но только-что я успѣлъ напрячь силы, какъ лямка лопнула и я чуть не клюнулся носомъ въ мостовую.

— Ха-ха-ха! раздалось снова вокругъ меня, и снова пошли насмѣшки.

— За ворота его, за ворота! Какой онъ намъ помошникъ! кричали поденщики, преимущественно изъ отставныхъ солдатъ.

Мимоходомъ не мѣшаетъ замѣтить, что отставные солдаты, особенно стараго закала, какъ-то удивительно чорствы душой, безжалостны... Страданія безвиннаго, новичка, непривыкшаго еще къ тяжелой работѣ, въ нихъ возбуждаютъ только насмѣшки, а не состраданіе. Какое горькое, безотрадное положеніе бѣднаго человѣка! Его терзаютъ не богачи, которые не имѣютъ понятія объ истинной бѣдности, а такіе же бѣдняки, какъ онъ самъ. Когда я накануне валялся въ сору, въ грязи, на полу, меня терзали злыя, гадкія старушонки; когда я съ самой похвальной настойчивостью рѣшился трудомъ заработать хлѣба, — на меня накинулись опять-таки бѣдняки, которые умерли бы съ голоду, еслибы не было въ Петербургѣ биржи. Нѣтъ, поденщики изъ мужичковъ были какъ-то скромнѣе: они не зубоскальничали, а кротко, какъ волю, тянули свою лямку. Сколько богобоязненности, смиренія, въ грязномъ повидному степномъ мужикѣ. Какое-то глубокое поэтическое чувство незлобія, всепрощенія, кроткой покорности жребію составляетъ отличительную черту неизбалованнаго городской жизнью селянина. Такъ и здѣсь: поденщики изъ мужичковъ не обращали

ни малѣйшаго вниманія на меня, а молча, не горячася, дѣлали свое дѣло.

— Прогнать его вашей за ворота! кричали поденщики, а я метлся изъ стороны въ сторону, прискивая новой ламки, чтобы припрячься снова къ телѣжкѣ.

Уже жестокосердый дрягиль повелъ меня за рукавъ къ воротамъ, но истерзаный ли видъ мой, страданія ли, проглядывающія въ каждой чертѣ лица, или хлынувшія изъ глазъ слезы — разжалобили его.

— Ну-ну, завяжи узломъ гдѣ разорвалось, да припрягайся, не то вышвырну за ворота, да еще оплеухами накормлю...

Что-то вродѣ радости блеснуло въ душѣ моей, когда мнѣ дали послѣднюю надежду не окозѣть съ голоду. Мнѣ кажется, образованный, сострадательный человекъ, взглянувши на меня въ эту минуту, непременно бы заплакалъ...

Когда я тянулъ телѣгу не такъ усердно, какъ прочіе, сзади идущій поденщикъ давалъ мнѣ тукманку въ спяну. И ослабляя постройку конечно не изъ лѣнности, не изъ желанія выгнать на другихъ, а отъ страшнаго безсилія.

Третьи сутки я не видалъ крохи хлѣба во рту; всю предшествовавшую ночь не смыкалъ глазъ. Кромѣ того, оторвавшаяся отъ пера подошва заставляла меня ступать на острые камни почти голой ногой. Я что-то разъ десять прогулялся въ упряжѣ, какъ на биржевыхъ часахъ пробило двѣнадцать, и залцлся, забарабанилъ колокольчикъ, призывающій къ отдыху.

Всѣ, гдѣ попало, побросали свои телѣжки и густою толпой повалили на площадку между скверомъ и задними воротами университета. Тутъ уже жужжали какъ пчелы поденщики; бабы, разносчики приглашали на-распѣвъ покупателей.

Кромѣ бабьяго горячаго сердца, рѣзаваго грошоваго мужицкаго горла, рубцовъ съ зелеными комочками кишочныхъ каменностей, предавалась горячая лапша, вареный картофель, похлебка съ рубцами и т. п. За полторы копѣйки называлась половина деревянной чашки, за копѣйку давалось полфунта хлѣба. Но у меня не было даже *двухъ съ половиною копѣекъ*, чтобы сколько-нибудь подкрѣпиться. Томимый страшнымъ голодомъ, еще болѣе возбужденнымъ запахомъ съѣстнаго, видя какъ вся площадь уписывала разныя похлебки, я хотѣлъ-было попросить у торговки въ додгъ хлѣба и чего-нибудь горячаго. Но какія страшныя клятвы я ни произносилъ, что расплачусь при вечерней поучкѣ, — ни одинъ и ни одна изъ торгующихъ не сжалились надо мной. Другіе, порасторонивъ, работавшіе

издавна на биржѣ, успѣли заслужить кредитъ, и оставше въ кат-
бачѣ, какъ водится, всё заработки, преспокойно набирали у тор-
говокъ съѣстного въ долгъ. Въ эти-то минуты я понялъ все свое
уничтоженіе. Какъ! человѣку довольно образованному, не занятна-
шему себя рѣшительно ничѣмъ, съ самымъ искреннимъ желаніемъ
трудиться, не повѣрять двухъ съ половиною копѣекъ!

— О, торговки, еслибы вы знали, что мнѣ, въ былое время,
поручали по нѣскольку тысячъ, безъ росписки, что я, имѣя случай
рублей сто положить въ карманъ ежемѣсячно, не воспользовался ни
копѣйкой; о, еслибы вы знали все это, вы повѣрили бы мнѣ. Рабо-
чіе, утѣвшись въ тѣни домовъ, преспокойно дохлебывали обѣдъ, за-
валивались тутъ же спать, а я, позабывши о необходимомъ от-
дыхѣ, истерзанный, измученный, голодный, стоялъ какъ истуканъ
среди площадки. Мимо меня сновали разные франты, въ лаковыхъ
полусапожкахъ, щегольскихъ бекешахъ, барыни въ модныхъ шляп-
кахъ и бурнусахъ, а я все стоялъ, размышляя о своемъ горькомъ по-
ложеніи...

Вдругъ, о ужасъ! мимо меня прошла цѣлая толпа знакомыхъ
чиновниковъ, съ которыми я стоялъ когда-то въ номерахъ.

Они такъ пристально посмотрѣли на меня, такъ ясно выразили
на лицахъ удивленіе, смѣшанное съ презрѣніемъ, что не оставалось
никакого сомнѣнія, что я узнавъ...

— До чего дошолъ! сказалъ одинъ изъ нихъ, отойдя отъ меня
шага на три. — Горьчайшій пьянющка; поидемъ скорѣй, а то еще
попросить милостыни...

Снова раздался звонъ, снова погнали на работу, снова завизжали
колеса нагруженныхъ телегъ; я-жъ окончательно потерялъ силы и
не зналъ что дѣлать. Ужъ не помню, какъ при помощи пинковъ,
толчковъ, ругательствъ, я проработалъ до восьми. Я до того растеръ
ноги, расслабъ, что не могъ ступить шагу. Однако, кое-какъ со-
бравши послѣднія силы, доползъ до вышеописанной площадки.
Тутъ уже стояли поленщики, выстроенные въ нѣсколько шеренгъ,
правымъ флангомъ къ конторѣ дрягилей (подлѣ портерной, мелоч-
ной и кабака). Началась раздача, пріятно зазвенѣли въ мѣшкахъ
вынесенныя деньги; я, въ числѣ прочихъ, получилъ тридцать ко-
пѣекъ, шестью пятаками.

Въ эту минуту, несмотря на боль въ ногахъ, я былъ счастливѣе
Ротшильда... Солнце уже склонялось къ горизонту, когда я побрелъ
снова на петербургскую, на знакомую читателю квартиру. Каждый
шагъ большими ногами словно ножомъ ударялъ въ сердце, а мнѣ
приходилось идти версты три, черезъ всю петербургскую, за це-

тропавловскую больницу къ Самсоновскому мосту. Я не утерпѣлъ, чтобъ не истратить пятакъ на фунтъ чернаго хлѣба съ масломъ. Проходя отъ петербургской части, я взялъ по пушкарской, рѣзнулся и шолъ босикомъ почти до самой квартиры. Встрѣченный ругательствами старухъ, я повалился не раздвѣаясь въ свой уголъ и заснулъ, какъ убитый.

ПЕТРЪ И.

(Собственной рукой.)

МОНТАНЕЛЛИ

17 іюня смерть поразила одного изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ возрожденія Италіи. Іосифъ Монтанелли, профессоръ юридическихъ наукъ, эксъ-президентъ совѣта министровъ, эксъ-триумвиръ временнаго правительства, скончался на пятидесятомъ году своей кипучей, дѣятельной жизни. Истинный патріотъ, онъ содѣйствовалъ не только политическому, но и нравственному возрожденію отечества. Искренно привязанный къ своему государю, онъ постоянно боролся съ коварными внушеніями министровъ, которые ставили личную пользу выше общаго блага. Музыкантъ, поэтъ, ученый, журналистъ, онъ на всѣхъ поприщахъ былъ гражданиномъ. Патріотизмъ до такой степени проникъ эту страстную натуру, что жизнь его вполнѣ слилась съ общественной жизнью, такъ что для полнаго пониманія его дѣятельности необходимо бросить предварительный взглядъ на общее положеніе Италіи при началѣ его политической карьеры.

Реставрація возстановила порядокъ вещей, существовавшій до французской революціи. Возвратившіеся государи не только не дали обѣщанныхъ конституцій, но и уничтожили большую часть полезныхъ учрежденій, оставленныхъ французами; мало того, въ одномъ изъ трактатовъ было сказано, чтобы итальянскіе владѣтели не смѣли давать новыхъ правъ до тѣхъ поръ, пока Австрія не дастъ ихъ своимъ подданнымъ.

Эти распоряженія и неправосудіе правительствъ вызвали многочисленныя заговоры и возстанія, которые постоянно кончались неудачами, потому что въ дѣйствіяхъ разныхъ государствъ полуострова не было единодушія. Революціи производились тайными обществами; въ нихъ участвовали люди избранные и болѣе другихъ развитые, но усилія ихъ не находили поддержки въ массѣ; чтобы разшевелить ее, нужна была немовѣрная энергія. Итальянскіе владѣтели старались какъ возможно болѣе развращать низшія

классъ народа и поддерживать вражду между сословіями. Въ самыхъ тайныхъ обществахъ господствовало уливительное разногласіе: одни не отказались отъ возрожденія Италіи посредствомъ папства; другіе обратились къ старой теоріи гибеллиновъ, замѣнивъ императора Франціей; третьи мечтали о республикѣ, не пробудивъ демократіи, — и событія показали ихъ ошибку. Сила Италіи заключалась въ народѣ, а народъ не только не сочувствовалъ своимъ освободителямъ, но даже проклиналъ ихъ, остылевшій ловко выдуманными противъ нихъ клеветами. Чтобъ освободить Италію, необходимо было образованнымъ классамъ сблизиться съ народомъ, привлечь на свою сторону часть духовенства или разрушить его авторитетъ и, пробудивъ такимъ образомъ древній демократизмъ, смѣло выступить на борьбу.

Казалось, цѣлые вѣка требовались для приведенія въ дѣйствіе этого гигантскаго предпріятія, но притѣсненія правительствъ чрезвычайно ускорили дѣйствія тайныхъ обществъ и литературы, и возрожденіе націи быстро совершилось. Но прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію вліянія каждаго изъ этихъ двигателей, представимъ краткій очеркъ состоянія народныхъ нравовъ въ Италіи: — тогда только читатели поймутъ всю громадность преодолѣнныхъ препятствій.

Начнемъ съ юга.

Сицилія, съ того времени какъ подпала подъ испанское иго, находилась въ самомъ жалкомъ состояніи относительно умственнаго и нравственнаго развитія народа; борьба за конституцію производилась баронами, которые увлекали иногда массу, но не могли дать ей надлежащаго политическаго воспитанія: реакціи слишкомъ быстро слѣдовали за революціей. Короли старались подкупить духовенство и съ помощью его держать народъ въ повиновеніи; самыя грубыя легенды составляли основу вѣрованія сицилійцевъ. На образованіе народа употреблялось не болѣе трехсотой части государственныхъ доходовъ. Несчастные обитатели острова, отягощенные податями, почти совершенно не занимались земледѣліемъ, потому что главная тяжесть падала на произведеніе жатвы. Присоедините къ этому отсутствіе средствъ сообщенія, стѣсненія въ торговлѣ и къ доступу иностранцевъ на островъ, и вы поймете въ какомъ невѣжествѣ неаполитанское правительство старалось держать народъ. Но несмотря на все это, яредвыя слѣдствія реакціи отразились на сицилійцахъ менѣе, чѣмъ на неаполитанцахъ. Причина этого заключалась отчасти въ трехлѣтнемъ пользованіи конституціей 1812 года, отчасти въ яростныхъ и бѣгахъ правительства,

которое обращалось съ сидящими съ особенной жестокостью и отчасти въ гористомъ положеніи острова, которое позволяло скрываться патрїотамъ. Въ Неаполѣ было еще хуже: воспитаніе находилось въ рукахъ іезуитовъ. До 30,000 лазарони наполняли улицы и площади Неаполя. Ремесло ихъ состояло въ томъ, чтобы оказать какую-нибудь услугу иностранцу, получить за нее нѣсколько монетъ и потомъ цѣлый день валяться на солнцѣ, довольствуясь самой скудной пищей. Трусливые и воры, они при неудачѣ ползаютъ въ ногахъ у вась и черезъ минуту готовы снова обокрасть, а иногда и зарѣзать. Полиція покровительствовала имъ и самые короли старались привязать къ себѣ эту низкую чернь, лаская ее, позволяя ей грабить и образуя изъ ней тайныя общества, враждебныя карбонаріямъ. Лазарони развращены были до крайности. Жены ихъ соперничали съ мужьями въ воровствѣ, перяшествѣ, развратѣ и суетнѣри.

Въ Римѣ управленіе папы произвело еще худшіе результаты. Воровство, убійство, развратъ считались тамъ ничемъ, лишь бы виновные аккуратно исполняли церковныя обряды и не входили въ столкновение съ духовенствомъ, которое всѣми мѣрами старалось сберечь свои прерогативы. Аббаты и монахи управляли тамъ всѣмъ: они исполняли въ своихъ приходахъ обязанности мэровъ, мировыхъ судей, полицейскихъ комиссаровъ, сводчиковъ, посредниковъ между мужемъ и женой и между женой и любовникомъ. Типъ Фра Жацциса (1) сохранился во всей чистотѣ. Въ богатыхъ домахъ они занимались хозяйствомъ, воспитаніемъ дѣтей и исполненіемъ капризовъ хозяйки. Римлянки не читаютъ и не работаютъ, — онѣ проводятъ все время въ нарядахъ, въ церквахъ, въ визитахъ и въ любовныхъ интригахъ. Нищенство покровительствуется въ Римѣ не менѣе ланжества; проституція существуетъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ, потомучто не принято никакихъ мѣръ придать ей правильную организацію.

Въ Тосканѣ развились въ высшей степени лицемеріе и эгоизмъ. Выродившійся тоскамецъ усвоилъ себѣ серію правилъ, составляющихъ настоящій кодексъ поллости: людей великодушныхъ и преданныхъ общему благу называлъ дураками и мечтателями, узкихъ эгоистовъ людьми благоразумными. Юношество получало самое превратное, іезуитское воспитаніе: невѣрующіе ходили въ церковь, чтобы не быть замѣченными, друзья не имѣли мужества защищать другъ друга; повсюду отсутствіе сильныхъ страстей, отсутствіе

(1) Одно изъ дѣствующихъ лицъ въ комедіи Макіавелли: «Мавдрагора-протестантъ Терриво».

убѣжденій и сознанія своего человѣческаго достоинства; повсюду уклончивость, лезть, и сбирокупатія.

Въ Ломбардіи не было подобной апатіи. Венеція, не смотря на аристократію, стоявшую во главѣ ея управленія, дала своимъ подданнымъ учрежденія, основанныя на либеральныхъ началахъ, въ концѣ XVIII вѣка; прежде французскаго вторженія, мы уже видимъ, что коммуны управлялись сами собою, что внутреннія таможи, феодалное судопроизводство, пытка, право убѣжища для преступниковъ, кнутъ и колесованіе были уничтожены, тюремная система измѣнена, пріюты для воспитанія и публичныя кафедры открыты. Реформы, внесенныя французскою революціей, еще болѣе способствовали развитію народа, такъ что австрійцы не могли, безъ крайней для себя опасности, приступить къ радикальному измѣненію ломбардскихъ учреждений. Они приняла въ отношеніе къ народу систему лицемѣрія и тайнаго, постепеннаго угнетенія, но система эта не могла въ скоромъ времени принести плодовъ своихъ, потому что народное образованіе было распространено въ Ломбардіи болѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Италіи, посредствомъ муниципальных и частныхъ заведеній.

Въ Пьемонтѣ народъ находился на низкой степени развитія. Сардинскіе короли постоянно опирались на армію, которая и составляла преобладающую касту. Демократическія тенденціи возникли только отчасти въ нее; самый же народъ оставался вѣрнѣе своимъ государямъ и холоденъ къ реформамъ; дворянство было раздѣлено на двѣ партіи: одна работала въ пользу независимости Италіи, другая въ пользу увеличенія могущества савойскаго дома. То же самое было и въ буржуазіи.

Такимъ образомъ въ большей части итальянскихъ государствъ народъ не былъ приготовленъ къ перевороту: притѣсненія правительствъ могли вызвать его, но онъ могъ кончиться только уничтоженіемъ ненавистныхъ личностей, но не принципозъ. Чтобы сдѣлать движеніе разумнымъ надо было дать націи политическое воспитаніе. Монтанелли былъ одинъ изъ главныхъ дѣателей на этомъ поприщѣ.

Онъ родился въ 1813 году, неподалеку отъ Флоренціи въ одномъ маленькомъ городкѣ Фучеккіо. Отецъ его былъ музыкантомъ, страстно любилъ искусство и хотѣлъ сына своего сдѣлать артистомъ. Это воспитаніе какъ нельзя болѣе гармонировало съ страстной, впечатлительной натурой ребенка. Девяти лѣтъ, онъ былъ уже извѣстенъ въ окрестности какъ искусный пѣвчій и органистъ. Въ это время судьба маленькаго Юсіфа перемѣнилась. Дядя его, каноникъ и ректоръ пизанской коллегіи настоялъ, чтобы ему поручили воспи-

тепѣ млемящца. Оторванный отъ своихъ любимыхъ занятій, онъ съ грустью покорился необходимости и принялся за изученіе классиковъ и энциклопедиковъ.

Это чтеніе сдѣлало его сначала атеистомъ, но атеизмъ былъ чуждъ его поэтической натурѣ, и онъ скоро сталъ въ числѣ послѣдователей Сенъ-Симона; впоследствии размышленія и неудача на политическомъ поприщѣ обратили его къ неокатолицизму.

Въ то самое время, когда совершался этотъ нравственный переворотъ, Монтациелли не переставалъ заниматься поэзіей и наукой. Въ 1836 году онъ издалъ собраніе своихъ лирическихъ стихотвореній, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ; черезъ четыре года послѣ того онъ получилъ кафедру тосканскаго и коммерческаго права въ пизанскомъ университетѣ. Лекціи его возбуждали энтузіазмъ молодежи и доставили ему многочисленныхъ поклонниковъ.

Между тѣмъ судьбы Италіи совершались. Тайныя общества и литература неутомимо работали. Кромѣ «Юной Италіи» Маджиа существовали еще другія общества подъ разными названіями. Однѣ изъ нихъ принимали республику, другія ограниченную монархію, третьи работали въ пользу савойскаго дома, но почти всѣ ставили началомъ возрожденія насильственный переворотъ.

Сверхъ этихъ обществъ существовали другія, имѣвшія цѣлью воспитаніе народа и сближеніе его съ образованнымъ классомъ. Первая идея основанія приютовъ принадлежитъ Матильдѣ Каландрини, уроженкѣ Женевы; она задумала перенести въ Пизу учебныя заведенія своего отечества; это намѣреніе встрѣтило горячее сочувствіе со стороны Людовика Фрасси, стараго республиканца 99 года. Неимѣя возможности открыть школы безъ позволенія правительства и зная, что просить объ этомъ бесполезно, Фрасси первый приютъ открылъ у себя въ домѣ. Полиція, изъ боязни скандала, не рѣшилась вломиться въ жилище человѣка, всѣми уважаемаго, и бездѣйствіе ея было принято за безмолвное согласіе. Съ тѣхъ поръ школы эти начали размножаться: изъ Пизы перешли онѣ въ Кремону, Флоренцію, Ливорно, Болонью и Туринъ. Матильда Каландрини, истинная протестантка, принадлежавшая къ евангельской сектѣ, ревностно способствовала распространенію своихъ вѣрованій. Другіе члены евангельской общины помогали пропагандѣ раздачей священнаго писанія, переведеннаго на народный языкъ. Вліяніе этихъ обществъ было такъ велико, что число протестантовъ дошло въ Тосканѣ до двадцати тысячъ.

Въ Римѣ также были свои тайныя общества, старавшіяся распространить между простымъ народомъ сочиненія Ламма (Lamennais). Но главной причиною итальянскаго движенія была литера-

тура. Она раздѣлилась на двѣ школы: ломбардскую и тосканскую или, лучше сказать, католическую и протестантскую. Во главѣ первой стоялъ Александръ Манцони, во главѣ второй Джовинни Николини. Первый отличался сначала сентиментализмомъ, но потомъ, женившись на дочери одного женеваго банкира, сдѣлался нѣтъ-слѣбнъ въ ней истиннымъ католикомъ, и хотя въ немъ осталось до нѣкоторой степени вліяніе протестантства, запесенное шотландской и нѣмецкой поэзіей, тѣмъ неменѣе онъ оставался самымъ католическимъ поэтомъ Италіи, который когда-либо мечталъ о возрожденіи католическаго духовенства и о возрожденіи личности посредствомъ католицизма. Для него литература была все, — въ немъ было полное отсутствіе политическаго направленія и современныхъ наметковъ; онъ сталъ во главѣ школы единственно силой своего таланта. Но несмотря на то, политическое вліяніе его было огромно; его сочиненія были прелюдіей «Il Primato» Джоберти. Поэтъ покорности судьбѣ, онъ остается непоколебимымъ въ своихъ иллюзіяхъ и, несмотря на измѣну Рима и разрушеніе надеждъ своихъ, продолжаетъ мечтать объ идеалѣ, котораго осуществленія ждетъ отъ будущности. Послѣдователь Манцони, Сильвіо Пеллико, простеръ самоотреченіе еще далѣе, до унынія. Увзникъ въ Шпальбергѣ, онъ по освобожденіи не зналъ что дѣлать изъ своей свободы: онъ отказался отъ политики и литературы и умеръ бібліотекаремъ одной маркизы, а между тѣмъ сочиненія его имѣли огромное вліяніе, — описаніе его страданій возбудило глубокое негодованіе противъ Австріи, а его покорность судьбѣ была принята за неустрашимость мученика.

Къ этой же школѣ слѣдуетъ причислить Николая Томасео и Александра Поэріо, героевъ осады Венеціи. Первый, неутомимый работникъ, писалъ день и ночь стихи, романы, статьи критическія, философскія, филологическія; вездѣ онъ защищалъ церковь св. Петра противъ чужестранцевъ и тосканской школы, вездѣ старался онъ доказать необходимость соединенія разума и вѣры. Но эта ревность къ религіи не мѣшала ему нападать на нихъ и требовать уничтоженія ихъ свѣтской власти. И эти нападенія тѣмъ болѣе имѣли силы, что происходили со стороны искренняго католика, на языкѣ народномъ, понятномъ массѣ.

Александръ Поэріо былъ сынъ известнаго адвоката, славнаго своими страданіями за итальянскую независимость. Чувствительный и мечтательный до крайности, юный поэтъ постоянно жилъ въ странѣ химеръ: дѣйствительность не могла разрушить его обольщеній и только вызывала энергическіе звуки съ его страстной лиры. Вліяніе его не ограничивалось одной поэзіей. Заслуги

его отца, брата и дяди, и собственная примѣрная жизнь дѣлала его любимцемъ народа.

Но если ломбардская школа дала кой-какія надежды на рину и католицизмъ, то тосканская отвергала возможность возроженія съ помощью ихъ. Въ головѣ ея стоялъ Никколини, достойный наследникъ мужественнаго генія Альфиери и Уго Фосколо. Еще прежде, во время владычества Наполеона, онъ отличаясь араманомъ съ политическими намеками. Впослѣдствіи его намеки сдѣлались еще ярче. Въ трагедіи своей «Джованни Пречиди», онъ такъ вѣрно изобразилъ австрійцевъ подъ видомъ французовъ, что австрійскій посланникъ, присутствуя на первомъ представленіи, сказалъ французскому: «адресъ на наше имя, но письмо ко мнѣ!» Другая трагедія Никколини «Арнольдъ Брешианскій», служила краснорѣчивымъ отвѣтомъ ломбардской школѣ; онъ неодолимо доказалъ, что реформа и свобода посредствомъ церкви и антагонизмъ ея съ имперіей не приведутъ ни къ чему; что при первомъ удобномъ случаѣ церковь и имперія соединятся противъ свободы и реформы.

Въ томъ съ Никколини, по вліянію на современниковъ, слѣдуетъ поставить Гератси, страстнаго поклонника Макиавелли и Байрона, человека съ желѣзнымъ характеромъ и съ сильнымъ, скептическимъ умомъ. Онъ имѣетъ въ виду одну цѣль — пробудить отечество, и не заботится о правилахъ искусства; всѣ его произведенія сотворены страстью для оправданія заранее заданной идеи.

Почти одновременно съ Гератси началъ дѣйствовать Джусти. Сатиры его удивительны; ѣдкость, тонкая насмѣшка, сила, разнообразіе формъ, народный языкъ, обороты рѣчи дѣлали изъ него опаснаго противника. Его «Dies irae», «Brindisi di Cirilla», «In-sogonazione» расходились въ спискахъ тысячами и пробуждали Италію.

Но въ то время, когда Джусти находился въ полной силѣ таланта и жизни, въ то самое время на берегахъ неанолитанскаго залива умиралъ другой, болѣе великій поэтъ, Джакомо Леонарди. Онъ умеръ, но пѣсни его, полныя отчаяніемъ и славныхъ воспоминаній, остались; неволи отечества и равнодушіе соотечественниковъ вызываютъ съ его лиры звуки гнѣва и глубокой скорби; съ ужасомъ отворачивается онъ отъ настоящаго и въ прошедшемъ ищетъ утѣшенія и примѣровъ для малолетнихъ современниковъ.

Но не одни поэты способствовали возроженію нации; философы, экономисты, историки, адвокаты, журналисты трудились не меньше на этомъ поприщѣ. Имена Вессе, Амари, Раніери, Ботты, Ричарди, Маміани, Романьози, Феррари, Каттанео, Аугустиниса,

Шіалойи, Джоберти и многихъ другихъ никогда не будутъ забыты въ итальянскихъ лѣтописяхъ (1).

Такимъ образомъ двѣ противоположныя силы вели общество къ одной цѣли, хотя различными путями; не было никакого сомнѣнія, что система заговоровъ должна будетъ скоро пасть по быстрому увеличенію числа недовольныхъ и по разнохарактерности ихъ требованій. Но самое это увеличеніе служило къ болѣе частымъ попыткамъ произвести насильственный переворотъ. Сорокъ-третій годъ долженъ былъ разрѣшиться общимиъ возстаніемъ, но въкоторыя недоразумѣнія между начальниками заговора помѣшали ему обнаружиться своевременно, а потомъ открыла его полиція и кровь полилась ручьями.

Монтанелли хотя и принадлежалъ къ разнымъ тайнымъ обществамъ, но велъ себя такъ осторожно, что избѣжалъ гоненія. Мало того, убѣжденный, что возрожденіе національное возможно только посредствомъ возрожденія личнаго, онъ основалъ съ этой цѣлью общество *I fratelli italiani*. Девизомъ общества было самосовершенствованіе: всякій членъ долженъ былъ сдѣлать себя достойнымъ освободить родину, долженъ былъ подавать собой примѣръ другимъ, какъ истинный гражданинъ, какъ врагъ эгоизма личнаго и провинціального.

(1) Вьессё (Vieusseux) женевецъ, основатель либеральнаго журнала: «Флорентинская антологія». По запрещеніи его, сталъ издавать историческій архивъ и агрономическій журналъ, въ которомъ помѣщались весьма важныя политико-экономическія статьи. Извѣстенъ сверхъ того какъ учредитель превосходнаго кабинета для чтенія и издатель многихъ полезныхъ книгъ.

Амари, авторъ исторіи сицилійской вечерни, принужденный бѣжать изъ Сициліи во Францію по случаю этого сочиненія.

Раніери, историкъ. — замѣчательнъ романомъ «Джиавера», въ которомъ изображаетъ ужасное состояніе пріютовъ и воровство служащихъ въ нихъ члвковъ.

Ботта, авторъ исторіи Неаполя.

Ричарди, редакторъ экономическаго журнала, принадлежалъ къ партіи радикаловъ; впоследствии извѣстенъ превосходной исторіей Италіи.

Аугустинианъ, Шіалейя, — известные политико-экономы.

Романьози, философъ, — доказывалъ, что судьбы Италіи неразрывно связаны съ судьбами французской революціи, что возрожденіе возможно только при безостановочномъ развитіи гражданской свободы, при соединеніи партій.

Каттанео, ученикъ Романьози, герой миланской революціи, признавалъ единство Италіи въ видѣ сѣверо-американской федераціи.

Феррари, тоже ученикъ Романьози, вослѣдователь Вико, автора многихъ замѣчательныхъ сочиненій объ Италіи.

Маміани, извѣстный философъ, авторъ брошюры: «Наше мнѣніе объ итальянскихъ дѣлахъ», въ которой предлагаетъ патриотамъ заняться образованіемъ народа и дѣйствовать на духовенство.

Между тѣмъ, пока тайныя общества договаривали свое послѣднее слово, явилось знаменитое сочиненіе Джоверти «Il Primato» (о нравственномъ и политическомъ первенствѣ итальянцевъ). До сихъ поръ аббатъ Джоверти былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ послѣдователей Мадзини. Онъ участвовалъ въ его журналѣ подъ именемъ Демофила. Принужденный бѣжать въ 1833 году во Францію, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ переѣхалъ въ Брюссель, гдѣ получилъ мѣсто профессора философіи въ одномъ частномъ заведеніи. Здѣсь въ 1838 году онъ публиковалъ книгу: *о сверхъестественномъ* (del Soprannaturale), которая доставила ему въ Италіи славу глубокаго и оригинальнаго мыслителя. Въ посвященіи этой книги своему другу Паліо, умершему въ изгнаніи, онъ называлъ итальянскихъ принцевъ домашними тиранами, Карла Альберта жестокимъ человѣкомъ; онъ утверждалъ, что новѣйшій прогрессъ стремится къ измѣненію принципа наслѣдственности принципомъ избирательнымъ. Нѣсколько спустя онъ издалъ новое сочиненіе: «Введеніе къ изученію философіи», въ которомъ онъ старался помирить философію съ католицизмомъ посредствомъ антологическаго метода, въ различіе отъ метода психологическаго, который употребляла школа Росмини. Что касается до примѣненія своей формулы къ политикѣ, онъ различалъ идеалъ будущаго общества отъ переходнаго состоянія; его идеаломъ было управленіе общества природной аристократіей, способной къ администраціи и искусно организованной посредствомъ іерархическихъ выборовъ, подъ верховной властью права и справедливости. Отвергая принципъ наслѣдственности въ нормальной жизни націй, онъ теоретически былъ республиканцемъ, но въ періодъ переходный онъ допускалъ отвергаемый принципъ съ условіемъ, чтобы государи отказались отъ придворной пышности и деспотическихъ привычекъ; онъ признавалъ мало пользы въ отрицательныхъ системахъ революціонныхъ школъ, хотя и допускалъ изгнаніе принца, нарушителя конституціи. Эти доктрины нисколько не заподозрили Джоверти въ глазахъ правительства; іезуиты стали за него, потому что онъ шолъ противъ Росмини, ненавистнаго имъ учрежденіемъ новаго духовнаго ордена. Леопольдъ II едва не далъ ему кафедру въ пизанскомъ университетѣ.

Такимъ образомъ въ 1843 году Джоверти уже пользовался значительной извѣстностью. Новая книга его произвела огромное впечатлѣніе. «Цивилизація, — говоритъ онъ, — состоитъ не въ дѣвухъ матеріальныхъ благахъ; Италія сохранила тѣ абсолютныя принципы, которые создаютъ цивилизацію; она сохранила первенство нравственное, сохранивъ папство; теперь надо, чтобы оно

возвратило ей первенство политическое. Она первая изъ націй, потому что провидѣніе назначило въ ней пребываніе папы. Противники папства неправы, утверждая, что оно убило итальянскую національность. Папство разрушало политическое единство, дѣло варваровъ, для того, чтобы создать его нравственно: оно хотѣло составить федерацію князей и народовъ, соединившихся подъ знаменемъ вѣры. Народы, подобно отдѣльнымъ личностямъ, имѣютъ свою зрѣлость и дѣтство; пока они малы, они требуютъ опеки, а они по вѣсьмъ правиламъ принадлежать церкви. Варвары разрушили имперію, церковь въ свою очередь должна разрушить ихъ, потому что она наследница цесарей. Итакъ духовенству предстоитъ играть важную политическую роль. Только тогда, когда народы выйдутъ изъ дѣтства, оно можетъ получать уроки отъ мірянъ; только тогда священникъ сдѣлается изъ диктатора посредникомъ между князьями и народами. Это посредничество, невозможное въ другихъ мѣстахъ Европы, возможно въ Италіи. Она требуетъ національной независимости, единства и политической свободы. Папство можетъ удовлетворить этимъ требованіямъ: первымъ двумъ — ставши во главѣ политической федераціи, послѣдному — употребляя свой авторитетъ надъ государями. Это посредничество возможно безъ революціи; потому что папство не присвоиваетъ себѣ новыхъ правъ, и входитъ только въ старыя свои прерогативы; будутъ реформы, но не буыты, князья и народы останутся примиренными и довольными подъ духовной властью папы. Чтобы приступить къ этому, необходимо духовенству переродиться, и Джоберти съ гордостью наименовалъ Григорію XVI, вассалу Австріи, Гильдебранда и Иннокентія; съ гордостью указывалъ онъ невѣжественнымъ фанатикамъ-монахамъ монаха покровителя наукъ, защитника слабыхъ, опорубѣдныхъ.

Положивъ въ основу своего сочиненія средневѣковой дуализмъ, Джоберти хотѣлъ, чтобы папа явился вдохновителемъ и почетнымъ главой итальянской лиги, чтобы Карлъ-Альбертъ былъ ея действительнымъ начальникомъ.

Впечатленіе, произведенное этой книгой, было громадно: семинаріи, монастыри, капоники, архіепископы, кардиналы были въ восторгѣ; либеральная Италія напротивъ того пришла въ крайнее негодованіе: она звала Джоберти отступникомъ, предтечей торквемады; Сальванони осыпалъ его эпиграмами; Джусти написалъ на его книгу пародію. Но несмотря на весь этотъ гнѣвъ, многие изъ членовъ либеральной партіи обратились къ неокатолицизму. Къ числу ихъ принадлежатъ професора Чентофанти, Пуччинотти и Монтанелли. Вотъ какъ послѣдній описываетъ свое обращеніе:

В детстве зимы 1843 года, я познакомился съ Карломъ Эйнардомъ, женовскимъ протестантомъ, евангелическаго исповѣданія, племянникомъ знаменитаго Филеллиа. Я познакомился съ нимъ и открылъ ему мое внутреннее состояніе. Онъ посоветовалъ мнѣ молиться, и прислалъ краснорѣчивое письмо, въ которомъ заключалось нѣсколько евангелическихъ цитатъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ я могъ воспользоваться его совѣтами. Но послѣ политическихъ неудачъ этого года, отирающихся въ Ливорно, чтобы укрыть одного романскаго изгнанника, я узналъ отъ него о смерти Александра Чирриани. Это было для меня ударомъ; потеря одного изъ самыхъ близкихъ друзей, мысль что оцъ умеръ отъ горя вследствие нашихъ общественныхъ бѣдствій, предчувствіе другихъ несчастій, которыя должна была повлечь за собой эта катастрофа — этого было слишкомъ много для меня въ томъ состояніи нравственнаго униженія, въ которомъ я находился послѣ безплодныхъ усилій моей родины — освободиться; я почувствовалъ такое глубокое отиращеніе къ жизни, что былъ не въ состояніи ни дѣйствовать, ни даже хотѣть; я рѣшился броситься въ море, но дядей, явочнымъ образомъ Эйнарда, я попробовалъ молиться; въ этомъ возвышеніи души я нашелъ силы, которыхъ мнѣ не доставало; съ этихъ поръ молитва сдѣлалась для меня одной изъ привычекъ. Я принялся за чтеніе евангелія; чистота нравственнаго его ученія и сознаніе дискуссительной миссіи Христа стали для меня очевидны. Философія Джоберти, нѣкоторыя сочиненія католической школы въ Германіи, творенія нѣкоторыхъ отцовъ церкви, были большими пособіями для разъясненія затрудненій, которыя представляла себѣ моему уму система католицизма. Я не могъ рѣшиться въпринять прежде нѣмъ убѣдился, что она не оскорбляетъ ни разсудка, ни свободы совѣсти; что можно быть католикомъ, отрицая непогрѣшимость папы, клерикальный авторитетъ и это неизбежное и смущающее впечатлѣтельство цонравъ вралъ и во все; я убѣдился, что можно быть католикомъ какъ Данте, какъ Саффарола, какъ Пасткаль, какъ были многіе великіе умы, многіе великіе граждане. »

Въ этихъ словахъ весь Монтанелли; не станемъ разсматривать до какой степени были справедливы его убѣжденія, замѣтимъ только, что оцъ былъ искрененъ, что оставаясь имъ вѣренъ, оцъ могъ дѣлать гораздо большее вліяніе на общество, чѣмъ его антагонисты.

Между тѣмъ событія шли своими чередомъ; нестерпимыя притѣсненія возбудили возстаніе въ Романіи и заговоры въ Неаполѣ, Мисурсанты были разбиты и принуждены бѣжать въ Тоскану. Бѣгство въ нѣсколько на выдала папѣ, но еще отправили на казнь нѣ

счетъ въ Ливорно, а оттуда съ тосканскими паспортами во Францію. Общественное мнѣніе съ восторгомъ привѣтствовало рѣшеніе Леопольда, но очарованіе продолжалось недолго. Ренци, начальникъ романскихъ инсургентовъ, имѣлъ неосторожность возвратиться въ Тоскану, и былъ арестованъ. Папа потребовалъ его выдачи; большинство дипломатическаго корпуса поддерживало это требованіе; общественное мнѣніе было противъ, дѣло шло о народной чести, вопросъ принялъ громадныя размѣры. Адвокатъ Сальватори явился защитникомъ изгнанника. Дѣло было перенесено въ консульту; изъ трехъ голосовъ два было въ пользу Ренци. Жена его, мать трехъ малолѣтнихъ дѣтей, подала герцогу трогательную просьбу, которую онъ прочиталъ со слезами на глазахъ. Съ своей стороны министры, генеральный адвокатъ и дипломатическій корпусъ, настаивали на выдачѣ. Герцогъ уступалъ. Общественному негодованію не было предѣловъ. Не имѣя возможности сообщаться съ массами посредствомъ печати, коллективныхъ прошеній или собраній, патриоты рѣшились прибѣгнуть къ тайной прессѣ и демонстраціямъ. Монтанелли стоялъ во главѣ распорядителей. Всякую ночь на стѣнахъ домовъ являлись надписи: Да здравствуетъ консульта! Къ чорту іезуитское министерство!

Взволновавъ Пизу, онъ отправилъ во Флоренцію Руски и Маленкини для приготовленія тамъ демонстраціи противъ министерствъ: рѣшено было въ день вѣзда герцога въ столицу изъ загороднаго дворца, собраться всѣми недовольнымъ, и не произнося противъ Леопольда никакихъ оскорбительныхъ криковъ, требовать удаленія министерства. Въ то же время прошеніе жены Ренци разсылали по почтѣ и распространяли посредствомъ переписки съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: «Великій герцогъ плакалъ, читая это прошеніе 3 января, а въ ночь 24, его министры выдали Ренци папѣ.» Демонстрація была уже совершенно готова, какъ послѣдовала отиѣна ея, потомучто большая часть умѣренныхъ находила предлогъ слишкомъ маловажнымъ. Въмѣсто этого они предложили выдать медаль въ честь покойнаго министра Нери-Корсини; но Монтанелли отказался отъ этой недостойной комедіи: Корсини защищалъ когда-то территоріальную независимость Тосканы, и въ 1843 году выдалъ папѣ Віоли, — какой же смыслъ имѣла медаль въ честь его?

Дѣломъ Ренци начинается новый фазисъ итальянскаго развитія. Система законной агитаціи замѣнила систему тайныхъ обществъ. Средства, избранныя либеральной партіей, состояли въ распространеніи листовъ, выходившихъ изъ тайныхъ типографій, въ коллективныхъ прошеніяхъ, въ демонстраціяхъ. Эта система съ каждымъ днемъ приобрѣтала новыхъ приверженцевъ. Книга «Наде-

жаны Италіи» Чезаре Бальбо показала, что самые умѣренные становятся на сторону либераловъ. Новое сочиненіе Джоберти: «Прологомены», раскрыло политику іезуитовъ. Авторъ приписывалъ имъ всѣ пороки духовенства, всѣ ошибки напства въ послѣднее время, онъ показывалъ іезуитизмъ какъ одно изъ важнѣйшихъ препятствій къ возрожденію Италіи.

Въ такомъ положеніи выходились дѣла, когда іезуиты вздумали утвердиться въ Пизѣ. Дѣйствуя по своему обыкновенію явъ-подъ руки, они испросили позволеніе завести женскій монастырь Христова сердца. Извѣстно, что эта община слѣдуетъ правиламъ Лойолы и обязана имѣть исповѣдниками іезуитовъ. Позволеніе было дано, и генераль-викарій въ Пизѣ купилъ уже домъ для монастыря, какъ вдругъ пріѣхалъ новый губернаторъ, графъ Серристоря. Это былъ человекъ гордый, честолюбивый, имѣвшій о себѣ самое высокое мнѣніе. У него всегда было въ запасѣ нѣсколько административныхъ проектовъ, и онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ дня, когда слѣдякшись министромъ, приведетъ ихъ въ исполненіе. Несмотря на свои деспотическія наклонности, онъ пользовался нѣкоторой популярностью между либералами. — Этимъ онъ былъ обязанъ своимъ ученымъ трудамъ, стараньямъ, какія употребилъ при устройствѣ школъ взаимнаго обученія и дружбѣ съ Каппони и Вьессе. Новый губернаторъ постоянно утверждалъ, что духовенство должно заниматься своими дѣлами, неосмѣливаясь врываться во владѣнія свѣтской власти. Пріѣхавъ въ Пизу онъ далъ понять, что желаетъ демонстраціи противъ іезуитовъ. Ночью 21 февраля до тридцати либераловъ, принадлежащихъ большей частью къ важнѣйшимъ семействамъ, собрались на площади и выбили стекла въ домѣ викарія съ упреками и ругательствами противъ іезуитовъ, іезуитокъ и ихъ покровителей. Полиція, какъ надо было предвидѣть, пришла, когда все было кончено, и не беспокоила никого изъ участниковъ демонстраціи. Губернаторъ донесъ, что умы находятся въ сильномъ волненіи.

Монтанелли въ это время не было въ городѣ. Вернувшись, онъ постарался сообщить движенію болѣе серьезный и мирный характеръ: онъ составилъ протестъ противъ іезуитовъ на имя Серристоря, подписанный 246 лицами. Позволеніе, данное общинѣ, было отменено, но въ то же время приказано было ректору объявить выговоръ всѣмъ профессорамъ, подписавшимъ протестъ. Профессора отиѣчали, что они исполнили долгъ свой и считаютъ полученный выговоръ несправедливымъ. Протестація Монтанелли навлѣла много шума, и нашла отголосокъ въ другихъ городахъ.

Въ это время существовали во Флоренціи двѣ партіи либера-

ловъ. Одна, постоянно готовая къ дѣйствию, считала вождемъ своимъ Карла Фенци; другая, партія академиковъ, — Джинно Каппони. Первый; несмотря на то, что имѣлъ не болѣе двадцати лѣтъ, отличался твердымъ характеромъ, сообразительностью и хладнокровиемъ. Принимаясь за что-нибудь, онъ внимательно обдумывалъ вопросъ со всѣхъ сторонъ и потому уже шолъ прямо къ цѣли, не изиравъ ни на какія препятствія. Обширныя познанія, приобретенныя усидчивымъ трудомъ и путешествіями, богатство, скромность, безкорыстная любовь къ отечеству, дѣлали его идеомъ молодежи.

Джинно Каппони былъ наследникъ одного изъ прекраснѣйшихъ именъ республиканской исторіи Флоренціи. Красивый, ласковый, покровитель наукъ и искусствъ, онъ привлекалъ къ себѣ столько же наружностью, какъ и обхожденіемъ. Сильный, гибкій умъ, критическій таптъ, широкій взглядъ, твердая вѣра въ лучшую будущность человѣчества, громадная напятапность, могли бы сдѣлать его однимъ изъ самыхъ опасныхъ бойцовъ на политическомъ поприщѣ; но отсутствіе практичности и природная нерѣшительность, усилившаяся еще послѣ того какъ онъ ослѣпъ, заставляли его часто дѣйствовать вопреки убѣжденіямъ. Какъ скоро касалось дѣла, онъ затруднялся всякими пустяками, и готовъ былъ скорѣе соединиться съ ретроградной партіей, чѣмъ отважиться на какой-нибудь смѣлый поступокъ.

Несмотря на такой разнохарактерный составъ флорентинскаго либеральнаго общества, Монтанелли надѣялся увлечь за собой обѣ партіи. Онъ старался какъ можно болѣе обобщить движеніе, и съ этой цѣлью задумалъ открыть подписку въ пользу браковскихъ эмигрантовъ, но подписка эта не удалась, потому что никто изъ болѣе вліятельныхъ либераловъ не хотѣлъ поставить первый своего имени, такъ что Флоренція принуждена была послать деньги безъ спска жертвователей. Эта неудача не охладяла рвеніе Монтанелли, и онъ устроилъ обѣдъ въ честь Массимо д'Азеліо, которому правительство приказало выѣхать изъ Тосканы за его брошюру: «Ultimi casi di Romagna». Но академическіе либералы снова парализировали его усилія, сдѣлавъ обѣдъ безъ политическихъ тостовъ и рѣчей.

Новая попытка его представить правительству консультадію о дарованіи права пропенія встрѣтила сопротивленіе со стороны Каппони. Тогда онъ рѣшился требовать права разсужденія, и для этого прибѣгнулъ къ тайной типографіи. Приступая къ такому роду агитаціи, Монтанелли шамбрень былъ избѣгать свирѣпыхъ возгласовъ и пустякъ фразъ, несущихъ къ дѣду; онъ хотѣлъ говорить

спокойнымъ голосомъ разсудка; съ тѣмъ достоинствомъ, которое невольно привлекаетъ расположеніе большинства, съ той осторожностью, которая дѣлала реакцію правительства безполезной, заставляеть его молча призывать свободу прессы. Маленькая типографія была основана по подпискѣ съ помощью маркиза Арнонати другой запасный станокъ находился въ Луккѣ. Если луккскіе либералы что-либо печатали, они посылали свои листки въ Пизу, а Монтанелли пересылалъ ихъ по почтѣ назадъ въ Лукку. Тосканская полиція сбилась съ ногъ, но не могла открыть типографію, расположенную внѣ государства.

Первые листки требовали измѣненій въ составѣ консульта, въ таможенныхъ уставахъ, въ народномъ образованіи, въ лотерейной системѣ. Эта умѣренность возбудила негодованіе въ крайней партіи; она увѣряла, что подобныя статьи могли бы быть напечатаны въ флорентинской газетѣ; а между тѣмъ эта-то умѣренность и привлекала большинство: всѣ удивлялись какъ правительство не позволяетъ разсуждать о такихъ мало-либеральныхъ вещахъ. Чтобы еще болѣе заставить публику говорить, Монтанелли придумалъ другой листокъ, въ радикальномъ духѣ. Въ этомъ листкѣ упрекали умѣренныхъ въ томъ, что они не коснулись корня зла. Главная потребность страны — говорилось тамъ — независимость и конституція; въ листкѣ просили Леопольда оставить австрійскую политику, покровительствовать людямъ народной партіи, сдѣлаться творцомъ учрежденій, которыя должны были соединить Италію въ одно цѣлое, не бояться откровеннаго и честнаго слова, и не довѣрять совѣтамъ изъ Вѣны; въ заключеніе ему указывали на примѣръ Карла-Альберта, къ которому обратили съ надеждой взоры всѣ итальянцы, несмотря на его темное прошлое, потому только, что онъ обнаружилъ расположеніе, благоприятное для національности и враждебное для Австріи.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда кардиналъ Мاستан Феретти былъ избранъ папой; избраніе его имѣло огромное вліяніе на послѣдующія событія; оно составляетъ эпоху въ лѣтописяхъ итальянскихъ революцій, не потому чтобы онъ сдѣлалъ что-нибудь по собственному побужденію, но потому что обстоятельства сложились такъ, число желанныхъ реформъ возрасло до такой громадной цѣеры, что онъ нашолся вынужденнымъ слѣдовать духу времени. Вглянувъ на Италію перелъ вѣдѣствіемъ его на престолѣ, мы находимъ Карла-Альберта въ враждебномъ отношеніи къ Австріи и къ либераламъ: къ первой по случаю увеличенія пошлины на пьемонтскія вина, ко вторымъ, по причинѣ требованія ими реформъ. Вся его политика состояла въ безпрестанномъ колебаніи, въ безпрестанныхъ переко-

дахъ въ одной партіи къ другой. Заключивъ торговый договоръ съ Франціей, бросивъ въ официальной газетѣ вызовъ Австріи, распростравя въ Италиі медаль съ гербомъ и девизомъ савойскаго дома, онъ запретилъ Массимо д'Азеліо приѣздъ ко двору, не позволилъ обращенія его брошюры, прикидывался оскорбленнымъ, когда его заподозрѣвали въ либеральныхъ наклонностяхъ и въ заключеніе изъяснилъ желаніе примириться съ Австріей черезъ посредничество Россіи. Несмотря на эти колебанія сардинскаго короля, массы изъяснили столько сочувствія къ войнѣ съ Австріей, что либералы могли смѣло рассчитывать на поддержку Пьемонта.

Въ Романьи въ послѣднихъ числахъ апрѣля было тайно напечатано прошеніе на имя прелатовъ-ревизоровъ, въ которомъ излагались бѣдствія Романьи. Либерализмъ, было сказано въ прошеніи, стремится не разрушить общество, но улучшить его; не уничтожить, но увеличить чувство долга, основавъ его на любви и уваженіи, а не на страхѣ; потомъ перешла къ дѣлу при Римини, прокламація утверждала, что двигателемъ романскаго населенія служить скорѣе любовь къ независимости, чѣмъ чувство собственныхъ страданій. По смерти Григорія Болонья составила прошеніе въ такомъ же духѣ на имя конклава. Прошеніе это было покрыто подписями столькохъ значительныхъ лицъ, что полиція не осмѣлилась ихъ преслѣдовать. Другіе города тоже требовали осуществленія меморандума тридцать перваго года.

Въ Неаполѣ по наружности все было спокойно, хотя всякій день народъ становился бѣднѣе, земля бесплоднѣе, тюрьмы наполнялись болѣе и болѣе, хотя всякій день новыя жертвы гибли подъ пулями карабинеровъ или на висѣльницахъ. Система устрашенія процвѣтала въ королевствѣ. Съ помощью ея Фердинандъ надѣялся сохранить спокойствіе въ своихъ владѣніяхъ, — но это было спокойствіе передъ бурей, тишина волнаа передъ изверженіемъ.

Изъ другихъ итальянскихъ государей герцогъ Лукскій былъ сантаверъ и туристъ, герцогиня париска австрійка, герцогъ молдавскій деспотъ. Такимъ образомъ, хотя ни одинъ изъ владѣтелей не представлялъ задатковъ для того, чтобы сдѣлаться вождемъ народнаго движенія, Италия готова была идти подъ знаменемъ духовенства съ тѣмъ, чтобы оно разошлось съ иезуитами; подъ знаменемъ королей съ тѣмъ, чтобы они разорвали союзъ съ Австріей. Эта потребность реформъ такъ живо чувствовалась, что дипломатическій корпусъ желалъ, чтобы избрали пану менше абсолютнаго, чѣмъ Григорій XVI; многіе кардиналы были того же мнѣнія. Римляне смѣло поддерживали требованія провинцій.

Посмотримъ, насколько удовлетворяло общимъ желаніямъ избраніе новаго папы.

Джованни Матаи Феретти въ молодости велъ жизнь далеко не цѣломудренную; онъ былъ знакомъ со многими французскими епископами, и старался не отставать отъ нихъ тѣмъ болѣе, что не предназначалъ себя къ духовному званію. Но постоянныя неудачи, вслѣдствіе падучей болѣзни, составить свѣтскую карьеру, оставили его слѣдаться аббатомъ. Отправленный въ миссію въ Чили, онъ отличился тамъ интригами. Одна изъ нихъ бросила столько скандала на миссію, что она принуждена была оставить Америку. Несмотря на эти промѣлы, Матаи не потерялъ расположенія покровителя своего Льва XII и получалъ мѣсто директора въ приютѣ св. Михаила. Зная характеръ первосвященника, новый директоръ утвривалъ строгость и усердіе и за это получилъ мѣсто сполетскаго архіепископа. Во время революціи 1831 года поведеніе его было весьма двусмысленно; очевидно онъ не зналъ, какой политики будетъ слѣдовать новый папа, поэтому и старался угодить обѣимъ партіямъ. Это доставило ему санъ кардинала и мѣсто архіепископа Имолы. При новомъ папѣ, Матаи не считалъ нужнымъ придерживаться прежней системы жестокости. Григорій XVI былъ безпечный эгоистъ, любившій больше всего блага міра сего. Онъ былъ врагъ всякихъ нововведеній и охотно позволялъ приближеннымъ дѣлать что угодно, съ тѣмъ только, чтобъ не мѣшали его удовольствіямъ. Новый архіепископъ отлично постигъ его характеръ и довольствовался тѣмъ, что прекратилъ сношенія съ ролными, которые принадлежали къ либеральной партіи. Вместе съ тѣмъ онъ угождалъ всеми силами кардиналамъ Боловни, Равенны и Фурли, которые пользовались большимъ вѣсомъ въ священнои коллегіи. Поведеніе его относительно простаго народа тоже перемѣнилось: онъ, по совѣту кавоника Саретти, сталъ раздавать много милостыни и казался доступнымъ и ласковымъ.

Такимъ образомъ надежды, возбужденныя новымъ папой, были весьма сомнительны. Уклончивость его характера и составъ священнои коллегіи, состоявшей большей частью изъ кардиналовъ ретроградной партіи, не позволяли думать, чтобы папа серьезно приступилъ къ реформамъ.

Вопросъ о территоріальныхъ измѣненіяхъ казался еще труднѣе. «Никакой политической переворотъ за Альпами не принесетъ намъ ничего хорошаго», говорилъ Гизо въ палатѣ перовъ; въ томъ же духѣ онъ писалъ къ французскому посланнику въ Римѣ. «Увѣрите князя Меттерниха, сообщаетъ Пальмерстонъ лорду Пемблѣ, что правительство ея величества твердо намерено держаться условій

вѣнскаго трактата какъ въ Италіи, такъ и вообще въ Европѣ... Въ томъ же духѣ были депеши Меттерниха.

Всѣ эти трудности, вѣсколько не оставили ни Монтанелли и партію реформъ, ни Мадзини и партію революціи. Они видѣли, что демократія воскресла въ Италіи и съ помощію ея надѣлись достигнуть своей цѣли.

Начало царствованія Пія IX вовсе не обѣщало того энтузіазма, который онъ возбуждалъ вѣпслѣдствіемъ. Онъ не торопился ни выдѣлать свою политику, назначивъ статъ-секретаря, ни приступить къ реформамъ; надротивъ того онъ учредилъ временную совѣщательную комиссію изъ шести членовъ, между которыми были кардиналъ Ламарускини и римскій губернаторъ Марини, люди неслышанные за свою жестокость. Народное негодованіе выразилось въ молчаніи и крикахъ: «Амнистію, святой отецъ, амнистію!» Наврасно онъ думалъ приобрести народное расположеніе нѣкоторыми частными благодѣяніями, — народъ требовалъ большаго. Пришлось уступить, и 16 іюля была дарована амнистія. Хотя она была съ многочисленными ограниченіями, но все-таки эта уступка обществу и нѣвно обрадовала народъ, и восторженный кликъ: «viva Pio papa!» промесся по всему полуострову. Невозможно изобразить того восторга, который почувствовала партія Джоберти при этомъ вступленіи новаго папы на путь реформъ.

«Хотя я слѣдался католикомъ», говоритъ Монтанелли: — но до сихъ поръ я не могъ примириться съ панствомъ. Смерть Григорія XVI застала меня при окончательной отдѣлкѣ циркуляра къ итальянскимъ священникамъ. Взявъ точкой отправленія предачія антипапистской протестаціи, начатой Данте и продолжаемой Савонаролой, я старался доказать духовенству необходимость идти по ихъ слѣдамъ. Но когда я увидѣлъ неожиданный блескъ этого луча въ Ватиканѣ, я подумалъ, что провидѣніе выше всѣхъ человѣческихъ расчетовъ; можетъ быть въ намѣреніяхъ Бога, чтобъ папа былъ разрушителемъ политическаго папства и возстановителемъ евангельскаго католицизма, и я со всѣмъ чистосердечіемъ вѣрующаго повторилъ крики Квиринала: «да здравствуетъ Пій IX!»

«Утопія преобразующаго папства открывала передо мной удивительную перспективу, гдѣ любовь къ отечеству, демократія, республика получали полное удовлетвореніе. Итальянецъ, я видѣлъ разрозненные члены моего отечества составляющими одно тѣло, котораго принципъ жизни и единства былъ въ Римѣ, котораго управляющая мысль была власть, охватывающая все христіанское общество. Демократъ, и видѣлъ народы вставшими для завоеванія свободы и равенства подъ auspiciisъ религіи, священниковъ съ крестомъ въ

фунтъ ; ставовавшими столпами общественнаго скоушенія. Католикъ , я видѣлъ единство религиозное , обезоруживающее расколъ во имя прогреса ; я видѣлъ секты философскія и протестантскія , привлеченныя на лоно римской церкви , я видѣлъ возрожденіе западной цивилизаціи и ея побѣды .

Если для того , чтобы осуществить этотъ великолѣпный идеаль , нужно было одно изъ тѣхъ гранитныхъ сердець , однимъ изъ тѣхъ желѣзныхъ характеровъ , которыхъ была Гильдебрандъ или Карловоичъ , то Пій IX былъ неспособенъ къ этой роли . Но для того , чтобы созвать въ Римѣ итальянскій конгрессъ , для того , чтобы провозгласить въ Европѣ царство справедливости , дьявольско было любящаго сердца , сердца итальянца , сердца сына народа , а это сердце первыя дѣйствія Пія IX показали полнымъ великодушнаго жара , въ первомъ тровѣ вселенной .»

Монтанелли ошибался , вмѣстѣ съ нимъ ошибалось большинство Италіи , но эта ошибка имѣла свои полезныя слѣдствія ; она разшевелила народныя умы , она обратила взоры всѣхъ на Римъ и способствовала солидарности движенія . Передъ глазами италіянскихъ государей былъ примѣръ итальянскаго государя и первосвященника , озабочающій дашныя имъ реформы во имя своего двойнаго сана .

Первымъ дѣломъ Монтанелли послѣ полученія извѣстія объ амнистіи было открытіе подписки въ пользу романскихъ эмигрантовъ . Таже идея родилась одновременно въ Римѣ , но ограничивалась предѣлами римской области , она имѣла значеніе только добраго дѣла , тогда какъ шедъ черезъ ея границы , она становилась актомъ народной солидарности . Напрасно правительство запретило печатать листки съ именами жертвователей : списки расходились по городамъ и деревнямъ въ многочисленныхъ рукописныхъ моніяхъ . Друзья Монтанелли въ Луккѣ , Мьомонтѣ и Генуѣ также открыли подписку .

Въ скоромъ времени послѣ того (въ августъ) жестокое землетрясеніе опустошило окрестности Физы . Вся Тоскана поспѣшила помочь несчастнымъ страдальцамъ . Герода римской области вспомнили о полученной помощи и въ свою очередь прислали пожертвованія пострадавшимъ . Въ этомъ случаѣ женщины начали выѣшиваться въ дѣло національной проаганды . Графиня Тативи отъ имени болонскихъ дамъ , маркиза Костабини отъ имени феррарскихъ принцессъ писъма , полныя патріотизма . Монтанелли , назначенный секретаремъ пизанской комиссіи , отфчалъ въ томъ же духѣ . Цисъма эти ходили по рукамъ , и идея національности становилась всякій день популярнѣе .

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ наводненіе Тибра затопило нѣкоторые кварталы въ Римѣ. Пизанскіе студенты посидѣвши переслать собранныя деньги римскимъ студентамъ, проса ихъ заняться раздачей. Письма, обмѣненные по этому случаю, послужили прелюдией національной федераціи между школами.

Сближаясь такимъ образомъ, либералы рѣшились идти къ завоеванію важнѣйшаго права новѣйшаго общества, — свободы преній. Дѣйствуя съ одной стороны постредствомъ листовъ, выпускаемыхъ изъ тайныхъ типографій, Монтанелли съ другой стороны работалъ въ римскихъ журналахъ, понимая всю важность уничтоженія цензуры въ церковной области. Первый политическій журналъ, основанный съ разрѣшенія папы, былъ Современникъ (*Contemporaneo*). Несмотря на скромность и осторожность редакторовъ, несмотря на позволеніе Пія IX разсуждать объ общественныхъ дѣлахъ, григоріанская партія была раздражена до нелзя. Цензоръ, назначенный для этого журнала, былъ образцомъ невѣжества и тупоумія; онъ до такой степени искажалъ статьи, что часто заставлялъ несчастныхъ авторовъ жаловаться самому Пію IX. Такое тягучее положеніе дѣлъ заставляло обратиться къ тайнымъ типографіямъ. Одинъ изъ возвратившихся изгнанниковъ, Стербини, сталъ издавать журналъ «*La Santinella del Campidoglio*». Онъ призывалъ народъ стать подъ знамя реформы и проповѣдовалъ эманипацію коммуны. Впечатлѣніе, произведенное этимъ журналомъ, было громадное. Его читали на-расхватъ, изъ него слѣдыва предметъ спекуляціи и контрабанды... Піи, узнавъ шия редактора, пригласилъ его къ себѣ и просилъ прекратить на время изданіе журнала, обѣщавъ либеральный уставъ о книгопечатаніи. Дѣйствительно 16 марта обѣщанный указъ былъ изданъ, но онъ далеко не удовлетворилъ общими ожданіямъ.

Между-тѣмъ Монтанелли не переставалъ работать въ «Современникѣ». Въ странѣ инквизиціи и бирократіи онъ доказывалъ абсолютную свободу мысли. Понимая важность представить папу осуществителемъ идей Джоберта, онъ публиковалъ нѣсколько отрывковъ изъ «Новаго іезуита», относящихся къ Пію IX. Папа былъ въ восторгѣ, но ретроградная партія сильно роптала. Неудовольствие ея еще болѣе усилилось съ появленія новаго цензурнаго устава. Вотъ что писалъ объ этомъ Маззи, одинъ изъ редакторовъ *Contemporaneo*. «Въ то время, когда мы честно держимся въ предѣлахъ умѣренности, партія обскурантовъ тихонько старается отбросить насъ опять въ то положеніе, въ которомъ мы были до возшествія Пія IX на престолъ. Если они не успѣли въ своихъ злыхъ умыслахъ, мы обязаны этимъ силѣ общественнаго мнѣнія. Повѣрь мнѣ, мы всту-

шли въ страшную борьбу. Папа держится твердо, но въ концѣ недостаетъ рѣшимости удалить отъ себя людей совершенно враждебныхъ духу эпохи. Всякій день открываютъ какую-нибудь изъ ихъ продѣлокъ, а межъ тѣмъ ихъ не смѣняютъ. О, еслибъ ты зналъ нашу борьбу, нашу энергію въ войнѣ съ этой партіей, старающейся подъ рукой разрушить все полезное! Если журналы вдругъ перестали показываться, то не потому чтобъ избавиться отъ платы за клеймо, но чтобъ протестовать противъ указа о печати, составленнаго въ духѣ явной вражды противъ всякой свободы пренія. Если угроза, заключающаяся въ законѣ, не осуществляется, это надо приписать бдительности и твердости общественнаго мнѣнія, мужеству писателей и добротѣ государя. Мысль этого указа была превосходна; первосвященникъ хотѣлъ осуществить ее, но государственная канцелярія, зараженная духомъ прошедшаго, все исказила. Партія обскурантистовъ употребляетъ все усилія, чтобъ овладѣть умомъ папы и управлять имъ по своему произволу. Устоитъ ли онъ?.. Народъ, народъ! На него надо дѣйствовать! Въ прошлый четвергъ крики, провожавшіе карету первосвященника, тронули всѣхъ добрыхъ гражданъ и устрасли злыхъ. «Да здравствуетъ Пій IX одинъ! святой отецъ, доверьтесь народу!» кричали трансверинцы... Враждебныя демонстраціи употребляются только противъ министерства.»

Итакъ обаяніе Пія IX продолжалось. Ни Монтанелли, ни другіе либералы реформатской партіи не понимали, что папа дѣлалъ уступки только потому, что не могъ ихъ не дѣлать, повинаясь и требованіямъ народа, и требованіямъ графини Клары Колонны, имѣвшей на него большое вліяніе! Но это непониманіе истиннаго характера первосвященника нисколько не ослабило дѣятельности реформистовъ; напротивъ того энергія ихъ удвоивалась, видя Пія IX вождемъ движенія.

Полные такихъ убѣжденій, тоскавскіе либералы продолжали дѣйствовать посредствомъ прокламацій. Несмотря на всю бдительность полиціи, несмотря на то, что тюрьмы были наполнены виновными и подозрѣваемыми, листки не переставали выходить въ свѣтъ... «О, тоскавское министерство, восклицаетъ Минимусъ въ одномъ изъ листковъ: — о, бѣдное министерство, падающее подъ тяжестью накопившагося давно гнѣва! Какъ мало имѣешь ты смысла, чтобъ идти противъ потока, со всѣхъ сторонъ тебя окружающаго? Почему ты позволяешь обманывать себя грубыми хитростями австро-іезуитизма? Почему одно ты между всѣми министерствами проводишь дни и ночи, мечтая о заговорахъ въ городахъ, бунтахъ въ деревняхъ, наполняя тюрьмы невинными или сумасшедшими? Какъ не пришѣлашь ты, что здравый смыслъ любезнаго народа, которымъ

ты управлешь, не позволяет ему компротировать необдуманными движеніями судьбы Италіи, когда кажется все въ заговоръ для ея близкаго освобожденія? Какъ ты не видишь, что смуты и ропотъ производишь ты, а не народъ?..»

Но въ то время, когда прокламаціи готовы были произвести свое дѣйствіе, неожиданныя препятствія встрѣтили партію реформы; препятствія эти заключались въ революціонномъ формализмѣ и въ академическомъ либерализмѣ. Первые признаки революціоннаго формализма обнаружались въ Ливорно. Изгнанники успѣли привлечь на свою сторону колбасника Бартелонн, пользовавшагося огромнымъ вліяніемъ на народъ. Онъ немедленно составилъ заговоръ съ цѣлью произвести революцію. Число его сообщниковъ уже дошло до трехсотъ, когда Монтанелли узналъ о существованіи этого общества. Онъ немедленно вошелъ въ сношеніе съ наиболѣе значительными его членами. Онъ доказывалъ имъ, что заговоры и возстанія несовмѣстны: первые должны имѣть какъ можно меньше сообщниковъ, вторыя исполняются приведенными въ движеніе массами; онъ доказывалъ, что всякій насильственный переворотъ отдаляетъ граждамъ отъ усвоенія принциповъ и становится ненадежнымъ. Слова его убѣдили заговорщиковъ и они рѣшились идти по пути реформъ. Едва только окончилось это дѣло, какъ появилась прокламація изъ Цистойи, объявлявшая всѣхъ реформистовъ измѣнниками отечеству. Нѣкто Лоренцо Гарibaldi написалъ памфлетъ противъ Карла Альберта, гдѣ реформисты снова были обруганы. По всѣмъ вѣроятіямъ это было дѣло Австріи. Тайная пресса вооружилась всеми громами на пораженіе революціонеровъ крайней партіи. Въ это время новая опасность явилась со стороны Мадзини: знаменитый демагогъ былъ недоволенъ медленностью натріотовъ, онъ смѣшалъ реформистовъ съ академической партіей, онъ не видѣлъ въ нихъ стремленія къ единству и совѣтовалъ или измѣнить поведеніе или дожидаться вспышки великой европейской революціи. Съ этой цѣлью, какъ объявилъ онъ Лафонду, онъ хотѣлъ издать брошюру подъ заглавіемъ: «партія умѣренныхъ и партія дѣйствія.» Монтанелли получилъ извѣстіе объ этомъ намѣреніи въ самый критическій моментъ, когда онъ изъ всѣхъ силъ трудился придать движенію болѣе жизни. Домъ его былъ постояннымъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ либераловъ; самъ онъ трудился день и ночь для составленія статей для тайныхъ типографій, для римскихъ и пьемонтскихъ журналовъ. Остальное время поглощали лекціи, защита въ судѣ обвиняемыхъ либераловъ и обширная корреспонденція. Къ довершенію всего, его предупредили, что онъ будетъ скоро арестованъ. Пораженный опасностью, предстоящей со стороны Мадзини,

Монтанелли рѣшился писать къ нему. Изложивъ исторію своихъ вѣрованій, онъ продолжалъ такъ: «опытность и безпристрастное стремленіе къ истинѣ заставили меня разойтись съ вашей программой на двухъ пунктахъ: 1) Что касается до религіи, вы утверждаете въ послѣднемъ вашемъ сочиненіи о братьяхъ Баміера, что католицизмъ умеръ; я же въ него вѣрую, я считаю его полнымъ жизни и думаю, что всѣ необходимыя реформы могутъ совершиться посредствомъ протестовъ даже въ нѣдрахъ самой церкви. 2) Что касается до революціонныхъ заговоровъ, опытность показала, что они никогда не достигаютъ цѣли и вмѣсто того, чтобъ возродить духъ, развращаютъ его. Я согласенъ съ вами относительно будущей демократіи, считая конституціонализмъ только переходнымъ состояніемъ; я согласенъ съ вами относительно права инсурекціи, когда движеніе самородно, а не искусственно; я согласенъ съ вами относительно организациіи всякаго нашего движенія въ виду завоеванія національнаго единства, но я не думаю, что для достиженія этой цѣли необходимо объявлять войну всѣмъ существующимъ династіямъ. Великій фактъ, безъ котораго мы не приобрѣтемъ никогда единства, принадлежитъ къ области нравственной, а не политической. Надо много любить и всѣмъ жертвовать для единства. Еслибъ въ каждомъ городѣ были люди старающіеся показать примѣръ братскаго соединенія, — рано или поздно, такъ или иначе мы достигли бы единства политическаго... Вамъ говорили о двухъ партіяхъ, существующихъ у насъ, — умѣренной и радикальной. Это проклятое раздѣленіе есть дьявольская выдумка, чтобъ поставить препятствія великому дѣлу возрожденія. Въ Италіи два рода либераловъ: одни, которые дѣйствуютъ, другіе, которые выѣзжаютъ на фразы. Между первыми есть люди полные чувства долга и религіи, число ихъ незначительно, а между тѣмъ только на нихъ покоится будущность Италіи. Надо, чтобъ они были тѣсно соединены между собою, чтобъ боролись противъ пренятствій единодушно. Надо быть непоколебимымъ только относительно общихъ принциповъ, ненависти къ иноземному игу, уваженія къ религіи, необходимости реформъ; что же касается до политическаго поведенія, надо сообразоваться съ обстоятельствами. Что годится въ Римѣ — не годится во Флоренціи; правительства, которыя сдѣлали шагъ къ либерализму, должны быть поощряемы и защищаемы; правительствамъ же опирающимся на иноземцевъ, не должно давать ни минуты отдыха до тѣхъ поръ, пока они не разорвутъ этотъ постыдный союзъ... Будьте увѣрены, что если въ нѣкоторыхъ городахъ существуютъ различныя партіи, это зависитъ не отъ того, чтобъ онѣ понимали политическую теорію различно, но потому что тамъ чувствуется недостатокъ въ преданныхъ людяхъ.

Вездѣ гдѣ они находятся, они умѣли прекратить раздоры и направить всѣ дѣйствія къ одной цѣли, вездѣ гдѣ ихъ нѣтъ — подѣ видомъ борьбы принциповъ скрывается борьба личныхъ интересовъ и политическія дѣйствія становятся орудіемъ личныхъ страстей. Не знаю каковы ваши идеи о папѣ; что касается до насъ, мы его любимъ и вѣримъ, что необходимо помогать ему. Пій IX евангельская душа, полная кротости. Онъ думаетъ только о томъ какъ бы дѣлать добро и уже много его сдѣлалъ. Появленіе этого удивительнаго челоука на тронѣ св. Петра — событіе великое! Сила Пія IX въ любви. Если онъ почувствуетъ, что Италия искренно любитъ его, онъ не знаетъ самъ гдѣ остановится, но если ему не доставитъ нравственной опоры, я боюсь, что онъ потеряетъ присутствие духа и струситъ. Въ этомъ смыслѣ партій, возникающія въ Романьи, могутъ сдѣлать большое зло. Какое было бы несчастье, еслибъ неблагодарное нѣкоторыхъ либераловъ заставило первосвященника возобновить политическіе процессы.

Старыя учрежденія должны быть обновлены, но намъ не надо упускать изъ виду, что главнѣйшій нашъ врагъ — несогласіе. И теперь, когда Богъ такъ чудесно послалъ челоука, котораго уважаемое имя можетъ быть нашимъ общимъ знаменемъ, было бы большой ошибкой пропустить такой удобный случай... Я всегда думалъ, что единство Италіи иначе не можетъ осуществиться, какъ посредствомъ уступокъ радикаловъ и сближенія ихъ съ тѣми, которые хотятъ меньшаго, потому большая глупость допускать въ политикѣ девизъ: все или ничего. Всякій шагъ есть завоеваніе...»

Это письмо подѣйствовало на Мадзини: онъ отказался отъ намѣренія публиковать брошюру, хотя остался при своемъ мнѣніи и въ длинномъ письмѣ изложилъ Монтанелли свою теорію.

Въ это же самое время Монтанелли принужденъ былъ бороться и съ академической партіей. При первыхъ извѣстіяхъ о реформахъ Пія IX, Массимо д'Азеліо сталъ проповѣдывать романцамъ терпѣніе, советуя имъ спокойно дожидаться дальнѣйшихъ преобразованій. Чезаре Бальбо пошелъ еще далѣе: онъ осуждалъ всѣ демонстраціи, тайную печать, сборища на площадяхъ, и снова повторялъ старую нелѣпость, что освобожденіе Италіи зависитъ отъ распространенія господства Австріи на востокѣ. Графъ Диньи доказывалъ, что не дадутъ реформъ потому только, что ихъ требуютъ. Партія Каппони сначала тоже держалась этого же мнѣнія. Ориоли, Монтанари и другіе, были на сторонѣ д'Азеліо и Бальбо. Либералы едва успѣвали отписываться. Монтанелли написалъ возраженіе главнѣйшимъ изъ противниковъ. Тайныя типографіи прекратили свои работы для того, чтобы отнять всякій предлогъ у правительства не

давать реформы. «Мы прекращаемъ на вѣкторое время наши изда- ния, — писалъ Карлъ Фенци, — чтобъ позволить дѣйствовать тѣмъ важнымъ лицамъ, которыя осуждали нашу дѣятельность; мы го- товъ слѣдовать за ними по всякой дорогѣ, способной привести насъ къ цѣли; мы готовы оставить тайную мечать, какъ только получимъ вѣкторую свободу прессы, позволяющую намъ открыто высказать наше мнѣніе.

Эта система дѣйствія произвела свое впечатлѣніе. Тосканское министерство вынужденнымъ нашлось уступить на вѣкторыхъ пунктахъ общественному мнѣнію. Оно учредило въ Римѣ особое по- сольство, тогда какъ ирежде Тоскаву представлялъ австрійскій по- сланникъ; оно учредило нормальную школу въ Пизѣ и назначило комиссію для организаціи школъ первоначальнаго образованія, и въ тоже время арестовывало либераловъ, изгнало Матильду Капан- дрини, основательницу евангелическихъ пріютовъ, наказывало за сочувствіе къ Пію IX, какъ за политическое преступленіе; слѣдало выговоры професорамъ Чентофанти и Монтанелли. Несмотря на все это, движенія нельзя было остановить, и 6 мая была опублико- вана указъ о книгопечатаніи; 1 іюня была дана амнистія за поли- тическія преступленія и обѣщаны разныя реформы. Въ сущности либералы выиграли не много: предварительная цензура была оста- влена, цензурные комитеты имѣли предсѣдателями начальниковъ мѣстной полиціи, цензорамъ запрещено было одобрять статьи, ко- торыя, хотя *непрямо*, могли нарушить общественный порядокъ, слѣ- довательно произволу ихъ не было границъ. Отдѣленіе судебной власти отъ полиціи зависѣло отъ комиссіи, назначенной для соста- вленія новаго уголовного уложенія, а не было никакой надежды, чтобъ она скоро окончила свои занятія, тѣмъ болѣе, что президен- томъ ея былъ начальникъ полиціи. Что касается до муниципаль- ныхъ реформъ, улучшенія проектировались на основаніи прежней системы; основаніе же это было рабство, а не свобода. Таковы бы- ли распоряженія Бальдасерони, обязаннаго мѣстомъ министра по- клонамъ в молчалинскому терпѣнію. Точность на службѣ, любовь къ бюрократическому труду, ханжество, были его отличительныя качества. Чиновникъ прежде всего, онъ преслѣдовалъ паразитовъ, и старался придать бюрократіи какъ можно болѣе жизни, — для бюро- кратіи онъ готовъ былъ пожертвовать даже ханжествомъ. Видя ве- зможность противиться общественному мнѣнію, онъ вздумалъ обмануть его, ограничивъ реформы фразами.

Тосканскіе патриоты принуждены были показать видъ, что до- вольствуются этими уступками. Оставалось рѣшить вопросъ, кто сильнѣе, — они или министерство. Въ первомъ случаѣ всѣ оговорки,

назначенныя извратить истинный смысл реформъ, оказывались бесполезными; во второмъ — самыя реформы ничего не значили. Предлогомъ борьбы послужило празднованіе годовщины восшествія Пія IX на престолъ. За нѣсколько дней до праздника Балласерони, встрѣтившись съ Монтанелли въ палатцо-веккіо, пригласилъ его въ свой кабинетъ и требовалъ, чтобы онъ обязался воспрепятствовать замышляемой демонстраціи, угрожая даже въ противномъ случаѣ призвать австрійцевъ. Монтанелли отказался на-отрѣзъ. Тогда Балласерони сталъ дѣйствовать черезъ другихъ: черезъ Каппони, черезъ Табарини, стараясь затронуть самолюбіе Монтанелли. Видя безуспѣшность этихъ мѣръ, онъ за день до праздника опубликовалъ грозный указъ противъ сборницъ на площадяхъ. Монтанелли остался непоколебимъ и созвалъ начальниковъ народнаго движенія. Мишистръ, узнавъ объ этомъ, написалъ къ нему письмо, въ которомъ извѣщалъ, что правительство рѣшилось на этотъ разъ не приводить въ исполненіе указъ о сборницахъ.

Подобная же борьба ожидала Монтанелли на литературномъ поприщѣ. Съ изданіемъ новаго уложенія о цензурѣ, явились три политическіе журнала: «Patria», «Alba» и «Italia». Редакторомъ первой былъ Сальваньоли, ученый адвокатъ, страстный поклонникъ Франціи и философіи XVIII вѣка, мастерски владѣвшій эпитаграмой. Онъ строго осуждалъ валюту Флоренцію, академическій либерализмъ Каппони и всю надежду возлагалъ на провинціи. Сотрудниками его были Ламбускини, Риказоли, Табарини и Бузи. Редакторъ журнала «Alba» былъ сициліецъ Іосифъ Лафарина⁽¹⁾, врагъ папства, поклонникъ социализма. Его не ослѣпили ни на минуту шимыя реформы Пія IX, и онъ, въ минуты самаго пылкаго энтузіазма народа къ первосвященнику, открыто возставалъ противъ папства. Сотрудники его были Атто Ватугчи⁽²⁾, Іосифъ Матсони, Генрихъ Мейеръ и Аквероне. Журналъ этотъ былъ самый популярный.

Монтанелли былъ редакторомъ журнала «Italia». Девизомъ онъ избралъ реформы и національность, разумѣя подъ первыми внутреннюю революцію, подъ второй олицетвореніе итальянской народности и изгнанія чужеземцевъ. Эти два слова, опредѣляя двойную цѣль движенія, не исключали ни одного изъ будущихъ завоеваній, къ которымъ патріоты стремились. Предлагая реформы, онъ понималъ осуществленіе ихъ по мѣрѣ того, какъ общественное мнѣніе будетъ приготовлено ихъ требовать. Сотрудники Монтанелли были Бискарди, Чентофанти, Джорджини, Фабриччи. Журналъ его разо-

(1) Въ послѣдствіи авторъ «Storia d'Italia dal 1814 al 1850».

(2) Въ послѣдствіи авторъ «I martiri della libertà italiana».

двоясь преимущественно между образованнымъ юношествомъ и либеральнымъ духовенствомъ.

Многочисленныя препятствія ожидали новыхъ журналистовъ. Надо было денегъ — человекъ пятнадцать-шестнадцать сложились, чтобъ оплатить первые номера. Нужна была контора — Монтанелли отдалъ подъ нее свою квартиру. Нужны были конторщики, корректоры, секретари — сами сотрудники заняли эти должности: хлопотали по цензурѣ, наблюдали за типографіей, складывали номера, писали адреса.

Первое препятствіе со стороны полиціи состояло въ запрещеніи писать о ссорѣ между сѣнскими студентами и солдатами. Цензоръ Бонавини, которому Монтанелли представилъ статью, показалъ ему секретное предписаніе. Такое нарушеніе только-что изданнаго закона взволновало его, и онъ составилъ протестъ, который цензоръ одобрилъ. Министръ Чомпини, прочитавъ этотъ протестъ, объявилъ, что министерство нисколько не виновато въ циркулярѣ, который оказался дѣломъ начальника полиціи. Дѣло дошло до великаго герцога и полиція осталась виновата. Другой подобный циркуляръ едва не вызвалъ протеста всей флорентинской журналистики. Петроградъ принужденъ былъ успокоиться.

Съ этихъ поръ дѣло національнаго единства быстро полвигалось. Примѣръ Тосканы былъ заразителенъ. Неудержимое стремленіе къ федерации овладѣло сперва городами, потомъ деревнями; до сихъ поръ сельскія общины сохраняли свою ненависть и берегли какъ святыню трофеи прежнихъ междоусобныхъ войнъ. Долговременная тиранія, задушевныя, сильныя и благородныя страсти среднихъ вѣковъ оставили нетронутыми мелкія и презрѣныя страстишки той эпохи; пробужденіе народнаго сознанія сбросило это печальное наслѣдіе варварства. Всякое воскресеніе на зеленой равнинѣ или на вершинѣ холма воздвигался алтарь, жители враждебныхъ коммунъ прибѣгали къ нему и клялись отречься отъ старой вражды въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей изъ окрестныхъ деревень. Это единодушіе придавало удивительную быстроту движенію. Реформы слѣдовали за реформами во всѣхъ итальянскихъ государствахъ, кромѣ Неаполя. Либеральная партія Тосканы и Пиемонта требовала реформъ по примѣру римской области; римскіе либералы требовали реформъ по примѣру другихъ государствъ; такимъ образомъ, поддерживая другъ друга, они быстро шли къ своей цѣли — освобожденію Италіи. Эта цѣль до такой степени овладѣла умомъ Монтанелли, что онъ сталъ противникомъ конституціи, которую легко можно было получить въ то время. Онъ боялся вмѣшательства Австріи и трусости другихъ итальянскихъ государей;

онъ полагалъ, что Пій IX никогда не дастъ конституціи, а между тѣмъ народъ будетъ ея требовать и тогда первосвященнику останется своротить на дорогу своихъ предшественниковъ; онъ ожидалъ конституціи сперва въ Пиемонтѣ или Неаполѣ, и тогда уже рѣшался требовать ея для Тосканы. Сохранить Пія IX во главѣ движенія было для Монтанелли дѣломъ первой важности; узнать его намѣренія было необходимо, прежде чѣмъ приступить къ войнѣ за независимость Италіи. Монтанелли рѣшился отправиться въ Римъ. Путешествіе его лучше всего показываетъ, какимъ вліяніемъ онъ пользовался. Его провожали цѣлыя населенія втеченіи нѣсколькихъ часовъ; къ нему высылались депутаты, ему говорились привѣтственными рѣчи; общая симпатія показывала, что народъ оцѣнилъ труды его, что время дѣйствія пришло.

Приѣхавъ въ Римъ, Монтанелли встрѣтилъ разныя затрудненія со стороны ретроградной партіи, которая пыталась помѣшать ему получить аудіенцію у папы, но старанія тосканскаго посланника сдѣлали эти интриги безуспѣшными, и вечеромъ 2 ноября была назначена аудіенція.

— Когда я вошелъ въ комнату, говоритъ Монтанелли: — Пій IX сидѣлъ за рабочимъ столомъ, на которомъ разбросано было множество бумагъ и нѣсколько книгъ. Комната была ни слишкомъ велика, ни мала, и единственная цилиндрическая лампа, поставленная на столѣ, разливала слабый, но пріятный свѣтъ. Чтобы вывести меня изъ затрудненія и дать предметъ разговору, Пій IX спросилъ, какой предметъ я преподаю. Но у меня слишкомъ много было на душѣ, чтобы тратить время по пустякамъ, и потому я испросилъ позволеніе у св. отца высказать ему нѣкоторыя размышленія о разныхъ политическихъ вопросахъ. Онъ казался расположеннымъ меня выслушать.

Я шолъ къ папѣ съ твердымъ намѣреніемъ посовѣтовать ему держаться либеральной политики, идти откровенно по пути реформъ, чтобы покончить съ нелѣпнымъ предразсудкомъ, что геній католицизма несомнѣтеленъ съ геніемъ свободы. Не надо обольщать себя популярностью криковъ: *viva Pio papa*, говорилъ я; они происходятъ не отъ живости религіознаго чувства. Крикъ этотъ не значитъ: да здравствуетъ папа! Италія почитаетъ въ вашемъ святѣйшествѣ челоуѣка провидѣнія, отъ котораго она ожидаетъ независимости, единства и свободы. Миръ рукоплещетъ праведному, который началъ свое царствованіе амнистіей.

— Это правда, перебилъ Пій IX: — и признаюсь, что ничто не было бы мнѣ такъ пріятно, какъ слышать вмѣсто *viva Pio papa* — *viva santo padre*, потому что первый крикъ политическій, второй же

религіозный; первый относится лично ко мнѣ, второй — къ намѣстнику св. Петра.

— Это вичего! возразилъ я: — Пій IX можетъ чудесно обдѣлать дѣла св. отца. Уже много значить то, что народы привыкають видѣть въ немъ представителя правосудія. Ихъ любовь къ Пію IX приведетъ ихъ къ религіи, которая его вдохновляетъ.

— Это также правда.

Пій IX очень ясно понималъ революціонное могущество своего имени.

— Карлъ-Альбертъ, сказалъ онъ: — не хочетъ уступить. Но тамъ народъ также началъ крикомъ: viva Pio papa! надо, чтобъ король, въ свою очередь, также приступилъ къ реформамъ. Между тѣмъ онъ жаловался на крайности, которыя были совершены въ нѣкоторыхъ народныхъ движеніяхъ, совершенныхъ во имя его. Представьте себѣ, сказалъ онъ: — что въ одномъ городкѣ Калабріи народъ вынулъ изъ тюрьмы мошенниковъ. Разсудите, могъ ли я молчать? Одинъ изъ редакторовъ журнала «Alba», сеньоръ Лафарина сказалъ, что мои слова отнимають всякую надежду; но я ободрилъ его, какъ ободряю всѣхъ...

Эта смѣсь простоты и невиннаго лукавства, граціи и ироніи дѣлала Пія IX существомъ пріятельнымъ, хотя далеко не соответствующимъ тому идеалу, который я составилъ. Но у меня опустились руки, когда онъ заговорилъ о свободѣ печати, о войнѣ за независимость, объ іезуитизмѣ — насущныхъ вопросахъ, которые революція торопила настѣрѣшить.

Римъ въ это время былъ въ большомъ волненіи по причинѣ препятствій свободѣ печати. Журналы «Contemporaneo» напали на такъ называемую католическую партію въ Швейцаріи и Бельгіи. Іезуиты и іезуитствующіе подняли изъ этого шумъ и гвалтъ, хотъ святыхъ вонъ повеси. Правительство, не осмѣливаясь имъ противиться осудило статью, изгвало автора на время изъ Рима и смѣнило цензора. Либералы съ своей стороны не сочли себя побѣжденными: всѣ журналы, по духу солидарности, перестали выходить въ свѣтъ; народъ взволновался и правительство нашлось вынужденнымъ отмѣнить свои распоряженія.

Эти событія доставили мнѣ случай говорить въ пользу свободы прессы, но на всѣ мои доказательства онъ возражалъ одно: какъ папа, я отецъ всѣхъ государей; какъ же вы хотите, чтобъ я позволялъ ихъ оскорблять печатно въ столицѣ католическаго міра.

Что касается до войны, Пій IX считалъ ее неизбѣжной и, какъ итальянецъ, желалъ изгнанія чужеземцевъ: но здѣсь опять онъ ставилъ препятствіемъ свое духовное значеніе; онъ утверждалъ, что

какъ папа онъ не можетъ объявить войны Австріи. Но, возразилъ я, когда вся Италия, исполненная энтузіазма, сдѣлаетъ воззваніе къ оружію, когда возставшая Ломбардія призоветъ на свою помощь итальянское юношество, подданные вашего святѣйшества не захотятъ ли принять участія въ борьбѣ?

— Я прелвижу, отвѣчалъ онъ: — что въ такомъ случаѣ невозможно будетъ остановить ихъ... Тогда они пойдутъ...

По вопросу объ іезуитахъ вотъ какія были его слова: «я не дѣлаю различія между іезуитами и другими монашескими орденами. Джоберти въ своей книгѣ: «Новый іезуитъ», говоритъ языкомъ неприличнымъ христіанину, тѣмъ болѣе священнику. Вина іезуитовъ въ томъ, что они слишкомъ неблагоразумны. Еще недавно я помѣшалъ имъ сдѣлать большую глупость... Достаточно, чтобы ихъ отецъ-генералъ прииошъ сюда, чтобы закричали, что папа въ рукахъ іезуитовъ...»

Аудиенція продолжалась около двухъ часовъ. Глубоко убѣжденный, что въ тогдашнемъ состояніи Италіи, лишенной единства политическаго и правственнаго, едва избѣгшей рабства, безъ ясноопредѣленныхъ принциповъ свободы, глубоко убѣжденный во всемъ этомъ, я думалъ, что имя Піа IX, оставшееся чистымъ и уважаемымъ въ переходномъ хаосѣ революціи было бы для насъ божественной помощью: подстрекало бы однихъ, сдерживало другихъ, братски соединяло бы всѣхъ; глубоко убѣжденный въ томъ, что если, по несчастію, это имя потеряетъ свое обаяніе прежде, чѣмъ мы составимъ націю прочно-организованную, мы рискуемъ раздробиться на тысячи безсильныхъ партій. Подумайте, что я былъ глубоко убѣжденъ въ этомъ и вы поймете, съ какимъ жаромъ я усиливался тронуть сердце Піа IX для убѣжденія его употребить свою популярность на пользу Италіи. Я чувствую, сказалъ я, что все будетъ потеряно въ тотъ день, когда, обращаясь къ массамъ, мы не въ силахъ будемъ кончить нашу рѣчь крикомъ: viva Pio nono! Любовь къ Италіи восторжествовала надъ моею республиканскою суровостью, и я бросился къ ногамъ первосвященника, умоляя его не оставлять Италіи! а онъ взявъ мою руку, крѣпко пожалъ ее и сказалъ: «вы меня вдохновляете.»

По выходѣ изъ дворца, я остановился на площади Квиринала. Тамъ, среди торжественнаго спокойствія ночи, нарушаемаго только однообразнымъ шумомъ фонтановъ, я представилъ себѣ священныя волненія толпы, когда ясная фигура Піа IX показывалась на балконѣ, благословляя народъ и оживляя его надежды. Никогда не считалъ я этого папу за генія, но съ тѣхъ поръ какъ я его увидѣлъ, его тусклый взглядъ, голосъ безъ симпатическихъ звуковъ, разго-

воръ отячяютійся скорѣ проіей, заставили меня судить о немъ иначе... Въ моихъ глазахъ остался (а я былъ еще только полурасчарованъ) священникъ, одушевленный добрыми намѣреніями, болѣ чувствительный, чѣмъ глубоко чувствующій, брошенный въ свѣтъ, котораго не понималъ; съ умомъ наивнымъ, но склоннымъ къ лукавству; счастливый любовью подданныхъ, жаждущій рукоплесканій народа и готовый для достиженія ихъ идти наперекоръ мѣтнію кардиналовъ...

Послѣ этой аудіенціи, Монтанелли носѣталъ кардинала Ферретти, отца Вентуру и Чичероваккіо. Первый — мнительный, суевѣрный, не понималъ ничего въ государственныхъ дѣлахъ и потому для помощи себѣ пригласилъ брата своего Петра, человека хотя ученаго и съ желаніемъ добра, но слабого и мелочнаго. Отецъ Вентура и Чичероваккіо были предводителями народа. Одинъ театвнскій монахъ, пытался примирить папство съ демократіей, требовалъ уничтоженія всякаго земнаго величія и призывалъ только одно правительство — духовное, мечталъ о свободѣ совѣсти, прессы и коммунъ, однимъ словомъ хотѣлъ нравственнаго вліянія церкви и то по убѣжденію. Другой, истинный типъ римскаго плебея, выражалъ интересы народа. Человѣкъ твердой воли, не подчинявшійся ничему внушенію, онъ напоминалъ древнее величіе властителей вселенной. Мнимый либерализмъ Пія IX не ослаблялъ его и онъ участвовал во всѣхъ демонстраціяхъ, имѣвшихъ цѣлью полученіе реформъ. Онъ уважалъ и любилъ папу до тѣхъ только поръ, пока онъ дѣйствовалъ въ интересахъ народа. При малѣйшемъ отступленіи онъ готовъ былъ идти противъ него.

Такимъ образомъ Монтанелли увидѣлъ, что пробужденіе народа въ Римѣ совершилось, что въ случаѣ войны за независимость можно смѣло рассчитывать на содѣйствіе римлянъ, но въ то же время онъ убѣдился, что на Пія IX нечего надѣяться. Грустно было ему разстаться съ утѣшительнымъ видѣніемъ, но мало-помалу онъ пришелъ къ убѣжденію, что нельзя ожидать освобожденія отъ папскаго Рима; онъ понялъ, что демократія и папство не могутъ существовать вмѣстѣ. Массы могутъ ошибаться, папа считаетъ себя непогрѣшимымъ, слѣдовательно имѣетъ полное право не обращать вниманія на требованія большинства. Нѣкоторые богословы ограничиваютъ непогрѣшимость папы сферой религіозной и нравственной, но догматы и нравственность имѣютъ множество точекъ прикосновенія съ наукой и жизнью, и никакъ нельзя точно разграничить ихъ предѣлы. Возрожденіе папства возможно только цѣной отреченія отъ свѣтской власти, а какой папа согласится на это?

Какъ скоро всѣ эти размышленія представились уму Монтан-

нелли, дѣятельность его принимаетъ другой характеръ: онъ опирается на демократію и въ солидарности народовъ ищетъ освобожденія и счастья Італіи.

Перваго января 1848 года многочисленная толпа народа готовилась принести папѣ поздравленіе съ новымъ голомъ. Чичероваккіо и депутаты отъ кварталовъ одѣлись въ лучшія свои платья и хотѣли уже вести процессію, какъ вдругъ явились папскіе карabinieri и объявили, что дворецъ запертъ и что если они осмѣлятся показаться на улицу, то будутъ разбѣяны сабельными ударами. Негодованію народа не было предѣловъ: какъ бурное море шумѣла и волновалась толпа. Дѣло едва не дошло до оружія; къ счастью, сенаторъ Корсини, отправленный депутатомъ къ папѣ, явился съ отвѣтомъ, что Пій IX довѣряетъ народу и въ доказательство на другой день поѣдетъ прогуливаться по городу.

Дѣйствительно, въ назначенное время папская карета выѣхала изъ воротъ Квиринала. Весь конвой состоялъ только изъ четырехъ человекъ, да и тѣ имѣли сабли въ ножнахъ. Народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ первосвященника и тѣснился вокругъ его кареты. На козлы влѣзъ одинъ транстеверинецъ, на запятки Чичероваккіо: онъ держалъ въ рукахъ знамя, на которомъ было написано: «святѣйшій отецъ, правосудіе! народъ съ вами!» Ценсовые крики радости раздаются при видѣ этого знамени, смѣшиваясь съ воплями негодованія противъ министерства. Восторгъ народа показался Пію IX подозрительнымъ, и съ нимъ сдѣлалось дурно. Карета поворотила во дворецъ. Тщетно дождалась толпа благословенія первосвященника. Балконъ растворился; «святѣйшій отецъ боленъ!» раздалось съ высоты его, и смущенный народъ въ молчаніи разошелся по домамъ.

Папская идиллія была кончена.

12 января Палермо представляло странное зрѣлище. Народъ густыми массами толпился на площадяхъ и улицахъ; повсюду были разставлены войска и пушки; все показывало, что ожидали чего-то необыкновеннаго. Это былъ день рожденія короля, день, назначенный республиканскою прокламаціей для произведенія революціи. Въ томительномъ волненіи стояли обѣ партіи. Вдругъ одинъ молодой палермитянинъ восклицаетъ: «къ оружію! къ оружію!» и бросается на войска; примѣръ его дѣйствуетъ заразительно: двое священниковъ благословляютъ народъ и драка начинается. На помощь сицилійцамъ безпрестанно прихлываютъ новыя толпы изъ окрестныхъ деревень. Напрасно дитадель осыплетъ

несчастный городъ градомъ ледеръ и бомбъ. Сицилійцы остаются непоколебимы, и побѣда вѣнчаетъ ихъ усилія.

29 января въ Неаполѣ была объявлена конституція.

Такимъ образомъ непостижимое упорство неаполитанскаго двора, его система жестокостей, его непониманіе духа времени, дали движенію другой характеръ. Нація поняла, что ее убаюкивали только реформами. Примѣръ Сициліи заставлялъ волноваться Пьемонтъ и Тоскану. Карлъ-Альбертъ, завидуя популярности Фердинанда, поспѣшилъ согласиться на требованія Санта-Розы и далъ конституцію.

Крики восторга раздались въ Тосканѣ, и правительство принуждено было объявить, что оно также занимается проектомъ конституціи по образцу неаполитанской. (17 февраля) Монтанелли воспользовался этими событіями, чтобъ примирить враждующія партіи. Это отчасти удалось ему. Гератси, одинъ изъ главныхъ виновниковъ возстанія въ Ливорно, былъ выпущенъ изъ тюрьмы; многочисленные поклонники его были въ восторгѣ, но умѣренные смотрѣли на этотъ фактъ какъ на предвѣстника новыхъ волненій. Зато Пиза единодушно праздновала приобрѣтеніе новыхъ правъ.

Больше всего препятствій конституція встрѣтила въ Римѣ. Напрасно народъ требовалъ ее и оружія. Пій IX объявилъ, что нечего опасаться войны, что еслибъ столица католическаго міра находилась въ опасности, на защиту ея явились бы 200 мильоновъ вѣрующихъ, что конституціи дать онъ не можетъ и не долженъ. Новыя настоянія, выраженныя посредствомъ начальниковъ національной гвардіи, заставили его нарядить комиссію, чтобъ рассмотреть нельзя ли расширить сдѣланныя реформы. Но пока комиссія тянула дѣло, пришло извѣстіе о февральской революціи во Франціи.

Кардиналы единогласно вотировали конституцію. Эта конституція не походила на другія: предоставляя папѣ неограниченную власть въ дѣлахъ духовныхъ, она не опредѣляла границъ духовной области; она поддерживала участіе коллегіи кардиналовъ въ политическомъ управленіи страны; она запрещала диссидентамъ отправленіе общественныхъ должностей; она оставляла духовную цензуру и не позволяла палатамъ разсуждать.

Разумѣется такія уступки не могли удовлетворить либеральную партію, но она налѣгалась разрѣшить вопросъ окончательно во время войны съ Австріей.

Монтанелли горячо сочувствовалъ общему движенію; съ 17 февраля онъ избралъ девизомъ своего журнала: *федеральное единство и независимая національность*. Вотъ какъ объяснялъ онъ эту формулу. «Движеніе итальянское — едино, потомучто всѣ мы чун-

ствуемъ, что призвавъ составить одно семейство. Еслибъ движеніе имѣло феодалный характеръ, еслибъ папа, король или какой-нибудь заговорщикъ, разрушивъ частные центры, соединилъ въ своихъ рукахъ верховное управленіе Италіи, тогда соединеніе произошло бы посредствомъ централизаціи. Но такъ какъ духъ обновленія имѣеть источникъ свой въ вѣдрахъ націй, такъ какъ онъ съ одинаковой силой обнаруживается въ разныхъ пунктахъ, то великая цѣль не можетъ-быть достигнута иначе, какъ путемъ федераціи; для этого надо, чтобъ разнородные центры итальянскихъ государствъ соединились добровольно около одного общаго центра. Какъ скоро національность одиетворится въ этомъ общемъ центръ, надо будетъ опредѣлить, что должно быть общаго между итальянскими государствами и что должно войти въ отдельную жизнь каждаго изъ нихъ. Слова «независимая національность» означаютъ другую великую потребность Италіи — освобожденіе Ломбардіи и Венеціи; они показываютъ, что не слѣдуетъ обращать вниманія на трактаты, которые узаконили это насиліе; они показываютъ, что мы не должны довольствоваться ломбардо-венеціанскимъ королевствомъ подъ властью Австріи, общающей ему псевдонациональность »

При такомъ востроевіи умовъ должны были рѣшаться вопросы о представительномъ правленіи въ папской области, объ освобожденіи ломбардо-венеціанскаго королевства, о подчиненіи итальянскихъ государей сейму, управляющему во имя Италіи.

Довольствоваться полученными конституціями было невозможно, потому что революціонная сила, вырвавшая ихъ у правительствъ, имѣла свой принципъ въ національномъ чувствѣ; а могло ли національное чувство видѣть равнодушно ломбардцевъ подъ игомъ Австріи, римлянъ подъ игомъ папы?

Ити впередъ, значило объявить войну Австріи, разрушить свѣтскую власть папы, уничтожить самостоятельность итальянскихъ государей.

Такимъ образомъ итальянская демократія приняла на себя рѣшеніе задачъ, начатыхъ Франціей въ 1789 году. Церемѣна правительства во Франціи, какъ нельзя болѣе льстила надеждамъ патриотовъ: они рассчитывали на нравственное вліяніе и сочувствіе новой республики, на ея армию; громкія фразы манифеста Дамартина раздавались во всѣхъ ушахъ. «Если на независимыя государства Италіи, говорилъ онъ, будетъ сдѣлано нападеніе, если поставятъ предѣлы и пресмѣтнія ихъ внутреннимъ преобразованіямъ — французская республика почтетъ себя въ правѣ вооружиться.

Но еще прежде февральской революціи, въ Миланѣ стали пока-

зываться признаки сильного раздраженія: оппозиція проявлялась во всѣхъ формахъ, начиная отъ коллективныхъ прошеній и оканчивая воздержаніемъ отъ лотерей и куренія табаку. Изъ Милана волненіе распространилось по всей Ломбардіи и Венеціи.

Въ такомъ положеніи находилась Италия наканунѣ войны съ Австріей. Моментъ былъ самый благоприятный для открытія непріязненныхъ дѣйствій: патриоты вездѣ восторжествовали, вездѣ добились конституціи, осталось развивать ее; ретроградная партія была ослаблена и только низкими просками противодействовала прогресу; во Франціи была полная побѣда демократіи; Германія возмущалась, проникнутая со всѣхъ сторонъ новыми ученіями, полная стремленій къ національному единству и самоуправленію; народности, составлявшія Австрію, грозили отдѣлиться; общественное мнѣніе всей образованной Европы было въ пользу итальянцевъ; казалось все обезпечивало побѣду, но нація рассчитывала безъ тѣхъ владѣтелей, для которыхъ союзъ съ Австріей былъ выгоденъ; нація ошибалась, принимая правительство Французской республики за народъ, полагаясь на искренность его обѣщаній; нація не приняла въ расчетъ партію, постоянно тормозившую всякаго рода движеніе...

Возстаніе вспыхнуло въ Миланѣ и другихъ городахъ ломбардо-венеціанскаго королевства почти одновременно, и побѣда вездѣ увѣнчала оружіе патриотовъ, несмотря на значительную несоразмѣрность въ силахъ. Австрія имѣла въ Италиі болѣе ста тысячъ войска, расположеннаго въ трехъ первокласныхъ крѣпостяхъ и семидесяти—двухъ другихъ укрѣпленныхъ пунктахъ; многочисленная крѣпостная артилерія, двѣнадцать батарей полевой, флотъ и цитадели въ Павіи, Миланѣ, Брешии и другихъ городахъ усиливали ея положеніе еще болѣе. Но вся эта странная обстановка разсѣялась какъ дымъ передъ могуществомъ народнаго патриотизма: нѣсколько дней — и всѣ эти силы были разсѣяны, большая часть крѣпостей и артилеріи взята и старый фельдмаршалъ считалъ себя счастливымъ, что съ остатками своего войска успѣлъ скрыться въ стѣнахъ Вероны.

Извѣстіе о миланской революціи и о бѣгствѣ Радецкаго достигло въ Тоскану 21 марта. Въ Ломбардію, въ Ломбардію! раздалось со всѣхъ сторонъ, и многочисленныя толпы народа съ крикомъ требовали переменъ министерства. Старые министры, чтобъ сохранить свои мѣста, приказали приготовить оружіе для арміи; вѣстѣ съ тѣмъ они убѣдили Леопольда издать манифестъ, въ которомъ между прочимъ читали слѣдующія строки: «часъ итальянскаго возрожденія наконецъ пробилъ! Кто искренно любитъ наше милое общее

отечество, не можетъ отказать ему въ помощи! Я обѣщался содѣйствовать порыву вашихъ сердецъ — я готовъ сдержать свое слово!»

Батальоны волонтеровъ были отвѣтомъ Тосканы.

«Мы выступили двумя колонами, говоритъ Монтанелли; — выступленіе было народнымъ праздникомъ; все народонаселеніе высыпало на улицы, окружило насъ, жало руки, пріѣтствовало благословеніями и желаніями успѣха; женщины, склонясь на перила балконовъ, махали платками; ихъ сердца были сокрушены разлукой, но ихъ поддерживала любовь къ отечеству; сквозь горькія слезы прощанія, онѣ видѣли ореолъ славы надъ головами ихъ сыновей, супруговъ, жениховъ. Остававшіеся обѣщались заботиться о семействахъ ремесленниковъ, у которыхъ война отнимала ихъ насущный хлѣбъ. На дорогѣ, при проходѣ колонъ, къ намъ безпрестанно присоединялись новыя толпы волонтеровъ; при входѣ въ города, войска были встрѣчаемы колокольнымъ звономъ; дождь цвѣтовъ сыпался на ихъ штыки, блестящіе въ лучахъ весенняго солнца.»

Этотъ энтузіазмъ испугалъ правительство: оно объявило, что Италия вездѣ восторжествовала и не имѣетъ нужды въ защитникахъ, и потому приказало тосканскимъ войскамъ остановиться во владѣніяхъ герцога моденскаго и помѣшать объявить тамъ республику.

Нетерпѣніе овладѣло Монтанелли: онъ отдѣлился отъ войскъ и продолжалъ свой путь въ Ломбардію. По дорогѣ онъ вездѣ старался возбудить требованія о національномъ парламентѣ. Эти требованія возникли въ одно время въ Римѣ и другихъ городахъ.

Побѣда Милана заставила тосканское правительство, вмѣстѣ съ Шемонтомъ, Римомъ и Неаполемъ, признать три итальянскіе цвѣта государственными.

Указъ, полный патріотизма, вышелъ 25 марта, и въ тотъ же день министръ иностранныхъ дѣлъ писалъ къ австрійскому посланнику: «его высочество поручилъ мнѣ объявить вамъ, что онъ приведенъ въ сильное негодованіе вчерашнимъ покушеніемъ противъ императорскаго посольства. Его высочество находитъ утѣшеніе въ надеждѣ выразить вамъ лично сегодня вечеромъ все неудовольствіе, произведенное этимъ происшествіемъ»...

Между тѣмъ Карлъ-Альбертъ тоже выступилъ на сцену. Вѣрный своему нерѣшительному характеру и мелкому честолюбію, онъ не умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, и вмѣсто того, чтобъ воспользоваться пораженіемъ австрійцевъ и окончательно изгнать ихъ изъ Италіи, онъ занялся интригами, употребляя всѣ усилія на присоединеніе Ломбардіи къ Шемонту.

Между тѣмъ Монтанелли получилъ порученіе проникнуть въ итальянскій Тироль и приготовить умы къ благопріятной встрѣчѣ

миланскихъ волонтеровъ. Вотъ что рассказываетъ онъ о своемъ путешествіи.

«Обыкновенно только ночью я рѣшался вступать въ деревни съ карманами, полными прокламацій. Въ какомъ-нибудь домѣ меня дожидались друзья, съ которыми я долженъ былъ согласиться относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Они съ восторгомъ принимали итальянца съ береговъ Арно и внимательно слушали неизвѣстныхъ имъ подробности миланскаго возстанія. Мы разсуждали о средствахъ организовать тирольскихъ партизановъ, заставить ихъ показать противъ Австріи тѣ чудеса храбрости, которыя оказывали они для ея защиты. Священники съ изумленіемъ слушали рассказъ о моемъ свиданіи съ Пиемъ IX. Я не оставлялъ мѣста, не расположивъ его въ нашу пользу, и такимъ образомъ достигъ до Триента, гдѣ едва не былъ разстрѣлянъ.

«Наступалъ вечеръ, когда я вступилъ въ городъ пѣшкомъ, надѣясь этимъ избавиться отъ бдительности полиціи. Но едва я сдѣлалъ какихъ-нибудь сто шаговъ, какъ былъ остановленъ. Полицейскіе потребовали у меня бумагъ. Этого матерьяла было у меня довольно — полные карманы; но только что это были за бумаги — все прокламаціи; одна изъ нихъ была написана вся моею рукою: я хотѣлъ напечатать ее тихонько въ Триентѣ. Быть арестованнымъ съ такой контрабандой — значило быть разстрѣляннымъ. Будь что будетъ, подумалъ я и рѣшился попытаться вывернуться.

«Я зналъ, что въ Триентѣ была учреждена національная гвардія, и потому рѣшительнымъ тономъ объявилъ полицейскому, что иначе не пойду къ военному начальству, какъ въ сопровожденіи національныхъ гвардейцевъ... Полицейскіе согласились на мое требованіе, ввели національнаго гвардейца и поручили ему отвезти меня къ военному начальству...

«Во время дороги я внимательно разсматривалъ моего проводника, потомъ безъ всякаго предисловія сказалъ ему наухо: «вы мнѣ кажетесь благороднымъ человѣкомъ; знайте, — вы ведете меня на смерть. Я Монтанелли и служу въ волонтерахъ; карманы мои полны революціонныхъ статей: — если вы предадите меня военному начальству, я буду тотчасъ же разстрѣлянъ.» Я не въ состояніи изобразить мишу, какую сдѣлалъ мой добрякъ при этой нечаянной довѣренности. Онъ былъ разстроенъ, онъ произносилъ слова безъ связи... «но... какъ сдѣлать?.. я долженъ отдать отчетъ»... я ему твердилъ одно: дѣлайте какъ хотите, но я предупредилъ васъ въ чемъ дѣло.

«Мы пришли къ гауптвахтѣ. Проводникъ мой быстро бросился въ караульный домъ, какъ-будто озаренный внезапнымъ вдохнове-

ніемъ , сказавъ мнѣ : « Будь что будетъ , я все беру на себя » , и вотъ , положивъ свое ружье , онъ объявилъ начальнику караула , что въ то время , когда онъ стоялъ на часахъ у воротъ , я пошолъ къ нему и просилъ его показать , гдѣ живетъ адвокатъ г. М. , и проводить меня къ нему . Начальникъ караула былъ раздраженъ такимъ забвеніемъ долга и горячо выговаривалъ солдату .

« Пока они спорили , одинъ человекъ сдѣлалъ мнѣ знакъ , что понимаетъ въ чемъ дѣло ; я взялъ его тотчасъ подъ руку , и черезъ два часа былъ въ безопасности къ горамъ . »

Эта миссія Монтанелли имѣла успѣхъ . Возстаніе вспыхнуло при переходѣ милиціонеровъ черезъ границу , но вскорѣ раздоры между частными начальниками остановили успѣхи итальянскаго оружія . Монтанелли былъ посланъ въ Миланъ съ порученіемъ уладить всѣ несогласія и выхлопотать новыя подкрѣпленія .

Грустное зрѣлище увидѣлъ онъ въ Миланѣ : политика Карла-Альберта принесла свои плоды , — народъ былъ раздѣленъ на партіи ; несогласія въ политическихъ мнѣніяхъ , затихшія во время борьбы съ австріяцами , возникли снова ; на стѣнахъ многихъ домовъ появилась надпись : « Смерть республиканцамъ ! » Партизаны сардинскаго короля ревностно работали въ пользу присоединенія Ломбардіи къ Пиемонту . Карлъ-Альбертъ требовалъ , чтобъ временное правительство въ возможно-короткое время узнало желанія страны относительно формы правленія . Въ ожиданіи отвѣта онъ тянулъ время , тогда какъ могъ совершенно истребить остатки войскъ Радецкаго .

Прибытіе Сиртори и Мадзини еще болѣе раздуло пламя раздора . Первый , строгій республиканецъ , человекъ высокой образованности , одаренный замѣчательнымъ военнымъ талантомъ , постоянно мечталъ о республикѣ . Въ продолженіе своего пребыванія въ Парижѣ онъ усвоилъ себѣ либеральныя стремленія демократовъ 1848 г. Сбросивъ священническую рясу , онъ съ ружьемъ въ рукахъ пробѣгалъ улицы Парижа 24 февраля . Онъ полагалъ , что французская революція была сигналомъ возрожденія общеевропейской демократіи и потому думалъ связать судьбы Италіи съ судьбами Франціи . Съ этой цѣлью , 7 апрѣля онъ основалъ республиканскій клубъ .

Съ другой стороны , Мадзини являлся защитникомъ временнаго правительства , хотя большинство его членовъ состояло изъ альбертистовъ . Онъ понималъ неспособность и двуличность французскаго правительства , и потому совѣтовалъ отложить всѣ споры о формѣ правленія ; онъ надѣялся удерживать альбертистскія стремленія временнаго правительства личнымъ вліяніемъ на нѣкоторыхъ его членовъ .

Такимъ образомъ, какъ скоро народное движеніе перешло въ правильную войну, можно было предвидѣть неудачу кампаніи. Всѣ успія патриотовъ втеченіе тридцати лѣтъ стремились къ пробужденію въ Италіи демократическаго элемента; они достигли этого, и вдругъ движеніе принимало прямо противоположный характеръ: могъ ли Карль-Альбертъ чистосердечно сражаться за венеціанскую республику? Могъ ли Пій IX видѣть равнодушно торжество ненавистныхъ ему либераловъ? Могъ ли Фердинандъ неаполитанскій забыть вырванную у него силой конституцію? Могъ ли онъ равнодушно смотрѣть на образованіе на сѣверѣ сильнаго итальянскаго государства? Разумѣется нѣтъ! Карль-Альбертъ не могъ встрѣтить себѣ сочувствія въ другихъ владѣтеляхъ ни какъ король, ни какъ предводитель демократіи. Съ другой стороны между патриотами господствовало гибельное разногласіе: одни хотѣли союза съ Франціей, другіе говорили: *Italia farà da sé*. И тѣ и другіе были правы: первые рассчитывали на расположеніе народнаго духа во Франціи; вторые на нежеланіе французскаго правительства вмѣшаться въ чужія дѣла, несмотря на громкій манифестъ Ламартина; на Англію было также мало надежды: народъ сочувствовалъ Италіи, но Пальмерстонъ стоялъ за консервативную политику и не только ничѣмъ не выразилъ своего сочувствія къ Италіи, но даже отказалъ венеціанскимъ посланнымъ въ продажѣ оружія и пороха. Сверхъ этого несогласія существовало еще другое между партіей *mezzani*, состоявшей изъ трусовъ, оптимистовъ и умѣренныхъ, и партіей дѣйствія, которая заключала въ себѣ крайнихъ радикаловъ.

Въ продолженіе этого времени война была объявлена Австріи всѣми итальянскими государями. Пій IX 25 марта благословилъ знамена волонтеровъ, но запретилъ генералу Дурандо переходить По; когда же тотъ не послушался, то написалъ извѣстное окружное посланіе, въ которомъ даказывалъ, что, какъ отецъ всѣхъ вѣрующихъ, онъ не можетъ вести войны съ Австріей. Народное волненіе заставило его пзмѣнить языкъ.

Фердинандъ дѣйствовалъ также недобросовѣстно: отправивъ генерала Пене на помощь Венеціи, онъ присоединилъ къ нему генерала Стателлу, который парализировалъ всѣ его дѣйствія, — неаполитанскій флотъ получилъ секретныя инструкціи не дѣйствовать противъ австрійцевъ. Съ своей стороны Австрія тоже вела интригу. Гуммелауэръ, по соглашеніи съ Ламартиномъ, составилъ проектъ, который долженъ былъ окончить войну: по этому проекту Ломбардія приобрѣтала самостоятельность, Венеція получала конституцію и вице-короля; Англію обладеживалъ онъ Сициліей, Францію — Савойей. Ламартинъ съ жаромъ поддерживалъ этотъ проектъ,

хотя и не хотѣлъ признаться, что онъ участвовалъ въ его составленіи ; напротивъ того, онъ утверждалъ, что лордъ Минто былъ его авторомъ.

Скоро обстоятельства стали еще хуже для Италіи. 15 мая совершилась въ Неаполѣ кровавая реакція : Фердинандъ побѣдилъ и тотчасъ же послалъ предписаніе войскамъ генерала Пене возвратиться.

Тѣ же признаки реакціи обнаружались и въ Тосканѣ. Едва батальонъ студентовъ вступилъ въ Реджіо (Модена), какъ правительство объявило, что этотъ батальонъ распускается по домамъ. Отвѣтомъ былъ единодушный протестъ ; правительство отмѣнило указъ, но не теряло надежды достигнуть своей цѣли другими средствами. Оно назначило главнокомандующимъ Арко-Феррари, одного изъ самыхъ неспособныхъ генераловъ.

Новый начальникъ расположилъ свои силы подъ стѣнами Мантуи. Осаждающая армія состояла всего изъ пяти тысячъ человекъ съ девятью орудіями. Недостатокъ въ средствахъ, тяжелая полевая служба, безпрестанныя вылазки, зловредныя испаренія мантуанскихъ болотъ, ежедневно истощали силы этого незначительнаго отряда. Наконецъ неспособность генерала Арко-Феррари сдѣлалась такъ очевидна, что правительство принуждено было 27 мая назначить на его мѣсто генерала Ложье. Новый главнокомандующій былъ атакованъ черезъ день послѣ того тридцатью двумя тысячами австрійцевъ съ сорока орудіями.

«Еще не было десяти часовъ, говоритъ Монтанелли, какъ мы были уже подъ ружьемъ. День былъ великолѣпный. Уже около часа стояли мы, напрасно дожидаясь перваго пушечнаго выстрѣла, какъ вдругъ полковникъ Кампіа, командиръ куртатонской милиціи, вызываетъ охотниковъ для рекогносцировки. Маленькии, начальникъ студентскаго легіона, бросается изъ траншеи въ сопровожденіи человекъ десяти. Черезъ нѣсколько минутъ начинается перестрѣлка : непріятельскіе застрѣльщики пользуясь пересѣченной мѣстностью, подползли почти къ самому брустверу.

Сраженіе началось почти одновременно въ Куртатонс и Монтанарѣ. Ложье рѣшился держаться твердо до прихода сардинскихъ войскъ. Подъ градомъ пуль и ядеръ продвигается онъ по всей атакуемой линіи ; солдаты поднимаютъ каски на концы штыковъ и привѣтствуютъ его восторженнымъ крикомъ : «viva Italia!» Прискакавъ въ Монтанару, онъ спрашиваетъ Джованетти почему застрѣльщики сражаются открыто?

— Потому что итальянцы должны показывать грудь свою непріятелю, отвѣчаетъ онъ, улыбаясь...

Батальонъ студентовъ былъ оставленъ въ арьергардѣ. Но едва

онъ услышалъ шумъ сраженья , едва увидѣлъ первыхъ раненыхъ , какъ закипѣлъ воинственнымъ жаромъ , и прежде чѣмъ генералъ Ложье позвалъ его , онъ былъ уже на полѣ битвы. И вотъ этотъ избранный легіонъ на мосту Озоны! Какія сокровища знанія! Сколько гениевъ , готовыхъ проявиться великими открытіями!.. Что потеряетъ отечество , если какой-нибудь толстый баронъ , сражающийся противъ насъ , исчезаетъ съ лица земли ; но въ этомъ узкомъ пространствѣ , занимаемомъ священнымъ легіономъ , всякая неприятельская пуля угрожаетъ намъ невознаградимыми потерями.

Тамъ цвѣтъ знанія и цивилизаціи : Мосоти , Ширіо , Пилла Бурчи! Тамъ , на этомъ мосту , пушечное ядро сразило великаго геолога Леопольда Пиллу , который , умирая , сказалъ : « Я мало сдѣлалъ для Италіи ! » Рядомъ съ нимъ палъ мой любимый ученикъ Торквато Тотти , умъ живой и тонкій , какъ воздухъ его родины Вандерле.

Два наши орудія , которыми поручикъ Никколини производилъ страшное опустошеніе въ рядахъ непріятеля , принуждены были замолчать : ракета , лопнувшая на пороховомъ ящикѣ , взорвала его и почти всѣ артиллеристы были убиты или ранены. Никколини попалъ въ число послѣднихъ. Я сражался рядомъ съ артилеріей и никогда не забуду этого адскаго зрѣлища. Ясное небо , подернутое покровомъ порохового дыма , дымъ и мельница въ огнѣ , раскаленный воздухъ , безпрестанная канонада , свистъ пуль , разрывъ бомбъ , и среди этого хаоса артиллеристы , захваченные пламенемъ : одни изъ нихъ бѣгаютъ почти голые , другіе срываютъ съ себя клочки горящаго платья... И между тѣмъ въ этомъ аду небесная радость блистаетъ на лицахъ сражающихся ; дѣти дерутся какъ львы , — довольно крика : « viva l'Italia ! » чтобъ воспламенить воинственный энтузіазмъ , какъ будто сраженіе только-что началось.

При Монтанарѣ австрійцы сначала стали обходить нашъ лѣвый флангъ съ намѣреніемъ прервать сообщеніе между двумя лагерями ; отражонные съ этой стороны , они атаковали правый флангъ и центръ. Майоръ Бароди съ двумя ротами національной гвардіи выдерживаетъ напоръ цѣлой бригады съ пушками. Онъ падаетъ , раненый въ грудь , но его солдаты продолжаютъ оснаривать у непріятеля каждый клочокъ земли...

Между тѣмъ Ложье напрасно дожидался прихода пьемонтцевъ. Сраженіе продолжалось уже шесть часовъ : дальнѣйшая борьба влекла за собой только бесполезное пролитіе крови ; съ другой стороны отступление съ войсками , смѣшанными случайностями боя , представляло также большія затрудненія.

Между тѣмъ австрійцы заняли кладбище и домъ на правомъ флангѣ и открыла оттуда огонь противъ Монтанары. Джованетти

приказалъ спросить, не пора ли начать отступление. Генералъ отвѣчалъ утвердительно. Съ этихъ поръ онъ уже не колебался: онъ рѣшился также отступить, и послалъ за полковниками Камбио и Гиджи. Первый былъ раненъ, второй также, но несмотря на то, что ядро оторвало ему лѣвую руку, онъ явился и потрясая кровавымъ остаткомъ, вскричалъ:

— Да здравствуетъ Италия! Да будутъ прокляты тѣ, которые кричатъ на площадяхъ и нейдутъ сражаться.

Поставивъ батарею за мостомъ, Ложье явился на правый флангъ и вполголоса приказалъ начать отступление, но едва это движеніе было примѣчено, какъ ряды разорвались и беспорядочныя толпы бѣглецовъ устремились на мостъ и совершенно прервали сообщеніе. Успілія нѣсколькихъ патріотовъ сохранили артилерію.

Отрядъ Маленкини оставался въ траншеяхъ прикрывать движеніе. Маленкини зоветъ насъ за собой. Я былъ такъ далекъ мысля объ отступленіи, что полагалъ, что дѣло идетъ о вылазкѣ. Достигнувъ моста, я увидѣлъ отступление или, лучше сказать, безпорядочное бѣгство... Чувство народной горлости охватило меня: я призываю товарищей... Около меня образуется небольшая кучка храбрыхъ; мы пробѣгаемъ поле, усѣянное трунами, отыскивая мѣсто, удобное для защиты. Непріятельскія пули ломаютъ вѣтви деревьевъ и самыя деревья съ шумомъ, подобнымъ урагану. Всякая минута уноситъ кого-нибудь изъ нашей кучки, обреченной на смерть... Узнавъ, что австрійцы направляются къ озеру, мы успѣли занять мельницу на берегу его.

Насъ было не больше сорока человѣкъ, но всѣ мы приготовились къ отчаянной защитѣ... Больше всего мы боялись, что намъ не достанетъ зарядовъ; всякій разъ, какъ кто-нибудь изъ насъ падалъ, мы дѣлили между собой его патроны.

Подлѣ меня былъ Шетро Парра, мой любимый другъ и неразлучный товарищъ во время войны. Я говорилъ съ нимъ, заряжая ружье; зарядивъ оборачиваюсь къ нему снова... Онъ лежалъ у моихъ ногъ... Наклоняюсь надъ нимъ, зову, обнимаю его, кладу руку на сердце... Увы! это сердце, полное великодушія и нѣжности, перестало биться.

Эта внезапная потеря столь милого друга бросила меня на минуту въ ужаснѣйшее отчаяніе. Я выставилъ мою грудь подъ непріятельскія пули, рѣшотившія стѣны дома; я слышалъ, какъ онѣ свистѣли мимо ушей моихъ, и этотъ свистъ казался мнѣ восхитительной гармоніей. Я всѣми силами желалъ, чтобы кака-нибудь изъ нихъ соединила меня съ другомъ въ области безсмертныхъ... Но скоро чувство долга привело меня въ себя. Италия повелѣвала мнѣ сра-

жаться, а не стопать, и я сталъ сражаться. Мое ружье испортилось, я взялъ, какъ драгоценное наслѣдство, ружье моего милаго Пьетро... Когда я готовился выстрѣлить первый разъ, непріятельская пуля пробила мнѣ лѣвое плечо. Я почувствовалъ точно ударъ палкой, пошатнулся, но не упалъ.

Я спросилъ моего сосѣда, гдѣ я раненъ? Виля только отверстіе, куда вышла пуля, онъ отвѣчалъ, въ синю. Маленькии прибѣжалъ ко мнѣ и хотѣлъ заставить улашиться, но я противился, считая себя въ силахъ сражаться. Я еще спорилъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что въ глазахъ у меня туманится, по членамъ пробѣгаетъ судорожный холодъ... Я думалъ, что наступилъ мой послѣдній часъ.

О, какъ прекрасна смерть на полѣ сраженія! но легкое облако отуманивало мою радость умереть за отечество — идея, что я раненъ сзади. Я зналъ, съ какимъ ожесточеніемъ клеветали на меня мои политическіе непріатели. Я боялся, что ихъ клевета не остановится даже передъ могилой; вогъ почему я сказалъ Маленькии: засвидѣтельствуй, что я палъ лицомъ къ лицу съ непріателемъ, слова, которыя онъ буквально передалъ на моей панихидѣ во Флоренціи (меня считали убитымъ).

Защитники мельницы были почти всѣ перебиты или переранены; немногіе успѣли спастись отступленіемъ къ деревнѣ Грація, преслѣдуемые перестрѣлкой. Они сдѣлали, что могли: ихъ защита дала возможность придать болѣе порядка отступленію при Куртатоне.

Менѣе счастливы были сражавшіеся при Монтанари: послѣ упорнаго сраженія, продолжавшагося семь часовъ, они были окружены непріателемъ, потеряли артилерію и большей частью попались въ плѣнъ. И между тѣмъ, даже въ этомъ отчаянномъ положеніи они вели себя геройски. Артилеристъ Аральди, молодой, любезный человекъ, одаренный непобѣдимымъ мужествомъ, видя невозможность спасти свои пушки, приказалъ перенести ихъ на рукахъ въ одинъ домъ въ Монтанарѣ, и не переставалъ громить оттуда непріателей, пока не палъ смертельно раненый подлѣ своихъ орудій...

Когда я очнулся отъ обморока, причиненнаго сильнымъ кровотеченіемъ, я увидѣлъ себя въ домикъ, принадлежавшемъ къ мельницѣ; шайка кроатовъ ворвалась въ это время; два моихъ товарища, Морандини и Коладини, презрѣли плѣнъ, чтобъ только помочь мнѣ. Они сказали капитану, который вошелъ въ эту минуту въ комнату: «дѣлайте съ нами что хотите, только спасите нашего равнаго»; на эти полныя чувства слова капитанъ отвѣчалъ также съ чувствомъ: «не бойтесь, мы всѣ здѣсь христіане!» и онъ удержалъ ярость угрожавшихъ намъ солдатъ...

Вскорѣ я былъ унесенъ изъ дома мельника; грубый голосъ: «рапеные въ сторону» разлучилъ меня съ двумя товарищами. При послѣднемъ моемъ поцѣлуѣ милому Морандини я ощутилъ глубокую пустоту въ сердцѣ, — какъ-будто у меня отняли все что мнѣ было дорого; мнѣ казалось, что надо мной затворялась могила.

А когда я себя увидѣлъ посреди пьяной солдатчины, которая являла на смѣшку ревѣла: viva Pio popo! — когда я вмѣсто нашего трехцвѣтнаго знамени увидѣлъ ненавистные цвѣта: жолтый и черныи, когда я представилъ себѣ смерть въ австрійскомъ госпиталѣ — чувство томительной грусти охватило меня при мысли быть разлученнымъ съ жизнью возрожденной Италіи. Какъ показались мнѣ тогда мрачны башни Мантуи подъ яснымъ солнцемъ 29 мая.

Пока Монтанелли выздоравливалъ, перенесъ всѣ бѣдствія австрійскихъ госпиталей, испыталъ все горе, какое можетъ вынести сердце патріота при видѣ несчастій отечества, судьба Италіи совершалась.

Карлъ Альбертъ продолжалъ свой планъ присоединенія къ Пьемонту Ломбардіи и Венеціи; одержавъ побѣду при Галти, онъ не торопился воспользоваться ей, давая время интриганамъ работать въ его пользу; въ тоже время онъ сообщилъ англійскому посланнику желаніе примириться съ Австріей, если ему уступятъ Ломбардію и герцогства; австрійскій кабинетъ воспользовался этимъ предложеніемъ, протянулъ время переговорами и далъ Радецкому возможность собраться съ силами. Слѣдствіемъ было пораженіе Карла Альберта при Кустоцѣ и перемиріе Саласко, оставлявшее Ломбардію безъ защиты...

Дипломатическія сношенія съ Франціей продолжались, также какъ и борьба партій. Кавеньякъ, по примѣру Ламартина, обѣщалъ помощь, и по примѣру его, не давалъ ее. Онъ уклонялся отъ содѣйствія Пьемонту и Венеціи, хотя послѣдняя была республикой, что умѣренные ставили въ вину ей, считая это будто бы препятствіемъ къ образованію итальянской лиги.

Леопольдъ въ Тосканѣ дѣйствовалъ съ такимъ же двусудіемъ, говорилъ въ парламентѣ либеральныя рѣчи, наполненныя воинственными и патріотическими выраженіями и въ то же время писалъ къ генералу Фельдену, что тосканцы не будутъ безнокоить его, что войска посланы имъ на границу только для удовлетворенія требованій буйныхъ демагоговъ и для поддержки своего колеблющагося трона.

Вражда между тосканскими партіями усилилась въ отсутствіе Монтанелли. Гератси въ Ливорно въ своемъ журналѣ нещадно бичевалъ неспособное министерство. Ридольфи оказался человѣкомъ

безъ всякой энергіи; разъ только онъ вздумалъ показать ее закрытіемъ клубовъ и арестомъ многихъ демократовъ, но эта попытка послужила къ его паденію. Гератси явился въ парламентъ и въ пламенной рѣчи укорялъ министровъ въ злоупотребленіи власти и въ отступничествѣ отъ Италіи. Не имѣя возможности оправдаться, министры подали въ отставку.

Новое министерство Джинно Каппони оказалось не лучше. Демократы были раздражены сожженіемъ во Флоренціи демократическаго журнала «il Popolano» и неприяностями, нанесенными отцу Гаватен при его отравленіи въ Венецію. Ливорно возмутился; губернаторъ былъ посаженъ въ тюрьму; министерство отравило Маленкини для усмиренія города. Никто болѣе его не былъ способенъ къ этой роли: любимый и уважаемый до войны, онъ еще болѣе выросъ въ общественномъ мнѣніи послѣ кампаніи...

Начало его миссіи было весьма удачно, но вдругъ министерство назначило на его мѣсто Чиприани. Новый комиссаръ не пользовался никакой популярностью и хотѣлъ возстановить порядокъ въ городѣ войсками. Утромъ 2 сентября онъ запретилъ сборища на улицахъ; народъ не послушался — тогда Чиприани выславъ противъ безоружной толпы драгунъ. Раздраженный народъ, разграбивъ оружейные магазины, бросился на колокольни и въ дома, прилежащія къ площади. Началась перестрѣлка. Чиприани, потерявъ до ста человекъ, принужденъ былъ отступить въ крѣпость, откуда на другой день потахоньку бѣжалъ.

Чечиліа сдѣлался главой правленія; но его черезъ нѣсколько часовъ смѣняетъ Торресъ, который въ свою очередь долженъ былъ уступить Гератси, вернувшемуся въ Ливорно изъ Флоренціи, по просьбѣ депутатовъ.

Новый диктаторъ былъ человекъ съ большими способностями. Онъ происходилъ отъ древней и знатной фамиліи, но неблагоприятныя обстоятельства погрузили ее въ бѣдность, такъ что отецъ нашего героя былъ не больше какъ простой ремесленникъ. Правда, это былъ ремесленникъ образованный: онъ читалъ Тита Ливія и Макіавелли и зналъ наизусть Данте и Петрарку, но тѣмъ неменѣе состояніе его было весьма ограничено и не позволяло дать сыну надлежащее образованіе. Впрочемъ старикъ не унывалъ отъ этого. Усвоивъ идеи древнихъ римлянъ, онъ смотрѣлъ на богатство какъ на источникъ праздности и снѣси. Если хочешь быть богатъ, говорилъ онъ сыну, заслужи богатство трудами. Вѣрный этому правилу, онъ помѣшалъ ему получить наслѣдство послѣ одной богатой тетки.

Этотъ желѣзный характеръ перешолъ и къ сыну; однажды,

живо поспоривъ съ отцомъ, онъ ушелъ изъ дому съ нѣсколькими байокко въ карманѣ. Нужда заставила его сдѣлаться корректоромъ и учителемъ другихъ учениковъ, знавшихъ меньше его. Молодому Гератси было въ это время только четырнадцать лѣтъ, но онъ умѣлъ не только отказывать себѣ во всемъ, но и помогать другимъ.

Между тѣмъ пришло время поступить въ университетъ, но у Гератси не было денегъ. Отецъ хотѣлъ примириться съ нимъ и помочь, и употребилъ для этого посредничество друзей, но всѣ старанія ихъ остались безплодны; тогда онъ самъ пошелъ къ сыну и открылъ ему объятія — примиреніе совершилось...

Въ Пизѣ онъ увидѣлъ Байрона: великій поэтъ, совершенно увлекъ его; онъ съ тѣхъ поръ постоянно смотрѣлъ сквозь призму его поэзіи.

Скоро Гератси подвергся политическимъ преслѣдованіямъ за чтеніе вслухъ конституціонныхъ журналовъ Неаполя. Опъ былъ исключенъ изъ университета на годъ. Напрасно онъ ѣздилъ во Флоренцію и жаловался министру: «я могу только наказывать, отвѣчалъ гордый сановникъ: — право помилованія принадлежитъ его высочеству.»

Возвратившись черезъ годъ въ Пизу, Гератси съ жаромъ занялся изученіемъ юриспруденціи и медицины. Несмотря на притѣсненія полиціи и университетскаго начальства, смотрѣвшихъ на него, какъ на несправимаго либерала, онъ съ успѣхомъ кончилъ курсъ наукъ, и переѣхавъ въ Ливорно, поступилъ въ число адвокатовъ. Первые рѣчи обѣщали ему блестящую карьеру, но она была вдругъ прервана по случаю чтенія имъ въ Accademia Labronica похвальной рѣчи въ честь одного храбраго воина. Правительство нашло эту рѣчь такой либеральной, что изгнало автора въ Монтепульчана (1828).

Черезъ три года, вернувшись въ Ливорно, онъ намолъ городъ въ страшномъ волненіи; за попытку усмирить его, онъ былъ посаженъ въ тюрьму. Черезъ нѣсколько времени его выпустили невзвѣство по какой причинѣ, но кредитъ его былъ подорванъ, дѣла запутаны, самъ онъ находился подъ надзоромъ полиціи.

Въ 1834 году у него сдѣлали новый обыскъ, и хотя ничего не нашли, но все-таки посадили его въ крѣпость; оттуда онъ былъ перевезенъ на островъ Эльбу. Здѣсь въ Порто-Ферайо онъ написалъ лучшей свой романъ «Осаду Флоренціи». Послѣ того не проходило ни одного волненія, въ которомъ имя Гератси не было бы замѣшано; событія 1847 года завлекли его въ изгнаніе на острова; въ 1848 году онъ былъ посаженъ на нѣсколько дней въ тюрьму. Но всѣ эти бѣдствія не поколебали его. Когда онъ не могъ дѣйстви-

вать демонстраціями, онъ приближалъ къ литературѣ: она сдѣлалась для него оружіемъ противъ деспотизма. «Въ странахъ свободныхъ и спокойныхъ, — говорилъ онъ, — имѣютъ право творить во имя искусства для искусства. У насъ это было бы слабостью и апатіей. Когда я пишу, значить, я хочу что-нибудь сдѣлать; мои произведенія не книги, но дѣйствія. Нашъ долгъ дѣйствовать и сражаться. Когда мы не можемъ выпнуть изъ ноженъ мечъ, возьмемся за перо. Мы собираемъ материалы, чтобъ строить крѣпости или батареи: тѣмъ хуже, если наши постройки не могутъ назваться произведеніями искусства.»

Писать медленно, холодно въ наше время, въ нашей странѣ, съ цѣлю создать образцовое произведеніе, было бы нечестіемъ. Когда я составляю книгу, я думаю только о томъ, какъ бы высказаться, какъ бы лучше передать мои мысли и надежды. Я предпочитаю романъ, потому что это любимая и популярная форма нашего времени, но я смотрю на него только какъ на рамку, самая же картина состоитъ изъ моихъ мыслей, мечтаній и сомнѣній. Я начинаю расказъ, чтобъ завлечь толпу; какъ скоро она заинтересована, я высказываю то что хотѣлъ высказать; когда я думаю, что урокъ надоѣлъ, я снова принимаюсь за расказъ, и всякій разъ, какъ только могу прервать его, возвращаюсь къ повѣствованію. Эстетика плохая — я согласенъ; мои осадныя работы будутъ разрушены послѣ войны, — пускай! Что мнѣ за дѣло, что мои творенія пронесутся какъ буря, если онѣ разгромятъ злыхъ, потрясутъ трусовъ и очистятъ воздухъ.»

Таковъ былъ человекъ, который сталъ во главѣ демократической партіи въ Ливорно. Онъ различался отъ Монтанелли какъ проза отъ поэзіи; но несмотря на это различіе, въ нихъ было много общаго: они сходились въ демократическихъ тенденціяхъ; время развѣяло поэтическія мечты Монтанелли, и онъ болѣе и болѣе склонился на сторону крайней партіи.

Министерскіе журналы воишли противъ Ливорно; министры проповѣдывали крестовый походъ противъ мятежнаго города; малое число охотниковъ не отняло желанія у нихъ укротить Ливорно силой: они хотѣли воспользоваться сардинскими войсками, но получили отказъ. Тогда они назначили губернаторомъ Ливорно Тартини, человекъ съ деспотическими наклонностями и непопулярнаго на малѣйшей популярностью. Новый губернаторъ не былъ ввѣщенъ въ городъ. Тогда министерство оставило Ливорно на произволъ судьбы.

Въ это время Монтанелли возвратился въ Тоскану вслѣдствіе перемирія Саласко. Общественная жизнь, увашая изъ сферы вели-

кихъ идей въ грязь презрѣнныхъ страстишекъ, мелкія самолюбія, оспаривающія другъ у друга портфели, правительство безъ власти, возмущенія безъ знамени, журнализмъ, занимавшійся слетными, вотъ что ожидало Монтанелли въ Тосканѣ.

27 сентября онъ вступилъ въ парламентъ депутатомъ Фучеккіо.

Первымъ дѣломъ его было потребовать у министровъ отвѣта, какія мѣры они намѣрены принять противъ Ливорно; они отвѣчали, что непрочъ выслушать предложенія о примиреніи. Увѣренный, что только Гератси можетъ удалить дѣло, Монтанелли написалъ къ нему письмо, убѣждая его заставить городъ просить о присылкѣ губернатора.

Письмо это опоздало. Ливорнская депутація была уже въ лоретѣ. Она требовала: оставленія національной гвардіи, учрежденной Гератси, амнистии и либеральнаго губернатора. Последнее требованіе намекало на Гератси, но министры показали видъ, что не понимаютъ и назначили Монтанелли.

Это назначеніе усилило демократическую партію, слявъ разные ея отѣнки. Монтанелли понялъ, что судьба тосканской свободы зависѣла отъ судьбы итальянской независимости, потому что итальянцы могли освободиться отъ иноземнаго владычества иначе, какъ посредствомъ солидарности. Для серьезной войны необходимо было соединеніе всѣхъ силъ полуострова, а для этого нужна была власть, говорившая во имя націи. Опытъ показалъ лживость надеждъ, основанныхъ на Карлѣ Альбертѣ, Піѣ IX и Фердинандѣ; опытъ показалъ, что даже военная диктатура, захваченная однимъ изъ этихъ принцовъ, не привела ни къ чему; оставалось попробовать достигнуть единства Италіи съ помощью демократіи. Монтанелли обратился къ этому средству. Онъ рѣшился начать съ Тосканы, надѣясь этимъ примѣромъ увлечь другія государства, и поэтому 8 октября объявилъ на ливорнской площади итальянское законодательное собраніе (Constituente).

Кантони сочувствовали этой идее; онъ даже пробовалъ провести ее путемъ дипломатическимъ, но какъ скоро увидѣлъ, что она начинать осуществляться, по обыкновенію своему, испугался и подалъ въ отставку. Новое министерство было поручено составить Монтанелли. Онъ назначилъ министрами внутреннихъ дѣлъ Гератси, юстиціи — Матсони, прозваннаго за строгость нравовъ Катонемъ; народнаго просвѣщенія — Франкини, финансовъ — Алави.

Это было первое демократическое министерство въ Италіи; 27 октября оно провозгласило обще-итальянскій парламентъ.

Одна изъ важнѣйшихъ ошибокъ революціи 1848 года, по мнѣнію Монтанелли, состояла въ томъ, что вопросъ о независимости

Италіи былъ отдѣленъ отъ вопроса объ единствѣ. Всѣ готовы были сразиться и умереть за Италію и оставляли ее безъ политическаго центра; всѣ хотѣли разрушить старыя авторитеты и между тѣмъ не создавали новаго во имя націи. Проповѣдая общее соглашеніе, оставались на дѣлѣ пьемонтцами, тосканцами, римлянами, однимъ словомъ прежнее раздѣленіе продолжалось.

Между тѣмъ полгода войны значительно ослабили народный энтузіазмъ и патріотизмъ: значительныя потери на полѣ сраженія, гибель многихъ лучшихъ людей революціи, интриги умѣренныхъ, успѣхъ реакціи въ Неаполѣ, лицемѣріе и эгоизмъ Карла-Альберта, все это способствовало къ паденію Италіи. Монтанелли своимъ проектомъ думалъ отвратить его, и съ этой цѣлью назначилъ первой задачей парламента соединеніе раздробленныхъ силъ націи; государственное же устройство полуострова онъ отлагалъ до конца войны. Разумѣется, итальянскіе владѣтели не могли согласиться на этотъ проектъ: они очень хорошо понимали, что успѣхъ войны противъ Австріи кончитъ ихъ произволь и дастъ перевѣсъ одному изъ нихъ, тому, который будетъ главнымъ вождемъ этого крестоваго похода. Карлъ-Альбертъ добивался этой роли, но папа и Фердинандъ противились его завоевательнымъ видамъ. Папа могъ согласиться на такую федерацію, въ которой онъ былъ бы посредникомъ между равносильными сторонами. Федеральная діета представлялась всѣмъ имъ выраженіемъ народной воли — и потому они всѣми силами противились проекту Монтанелли.

Такимъ образомъ къ соединенію представлялась одна дорога — демократическая. Единство не могло совершиться путемъ завоеванія: короли неаполитанскій и сардинскій не имѣли довольно силъ, чтобъ покорить Италію; папа постоянно противился итальянскому королевству, чтобъ не лишиться своей свѣтской власти; тѣ препятствія, которыя видѣлъ Макиавелли продолжали существовать и въ XIX вѣкѣ. Покореніе могло совершиться только съ помощью иноземнаго вмѣшательства, а тогда вопросъ о національности утрачивалъ свое значеніе. Только сдѣлавшись начальникомъ народа, поднявъ націю противъ правительства, какой явбудь изъ итальянскихъ владѣтелей могъ рассчитывать на единство Италіи; но тогда, ставъ во главѣ революціи, онъ долженъ былъ бы подчинить свою волю другой, играть роль Вашингтона и ожидать итальянской короны отъ воли націи.

Всѣ эти трудности увеличивались слѣпымъ довѣріемъ умѣренныхъ къ правительствамъ, которыя ихъ обманывали.

Предлагая федеральную діету, Монтанелли предлагалъ послѣдній способъ спасенія; онъ рассчитывалъ вырвать силой осуществле-

ніе своего проекта подобно тому, какъ были вырваны другія реформы; но онъ забылъ лицемѣріе итальянскихъ принцевъ — и дорого заплатился за это.

Моментъ, выбранный для созванія парламента, былъ самый благоприятный.

Пій IX, Карлъ-Альбертъ и Фердинандъ не только лишились всякой популярности, но послѣдній возбудилъ своими жестокостями сильную ненависть даже во многихъ либералахъ. Федеральная діета служила для этихъ государей пробнымъ камнемъ; надо было согласиться на нее или готовиться къ взрыву революціонныхъ страстей.

Монтанелли надѣялся воспользоваться перемиріемъ. Чтобъ организовать націю, онъ хотѣлъ заставить швейцарскую демократію отложить на время свои воинственные намѣренія, рассчитывая въ это время возбудить сильную агитацію въ Римѣ, увлечь Неаполь на путь свободы, и добиться содѣйствія Франціи и Англіи. Мечты поэта, но не государственнаго человѣка! Въ своей любви къ демократіи, въ живой вѣрѣ въ нее, онъ забылъ, что англійское правительство никогда не шло дальше конституціи: оно боялось демократическихъ тенденцій всегда, а въ то время въ особенности по случаю волненій Ирландія и чартистовъ; онъ забылъ, что во Франціи правительство шло въ разладъ съ народомъ. Конечно общественное мнѣніе было на сторонѣ Италіи, но оно могло только останавливать враждебные порывы министерствъ. «Общественное мнѣніе въ Англіи, писалъ Ричардъ Кобденъ къ Манини, противно всякому вмѣшательству, и не смотря на то, что власть находится въ рукахъ аристократіи, народъ довольно силенъ для того, чтобъ помѣшать увлечь насъ въ войну для поддержанія какого нибудь *statu quo*». «Нашу политику сравниваютъ съ политикой Гизо, доносилъ парижскій префектъ полиціи министру внутреннихъ дѣлъ: — видать тотъ же духъ, тѣже тенденціи и болтается того же результата — униженія страны... Тѣмъ, которые ссылаются на положеніе нашихъ финансовъ, возражаютъ, что армія будетъ стоить дешевле въ Италіи, чѣмъ у подошвы Альповъ; тѣмъ, которые боятся общаго столкновенія, отвѣчаютъ что теперь народы вездѣ въ движеніи и что если республика бьется пасть въ войнѣ принциповъ, значить въ ней нѣтъ жизни.

Такое настроеніе народнаго духа въ западной Европѣ, конечно, было не безвѣстно предводителямъ итальянскаго движенія, и это отчасти служило имъ оправданіемъ, что они надѣялись на всеземную помощь. Солидарность въ обще-европейской демократіи безъ сомнѣнія могла доставить торжество ей, но вся-то я не было въ то время. Демократія представляла изъ себя партію и партію сильную, но все-таки она не могла считаться полной представительни-

цей націи. Партія умѣренныхъ, люди заинтересованные въ поддержкѣ стараго яорядка вещей, несогласіе между разными отѣнками республиканцевъ парализировали усилія вождей демократіи.

Планъ Монтанелли, какъ и должно было ожидать, возбудилъ революцію.

Неаполь и Римъ ничего не отвѣчали на предложеніе о федеральной діетѣ; Пьемонтъ объявилъ, что теперь время думать о войнѣ, а не о внутреннемъ устройствѣ и предложилъ заключить съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ, надеясь, что Монтанелли, страстно преданный своей пледѣ, откажетъ. Но сардинское правительство ошиблось въ расчетахъ: Монтанелли согласился; но тогда Пинелли и другіе министры Карла-Альберта замолчали, какъ-будто и не было никакихъ переговоровъ.

Въ Римѣ дѣло кончилось болѣе трагическимъ образомъ. Въ октябрѣ явились туда знаменитые итальянцы изъ разныхъ провинцій. Послѣ долгихъ преній принятъ былъ проектъ Маміани, одобренный Джоберти. По этому проекту федеральная діета должна была уважать автономію каждаго государства, и заниматься только образованіемъ власти, исходящей отъ народа, съ полномочіемъ войны, виѣшнихъ сношеній и законодательства.

Разумѣется, такой проектъ не могъ понравиться ни папѣ, ни его министру Россія. Этотъ человѣкъ принадлежалъ къ школѣ Гизо, требовалъ народнаго развитія по мѣркѣ и отличался тупымъ упорствомъ, которое считалъ за твердость характера. Начало его управленія обнаружилось рядомъ стѣснительныхъ мѣръ: парламентъ былъ распущенъ; министерство полиціи упразднено для того, чтобъ удалить либерала Галетани; неаполитаискимъ изгнаникамъ предписано было оставить владѣнія папы; отецъ Гаватен, ревностный проповѣдникъ войны противъ Австріи, заключенъ въ тюрьму; противъ Гарибальди появились въ министерскихъ журналахъ статьи, наполненные угрозами...

Новый парламентъ долженъ былъ еще больше раздражить напскаго министра: ненавидимая имъ демократія готовилась не только поднять голову, но объявить себя единственной законодательницей страны. Съ гордостью готовился онъ подавить эти тенденціи. Открытіе парламента было назначено 15 ноября. Городъ былъ мраченъ, но спокоенъ; между тѣмъ министръ получалъ съ разныхъ сторонъ увѣдомленія, что его жизни угрожаетъ опасность...

Онъ не послушался и палъ подъ ножомъ убійцы. Кто поразилъ его — до сихъ поръ неизвѣстно, несмотря на различныя догадки и клеветы партій. Убійца могъ принадлежать какъ къ партіи республиканцевъ, такъ и къ партіи клерикаловъ. Последніе были недо-

вольны пошлиной съ монастырей, учрежденіемъ кафедры политической экономіи, реформой судовъ и отнятіемъ у священнои консулты администраціи надъ госпиталями.

Какъ бы то ни было, на другой день римляне потребовали у папы демократическаго министерства и федеральной діэты. Пія IX не уступалъ. Началось сраженіе между швейцарцами и народомъ; одинъ изъ кардиналовъ, показавшійся у окна, убитъ... Устрашонный первосвященникъ соглашается на все требованія, но паперелъ протестуетъ передъ посланниками, что все уступки, сдѣланныя въ эту мпвту ничтожны, какъ вынужденныя силой.

25 ноября папа бѣжалъ въ Гаэту.

Это событіе заставило итальянскій вопросъ перейти въ другой фазисъ.

Революція, какъ скоро папа отказался отъ роли ея начальника, должна была устремиться противъ него, а сдѣловательно и противъ тѣхъ государствъ, интересы которыхъ требуютъ поддержки свѣтской власти папы. Провозглашеніе римской республики естественно должно было помѣшать плану Монтанелли; оно не только увеличивало отвращеніе Пьемонта и Неаполя къ діэтѣ, но еще давало поводъ Франціи употребить вооруженное посредничество.

При первомъ извѣстіи о бѣгствѣ Пія IX, Монтанелли предложилъ римскому парламенту объявить папу лишоннымъ свѣтской власти, созвать федеральную діэту подъ почетнымъ предсѣдательствомъ Леопольда, и такимъ образомъ соединиться съ Сициліей и Венеціей. Безъ сомнѣнія такой союзъ могъ подать сильную надежду неаполитанскимъ либераламъ и заставить Фердинанда вступить въ общую лигу или испытать новую революцію. Разныя препятствія ожидали этотъ планъ.

Первое затрудненіе встрѣтилось со стороны римскихъ конституціоналистовъ; они продолжали управлять во имя папы, несмотря на то, что онъ безпрестанно протестовалъ противъ ихъ расиорженій и не хотѣлъ принять римскихъ депутатовъ. Только послѣ долгой неурядицы, вслѣдствіе волненій въ провинціи, парламентъ былъ расиущенъ и члены для діэты назначены.

Другое препятствіе было со стороны Джоберти, сдѣлавшагося въ это время министромъ. Задумавъ возстановить папу, привлечь на защиту общаго дѣла Фердинанда и съ его помощью возвратить Ломбардію, знаменитый аббатъ впалъ въ непростительную ошибку, тѣмъ болѣе, что задняя мысль у него была доставить преобладаніе Пьемонту. Мысль совершенно неосуществимая! Пьемонтская гегемонія была бы понятна, еслибъ Пьемонтъ далеко превосходилъ другія государства числомъ жителей, силой оружія, блескомъ образованно-

сти. Что ожидало его при первой стычкѣ съ австрійцами? Самое меньшее — быть оставленнымъ папой и Фердинандомъ, у котораго армія была многочисленнѣе сардинской. Въ другомъ случаѣ, еслибъ Римъ и Неаполь учредили народное правленіе, какъ могъ надѣяться Пьемонтъ восторжествовать надъ тринадцатю мильонами революціонеровъ, имѣющихъ въ своихъ рукахъ неаполитанскую армію, обаяніе Рима, энергію Романья, артистическій гений Тосканы? Предположивъ даже, что революція остановилась бы на конституціонной монархіи, можно ли было надѣяться, что Римъ и Неаполь оставятъ за Туриномъ роль столицы итальянскаго королевства? Разумѣется нѣтъ! Савойскій домъ тогда только могъ надѣяться на итальянскую корону, когда принялъ бы ее въ рукъ народа и согласился на перенесеніе столицы въ Римъ. Мы видимъ, какъ въ настоящее время рѣшается этотъ вопросъ; тогда же рѣшеніе его было еще труднѣе. Слѣдствія показали всю неосновательность политики Джоберти: не приобрѣтя довѣренности государей, онъ утратилъ довѣренность народовъ. Посланникъ его къ Фердинанду не былъ имъ принятъ; Пій IX отвѣчалъ, что не довѣряетъ Пьемонту и что не считаетъ его между католическими государствами, призванными къ новому крестовому походу; великій герцогъ тосканскій отказался отъ сардинскаго гарнизона, который ему навязывалъ Джоберти въ видѣ охраненія отъ австрійцевъ; народное правительство въ Римѣ позволило пьемонтскимъ войскамъ только тогда вступить въ римскую область, когда Карль-Альбертъ объявилъ войну Австріи.

Видя постепенное разрушеніе надеждъ своихъ, Джоберти сдѣлался сговорчивѣе и сталъ склоняться на сторону Монтанелли. Все казалось было готово къ принятію его проекта, какъ вдругъ сардинскій министръ повернулъ круто назадъ; причиной этого оступничества были убѣжденія французскаго и англійскаго посланниковъ сдѣлать что-нибудь въ пользу науки. Съ этихъ поръ о федеральной діетѣ не было и помину; въ замѣнъ того Джоберти предлагалъ союзъ съ тѣмъ, чтобъ съ Римомъ были прерваны всякія сношенія, на что разумѣется тосканское министерство не могло согласиться.

Въ то время какъ эти препятствія возникали извнѣ, другія затрудненія ожидали Монтанелли въ управленіи. Борьба партій, нападки враждебныхъ журналовъ, вялость Леопольда, который оттягивалъ утвержденіе всякаго доклада, особенно если дѣло касалось до непріязненныхъ мѣръ противъ Австріи — все это отклоняло тосканское министерство отъ важнѣйшей его цѣли, хотя не могло остановить его. Не смотря на эти неблагоприятныя обстоятельства,

Гератси успѣлъ организовать національную гвардію; Матсонн реформировалъ уголовный кодексъ; другіе министры сдѣлали также много улучшеній по своей части. Монтанелли съ своей стороны приготовилъ на утвержденіе парламента новое законодательство относительно религіи и муниципальной администраціи; онъ хотѣлъ, чтобы совѣсть управляла совѣстью, коммуна коммуной, провинція провинціей; онъ всѣми силами старался уменьшить вышательство центральной власти, но ему не суждено было видѣть осуществленія своего проекта.

Путру 30 января Леопольдъ, сообразуясь съ инструкціями изъ Вѣны, потихоньку уѣхалъ въ Сіенну, гдѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ великія герцогини готовили ему торжественный пріемъ, подкупая и льстя всякимъ погодьямъ. По прибытіи герцога, обшешая шайка набранныхъ имъ сателлитовъ привѣтствовала его радостными криками, принимавшая къ нимъ имя короля неаполитанскаго и проклиная конституцію. Въ то же время въ разныхъ пунктахъ Тосканы были прилѣплены афиши, приписывавшія дороговизну хлѣба конституціи и убѣждавшія народъ возмутиться и возвратить герцогу прежнюю неограниченную власть.

Эти продѣлки возбудили негодованіе сіенцевъ: между ними и подкупленнымъ сборищемъ Леопольда произошла схватка, и первые остались побѣдителями.

Вскорѣ новыя посольства отъ австрійцевъ подняли духъ герцогской партіи. Радецкій въ письмѣ своемъ отъ 2 февраля обѣщалъ скорую помощь Леопольду. «Какъ только я укрошу сардинскихъ демагоговъ, писалъ онъ, тотчасъ же прилечу съ тридцатью тысячами моихъ молодцовъ и возстановлю ваше высочество на тропѣ предковъ.»

Во Флоренціи отъѣздъ великаго герцога возбудилъ ропотъ; одинъ изъ депутатовъ потребовалъ у министровъ объясненія. Чтобы уяснить свое положеніе, они написали къ Леопольду письмо, въ которомъ убѣждали его немедленно возвратиться или передать управление другому министерству. Начальникъ національной гвардіи и флорентинскій мэръ были тотчасъ же посланы, чтобы представить герцогу всю необходимость его возвращенія въ столицу. Леопольдъ притворился больнымъ, увѣрилъ, что не выпесетъ дороги, и облаканъ депутатовъ, отпустилъ ихъ съ письмомъ къ Монтанелли. Въ этомъ письмѣ онъ убѣждалъ министровъ сохранять свои мѣста и старательно наблюдать за сохраненіемъ общественнаго спокойствія, обѣщаясь въ скоромъ времени возвратиться. Въ то же время онъ поручилъ депутатамъ передать, что онъ желаетъ, чтобы при немъ былъ кто-нибудь изъ министровъ. Повинуясь этому приглашенію,

Монтанелли отправился. Приѣхавъ въ Сіенну, онъ нашолъ герцога въ постели, съ обмязанной головой, говорящаго въ полголоса; время отъ времени онъ опускался на подушку, какъ-будто лишаясь чувствъ отъ сильной головной боли, которую ему причинила лпхорадка. Онъ возобновилъ изъявленія своей довѣренности къ министерству.

Полуночь 7 числа, Монтанелли нашолъ герцога вставшимъ и въ хорошемъ расположеніи духа; онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ выразить надежду, что на другой день можно будетъ имъ обонить уѣхать во Флоренцію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ ему разсмотрѣть проектъ закона относительно формы избранія членовъ для федеральной діеты. Леопольдъ отклонилъ это предложеніе, отговариваясь болѣзнію...

Вечеромъ Монтанелли получилъ отъ него два письма: въ одномъ изъ нихъ онъ поручалъ его попеченію своихъ придворныхъ, увѣряя, что они ничего не знали объ его намѣреніяхъ; въ другомъ говорилъ, что, почувствовавъ нѣкоторыя сомнѣнія касательно федеральной діеты, онъ счелъ долгомъ обратиться за разрѣшеніемъ ихъ къ самому папѣ. Получивъ его отвѣтъ, онъ рѣшился лучше удалиться, чѣмъ подвергнуть своихъ подданныхъ церковному отлученію. Ни мѣсто убѣжища герцога, ни новые министры не были означены.

Очевидно планъ герцога состоялъ въ томъ, чтобы своимъ удаленіемъ произвести бунтъ въ высшемъ класѣ народонаселенія, обвиняя министерство въ намѣреніи погубить души вѣрующахъ. Но планъ этотъ не удался. Едва только узнали въ настоящемъ видѣ исторію бѣгства герцога, какъ Флоренція съ единодушными рукоплесканіями встрѣтила назначеніе народнаго правленія; самая Сіенна охотно покорила совѣту, составленному Монтанелли передъ отъѣздомъ во Флоренцію.

Едва онъ успѣлъ приѣхать, какъ былъ избранъ однимъ изъ трехъ членовъ временнаго правительства; другіе два были Гератси и Матсона. Узнавъ объ этомъ назначеніи, Леопольдъ протестовалъ, но на протестъ его не обратили вниманія; тогда онъ рѣшился прибѣгнуть къ оружію.

Въ половинѣ февраля генералъ Ложье издалъ прокламацію, въ которой выражалъ намѣреніе свое возстановить великаго герцога; онъ увѣрялъ, что Леопольдъ передъ отправленіемъ своимъ изъ Сіенны назначилъ правительство, что онъ сохранялъ свою преданность дѣлу итальянской свободы и самостоятельности, что на помощь ему идутъ тридцать тысячъ итальянцевъ. Триумвiry рѣшились отвѣчать провозглашеніемъ республики, тѣмъ болѣе что республика была провозглашена въ Римѣ. Они понимали, что участь

Тосканы съ этихъ поръ неразрывно связана съ участью Рима, что Леопольдъ и Пій IX при первомъ удобномъ случаѣ приступать къ самой полной реакціи; соединиться и броситься на Неаполь — вотъ что оставалось тосканцамъ и римлянамъ.

Депутаты провинцій изъявили единодушно желаніе о присоединеніи. Монтанелли приготовилъ уже указы отъ имени республики, какъ вдругъ узналъ отъ Гератси, что эта мѣра встрѣтитъ многихъ противниковъ, и потому поспѣшилъ остановить и передѣлать свои указы. Эта необходимость чрезвычайно огорчила Монтанелли: онъ хотѣлъ отправиться въ Римъ, устроить соединеніе и потомъ броситься подъ знаменами Гарибальди на Неаполь и вдругъ увидѣлъ всѣ свои планы разстроеными.

Обстоятельства показали, что Гератси былъ правъ: сардинцы приближались къ тосканской границѣ, генераль Ложье также выступилъ. Это движеніе произошло вслѣдствіе настойчивости Джоберти продолжать прежнюю политику; онъ предложилъ помочь Леопольду, — тотъ втянулъ его въ дѣло настолько, чтобъ окопромьтровать, и потомъ отказался, сѣлъ на корабль и уѣхалъ въ Газту. Джоберти принужденъ былъ выйти въ отставку и проектъ піемонтскаго вторженія остался неисполненнымъ. Воинственныя намѣренія Ложье ожидала таже участь: солдаты его не захотѣли сражаться за великаго герцога и разбѣжались.

Но пока тосканское войско было въ походѣ противъ Ложье, Флоренціи угрожала большая опасность. Вечеромъ 21 февраля, были замѣчены на окружающихъ высотахъ толпы крестьянъ, которые стремились къ воротамъ Флоренціи, восклицая: «да здравствуетъ Леопольдъ!» Монтанелли лежалъ въ лихорадкѣ, но при первомъ извѣстіи о появленіи непріятеля бросился въ палаццо Веккіо. Многочисленная толпа окружала дворецъ и съ громкими криками требовала оружія. Въ томъ числѣ были многіе приверженцы великаго герцога. Появленіе Монтанелли и его краткая, но энергическая рѣчь утѣшила злоумышленниковъ и ободрила защитниковъ Флоренціи. Національная гвардія отбила безпорядочныя шайки крестьянъ.

Въ это время война между Австріей и Пьемонтомъ началась вопреки всѣмъ совѣтамъ Монтанелли, старавшагося убѣдить Карла-Альберта не начинать кампаніи до соединенія всѣхъ итальянскихъ силъ. Тосканское министерство принуждено было торопиться; оно немедленно приступило къ самымъ энергическимъ мѣрамъ: объявило насильственный заемъ, образовало альпійскую милицію, мобилизовало часть національной гвардіи; приказало вербовку четырехъ тысячъ французскихъ волонтеровъ, отправило въ Болонью

комиссаровъ согласиться о слияніи двухъ армій въ одну, — вообще все что можно было сдѣлать въ такое короткое время, правительство сдѣлало. Между тѣмъ Монтанелли употреблялъ всѣ средства, чтобы заставить провозгласить республику и слияніе съ Римомъ. 28 марта было назначено для произнесенія рѣчи, но наканунѣ министры узнали о пораженіи Карла-Альберта при Наварѣ; провозглашеніе республики показалось имъ несвоевременнымъ, и они рѣшились вести переговоры съ Римомъ только относительно единства военныхъ дѣйствій. Въ ночь на 28 число министры сложили съ себя власть; Гератси былъ назначенъ диктаторомъ; крайніе республиканцы хотѣли противиться ему, имѣя начальникомъ Монтанелли, но онъ отрекся отъ этой роли, несмотря на свою симпатію къ ихъ принципамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, онъ не могъ остаться въ Тосканѣ: онъ чувствовалъ, что будетъ полезенъ во Франціи, и потому предложилъ Гератси свои услуги касательно волонтеровъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ надѣялся расположить въ пользу Италіи журналистику и общественное мнѣніе, и добиться отъ Франціи помощи. Отправляясь туда, онъ оставлялъ не приведеннымъ въ порядокъ одно дѣло о доставшемся ему богатомъ наслѣдствѣ; но онъ предпочиталъ общее благо своему частному интересу. Впослѣдствіи онъ терпѣлъ крайнюю нужду отъ этого благороднаго самоотверженія.

Едва Монтанелли уѣхалъ, какъ Гератси, лишенный его помощи, встрѣтилъ со всѣхъ сторонъ препятствія. Отъ него снова стали требовать республики. Убѣжденный, что такое требованіе противорѣчитъ большинству въ провинціяхъ, онъ распустилъ парламентъ. Этимъ случаемъ воспользовались умѣренные и приверженцы великаго герцога: они предлагали призвать Леопольда, чтобъ избавить страну отъ австрійскаго вторженія. 11 апрѣля флорентинцы возстали противъ ливорнскихъ волонтеровъ, которые позволяли себѣ разные безпорядки. Девятнадцать человекъ было убито и многие ранены. Гератси, пытавшійся остановить волненіе, былъ раненъ камнемъ въ грудь. На другой день крестьяне окрестныхъ деревень вошли во Флоренцію маленькими кучками; они присоединились къ флорентинцамъ, и скоро крики: «да здравствуетъ Леопольдъ,» раздались по всему городу. Гератси приказалъ ударить тревогу, но никто не шолъ защищать диктатора. Онъ принужденъ былъ передать власть въ руки муниципальнаго совѣта, который, подъ предлогомъ спасти ему жизнь, заключилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ и просидѣлъ около трехъ лѣтъ.

Такимъ образомъ кончилъ свое политическое поприще Гератси. Политическая дѣятельность его заслужила самую противорѣчашія

сужденія: одни, какъ напримѣръ Ричарди и Перонъ, обвиняютъ его безусловно; другіе, какъ Монтанелли и Монье, оправдываютъ его. Причина этого противорѣчія заключается въ самомъ характерѣ Гератси: Воспитанникъ Макиавелли, скептикъ въ душѣ, поклонникъ силы, считавшій все дозволеннымъ для достиженія цѣли, онъ игралъ двойную роль: передъ герцогомъ — вѣрнаго и давняго министра, передъ Монтанелли — ревностнаго республиканца; онъ смѣялся надъ политико-мистическими теоріями Мадзини; онъ понималъ единство Италіи безъ потери автономіи каждой страны; онъ считалъ республику враждебной освобожденію и находилъ федерацію конституціонныхъ государствъ лучшей формой для Италіи. Дѣйствительно, проектъ его въ другое время встрѣтилъ бы менѣе препятствій, чѣмъ республиканскіе и демократическіе планы Мадзини и Монтанелли, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ онъ нажилъ только враговъ во всѣхъ партіяхъ; реакціонеры требовали возвращенія герцога съ неограниченной властью; изъ умѣренныхъ одни не довѣряли Гератси, другіе готовы были лучше на союзъ съ реакціонерами, чѣмъ на республику; республиканцы видѣли въ немъ отступника: народъ, подъ вліяніемъ различныхъ партій, смотрѣлъ на него какъ на грабителя казны и врага отечества. Посреди столькихъ враговъ паденіе его было неизбежно; нельзя не удивляться, что при такой обстановкѣ онъ не палъ ранѣе; нельзя не удивляться энергіи и быстротѣ его распоряженій; все что можно было сдѣлать въ такое короткое время — все онъ сдѣлалъ. Ошибка его состояла въ томъ, что въ критическую минуту онъ не довѣрился народу, полагаясь только на политику. Расчитывая на возвращеніе Леопольда, онъ надѣялся найти въ немъ конституціоннаго государя, которымъ легко можно будетъ руководить, но онъ не сообразилъ какимъ путемъ достигли этой конституціи; онъ не сообразилъ, что совѣты Австріи заставятъ его уничтожить все, сдѣланное во имя свободы Италіи. Скептицизмъ не позволилъ ему употребить тотъ энтузіазмъ, который мгновенно создастъ героев; онъ презиралъ народъ, — и нѣсколькихъ шаекъ крестьянъ было довольно, чтобъ вырвать власть изъ рукъ диктатора. Въ войнѣ, которая велась для освобожденія Италіи, успѣхъ зависитъ отъ соединенія всѣхъ силъ; какъ только кастовые интересы раздѣлятъ защитниковъ отечества — успѣхъ непріятеля несомнѣненъ. Въ эпоху Французской революціи 1792 года арміи грозной коалиціи были разбиты необученными толпами; въ революцію 1848 года почти безоружный народъ, въ нѣсколько дней разрушилъ многочисленную армію Радецкаго. Примѣры были передъ глазами, но Гератси надѣялся успѣха болѣе отъ политики и арміи, чѣмъ отъ народнаго

энтузіазма, и онъ палъ. Отъѣздъ Монтанелли лишилъ его словѣца, который умѣлъ обращаться къ сердцу народа, который былъ уважаемъ всѣми партіями. Присутствіе его въ Парижѣ было бесполезно: онъ не получилъ, по случаю паденія Гератси, суммъ, необходимыхъ для первоначальнаго экипированія волонтеровъ; усидія его получить помощь отъ Франціи были бесполезны; мало того, онъ узналъ, что она посылаетъ корпусъ Удино для возстановленія папы.

Между тѣмъ австрійскія войска вступили въ Тоскану. Ливорно осмѣлился сопротивляться и испыталъ всѣ ужасы приступа, все варварство австрійцевъ послѣ побѣды: до пятидесяти-шести человѣкъ было разстрѣляно безъ суда, многіе по самымъ ничтожнымъ причинамъ. Вскорѣ была занята вся Тоскана; тогда только Леопольдъ рѣшился возвратиться.

Стѣснительныя указы слѣдовали одни за другими: сперва были распущены палаты, потомъ ограничена свобода печати, такъ что почти ни о чемъ нельзя было писать; потомъ уничтожены нѣкоторыя кафедры, земледѣльческій институтъ и самая конституція, наконецъ въ заключеніе возстановлена смертная казнь.

Въ то же самое время герцогскія комиссіи преслѣдовали либераловъ. Гератси, Матсои, Монтанелли были осуждены на вѣчное изгнаніе. Послѣдній остался въ Парижѣ и совершенно предался литературѣ. Здѣсь, кромѣ статей въ журналахъ, онъ написалъ трагедію «Камма», и перевелъ трагедію Лигуве, «Медея», но капитальное его произведеніе составляютъ «Мемуары объ Италіи», (*Memorie sull'Italia e specialmente sulla Toscana*). Произведеніе это было переведено почти на всѣ европейскія языки и доставило не только автору заслуженную славу, но и способствовало развитію симпатій къ Италіи и разъясненію многихъ ошибокъ относительно революціи 1848 года.

Въ 1859 году, когда Италія снова призвала къ оружію дѣтей своихъ, Монтанелли явился изъ первыхъ на призывъ и вступилъ въ ряды альпійскихъ стрѣлковъ волонтеровъ. По окончаніи кампаніи онъ мирно жилъ до самой смерти своей, всѣми уважаемый и любимый.

Это былъ лирикъ во всемъ, говоритъ объ немъ Тэнъ, и мнѣніе его какъ нельзя болѣе справедливо. Во всѣхъ дѣйствіяхъ Монтанелли видѣнъ характеръ страстности и увлеченія, видна честная, поэтическая натура, неудержимо стремящаяся къ цѣли. Его патриотическое одушевленіе предугадало опасности, угрожавшія Италіи, и заранѣе выставило начала, на которыхъ должно совершаться ея развитіе. Обаяніе этой свѣтлой личности неволью влекло къ ней

окужающихъ и возвышало достоинство защищаемаго ею принца. Италия смѣло можетъ помѣстить имя Монтанелли съ именами Арнольдо, Ріенци и Саваноролы, людьми ума, сердца и воли, проповѣдниками и бойцами народнаго начала, пророками торжества сего.

В. ПОКОВЪ

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

(ЗАПИСАНО СЪ РАСКАЗА КУПЦА ПОЛЯНОВА)

(посвящ. В. М. К.)

Жилъ-былъ въ губернскомъ городѣ Б. купецъ третьей гильдіи Ермолай Петровичъ Вожаковъ. Человѣкъ онъ былъ достаточный: двѣ лавки имѣлъ въ гостиномъ, да заводъ кожевенный по близости города. Вотъ, стоитъ онъ разъ у лавки, да бороду свою о двухъ клинѣхъ поглаживаетъ. Подходить къ нему прикащикъ сосѣдней лавки, Егоръ Степановичъ Рязанцевъ. Было ему двадцать-четыре года. Въ Б. приѣхалъ онъ недавно.

— Здравствуйте, Ермолай Петровичъ, все-ли въ добромъ здоровіи?

— Живемъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. У васъ что?

— Да вотъ вчера матеріи новыхъ получили; выборъ достаточный. А то, все по прежнему.

— И то дѣло, и то дѣло! Пора мнѣ вѣти одначе. Прощай, Егоръ Степановичъ! Да ты что-жь, въ самомъ дѣлѣ, никогда не зайдешь? Али гнушаешься?

— Помилуйте, Ермолай Петровичъ! Что это вы говорите? Я безпремѣнно на дняхъ зайду.

— То-то, то-то... Ну прощай!

Хорошо-съ. Разошлись.

Дня этакъ черезъ два, приходитъ ко мнѣ Рязанцевъ. Зашла рѣчь о Вожаковѣ.

— Чтó, спрашиваю я, былъ у него?

— Былъ, отвѣчаетъ, да вдругъ ни съ того, ни съ сего: — А чтó, свояченица-то поправляется?

— Лучше ей... Что-жь, Вожаковъ-то хорошо живеть? опять спрашиваю.

— Да что, братецъ, ты съ Вожаковымъ-то все?... Былъ, такъ былъ, и все тутъ!

Говорить это онъ, а вижу, самъ сердится.

Э! думаю, человекъ молодой, а забываться сталъ. Не хорошо! Однако въ ту пору оставилъ я этотъ разговоръ.

Вскорѣ послѣ пришло ко мнѣ опять Рязанцевъ. Вижу, молчаливый такой, печальный; не тотъ человекъ, одно слово. Что за причина такая? Досадно мнѣ стало! Хорошій былъ онъ парень, любилъ я его сердечно.

— А что Егоръ, говорю, не ладно у тебя что-то? — Молчить, только брови морщить.

— Да у тебя въ лавкѣ не случилось-ли чего, храни-Богъ?

— Ничего.

— Такъ, можетъ, съ хозяиномъ не поладилъ?

— Ничего... Прощай, Захаръ Семенычъ!

— Да ты куда?

— Домой.

— Что дома-то теперь дѣлать? Пошолъ-бы лучше прогуляться, право лучше. А не то — въ гости ступай.

— Кула?

— А кто у тебя тамъ есть! Ну, хоть къ Вожакову.

— Не пойду.

— Отчего не пойдешь? Все человекъ бывадыи, покалякать можно. Дочь, говорягъ, у него есть. Видѣлъ?

— Видѣлъ, отвѣчаетъ, а самъ весь вспыхнулъ.

Я только смотрю на него.

— Прощай, Захаръ Семенычъ, сказалъ Рязанцевъ.

— Прощай, братъ.

Понялъ я въ чемъ дѣло.

Вожакову было лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ. Лицо у него было строгое, суровое. Говорилъ онъ мало, отрывисто. Характеръ вспыльчивый: разсердится на что, такъ самъ себя не подмять. Выходило по мыслямъ Вожакова, что мужъ есть господинъ, а жена — раба, что отецъ надъ дѣтьми властенъ что угодно дѣлать,

чуть-ли не казнить. Потому самому никакого противорѣчія сносить онъ не могъ. Коли думалъ онъ, примѣрно, что снѣгъ бываетъ чершый, такъ и семья такъ думай. А впрочемъ человекъ былъ богомольный: въ церковь часто хаживалъ, священниковъ къ себѣ вазывалъ, закусками разными потчивалъ. Нищимъ только никогда не любилъ давать. «Не наберешься на нихъ» говорилъ. А надо сказать, состояніе было у него достаточное, а все жаловался на безденежье: скупъ больно былъ. Кажется задавится скорѣй, чѣмъ лишнюю копѣйку передать.

Вожаковъ былъ вдовъ. Жила съ нимъ только дочь его Параша, да Елѣсевна, дальняя родственница, старушка слабая; завѣдывала она хозяйствомъ.

Прожила Параша на бѣломъ свѣтѣ девятнадцать лѣтъ. Параша была росту высокаго, стройная; волосы темно-русые, коса назад толстая, глаза голубые, рѣсницы длинныя.

Знавалъ я хорошо Парашу: добрая была дѣвушка.

Случилось разъ, что Парашѣ платочекъ одинъ понравился; стоялъ онъ трех-рублевый; а было въ ту пору у нея всего на всего шестьдесятъ-девять копѣекъ. У отца нелегко было выпрашивать. Вотъ Параша заняла денегъ и пошла въ лавку. Только дорогою повстрѣчался ей нищій, хромою да большою, — Параша вернулась домой безъ денегъ и безъ платочка.

Случилось тоже, на кожевенномъ заводѣ, одному работнику прихворнуть; цѣлый день пролежалъ онъ дома. На другой день Вожаковъ прогналъ его. Работникъ къ Парашѣ: «такъ и такъ, не погубите, заступитесь Парасковья Ермолаевна!» Параша стала просить отца; онъ закричалъ на нее и выгналъ вонъ.

Параша стала просить знакомыхъ, — работника приняли на другой заводъ.

Хорошо Параша пѣсни пѣла; любо было слушать, только грусть наводило... А то, была веселая. Какъ зальется она своимъ звонкимъ смѣхомъ — ничѣмъ не удержишь. Шутить, хохочеть, да вдругъ и задумается. Такъ задумается, что слова отъ нея не добьешься. И что только она тамъ думала, Богъ ее знаетъ? А должно-быть что-нибудь не веселое: морщинки на лбу складывались...

Рѣдно Параша сердилась; она все теряла. А когда ужъ очевъ ее раздосадаютъ, въ ту пору прикуситъ нижнюю губу, а глаза такъ и горятъ...

Парашѣ такъ, попросту, ничего и не говори : нѣтъ , поди , толкуй ей , отчего и почему ; все-то ей надо знать . А книга ка-кая ей попадется , такъ оторвать нельзя : всю , до послѣдней стро-чки прочтеть .

Да какъ пораздумаю я теперь , такъ странная же была Па-раша . Какъ посмотришь бывало на нее , такъ поневолѣ подум-маешь : « чужого , знать , ты поля ягода » .

Матери у нея не было ; родственница , что у нихъ жила , взъ ума выжила ; съ отцомъ и хотѣла бы поговорить , да онъ не хо-тѣлъ . Тоска смертная ! Только и была у нея одна отрада , одно утѣшеніе : Груня Лукьянова . Ей Параша все повѣряла , ея совѣ-товъ она слушалась . Груня была двумя годами постарше ея .

Часто говорили онѣ о замужествѣ . Извѣстное дѣло : гдѣ медъ , тамъ и мухи .

Многимъ Параша нравилась ; только та бѣда , что ей-то ни-кто . Вотъ и говорить ей разъ Груня :

— Параша ! Я жениха тебѣ нашла .

— Кто такой ?

— Лабановъ . Человѣкъ онъ хорошій , достатокъ имѣеть , са-ма посуды .

Молчитъ Параша , точно не объ ней дѣло идетъ .

— Или теперь Кудрявинъ , продолжаетъ Груня : — взъ себя молодець , чинъ тоже имѣеть .

— Такъ что-жь ? спрашиваетъ съ удивленіемъ Параша .

— Какъ чтожь ? Да по тебѣ всѣ нехорошіи . Кто-жь тебѣ нравится ?

— Никто .

Груня только посмотрѣла на нее .

— Хорошо ты говоришь Параша : не нравится , такъ дѣлать нечего . Ну , а что какъ отецъ-то заставить ?

— Не заставить , спокойно отвѣтила Параша .

— А если заставить ?

Параша призадумалась .

— Ни за кого не выйду , если не полюблю , сказала она кру-то : — да что тутъ толковать-то , пойдемъ лучше гулять !

Вотъ-съ хорошо . А Рязанцева-то вѣдь такими резонами не уймешь . По той причинѣ , изволяте видѣть , что какъ у человѣка сердце есть , такъ ничего съ нимъ сдѣлать невозможно . Теперь ты ему говоришь : « пустяки , это не надо » . А оно тебѣ : « хочу ! » Ты

ему говоришь: «не мучь ты меня понапрасну!» А оно тебѣ: «хочу!» Ты ему говоришь: «Охъ, доведешь ты меня до худого конца!» А оно тебѣ: «хочу, хочу, хочу!»

Вотъ-съ по этой-то причинѣ, какъ увидить Парашу мой Егоръ Рязанцевъ, совсѣмъ растеряется. Есть, кажется, у человѣка и умъ, и разговоры разные, и обращеніе тоже дамское. А какъ увидить ее, все пропадетъ. И куда это только дѣвается? Непонятное дѣло!

— Здравствуйте, Егоръ Степанычъ! говорить она ему.

— Здравствуйте, Парасковья Ермолаевна!

Ну чего бы кажется проще? Нѣтъ, вѣдь срамъ просто! Покраснѣеть весь, точно невинность какая!..

— Чтожъ вы вчера къ Лукьяновымъ не пришли? Мы въ ларьки играли. Весело было!

— Да я-съ хотѣлъ тоже прійти, только...

Не можетъ докончить. Замолчить.

— А вы почему платили этотъ ситецъ, что на васъ, Парасковья Ермолаевна? вдругъ спросить онъ.

Смотрить на него Параша, удивляется:

— Это вы съ чего же, Егоръ Степанычъ, про ситецъ заговорили?

— Нѣтъ-съ, извините, я такъ...

Уйдетъ въ уголъ, да пучить на нее глаза. Вотъ тебѣ и разговоръ весь!

Выходить, какъ видѣтъ изволите, что Параша нашего Рязанцева задѣла крѣпко. А главное теперь дѣло, какъ былъ я ему другъ и товарищъ, стало мнѣ обидно, что онъ этакъ отъ меня скрывается. Увидить издали, поклонится, а самъ въ сторону: просто, выходитъ, бѣгать отъ меня сталъ. «Презрѣнный же ты послѣ этого человѣкъ!» подумалъ я.

Однако, недѣлю этакъ спустя, пришолъ.

— Здравствуйте Егоръ Степанычъ, говорю я ему: — покорно благодарю, что вы удостоили меня этакой чести! Я ужь думалъ, что вы совсѣмъ загордились.

— Полно тебѣ, Захаръ Семенычъ, шутки-то шутить. Ей-богу не до того мнѣ.

— Знаю я хорошо зазнобушку твою, другъ ты мой сердечный, да нельзя же этакъ съ товарищами обращаться.

— Ахъ, говорить, ты все свое... Полно тебѣ, ей-ей полно!

Вижу, человекъ точно въ грусти.

— То-то вотъ и есть, говорю я ему: — не для чего тебѣ, Егоръ, отъ меня таяться. Умъ хорошо, два лучше. Дѣлу-то твоему можетъ и пособимъ. Что-жъ въ самомъ-то дѣлѣ за невидаль такая!

— Эхъ! Захаръ Семенычъ, ужь кабы не любилъ тебя, такъ ни слова бы не сказалъ... Повѣришь-ли, вѣдь всю недѣлю, братъ, узнать себя не могу! Не знаю просто что это со мной дѣлается. Словно вотъ какъ кипяткомъ тебя ошпарили! Только вотъ объ одномъ и думаешь, какъ бы увидеть ее. А увижу, такъ и самъ не радъ... Ужъ не знаю что у нея тамъ въ глазахъ, только какъ посмотреть она на тебя подольше, сказать не могу, Захаръ Семенычъ... Такъ это на душѣ сладко, сладко сдѣлается, да и ноетъ что-то... Голосъ опять такой ласковый, все бы слушала, да слушала... И все, знаешь, говорить этакъ разсудительно, да кротко... А какъ выйдетъ это на улицу, платочкомъ перевяжется, да походка съ перевалкой этакая... Ахъ, ты бѣда моя горькая! Не радъ я, Захаръ Семенычъ, что и къ Вожакову-то пошолъ!

Сталъ я разговоры эти самые въ разсужденіе принимать. И говорю я ему:

— Да что ты, Егоръ, маешься-то понапрасну? Ты вотъ что сдѣлай: погоди теперь маленько, а тамъ и ступай къ Вожакову: «такъ и такъ, молъ, Ермолай Петровичъ, какъ теперича у васъ дочь есть Парасковья Ермолаевна, и какъ мои, значить, чувства къ ней вамъ объясняю, и она клятвою подтвердить готовъ, а притомъ пропитать могу и семейство, то благоволите соединить благословеніемъ господнимъ!» А тамъ и бухъ въ ноги, извѣстно, какъ дѣлается!

Вижу — улыбается Рязанцевъ, глаза такъ радостью и свѣтятся.

— Чтожъ, говорю я, за важность тутъ особенная? Человекъ ты молодой, работающій, умомъ Господь Богъ, кажется, не обидѣлъ? Какъ есть пара! Такъ-ли Егоръ?

Молчать.

— Ну чего голову-то опять повѣсилъ? спрашиваю я.

— Нѣтъ, говорить, Захаръ Семенычъ, не такое это дѣло...

— Это еще отчего?

— А оттого, что оттого... Никогда я къ Вожакову за этимъ не пойду!

И рукой махнулъ.

Не понравилось мнѣ это въ ту пору :

— Эхъ народецъ, прости Господи, хуже бабы старой! Коли такъ, такъ нечего и словъ попусту тратить... Дѣлай, какъ знаешь!

А пока Рязанцевъ тосковалъ по Парашѣ, подошло время къ самымъ святкамъ. Хорошее это дѣло праздникъ! Всякій человекъ теперь смотритъ весело, отъ трудовъ отдыхаетъ, живетъ вольно... Станутъ по домамъ священники ѣздить, Христа славить. Какъ запоетъ, напрямѣръ, отецъ Севастьянъ : «Рождество твое, Христе Боже нашъ!» — просто слушать отрада. Этакій голосъ ровной, да громкой! Сказывали тоже, отецъ Григорій будто хорошо поетъ. Оно безспорно, голосъ у его какъ будто побаснетѣе маленько, да нѣтъ чистоты той противъ отца Севастьяна, куды вѣтъ!

Женской—отъ полъ въ ту пору больше гаданіемъ занимается. Только потѣшныя эти бабы : гадаютъ, гадаютъ, а все на одно выходитъ, «кто будетъ сужоній?» Страхъ какъ любятъ дѣвицы—то въ зеркало смотрѣться, только смѣлости не достаетъ. Помню я, рассказывала одна какъ смотрѣлась.

«Сѣла, говорить, я къ ночи, супротивъ зеркала большого. на столъ поставила двѣ свѣчи. «Сужоній, ряженный, коли ты меня любишь, приходи ко мнѣ!»—Сижу вотъ я цѣлый часъ; въ комнатѣ тихо, претихо. Все смотрю я въ зеркало : ничего, да ничего... И вдругъ, какъ будто свѣтъ мелькнулъ. Смотрю я, свѣчи горять, одна, другая, много, много... и комната открылась длинная, предлинная... И вдругъ зашевелился кто-то. Вижу, человекъ стоитъ, весь въ бѣломъ, лицо блѣдное—блѣдное. За нимъ—то стоитъ другой, третій, четвертый... тьма тьмуца. Смотрю я на нихъ, зубы то стучать, сама дрожу вся.

И вдругъ это всё заплѣли... Вижу, несутъ что-то... Принесли, на столъ поставили... Какъ вскрикну я тутъ, да бѣжать изъ комнаты! Помню только, что гробъ видѣла, да видѣла какъ крышку заколачивали...»

Оно, извѣстное дѣло, хоть вѣрь, хоть не вѣрь—своя воля. А

только и нашему брату такъ инойъ разъ случается, что не поймешь ничего... Былъ у меня знакомый, дядя Сергѣй прозвался :

«Случилось мнѣ, рассказывалъ онъ : — по дѣлу, въ деревню Рыжовку съѣздить, отъ города недалече. Поѣхалъ я часу въ седьмомъ вечера; сумерки. Надо было мнѣ проѣзжать черезъ лѣсъ, да потомъ черезъ поле. Ёду я себѣ, пѣсенку напѣваю, да лошадку понукиваю. Въѣхалъ я въ лѣсъ.

И откуда ни возьмись, собака черная, пребольшущая вдругъ залаяла, чуть за морду лошадь не хватаетъ. Я ее кнутомъ отгоняю; такъ нѣтъ, бестія! Отбѣжить впередъ, остановится противъ лошади, да и завоетъ во всю силу. А ужъ собака завоетъ, извѣстно, что значить... Однако отогналъ я ее: скрылась назадъ. Ёду я, ёду, цѣлый часъ ёду, братецъ ты мой, все не могу изъ-лѣсу выѣхать. А по времени-то бы давно пора въ поле выѣхать. Чудно мнѣ это показалось... Одначе ничего... Только какъ завоетъ опять собака! Оглянулся кругомъ, — никого нѣтъ. Стало мнѣ, братъ, боязно. Чьи, думаю, только это шутки?... Однако тѣмъ временемъ въ поле выѣхалъ. Ну, думаю, тутъ деревня недалече. Гляжу я вокругъ себя, — сила ты крестная! Опять въ лѣсу очутился! Темень страшная, ни зги не видно. Испугался я тутъ. Шепчу про себя: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его...» Да какъ вдругъ раздастся по лѣсу: Ха, ха, ха! Крикнулъ я на лошадь, ударилъ возжами, а за мной кто-то скачетъ, да хохотъ по лѣсу такъ и раздается! Не помню я что дальше-то было. А очнулся я: — лошадь у избы стоитъ, въ деревнѣ... Не забуду я, братъ, этой ночи!»

Такъ вотъ какія дѣла рассказывалъ дядя Сергѣй...

А помнится мнѣ, началъ я говорить, какъ дѣвушки гадаютъ. Разныя гаданія бываютъ... Поставятъ, напримѣръ, дѣвущекъ въ кружокъ; у каждой по кучкѣ зеренъ насыпятъ. Закружатъ пѣтуха и пустятъ его въ середку. Такимъ-то манеромъ полошолъ разъ пѣтухъ къ Парашѣ, сталъ зерно клевать. Начали ее поздравлять.

— Такъ и такъ, Парасковья Ермолаевна, съ законнымъ бракомъ имѣемъ честь...

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, понапрасну.

А вся покраснѣла.

Извѣстное дѣло, не безъ причины тоже Парашу поздравляли : звали кое-что про Рязанцева.

Вотъ и приходитъ разъ вечеромъ Груня Лукьянова. Стала хвалить Рязанцева ; знала она , что онъ человѣкъ хорошей , что любить онъ Парашу сердечно.

Параша слушала да молчала.

— Такъ какъ же думаешь, Параша? спросила Груня.

— Не люблю я его... отвѣтила и задумалась.

— Скучно, Груня.

— А что опять случилось?

— Да ничего. Только скучно... Такая иной разъ грусть найдеть, что мѣста не сыщешь! Все мнѣ досадно; не смотрѣла бы ни на что... Хотъ бы уѣхать куда отсюда... Все новое мѣсто, легче...

— Да отчего-жь ты скучаешь?

— Сама не знаю.

Долго онъ еще говорили, до тѣхъ поръ, пока кто-то въ другой комнатѣ не заходилъ.

Параша вышла и встрѣтилась съ отцомъ. Она посмотрѣла на него : лицо сердитое, — сердце екнуло.

— Кто здѣсь? спросилъ онъ.

— Груня.

— Ей что здѣсь надо? — Параша посмотрѣла на него съ удивленіемъ. — Чего глаза-то выпучила, дура?

— Да что вы, тятенька! За что?

— Молчать, когда я говорю! закричалъ Вожаковъ : — что; ты меня допрашивать что-ли будешь? Я ему подлецу покажу! будетъ его дочь ко мнѣ ходить!

Услыхала Груня крикъ, тоже выбѣжала.

— За что вы, Ермолай Петровичъ, сердитесь? спросила она.

— Не ваше это дѣло. Вонъ изъ моего дома! кричалъ онъ на Груню.

— Тятенька, заговорила Параша, да Груня-то тѣмъ виновата?

— Эй, Парасковья, не доводи ты меня до зла. Вонъ отсюда!

— Стуай, Груня, тихо сказала Параша.

Груня ушла. Параша залилась слезами.

Вожаковъ громко ругался.

— Чего расхвываялась! говорилъ онъ Парашѣ. — Не люблю я этого! А къ Лукьяновымъ сохрани тебя Богъ ходить! Слышишь?

Долго плакала Параша. Была у нея одна радость — и ту отняли. И горько-то ей, да и передъ Груней стыдно. А что станешь дѣлать? Терпи...

И оттого вся исторія вышла, что въ тотъ же день поутру Вожакръ поспорилъ съ самимъ Лукьяновымъ. Крѣпко, сказываютъ, побранились. Вотъ и надо досаду на комънибудь выместить!

Какъ узналъ Рязанцевъ про это дѣло, стало ему очень обидно. И куда только робость прежняя дѣвалась?

— Полноте-вамъ сокрушаться-то, Парасковья Ермолаевна! утѣшалъ онъ ее.

Молчитъ она.

— Вѣдь слезами-то не поможете, ей-богу, Парасковья Ермолаевна! А вы стойте еще. Я это дѣло на чистую воду выведу...

Подняла Параша голову, смотреть ему въ глаза.

— Да такъ-съ, Парасковья Ермолаевна! Вы не удивляйтесь. Я тятенькѣ-то вашему еще матку-правду скажу. Положимъ, теперь, говоритъ онъ, что вы дочь его — безспорно это. А Груня то Лукьянова выходитъ ему чужая. А какъ же онъ смѣлъ атакимъ манеромъ ее безчестить? Этого-то дѣлать непозволено. Что-жь и въ самомъ-то дѣлѣ за человѣкъ такой, что на его ни сула, ни управы нѣтъ? Нѣтъ-съ, погодите, Ермолай Петровичъ, мы этого дѣла такъ не оставимъ!

Говорить это онъ, а самъ раскраснѣлся. Злоба-то больно забираетъ.

Только Параша-то вѣрно знала, каковъ онъ есть, отецъ-то.

— Оставьте, говоритъ, Егоръ Степанычъ, только хуже надѣлаете.

Сталъ онъ опять горячиться, а она все на своемъ: оставьте. Такъ и покончили.

А мало по малу стали онѣ видѣться потихоньку. Забѣжить Параша къ Лукьяновымъ, да и прячется, какъ бы кто чужой ея не увидѣлъ. А то, либо у знакомыхъ, либо въ церкви, либо на улицѣ, да и то все опасалась, чтобы отецъ не узналъ. Тяжело

жить приходилось Парашѣ! Все она какъ-будто искала чего-то, много тосковала, много плакала, много молилась.

Было дѣло по веснѣ.

Пошла разъ Параша ко Спасу, ко всенощной.

Стала въ уголь на колѣни, не подымается: все молится. Ничего Параша не замѣчаетъ. Не замѣчаетъ она того, что неподалеку отъ нея человѣкъ стоитъ, глазъ съ нея не спускаетъ. А человѣкъ этотъ изъ себя видный, статный, волоса какъ смоль черные, глаза большіе, словомъ сказать — молодецъ мужчина. А одѣтъ онъ по нѣмецкому, да щеголемъ. Вотъ, стоитъ этотъ господинъ, не крестится, не слушаетъ, уставилъ глаза на Парашу, точно приросли къ ней. Долго Параша взглядовъ-то этихъ не замѣчала. А какъ оглянулась она случайно, даже покраснѣла вся и еще ревностиѣе молиться стала. Кончилась всенощная; стали расходиться; Параша вышла; господинъ куда-то скрылся.

Полагать надо, исторія эта повторялась не одинъ разъ. Только то извѣстно, что какъ-то разъ, наканунѣ праздника, когда въ церкви было много народу, господинъ этотъ самый стоялъ у входа. Проходить въ это время Параша. Видитъ — толпа; остановилась въ раздумьи. Тутъ-то господинъ въ первый разъ къ ней обратился: — Пожалуйте сюда, здѣсь можно пройти.

Ничего Параша не отвѣтила и пошла дальше.

Вотъ идетъ разъ Параша отъ всенощной домой; идетъ она тихо, будто о чемъ призадумалась. И откуда ни возьмись, господинъ-то нашъ съ нею поровнялся. Закраснѣлась Параша.

— Извините, говорить, Парасковья Ермолаевна, что я съ вами заговариваю. Знавалъ я прежде батюшку вашего по дѣламъ. Какъ его здоровье?

— Покорно васъ благодарю, отвѣчаетъ Параша. Глядитъ на него, что-то ей странно кажется.

— Пожалуста вы извините, я только хотѣлъ спросить о батюшкѣ вашемъ. — Мое почтеніе!

Свялъ шляпу, да и былъ таковъ.

Говорить-то онъ какъ-будто правду, а все Парашѣ не вѣрится. А сама, Богъ знаетъ чему, обрадовалась. Такой онъ

скромный ей показался, да такой вѣжливый. Почувствовала она, что сердце какъ будто зашевелилось...

И выходить теперь, что рассказывать-то долго нечего. Послѣ этого разговора, пошло у нихъ дѣло въ ходъ. Думаетъ Параша о томъ, о другомъ, а все на то сведеть, гдѣ бы его увидеть. Должно быть, и онъ о томъ же подумывалъ; потому-что стали они по временамъ встрѣчаться. Осторожень же онъ былъ. Встрѣтить ее одну, кланяется, а съ другими — такой видъ дѣлаетъ, будто совсѣмъ чужой. Мало по малу поклонъ да улыбка, слово да другое, и стали они между собою хорошо знакомы. Объявилъ онъ Парашѣ, что зовутъ его Еленевымъ, что шриѣхалъ онъ въ Б. служить, потому-де, что имѣніе его вблизи находится.

Ужь не знаю, какія тамъ онъ Парашѣ рѣчи нашоптывалъ, что ее къ нему тянуло, только крѣпко онъ ей полюбился.

А надо вамъ сказать, что была за церковною оградою не то площадь, не то улица, а мѣсто такое пустынное; рѣдко кто и проходилъ тамъ. Тутъ-то они и стали на первое время видѣться. Вотъ какой у нихъ былъ однажды разговоръ:

— Мнѣ, Парасковья Ермолаевна, хотя очень пріятно васъ видѣть, однако я не имѣю права подвергать васъ непріятностямъ. Вы сами знаете, Парасковья Ермолаевна, что здѣсь легко могутъ насъ замѣтить...

Слушаетъ Параша, не знаетъ къ чему онъ рѣчь ведетъ.

— Такъ чтожъ дѣлать? Спросила она.

— Позвольте мнѣ къ батюшкѣ вашему явиться?

— Что вы говорите! сохрани васъ Богъ! Не знаете вы отца-то моего...

Такъ и осталось дѣло какъ было прежде. Только стала Параша доверчивѣе, потому увидѣла, что человекъ не скрывается, а хочетъ дѣло напярмикъ вести.

Очень боялась Параша, чтобы не узналъ кто-нибудь. Только одной Грунѣ хотѣлось бы рассказать: потому знала она, что Груня очень ее любитъ, а можетъ статься и потому еще, что сердце-то вѣдь если заговорить, такъ куда какъ тяжело скрывать; такъ вотъ и просится, подѣлиться съ кѣмъ-нибудь хочется. А боязно. Долго Параша не рѣшалась открыться; наконецъ за ставила Груню поклясться и высказала ей свою тайну.

Сначала Груня только головой покачала.

— Да чтожь ты нашла въ немъ, Параша? сказала она: — ты только подумай, что не нашего онъ круга человекъ.

Такъ куда тебѣ! И слышать не хочетъ..

— Душечка ты, Грунечка, да еслибы ты только видѣла его!.. Такой взгляды у него нѣжный, такой онъ милый, да скромный... Я, Груня, никогда такого не встрѣчала. И разговоръ-то у него совѣтъ другой: все это онъ знаетъ, все тебѣ расскажетъ. Такой онъ право милый, Груня: обо всемъ меня спрашиваетъ, все хочетъ знать, какъ живу я, что я дѣлаю. И знаешь, все больше онъ меня о тятенькѣ спрашиваетъ. Я, известно, всего-то ему не сказала: стыдно вѣдь! Такъ повѣришь-ли! Онъ и такъ все понимаетъ. «Да, говорить, я знаю, какова ваша жизнь должна быть, Парасковья Ермолаевна.» — И вдругъ задумается, задумается... Точно печаль его одолѣетъ. Потомъ, посмотреть на меня: да, знаешь, Груня, такъ посмотреть, что я даже покрасибу вся...

— Хорошо ты все это рассказываешь, Параша, а какъ васъ да кто увидитъ? Сохрани Богъ! Знаешь нашихъ-то? Заговорять, заговорять, отецъ узнаетъ, худо будетъ...

— Да что-жь мнѣ дѣлать, Груня? Онъ и самъ говорилъ, что нельзя намъ видѣться въ томъ мѣстѣ.

— А гдѣ же можно?

— Онъ хотѣлъ съ тятенькой познакомиться.

— Онъ хотѣлъ познакомиться? спросила опять Груня. Это хорошо Параша... Значитъ, онъ не хитритъ... Ну, а гдѣ же вы теперь-то видаетесь?

— Да все тамъ же. Знаешь, домъ-то старыи тамъ стоитъ, такъ за этимъ домомъ. Никого тамъ не видно. Да и опять же вечеръ, темно...

— То-то Параша, будь осторожна. А я за тебя все таки рада. Вишь, какая ты веселая стала теперь! А то бывало сердце болить смотрѣть на тебя. Ну, хорошо... Вотъ современемъ и замужъ за него выйдешь.

Параша какъ-будто призадумалась.

— Нѣтъ, Груня, что объ этомъ теперь думать! Я просто люблю его... ну какъ тебѣ сказать? какъ брата.

Ну, конечно, Еленевъ очень ужъ понравился Парашѣ. Потому самому такъ и рада была. А что говорила она, что любить его какъ брата, такъ это, полагать надо, больше говорено

было по скромности женской. Правда—то, правда, можно и брата любить; только тогда и тревожиться не для чего, и краснѣть незачѣмъ. Нѣтъ—съ, полагать надо, Параша Еленева другимъ манеромъ любила...

Вотъ--съ, хорошо. Никто объ этомъ тичего не знаетъ, а ужъ отецъ-то и подавно. Это вотъ тоже маленько мнѣ странно кажется... Теперь, сколько я видалъ примѣровъ, а отцы—то всегда меньше всѣхъ другихъ знаютъ...

Любо было тогда смотрѣть на Парашу. Ужъ и такъ она хороша была, а тутъ вдвое краше стала. Такая сдѣлалась кроткая, да ласковая, да такъ глядитъ это мило, такъ улыбается, что даже просто не насмотрѣлся бы на нее.

Стала въ ту пору щеголять моя Параша: волоса напомажены, да приглажены, талья перетянута, сережки на ней новые, сапожки козловые. Ну, извѣстное это дѣло: завсегда такъ бываетъ. Еще-бы Парашѣ-то простительно: и безъ нарядовъ хороша была. Нѣтъ, поди ты, и изъ нашего-то брата, напримѣръ, кажется, человѣкъ пожилой, солидный... А какъ случится такая оказія сердечная, такъ просто узнать нельзя человѣка: брѣтается, да моется, да причесывается по пяти разовъ на день; костюмы себѣ разные заказываетъ, да примѣриваетъ. А потомъ, нѣтъ, нѣтъ, да и подойдетъ къ зеркалу. «А что вѣдь, думаетъ про себя, какъ бы тамъ ни было, а я вѣдь все еще ничего таки, мущина какъ есть. Эхъ! ты, прыщъ проклятый! Надо тебѣ было на этомъ мѣстѣ наскочить?»

А какой ужъ это мущина какъ есть, коли набрюшники фланелевые носить?

Однако это мимоходомъ.

Такъ вотъ, сказываю я вамъ, Параша то совсѣмъ повеселѣла въ первое время. Не думала она, не тревожилась о томъ что будетъ впереди. Хорошо ей, да и только! И то сказать: какъ намучишься вдоволь, такъ радъ—радехонекъ, какъ полегче станетъ. Гдѣжъ тутъ впередъ заглядывать? Такъ-то времечко бѣжало, да бѣжало...

— Ну, Парасковья, сказалъ однажды Вожаковъ: — приходитъ время и о замужествѣ подумать...

Парашѣ-то, извѣстно, показалось это удивительно.

— Да вы къ чему же это говорите, тятенька? спросила она.

— Не знаешь къ чему? Что, Рязанцевъ даромъ что-ли сюда ходитъ?

Какъ услышала она это, поблѣднѣла вся; сердце такъ и забилось.

Однако оправилась вскорѣ.

— Что-жъ, говорить, развѣ я ужь вамъ надоѣла, что вы хотите меня замужъ отдавать?

— А то чего-жъ еще разбирать-то станешь?

Рязанцевъ человекъ хорошій.

— Да что вы, тятенька! Я совсѣмъ не люблю его...

— Ну ладно, полюбишь... Чего тутъ разсуждать еще!

Хуже ножа востраго показались эти слова Парашѣ. Потому нравъ она тятенькинъ очень знала, и что бы тамъ ни было, а подумала она, что быть бѣдѣ неминучей. Тяжело приходилось ей бѣдной... Думаетъ, думаетъ, да какъ зальется вдругъ слезами... Вотъ тебѣ и утѣшеніе все!

Рассказала она про это дѣло Грунѣ. Та совѣтъ давала — за Рязанцева выйти, послушаться отца. Только губу прикусила Параша.

А Вожаковъ тѣмъ временемъ не дремалъ: принялся онъ за Рязанцева.

— А что, Егоръ, сказалъ онъ ему: — Параша-то тебѣ нравится?

Какъ сказалъ онъ ему это, совсѣмъ его въ конфузъ привелъ. Молчитъ Рязанцевъ да краснѣетъ.

— Ну что-жъ, говори! Нравится небось?

— Помилуйте, Ермолай Петровичъ, извѣстное дѣло... Парасковья Ермолаевна дѣвица тоже...

Не могъ однако сказать ничего путнаго. Только улыбается.

— Да чего вмялишь-то? Слушай, Егоръ, не люблю я этого. У меня на чистоту чтобы было. Коли нравится, такъ прямо мнѣ и говори. А тамъ ужь мое дѣло...

Рязанцевъ только въ глаза ему смотреть.

— Ну, говорить Вожаковъ, отвѣчай что-нибудь: либо да, либо нѣтъ.

— Да какъ вамъ сказать, Ермолай Петровичъ?..

— Ну чего?

— Конечно, Парасковья Ермолаевна и собой очень прекрасна и всячески супротивъ другнхъ...

— Такъ чего-жь тебѣ еще? Ну, коли такъ ты ее находишь, такъ и Богъ съ вами. Я препятствовать тебѣ не стану, потому знаю я, Егоръ, человекъ ты трезвый, работающій.

— Такъ-съ оно точно такъ-съ, Ермолай Петровичъ...

Не можетъ договорить. Опустилъ глаза къ землѣ, тяжело вздыхаетъ, лобъ рукою потираетъ, словно ему приговоръ смертный читаютъ.

— Ну, говоритъ Вожаковъ: — медлить те долго нечего. Вотъ подождемъ немного, да и обручение сдѣлаемъ. Такъ-ли Егоръ? Молчитъ Рязанцевъ, только потъ на лицѣ выступилъ.

— Да что-жь ты, Егоръ, въ самомъ дѣлѣ, али языкъ отнялся? Говори что-нибудь!

Такъ тяжело въ ту пору вздохнулъ Рязанцевъ, словно сердце у него выпули. Однако поднял голову, смотреть на Вожакова.

— Ну, Егоръ?

— Нѣтъ-съ, Ермолай Петровичъ... насилу выговорилъ Рязанцевъ.

Всталъ Вожаковъ съ мѣста. Разсердился.

— Да ты что, Егоръ, шутки со мной шутить вздумалъ.

— Помилуйте, Ермолай Петровичъ, какъ-же я смѣю? Только вы извините...

— Да чего извинять? Ты дѣло говори!

— Потому, Ермолай Петровичъ, извините, что хотя Парасковья Ермолаевна точно мнѣ нравятся, однако такихъ я мыслей имѣть не могу... Для того что и онѣ еще молоды, да и я тоже по дѣламъ своимъ не свободенъ... Какъ будетъ послѣ Богу угодно, а теперь, Ермолай Петровичъ, извините...

Очень Вожаковъ удивился въ ту пору, потому увидѣлъ онъ, по какой причинѣ Рязанцевъ отказывается. А удивился главное потому, что другой-то, на мѣстѣ Рязанцева, въ ноги бы ему бросился. А что до Параша, такъ извѣстное дѣло, не стала бы другой объ этомъ сокрушаться: не любить, молъ, а послѣ привыкнетъ, такъ и полюбитъ...

Досадно стало Вожакову. Закричалъ онъ на Парашу:

— Твой это все штуки! Я у тебя дурь-то изъ головы выбью! За Рязанцева выйдешь!

Молчитъ Параша, насилу радость скрываетъ.

А Рязанцеву-то не легко было отъ счастья отказываться... И

досадно стало ему и больно. Жалѣть сталъ, зачѣмъ напрямикъ отказался. Все надежда-то его подмывала: а можетъ и полюбить? Такъ это мучило его, что хотѣлъ ужъ онъ совѣмъ итти къ Вожакову, прощенія просить. Однако перелумалъ.

— Пропадай же ты моя жизнь совѣмъ, коли по доброй волѣ не пойдешь за меня! сказалъ онъ себѣ.

На этихъ словахъ и покончилъ.

Съ той поры сталъ Рязанцевъ къ Вожакову ходить изрѣдка, а съ Парашею совѣмъ почти говорить пересталъ. Только ей самой какъ будто совѣстно стало. Прямо то, извѣстно, она ему ничего не говорила, а всячески зналъ Рязанцевъ, что она ему благодарна. Такъ ласково на него глядитъ иной разъ, что Рязанцеву даже жутко приходится. Въ томъ и отрада его вся была...

А отчего только Параша Рязанцева не любила? Богъ знаетъ. Еще правду сказать надо, такихъ-то жениховъ, какъ Рязанцевъ, поискать было надо.

Долго гнѣвался Вожаковъ на Парашу.

Вспылить онъ, закричить на нее, житья просто нѣтъ! Только съ той поры какъ полюбила Параша Еленева, стала она терпѣливѣе; какъ онъ ни кричи, она все молчитъ. А послѣ подойдетъ къ отцу, какъ будто ничего не бывало, говорить ласково. Вожаковъ-то по временамъ удивлялся немощко. Зналъ онъ тоже, что хоть прежде и молчитъ она, а кипитъ у ней на душѣ: не овечка была по нраву своему.

А тутъ видно, что ничего не помнить, не обижается даже. Странно это ему кажется.

«А все, думаетъ, хорошо. Вотъ опомнилась такъ наконецъ: изъ отцовскаго послушанія не выходить!»

Параша рада радехонька, что туча надъ головою прошла. Еще больше прежняго полюбила она Еленева. Только радость те ей не долго продолжалась...

Какъ сказалъ я, была у Параша головка умненька. И стала она мало по малу Парашу беспокоить: «Охъ, говорить, Параша, смотри, чтобъ худа не было!»

А съ сердцемъ то тоже сладить нельзя: такъ вотъ и рвется, такъ и просится, хочется любимаго человѣка повидать! Что тутъ дѣлать? А къ тому же и Груня стала ее останавливать.

— Слушай, Параша, говорила она, довольно тебѣ забавлять-

ся, пора кончить. Забудь ты Еленева! Ужь какъ я ни думала, а ни къ чему хорошему не поведетъ это дѣло! Пока можно оставить, а смотри, чтобы поздно не было... Ей-ей, Параша, милая моя Параша, оставь ты это дѣло! Не посовѣтую я тебѣ худого.

Тяжело это было слушать Парашѣ.

Что-жъ это, право, такое? сказала она сквозь слезы: — вотъ тебѣ и счастье все кончается...

На другой день свидѣлась она съ Еленевымъ.

Какъ увидѣлъ онъ ее, за руки взялъ

— Что у васъ такое случилось, Параша? Что вы плачете?

Молчить она.

— Да говорите-же, Параша! Опять у васъ вѣрно съ отцомъ что нибудь вышло?

— Ничего.

— Такъ чего-жъ вы плачете?

— Тяжело прощаться...

Еленевъ только смотритъ на нее.

— Надо-же когда нибудь проститься, Павелъ Васильичъ. Лучше теперь...

Какъ услышалъ это Еленевъ, призадумался; даже на щекахъ румянецъ показался. Потомъ, словно какъ опомнился.

— За что-жъ вы меня обижаете, Парасковья Ермолаевна! спросилъ онъ.

— Я васъ обижаю?..

— Да, Парасковья Ермолаевна. Не ожидалъ я этого отъ васъ... За какого-же вы меня человека считаете? Развѣ полагаете, что я не обдумалъ нашего положенія? Развѣ вы полагаете, что я когда нибудь рѣшился-бы увѣрять васъ въ своей любви, еслибы не имѣлъ серьезной цѣли? Стыдно вамъ, Парасковья Ермолаевна! Не заслужилъ я этого! Я только день и ночь объ томъ думаю, какъ бы устроить нашу свадьбу. Но вѣдь вы сами знаете: у васъ отецъ есть; человекъ онъ крутой; съ нимъ надо дѣйствовать осторожно. У меня тоже родные есть. Надо все устроить, все обдумать. Нельзя этого дѣла сразу сдѣлать.

Говорилъ такъ Еленевъ, даже разгорячился. Параша спокойно выслушала.

— Нѣтъ, Павелъ Васильичъ, сказала она: — я тоже все

обдумала. Не можетъ быть этой свадьбы, потомучто не пара я вамъ. Вамъ надо другую невѣсту, умную, богатую, изъ другого круга... Отецъ мой тоже не согласится. Да и что скажутъ ваши родные? Вы подумайте объ этомъ! Какъ я покажусь передъ ними? Не знаю я вашихъ обычаевъ; осмѣютъ меня! Нѣтъ, Павелъ Васильичъ; я знаю, что вы хорошій человекъ, да чтожъ дѣлать, когда нельзя!.. Лучше и не думать объ этомъ. Лучше... простимся...

— Вы все сказали, Парасковья Ермолаевна?

— Все...

— Такъ вы меня теперь послушайте, говорилъ Еленевъ сердитымъ тономъ: — Что вы меня за ребенка что-ли считаете? Что вы думаете, что я посмотрю на когонибудь, когда я васъ одиныхъ люблю? Родные, вы говорите. Да если они запрямятся, развѣ это меня остановить? Я слава-богу независимъ. И къ чему вы про ваше сословіе говорите? Кто на это нынче смотреть? Нѣтъ, Парасковья Ермолаевна, пустяки все это; не дѣло вы говорите.

Смотрить на него Параша, сама не знаетъ какъ ей быть, а видно — обрадовалась.

— Вы не сердитесь, Павелъ Васильичъ, сказала она: — я не виновата, что мнѣ все что-то не вѣрится...

— Такъ вотъ что? Вы сомнѣваетесь, Парасковья Ермолаевна? Клянусь же вамъ честью и всѣмъ что для меня есть святого, что я люблю васъ и всегда буду любить! Повѣрьте же мнѣ, Параша!

Говорить это Еленевъ и руки ея цѣлуетъ.

Молчить она. Замѣтилъ Еленевъ ея раздумье.

— Ну, хотите, я сейчасъ къ вашему отцу пойду, Параша?

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ это можно! Сохрани васъ Богъ!

Долго еще говорилъ Еленевъ. Параша опять повеселѣла. Потомъ онъ сталъ ее о чемъ-то упрашивать. Параша долго отговаривалась; наконецъ рѣшилась.

— Ну, коли такъ, сказала она, дѣлать нечего... Теперь прощайте! Видите, какъ темно?

— Прощайте, Параша!

Еленевъ взялъ ея руку и близко нагнулъ къ ней.

— Пусть же, Павелъ Васильичъ...

А сама смотритъ на него какъ-то странно и тоже наклонилась.

Еленевъ вдругъ выпустилъ ея руку.

— Прощайте, Парасковья Ермолаевна, сказалъ онъ, и чуть ли не побѣжалъ отъ нея.

Пошла Параша домой. Спокойно стало на душѣ у нея. Такая тишина кругомъ. Идетъ Параша тихонько, да на небо смотритъ. А звѣзды тамъ, далеко, далеко блестятъ, словно камни драгоценныя. Смотритъ на нихъ Параша, улыбка на губахъ играетъ...

«Сколько это ихъ? думаетъ она: — никогда не перечесть... Куда ни взглянешь, всюду новыя... А вонъ, тамъ маленькія звѣзды, чучь-чуть видно ихъ. — Ахъ!..»

Звѣзда стремглавъ полетѣла внизъ.

«Куда-жь это она полетѣла?» спрашиваетъ Параша. И все смотреть на небо, и кажется ей, что раздвигается сводъ небесный...

«А что-жь за этимъ небомъ, за этими звѣздами?» опять думаетъ она... И чѣмъ больше глядитъ она на небо, тѣмъ все ей что-то непонятнѣе кажется; такъ непонятно, что она варутъ какъ-будто и самое себя не узнала...

Параша перекрестилась.

Вдругъ она замѣтила, что кто-то идетъ ей навстрѣчу. Она закуталась и пошла скорѣе. Какой-то человекъ поровнялся съ нею и остановился. Онъ смотрѣлъ ей вслѣдъ до тѣхъ поръ, пока могъ видѣть глазъ. Человекъ этотъ былъ Рязанцевъ.

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ, въ квартирѣ Еленева, въ большихъ креслахъ сидѣла Параша. Еленевъ стоялъ передъ нею на колѣняхъ и держалъ ея руки.

— Да что вы пугаетесь-то все, Параша? Никто васъ здѣсь не увидитъ, говорилъ Еленевъ.

— Да все страшно, Павелъ Васильичъ... Знаете, какъ я шла, такъ все оглядывалась; такъ сердце и билось, неравно кто увидитъ... бѣда!

— Я-жь вамъ говорилъ какою дорогою надо идти.

— Да я такъ и шла, а все страшно. Ну, пора мнѣ домой, право пора.

И Параша встала съ кресель. Но Еленевъ такъ крѣпко жадъ ей обѣ руки, что она, будто противъ воли, опять сѣла.

— Право не хорошо, говорила тихо Параша: — подумайте сами: на квартирѣ у холостого человѣка...

— Да полноте вамъ, Параша! Что за вздоръ право! Не все ли равно гдѣ? Вѣдь вы сами знаете, что больше намъ нигдѣ нельзя видѣться.

— Оно такъ, конечно... Только я не знаю... мнѣ ужасъ какъ неловко... Пустите, Павелъ Васильичъ!

— Вы опять! *Павелъ Васильичъ*. Говорите просто — *Павелъ*.

— Ну пустите, Павелъ...

И Параша опять встала съ кресель, и Еленевъ опять взявъ ее за руки и усадилъ въ кресла.

— Параша, милая Параша, говорилъ Еленевъ, стоя на коленяхъ и дѣлая руки: — не уходите! Пожалуста не уходите! За что вы хотите, чтобы я тосковалъ здѣсь одинъ? Ну, хоть немножко подождите; я такъ люблю васъ..!

Еленевъ нагнулся къ полу, взявъ ея ногу и поцѣловалъ.

Параша всыхнула.

— Что вы дѣлаете, Павелъ... Васильичъ?

Еленевъ не отвѣчалъ, но приподнялся и жадно смотрѣлъ ей въ глаза. Параша все больше краснѣла. Въ комнатѣ раздался громкій, длинный поцѣлуй.

Параша скрыла огъ Груни, что была у Еленева. И посмотрѣлъ бы кто на нее, такъ и въ голову бы не пришла этакая вещь: очень ужъ скрывать-то умѣла.

Такимъ-то образомъ стала она ходить къ Еленеву. Трудно ей было на это рѣшиться, да дѣлать-то нечего; приходилось ей либо туда ходить, либо вовсе не жить, но той причинѣ, что совсѣмъ обворожилъ ее Еленевъ. Кажется, скажи въ ту пору кто слово худое про него, такъ глаза выцарапываетъ. Всѣмъ-то онъ милъ ей казался: и умомъ, и лицомъ, и манерами.

А говорилъ Еленевъ красно, да плавно. Параша слушаетъ — сама не своя! «Есть такой человѣкъ» давно думала она. А тутъ вотъ онъ! живой, на лицо! Какъ не радость?..

Расказывалъ ей Еленевъ про страны разныя, какъ это ѣздилъ повсюду, какъ видѣлъ все. Въ диковинку Парашѣ кажется, что люди по двумъ желѣзнымъ дощечкамъ чуть-ли не скорѣе птицы ѣздить; еще чуднѣе ей кажется, какъ это въ пять ми-

путь за тысячу верстъ можно переговариваться. Ничего этого въ Б. не было. И какъ это, въ самомъ дѣлѣ, въ одномъ городѣ два миліона людей живетъ, и всѣмъ-то имъ мѣста хватаетъ? Не вѣрится Парашѣ, что такія есть страны, гдѣ и снѣгу никогда не бываетъ, что есть на бѣломъ свѣтѣ озера съ голубою водою, что есть горы выше облаковъ ходячихъ и на тѣхъ горахъ вѣчный снѣгъ лежитъ. Рассказывалъ Еленевъ, что въ тѣхъ далекихъ странахъ живутъ люди весело и свободно. И еще тяжелѣе показалась Парашѣ ея горькая жизнь...

Параша обо всемъ разспрашивала, все ей хотѣлось знать; Еленевъ на все отвѣчалъ. Удивлялась она: какъ это одинъ человѣкъ можетъ столько знать?

Еленевъ былъ на все мастеръ. То заиграетъ на фортепьяно, то запоетъ. И голосъ у него такой нѣжный, и пѣсни у него такія, что сердце щекочуть... А то книгу возьметъ, вслухъ читаетъ. Парашѣ больше стихи нравились.

— Послушайте, Павелъ, сказала разъ Параша, знаете чтѣ я хочу спросить у васъ?

— Не знаю.

— Вы не шутите со мною?

— Какъ вамъ не стыдно говорить это, Параша!

— То-то же, Павелъ. Мнѣ вѣдь шутка-то эта дорого будетъ стоить...

Еленевъ сталъ на колѣни и поцѣловалъ ея руку.

«Я дамъ тебѣ все, все земное,
Люби меня!»

сказалъ горячо Еленевъ.

— Будто дадите? спросила Параша.

— Это не я говорю, Параша, — это стихъ Лермонтова.

— А?.. Я не знала.

Сначала Параша все чего-то тревожилась и сама не знала отчего. А какъ увидѣла она, что Еленевъ такой кроткій, да ласковый, такъ и совсѣмъ довѣрилась ему. Еленевъ всегда самъ заговаривалъ о женитьбѣ. Главное, говорилъ онъ, тутъ надо дѣйствовать осторожно, потомучто съ Вожаковымъ не легко сладить. Параша тоже всего больше боялась отца. Но Еленевъ сказалъ ей, что у него есть пріятель — совѣтникъ казенной палаты, который поможетъ уговорить отца, потому самому, что у

Вожакова въ палатѣ были кое-какія дѣлишки и совѣтника этого онъ очень почиталъ. На бѣду, совѣтникъ былъ теперь въ отлучкѣ, но долженъ скоро приѣхать. Говорилъ еще, что переписывается съ родными и надѣется, что они согласятся.

— Ну, положимъ, Параша, что ни вашъ отецъ, ни мои родные не согласятся. Отчаяваться все таки нечего: мы все-же обвѣнчаемся. Только знаете, Параша, все это времени требуетъ, надо священника уговорить, надо все уладить...

Параша такъ вѣрила Еленеву, что наконецъ перестала его спрашивать о сватѣхъ.

А когда Параша стала говорить о Рязанцевѣ, Еленевъ вдругъ будто смутился. Точно мысль какая пришла ему въ голову. Онъ разспрашивалъ ее чѣмъ занимается Рязанцевъ, у кого онъ служить, каковъ изъ себя, какихъ лѣтъ, есть ли у него достатокъ. Параша сказала все что знала. Прибавила еще, что Рязанцевъ человекъ хорошій, что онъ ее сердечно любитъ, что ей жаль его. Удивился Еленевъ, когда услышалъ, что Рязанцевъ самъ отказался отъ женитьбы. Потомъ сталъ благодарить Парашу: онъ бы никогда не зналъ счастья, еслибы она вышла за Рязанцева.

Но когда ушла Параша, Еленевъ быстро заходилъ по комнатѣ. Онъ улыбался и потиралъ руки. Должно быть пріятно ему было.

Стоить однажды Рязанцевъ въ лавкѣ, товаръ покупателямъ выхваливаетъ, да аршиномъ примѣриваетъ. Приходитъ въ ту пору молодой господинъ.

— Что прикажете? спрашиваетъ Рязанцевъ.

— Покажите мнѣ шелковыхъ матерій на платье, отвѣчаетъ господинъ.

Снявъ Рязанцевъ съ полки товаръ, раскладываетъ сталъ. Смотритъ покупатель на матеріи, а больше того на Рязанцева.

— Покажите, говорить, мнѣ что-нибудь получше.

Опять сталъ смотреть, да выбирать. Наконецъ таки выбралъ одно платье.

— Прикажете прислать на домъ? спрашиваетъ Рязанцевъ.

— Нѣтъ, ужъ нельзя-ли будетъ вамъ самимъ занести сегодня вечеромъ. Не люблю я вашихъ мальчиковъ, ничего не понимаютъ. Да видите, вотъ что: некогда мнѣ теперь выбирать-то; вы захватите съ собою еще нѣсколько матерій, — я дома выберу,

Далъ свой адресъ и ушелъ. На адресъ было написано : «Еленевъ».

Приходить къ нему Рязанцевъ. Вотъ сталъ опять Еленевъ выбирать платья, а тѣмъ временемъ съ Рязанцевыми разговоръ ведется.

Разспрашиваетъ его какъ идетъ торговля, сколько получаетъ онъ жалованья, давно-ли на мѣстѣ.

«Экой ласковый, право», подумалъ Рязанцевъ. Еленевъ выбралъ еще одно платье, сталъ деньги считать.

— Это, говоритъ Еленевъ : — я для родныхъ купилъ... А вотъ когда жениться буду, опять къ вамъ въ лавку прииду...

— Милости просимъ.

— А вы тоже еще не женаты?

— Нѣтъ-съ... отвѣчаетъ Рязанцевъ, и замаялся.

— Въ вашемъ быту вѣдь рано женятся?

— Да-съ, это точно такъ...

— А вы вѣрно не хотите еще?

— Нѣтъ-съ, такъ, не случилось...

Говоритъ Рязанцевъ, конфузится.

— Ужъ должно быть, сказалъ Еленевъ, — у васъ есть предметъ какойнибудь?

— Помилуйте. Не до того намъ.

— Ну, полноте скрывать-то. Ужъ я по всему вижу, что есть. Признайтесь, такъ вѣдь?

— Нѣтъ-съ, вѣрно слово, нѣтъ.

— Ну, не хотите говорить, — какъ знаете. Я, видите, потому васъ разспрашиваю, что знаю хорошо какъ это у васъ дѣлается. Теперь полюбимъ, полюбили вы кого-нибудь, ну, на примѣръ Дуняшу какуюнибудь или Парашу...

Рязанцева передернуло.

— ... Полюбили вы на примѣръ Парашу, и она васъ любила. Все-бы, кажется, хорошо... Такъ вотъ, нѣтъ-же! Какъ тутъ ни люби, а если не согласенъ отецъ, такъ ничего и не слѣлаешь. Правду я говорю?

— Оно такъ-съ, конечно. А тоже бываетъ, что родители согласны, да дочь-то не хочетъ...

— Кто говоритъ! Бываетъ, только рѣдко.

— А все-жъ бываетъ...

— Гм... Да... Ну это, я думаю, для капризу больше. А

какъ одумается хорошенько, такъ и выйдетъ. Чтожъ за радость въ старыхъ то дѣвкахъ оставаться? Особенно, если женихъ-то изъ себя молодець... Ну, скажите-ка по совѣсти, будто за васъ не согласится выйти кто изъ здѣшнихъ?

— Не могу этого знать — я вѣдь только для примѣра это сказалъ.

— Да, да, разумѣется... Вотъ что я вамъ скажу: какъ вамъ понравится кто-нибудь, вы мнѣ скажите: я вамъ посватаю. Я на эти дѣла ловокъ... Право!

Еленевъ засмѣялся.

— Покорно благодаримъ, отвѣчалъ Рязанцевъ.

— Ну-съ, такъ прощайте! Если мнѣ еще что нужно будетъ, я опять къ вамъ въ лавку зайду.

— Сдѣлайте милость!

«Вишь, свать какой нашолся, подумалъ Рязанцевъ; — должно «быть шутникъ этотъ господинъ».

На другой день Рязанцевъ забылъ объ этомъ разговорѣ.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. То, да другое, а между тѣмъ пришли теплые, лѣтніе дни.

На послѣднихъ порахъ рѣдко я видалъ Рязанцева. Людей опъ бѣгать сталъ. А и зайдетъ когда на минутку, такъ сидитъ себѣ, словно статуя какая, — и слова отъ него не добьешься. Мнѣ-то тоже жаль его, потому человѣкъ хорошій; а тутъ поди вотъ! Этакая оказія случилась... А всячески, думалъ я, авось и пройдетъ бѣда. Вѣдь дѣлать-то нечего: силой не возьмешь. «Ну, «чтожъ, думаю, погорюетъ, погорюетъ, да и позабудетъ. Человѣкъ опъ тоже молодой, захочетъ повеселиться, а тамъ встрѣтитесь ему какая ни-на-есть особа, такъ можетъ и полюбить ее. Надо-жъ ему рано или поздно жениться. Нельзя тоже «жизнь-то цѣлую вздыхать, да горевать.»

Такъ-то я думалъ про себя. Однако дѣло вышло иначе.

Сяжу я разъ у окна вечеромъ да трубочку покуриваю. Приходить въ то время Рязанцевъ. Посмотрѣлъ я на него, удивился даже: щоки онали, губы блѣдныя, глаза красныя, волосы растрепаны.

— Что съ тобой Егоръ? спрашиваю я.

— Ничего...

Сѣлъ на стулъ, молчить.

— Да ты нездоровъ, должно быть?

Не отвѣчаетъ.

— Да полно тебѣ, Егоръ! Чего молчишь-то? хуже вѣдь такъ будетъ.

— Да что, Захаръ Семенычъ, говорить-то? Нечего мнѣ говорить. Совѣтъ измучился, ей-богу! Ни въ чемъ покоя нѣтъ; мутитъ тебя, да и все! Ужъ не знаю что дальше будетъ, а тяжело мнѣ приходится... Спать ляжешь, не спишь; ѣсть хочешь, не ѣстся; въ лавку прійдешь, такъ повѣришь-ли, совѣстно даже. Какъ угорѣлый просто. На дняхъ это матерію за полцѣны продалъ. Забылъ о цѣнѣ-то. Хозяинъ то замѣчать сталъ: «что, говорить, Егоръ, видно нездоровъ?» Нездоровъ! Выдумалъ-что! Да какъ тутъ здоровымъ-то будешь, когда день и ночь все объ одномъ и думаешь? Вѣришь, другой разъ до того это мучитъ, что хоть на край свѣта бѣжать готовъ, только маленько-бы отдохнуть! Ужъ чего-то я не дѣлалъ? И въ гости ходилъ, и съ пріятелями кутил... ничего не помогаетъ. Опротѣвѣло все; смотрѣть даже тошно! А домой придешь, — еще хуже: такая тоска нападетъ, что не дай Богъ. Такъ вотъ, братецъ-ты мой, и изволь тутъ съ собой справляться... Только вотъ и отрады иной разъ, какъ выйдешь прогуляться поутру рано. Благодать въ воздухѣ такая, свѣжесть, деревья цвѣтутъ, птички щебечутъ, солнышко землю грѣетъ... Ну и опять видишь: идутъ себѣ люди спокойно, разговоръ ведутъ, смѣются; дѣти малыя играютъ... Куда ни посмотришь, всё это довольны да веселы. Ну вотъ, знаешь, на время-то и отляжетъ отъ сердца... Идешь себѣ потихонечку, улыбаешься даже... А тутъ какъ вспомню я вдругъ Парашу, какъ вспомню я лицо ея ласковое, да рѣчь ея тихую, да какъ подумаю я, что не любитъ она меня, да и вѣкъ не полюбитъ, — такъ въ ту пору что со мной дѣлается, ужъ я и рассказать не могу... Такая нападетъ тоска, тоска жгучая, такъ сердце заноситъ... просто бѣда... Что-жъ это и за жизнь такая? Ужъ лучше-бы какънибудь докончить... По крайности, муки не будетъ...

Такъ-то мнѣ рассказывалъ Рязанцевъ. Сталъ я утѣшать его. Слушаетъ онъ, да улыбается. Только улыбка-то ужъ не хоро-

шая... Однако переставалъ я ему о томъ, о другомъ, вижу, какъ будто успокоился немного, въ разговоръ вступаетъ.

— Знаешь, Захаръ Семенычъ, мнѣ вотъ иной разъ мысли такия странныя въ голову приходятъ...

— А что-жъ, напримѣръ?

— Да вотъ, знаешь, думаю я себѣ: отчего это бываетъ, что одного человѣка любить, а другого не любить?... Думаю я себѣ: въ чемъ она, самая причина—то есть?

— Трудно это, братъ, узнать въ чемъ причина...

— Извѣстно, что трудно... Ну вотъ возьмемъ мы теперича Парашу. Вѣдь ужъ Господи Боже ты мой, какъ люблю я ее голубку! Вотъ прійди она теперь, что хочешь прикажи, все для нея сдѣлаю; кнѣжится, отца родного продать готовъ... А ей, выходить, это все равно; никакого то—есть вниманія не обращаетъ. Это вотъ, Захаръ Семешычъ, очень ужъ обидно... И Богъ ее знаетъ что только ей нравится? Самъ-же ты говорилъ, что изъ себя я не уродъ какой; ума, положимъ, хоть и нѣту лишняго, а знаю тоже, что не дуракомъ меня Господь создалъ... Такъ думаю теперь: что-жъ такое ей еще надо? Ума просто не приложу.

— Значить, братъ, не по нраву ей...

— Должно—быть такъ... А то вотъ еще: сдастся мнѣ, что не любить она бородатыхъ. Какъ думаешь, не сбрить—ли бороду—то?

— Полно тебѣ, Егоръ. Для чего бороду брить? Борода этому дѣлу не мѣшаетъ.

— Не мѣшаетъ, говоришь—ты? Кто-жъ ее знаетъ?... А какъ ты думаешь, Захаръ Семенычъ, будь я теперича не приказчикъ, а примѣрно сказать офицеромъ, въ мундирѣ знаешь, да въ эполетахъ, да съ аксельбантомъ — вѣдь дѣло—то бы другимъ манеромъ пошло?

— Ну, конечно, военный—то человѣкъ какъ—будто больше имъ нравится.

— То—то вотъ и есть... Да ничего съ этимъ не подѣлаешь. До офицера—то, я думаю, не скоро дослужишься?

— Надо полагать, не скоро.

Такъ разсуждалъ Рязанцевъ. Не зналъ онъ, что въ тотъ-же вечеръ Параша была на квартирѣ у Еленева, и былъ онъ скучный такой. Параша все упрашивала его сказать ей, отчего онъ

грустить. Не анализъ Рязанцевъ, что въ тотъ-же вечеръ, по укладъ Параша, господинъ Еленевъ долго прохаживались сердито по комнатѣ и курили сигару. А сердаться они изволяли по той-причинѣ, что имъ мысли нехорошія въ голову приходили: «что, дескать, это все очень сентиментально, да скучно, и очень ужъ надоѣдаетъ; что и такъ ужъ они цѣлый мѣсяцъ лишній изъ за нея прожили, и пора, наконецъ, кончить это дѣло: довольно они церемонились съ этою дѣвочкою. А послѣ того, чтобы скандалу не было, — Рязанцеву стоитъ только слово сказать. Ну, а заупрямится, ей-же будетъ хуже...»

А послѣ этихъ разсужденій, отправились они въ карты играть.

А Рязанцевъ въ ту пору шатался по городу. Шолъ онъ куда глаза глядятъ. На все кажется смотрѣлъ, а ничего не видѣлъ.

— Что призадумался, Егоръ Степанычъ! проговорилъ чей-то голосъ сзади.

Рязанцевъ обернулся.

— Да такъ, кое-куда иду, Ермолай Петровичъ, отвѣчалъ Рязанцевъ.

— Ну, а меня-то совсѣмъ забылъ. Чего не зайдешь никогда?

— Да такъ, какъ-то все...

— Зайди, зайди, Егоръ, побесѣдуемъ.

— Благодарю покорно.

Надо сказать, что все у него на виду былъ Рязанцевъ. Полагалъ онъ, что все-таки одумается Рязанцевъ и женится на Парашѣ. Пришолся, значить, отцу-то онъ по праву! А Рязанцеву отъ этихъ словъ еще тяжелѣе стало.

«Ужъ, по крайней мѣрѣ, отецъ-бы не соглашался; ну чтожъ дѣлать? Противъ него не пойдешь вѣдь. Такъ нѣтъ-же! самъ заываетъ... Ахъ ты судьба моя горемычная!

Думалъ такъ Рязанцевъ, идучи потихоньку, голову къ землѣ опустивши. Вдругъ слышитъ реветъ кто-то благимъ матомъ. Видитъ мальчишка, лѣтъ четырнадцати, повалилъ на землю другого мальчугана, помоложе, и тузитъ его.

Рязанцевъ вдругъ схватилъ старшаго за руки.

— Чего вы черти разодрались? За что ты его бьешь? закричалъ онъ.

Мальчишка струхнулъ.

— Пошлуйте, дяденька, какъ его не бить? Онъ ругается на всю улицу.

— Претъ онъ, собака, говорилъ другой, сквозь слезы: — играли мы въ бибки, а Мишка-то у меня три бабки укралъ. Эй-богу, бабки мои; Матрена подарила... Я и сталъ говорить ему: воръ, Мишка, воръ! А онъ вотъ меня бить зачалъ. Больно...

И мальчуганъ снова разревѣлся.

Рязанцевъ минуту подумалъ. Потомъ, ни слова не говоря, схватилъ старшаго за волосы и съ ожесточеніемъ сталъ бить его.

— Пошолъ! закричалъ Рязанцевъ.

Но Мишка стоялъ и ревелъ въ свою очередь.

— Пошолъ, говорятъ тебѣ!

Мишка отбѣжалъ прочь отъ него.

— У! Чортъ проклятый! закричалъ онъ Рязанцеву, и давай Богъ ноги — бѣжать.

Рязанцевъ пошелъ своею дорогою. Стеняло. Онъ вышелъ за городъ. Долго онъ бродилъ между полями, долго слушалъ какую-то невеселую пѣсню...

Два дня вспоминалъ Рязанцевъ про Вожакова, два дня соби-рался къ нему идти, да духу не хватало. На третій пошелъ.

— Дома, Ермолай Петровичъ? спросилъ онъ.

— На заводъ уѣхали. Скоро будутъ, обождите.

Рязанцевъ хотѣлъ взойти, но остановился.

— А Парасковья Ермолаевна дома? опять спросилъ онъ.

— Ко всеобщей должно-быть ушли. Онѣ у насъ богомоль-ныя.

Рязанцевъ взмошелъ. Комната та-же; на столѣ платочекъ; около шитье начатое... Вспомнилъ онъ прошлое. Заныло его сердце. Сѣлъ Рязанцевъ къ столу, закрылъ лицо руками и задумался.

Въ комнатѣ мухи не слышно. Долго думалъ Рязанцевъ.

Параша взошла незамѣтно, и остановилась. Она смотрѣла съ удивленіемъ на Рязанцева.

— Что вы, Егоръ Степанычъ? спросила она.

Рязанцевъ вскочилъ съ мѣста, точно укусилъ кто его. На глазахъ дрожали слезы.

— Я-съ... ничего... Парасковья Ермолаевна.

— Чего-же вы плачете? тихо спросила Параша.

— Иваните-съ, Ермолай Петровичъ сказывалъ...

Рязанцевъ отеръ слезы кулакомъ.

— Да полноте вамъ, Егоръ Степанычъ, говорила Параша умоляющимъ голосомъ: не мучьте вы себя понапрасну. Что-жъ мнѣ дѣлать? Не я виновата...

— Да-съ... Они на заводъ уѣхали... Прощайте, Парасковья Ермолаевна!

— Да постойте-же! Тятенька сейчасъ будетъ.

Но Рязанцевъ такъ скоро выбѣжалъ, точно домъ загорѣлся.

Стало Парашѣ жаль Рязанцева. Она тяжело вздохнула. Потомъ нѣсколько разъ поцѣловала хороменькое кольцо, которое было у нея на мизинцѣ.

Тревожный былъ этотъ день для Параша. Она рано легла спать, но среди ночи проснулась. Не спится... Она встала съ постели, накинула платье и отворила окно. Ночь была теплая; небо покрыто тучами. Параша глядитъ въ темноту и прислушивается: тишина мертвая. Прислушивается Параша, а мысли противъ воли приходятъ ей въ голову.

То промелькнетъ передъ нею образъ матери и запоетъ ей сердце... То видитъ она передъ собою строгое, мрачное лицо отца. И неловко ей дѣлается, будто хочется ей сказать: «Тятенька, а тятенька! За что вы на меня сердитесь? Что я вамъ сдѣлала? Вѣдь я люблю васъ, тятенька! Я очень васъ люблю!» — И тутъ бы она бросилась къ его ногамъ и стала бы руки его цѣловать. А вмѣсто того, вдругъ слышитъ она его гнѣвный голосъ: «вонъ пошла, не твое дѣло!» кричитъ отецъ. И видитъ она опять какъ онъ бросается на Груню, на единственную ея подругу и выгоняетъ ее изъ-дому. И сколько ни вспоминаетъ она свою прошлую жизнь, ничего отраднаго вспомнить не можетъ. Все такъ черно, да тяжело...

А вотъ стоитъ Еленевъ; говорить онъ что-то ласковое, улыбается... И Параша улыбнулась.

«Конецъ моей горькой жизни! думаетъ она: — Только странно мнѣ, какъ это вдругъ все переѣнится? Да полно, ужъ не сонъ-ли это? А если?.. Нѣтъ, не можетъ-быть! А если?.. «какой вздоръ! А если... онъ не любитъ меня?»

Тяжело стало Парашѣ отъ этой мысли. Она встала со стула и выглянула въ окно: тучи ставились чернѣе.

Она опять задумалась. Представляется ей Рязанцевъ. Вн-

дуть она его слезы. Бѣдный онъ! Тяжело ему жить. Да!.. А ей развѣ легче? Что ей было до сей поры? Мука, да страда-
вие... И отчего ей выпала такая доля? Чѣмъ она провинилась?
Вѣдь другіе вотъ счастливы, веселы! Отчего-жъ она несчастна?
И всю жизнь мучится она, и сама хорошенько не знаетъ отчего?
Только ей садается, что есть другіе люди, есть другая жизнь...
Такъ что-жъ: Неужто опять терпѣть?

— Да развѣ мало я настрадалась? говорила Параша: — Го-
споди! что-жъ я такое сдѣлала наконецъ...

Параша заплакала горкими слезами. Какъ только подумаетъ
она о своей жизни, такъ и польются по щекамъ слезы. «Пусть
льются» думаетъ Параша: «мнѣ легче дѣлается, гораздо легче.»

Вдругъ она задрожала: черное небо разверзлось, загорѣлось
пожаромъ, и снова тучи закрыли весь сводъ небесный.

— Страшно! сказала Параша.

Она затворила окно, легла въ постель и закрыла голову одѣ-
яломъ. А зарница загоралась все чаще и чаще, и огненный
свѣтъ прорывался сквозь одѣяло и все пугаль ужъ и безъ того
встревоженную Парашу...

Не подумаль бы никто, что такъ страдала Параша, еслибы
видѣлъ ее на другой день у Еленева: такъ она ласково да нѣжно
смотреть на него. Еленевъ только улыбается. Только когда
Параша спросила приѣхалъ-ли совѣтникъ, Еленевъ намор-
щился.

— Нѣтъ еще, отвѣтилъ онъ сухо.

— Когда-жъ онъ приѣдетъ?

— Должно быть скоро, отвѣчалъ онъ такимъ-же тономъ.

Параша посмотрѣла ему прямо въ глаза. Еленевъ замѣтилъ
ея взглядъ... Онъ сталъ говорить ей, что ему обидны такіе ча-
стые вопросы, что не отъ него въ самомъ-же дѣлѣ зависитъ при-
ѣздъ совѣтника, что онъ не дожидается того дня, когда назоветъ
ее своею женою.

Параша сначала все спрашивала его то о томъ, то о дру-
гомъ. Но Еленевъ говорить былъ мастеръ. Параша замолчала.

— Ну, Параша, объ чемъ-же вы задумались? спросилъ
Еленевъ.

— Ни объ чемъ... Я васъ слушаю.

— Ну хорошо, слушайте. Слушайте-же, милая Параша: я говорю вамъ, что вы такая добрая, такая милая...

Еленевъ поцѣловалъ ея руку.

— Я говорю вамъ въ сотый разъ, Параша, что я васъ люблю. Вѣрите вы мнѣ, Параша?

— Вѣрю, отвѣчала она спокойно.

— Ну, а если вѣрите, такъ можно васъ поцѣловать?

— Зачѣмъ-же это?

— Ну, пожалуста, одинъ разъ только...

Еленевъ обнялъ ее за талию и смотрѣлъ ей въ глаза.

— Такъ можно? спросилъ онъ чуть слышно.

— Да зачѣмъ это, Павелъ? сказала такъ же тихо Параша.

— Одинъ разъ, божусь вамъ, одинъ разъ...

— Перестаньте... довольно-же... говорила Параша, освобождаясь отъ него: — вотъ видите, вы сказали одинъ разъ, а вмѣсто того...

— Ну, извините, Параша; больше никогда не буду.

Онъ почтительно поцѣловалъ ея руку.

Лицо его горѣло... Параша пристально посмотрѣла на него, потомъ взяла книгу и стала перелистывать ее. Съ этихъ поръ Параша сдѣлалась грустнѣе. Она попрежнему любила Еленева, и вѣрила ему. Только она со страхомъ вспоминала его рѣзкій отвѣтъ о совѣтникѣ и его наморщенные брови.

Дома-то Парашѣ приходилось жить все тяжелѣе. Худо пошла дѣла Вожакова по заводу; очень это его досадало. Вотъ и сталъ онъ на Парашу ни за что, ни про что напущаться. Параша все терпѣла; только какъ останется другой разъ одна, такъ слова какія то шепчетъ, и взглядъ у нея въ ту пору странный такой...

А повстрѣчалъ я недолго послѣ того Рязанцева, такъ просто удивился: совсѣмъ человѣкъ не тотъ сталъ: что-то съ нимъ дѣлалось не хорошее; экой парень былъ смирной, да ласковый, а тутъ, поди ты, пробормоталъ что-то сердито, да и былъ таковъ... Сказывали ребята тоже, что крѣпко измѣнился Рязанцевъ. Сталъ онъ на языкъ дерзкій, да брагивый; никому спуска не даетъ; изъ за бездѣлицы горячку подымать сталъ. Сказалъ однажды ему хозяинъ, что такъ молъ не дѣлается... Такъ слышь ты, сказываютъ, какъ закричить на него Рязанцевъ,

такъ тотъ только глаза вытаращилъ. Думалъ маленько попу- гать его хозяинъ.

— Мнѣ, говоритъ, голубчикъ, такихъ приказчиковъ держать не приходится...

Такъ Рязанцевъ—то на всю лавку засиѣлся.

— Что, говоритъ, стращать задумали? Что, я мѣстомъ ва- шимъ развѣ дорожу? Да плевать мнѣ и на мѣсто и на васъ са- михъ! Подавайте расчетъ, коли такъ!

Однако стали ребята другіе уговаривать его. Да в хозяину то отпустить его не хотѣлось: потому зналъ онъ, что вся лавка на немъ держится. Такъ и остался Рязанцевъ на мѣстѣ.

Вотъ стоитъ разъ вечеромъ Рязанцевъ у окна. Идетъ Па- раша по другую сторону улицы, въ рукахъ узелокъ держитъ. Идетъ она, о чемъ то задумалась.

Какъ вскрикнетъ вдругъ Рязанцевъ:

— Мое почтеніе, Парасковья Ермолаевна! Все-ли въ добромъ здоровьи?

Остановилась Параша, удивляется.

А онъ—то еще громче прежняго.

— Гулять изволите, Парасковья Ермолаевна? Самое теперь время прекрасное. Тятенькѣ кланяйтесь.

Посмотрѣла еще разъ на него Параша, ни слова не сказала, дальше пошла.

Такъ Рязанцеву-то это очень обидно показалось. Какъ бѣ- шенный заходилъ по комнатѣ, про себя говорить сталъ:

— Не отвѣчаете, Парасковья Ермолаевна? Не удостоили? Не по нраву пришли мы вамъ? Обыкновенно, гдѣ-жъ намъ дуракамъ? Не ровня мы вамъ; барина вамъ нужно, господина; что вамъ за охота мужика этакого любить?

Захотелъ Рязанцевъ, точно полумумный.

— Эхъ дуракъ! Эхъ чортъ косолапый, ирости Господи. Ту- да-же залѣзъ, дьяволъ; нѣжности заводить сталъ... Вдыхать началъ да плакать... По дѣломъ дураку! По дѣломъ... Не суйся! Вотъ тебѣ и любовь! Будь-ты проклята совсѣмъ! Что, братъ, досадно? Разбираетъ небось? А что слѣлаешь?.. Вотъ такъ! Заплачь! Заплачь, дуракъ неотесанный!..

Легъ на постель Рязанцевъ, заревѣлъ, какъ ребенокъ ма- лый.

И съ тѣхъ поръ сталъ Рязанцевъ, словно доносчикъ какой,

за Парашей замѣчаты: Сталъ онъ вывѣдывать, куда она ходитъ и зачѣмъ и въ какіе часы и кто къ нимъ ходитъ.

Такимъ-то образомъ стоитъ разъ Рязанцевъ въ церкви, позади, въ толпѣ, такъ что его и не видно; стоитъ онъ, все на Парашу смотреть. Не дошла еще служба до половины, а глядитъ Рязанцевъ: Параша изъ церкви выходитъ. Вышелъ и онъ за нею осторожно; воротникъ приподнялъ, лицо спряталъ. Только видитъ: не домой идетъ Параша, въ другую сторону повернула. Странно это ему показалось. Идетъ Параша скоро, прескоро; Рязанцевъ за нею подождать. Темно становилось. Вдругъ Рязанцевъ замѣтилъ какого-то человѣка: онъ шолъ навстрѣчу Парашѣ. Походка-то какъ будто Рязанцеву знакомая. Подошолъ человѣкъ къ Парашѣ, сказалъ ей что-то, и скорыми шагами пошолъ обратно. Мучится Рязанцевъ, не можетъ припомнить, отчего человѣкъ этотъ какъ-будто знакомъ ему.

Параша идетъ все дальше, Рязанцевъ все за нею. Наконецъ она подошла къ небольшому деревянному дому; дверь открылась сама собою.

Рязанцевъ остановился какъ вкопанный на мѣстѣ. Онъ тяжело дышалъ. На лбу выступилъ потъ. «Еленевъ» прошепталъ онъ. Вдругъ рѣшительно подошолъ къ двери и взялся за ручку. Но въ ту же минуту раздумалъ и чуть ли не побѣжалъ отъ квартиры Еленева. Рязанцевъ опомнился только тогда, когда очутился за городомъ. Онъ сѣлъ на траву и сталъ думать. Долго онъ думалъ, много плакалъ. Пришедши домой, онъ приваялся писать письмо. Вотъ что онъ написалъ:

«Милостивая государыня,

Парасковья Ермолаевна!

«Не губите себя! Опомнитесь! Не вѣрьте Еленеву. Онъ злодѣй и душегубецъ. Какъ призывалъ онъ меня разъ для покупки «матеріи, а между тѣмъ меня все разспрашивалъ. И въ ту пору «пропустилъ я это дѣло безъ вниманія. А теперь узналъ я его, «злодѣя и обманщика: хочетъ соблазнить васъ и надѣется опол- «слѣ за меня замужъ выдать. Ехидна онъ нечистая, змѣя онъ «лукавая! Парасковья Ермолаевна! Правду я говорю; на страш- «номъ судѣ повторю! Богъ съ вами, Парасковья Ермолаевна! «Насильно видѣ не будешь. Много я изъ за васъ вытерпѣлъ...

«Парасковья Ермолаевна! Помилуйте! Осчастливьте однимъ словомъ, не дайте погибнуть! Прощайте!»

«Покорнѣйшій слуга

Егоръ Рязанцевъ.»

Рязанцевъ разъ пять прочиталъ письмо и легъ спать. На другое утро, онъ прочиталъ письмо еще разъ и задумался... Потомъ досталъ свѣчу и сжегъ письмо.

Въ тотъ-же день онъ пошелъ къ Вожакову. Только-что онъ отворилъ дверь, какъ услышалъ голосъ Вожакова: онъ кричалъ на Парашу. Рязанцевъ тотчасъ ушелъ.

На слѣдующее утро, вмѣсто того, чтобы идти въ лавку, Рязанцевъ отправился къ Парашѣ. Отца уже не было дома.

— Извините, Парасковья Ермолаевна, сказалъ онъ, — обезпокоилъ васъ...

— Вамъ тятеньку надо? спросила она сердито.

— Нѣтъ-съ.

— Такъ кого-жь вамъ?

— Извините, Парасковья Ермолаевна; мое дѣло — сторона, я вѣдь только для васъ, ей-богу для васъ, чтобы бѣды не было...

— Да что вы еще тамъ выдумали?

— Изволите видѣть, Парасковья Ермолаевна: господинъ Еленевъ...

— Егоръ Степанычъ! Ради-Христа, никому не говорите. Егоръ Степанычъ! Вы честный человѣкъ! Не говорите никому! Не скажете? А? Не скажете?

— Помилуйте, Парасковья Ермолаевна! Не такой я человѣкъ...

— Нѣтъ, побожитесь, что не скажете.

— Да ей-богу не скажу: хоть крестъ поцѣловать готовъ.

Параша успокоилась.

Рязанцевъ долго переминался. Наконецъ повторилъ ей весь разговоръ съ Еленевымъ. Чѣмъ дальше рассказывалъ Рязанцевъ, тѣмъ съ большимъ негодованіемъ смотрѣла на него Параша.

— Не правда, все неправда! закричала она съ гнѣвомъ: — лжете вы! Стыдно вамъ, стыдно! Зависть васъ беретъ. Ни одному слову вашему не повѣрю. Клеветникъ вы злой! Слушать васъ не хочу.

Рязанцевъ выслушалъ все это совершенно спокойно.

— Какъ вамъ будетъ угодно, сказалъ онъ: — прощайте, Парасковья Ермолаевна!

Тяжелый день насталъ для Параша. То ей кажется, что Рязанцевъ выдумалъ все изъ ревности, что этого быть не можетъ; то она вспоминаетъ спокойный видъ Рязанцева и рѣзкій отвѣтъ Еленева. И сердце бьется отъ страха.

Долго Параша думала, долго сомнѣвалась. Совсѣмъ измучилась.

И вправду: нѣтъ бѣды горше сомнѣнія. Мечется человекъ изъ стороны въ сторону и не находитъ отвѣта.

Клянется онъ, что «да», а черезъ минуту готовъ поклясться, что «нѣтъ».

Тяжело ему приходится... И выступаютъ на лбу желтыя пятна и роются глубокія морщины.

Хотѣла Параша все рассказать Еленеву, — духа не хватило... Стала она ему жаловаться на судьбу свою, на злыхъ людей, умоляла поторопиться сватьбою, опасалась, что кто-нибудь узнаетъ — бѣда будетъ.

Еленевъ заговорилъ ее, зацѣловалъ ея руки и клялся, что скоро будетъ сватьба.

Параша успокоилась, но часто на глазахъ виднѣлись слезы.

Еленевъ думалъ, что у этихъ барышень ужъ такая манера хныкать, что поплачетъ, да и перестанетъ.

Рязанцевъ не показывался.

Было часовъ семь вечера.

Тихонько Параша вышла изъ дому и отправилась къ Еленеву.

— Барина дома нѣтъ, сказалъ ей мальчикъ, слуга Еленева, отпирая дверь.

— Гдѣ-жъ они? спросила съ удивленіемъ Параша.

— Обѣдать къ дяденькѣ уѣхали. Приказали просить извиненія; они будутъ въ восемь часовъ.

— Хорошо, тихо проговорила Параша и взяла въ кабинетъ.

Она сѣла; ей было досадно ждать цѣлѣй часть, а дѣлать нечего.

— Весело ему тамъ, думаетъ она; вѣрно много гостей, много дамъ...

Вѣ стало еще досаднѣе.

Она начала ходить по комнатѣ. Все ей такъ знакомо: и гарюры на стѣнахъ, и часы, и большое кресло; на которомъ она такъ часто сидѣвала, а Еленевъ стоялъ на колѣняхъ около нея.

Подошла Параша къ столу и остановилась... На столѣ лежалъ забытый бумажникъ Еленева. Параша взяла книгу, стала читать, а сама все косится на бумажникъ. Не выдержала наконецъ Параша, открыла бумажникъ; между визитными карточками и разными записками, лежало письмо. Едва только Параша успѣла прочесть: его высокоблагородію, Павлу Васильевичу Еленеву, въ Б. (6-ой губерніи), какъ въ ту-же минуту послышался въ передней шорохъ. Параша быстро бросила бумажникъ на столъ и устала неподвижно глаза въ книгу. Но шорохъ затихъ. Тогда Параша осторожно, на цыпочкахъ, точно верь какой, подошла къ двери и притворила ее. Потомъ вынула изъ бумажника письмо, положила его въ книгу и стала читать:

«Любезный братъ Павелъ!

«Только-что получилъ письмо твое. Я былъ очень обрадованъ твоимъ извѣстіемъ: пора тебѣ, въ самомъ дѣлѣ, остепениться. Ты пишешь, что m-elle Станова очень хороша собою, что она хорошо образована и свѣтская дѣвушка. Чего-жъ тебѣ еще? Совѣтую, братъ, не медлить. Куй желѣзо, пока горячо. Не забудь, что сто тысячъ приданого на каждомъ шагу не валяются. И такъ жду тебя съ молодою женою. Пора тебѣ ужъ домой: уѣхалъ имѣніе осматривать, да и загостился.

«Ты спрашиваешь что новаго? Особеннаго ничего нѣтъ. На дняхъ былъ у Рыжковыхъ балъ, послучаю имянинъ ея. Ужинъ былъ великолѣпный; ужъ не знаю, откуда онъ досталъ на жаркое фазановъ.

«О тебѣ всѣ спрашивали. M-elle Б., кажется, не прочь промѣнять свою фамилію на твою. Донъ-Жуанъ, да и только!

«Я очень доволенъ моею новою коляскою: сдѣлана съ большимъ вкусомъ.

«Твоя верховая лошадь стоитъ у меня на сбереженіи. Она чувствуетъ себя хорошо и ждетъ хозяина.

«До свиданія, Паша.

«Твой Владиміръ.

«P. S. Ты мнѣ писалъ въ прежнихъ письмахъ о какой-то купеческой дочкѣ. Надѣюсь, что твои труды увѣнчались успѣхомъ. Совѣтую тебѣ однако поскорѣе выдать ее замужъ за того влюбленнаго купчика, о которомъ ты тоже писалъ мнѣ. Оно спокойнѣе будетъ; а то вѣдь не отвяжешься.»

Параша подвинулась съ мѣста и хотѣла закричать, но голосъ замеръ... Она въ изнеможеніи опустилась на стулъ. По блѣдымъ щекамъ ея лились горячія слезы.

Холодная дрожь прохватывала ее съ головы до ногъ.

Вдругъ она вскочила съ мѣста, быстро вложила письмо въ бумажникъ, и принялась шагать по комнатѣ. Она крѣпко стеснула зубы и судорожно сжимала кулаки. Не узнать бы въ то время Парашу; противно было смотрѣть на ея злое лицо...

Потомъ она снова сѣла, облокотилась на руку и задумалась. Все на свѣтѣ забыла Параша; тяжелыя мысли приходили ей въ голову. А вѣрно пріятно ей было: она улыбнулась, и отъ радости даже закусила нижнюю губу. На глазахъ ни одной слезинки.

Параша посмотрѣла на часы, потомъ стала читать книгу. Она не поняла ни одного слова; она читала до тѣхъ поръ, пока кто-то не зашагалъ. Параша вздрогнула.

— Здравствуйте Параша! сказалъ входя Еленевъ.

— Я васъ давно жду здѣсь, Павелъ, отвѣчала она ласково.

— Извините, Параша, извините пожалуйста. Никакъ не отпустили; насилу вырвался.

Еленевъ подошелъ къ ней и обнялъ ее за талію. Парашу обдало сильнымъ запахомъ вина.

— Ну, весело было? Рассказывайте, Павелъ.

— Да, народу было много... Обѣдъ хорошій... Да садитесь же, Параша, право; я такъ давно не видалъ васъ; я соскучился безъ васъ...

— А мнѣ развѣ не скучно было? Ну, идите же сюда, да ближе, вотъ такъ!

— Ангелъ вы мой, Параша! Прелесть вы моя, какъ я люблю васъ!

Еленевъ смотрѣлъ на Парашу огненными взорами. Она наклонилась къ нему, провела обѣими руками по его волосамъ, и улы-

бнулась. Еленевъ обнялъ ее и сталъ крѣпко цѣловать. Параша не противилась. Еленевъ забылся...

— Слушайте, Параша, говорилъ онъ: — вѣдь вы не любите меня, вы все притворяетесь только?..

— Что вы говорите, Павелъ! Какъ вамъ не стыдно?

— Такъ за что-жъ вы меня такъ мучите, Параша? Вы думаете, легко все это переносить?

На глазахъ его показались слезы.

— Ну, полноте, Павелъ. Надо же потерпѣть.

Еленевъ смотрѣлъ ей въ глаза.

— Надо потерпѣть немного, Павелъ... А теперь, знаете, мнѣ домой пора.

Она потихоньку, незамѣтно, подошла къ столу; Еленевъ за нею. Вдругъ онъ измѣнился въ лицѣ. Параша смотрѣла на него, словно ястребъ и улыбалась.

— Что это вы прячете? спросила она.

— Нѣтъ, это бумажникъ... Я позабылъ...

— А покажите мнѣ что у васъ тамъ?

— Да ничего: счета, да расходы...

— Ну покажите.

— Да вамъ неинтересно.

— А! Такъ вы секретничаете? Скверный вы этакой!

И Параша такъ вѣжно посмотрѣла на Еленева, будто просила его ласки.

— Ну, такъ до завтра, Павелъ! сказала Параша и лукаво улыбнулась.

Еленевъ поцѣловалъ ее. Параша ушла.

Проснулся на другое утро Еленевъ, вспомнилъ жгучіе поцѣлуи и улыбнулся. «Пріятная дѣвочка, подумалъ онъ: — глазки такіе томные, губки горячія. Да, много я потерялъ на нее времени... Какъ это я бумажникъ вчера позабылъ? Я думаю, удивилась бы немножко? А впрочемъ, и то не бѣда: вѣдь по уши влюблена бѣдная, скрыть не можетъ...»

Еленевъ опять улыбнулся.

Вечеромъ пришла Параша. На этотъ разъ, она безъ церемоній сѣла на колѣни Еленеву.

— Знаете, Павелъ, сказала она: — я все думала о нашей сватьбѣ...

— Вы опять, Параша, за свое; вы опять не вѣрите мнѣ? отвѣчалъ строго Еленевъ.

— Да нѣтъ-же, не то я хотѣла сказать. Вы думаете, что я тоже каменная какая-нибудь? Я просто минуты покойной не знаю. Я не знаю, что со мной дѣлается...

Еленевъ хотѣлъ поцѣловать ее. Параша удержала его рукою.

— Нѣтъ, постойте, Павелъ, постойте. Если... ну, если я люблю васъ, вы женитесь потомъ на мнѣ?

— Клянусь вамъ, Параша.

Она посмотрѣла ему прямо въ глаза и крѣпко стиснула зубы.

— Ну, еще разъ поклянитесь, Павелъ, пожалуйста!

— Тысячу разъ клянусь вамъ, Параша!

Загорѣлись ея щеки. Злоба ее душила.

— Я... вѣрю... вамъ... насилу выговорила она.

— Такъ чего-жъ вы такъ пугаетесь? спросилъ съ удивленіемъ Еленевъ.

— Да страшно, Павелъ... Пустите!

Она соскочила съ его колѣнъ. Еленевъ успѣшилъ заговорить о постороннихъ предметахъ.

— Дайте вашъ палецъ, сказалъ Еленевъ передъ уходомъ Парашѣ, и виѣсть съ тѣмъ надѣлъ ей серебряный наперстокъ.

Они простались.

Очень обрадовался Еленевъ словамъ Параша.

— Давно-бы такъ! сказалъ онъ про себя.

Онъ подошелъ къ зеркалу, сталъ охорашиваться и приглаживать усы.

— Дѣйствуетъ, значить, сказалъ онъ громко.

И не думалъ, не гадалъ Еленевъ, что не было у Параша злѣе его врага. Не зналъ онъ, что часто брови ея морщились, а на блѣдыхъ губахъ улыбка играла.

Сильно въ то время измѣнилась Параша. Точно сама на бѣду напрашивалась; словно ей все нипочемъ стало. Пржеде только день и ночь думала, какъ бы никто не узналъ, что она ходитъ къ Еленеву; а теперь не смотритъ ни на какіе часы, не обходитъ улицъ, идетъ прямо къ нему, да еще видъ гордый принимаетъ. Вотъ и сталъ кое-кто примѣчать куда она ходитъ; узнали кто тамъ живетъ — дѣло и готово.

И то сказать, очень уж люди рады, какъ про другого что худое можно узнать. А и нѣтъ худого, такъ прибавятъ, да сочинять. Скучно, изволите видѣть, такъ-то попросту жить; вотъ и давай клеветать: оно вѣдь интересно. А что отъ этого иной разъ человѣкъ гибнетъ, такъ это, выходитъ, послѣднее дѣло: лишь-бы намъ хорошо было...

Идетъ разъ Параша по улицѣ, встрѣчается ей Рязанцевъ. Едва онъ ей поклонился, хотѣлъ идти своею дорогою. Такъ Параша-то остановила его.

— Что васъ давно не видно, Егоръ Степанычъ? спросила она его ласковымъ тономъ.

Чудно это показалось ему.

— Дѣлами занять все, Парасковья Ермолаевна. Вы все-ли въ добромъ здоровьи?

— Благодарствуйте, мнѣ хорошо.

А сама идетъ съ нимъ рядомъ, о томъ, о другомъ разговариваетъ. Да ласковая такая, да любезная. Шли они такимъ манеромъ по улицѣ порядкомъ долго. Рязанцевъ дошелъ до своего дома.

— Прощайте, Парасковья Ермолаевна!

— Да куда-жъ вы?

— Домой.

— А!.. Ну, прощайте.

Постояла Параша противъ этого дома и пошла, задумавшись, дальше.

Пришла Параша однимъ вечеромъ къ Еленеву. Онъ ходилъ скоро по комнатѣ, словно съ нимъ лихорадка была. Параша сѣла въ кресла и зорко на него смотрѣла.

Вотъ какой между ними былъ разговоръ:

— Павелъ! Да перестаньте-же сердиться. Пойдите сюда.

Еленевъ сталъ противъ нея.

— Нѣтъ, довольно наконецъ, Парасковья Ермолаевна! Чтѣ вы мнѣ говорили вчера, чтѣ вы мнѣ говорили недѣлю назадъ, чтѣ вы мнѣ говорили еще раньше? Вспомните-ка! Чтѣ-жъ въ самомъ дѣлѣ, вы меня за мальчишку считаете? Вы думаете, что меня за носъ водить можно? Стыдно вамъ обманывать меня! Я не въ силахъ больше переносить этого положенія. Одно изъ

двухъ, или вы меня любите, или нѣтъ... А тутъ, какъ нарочно, дѣла меня требуютъ. Я долженъ буду уѣхать на время...

.. Параша перебила его:

— Вы не уѣдете, Павелъ. Нѣтъ, сохрани Богъ!

.. — Да что-жь мнѣ дѣлать? Я долженъ ѣхать.

— Не говорите этого, Павелъ, не говорите. Я для васъ на все рѣшусь, только не уѣзжайте! Не уѣзжайте Павелъ, я прошу васъ, я умоляю васъ!

Еленевъ все еще дулся и молчалъ.

— Слушайте, Павелъ, начала опять Параша: — Я не могу болѣе такъ жить: это просто каторга! Знаете что мнѣ приходило на мысль? Если-бы я была замужняя...

Лицо Еленева просіяло. Онъ спрашивалъ ее глазами.

— Еслибы я была замужемъ, продолжала Параша тихо: — тогда-бы было другое дѣло... Тогда-бы я ничего не боялась...

.. Еленевъ молчалъ. Параша не спускала съ него глазъ.

.. — Помните, Павелъ, я вамъ говорила про Рязанцева?

— Про Рязанцева? Постойте... Да, да, я теперь припоминаю...

— Мнѣ стоитъ только слово ему сказать, Павелъ. Отецъ мой давно хочетъ этого. Я упрошу его сдѣлать сватъбу какъ можно скорѣе.

.. Еленевъ вдругъ выпрямился.

— Этого не будетъ, сказалъ онъ рѣшительно. — Этого никогда не будетъ, Параша, говорю я вамъ. Вы будете или моею женою или ни за кого другого въ мірѣ не выйдете замужъ.

.. — Вы благородный человѣкъ, Павелъ, я всегда такъ думала. Но всудите сами...

— Я васъ прошу не говорить объ этомъ, Параша.

— Посудите сами, Павелъ. Наша сватъба не скоро состоится. Да какъ подумаю я хорошенько, такъ и отецъ-то мой наврядъ-ли согласится. Такъ неужели опять ждать, опять мучиться! Нѣтъ, Павелъ, вы не захотите сами этого; нѣтъ, это невозможно. Я выйду за Рязанцева, дѣлать нечего; а любить васъ однихъ я буду...

.. Еленевъ цѣловалъ ея руки и умолялъ ее не выходить замужъ за Рязанцева. Параша возражала, но все слабѣе и слабѣе...

.. Она собралась идти домой.

— Опять вы меня оставляете, Параша? Ей-богу я заплачу... Когда-же будетъ конецъ этимъ мукамъ?

Параша подошла къ нему и шепнула ему на ухо: «завтра».

Только-что она вышла, Еленевъ закричалъ: «Ура! наша вавла!»

— Вавка! крикнулъ Еленевъ.

— Чего изволите?

— Ты дуракъ, Вавка?

— Не могу знать, Павелъ Васильичъ.

— На, вотъ тебѣ три рубля серебромъ.

— Покорно благодарю. Павелъ Васильичъ.

Параша шла отъ Еленева тихимъ, твердымъ шагомъ. Она очень въ последнее время похудѣла; а все была хороша; все еще на ея кроткое лицо заглядѣться можно было. Часовъ въ девять вечера пришла Параша домой. Видитъ: отецъ у окна стоитъ, лицо злобное. Забилося тревожно ея сердце.

— Ты куда ходила? спросилъ онъ гнѣвно.

— Я ходила тетеньку навѣщать... отиѣчала нетвердымъ голосомъ Параша.

— Врешь ты, подлая тварь, закричалъ Вожаковъ: — я все знаю! Ты къ любовнику своему, къ Еленеву, ходила.

— Оставьте меня, тятенька, кротко сказала Параша: не до того мнѣ теперь, я сама вамъ послѣ все расскажу.

Она прошла въ свою спальню. Отецъ за нею.

— Прятаться отъ отца вздумала? кричалъ Вожаковъ: — Еленевъ научилъ вѣрно?

Параша тяжело дышала; щоки покрывались все больше и больше румянцемъ.

— Еленевъ не былъ моимъ любовникомъ. Я вамъ послѣ расскажу... повторила Параша.

— Сейчасъ говори! Слышишь?

— Не скажу, спокойно отвѣтила Параша, крѣпко стиснувъ зубы.

— Что? Ты противъ отца идти вздумала? Ахъ, ты распутная дѣвка! Ахъ, ты!..

И Вожаковъ подошелъ къ ней близехонько. Отскочила Параша, глаза кровью налились.

— Да что за тиранство такое! закричала она на весь домъ: — Всю жизнь вы меня мучили; мало еще вамъ? Такъ ничего-жъ

не скажу, слышите? Ничего не скажу! Да, былъ Еленевъ мой любимикомъ, ходила я къ нему и опять пойду. Прочь отъ меня! Караулъ! Ой!.. Ой!.. Безъ чувствъ повалилась Параша на полъ подъ тяжелыми ударами отца.

Когда она очнулась, губы ея были въ крови, волосы распущены, подъ лѣвымъ глазомъ большой синякъ. Поднялась она съ полу, за грудь схватилась. «Больно» простонала она.

Параша накинула платокъ и выбѣжала изъ дому.

Рязанцевъ хотѣлъ ложиться спать. Вдругъ постучали сильно въ дверь.

— Парасковья Ермолаевна! вскрикнулъ Рязанцевъ.

Параша взяла.

Какой у нихъ былъ тамъ разговоръ — неизвѣстно. Только Рязанцевъ стоялъ сперва какъ юродивый. Потомъ упалъ передъ Парашей на колѣни и горько заплакалъ.

— Чтѣ вы задумали, Парасковья Ермолаевна! говорилъ онъ съ рыданіемъ: — Уйдите-отсюда! Ради вы Христа уйдите! Себя вы погубите, да и меня-то тоже. Уйдите, Парасковья Ермолаевна!

Встала Параша съ мѣста и пошла къ двери.

— Такъ прочь отъ меня, обманщикъ! закричала она: — Такъ-то вы меня любите? Всѣ вы таковы!

Но Рязанцевъ, схватившись за платье, ползалъ за нею на колѣняхъ и плакалъ.

— Не сердитесь, Парасковья Ермолаевна. Я люблю вѣдь васъ, — видитъ Богъ какъ люблю! Не сердитесь только!

Параша вдругъ нагнулась къ нему и крѣпко обняла его обѣими руками.

— Ты одинъ меня любишь, я твоя. . прошептала она.

Вся кровь бросилась въ голову Рязанцеву. Онъ схватилъ Парашу въ объятія и приподнял ее съ полу.

Еленевъ только-что всталъ. Кто-то сильно позвонилъ. «Должно быть брошку для Параша принесли» подумалъ Еленевъ. Но Параша сама стояла передъ нимъ: лицо блѣдное, волосы нечесанные, одежда растрепанная.

Еленевъ остолбенѣлъ отъ удивленія.

— Что это значить? едва проговорилъ онъ.

— А то значить, господинъ Еленевъ, что я у Рязанцева нечевала... Чего вы глаза-то раскрыли?

Засмѣялась Параша.

— Что-жь, господинъ Еленевъ, вѣдь вы умный человѣкъ, а въ дуракахъ остались!

Опять засмѣялась.

— Да что вы смотрите на меня, какъ на сумашедшую? Я въ своемъ умѣ. А вы и повѣрили мовѣмъ поцѣлуямъ, да обѣщаніямъ! Ну признайтесь, господинъ Еленевъ, вѣдь вы надѣялись, сильно надѣялись. Ха, ха, ха!

Еленевъ съ трудомъ сдерживалъ свое бѣшенство.

— Да что вы, ошѣбили, что-ли? Говорите что нибудь! Ну, рассказывайте, когда будетъ ваша свадьба? Сто-тысячъ вѣдь не шутка! А фазаны хороши были? Такой вы счастливый, право, господинъ Еленевъ! И лошадь верховая у васъ есть, и невѣста есть. Чего-жь вамъ еще? Жаль вотъ только, что съ купеческой дочкой дѣло не уладилось... Старались, старались, все понапрасну! И то сами виноваты: давно бы вамъ выдать ее за влюбленнаго купчика. Братецъ-то правду писалъ... Такъ какъ же быть-то? Да что-жь вы молчите все? А помните, какъ вы клялись мнѣ? Тысяча разъ клялись? И на колѣняхъ! Помните? Отвѣчайте-же!

— Что-жь вамъ угодно? спросилъ Еленевъ нетерпѣливо.

Параша вспылила.

— Мнѣ угодно сказать вамъ, что вы мерзавецъ, господинъ Еленевъ! закричала она: — Слышите-вы? Ясно я говорю? Возьмите ваши подарки!

Она бросила кольцо и наперстокъ, прямо въ лицо Еленеву. Еленевъ сдержался и не сказалъ ни слова; тогда гнѣвъ Парашы затихъ. Слезы подступали все ближе... Она сѣла, закрыла лицо руками и заплакала навзрыдъ. Еленевъ стоялъ передъ нею и спокойно курилъ сигару.

— Что-жь! Радуйтесь! говорила Параша всхлипывая. — Вамъ пріятны эти слезы. Погубили вы меня... На всю жизнь погубили...

Еленевъ не отвѣчалъ.

Раздался бой часовъ.

Параша будто что-то вспомнила. Она отерла слезы и долго,

долго посмотрѣла на Еленева. Онъ опустилъ глаза. Нѣсколько минутъ данлось мертвое молчаніе. Наконецъ Параша подошла къ Еленеву.

— Ну, прощайте, Павелъ. Богъ вамъ проститъ!.. чуть слышно сказала Параша и протинула ему руку.

Еленевъ не выдержалъ: слезы брызнули изъ глазъ его; онъ поцѣловалъ ее руку.

— Прощайте, Параша! прошептала онъ.

На другой день Еленевъ уѣхалъ изъ города Б.

Отъ Еленева Параша пошла домой. Ее пробирала дрожь; зубы стучали. Опять на губахъ заиграла влая улыбка.

Когда Параша вошла въ комнату, Вожаковъ сидѣлъ на диванѣ. Смотритъ онъ на дочь свою, глазами не вѣритъ. Параша только улыбается.

— А что взяли? сказала она отцу: — Я у Еленева ночевала...

— Убью! зарычалъ Вожаковъ и вскочилъ съ мѣста.

— Убивайте, ну! сказала Параша и подошла къ отцу близонько.

Онъ отступилъ.

— Что? испугались? Ахъ, вы!..

Она покачала головою, дервно посмотрѣла отцу въ глаза и медленно вышла въ спальню.

Вскорѣ приближалъ Рязанцевъ. Онъ бросился въ ноги Вожакову.

— Не погубите, Ермолай Петровичъ! умолялъ онъ: — не погубите вы меня окайнаго! Во всемъ признаюсь: я сооблазнилъ Парашу, я заманилъ ее къ себѣ. Въ каторгу меня упрячутъ. Смилуйтесь, Ермолай Петровичъ! Отпустите грѣхъ великій. Благословите вы насъ! Богъ васъ наградить.

Параша сперва молча стояла у дверей и со слезами смотрѣла на Рязанцева. Потомъ она рассказала отцу про Еленева, про письмо, про любовь Рязанцева, про свою горькую жизнь и его тиранство, про то, какъ она рѣшилась на послѣднее мщеніе...

И заперлась Параша въ своей комнатѣ. Не говорить ни съ кѣмъ и отвѣта никому не дастъ, словно языкъ у ней отнялся. А

то уйдетъ на кладбище, горячо молится надъ могилою матери. Какъ ни старались, никто слова отъ нея не добился.

Прошло этакъ дня четыре. Стали за нее опасаться. За докторомъ посылають хотѣли, да не понадобилось. Въ тотъ же день объявила Параша, что въ монастырь хотеть идти.

Не соглашался сперва отецъ, однако увидѣлъ, что ничего съ ней не сдѣлаешь. Да и старики—то стали совѣтывать.

— Шусты, говорятъ, ее! Такая ужъ видно ея горькая доля!

Сказываютъ, Рязанцевъ въ ту пору по цѣлымъ часамъ передъ Парашей плакалъ, да умолялъ за него замужъ выйти. Ничего не помогло.

На послѣдкахъ—то не отходила отъ нея Груня Лукьянова. Хотѣла Параша съ Рязанцевымъ проститься. Долго его искали, не нашли въ городѣ.

Пришла пора съ отцомъ разставаться. Параша упала на колѣни, горько зарыдала, стала его руки цѣловать. Все прощенія за грѣхи свои просила.

Вступила Параша въ монастырь.

Вожаковъ сумму большую туда пожертвовалъ, а въ приходской церкви ко всѣмъ образамъ ризы серебряныя подѣлалъ.

Параша жила недолго ..

Еленевъ вскорѣ женился на Становой...

Прошло съ годъ времени... Иду я разъ мимо питейнаго заведенія. Слышу, будто голосъ знакомый. Взмолю. Народу много; хохочуть всѣ. Рязанцевъ, грязный, въ лохмотьяхъ весь, пляшетъ въ присядку, да припѣваетъ:

Ой, жги, жги, говори,
Да приговаривай!

ЛЕВЪ УТИНЪ

ЗАЙКА

Зайника у ёлочки попрыгиваетъ,
Лапочкой объ ланку поколачиваетъ.

«Экіе морозцы, прости Господи, стоятъ,
Ёлочки отъ холоду подъ ивеемъ трещать;

Ёлочки отъ холоду потрескиваютъ,
Лапочки отъ холоду совсѣмъ свело.

Вотъ кабы мнѣ зайкѣ мужичонкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ зайкѣ да въ лаптяхъ ходить,

Жить бы мнѣ да грѣться бы въ избушечкѣ
Со своей хозяйшкою сѣренькой.

Нынче мужички—то хорошо живутъ,
Нынче мужичкамъ—то эту волюшку даютъ,

Волюшку—свободу, волю-вольную,
Что на всѣ иди четыре стороны :

На одну—то сторону напросишься,
На другую сторону намолишься...

Вотъ кабы мнѣ зайкѣ мужичонкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ зайкѣ да въ лаптяхъ ходить,

Пирогы бы ѣсть да все съ капусткою,
Пирогы бы съ сладкою морковкою,

На полатяхъ зимушку пролеживать,
По морозцу въ саночкахъ покатывать!..

С. ВЕРГЪ

МОН ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПРАВСТВЕННЫЯ СКИТАЛЬЧЕСТВА

(ПОСВЯЩАЕТСЯ М. М. ДОСТОЕВСКОМУ)

ДѢТСТВО

I

СЕМИНАРИСТЪ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ

Въ настоящее время, когда, т. е. не то что выдумаете, — рѣчь вовсе не идетъ ни о прогресѣ, ни о благодѣтельной гласности, — въ настоящее время, когда литература поднимаетъ одинъ за однимъ словъ нашего общества и выводитъ оный за другимъ разнообразныя его типы, — типъ семинариста и его обстановка выдвигаются тоже изъ бывалой неизвѣстности. Но этотъ типъ, измѣняющійся съ эпохами въ своемъ цвѣтѣ, хотя конечно имѣющій общія, коренныя основы сущности. Типъ этотъ двоятъся, какъ всѣ основныя типы нашей бытовой жизни, и литература покамѣстъ разрабатываетъ, преимущественно въ очеркахъ г. Помяловскаго, одну его сторону, сторону кряжевого человѣка, твердой ногою завоевывающаго себѣ извѣстное первенство въ той или другой сферѣ жизни, тѣмъ или другимъ путемъ, положительнымъ или отрицательнымъ, это совершенно все равно. Выборъ пути зависитъ здѣсь отъ обстоятельствъ времени и жизненной обстановки, хотя исходная точка дѣятельности есть всегда отрицаніе. На отрицаніи кряжевой семинаристъ воспитался. *An non spiritus existunt?*.. дается ему задача: если она дана положительно, онъ говорить и долженъ ска-

затъ него, и своей негацией; своими отрицаніемъ добиться первенства въ этомъ вопросѣ. Еслибы школа давала теизмъ въ отрицательной формѣ: *spiritus non existunt* — онъ не игривалъ бы негацию и вмѣсто того, чтобы быть материалистомъ и нигилистомъ, былъ бы идеалистомъ, е *semper bene!* Кряжевой семинаристъ будетъ всегда жизненно правъ, всегда одержитъ практически побѣду, ибо правы практически только смѣлые отрицатели: они помнятъ твердо, что *gutta cavat lapidem* и бьютъ мѣтко въ одно мѣсто, не обращая ни малѣйшаго вниманія на другія, не увлекажъ ничѣмъ кромѣ поставленнаго ими вопроса, — даже намѣренно становятся глухи на всѣ возраженія мысли и жизни. Разъ извѣстный взглядъ улется у нихъ въ извѣстную схему, будетъ ли эта схема — хрія инверса, административная централизація по французскому образцу какъ у Сперанскаго или Фаллустера какъ у многихъ изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей — что имъ за дѣло, что жизнь кричитъ на прокрустовомъ ложѣ этой самой хрія инверсы, этого самаго административнаго или соціальнаго идеальчика? Ихъ же вѣдь ломали въ бурсѣ, гнули въ академіи — отчего же и жизнь-то не ломать?..

Мрачными и страшными чертами рисуетъ наша литература жизненную и воспитательную обстановку, приготавливающую практическихъ отрицателей, обнажая ее безпощадно, до цинизма, бичуя безъ милосердія, — да милосердія эта обстановка едва ли заслуживаетъ. Пусть кричатъ отъ боли тѣ, кому больно: крикъ ихъ свидѣтельствуеетъ только, что бичъ бьетъ мѣтко, бьетъ не чувствительными мѣстами, — все равно, она стоятъ бичеванія. Вѣдь эта обстановка не почвой нашей, не народною жизнью дана: эта бурса такъ же точно намъ навязана, какъ навязана административная централизація, навязана только раньше, можетъ-быть незапамятно рано... Нечего ее жалѣть: это не наша родная обломовщина, виноватая только развѣ тѣмъ; что не даетъ на себя сѣсть верховъ штольцовщины...

Всѣмъ этимъ хочу я сказать, что литература, принявшая въ настоящее время за разработку этого слоя нашей жизни и его типовъ, совершенно права въ односторонности изображенія. Въ самой жизненной средѣ типъ являлся наиболее ярко только въ своей отрицательно-практической манифестаціи, будетъ ли эта манифестація — великій Сперанскій, дѣятель историческій; или въ жизненныхъ сферахъ процвѣтавшій Максимка Бессово-

лешскій Островскаго... Парадоксальное и дикое сближеніе! скажутъ читатели. Больше чѣмъ парадоксальное и дикое, прибавлю, мощуственное сближеніе, ибо Сперанскій, покрайней-мѣрѣ въ первую эпоху своей дѣятельности, руководился возвышеннѣйшими стремленіями, а Максютка Беневоленскій самодовольно треплетъ себя за хохоль передъ зеркаломъ по поводу весьма незначительнаго въ исторіи обстоятельства, по поводу женитьбы, завершающей впрочемъ его завоеванія въ жизни; но вѣдь я нарочно и взялъ такіа крайнія грани, какъ историческій Сперанскій и художественный Беневоленскій, для того чтобы показать какое важное значеніе имѣетъ повсюду въ нашей жизни этотъ типъ кряжевого семинариста, безстрашнаго отрицателя и завоевателя жизни.

Но у типа, какъ у всякаго, преимущественно русскаго типа, есть другая сторона, другимъ образомъ проявляющаяся въ жизни. Раздвоеніе типа есть пожалуй общечеловѣческое, но у насъ оно какъ-то нагляднѣе.

Есть по глубокому слову, кажется Занда, *des hommes forts*, — люди сильные и *des hommes grands* — люди великіе; есть по глубокому же замѣчанію одного изъ оригинальнѣйшихъ и самостоятельнѣйшихъ мыслителей нашей эпохи, Эрнеста Ренана, *des pensées étroites* — мысли узкія, и *des pensées larges* — мысли широкія. «Только узкія мысли управляютъ міромъ», прибавляетъ Ренанъ, и это совершенно справедливо... Если такъ же нельзя закончить мысль Занда, то можно все-таки найти въ ней средство съ мыслью Ренана. Есть люди широкіе: изъ нихъ дѣлаются или великіе люди, или Обломовы, и есть люди сильные, крѣпкіе, кряжевые, изъ которыхъ великіе люди бывають и даже часто, но Обломовы никогда. Одни отдаются жизни и всѣмъ ея вѣяніямъ, и благо имъ, если они гении—представители вѣяній жизни; другіе завоевываютъ жизнь и обладаютъ ею. Одни не выполняютъ никакихъ преднамѣренныхъ цѣлей, а смотря по тому, въ какую пору они созданы, или отождествляются съ самою жизнью, или личность ихъ расплывается въ жизни; другіе какихъ-нибудь цѣлей да достигаютъ, цѣлей Сперанскаго или цѣлей Беневоленскаго: это зависитъ и отъ степени ихъ силы и даровитости, и отъ эпохи, въ которую они живутъ и дѣйствуютъ. Наша эпоха — я обращаюсь вновь отъ общаго положенія къ судьбѣ типа, о которомъ я началъ говорить — выдвигаетъ

шуга много таких кряжевыхъ личностей съ отрицательною, теоретическою задачею. Мнѣ же лично эта сторона типа явилась уже въ годы университетской юности, въ могущественной и даровитой личности покойнаго Иринарха Введенскаго, но никакъ не прежде.

Эпоха, въ которую началось мое ученье, все до самаго университета шедшее подъ вліяніемъ семинаристовъ, была не та, которой провозвѣстникомъ явился потомъ Введенскій, и которой полные представители — Добролюбовъ и Помяловскій.

Жизнь живетъ протестомъ, но у протеста въ разныя эпохи разныя же точки отправленія, разные мотивы, разныя такъ-сказать возбужденія. Полны были протеста и личности, окружающія мое дѣтство, но протестъ ихъ не походилъ на теперешній. Всѣ они были болѣе или менѣе идеалисты; — точнѣе и цвѣтнѣе сказать, романтики всѣхъ сортовъ и подраздѣленій, отъ романиковъ буйныхъ и прожигавшихъ жизнь съ неистовствомъ русскаго челоуѣка до романтиковъ мечтательныхъ и сладкихъ; но во всякомъ случаѣ это были люди, вполне отдававшіеся или покрайней-мѣрѣ поддававшіеся жизни. Характеристическая особенность этихъ людей въ томъ, что въ противоположность теоретикамъ, отрицателямъ, централизаторамъ, они были всѣ почти, и въ особенности даровитые изъ нихъ, страстные поклонники изящнаго, и другая особенность, что почти никто изъ нихъ, и въ особенности даровитые, не сдѣлалъ никакой карьеры. Даже самыя смиренныя изъ нихъ по жизненному взгляду достигли развѣ развѣ професорства. Даровитые же увлекавшіеся или прожигали жизнь, какъ одинъ замѣчательный пѣвецъ—дьяконъ, дошедшій наконецъ до того, что разстригся, или становились подъячими «пивогрызами», не достигая даже цѣлей Максютки Беневоленскаго, а тѣмъ менѣе умильтельнаго спокойствія совѣсти Акіма Акімыча Юсова.

Что же хорошаго въ этомъ типѣ? спросить читатель, подмѣтившій можетъ-быть въ тонѣ моемъ особенное расположеніе къ этому типу (что совершенно справедливо), и предположившій пожалуй (что уже совершенно несправедливо), что я даю этому типу преимущество передъ тѣмъ, который развился въ особенности въ настоящую эпоху. А вотъ изволите видѣть что: во первыхъ погибшія даровитыя личности были все-таки страшно даровиты, и безумное буйство ихъ силъ свидѣтельствуетъ какъ

хотите о богатствѣ природы; немногіе же уцѣлѣвшіе и правильнѣе разившіеся были полные, цѣльные люди, съ дѣятельностью въ высшей степени плодотворною. Довольно указать въ этомъ случаѣ хоть на покойнаго Петра Николаича Кудрявцева, который невиновать же тѣмъ, что онъ слишкомъ рано сталъ покойникомъ. Я указываю нарочно на личность, по поводу которой не можетъ возникнуть ни семіѣній, ни недоразумѣній ни въ одномъ изъ нашихъ лагерей, а которую никакъ нельзя отнести къ типу кряжевыхъ семинаристовъ, хотя собственно Кудрявцевъ принадлежитъ къ другому, позднѣйшему власту, къ власту моихъ товарищей, а не руководителей по отношенію къ развитію. Кудрявцевъ былъ самый даровитый и гармоническій изъ семинаристовъ—романтиковъ. Въ немъ, несмотря на гармоничность и исключительность его природы, мелькали даже ворою комическія стороны типа сентиментальнаго романтика, и одна злая, хотя дружеская эпиграма рѣзко выразила эти комическія черты въ стихъ: «Педантъ, вареный на меду...»

Но ни въ комъ, какъ мнѣ кажется, комическія стороны сентиментальнаго романтизма не совмѣстились такъ рѣзко, какъ въ моемъ юномъ наставникѣ.

Сергѣй Ивановичъ рѣшительно весь былъ созданъ изъ сердца, и это сердце было необычайно мягкое и впечатлительное. Нервничность его была совершенно женская, и я рѣшительно недопонимаю, какъ этотъ человекъ могъ быть на медицинскомъ факультетѣ, учиться анатоміи, стало-быть рѣзать трупы, да еще кончить курсъ лекаремъ перваго отдѣленія, даже съ звѣздочкой, т. е. въ числѣ эмиентовъ. Разъ онъ упалъ въ обморокъ, неосторожно обрѣзавши себѣ ноготь большого пальца и необразивши, что у него сдѣлается антоновъ огонь, о которомъ онъ только-что прослушалъ кажется лекцію; другой разъ — цѣлая долгая исторія происходила по поводу того, что у него надобно было вырѣзать вередъ подъ мышками. Съ этою женскою, или лучше сказать бабьею мягкостью природы, соединилось самолюбие совершенно пѣтушиное и удивительно способное къ самообманыванію. Настоящей страстности въ немъ не было, но зато былъ постоянный неугомонный зудъ страстности, и зудилъ же онъ, зудилъ себя паче мѣры — и стихами, и прозой, и разными любвіями, начинавшимися у него какъ-то по заказу, и о которыхъ я раскажу въ слѣдующей главѣ все что помню, раскажу

потому, что онѣ характеризуютъ ту эпоху. Въ немъ была такъ же способность къ энтузіазму, и пусть въ немъ она была дешева и кончилась ничѣмъ, на меня она хорошо подѣйствовала. А впрочемъ, хорошо или дурно, — это богъ-знаетъ.

Въ семьѣ нашей и въ домашнемъ быту была та особенность, что всякій, кто входилъ въ нее болѣе или менѣе волею и неволею, становился ея членомъ, заражался хотя на время ея особеннымъ запахомъ, даже подчинился, хоть съ ропотомъ и бунтомъ, тому, что мы впоследствии называли съ Фетомъ домашнею «догмою», развившеюся въ позднѣйшее время до примѣрнаго безобразія, исключительности и самости. Дѣло вовсе не въ томъ, что у насъ былъ заведенный порядокъ — гдѣ же его не бываетъ? дѣтъ, у насъ постоянно все болѣе и болѣе узаконивалось, становились непреложными вещи антираціональныя, такъ что впоследствии посягнуть на священность и неприкосновенность правъ на пьянство и буйство повара Игнатія было дѣломъ не совершенно безопаснымъ. Но такъ сдѣлалось уже впоследствии. Сначала особенность нашего домашнего быта захватывала человѣка какъ-то полегче. Бѣда въ томъ только, что если человѣкъ мало-мальски былъ мягокъ, онъ становился тѣмъ-то вродѣ домашняго шута.

И это вотъ почему. Отецъ мой, несмотря на свой замѣчательный умъ и на достаточное, хотя внѣшнее, и потому совершенно заглушенное безъ пользы для него и для другихъ образование, былъ во натурѣ юмористъ и юмористъ, какъ всякій русскій человѣкъ, безпощадный. Собственно говоря и щадить-то ему было нечего. Идеала жизненнаго и моральнаго передъ нимъ не стояло никакого; пласть людей, современныхъ ему и тревожно искавшихъ идеала, отыскивалъ его уже въ это время быть-можетъ «въ мрачныхъ пропастяхъ земли», а онъ принадлежалъ къ благоразумному большинству. Это благоразумное большинство той эпохи оставило намъ наивный и по наивности своей драгоценный памятникъ въ «Дневникѣ студента». Если читатели незнакомы съ этой замѣчательной по своей безыскусственности книгою, совѣтую имъ прочесть ее. Духъ отцовъ нашихъ, вызвавшій пламенное бичеванье Грибоѣдова, дышетъ въ ней.

Отецъ мой смѣялся, или лучше сказать потѣшался добродушнѣйшимъ образомъ надъ всякимъ чувствомъ, любилъ натравливать на чувство всякаго, въ комъ онъ подмѣчалъ какую-либо

впечатлительность, и въ моемъ наставникѣ имѣлъ для себя субъектъ, неоцѣненный по этой части, влюбляя его каждый мѣсяцъ и разъяря его ежедневно. Онъ даже чувствовалъ какую-то антипатію къ личностямъ, сколько-нибудь серьезнымъ и неподдававшимся на его удочку. Надъ Сергѣемъ Ивановичемъ онъ имѣлъ огромное вліяніе, даже образовывалъ его по-своему, не замѣчая, что самъ отстаегъ, если не совсѣмъ отсталъ уже отъ образованія эпохи. Сергѣй Ивановичъ слушался его во всемъ, и въ любовныхъ своихъ похожденияхъ и даже въ костюмировкѣ, тоже не замѣчая по добродушію и самолюбію, что въ любовныхъ своихъ интригахъ онъ былъ его шутомъ, а въ костюмировкѣ и манерахъ могъ избрать себѣ менѣе отсталого руководителя. Но посудите сами, какъ же было ему, семинаристу мягкаго типа, крайне падкому до образованія, не слушаться человѣка, который говорилъ пофранцузски и учился въ благородномъ пансіонѣ? Отецъ нерѣдко вмѣшивался даже въ его товарищескія связи, устраняя своимъ вліяніемъ людей буйныхъ, т. е. такихъ, которые мало были способны подчиниться его «асандану» (это было одно изъ любимыхъ его словъ), и «протежирующа» личности, оказывавшія любовь къ тому, что считалъ онъ образованіемъ.

Зато личности «протежируемыя» отцомъ и даже сколько-нибудь терпимыя, ходили безпрепятственно во всякое время, имѣли право сидѣть хоть во время класа и вообще цѣлые дни до условнаго догматическаго часа. Догматическій часъ, часъ, когда весь домъ долженъ былъ спать *de jure* и когда *de facto* начинался полнѣйшій разгулъ всякаго блуда, пьянства и безобразія, постепенно шолъ къ десяти часамъ вечера, но въ ту пору было еще не такъ. Въ десять часовъ только-что кончался день для постороннихъ. Сергѣй Ивановичъ шолъ изъ своей комнатки въ спальню отца и матери и часто до часу читалъ имъ, а иногда даже и до двухъ. А моя дѣтская была подлѣ спальни, и все я слышала что читалось по ночамъ Сергѣемъ Ивановичемъ, какъ все слышала я что читалось по вечерамъ отцомъ, ибо они чередовались.

Чтеніе было у насъ по истинѣ азартное въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Оно имѣло огромное вліяніе на мое моральное развитіе. По распушенности ли, по невѣрію ли въ то, что книжки дѣло серьезное, какъ-будто не замѣчали, что я сижу въ

углу по вечерамъ вмѣсто того, чтобы играть въ игрушки, и не сплю ночи, слушая съ лихорадочнымъ трепетомъ «Таинства Удольфскаго замка», «Итальянца», «Дѣтей допретскаго абатства» и проч. и проч. И въ концѣ концовъ я вѣдь глубоко благодаренъ моему воспитанію за то, что не обращали вниманія на мое внимательное слушаніе. Я слава-богу никогда не зналъ «Дѣтскихъ книжекъ», и если глубоко ненавижу ихъ, то право самъ дявлюсь своей совершенно безкорыстной къ нимъ ненависти. Мнѣ ихъ иногда и покупали, но не требовали, чтобы я читалъ ихъ; пресыщенный игрушками, которыми я былъ заваленъ, я вырѣзывалъ изъ нихъ картинки.

Тоже и въ первоначальномъ ученіи моемъ, несмотря на его безобразную беспорядочность, была своя хорошая сторона, и можетъ-быть именно эта самая безобразная беспорядочность. Собственно учился я тогда мало, но сидѣлъ надъ ученьемъ... чрезвычайно много. То что давалось мнѣ легко, я разумѣется вовсе не училъ; то что могло вдолбиться несмотря на мою лѣнь, при моихъ довольно счастливыхъ способностяхъ, какъ напримѣръ латинскій языкъ, которому началъ я учиться съ русской грамотой вмѣстѣ, вдолбилось вслѣдствіе сидѣнья по цѣлымъ днямъ въ комнатѣ Сергѣя Иваныча за гнусною книжкою грамматики Лебедева; то, къ чему я вовсе не имѣлъ способностей, какъ математика, вовсе и не вдолбилось... *ma tanto meglio!* А все же таки я не прошедшій «огня и мѣдннхъ трубъ», бурсы и семинаріи — семинаристъ по моему первоначальному образованію, чѣмъ откровенно сказать и горжусь.

Помню я какъ теперь эту заднюю, довольно грязповатую, выходящую окнами на дворъ комнатку, отведенную для житья Сергѣю Иванычу и назначенную вмѣстѣ съ тѣмъ для нашего ученія, съ ея ветхою мебелью, съ дырчавымъ и чернилами проѣденнымъ столомъ у окошка, съ темно-кожанымъ изорваннымъ диваномъ — обиталнщемъ миллионнхъ клоповъ, съ черепомъ на шкапу, необходимымъ атрибутомъ всякаго студента-медика... Сколько слезъ лилось въ ней по утрамъ, надъ проклятыми арифметическими задачами, и какъ весела она была для меня, начиная съ пяти и до десяти часовъ, когда ученія ужъ не было, когда я былъ въ ней гостемъ, посреди другихъ гостей Сергѣя Иваныча, студентовъ разныхъ факультетовъ... Какъ дорого мнѣ воспоминаніе о ней, объ этой грязной комнаткѣ въ долгія су-

мерки, когда бывало Сергѣй Ивановичъ заляжетъ на дырявый диванъ и я свернусь около него клубочкомъ. Свѣчей нѣтъ, онъ заставляетъ меня шарить у себя въ его мягкихъ, нѣсколько кудреватыхъ волосахъ, а самъ, если не фантазируетъ вслухъ о своихъ любвахъ, то рассказываетъ, и хорошо рассказываетъ римскую исторію, и великія личности Брутовъ и Цинципатовъ, Камилловъ и Маріевъ, исполненскими призраками встають передъ моимъ впечатлительнымъ воображеніемъ... Вѣчная память этой грязной компактѣ! Вѣчная память и тебѣ, мой добрый наставникъ, если ты уже умеръ, и дай-богъ тебѣ долгихъ дней, коли ты еще живъ и неспился, а спится — увы, по моему крайнему разумѣнію, судя по даннымъ твоей романтической природы, — въ захолустѣ одного изъ тѣхъ городовъ, которыхъ чортъ «три года искалъ», куда судьба бросила тебя уѣзднымъ лекаремъ, — ты долженъ былъ непременно.

II

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

Да! я хорошо тебя помню, продолговатая грязенькая комнатка, хотя ты никогда не называлась класною, а была просто помещеніемъ Сергѣя Ивановича; помню тебя во всякіе часы дня, со всѣми различными переменами декорацій.

Зимнее утро чуть-чуть еще брезжить сквозь занавѣски моей кровати, которую постоянно, въ предотвращеніе послѣдствій моей рѣзвости до сна и нервной подвижности во снѣ, задвигали досками. Часовъ семь, а отецъ уже кашляетъ въ сосѣдней комнатѣ, — значитъ проснулся, но еще не встаетъ, ибо у него была прекрасная и до старости уцѣлѣвшая привычка не будить людей до урочнаго часа, хотя онъ просыпался обыкновенно раньше. Но вотъ онъ всталъ, вотъ загремѣли чашки, вотъ слышу я, глухой Иванъ вскочилъ съ громомъ съ залавка передней: сейчасъ значитъ самоваръ поставитъ. И я подаю знаки жизни. Младшая нянька моя, ибо старшая давно уже перешла въ званіе кухарки, обуваетъ меня, одѣваетъ (а обували и одѣвали меня лѣтъ чуть не до тринадцати, пока наконецъ не застыдилъ меня дядя, о которомъ будетъ рѣчь впереди). Я иду къ отцу здороваться, прочтя разумѣется напередъ молитвы, порусски и полатини, по ка-

кому-то латинскому букварю. Затѣмъ наливается мнѣ отцомъ большущая чашка чаю, въ которую кладется такое огромное количество сахара, что и теперь тошнитъ при одномъ воспоминаніи, а тогда не тошнило. Отецъ по обыкновенію молчаливъ пока не напился чаю; затѣмъ начинаетъ чѣмъ — нибудь дразнить меня, если въ духѣ, и посылаетъ чай Сергѣю Иванычу, приказывая будить его хорошенько; наконецъ дѣлаетъ мнѣ чай на цѣлый день до вечера, ибо меня, какъ дитя дворянское и нѣжное, поили почему-то чаемъ, какъ теленка молокомъ... Я веселъ или не веселъ, смотря по тому, жаловался ли на меня накануне вечеромъ Сергѣй Иванычъ или не жаловался, что впрочемъ было всегда дѣломъ чистой случайности и расположенія духа наставника, завистѣвшаго болѣе или менѣе отъ удачи или неудачи сердечныхъ дѣлъ, ибо жаловаться на меня было всегда за что. Невеселъ я впрочемъ, — если только не веселъ, — вовсе не потому, чтобы отца боялся: его я точно боялся, до запуганности въ рѣдкія минуты его вспылчивыхъ припадковъ, которые могли обрушиться точно такъ же случайно и въ одинаковой степени на меня, какъ и на кучера Василья, — но онъ сорветъ сердце на комъ-нибудь, да и дѣло съ концомъ, на другой день ни о чемъ уже и помину нѣтъ, но мать — мать будетъ неумолчно и ядовито точить во все долгое время ея чая и не менѣе долгое же время чесанья волосъ моихъ частымъ гребнемъ, прибирая самыя ужасныя и оскорбительныя для моеѣ гордости слова... Вотъ и мать встаетъ, я подхожу къ ея постели или съ трепетомъ или безъ трепета, опять смотря по тому, пожаловался ли на меня Сергѣй Иванычъ за дѣнь, пожаловались ли на меня или нѣтъ хозяйскія барышни за неприличныя шалости. Розги я не зналъ никогда; меня только разъ постращали ей да и то за то, что я наклепалъ на подолъ хозяйской горничной бумажку съ именемъ Ивана глухого — ея любовника... Кончены наконецъ предварительныя муки ранняго утра до девяти часовъ. Отъ нравственного и головного чесанья бѣгу я какъ «алалай» въ комнату Сергѣя Иваныча...

Но и тутъ не легче. Строгъ и мраченъ Сергѣй Иванычъ по утрамъ, т. е. или напускаетъ на себя строгость и мрачность, или дѣйствительно печаленъ отъ какой-либо неудачи. Въ послѣднемъ случаѣ — бѣда: всѣ исключенія третьяго склоненія потребуетъ и ужасную арифметическую задачу задастъ, а выучить

изъ священной исторіи строкъ сколько! . Задасть онъ урокъ и уйдетъ часа на три въ университетъ... а ты тутъ безъ него сиди въ столовой у окошка, да долби, или хоть не долби, а сиди надъ книжкою. Мать, бранясь въ сосѣдней комнатѣ то съ глухимъ Иваномъ или за то, что онъ вѣчно «какъ мужланъ» охабку дровъ брякнетъ объ полъ или соловья окормилъ грѣчевою кашею, которая впрочемъ по его возраженію сама въ клѣтку прыгнула, или съ Лукерьей, которую постоянно и поѣдомъ ѣла она за грѣхи противъ цѣломудрія или съ старой нянькой моею Прасковьей, призываемой нарочно въ важныхъ случаяхъ изъ кухни, — мать моя, занимаясь однимъ словомъ хозяйственными заботами, строго наблюдаетъ, чтобы я до кофею и послѣ кофею сидѣлъ за урокомъ. Ну и сижу я. Священную исторію, я знаю, что слово въ слово ни за что не выучу; арифметическую задачу и пытаюсь рѣшать нечего; въ третьемъ склоненіи, я ужъ навѣрно собою и просклоняю *iter-iteris*, а не *itineris*... Штука скверная, но «грозишь сонъ да милостивъ Богъ!» пробѣжаться въ кухню для прохлады и воздуха... Тамъ ужъ Василій собирается вѣроятно лошадь закладывать, за отцомъ въ присутствіе ѣхать, и покажѣтъ подкрѣпляетъ свои жизненные силы, отъ него всегда услышишь что-либо новое и обогатишь свои познанія въ непечатной рѣчи, а тутъ, пожалуй въ сѣняхъ, горничная хозяйевъ всунетъ въ руку записочку Сергѣю Иванычу отъ старшей хозяйской дочери, а пожалуй и сама Софья Ивановна урвалась отъ строгой матери и мимолетомъ шепчетъ: «скажите Аполовочка, что я въ пять часовъ на галерею на минуту выду...» Но бывали времена послѣ нѣсколькихъ сряду повторявшихся жалобъ Сергѣя Иваныча на лѣность, что мать и прохладиться сбѣгать не позволяетъ и зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы я сидѣлъ у окна съ книжкой. Тогда я все-таки не урокъ учу, а мечтаю; цѣлые романы создаются въ моемъ воображеніи до того живо, хоть и нескладно, что я умняюсь и плачу надъ создаваемыми мною плѣнными или преслѣдуемыми красавицами и геронческими рыцарями. Мечты свои я держу въ глубочайшей тайнѣ отъ всѣхъ, даже отъ Сергѣя Иваныча, держу въ тайнѣ, потомучто мнѣ самому совѣстно и стыдно, а совѣстно и стыдно, потомучто я самъ являюсь тутъ героемъ, и вѣдь сознаю, что въ мои лѣта еще неприлично такъ мечтать. Хитрость, орудіе раба, рано во мнѣ развивается и я показываю всегда видъ, что ничего неприличнаго не понимаю. Да и

точно, не понимаю я вполне, но что-то странное смутно предугадываю и хоть мнѣ еще семь-восемь лѣтъ, что-то странное смутно чувствую подлѣ женщинъ... На бѣду еще, въ этотъ годъ гостила у насъ недѣлю дочь сосѣдки отца по деревнѣ. Ее отпустили къ намъ изъ пансіона, и она была уже дѣвочка лѣтъ одиннадцати, прехорошенькая брюнетка, вострая и живая: недѣля жизни съ нею, недѣля, въ которую и мнѣ дали полнѣйшій отдыхъ отъ ученья, догадавшись можетъ-быть, что я одурѣлъ отъ него, недѣля эта промелькнула какъ сонъ, но чѣмъ-то теплымъ и даже сладкимъ отзывается память о ней, объ этой недѣлѣ, объ играхъ въ горѣлки рука съ рукою съ Катенькой, объ играхъ въ гулючки, когда мы съ Катенькой прятались въ одномъ мѣстѣ, и прижимаясь другъ къ другу, таили дыханія, чтобъ насъ не было слышно; объ осеннихъ сумеркахъ вдвоемъ на одномъ креслѣ съ нею, когда что-то колючими и сладкими искрами бѣгало по моему составу... И разумѣется, въ создаваемыхъ дѣтскимъ воображеніемъ романахъ плѣнная красавица — Катенька, и рыцарь — я. Но повторяю: никто этого не знаетъ... Если я теперь могу въ этомъ признаться — то вѣдь право я — какъ и всѣ вѣроятно — обязанъ этимъ Толстому, обязанъ новой эпохѣ.

Въ нашей эпохѣ не было искренности передъ собою; немногіе изъ насъ добились отъ себя усиленнымъ трудомъ искренности, но Боже! какъ болѣзненно она намъ досталась. Даже въ Толстомъ, который одной ногою все-таки стоитъ въ бывалой нашей эпохѣ, очевидны слѣды болѣзненнаго процесса.

Но возвращаюсь къ моему дню того времени. Изъ университета Сергій Ивановичъ приходилъ то раньше, то позже, смотря по количеству лекцій. Рѣдко ходилъ онъ туда въ вицмундирѣ, товарищей же его, такихъ же какъ онъ студентовъ я никогда и не видывалъ въ вицмундирахъ; мундировъ же ни у него, ни у нихъ и въ заводѣ кажется не было... Если онъ приходилъ рано, часу въ первомъ, прослушаніе уроковъ совершалось до обѣда т. е. до приѣзда отца изъ присутствія; если поздно, то вечеромъ часовъ въ шесть, послѣ чаю. Вообще же положонныхъ часовъ на класъ у насъ не было, да и самого слова «класъ» неупотреблялось, и если я ненавижу класный порядокъ и класную дисциплину какъ и дѣтскія книги, то это опять такъ безкорыстно, по своей фронтальной натурѣ. Если у меня было какое либо порученіе отъ Софьи Ивановны, то я являлся, не зная никогда урока, съ сми-

ренномудрымъ и вмѣствѣ наглымъ видомъ; если нѣтъ — корчилъ плачевную физиономію и плачевно подавалъ сумбуръ цифръ вмѣсто арифметической задачи, нахально вралъ iter-iteris, и несправимо смѣшивалъ Геровоамовъ съ Ровоамами, Ахаавовъ съ Юсафатами. Не знаю почему Сергѣй Ивановичъ постоянно всѣмъ и всегда говорилъ, что у меня блестящія способности и отличное сердце: уроковъ я не зналъ положительно никогда, а прекрасное сердце мое выражалось только въ упорномъ нахальствѣ вранья и въ обильныхъ токахъ дешевыхъ слезъ... Дѣло кажется въ томъ, что Сергѣй Ивановичъ, хоть и одинъ изъ честиѣйшихъ и простодушнѣйшихъ юношей той эпохи, учить вовсе неумѣлъ, или нѣтъ, не то что неумѣлъ, — можетъ быть и умѣлъ бы, еслибы отрекся отъ методъ, по которымъ самъ учился... Но на эти методы онъ не смѣлъ посягнуть. Какъ его учили, такъ онъ и меня училъ: ему задавали «отъ сихъ до сихъ» и онъ задавалъ; ему вдолбили лебедевскую грамматику со всѣми задачами, онъ и мнѣ ее вдолблялъ — но увы! онъ не догадывался, что я давно открылъ источники разныхъ задаваемыхъ имъ латинскихъ темъ въ «гнусной книжкѣ.» De officiis, хотя задавая задачи онъ отходилъ съ нею въ уголокъ, а уходя въ университетъ запиралъ ее въ одинъ изъ ящичковъ кровати, къ которому давно подобралъ я ключъ и который впоследствии просвѣтилъ меня на счетъ многихъ таинствъ природы, когда въ немъ завелись нѣкоторыя красками алюминованныя изображенія... а все-таки, какъ бы то ни было, а лебедевская грамматика вдолбилась такъ, что въ латинскихъ разговорахъ Сергѣя Иваныча съ товарищами мало было для меня непонятнаго, и разумѣется, въ особенности понятно было то, чего понимать мнѣ неслѣдовало. Розанова лексиконъ былъ лексиконъ не церемонный.

Наконецъ, отецъ возвращался изъ присутствія часамъ къ двумъ, коли не было какихъ-либо срочныхъ дѣлъ или ревизіи. Начиналось священнодѣйствіе, называемое обѣдомъ...

Да! у насъ именно это было священнодѣйствіе, къ которому приготовлялись еще съ утра, заботливо заказывая и истощая всю умственную дѣятельность въ изобрѣтеніи различныхъ блюдъ. Не здѣсь еще мѣсто говорить о томъ безобразіи, до котораго доходило въ нашемъ быту служеніе мамону... Оно дошло до крайнихъ предѣловъ своихъ въ другую эпоху, эпоху моего отрочества и ранней юности...

Кончался обѣдъ, и опять послѣ маленькаго промежутка начиналось наше ученіе, длившееся болѣе или менѣе не по степени моихъ усилій, а по степени вины, такъ что оно всегда являлось въ видѣ наказанія. Странная система, конечно, но дѣло въ томъ, что это все дѣлалось не по системѣ, а такъ.

Вечеръ, то-есть обычный вечеръ, повседневный вечеръ, проводимъ былъ мною на коврѣ въ залѣ, гдѣ окруженный дворовыми, и пресыщенный своими игрушками, я находилъ разумѣется болѣе интереса въ живыхъ людяхъ, меня окружавшихъ, въ ихъ радостяхъ и печаляхъ... въ играхъ съ ними въ карты, особенно въ такъ-называемые *короли*, а втихомолку и по *носкамъ*, причеиъ я обижался, если мой барскій носъ щадилъ, когда онъ провинился, — въ играхъ въ жмурки, гулючки и проч. Но нерѣдко все это мнѣ наскучивало: какая-то странная, болѣзненная тоска томила меня...

Въ девять часовъ люди обыкновенно уходили ужинать, и ужинали обыкновенно долѣе часу; все это время я сидѣлъ въ столовой, гдѣ уже происходило чтеніе разныхъ романовъ Анны Ратклифъ или г-жи Коттевъ. Въ десять меня укладывали, но чтеніе продолжалось въ сосѣдней комнатѣ, и я никогда не засыпалъ до конца его, то-есть до часу или до двухъ ночи.

То былъ особый міръ, особая жизнь, непохожая на эту дѣйствительность, жизнь мечты и воображенія, странная жизнь, по своему могущественному вліянію столь же дѣйствительная какъ сама такъ-называемая дѣйствительность.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

* * *

Твой скромный вилъ тавтъ въ себѣ
Такую силу страстной воли,
Что не уступишь ты судьбѣ
Ни шагу безъ борьбы и боли.

Мгновенья счастья ты трудомъ
Или болѣзнями искупивъ,
Но предъ общественнымъ судомъ
Рѣшницъ стыдливо не потупишь.

Свѣтъ осужденъ тобою, онъ
Не можетъ дать тебѣ закона ;
Святая правда — твой законъ,
Святая гордость — оборона.

Пускай поэта стихъ живой
Въ тебѣ привѣта не находятъ, —
Поэтъ, отвергнутый тобой,
Тебя и встрѣтить и проводить.

Осмѣянный пѣвецъ любви
Не осмѣетъ твои морывы,
Откликнется на всѣ призывы,
На всѣ страданія твои...

Л. ПОЛОНСКІЙ

ЛЕРМОНТОВЪ И ЕГО НАПРАВЛЕНІЕ

КРАЙНІЯ ГРАНИ РАЗВИТІЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ВЗГЛЯДА

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

ПОПЫТКИ КОМИЧЕСКАГО РАЗОВЛАЧЕНІЯ ЛЕРМОНТОВСКАГО ТИПА И ЕГО ТРАГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

I

Личность дошла до крайнихъ предѣловъ своего протеста въ Лермонтовѣ, но самые предѣлы эти обуславливались давними нашего «показнаго быта», лицевой стороны, казоваго конца нашего развитія. Тревожное начало, тотъ огонь, о которомъ Лермонтовъ устами своего «Мцыри» говорить, что онъ

отъ юныхъ дней
Таяся, жилъ въ груди моей...
И онъ прожогъ свою тюрьму;

буйство силъ, выражавшееся въ дѣятельности Бестужева-Марлинскаго и Полежаева, у самого Лермонтова сказывавшееся колоссальнымъ призракомъ его «Демона», хаотически выразившееся въ «Арбенинѣ» Маскарада, звучащее мрачными и зловѣщими предчувствіями въ его лирическихъ стихотвореніяхъ, столкнулось съ нашею условною, «показною» дѣйствительностью.

Результатомъ такого столкновенія былъ образъ «Героя нашего времени», образъ Печорина, въ которомъ сказалась общая тайна эпохи, *le secret de tout le monde*, если *ослми* назвать людей условно-цивилизованной сферы, оторвавшейся отъ всякой почвы, людей разрозненныхъ съ бытовою непосредственною жизнью...

«Болѣзнь указана», сказалъ самъ поэтъ въ удивительномъ предисловіи ко второму изданію своего великаго романа; но говоря это, онъ самъ еще плохо вѣрилъ въ то, что протестъ его въ этой формѣ — болѣзнь, а не нормальное явленіе. Къ болѣзни иначе относятся, нежели онъ отнесся къ своему Печорину; да романъ его тѣмъ-то и дорогъ, что онъ вовсе не сатира, а художественное засвидѣтельствованіе извѣстнаго факта.

Оппозиція застою веларомъ напикнула на Лермонтова съ неистовымъ озлобленіемъ. Она поняла сразу великую отрицательную силу въ Лермонтовѣ; но обаянію, общему обаянію, производимому его созданіемъ, могла противопоставить только голыя ругательства.

Условныя формы лермонтовскаго типа могла разбить только жизнь своими дальнѣйшими откровеніями, и она разбила ихъ, разбила постепенно и въ высшей степени поучительно для мыслящаго наблюдателя, гораздо поучительнѣе, чѣмъ всѣ неистовыя выходки застою и мракобѣсія.

Оппозиція застою не видала «слона» въ общемъ движеніи, не видала противодѣйствія лермонтовскому протесту личности, не слышала, оглушенная и смущенная стопами отчаянія и хулами гордыхъ проклятій — карающаго и негодующаго смѣха Гоголя.

Въ Лермонтовѣ и его направленія дошолъ до крайнихъ степеней своихъ протестъ развитой на показъ личности противъ неразвитаго быта. За Лермонтовымъ явилась отрицательная литература тридцатыхъ годовъ, потянулся длинный рядъ повѣстей, кончившихся неизбежно прямо ли высказаннымъ или подразумеваемымъ припѣвомъ: «И вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человѣка». Припѣвъ этотъ по формѣ былъ заимствованъ у Гоголя, но онъ пѣлъ на лермонтовскій ладъ. Въ повѣстяхъ этихъ, по волѣ и прихоти ихъ авторовъ, совершались самыя удивительныя превращенія съ героями и героинями, задыхавшимися въ грязной, бѣдной ощущеніями и тупоумной дѣйствительности. Все это были болѣе или меньше поэмы о «необъятныхъ» гибнущихъ даромъ силахъ...

Но въ это же время Гоголь пѣлъ другую поэму, поэму о несостоятельности показнаго человѣка, не указывая впрочемъ для души никакой положительной замысли. Онъ неумолимо говорилъ современному человѣку: «Ты, мой любезный, вовсе не герой, а только корчишь героя; въ любви ты чаще всего — Хлестаковъ, зовущій городничиху подъ сѣнь струй (гениальнѣйшая бессмыслица! въ ней какъ въ фокусѣ совмѣщена вся романтическая чепуха, которую несутъ герои и героини Марлинскаго, Кукольника и Полевого); въ гражданскомъ отношеніи ты, или Антонъ Антоновичъ Сквозикъ—

Дмухановскій, или, что еще несравненно хуже, Александръ Ивановичъ въ «Утрѣ дѣловаго человѣка», навязывающій бумажки на хвостъ собачкѣ; ты только самолюбивъ и безпеченъ, а излишнія мечты могутъ довести тебя, если ты нѣсколько горячъ, или до участи художника Пискарева, или до испанскаго трона Поприщина; и за что же ты погибнешь такъ безобразно, когда товарищъ же твой, поручикъ Пироговъ такъ благоразумно подавить въ себѣ *горюческую* вспышку за оскорбленіе и будетъ прекраснѣйшимъ образомъ процвѣтать и красоваться на различныхъ чиновническихъ балахъ, а Кочкаревъ основательно докажетъ, что нѣтъ ничего легче поправить ту бѣду, когда плюнуть въ рожу. Ты не Гамлетъ, ты — Подколесинъ: ни въ себѣ, ни въ окружающей тебя жизни, ты не найдешь отзыва на твои представленія о героическомъ, который вногда въ тебѣ какъ пѣна поднимаются.»

Прекрасно! но какой же будетъ логическій выводъ отъ этой посылки? Первый выводъ — вопросъ: что же право — представленія ли о героическомъ или противорѣчіе героическому, т. е. натура? Вотъ этотъ-то вопросъ и далъ силу тому, что во времена оны называлось натуральною школою, и что было логическимъ послѣдствіемъ Гоголя. Натурализмъ порѣшилъ дѣло тѣмъ, что если натура на даетъ силъ на борьбу за героическое, если она обмелѣла, то нечего съ этимъ и дѣлать: надобно брать вещи такъ, какъ онѣ есть. Значитъ нѣтъ борьбы, или борьба есть донкихотство; значитъ, надобно признать таковое безспіе за законъ бытія; значитъ, то сочувствіе, которое имѣли мы къ великимъ честолюбцамъ, надобно перенести на обидчивость маленькаго человѣка; то сочувствіе, которое имѣли мы къ страсти Ромео и Джульеты, къ мщенію Гамлета, къ заботамъ разныхъ героевъ о благѣ общественномъ, къ возвышенной, хотя нѣсколько ходульной энергіи Веррианы (въ Фіэско), перенести на страсти изъ-за угла героевъ разныхъ черлаковъ, или на тургеневскаго Пѣтушкова, на мщеніе героя одной изъ тогдашнихъ повѣстей Перенельскаго — Некрасова... Повѣсть эта (я люблю поднимать забытыя явленія) въ высшей степени характеристична, и какъ вещь молодая, представляетъ наивнѣйшее развитіе сѣмени, заброшеннаго Гоголемъ, сказавшимъ какъ-то, что въ наше время сплнѣй завязываетъ драму желаніе достать выгодное мѣстечко, отмстить за оскорбленіе и проч., чѣмъ любовь. Бѣлинскій извлекаетъ изъ этого дѣлю діатрибу противъ любви. Диатриба вышла пламенно-тревожная, такъ что поневолѣ можно сказать, что Бѣлинскій писалъ тревожныя статьи противъ тревожныхъ чувствъ въ пользу тревожныхъ чувствъ другого рода. Въ повѣсти тогдашняго Некрасова, стремленіе мелкаго человѣка отмстить мелкой женщицѣ

за мелкое оскорбленіе такъ завязало драму, что сама душа автора тутъ запуталась: съ такою сластью изображено здѣсь мизерное лицемѣріе, что писатель видимо не возвышался надъ уровнемъ анализируемаго имъ чувства, и эта же, здѣсь уже попорченная способность возвышаться надъ уровнемъ анализа, отразилась потомъ въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ, которыя, несмотря на очевидное присутствіе пламени разбитаго, но все еще сплынаго и высокаго таланта, дышатъ порою для всѣхъ, ненотерявшихъ свѣжести эстетическаго и нравственнаго чувства, душнымъ и тяжолымъ впечатлѣніемъ. Бѣдный, истинно мучащійся поэтъ, не можетъ ни на минуту перестать смотрѣть сквозь аналитическую призму, всюду показывающую ему vorочающихся гадовъ: въ самомъ простомъ, обычномъ фактѣ повседневной жизни, способномъ въ благоустроенной душѣ пробудить строй спокойный и мирный, какъ напримѣръ сватба человѣка изъ простаго народа съ женщиною изъ простаго же народа, — онъ способенъ видѣть только грѣхъ въ дрoшeдшeмъ и горе впереди; для трагическаго положенія матери, не имѣющей на что похоронить ребенка, онъ не видитъ и не можетъ видѣть никакого иного выхода, кромѣ продажи себя уличному разврату, въ странѣ, гдѣ слава-богу еще подаютъ милостыню и, еще болѣе слава-богу! подаютъ ее безъ критическаго разбора нравственныхъ свойствъ просящаго Христа-ради и оцѣнки его личности; въ странѣ, гдѣ нерѣдко, идя по улицѣ видите вы деревянный гробикъ на колѣняхъ у женщины и видите какъ снявъ шапку и перекрестившись кладетъ въ него не одинъ прохожій свой мѣдный грошъ, а кто и болѣе, смотря по достатку и по силѣ. Вслѣдствіе этого-то, въ лицѣ сборщика на построеніе храма больной поэтъ, умиляясь впрочемъ какъ поэтъ этому образу, но не умѣя вывести его появленіе на свѣтъ божій изъ источниковъ вѣчно бьющихъ живыми ключами въ народной натурѣ, не можетъ представить въ немъ ничего иного, кромѣ раскаявагося злодѣя...

Съ другой стороны, вопль идеалиста Гоголя за идеаль, за «прекраснаго человѣка», переходилъ въ школъ сентиментальнаго натурализма въ вопль и протестъ за разслабленнаго, за хилаго морально и физически человѣка. Горькій смѣхъ великаго юмориста надъ измелъчавшимъ и унижившимся человѣкомъ, смѣхъ, соединенный съ пламеннымъ негодованіемъ на ложь и формализмъ той среды жизни, въ которой мелъчается и унижается человѣкъ, перешли въ болѣзненный протестъ за измелъчавшаго и униженнаго человѣка, вслѣдствіе чего и самый протестъ противъ ложной и чисто-формальной дѣйствительности лишился своего высшаго нравственнаго значенія. Отдѣлите одинъ болѣзненный юморъ раздра-

жительной природы отъ стремленій къ идеалу въ творчествѣ Гоголя, и чудовищныя созданія появятся на свѣтъ вслѣдствіе причудъ этого болѣзненнаго юмора! Взгляните на «Акакія Акакіевича» съ сентиментальной точки зрѣнія, проникнитесь въ отношеніи къ нему не общечеловѣческимъ, правильнымъ сочувствіемъ, а исключительнымъ, болѣзненною симпатіею возведите на степень права требованіе героя «Записокъ сумашедшаго», и вотъ вамъ крайнія произведенія сентиментальнаго натурализма, котораго вина противъ искусства заключалась въ рабской натуральности, не отличающей въ дѣйствительности явленій случайныхъ отъ типическихъ и необходимыхъ.

Когда Гоголь говорилъ въ «Мертвыхъ душахъ» о томъ, что опоясывая добродѣтельный человѣкъ (т. е. сильный человѣкъ), что шора, по его выраженію, «припрячь плутоватаго человѣка», онъ, во первыхъ, развѣнчивалъ ложно-добродѣтельнаго и ложно-сильнаго человѣка, развѣнчивалъ его ходульную величавость и мишурность; во вторыхъ, онъ плакалъ, болѣлъ сердечно о томъ, что «нигдѣ не видить онъ мужа»; своимъ энергическимъ словомъ онъ клеймилъ же въ другомъ мѣстѣ своихъ сочиненій безспянаго человѣка («Дрянъ и тряпка сталъ всякъ человѣкъ.»)

Великій обличитель всего, что въ немъ самомъ было ложнаго, и что вокругъ себя видѣлъ онъ ложнаго, Гоголь обличилъ наконецъ самое обличеніе въ несостоятельности его, разорванности, въ отсутствіи всякаго живого средоточія. Но обличитель въ свою очередь хочетъ стать выше самого себя, хочетъ строить свой міръ-изъ обличенныхъ въ негодности матерьяловъ стараго, вмѣ же разрушеннаго зданія, полкрашиваетъ, сколачиваетъ и падаетъ разбитый сознаніемъ безжизненности въ созданія, сожигаемый тоскою объ идеалѣ, которому формъ не находитъ.

Страшный урокъ, страшно трагическое событіе! Но въ немъ есть смыслъ и смыслъ великій, утѣшительный.

Гоголь былъ весь человѣкъ сдѣланный, какъ великій умъ и великій художественный талантъ; онъ, нося въ себѣ эту язву, явилъ всѣхъ другихъ, воссвѣвшихъ ее въ себѣ, сознавалъ это и преслѣдовалъ ее въ себѣ и въ другихъ пещадно. Простой великій человѣкъ (одинъ изъ простѣйшихъ, какихъ когда-либо посылало небо землѣ), безнаказанно выпосившій на себѣ всякія чуждыя краски, которыя съ лѣтами упали «ветхой чешуей», и оставшійся всюду съ своей собственной богатой природой, опредѣлялъ ему самому его значеніе такъ, что никто лучше его не умѣетъ выставить «пошлость пошлаго человѣка». Анализъ всего въ душѣ нашей пошлаго и анализъ окружающей жизни сквозь призму внутренней пошлости, вотъ въ самомъ дѣлѣ вся задача гоголевскаго творчества. У всякаго пи-

сателя есть его задушевное слово и это—то именно слово онъ признанъ сказать міру, ибо оно—то именно міру и нужно, какъ новое слово, и оно—то есть виѣсть дѣло души, о которомъ такъ часто говоритъ Гоголь въ своей перепискѣ и въ своихъ письмахъ. Это слово, въ конечной формѣ, есть послѣдняя правда души о ней самой и о ея цѣлостномъ пониманіи божьяго міра, центръ малаго міра въ его страданьемъ и борьбою купленнымъ (такъ или иначе) отождествленіемъ съ центромъ великаго міра.

Мучась вопросомъ художественнымъ, Гоголь въ то же самое время мучился и вопросомъ нравственнымъ, окончательно добываясь отъ себя правды въ его разрѣшеніи... Онъ внутренне огорчался своимъ призваніемъ выставлять пошлость пошлаго человѣка, т. е. снимать личину эффектной наружности съ того, что въ сущности обыкновенно, и что обличное становится пошлымъ. Его огорченіе проглядываетъ почти во всѣхъ его лирическихъ страницахъ, но у него оно оставалось только стремленіемъ къ идеалу и оправданіемъ своего дѣла, какъ отрицательнаго пути къ идеальному, между тѣмъ какъ у тѣхъ, которые были ближайшими его послѣдователями, у сентиментальныхъ натуралистовъ, оно на время обратилось въ слѣпой, хотя часто энергическій протестъ за безсильнаго человѣка.

Но дѣло въ томъ, что какъ ни развернулись впоследствии сѣмца гоголевскаго обличенія несостоятельности, и къ чему ни повели она, гоголевскій анализъ разбилъ несостоятельныя показныя формы.

Въ свою очередь, сама бессознательная литература сороковыхъ годовъ, столько же, если еще не болѣе, подорвала кредитъ Гоголя, за что она ратовала, кредитъ этихъ «необъятныхъ» силъ, гибнущихъ въ смрадной дѣйствительности... Дошло дѣло до того, что реакція самаго узкаго, мѣщанскаго или, что еще хуже, бюрократическаго протеста за дѣйствительность при пособіи замѣчательнаго виѣшняго таланта г. Гончарова, встрѣчена была сильнымъ сочувствіемъ, дошло до того, что читались даже фантастически-ложныя повѣсти г. Дружинина съ его *идь-то*, въ какихъ-то фантастическихъ вѣдомствахъ дѣйствующими на «пользу общую» героями, что Писемскій дошелъ до *положительнаго* Калиновича.

И вотъ, почти одновременно съ началомъ реакціи, старыи лермонтовскій типъ, размѣнявшійся на героевъ и героинь сороковыхъ годовъ, вдругъ вздумалъ повториться буквально...

Бываютъ странныя книги, но едва ли найдется книга страннѣе и коли хотите, знаменательнѣе «Тамарина» — г. Авдѣева, этого загадочнаго таланта, наивно-повторившаго *формы* лермонтовскаго

типа и наивно же доведшаго въ «Подводномъ камнѣ» до крайнихъ граней нелѣпности идсю эмансипаціи.

Гоголь заставилъ насъ сомнѣваться въ нашей личности и ея состоятельности; литература сороковыхъ годовъ подорвала кредитъ обилія «необъятныхъ» силъ въ нашемъ быту; Тургеневъ болѣзненно отмѣтилъ большинство изъ насъ куцыми, — но развѣичать исключительный типъ Лермонтова можно было не иначе какъ повторивши его въ тѣхъ же самыхъ формахъ, въ которыхъ онъ явился у поэта, съ важною вѣрою г. Авдѣева въ законность этихъ формъ.

II

Съ фигурой лермонтовскаго героя знакомы болѣе или менѣе всѣ, знакомо вѣроятно и поколѣніе юныхъ Базаровыхъ, хотя оно вообще ничего вчерашняго не читаетъ, но наивное повтореніе типа г. Авдѣевымъ совершенно забыто, и потому я считаю необходимымъ напомнить его многозначительное содержаніе.

Повтореніе началось съ повѣсти «Варинька», которую г. Авдѣевъ напечаталъ въ «Современникѣ» 1849 года. Авторъ назвалъ свой рассказъ повѣстью Ивана Васильича. Иванъ Васильичъ, нѣчто вродѣ Максима Максимыча, только разумѣется въ немъ нѣтъ и тѣни той высокой художественной истины, той неподражаемой простоты, съ которыми начерченъ знакомый всѣмъ образъ у Лермонтова. Иванъ Васильичъ помѣщикъ, не очень старій и не очень молодой, находится нѣкоторымъ образомъ подъ туфлюю дражайшей половины. Но еслибъ вы знали какъ поэтически подчасъ описываетъ женскую красоту этотъ помѣщикъ. Его половина вѣрно бы сказала при этомъ случаѣ: «Ахъ Антоша, какія ты слова употребляешь!» только разумѣется съ инымъ чувствомъ, нежели горюничиха. Вообще Иванъ Васильичъ, за которымъ хотѣлъ скрыться авторъ, неудался ему. Иванъ Васильичъ, собравшись по приѣздѣ изъ Москвы (куда онъ ѣзнилъ перезакладывать имѣніе въ опекунскій совѣтъ) навѣстить всѣхъ своихъ сосѣдей, прежде всего ѣдетъ къ Сергѣю Петровичу Тamarinу, богатому молодому человѣку, который принужденъ жить въ своемъ Рыбномъ. Сергѣй Петровичъ утомленъ жизнью, что и высказываетъ даже Ивану Васильичу, да и малыи что высказываетъ. Ему напримѣръ приносятъ при Иванѣ Васильичѣ раздушонную записку; добрый Иванъ Васильичъ и не спросилъ бы вѣроятно изъ учтивости, отъ кого эта записка, но онъ самъ ему объявляетъ, что записка отъ баронессы Б. Впрочемъ онъ человѣкъ весьма порядочный, даже великосвѣтскій: завтракаетъ съ чаемъ

ветчину, къ крайнему удивленію степныхъ помѣщиковъ; у него есть и конь арабской породы, и т. д. За этимъ рассказчикъ ѣдетъ павѣстить свою сосѣдку, Мавру Савишну, у которой есть дочь Варинька. Въ восемнадцать лѣтъ она дошла уже до того, что «любила всѣхъ и потому никого не любила». За ней ухаживаетъ добрый Володя, но ее тревожитъ еще незнакомый ей Тамаринъ, о которомъ пріятельница, «губернская дѣвушка и львица», пишетъ ей, что его въ школѣ прозвали демономъ... Въ этомъ названіи, которое Иванъ Васильчъ и всѣ другіе, даютъ на каждомъ шагу Тамарину, небольшая разница между нимъ и Печоринимъ, котораго, какъ извѣстно, такъ не называли. Варинька требуетъ, чтобъ Иванъ Васильчъ свелъ ее съ демономъ. Доброму Ивану Васильчу разумѣется показалось это почему-то непонятно; но онъ исполнилъ ея желаніе, исполнилъ даже въ большей степени, нежели она просила: «позвалъ къ себѣ не только Тамарина, но и баронесу Б., даму лѣтъ двадцати-трехъ, высокую, худенькую, стройную и очень блѣдную. Лицо у нея было предоброе, но въ большихъ черныхъ глазахъ было много смѣлости и цинизма: эта женщина должно-быть испытала горе, но не поддавалась ему. Кто будетъ глядѣть на одно лицо, тому будетъ жалко; кто взглянетъ въ глаза — холодно отвернется отъ нея». Значитъ она покрайней-мѣрѣ не похожа на Вѣру. Послѣ свиданія съ Тамаринимъ, Варинька пишетъ къ подругѣ письмо. Изъ письма этого открываются слѣдующія обстоятельства: 1) Она думала встрѣтить демона — брюнета, а встрѣтила блондина; впрочемъ нашла, что демонъ подъ этой личной гораздо опаснѣе ея идеала; 2) что она подслушывала разговоръ его въ саду съ баронесой, вышедшей съ нимъ вслѣдствіе того, что во взглядѣ его была какая-то воля; баронеса тоже звала его демономъ и между-прочимъ боялась, чтобъ онъ не слишкомъ занялся Варинькой, которой ему очень легко вскружить голову. По этой причинѣ Варинька рѣшилась мстить *демону* в покорить его, но вскорѣ призналась въ письмѣ къ подругѣ, что онъ «разнообразенъ, новъ, великъ». Тамаринъ въ разговорахъ съ нею говоритъ, что «когда пройдешь полжизни, не драпируясь ни въ какія чувства, тогда рождается горькое убѣжденіе» и т. д. и между тѣмъ драпируется ужасно. Послѣ разговора съ Варинькой, Тамаринъ «прошолъ два раза по алеѣ, зашолъ на пять минутъ къ Маврѣ Савишнѣ и уѣхалъ очень довольный собою», — точь-вточь Печоринъ, послѣ того, какъ ему удалось взбѣсить Мери покупкой ковра. Автору впрочемъ самому стало какъ-будто совѣстно за самодовольство своего героя. Тамаринъ сидитъ и думаетъ въ своемъ кабинетѣ. «О чемъ онъ думалъ? Богъ вѣдаетъ: его лицо такъ привыкло не выдавать тайныхъ думъ, что и наединѣ, какъ въ гостиной, оно было по привычкѣ хо-

лодно, спокойно и безмолвно. Только въ его глазахъ было выраженіе. Это не было выраженіе мелочного самодовольства, удовлетвореннаго самолюбія. Нѣтъ, въ нихъ было гордое выраженіе чловѣка, сознавашаго собственную силу, что-то похожее на благородное торжество оскорбленнаго самолюбія, которому отдали должную справедливость.» Онъ все жаловался, что «его никто не любитъ этой любовью, которая не выпрашивается волокитствомъ, не возбуждается насильственно-романтическими чувствами, театральными положеніями.» На сколько онъ способенъ отдаться такой любви, мы увидимъ далѣе. Баронеса приходитъ къ нему ночью и умоляетъ его оставить Вариньку. Онъ даетъ слово покончить съ ней завтра. Онъ началъ было уже и исполнять это слово, т. е. совѣтывать Варинькѣ не любить его (извѣстно, что это значитъ въ переводѣ); но во время разговора получилъ письмо отъ баронессы, которая прощается съ нимъ, раскаяваясь въ томъ, что «когда-то нанесла ударъ его страшному самолюбію, безпощадно пронзила его *мякое, дѣтское* сердце». Получивъ письмо, Тамаринъ говоритъ Варинькѣ: любите меня хоть немного! Потомъ къ нему приѣзжаетъ свѣтскій фатъ, который пугаетъ его тѣмъ, что онъ растолстѣетъ, когда женится, и Тамаринъ уѣзжаетъ съ нимъ въ другой городъ. Варинька ѣдетъ за нимъ въ тотъ же городъ, къ крайнему прискорбію Ивана Васильича, который впрочемъ кругомъ виноватъ въ этой исторіи.

Въ городѣ Н., какъ видно, не нашлось добраго Ивана Васильича, котораго бы *демонъ* могъ удивлять тѣмъ, что утренній чай замѣняетъ завтракомъ, и онъ принялся писать дневникъ. Оно шаче и быть не можетъ: Печоринъ писалъ дневникъ, какъ же ему не писать? Въ глазахъ его нѣтъ вѣдь ничего замѣчательнѣе его собственной достолюбезной личности. И начинается онъ откровенія высокой души своей, какъ слѣдуетъ истинному демону. «Умереть со скуки — говоритъ онъ — выраженіе чисто иперболическое. Миѣ кажется, я началъ скучать съ тѣхъ поръ какъ въ первый разъ чихнулъ при рожденіи, однако слава-богу живу до-сихъ-поръ.» И какъ вѣдь онъ радъ бѣдный своей якобы остроумной выходкѣ (надъ которой, замѣтимъ въ скобахъ, точно помрутъ со смѣха всѣ господа, скучающіе отъ бездѣлья, и всѣ барышни, ожидающія появленія такого демоца, чтобы ему отдаться, подразумѣвается платонически) какъ онъ доволенъ, что не принадлежитъ къ счастливымъ, которыхъ смиренный умъ живетъ помаленьку; съ какими торжествомъ причисляетъ онъ себя къ «семьѣ праздношатающихся умниковъ, которые неумѣютъ примирить дѣятельность души, съ дѣятельностью жизни.» Между прочимъ, объявляетъ онъ, что не хочетъ жить вмѣстѣ съ Островскимъ, тоже однимъ изъ лицъ повѣ-

стя, приводя поговорку, что «два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутся, хотя онъ (Островскій) и доказывалъ, что эта поговорка не относится ко львамъ» — мѣсто замѣчательное въ высшей степени по своей претензіи... Далѣе онъ жалуется на свѣтъ за то, что этотъ свѣтъ говоритъ кое-что объ отношеніяхъ его къ Варинькѣ, но тутъ онъ явно жметъ внутренно: онъ очень доволенъ этими толками, потомучто дѣлалъ и будетъ дѣлать все возможное для ихъ возбужденія. Вообще этому достойному господину нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, развѣ только проговорится какъ-нибудь, по врожденной пустотѣ и хлестаковской вѣтренности. Нельзя ему вѣрить, когда онъ, какъ наивная пансіонерка, груститъ о томъ, что у свѣта всегда черный взглядъ на вещи; нельзя ему вѣрить и въ его скукъ. Самъ же онъ пробалтывается, что ему скучно оттого что нѣтъ Вариньки. И Варинька, впрочемъ не нужна ему, какъ она сама, — ему пріятно было рисоваться передъ нею, парадировать своимъ непризнаннымъ величіемъ, своими грошовыми страданіями. «Я любилъ, пишетъ онъ, — задумчивый, любящій взглядъ ея темно-голубыхъ глазъ, когда по праву сельской свободы, сидя вдвоемъ въ саду, въ теплый осенній вечеръ, я передавалъ ей свои холодныя убѣжденія или рассказывалъ пеструю новѣсть моей прошедшей жизни, а она слушала, пристально смотря на меня хорошенькими глазками, и казалось хотѣла спросить меня, неужели ты все это пережилъ и перечувствовалъ? И нѣтъ морщинъ на твоемъ челѣ! и нѣтъ въ кудряхъ сѣдого волоса! и весело можешь ты смотрѣть на всеневную жизнь!» Чувствуете ли вы, какъ привольно ему, блѣдному сколку съ Печорина, какъ сладко ему поклоненіе и удивленіе неопытной дѣвочки, основанныя единственно на томъ, что она не знаетъ его; какъ по-сердцу эта ложь его истомленной ложью натурѣ?.. Что за дѣло, что никто, кромѣ незнающей свѣта дѣвочки или перезрѣлой женщны, не повѣритъ въ это величіе, — онъ доволенъ и такимъ поклоненіемъ. Тутъ онъ искрененъ, потомучто тутъ онъ наввно обличаетъ себя самого въ возмущающей душу лжи; искрененъ онъ и вслѣдъ затѣмъ говоря: «Смѣшное, смѣшное! вотъ бичъ, отъ котораго блѣднѣетъ наше поколѣніе! вотъ слово, которое убиваетъ хуже чумы», и т. д. Тутъ онъ весь наголо, со всюю своей пустышкой, пошленькой и даже трусливой природой, онъ, имѣющій необъятныя претензіи на демонизмъ. Не бойтесь за его скуку: она не доведетъ его до какого-либо эксцентрическаго поступка; она разсѣется тотчасъ же, какъ только войдетъ онъ опять въ свою сферу.

Варинька съ матерью скачетъ за нимъ въ городъ Н. Но тутъ у нея есть уже наперсница Наденька, зрѣлая дѣва, которую Тамаринъ

весьма не любить, можетъ-быть потому, что она очень сходна съ нимъ, что въ ней, по его собственному выраженію, такъ мѣткому, «все ложно, начиная съ чувствъ и до косы включительно». Вотъ наконецъ и сфера дѣятельности, вполне достойная его великой души: начинается борьба, въ которой онъ можетъ выказать свои блестящія качества, употребить въ дѣло всю свою тактику. Тактика эта немудреная, хоть и всегда сильная въ отношеніи къ дѣвчонкѣ; вся она заключается въ способности не краснѣть, когда уличаютъ въ лвной лжи или лицемѣрїи, въ умѣнїи незатрудняться таинственнымъ и ничего не значущимъ отвѣтомъ, когда дѣлаютъ щекотливый вопросъ. Тамаринъ любитъ эти ничего не разрѣшающіе отвѣты, какъ любитъ всякую недосказанность, ложь положенія. Онъ страшно доволенъ первою встрѣчей съ Варинькой. «Теперь, говоритъ онъ, наши взаимныя отношенія такого рода, что отъ нихъ такъ же близко къ короткости, какъ и къ совершенному разрыву.» Далѣе онъ разсуждаетъ и честно и неоспоримо логично: мы скоро дойдемъ до той точки, на которой порядочные люди или разрываютъ связь, или женятся. Разрывъ тогда будетъ труднѣе, чѣмъ теперь, а жениться я не намѣренъ. Другой аргументъ (!), мнѣ порядочно скучно; если я не буду занятъ Варинькой, мнѣ будетъ еще скучнѣе; къ тому же Варинька меня любитъ, и разрывъ со мною очень огорчитъ ее.» (Что за нѣжная гуманность!) «Спрашивается благоразумно ли будетъ обречь себя на скуку, а Вариньку на печаль изъ одной болѣзни будущаго? Это сцѣпленіе обстоятельствъ такъ запутано, что я рѣшаюсь посоветываться съ Федоромъ Федорычемъ.»

И вотъ, по щучьему велѣнью, является Федоръ Федорычъ, такая же жалкая пародія на доктора Вернера, какъ самъ Тамаринъ жалкая пародія на Печорина. «Мы не были съ нимъ друзьями, потому что не вѣрили въ дружбу, не были большими прїятелями, потому что уважали другъ друга.» Что это такое? — спроситъ удивленный читатель. Мы сознаемся въ нашей ограниченности. Бесѣда Тамарина съ Федоромъ Федорычемъ исполнена такихъ дикихъ претензій со стороны двухъ этихъ господъ, что ее слѣдовало бы выписать цѣлкомъ въ назиданіе читателей. Федоръ Федорычъ еще послѣдовательнѣе Тамарина: онъ до того послѣдователенъ, что становится даже комиченъ. «Да чтожъ въ самомъ дѣлѣ? — говоритъ онъ по поводу отношеній Тамарина къ Варинькѣ. — Вы дали Варинькѣ нѣсколько слезъ, ту боль сердца, которая называется страданіями; да вѣдь это страданія моральныя и относительныя! Они зависятъ отъ раздражительности нервовъ и чувствительности сердца; какія это страданія! Это не кусокъ черстваго хлѣба, не жесткая скамья

да продранное платье! вотъ страданія такъ страданія! За то знаете ли что вы дѣлаете этимъ? Вы ее избавите отъ скуки. Боже! какъ это много! Вы ей доставите право говорить своимъ подругамъ и вамъ впоследствии, что вы разбила ее жизнь, что вы отравили ее лучшія вѣрованія и проч. и проч. Великое для дѣвицы право! И браня васъ, подруги ея будутъ тайно думать, счастливица эта Варинька! И подруги ея будутъ правы, потому что вы ей дадите жизнь, и сама Варинька съ наслажденіемъ вспомнитъ пережитое время. А вы гордо будете скучать своимъ успѣхомъ, смѣясь надъ мифіемъ старухъ вмѣстѣ къ молодежи.» Комично все это потому, что есть тутъ своя относительная правда, т. е. правда въ отношеніи къ тому мѣражу жизни, какимъ жила извѣстная часть нашего общества, что все это какъ-будто цѣлкомъ взято изъ разныхъ повто-вовъ, на разные тоны взывавшихъ во время оно о горломъ страданіи, о блаженствѣ страданія, и о прочемъ. Дѣйствительно, и Тамарину и Варинькѣ жизнь не въ жизнь безъ глубокихъ страданій, безъ душевныхъ язвъ; жизнь не въ жизнь, если сердце у нихъ не разбито, лучшія вѣрованія, которыхъ собственно никогда и не было, не отравлены. Во чтобы то ни стало, надобно разбить сердце, — ктожь это живетъ съ неразбитымъ сердцемъ! Какъ это жизнь пройдетъ безъ повторенія драматическаго отношенія:

Они любили другъ друга такъ долго и вѣжно,
 Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной,
 Но какъ враги избѣгали признанья и встрѣчи,
 И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.

Какъ же наконецъ не растаться въ безмолвномъ и гордомъ страданьи? Горе въ самомъ дѣлѣ женщинѣ, которая не насловала себя для воспроизведенія подобной драмы; горе, если здоровье и свѣжее сердце отдала она любящему и любимому человѣку. Нѣтъ, давайте намъ страданья, во что бы то ни стало, — давайте прошедшаго и вѣчнаго воя о прошедшемъ, хотя бы это прошедшее само въ себѣ не стояло ровни ничего, хотя бы полнѣе и смысломъ и жизнью было настоящее.

Но мы увлеклись тирадою доктора Верриера (онъ же и Федоръ Федорычъ), будемте слѣдить дальше драматическія отношенія Тамарина съ Варинькой. Тамаринъ снова позволяетъ себѣ увлечься ею, сознается, что онъ счастливъ, совершенно счастливъ, и между тѣмъ восклицаетъ: «какая скука быть совершенно счастливымъ!» Отчего же въ самомъ дѣлѣ это противорѣчіе? Да просто оттого, что ни въ Тамаринѣ, ни въ Варинькѣ нѣтъ условія для счастья, что всю непосредственность чувства подтачиваетъ у нихъ холодное разсужде-

ніе, и притомъ не самобытное, а внѣшнее, такъ-сказать наносное. Оба они вообще подъ вліяніемъ qu'en dira-t-on, и въ частности *глубокій мыслитель* Тамаринъ (каковымъ онъ самъ себя признаетъ такъ откровенно) подъ вліяніемъ пьяной или праздно болтовни Островскаго, а она, эта страстная и свѣжая Варинька, подъ вліяніемъ мелочныхъ расчетовъ своего друга, Надиньки, и вмѣсто того, чтобы любить беззавѣтно, безъ задней мысли, «ожесточаетъ сердце дружбой», по выраженію одного непечатавашагося поэта.

Тамаринъ самъ довольно ясно понимаетъ то странное настроеніе души, которое обладаетъ имъ и Варинькой: «что за странная прихоть сердца — говорить онъ — составлять несчастную любовь, тогда какъ у насъ есть всѣ условія для счастливой любви? Въ самомъ дѣлѣ нашу любовь можно назвать несчастной, потому что сумма маленькихъ страданій составитъ одно большое. У дикихъ, у необразованныхъ людей есть пожъ, есть кровь, есть убійства и истязанія. У насъ, людей отполированныхъ, нервы такъ раздражены, чувствительность такъ утончена, что мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ такимъ сильнымъ и грубымъ средствамъ: у насъ есть другія мученія, — невниманіе, равнодушіе, предпочтеніе и насмѣшка — убійственная насмѣшка! И Боже мой! какъ иногда глубоко и тяжело страдаетъ самолюбивый человѣкъ отъ одного неблагосклоннаго взгляда или небрежнаго отвѣта.»

Въ какой степени легко уязвляемо самолюбіе Тамарина, показываютъ его дальнѣйшія отношенія съ Варинькой. По поволу того, что ей вздумалось подразнить его ревность букетомъ довольно пустого юноши, Володи Имщина, онъ рѣшительно выходитъ изъ себя, или лучше сказать, тутъ-то именно онъ и вошелъ опять въ свою колею, попалъ на эту точку и вертится на этой линіи. Въ самомъ дѣлѣ обширное и главное поле дѣйствія раскрывается передъ Ловласомъ города Н^н: уничтожить минутное торжество презрѣлой дѣвы, сокрушить пробудившуюся гордость въ дѣвочкѣ, стереть съ лица земли соперника, котораго нельзя серьезно и счесть соперникомъ. Читая описаніе его подвиговъ, мы повторяли слова невзвѣстнаго критика современника о Ловласѣ Ричардсона: «Не слышите ли въ этомъ взрывѣ гордаго восторга нѣчто подобное радостному реву льва, подкарауливашаго добычу?»

Средство, избираемое Тамаринымъ для мести, разумѣется женщина. именно Марія Б., прозванная Маріонъ имъ и его друзьями. Является по крайней-мѣрѣ хоть одно лицо, взятое не цѣликомъ изъ романа Лермонтова, хотя такъ же мало какъ и другія, взятое изъ дѣйствительности. Маріонъ *разумѣется* замужемъ, *разумѣется* также мужа своего въ грошъ не ставитъ. Она пережила уже все,

что может пережить женщина, — и говорит она иногда точно как женщина много пережившая, но непонятно только, как она не видит насквозь Тамирина, т. е. не презирает его. Онъ же самъ говоритъ, противъ обычая своего, довольно откровенно: «какъ должны быть смѣшны въ ея глазахъ мы, маденькіе Ловласы съ нашими маленькими страстями и маленькими объясненіями.» А между тѣмъ на балу, куда она отправилась съ букетомъ Тамирина, за которымъ этотъ послѣдній посылалъ чуть не за сто верстъ, Марионъ прямо говоритъ ему, что она могла бы имъ увлечься, еслибы не пережила такъ много. Вообще вся эта сцена съ Марионъ, хоть и не найдется въ романѣ Лермонтова, зато такъ и отзывается извѣстнымъ стихотвореніемъ поэта:

Какъ ты, кружась въ весельи шумномъ,
 Не замѣчая никого,
 Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
 Живу для сердца своего...
 Въ толпѣ другъ друга мы узнали,
 Сошлись и разошлись вновь,
 Была безъ радостей любовь,
 Разлука будетъ безъ печали.

Во всей этой сценѣ такъ и сквозитъ повсюду задняя мысль автора: опоэтизировать отношеніе Тамирина и Марионъ, какъ двухъ существъ равно высшаго разряда, равно принадлежащихъ къ беззаконнымъ кометамъ въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ, равно разубѣжденныхъ и равно неспособныхъ отлаться увлеченіямъ: отношеніе въ самомъ дѣлѣ трагическое въ стихотвореніи великаго поэта, и возбуждающее невольный смѣхъ, когда имъ прикрываются губернскіе львы и львицы. Г. Авдѣевъ уловилъ даже новый поэтический оттѣнокъ этого отношенія; это минута, когда Тамиринъ и Марионъ собираются на балъ и отдаютъ какому-то молодому, благоуханному навію. Въ самомъ дѣлѣ, представьте въ этомъ состояніи души одного изъ грозныхъ героевъ Байрона, за нѣсколько минутъ до совершенія какого-либо страшнаго дѣла, или одну изъ истинно жившихъ и страдавшихъ героинь Занда, — эффектъ выйдетъ поразительный. Но развѣ можно дорожить подобною минутою въ Тамиринѣ? Всѣ страшныя дѣла его заключаются въ весьма невинныхъ дѣтскихъ шалостяхъ, да въ хлестаковскихъ выходкахъ, а Марионъ мы вовсе не знаемъ, потому что нельзя же вѣрить рекомендаціи Тамирина. Что она говоритъ умно — это ровно ничего не доказываетъ. И самъ герой г. Авдѣева, вращаясь въ безвыходномъ и тѣсномъ кругѣ своихъ идеескъ, мимоходомъ говоритъ вещи несовсѣмъ пошлыя; такъ напримѣръ ему удалось довольно рѣзко ука-

Затѣ на странности женской дружбы: «Несмотря на все мое вліаніе надъ Варянькой — говоритъ онъ — я не могу разубѣдить ее (т. е. говоря порусски — убѣдить, потому что съ предлогомъ *разъ* смыслъ выходитъ противоположный), что между двумя дѣвочками это чувство неестественное, что это просто взаимное обморочиваніе, средство для одной нѣтъ вліаніе на другую. Такъ нѣтъ! говоритъ, что я не понимаю этого чувства, что я скептикъ, что я ошибаюсь. А просто на этихъ губернскихъ барышень находятъ какое-то бѣшенство на дружбу. Увидятся во второй разъ въ жизни и ужь ходятъ подъ руку, такъ что ихъ водой не разольешь: увѣряютъ другъ друга во взаимной симпатіи и расскажутъ про себя всю подноготную. Затѣмъ начинается переписка, обмѣнъ колецъ и браслетовъ, внутри коихъ вырѣзывается: А. à son amie В., годъ, мѣсяць и число. Все это продолжается разумѣется до первой кости, послѣ чего слѣдуютъ объясненія, чувствительныя сцены, разрывъ. Тотчасъ послѣ этого выбирается съ обѣихъ сторонъ новая подруга: ей жалуются на старую, рассказываютъ всѣ ея малеушкіе секреты, которые послѣ этого отправляются по городу, и опять та же пѣсня.»

Тамарину ни разу не удавалось быть такъ мѣтко злымъ въ своихъ запискахъ: по большей части онъ предобрый, въ особенности въ отношеніи къ своимъ собственнымъ маленькимъ слабостямъ, отъ которыхъ, какъ извѣстно, не свободны и великіе люди. Одна изъ этихъ маленькихъ слабостей великаго человѣка, — привычка неумѣренно радоваться маленькимъ триумфамъ, или лучше сказать оваціямъ. Какъ онъ въ духѣ на этомъ балѣ, гдѣ удастся ему взбѣсить Варяньку: онъ весь распустился, какъ Маниловъ передъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ, онъ, гордый демонъ, ходячій скандалъ, предметъ ужаса всего города Н.! «Мнѣ захотѣлось быть первымъ между всею молодежью, и я успѣлъ въ этомъ. Я не пропустилъ безъ вниманія ни одной дамы, будь она sur le tout, ни одной дѣвицы, будь она зрѣлой дѣвой, и даже дѣвицы говорили обо мнѣ: il est charmant. Я даже не оставилъ въ покоѣ стариковъ и старухъ: и старики и старухи были отъ меня въ восхищеніи.» Восторгъ его не знаетъ наконецъ предѣловъ, когда удастся ему новый многотрудный подвигъ одурачить Володю Имшина... и вслѣдъ за тѣмъ, оканчивая первую тетрадь своихъ записокъ, опять нацѣваетъ на себя передъ самимъ собою маску демона и спрашиваетъ себя самодовольно: «неужели я началъ уже старѣться?» не подозрѣвая въ душевной простотѣ, что маска, надѣваемая имъ на себя, дѣйствительно состарѣлась и износилась, а у него самого, по русскому выраженію, молоко еще на губахъ не обсохло. Въ томъ-то вся и бѣда, что онъ безпрестанно наслушаетъ свою въ

сущности пустыньскую природу, надувается какъ мыльный пузырь. Самообманываніе обратилось у него въ болѣзнь, и къ сожалѣнію эта болѣзнь неизлечима, потомучто ничто не вырветъ его изъ заколдованнаго круга ограниченнѣйшихъ понятій, и въ этомъ кругѣ есть для него всегда возможность примиренія съ самимъ собою. До старости онъ будетъ поэтизировать свои маленькія страданія и придавать важность мельчайшимъ событіямъ своей пустой и праздной жизни.

Мы не станемъ анализировать въ подробности вторую тетрадь его записокъ. Скажемъ только, что изъ Печорина онъ обращается подъ конецъ въ Онѣгина, выдавши Вариньку замужъ за Володю Имшина, терзаетъ ее неотвязною любовью, прежде разумѣется насильственно истерзавши самого себя. «Я не ухаживаю за Варинькой — пишеть онъ черезъ нѣсколько времени послѣ ея сватъбы, — не потому, чтобы это было слишкомъ рано, а изъ боязни уронить себя въ ея глазахъ. Я увѣренъ, она бы оскорбилась и не простила бы мнѣ моего волокитства. Но сознаюсь, меня что-то влечетъ къ ней, что? не знаю! Можетъ-быть привычка, прелесть потеряннаго, или наконецъ избалованное самолюбіе, которое безпрестанно запрашиваетъ все болѣе и болѣе. Впрочемъ надобно и то замѣтить, что теперь Варинька не деревенская дѣвочка: она имѣетъ всю заманчивую привлекательность женщины, да еще въ добавокъ такъ недавно пострадавшей опытность. Еще одна новая, тщательно скрываемая черта варинькина характера притягиваетъ меня своей загадочностью: мнѣ удалось подмѣтить въ ней какую-то внутреннюю сухость, какой-то душевный холодъ и т. д.»

Не правда ли, что здѣсь всякая черта напоминаетъ стихъ изъ Онѣгина: то

Запретный плодъ намъ подавай,
А безъ того намъ рай не въ рай;

то:

Не потому-ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;

то наконецъ:

У! какъ теперь окружена
Крещенскимъ холодомъ она.

Удивительно только то, что Варинька, по всѣмъ вѣроятностямъ читавшая Онѣгина, ни разу не отвѣчаетъ Тамирину этими стихами, а напротивъ повторяетъ съ нимъ отъ полноты убѣжденія послѣднюю сцену пушкинскаго романа.

Наконецъ Тамаринъ рѣшается уѣхать лечиться отъ воображае-

мыхъ болѣзней. «Сельскій воздухъ, говорятъ, живителенъ» — замѣчаетъ онъ съ важностью.

И вотъ онъ въ деревнѣ; онъ хочетъ, говоря высокими слогами, «успокоить измученную грудь на лонѣ природы.» Не надѣйтесь, чтобы искренно сочувствовалъ онъ природѣ — штъ! на пее самую съумѣетъ онъ навести сѣренькій, туманный колоритъ своей мелкой тоски, и въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, онъ постарому будетъ становиться на ходули. Онъ будетъ вспоминать только о томъ что бесполезно пролетѣло передъ нимъ, а внутри себя радоваться тому, что оно пролетѣло передъ нимъ бесполезно. Нельзя иначе: онъ долженъ же до конца пародировать своей жизнью стихи поэта, доживать вѣкъ по заданной напередъ темѣ, повторять самодовольно о себѣ самую извѣстную строфу изъ «сказки для дѣтей»:

Душа ея была

Изъ тѣхъ, которымъ рано все повитно;
Для мукъ и счастья, для добра и зла.
Въ нихъ пищи много. Только невозвратно
Идутъ онѣ, куда ихъ повела
Случайность. Безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы, имъ въ жизни нѣтъ уроковъ,
Ихъ чувствамъ повторяться не дано...

Дальше кажется нельзя было вати въ пародіи, какъ повялъ г. Авдѣевъ, не думавшій впрочемъ нисколько о пародіи.

Жизнь должно-быть за него думала. Жизни нужна была пародія для того, чтобы разбить формы завѣтнаго типа, какъ незаконныя, шелочныя и условныя.

Переступивши этотъ шагъ повторенія, сознаніе уже смѣло принялось за простое разоблаченіе.

Нигдѣ можетъ-быть разоблаченіе всего комическаго въ условныхъ формахъ типа не совершено съ такою честною послѣдовательностью, какъ въ одномъ изъ умныхъ «провинціальныхъ писемъ» г. Анненкова; на одной изъ забытыхъ теперь фигуръ ихъ, на «Володѣ Верженцевѣ», я считаю столь же необходимымъ остановиться, какъ на «Тамаринѣ». Володя Верженцевъ, ни болѣе ни менѣе какъ разоблаченный Тамаринъ, *герой нашего времени*, сведенный съ ходуль, поставленный къ лицу съ настоящею дѣйствительностью и оказавшійся лицомъ крайне комическимъ. Очеркъ его неболѣе какъ очеркъ, схватывающій только рѣзкія черты лица; авторъ «провинціальныхъ писемъ», какъ извѣстно, вовсе не художникъ, а просто умный человѣкъ, который прямо, смѣло и просто смотрять на явленія жизни.

Начавши свое письмо злымъ и остроумнымъ разъясненіемъ значенія товарищей дѣтства вообще, авторъ рассказываетъ объ одномъ изъ такихъ товарищей.

«Звали его — говоритъ онъ — Вольдемаромъ, но этимъ пышнымъ именемъ красовался онъ на сторонѣ, а между нами извѣстенъ былъ подъ именемъ Володи. На двадцатомъ году своего возраста, Володя отличался добродушіемъ, мягкосердіемъ, терпѣніемъ и кротостью, — всѣми добродѣтелями прекраснаго молодого человѣка. Его можно было тогда посадить за книгу и оторвать въ какое угодно время отъ книги, увѣрить, что онъ гениальный человѣкъ, и черезъ часъ убѣдить, что онъ пустой человѣкъ; принудить его цѣлую недѣлю ѣсть хлѣбъ и соль изъ презрѣнія къ расточительности и матеріальнымъ наслажденіямъ, а потомъ въ одинъ день заставить промотать все свое мѣсячное жалованье. Надо сказать къ стыду товарищей, что послѣднюю штуку они довольно часто повторяли съ нимъ.»

Итакъ товарищъ дѣтства автора, какъ видится изъ дѣла, принадлежитъ къ числу людей, что-называется безхарактерныхъ, мягкихъ какъ воскъ и всегда готовыхъ подчиняться чужому вліянію, особенно если съумѣютъ возбудить ихъ самолюбіе, до крайности раздражительное. Для нихъ не существуетъ ясно сознанныхъ понятій о дурномъ и хорошемъ, о справедливомъ; у нихъ нѣтъ даже прочныхъ привязанностей ни къ людямъ, ни къ занятіямъ. Ихъ можно вести куда угодно и какъ угодно; раздраживши ихъ самолюбіе, можно заставить ихъ рѣшиться даже на самыя эксцентрическіе поступки, повидимому совершенно противорѣчащіе ихъ мягкой натурѣ. Такіе люди всего болѣе боятся того, чтобы не замодѣржали въ нихъ безхарактерности, робости и слабости, и случается даже, что они долгое время сльвуть за людей рѣшительныхъ, энергичныхъ, пока наконецъ не оборвутся на какомъ-нибудь ничтожномъ обстоятельствѣ.

«Въ одну эпоху молодости — продолжаетъ авторъ — Володя былъ сильно занятъ вопросомъ: къ какому роду людей принадлежитъ онъ? къ храброму ли десятку или къ благоразумному отряду ихъ? Не понимаю для чего нужно ему было знать это, но только онъ навязывался съ вопросомъ ко всѣмъ своимъ собратамъ.»

Мы такъ думаемъ напротивъ, что весьма понятно, почему Володя терзался въ эту раннюю эпоху своей жизни такимъ вопросомъ. Душа его смутно чувствовала, что отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ вся его послѣдующая жизнь. Постараемся быть справедливые и нѣсколько человѣколюбивые автора въ отношеніи къ его герою. Также самая раздражительная восприимчивость, которая со-

вадала въ немъ столько смѣшныхъ и ложныхъ сторонъ, могла при другихъ обстоятельствахъ послужить основою для благороднѣйшихъ стремленій.

Но окружающіе людьми, изъ которыхъ одни утверждали, что онъ болѣе походить на труса и въ мнѣ опроверженія заставляли его спускаться по жолобу съ верхняго этажа, лазить по крышамъ, перескакивать овраги и т. п., другіе наоборотъ предполагали, что онъ имѣетъ врожденное чувство доблести, которое еще въ немъ не развито, и заставляли его дѣлать почти тоже самое.

Окруженный натурами болѣе его опытными, но столько же чувствыми, Володя совершенно растерялся; подстрекаемый безпрестанно къ эксцентрическому, привыкъ самъ отъ себя требовать постоянно крайностей. Отъ такого состоянія одинъ только шагъ къ другому, въ которомъ человѣкъ, безъ великаго зазрѣнія совѣсти, становится на ходули, причисляетъ себя къ числу избранныхъ натуръ, которыя «невозвратно плутъ къ чему ихъ повела случайность», самую безосновность свою считаетъ за безграничность стремленій, безодержательность за широту души, которой «мира недовольно». И такимъ образомъ создався уже Фаустъ, который въ смѣшномъ самоослабленіи вызываетъ:

Хотѣлъ бы міръ обнять я мыслью безконечной

И въ смертный часъ сказать — вотъ міръ, а это я...

маленькій Чайльдъ-Гарольдъ, который готовъ надѣлать страшныхъ глупостей, чтобы создать себѣ репутацію чудовища; маленькій донъ-Жуанъ, который всякую дебелую барыню, отдавшуюся ему соп ашогге, возводитъ въ достоинство жертвы; маленькій Ловластъ, готовый *gemmer ciel et terre* для побѣдъ надъ мѣстными мисъ-Клерн.

Такимъ уже встрѣчаетъ своего товарища дѣтства г. Анненковъ черезъ десять лѣтъ. Онъ слышитъ о немъ, какъ о человѣкѣ съ каменнымъ сердцемъ, съ желѣзнымъ характеромъ. Что за чудо! думаетъ онъ.

«Вышло чудо, еще большее чѣмъ я ожидалъ. Вообразите себѣ: Володя, тотъ Володя, къ которому я чувствовалъ родъ пѣжнаго влеченія, принималъ меня какъ нельзя хуже... Онъ сблизъ меня совершенно съ толку: на первый мой порывъ связать нить нашего знакомства, порванную временемъ, Володя отвѣчалъ холодно; къ воспоминаніямъ молодости, которыми я думалъ задобрить его, онъ остался совершенно равнодушнымъ, и наконецъ всякое теплое слово мое (а какъ удержаться отъ него при встрѣчѣ съ пріятелемъ Богъ знаетъ гдѣ!) удостоивалъ ланымъ презрѣніемъ, которое даже ста-

рался и выразить такъ положительно, чтобъ никакого сожалѣнія не осталось въ умѣ моемъ.»

Иначе и быть не могло. Володя больше всего заботился о томъ, чтобъ въ самомъ дѣлѣ разорвать всѣ связи съ тою раннею эпохою жизни, когда еще для него возможенъ былъ выходъ изъ страшной жи.

«Но я замѣтилъ, продолжаетъ авторъ, одну легкую, едва видимую черту, заставившую меня продать посѣщеніе, безполезность котораго начинала проявляться довольно опутительно. Мнѣ показалось именно, что Володя заранѣе приготовилъ всю эту холодную манеру, которая должна была сказать мнѣ: ты и не воображай поддѣлывать меня чувствами, и уже не тотъ слабый человекъ, который дожилъ прежде всякими пустяками.»

Естественно, что какъ для Печорина докторъ Вернеръ, для Тамирина Федоръ Федорычъ, такъ и для Володи Верженцова необходимъ собесѣдникъ, который бы игралъ съ нимъ комедію разочарованія. Авторъ рѣшился поддѣлаться подъ его тонъ.

«Это удалось мнѣ какъ нельзя болѣе. Мы ѣдко и чрезвычайно тонко примыслились разбирать нравственныя качества насъ самихъ. Володя оживился и говорилъ какъ книга. Всѣ крупныя и мелкія черты собственныхъ характеровъ разобрали мы удивительно тонко и съ великимъ знаніемъ самого предмета. Къ концу засѣданія каждый изъ насъ имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что въ собесѣдникѣ его не остается ни свѣжаго чувства, ни свѣтлой мысли, и ничего потребнаго для составленія искренней, продолжительной связи.»

И разъ принявши на себя роль доктора Вернера, авторъ дѣйствительно достигъ самыхъ удовлетворительныхъ результатовъ. Этими результатами онъ любитъ съ злобнымъ наслажденіемъ:

«Родъ какой-то странной ежедневной комедіи сталъ развиваться передо мною съ этой минуты, — комедіи, полной самыхъ забавныхъ, самыхъ чудныхъ монологовъ. Я никогда не думалъ, чтобъ такъ много было у Володи содержанія для нихъ, но вѣдь коротко только испытанное, а заимствованіе и подражаніе безграничны какъ жизнь. То приходилъ ко мнѣ Володя мрачнѣе ночи, въ недужномъ состояніи головы и сердца, и отъ наморщенныхъ бровей его вѣло печалью, какъ отъ плакучей ивы, колеблющейся надъ свѣжей могилой. Всякое слово его повито было крепомъ, звучало мѣрно, какъ погребальный колоколъ.»

Если бы мы хотѣли отмѣчать всѣ черты, рѣзко схваченныя наблюдательнымъ авторомъ, намъ пришлось бы выискивать цѣлкомъ многія мѣста; но по этимъ немногимъ вышкамъ читателя могутъ судить, какой подвигъ со стороны г. Анненкова этотъ этюдъ,

разоблачающій до-нага надобѣвшихъ всѣмъ героевъ нашего времени. Здѣсь дорого каждое слово, каждое замѣчаніе. Въ обществѣ, Володя у него «ясенъ и блестящъ, но ясенъ и блестящъ какъ ледъ на зимнемъ солнцѣ.»

Съ иронической улыбкой смотрѣлъ онъ кругомъ себя, сънисходительно отзывался о подозрительныхъ людскихъ дѣйствіяхъ, съ недоувѣріемъ о тѣхъ, которые были похваляемы и вообще былъ страшенъ въ холодномъ спокойствіи своемъ. Только взоръ, искоса брошенный на меня — добрый Володя! — объяснилъ, что все это говорено было собственно съ одной цѣлью: показать мнѣ разницу между старымъ и новымъ Володей.

Быть, во чтобы то ни стало, выше самого себя, дѣйствительно единственное стремленіе людей, подобныхъ Володамъ, которыхъ, къ сожалѣнію, завелось не мало въ нашемъ обществѣ. Авторъ обозначилъ слегка причины такого страннаго настроенія души, но намъ кажется, что онъ не обратилъ надлежащаго вниманія на первыя впечатлѣнія ранней молодости своего героя: Володя долго служилъ потѣхою для своихъ товарищей, и разумѣется, вслѣдствіе этого, онъ безъ негодованія не могъ вспомнить о своемъ прошедшемъ. Разойтись съ нимъ, съ этимъ опостылѣвшимъ ему прошедшимъ, показать, что онъ уже не прежній, что имъ нельзя уже играть какъ шашкой, вотъ его цѣль. Но онъ и не видитъ, бѣдный, что ему суждено вѣчно быть игрушкой тѣхъ или другихъ, что для него возможна только перемѣна обстановки. Онъ весь истратился на мелочь, весь раскидался, разсѣялся, распустился: въ головѣ его хаосъ, въ сердцѣ — ложь и тьма безъ малѣйшихъ проблесковъ свѣта. Тайный, ни чѣмъ не заглушимый голосъ говоритъ ему, что такъ жить нельзя, что рано или поздно надобно выйти изъ ложнаго положенія; самолюбіе же подсказываетъ ему, что онъ, какъ высшая натура, можетъ выйти изъ лабиринта только крайними путями. И вотъ передъ нимъ стоитъ постоянно, вопреки его слабой и робкой натурѣ, обаятельный идеалъ демонской силы, абсолютнаго отрицанія; въ ушахъ его такъ и звучать стихи поэтовъ:

Какъ царь нѣмой и гордый, онъ сіялъ
Такой волшебнo-чудной красотой,
Что было страшно, и душа тоскою
Сжималася.

Или:

Ликъ молодой,
Былъ гвѣвень, полонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой не земной.

И несчастный ребенокъ начинаетъ насильственно рвать у себя

въ душѣ всѣ моральныя основы для того, чтобы и объ немъ сказалъ кто-нибудь:

Не вѣришь онъ любви, свободѣ,
 На жизнь насмѣшливо глядѣлъ.
 И ничего во всей природѣ
 Благословить онъ не хотѣлъ.

Онъ начинаетъ поддѣлывать лицо, голосъ, рѣчь, движеніе, онъ добивается отъ себя ледяной улыбки, готовъ взваливать на себя уголовныя дѣла, лишь бы походить на страшный призракъ, преслѣдующій его повсюду.

Въ минуты такого душевнаго настроенія, Володя обыкновенно садился небрежно въ кресла, сжималъ голубые глазки свои, придавая имъ выраженіе дѣтскаго добродушія, и самымъ умильнымъ голосомъ начиналъ повѣствовать, какъ не существуетъ для него ни радостей, ни огорченій въ жизни, какъ убилъ онъ въ себѣ всѣ безпокойныя стремленія, всѣ душевные и сердечные порывы, какъ счастливъ онъ одинъ съ самимъ собой, какое чудное одиночество образовалось у него въ груди, и проч. и проч.

Бѣдный ребенокъ, онъ и не видитъ, что всѣ эти огромныя претензіи расходятся съ условіями его физической и нравственной природы; что всякому зрѣлому человѣку и всякой свѣжей непочатой натурѣ, которая какъ-нибудь придетъ съ нимъ въ столкновеніе, тотчасъ же разоблачатся всѣ эти ликія претензіи; онъ идетъ безъ оглядки по выбранной имъ дорогѣ, не подозревая, что рано или поздно разразится надъ нимъ неизбежная катастрофа разоблаченія. Двоимъ образомъ можетъ совершиться эта катастрофа, смотря по тому, совершенно ли испошился человѣкъ, или осталось еще въ немъ что-нибудь нетронутое, неперемѣнное; ибо часто въ подобныхъ несчастныхъ натурахъ лежатъ залогомъ лучшаго, и въ такомъ случаѣ, опыты жизни раскрываютъ человѣку глаза и внутри его начинается кара сознанія — самая ужасная изъ каръ, но ведущая всегда къ благодатному исходу: путемъ саморазоблаченія, искреннимъ превръщеніемъ къ самому себѣ доходитъ онъ до того, что снова доискивается въ самомъ себѣ глубочайшихъ основъ, вѣры въ истинное, а не фальшивое человѣческое достоинство. Гораздо же чаще разоблаченіе не производитъ никакихъ другихъ послѣдствій, кромѣ того, что герой, «непонятый людьми», еще крѣиче закутывается въ продыранленную мантию трагическаго величія, отправляется лечиться «живительными соками природы», впадаетъ въ какое-то сонное состояніе, сонными глазами смотритъ и на себя и на природу, и умираетъ въ грезахъ того же самообольщенія. Такъ

или иначе, но катастрофа ждетъ на этомъ пути, — она же постигается и Володей. Онъ сталкивается съ натурой крѣпкой, непочатой. Авторъ «провинціальнаго письма» прекрасно очертилъ м-Не Анне, которая была Немезидою для его Володи.

Она совсѣмъ не имѣла способности къ насмѣшкѣ, къ быстрому, поражающему отвѣту, совсѣмъ не обладала даромъ всякаго выраженія мысли, но замѣчала всѣ эти качества какой-то врожденной мягкостью всѣхъ своихъ сужденій, какой-то зоркостью, невольно умилявшей васъ.

Всѣ постепенности отношенія между Володей и м-Не Анне, чуждой всякихъ претензій простой и искренней, но выѣсть съ тѣмъ чрезвычайно способной отличать правду отъ лжи и владѣющей какимъ-то чутьемъ въ этомъ случаѣ, обозначены авторомъ съ самою строгою логическою послѣдовательностью.

«Разумѣется, Володя съ первой же минуты своего знакомства почелъ за нужное показать дѣвушкѣ, полной вниманія ко всему окружающему, холодную, безстрастную маску, которой украшалось его чело, и которой она не видала еще ни на комъ. Разумѣется также, что первое впечатлѣніе дѣвушки было удивленіе. Нѣсколько времени она колебалась, не зная что думать про новое лицо, смѣло требовавшееся вниманія во имя собственнаго безобразія. Ей уже случалось читать описанія подобныхъ характеровъ въ книгахъ, но свѣжая и неопытная мысль ея никакъ не могла представить себѣ яснаго образа ихъ, несмотря на весь издержанный талантъ авторовъ.

Нечего кажется и пояснять, что здѣсь авторъ является наблюдательнымъ и опытнымъ психологомъ. Онъ не поставилъ своей героини на ходули, не придалъ ей того, чего въ ней не было и не могло быть — ранней опытности. Онъ снабдилъ ее только тактомъ, только непосредственными дарами, и понятно, что первое чувство ея было — удивленіе, болѣе еще желаніе повѣрить на дѣйствительномъ фактѣ идеалы современныхъ писателей; понятно также въ ней и нѣкоторое чувство страха.

Встрѣтивъ живьемъ одну изъ такихъ личностей, м-Не Анне естественно испугалась. Въ отношеніяхъ ея съ Володей наступила та минута отчужденія, нерѣшимости, которая предшествуетъ иногда самымъ близкимъ, короткимъ связямъ, но врожденное любопытство дѣвушки, составлявшее основную черту ея характера, превозмогло первое впечатлѣніе. М-Не Анне припалась затрогивать одну по одной разныя струны въ душѣ Володи, единственно изъ желанія узнать, какой звукъ издають онѣ, и прислушаться къ нимъ. Сначала приступила она къ дѣлу весьма робко, но чѣмъ далѣе шла,

тѣмъ дѣвушка становилась смѣлѣе. Вѣроятно въ самыхъ звукахъ не было ничего раздражающаго и болѣзненнаго, потому что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, m-He Anne знала свой инструментъ въ совершенствѣ и играла на немъ такъ бойко, какъ самая запасная концертистка.

Легко предвидѣть развязку комедіи. Володя разбитъ въ прахъ, фантастическое величіе его разсѣяно какъ дымъ, на него находятъ припадки откровенности и душевныхъ измѣній, потребности въ чужихъ совѣтахъ, въ чужомъ участіи. Когда, по совѣту автора, онъ рѣшается на прямки сказать m-He Anne, что онъ только напугалъ на себя всѣ ужасныя вещи, она отвѣчаетъ ему съ убійственной улыбкой:

— Я давно знала, Владиміръ Семенычъ, что вы неспособны ни къ чему, о чемъ говорили... и передъ другими всегда за васъ заступалась.

Когда послѣ этого онъ предлагаетъ ей дружбу и вмѣстѣ съ ней свою опытность, званіе свѣта и разсудокъ, она говоритъ:

— Я и не воображала, чтобъ по контракту можно было дружбу заключать.

Такимъ образомъ, ему не остается ничего, кромѣ ложнаго и притомъ смѣшнаго положенія. Бѣдный! а онъ вѣроятно льстился надеждою заключить драму совершенно по-нечорински: высосать апельсинъ и бросить его, спросить горло: «Вы меня презираете?» и получить въ отвѣтъ: «Я васъ ненавижу!» поклониться и выйти съ невозмутимымъ челомъ, въ величавомъ спокойствіи. Вышло не такъ: онъ попалъ въ смѣшное положеніе и не можетъ выйти изъ него.

— Какъ же ты до сихъ поръ не понимаешь, возражаетъ онъ на всѣ увѣщанія автора, совѣтующаго ему бросить все и уѣхать: — что если я не могу подойти къ Аннѣ Александровнѣ, то и уйти отъ нея рѣшительно не въ силахъ.

Итакъ судъ разразился надъ нимъ, надъ этимъ soi-disant героемъ нашего времени, такъ долго тѣшившимъ себя грезами о собственной величіи, и какъ нарочно, безжалостный авторъ кончаетъ эту самую злою и сухой провіей. На званомъ вечерѣ, куда уѣхалъ онъ, чтобы разсѣять непріятное впечатлѣніе, произведенное на него признаніями Володи. — встрѣчаетъ онъ нѣкотораго Нила Ивановича, имѣющаго привычку выражаться отборными фразами, и вотъ что говоритъ ему Нилъ Ивановичъ:

«При проѣздѣ сюда я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ. Выходя отъ Владиміра Семеныча, вы меня не замѣтили, но у меня пробѣжала въ головѣ мысль, которую сообщить вамъ считаю за долгъ.

Короткое знакомство съ людьми непременно имѣеть вліаніе на собственный нашъ образъ мыслей. Вотъ почему слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ съ Владимиромъ Семеновичемъ. Конечно ни я и никто въ нашемъ городѣ не усомнится во врожденной твердости его характера; — это его неотъемлемое качество, — но къ сожалѣнію сухость души и холодность сердца мѣшаютъ ему заслужить то уваженіе, на которое онъ могъ бы имѣть право, владѣя даромъ, отъ природы даннымъ ему.»

Язвительнѣе этого заключенія трудно что-либо выдумать, и дадѣе — комическое разоблаченіе вѣшнихъ сторонъ лермонтовскаго типа нати не могло.

III

Прежде чѣмъ разсмотрѣть, что именно въ типѣ, созданномъ Лермонтовымъ, могло подвергнуться и дѣйствительно подверглось комическому представленію и коснулось ли оно, это комическое представленіе, существенныхъ сторонъ типа — надобно взглянуть еще на другую сторону типа, и на то какъ она въ свою очередь перешла въ комизмъ.

Ибо в тотъ болѣе искренній, хотя менѣе опредѣленный образъ, который возстаетъ для читателей изъ-за огаревскаго юмора и его же монологовъ, образъ идеалиста, гордо проносящаго черезъ всю жизнь свои завѣтные идеалы, гордо каменѣющаго въ нихъ, дошолъ до комическаго въ нашей литературѣ.

Идеализмъ — одна изъ болѣзней нашего вѣка. Требовать отъ дѣйствительности не того, что она даетъ на самомъ дѣлѣ, а того, о чемъ мы напередъ гадали; приступать ко всякому живому явленію съ отвлеченною и слѣдовательно уже мертвою заднею мыслью; отшатнуться отъ дѣйствительности, какъ только она противопоставитъ отпоръ требованіямъ нашего я, и замкнуться гордо въ самого себя — таковы самые обыкновенные моменты этой болѣзни, ея неизбѣжныя схемы. Права ли дѣйствительность, правы ли требованія нашего я — вопросъ довольно щекотливый, и едва ли можемъ добросовѣстно рѣшить его мы, болѣе или менѣе страдавшіе одною болѣзью. Тоска, которая грызла скептика Обермана, романтика Ренс, героевъ Байрона, перещла и къ намъ, людямъ эпохи Бельто-выхъ и Рудиныхъ по наслѣдству. Мало людей, которыхъ бы не коснулось ея тлетворное дыханіе, да и тѣхъ не коснулось оно развѣ только потому, что вообще мало касались ихъ какіе-либо интересы духа. Но передъ поколѣніемъ предшествовавшимъ имѣемъ мы то

преимущество, что могли сколько-нибудь отрѣшиться отъ этой болѣзни, исторически добираться до ея корней. Историческій анализъ, по возможности спокойный и безпристрастный, былъ наше единственное право, и имъ мы должны были поневолѣ ограничиться. Разрѣшить задачу болѣзни окончательно, если только она разрѣшима, и теперь еще должно предоставить будущему времени. Одно только кажется несомнѣнно то, что на сколько съ участіемъ и даже уваженіемъ къ больнымъ мѣстамъ должна быть разсматриваема настоящая болѣзнь, на столько же должна быть подвергаема носнѣванію и презрѣнію жалкая страсть къ *ходульности*, болѣзнь душевно купленного празднаго разочарованія.

Разъ въ литературѣ нашей явилась вещь, нисколько незамѣчательная, даже манкированная въ литературномъ отношеніи, но любопытная и поучительная, какъ констатированіе извѣстнаго психическаго факта. Это «Идеалистъ», повѣсть г. Станкевича, появившаяся въ 1851 году въ сборникѣ «Комета». Съ перваго взгляда представляется много сходнаго между Тамиринымъ и Ленинымъ (герой рассказа г. Станкевича): тотъ и другой тратятъ душевную энергію на мелочи; тотъ и другой приступаютъ къ мелочамъ съ самыми широкими планами, упражняются въ петрудномъ подвигѣ — одурачить семнадцати-лѣтнюю дѣвчонку; тотъ и другой равно далеки отъ мысли соединить на вѣки свою судьбу съ судьбою этой дѣвчонки, и вмѣстѣ съ тѣмъ одинаково мучатся, когда она освобождается изъ-подъ ихъ вліянія; но это только внѣшнее сходство, и было бы грубою ошибкою признать между ними внутреннее сродство.

Избѣгая отвлеченныхъ разсужденій, я передамъ содержаніе «Идеалиста».

Въ селѣ Березовѣ ждуть молодого помѣщика, еще не заглядывавшаго въ него ниразу съ того времени, какъ оно досталось ему по смерти отца. Ленинъ проживалъ въ столицахъ, странствовалъ за границей, каждый годъ писалъ своему управляющему, что будетъ въ Березово, и всегда отлагалъ поѣздку туда до слѣдующаго года. Приѣзжаетъ наконецъ помѣщикъ, вовсе не такой, какимъ воображала его себѣ дворянъ:

«Черезъ нѣсколько минутъ влетѣла на дворъ коляска, и лихой ямщикъ мастерски осадилъ у крыльца четверню свою. Въ коляскѣ сидѣлъ очень блѣдный господинъ въ парусинномъ пальто, бѣлой фуражкѣ и съ тростью въ рукахъ. Онъ раскланивался со встрѣчавшими его, и что-то казалось смутило его: яркая краска покрыла его блѣдныя щоки, и потупивъ глаза, онъ съ какою-то неловкою поспѣшностью выскочилъ изъ коляски и вбѣжалъ въ домъ. Нелов-

статокъ важности, приличный случаю и лицу, въ привѣхавшемъ господинѣ былъ замѣченъ встрѣчавшими его, и дворня разбрелась въ какомъ-то недоумѣніи».

Нѣтъ! этотъ человѣкъ, такъ добросовѣстно смущающійся отъ сознанія своей несостоятельности въ столкновеніи со всякою, какою бы то ни было дѣйствительностью, не хочетъ изъ себя корчить ничего, не имѣетъ претензій на невозмутимое спокойствіе. Онъ самъ съ глубокимъ прискорбіемъ видитъ странность и фальшивость своего положенія, и только выходя изъ него, сосредоточиваясь снова въ самого себя, приобретаетъ гордо-спокойный взглядъ. Онъ самъ боленъ своимъ разобщеніемъ съ дѣйствительностью, самъ въ нѣныя минуты готовъ судить себя какъ Гамлетъ, но какъ Гамлету же, ему не остается ничего иного, какъ уходить въ самого себя. Можно сказать даже, и не безъ основанія, что этотъ человѣкъ ближе гораздо къ Лаврецкому «Дворянскаго гнѣзда», чѣмъ къ Тамирину или Володѣ Верженцову. Вотъ онъ въ сносамъ роловомъ наслѣдіи, въ домѣ своихъ предковъ; и предки смотрятъ на него изъ старинныхъ рамъ портретовъ. «Почти на всѣхъ лицахъ мужскихъ и женскихъ, несмотря на различіе формъ и чертъ, лежала какая-то одна печать; всѣ они до того были лишены индивидуальности, рѣзко отличительнаго выраженія, что казалось память съ трудомъ могла бы сохранить какое-нибудь изъ этихъ лицъ, не смѣшивая его съ другимъ.»

Только два портрета поражаютъ Левина. Оба портрета изображали одну и ту же женщину въ разные годы ея жизни: Это была одна изъ бабокъ Левина, жившая во времена Екатерины II. Отецъ ея готовилъ ей супруга, но она бѣжала изъ родительскаго дома съ какимъ-то щеголемъ тогдашняго вѣка, скоро покинувшимъ ее; дѣла Левина далъ ей пріютъ и хлѣбъ въ своемъ домѣ, гдѣ она жила до конца дней своихъ, презираемая роднею, сварливая и озлобленная. Понятно, почему взглядъ Левина остановился преимущественно на двухъ изображеніяхъ этой «кометы въ кругу расчисленныхъ свѣтилъ»; понятно, что какъ-то неловко ему въ кругу этихъ безмятежныхъ, неподвижныхъ фizioномій, что хоть чего-нибудь сходнаго съ собою ищетъ онъ въ ихъ кругу.

«Наступалъ вечеръ, Левинъ вошелъ въ гостиную и опустился въ кожанныя кресла у раскрытаго окна. Предъ нимъ былъ старый, тѣнистый садъ, спускавшійся къ рѣкѣ, — за рѣкою лугъ, за лугомъ поля и лѣсъ. Тонкій, прозрачный туманъ весеннихъ сумерекъ одѣвалъ окрестности; рогъ молодой луны еще не ярко обозначился на небѣ; соловей пѣлъ въ саду. Дума овладѣла Левинимъ; онъ впалъ въ то состояніе, когда безчисленные образы, давнія желанія и

стремленія, забытыя событія, даже мимолетныя впечатлѣнія, все, мгновенно ли, долго ли жившее внутри человѣка, все минувшее опять произвольно возникаетъ въ душѣ его, и въ нѣсколько минутъ онъ вновь переживаетъ всю жизнь свою».

И вотъ передъ Левинымъ проносятся дни дѣтства и мелькаетъ образъ матери, нѣжно любящей, вѣчно лелѣющей...

«Вотъ онъ наконецъ юноша; душа полна стремленій разнообразныхъ и неопредѣленныхъ; для всего бьется сердце, за всѣмъ гоняется мысль, для всего есть восторгъ и жаръ; вокругъ юноши свѣжія, мягкія лица, жизнь шумна и легка, а объ руку съ нимъ всегда братъ и другъ, и все раздѣлено, все пережито вмѣстѣ, и какъ полны всѣ дни, всѣ мгновенія! Непрерывно далѣе и далѣе стремится и работаетъ мысль юношей, и безконечность жизни и духа открылась передъ ними; снѣло и жадно рвутся они туда, и мощный, всеобъемлющій, великій идеалъ навсегда покорилъ ихъ молодая душа, приковалъ къ себѣ ихъ взоры...»

Да простятъ намъ читатели, что мы перервемъ эту нить воспоминаній Левина, что мы остановимся здѣсь на минуту. Левинъ какъ всѣ мы, болѣе или менѣе пораженъ грандіозностью чужого идеала, прямо, на вѣру принявъ его за собственный, внутри души живущій. Идеалъ этотъ у него притомъ чисто нѣмецкій; все въ его воспоминаніяхъ отзывается мечтами Шиллера, звучитъ великою пѣснью германскаго поэта о радости. Немудрено, что этотъ идеалъ самъ въ себѣ нашолъ начало раздвоенія, когда и у самого Шиллера всюду проходитъ одна мысль, что

Es ist das Loos des Schönen auf der Erde (1),

что

Das Dort ist niemals hier (2).

Немудрено, что такой неопредѣленный идеалъ не могъ перейти въ дѣло. Левинъ исключительно увлекся шиллеровскимъ идеаломъ, и понятно, что какъ только проходитъ паръ энтузіастическаго упоенія, какъ только ввезанная тишина объемлетъ его послѣ веселаго и шумнаго дружескаго пира, ему съ этой тишиной не ужиться. Энергія поддерживалась въ немъ виѣшними, нѣсколько насильственными средствами; въ немъ самомъ нѣтъ ничего опредѣленнаго, установленнаго.

«Потянулись другіе дни; смущень, озадаченъ юноша представляеюся ему дѣйствительностью; онъ всматривается въ жизнь съ напря-

(1) - Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ,

(2) Тамъ не будетъ вѣчно здѣсь» (Жук.).

женіемъ, прислушивается ко всѣмъ ея звукамъ, тревожно добравивается смысла всѣхъ ея явленій; съ недоумѣніемъ и вопросомъ обращается онъ къ людямъ, ихъ дѣламъ и стремленіямъ, и представляется ему, что все шутка, что настоящій смыслъ жизни зачѣмъ-то скрытъ отъ него, что тайна и истина наконецъ откроются ему. Нептерпѣливо ждетъ онъ ихъ призыва; онъ ждетъ, а жизнь несется мимо, и напрасны его усилія броситься въ ея волны: несокрушимы цѣль и мощь овладѣвшаго имъ идеала. Ноетъ и сохнетъ душа въ безплодной борьбѣ; потонули дни безчисленныхъ противорѣчій, безсильнаго бѣшенства, дни плача и проклятій, мучительныхъ сновъ и стонотъ.»

Состояніе страшное, котораго долго не вынести душѣ человѣческой.

«И вотъ гнутся дни безсильной тоски, затѣмъ дни равнодушія и безчувствія, замерло и притихло сердце, и голова начала свою вѣчную работу. Опять предстаетъ Левину безконечность жизни, но теперь она не пугаетъ его: гордо съ поднятой головою смотритъ онъ въ безконечную даль ея; страданіе вызвало въ немъ прежде невѣдомую силу. Теперь вѣтъ въ немъ ни вопроса, ни желанія; ничего онъ не ищетъ, ничего не требуетъ отъ жизни, но спокойно и радушно встрѣчаетъ всѣ ея явленія.»

Полно, такъ ли? Примиреніе ли это — когда внутри шевелятся сѣмя брошенное матерью въ его душу, сѣмя любви и преданности, и внезапно ставовится онъ разстроены, смущены и мраченъ. Странное это спокойствіе, возмущаемое яснымъ небомъ, свѣтлымъ днемъ, видомъ счастливой четы — странное спокойствіе, разрѣшающееся агонією и галлетовыми проклятіями на себя самого, бесѣдою съ призраками предковъ!

«Мы жили, слышишь ты, мы жили, а ты — ты только смотрѣлъ на жизнь. Куда ты рвался? чего хотѣлъ? Не по обычаю предковъ жила ты, не посмотрѣлъ себѣ подъ ноги, и вотъ презрѣнный, жалкій ты растерялся и заблудился. Презрѣнный, не срамлилъ бы ты нашего дома и пропалъ бы себѣ, гдѣ знаешь.»

Чѣмъ же кончится этотъ судъ чловѣка надъ самимъ собою? Неужели голосъ отжившаго и умершаго восторжествуетъ безусловно надъ нимъ, сыномъ настоящаго?.. Вопросъ, неразрѣшонный г. Стякевичемъ, да не разрѣшонный доселѣ окончательно и никакъ еще.

Вотъ его герой бродитъ по своему имѣнію: все ему чуждо тутъ, все самое обыкновенное ему не понятно, или возмущаетъ его, потому что не согласно съ сложившимися въ его головѣ представленіями, — а почему его представленія лучше того, что есть на самомъ

дѣлъ, и точно ли они лучше, и стоитъ ли окружающее его одного холодного презрѣнія или величаваго равнодушія, — онъ не хочетъ подумать.

«Онъ прошелъ по селу, замѣтилъ беззаботливость и лѣнь на лицахъ мужиковъ, обратилъ вниманіе на дородство и ростъ бабъ, рѣшился спросить у возвратившагося воловоза, отчего скрипятъ колеса его бочки, и получивъ отвѣтъ, что они не мазаны, побрелъ къ мельницѣ.»

И только подобное видитъ Левинъ, и только подобныхъ вопросовъ удостоиваетъ онъ окружающее его. Если онъ такъ прислушивался ко всѣмъ звукамъ жизни, если онъ такъ допрашивался смысла всѣхъ ея явленій, если никогда не сходилъ онъ съ своего карточного олимпа, то не мудрено, что настоящій смыслъ жизни скрытъ отъ него, и притомъ не зачѣмъ-то, а просто потому, что онъ, гордый и безстрастный идеалистъ, не въ силахъ принять его сердцемъ. Даже насчетъ сердца заблуждается онъ, даже о сердцѣ напоминаетъ ему вызванный имъ же призракъ бабки.

«Чѣмъ же ты такъ смущаешь, заговорила прекрасная бабка тѣмъ мягкимъ и покоряющимъ голосомъ, который дается только сильной и страстной юности, неужели рѣчами старика? Не слушай никого, слушайся только себя, покоряйся только своему сердцу. Ты завалилъ его, а отъ него только счастье. Дай ему волю, полную и безграничную волю.»

Левинъ повсюду слышитъ только рѣзкіе тоны, и призракъ вызванъ имъ, какъ представитель другой крайности — сѣвной стихіи, волнуемой жаждою наслажденій, точно также неопредѣленною, какъ его жажда и его стремленія. Мудрено ли, что этотъ призракъ, весь кипящій страстными порывами, вдругъ превращается передъ нимъ въ старуху съ сморщеннымъ и потемнѣвшимъ лицомъ, или какъ у Бальдерона въ «*El magico prodigioso*» — красавица мгновенно обращается въ скелетъ. Неизмѣримая пропасть вырыта между мыслью и дѣломъ: у первой отняты всѣ основы, которыми бы могла она опереться на почву, а послѣднее лишено всякой вѣры и всякаго положительнаго достоинства...

И бессильна становится мысль, истощенная вращаніемъ въ одномъ и томъ же безысходномъ, околдованномъ кругѣ, тунѣ въ застоѣ, на который сама себя осудила, и все истыдѣе и истыдѣе падаетъ дѣло, и подъ гнетомъ бессильной, тяжелой мысли, которая то старѣетъ, то шалѣетъ, и все становится притязательнѣе, тащится человекъ по жизни, словно кляча, сбывшаяся съ дороги. И пусть ищетъ онъ утѣшенія въ сравненіи съ горькими и вольными ордами, какъ двадцать г. Станкевича; утѣшенія эти кратковре-

менны, какъ всякое самообольщеніе. Жажда жизни нѣтъ иного исхода, кромѣ жизни. Все насильственно задавленное уходитъ во внутрь, какъ червь точитъ внутренность, и живетъ, питаясь ея соками.

Я привелъ только первыя страницы разсказа г. Станкевича, потому что онѣ однѣ важны въ немъ. Впечатлѣніе, оставаемое ими, совсѣмъ не художественное впечатлѣніе, потому что дѣйствуетъ болѣзненно, но тѣмъ менше, эти страницы искреннія, патетическія.

Съ чисто художественной стороны и самыя эти страницы не выжили большого достоинства. Онѣ повторили только, и такъ-сказать расплосжали то чувство, которое прежде сильнее и лучше оказалось во многихъ стихотвореніяхъ; онѣ были навѣяны какъ-будто «Старымъ домомъ» Огарева:

Я ждалъ: знакомыхъ мертвецовъ

Не встанутъ ли вдругъ кости...

Съ портретныхъ рамъ, изъ тѣмъ угловъ

Не явятся ли въ гости.

Еще менше художественнаго таланта было во всемъ послѣдующемъ, въ самой драмѣ. Вездѣ видны были въ авторѣ человекъ, мыслившій, жившій и глубоко-чувствовавшій; вездѣ прекрасныя цѣли, и нигдѣ артистичности исполненія. Вся исторія представляла собою развитіе одного изъ лермонтовскихъ стихотвореній, изъ которыхъ такъ многія высказали въ могучемъ образѣ страданія поэта и людей его поколѣнія. Всѣ знаютъ стихотвореніе:

Ночевала тучка золотая и т. д.

Никто не станетъ отрицать конечно, что вся трагическая сторона отношенія испытаннаго въ буряхъ жизни человека къ мнучно-посѣтившему его призраку молодости, обозначена въ этихъ стихахъ съ удивительною энергіею. Никто также не станетъ отрицать и того, что подражатели Лермонтова напрасно распространяли его стихи въ цѣли повѣсти, что все, бывшее настоящею бурей въ душѣ поэта, обратилось у нихъ просто въ бурю въ стаканѣ воды. Лермонтовъ далъ много, но едвали не одинъ онъ въ состояніи былъ воспользоваться какъ слѣдуетъ тѣмъ, что онъ далъ. Приложите извѣстное стихотвореніе его, взятое изъ Гейне, но поднятое тономъ выше:

Они любили другъ друга и долго и вѣжно,

или стихотвореніе выше нами приведенное, къ жизни какого-ни-

будь Ивана Ивановича или Марьи Петровны, — выйдетъ нѣчто комическое. Что-то комическое же являлось въ повѣсти г. Ставкевича, являлось противъ воли ея весьма серьезнаго автора, наперекоръ желанію читателя, который видѣлъ въ «Идеалистѣ» не Тамарина, а человѣка дѣйствительно мыслившаго и много страдавшаго. Въ особенности смѣшны были орлы, являшіеся Левину и во снѣ, и во очію на пароходѣ.

«Левинъ сидѣлъ на палубѣ, закутавшись въ плащъ свой, и смотрѣлъ на безбрежную, движущуюся передъ глазами его пустыню. Вдали показался островъ, и когда пароходъ приблизился къ нему, Левинъ увидѣлъ большого орла, поднимавшагося со скалы его. Онъ вспомнилъ другую пустыню, другого орла, и слова слышанныя отъ него во снѣ: пари и гордо созерцай до послѣдней минуты своей. Онъ поднялъ взоръ свой за орломъ, поднявшимся и исчезнувшимъ въ полетѣ къ небу, и ему почувалось, что вѣчность представилась ему во образѣ безпредѣльнаго неба и безпредѣльной движущейся пустыни, и онъ услышалъ ея мощный призывъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Левина. Онъ чувствовалъ, какъ душа его расширилась и порвала цѣпь любви, страданія и страсти, въ которыхъ томилась она (?). Радостно почувствовалъ онъ вневъ свою свободу. Гордо поднялась опять голова его, смѣло и спокойно смотрѣлъ взоръ, и съ этой минуты въ Левинѣ воскресъ и жилъ прежній холодный, безстрастный идеалистъ. Опять странствовалъ онъ, учился, смотрѣлъ, останавливался и задумывался передъ безчисленными явленіями; но въ немъ все болѣе изошрлялась и развивалась несчастная способность видѣть отрицательную сторону предметовъ и лицъ, и онъ никогда ничему не предавался и ни съ чѣмъ не заключалъ союза. Жизнь его навсегда осталась, какъ и была, пустою и праздною.

IV

Я прослѣдилъ съ возможною полнотою, съ опасностью наскучить даже читателямъ, комическія выраженія тревожнаго типа, типа хипнаго человѣка въ нашемъ литературномъ сознаніи.

И что же выходитъ какъ конечный выводъ изъ этихъ комическихъ представленій? Развѣ Тамаринъ и тѣмъ болѣе еще Володя Верженцевъ, похожи въ самомъ дѣлѣ на Печорина, а Левинъ съ его орлами на тотъ грустный и поэтический образъ, который возстаетъ изъ-за «монологовъ» и другихъ иѣсенъ тоски и страданія — поэта, котораго мѣщанство, думая вѣроятно унижить его, зоветъ

теперь «пензенскимъ стихотворцемъ», или даже на Рудина, который не перестаетъ быть поэтическимъ, несмотря на то, что Пугачовъ причисляетъ его къ числу *куцызъ*, даже при своей видимой «*куцости*».

Нисколько.

Тамаринъ и еще болѣе Верженцевъ смѣшны не какъ представители тревожнаго типа, а какъ пародіи на тревожный типъ: Левинъ смѣшонъ не тревожными страданіями, а *книжностью*, надуманностью, *сочиненіемъ* своихъ страданій.

Тревожный типъ остается все-таки при всѣхъ правахъ своихъ на необходимость существованія и выраженія. Еще разъ повторю; попробуйте сдѣлать *смѣшнымъ* Печорина въ ту минуту, когда онъ богъ-знаетъ изъ-за чего играетъ жизнью съ контрабандисткой, бросается въ окно головою, чтобы схватить пьянаго и разсвирѣпѣвшаго казака; съ адскою холодною необузданнаго самолюбія подвергаетъ себя почти вѣрной смерти въ дуэли съ Грушницкимъ изъ-за того только, чтобы имѣть право сказать ему полнеца; когда онъ гонится за Вѣрой, и загнавши коня рыдаетъ въ звѣриномъ припадкѣ? Увы! даже и тогда трудно сдѣлать его смѣшнымъ, когда онъ холодно встрѣчаетъ Максима Максимыча: смѣшно это было бы въ великосвѣтскомъ хлыщѣ, но не въ Печоринѣ, который весь сѣденъ анализомъ. Равнобѣрно попробуйте сдѣлать смѣшнымъ того господина, который въ непотребномъ мѣстѣ исповѣдуетъ передъ нами свою душу, полную необузданныхъ стремленій, глубокой жажды любви и безвыходной тоски:

Вино кипитъ во мнѣ и жжотъ меня лобзанье...

который тутъ-то именно высказываетъ намъ завѣтнѣйшую свою тайну:

Когда-бъ я не любилъ, вѣдь я-бъ не ненавидѣлъ.

Кажется какой удобный случай въ самой обстановкѣ для комическаго представленія, а все-таки ничего не подѣлаете. Прямая сила остается силой, искренній стонъ глубокой души — все тѣмъ же искреннимъ стономъ.

Чего же могло коснуться и чего коснулось комическое представленіе? Условной формы — великосвѣтскости въ Печоринѣ, книжности въ идеалистахъ. Формы разбиты и разумѣется должны были быть разбиты. Въ Тамаринѣ разоблачился тотъ нравственный ведугъ, котораго вліянію подвергались даже высшія изъ представителей нашихъ, ведугъ нравственнаго лакейства передъ условнѣйшею изъ сферъ общежитія, соприкосновеніе которой испортило широкую и великодушную, хоть нѣсколько вѣтренную натуру Онѣ-

гина, доводило подчасъ до мелочностей глубокую и страстную натуру Печорина. Недугомъ этимъ мы всѣ болѣе или менѣе страдали, страдали даже протестуя противъ него. Мы долго Чацкаго считали донъ-Кихотомъ.

Эту несчастную болѣзнь выносилъ на себѣ и даже по преимуществу выносилъ великій духъ Лермонтова. Еслибъ даже графъ Сологубъ не написалъ своего «Бѣса», гдѣ, какъ гласятъ никому уже не секретныя литературныя предавія, въ фигурѣ Леонидна довольно ловко выставилъ комическую сторону великовѣтскихъ стремлений поэта, — процестъ, совершившійся и далеко еще не завершившійся въ немъ, былъ бы намъ очевиденъ изъ матерьяловъ его юношеской дѣятельности, изъ этихъ первоначальныхъ драматическихъ конценцій, въ которыхъ героемъ является необузданно-самолюбивый и обиженный судьбою и людьми — Арбеневъ... Мѣсто обидчивости заступаетъ потомъ протестъ, и является уже не обиженный Арбеневъ, а мрачный, все презирающій и ломающій Арбенинъ «Маскарада», поясняемый отрывкомъ, въ которомъ описываются его дѣтскіе годы.

Протестъ неугомонный и дѣйствительно могущественный протестъ, ищетъ для себя такого воплощенія, которое было бы совершенно по его мѣрѣ, постепенно отвергая разныя формы, замѣняя нелѣпаго Арсенія въ бояринѣ Оршѣ художественнымъ *Мицри*, хотя *Мицри* выполняетъ далеко не всѣ задачи хаотической, но громадной по замыслу поэмы. Разъ даже этотъ протестъ въ поэмѣ, о купцѣ Калашниковѣ, ищетъ слиться, съ народными формами, и какой задатокъ представляетъ собою это великое произведеніе!

Но отчужденный отъ широкой народной жизни, постигавшій ея формы только смутнымъ, хотя гениальнымъ чутьемъ, замкнутый на холодныхъ *верхахъ* общежитія, запертый въ условнѣйшую сферу, художникъ, какъ художникъ, ищетъ какого бы то ни было, по определеннаго, осязаемаго образа. И вотъ является Печоринъ: къ нему прилипла вся слізъ мѣражной жизни, и эту шелуху обиваетъ комическая разработка. Но все-таки, онъ сила и выраженіе силы, безъ которой жизнь закисла бы въ благодушествованіи Максимовъ Максимовичей, въ ихъ хотя и героической, но отрицательно-героической безотвѣтности, въ томъ смиреніи, которое легко обращается у насъ изъ высокаго въ баранье.

АПОЛЛОНЪ ГРИГОРЬЕВЪ

НѢЧТО ОБЪ АВТОРИТЕТАХЪ

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «ВРЕМЕНИ»)

Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шея;
.....
Вотъ счастье! Вотъ права!...

ПУШКИНЪ

На сей разъ письмо мое будетъ кратко, хотя, милостивый государь, различные отзывы, вызванные моимъ краткимъ письмомъ, могли бы мнѣ дать вполне законный поводъ поговорить о многихъ, чрезвычайно интересныхъ вещахъ, а именно:

1) О томъ, что я человекъ вредный, потому что *мѣшаю* великому дѣлу, совершаемому россійской словесностью.

2) О томъ, что я *пуристъ*, названіе, данное мнѣ «Современнымъ Словомъ» и весьма многознаменательное и лестное для меня.

3) О томъ, что я не понимаю, какъ слѣдуетъ поступать россійскому писателю относительно россійской *публики*, — вопросъ таинственный и для публики весьма любопытный.

4) О томъ, что я заражовъ чрезвычайнымъ *самолюбіемъ*, доходящимъ до неслыханнаго притязанія, будтобы я умѣю соблюдать въ своихъ статьяхъ логику.

И еще о многихъ другихъ подобныхъ сему предметахъ.

Признаюсь вамъ, мнѣ очень бы хотѣлось поговорить обо всемъ этомъ. Хотя я все еще не отказываюсь отъ предположенія, что «труды мои на пользу россійской словесности ничтожны и микроскопически-малы» (какъ я нѣкогда писалъ къ вамъ), хотя я ничѣмъ, кромѣ моихъ писемъ къ вамъ, не извѣстенъ, не заявилъ себя никакими обширными трудами, не приобрѣлъ себѣ даже славы знатока какой-нибудь важной науки, однимъ словомъ до сихъ поръ остаюсь личностью темною, мелкою, маловажною, тѣмъ не менѣе для меня весьма лестно, что мое незначительное положеніе въ литературѣ начинаетъ видимо опредѣляться, что моя скром-

ная и коротенькая роль въ этой хаотической драмѣ получаетъ въ глазахъ другихъ все больше и больше отчетливости и ясности. И такъ я очень бы желалъ и даже кажется имѣлъ бы право поговорить о себѣ самомъ по поводу того, что говорятъ обо мнѣ другіе. Но вамъ извѣстно, милостивый государь, мое пристрастіе къ точности, связности, цѣльности, извѣстно мое отвращеніе отъ беспорядка, отъ всякой путаницы и недоковченности. Боясь впасть въ нелюбимые мною недостатки и не соблюсти желаемыхъ мною достоинствъ, я отлагаю до болѣе удобнаго случая рѣчь о вышеприведенныхъ предметахъ. Я ихъ обдумую, обсужу во всѣхъ отношеніяхъ, рассмотрю съ различныхъ точекъ зрѣнія, взвѣшу каждое мнѣніе и выраженіе и тогда быть-можетъ найду форму, въ которой почти возможнымъ представить все дѣло на судъ вашихъ вѣрныхъ читателей.

Теперь же я останавлиюсь на одной только точкѣ и займусь самымъ опредѣленнымъ и ясноограниченнымъ предметомъ.

Въ прошломъ письмѣ, какъ вы помните, я разбиралъ соображенія иѣкотораго автора, стремившагося доказать пользу и необходимость *общественной благотворительности*. Не мало мнѣ стоило труда вникнуть въ эти соображенія, но я совершилъ это дѣло съ свойственною мнѣ добросовѣстностью и точностью. Съ величайшимъ усердіемъ я изслѣдовалъ основанія его выводовъ и слѣдствія его началъ. Къ несчастью я нашолъ разбираемыя соображенія неосновательными, нашолъ, что выводы въ нихъ не сходятся съ основаніями. За это, какъ и весьма естественно, авторъ жестоко возсталъ на меня въ своей «хроникѣ прогреса», напечатанной въ № 47 «Искры» за текущей годъ.

Но что же оказывается изъ этой реплики? Оказывается, что всѣ труды мои потрачены понапрасну; оказывается, что эти основанія и соображенія, которыя я анализировалъ съ такою тщательностью, въ глазахъ самаго хроникера — плевка не стоятъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ не говоритъ о нихъ ни одного слова, онъ ничѣмъ и не пробуетъ защищать ихъ ⁽¹⁾; онъ принимаетъ видъ, какъ-будто у него никогда и не было никакихъ основаній и соображеній. Мало того, онъ ясно показываетъ, будто такъ и слѣдуетъ, такъ и нужно — не имѣть никакихъ основаній и соображеній!

Вотъ, милостивый государь, странное обстоятельство, побудив-

(1) Покрайней-мѣрѣ принимаетъ такой видъ. Будучи, какъ всегда, совершенно точенъ въ своихъ показаніяхъ, замѣчу, что сохраняя видъ умолчанія, хроникеръ привелъ таки одно крошечное соображеніе въ свою защиту. Считаю безполезнымъ говорить о немъ.

шее меня взяться за перо. По мѣрѣ слабыхъ силъ я желаю противодѣйствовать такимъ глетворнымъ ученіямъ. Я хочу доказать, что безъ основаній и соображеній обойтись невозможно, что каждый писатель долженъ необходимо имѣть свои основанія и соображенія, и что тотъ, кто ихъ не имѣетъ, ничего хорошаго сдѣлать не можетъ.

Живой примѣръ пагубныхъ слѣдствій, которыя неминуемо влечетъ за собою отсутствіе соображеній, представляетъ именно хроникеръ «Искры». Онъ думалъ поразить меня безъ помощи основаній и соображеній, и какъ вы увидите, самъ поразилъ себя. Въ самомъ дѣлѣ, что онъ дѣлаетъ?

Необращая никакого вниманія на смыслъ того что я говорилъ въ прошломъ письмѣ, онъ замѣтилъ въ немъ только одно, именно что я ссылаюсь на экономистовъ. Такъ какъ онъ не разбиралъ какъ и почему, то ему показалось, что я ссылаюсь на *всѣхъ* экономистовъ, именно что я *всѣмъ* имъ безъ исключенія приписываю отрицаніе благотворительности (1). И вотъ онъ думаетъ, что онъ поймалъ меня. Онъ выписываетъ изъ Милля первыя попавшіяся строки, изъ которыхъ было бы видно, что этотъ экономистъ допускаетъ пользу и нужду благотворительности. Выписавши эти строки и попрежнему не прибѣгая ни къ единому соображенію, хроникеръ начинаетъ жестоко глумиться надо мною за мое будто бы невѣжество. Онъ торжествуетъ, онъ воображаетъ меня раздавленнымъ и уничтоженнымъ. И все это сдѣлано безъ помощи малѣйшаго соображенія! Вся побѣда одержана тѣмъ, что выписано нѣсколько строкъ изъ книжки!

Преждевременное торжество, милостивый государь! Прискорбно видѣть, что хроникеръ такъ легкомысленно отвергъ силу соображеній и такъ суевѣрно возложилъ свои надежды на книжку!

Посмотрите на самомъ дѣлѣ что откуда выходятъ. Ссылаясь на мнѣніе строго логическихъ экономистовъ, я старался усвоить себѣ ихъ мысль вполнѣ. Я старался показать не только что они думаютъ, но и почему они такъ думаютъ, почему они непременно

(1) Чтобы не прерывать торжественнаго теченія моей рѣчи, я, при помощи выписки попрошу васъ сдѣлать слѣдующія сличенія:

Я говорю: «Такъ думаютъ *многіе* политико-экономы». «Время», 1862 года. № 10. С. Об. страница 213, строка 3 сверху.

Хроникеръ возражаетъ: «*Есть* политико-экономы, проповѣдывающіе и общественную и государственную благотворительность». «Искра». 1862 года. № 47. страница 646, лѣвый столбецъ, строка 10 сверху.

Возможно ли, спрошу васъ, найти здѣсь противорѣчіе кому-нибудь, кто еще не вовсе отказался отъ соображеній?

должны такъ думать. Такимъ образомъ я излагалъ въ своемъ письмѣ полную мысль, мысль съ ея основаніями, такъ что читатель могъ самъ видѣть какъ она вытекаетъ изъ этихъ основаній.

Слѣдовательно я становился въ положеніе неизбежное, непреодолимое никакимъ манеромъ. Еслибы принимая извѣстныя основанія, ни Мальтусъ и ни одинъ экономистъ на свѣтѣ не вывелъ этой мысли, то отсюда слѣдовало бы только, что ни одинъ изъ нихъ не былъ вполне послѣдователемъ, ни одинъ, выходя изъ извѣстной точки, не дошелъ до конца. Такъ что еслибы хроникеръ былъ правъ, еслибы онъ дѣйствительно ни въ одной книжкѣ не могъ найти вывода этой мысли, а нашолъ бы его только въ моемъ письмѣ, то чело мое увѣнчалось бы только неувидаемою славою, а вовсе не омрачалось бы позоромъ, какъ этого желаетъ хроникеръ.

Но увы! милостивый государь, слава не легко дается. На это намекаетъ старинная латинская поговорка, которая гласитъ: *да похибнутъ тѣ, которые наше прежде насъ сказали!* Мысль, которую въ первый разъ встрѣтилъ въ моемъ письмѣ мой противникъ, и которую онъ осмѣиваетъ съ такимъ глумленіемъ, о которой онъ говоритъ, что ее и полозрѣвать нельзя, вовсе не моя. Тѣмъ не менѣе противнику моему отъ этого не легче. Онъ не хотѣлъ дѣлать никакихъ соображеній, онъ не хотѣлъ разобрать послѣдовательна ли эта мысль, или непослѣдовательна; а между тѣмъ, что слѣдуетъ изъ моихъ словъ съ непобѣдимую очевидностію? Если доказано, что Мальтусъ былъ строго послѣдователемъ, если онъ строго логически дошелъ до отрицанія благотворительности, а Милль однако же рѣшается ему противорѣчить, то что отсюда выходить? Выходитъ, милостивый государь, что Милль — непослѣдователемъ. Выходитъ, милостивый государь, что, къ величайшему ужасу хроникера, Милль, тотъ самый Милль, который былъ напечатанъ въ «Современникѣ», на котораго онъ полагался какъ на каменную стѣну, не можетъ спасти его! Такова сила соображеній! И такъ мало надежны всякія книжки, какъ скоро читаютъ ихъ безъ соображенія!

Мы очевидно очутились, какъ говорится между Сциллою и Харибдою. Скажешь Милль послѣдователемъ, — выходитъ Мальтусъ не послѣдователемъ. Скажешь Мальтусъ не ошибся, — выходитъ Милль ошибся. Кто не умѣетъ самъ плавать, тотъ лучше оставайся дома. Попробуемъ однако же двинуться

Смирненно и дерзко впередъ.

Я осмѣливаюсь, милостивый государь, представить вамъ нѣкоторыя собственные соображенія на счетъ словъ Милля, которыя

хроникеръ такъ гордо выставляетъ, и о которыхъ онъ столь смиренно молчитъ. Выписываю ихъ вполнѣ :

Вотъ что (такъ начинаетъ хроникеръ) между прочимъ говорить о благотворительности Милль :

«Вообще слѣдуетъ каждому оставлять свободу дѣлать все, къ чему онъ предполагается имѣющимъ достаточно способностей; но когда никакъ нельзя предоставить человѣка самому себѣ, а нужна помощь другихъ, является вопросъ — лучше ли, чтобы онъ получалъ эту помощь исключительно отъ частныхъ лицъ, то-есть помощь не вѣрную и случайную, или получалъ ее, по систематическому устройству, по распоряженію общества, чрезъ его органъ — государственную власть.»

«Независимо отъ метафизическихъ взглядовъ на сущность нравственности и общественнаго союза, каждый согласится, что люди должны помогать другъ другу, что обязанность эта тѣмъ сильнѣе, чѣмъ настоятельнѣе нужда, и что никому помощь не нужна такъ настоятельно, какъ умирающему съ голода. Поэтому право на пособіе, происходящее отъ крайней бѣдности, одно изъ сильнѣйшихъ правъ на свѣтѣ; слѣдовательно, при первомъ же взглядѣ на дѣло, мы видимъ сильнѣйшее основаніе устроить для людей, столь сильно нуждающихся въ пособіи, самый вѣрный способъ доставки имъ пособія, какой только можетъ быть устроенъ общественными мѣрами.»

Нужно отдать справедливость Джону Стурарту Миллю въ томъ отношеніи, что онъ пишетъ чрезвычайно точно и опредѣленно. Тѣмъ лучше для насъ и тѣмъ хуже для нашего противника. Если бы г. хроникеръ не уклонялся отъ всякихъ соображеній, то въ приведенныхъ имъ самимъ немногихъ словахъ Милля онъ могъ бы совершенно ясно увидѣть въ чемъ состоитъ главное начало Милля и въ чемъ состоитъ *другое, особенное* начало, на которомъ Милль основываетъ ученіе о благотворительности. Главное его начало состоитъ въ томъ, что *нужно каждому человѣка предоставлять самому себѣ*. Вотъ самое общее, самое выгодное и самое плодотворное начало политической экономіи. Это то самое начало, котораго держался п Мальтусъ; развивая его строго, Мальтусъ и дошелъ до убѣжденія, что вмѣшательство однихъ людей въ судьбу другихъ, извѣстное подъ именемъ благотворительности, не только бесполезно, но даже вредно для общества.

Но Милль не дошелъ до этихъ заключеній: онъ остановился и свернулъ въ сторону. Чтоже ему помѣшало? Въ чемъ состоитъ препятствіе логическому теченію мысли? Очевидно въ томъ, милостивый госуларь, что люди могутъ *умирать* при такомъ порядкѣ вещей, когда каждый предоставляется самому себѣ. Иногда — говорить Милль — никакъ нельзя предоставить человѣка самому себѣ, ибо безъ посторонняго пособія онъ можетъ умереть съ голоду.

Итакъ *смерть* — вотъ единственная преграда, которая остановила экономиста на пути его размышлений, вотъ тотъ послѣдній выводъ, который былъ безтрепетно признанъ Мальтусомъ и котораго не могъ вывести Милль. Не будучи въ силахъ признать этотъ правильный выводъ, Милль какъ-будто самъ не можетъ отлатъ себѣ отчета, почему онъ его отвергаетъ. «*Независимо отъ метафизическихъ взглядовъ* — пишетъ онъ — каждый согласится, что никому помощь не нужна такъ настоятельно, какъ умирающему съ голода и слѣдовательно крайняя бѣдность имѣетъ право на пособіе».

Не правда ли, какой страннѣйшій защитникъ благотворительности! Каждый человѣкъ, проповѣдуетъ онъ, долженъ быть предоставленъ самому себѣ до тѣхъ поръ, пока это возможно. А когда же это невозможно? Когда грозитъ смерть. До тѣхъ поръ, пока не пришла смерть, все хорошо и безъ пособій и безъ благотворительности. Человѣкъ голоденъ, мерзнетъ, переноситъ тысячи нуждъ; все это ничего, все это побужденія къ труду, все это могущественныя двигатели, стимулы, оживляющіе экономическое движеніе. И потому не бойтесь, предоставьте каждаго человѣка самому себѣ и помогайте другъ другу только тогда, когда дѣло дошло до крайней бѣдности, до зарѣзу, до голодной смерти.

Очевидно, милостивѣйшій государь, Милль непослѣдователенъ; очевидно только въ крайности, только будучи такъ-сказать перпергъ къ стѣнѣ, онъ обратился къ другому, неэкономическому ученію, которое формулируется такъ: *другъ друга тяготы носиме* и проч.

Это ученіе, какъ вы знаете, не новость; оно никогда не проповѣдывало, чтобы человѣкъ предоставлялъ другого человѣка самому себѣ; оно никогда не разъединяло, а всегда связывало людей. И я нахожу его болѣе справедливымъ. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ такъ настоятельно требовать, чтобы человѣкъ былъ предоставленъ самому себѣ? Какая въ томъ надобность, какая польза? Даже какая возможность? Развѣ не естественно, что одинъ человѣкъ принимаетъ участіе въ судьбѣ другого? Развѣ это участіе непременно должно быть вмѣшательствомъ, помѣхою, препятствіемъ? Если же нѣтъ, то гораздо справедливѣе сказать, что люди всегда могутъ, всегда должны стараться участвовать въ жизни другихъ людей. Люди должны помогать другъ другу не только въ крайности, не только тогда, когда безъ помощи обойтись невозможно, но всегда и во всемъ. Каждый разъ, когда одинъ человѣкъ приходитъ въ прикосновеніе съ другимъ, они должны содѣйствовать другъ другу, а не тянуть въ разныя стороны и не предоставлять другъ друга на

произволъ судьбы. Взаимное участіе есть истинно-человѣческое дѣло не только въ случаѣ бѣдности, но и во время богатства, не только въ трудахъ, но и въ удовольствіяхъ, не только въ горѣ и страданіяхъ, но и въ радости.

Вы видите, милостивый государь, что не сіи старыя истинны служили исходною точкою Милля; а иначе онъ не смотрѣлъ бы какъ на исключеніе изъ общаго правила на тѣ случаи, когда человѣкъ не предоставляетъ другого человѣка самому себѣ. Не менѣе многозначительна другая выписка изъ него, приведенная хроникеромъ.

• Я считаю очень полезнымъ, — говоритъ Милль, — чтобы законъ обезпечивалъ средства существованія находящимся въ крайности здоровымъ людямъ, и чтобы эти средства не зависѣли отъ частной благотворительности. Впервыхъ благотворительность всегда даетъ или слишкомъ много или слишкомъ мало; расточаетъ щедрость въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ оставляетъ людей умирать съ голоду. Ввторыхъ, государство обязано же понеобходимости содержать бѣднаго преступника, пока онъ сидитъ въ тюрьмѣ; значитъ если оно не содержитъ невиннаго бѣдняка, то назначаетъ награду за преступленіе. Наконецъ если немощіе предоставлены частной благотворительности, неизбежно нищенство въ обширномъ размѣрѣ.

И здѣсь я нахожу не бесполезнымъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ соображеніямъ. Первый резонъ, по которому Милль предпочитаетъ *свободной* благотворительности благотворительность *регламентированную*, есть очень избитая тема. Это та самая мысль, на основаніи которой правительство не предоставляетъ частнымъ лицамъ, а беретъ на себя устройство школъ, постройкіе дорогъ и т. п., та простая и опредѣленная мысль, что правительство умѣетъ все дѣлать гораздо лучше, чѣмъ частныя лица. Трудно думать, чтобы Милль очень крѣпко держался такого начала. Если въ настоящемъ случаѣ онъ рѣшился къ нему прибѣгнуть, то ужасается его привести къ этому все тотъ же страхъ, чтобы свободная благотворительность не оставила какъ-нибудь *людей умирать съ голоду*. Но кто же намъ поручится, что благотворительность регламентированная непременно ятому помѣшаетъ? Кто намъ поручится, что она непременно будетъ дѣйствовать ловчѣе, быстрѣе, проникательнѣе, чѣмъ благотворительность свободная?

Частная благотворительность, благотворительность *лицомъ къ лицу*, есть безъ всякаго сомнѣнія чистѣйшая форма благотворительности, слѣдовательно та форма, въ которой благотворительность можетъ дѣйствовать съ наибольшею силою и полнотою. Вотъ аксіома столь же несомнѣнная какъ то, что прямая линія есть кратчай-

шій путь между двумя точками. Если тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности мы принуждены обходить горы, болота и слѣдовательно не держаться прямой линіи; если даже такимъ образомъ мы легче и скорѣе достигаемъ цѣли, то отсюда однакоже не слѣдуетъ ничего противъ краткости прямой линіи. Такъ точно и регламентированная общественная благотворительность нисколько не исключаетъ свободной частной, и какъ дорога тѣмъ короче, чѣмъ она ближе къ прямой линіи, такъ и всякая благотворительность тѣмъ лучше, чѣмъ она ближе къ частной благотворительности.

Чтоже касается до второго резона, то онъ какъ нельзя больше страненъ. Трудно даже отдать себѣ отчетъ въ томъ, на какомъ началѣ онъ опирается. Милль хочетъ, чтобы правительство кормило бѣдняка на томъ же основаніи, на которомъ оно кормитъ преступника. А на какомъ основаніи оно кормитъ преступника? Если положимъ оно собирается вѣшать преступника или рубить ему голову, то оно мнѣ кажется кормитъ его на томъ же основаніи, на которомъ заботится, чтобы веревка была крѣпкая, а топоръ вострый. Ему нуженъ живой человѣкъ не для того чтобы онъ жилъ, а для того чтобы возможно было лишить его жизни. Жизнь преступника не есть цѣль, а есть средство для совершенія нѣкотораго акта, который правительство почитаетъ нужнымъ совершить. Какая же тутъ связь съ какими бы то ни было политикоэкономическими соображеніями?

Заботится или незаботится правительство о своихъ бѣдныхъ, ни въ какомъ случаѣ ему нельзя поставить въ упрекъ то, что оно кормитъ своихъ преступниковъ. Подобный упрекъ просто невозможенъ. Если же иногда дѣлаются извѣстные шутки насчетъ казенной квартиры, если голодные бѣдняки доходятъ до зависти къ сытымъ преступникамъ, то эта горькая иронія имѣетъ другой источникъ. Съ голоду можно позавидовать собакамъ, съ нужды и горя можно позавидовать мертвымъ въ ихъ гробахъ; что же отсюда слѣдуетъ?

Ужасно здѣсь только то, что Милль серьезно говоритъ объ этомъ, то-есть что голодные бѣдняки дѣйствительно завидуютъ сытымъ преступникамъ.

И такъ, милостивый государь, немногія и незатруднительныя соображенія показываютъ намъ, что Милль, отступая отъ мальтусовыхъ началъ, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, что онъ явно ищетъ другихъ, неэкономическихъ точекъ опоры и при этомъ не всегда выбираетъ удачно. Можно ли за это особенно винить Милля? Едва ли, милостивый государь. Въ настоящемъ случаѣ могу васъ завѣрить, что Милль несравненно строже и логичнѣе

хроникера «Искры». Милль знаетъ что онъ пишетъ. Въ началѣ этой главы, изъ которой хроникеръ сдѣлалъ выписки, Милль прямо говоритъ, что для предмета, къ которому онъ приступаетъ, *общей теоріи* не существуетъ, что вопросы здѣсь не могутъ быть вполне твердо разрѣшены, и что онъ не претендуетъ на такую общую теорію и общее рѣшеніе, а думаетъ представить только *нѣкоторыя соображенія*.

Слѣдовательно если кто виноватъ, то конечно хроникеръ, который вздумалъ выдавать эти соображенія за положительныя рѣшенія, за голосъ самой науки. Хроникеръ не сдѣлалъ чести Миллю, выписавши изъ него слабѣйшія мѣста, да мало сдѣлалъ чести и себѣ. Вотъ что значитъ пагубное упорство въ отверженіи соображеній! Когда хроникеръ выписывалъ изъ Милля, когда онъ почиталъ излишнимъ, а можетъ быть даже вреднымъ и опаснымъ, прибавить къ словамъ своего авторитета хотя единое собственное соображеніе, онъ вѣроятно думалъ: не можетъ быть, чтобы такой отличивый ученый, какъ Милль, признавалъ что-нибудь несогласное съ началами науки. Какое гибельное заблужденіе! Охъ, не идѣйтесь, охъ, не полагайтесь ни на кого на свѣтѣ! Все можетъ быть, вездѣ можетъ случиться грѣхъ и бѣда! Продадутъ, измѣнятъ тамъ, гдѣ никакъ не ожидаешь. Тутъ одно спасеніе, одна надежда — самому смотрѣть во все глаза, самому видѣть дорогу, хотябы найденную другими, и держаться крѣпко на своихъ собственныхъ ногахъ.

Неосторожно, весьма неосторожно поступилъ хроникеръ, пожившись на Милля; напрасно въ прошлой своей статьѣ онъ сослался на великія имена Смита и Мальтуса; напрасно и теперь, вѣща спасенія, онъ подымаетъ тономъ выше и взываетъ уже не къ Сми-ту и Мальтусу, а къ Ньютону и Кеплеру. Ужели, спрашиваетъ онъ, еслибы кто нападалъ даже на Ньютона и Кеплера, то для защиты ихъ необходимо дѣлать какія-нибудь соображенія? Увы, соображенія необходимы, и безъ соображеній не спасетъ его ни Ньютонъ ни Кеплеръ. Ньютонъ, тотъ самый Ньютонъ, который по мнѣнію хроникера открылъ *силу тяготѣнія*, написалъ также престранное толкованіе на апокалипсисъ, и Кеплеръ, тотъ самый Кеплеръ, о которомъ хроникеръ знаетъ, что его имя можетъ быть поставлено рядомъ съ именемъ Ньютона, — вѣрилъ въ астрологію, думалъ что земной шаръ есть огромное животное, и вообще извѣстенъ въ исторіи науки своими фантастическими мнѣніями. Нѣтъ, не знаетъ, какъ видно, хроникеръ ни Ньютона ни Кеплера, подобно тому, какъ по его собственному признанію онъ не знаетъ Смита и Мальтуса. И если онъ подберетъ какія-нибудь новыя великія имена, то не по-

могутъ они ему, а развѣ только больше обячаютъ его невѣжество. Но этого мало. Невѣжество, милостивый государь, есть дѣло протѣвательное, — я никогда не ставлю его въ особую и важную вину. Гдѣжь намъ, на святой Руси, щеголять познаніями? Но есть вещь болѣе нестерпимая и менѣе извинительная, это *незнаніе своего невѣжества*. Вы видите напримѣръ изъ предъидущаго, что хроникеръ не только не знакомъ съ авторитетами, имя которыхъ онъ *осуе* произноситъ, но что онъ вовсе не понимаетъ какъ слѣдуетъ вообще относиться къ какому бы то ни было авторитету. Онъ неумѣетъ стать въ правильное, въ *свободное* отношеніе къ великому имени. Онъ или слѣпо, поклоняется или слѣпо глумится.

Нельзя отъ души не пожалѣть, милостивый государь, о такомъ глубокомъ недостаткѣ ясныхъ понятій; вы видѣли къ какимъ бѣдамъ это приводитъ хроникера; чуждаясь руководства соображеній, онъ не въ состояніи былъ сдѣлать ни одного вѣрнаго шагу. Но что вы скажете, если убѣдитесь, что сверхъ того хроникеръ упорно косячетъ въ своемъ заблужденіи? Что онъ не только самъ не хочетъ слѣдовать соображеніямъ, но и глумится надъ тѣми, кто желаетъ имъ слѣдовать?

Въ самомъ дѣлѣ, какъ верхъ моего неразумія, какъ величайшее изъ моихъ преступленій онъ выставляетъ именно то, что я прибѣгнулъ съ соображеніямъ. «Даже, говоритъ онъ обо мнѣ, пускается въ *шарамыжныя* соображенія собственнаго сочиненія, что дескать и по началамъ науки такъ и должно быть, что политико-экономы должны отвергать всякую благотворительность.» *Шарамыжныя соображенія!* Какъ вамъ нравится это слово, милостивый государь? Какъ вамъ нравится то, что несчастный хроникеръ дошелъ наконецъ до глумленія надъ соображеніями, что онъ ставитъ имъ въ позоръ то, что они *собственнаго сочиненія*, а не выписаны изъ книжки? *Шарамыжныя соображенія!* Но мнѣ кажется, что этотъ эпитетъ вовсе нейдетъ къ соображеніямъ. Вотъ если кто не хочетъ руководствоваться собственными соображеніями, а выписываетъ изъ книжки, то это дѣйствительно вѣчто шарамыжное. Соображеній же ругать нельзя, — соображенія всегда похвальны; непохвальна и достойна осужденія только несообразительность, недостатокъ соображеній. Нѣтъ, дѣйствительныя соображенія не могутъ быть шарамыжными! Вотъ если хроникеръ, какъ мы видѣли, уклоняется отъ настоящихъ соображеній, если онъ, напримѣръ составляя свою хронику, питался только мыслями такого рода: нужно бранить «Время», нужно бранить «День», нужно подхвалить г. Антоновича, и проч., то это будутъ дѣйствительно шарамыжныя соображенія, ибо, милостивый государь, слово *шарамыжный*, по мнѣнію нѣкоторыхъ знатоковъ,

вѣроятно происходитъ отъ французскихъ словъ *cher ami*, т. е. *милый другъ* и слѣдовательно содержитъ въ себѣ намекъ на нѣчто подобное дружбѣ, или вообще лицепріятное и пристрастное.

Вотъ все, что я желалъ сообщить вамъ на сей разъ, милостивый государь. Прибавлю въ заключеніе, что при видѣ столь печальныхъ явленій, столь страннаго извращенія понятій не должно предаваться унынію; я твердо надѣюсь, что сила соображеній, какъ дѣйствительная и великая сила, всегда одержитъ верхъ надъ своими противниками; что какъ бы ни было смутно и хаотично броженіе мнѣній, всѣ тѣ, которые не прибѣгаютъ къ этой силѣ, а хотятъ дѣйствовать другими орудіями, погибнуть неминуемо. Что касается до меня, то позволяю себѣ завѣрить васъ, что я всегда считалъ и считаю своимъ священнымъ долгомъ ревностно и безпристрастно служить этой силѣ по мѣрѣ слабыхъ моихъ дарованій. По сему самому, если я возбудилъ противъ себя неудовольствіе, если встрѣченъ былъ неблагоклонными отзывами, то я почитаю это себѣ за честь и за похвалу, а отнюдь не за стыдъ и за униженіе.

Если кто напримѣръ кричитъ мнѣ, что я ему мѣшаю, то это меня не смущаетъ: я не хорошему чему-нибудь мѣшаю, я мѣшаю напримѣръ злостному употребленію великихъ именъ.

Если кто называетъ меня пуристомъ, то я этому радуюсь: я дѣйствительно не люблю никакой нечистоты, никакого шарамыжничанья.

Если меня упрекаютъ, что я не беру въ расчетъ публики, то я этимъ горжусь: я дѣйствительно говорю прямо что думаю, и забочусь о томъ, чтобы отвести глаза читателей.

Если наконецъ нападаютъ на мое самолюбіе, то я ставлю себѣ это въ великое достоинство. Я дѣйствительно до крайности заражонъ самолюбіемъ, напримѣръ: имѣю притязаніе на собственныя соображенія, и приписываю себѣ способность понимать тѣ авторитеты, на которые ссылаюсь.

Н. КОСИЦА

PS. Нѣкоторыя выраженія моего письма могутъ подать вамъ поводъ думать, что я шучу. Не ошибитесь милостивый государь! Можетъ-быть въ этихъ самыхъ мѣстахъ я успѣлъ выразиться самымъ точнымъ и близкимъ къ истинѣ образомъ.

Вяязь Серебряный, повѣсть временъ Юанна Грознаго,
соч. графа Алексѣя Толстого. (Русскій Вѣстникъ, 1862 г.
августъ, сентябрь, октябрь.)

Возможно ли для насъ воссозданіе нашего стараго быта? Вотъ первый вопросъ, который постоянно представляется при появленіи каждаго новаго произведенія, будетъ ли это романъ, драма, поэма, вмѣющая эту задачу.

Первое чувство, съ которымъ всѣ мы, мыслящіе читатели или критики, приступаемъ къ подобнаго рода явленію, есть безъ всякаго сомнѣнія — недовѣріе. На это недовѣріе есть нѣсколько причинъ и причянь очень важныхъ, заключающихся какъ вообще въ нашихъ умственныхъ и нравственныхъ требованіяхъ, такъ и въ частныхъ, историческихъ или даже чисто случайныхъ обстоятельствахъ. Съ другой стороны, — нѣтъ никакого сомнѣнія, объ этомъ свидѣтельствуютъ факты, что всякое подобнаго рода произведеніе возбуждаетъ при появленіи своемъ и большой интересъ и значительныя ожиданія: какъ будто все ждемъ мы, что вотъ-вотъ кто-нибудь разрѣшитъ намъ мудреную загадку, разсѣчетъ намъ запутанный узелъ нашихъ отношеній къ нашему старому быту...

Ожиданія большею частію до сихъ поръ не оправдывались: интересъ, сначала сильно возбужденный съ изумляющею быстротою слабѣлъ...

Вотъ напрямѣръ, новый и добросовѣстный трудъ челоуѣка съ несомнѣннымъ талантомъ, приступавшаго къ дѣлу съ любовію и съ умомъ, изучившаго избранную имъ эпоху, подложившаго даже душевную мысль подъ свои изученія... На него, на этотъ прекрасный трудъ, многіе, можно-сказать большинство даже, бросились съ жадностью, но и его, увы! ждетъ въ скоромъ времени неминуемое забвеніе, постигаетъ общая участь.

Не многое всплыло доселѣ и осталось въ нашихъ попытокъ воссоздать старыи бытъ: пушкинскіе «Борисъ» да «Русалка», лер-

монтовскій «Калашниковъ» частями — остались капиталами, — блестящія попытки Вельмана въ изображеніи старинны почти мифической, частями же романы Лажечникова. Остальное, по бывалому выраженію, кануло въ Лету.

Современные наши читатели едва ли помнятъ эпоху свирѣпствованія въ литературѣ историческаго рода съ легкой руки покойнаго Загоскина, а эпоха эта прелюбопытная по своей наивной вѣрѣ. Несмотря на то, что изъ кружка пушкинскаго вышелъ ей едва ли не съ самаго же начала такой приговоръ, что наши тогдашніе романисты снимали изображенія предковъ съ кучеровъ ихъ потомковъ, и что этотъ нѣсколько аристократическій приговоръ въ сущности оказался справедливымъ: многочисленность фактовъ, выражавшихъ одно и тоже стремленіе, была такова, что самъ Бѣлинскій называлъ этотъ періодъ — романтически-народнымъ.

И Бѣлинскій былъ даже правъ. Романтическая струя въ той эпохѣ — несомнѣнна. Несомнѣнна же и народная струя, только она бѣжала вовсе не по тому руслу, по которому шли загоскинскіе романы и кукольниковскія драмы... Тихо и ровно, но широко открыла она свое теченіе въ «Борисѣ», «Русланѣ», «Капитанской дочкѣ», «Арапѣ Петра-великаго», «Дубровскомъ», сверкнула водопадомъ въ лермонтовской поэмѣ «о купцѣ Калашниковѣ», бросивши нѣсколько разливовъ вдаль въ «Кашчѣ» и «Святославичѣ» Вельмана, пожалуй въ великолѣпной языковской сказкѣ о «Сѣромъ волкѣ и жарѣ птицѣ», смѣшала свои чистыя воды съ мутными водами другого русла въ романахъ Лажечникова, затаялась потомъ, загороженная отрицательною литературою сороковыхъ годовъ и потомъ потекла себѣ какъ Волга отъ Костромы въ дѣятельности Островскаго, принявши въ себя на пути нѣчто вродѣ Камы — «Семейную хронику» покойнаго Аксакова...

Разница между этими двумя струями, въ пріемѣ, въ точкѣ отправленія.

Для людей, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ, Островскій, отчасти Вельманъ, Лажечниковъ, Аксаковъ, какъ для художниковъ, творчество невозможно безъ природы, безъ опредѣленныхъ типовъ. Въ «развитіе» души человѣческой, т. е. въ то, чтобы люди когда-либо были звѣрями, а потомъ сдѣлались людьми, они плохо вѣрятъ. Душу человѣка они вѣрятъ во всѣ времена и вѣка на одинъ аршинъ; душевныя явленія объясняютъ одними и тѣми же законами. Погодина, ревностнаго и рьянаго защитника памяти Бориса, выставившаго поспѣшность и цельность слѣдствія по дѣлу убіенія царевича Димитрія за одно изъ доказательствъ невинности Бориса, который суровѣе бы довѣче и умнѣе схоронить концы, Пушкинъ поразилъ

простымъ возраженіемъ, что какой угодно наумнѣйшій человѣкъ торопится поскорѣй отдалить отъ себя слѣды страшнаго дѣла и до тѣхъ поръ, пока отъ представленія о немъ какъ-нибудь не отдѣлается, теряетъ всякое самообладаніе... Понятно, что несмотря на карамзинское вліяніе, представленіе стараго быта въ Борисѣ вышло несравнимо выше всей исторіи Карамзина, и съ карамзинскою школою ничего не имѣетъ общаго въ приѣмъ; что сценой въ корчмѣ — пушкинское творчество закидываетъ сѣти въ далекое отъ него будущее, въ дѣятельность Островскаго, и что нѣкоторые наброски, какъ Пугачевъ въ «Капитанской дочкѣ», закинуты еще дальше...

Геніальный юношескій взрывъ Лермонтова въ поэмѣ о купцѣ Калашниковѣ точно также простъ по своему приѣму, а между тѣмъ таковъ, что въ изображеніи Грознаго вѣнценосца мы не пошли дальше ни въ высокоталантливыхъ драмахъ Мея ни въ новомъ романѣ графа А. Толстого, а элементъ земскаго протеста сосредоточеннаго съ великою поэтической силою въ другомъ героѣ великой поэмы, въ Калашниковѣ — до сихъ поръ еще никому не пригрѣзился.

Приѣмъ Островскаго въ Мининѣ въ этомъ отношеніи до того простъ, что академія удостоила его даже преміи, а г. Омега объявилъ его вовсе негоднымъ, но вѣдь академія изюконъ вѣка браковали «Сидовъ» (на то онъ и академія), а пушкинскій Борисъ возбуждалъ неудовольствіе даже не въ г. Омега, а въ первомъ русскомъ критикѣ той эпохи, въ Полевомъ, и понятъ былъ только грубымъ семинаристомъ Никодимомъ Нащоумкой.

Такъ же просты приѣмы другихъ менѣе цѣльныхъ художниковъ. каковы Вельтманъ, Лажечниковъ, Мей — тамъ, гдѣ они являются истинными художниками. Передъ ними стоитъ натура, какая-нибудь да натура. Вельтманъ въ своемъ «Кашеѣ» и «Святославичѣ», правильно ли, нѣтъ ли, но взялъ натуру южныхъ славянскихъ племенъ, и вышли образы заправскіе, а не сочиненные. Лажечниковъ въ изображеніи Ивана III и русскаго быта той эпохи руководствуется общею натурою русскаго человѣка — и это-то руководство помогаетъ ему создать Вольнскаго, невѣрнаго можетъ-быть исторически, но лицо народно-типическое.

Другая струя вела свое начало отъ Загоскина, Загоскинъ же велъ свое начало отъ Шишкова по духу и отъ вѣшняго импульза, отъ Вальтеръ-Скотта по нормѣ. Извѣстно что такое шишковское славянофильство. Оно было направленіе очень почтенное, но впервыхъ, его крайніе логическіе предѣлы — гг. Бурачекъ, А. Муравьевъ и г. Аскоченскій, — вовторыхъ самый ярый изъ западниковъ ближе въ сущности къ народу, чѣмъ писатели шишковской школы... Загоскинъ, единственно даровитый человѣкъ этого направленія, смотрѣлъ

на русскій бытъ сквозь византійско-татарскую призму, замѣнявшую до Петра великаго призму византійско-казарменную. Единственною натурою, которую онъ зналъ въ русскомъ быту, была натура стародворянская, да натура дворянаго человѣка: — первую, которую бичевалъ Грибоѣдовъ въ Фамусовѣ и Хлестовой, и изображалъ со всею строгостію простоты Пушкинъ въ Кириллѣ Троекуровѣ — онъ поэтизировалъ въ умиленіи; у второй онъ заимствовалъ для изображеній своихъ языкъ и формы.

За нимъ пошла цѣлая вереница историческихъ романовъ, о которыхъ мы когда-нибудь поговоримъ поподробнѣе. Всѣ они писались на одинъ манеръ.

Всего страннѣе то, что человѣкъ народа, Полевой, вдеями своими далеко опережавшій всю эту школу — какъ драматургъ попалъ въ ту же манеру, противъ которой самъ ратовалъ и протестовалъ въ критикахъ и романахъ.

Къ какой же струѣ принадлежитъ князь Серебряный графа Алексѣя Толстого?

Авторъ предпослалъ своей повѣсти предисловіе.

«Представляемый здѣсь рассказъ — говоритъ онъ — имѣеть цѣлю не столько описаніе какихъ-либо событій, сколько изображеніе общаго характера цѣлой эпохи и воспроизведеніе понятій, вѣрованій, нравовъ и степени образованности *русскаго общества во вторую половину XVI столѣтія*.

«Оставался вѣрнымъ исторіи въ общихъ ея чертахъ, авторъ позволялъ себѣ и нѣкоторыя отступленія въ подробностяхъ, не имѣющихъ исторической важности. Такъ между прочимъ казнь Вяземскаго и обоеихъ Бломиловыхъ, случившаяся на дѣлѣ въ 1570 году, помѣщена для сжатости рассказа въ 1565 году. Этотъ умысленный анахронизъ едвали навлечетъ на себя строгое порицаніе, если принять въ соображеніе, что безчисленныя казни, послѣдовавшія за низверженіемъ Сильвестра и Адашева, хотя много служатъ къ личной характеристикѣ Іоанна, но не имѣютъ вліянія на общій ходъ событій.

«Въ отношеніи къ ужасамъ того времени, авторъ оставался постоянно ниже исторіи. Изъ уваженія къ искусству и къ нравственному чувству читателя, онъ набросилъ на нихъ тѣнь и показалъ ихъ по возможности въ отдаленіи. Тѣмъ не менѣе онъ сознается, что при чтеніи историковъ книга не разъ выпадала у него изъ рукъ и онъ бросалъ перо отъ негодованія, не столько отъ мысли, что могъ существовать Іоаннъ IV, сколько отъ той, что могло существовать такое общество, которое смотрѣло на него безъ негодованія. Это тяжелое чувство постоянно мѣшало необходимой въ эпи-

ческомъ сочиненіи объективности и было отчасти причиною, что романъ, начатый болѣе десяти лѣтъ тому назадъ, оконченъ только въ настоящемъ году. Последнее обстоятельство послужитъ быть-можетъ нѣкоторымъ извиненіемъ для тѣхъ неровностей слога, которыя вѣроятно не ускользнутъ отъ читателя.

«Въ заключеніе авторъ полагаетъ нелишнимъ сказать, что чѣмъ вольнѣе онъ обращался съ второстепенными историческими происшествіями, тѣмъ строже онъ старался наблюдать истину и точность въ описаніи характеровъ и всего что касается до народнаго быта и до археологіи.

«Если удалось ему воскресить наглядно физиономію очерченной имъ эпохи, онъ не будетъ сожалѣть о своемъ трудѣ и почтеть себя достигшимъ желанной цѣли.»

Мы нарочно выписали все предисловіе, чтобы выставить на видъ тѣ вполне серьезныя задачи, которыя имѣтъ въ виду авторъ новаго историческаго романа. Онъ взялся, шутка сказать! изобразить характеръ цѣлой эпохи, воспроизвести понятія, вѣрованія, нравы и степень образованности тогдашняго русскаго общества.

Почему же за все тогдашнее общество онъ счелъ гротцаго и его опричника, земскихъ бояръ и станичниковъ, т. е. разбойниковъ? Это первый вопросъ, который представляется при чтеніи его произведенія всякому мадо-мальски мыслящему читателю.

Давно уже было намекано, если не подробно развѣнчано многими вашими изслѣдователями, что быть бояремъ, хотя бы даже и земскыхъ, а тѣмъ болѣе быть придворнымъ не могутъ быть исключительнымъ мѣриломъ всей общественной жизни той эпохи. Не безъ основанія полагали также нѣкоторые, что и такъ-называемая патріархальность, т. е. не семейное а родовое начало съ его разными послѣдствіями, т. е. деспотизмомъ и угнетеніемъ женщины, развившеся въ этомъ показномъ быту, обязано своимъ крайнимъ развитіемъ, преобладанію маносскихъ элементовъ, татарскому вліянію, которому показной бытъ подвергся по преимуществу, и которое онъ въ свою очередь старался распространять въ быту истинноземскомъ, уходящемъ все-таки такъ влѣдъ иначе изъ-подъ его вліянія.

Графу Толстому заблагоразсудилось твердо держаться старыхъ, такъ-сказать казенныхъ точекъ зрѣнія: онъ занялся только изученіемъ наказнаго быта, и поэтому онъ, читая лѣтописи, только лился тому, что было общество, которое выносило Іоанна IV.

А простой вопросъ о томъ, почему оппозиція земскихъ бояръ тирану встрѣчала въ земщинѣ мало сочувствія или вовсе не находила дѣятельнаго сочувствія, вовсе не пришолъ ему въ голову.

Мы далеки отъ мысли видѣть въ Грозномъ Ивана-благодѣтеля русской земли, какого видѣть въ немъ школа гг. Соловьева и Кавелина; мы, разбирая разъ произведеніе, несравненно высшее романа графа Толстого, «Исквитянку» Мая, упрекнули покойнаго поэта въ изображеніи Ивана по этой теоріи въ сладкихъ изліяніяхъ души передъ Борясомъ и сыномъ, но не можемъ раздѣлять и другою односторонняго воззрѣнія, подъ влияніемъ котораго написанъ романъ графа Толстого.

«Да поможетъ Богъ и намъ — заключаетъ авторъ свою повесть — изгладить изъ сердець нашихъ послѣдіе слѣды того страннаго времени, влияніе котораго, какъ наследственная болѣзнь, еще долго потомъ переходило въ жизнь нашу отъ поколѣнія къ поколѣнію! Простимъ грѣшной тѣни царя Иоанна, ибо не онъ одинъ несетъ отвѣтственность за свое царствованіе; не онъ одинъ создалъ свой произволь, и пытки, и казни, и паупичество, вошедшее въ обязанность и въ обычай. Эти возмутительныя явленія были подготовлены предыдущими временами, и народъ, упавшій такъ низко, что могъ смотрѣть на нихъ безъ неодобаній, самъ создалъ и усовершенствовалъ Иоанна, какъ раболѣпные римляне времена упадка создавали Тиберевъ, Нероновъ и Калитутъ.»

Бывали послѣ всего того, что раскрываетъ передъ нашими глазами дѣятельность г. Щапова и что возсоздаетъ творчество Островскаго, стоитъ серьезно опровергать эти — позвольте ужъ такъ выразиться — вздорныя слова. Какой это народъ разумѣетъ графъ Толстой? Этотъ народъ умѣлъ стоять за себя, когда дѣло касалось его интересовъ. Если онъ молчалъ, если Грозный становился все грознѣе и грознѣе, то потомучто народъ не сочувствовалъ оппозиціи земскихъ бояръ по той простой причинѣ, что солонь ему самому были эти земскіе бояре, которыхъ хотеть нашъ романистъ выставить защитниками его правъ противъ опричнины.

Если опричнина Ивана случайно задѣвала его, хотя до него она вообще не касалась, онъ умѣлъ постоять за себя, что гениально угадано Лермонтовымъ въ его великой поэмѣ о кунцѣ Калашниковѣ и Лажечниковымъ въ одной сценѣ его неудачной драмы «Опричникъ», въ сценѣ столкновенія рядскихъ съ опричниками...

Этого народа не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть графъ А. Толстой, и несмотря на то, что онъ изучалъ добросовѣстно одну сторону эпохи, романъ его кажется написаннымъ «нарочно» — такъ же точно нарочно, какъ нарочно написанъ имъ недавно «донъ-Жуанъ.»

Разбирать его въ подробности мы не станемъ, — даромъ что онъ въ трехъ частяхъ, и даромъ что онъ многими читается съ интере-

сомъ, особенно, какъ говорятъ, барынями. Въ немъ все — сочиненіе перьдко и искусное, но чаще всего искусственное; все даже статистическое, за исключеніемъ одного полудіота Митьки съ его оглоблей. Авторъ говоритъ, что въ изображеніяхъ ужасовъ эпохи, онъ постоянно ниже исторіи. Это неправда. Лучшее, наиболѣе улащенное ему, это изображеніе женоподобнаго Федьки Басманова, рѣзкое до содомской наглости...

Замѣчательно странно, что все завоеванное въ изображеніи чертъ народа Островскимъ, прошло какъ будто мимо нашего романиста; еще страннѣе можетъ быть то, что романъ, писанный въ 1852—1862 годахъ, не можетъ идти въ какое либо сравненіе съ романами Лажечникова, писанными въ половинѣ и концѣ сороковыхъ годовъ. Тамъ сила творчества страстнаго иногда до измѣшества, чутье народныхъ типовъ подчасъ изумляющее, поэзія не сомнѣнная хоть и пополамъ съ фальшью и ходульностью, здѣсь безплодная, хоть и добросовѣстная усилія да казенщина почти загосквинская, безъ загосквинской наивности.

Многіе будутъ на насъ негодовать за рѣзкость нашего приговора, но время, и очень недалекое, насъ совершенно оправдаетъ. «Князь Серебряный», весьма скоро будетъ забытъ, а «Басурманъ», «Ледяной домъ» и «Новикъ», будутъ всегда читаться, несмотря на ихъ недостатки.

ПАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Недовольный мистеръ Катковъ. — Городское управленіе въ Тулѣ. — Харьковское общество взаимнаго застрахованія домовъ. — Неурожаи. — Елки на желѣзной дорогѣ. — Вывозъ хлѣба за границу. — Экономическое общество и московскій зоологическій садъ. — Распространеніе грамотности.

По случаю преобразованій общественнаго управленія въ городахъ, въ послѣднее время по цѣлой Россіи работали и теперь еще работаютъ особыя комиссіи. Многія кончили уже свои занятія, другія продолжаютъ разрабатывать данный вопросъ въ указанномъ направленіи, усердно стремясь придти къ показаннымъ результатамъ. Великое дѣло общественнаго управленія, разгадка нашей будущности, вводится у насъ административнымъ путемъ, и «Современная Лѣтопись Русскаго Вѣстника» находитъ, что «наша слава состоитъ именно въ томъ, что Россія достигала и достигаетъ мирнымъ путемъ тѣхъ результатовъ, которые другимъ народамъ стоили великихъ потрясеній и кровавыхъ переворотовъ.» Что и говорить! Всякое великое потрясеніе, всякій кровавый переворотъ — страшныя вещи, и разумѣется Россія обойдется безъ нихъ; но главная рѣчь покажетъ о результатахъ. Мирнымъ путемъ достигаемъ результатовъ. Хорошо. Разумѣется мирнымъ путемъ; ни о какомъ другомъ пути мы и говорить не хотимъ. Но какихъ результатовъ? Опять-таки гдѣ цѣль? гдѣ идеалъ? Другимъ народамъ эти результаты стоили великихъ потрясеній. Да годятся ли намъ эти результаты? Вотъ вопросъ, надъ которымъ не задумывается «Русскій Вѣстникъ». По его мнѣнію разумѣется годятся, и потому онъ съ владѣющею важностью толкуетъ объ аристократическомъ элементѣ, всячески стараясь разграничить, наставить перегородокъ тамъ, гдѣ духъ народный или знать не хочетъ никакой перегородки или

если перегорodka есть, то за нею онъ считаетъ совершенно чужой лагерь; ничего стоящаго по ту сторону не признаетъ ни своимъ, ни близкимъ, ни родственнымъ. «Русскій Вѣстникъ» не можетъ этого не знать, — очень хорошо знаетъ; но мечтается ему тоже, что хоть оно и такъ, но все-таки безъ лордства обойтись нельзя. Не въ духъ это націи, противно это основнымъ, кореннымъ убѣжденіямъ націи, въ крови заключается отвращеніе отъ всякихъ перегородокъ, а все-таки какъ же можно безъ лордства? И уже тутъ убѣжденіями ничего не сдѣлаешь. Напрасно г. Шаповъ въ своихъ статьяхъ неоспоримо исторически доказываетъ, что всякое насиліе народныхъ наклонностей отзывается болѣзненно и вызываетъ распаленіе, антагонизмъ, отчужденіе. Но разъ забравши въ голову, что Россія должна быть перестроена на англійскій ладъ, съ лордами и судейскими париками, «Русскій Вѣстникъ» знать ничего не хочетъ и жить безъ лордства не согласенъ. Отъ этого происходятъ у него забавнѣйшія противорѣчія. Такъ 14 ноября онъ мечтаетъ о томъ, какъ хорошо будетъ «когда у насъ земскія учрежденія будутъ согласованы съ судебными, потому что отъ этого будетъ зависеть судьба аристократическаго элемента въ Россіи. Но если сосредоточить управленіе земскими дѣлами въ рукахъ дворянства, то это сдѣлалось бы неустраняемою причиною антагонизма сословій, внесло бы пагубный элементъ сословной вражды въ дальнѣйшую исторію Россіи. Рано или поздно наступила бы пора, когда диссонансъ обнаружился бы въ полной силѣ, и эта пора была бы послѣднею порой аристократическаго элемента въ Россіи.»

Такъ Афанасій Ивановичъ любилъ иногда пострасцать Пульхерію Ивановну, когда былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Но полноте, Афанасій Ивановичъ. Богъ-знаетъ, что вы говорите! Грѣхъ это говорить и Богъ наказываетъ за такія рѣчи. Но Афанасій Ивановичъ, довольный тѣмъ, что пошутялъ надъ Пульхеріею Ивановной, улыбается сидя на своемъ стулѣ.

«Итакъ. — продолжаетъ г. Катковъ — исключительно предоставленіе земскихъ дѣлъ дворянству, какъ сословію, не обезпечило бы хорошаго управленія земскими дѣлами, потому что дворянство управляло бы ими, не въ общемъ земскомъ, а въ сословномъ интересѣ. Кроме того въ общій государственный строй была бы внесена элементъ сословнаго антагонизма, а послѣдствія этого антагонизма оказались бы опасными для всего государства, а еще болѣе опасными для дворянскаго сословія. Они лишили бы государство необходимаго ему аристократическаго элемента, а дворянское сословіе рано или поздно привели бы къ политической смерти.»

— Вотъ слушайте только что онъ говоритъ! — сказала бы на это

Пульхеріи Ивановна. Я и знаю, что онъ шутитъ, но все-таки не пріятно слушать. Вотъ такъ онъ всегда говоритъ: иной разъ слушаешь, слушаешь, да и страшно станетъ. — Но Афанасій Ивановичъ довольный тѣмъ, что нѣсколько напугалъ Пульхерію Ивановну, сбѣдетъ, сидя согнувшись на своемъ стулѣ.

«Но съ другой стороны — продолжаетъ г. Катковъ — если не желательно, чтобы дворяне управляли земскими дѣлами въ силу сословной привилегіи, то никакъ не желательно, чтобы управленіе земскими дѣлами вышло изъ рукъ дворянъ.»

Очевидно, что Афанасій Ивановичъ зарапортовался. Съ одной стороны это скверно, а съ другой — очень хорошо, говоритъ онъ. Правда, бывають такія двустороннія вещи, съ одной стороны никуда не годныя, съ другой — хорошія. Но Афанасій Ивановичъ, въ своемъ шутиломъ радикализмѣ прямо говоритъ, что исключительное предоставленіе земскихъ дѣлъ дворянству приведетъ дворянское сословіе рано или поздно къ политической смерти, и тутъ же рядомъ желаетъ, чтобы управленіе земскими дѣлами не вышло изъ рукъ дворянъ. Такого ужасающаго, такого краснаго радикализма мы никакъ не ожидали встрѣтить въ русской литературѣ, а всего менѣе у г. Каткова. Но онъ не вѣдаетъ что творить. Онъ говоритъ, что «мѣстное управленіе только тогда пойдетъ у насъ успѣшно, когда преимущественное участіе въ немъ будутъ принимать дворяне», потому что никто въ равной съ ними степени не имѣетъ «привычки управлять людьми.» Стало-быть онъ хочетъ, чтобы въ будущихъ земскихъ учрежденіяхъ возобновилась, воскресла плѣнительная «привычка управлять людьми», отъ которой мы только что начинаемъ отвыкать съ 19 февраля прошлаго года. Но въ такомъ случаѣ къ чему же была вся эта ломка? Если уже надо, по мнѣнію г. Каткова, возобновить привычку управлять людьми, такъ незачѣмъ было отъ нея отказываться; по его мнѣнію стало-быть не нуженъ былъ манифестъ 19 февраля. Въ одномъ духѣ, въ одномъ смыслѣ, въ одномъ направленіи съ этимъ великимъ манифестомъ составленъ проектъ земскихъ учрежденій; въ немъ эти учрежденія освобождены въ значительной степени отъ сословнаго характера, и г. Катковъ горько сбѣдетъ на это и предлагаетъ устроить такъ, «чтобы если не по закону, то по силѣ вещей земскія учрежденія остались въ рукахъ дворянъ-помѣщиковъ.» «Этого можно достигнуть — говоритъ онъ — возможнымъ ограниченіемъ выборнаго начала съ тѣмъ, чтобы земскія учрежденія отличались аристократическимъ характеромъ.»

Но къ счастью для здраваго смысла, хотя вовсе не къ чести литератора, слѣдуетъ замѣтить, что вся эта бессмыслица разрѣшается

въ остроумное намѣреніе обмануть народъ. Не говоря о нравственномъ достоинствѣ этой мѣры, надо замѣтить, что подобное намѣреніе рѣшительно никогда въ исполненіи не удастся, потому что никто не одаренъ такою глубокою проницательностью какъ массы, проницательностью, доходящею до чутка, котораго никто не обманетъ, если бы даже десять «Русскихъ Вѣстниковъ» соединились для обдумыванія надувательной мѣры. Одинъ же «Русскій Вѣстникъ» придумалъ весьма нехитрую штуку, шутую бѣлыми ветками. Надо, извольте видѣть, возможно ограничить выборное начало, чтобы если не по закону, то по силѣ вещей земскія учрежденія остались въ рукахъ дворянъ-помѣщиковъ. Такъ это и не будетъ замѣтно, такъ зашестересованные и удовлетворятся, такъ будто-бы земскія учрежденія и освободятся отъ сословнаго характера, не будутъ возбуждать въ остальномъ населеніи уѣзда ни зависти, ни оппозиціи. Къ счастью можно быть увѣреннымъ, что эти ухищренія останутся въ Современной лѣтописи и въ жизнь не перейдутъ. Наше законодательство не всегда было непогрѣшимо; часто въ немъ бывали ошибки, отзывавшіяся потомъ много лѣтъ сряду, но никогда оно не говорило одно, прямо вмѣя въ виду другое, никогда сознательно не обманывало народъ. Любопытно будетъ изслѣдовать кому старается уголить г. Катковъ, недовольный составленіемъ проектовъ земскихъ учреждений; безкорыстно рѣшаться на такіа продѣлки мудрено, хотя мы и вѣримъ безкорыстію мистера Каткова. Мы непремѣнно и совершимъ это изслѣдованіе, какъ ни тернистъ, какъ ни скабрзень путь, по которому придется идти за г. Катковымъ. Но здѣсь этому изслѣдованію не мѣсто; это не принадлежитъ къ числу нашихъ домашнихъ дѣлъ; это поддонки съ задняго двора литературной лавочки. Чистка ихъ, — дѣло неприятное, но необходимое, — должна производиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Въ Тулѣ временная комиссія, учрежденная для составленія соображеній относительно улучшенія общественнаго управленія, окончила свои занятія. Въ «Сѣверной Почтѣ» объявлено, что проектъ тульской комиссіи составленъ по давней программѣ и есть болѣе или менѣе видоизмѣненіе и сокращеніе проектовъ петербургскаго и московскаго. Какимъ образомъ составилъ проектъ, не объявлено; сказано только, что депутаты тульской комиссіи были между собою несогласны. Кто разрѣшилъ несогласіе и разрѣшилось ли оно, объ этомъ ничего не сказано. Видимъ только, что комиссія составлена была изъ шестнадцати депутатовъ; изъ нихъ восемь назначено было г. начальникомъ губерніи, и восемь выбрано было изъ сословій. Уже изъ этого состава видно, что комиссія не была выраженіемъ общественнаго мнѣнія и потребностей общества. Очень можетъ быть, что

комиссія была старательна, усердно старалась какъ-нибудь не по-пасть случайно въ прѣтвиворѣчіе приказаніямъ начальства. Но дѣло въ томъ, что вовсе не того было нужно, вовсе не то требовалось. Министерство дало програму, это правда, но въ тоже время объявило, чтобы комиссія не стѣснялась программой, и въ случаѣ, если найдутъ полезнымъ съ нею не соглашаться въ томъ или другомъ случаѣ, прямо заявляли бы объ этомъ законнымъ путемъ. Стало-быть не столько усердія, сколько правды требовалось отъ комиссій. Мы такъ сложились, что ежели одинъ только членъ назначенъ начальствомъ, то мы смотримъ уже на него, какъ на начальство, и нерѣдко противъ своего желанія, противъ убѣжденій будемъ съ нимъ соглашаться. И упрекать насъ за это нельзя. Можно предположить, что въ головѣ какого-нибудь мѣщанина созрѣла прекрасная мысль, за которую министерство было бы благодарно: оно такъ усердно ищетъ и добивается правды. Но какъ же мѣщанину высказать свое мнѣніе въ присутствіи начальства? Чтобы на это рѣшиться, нужна большая привычка къ совѣщательнымъ собраніямъ и всего важнѣе — нужна полнѣйшая увѣренность въ томъ, что человѣкъ за свое мнѣніе не отвѣчаетъ даже въ такомъ случаѣ, еслибы оно начальству не понравилось. Каждый депутатъ прежде всего долженъ быть увѣренъ въ своей неприкосновенности, иначе отъ него нельзя ждать голоса и не добиться правды никогда. Мы весьма далеки отъ мысли, чтобы губернскія начальства, точно такъ же какъ министерство, не желали знать истинной правды, не желали напасть сами или какъ-нибудь быть наведенными на то что придется совершенно впору и городскимъ обществамъ и правительству, что вполнѣ удовлетворить потребности гражданъ и снять съ правительства значительную долю мелкихъ заботъ. Разумѣется имъ хочется всего этого, хотя бы даже и въ ущербъ своей власти; но избраннымъ ими путемъ, назначеніемъ половины депутатовъ, какъ это сдѣлано въ Тулѣ, и отсутствіемъ неприкосновенности депутатовъ они достигнуть только или покорнѣйшаго поддакивания или робкаго представленія полумѣры, ни къ чему не ведущей. Положимъ даже, что начальство прикажетъ депутатамъ откровенно говорить свои мнѣнія, положимъ что оно даже обѣщаетъ безнаказанность за мнѣнія, съ которыми не согласится; но надо же войти въ положеніе мѣщанина, мнѣющаго прекрасную, зрѣлую, практическую мысль, идущую въ разрѣзъ съ мнѣніемъ начальства. Какъ высказать? Какъ заставить языкъ поворотиться? Конечно, сказано, что за правду ничего не будетъ; ну, а какъ съ этой-то правды да попадешь на замѣчаніе, какъ человѣкъ, въ чемъ-нибудь, хоть въ самой малѣйшей мысли несогласный съ начальствомъ.

Всѣдствие всѣхъ этихъ соображеній весьма странно слышать, что въ Тулѣ произошло нѣкоторое несогласіе между депутатами комиссіи. Сначала замѣтимъ, что изъ шестнадцати депутатовъ половина принадлежала къ сословіямъ *владѣльческимъ*, а другая къ сословіямъ *промышленнымъ*. Положимъ, что это очень хитрое раздѣленіе, но оно такъ уже хитро, что и понять его невозможно. Во всякомъ случаѣ депутаты принадлежатъ къ городскимъ домовладѣльцамъ, такъ что въ этомъ смыслѣ они всѣ до одного суть члены сословія владѣльческихъ. Но разгадка вотъ въ чемъ: депутаты *владѣльческихъ* сословія единогласно заявили, что всѣ жители города Тулы, имѣющіе быть членами городского общества, должны быть раздѣлены на два главные разряда: на разрядъ *владѣльческій* и разрядъ *промышленный*. Понятное дѣло, что они заявили это единогласно: они такъ и были назначены съ этимъ раздѣленіемъ; самое раздѣленіе это было имъ подсказано если не прямо, то ихъ назначеніемъ. Каждый изъ двухъ разрядовъ, по мнѣнію владѣльцевъ, долженъ быть раздѣленъ на три категоріи. Къ первому разряду должны принадлежать: а) потомственные дворяне, б) личные дворяне, и с) почетные граждане, не состоящіе въ гильдіи, духовенство и прочія лица, неотносящіеся къ промышленникамъ. Второй разрядъ, промышленный, тоже долженъ состоять изъ трехъ категорій: а) купцы, б) мѣщане, с) ремесленники. Если уже необходимы или въ какомъ-нибудь отношеніи полезны перегородки, то почему же не поставить эти; очень можно поставить; даже есть возможность купцовъ раздѣлить по гильдіямъ, а двѣ первыя категоріи владѣльческаго разряда раздѣлить еще по чинамъ, такъ что составитъ, вѣсто шести, десять или пятнадцать категорій, сколько заказано будетъ устроить. Но необходимость или польза этихъ категорій никакъ доказаны быть не могутъ. Намѣреніе правительства, ясно выраженное въ министерскомъ циркулярѣ, заключается въ томъ, чтобы предоставить городамъ возможно большія права самоуправленія. Въ каждомъ городѣ изъ ста домовъ, по крайней-мѣрѣ девяносто принадлежатъ лицамъ такъ-называемаго промышленнаго разряда, и едва только десять лицамъ разряда такъ-называемаго владѣльческаго. Въ какихъ же видахъ и съ какой точки зрѣнія было бы справедливо уравнивать девяносто промышленныхъ голосовъ съ десятью владѣльческими? Положимъ, что въ какихъ-нибудь высшихъ государственныхъ видахъ раздѣленіе народа на сословія съ различными правами и преимуществами можетъ быть полезно; но въ городѣ это положительно не нужно. Всѣ граждане города, а тѣмъ болѣе всѣ сосавы и городскимъ бы они ни были, въ равной степени заинтересованы домоовладѣльцы, кто благоустройствомъ, и хорошею организаціею

ношціи, и благолѣпіеи церквей, и призрѣніемъ нищихъ, и акуратнымъ вносомъ городскихъ повинностей. Если оцѣнить городскія имущества на деньги, то въ каждый ста рублѣхъ оцѣнки будетъ заключаться тоже около девяноста рублѣй имущества лицъ промышленнаго разряда и около десяти рублѣй только придется на долю разряда владѣльческаго. Слѣдуетъ, чтобы при поачѣ голосовъ девяносто рублѣй равнялась десяти, будетъ ошибка даже арифметическая, не говоря уже о томъ, что это возбуждаетъ антагонизмъ, о предупрежденіи котораго такъ справедливо и съ такими задними мыслями усердно хлопочетъ мистеръ Катковъ.

Потомъ еще слѣдуетъ замѣтить, что раздѣленію на сословія владѣльческаго и сословія промышленныя есть одна только игра словъ, которымъ въ дѣйствительности ничто не соответствуетъ. Но противуположности съ разрядомъ промышленнымъ, надо полагать, что къ разряду владѣльческому принадлежать лица, не занимающіяся никакою промышленностью. Но развѣ земледѣльская промышленность не есть промышленность? До 19 февраля прошлаго года положимъ, что это не была промышленность, а только барство; а съ тѣхъ поръ много воды утекло, и пріятное положеніе ничего недѣланья съ тѣхъ поръ потеряло всякую почетность. Разряды владѣльчскій и промышленный ведутъ только къ сбивчивости и больше ни къ чему. Если основать дѣленіе на происхожденіи лицъ, выйдетъ одно; если основаться на дѣятельности тѣхъ же лицъ, выйдетъ совсѣмъ другое. Говоря о дѣятельности, надо крестьянина, владѣющаго домомъ въ Тулѣ и выкупившаго вчера свой душевой надѣлъ, причислить къ разряду владѣльческому, наравнѣ съ бывшимъ его помѣщикомъ, а помѣщика, извлекающаго главный свой доходъ изъ суконной фабрики — къ разряду промышленному; купца, платящаго по третьей гильдіи и обрабатывающаго землю, купленную подъ городомъ, надо причислить къ разряду владѣльческому, а помѣщика-винокура — къ промышленному. Если же держаться только происхожденія, то прямо назвать первый разрядъ благороднымъ, а второй неблагороднымъ, или по случаю гуманности и прогреса пожалуй хоть почетнымъ или степеннымъ.

Промышленный разрядъ въ Тулѣ предложилъ, по примѣру Петербурга и Москвы, раздѣлить общество на пять разрядовъ: а) потомственные дворяне; б) личные дворяне, почетные граждане, не состоящіе въ гильдіи, духовныя и другія званія лица, не принадлежащіе къ промышленнымъ сословіямъ; в) почетные граждане, состоящіе въ гильдіи и купцы; д) мѣщане и е) ремесленники.

Тулское губернское начальство нашло первое мѣнѣе болѣе пра-

вильнымъ, несмотря на то, что промышленныя депутаты ссылались на малочисленность владѣльческихъ сословій, на односторонность или такъ-сказать случайность ихъ городскихъ интересовъ и на примѣръ Петербурга и Москвы. Начальство согласилось, что сословія владѣльческія въ Тулѣ гораздо малочисленнѣе сословій промышленныхъ, но что это ничего, что все-таки изъ первыхъ все-таки можно выбрать столько же гласныхъ, сколько изъ вторыхъ; что изъ первыхъ это даже гораздо легче, потому что между ними несравненно болѣе людей развитыхъ, опытныхъ и повнимающихъ дѣло управленія.» Мы позволимъ себѣ только замѣтить, что если въ самомъ дѣлѣ владѣльческія сословія умѣютъ управлять, то въ итогѣ городского устройства все-таки выйдетъ не самоуправленіе, а управленіе одного сословія другимъ; опять антагонизмъ, котораго слѣдуетъ такъ осторожно избѣгать. Тульскія начальства опасаются, что при раздѣленіи городскихъ жителей на пять разрядовъ, на долю владѣльческихъ сословій придется только два первыхъ разряда, а на долю промышленныхъ три. При равномъ числѣ гласныхъ отъ каждаго разряда, только двѣ пятыхъ всѣхъ голосовъ будетъ на сторонѣ владѣльцевъ, а три пятыхъ на сторонѣ промышленниковъ; такимъ образомъ будто бы гласные отъ владѣльческихъ сословій будутъ безгласными при рѣшеніи дѣлъ большинствомъ голосовъ. Но можно успокоить тульскія начальства по поводу этихъ опасеній тѣмъ, что гласныя думы будутъ совѣщаться, толковать и рѣшать большинствомъ голосовъ только дѣла, касающіяся внутренняго городского хозяйства, ничѣмъ не касаясь вопросовъ сословныхъ, никакимъ образомъ не касаясь поставленныхъ закономъ привилегій. О сословіяхъ, о ихъ правахъ у нихъ никогда не можетъ быть рѣчи, а по отношенію къ выгодности той или другой мѣры по городскому управленію, лица всѣхъ сословій совершенно равны между собою, и чѣмъ лучше, чѣмъ цѣлесообразнѣе данная мѣра, тѣмъ охотнѣе всѣ голоса будутъ между собою согласны. Можно прибавить, что они тѣмъ будутъ согласнѣе, чѣмъ меньше будетъ сословнаго элемента въ составѣ думы.

Доказательство этого есть въ томъ же извѣстіи о трудахъ тульской комиссіи, хотя оно и приведено съ противоположною цѣлью. «Въ Тулѣ учреждена была комиссія о преобразованіи пожарной части и объ устройствѣ водопроводовъ. Два депутата, люди образованные и опытные, представили два проекта, относящіеся къ обоимъ предметамъ занятій комиссіи. Оба проекта *всѣми безъ исключенія* признаны были легкими для исполненія, внималнѣе не обременительными для жителей и безспорно полезными для всѣхъ, но оба проекта остались, а можетъ-быть и навсегда останутся только

проевтами. Почему же? — Потому воиервыиъ, что они поданы были лицами, не принадлежащими къ промышленному сословію, которые считаютъ исключительно себя *дѣйствительными жителями* города, а во вторыхъ потому, что въ этой комиссіи было только шесть депутатовъ отъ владѣльческихъ сословій, и около тридцати отъ сословія промышленныхъ» (Сѣв. Поч. № 258).

Если это такъ (что требуется еще доказать), если дѣйствительно проекты, признанные *всеми безъ исключенія* (неизвѣстно, къъ это всеми, — жителями города, членами комиссіи или чиновниками) легкими, полезными и выгодными, не будутъ никогда приведены въ исполненіе только потому, что поданы были не промышленниками, то это показываетъ не болѣе ни менѣе, какъ обыкновенное у насъ, хотя и весьма прискорбное недовѣріе между сословіями. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ сословность лежитъ въ характерѣ народномъ, гдѣ сынъ бѣднаго фермера или работника на фермѣ съ материнскимъ молокомъ всасываетъ обожаніе къ своему лорду; гдѣ богатство составляетъ несомнѣннѣйшій патентъ на всеобщее уваженіе; гдѣ простолудину никогда не придетъ въ голову выразить уваженіе къ лорду или вобльмену переиъною *вы на ты*, какъ это слышится у насъ теперь нерѣдко; гдѣ простолудинъ-старикъ никогда и не поиърится, что есть страна, гдѣ старикъ изъ самаго высшаго по богатству класса общества не требуетъ, а съ глубочайшимъ и простиѣйшимъ спокойствіемъ ждетъ проявленій уваженія отъ вобльмена среднихъ лѣтъ, — тамъ подобное недовѣріе совершенно невозможно. Тамъ его лордство безконтрольно владѣетъ душою и тѣломъ не только того простолудина, который у него работаетъ, но и всякаго встрѣчнаго, который только узнаетъ, что онъ имѣлъ благополучіе встрѣтиться съ лордомъ. Отъ какихъ бы тамъ это ни выходило причинъ, историческихъ или экономическихъ или какихъ другихъ, не о томъ покаиъсть рѣчь. Дѣло въ томъ, что у насъ-то этого нѣтъ и вѣроятно не будетъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что еслибы не было перегородокъ, то не было бы и недовѣрія, не было бы мѣста зависти, ропоту и проч.

Отъ этого-то такъ легко слышать, какъ г. Катковъ съ важностью толкуетъ объ аристократическомъ и демократическомъ у насъ элементахъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ даже говоритъ: *«Совершенно согласно съ русскими преданіями, земскимъ узѣльнымъ собраниямъ дано широкое демократическое основаніе.»* Мы считаемъ это не вреднаиърениоу клеветою, а невиннымъ непониманіемъ и незнаиъемъ дѣла. Чтобы толковать о демократическихъ основаніяхъ, надо предполагать съ другой стороны аристократическія; вотъ это-то и

несогласно съ нашими преданіями, которые знаютъ только русскій народъ т. е. всю націю, и русскаго царя. Все остальное — вѣщды.

Среди множества предпринимаемыхъ по разнымъ отраслямъ управленія преобразованій, нельзя не упомянутьъ объ обществахъ взаимнаго застрахованія. По предложенію г. министра внутреннихъ дѣлъ вездѣ составлены комитеты изъ среды городскихъ жителей для обсужденія вопроса о застрахованіи. «Сѣв. Почта» считаетъ лишнимъ говорить о всей важности и пользѣ этого новаго учрежденія. Вопросъ дѣйствительно важный и возбужденіе подобныхъ вопросовъ дѣлаетъ честь министерству. Въ Харьковѣ вопросъ былъ рѣшонъ 15 сентября «въ какія-нибудь три часа.» «День 15 сентября остался вѣроятно въ памяти у всѣхъ, кому удалось присутствовать въ собраніи домовладѣльцевъ. Обширная зала дворянскаго собранія была наполнена домовладѣльцами всѣхъ сословій и состояній, и дамы въ первый, можно сказать, разъ приняли участіе въ общественномъ совѣщаніи. Засѣданіе было открыто рѣчью г. Богдановича, чиновника особыхъ порученій г. министра внутреннихъ дѣлъ. Результаты оказались такіе, какихъ и слѣдовало ожидать. Предложеніе г. министра было принято почти единогласно. Намъ случилось подходить ко многимъ кружкамъ и прислушиваться къ разсужденіямъ домовладѣльцевъ. Вездѣ говорили только о пользѣ, о выгодахъ новаго общества, и рѣдко гдѣ можно было услышать скептическое возраженіе. Въ самомъ дѣлѣ, врядъ ли что можно сказать противъ ослзательной пользы взаимнаго застрахованія. Если сосчитать, сколько денегъ ушло изъ города въ разныя страховыя общества, и сообразить, что почти *всѣ эти деньги могли бы оставаться въ городѣ*, то нельзя не пожалѣть о томъ, что подобное предпріятіе, не было задумано ранѣе. Учрежденіе такихъ обществъ въ настоящее время тѣмъ важнѣе, что они могутъ приносить неизмѣримую *пользу* предполагаемой *реформѣ* городского управленія. Если при новомъ устройствѣ городовъ необходимо, чтобы интересы жителей были слиты какъ можно болѣе, то взаимное страхованіе болѣе всѣхъ другихъ учреждений можетъ способствовать этому соединенію. Каждый домовладѣлецъ будетъ заинтересованъ сохраненіемъ имущества другого домовладѣльца. Въ тушеніи пожара будетъ принимать участіе не одно чувство челоѣколюбія, но и личный интересъ. Наконецъ тѣ капиталы, которые образуются отъ вкладовъ, могутъ составить фондъ общественнаго банка (котораго нѣтъ въ Харьковѣ), тѣмъ болѣе, что благодаря Богу, въ нашемъ городѣ число пожарныхъ случаевъ по количеству домовъ весьма незначительно. Такимъ образомъ, благодаря дѣйствію живого слова, дѣло, котораго результаты неизмѣ-

римы по своей пользѣ для матеріальнаго благосостоянія городовъ, окончено въ наикѣ-мнѣе три часа. Примѣру Харькова послѣдовали и другіе города. Намъ извѣстно, что Сумы, Ахтырка, Богодуховъ, Лебединъ, Куряжскъ, Изюмъ и Славянскъ изъявили уже готовность въ учрежденіе у себя общества взаимнаго страхования и избрали депутатовъ для составленія положенія.» (Харьков. Губерн. Вѣд.).

Ежели въ самомъ дѣлѣ Харьковъ и его уѣздные города находятъ выгоднымъ и удобнымъ устройство взаимнаго застрахованія домовъ, то мы ихъ поздравляемъ съ исполненіемъ ихъ желаній и сердечно желаемъ, чтобы предприняемый ими опытъ привелъ къ совершенно благополучнымъ результатамъ. Съ своей стороны мы видимъ въ этомъ опытѣ много хорошаго, хотя и не то же самое, что видятъ харьковскіе домовладѣльцы, или авторъ статьи, напечатанной въ харьковскихъ губ. вѣдомостяхъ. Повторяемъ, въ prospectѣ этомъ много хорошаго; но на него надо смотрѣть съ другой точки зрѣнія. Положимъ, что много денегъ ушло изъ города въ разныя страховыя общества, но зато сколько же денегъ не вернулось? По поводу каждаго пожарнаго случая возвращалась значительная сумма, и въ итогѣ можетъ быть гораздо болѣе того, что вышло изъ города. Для Харькова это не такъ еще справедливо, какъ для примѣра для Орла или для Самары. Разница только въ томъ, что въ случаѣ несчастія для Харькова, въ него поступаютъ не только тѣ деньги, которыя внесены жителями Харькова, но точно также и жителями множества другихъ городовъ цѣлой Россіи, хотя можетъ-быть съ каждаго и весьма незначительными количествами. Намъ кажется, что харьковскіе жители глубоко ошибаются касательно значенія смысла страховыхъ обществъ вообще. Страховое общество все равно, какъ бы оно ни называлось, первымъ или четвертымъ, московскимъ или петербургскимъ, во всякомъ случаѣ есть общество взаимнаго застрахованія, въ которомъ правленіе есть только посредникъ этой взаимности. Всякій страхователь, внося свою страховую премію, имѣетъ прежде всего въ виду самого себя, свое имущество, во по сущности дѣла оказывается, что онъ вноситъ сумму, необходимую въ настоящую минуту для уплаты за пожарные убытки въ другомъ совершенно городѣ, за три тысячи верстъ отъ него. Что за нужда, что много денегъ ушло изъ города на уплату пожарныхъ убытковъ въ Самарѣ. Да зато вѣдь и изъ Костромы и изъ Владиміра уходитъ множество денегъ на уплату за тѣ пожары, которые весьма возможны въ Харьковѣ, и до сихъ поръ хотя и довольно рѣдки, но все-таки бывають. Въ случаѣ несчастія, харьковскимъ жителямъ выплачиваютъ деньги черезъ правленіе страхового общества москвичъ, не-

тербуржцы, туляки, нижегородцы, всё кто только платит какую-нибудь страховую премию. Вследствие большого числа страхователей из различных мѣстъ, накаплиются суммы, достаточныя для покрытія убытковъ отъ самыхъ ужасныхъ, самыхъ разорительныхъ пожаровъ. Понятно само собою, что чѣмъ больше кругъ этой взаимности, тѣмъ въ извѣстной степени обезпеченіе несомнѣннѣе, тѣмъ легче должны быть страховыя преміи и тѣмъ менѣе страшны куртовыя несчастія. При взаимномъ застрахованіи напимѣръ деревня въ двадцать-пять дворовъ въ теченіи десяти лѣтъ, благополучно прошедшихъ, не можетъ накопиться капиталъ, достаточный для покрытія несчастія, которое можетъ случиться въ одиннадцатый годъ, и накопленныя деньги составятъ помощь весьма незначительную. Еслибы городъ Боровичи пользовался взаимнымъ застрахованіемъ хотя въ теченіи пятидесяти благополучныхъ годовъ сряду, то все-таки накопленной суммы было бы недостаточно для покрытія половины несчастія минувшаго года. А гдѣ же и когда же видно, чтобы въ уѣздномъ городѣ пришло не только пятьдесятъ, а хотя пять лѣтъ благополучно. То тамъ, то здѣсь пожаръ выхватитъ домъ, два, три, а при нашей деревянной застройкѣ, города выхватятъ привычку горѣть цѣлыми улицами, а то такъ и больше. Взаимное застрахованіе домовъ въ небольшомъ городѣ такимъ образомъ выходитъ вовсе не застрахованіе, а только сбереженіе. Чтобы исполнѣе удовлетворить требованія теоріи вѣроятностей, надо бы взаимно застрахованные дома еще застраховать на случай большого пожара, такъ какъ для пожаровъ небольшихъ, въ одинъ, въ два дома, подобнаго способа застрахованія будетъ почти довольно. Желать взаимнаго застрахованія домовъ въ Ахтырѣ, въ Харьковѣ, въ Кулианскѣ, вмѣсто обычнаго ихъ застрахованія въ нормальныхъ страховыхъ обществахъ, это тоже, что отказываться отъ взаимности такъ-сказать по цѣлой Россіи и заключаться въ крошечный кружокъ, въ провинціальную взаимность. Противъ этого можно возразить только, что выгоды, которыми пользуются акціонеры страховыхъ компаній, останутся при нынѣшнемъ проектѣ въ пользу города. Это возраженіе было бы лишено всякаго основанія. Акціонеры даютъ свой капиталъ впередъ; совершенно справедливо вознаграждать ихъ за право пользоваться ихъ капиталомъ. И если при взаимномъ застрахованіи подобнаго основнаго капитала и не будетъ нужно, зато и обезпеченіе будетъ меньше, и пожарныя убытки будутъ вознаграждаться не сполна. Положимъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ взаимно застраховано сто домовъ, причѣмъ каждый платитъ по одному проценту въ годъ и сколько-нибудь на правленію, да законныя полтину съ тысячи рублей казен-

ныхъ пошленихъ. Къ концу года сгорѣтъ вдругъ три дома. Страховыхъ денегъ собрано столько, сколько стоитъ одинъ домъ, а платить надо за три. Разумѣется каждый изъ пострадавшихъ домовладельцевъ получитъ только третью долю того что стоитъ его домъ, тогда какъ въ обыкновенномъ страховомъ обществѣ онъ получитъ полное вознагражденіе своей потери. Наконецъ можно еще возразить, что страховыя общества берутъ слишкомъ высокую премію, но и это едва ли справедливо, потому что у насъ теперь пять или шесть страховыхъ обществъ и конкуренція между ними совершенно свободна.

Но въ подобныхъ обществахъ взаимнаго застрахованія есть еще огромная невыгода, которая совершенно ускользнула изъ вниманія жителей Харькова. Взаимное застрахованіе — мысль не новая; оно было испытано въ Европѣ и оказалось, что оно далеко не такъ удобно, какъ страхованіе въ обыкновенныхъ обществахъ, потому собственно, что при взаимности страхованіемъ извѣстной общинѣ или въ извѣстномъ городкѣ устраняется всякая конкуренція и община становится монополистомъ, а члены общины дѣлаются жертвами монополіи, хотя повидимому они же сами тутъ и эксплуататоры. Но это только повидимому. У насъ, точно также какъ вездѣ, гдѣ только дѣйствуетъ не одно, а нѣсколько страховыхъ обществъ, эти общества соперничаютъ между собой въ исправности, въ точности исполненія своихъ обязательствъ и главное, въ отсутствіи придирчивости. Этими они стараются поощрить страхователей, и дѣлаютъ очень хорошо. Совсѣмъ не весело отдавать каждый годъ семидесятую или пятидесятую долю того что стоитъ имущество, тогда какъ при нашемъ неопѣненномъ «авось» такъ и напрашивается на языкъ, что авось Богъ милостивъ. По необходимости страховыя общества смотрятъ сквозь пальцы на нѣкоторыя небольшія, не очень вопіющія злоупотребленія. Дѣло въ томъ, что ежели строго разслѣдовать каждый пожарный случай, слѣдуетъ строгую раздѣлку всего сгорѣвшаго и всего оставшагося, то можетъ-быть общества выдавали бы каждый годъ едва ли немногимъ больше половины того что выдаютъ, стало-быть могли бы брать и почти вдвое меньшую страховую премію. Но этого нельзя: слишкомъ строгое изслѣдованіе причинъ пожара, какъ замѣчено не только у насъ, въ странѣ великихъ *авось* и *небось*, но и въ цѣлой Европѣ, отобьетъ охоту у всѣхъ страхователей. Общества убѣдились, что необходимо нужна нѣкоторая снисходительность, нужно иногда смотрѣть сквозь пальцы на кое-какія не-правильности въ объясненіи причинъ пожаровъ. Напримѣръ вслѣдствіе недосмотра со стороны домохозяина, балка была вдѣлана въ

трубу и произвела пожаръ. Кто виновать? Въ строгомъ смыслѣ виновать хозяинъ: ему по настоящему слѣдовало бы не выдавать денегъ, причитающихся за его убытки. Но такая придирчивость отбила бы охоту страховать имущества. Всякій хозяинъ по слову такого событія согласится, что онъ пожалуй и виновать что не посмотрѣлъ за рабочими, но вѣдь не хотѣлъ же онъ въ самомъ дѣлѣ сжечь свой домъ. Въ страховыхъ обществахъ, для успѣшнаго хода дѣла, нужна и вездѣ допускается нѣкоторая снисходительность, которой отъ общины ждаты нельзя. Обсуживая каждый данный пожарный случай для опредѣленія убытковъ и слѣдующей въ выдачу суммы, община, на другой день послѣ пожара, еще не оправившись отъ страха за дальнѣйшее распространеніе огня, будетъ крайне строго смотрѣть на того, въ чьемъ домѣ начался переполохъ, будетъ высчитывать каждую оставшуюся обгорѣлую балку, каждую половинку разбитаго стекла. Община будетъ смотрѣть на выдаваемые деньги, какъ на свои собственные, тогда какъ правленіе страхового общества распоряжается деньгами не своими; оно хранитъ только складчину и распоряжается ею съ большею легкостью, нежели община. Слишкомъ легкомысленнаго распоряженія въ правленіяхъ обществъ нѣтъ и быть не можетъ, точно также какъ нѣтъ снисходительности въ преступленіяхъ; доказательство этого въ томъ, что до сихъ поръ страхователей еще слишкомъ немного; но все же страхователю имѣть дѣло съ правленіемъ страховой компаніи будетъ несравненно легче, нежели съ общиной, и послѣ пяти-шести опытовъ, общества взаимнаго застрахованія домовъ будутъ покинуты, если только члены будутъ имѣть право ихъ оставлять; тогда начнется опять нормальное дѣйствіе страховыхъ обществъ.

Наконецъ къ несчастію въ дѣлахъ человѣческихъ надо рассчитывать и на злоупотребленія. Кто поручится, что среди множества губернскихъ и уѣздныхъ домовладѣльцевъ не найдутся и такіе, которые будутъ крайне недовольны почти насильственной платою страховыхъ премій; зная однакоже, что за всякій внесенный рубль они въ случаѣ пожара получаютъ сто, не попробуютъ тотчасъ же эти сто получить? Положимъ, что это зло можетъ быть открыто; но дѣло можетъ случиться въ вѣтреную погоду и могутъ пострадать тѣ, кто охотно вносилъ страховыя деньги. Сверхъ того, кто можетъ поручиться, что люди неразвитые со своимъ застрахованнымъ имуществомъ не будутъ обращаться менѣе осторожно чѣмъ тогда, когда оно было не застраховано? А къ тому же многія постройки въ городахъ (хоть въ томъ же Харьковѣ постоянные дворы) такъ

искусно построены, что надобно удивляться только тому, какъ онѣ горятъ не каждый годъ, да еще не по два раза.

Что касается до устройства банка на счетъ вносимыхъ страховыхъ премій, то эту забавную мысль почти не стоитъ опровергать. По поводу несчастнаго случая вклады все могутъ потребоваться вдругъ, и тогда или страховая касса окажется несостоятельною, или банкъ долженъ лопнуть. Известно, что пока нѣтъ въ городѣ банка, торговля и промышленность плетутся кое-какъ; но банкъ, хорошо организованный, даетъ имъ быстрое и сильное движеніе, утравляетъ ихъ дѣятельность, раздуваетъ, поднимаетъ, и тогда становится уже совершенною необходимостью. Тогда каждый удвоившійся оборотъ для дальнѣйшаго движенія своего уже не въ состояніи обходиться безъ помощи банка, и по мѣрѣ разростація промышленности банкъ становится все болѣе и болѣе необходимымъ. Понятно, что онъ долженъ быть построенъ на возможно болѣе прочныхъ основаніяхъ и не долженъ зависѣть во всѣхъ своихъ фондахъ отъ неосторожности пльваго кучера, который въ вѣтреную погоду полѣзеть со свѣчкой въ погребъ и спалить такую частицу города, какъ напримеръ цѣлый Измайловскій-полкъ.

Но все это ничего; взаимное застрахованіе ежели будетъ устроено, то продержится недолго: жители поймутъ пользу страхованія и обратятся въ нормальныя общества; выгода его покамѣстъ въ томъ, что расшевеливается сонное общество, толкуетъ вслухъ о своихъ интересахъ, призвано къ заявленію своихъ нуждъ; крѣпко натянутыя у ребенка помочи не отяжеляются вовсе, а нѣсколько спускаются; это хорошо; безъ этого когда же дитя само станетъ на ноги?

Другое дѣло будетъ въ большихъ центрахъ или если застрахованіе охватитъ всю губернію. Вотъ въ пензенской губерніи взаимное застрахованіе было возито на гораздо болѣе широкихъ основаніяхъ, чѣмъ въ харьковской. Тамъ уѣздные города соглашались составить одно общество съ губернскимъ городомъ; такимъ образомъ еслибы выгорѣлъ Чембарь, то тягость вознагражденія за убытки разложилась бы на все города губерніи. Но домовладѣльцы отложили обсужденіе вопроса о взаимномъ застрахованіи *до послѣдующаго времени*. А жаль.

Въ Крыму у насъ жесточайшій неурожай. Сѣно продавалось осенью дороже петербургскаго, а теперь цѣна его дошла до семидесяти-пяти копѣекъ за нудъ. Хлѣба не родилось. Многіе хозяева не воротили даже сѣмянъ, а тамъ, гдѣ урожай ожидался хорошій, все поѣла саранча. Она выродилась въ уѣздахъ Феодосійскомъ, симферопольскомъ и свнаторійскомъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ она перелетала ту-

чами на южномъ берегу и уже начинала пожирать виноградники. Но виноградъ вышелъ довольно хорошій, хотя и мелокъ отъ продолжительной засухи. Пишутъ, что приѣзжихъ въ Крымъ въ вышшемъ году было чрезвычайно мало, что русское общество пароходства и торговли беретъ за переѣзды огромныя деньги, и нашъ садъ, нашъ виноградникъ, съ выселеніемъ татаръ лишился большаго числа своихъ жителей, превращается въ пустыню. Въ Севастополѣ нѣкоторые аферисты послѣ войны думали-было воспользоваться дешевойзною тамошнихъ развалинъ и удобствомъ пользоваться строительнымъ матерьяломъ изъ разрушенныхъ фортовъ и доковъ. Началась-было дѣятельность: стали строить, расчищать, собирать даровой матерьялъ и — сбѣжали. Предпріятіе оказалось неудачнымъ; всякій легко могъ убѣдиться, что Крымъ запустѣлъ надолго и безлюдная страна не поправится до-тѣхъ-поръ, пока не прибавится въ ней население. Страшные бураны и вьюги носятся тамъ на просторѣ, ожидая, что человѣкъ, именуемый въ естественной исторіи homo sapiens, разведетъ дѣсь гдѣ нужно и высверлитъ десятковъ колодцевъ. Такъ какъ тамъ нѣтъ желѣзной дороги, то homo sapiens не находитъ выгоды разводить дѣсь даже хоть на зиму, какъ это дѣлается на николаевской желѣзной дорогѣ. Какъ извѣстно, эта дорога проходитъ по степи, по малонаселеннымъ пространствамъ, которыя однако по старой памяти называются дѣсьвиши, по близости къ дорогѣ дѣсовъ давно уже нѣтъ: они или выгорѣли, или вырублены. За то предусмотрительное управленіе знаетъ очень хорошо, что нѣкоторое количество дѣсу необходимо вдоль дороги, по обѣ стороны, затѣмъ чтобы предохранять ее отъ вьюгъ, которыя иногда высоко покрываютъ рельсы снѣгомъ. Оно знаетъ очень хорошо, что снѣжныя мятели бывають каждый годъ, но въ то же время на опытѣ убѣдилось, что въ нашемъ климатѣ весной, зимою и лѣтомъ не бываетъ снѣжныхъ мятелей, или если бывають, то лишь такія, которыя оканчиваются скоро и остановокъ поѣздовъ не производятъ. Поэтому оно имѣетъ предусмотрительность каждую зиму, только-что начнутся мятели, вырубать черезъ подрядчика нѣкоторое пространство молодого еловаго дѣсу и втыкать въ снѣговья сугробы срубленныя елки двумя частями и густыми швіями вдоль всего пути, съ обѣихъ сторонъ. Оно убѣдилось на опытѣ, что молоденькія елки безъ корней дѣлаю зиму дѣйствуютъ на вѣтеръ и мятель точно такъ же, какъ еслибы онѣ были съ корнями, именно сила вѣтра уменьшается при встрѣчѣ препятствія; снѣгъ хотя и перелетаетъ черезъ рядъ елокъ, но рядомъ съ ними и ложится, попадая на рельсы лишь въ небольшомъ количествѣ. Понятно само собою, что откуда брать дѣсь на вырубку; сколько такимъ образомъ

застребится лѣсу, это уже не касается управленія, а только подрячника; главное дѣло въ томъ, что цѣль достигается и деревья безъ корней дѣйствуютъ каждую зиму такъ, какъ еслибы они были съ корнями.

Къ несчастію въ Крыму нѣтъ возможности распорядиться даже съ такою глубокою предумительностью: тамъ нуженъ лѣсъ и лѣтомъ точно такъ же какъ зимою; такъ сажать деревья безъ корней оказывается вовсе неудобнымъ. Къ тому же тамъ и потребность другая: насажать деревья въ два длинныя ряда тамъ не нужно, а напротивъ, нужны лѣса, рощи, перелѣски, чтобы климатъ Крыма совершенно переизмѣнился, чтобы онъ сдѣлался похожимъ на климатъ сѣверной и средней Франціи и пререйскихъ областей. Известно, что у насъ издержана огромная сумма, что-то вродѣ нѣсколькихъ миліоновъ рублей на такъ-называемое образцовое устройство петербургскаго и окрестныхъ уѣздовъ. Но деньги, брошенные въ болото, упали на почву неблагоприятную, и болото остается болотомъ. Половины, четверти этихъ миліоновъ было бы довольно, чтобы преобразовать климатъ Крыма и сдѣлать обитаемыми его громадыя степи. И тутъ деньги получили бы хорошее употребленіе; ихъ было бы не жаль, потому что страна дѣйствительно сдѣлалась бы роскошнѣйшимъ садомъ, тогда какъ еслибы кто вздумалъ бросить деньги на образцовое устройство кольскаго уѣзда, можно пожалуй согласиться, что климатъ сдѣлался бы въ десять разъ лучшимъ, но все-таки онъ былъ бы отвратителенъ. Черезъ нѣсколько столѣтій, когда Россія окончательно выступитъ на широкую дорогу свободной дѣятельности и человѣчество найдетъ болѣе выгоднымъ, болѣе сообразнымъ съ здравымъ смысломъ не насловать природу, а жить съ нею въ согласіи, потомки наши, читая исторію, будутъ удивляться какъ долго и упорно, наперекоръ стихіямъ, Петербургъ оставался многолюднымъ городомъ, тогда какъ онъ первоначально имѣлъ нѣкоторыя условія дальняго аванпоста при завоеваніи цивилизаціи, оставался даже въ то время, когда уже Россія много десятковъ лѣтъ владѣла черноморскимъ берегомъ, гдѣ людямъ живется легче, гдѣ солнце дружелюбно смотритъ на землю, гдѣ жители здоровѣе и человѣческая жизнь продолжительнѣе.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости все болѣе и болѣе выступаетъ наружу искусственность Петербурга, какъ многолюднаго центра. Всякому становится очевиднымъ, что петербургская, новгородская и псковская губерніи устроены природой не для земледѣлія, тогда какъ большое скопленіе жителей требуетъ съ другой стороны много земледѣльцевъ для своего прокормленія. Хлѣбъ и другіе жизненные продукты достав-

ляются на аванпосты изъ-за тысячъ верстъ, а ближайшія окрестности, за сто, двѣсти, триста верстъ не родятъ и столько хлѣба, чтобъ прокормить самихъ земледѣльцевъ, и на триста верстъ кругомъ едва родятъ достаточно сѣна, чтобы прокормить столичныхъ лошадей. Торговцы знаютъ очень хорошо, что можно добыть курицу для петербургскихъ потребителей не иначе, какъ на разстояніи 200—400 верстъ отъ столицы, что стало-быть мы платимъ за провозъ продукта вдвое болѣе того что онъ стоитъ на мѣстѣ, да прибавляетъ еще что слѣдуетъ на проѣздъ скупщика за товаромъ и обратно. А петербургскіе жители жалуются на дороговизну жизни и все ждутъ когда же наконецъ предметы первой необходимости подешевѣютъ. Понятное дѣло, что подешевѣтъ имъ нѣтъ никакой возможности, а напротивъ, замѣтна сильная склонность къ вздорожанію. Къ счастью для челоѣчества прошло то время, когда оренбургскій помѣщикъ, приѣхавшій въ Петербургъ судиться наприѣръ съ бакирцами, живалъ въ столицѣ по нѣскольку лѣтъ и къ празднику получалъ изъ своего имѣнія цѣлые обозы различныхъ съѣстныхъ припасовъ. Теперь онъ разочтеть съ большимъ удобствомъ чего будетъ стоять наемъ подводъ и при каждой по челоѣку изъ Стерлитамака въ Петербургъ и найдетъ, что продажа всѣхъ продуктовъ не окупитъ и пятой доли цѣны ихъ провоза, тогда какъ встарину, не въ очень далекую старину, крѣпостные мужики слѣдовали съ своими лошаденками, съ накладною отъ старосты, двѣ тысячи верстъ каждый годъ, и возвращались какъ разъ впору, чтобы приняться за пахату подъ яровое.

Внимательное изученіе сельскаго хозяйства въ различныхъ странахъ показываетъ, что когда трудъ и выборъ труда свободенъ, каждая страна въ своемъ хозяйствѣ слѣдуетъ постоянно однимъ и тѣмъ же законамъ, каждая страна переживаетъ извѣстные періоды, при чемъ ни отъ чьей воли, ни отъ какихъ приказаній не зависитъ пропустить который-нибудь періодъ или сократить его время. Для точнаго исполненія этого естественнаго закона нѣтъ даже никакой надобности въ наукѣ: природа сама распоряжается и направляетъ дѣятельность жителей, помимо всякихъ регламентацій и независимо отъ большаго или меньшаго естественнаго плодородія почвы. Сначала страна бываетъ лѣсиста и невозможно съ пользою извлекать изъ почвы ничего, кромѣ лѣсу и его продуктовъ. Такова напримѣръ вологодская губернія, и надо замѣтить, что лѣсное хозяйство въ ней было бы выгоднѣйшимъ даже въ томъ случаѣ, когда она лежала бы въ центрѣ Россіи и была бы точно такъ же мало населена, еслбы на душу такъ же какъ теперь приходилось по 38 десятинъ земли. Потомъ, по мѣрѣ увеличенія населенія, лѣсъ встре-

блается, на мѣстѣ его является трава, стало-быть средства для прокормленія скота; наступаетъ мало-помалу періодъ скотоводства. Получаемое удобреніе даетъ средство распахивать и улучшать почву. Тогда, опять при неизбежномъ условіи возрастанія населенія, наступаетъ періодъ хлѣбныхъ растений. И въ первые два періода жители сѣютъ хлѣбъ, но только для себя, не на продажу, вслѣдствіе недостатка сбыта, удаленія отъ многолюдныхъ рынковъ, и главное, по бесплодности почвы. Далѣе, при возрастаніи плодородія почвы, вслѣдствіе накопленія въ ней удобрительныхъ веществъ, когда земля въ обыкновенный среднурожайный годъ даетъ отъ 12 до 16 четвертей пшеницы съ десятины, наступаетъ періодъ промышленный, когда уже можно, не боясь истощить почву, сѣять растения промышленности. Наконецъ, когда земля достигаетъ высшей степени цѣнности и производительности, наступаетъ періодъ огородный: плугъ уступаетъ мѣсто лопатѣ, и земледѣліе далѣе неидетъ. Встарину, именно когда земледѣліе только-что вошло въ почетъ и удостоилось сдѣлаться предметомъ ученыхъ изслѣдованій, люди думали, что надо прямо накинуться на усовершенствованные способы, плодотворность, и т. д. Особенно много хлопотали объ этомъ экономическія общества, не только у насъ, но и въ Европѣ. Тогда множество очень дѣльныхъ и расчетливыхъ людей розорилось на усовершенствованномъ хозяйствѣ даже при крѣпостномъ трудѣ, который дѣлалъ всѣ ошибки гораздо болѣе сносными. Теперь агрономы поняли очень хорошо, что земледѣліе, точно такъ же какъ цивилизація, не дѣлаетъ скачковъ, не импровизируется, что всякій прогрессъ долженъ пережить свои возрасты, которые конечно чѣмъ скорѣе проходятъ, тѣмъ лучше. Поэтому любопытно слѣдить какъ люди, неимѣющіе понятія о земледѣліи, составляютъ комитеты и съ надлежащею важностью толкуютъ объ усиленіи средствъ сбыта земледѣльческихъ продуктовъ за границу, да еще въ добавокъ о построеніи для этой цѣли желѣзныхъ дорогъ. Это очень похоже на продажу шкуры медвѣдя, который гуляетъ еще въ лѣсу, и на споръ новобрачныхъ, которые въ день брака начинаютъ совѣщаться о томъ, куда они опредѣлятъ своего будущаго сына, въ гражданскую или въ военную службу. Позвольте. Медвѣдь еще гуляетъ, сына еще нѣтъ, а можетъ-быть выйдеть и дочь. И хлѣба тоже еще нѣтъ. Мы до сихъ поръ еще ѣдимъ ржаной хлѣбъ, тогда какъ англичане открываютъ имъ только своихъ свиней; отпускаемъ мы пшеницу сотнями тысячъ четвертей изъ разныхъ портовъ, а въ тоже время въ некоторымъ изъ нашихъ же губерній недостаетъ ржи, и народъ ѣстъ хлѣбъ, печеный нополомъ съ макиной. Нечего намъ хлопотать объ усиленіи сбыта хлѣба за границу, по-

тому что нѣтъ у насъ хлѣба. Въ Парижѣ бѣлый хлѣбъ продается по той же цѣнѣ что и въ Петербургѣ. Если что и вывозится отъ насъ, то только въ Англію, и то покупается на спекуляцію, на рискъ, чтобы продать его въ мануфактурномъ городѣ въ тотъ день, когда будетъ стоять хорошая цѣна, по какимъ-нибудь шѣстнымъ торгово-перевозочнымъ замѣшательствамъ. Прошло то время, когда мы съ патріотическою, хотя и шѣсколько забавною горлостью говорили, что Англія безъ нашего хлѣба подохнетъ съ голоду; теперь мы уже очень хорошо знаемъ, что Англія послѣ Бельгій есть самая хлѣбородная сторона въ свѣтѣ, что въ Англіи въ среднеурожайный годъ недостаетъ своего собственнаго хлѣба всего только дней на семь въ году, и наши сотни тысячъ четвертей, которыми намъ кажутся такую громадную цифрой, назначаются только для покрытія нѣкоторой части этого дефицита. Нѣтъ у насъ хлѣба, и потому, прежде чѣмъ толковать объ усиленіи средствъ его сбыта за границу, надо бы постараться, чтобы его было больше для внутренняго, домашняго обиходу. А хлѣба будетъ больше только тогда, когда заведутся фабрики, разовьется промышленность, а безъ фабрикъ и безъ домашняго сбыта страна никогда изъ періода хлѣбныхъ растений не перейдетъ въ періодъ торгоный, когда можно, не боясь истощенія почвы, вывозить хлѣбъ за границу. Нѣтъ у насъ хлѣба, потому что въ Крыму голодъ, въ Архангельскѣ голодъ, въ Финляндіи голодъ, еще въ разныхъ мѣстахъ голодъ. Въ нынѣшнемъ году изъ Петербурга вывезено хлѣба всего 371,000 четвертей, ржи и пшеницы. Значительная часть этого количества увезена въ голодающую Финляндію. Не обнаружено еще извѣстій сколько и какого хлѣба вывезено въ какіе порты; но положимъ, что въ одну Англію пшеницы доставлено 250,000 четвертей, или 90 миліоновъ фунтовъ. Предположимъ на каждого потребителя по два фунта въ день, этихъ 90 миліоновъ достанетъ только на 45 миліоновъ чело-вѣкъ, а такъ какъ въ Великобританіи жителей 29 миліоновъ, то петербургскаго хлѣба достанетъ тамъ ровно на полтора дня. Пока земля отъ увеличенія народонаселенія не станетъ у насъ давать въ средній годъ отъ 8½ до 12 четвертей пшеницы, рано еще вывозить хлѣбъ за границу, и тѣмъ разорительнѣе, чѣмъ болѣе мы потратимъ труда и денегъ на постройку желѣзныхъ дорогъ для спеціальной цѣли усилить свой вывозъ за границу. Впрочемъ, для иностранныхъ торговцевъ можетъ-быть это и будетъ выгодно.

Комитетъ, обсуживающій способы для усиленія сбыта хлѣба за границу, устроился при вольномъ экономическомъ обществѣ. Это почтенное общество всѣми силами старается быть сколько-нибудь полезнымъ, и никакъ ничего не можетъ сдѣлать. И старается даже,

вотъ уже скоро сто лѣтъ. Въ послѣднее время затѣяло оно выставку, но всякій помнитъ что это такое было; истратили нѣсколько десятковъ тысячъ, не составили каталога и даже не могли упротить распорядителя денежною частью дать какой-нибудь отчетъ въ брошюныхъ на устройство выставки деньгахъ. Распорядитель счелъ болѣе удобнымъ не давать никакого отчета. Кончилась выставка. Наступили внутреннія перемѣны, смѣнился предсѣдатель, но секретарь остался; по окончаніи внутреннихъ дѣлъ надо было что-нибудь придумать. Пригласили инженеръ-технолога съ жаданьемъ въ двѣ тысячи рублей, для дренажнаго дѣла. Понятно, что дренажъ у насъ можетъ быть выгоденъ только въ петербургскихъ огородахъ, гдѣ онъ и не устроился. Денегъ у общества много, около полумилліона рублей. Что бы такое придумать? Прекрасно, политико-экономическій комитетъ! Стали собираться, разговаривать о политической экономіи, о свободѣ торговли, о вывозѣ хлѣба за границу, какъ-будто мы такъ уже сыты, что намъ некуда дѣвать своего добра. Но эти разговоры еще не дѣло: надо какъ-нибудь утилизировать имѣющіеся въ распоряженіи капиталы; къ счастью лондонская выставка выручила; оказалось, что можно послать на выставку секретаря общества, до нѣкоторой степени извѣстнаго у насъ учителя химіи, и еще другое лицо, редактора изданій общества. Поездка довольно увеселительная, потому что денегъ у общества много. Возвратились, какъ водится донесли обществу, что видѣли выставку, кристальный дворецъ, слышали музыку и остались очень довольны. Ну, это дѣло конченное. За что бы еще приняться? Теперь время такое подошло, что помѣщикамъ нужны будутъ управляющіе. Попробуемъ облагодѣтельствовать Россію рекомендаціей отличныхъ управляющихъ, которые въ состояніи будутъ вести хозяйство на новыхъ, нынѣшнихъ началахъ, устроимъ бюро управляющихъ. Образовался комитетъ для обсужденія этой гениальной мысли. Рѣшено рекомендовать такихъ управляющихъ, которые будутъ рекомендованы обществу предводителями дворянства или неменѣе какъ тремя членами общества. Но надо было подумать, что рекомендація можетъ быть добыта какими-нибудь здѣшними путями и что стало-быть ей нельзя придавать никакого значенія, такъ что остается только записыванье желающихъ заняться управительствомъ. Но на это уже есть различныя коммисіонерскія конторы, такъ что на этотъ разъ общество явилось съ слишкомъ позднимъ предложеніемъ услугъ. Но какже быть-то? Надо же что-нибудь дѣлать; надо заявлять о своемъ существованіи. Да и время такое пришло, что вездѣ по цѣлой Россіи происходитъ преобразовательное движеніе, такъ что совѣстно становится ничего не дѣ-

лять. Но дѣло рѣшено! Найдено средство выйти изъ бездѣйствія. Слѣдуетъ только назначить письмоводителямъ, состоящимъ при каждомъ изъ предсѣдателей отдѣленій по четыреста рублей жалованья. Но главное, жизненное дѣло общества состоитъ въ изданіи на нѣмецкомъ языкѣ особенныхъ записокъ, называемыхъ Mittheilungen вольнаго экономическаго общества, собственно для жителей Курляндіи, Лифляндіи и Эстляндіи. Подъ редакцію знаменитаго бібліотекаря общества, г. Юнсона, это изданіе уже много лѣтъ сряду перепечатываетъ статейки изъ германскихъ сельскохозяйственныхъ изданій.

Но къ счастью для вольнаго экономическаго общества, въ Петербургѣ учреждается новое общество подъ названіемъ «петербургскій сельско-хозяйственный клубъ». Цѣль этого учрежденія, какъ видно изъ устава, состоитъ въ сближеніи лицъ, занимающихся и интересующихся сельскимъ хозяйствомъ, и въ содѣйствіи успѣхамъ земледѣльческой промышленности въ сѣверной полосѣ Россіи. Съ учрежденіемъ этого клуба экономическое общество избавится отъ значительной доли своихъ заботъ и тогда въ состояніи будетъ посвятить себя исключительно своему главнѣйшему призванію и служить сельскохозяйственнымъ интересамъ одного только остзейскаго края.

Московское экономическое общество, называемое обществомъ сельскаго хозяйства, замѣтно работаетъ, хотя и ничего не издаетъ на чужихъ языкахъ, не имѣетъ нѣмецкаго бібліотекаря и не обладаетъ капиталомъ въ полмиліона. Въ его средѣ устроился комитетъ акклиматизаціи или вѣрнѣе сказать оклиматованія. Первую мысль его учрежденія подалъ г. Богдановъ, и хотя впоследствии оставилъ занятія по этому комитету, однако честь первой мысли и перваго дѣятельнаго двигателя остается все-таки за нимъ. Сначала комитетъ хлопоталъ только о курахъ разныхъ породъ, а теперь приступаетъ къ устройству зоологическаго и ботаническаго сада. Въ распоряженіе комитета оклиматованія отданъ Нескучный-садъ, и привезено уже нѣсколько животныхъ. Первый подарокъ первому русскому зоологическому саду слѣлала Австралія. Два большіе жагуру и одинъ уаллаби, пушной звѣрь, уже доставлены въ Москву, также какъ и нѣкоторые австралійскія птицы. Получаетъ комитетъ золотыхъ и серебряныхъ фазановъ, гокко, утокъ мандариновъ, глухарей третьяго одомашненнаго поколѣнія и тетеревей сельмага. Бобры изъ Литвы и козы изъ Пармы уже доставлены. Профессора московскаго университета объявили намѣреніе прочесть рядъ публичныхъ лекцій въ пользу сада, чтобы вырученная сумма поступила на устройство зимняго помѣщенія для травоядныхъ жи-

вотныхъ. Студенты московскаго университета собрали деньги и внесли ихъ въ распоряженіе комитета. Составляются проекты и сѣбты; комитетъ ходатайствуетъ о предоставленіи въ пользу сада пары зубровъ, что, надо замѣтить, весьма шало. Въ бѣловежской пущѣ въ началѣ вышѣшняго гола было 1124 старыхъ и 127 молодыхъ зубровъ, такъ что садъ сѣбло можетъ холатайствовать о полученіи трехъ или болѣе паръ зубровъ, что вовсе не будетъ много для опытовъ прирученія и скрещиванья, а правительство конечно въ этомъ не откажетъ, имѣя въ виду оживляемую пользу. Изъ суммъ министерства государственныхъ имуществъ высочайше повелѣно отпускать ежегодно на тоже дѣло по двѣ тысячи рублей; многія частныя лица явились съ пожертвованіями, такъ что иъ поступающей веснѣ комитетъ надѣется приступить къ работамъ. По приблизительнымъ вычисленіямъ нужно для начала около двадцати-пять тысячъ рублей, и потомъ ежегодно до шести тысячъ рублей. Безъ сомнѣнія въ Москвѣ найдутся жертвователи, которые поддержать предпріятіе столь важное и полезное. На это можно надѣяться тѣмъ болѣе, что въ прошломъ году на устройство публичной библиотекки частное же лицо пожертвовало двадцать-пять тысячъ рублей.

Московскій зоологическій садъ, который конечно будетъ называться въ народѣ просто звѣринцемъ, сдѣлается великолѣпнымъ пособіемъ для изучающихъ естественныя науки и въ тоже время превосходнымъ, практическимъ нагляднымъ курсомъ для народа. Ежели полезно разсматриванье хорошихъ картинокъ, изображающихъ животныхъ, то уже несравненно полезнѣе прогулка иъ Нескучномъ; ничто такъ не развиваетъ челоуѣка, какъ разнообразіе ядѣивныхъ ииъ предметовъ, да ежели при этомъ немножко грамоты, да нѣсколько хорошихъ народныхъ книгъ, то народъ быстро двинется впередъ, вотому что основаніе его развитію положено прочное и цѣнарушимое 19 февраля 1861 гола.

По мнѣнію г. Каткова образованіе народа должно находиться въ рукахъ духовенства; онъ увѣрлетъ, будто вопросъ о народномъ образованіи есть вопросъ между государствомъ и церковью. Въ отвѣтъ на это стоитъ указать только на цыфру. Въ семнадцати губерніяхъ по селеніямъ временно-обязанныхъ крестьянъ до манифеста о свободѣ было 1299 школъ, а къ концу ноября вышѣшняго гола ихъ было 4708 съ 66988 учениками и 7594 ученицами. Это еще не очень много, но увеличеніе все-таки поучительное. Въ двадцать нѣсодѣвъ число школъ, безъ особенныхъ усилій со стороны правительства, безъ специальныхъ усилій со стороны духовенства, число школъ учетверилось. Тутъ же заключается и от-

вѣтъ на очаровательно-наивный вопросъ г. Каткова : чтоже такое значить русское безлѣтствіе по части народнаго воспитанія? Говоря спеціальнѣе, гдѣ причины того факта, что въ нашемъ простонародьи такъ мало распространена грамотность? Дѣло простое и въ высшей степени понятное, если только вспомнить, что послѣ освобожденія крестьянъ количество деревенскихъ школъ въ какіе-нибудь двадцать мѣсяцевъ учетверилось, стало-быть народное воспитанье или правильнѣе образованіе не шло впередъ вслѣдствіе существованія крѣпостной зависимости, а какъ только эта зависимость уничтожилась, такъ образованіе и пошло само собою, какъ вода изъ прорванной плотины, безъ всякаго поощренія и безъ побѣдъ.

Но подобною очевидностью г. Катковъ не удовлетворяется. Онъ не затѣмъ дѣлаетъ свои повидимому только наивные вопросы, чтобы найти имъ вѣрное рѣшеніе, а чтобы натянуть на нихъ заранѣе готовый отвѣтъ. Съ весьма ловкою діалектикой, г. Катковъ какъ-будто ищетъ правды. «Въ нашихъ ученыхъ разсужденіяхъ сперва ученый пользуется необыкновенно скромно, начинаеть робко, умѣренно, начинаеть самымъ смиреннымъ запросомъ: не отсюда ли?..» Это Гоголь говоритъ по поводу просто пріятной дамы и дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, когда онѣ догадками дошли до убѣжденія, что Павелъ Ивановичъ хотѣлъ увезти губернаторскую дочку. Сначала г. Катковъ, ученый, пріятный во всѣхъ отношеніяхъ, спрашиваетъ, всѣ ли племена и подраздѣленія племенъ Россіи одинаково малограмотны? И отвѣчаетъ, что всѣ грамотнѣе православныхъ, не раскольниковъ, и находитъ, что этотъ фактъ обличаетъ какую-нибудь важную органическую болѣзнь русскаго православнаго общества. Какая же это болѣзнь? И перебираеть разные болѣзни: азіатцы мы? Но татары тоже азіатцы, а они грамотнѣе насъ. Неспособны мы? Нѣтъ, способны; славяне другихъ исповѣданій грамотнѣе насъ. Русскіе мы? Но раскольники тоже русскіе, а съ грамотой знакомы. Православіе развѣ враждебно грамотности? Нисколько: *нижнее духовенство и теперь служитъ главнымъ распространителемъ грамотности.* Государство развѣ враждебно просвѣщенію? Нѣтъ: оно не мѣшало просвѣщенію финновъ, евреевъ, татаръ. Бѣдность? Крѣпостное право? Нѣтъ: — государственные крестьяне не были крѣпостными, а они тоже безграмотны. Правительственная опека, отнимающая инициативу? но это не помѣшало же нашимъ индѣйцамъ быть грамотнѣе насъ. Стало-быть болѣзнь заключается во взаимномъ отношеніи, установленномъ между русскимъ государствомъ и православною церковью... Народное образованіе находится въ тѣснѣйшей связи съ церковью и зависитъ преимуще-

ственно отъ ея судьбы. Дѣло народнаго *воспитанія* преуспѣваетъ лишь на почвѣ свободы совѣсти, когда за воспитаніе берется не государство, а церковь. Вопросъ о народныхъ училищахъ есть вопросъ между государствомъ и церковью: не надобно скрывать этого отъ себя.

Такъ какъ г. Катковъ очень хорошо знаетъ разницу между воспитаніемъ и образованіемъ, то очевидно онъ старается только запутать дѣло перемѣшиваньемъ этихъ выраженій. Совершенно справедливо, что народное воспитаніе должно лежать на обязанности церкви, а онъ хочетъ дать понять, что церковь должна заботиться о грамотности, объ образованіи. Свобода совѣсти конечно дѣло хорошее; но она давно существуетъ въ Россіи въ дѣйствительности, и крайняя вѣротерпимость въ правахъ нашихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Нѣсколько выше самъ же г. Катковъ говоритъ, что духовенство и теперь служитъ главнымъ распространителемъ грамотности. Чего же онъ хочетъ? Какой же краткій смыслъ ея главной рѣчи? Исключительнаго вліянія церкви или духовенства на народное образованіе? И вліянія на образованіе не одного только низшаго класса народа, но и всѣхъ классовъ? То-есть какъ въ Испаніи или въ Мексикѣ или въ пизской области?

БИБЛИОГРАФІЯ

Изъ исторіи преображенскаго кладбища.
Москва. 1862.

**Житіе протопона Аввакума, ииъ самниъ
наиисанное.** Издано подъ редакціею г. Тихонравова.
Спб. 1862.

О русскомъ народѣ существуютъ весьма многія мнѣнія. Каждый слой общества, каждое сословіе, каждый литературный кружокъ, каждый отдѣльный талантъ большею частію смотрятъ на русскаго челоука своими особенными взглядами, которые не только различны, но часто и противоположны одинъ другому. Одни считаютъ его народомъ самымъ религіознымъ, другіе, какъ напримѣръ Бѣлинскій, не признаютъ въ немъ этого качества; одни считаютъ народъ темною массою, въ которой элементы семейной и общественной жизни сбиты, не выяснены, находятся въ хаотическомъ броженіи, такъ что двинуть его впередъ, облагородить можетъ только общечеловѣческая, европейская цивилизація; другіе, напротивъ, что европейская цивилизація для насъ не годится, узка, что наше развитіе, выходя изъ *особенныхъ* самобытныхъ началъ, должно идти и впередъ особеннымъ самобытнымъ образомъ; одни, именно говоряще, что европейская цивилизація для насъ узка, горячо вѣрятъ и кричатъ о богатствѣ и широтѣ самобытныхъ элементовъ русской жизни и русской природы и на первый разъ, какъ на доказательство этого, указываютъ напримѣръ на всѣмъ извѣстную способность русской природы быстро переходить изъ крайности въ другую и вмѣщать въ себѣ часто самыя противоположныя свойства; другіе мало вѣрятъ въ самобытность и ширину собственно русскихъ элементовъ жизни и считаютъ ихъ не *исключительнымъ* нравственнымъ богатствомъ русскаго народа, а *общеею* принадлежностью всякаго народа въ его дикомъ, примитивномъ,

неразвитомъ состояніи, признавая вообще за аксіому, что всеніи народъ одинаково богатъ естественными силами. Подобныя мнѣнія очевидно показываютъ, что русскій народъ есть пока еще загадка для насъ, что этотъ таинственный и страшный сонникъ еще ждетъ своего Эдипа, который бы вполне разгадалъ его; это прежде всего. Далѣе, подобныя мнѣнія, имѣя каждое на своей сторонѣ доказательства, иной разъ весьма серьезныя и состоятельныя, а между прочимъ будучи несогласны между собою и даже противоположны, показываютъ, что мы ни до чего не дойдемъ, если только будемъ составлять о народѣ свои мнѣнія, будемъ умствовать о немъ, диспутировать между собою и мало обращать вниманія на то, какъ самъ народъ умствуетъ о себѣ и понимаетъ себя. Гдѣ же это умствованіе народа о себѣ, гдѣ выраженіе его собственнаго пониманія своей жизни?..

Между прочимъ въ расколѣ.

Съ этой стороны расколъ есть знаменательнѣйшее и крупнѣйшее явленіе русской жизни. Расколъ не былъ навязанъ нашему народу извнѣ, какъ большая часть крупныхъ явленій его исторической жизни, а органически возникъ изъ самаго народа только *среди* чуждыхъ ему явленій; расколъ самъ по себѣ есть самое живое, энергическое отрицаніе этихъ чуждыхъ ему явленій. Если доходить до сущности каждаго раскольническаго толка и согласія, то подобное отрицаніе въ каждомъ изъ нихъ окажется главнымъ скрытымъ рычагомъ. Расколъ — это сознаніе народное. Прошло то время, когда на расколъ смотрѣли какъ на жалкое, бессмысленное явленіе фанатическаго изуверства, когда думали, что расколъ можно задавить механическою силою, когда писались къ раскольникамъ умилительныя посланія объ ихъ обращеніи и посланія полемическія съ восклицаніями и соболѣзнованіями объ ихъ невѣжествѣ; главною мыслью которыхъ всегда было наивнѣйшее и искреннѣйшее убѣжденіе со стороны писавшаго, что они спорятъ изъ-за пустяковъ. Прошло то время когда принимали за аксіому, что при первомъ блескѣ просвѣщенія расколъ исчезнетъ, какъ миражъ. Расколъ однакожъ не исчезъ, даже и отъ цивилизаціи, потому что онъ самъ есть своего рода цивилизація, а господа думающіе, что расколъ боится цивилизаціи и есть явленіе противоположное ей, весьма узко понимаютъ цивилизацію народа вообще. Гдѣ народъ сплачивается даже во имя какихъ бы то ни было интересовъ, гдѣ между его членами сознается общность цѣлей и существуетъ общность преслѣдованія этихъ цѣлей, гдѣ народъ движется и не прозябаетъ втихомолку, а даетъ замѣтить и почувствовать, что

онъ живетъ и дѣлаетъ извѣстное дѣло, тамъ нѣтъ, если хотите, нашей цивилизація, но нѣтъ и застоя, нѣтъ и отсутствія цивилизація вообще, потому что есть движеніе по извѣстной дорогѣ и въ самомъ движеніи существуютъ какъ удобства, такъ и неудобства, какъ преграды, такъ и стремительные толчки.

Прошло уже и то время, когда на расколъ смотрѣли только какъ на *религіозное* явленіе и относились къ нему немнѣе, какъ въ интересахъ охраненія православія; доказательствомъ служить то, что уже и духовенство наше начинаетъ соображать, что въ расколѣ кромѣ двуперстнаго знаменія, сугубой аллилуйи и хожденія по-солонь, есть еще кое-что, нелѣпность и ничтожность чего уже не такъ легко доказать. Даже наши духовныя академіи охладѣли въ приготовленіи мисіонеровъ для обращенія раскольниковъ, видя, что они, совсѣмъ не понадають въ цѣль, хотя самый расколъ продолжаетъ изучаться въ нихъ даже основательнѣе и серьезнѣе прежняго. Что расколъ собственно хлопочетъ не изъ-за старопечатной буквы, не изъ-за домиконовской книги, не изъ-за оскуднѣнія у себя благодати священства, а широко захватываетъ собою весь строй частной и общественной жизни, объ этомъ каждому краснорѣчиво и убѣдительно скажетъ любая статья г. Щанова о расколѣ. И неспециалисты свѣдѣли наприимѣръ, что раскольники клеймятъ ненавистнымъ именемъ антихриста не священниковъ только и не христіанъ православныхъ, насколько они держатся никоніанской вѣры, а и совершенно внѣ религіозной сферы видятъ печать антихристову, наприимѣръ въ оттискахъ на монетѣ, въ штемпеляхъ на паспортахъ и проч. Что расколъ *видимо* держитъ только религіозное знамя, это повятно исторически. Народъ, котораго мало коснулась цивилизація, всегда подымается во имя религіи, потому что религія, какъ высшая сверхъестественная сила, предъ которою не можетъ не преклоняться непосредственный человѣкъ, становится всегда поминно его воли такъ—сказать главнымъ и общимъ знаменателемъ его жизни, и потому во всѣхъ своихъ начинаніяхъ народъ концентрируется во имя религіи и ориентируется прежде всего ея знаменемъ. Но въ то же самое время исторія всѣхъ народовъ даетъ намъ тотъ историческій законъ, что въ религіи первоначально всегда бываютъ сосредоточены и всѣ вообще элементы жизни народа, что они выдѣляются немнѣе, какъ изъ религіи и что дальнѣйшее и окончательное ихъ развитіе и состоитъ въ уясненіи ихъ отдѣльности отъ религіи по самой ихъ природѣ и затѣмъ въ совершенномъ фактическомъ отдѣленіи. Такимъ образомъ, поднимая религіозное знамя, народъ никогда не поднимаетъ его собственно за религіозные интересы, а за всю свою жизнь; такимъ образомъ и въ нашемъ расколѣ

- Нашъ народъ высказывается не со стороны релігіозныхъ, только своихъ убѣжденій, а съ разныхъ сторонъ своей жизни.

Понятно, что всякая книжка о расколѣ всегда бываетъ полна серьезнаго интереса и заслуживаетъ вниманія. Маленькія книжки по части раскола, которыхъ заглавія мы выписали выше, заслуживаютъ вниманія особенно въ томъ отношеніи, что знакомятъ насъ съ двумя знаменитыми представителями раскола: основателемъ особенной общины въ безпоповщинской сектѣ фелосѣвцевъ, общины, извѣстной подъ именемъ «преображенскаго кладбища», купцомъ *Ильею Ковылинымъ*, и знаменитымъ учителемъ изъ другого лагеря — поповщины, *протопопомъ Аввакумомъ*. Особенно замѣчательна личность Ильи Ковылина. Вообще онъ былъ человѣкъ съ свѣтлою здоровою головою, притомъ въ частности былъ учредителемъ особенной раскольнической общины, а вслѣдствіе этого обстоятельства мы ясно какъ на ладони можемъ увидѣть всѣ важнѣйшія его стремленія и мечты. Съ этой стороны Илья Ковылинъ есть какъ бы типъ русскаго человѣка, болѣе или менѣе уединеннаго отъ всего наноснаго извѣія и развернувшася по своей собственной натурѣ; онъ болѣе другихъ расколуучителей и вожаковъ можетъ быть признанъ олицетвореніемъ общаго смысла раскола. Поэтому весьма любопытно прослѣдить нѣкоторыя дѣйствія Ковылина и вообще подвести итогъ его стремленіямъ, угадать ихъ настоящее значеніе.

Безпоповщина раскола сначала была сосредоточена преимущественно въ поморской сектѣ, которую поддерживали таланты и усилія двухъ учителей, братьевъ Денисовыхъ и которая гнѣдилась въ пресловутомъ выгорѣцкомъ монастырѣ. Скоро въ этомъ монастырѣ возникли несогласія по поводу вопросовъ касательно тѣла на крестѣ Иисуса Христа и пищи, покупаемой на торгу у православныхъ, и нѣкто Федосій, дьячокъ крестецкаго яма, возмущившись особенно тѣмъ, что поморяне, въ 1739 году, по случаю извѣстной комиссіи Самарина, сдѣлали постановленіе молиться за царя, и прозвавши въ насмѣшку поморянъ самарянами, — совершенно отдѣлился отъ выгорѣцкаго монастыря со многими своими послѣдователями. Федосѣвцы сначала были въ жалкомъ положеніи: были разсѣяны по Россіи, Польшѣ, Австріи и Пруссіи и особенное презрѣніе возбуждали собою въ Москвѣ, гдѣ они были отмѣчены позорнымъ желтымъ козыремъ. Но вотъ ихъ таинственныя собранія по почамъ на берегу Ханяловскаго пруда обратили на себя вниманіе Ильи Ковылина, и община фелосѣвцевъ скоро приобрѣла огромное вліяніе на всю безпоповщинскую секту, пенсключая и поморянъ. Чтоже хорошаго нашолъ Ковылинъ въ этихъ презираемыхъ всѣми людахъ? Ради чего присоединился къ нимъ? Ужъ

конечно не ради ученія ихъ о томъ, что міръ созданъ не въ январѣ, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ, потому-де, что Ева соблазнила Адама спѣлымъ яблокомъ, и что слѣдовательно міръ былъ сотворенъ когда уже яблоки поспѣли; ужъ конечно не ради этого... Ковылинъ сейчасъ выяснитъ предъ нами. Ковылинъ хорошо понялъ двѣ истины: что устроить общину фелосѳовцевъ онъ можетъ главнымъ образомъ тогда, когда поможетъ ей отыскать *матерьяльную точку опоры* и по возможности изолироваться отъ вліянія официального, государственнаго и общественнаго порядка. Преслѣдованію и достиженію этихъ двухъ цѣлей Ковылинъ посвятилъ всю свою жизнь, все свои силы и средства; чтоже касается собственно того или другого *ученія* общины, то Ковылинъ занимался имъ уже послѣ всего. Для достиженія первой своей цѣли, Ковылинъ съ рѣдкимъ умѣньемъ воспользовался тогдашними обстоятельствами. Насталъ страшный для Москвы 1771 годъ, годъ чумы. Ковылинъ съ купцомъ Зельковымъ испросили у правительства разрѣшеніе построить карантинъ для осмотра всѣхъ выходящихъ изъ Москвы и кладбище для погребенія умершихъ отъ чумы. Тысячи больныхъ въ этихъ карантинахъ получали хорошую пищу; тутъ не гнушались больными и мертвыхъ хоронили съ честью. Составитель книжки о преображенскомъ кладбищѣ то и дѣло говоритъ только о коварныхъ намѣреніяхъ Ковылина и упускаетъ изъ виду дѣйствительныя его заслуги Москвѣ, гдѣ множество гніющихъ труповъ покрывало улицы, заражало воздухъ и гдѣ карантинъ и кладбище Ковылина были громаднѣйшимъ благодѣяньемъ народу, противодѣйствуя распространенію чумы. Такъ какъ Ковылинъ никому не отказывалъ и каждый приходившій могъ жить въ его заведеніи и пользоваться всѣмъ необходимымъ, то у него собралось громаднѣйшее количество народа, большая часть котораго осталась у Ковылина навсегда. Составитель книжки опять коритъ Ковылина тѣмъ, что народъ оставался у него «подъ страхомъ смерти отъ голода и заразы, и которая казалась неизбѣжною, если онъ оставитъ Ковылина (стр. 11), и что Ковылинъ не упустилъ случая совратить ихъ въ расколъ...» Но если народъ не шолъ отъ Ковылина, то не потому же, что Ковылинъ удерживалъ его у себя силою; народъ могъ идти отъ него, какъ многіе и дѣлали, а другіе, если оставались у Ковылина хоть бы «подъ страхомъ смерти отъ голода или заразы», то значить *сами находили* лучшій оставаться у Ковылина. Если кто соглашался оставаться въ общинѣ Ковылина, Ковылинъ старался получить его согласіе на обращеніе его имущества въ *общую собственность* кладбища. Отъ этого образовался огромнѣйшій капиталъ, которымъ Ковылинъ распоряжался самымъ чест-

вымъ и гуманнымъ образомъ. Нетолько онъ самъ, даже люди, завывавшіеся по порученію его перевозкою имущества, «считали смертнымъ грѣхомъ утаить что-либо (стр. 17)». Ковылинъ выдавалъ значительныя ссуды падающимъ купеческимъ домамъ, содѣйствовалъ оборотамъ многихъ капиталистовъ и чрезъ это приобреталъ себѣ многочисленныхъ и вѣрныхъ друзей. Болѣе десяти тысячъ прихожанъ внѣ кладбища пользовались отъ него значительными вспоможеніями. Въ такъ-называемой дѣтской палатѣ Ковылинъ воспитывалъ двѣсти малолѣтнихъ дѣтей. Своею честностью и взглядомъ на богатство кладбища какъ на дѣло *общее*, Ковылинъ достигъ того, что каждый годъ получалъ съ разныхъ концовъ Россіи огромныя запасы пищи и одежды. Изъ Астрахани купецъ Песковскій и изъ Саратова купецъ Придильщикова на пятидесяти подводкахъ ежегодно доставляли Ковылину лучшую рыбу; изъ Углича купецъ Хорхоринъ доставлялъ масло; даже совершенно сторонніе люди, приходя на богомолье и видя, что на кладбищѣ все идетъ на *пользу общую*, добровольно обрабатывали огороды, которые доставляли на круглый годъ запасъ овощей. Громадная сила братства во всемъ и общности, которая такъ была присуща Ковылину, которую онъ такъ хорошо понималъ, создалъ и поднималъ на ноги, сдѣлала то, что со всѣхъ сторонъ, начиная съ петербургскаго купца Косцова, неслись къ Ковылину просьбы устроить и у нихъ такія же общины, и онъ дѣйствительно устроилъ ихъ до десяти и всѣ сплотилъ между собою во едино.

Основавши кладбище, выстроивши огромныя зданія, учредивши училища для мальчиковъ и дѣвочекъ, Ковылинъ неменѣе заботился и о другой своей цѣли — ослабить по возможности вліяніе на свою общину офиціальнаго порядка. Ковылинъ понималъ всю силу этой потребности и не щадилъ для нея никакихъ средствъ, никакихъ трудовъ. Будучи въ дружбѣ со многими вельможами Москвы, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ, особенно на обѣдахъ у себя, спрашивалъ у нихъ льготы для своей общины, казавшіяся для вельможъ ничтожными, но въ сущности очень важныя для кладбища. Такъ онъ выхлопоталъ право считаться своей общинѣ только заведеніемъ гражданскимъ, чрезъ что освободилъ кладбище изъ-подъ вліянія духовенства, особенно отъ вліянія главнаго врага своего, московскаго митрополита Платона и оставилъ ее въ подчиненіи только *полицейскаго* надзора, — право имѣть кладбищу свое внутреннее *самоуправленіе*, право не числиться федосѣвцамъ въ метрическихъ книгахъ православныхъ приходоу, для чего Ковылинъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Петербургъ и со слезами обвинялъ колѣни князя К—на, право самому кладбищу распоряжаться завѣщанными ему

движимыми и недвижимыми имѣніями. Подобныя хлопоты о приобрѣтеніи кладбищу полянѣйшей автономіи были главнѣйшимъ дѣломъ жизни Ковылина и ради этого дѣла ему болѣе всего не хотѣлось умереть: «еслибъ мнѣ пожелось подолѣе, часто говорилъ опъ своимъ близкимъ друзьямъ: — я показалъ бы всѣмъ что могъ бы я сдѣлать (стр. 21)». Когда нельзя было помочь своему дѣлу официальнымъ путемъ, Ковылинъ помогалъ ему домашнимъ. Вся тогдашняя московская полиція была на жалованьи преображенскаго кладбища; не одинъ вельможа знакомъ былъ съ червонцами Ильи Алексѣича (Ковылина), который ради общаго дѣла часто посылалъ имъ пироги, начиненные червонцами. Тогдашнія власти не любили отказываться отъ подобной золотой середины, благосклонно смотрѣли на заискиванье Ильи Алексѣича, который впрочемъ вмѣстѣ съ заискиваньемъ, если не прямо презиралъ ихъ, то часто открыто смѣялся надъ ними. Такъ напримѣтъ «одинъ разъ вельможные гости такъ сильно подгуляли у Ковылина, что не замѣтили, какъ онъ разсадилъ ихъ шутки ради по чужимъ экипажамъ: губернатора посадилъ въ карету оберъ-полиціймейстера, этого также въ чужую и т. д. Кучера развезли баръ и разумѣется каждый изъ нихъ попалъ въ чужой домъ. И эта дерзкая продѣлка не имѣла никакихъ худыхъ послѣдствій для Ковылина; никто не посѣтовалъ, но тѣшились сему смѣшенію весьма долго, благодаря Илью Алексѣича за угощеніе (стр. 20, прим.).»

Вообще фелосѣвцамъ было весьма не по вутру официальное *statu quo*, окружавшее ихъ; въ 1812 году они посылали посольство къ французскому императору просить его покровительства, которое Наполеонъ и принялъ.

Что касается ученія фелосѣвцевъ, то представляя нѣсколько оригинальныхъ частныхъ и одну-другую глубокую жизненную идею, оно не составляетъ собою ничего цѣльнаго. Ковылинъ очень хорошо понималъ, что не въ этомъ собственно сила его общины, какъ и вообще, прибавимъ мы отъ себя, сила раскола. Извѣстно, что расколъ съ совершенною терпимостью относится къ различнымъ религиознымъ воззрѣніямъ въ своей средѣ; отсюда безчисленныя дробленія раскольниковъ на секты, толки и согласія, и еслибы въ этомъ была сила раскола, то, дробясь на мелкія части, онъ необходимо распался бы и давно бы не существовалъ. Въ самой преображенской общинѣ существовало разногласіе въ ученіи, однакожь община была страшно сильна. Изъ правилъ постоянное значеніе имѣло — не молиться за царя «страха ради Самарина», такъ что когда Ковылинъ, желая приобрѣсть кладбищу покровительство государя Александра I, хотѣлъ ходатайствовать о переименованіи

преображенскаго богадѣлвеннаго дома въ александровскій, то мѣщанинъ Кондрать Федотовъ возсталъ противъ этого и даже совсѣмъ отдѣлился со многими отъ кладбища. Напрасно составитель книжки о преображенскомъ кладбищѣ говоритъ, что Ковылинъ проповѣдывалъ постъ и воздержаніе и укоряетъ его въ лицемѣріи по поводу того обстоятельства, что онъ посѣщалъ одинъ богато отдѣланный на его счетъ домъ въ лефортовской части, въ которомъ жила нѣкая мѣщанка Анна Дмитріевна. Ковылинъ тутъ не лицемѣрился, а постуиалъ по ученію фелосѣевцевъ, у которыхъ бракъ почитался установленіемъ нечестнымъ и которымъ позволялось имѣть наложницъ, «да не обуреваются человѣкъ нечестнымъ помысломъ». Весьма любопытны наставленія одного фелосѣевского наставника другому какъ обращаться съ насомыми; Гнусинъ говорилъ Семею Кузьмину: «терпи, если найдешь ихъ отпаденіе, потворствуй, не тронь молодыхъ, противящихся старикамъ. Чѣмъ чаще будешь отпускать имъ согрѣшенія, тѣмъ сильнѣе они привержены будутъ къ согласію. Что имъ дѣлать тамъ, гдѣ даютъ по одной женѣ, да и ту не смѣй кинуть! Отверзай вхожденіе на ложе мужское женщинамъ и дѣвамъ, и тебя почтутъ мужи и ты вознесешься. А пойдешь противъ, низринешься, падешь, полетишь на крылу вътреню». (стр. 55.)

Вообще книжка «изъ исторіи преображенскаго кладбища», знакомя насъ съ замѣчательнѣйшею личностью раскольника — Ильею Ковылиннымъ и однимъ изъ большихъ центровъ раскола — преображенскою общиною, проливаетъ весьма много свѣта на расколъ вообще.

Какъ книжка, о которой мы сейчасъ упомянули, знакомитъ насъ преимущественно съ типомъ раскольника-практика, такъ «Житіе протопопа Аввакума» знакомитъ насъ съ типомъ раскольниковскаго учителя.

Обыкновенно объ этомъ житіи, написанномъ самимъ протопопомъ Аввакумомъ, думаютъ, что оно отъ первой страницы до послѣдней наполнено самою безцеремонною ложью и мелкими злонамѣренными клеветами на православныхъ христіанъ и Никона. Въ этомъ нельзя не усомниться, впервыхъ потому, что житіе свое протопопъ Аввакумъ писалъ по просьбѣ своего духовнаго отца, инока Елифанія, о чемъ самъ нѣсколько разъ говоритъ въ своемъ житіи; воторыхъ, читая самое житіе, мы видимъ, что оно написано въ высшей степени просто, безхитростно, наивно, что въ немъ не скрыто много такое что совсѣмъ не служить въ пользу протопопа Аввакума, и что при его намѣреніи лицемѣрять и плутовать — не премѣнно былобы скрыто. Правда, въ житіи много есть лжи, но это ложь искренняя, не злонамѣренная, а бессознательная; ясно слышится,

что говоря такую ложь, протопопъ Аввакумъ искреннѣйшимъ образомъ былъ убѣжденъ, что говорить правду. Въ своемъ писаніи протопопъ Аввакумъ рассказываетъ напримвѣръ о многихъ чудесахъ, случившихся въ его жизни; но рассказываетъ такъ искренно и подробно, что у васъ не остается ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что авторъ самъ отъ всего сердца считалъ ихъ чудесами, а не выдаетъ только ихъ за чудеса. Вотъ напримвѣръ чудо по поводу курицы протопопа Аввакума.

• Курочка у насъ червенька была, по два яичка на день приносила робяти на пищу божимъ повелѣніемъ, нуждѣ нашей помогая; Богъ такъ строилъ. На нартѣ везучи, въ то время удавили по грѣхомъ, и нынѣча жалъ мнѣ курочки той, какъ на разумъ придетъ. Ни курочка, ни то чудо было: во весь годъ по два яичка давала, сто рублей при ней плюново дѣло! И та курочка, одушевленное божіе твореніе, насъ кормила и сама съ нами кашку сосновую изъ котла тутъ же клевала, или и рыбки прилучится и рыбку клевала и намъ противъ того два яичка на день давала. Слава-богу вся сотворившему благая! И не просто она намъ и досталася. У боярыни куры всѣ переслѣдши и мереть стали, такъ она, собравши въ коробъ, ко мнѣ ихъ прислала, чтобъ де батько пожаловалъ, помолился о курахъ. И я подумалъ: кормилица то есть наша, дѣтки у нея; надобны ей куры; молебень пѣлъ, воду святилъ, куровъ кропилъ и кадилъ; потомъ въ дѣсь сбродилъ, корыто имъ сдѣлалъ изъ чего ѣсть, и водою покропилъ, да къ ней все отослалъ. Курки божимъ мановеніемъ изцѣлѣли и исправились по вѣрѣ ея. Отъ того-то племени и наша курочка была, да полно того говорить: у Христа не сегодня такъ повелось. Еще Косма и Даміанъ человекомъ и скотомъ благодѣтельствовали и пѣли о Христѣ. Богу вся надобна: и скотинка и птичка во славу его, пречистаго владыки, еще и человекъ ради (46—47 стр.).

Вы ясно видите, что по поводу своей курочки почтенный протопопъ городить вздоръ, но вздоръ искреннѣйшій, который весьма далекъ отъ обмана; очевидно также, что тутъ и искренность не сочиненная, не поддѣльная, какъ это часто бываетъ, а настоящая. Слѣдующее мѣсто особенно ясно можетъ убѣдить кажлаго, что протопопъ Аввакумъ проповѣдывалъ свое ученіе и совершалъ свои дѣла вполнѣ по чистой совѣсти, искренно, а не двоедушно, слѣдовательно, собственно говоря, ни нелѣностей ихъ ученія, ни мрачныхъ ихъ дѣлъ нельзя ставить имъ въ укоръ, а можно только жалѣть о нихъ.

Рассказавши, какъ однажды въ Сибири по молитвѣ своей онъ, протопопъ Аввакумъ, нашолъ прорубь на озерѣ и утолилъ свою жажду, онъ говорить:

• Да и въ прочіи времена въ волокитѣ (въ странствованіи) моеи

такъ часто у меня бывало. Идучи или нарту волоку, или рыбу промышляю, или въ лѣсу дрова сѣку, или ино что творю, и самъ правлю въ тѣ поры говорю, вечерню и заутреню, или часы. что приду- чится; а буде въ людехъ бываетъ неизвортно и станемъ на стану, а не по мнѣ товарищи и правила моего не любить, и идучи мнѣ нельзя было исполнять: и я, отступя людей, подѣ гору или въ лѣсъ, коротенько сдѣлаю: побьюся головою о землю, а ино и заплачется, да такъ и обѣлаю. А буде же по мнѣ люди, и я на сошкѣ складеньки поставлю, правилца проговорю, иные со мною молятся, а иные кашку варятъ; и въ саняхъ ѣдучи въ воскресные дни, на подворьяхъ всю воскресную службу пою; и въ рядовые дни въ саняхъ ѣдучи пою; а бывало и въ воскресные дни, ѣдучи, пою. Егда гораздо неизвортно, и я хотя немножко, а таки поворчу; яко же тѣло алчуще жаеетъ ясти и жаждуще жаеетъ пити: тако и душа, отче мой Епифаніе (обращеніе къ духовному отцу), бражиа духовнаго жаеетъ: не гладь хлѣба, не жажда воды погубляетъ человѣка, но гладь велій человѣку, еже, Богу не моляся, жити. • (стр. 67 — 68).

Вообще у протопопа Аввакума что на умѣ, то и на языкѣ, то и въ житіи. Онъ говоритъ и о томъ, что отецъ его «вельми прилежаше питія хмѣльнаго», и о томъ, что изъ чрева его сына въ одну пору вышелъ гнѣсъ въ три аршина, а въ другую въ пять аршинъ, что бѣдная протопопица его повалилась однажды на льду и на нее набрелъ какой-то человѣкъ и тоже повалился и оба кричать, а встать не могутъ и т. п. Подобнаго рода частности не могутъ быть придуманы и говорятъ много въ пользу искренности всего житія протопопа Аввакума.

Нельзя не вывести изъ житія протопопа Аввакума одного весьма важнаго замѣчанія, именно, что какъ учитель, протопопъ Аввакумъ дошелъ до крайняго фанатизма въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, именно отъ ярости, съ какою преслѣдовали и мучили его гражданскія власти. Бѣдный протопопъ столько претерпѣлъ физическихъ мукъ, столько вынесъ пытокъ и побоевъ, что кажется ни одна кость его не могла уцѣлѣть, ни одинъ членъ тѣла не могъ остаться неизуродованнымъ. Естественно было ему, котораго побоями заставляли перемѣнить мысли, самому постепенно привыкать все болѣе и болѣе быть упрямымъ въ нихъ, не принимать въ соображеніе никакихъ резоновъ и слѣпо отстаивать и пропагандировать то, что разъ, такъ или иначе попало въ голову. Протопопъ Аввакумъ самъ сознавалъ это. Онъ говоритъ:

«... И прочихъ нашихъ въ Москвѣ жарили, да пекли: Исаію сожгли и послѣ Авраамія сожгли и иныхъ побранныхъ церковныхъ многоо множество погублено, и въ же число Богъ изочтетъ. Чудо! какъ-то въ

познаніе не хотятъ прійти : огнемъ , да кнутомъ , да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить ! Которые-то апостолы научили такъ ? Незнаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить , еже бы огнемъ , да кнутомъ , да висѣлицею въ вѣру приводить. Татарскій богъ Магметъ написалъ въ своихъ книгахъ : аще непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити . Нашъ Христосъ своимъ ученикамъ никогда такъ не повелѣвалъ , а тѣ учителя явны яко и сами антихристовы , которые , приводя въ вѣру , губять и смерти предають : по вѣрѣ своей и дѣла творять таковы же .» (стр. 94).

Вообще въ житіи протопопа Аввакума слышна сила простоты, сила искренности и крѣпкой вѣры въ истину и непреложность своихъ убѣжденій, которую сознаетъ самъ протопопъ, говоря, что онъ *«аще и не ученъ словомъ, но не разумомъ»*, и которая кромѣ этого всегда неразлучна съ живымъ, одушевленнымъ чувствомъ; отъ этого въ житіи, несмотря на общую грубоватость его тона, попадаются иной разъ чисто-поэтическія страницы, которыхъ нѣтъ интереса приводить тутъ, и весьма живописные обороты рѣчи и выраженія; напримѣръ *«власти яко козлы пырскать стали на меня»*, говоритъ въ одномъ мѣстѣ протопопъ. Отъ этого понятво, какое чарующее вліяніе могли имѣть на раскольниковъ подобныя напримѣръ слова протопопа Аввакума и по природѣ *«мужа огнеопальныя ревности»*, да еще доведеннаго мученіемъ до фанатическаго вступленія :

• Нутко, правовѣрные ! нарцы имя Христова, стань среди Москвы, перекрестися знаменіемъ Спасителя нашего Христа двѣмы персты, якоже пріяхъ отъ святыхомъ отецъ ! Вотъ тебѣ царство небесное и дома родилось : Богъ благословить ; мучися за сложеніе перстъ , не разсуждай много , а я съ тобою за еже о Христѣ умерти готовъ .» (стр. 95).

Книжка издава г. Тихонравовымъ чисто и вполне добросовѣстно.

Нищія на святой Руси. Матерьялы для исторіи общественнаго и народнаго быта въ Россіи. Соч. Ив. Прыжова. Москва. 1862.

Бѣдность, это грѣхъ общества, гражданскій порокъ народа; по отношенію къ единичному лицу, онъ — несчастіе. Нищенство — это сознательное шарлатанство и религіозная добродѣтель, которая держится фальшивыми понятіями общества.

Тамъ, гдѣ не люди ищутъ труда и не находятъ, а самъ трудъ ищетъ людей, тамъ бѣдность должна быть сдѣшкомъ исключительнымъ положеніемъ; но тамъ, гдѣ люди тщетно простраютъ руки,

ища труда, бѣдность есть явленіе неизбежное, и бѣдность вопиющая, какъ бы законная и оканчивающаяся самымъ крайнимъ нищенствомъ.

Бѣдность — это состояніе ложно-поставленной въ обществѣ личности; нищенство — это свойство личности развращенной.

Тамъ, гдѣ община составляетъ сущность народа, бѣдность возмутительна, а нищенство не можетъ быть фактомъ народной жизни и необходимо должно имѣть особенный смыслъ.

Тамъ, гдѣ человекъ еще чуть рождается, а ему отводится уже извѣстная часть земли, не должно быть ни бѣдныхъ, ни нищихъ; должны быть только довольные.

Вотъ какія мысли родились у насъ, при взглядѣ на книжку г. Прыжова. Для насъ было весьма интересно знать какъ г. Прыжовъ объясняетъ нищенство на святой Руси. По многимъ нашимъ соображеніямъ выходило, что нищенство собственно явленіе не русской жизни, и что ему собственно у насъ-то и не слѣдовало бы быть, а между тѣмъ, какъ всякому извѣстно, нищенство у насъ — дѣло обыкновенное. Въ обѣихъ нашихъ столицахъ, во многихъ болѣе значительныхъ городахъ, куда бы вы ни пошли, вы непременно встрѣтите ницаго. Въ Москвѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣтъ проходу отъ нищихъ. Нѣтъ человека, къ которому бы не протягивались ихъ руки; нѣтъ человека, который бы не приглядѣлся къ нимъ. И вотъ всѣ мы до того приглядѣлись къ обыкновенному явленію, къ нищимъ, что никогда не думали серьезно что это за люди. Правда, каждый изъ насъ про себя какъ-будто держится извѣстнаго мнѣнія о нищихъ: кто думаетъ, что это народъ-плутъ, дармоѣдъ, безнравственный, а кто, что это народъ божій, святой и потому полезный не только для земли, но и для неба; нѣкоторые даже думаютъ, что это вообще народъ достойный, богатый, даже народъ, мильонеръ; но почти никто не увѣренъ вполне въ своихъ мысляхъ о нищихъ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ одни политико-экономы. Въ литературѣ о нищихъ тоже молчали, потому что вообще наша литература, если оставить въ сторонѣ ея разглагольствовавія, на дѣлѣ серьезно начала заниматься вопросами почвы съ очень недавняго времени, когда пришлось ей на самомъ опытѣ убѣдиться въ неизбежной надобности рѣшать подобныя вопросы.

Г. Прыжовъ написалъ о нищихъ цѣлую книгу. Слѣдуетъ заключить, что вопросъ о нищихъ г. Прыжовъ рѣшилъ, если и не серьезно, то полно. Но прежде такого заключенія, замѣтимъ, что на первыхъ страницахъ книжки г. Прыжова видно обыкновенное, всегдашнее желаніе придать своему вопросу какъ можно болѣе

важности, систематизировать его, выставить въ небываломъ (особенно историческомъ) свѣтѣ. Весьма ясно, какая задача предстояла г. Прыжову: дойдите до причинъ, которая выводитъ на улицы многочисленныя, жалкія толпы нищихъ, скажите пожалуй какъ вы смотрите на нихъ, укажите способы какъ поуменшить, или и совсѣмъ уничтожить ихъ толпы, и вопросъ о нищихъ будетъ рѣшёнъ окончательно. Но г. Прыжовъ хотѣлъ взглянуть на вопросъ гораздо шире. По его убѣжденію «иначе и нельзя разрѣшить трудный вопросъ о нищихъ, какъ на исторической почвѣ» (примѣчаніе, стр. 7). Самое нищенство г. Прыжовъ представляетъ какъ бы общимъ результатомъ всей прежней русской жизни, которая «столько и выработала, что нищенство и тому подобное» (стр. 135), такъ что «напрасно толкуютъ, что Россія похожа очень на Америку, что ту и другую ожидаетъ новая жизнь, неизвѣстная старому міру: на плечахъ Америки не лежитъ ни древней Руси, ни даже старой Европы и дѣйствительно тамъ должна развиваться новая цивилизація; не то у насъ» (стр. 130—131). Жалко вѣдь! Особенно становится жалко, когда изъ слѣдующихъ за этими словами строкъ вы узнаете, что это *не то*, происходитъ отъ такой пустячной причины, какъ подача копѣчной милостыни; тогда какъ, по автору, нужно подавать рублевую, потому что «даже Шамиль, неимѣющій никакого понятія о милостивѣ, а имѣющій одно сердце, способное къ благотворенію, никакъ не можетъ понять, чтобы человѣку можно было подать копѣйку, и полагаетъ нищему по десяти рублей сер.» (стр. 131). Мало этого, г. Прыжовъ считаетъ нищенство отдѣльнымъ началомъ гражданской жизни и началомъ до того состоятельнымъ, что оно даже можетъ вступить въ борьбу съ началомъ государственнымъ (?). Такъ, по словамъ автора, «въ XVIII вѣкѣ является борьба государственнаго начала съ *нищенскимъ* (ужели съ *нищенскимъ*?) и совершается она въ одно время въ Россіи (не думаетъ ли авторъ, что Петръ, производя свою реформу, боролся съ *нищенскимъ* началомъ?) и во Франціи (не думаетъ ли авторъ, что даже французскія революціи были произведены *нищими*, т. е. не пролетаріями-работниками, а нищими, тунеядцами, мазуриками?). Отъ нищенства, ханжества (ужели отъ нищенства и ханжества!) и другихъ болѣзненныхъ положеній тщетно старается излечиться сама западная Европа» (стр. 135). Вслѣдствіе такой *широты* своего убѣжденія о нищихъ, г. Прыжовъ самымъ дѣломъ пытается рѣшить вопросъ о нихъ на исторической почвѣ. Для этого начавши дѣло въ полномъ смыслѣ *ab ovo*, съ Индіи, съ Арійской области, которая была нашею прародиною, и изъ которой наши предки вынесли запасъ поэтическихъ воспоминаній, г. Прыжовъ говоритъ о вѣдическихъ цѣн-

цахъ славянъ, слѣпыхъ бардахъ кельтовъ, о скандинавскихъ скальдахъ и украинскихъ слѣпцахъ-кобзаряхъ, о народныхъ пѣвцахъ сербовъ и болгаръ, о каликахъ-перехожихъ (причемъ замѣчаетъ, что г. Безсоновъ «безъ основанія назвалъ каликовъ — калъками;» стр. 34), т. е. думая, что наши вишіе имѣютъ какую-нибудь связь со всѣми этими пѣвцами, г. Прыжовъ на пространствѣ цѣлыхъ 92 страницъ своей книги (всего въ книгѣ — 136 стр.) безъ церемоній *заяэжастъ къ* г. *Буслаеву въ гости* и только на остальныхъ 44 страницахъ, которыя составляютъ вторую часть его книги, говорить собственно о нищихъ. Но и эти немногія страницы тратитъ преимущественно на описаніе болѣе смѣшныхъ и жалкихъ экземпляровъ московскихъ нищихъ, на выписку ихъ оригинальныхъ прибаутокъ и на рассказы о тѣхъ оригинальныхъ штукахъ, которыя они выкидываютъ, а о томъ, что плодитъ нищихъ, что поддерживаетъ (кромѣ копѣечной милостыни) ихъ, и что способствовало бы ихъ уменьшенію и уничтоженію, г. Прыжовъ во многихъ мѣстахъ говоритъ только вскользь. И вотъ у г. Прыжова о нищихъ явилась цѣлая книга или лучше книжка, если только не книжонка.

Наполняя двѣ трети своей книги о нищихъ изслѣдованіями о разныхъ пѣвцахъ разныхъ племенъ, г. Прыжовъ — по всей вѣроятности — находитъ какую-нибудь связь между ними и нынѣшними нищими на Руси, иначе не понятно, зачѣмъ онъ говоритъ и говорить такъ много о пѣвцахъ. Г. Прыжовъ нигдѣ прямо не указываетъ на эту связь, но наше предположеніе много подтверждается самымъ способомъ изложенія его историческихъ изслѣдованій о древнихъ пѣвцахъ и нищихъ. Такъ сначала онъ говоритъ о самыхъ древнихъ дохристіанскихъ пѣвцахъ кельтскаго и позднѣйшихъ — германскаго и славянскаго племенъ; затѣмъ о позднѣйшихъ украинскихъ слѣпцахъ-старцахъ, въ которыхъ «сохранились еще всѣ черты древнихъ славянскихъ и германскихъ пѣвцовъ (стр. 21)» и бѣлорусскихъ волочобникахъ, которые «представляютъ теперь послѣдніе слѣды народныхъ пѣвцовъ съ сѣверной Россіи (стр. 27)»; далѣе, о мрачныхъ каликахъ (а не о калѣкахъ) переходящихъ, которые «являются уже съ *замираніемъ* личности народнаго пѣвца и съ происходящимъ отъ него *замираніемъ* народной жизни (стр. 27)» и которыхъ авторъ уже называетъ нищими; наконецъ о лазаряхъ и княжескихъ и царскихъ нищихъ (богадѣленныхъ, дворцовыхъ, дворовыхъ, патріаршихъ, соборныхъ, монастырскихъ, гуляющихъ и леженкахъ); послѣднихъ онъ считаетъ въ собственномъ смыслѣ *нищими*, такъ что начиная говорить о нихъ, объясняетъ самое слово *нищій* (стр. 52), и уже въ концѣ книги, послѣ нищихъ княжескихъ, говоритъ о нынѣшнихъ нищихъ. То-есть г. Прыжовъ какъ бы хо-

четь прослѣдить какъ свѣтлый, окруженный мифическимъ ореоломъ образъ древняго пѣвца постепенно ступовывается, переходя сначала въ мрачный образъ калѣки-перехожаго и затѣмъ, въ жалкій образъ нищаго въ собственномъ смыслѣ, и во всякомъ случаѣ нынѣшнихъ нищихъ ставить въ историческое преемство со всѣмъ прежнимъ людомъ, который дѣйствительно имѣеть историческое значеніе. Во всѣхъ подобныхъ историческихъ сближеніяхъ на самомъ дѣлѣ не видно ничего другого, кромѣ напраснаго желанія автора исторически-систематизировать свой предметъ. Между нынѣшнимъ слѣпцомъ-нищимъ, который, несмотря однакожъ на свою слѣпоту, ясно различаетъ кто мимо его плетъ побогаче и кто побѣднѣе, потомучто клапается первому и пропускаетъ безъ вниманія второго — и между древнимъ слѣпцомъ-бардомъ; между извѣстнымъ московскимъ дѣтиною въ косую сажень, который хвативши малую-толику, становится среди улицы какъ разъ предъ будочникомъ и начинаетъ пѣть, поднимая кверху кулаки: «яко благо, яко пагъ, яко нѣтъ ничего» и между калѣкою-перехожимъ, лазаремъ или любымъ княжескимъ нищимъ — не только пѣтъ никакого самого дальняго историческаго родства, но даже нѣтъ и вообще ничего похожаго. *Пѣвцы* — это неизбѣжная принадлежность каждаго народа въ пору его младенчества, это *необходимый* результатъ, который *правильно* вырабатывается всею цѣльностью народной жизни, чуть только эта жизнь начнется. Такимъ образомъ они въ самомъ существѣ дѣла совершенно не то что наши нищіе. Народные пѣвцы являются всегда въ ту эпоху жизни народа, когда онъ обращается наконецъ къ чисто-человѣческимъ основамъ своей жизни, когда его религія послѣ фетишизма, сабензма и зооморфизма становится антропоморфизмомъ. Они, новые жрецы новой религіи, проводники новыхъ благотворительнѣйшихъ идей, лучшие люди лучшаго нововозникающаго гуманнаго порядка. Они утверждаютъ и проповѣдываютъ истинную религію человѣчества, воспѣвая и возвышая надъ всѣми лучшихъ людей человѣчества, обожествляя собственно не ихъ, а идею, заслугу каждаго изъ нихъ; народные герои, это и суть боги, которымъ они поклоняются и служатъ. Пѣвцы существуютъ у всякаго народа; но собственно Греція и Скандинавія составляютъ какъ бы отечество пѣвцовъ и это потому, что здѣсь религія имѣла возвышеннѣйшій, благороднѣйшій, но преимуществу человѣческой характеръ, т. е. была религією антропоморфизма. Наша славянская языческая религія долго не была религією антропоморфизма, — только въ послѣднемъ періодѣ развитія нашей мифологии проглядывали начатки его: появленіе русалокъ (не въ смыслѣ только нагихъ женщинъ, плещущихся въ водѣ, а вообще людей,

живущихъ на землѣ послѣ смерти, вслѣдствіе исключительности этой смерти) и представленіе ихъ существами совершеннѣйшими обыкновенныхъ людей; обычай представлять какое-нибудь большое дерево жилищемъ умершаго челоѣка и приходить сюда вспоминать о его дѣлахъ; убѣжденіе, что вообще умершіе люди возвращаются изъ могилъ къ живущимъ людемъ, и отсюда обьыай ставтъ въ извѣстныя времена на окошкахъ блины и кисель, чтобы они имѣли что ѣсть, — показываютъ, что у насъ только начиналось еще боготвореніе людей, но такъ и умерло въ зародышѣ, вслѣдствіе введенія христіанства. Оттого-то и пѣвцы у нашего народа являются уже довольно поздно (когда именно наша религія начала дѣлаться антропоморфическою) и занятіе ихъ состояло не въ иномъ чемъ, какъ въ томъ чтобы на вѣщихъ своихъ струнахъ рокотать славу князьямъ, особенно лучшимъ изъ нихъ т. е. вообще людемъ лучшимъ по пониманію народному. Такъ изъ слова о Полку Игоревѣ мы видимъ, что Боянъ вѣщій былъ пѣвецъ многихъ русскихъ князей; что пѣснотворецъ стараго времени, Святославъ, котораго недолюбливалъ Баянъ и съ которымъ ходилъ состязаться, былъ пѣвцомъ Олега, главнаго сѣятеля раздора между князьями, (†1115) сына Святославова и внука Ярославова; что многіе другіе древніе пѣвцы тоже славилъ каждый своего князя, какъ это видно изъ ихъ обычая «пускать десять соколовъ на стадо лебедей и прежде пѣть пѣсню тому, чей соколъ прежде долеталъ, — то старому Ярославу, то храброму Мстиславу, который зарѣзалъ Редю, князя косожскаго предъ его полками, то красному Роману Святославичу»; самъ творецъ слова о Полку Игоревѣ воспѣвалъ Игоря, князя сѣверскаго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти, какъ и многія другія лица, воспѣтыя нашими баянами, безъ введенія христіанства, были бы обожествлены, сдѣлались богами новой, начинавшей развиваться религіи. Всѣ наши пѣвцы, о которыхъ мы только знаемъ, даже самыя древніе изъ нихъ, жили уже въ христіанское время, но они совершенно не были пороженіемъ нововведенной религіи, а древней — народной, естественной. Христіанство относилось къ нимъ враждебно. Авторъ слова «о мытарствахъ», Кириль Философъ, который, по мнѣнію Калайдовича, есть тотъ же Кирпль Туровскій, въ пятнадцатомъ мытарствѣ поселяетъ именно пѣвцовъ, которые баяни баютъ и въ гусли гудутъ». Въ христіанской Руси древніе пѣвцы совершенно исчезаютъ; эта сфера для нихъ чужда; они представители совершенно другихъ, несвойственныхъ христіанству народныхъ элементовъ. Въ христіанствѣ явились нныя, собственные его пѣвцы — калѣки-перехожіе, и ставить ихъ въ историческое народное родство съ древними пѣвцами, и особенно для того, чтобы воз-

весть къ древнимъ народнымъ пѣвцамъ, порожденнымъ мифологіею (корень нищенства) нѣтъ никакой возможности. Древніе пѣвцы, наши народные баяны, какъ всегда и вездѣ были олицетвореніемъ и воплощеніемъ извѣстной эпохи развитія народа, — воплощеніемъ его мудрости, правосудія, стремленій, вообще воплощеніемъ, фокусомъ всей цѣльности народной жизни; въ этомъ смыслѣ ихъ положеніе не только было такъ-сказать официальное, но выше всякаго официального; они считались всегда свыше-вдохновенными, въ чемъ, по замѣчанію Бокля, и заключается источникъ мѣтнія о божественномъ происхожденіи поэзій; оттого народъ и называлъ ихъ всегда самыми высокими именами «вѣщихъ, мудрыхъ, божіихъ друзей и братій». Есть ли же хоть тѣнь чего-нибудь подобнаго въ нашемъ нищенствѣ?..

Но г. Прыжовъ между древними пѣвцами и нашими нищими ставитъ много переходныхъ ступеней, которыя мы перечислили выше и которыя начинаются калѣчками-перехожими. И напрасно г. Прыжовъ, чтобы поставить калѣчкѣ-перехожихъ въ какое-нибудь родство съ древними пѣвцами, говорить о томъ мифическомъ характерѣ, которымъ облечены калѣчки-перехожіе. Положимъ они «хранители *нѣкоторыхъ* вѣщихъ словесъ древняго времени (стр. 28),» положимъ даже принадлежности калѣчки-перехожаго — сумѣ, кошель, — имѣютъ мифическое происхожденіе (стр. 29), но уже никакъ нельзя сказать, чтобы вообще понятія калѣчкѣ-перехожихъ были древне-мифическія понятія, а не христіанскія; что «на образъ нищаго (т. е. калѣчки-перехожаго) прямо перешло какое-нибудь древнее мифическое существо и поэтому въ настоящее время — видимое состраданіе къ нищему часто не что иное, какъ тайное сочувствіе къ забытому по имени богу (стр. 29)». Все-таки калѣчки-перехожіе — порожденіе уже совершенно иной эпохи русской жизни, эпохи христіанской, и слѣдовательно существенно различны отъ древнихъ баяновъ. Извѣстна пѣсня о «сорока каликахъ съ каликою», записанная Киршею Даниловымъ, гдѣ говорится, что калѣчки выходили изъ боголюбова монастыря въ ефимьевой пустынѣ. Любая пѣсня калѣчкѣ скажетъ всякому, что у калѣчкѣ-перехожихъ понятія не мифическія, а христіанскія. О чемъ они пѣли? О томъ, что человѣкъ видѣтъ на каждомъ шагу *прелестнаго врага или діавола*, о томъ, что

Скоро намъ будетъ тое времячко алаго антихриста,

Время на три года будетъ и на шесть мѣсяцевъ (стр. 37);

иѣли объ Иродѣ и «злодѣѣ-собакѣ, *невѣрномъ* царѣ Мамайѣ», о Діоклитіанахъ, безбожныхъ еллинахъ и даже о раскольникахъ поганыхъ, какъ это видно изъ слѣдующей пѣсни:

О Русь, о Русь прекрасная страна!
 Въ тебѣ живутъ татары злые,
 Ругаются святынѣ раскольники поганы (стр. 38).

Такимъ образомъ съ языка калѣкъ не сходило христіанство, и христіанство православное. Самъ г. Прыжовъ говоритъ, что они, по словамъ пѣсни, ходили и пѣли для того, чтобы «молодцамъ душу спасти (стр. 31)». Самъ онъ считаетъ идеаломъ калѣкъ — образъ Іоасафа-царевича, который въ младыхъ лѣтахъ оставилъ богатый свой дворецъ, отца, мать и бѣжалъ въ прекрасную пустыню; а жвѣство, что возвышеніе, оправданіе, опозитизированіе пустынно-ческой жизни принадлежить христіанству. Іоасафъ-царевичъ, убѣгая въ пустыню, говоритъ:

• Тебѣ, Христе, подражаю,
 Нищъ и босъ хочу быти,
 Да съ тобою могу жити, • (стр. 40).

Онъ любить пустыню за то, что

• Про тебя, мать-пустыня,
 И самъ Господь знаетъ:
 Тебя, мать-пустыня,
 Всѣ архангелы хвалятъ
 И преподобные прославляютъ... • (стр. 43).

Онъ прямо говоритъ, что удаляется въ пустыню вслѣдствіе религиозныхъ побужденій:

• . . . въ ты прибѣгаю,
 Отъ антихриста убѣгаю.
 Не знаю себѣ что и быти,
 Да гдѣ мнѣ главы подклонити.
 Покоже антихристовы дѣти
 Повсюду простерты имуть сѣти;
 Хотятъ они насъ уловити,
 Къ антихристу покорити;
 Своимъ ересемъ осквернитъ,
 А душу мою погубитъ;
 И пивомъ своимъ напоитъ,
 А вѣру Христову потребитъ • (стр. 41).

Чтоже въ этомъ идеалѣ калѣкъ, воплощенномъ ими въ образѣ Іоасафа-царевича, можно найти мифическаго? И есть ли малѣйшее родство и сходство между этимъ идеаломъ и идеаломъ нашихъ древнихъ народныхъ пѣвцовъ, и вслѣдствіе этого, между самими этими

пѣвцами и калѣками или каликами? Считаемъ нужнымъ еще разъ повторить, что нельзя отвергать присутствія мифическихъ поватій въ стихахъ каличьихъ пѣсень, что явно доказываютъ напримѣръ стихи «голубиной книги», или напримѣръ наше народное пониманіе св. побѣдоносца Егорія, на котораго очевидно перенесенъ образъ древняго бога-Велеса — покровителя скотовъ; но это произошло отъ историческаго «закоша сліянія», неизбежно дѣйствовавшаго во всѣхъ религіозныхъ системахъ, — сліянія въ одно совершенно разнородныхъ религіозныхъ элементовъ, а не оттого, будто калѣки-перехожіе и вообще весь позднѣйшій людъ, заппмавшійся распѣваніемъ стиховъ, имѣлъ внутреннее преемство, существенное родство съ древнѣйшими нашими пѣвцами, баянами. Весь этотъ позднѣйшій людъ произошолъ уже отъ позднѣйшаго религіознаго элемента, элемента византійско-христіанскаго, какъ это мы видѣли сейчасъ изъ содержанія каличьихъ пѣсень. Понятно, что всѣ эти калѣки или калики, лазари, леженки и вообще всевозможные роды нищихъ княжескихъ и церковныхъ, имѣютъ безспорно историческое родство и преемство между собою, но никакъ не съ древними пѣвцами.

Такимъ образомъ нищенство наше, если не имѣетъ никакой связи съ древними пѣвцами, чего очень хотѣлось г. Прыжову, то не приходится ли сродни покрайней-мѣрѣ калѣкамъ или каликамъ, лазарямъ, леженкамъ и проч.? Не приходится. Между ними и нашими нищими существенное различіе. Что касается напримѣръ калѣк-перехожихъ и даже лазарей, то они собственно не нищіе, а христіанскіе пѣвцы; они добровольно оставляли дома, вслѣдствіе своихъ мистически религіозныхъ стремленій; существенною стороною ихъ жизни, ихъ профессіею было не нищенство, а пѣніе пѣсень ради спасенія себя и другихъ; нищенство было только случайнымъ *результатомъ* въ ихъ жизни и пользовался они подаяніемъ не какъ нищіе; между-тѣмъ всего этого никакъ нельзя сказать о нашихъ теперешнихъ нищихъ. Что касается леженокъ и другихъ всевозможныхъ нищихъ — богадѣленскихъ, кладбищенскихъ, дворцовыхъ, дворовыхъ, патріаршихъ, соборныхъ, монастырскихъ, церковныхъ, то хотя они образовались въ собственномъ смыслѣ изъ нищихъ, ничего немущихъ людей, — захребетниковъ, бобылей, погорѣлыхъ, спившихся; хотя они сами пѣли о себѣ, что

. . . Господь-Богъ на нихъ прогнѣвался:
 Помолилъ ихъ въ напасти великія,
 Понустилъ на нихъ скорби великія,
 И срамныя позоры немѣрныя,
 Безживотіе злое, сопостатныя находы.

Злую, непомерную наготу и босоту
И безконечную нищету
И недостатки послѣдвіе...⁽¹⁾

но все-таки не были нищими въ собственномъ смыслѣ, т. е. такими нищими, каковы теперь наши нищіе, не были потому, что имѣли *юридическое положеніе* въ обществѣ, чего никакъ нельзя сказать о нашихъ нищихъ. Мы не говоримъ, чтобы наши нищіе тоже не имѣли юридическаго положенія въ обществѣ; каждый нищій имѣетъ юридическое положеніе, есть юридическое лицо, но въ томъ только смыслѣ, что вообще онъ есть лицо, единичная гражданская личность, а не потому, что онъ нищій; тогда какъ многочисленныя нами роды нищихъ имѣли юридическое положеніе въ обществѣ именно какъ нищіе, т. е. самое нищенство ихъ признавалось законнымъ, поддерживалось властями, имѣло офиціальнѣйшій характеръ. Еще во времена Ярослава великаго они были признаны *людьми церковными* и съ этого уже времени стали составлять необходимую принадлежность монастырей и богатыхъ церквей⁽²⁾ по городамъ и быть необходимою частью свиты, какъ княжеской, такъ и патріаршей. При монастыряхъ и церквяхъ для нихъ учреждались столы. При патріархѣ ежегодно учреждаемо было девять столовъ для нищихъ, семь во всю свѣтлую недѣлю, восьмой въ праздникъ Успенія Богоматери и девятый въ день святѣйшихъ патріарховъ вселенскихъ. Большая часть огромныхъ хозяйственныхъ княжескихъ запасовъ ежегодно была поѣдаема нищими. Рѣдкая страница нашихъ лѣтописей не говоритъ о *нищенлюбіи* того или другого русскаго князя. Слова — *кормилецъ нищихъ, утѣшитель нищихъ* были какъ бы словами княжескаго титула (Полн. Собр. Лѣт. 11, 221, 390). Ежегодная царская милостыня въ монастыри, которая посылалась туда не «для кормленія только поповъ и дяконовъ», а и на нищую братію, была какъ бы государственной обязанностью, и по отношенію къ нищимъ составляла настоящее жалованье (Котошихинъ, изд. 1859 г. стр. 11). Въ Кремлѣ нищіе подъ именемъ *богомольцевъ верховыхъ*, которые отъ царя получали не только пищу, но жалованье и даже форменную одежду, существовали до временъ Петра и одинъ разъ просили у него *кормовъ и жалованья, какіе они получали при его родителяхъ* (Снег.). Такимъ образомъ всѣ эти богатѣльственные, дворцовые, патріаршіе и всякіе другіе нищіе были такъ-сказать плохими нищими; ихъ нищенство было признаваемо осо-

(1) «Горе-злосчастіе». Пам. издан. Костомаровымъ. Т. I, стр. 1.

(2) Такъ сидѣвшіе при успенскомъ соборѣ убогіе назывались успенскими, другіе — архангельскими, васильевскими (Василія блаженнаго), чудовскими...

беньною професією, за которую они пользовались известнымъ содержаньемъ; они пожалуй были обеспеченнѣе многихъ нищихъ. Этого опять нельзя сказать о нашихъ нищихъ, которые со временъ Петра-великаго преслѣдуются закономъ (Полн. Собр. Зак. № 1489), противъ которыхъ возстаетъ даже духовный регламентъ, а если иной изъ нашихъ нищихъ найдется обеспеченнѣе многихъ нищихъ, то совсѣмъ не потому, чтобы нищенство признавалось теперь официально-законнымъ.

Итакъ желаніе г. Прыжова — рѣшить вопросъ о нищенствѣ *на исторической почвѣ*, оказывается, какъ мы видимъ, напраснымъ желаньемъ. Всѣ его историческія изслѣдованія (вѣрнѣе выписки) мало рѣшаютъ вопросъ о нашихъ нищихъ. Не достигая той цѣли, для которой г. Прыжовъ наполнилъ ими свою книгу о нищихъ, они не имѣютъ никакого значенія и сами по себѣ, какъ матерьялы для общественнаго и народнаго быта Россіи. Это вопервыхъ потому, что изслѣдованія г. Прыжова совсѣмъ не составляютъ и не даютъ никакихъ новыхъ матерьяловъ, а вовторыхъ потому, что въ этихъ изслѣдованіяхъ попадаются наримѣръ такого рода замѣчанія: «кажется, что отвращеніе это (т. е. отвращеніе народа къ калѣкамъ) чувствовалось не только людьми, но и самыми деревенскими собаками, злѣйшими врагами каліекъ. Съ одного конца вошли въ деревню каліики, а на другомъ собаки ужъ подыали головы и сбѣгаютъ, и страшнымъ лаемъ провожаютъ каліекъ до другого конца деревни, и долго еще потомъ ворчатъ, — хотя каліики давно скрылись изъ виду (стр. 45).» К чему это?

Вслѣдствіе чего однакожъ на Руси существовало и существуетъ громадное число нищихъ, не привилегированныхъ нищихъ, а настоящихъ, обыкновенныхъ, безъ всего, слѣдовательно и безъ всякихъ привилегій? Г. Прыжовъ твердо убѣжденъ, что ихъ произвела и производить копѣчная благотворительность, такъ широко развитая на Руси. Затвердявши эту причину, онъ говоритъ о ней на каждой страницѣ своей книги. «Нищихъ *плодитъ* обычай, вмѣсто оказанія какой-либо помощи, подавать копѣчку. Копѣчная благотворительность обшерна и ею *поддерживается* громадное число нищихъ (стр. 93)». Мнѣвіе, что нищихъ плодитъ религіозная благотворительность, т. е. вообще религія, поддерживается и многими другими до послѣдняго времени. Прежде всего замѣтимъ, что *плодить* и *поддерживать* нищихъ — двѣ вещи совершенно различныя, а г. Прыжовъ смѣшиваетъ ихъ. Далѣе спрашиваемъ, что прежде существовало и существуетъ? — обычай ли подавать нищимъ копѣчную милостыню, или сами нищие, которымъ подается копѣчная милостыня и ради которыхъ устано-

являлся такой обычай? Если же нищія необходимо существуютъ всегда еще прежде подачи имъ копѣчной милостыни, то какимъ образомъ можно думать, что копѣчная милостыня производитъ нищихъ? Г. Прыжовъ говоритъ, что норма спасенія, предлагаемая религіею, необходимо требовала благотворительности и видить въ этомъ причину нищенства... Религія не есть реальная сила общества и народа, а только какбы извѣстный цвѣтъ, извѣстная краска, въ которую иногда окрашиваются дѣйствительныя силы челоуѣка и общества. Ну, а еслибы норма спасенія, предлагаемая религіею, была другая и не требовала копѣчной благотворительности, можно ли сказать, что нищихъ не было бы? Были времена, когда подача милостыни нищимъ запрещалась указами. Царь Иванъ Васильевичъ возставалъ противъ милостыни на стоглавомъ соборѣ; 91-мъ параграфомъ его «Судебника» приказано было нищихъ удалять отъ церквей. Петръ великій употреблялъ противъ нищихъ и подачи имъ милостыни даже жестокія мѣры. Указъ 25 февраля 1718 года говоритъ: «иная нищихъ приводить въ монастырскій приказъ, а милостыни отнюдь имъ не подавать, а если кто хочетъ дать милостыню, то имъ отсылать ее въ богадѣльню, а которые послѣ этого будутъ подавать милостыню, то ихъ также приводить въ приказъ и имать на нихъ штрафъ: въ первый разъ по пяти, а въ другой — по десяти рублей, а для присмотру вышеупомянутыхъ нестовыхъ нищихъ и подавцевъ милостыни опредѣлять нарочныхъ поимщиковъ.» Указъ 20 іюня № 3213 велитъ нищихъ, пойманныхъ въ первый разъ, бить батожемъ нещадно, буде въ другой разъ будутъ пойманы, бить на площади кнутомъ, посылать въ каторжную работу, а бабъ въ шпивгаузъ, а ребятъ къ мастерствамъ.» Между тѣмъ каждый изъ новыхъ указовъ противъ нищихъ начинался извѣстіемъ, что «нищихъ паки умножилось.» Скажутъ опять — это отъ копѣчной милостыни, которая несмотря на указы, продолжала подаваться. Соображая однакожъ строгость самыхъ указовъ, и то обстоятельство, что это были указы Петра, а не другого кого, этому повѣрить весьма трудно. Напротивъ само общество начинало открывать безилодность подачи милостыни; о тѣхъ, которые все-таки подавали ее, говорили: «не знаетъ куда имѣніе свое употребляетъ, не по рукамъ досталось (Щановъ русск. старообр.)!» Слѣдовательно ручной милостыни все-таки подавалось гораздо меньше. Наконецъ извѣстно, что въ настоящее время ручная копѣчная милостыня существуетъ противъ прежняго времени въ гораздо-меньшемъ размѣрѣ, а между тѣмъ въ любой газетѣ можно прочесть извѣстіе, что нищихъ какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ каждый мѣсяцъ полиція задерживаетъ до ста

человѣкъ. Такое крупное общественное явленіе, какъ нищенство, не можетъ не находиться въ связи съ самымъ строемъ общественной жизни вообще. Оно пронстекаетъ изъ того же самаго начала, какъ и вообще бродяжничество, бѣгство изъ городовъ и селъ, отчасти и расколъ. Часто приходилось такъ, что русскому челѣвуку жутко, не въ мѣготу было оставаться дома: то крѣпостное право, то прижметъ чиновникъ, то фабрикантъ или всякой другой, на кого онъ работаетъ въ потѣ лица, удержать у него половину платы за его трудъ или отдастъ и всю плату, но такую, что она даже его воловий трудъ дѣлаетъ недостаточнымъ для пропитанія не только его семейства, но и его самого; онъ захочетъ бросить одинъ трудъ и вѣзаться за трудъ другого рода, глядь — а между тѣмъ кругомъ цѣны на необходимые продукты жизни растутъ и растутъ; жутко придется ему, онъ и пойдетъ молча мыкаться по бѣлому свѣту. Онъ знаетъ поговорку, что на Руси никто съ голоду не умиралъ, знаетъ, что хотя онъ дѣлаетъ худое дѣло, что не присталовымаливать хлѣбъ у другихъ, что имъ будутъ помыкать всѣ, но онъ не можетъ иначе поступить и идетъ бродяжничать. Очевидно, что онъ представляетъ этимъ молчаливый, но энергическій протестъ противъ общественного *status quo*. И это неизмѣнно болѣе или менѣе ясно выразить онъ самъ, смотря по тому, по какому пути пойдетъ въ самомъ бродяжничествѣ: то онъ развернется во всю ширину русской удали и станетъ грабить встрѣчнаго и поперечнаго на большой дорогѣ; то вслѣдствіе своего грубаго мистицизма, который впрочемъ въ силу постигшаго несчастія часто подымается въ душѣ и несовсѣмъ грубаго челѣвука, особенно при случайномъ виѣшнемъ воздѣйствіи, изглянетъ на свое бродяжничество какъ на подвигъ религіи и пристанетъ къ раскольнической сектѣ *странниковъ* или къ *блгунамъ*, повторяя съ умиленьемъ, что онъ не имѣетъ здѣсь *пробывающаго града, а грядущаго взыскуетъ* и клейма именемъ антихристовымъ все что прежде было вокругъ него, и было ему дорого и мило; то до конца жизни останется съ увядлымъ, опущеннымъ къ землѣ видомъ и станетъ вымаливать себѣ подаваніе у проходящихъ слезами искренними, или лживыми, все равно, какъ бы говоря при этомъ: посмотрите, я такой же членъ общества, какъ и вы, а между тѣмъ я болѣе похожъ на животное, которое должно ждать пока его покормятъ другіе, или добывать себѣ пищу насиліемъ. Особенно въ XVII и началѣ XVIII столѣтія цѣлыми массами народъ пускался въ бродяжничество... Вотъ откуда тянутся и что значатъ толпы нищихъ. Частная благотворительность, ручная милостыня, какъ бы она ни была распространена, есть очевидно только обстоятельство, благоприятствующее нищенству, но не производящее его, равно

какъ и религія есть только сфера, въ которой имъ легче и привольнѣе дышется, а не сила, дѣлающая ихъ нищими. Они конечно просятъ Исуса Христа—ради, не изъясняя ничего остального, потому что къ этимъ словамъ прислушались и самъ просящій и всѣ проходящіе, и потому что сказать: помогите мнѣ, потому-то и потому-то, — и самому стыдно да и другіе не повѣрятъ. Впрочемъ прислушиваясь къ инымъ нищимъ, можно изъ ихъ же словъ узнать и то что заставляетъ ихъ просить Христа—ради. «Жена, дѣти, нечего есть — говорить одинъ, — служилъ нѣсколько лѣтъ»; «не пожалуете ли — говорить другой — выпустили сейчасъ изъ больницы, слабъ»; «не могу работать» говорить третій, блѣдный и измученный; когда проситъ на хлѣбъ благородная вдова, ее узнаютъ всѣ еще прежде нежели она проситъ. Однимъ словомъ вы именно услышите болезненную, тяжелую мольбу, съ затаеннымъ внутри ропотомъ на общественныя отношенія.

Теперь кажется должны быть понятны наши слова, сказанные нами въ началѣ. что нищенство, попрошайство не есть элементъ русскаго народа, потому что фактъ нищенства хотя существуетъ въ огромномъ размѣрѣ, но имѣетъ особенный смыслъ. Понятно также то, какъ смотрѣть на конечную милостыню, о чемъ въ послѣднее время возникла большая и жаркая полемика. Вопервыхъ, совершенно несправедливо, какъ мы видѣли, будто копѣчною милостынею условливается нищенство; едва ли даже оно и поддерживается копѣчною милостынею; нищій остается нищимъ не потому, что получить подаваніе, а потому что не находитъ выхода изъ своего положенія, т. е. онъ остается нищимъ не отъ копѣчной милостыни, а оттого, что продолжаетъ существовать та причина, которая слѣлала его нищимъ. Конечно гораздо лучше подавать нищему возможность самому ему, собственнымъ его трудомъ добывать средства жизни, а не прямо давать ему самыя средства, и кто понимаетъ это, и особенно кто можетъ, тому и слѣдуетъ такъ именно, а не иначе помогать нищему; но что сказать о тѣхъ, которые не могутъ такъ или иначе *пристроить* нищаго, а между тѣмъ въ состояніи подѣлиться съ нимъ нѣсколькими копѣйками? Совсѣмъ конечно не подавать милостыни, потому что, говорятъ, страшное униженіе — какъ подать, такъ и взять нѣсколько копѣекъ. Позвольте, если нищій протягиваетъ ко мнѣ руку, то униженіе съ его стороны уже произошло, дамъ ли ему что-нибудь или не дамъ; и если я ему не дамъ ни чего, пройду мимо, то не только увеличу его униженіе, но и для меня самого вѣдь будетъ гораздо больнѣе и тяжелѣе, чѣмъ еслибы я далъ ему хоть нѣсколько копѣекъ. Мало этого: если нищій голоденъ, а между тѣмъ и отъ другого и отъ третьяго, какъ отъ меня,

не получить хоть бы нѣсколькихъ копѣекъ, то вѣдь онъ сначала пойдетъ воровать, а уже потомъ станетъ думать, какъ бы ему перестать быть нищимъ, если только станетъ думать. Далѣе, что сказать о тѣхъ, которые не додумались до здраваго понятія о копѣечной милостынѣ и увѣрены, что они дѣлаютъ ею большое добро нищимъ, в которыхъ огромное большинство? Ужели нужно осуждать ихъ за подачу копѣчной милостыни и преслѣдовать ее? Осуждать и смѣяться совершенно нераціонально: вѣдь это *результатъ* ихъ неразвитости, ихъ мистически-религіозныхъ стремленій; такъ научите ихъ, откройте имъ глаза, дайте имъ понять, что ихъ милостыня ни къ чему не ведетъ кромѣ худого, а пока не глумитесь надъ нею, потому что она есть совершенно вѣрный результатъ ихъ нравственнаго состоянія. А преслѣдовать подачу такой милостыни не слѣдуетъ уже потому, что преслѣдованіе не приведетъ къ цѣли, а еще болѣе облагородитъ и возвыситъ милостыню. Пока купецъ будетъ видѣть въ ней удовлетвореніе своей совѣсти и особенно замѣчать, что чрезъ нее все-таки болѣе или менѣе прииhrается съ жизнью самъ нищій, вы не остановите ее никакими путями. Обыкновенно отвергаютъ частную благотворительность во имя общественной; но попервыхъ, еслибы и было возможно какимъ-нибудь образомъ достигъ того, чтобы у людей, подающихъ теперь копѣчную милостыню, осталась возможность подавать милостыню только *общественнымъ* образомъ, то половина изъ нихъ совсѣмъ перестала бы благотворить, а воторыхъ и общественная благотворительность сама по себѣ вещь не завидная. На западѣ дознано, что и она ни къ чему не ведетъ; при самомъ большомъ количествѣ благотворительныхъ заведеній, оказывается тамъ, что нищихъ всегда гораздо болѣе, чѣмъ благотворительныхъ заведеній и что слѣдовательно общественная благотворительность никогда не можетъ исключить благотворительность частную. Теперь насчетъ нравственнаго униженія, ужели его нѣтъ и въ общественной благотворительности?..

Сталное, табунное кормленіе, сталная, табунная жизнь, жизнь связанная вдоль и поперекъ, горькое чувство своей зависимости отъ всего, горькое сознаніе казенщины своей жизни и приближающейся смерти на казенный счетъ, развѣ это не обида, не нравственное униженіе личности человѣка?..

М. Р. Д. ЧЪ

Этнографическій сборникъ, издаваемый императорскимъ географическимъ обществомъ. Выпускъ V, Сиб. 1862.

Несмотря на предисловіе, объявляющее, будто «Россія была первою странюю славянскою, которая не только *отразила напоръ стихій нѣмецкой (!), но и начала движеніе возвратное (1??)*», книга эта содержитъ въ себѣ много интереснаго для изслѣдователя народности. Первое мѣсто въ ней, по нашему мнѣнію, принадлежитъ статьѣ г. Гильфердинга: «Остатки славянъ на южномъ берегу Балтійскаго моря.» Авторъ дѣлаетъ сперва географическій и статистическій обзоръ и потомъ уже переходитъ къ быту и повѣрьямъ словянцевъ и кашубовъ. Между прочимъ авторъ дѣлаетъ слѣдующее интересное замѣчаніе: «Велѣдствіе ли вѣковой тяжелой борьбы, уничтожившей племя балтійскихъ славянъ, или по другимъ причинамъ, остатки этого племени, словянцы и кашубы померанскіе, разительно отличаются отъ всѣхъ другихъ славянъ совершеннымъ отсутствіемъ веселости въ характерѣ. Я не замѣтилъ въ этихъ людяхъ никакихъ признаковъ шутовства. Пѣсни они поютъ только духовныя (заимствованныя изъ церковныхъ книгъ); кромѣ того, слѣды пѣсни замѣтны только въ обрядовыхъ приглашеніяхъ на свадьбы, которыя произносятся рифмованными фразами. Но иначе этотъ народъ не поетъ. Онъ также не пляшетъ, отличаясь тѣмъ отъ польскаго простонародья» (стр. 46). Статья эта тѣмъ болѣе важна, что по этой части ничего не было слѣдано, а народы эти все болѣе и болѣе стираются съ лица земли. Къ статьѣ г. Гильфердинга приложилъ небольшой, но интересный сборникъ сказокъ, записанныхъ имъ самимъ.

Кромѣ смѣси, сборникъ содержитъ въ себѣ восемь статей. Изъ нихъ, кромѣ «Остатковъ славянъ», заслуживаетъ наибольшаго вниманія «Быть курскихъ крестьянъ» г. Мошкина. Въ этой статьѣ между прочимъ есть рубрика: отличительные обычаи *курскаго* крестьянъ «при продажѣ и покункѣ лошадей.» «При продажѣ лошадей даютъ въ придачу узду и обротъ, а при продажѣ коровы или овцы веревку, привязанную за рога животного. Покупатель беретъ отъ продавца поводъ узды или веревку непременно изъ полы въ полу,

чтобы купленный скотъ благополучно жилъ у новаго своего хозяина. Купленную корову хозяйка въ первый разъ кормить *на печной заслонкѣ хлѣбомъ съ солью*, дабы она знала новый свой дворъ и служила на хлѣбъ и на соль» (стр. 85). Все это кромѣ двухъ словъ, отмѣченныхъ нами курсивомъ, было помещено въ томъ же «Этнографическомъ сборникѣ», какъ отличительная особенность въ обычаяхъ *тверскихъ* крестьянъ (Этногр. сбор. в. 1, стр. 197). Такимъ образомъ, «Этнографическій сборникъ», иногда перепечатавая одно и то же, выдаетъ это каждый разъ за новое... Это тоже ведурно.

Помѣщенный въ V выпускѣ библиографическій указатель книгъ и статей по этнографіи за послѣдніе года — вещь очень *небезполезная*. Къ сожалѣнію, ссылки на губернскія вѣдомости недостаточно ясны, такъ что иногда трудно отыскать цитируемую статью. Кромѣ простыхъ указаній, составитель его иногда дѣлаетъ выписки изъ цитируемыхъ книгъ и сообщаетъ за новостъ *напримѣръ* такую общеизвѣстную загадку: *красный пѣтушокъ по жордочкѣ бѣгаетъ? Огонь* (стр. 5). На стр. 7 между отличительными повѣрьями села Тушны, симбирской губерніи, онъ помещаетъ такое: «если кто-нибудь во время стола просыплетъ соль, то это предвѣщаетъ ссору...» Это въ самомъ дѣлѣ очень ново. Но окончательно *ведоумѣваемъ*, для чего составитель указателя выписалъ изъ *лѣтописей* литературы и древностей, кн. 6, любовное заклянаніе... Впервые, каждому изслѣдователю *лѣтониси* и безъ того извѣстны; во вторыхъ, ужъ если выписывать, такъ не одно это заклянаніе: въ *лѣтонисяхъ* найдется много вещей *поинтереснѣе* этого заклянанья...

Несмотря на эти недостатки, изданіе «Этнографическаго сборника», все-таки дѣло полезное, и потому будетъ очень жаль, если оно будетъ встрѣчать препятствія со стороны лицъ, совершенно *равнодушныхъ* къ дѣлу...

Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть 2, М. 1862.

Сборникъ пѣсенъ П. Н. Рыбникова справедливо можетъ занять первое мѣсто между отечественными трудами по этой части, какъ по количеству, такъ и по качеству сообщаемыхъ имъ пѣсенъ. Сборникъ издается въ Москвѣ, подъ редакціей г. Безсонова; вторая часть, изданная въ нынѣшнемъ году, служитъ важнымъ дополненіемъ къ первой, сообщая интересные варианты къ былинамъ первой. Изъ совершенно новыхъ быливъ во второй части обращаютъ на себя вниманіе былины «о царѣ Соломонѣ, царицѣ Соломоніи и прекрасномъ царѣ Васильѣ Окулевичѣ» (стр. 277—305); сюжетъ

впрочемъ былъ частью извѣстенъ изъ сказокъ ⁽¹⁾. Также очень замѣчательна пѣсня «Земскій соборъ», въ которой царь Алексѣй Михайловичъ спрашиваетъ князей и бояръ:

«Такъ отдать ли намъ Смоленскъ, али не отдать.

Али намъ за Смоленскъ постояти?»

Выходить перво князь востраханскій;

Онъ поблизку государя становился,

Онъ понизку государю поклонился:

— Ай ты, ай асу, валежа государь-царь,

— Алексѣй сударь Михайловичъ московскій!

— Что Смоленскъ есть строенье литовско;

— Во Смоленскѣ стрѣльцовъ нѣтъ нисколько,

— Во Смоленскѣ казны нѣтъ ни копѣйки:

— Отдадимъ мы туда городъ Смоленской,

— А мы возьмемъ себѣ хамскую землю!

Государю тыи рѣчи не слюбился.

Выходить второй князь бухарскій и говоритъ тоже самое; на третій вопросъ Алексѣя Михайловича выходитъ «князь Давида Милославскій» и говоритъ:

Что Смоленскъ есть строенье московско;

Во Смоленскѣ стрѣльцовъ есть сорокъ тысячей,

Во Смоленскѣ казны есть — смѣты нѣту:

Ужъ мы станемъ за Смоленскъ стояти.

Государю тыи рѣчи прилюбился и онъ жалуеть Данилу смоленскимъ воеводой.

Астраханскаго-то князя взялъ повѣсилъ,

А бухарскому-то голову срубилъ. . (стр. 237—8)

Намъ кажется, что издатели слишкомъ смѣло назвали эту пѣсню «Земскимъ соборомъ»; рѣчь идетъ только о совѣщаніи Алексѣя Михайловича съ «князьями и другими боярами», изъ которыхъ большинство дѣлаетъ ложныя показанія и потому пѣсня нисколько не сожалѣеть объ ихъ смерти...

Мы не можемъ не обратить вниманія читателей на слѣдующій мотивъ, верѣяко заключающій былинны, встрѣчающійся и во 2 части рыбниковскаго сборника.

Сильные-могучіе богатыри во Кіевѣ;

Церковное пѣнье во Москвѣ городѣ;

Славный звонъ во Новѣ-городѣ;

(1) См. мои великорусскія сказки, в. 2, № 80; лѣтописи Н. Тихомирова, т. IV, стр. 112—153; памятники, изданные при «Русскомъ Словѣ» т. 3, № X.

Сладкіе поцѣлун новолодожски ;
 Гладкіе мхи къ синю морю подошли ;
 Щельё — каменьё въ сѣверной сторонѣ ;
 Широкіе подола олонецкіе ;
 Дубявые сарафаны по Онегѣ по рѣкѣ ;
 Рипсоватые подола почезерочки ;
 Рядные сарафаны кенозерочки ;
 Пучеглавыя молодки слобожаночки ;
 Толстобрюхія молодки лексимозерочки ;
 Маложаляскій пошъ до солдатовъ добръ (стр. 44, ч. II).

Этотъ мотивъ иногда составляетъ почти цѣлыя пѣсни. Такъ на-
 примѣръ мы можемъ сообщить здѣсь такого рода пѣсню, записан-
 ную Г. Н. Потанинымъ въ гамаюновской волости калужскаго уѣзда:

По мосту, мосту, по каинову мосту
 Шолъ, прошолъ, дѣтинушка молодой ;
 На немъ кафтанъ голубой .
 Хваиды машутся, полы раздуваются ;
 Въ правой рукѣ трость серебряная ,
 Во лѣвой во рукѣ горнитутовый платокъ .
 Ужь онъ тросточкой подпирается ,
 Алой ленточкой выхваляется :
 — То-то лента, то-то лента, то-то алая моя !
 Ала, ала, ала, мнѣ сударушка дала !
 Она мнѣ дала, дала, пожаловала .
 Поносило-ся, любезный, сколько я поносилъ ,
 Полюбико-ся, любезный, каку я полюбилъ !
 Она ростомъ невеличка, она лицомъ не бѣла ;
 Она ростомъ невеличка, только школоу взяла .
 Только лицомъ круглолица, то Олонкина дѣвица ;
 Ободранныя лица, то Демидовы дѣвицы ,
 Бевъ подметокъ сапоги, то Демидова слуги ,
 А съ подметкамъ сапоги, то Олонкины слуги ,
 На Бизюки сходили — то сельчанишки ⁽²⁾ ,
 Съ фалдами чекмени сениіговскіе ;
 Непокрытое село, то Игумново ⁽³⁾ ,
 Подопрѣлое одонье, то Пучанешки ;

 Пенечные гужи — колюпановски .
 По ва мѣдью топоры — животински мужици ,
 Гагару поймали — грецанишки ,
 Лисицу ободрали — сившанешки ,

(2) Т. е. жители села Радомановскаго, лучшаго въ гамаюновской вотчинѣ.
 (3) По бѣдности крышь нѣтъ.

Чожъ, чоботокъ, то заводской мужичокъ ⁽⁴⁾.
 Грачовнички, табатернички;
 Побиться, подраться, — рождественски:
 Ножами порѣзаться, — чижевски:
 Шопинцы — пятинцы,
 Они къ празднику зовуть къ пятятся,
 Они пиво пьютъ, ворота запрутъ ⁽⁵⁾.
 Ременные гужи, — воровскіе мужики,
 Съ кольцами кнуты, — верховскіе мужики.
 • Кваньщанечки, рыболовнички ⁽⁶⁾:
 Они рыбушку ловятъ по сухимъ берегамъ,
 По амбарамъ, по клѣтамъ. —

Относительно изданія текста пѣсенъ г. Рыбникова мы можемъ замѣтить слѣдующее. Въ одной быливѣ (№ 7) говорится о Добрынѣ:

Какъ я приѣхалъ изъ чиста поля,
 Видѣлъ во чистомъ полѣ Добрынюшку убитаю,
 Головкой онъ лежитъ во ракитовъ кустъ,
 Ножками лежитъ опачей рѣку. (стр. 24)

Слово «опачей» издатели толкуютъ въ примѣчаніи: «задомъ къ рѣкѣ». Намъ кажется, что «ножками лежать задомъ къ рѣкѣ» — фраза невозможная въ русскомъ языкѣ, что слова «опачей» вѣтъ въ русскомъ языкѣ, покрайней мѣрѣ, нѣтъ въ «Областномъ словарѣ». Подобная ошибка могла произойти оттого, что издатели не разобрали рукописи г. Рыбникова, гдѣ кажется должно быть: *во Почай* рѣку. Мы думаемъ такъ потому, что во первыхъ это будетъ совершенно соответствовать смыслу рѣчи; во вторыхъ, что Почай рѣка постоянно упоминается при Добрынѣ; въ третьихъ потому, что въ иѣсныхъ, повторяющихся подобный мотивъ, убитый молодецъ лежитъ ногами къ рѣкѣ. Напримѣръ:

Какъ во далекомъ чистомъ полѣ,
 Что подъ кустикомъ ракитовымъ
 Душа милый другъ лежитъ.
 Что буйная его головушка
 Ко восточной сторонѣ;
 А рѣзвы ноги у молодца
 Ко быстрой ко рѣкѣ. (Гулъева, этн. оч. южной Сиб.,
 стр. 104).

⁽⁴⁾ Мужикъ изъ деревни Заводъ.

⁽⁵⁾ Деревня Шопина.

⁽⁶⁾ Деревня Квань.

Въ той же былинь г. Рыбникова (№ 7, часть 2) говорится о Добрынь:

• А у тебя, голь кабацкая (лицо) зарудилась • (стр. 29).

Издатели поясняютъ слово *зарудиться* — замаралось, загрязнилось — тогда, какъ слово *зарудиться* (отъ слова *руда*, кровь) значитъ запачкаться и именно *кровью* (Ср. стихъ 284 и 285 той же былины).

Вторую половину книги занимаетъ «Замѣтка» г. Безсонова. Говорить объ этой маленькой «Замѣткѣ», въ 350 стр., не упоминая о другой «Замѣткѣ» (въ 200 стр.) того же г. Безсонова къ четвертому выпуску пѣсенъ Кирѣевского, невозможно, потомучто объ статьи дополняютъ другъ друга.

Почти вездѣ г. Безсоновъ вляется въ совершенно произвольныя толкованья. Такъ напримѣръ тотъ фактъ, что богатыри подъ конецъ своей дѣятельности гибнутъ въ *подземельяхъ, пещерахъ или каменьютъ*, онъ толкуеть такимъ образомъ :

« Народъ уходилъ отъ внѣшности внутрь себя, къ своимъ началамъ и основамъ, къ своему народному духу, ища тамъ спасенья: онъ шолъ въ *подземелья*, скрывался въ *пещеры, умиралъ* для внѣшности, чтобы ожить внутренно; умиралъ не труномъ, а *мощами*, соблюдающими жизнь среди самаго умиранья» стр. CVII—CVIII, Кирѣевск., в. IV) или: «Что скрывается снаружи, часто еще сильнѣе бываетъ внутри; духъ можетъ быть вызванъ, можетъ выйти самъ и изъ подземелья; *мощи*, повидимому немощныя смертью, могутъ быть мощны цѣлебною силою на другихъ, и *сами цѣлыя*, могутъ цѣлить и *давать цѣлость* притекающимъ чрезъ одно даже прикосновеніе и цѣлованіе». (Стр. XV.)

То, что жена Святогора, во время его сна, по былинь г. Рыбникова, входитъ въ связь съ Ильей Муромцемъ — онъ толкуеть такъ :

« Богатыри старшіе, представители былого стихійнаго броженія, напримѣръ Святогоръ, имѣютъ и жонъ крайне-податливыхъ къ новымъ началамъ, нестойкихъ въ вѣрности, готовыхъ за угломъ и во время мужняго сна предаться юному влекущему началу.» (стр. XL.)

Соколь-корабль, на которомъ плаваютъ богатыри, онъ объясняетъ такъ :

« Мы убѣждаемся, что древнѣйшій бытъ Руси, когда еще жила она въ обще-славянской семьѣ, представлялся позднѣйшему народному творчеству между прочимъ подъ образомъ плаванія по какому-то морю.» (Рыбниковъ, ч. 2, стр. XXI).

По поводу былины о Данилѣ, побивающемъ княжескую дру-

жину, и потомъ убивающемъ самого себя и его жены Василисы, которая помогала ему въ битвѣ и убила себя на его трунѣ, онъ говорить :

«Былевое наше творчество, *надорванное* такимъ *трагизмомъ* отношеній, поспѣшило смягчить ихъ и примирить, а само — выйти на спокойную, болѣе свойственную себѣ дорогу, и для этихъ цѣлей избрало образъ Василисы, способный къ выполнению задачи, какъ образъ женскій.» (Стр. LI Кир., в. IV).

Сказочный мотивъ о Иванѣ-богатырѣ, который терпитъ много бѣдствій, прежде нежели достигнетъ своей цѣли, по его мнѣнію, значить русскій народъ, «вышедшій наконецъ на свѣтъ божій и занявшій почетное мѣсто въ исторіи между другими старшими народами;» русскій народъ, вдругъ «явившійся совершенно готовымъ къ христіанству и какъ бы сразу удостоившійся сдѣлаться лучшимъ сосудомъ высшаго изъ христіанскихъ вѣросознаній, православія. Сразу такъ шагнуть не могъ ни одинъ народъ : одинъ, напримѣръ еврейскій, всю жизнь готовился къ этому шагу и все-таки не смогъ его сдѣлать и былъ отвергнутъ». (Стр. LXXII Кир., в. IV.)

То, что Иванъ-царевичъ велѣлъ Елену прекрасную привязать къ хвосту богатырскаго кова и размыкать по чистому полю, по его мнѣнію, значить, что «русскій народъ окончателно развизался съ родовымъ бытомъ.» (стр. CLXXI, Кир. в. IV.)

Пародируя г. Безсонова, можно было бы доказывать, что ковры-самолеты нашихъ сказокъ — это бывшіе тогда въ употребленіи воздушные шары; печка, на которой ѣдетъ Емеля-дурачекъ — тогдашняя паровая машина и т. д.

Мы не будемъ говорить о филологическихъ метаморфозахъ г. Безсонова съ собственными именами, упоминаемыми въ былинахъ, потомучто самъ авторъ въ заключеніи говорить : «Въ началѣ второго отдѣла этой статьи, гдѣ выставили мы передѣлку имени и образовъ на русскій народный ладъ и т. н., *читатели конечно не могли иногда удержаться отъ улыбки*». (Рыбникова, ч. 2, стр. CCCLVII.)

Съ послѣднимъ мнѣніемъ автора мы совершенно согласны.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить того грустнаго факта, что даже изданіе Рыбникова недостаточно поддерживается публикою... Впрочемъ отъ самого г. Безсонова зависитъ отчасти облегченіе распродажи сборника: онъ могъ бы свои изслѣдованія печатать отдѣльно; сборникъ г. Рыбникова былъ бы тогда дешевле, следовательно болѣе было бы на него покупателей.

Н. ХУДЯКОВЪ

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

- Общее положеніе. — Вооруженный миръ.
Французскія дѣла. — Денежные недочеты. — Открытіе новаго бульвара. —
Счастіе г. Ротшильда — Несчастіе г. Перейра.
Греческія дѣла. — Подвиги г. О'Брина — Кандидатство принца Альфреда. —
Уступка Іоническихъ острововъ
Последнія извѣстія. — Гарибальди на Капрерѣ. — Рѣзня въ Соединенныхъ
штатахъ. — Прусскіе адреса. — Закрытіе австрійскаго государственнаго
совѣта. — Развѣтіе цивилизаціи въ Китаѣ посредствомъ европейскаго
оружія.

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНІЕ

Ненужно быть въ особенно-мрачномъ расположеніи духа, чтобы находить общее положеніе европейскихъ дѣлъ весьма невеселымъ. Правда, что все тихо, вездѣ царствуетъ порядокъ, законныя власти всё на своихъ мѣстахъ, и если въ Греціи короля еще нѣтъ, то все равно, онъ не замедлитъ явиться. Но видимая тишина, кажущійся порядокъ — далеко еще не все. Куда ни помотришь, — на междуна-родныя ли сношенія, на внутреннее ли положеніе европейскихъ державъ, — при небольшомъ вниманіи вездѣ легко открыть напряженность, натянутость или болѣзненное расслабленіе. Дѣла подходятъ къ такому положенію, въ которомъ становится невозможнымъ предоста-вить ихъ времени, этому великому доктору, который излечи-ваетъ всё болѣзни. Нѣкоторые оптимисты между дипломатами го-ворятъ, что время совершить все что должно быть совершенно, что надо предоставить времени дальнѣйшій ходъ дѣлъ. Точно, время иногда имъ помогаетъ, особенно тамъ, гдѣ оно способствуетъ обра-зованію привычки. Еслибы Гарибальди еще нѣсколько мѣсяцевъ или даже лѣтъ пролежалъ больной съ пулею въ ногѣ, то Европа наконецъ привыкла бы къ этому: дѣло казалось бы совершенно нормальнымъ. Чтобы недалеко ходить за примѣрами, вспомнимъ только, что крѣпостное состояніе у насъ сдѣлалось отъ привычки,

отъ времени явленіемъ такимъ нормальнымъ, что лѣтъ десять тому назадъ, человѣка, мечтавшаго объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, почти можно было принять за сумашедшаго. Но если съ одной стороны время образуетъ привычку, то съ другой, предоставленное самому себѣ, оно производитъ только развалины. Оно не спасло ни одного государства, не возвысило ни одного народа. Оно разрушаетъ и людей, и правительства, и предоставляетъ безвыходнѣйшему застою народы, которые слишкомъ на него полагаются. Не будь Христофора Колумба, время не открыло бы новаго свѣта и оставило бы его въ первобытной дикости. Если предоставить времени разрѣшеніе *европейскаго вопроса*, то можно быть увѣреннымъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ вопросъ еще несравненно болѣе запутается. Время не удалитъ папу изъ Рима или не утвердитъ святѣйшаго престола. Еслибы оно посоветовало австрійцамъ оставить Венецію подобру-поздорову, то они не послушаютъ; оно не уговоритъ бурбонистовъ забыть свою ненависть къ Виктору Эммануилу или претензію на неаполитанскій престолъ. Мадзини съ товарищами не сдѣлаются роялистами, а Гарибальди двоедушнымъ; часть французскаго народа все будетъ желать рейнской границы, и бельгійцы все будутъ бояться присоединенія своего къ Франціи. Восточные христіане попрежнему будутъ страдать подъ скипетромъ султана, а онъ все будетъ бояться, чтобы его владѣнія не распались на независимыя государства. Время точно такъ же ничего не перемѣнитъ въ судьбѣ народовъ въ экономическомъ отношеніи. Время никогда не разрѣшало какого-нибудь общественнаго затрудненія, не рѣшало ученой задачи. Оно просто предоставляетъ небу исправлять и вознаграждать несправедливости судьбы, предоставляетъ бѣдному торжествовать послѣ смерти, а богатаго унижаетъ тоже послѣ смерти. И народы рѣшительно не успокоиваются на мысли, что надо все предоставить времени. Прошло то время, когда бѣдникъ считалъ себя приговореннымъ къ неизмѣнности своего состоянія, проходилъ земную жизнь, какъ долину скорби и слезъ, не думая, что можно требовать отъ жизни чего-нибудь иного кромѣ труда, лишеній и горя. Люди привыкли чтить память людей, которые двигали впередъ человѣчество, и потому сдѣлались въискательны къ своимъ предводителямъ, къ тѣмъ, кто ихъ ведетъ, т. е. кто ими управляетъ. Джемсу Уатту стоило только сдѣлать одинъ маленькій опытъ, чтобы подарить человѣчеству пароходы и желѣзныя дороги; Франклину стоило тоже небольшихъ трудовъ заговорить молнію; одинъ докторъ далъ маленькій совѣтъ и почти всѣмъ уничтожилъ оспу; довольно было нѣсколькихъ энергическихъ людей, можетъ-быть довольно было одной рѣчи Мирабо,

чтобы дать права великому народу. Послѣ всего этого народы уже не вѣрятъ, что пришло время окончательнаго прекращенія всѣхъ улучшеній, что въ улучшеніяхъ дальше идти нельзя. Но народы съ величайшимъ недовѣріемъ смотрятъ на *statu quo*; они терпятъ не могутъ этой системы и никогда ея не придерживаются. Всякій разъ случалось, что когда народъ становился самъ распорядителемъ своихъ судебъ, онъ принимался за сотню преобразованій, требовалъ тысячи нововведеній, и тогда уже онъ не ничего не дѣлаетъ, а дѣлаетъ слишкомъ много. Не о томъ покажѣтъ рѣчь — хорошо это или худо, что онъ требуетъ быстрыхъ и радикальныхъ переменъ, что въ своемъ невѣдѣніи онъ знаетъ не хочетъ препятствій и ломить впередъ несмотря ни на что. Дѣло въ томъ, что онъ не любитъ застоя, что у него на крайнее невѣжество есть неодолимое чутье улучшеній, стремленіе къ переменѣ дурныхъ учрежденій и къ улучшенію порядочныхъ. Дѣлать нечего, надо удовлетворять этимъ стремленіямъ, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше. Можно также и отложить, но извѣстно, что застарѣлое зло вылечивается труднѣе свѣжаго, а переломившее мѣсто можетъ довести больного до безпамятства, а иной разъ опаснаго.

Никогда еще такъ часто и такъ много не было говорено о всеобщемъ согласіи, о солидарности европейскихъ народовъ; но никогда еще не было такъ мало какъ теперь этого согласія. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только вспомнить два послѣднія событія европейской политики: проектъ посредничества въ Америкѣ и кандидатура на греческій престолъ. О сердечномъ согласіи между Англійей и Франціей говорить нечего; о немъ не говорятъ даже вслухъ самые отъявленные оптимисты. Вѣковой союзъ между Англійей и Австріей оказывается точно такъ же шаткимъ какъ свѣжій союзъ между Наполеономъ III и Англійей. Наперекоръ желаніямъ и выгодамъ Австріи, Англія одобрила освобожденіе Италіи, не приняла никакого участія въ бѣдствіяхъ при Маджентѣ и Сольферинно, а съ другой стороны вѣвскія газеты всѣ поголовно выступили въ походъ противъ притязаній лорда Пальмерстона въ Афинахъ. Союзъ между Россіей и Франціей, о которомъ такъ много толковали европейскія газеты въ послѣдніе годы, оказывается точно такъ же весьма мало дѣйствительнымъ. Пруссія, несмотря на свой великій династическій союзъ съ Англійей, несмотря на уроки, которые бралъ вѣскольکو мѣсяцевъ въ Парижѣ нынѣшній президентъ совѣта прусскихъ министровъ, несмотря на общее съ Австріей дѣйствіе въ Копенгагенѣ и въ Касселѣ, Пруссія все стоитъ одиноко. Повилному державы терпятъ только одна другую, но далеко не согласны между собою; существуетъ какой-то отрицательный миръ,

отсутствіе войны, а не дѣйствительный миръ, основанный на истинномъ согласіи.

Но можетъ-быть выѣшнее согласіе пренебрегается, чтобы тѣмъ тщательнѣе можно было заниматься внутренними дѣлами? Можетъ-быть державы жертвуютъ международнымъ согласіемъ развитію согласія внутренняго? По справедливости ни объ одной державѣ, кромѣ Россіи, этого сказать нельзя. Гдѣ въ Европѣ то государство, кромѣ Россіи, въ которомъ правительство считало бы себя обезпеченнымъ на завтрашній день? Кто изъ правителей, опять-таки кромѣ Россіи, поклянется въ непоколебимой твердости страны? Можно даже не исключать тутъ и Англію: вся полувѣковая ловкость лорда Пальмерстона не можетъ задушить оппозиціи, которая готовится дать ему генеральное сраженіе подъ предводительствомъ Кобдена. Нигдѣ вѣтъ удовлетворительнаго внутренняго мира, потому что никто не удовлетворенъ. Въ Австріи восточная половина этой державы держится только страхомъ; въ Пруссіи совѣсти и убѣжденія находятся въ осадномъ положеніи; во Франціи народный характеръ и духъ опустынились, упали весьма низко. Вездѣ въ этихъ странахъ случайныя добавочныя причины поддерживаютъ внутренней миръ. И тутъ миръ скорѣе отрицательный, отсутствіе насильственныхъ переворотовъ, а не миръ положительный, основанный на согласіи желаній страны съ ея дѣйствительною судьбою. Правительства западныхъ державъ правда многого и не обѣщали; зато въ замѣну кое-какихъ политическихъ преимуществъ, обѣщали физическое благосостояніе, улучшеніе быта рабочихъ классовъ, возвышеніе уровня общаго довольства. Еслибы можно было на этомъ помириться, то надо спросить 500,000 здоровыхъ работниковъ въ самыхъ промышленныхъ округахъ Англіи, протягивающихъ теперь руку за милостыней, — исполнено ли это обѣщаніе? Надо спросить бѣдствующихъ руанскихъ работниковъ, въ пользу которыхъ по всей Франціи собираются подаянны. Надо распросить о томъ же рабочихъ въ Германіи, въ Швейцаріи, въ Бельгіи. Оборванные семейства ихъ изморены голодомъ; рабочіе станки покрыты слоемъ пыли, жилища опустѣли. Отвѣтъ ясный.

Америка виновата, — говорятъ утѣшающіе утѣшители. — Междоусобная война въ бывшихъ Соединенныхъ Штатахъ такъ жестоко дѣйствуетъ на экономическое положеніе наше. — Вся причина заключается въ плохомъ урожаѣ 1861 года! — А въ 1857 и 1858 годахъ говорили: коммерческій кризисъ всему причина!

Плохое утѣшеніе и плохое объясненіе. Никто и не думаетъ, что биваетъ слядствие безъ прямой причины, страданіе безъ удара, по-

трясёніе безъ какихъ-нибудь препятствій, останавливающихъ движеніе. Но при общаніи постоянной работы, благосостоянія, довольства, слѣловало принимать въ соображеніе всѣ эти случайности, которыя повторяются періодически, съ удивительною правильностью. Если сегодня комерческой кризисъ, завтра итальянская война, послѣзавтра плохой урожай, а тамъ дальше междоусобная война въ Америкѣ прямо дѣйствуютъ потрясающимъ образомъ на миліоны европейскихъ рабочихъ, если всѣ живущіе работой сейчасъ же жестоко чувствуютъ на себѣ все то что прерываетъ правильный ходъ дѣль въ какомъ-нибудь углу земного шара, то это прямо показываетъ, что непрочно и неудовлетворительно положеніе, называемое нормальнымъ. Стало-быть есть какая-нибудь причина, которая тяготѣетъ на промышленныхъ сословіяхъ такъ жестоко, что лишаетъ ихъ всякой силы сопротивленія малѣйшему виѣшнему и далекому замѣшательству. А если не одна причина, то ихъ много.

Одна изъ нихъ — навѣрное — вооруженный миръ, тяготѣющая надъ Европой болѣе десяти уже лѣтъ, причѣмъ тягость его все увеличивается и дѣйствуетъ разрушительно на развитіе Европы.

Изъ всѣхъ государствъ Европы самое благополучное есть конечно Бельгія. Тамъшній искусный и добросовѣстный министръ финансовъ на дняхъ представилъ палатѣ представителей рядъ весьма замѣчательныхъ документовъ касательно финансоваго положенія страны къ первому сентябрю нынѣшняго года. Передъ ѣтимъ за три года министръ финансовъ предлагалъ ежегодно назначать по пяти миліоновъ на общепользныя работы и смѣло утверждалъ, что излишки доходовъ покроютъ съ излишкомъ эти экстренныя расходы. Годъ тому назадъ правительство прибавило на это же назначеніе еще 16 миліоновъ, такъ что съ 1859 по 1865 годъ должно быть экстренно издержано болѣе 51 миліона. Эти смѣлыя предположенія осуществились съ избыткомъ. Въ 1858, 1859 и 1860 годахъ остатковъ въ казначействѣ было 27 миліоновъ. Въ 1861 году осталось за всѣми расходами 11 миліоновъ; наконецъ въ нынѣшнемъ году излишковъ окажется вѣроятно около 9 миліоновъ. Но это еще не все. Сверхъ вышеозначенныхъ асигновокъ расходъ на экстренныя работы былъ увеличенъ еще на 26 миліоновъ, а приходъ уменьшился чрезъ уничтоженіе посплннъ, взпмавшихся съ ввозимыхъ въ города съѣстныхъ припасовъ. Безъ этого излишекъ за шесть лѣтъ оказался бы около 83 миліоновъ. Но на бѣду это крошечное государство въ $4\frac{1}{2}$ миліона жителей содержитъ 73,000 человѣкъ войска съ десятью тысячами лошадей, а съ резервами до ста тысячъ человѣкъ. До какой же высокой степени благосо-

стоянія могла бы дойти Бельгія, еслибы она не содержала этой массы людей. Приходится, что тамъ изъ каждыхъ 62 человекъ одинъ служитъ въ военной службѣ; а смели принять во вниманіе, что въ числѣ этихъ 62 заключаются женщины и дѣти, то придется по одному военному на 15 или 16 человекъ взрослыхъ мужчинъ. Къ тому еще Бельгія считаетъ нужнымъ укрѣплять Антверпенъ, на что тоже идетъ не мало миліоновъ, кромѣ тѣхъ, которые расходуются войскомъ. Другія государства западной Европы находятся далеко не въ такомъ блестящемъ положеніи, а между тѣмъ военныя силы все увеличиваются.

Жалобы на преувеличеніе военныхъ издержекъ — не новость; онѣ раздавались по цѣлой Европѣ еще ранѣе 1848 года; а съ тѣхъ поръ, особенно послѣ возвращенія къ власти династій Наполеоновъ, государства наперерывъ одно передъ другимъ стараются издержать какъ можно больше на содержаніе возможно большаго числа солдатъ. Предлогомъ къ этому служить обыкновенно необходимость защищать отечество отъ вѣнскихъ опасностей и увеличеніе силъ Франціи; въ особенности налегаютъ на послѣднее обстоятельство. Но со стороны французско-императорской возражаютъ обыкновенно, что цѣловѣріе и страхъ, возбужденные въ Европѣ вступленіемъ на престолъ Наполеона III, именно и заставили императора французовъ вступить на путь, котораго всѣ сосѣди боялись. Въ самомъ дѣлѣ, въ современной исторіи олимпъ изъ любопытнѣйшихъ вопросовъ заключается въ характерѣ царствованія Наполеона III. Европа встрѣтила его вступленіе цѣловѣрчиво, почти съ крикомъ: къ оружію! Такъ спрашивается, убавило это или напротивъ подстрекнуло честолюбивые виды и воинственныя склонности, которыя сначала приписывались ему по одному имени? По этому поводу стоитъ вспомнить, что въ Англіи забавныя опасенія по поводу предполагаемаго вторженія французовъ восходятъ далеко за начало второй имперіи и даже за начало второй революціи. Въ 1847 году престарѣлый герцогъ Веллингтонъ напечаталъ свое знаменитое письмо, сдѣлавшееся чѣмъ-то вродѣ набата. Говорятъ, будто оно вызвано было япанскою о морскихъ силахъ, которая была составлена герцогомъ жуанвильскимъ и дала толчокъ развитію французскаго флота. Дрожавшій отъ старости и отъ патріотическихъ опасеній герцогъ Веллингтонъ произвелъ все желаемое дѣйствіе. Лордъ Россель въ смѣхъ, представленной въ началѣ 1847 года послѣднимъ извлечь изъ возбужденныхъ опасеній увеличеніе налоговъ для увеличенія оборонительныхъ средствъ страны.

Но каковы бы ни были первоначальныя двигатели и первыя проявленія вооруженнаго мира, система удалась исполнѣ. Она конечно

не предупредила войны; въ предшествовавшіе двадцать-пять лѣтъ далеко не было столько войнъ, сколько въ послѣдніа десять лѣтъ. Она точно такъ же не имѣла внутреннихъ перемѣнъ и революціямъ: перемѣны образовъ правленія и правительства были многочисленнѣе и важнѣе, нежели до того. Она даже не могла посредствомъ равновѣсія силъ удержать дипломатическаго мира: отношенія между великими державами весьма холодны и натянуты, де нельзя. Но она весьма достигла обложенія всѣхъ европейскіхъ населеній самыми тяжкими налогами, безъ малѣйшаго вознагражденія; она сверхъ того выбрала изъ страны и отняла отборнѣйшіа рабочія силы.

Нигдѣ въ Европѣ въ настоящую минуту не ведется война; самыя робкіе песимисты не могли бы теперь указать какую-нибудь точку, на которой столкновение было бы близко или неизбежно. Напротивъ, развитіе личныхъ интересовъ, тѣсно переплетенныхъ между собою, развитіе нравовъ и умовъ, все стремится къ предупрежденію вооруженныхъ столкновеній, къ отклоненію взрыва, еслибы даже онъ казался неизбежнымъ. Несмотря на это, военные аппараты, при помощи которыхъ державы готовятся къ войнѣ, ни для кого не выгодной, или къ защитѣ мира, никѣмъ не нарушаемаго, — громады, достигаютъ размѣровъ ужасающихъ.

Во Франціи	37,473,000	жит	404,200	чел. войс.,	или	1,08	проц.
въ Великобританіи	29,307,000		145,550			0,49	
• Австріи	35,019,000		350,000			1,00	
• Пруссіи	18,500,000		205,000			1,10	
• Италіи	21,500,000		245,000			1,14	
• Испаніи	15,435,000		233,000			1,50	

Это уже составляетъ почтенную цифру въ 1,582,750 человекъ подъ ружьемъ. Но сюда слѣдуетъ еще прибавить страны второстепеннымъ, государства германскаго союза, скандинавскія державы, Голландію, Бельгію, Португалію, Турцію, Грецію, которыя содержатъ отъ 700 до 800 тысячъ солдатъ. вмѣстѣ съ ними европейскія государства (постоянно не считая Россіи) кормятъ, поятъ и вооружаютъ на мирномъ положеніи около 2,300,000 человекъ подъ ружьемъ. Это страшная цифра; это болѣе одного процента всего населенія. Но на этомъ отношеніи останавливаться не слѣдуетъ: оно даетъ очень вѣсное понятіе о томъ, сколько такимъ образомъ отнимается отъ жизненныхъ силъ Европы. Чтобы понять истинное отношеніе, надо вспомнить, что эти 2,300,000 человекъ взяты не безразлично изъ общаго населенія въ 212 миллионовъ; они всѣ принадлежатъ къ лучшему человѣческому возрасту, отъ двадцати

до тридцати-пяти лѣтъ. По большой части этотъ возрастъ составляетъ отъ 22 до 24 процентовъ всего мужского населенія. Известно также, что мужчинъ вообще нѣсколько меньше, чѣмъ женщинъ. Выходить, что изъ 212 миліоновъ жителей западной Европы около 105 миліоновъ принадлежатъ къ мужскому полу, а изъ этихъ 105 миліоновъ около 23 миліоновъ человѣкъ принадлежатъ къ возрасту отъ двадцати до тридцати-пяти лѣтъ; изъ нихъ-то 2,300,000 или одинъ изъ десяти находится въ военной службѣ.

Такимъ образомъ не сотая, а десятая доля всего способнаго населенія жертвуется Европой военному дѣлу или лучше сказать ожиданію войны. Въ случаѣ войны сборъ удваивается. И Европа приноситъ эту громадную жертву въ то время, когда всѣ только и толкуютъ о любви къ миру, когда война становится все болѣе и болѣе трудною, если не невозможною, когда вездѣ слышны жалобы на недостатокъ рукъ, на невозможность уровнять производство съ спросомъ. Забота о содержаніи этихъ 2,300,000 человѣкъ лежитъ конечно на рабочихъ, тогда какъ сотни тысячъ честныхъ и работающихъ людей едва христа-ради пропитываются кое-какъ съ своими семействами. Да сверхъ того еще пропадаетъ у Европы 2,300,000 паръ здоровыхъ человѣческихъ рукъ, отнятыхъ отъ производительнаго труда. Оцѣнить это на деньги очень трудно, но принимая въ соображеніе, что солдаты берутся преимущественно между жителями лучшихъ лѣтъ, что изъ нихъ старательно отбираются въ военную службу наилучшіе, что заработная плата въ западной Европѣ довольно высока, то можно положить безъ преувеличенія, что солдатъ могъ бы заработать какимъ-нибудь мирнымъ ремесломъ около трехъ четвертаковъ въ день, что и составитъ въ годъ или въ 300 рабочихъ дней на каждого по 900 четвертаковъ, а на всѣхъ 500 миліоновъ рублей въ годъ. Если положить на нихъ содержаніе 300 миліоновъ, то для общины все-таки осталось бы 200 миліоновъ чистаго дохода. Но такъ какъ общество все равно содержитъ ихъ и теперь, хотя они не работаютъ, то всѣ 500 миліоновъ составили бы ежегодное увеличеніе народныхъ богатствъ. Но все это лишь то что вооруженный миръ мѣшаетъ Европѣ приобрести, но сверхъ того Европа теряетъ еще и прямо, положительнымъ расходомъ.

Въ послѣднія десять лѣтъ военные бюджеты возросли до чрезвычайныхъ размѣровъ, во первыхъ вслѣдствіе возрастанія цѣны содержанія людей и лошадей отъ дороговизны земледѣльческихъ продуктовъ, во вторыхъ вслѣдствіе непрерывныхъ улучшеній и передѣлокъ вооруженія, и третьихъ главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе увеличенія числа войскъ. Государства одно передъ другимъ стараются

набрать какъ можно больше солдатъ. Не дально, какъ во времена Роберта Пила въ Англіи едва было извѣстно что такое постоянное сухопутное войско, а теперь тамъ отъ 145 до 150 тысячъ солдатъ, исключая Индіи, гдѣ силы тоже увеличены. Во Франціи на четвертую часть возвышено число поступающихъ ежегодно на службу солдатъ, именно съ 80 на 100 тысячъ человѣкъ. Пруссія, вопреки желанію палаты представителей, усиливаетъ свои войска отъ 130 до 205 тысячъ. Другія крупныя державы поступаютъ точно также; второстепенныя и третъестепенныя государства стараются подражать большимъ. Едва было не дошло даже до того, голъ тому назадъ, что Швейцарія готова была завести у себя вѣчто вродѣ постоянного войска. Вѣроятно по случаю усиленія запроса на военныхъ, возвышается и ихъ цѣна. Это видно изъ того, сколько платитъ французское правительство. Тамъ военное министерство само доставляетъ охотниковъ на мѣсто тѣхъ, кто не желаетъ служить лично. Нынѣче премія вступающимъ въ службу по доброй волѣ доведена мало-помалу до 2200 франковъ. Естественно, что плата съ откупающихся отъ службы возвышалась точно также, и теперь они вносятъ 2500 франковъ. Любопытно замѣтить, что откупающихся отъ военной службы все еще очень много и во Франціи, въ этой воинственной странѣ, гдѣ званіе солдата пользуется такимъ почетомъ, гдѣ въ деревняхъ весьма немногъ семействъ, могущихъ безъ крайняго стѣсненія выдать 2500 франковъ, каждый годъ ятая часть конскриптовъ откупается деньгами отъ службы. Въ пять съ половиною лѣтъ, до конца прошлаго года 137,619 конскриптовъ откупилась деньгами, что среднимъ счетомъ, по 2400 франковъ съ человѣка, составитъ 330 миліоновъ. Эту сумму заплатили молодые французы, страшно любящіе мундиръ, за право не носить его. Еще замѣчательно, что въ годъ итальянской войны, въ 1859 откупилось 38,325 человѣкъ. Въ 1860 году опасенія войны продолжались: откупилось 23,275. Въ прошедшемъ году откупилось менѣе 20,000 или потому, что европейскія дѣла не имѣли ничего угрожающаго, или потому, что экономическій кризисъ убавилъ средства желающихъ выкупиться. По этимъ официальнымъ цифрамъ видно, до какой степени усердно граждане стараются избавиться отъ службы. Но они этимъ не избавляются отъ платежа всего того, что идетъ на расходы по военному министерству. Эти расходы не всегда бываютъ одинаковы, но имѣютъ постоянное стремленіе къ возвышенію. Чтобы не брать цифръ, которыя могутъ казаться преувеличенными, возьмемъ средній годовоі расходъ за нѣсколько лѣтъ и получимъ весьма поучительныя цифры:

	весь расходъ	на воен. мѣн.	
Во Франціи	2,000 мил. фр.	изъ нихъ 450 мил.	или 22,50 проц.
въ Великобританіи	1,800 410 22,77
• Австріи	850 280 32,94
• Пруссіи	520 140 26,73
• Италіи	950 260 27,37
• Испаніи	500 95 19,00
• другъ странахъ	580 145 25,00

Это составляетъ весь расходъ на войско до 1780 миліоновъ изъ общаго расхода въ 7200 миліоновъ, или болѣе 25 процентовъ. Войско поглощаетъ четвертую часть всѣхъ расходовъ. Разумѣется расходовать, а не прихода, потому что вообще приходы не покрываетъ расхода. Къ этимъ миліонамъ слѣдовало бы еще прибавить во что обходится помѣщеніе войскъ, такъ какъ во многихъ странахъ постоянная повинность натурой существуетъ въ полной силѣ. Да еще слѣдуетъ прибавить расходы на флоты. Англія тратитъ на флотъ 320 миліоновъ франковъ, Франція болѣе 200 миліоновъ, Австрія до 50, Пруссія около 10, Италія отъ 120 до 130, Нидерланды 20, Данія отъ 6 до 7. Если прибавить къ этому отъ 50 до 60 миліоновъ на долю нѣкоторыхъ другихъ державъ, то составитя около 800 миліоновъ или почти половина того, что стоитъ сухопутное войско. Ко всему этому необходимо прибавить проценты на колоссальнѣйшіе капиталы, помѣщенные въ сухопутныя и морскія сооруженія, и въ оружіе, въ пушки, корабли, крѣпости, порты, казармы, магазины. Все это строилось насчетъ займовъ, по которымъ платятся проценты; но еслибы и не такъ, все-таки проценты должны быть исчислены. Въ послѣднія десять лѣтъ по этой статьѣ произошло наибольшее увеличеніе. Стоятъ только вспомнить необъятныя постройки и перестройки по обѣ стороны Ламанша разныхъ фортвъ, портовъ, панцирныхъ кораблей, колоссальныхъ казармъ и т. д. Въ англійскихъ арсеналахъ до 1847 года каждый годъ тратилось 800 тысячъ фунт. стерл., а въ 1859 году этотъ расходъ дошелъ уже до 1,582,000 фунтовъ. Во Франціи въ 1842 году этотъ же расходъ былъ въ 12 миліоновъ франковъ, а съ 1853 года онъ постоянно былъ выше 20 миліоновъ. Итакъ можно допустить, что цѣнность всей военной подвижности и недвижности послѣ крымской войны увеличилась на одну треть. Въ 1853 году г. Варрокъ въ сочиненіи, пользующемся полнымъ довѣріемъ, исчислилъ цѣну военныхъ знаній и вооруженій въ 18,785 миліоновъ франковъ, а процентовъ на эту сумму 751 миліонъ. Увеличивъ эту сумму на одну треть, получимъ новой ежегодной траты цѣлый миллиардъ.

Наконецъ прибавимъ еще важный расходъ. Англійскій государственный долгъ доходитъ до 20 миллиардовъ; почти всё эти деньги были заняты на веденіе войнъ первой имперіи. Во Франціи войны крымская и итальянская вдругъ удвоили государственный долгъ. Въ Австріи финансовыя затрудненія происходятъ именно отъ чрезвычайнаго увеличенія числа войскъ. Въ другихъ государствахъ тяжелый расходъ по военному министерству мѣшаетъ свести концы съ концами. Довольно справедливо будетъ предположить, что весь нынѣшній долгъ европейскихъ государствъ, 50 миллиардовъ, образовался вслѣдствіе веденія войнъ или военного фанфаронства, и всё проценты на этотъ долгъ, 2 миллиарда 400 миліоновъ, должны быть отнесены на счетъ военныхъ издержекъ. Но пусть война была причиною только половины всего этого долга, и все-таки на ея счетъ падаетъ половина всѣхъ процентныхъ уплатъ по займамъ или 1200 миліоновъ. Итакъ западная Европа теряетъ ежегодно производительныхъ силъ на 500 миліоновъ рублей или на 2 миллиарда франковъ. Прямой расходъ по смѣтамъ военныхъ министровъ 1,780 миліоновъ. Прямой расходъ по военнымъ флотамъ 800 миліоновъ. Процентовъ на недвижимый военный капиталъ 1 миллиардъ. И наконецъ половина процентовъ на государственный европейскій долгъ. Въ итогѣ выходитъ около семи миллиардовъ ежегоднаго расхода, на чтоже? на вооруженный миръ.

Французскія дѣла

О Франціи впрочемъ нельзя сказать чтобы дѣло ограничивалось миромъ, хотя и вооруженнымъ. Въ отчетѣ министра финансовъ Фульда, обнародованномъ 28 декабря, сказано, что мексиканская экспедиція въ одномъ нынѣшнемъ году обойдется въ 83 миліона франковъ и что передержано будетъ всего 35 миліоновъ. Въ будущемъ году, по его словамъ, будетъ излишекъ за всѣми расходами 110 миліоновъ, которыя и пойдутъ на покрытіе мексиканскаго похода и другихъ недвижимыхъ издержекъ. На 1864 годъ онъ обѣщаетъ представить смѣту ординарную съ остаткомъ въ 4 миліона и экстраординарную въ 104 миліона. По его словамъ, всѣхъ старинныхъ передержекъ 848 миліоновъ, и эта сумма не увеличилась. «Не будь въ нынѣшнемъ и въ будущемъ году экстренныхъ расходовъ, то къ началу 1864 года можно бы дойти до нормальнаго положенія, до равенства между приходомъ и расходомъ; но этотъ благополучный результатъ только-что отложенъ. Цифра недочета не превышаетъ благоразумныхъ источниковъ, которые позволяютъ откинуть всякую

мысль о необходимости прибѣгнуть къ займу.» Короче сказать, отчетъ о финансовыхъ дѣлахъ такой, какъ бываетъ всегда. Обѣщается смѣта расходовъ, не превышающихъ доходовъ, какъ обѣщано было за нынѣшній и за прошлый годъ, а въ тоже время за нынѣшній и за прошлый годъ требуется покрытие передержекъ въ нѣсколько десяткомъ миліоновъ. Особенно хорошо говоритъ г. Фульдъ о томъ какъ выгодно было возложенное императоромъ на самого себя ограниченіе права предписывать расходы особыми декретами. Въ концѣ прошлаго года говорилось, что такимъ образомъ императоръ дѣлаетъ странѣ одно изъ своихъ обычныхъ благодѣлій; примѣръ выходилъ въ самомъ дѣлѣ невыгодный, такъ какъ власть отказывалась отъ богатѣйшихъ своихъ правъ. «На дѣлѣ теперь оказалось, — говоритъ г. Фульдъ, — что ежели власть отказалась отъ права открывать кредиты посредствомъ декретовъ, то правительство не потеряло возможности дѣйствовать энергически, и ежели ваше величество обезпечили финансы страны отреченіемъ отъ одного изъ своихъ правъ, то нисколько не стѣснили себя расходованіемъ такого количества суммъ, какое независимо отъ утвержденной смѣты можетъ казаться вашему величеству необходимымъ. Новый финансовый законъ предвидѣлъ, что могутъ быть непредвидѣнные обстоятельства, вродѣ внезапныхъ бѣдствій или внѣшнихъ событій, «которыя потребуютъ быстрого развитія сухопутныхъ или морскихъ силъ.» Тогда же говорилось, что въ случаѣ обстоятельствъ, непредвидѣнныхъ въ смѣтѣ, «управленіе возможно только при возможности удовлетворять потребностямъ мѣрами исключительными». «Законодательный корпусъ, котораго засѣданія откроются на дняхъ, не откажетъ конечно въ утвержденіи сдѣланныхъ издержекъ. Въ собраніи, одушевленномъ такими патріотическими чувствами, никто не станетъ оспаривать у правительства право удовлетворять потребностямъ, которыхъ никто не могъ предвидѣть и которыя не допускали никакого промедленія. Въ удаленной странѣ поставлена была на карту честь самаго знамени и цѣлость храбрыхъ солдатъ, которые на разстояніи двухъ тысячъ льё поддерживали славу нашего оружія; понятно, что правительство вашего величества должно было дѣйствовать, не теряя ни минуты.»

Слѣдуетъ замѣтить, что министръ финансовъ совершенно справедливо несомнѣвается въ согласіи законодательнаго корпуса на сдѣланные расходы. Еслибы даже составъ законодательнаго собранія былъ другой, еслибы члены его дѣйствительно имѣли независимыя мнѣнія, то чтоже дѣлать, когда расходъ уже произведенъ? Дѣло конченное, надо платить по тѣмъ частямъ или вѣдомствамъ,

изъ которыхъ заимствованы деньги и гдѣ не можетъ быть сдѣлано экономія безъ тяжелаго ущерба.

Несмотря на недочеты, расколы производятся широкою рукою, не останавливаясь по поводу мелочныхъ денежныхъ расчетовъ. Франція — говорятъ патриоты — довольно богата, чтобы позволить себѣ кое-какія прихоти. И съ ними нельзя не согласиться: Франція дѣйствительно чрезвычайно богата, но само собою разумѣется, не всѣ въ ней богаты: большинство томится въ страшной, безвыходной бѣдности, которая далеко не уменьшается отъ возвышенія государственныхъ смѣтъ. Это однакоже не мѣшаетъ самымъ блестящимъ расходамъ, напимѣръ вродѣ парижскихъ перестроекъ и переулковъ. Въ послѣднее время открытъ великолѣпный бульваръ, прежде названный по имени принца Евгенія, а потомъ, въ самую минуту церемоніи переименованный въ бульваръ Ришаръ-Ленуаръ, по имени извѣстнаго промышленника, достигшаго мильонаго богатства, благодаря своей изворотливости.

Поповоду этого открытія рассказываютъ много любопытнаго. Съ начала мѣсяца были уже слухи, что въ день открытія готовится что-то ужасное, какое-то страшное несчастье. Иной разъ ни съ того ни съ сего пройдетъ какой-нибудь слухъ, которому никто сначала не вѣритъ. Но потомъ отъ времени слухъ становится достовернѣе, подтверждается съ разныхъ сторонъ, и наконецъ принимается какой-то видъ странной достоверности. Мало-помалу начинаютъ ему вѣрить, начинаютъ видѣть въ самыхъ простыхъ, будничныхъ явленіяхъ намеки на подтвержденія, и наконецъ почти никто уже не сомнѣвается. Такъ было и перелъ открытіемъ новаго бульвара. Прошолъ слухъ, будто въ этотъ день какіе-то заговорщики вознамѣрились покуситься на жизнь императора, будто въ разныхъ мѣстахъ новаго бульвара приготовлены адскія машины, которыхъ взрывы потрясутъ до основанія всю Францію. Дошло до того, что многія матери семействъ упростили директоровъ училищъ, въ которыхъ воспитывались ихъ сыновья, оставить дѣтей безъ отпуска и продержатъ страшное время въ школахъ. Многіе осторожные отцы семейства именно въ этотъ день съ утра отправлялись съ жонами и съ дѣтьми за городъ, будтобы по дѣламъ. Полицейскій префектъ шесть часовъ сряду лично осматривалъ всѣ дома по бульвару, всѣ уголки, всѣ выстроенныя для публички временныя амфиатры. Потомъ войско было густо разставлено вдоль всего бульвара и во всѣхъ прилегающихъ улицахъ, а національная гвардія поставлена поодаль. Несмотря на опасенія, народу сошло видимо-невидимо и все кончилось благополучно. Къ счастью, времена адскихъ машинъ прошли безвозвратно; онѣ годятся теперь только на

то; чтобы страдать старухъ. Было много солдатъ, много воинственной и веселой музыки, нѣсколько дождя, много грязи и огромныя толпы народу, любители всевозможныхъ зрѣлищъ. Все прошло въ желанномъ порядкѣ, какъ прежде было приказано, за исключеніемъ только имени новаго бульвара. Императоръ всѣхъ поразилъ начальной переименованіемъ имени новой улицы. Онъ говорилъ блистательную рѣчь о пользѣ парижскихъ перестроекъ, о томъ, что онъ постоянно печется о благѣ своихъ подданныхъ, заботится о преобразованіи законовъ о хлѣбопеченіи, постоянно занятъ присканіемъ средствъ распространять достатокъ въ рабочихъ классахъ. Потомъ онъ милостиво выразился о покойномъ Ришардъ-Ленуарѣ, «который изъ простаго работника сдѣлался однимъ изъ первыхъ мануфактуристовъ, на котораго самъ покойный императоръ возложилъ собственноручно орденъ почетнаго легіона за усиліи, которыми обязана была ему хлопчатобумажная промышленность». Наконецъ онъ объявилъ, что новый бульваръ будетъ называться именемъ этого промышленника.

Послѣ благополучнаго открытія бульвара, у Парижа какъ гора съ плечъ свалилась: возвратилось обратно множество семействъ, и начался обыкновенно блистательный зимній сезонъ. Многіе иностранцы, удаленные изъ Парижа на время открытія, получили позволеніе возвратиться, а хозяева еще не совѣтъ отстроенныхъ домовъ вступили опять во владѣніе своими постройками, которыя на время процессіи были заняты полиціей. Все вошло въ обычную колею. Балы во дворцѣ, балы у разныхъ аристократовъ, и порою блистательныя охоты въ томъ или другомъ изъ императорскихъ лѣсовъ.

Не послѣднее мѣсто въ политическихъ событіяхъ Франціи занимаетъ охота, происходившая въ имѣніи барона Ротшильда. Счастье, точно такъ же, какъ и несчастье, одно не приходитъ. Баронъ Джемсъ Ротшильдъ, первый въ Европѣ богачъ, былъ еще вдобавокъ столь счастливъ, что удостоенъ былъ чести принимать въ своемъ замкѣ императора французовъ. Присутствовали всѣ Ротшильды изъ пяти большихъ европейскихъ денежныхъ рынковъ. Старый, задымленный, крытый асфальтными досками домъ на Еврейской улицѣ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, колыбель великой династіи Ротшильдовъ, долженъ былъ въ это время вздрагивать до фундамента отъ счастья и гордости. Въ нынѣшнемъ году это уже третье посвѣщеніе, которымъ императоръ удостоиваетъ частнаго человѣка. Первое посвѣщеніе къ г. Морни, въ Оверни, причемъ хозяинъ получилъ герцогскій титулъ. Второе — къ г. Персиньи. Третье и послѣднее къ первому денежному барону въ свѣтѣ. И баронъ, конечно

не покушился на приготовленія, достойныя посѣтителя, — сдѣлалъ императору пріемъ королевскій. Ему семьдесятъ-пять или семьдесятъ-шесть лѣтъ, но отъ императорскаго посѣщенія онъ постыжѣлъ, помолодѣлъ, приободрился, и теперь старательнѣе прежняго посѣщаетъ оперную сцену. Говорятъ, что нѣтъ въ Парижѣ любителя, который такъ акуратно бывалъ бы въ антрактахъ за кулисами. Нынѣче баронъ даже нерѣдко ласково похлопаетъ шную красавицу по щочкѣ или *фамиліонерно* возьметъ шную за подбородокъ, какъ говорить Гейне.

Но все это совершенно въ порядкѣ вещей. Понятно, что отъ великой чести императорскаго посѣщенія знаменитый баронъ помолодѣлъ, понятно, что онъ чувствовалъ себя счастливымъ и что на этотъ праздникъ съѣхались всѣ Ротшильды. Но всего лучше въ этомъ дѣлѣ бѣдныя газетчики, которые за невмѣніемъ политическихъ извѣстій ухватились за императорское посѣщеніе и вышиваютъ на немъ всевозможные узоры, руководствуясь, конечно собственнымъ соображеніямъ. Во чтобы-то ни стало, надо давать читателямъ интересныя статьи, надо рассказывать блестящимъ образомъ, краснорѣчиво, игриво, бойко, ловко о томъ, чего не видали. Данныхъ очень мало. Императоръ въ такомъ-то часу уѣхалъ, былъ встрѣченъ, завтракалъ, охотился, пообедалъ, уѣхалъ а въ такомъ-то часу возвратился во дворецъ. Но съ такими краткими извѣстіями нельзя являться читателямъ. Надо росписать дѣло какъ можно красивѣе. И ужъ росписываютъ же! Какъ будто бы знаменитый баронъ кому-нибудь даетъ отчетъ въ своихъ тратахъ, они прямо говорятъ, что на пріемъ императора истраченъ миллионъ. Другіе говорятъ полтора миллиона. Но куда же столько? Никакъ и не придумаешь какими бы средствами убить миллионъ на одинъ день въ замкѣ, построеномъ великолѣпно, гдѣ ни листика, ни цвѣтка не нужно прибавлять, чтобы сдѣлать его болѣе приличнымъ для императорскаго посѣщенія. Вотъ и придумываютъ, будто бы баронъ изъ своихъ богемскихъ помѣстій выписалъ нарочно для императора нѣсколько тысячъ фазановъ, будто бы онъ посадилъ двадцать-пять тысячъ деревьевъ, среди которыхъ должна была происходить охота, забывая, что у барона Ротшильда все есть, и что нѣтъ надобности тамъ сжечь дѣсь на одинъ день. Придумали еще, будто двѣсти егерей были всѣ одѣты въ новую баронскую липрю. Что правда, то правда. Префектъ полиціи посоветовалъ барону, который могъ не совсѣмъ хорошо знать свою прислугу, нанять лучше на этотъ разъ императорскихъ егерей, прибавивъ къ нимъ десятка три полицейскихъ служителей. Понятно, что баронъ охотно согласился на это, хотя и пришлось шить имъ новое платье.

Надо было пригласить автора «Монте-Кристо» сочинить программу приема, а у бѣдныхъ газетчиковъ всѣ придуманные ими расходы все выкодили какъ-то бѣдно или бесполезно.

Императоръ и нѣсколько приближенныхъ стрѣляли фазановъ, и убили ихъ восемьсотъ штукъ. Охотничьи журналы замѣчаютъ, что егерьей было не двѣсти, а двадцать, а загонщиковъ, одѣтыхъ въ тирольскіе костюмы, всего тридцать. Пальба по фазанамъ, куропаткамъ, зайцамъ и кроликамъ похожа была на батальный огонь. Въ распоряженіи императора было восемь ружей; онъ стрѣлялъ, какъ обыкновенно, съ изумительною ловкостью. Тѣ, кто имѣлъ счастье находиться вблизи, замѣтили нѣсколько сряду двойныхъ выстрѣловъ, доказывающихъ какъ хладнокровіе, такъ и великую вѣрность взгляда. Когда двѣ птицы поднимаются съ земли, то чаще всего бываетъ, что онѣ летятъ врозь, и тогда слѣдуетъ стрѣлять ихъ одну послѣ другой. Но когда дичи очень много, какъ въ садкѣ, то бываетъ, что изъ нѣсколькихъ птицъ двѣ, на нѣкоторомъ одна отъ другой разстояніи, летятъ сближаясь, т. е. одна на мгновеніе закрываетъ собой другую, онѣ скрещиваются, и черезъ мгновеніе летятъ уже врозь. Опытный охотникъ легко замѣтитъ, что двѣ дичьи птицы должны встрѣтиться на линіи его зрѣнія, и выждавъ этого мгновенія, стрѣляетъ въ обѣихъ вмѣстѣ. Въ то же время можетъ встрѣтиться такимъ же образомъ и другая пара птицъ; въ такомъ случаѣ поваливъ первую пару, надо быстро перенести ружье на вторую и тоже ихъ свалить изъ другого ствола. Результатомъ охоты было 1231 штука дичи, не болѣе, какъ въ полтора часа. Потомъ былъ обѣдъ. Его величество съ семнадцатью лицами сидѣлъ за однимъ столомъ, а за другимъ около 120 человекъ разныхъ почетныхъ гостей. Въ пять часовъ императоръ со свитой уѣхалъ и не видалъ волшебной иллюминаціи, которая потомъ сгорѣла въ удовольствіе почетныхъ гостей, оставшихся для того, чтобы потомъ отправиться съ особымъ поѣздомъ.

Вотъ и всѣ политическія событія во Франціи за послѣдній мѣсяць. Но слѣдуетъ еще прибавить, случай достопамятный, о которомъ газеты тоже распространялись не мало и говорили не безъ увлекательнаго краснорѣчія. Г. Церейра, не столь богатый, какъ Ротшильдъ, но можетъ быть еще болѣе ловкій въ денежныхъ дѣлахъ, едва не сдѣлался жертвою испуга своей лошади. Онъ ѣхалъ въ кабриолетѣ въ канцелярію своего общества кредита на движимости. Вдругъ ударилъ барабанъ свою гармоническую трель. Барабанщикъ либо не примѣтилъ г. Церейру, либо ему уже очень понадобилось ударить въ барабанъ. Лошадь кинулась въ сторону, разбила кабриолетъ, кучеръ и сѣдокъ полетѣли. Но скоро г. Церейра отпра-

вился, и въ своей чрезвычайной добротѣ, съ обыкновенною снисходительностью своей къ меньшей братиѣ, тотчасъ подошелъ къ лежащему кучеру и освѣдомился, больно ли онъ ушибся, а потомъ самъ, своими ногами, иѣшкомъ пошелъ въ общество кредита на дѣлжности. Общее участіе чиновниковъ къ случаю, который могъ кончиться весьма дурно, показало г. Перейръ какою шенритворною и искреннею любовью своихъ подчиненныхъ онъ пользуется.

Греческія дѣла

Существуетъ на свѣтѣ нѣкоторый мистеръ О'Бринъ. Родомъ онъ съ Ионическихъ острововъ; его братъ издаетъ въ Лондонѣ греческую газету; самъ О'Бринъ занимался и торговлей, и литературой, а теперь употребляется на исполненіе разныхъ щекотливыхъ порученій, нетерпящихъ гласности. Передъ тѣмъ, какъ Гарибальди предпринялъ свою послѣднюю экспедицію, направленную противъ Рима, только что онъ изрекъ свое знаменитое «Римъ или смерть», лордъ Пальмерстонъ посылалъ его съ какими-то секретными порученіями въ Римъ. Потомъ благородный лордъ выпустилъ его на Грецію, устроить кандидатство принца Альфреда, не за тѣмъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ принцу Альфреду сдѣлаться греческимъ королемъ, а за тѣмъ, чтобы отстранить другія кандидатуры не совсемъ пріятныя для Англіи. Чтобы прилатъ силы стараніямъ и проускамъ О'Брина, распушенъ былъ даже слухъ, будто принцъ Альфредъ собирается приѣхать въ Корфу. Это казалось весьма нѣроятнымъ, когда онъ изъ Гибралтара приѣхалъ въ Алжиръ, потомъ переѣхалъ въ Мальту. Самъ принцъ Альфредъ писалъ королеву, что его корабль «св. Георгій» долженъ скоро отправиться въ Невполь, соборазно съ маршрутомъ, даннымъ за нѣсколько недѣль совѣтомъ адмиралтейства; но этотъ маршрутъ командиромъ корабля держится въ величайшей тайнѣ. Комедія была сыграна великолѣпно и весьма могла обмануть тѣхъ, кто не видятъ что происходитъ за кулисами.

Этотъ г. О'Бринъ показалъ, что онъ совершенно достоинъ довѣрія Пальмерстона. Теперь онъ всемогущъ въ Афинахъ, управляетъ выборами и значительно портитъ дѣло существующему временному правительству, навязывая ему великое множество совершенно лишней работы. Главная цѣль его дѣятельности все-таки, чтобы избранъ былъ принцъ Альфредъ, отъ кандидатуры котораго офиціально отказалась Англія. Дѣло въ томъ, что великія державы, покровительницы Греціи, въ началѣ независимости этого государ-

ства, взаимно обязались не возводить на греческій престолъ никого изъ членовъ своихъ царствующихъ династій. Но это было еще до того, какъ избранъ былъ въ король греческіе баварскій принцъ Оттонъ. Послѣ его избранія, подобное обязательство было бы ненужно. Тогдашніе протоколы не предвидѣли изгнанія избраннаго короля, и потому не постановили ничего на этотъ случай. Вдругъ возникаетъ греческій вопросъ, вплоть граничащій съ вопросомъ восточнымъ. Черною мыслью западныхъ державъ было: какъ бы не сдѣлался королемъ Греціи одинъ изъ членовъ російскаго императорскаго дома? Чтобы противоудѣйствовать избранію русскаго кандидата и придумано кандидатство принца Альфреда, и разсыпано въ Греціи прощастъ денегъ, и разбросаны прокламаціи, воззванія и въ несмѣтномъ множествѣ фотографическіе портреты принца.

Между тѣмъ Россія первая объявила, что она считаетъ себя связанною первоначальнымъ лондонскимъ договоромъ, устранивающимъ отъ греческаго престола династіи, которыя царствуютъ въ покровительствующихъ государствахъ, въ Россіи, во Франціи и въ Англіи. Къ этому объявленію присоединилась Франція, а потомъ и Англія. Но на этомъ дѣло не кончилось: нельзя же такъ легко и дешево отказаться отъ вліянія въ Греціи, благо дѣло такъ выгодно началось. Прошолъ слухъ, что не смотря на отказъ свой согласиться на избраніе на греческій престолъ принца Альфреда, Англія уступаетъ Греціи Ионическіе острова, такъ долго бывшіе подъ англійскимъ покровительствомъ. Это было дѣломъ совершенно неслыханнымъ. Власть отказывалась отъ вліянія, власть соглашалась уменьшиться, власть переставала быть властью. Греческое населеніе, приготовленное уже заранѣе къ благопріятному взгляду на Англію, посредствомъ хорошо разработаннаго кандидатства принца Альфреда, еще съ большою любовью стало смотрѣть на Англію, стало находить ее великодушною, истинною покровительницею свободы, великою сознательницею благополучія Греціи. Собственно говоря, еслибы это было и такъ, еслибы въ самомъ дѣлѣ Англія отказывалась отъ покровительства надъ Ионическими островами, то это вовсе не было бы ни великодушіемъ, ни жертвой. Англія получила отъ великихъ державъ полномочіе, порученіе принять покровительство, и конечно, если откажется, то не можетъ ни требовать, ни ждать за это ни малѣйшаго вознагражденія.

По поводу этихъ событій подала свой голосъ и Австрія. Она забыла, что совершенно неприлично говорить о кандидатствѣ на греческій престолъ кого бы то ни было, когда король Оттонъ, живущій теперь въ Баваріи, еще не отказался отъ своего престола, что онъ-то и есть король, а ежели откажется, то преемникомъ его слѣ-

дуетъ считать во всякомъ случаѣ одного изъ принцевъ царствующаго въ Баваріи дома. На счетъ уступки Греціи Ионическихъ острововъ, хотя она и греческіе по населенію и географическому положенію, она замѣтила, что хотя Англія и отказывается по доброй волѣ, во все-таки это составитъ странное исключеніе, дурной примѣръ, соблазнъ для разныхъ другихъ странъ, находящихся подъ болѣе или менѣе тѣснымъ покровительствомъ, и что по этому уступка Ионическихъ острововъ въ пользу Греціи въ настоящее время представляетъ разныя неудобства, которыхъ желательно было бы избѣгать, и слѣдовало бы отложить это до другого, болѣе благоприятнаго времени.

Несмотря однако же на консервативное воззрѣніе Австріи, правительство англійское вдругъ изумляетъ Европу другою, еще болѣе странною выходкой: посылается въ Грецію и въ Турцію дипломатическое лицо съ открытымъ порученіемъ ходатайствовать у турецкаго правительства уступки въ пользу Греціи нѣкотораго количества турецкихъ владѣній, такъ какъ для благополучія Греціи слѣдуетъ желать благоразумнаго увеличенія границъ этой державы. Такое великодушіе ставонится уже совершенно неностижимымъ. Отдавая часть Турціи другому независимому христіанскому государству, Англія отдаетъ часть самой себя, начинается дробленіе того, за цѣлость чего такъ много пролито англійской крови подъ севастопольскими стѣнами. Но повскашши хорошенько легко найти разгадку всего этого. Англія требуетъ у Турціи той полосы земли, которая прилегаетъ къ Ионическому морю, будто бы для того, чтобы предполагаемая уступка Ионическихъ острововъ была утверждена за Греціей приобрѣтеніемъ протянулежащаго берега, и постановляетъ неизбѣжнымъ условіемъ своей уступки острововъ турецкую уступку берега. Между тѣмъ въ Константинополь, гдѣ министерство на все смотритъ глазами англійскаго посланника, все устроено такъ, чтобы Порта ни въ какомъ случаѣ не согласилась на требуемую уступку, несмотря на то, что Англія будетъ ей требовать во всеуслышаніе и какъ можно громогласнѣе. А такъ какъ Англія уже заранѣе объявила, что Ионическіе острова не составятъ для Греціи прочнаго приобрѣтенія безъ протянулежащаго турецкаго берега, то по случаю отказа Порты, не будетъ ни возможности, ни нужды уступать острова. Такимъ образомъ выйдетъ, что была бы честь приложена, а отъ убытка Богъ избавилъ. Даже въ случаѣ неудачи, все-таки выйдетъ хорошо. Уступи Турція требуемую полосу земли, Греція, правда, увеличится, до нѣкоторой степени усилится и изъ третьестепенной державы можетъ сдѣлаться второстепенною, все-таки вліяніе Англія, какъ благодѣтельница, окажется приобрѣтен-

нытъ, и не только Ионическіе острова останутся, но и вся Греція подпадетъ подъ англійское покровительство. Это будетъ тѣмъ выгодноѣе, что покровительствованіе ничего не будетъ стоить: въ Корфу и въ Афинахъ не нужно будетъ содержать войска, и тамъ можетъ оставаться лишь посланникъ, да при немъ въ Пиреѣ пять-шесть небольшихъ кораблей. Кстатѣ же эти корабли будутъ служить подспорьемъ для тѣхъ кораблей, которые содержатся въ константинопольскихъ водахъ. Сверхъ всего этого происходятъ переговоры объ уступкѣ близъ входа въ Дарданеллы небольшого клочка земли на островѣ, для устройства склада каменнаго угля. Что за тѣмъ произойдетъ изъ этого склада — извѣстно очень хорошо изъ многихъ примѣровъ подобныхъ складовъ. Сначала окажется полезнымъ поставить на приобретенномъ постѣ караулъ изъ нѣсколькихъ солдатъ, потомъ придется солдатамъ этимъ построить хоть какую-нибудь казарму, потомъ для большей безопасности надо будетъ устроить ретраншаментъ какой-нибудь, и поставить тамъ хоть маленькую пушку, или двѣ, или три, или ужъ такъ и быть, четное число — четыре; даже смотря по мѣсту, можно будетъ дойти до полдесятка или полдюжины. Съ другой стороны, къ твердой землѣ, ве мѣшаетъ тоже устроить какую-нибудь бездѣлицу съ пушками, и пойдетъ такимъ образомъ постройка первоклассной крѣпости, гдѣ солдатъ будетъ больше, чѣмъ каменнаго угля.

Все построено великолѣпно, такъ-что теперь можно спокойно ожидать событій. Теперь происходятъ въ Греціи выборы, и вездѣ принцъ Альфредъ избирается громаднымъ большинствомъ голосовъ. Драма приближается къ послѣднему дѣйствию.

Послѣднія извѣстія

Гарибальди переѣхалъ на Капреру изъ Ливорно. Его вступленіе въ этотъ городъ, конечно не было подготовлено полицейскими вмушеніями, извѣщеніями и напоминаніями. Люди въ суконныхъ, красныхъ, очень грязноватыхъ рубашкахъ несли простые деревянные носилки. На носилкахъ былъ простой кожаный тюфякъ, на тюфякѣ лежалъ человекъ съ прострѣленной ногой, опершись на пару кожаныхъ подушекъ. Изъ ноги его вынута пуля, и нога начинаетъ замѣтно поправляться; опухоль прошла и въ выздоровленіи человекъ теперь почти никто не сомнѣвается. Вся Европа съ 29 августа слѣдила за ходомъ раны, старалась узнавать какой изъ нея выходитъ гной и велика-ли опухоль. Повятно, что жители Ливорно съ любовью встрѣтили носилки раненаго генерала,

и безъ особеннаго шума, но съ выраженіемъ глубочайшаго, сосредоточеннаго благоговѣнія проводили ихъ на пристань. Перевѣздъ совершился благополучно; генераль не чувствовалъ отъ морского путешествія никакого неудобства, и съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ свои любимыя скалы. Съ нимъ три доктора. Они осторожно перенесли больного въ его домъ, 22 декабря въ девять часовъ утра. Фрунтанты, оставшіяся все время на Капрертъ, были тронуты больше всѣхъ: онъ почти уже не надѣялся видѣть генерала. Часу въ одиннадцатомъ послѣ перевязки и завтрака, больной приказалъ вынести свою кровать на воздухъ. Его пронесли по полю, по винограднику, по рощицѣ недавно посаженныхъ оливковыхъ деревьевъ. Потомъ онъ дѣлалъ эту же самую прогулку два раза въ день. Теплый воздухъ Капреры дѣлаетъ чудеса съ здоровьемъ генерала, можетъ-быть потому особенно, что здѣсь онъ можетъ спокойно пользоваться воздухомъ, и его не беспокоятъ никакія демонстраціи, безъ которыхъ на материкѣ ему невозможно было показаться на улицу, да сверхъ того не тревожатъ больного любознательные англичане съ своимъ навойливымъ участіемъ. Одинъ изъ нихъ, какой-то богачъ, въ родѣ герцога Девонширскаго, хотѣлъ даже купить пулю, вынутую изъ раны. Пуля эта конечно досталась сыну генерала; герцогъ и сообразилъ въ своемъ лордскомъ величіи, что вѣдь это бѣдняки, голъ, народъ бродячій, которые говорятъ, иной разъ даже сами себя варятъ кофе или жарятъ баранину; такъ у нихъ купить такую бесполезную штуку, какъ пуля вынутая изъ ноги, все-таки бѣднякамъ будетъ хоть какое-нибудь подспорье въ ихъ нищенскомъ житьѣ. А для герцога въ великолѣпномъ замкѣ, убранномъ съ сарданапаловскою роскошью, таже самая пуля составитъ немалое украшеніе. Въ герцогскомъ кабинетѣ рѣдкостей, гдѣ хранится праѣдонскій шлемъ, башмаки палача, казнившаго Марію Стюартъ, ассирійскія монеты, египетская мумія и вилка отъ того ножа, которымъ зарѣзанъ былъ такой-то, эта пуля, въ приличномъ золоченомъ ковчегѣ, доставитъ немалое удовольствие герцогскимъ гостямъ, которые уже не знаютъ чѣмъ раздражить свое пресыщенное любознательство. Предложилъ благородный лордъ бѣднякамъ за простую свинцовую пулю казеннаго калибра, негодную даже на то, чтобъ снова зарядить ею ружье, тысячу фунтовъ стерлинговъ. Это сумма почтенная, все-таки она не менѣе 6500 рублей, и годилась бы бѣднякамъ на поправку дѣвятидесяти шекъ. Для герцога эта тысяча фунтовъ ничего не значить; зато онъ обладалъ бы рѣдкостью, единственною въ цѣломъ свѣтѣ. Есть муміи и ассирійскія монеты въ различныхъ музеяхъ и даже у частныхъ лицъ; но той пули, которая слышкомъ три

мѣсяца сидѣла въ ранѣ чловѣка, въ такой ранѣ, къ которой слишкомъ на три мѣсяца прильнула вся Европа, той пули ни у кого бы не было. Но бѣдняки не поняли ни своихъ выгодъ, ни чести, которую дѣлали имъ герцогъ черезъ своего лигорискаго банкира. Менотти Гарибальди, сынъ раба, владѣющій вынужтой пулей, несмотря на то, что самъ иной разъ варить себѣ кофе, такъ какъ прислуги много держать не можетъ, — денегъ не взялъ, да еще истратилъ три рубля, чтобы сдѣлать съ своей пули фотографическій снимокъ и даромъ отослалъ его герцогу. Можетъ-быть хитрый герцогъ предложить ему деньги, чтобы онъ уже никому впредь не давалъ фотографическихъ снимковъ съ пули; или можетъ-быть подумаетъ герцогъ, что сынъ хитритъ и хочетъ набить цѣпу на пулю, вынутую изъ ноги отца. Но этого ужъ не будетъ: цѣпа предложена хорошая, сумма ни для кого не обидная, а для бѣдняка и огромная. Будетъ съ него.

Въ день приѣзда генерала на Капрерѣ шолъ снѣгъ, но скоро сошолъ; на другой день было еще больше снѣгу. На третій день послѣ рождества наступила теплая, совершенно осенняя погода. Въ ночь на рождество былъ морозъ, такъ что къ празднику сдѣлали мороженое, первое мороженое, какое когда-либо приготовлялось на Капрерѣ. Первые мороженники на Капрерѣ были докторъ Альбанезе и докторъ Оккиинти. Послѣдній, какъ извѣстно, еще въ прошломъ году наименованъ ординарнымъ капрерскимъ докторомъ. Но кромѣ хозяина, тамъ къ счастію лечитъ ве-кого, потому что нѣтъ людей, не только больныхъ, но и здоровыхъ. Друзья Гарибальди надѣются, что капрерскій воздухъ, внимательная перевязка раны, тишина, уединеніе и видъ синяго Средиземнаго моря окончательно излечатъ больного. Разумѣется это отзовется на знаменитомъ четвероугольничкѣ крѣпостей въ венеціанской области, гдѣ будутъ усилены гарнизоны и увеличено число пушекъ. Бережного, говорятъ, Богъ бережотъ.

Драка въ Соединенныхъ штатахъ продолжается, и послѣднее сраженіе при Фредериксбургѣ было постыдно, отвратительно-кровопролитно. Главнокомандующій сѣверныхъ войскъ, г. Бернсайлъ, шолъ на вѣрную погибель. Дѣло въ томъ, что рабовладѣльческое войско расположилось близъ Фредериксбурга по одну сторону рѣки, на высотахъ, а свободная армія стояла за рѣкой. Южное войско внимательно готовилось къ бою, и на высотахъ, окружающихъ городъ, построило три линіи батарей съ перекрестнымъ огнемъ, вооружило ихъ несметнымъ количествомъ пушекъ и выжидало что будетъ. Сѣверное войско видѣло очень хорошо, что позиція непреступ-

вая; во получено было изъ Вашингтона, отъ военнаго министерства, приказаніе атаковать. Перешли рѣку и сдѣлали вѣрный шагъ къ своей гибели. Почти по всей линіи разомъ началось нападеніе. Солдаты вели себя съ изумительною твердостью и не хуже другого постоянного войска лѣзли на приступъ неприступныхъ укрѣпленій. Рабовладѣльцы стрѣляли на выборъ; въ одинъ и тотъ же отрядъ иной разъ стрѣляли четыре и пять батарей перекрестнымъ огнемъ, и народъ падалъ какъ трава подъ косой. Бѣжали цѣлые ручьи крови. Когда упомянутые наполовину отряды подходили на разстояніе ружейнаго выстрѣла, ядра летѣли дальше, въ задніе отряды и въ резервы, а передніе отдавались на жертву ружейному огню. Дралась цѣлый день, умирали цѣлый день, и къ вечеру пришлось—таки отступить. Свободное войско потеряло семнадцать или двадцать тысячъ человѣкъ; вѣроятно впрочемъ больше, потому что эту цифру признаютъ сами командиры. Но слово «потеряло» здѣсь не годится: оно непростительнымъ образомъ смягчаетъ ужасъ дѣла, и дѣлаетъ изъ убіенія двадцати тысячъ здоровыхъ и бодрыхъ людей, которые могли бы быть полезны, что-то въ родѣ потери перчатки или потери двадцати тысячъ рублей. Безумныя войны первой имперіи дали Европѣ кровавую привычку смотрѣть на брошенные тысячи и десятки тысячъ людей довольно равнодушно. Но человѣчеству пора бросить эту постыдную привычку. Двадцать тысячъ человѣкъ, поставленныхъ въ одинъ рядъ, почти плечомъ къ плечу, займутъ тринадцать съ половиною верстъ. Эти тринадцать верстъ людей были разстрѣлены. Если зарыть каждаго въ гробу отдѣльно, по нормальнымъ обычаямъ христіанскихъ народовъ, то они заняли бы сразу кладбище въ семь тысячъ квадратныхъ сажень. Но если и это ничего, если такія огромныя цифры намъ ничемъ, то можно сосчитать убытокъ на деньги. При дѣйствительности труда въ Соединенныхъ штатахъ, каждый здоровый человѣкъ, работникъ, можетъ легко заработать свое пропитаніе и сверхъ того прибавить къ общественному богатству рублей двѣсти въ годъ. Истребивъ двадцать тысячъ бѣдныхъ рабочихъ, президентъ Линкольнъ убавилъ изъ народнаго богатства четыре мильона въ годъ. Капитализируя это изъ четырехъ процентовъ, выйдетъ сумма во сто мильоновъ. Само-собою разумѣется, что несравненно выгоднѣе было бы взять золота на сто мильоновъ, вывезти его на средину Атлантическаго океана, и бросить въ воду на глубинѣ двухъ тысячъ сажень. Кромѣ того, что это было бы гораздо нравственнѣе, оно было бы и выгоднѣе, такъ какъ на содержаніе этихъ убіенныхъ потрачено немало мильоновъ, точно такъ же, какъ и на заготовку нѣтъ оружія.

Французское правительство предлагало русскому и англійскому

войти въ сношеніе съ вашингтонскимъ кабинетомъ и ходатайствовать о заключеніи между воюющими сторонами перемирія, которое потомъ вѣроятно повело бы къ миру. Но предложеніе это не было принято. Въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ никому вмѣшиваться во внутреннія дѣла другого государства, если оно само нисколько не желаетъ этого. Но въ данномъ случаѣ это очень жаль. Кровь льется, невольники остаются невольниками, дѣла торговля стоятъ, семейства десятками тысячъ остаются безъ хлѣба; государство быстрыми шагами приближается къ банкротству, и теперь уже объявленъ новый заемъ въ 900 миліоновъ. Въ послѣднее время золото ходило въ Соединенныхъ-штатахъ 33 процентами выше тамошнихъ бумажныхъ денегъ. Послѣ новаго займа, бумаги еще упадутъ въ цѣнѣ, и будутъ понижаться прогрессивно. Если долгъ слѣдается вдвое больше, то цѣна золота поднимется не вдвое, а четверо. То распоряженіе Линкольна, съ котораго слѣдовало ему начать, если онъ рѣшился на крайнія мѣры, именно освобожденіе невольниковъ, принадлежащихъ всѣмъ непокорнымъ, — приведетъ еще къ большимъ кровопролитіямъ, къ неслыханнымъ жестокостямъ. Рабовладѣльцы раздражены въ крайней степени, и ежели замѣтятъ въ своихъ невольникахъ малѣйшее поповзновеніе къ исполненію воли вашингтонскаго президента, то будутъ принимать самыя свирѣпыя мѣры для приведенія рабовъ въ порядокъ. И досихъ-поръ они поступали нецеремонно: поповоду одного только подозрѣнія, что нѣкоторые бѣлые въ невольничьихъ штатахъ сочувствуютъ сѣверу и собираются сдѣлать въ пользу сѣвера невиннѣйшую демонстрацію, они вѣшали подозрѣваемыхъ десятками, безъ суда, — только по слухамъ. Можно же себѣ представить что они будутъ дѣлать съ невольниками, которымъ вздумается повѣрить президенту Линкольну и считать себя свободными. Повидимому вся война велется изъ-за невольничества; хотя сколько-нибудь утѣшительна была бы для человѣчества мысль, что пусть погибнетъ нѣсколько десятковъ тысячъ людей, за то ихъ смерть послужитъ для освобожденія миліоновъ. Къ несчатію, этого нѣтъ. Послѣднее посланіе президента разрушаетъ эту надежду. Президентъ Линкольнъ объявляетъ, что если отложившіеся штаты захотятъ вернуться въ союзъ, то за ними остается навсегда ихъ «домашнее учрежденіе». Этимъ именемъ называется для мягкости невольничество. Въ посланіи не сказаны эти слова, не говорится объ оставленіи невольничества, но предположенъ выкупъ невольниковъ федеральною властью въ тѣхъ штатахъ, которые до 1900 года рѣшатся уничтожить у себя невольничество. Стало-быть штаты могутъ рѣшиться и не рѣшиться. Президентъ и не надѣется, что всѣ рѣшатся.

«Если планъ будетъ принятъ, — говоритъ онъ въ своихъ скропныхъ надеждахъ, — то надо допустить, что произойдетъ освобожденіе, по крайней мѣрѣ во многихъ штатахъ». — Надо признаться, что г. Линкольнъ весьма умѣренный аболіціонистъ, если онъ дальше этого ничего не ждетъ въ XX вѣкѣ. Онъ постановляетъ въдобавокъ, что въ случаѣ, если какой-нибудь штатъ захочетъ потомъ возобновить у себя невольничество, выкупленное федеральною властью, то онъ обяванъ будетъ возратить федеральной власти полученную выкупную сумму съ процентами. Необходимость продолженія войны, невозможность разойтись полюбовно г. Линкольнъ оправдываетъ тѣмъ, что нельзя провести между частями союза непреходимой границы. По его словамъ, граница будетъ состоять или «въ рѣкѣ, удобопереходныхъ и густо населенныхъ съ обѣихъ сторонъ, или простыхъ межевыхъ знаковъ, черезъ которые можно переходить взадъ и впередъ, не подозревая даже ихъ существованія.» Полятно, что это возраженіе пустое. Между германскими государствами почти нѣтъ другихъ границъ, кромѣ незамѣтныхъ межевыхъ знаковъ, а тамъ гдѣ Рейнъ отдѣляетъ Францію отъ Германіи, онъ населенъ весьма густо. Ежели Линкольну уже такъ хочется стѣнку, то се давно можно было бы сложить изъ сотни тысячъ труповъ, которые втеченіи двухъ лѣтъ нами въ жесточайшихъ битвахъ, полъ начальствомъ неумѣлыхъ и бездарныхъ генераловъ.

Вообще трудно найти документъ болѣе вѣрный, чѣмъ выѣшнее посланіе президента. А между тѣмъ ему было что сказать. Онъ стоитъ во главѣ великой націи; онъ отвѣтственный начальникъ предпріятія, которое рѣшаетъ политическую жизнь или смерть его народа; наступила торжественная минута, когда онъ имѣетъ случай дать отчетъ передъ старымъ свѣтомъ и новымъ, въ томъ, что сдѣлано, въ томъ, чего онъ еще надѣется; онъ не высказалъ ни одной мысли выше обыкновенныхъ, ходячихъ, будничныхъ мыслей, не сдѣлалъ никакого основательнаго предложенія, и среди многословія предполагаетъ выкупить невольниковъ въ двадцатомъ столѣтіи, и то если хозяева ихъ согласятся.

Въ Пруссіи продолжается почта королю адресовъ, въ которыхъ его поздравляютъ съ легкою побѣдой министерства надъ палатою. До сихъ поръ являлись депутаціи отъ разныхъ мѣстечекъ, и король ихъ принималъ благосклонно. Но съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ депутатовъ, представляясь королю, неловко проговорился, что его депутація не представляетъ мнѣнія большинства, партія Крестовой газеты спохватилась и стала принимать болѣе широкія мѣры. Риттеры землевладѣльцы составляютъ адреса и собираютъ на

нихъ водились. Пользуясь своимъ мѣстнымъ вліяніемъ, они набираютъ иногда по нѣскольکو сотъ подписей, въ которыхъ участвуютъ пасторы, деревенскіе школьные учителя, арендаторы-мельники, незначительные провинціальныя чиновники. Въ послѣднее время даже они какъ-то ухитрились собрать на одномъ адресѣ болѣе двухъ тысячъ подписей, и съ великимъ торжествомъ поднесли его королю. Но случилось такъ, что въ тотъ же самый день депутаты города Берлина получили тоже адресъ, но уже отъ своихъ избирателей; въ этомъ адресѣ избиратели благодарятъ своихъ представителей за то, что они въ палатѣ вѣрно держались конституціи и безошибочно исполнили свое назначеніе, подавая голоса сообразно съ мнѣніемъ избирателей. Но это бы еще ничего. Тѣ подавали двѣ тысячи подписей, и торжествовали по поводу этого факта, а эти подавали болѣе сорока тысячъ подписей, то-есть согласились подписать почти всѣ берлянскіе избиратели, да еще, чтобы не навлечь какого-нибудь сомнѣнія въ чистотѣ своихъ намѣреній, чтобы показать какъ они всѣ готовы твердо держаться своихъ мнѣній, при каждой подписи обозначено и мѣстожительства каждаго, и родъ его занятій. Но какъ бы то ни было, голъ прошолъ безъ утвержденной парламентомъ государственной смѣты. Г. Бисмаркъ намѣренъ однакоже не отступать отъ закона, постановленнаго конституціей, и хочетъ представить смѣту на истекающей годъ, но въ будущемъ году, а то такъ еще послѣ, года черезъ два-три. Понятно, что если такъ, то можно представить ее на одинаково-разумныхъ основаніяхъ дѣтъ черезъ десять или черезъ пятьдесятъ. Ежели налоги собраны, ординарные и экстраординарные расходы сдѣланы, итоги сведены, то потомъ нѣскольکو дѣтъ разницы уже не представляютъ никакой важности.

Австрійскій государственный совѣтъ, сокращенный, то-есть безъ депутатовъ отъ славянскихъ, итальянскихъ и венгерскихъ земель, окончилъ первый рядъ своихъ засѣданій. Императоръ благодарилъ членовъ за оказанное ими содѣйствіе въ составленіи важныхъ законовъ и выхвалялъ свободныя австрійскія учрежденія. Разъѣзжаясь по домамъ, депутаты можетъ-быть въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что они что-нибудь сдѣлали для страны, и что разговаривая въ штатс-ратѣ они сколько-нибудь подвинули впередъ дѣло. Но они весьма должны бы разувѣриться, еслибы только обратили вниманіе на цѣну австрійскихъ бумагъ, продающихся на франкфуртской, парижской и лондонской биржахъ. Одно изъ ожиданій отъ новаго управленія Австрія состояло между прочимъ въ томъ, что вслѣдъ за своимъ учрежденіемъ она тотчасъ поправитъ финансы

своей страны, довѣріе возродится и биржевые цѣны, безошибочный барометръ довѣрія, повысятся и стануть тверже. Но въ Австріи этого не случилось. Собственно представительнаго правленія тамъ нѣтъ, или что оно вывихнуто особеннымъ непронзводительнымъ образомъ, или наконецъ, что оно начнется только тогда, когда будутъ исполнены два необходимыя условія представительнаго правленія: когда все подданные, несмотря на ихъ національность, будутъ совершенно уравниены въ своихъ правахъ, и когда печати будетъ дана свобода, безъ которой она не можетъ оказывать тѣхъ услугъ, которыхъ вправѣ отъ нея требовать.

Въ Китаѣ союзники, т. е. англичане и французы, продолжаютъ непрежнему оружіемъ своимъ распространять цивилизацію. Помогая некискому правительству усмирять инсургентовъ, такъ давно разоряющихъ Китай, они съ небольшими отрядами весьма легко разбиваютъ огромныя полчища, берутъ города, и возвращаютъ ихъ законному правительству, берутъ въ плѣнъ людей и тоже отдаютъ ихъ правительству, чтобы *распорядиться* съ ними надлежащимъ образомъ, на основаніи законовъ.

Недавно взятъ былъ какой-то городъ, захвачено нѣсколько сотъ плѣнныхъ, и дано по принадлежности, чтобы распорядиться. Вотъ въ чемъ это распоряженіе состоитъ. Всѣхъ плѣнныхъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, сгоняютъ толпою въ одно мѣсто на площадь в поочередно, одного за другимъ казнятъ. Каждога пациента, взятаго случайно изъ толпы, раздѣваютъ и сажаютъ на возвышенное мѣсто въ полулежачемъ положеніи. Двое держатъ ему руки, двое держатъ ноги; одинъ съ ножомъ въ рукахъ подходитъ, вспарываетъ животъ и вытаскиваетъ кишки, наматывая ихъ себѣ на руку, или нѣсколько отступая. При этомъ замѣчено, и европейцы пишутъ объ этомъ изъ Китая, что глаза пациента всегда бываютъ съ какимъ-то неполниженнымъ изумленіемъ устремлены на оператора и на свои собственныя кишки, которыя вытягиваются изъ живота. Операция оканчивается тѣмъ, что вытягиваютъ сердце и подрѣзавъ жилы, вынимаютъ его изъ тѣла. Европейцы пишутъ, что сердце вынутое такимъ образомъ и брошенное на землю, еще нѣсколько временъ бьется. Но они не знаютъ физиологіи, если это ихъ удивляетъ. За тѣмъ берется другой пациентъ, тамъ третій, четвертый, сотый и до послѣдняго. Попалась какая-то беременная баба. Операторъ вспоролъ ей животъ, да неосторожно, а вынулъ совершенно сформированное дитя, но окровавленное и трепещущее, и нѣсколько мгновеній держалъ его передъ неподвижно-изумленными глазами матери. Она рванулась, выдернула одну руку, схватила свое

дѣтя и крѣпко прижала къ груди своей, и все держала крѣпко, пока вытягивали изъ нея кишки и вырывали сердце. Нѣкоторые чудачи, взятые изъ толпы плѣнныхъ, думаютъ еще сопротивляться и отчаянно бьются и рвутся въ рукакъ палачей, пока ихъ усаживаютъ въ надлежащую позицію; но какъ только ножъ коснется живота и покажутся кишки, то взглядъ неизмѣнно съ изумительною неподвижностью устремляется на внутренности, которыя вытягиваются дальше, дальше... Вообще видно, что слава европейскаго непрощенаго оружія на далекомъ востокѣ способствуетъ развитію цивилизаціи.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТУРГІИ И СЦЕНЫ

IV

Мы начнемъ нашъ вышній отчетъ нѣкотораго рода побѣдною пѣснью. Настъ слушаются. Въ прошедшій разъ мы только-что заявили наше скромное желаніе, чтобы къ числу возобновленныхъ здоровъ на русской сценѣ, мудрые распорядители репертуарной части прибавили *Елену Глинскую* и комедію *о войнѣ Федосьи Сидоровны съ китайцами*, и что же? Половина желанія нашего уже исполнена: «Елена Глинская», даже уже два раза — 14 декабря и 19 декабря въ бенефисъ инвалидовъ (бѣдные инвалиды!). Сомнѣній нѣтъ, что скоро мы насладимся и комедіей «О войнѣ Федосьи Сидоровны»; за сямъ вѣроятно дадутъ «Навуходоносора» панаевской «Тли» и

бездыханное Амазафиды тѣло

Низвергнуть со скалы въ кровавый океанъ .

и постепенно возобновить драматическія произведенія г. Рафаила Зотова...

Видя съ радостнымъ чувствомъ, что дѣло наше остается не втунѣ, мы спѣшимъ принести свою посильную лепту и напомнить нѣсколько прекрасныхъ и вполне удовлетворяющихъ вкусъ гг. распорядителей, вещей бывалаго времени.

Вотъ что по нашему крайнему разумѣнію слѣдуетъ возобновить непремѣнно и сколь можно скорѣе :

1) «Боярина Федора Васильевича Басенка», г. Кукольника. Воображасмъ, какъ хорошо можетъ произнести г. Степановъ :

Быкъ съ бойни сорвался,
Левъ вырвался изъ кѣтки!

2) «Шкуну Ньюкарлеби», покойнаго Ф. В. Булгарина, съ восхитительнымъ куплетомъ о томъ, какъ

дѣвицы
летать какъ птицы
Въ полки, въ полки.

3) «Разставанье», г. Родиславскаго.

4) «Торквато Тассо», г. Кукольника, вещь хотя и лирическую, но въ которой г. Бурлинъ въ роли Тассо можетъ быть восхитителемъ.

5) Прелестныя комедіи Н. В. Сушкова, какъ-то: «Комедію безъ свадьбы», «Трехъ Ракановъ» и проч. Стихъ въ нихъ такъ же изященъ и легокъ, какъ въ драматическихъ произведеніяхъ Куликова, а насчетъ великосвѣтскости онъ первый сортъ.

6) «Прихоть кокетки», г. Бруннера, въ которой есть такая благодарная роль для нашей русской Плесси — г-жи Свѣтковой З.

7) «Эспаньолетто», причемъ опять-таки несравненный г. Бурлинъ можетъ испытать свои драматическія средства «въ изображеніи итальянскихъ страстей на сѣверѣ», которое выѣлъ въ виду авторъ пьесы.

8) Драму князя Кугушева: «Нищій», въ которой тотъ же разнообразный артистъ нашъ можетъ извлечь немало слезъ изъ очей чувствительныхъ.

9) «Майко», драму г. Беклемишева.

10) «Житейскую школу» г. Григорьева 1, эту прекрасную и поэтическую апофеозу палки въ домашнемъ быту.

11) Его же «Геросвъ преферанса».

12) Водевиль «Натуральную школу», въ которомъ съ нещаднымъ александрійскимъ остроуміемъ обличена вредоносная для міра «Гли» — литература.

13) Драму К. Бахтурина: «Кузьма Рошинъ».

14) Трагедію г. Аскоченскаго: «Шансіонерка», въ которой съ блистательнымъ успѣхомъ можетъ явиться г-жа Свѣткова З.

И наконецъ 15) Pour la bonne bouche — «Александра македонскаго», пьесу не одъевную въ свое время, но никакъ не менѣе «Елены Глинской» и «Ермака Тимофѣевича», заслуживающую чести возобновенія.

Вотъ пятнадцать болѣе или менѣе капитальныхъ вещей, которыя мы напоминаемъ, движимые чувствомъ ревностнаго усердія ко благу общему и окрыленные мыслью, что желанія наши не пропадаютъ втунѣ. Недурно было бы также, но это уже *ria desideria*, чтобы хорошія произведенія романистовъ нашихъ передѣлывались

отъ времени до времени для сцены. Укажемъ напримѣръ на «Асмодея нашего времени», г. Колки Сохрана, или на старья, но хорошія вещи: «Леонидъ», «Таинственный монахъ», г. Зотова, «Стрѣльцы», г. Масальскаго, даже на «Димитрія Самозванца», Ф. В. Булгарина. Въ послѣдней передѣлкѣ нужно только допустить нѣкоторыя измѣненія, которыя предлагалъ сдѣлать въ романѣ Пушкинъ, т. е. назвать Бориса Годунова Хлопуховымъ, Марину Мишеку — княжной Шипохвостовой, Самозванца — Каторжниковымъ. Даже Иванъ Выжигинъ можетъ быть прекраеню передѣланъ для сцены нашими талантливыми драматургами: гг. Куликовымъ и Григорьевымъ 1.

Что желанія наши вполне сойдутся съ желаніями гг. распорядителей репертуарной части и театральнаго комитета, въ этомъ мы не сомнѣваемся, судя по тому, что дѣется на русскихъ сценахъ.

Нынѣшній разъ мы не будемъ въ подражъ перепечатывать репертуара, а сдѣлаемъ изъ него только извлеченіе.

Капитальною новостью сцены была въ это время драма: «Бояринъ Матвѣевъ» г. Оболовскаго, съ разлитіемъ Печоры и другими чудесами, которыхъ постановка обошлась вѣроятно очень не дешево. Сія прекрасная драма дана была впрочемъ только четыре раза. 29 ноября въ бенефисъ г. Григорьева, она шла въ первый разъ. Бенефициантъ игралъ въ ней боярина Матвѣева, какъ онъ играетъ всѣ свои роли, т. е. «нарочно» и не взаправду, какъ и слѣдуетъ играть вообще артисту *полезному* (*grande utilité*) и какъ специально слѣдовало играть въ этой совершенно незаправской, хста вполне достойной ея автора, драмѣ.

«Новгородцы» отвѣрѣствовали на осьмомъ разѣ (на Александринскомъ театрѣ) навсегда ли, на время ли, это по кайдановскому выраженію покрыто мракомъ неизвѣстности. «Не первый и не послѣдній», г. Дьяченки, тоже на время отвѣрѣствовалъ, именно съ 23 ноября (на Маринскомъ), и пересталъ

пу... пу... публику пѣвнать (*).

«Слово и дѣло», дошло пока до сьельмого раза (22 ноября, 27 ноября, 12 декабря, 20 декабря), и несходило съ маринской, аристократической сцены на плебейскую-александринскую. Изъ высокнхъ трагедій, кромѣ «Елены Глинской» и «Ермака» (9 декабря на Александринскомъ) давались «Велизарій» (23 ноября на Александрин-

(*). Впрочемъ виноваты: эта прелестная вещь на этихъ дняхъ еще разъ пѣвнла публику.

скомъ), «Маритантка» г. Кукольника (16 декабря на Александринскомъ). Изъ комедій пошло какъ-то на «Мишуру», г. Потѣхина, senior. (26 ноября, на Александринскомъ, 9 декабря, на Мариинскомъ, 17 декабря, на Александринскомъ). Игались конечно и произведенія г. Погосского, «Не по носу табакъ», 2 декабря на Александринскомъ, «Легкая надбавка»; 5 декабря тамъ же давались по разу капиталы «Карьера», (6 декабря на Александринскомъ), «Не хуже другихъ» г. Михайлова, 11 декабря тамъ же, «Одноворець» г. Боборыкина, 13 декабря тамъ же. По *чувствительной* части нашъ Фредерикъ Леметръ, г. Бурдинъ далъ въ бенефисъ свой «Парижскаго Вѣтошника», 7 декабря на Александринскомъ, и потомъ два раза приводилъ въ немъ въ восторгъ публику, 10 декабря, и 12 декабря.

Таковъ былъ фондъ репертуара за это время. Зачѣмъ его портили временами Шекспиромъ, да Гоголемъ, да Островскимъ — мы право не знаемъ. Мы умилились теперь душою — и знаете ли что насъ въ особенности умилило, что на насъ подѣйствовало и поучительно и наказательно и исправительно? Двѣ статьи, написанныя любителемъ театра въ «Сѣв. Пчелѣ.»

Съ послѣдней изъ нихъ мы цѣликомъ познакоимъ нашихъ читателей, и извлечемъ изъ нея публично тѣ поученія, которыя въ сердцѣ нашемъ уже воспитали и воздѣляли иные чувства и влѣдствіе которыхъ всѣ возрѣнія наши на искусство и сцену измѣнились радикально.

Вотъ она, эта громовая статья, помѣщенная въ 342 № «Сѣв. Пчелы.» Читайте, оплатьте вмѣстѣ съ нами наши грубыя былыя заблужденія. Она называется: «По поводу статей, помѣщенныхъ въ журналѣ Время и гласитъ тако:

«Разборъ игры нашихъ артистовъ въ «Горе отъ ума», помѣщенный въ октябрьской книжкѣ журнала, гдѣ неизвѣстный авторъ къ довершенію всѣхъ нелпостей объявилъ, что даже и Сосницкій не понималъ роли Ренетилова, вызвалъ весьма правдивое возраженіе въ небольшой статьѣ, напечатанной 25 ноября въ «Сѣверной Пчелѣ.» Я былъ убѣжденъ, что искреннія и горячія слова отца докажутъ свирьпому критику всѣ заблужденія его, всѣ дикіе, нечеловѣческіе взгляды на искусство, но видно—горбатаго излечитъ одна могила. Подобно поклоннику Бахуса, увлеченному запоемъ и дѣйствующему тогда безсознательно, и критикъ, скрывающійся надъ забраломъ, снова очертя голову выступилъ въ ноябрьской книжкѣ съ безобразною филиппикой противъ артистовъ русскаго театра. Всѣ они, неисключая г. Васильева 2, и Горбунова, объявлены людьми бездарными, никто не понимаетъ и необдумываетъ ролей, никто неспособенъ создать

живое, художественное лицо. *Возьмъ являемо, что въ этихъ рѣзкихъ приговорахъ нѣтъ и тѣни справедливости; это какой-то хаосъ, пустота, наборъ словъ, пересыпанныхъ такимъ обиліемъ вопросительныхъ и восклицательныхъ знаковъ, что невольно подумаешь, что авторъ какъ говорится дописался до чертиковъ.*

«Ссылаюсь на судъ всѣхъ, кто любитъ русскую сцену, есть ли правда, есть ли какое-нибудь литературное приличіе въ подобныхъ выходкахъ: «Бѣдность не порокъ», было осквернено сопоставленіемъ съ ними волевицей гг. Григорьева 1 и Куликова, впрочемъ мы не смотрѣли этихъ гадостей. Вопервыхъ, мы увѣрены, что самъ г. Григорьевъ 1 конечно никогда не придавалъ особеннаго значенія своимъ волевицямъ, но всѣ они написаны бодко, ириво, столько лѣтъ не сходятъ со сцены, идѣ все скучное и бездарное неживуче и скоро попадаетъ въ архивъ, слѣдовательно выраженіе осквернено, гадости слишкомъ нелпы и пошлы; во вторыхъ, что касается собственнаго таланта г. Григорьева 1, какъ актера, то смѣло можно сказать, что въ своемъ амбула онъ весьма полезный и необходимый дѣлатель, что всякую роль онъ исполнитъ съ умомъ и опытомъ, а потому смѣшно и жалко читать приговоръ критика, что и Бурдинъ и Григорьевъ 1 провалились въ роли Дикаго въ «Грозѣ». Роль эта, столица далеко не на первомъ планѣ въ драмѣ, напротивъ того, исполнялась обилиемъ артистами весьма самостоятельно и съ большими практическими смыслами. Наконецъ будемъ же справедливы: вѣдь г. Бурдину, у котораго критикъ-набздникъ находить одни фальшивыя ноты, неискренность игры и неспособность къ драматическимъ порывамъ, самъ г. Островскій не одинъ разъ высказывалъ свое полное одобреніе и публика единодушно и съ полнымъ сочувствіемъ принимала артиста и въ Любимѣ Торцовѣ, и въ Кабановѣ и въ Бородинѣ.

«Увлеченный своими юпитеровскими приговорами, неумолимый набздникъ нашъ идетъ все crescendo и въ концѣ своей филиппики доходитъ до такого безусловнаго и слѣпнаго поклоненія г. Васильеву 2-му, что ставитъ его въ роли Любима Торцова выше Садовскаго, а въ роли Кабанова объявляетъ его равнымъ excusez du peu — нѣпальному Мартынову! Да подумайте наконецъ, что вы говорите! Вѣдь г. Васильевъ 2-й артистъ даровитый, а Мартыновы родятся вѣками; вѣдь имя этого художника столь же высоко и дорого въ искусствѣ какъ имена Пушкина, Бѣлинскаго, Гоголя, Брюлова, Глинки.

«Вѣдь смотря на Мартынова, мы забывали и театръ и сцену; это была сама жизнь съ ея плотію и кровью, а сама уютно ставитъ Васильева 2-го на одну съ нимъ доску! Нѣтъ, воля ваша, а это такое

безобразіе, такая злая насмѣшка надъ г. Васильевымъ 2-мъ, что немольно скажешь: не поздоровится отъ такихъ похвалъ.

«Что касается взглядовъ критика на искусство вообще, то у меня рѣшительно опускаются руки. Отдавая полную справедливость огромному дарованію г. Островскаго, произведенія котораго оживили и обновили нашу сцену, я однако не могу согласиться съ неизвѣстнымъ критикомъ, что какая-нибудь дюжинная, хотя и типическая купчиха Анна Ивановна «Бѣдность не порокъ», представляетъ поэтическій образъ русской женщины, что это одинъ изъ самыхъ яркихъ типовъ, фигура блестящая, размашистая, способная увлечь.

«Я понимаю поэзію и увлеченіе въ женщинахъ, созданныхъ Пушкинымъ, Тургеневымъ, наконецъ въ «Катеринѣ», «Бѣдной Невѣстѣ», Островскаго, но чтобъ Анны Ивановны могли увлечь, чтобъ такая женщины представляли поэтическое созданіе, это такая клевета, такая ложь, которую можно высказать только не имѣя никакого понятія объ искусствѣ.

«Въ заключеніе повторяю, что общественное мнѣніе съ отвращеніемъ смотритъ на эти бездоказательныя и бранныя статьи, что наши артисты раскусили и помяли, съ какимъ рыцаремъ они имѣютъ дѣло.

«Впрочемъ голосъ мой вѣроятно останется голосомъ вопіющаго въ пустынѣ и наѣздникъ-критикъ попрежнему выступитъ съ своимъ удушливымъ словонизверженіемъ; ему какъ говорится, къ стѣнѣ горохъ, какъ съ гуся вода.

И оскорбляться вамъ смѣшно бы,
Окромѣ чести есть множество отпадъ,
Ругаютъ здѣсь, а тамъ благодарятъ.

Любитель театра.

Мы считали бы грѣхомъ, еслибы нашихъ читателей — т. е. читателей «Времени», мы лишили хотя одного изъ перловъ, которыми блещетъ статья Любителя театра, и потому выписали ее съ дипломатическою точностью.

Статья совершенно измѣнила всѣ наши возрѣнія на искусство вообще и на театръ въ особенности, значить намъ не все равно, не «къ стѣнѣ горохъ». Мы со всѣмъ простодушіемъ изложимъ только рядъ перемѣнъ, произведенныхъ въ насъ безчисленными драгоценными истинами его статьи, по пунктамъ.

1) До этой капитальной статьи (признаемся откровенно, что первой, упоминаемой любителемъ театра, мы вовсе не читали), мы полагали, что даже и Сосницкій подлежитъ суду критики, если какой-либо роли онъ не принималъ втеченіе 50-ти лѣтъ; думали, что

пьяный нюня, изображаемый имъ въ Репетиловѣ вовсе не выражаетъ идеи грибоѣдовскаго лица, азартнаго крикуна, говорящаго по «торжествамъ» о томъ, что

Есть государственное дѣло,
Оно вѣдь видишь не созрѣло,
Нельзя же вдругъ;

принадлежащаго къ «секретнѣйшему союзу по четвергамъ», взводящаго на себя отрицаніе всего: законовъ, совѣсти, вѣры, и проч. и проч; съ ожесточеніемъ в непремѣннѣмъ краснымъ жестомъ говорящаго о томъ, что

Радикальное потребно тутъ лекарство,
Желудокъ больше не варить,

того Репетилова, который гѣмъ-то и коничень, что у него «глаза въ крови, лицо горитъ» какъ у одного изъ его идеаловъ, который въ восторгѣ тишическомъ отъ того, что

Умный человѣкъ не можетъ быть не плутомъ!

и который тушуетъ передъ Анюсой Ниловой. Теперь мы отъ нашего взгляда отрѣшимся: 1) признаемъ непогрѣшимость г. Сосницкаго; 2) отказываемся искать исторически-бытового смысла въ комедіи Грибоѣлова, и 3) соглашаемся думать, что грибоѣловскія лица можно играть такъ же нарочно, какъ «Житейскую школу» г. Григорьева 1-го и сочиненія г. Куликова.

2) До сихъ поръ мы полагали, что гг. Бурлинъ, Григорьевъ 1 Шемаевъ, г. жи Сяѣтковы, Струйская — далеко не *все* артисты русскаго театра, но есть еще, кромѣ высокоуважаемой нами молодой четы — г. Васильева 2 и вѣрнаго по тону г. Горбунова, блестяще-даровитые артисты, каковы г. Самойловъ, г-жа Липская, артисты очень даровитые, хотя и молодые, какъ г. Нильскій, артисты вполне добросовѣстные, какъ г. Зубровъ, въ роляхъ своихъ, — и заявили уже полное къ нимъ сочувствіе въ томъ, въ чемъ они, по крайнему нашему разумѣнію, хороши, и по множеству *дѣятельныхъ* заслугъ г. Сосницкаго неостанавливались долго на одной неудачной его роли. Теперь мы убѣдились, что

qui meprise Cottin, meprise son roi.

что гг. Бурлинъ, Григорьевъ 1, всепожирающій Шемаевъ, г-жа Сяѣткова — *все* артисты русскаго театра, что о другихъ говорить не стоитъ, или что о нихъ говорится *implicite*, когда говорится о

гг. Бурднѣ и прочихъ нечисленныхъ свѣтилахъ, что быть недозвольными этими великими артистами могутъ только «поклонники Бахуса, увлеченные запоемъ.»

3) Доселѣ мы думали, что о ерундѣ не слѣдуетъ говорить много, что вопросительные и восклицательные знаки, единственный литературный способъ говоренія объ этомъ предметѣ. Отнынѣ... но вѣтъ ужъ! мы привыкли къ этому способу, и по слабости нашей, должно быть не будемъ имѣть силъ отстать отъ него.

4) Доселѣ мы «худородные и худоумные», разумѣли неправильно литературное приличіе. А именно вотъ какъ мы его разумѣли, надо же объяснить дѣло. Мы думали очень просто, что: а) Есть литература дѣло серьезное, и есть литературная прошлепность, дѣло болѣе или менѣе постыдное. б) Что когда почтеннѣйшей публикѣ безразлично и совокупно подаются блюда той и другой, то изъ уваженія къ литературѣ надо же называть другія блюда ихъ настоящимъ именемъ, т. е. гадостями, и смѣло сознаваться, что прѣбхавши въ театрѣ для того, чтобы видѣть *дѣло*, мы гадостей не видѣли. Отнынѣ мы замѣнимъ названіе и будемъ называть произведенія гг. Григорьева 1, Куликова, Родиславскаго, Тарновскаго, Руднева, П. Федорова, Дьяченки и tutti quanti — «репертуарными сливками». Мы постараемся даже внутренне справиться, войти во вкусъ «водевиля съ переодѣваньемъ»: идя по гороховой мы будемъ непремѣнно повторять прелестные стихи г. Григорьева 1:

По гороховой я шоль
И гороху не нашоль,

а на морской :

Видѣть море захотѣлъ
И въ морскую полетѣлъ,
Но ни въ Малой, ни въ Большой
Капли вѣтъ воды морской.

Мы постараемся изгладить изъ памяти нашей все эти ничтожныя стихотворенія разныхъ поэтовъ, отъ Пушкина и Лермонтова до Фета и Огарева, признаваемыхъ этою надменною выскочкой, русской литературой, и потщимся приучить ухо наше къ гармоніи стила и красотѣ содержанія водевильныхъ куплетовъ.

Вотъ недавно наиримѣръ намъ поналось къ счастью и исправленію нашему стихотвореніе изъ артистически-театральнаго кружка. Мы такъ восхитились имъ, что выучили даже наизусть и дѣлимся имъ съ нашими читателями въ залогъ того, что «взглядъ вашъ на искусство и вкусъ достигли до точки»... Вотъ оно, это стихотвореніе :

Кв. XII. — Отд. II.

¼10

Другъ почтенный!

Посланіе выньче къ вамъ пишу
 И въ часъ отъ дѣлъ освобожденный
 Прочеть внимательно прошу.
 Отъ васъ съ надеждой жду отвѣта
 И благодарень буду въвѣкъ,
 Коль въ положеніе поэта
 Войдете вы, любезный человекъ.
 С.... В.... покойный
 Меня любилъ и отличалъ
 Талантъ и стихъ игриво стройный,
 Мои посланья сберегалъ,
 Въ минуты жъ дружескихъ признаній,
 Когда богатство такъ росло,
 Давалъ мнѣ много обѣщаній;
 Но онъ угасъ — увы — все прошло
 Я не фразеръ и не рассказчикъ,
 Смирненно долженъ былъ молчать,
 Но вы его душеприкащикъ,
 Вамъ я теперь могу сказать:
 Я не искалъ ни въ чемъ излишка,
 С.... В.... узнавши мой удѣлъ,
 Мою семью поразсмотрѣлъ
 И деревянный мой домишко
 Изъ долга выкупить хотѣлъ;
 Благодаря его за это
 Я ждалъ стыдятся напоминать,
 Онъ захворалъ и такъ все лѣто
 Прошло.... увы! чего теперь мнѣ ждать?
 Покойный по духовной слышво
 Всѣхъ совершенно надѣлилъ
 Рукою щедрой очень пышно,
 А насъ больной къ несчастью забылъ.
 Про свой долгишко я тяжолый
 С.... Г.... писалъ,
 Но въ часъ кончины не веселый
 Ей о свой нуждѣ сказалъ.
 Она — добрѣйшее созданье,
 А вы добрѣйшій изъ людей,
 Скажите жъ на мое посланье
 Ждать ли чего семьѣ моей?
 Я человекъ безъ притязанья,
 Но грустно убѣдиться въ томъ,
 Что тѣви нѣтъ воспомнанья
 О другѣ, хотъ и не родномъ;
 Ему хотъ былъ я и не нуженъ,

Но съ нимъ безъ подкупа былъ друженъ.
Ефимъ Давидычъ, дай отвѣтъ:
Надежда есть ли мнѣ нѣтъ — вѣтъ,
Иль смодкнутъ какъ могла,
Которая Семена прахъ сокрыла.

Неправда ли, что это посланіе дышетъ благородствомъ міросозорцанія, блещетъ вкусомъ и остроуміемъ, отличается изысканствомъ выраженія, достойнымъ водевилей г. Григорьева 1 и великопосѣтскихъ комедій г. Куликова.

Да, мы измѣнились совершенно, мы истребили изъ памяти нашей злоищчіе приговоры гоголевскаго развѣда на счетъ забавныхъ пьесъ, въ которыхъ одинъ залѣзъ подъ столъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу. О результатахъ такой добросовѣстной работы надъ собою мы незамедлимъ увѣдомить любителей театра. Мы убѣдимся въ томъ, что пьесы г. Григорьева написаны бойко и живо, увѣримся, что онѣ никогда не сойдутъ съ сцены, и нельзя не увѣриться! Репертуаръ сцены хоть кого убѣдитъ въ томъ, что хорошія вещи, какъ напримѣръ «Ермакъ», «Елена» и «Федосья», безсмертны, постоянно воскресаютъ... Какъ же не держаться пьесамъ г. Григорьева.

5) До сихъ поръ, мы въ слѣпотѣ нашей думали, что лица типическія, какъ *Дикой*, главные ли они или не главные, должны быть вѣрны артистамъ, умѣющимъ создавать типы, да и видѣли что изъ неглавныхъ лицъ дѣлывали порою Мартыновъ, Садовскій и Самойловъ. Увы! мы грубо заблуждались. Катайте же во все, гг. Бурляинъ и Григорьевъ 1.

6) Глубоко уважая покойнаго Мартынова при его жизни не меньше тѣхъ, для кого онъ сталъ дорогъ по смерти, мы думали, что духъ его радуется, видя себѣ достойнаго преемника въ г. Васильевѣ 2. Отнынѣ мы должны затвердить одну пѣсню: Мартыновъ, Мартыновъ и еще Мартыновъ.

7) Мы полагали, что а) Гуслинъ, человѣкъ умный и артистически-даровитый не могъ влюбиться въ натуру ему несоотвѣтствующую, и б) что сама Анна Ивановна вовсе не *какая-нибудь*, а то поэтически-веселое лицо, которое создала г-жа Косицкая на основаніи данныхъ драмы Островскаго, который не даромъ же вложилъ въ ея уста нѣсколько поэтическихъ отрывковъ изъ пѣсень, не только веселыхъ, но и грустныхъ (одинъ ведетъ за рученьку и проч., послѣ сцены прощанья Мити), да и въ жизни немало видѣли мы такихъ фигуръ граціозно-бойкихъ. Отнынѣ мы увѣровали, что лица веселія не могутъ быть поэтическими, и рекомендуемъ для роли Анны Ивановны любую торговку съ сѣнной площади.

Видите ли какъ радикально измѣнились наши воззрѣнія вслѣдствіе статьи любителя театра!

Какъ мы жалѣли, что сходили въ Александринскій театръ въ Ветошника до появленія этой статьи!.. Мы бы воспѣли восторженный гимнъ нашему Фредерику Леметру; мы бы, слыша хохотъ публики при его обращеніяхъ къ вѣхъ и при его размышленіяхъ надъ корзинкой тряпья, полагали бы, что такъ и слѣдуетъ: мы бы безъ отвращенія слушали сентиментально-саладонскія изліянія его *чувствій* къ Маріи, и проч., и проч. Мы бы тоже не предложили себѣ вопроса: чѣмъ г-жа Свѣткова 2 хуже г-жи Свѣтковой 3, и не подумали бы грубо, слушая пискъ г-жи Свѣтковой 2 въ Маріи, что этотъ пискъ совершенно одинаковъ у нея съ г-жей Свѣтковой 3.

Да! много пользы сдѣлаетъ всегда искренняя и горячая статья!

НАШИ МОЛОДЫЕ И СТАРЫЕ УЧЕНЫЕ

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!

ДМИТРИЕВЪ.

Наши молодые ученые подвергли себя недавно большому нареканію. Считаю не лишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ случаѣ, нелишномъ интереса и могущемъ имѣть немаловажныя слѣдствія. Читатели конечно знаютъ, что нѣтъ лишней весной многіе молодые люди были отпращены министерствомъ на роднаго просвѣщенія за границу для того, чтобы они тамъ приготовились къ занятію профессорскихъ кафедръ въ университетахъ. Читатели знаютъ безъ сомнѣнія и причину, которая побудила министерство къ такой мѣрѣ; эта причина — крайняя нужда въ профессорахъ, которую терпятъ въ настоящее время наши университеты. Министерство прибѣгло къ старинному средству отпращенія за границу, средству, которымъ, какъ читатели помнятъ, вдругъ перестали у насъ пользоваться въ 1848 году и которое съ тѣхъ поръ до настоящаго времени не было употребляемо въ полной его мѣрѣ. Число молодыхъ людей, отпращенныхъ теперь за границу весьма значительно. Министерство *кажется* продолжаетъ еще отпращивать и другихъ.

Но вотъ и все что извѣстно читателямъ. Затѣмъ дѣло покрывается туманомъ. Молодые люди посылаются отъ министерства, а не отъ университетовъ. Спрашивается, какимъ правиламъ слѣдовало министерство при своемъ выборѣ? На кого оно возложило примѣненіе этихъ правилъ къ дѣлу? П. И. Пироговъ назначенъ общимъ руководителемъ посланныхъ молодыхъ людей въ ихъ занятія. Но принималъ ли онъ участіе въ ихъ выборѣ? И вообще какія были приняты мѣры, чтобы сколько-нибудь можно было ручаться, что посылаемые молодые люди достойны своего мѣста и что при этомъ не обойдены другіе, несравненно достойнѣйшіе?

Все это, какъ водится, неизвестно; публики не имѣетъ никакой

возможности составить себѣ понятіе о достоинствѣ этихъ юношей, находящихся нынѣ за границею.

Теперь вотъ что случилось. Министерство, чтобы тотчасъ представить публикѣ плоды своей дѣятельности и дѣятельности этихъ молодыхъ людей, потребовало отъ нихъ присылки отчетовъ за первые три мѣсяца послѣ ихъ отъѣзда. Эти отчеты теперь печатаются въ журналѣ «Мин. нар. просв.» и ихъ набралось уже до двухъ десятковъ. По нимъ наконецъ мы можемъ судить о томъ, какого свойства былъ выборъ лицъ, слѣданный министерствомъ.

Чтоже оказывается? Нѣкто г. П. В. въ № 50 «Современной лѣтописи» (Русскаго Вѣстника), уже успѣлъ заявить заключеніе, которое онъ вывелъ изъ чтенія этихъ отчетовъ. По его мнѣнію изъ нихъ видно, что «не во всѣхъ случаяхъ выборъ падалъ на лица, достаточно подготовленные къ строго-научному образованію», и «что не всѣ отправленные за границу отличаются не только серьезною направленіемъ, но и должнымъ уваженіемъ къ наукѣ и ученымъ трудамъ». Этотъ строгій приговоръ г. П. В. прямо относитъ къ двумъ молодымъ филологамъ, къ г. Новоселову и г. Василію Модестову, и старается подтвердить его рѣзкимъ разборомъ ихъ отчетовъ. Кромѣ того тѣже самые гг. Модестовъ и Новоселовъ подверглись сильному глумленію въ № 24 журнала «Учитель», въ статьѣ г. Л.

Неправдали, что вѣдь это очень жестоко? Если приговоръ г. П. В. справедливъ, то выборъ министерства оказывается легкомысленнымъ, а молодые люди недостойными пособій, которыми они пользуются, и своихъ будущихъ мѣстъ.

Едва ли однакоже такъ, едва ли въ этомъ сущность дѣла. Мы ни въ чемъ не видимъ, чтобы молодые люди, о которыхъ идетъ рѣчь, были люди неспособные или невѣжественные; мы даже положительно думаемъ, что они ничѣмъ не хуже другихъ лицъ, которыхъ посылаю, посылаютъ и будетъ посылать министерство за границу. Гг. Новоселовъ и Модестовъ — оба кандидаты нашего университета; и тотъ и другой кажется былъ даже стипендіатомъ, то есть и до отъѣзда за границу были признаны достойными получать пособіе, съ тѣмъ, чтобы держать экзаменъ на степень магистра. Слѣдовательно относительно кого другого, но никакъ не относительно ихъ можно слѣмать министерству упрекъ въ неосновательномъ выборѣ.

Чтобы понять въ чемъ дѣло, нужно обратить вниманіе прямо на то, въ чемъ провинились молодые люди. Какъ читатель видѣлъ, они виноваты въ *неуважительности*, въ томъ, что они «не имѣютъ должнаго уваженія къ наукѣ и ученымъ трудамъ». Все содержаніе

двухъ статей, на которыя мы указали, сводится на это обвиненіе. Теперь, мы надѣмся, читателю будетъ яснѣе дѣло. Другіе, можетъ быть болѣе невѣжественные или менѣе способные избѣгли малѣйшей непріятности, потомучто были уважительны; а эти два, можетъ-быть болѣе знающіе и болѣе способные, подверглись жестокому порицанію, потомучто оказались неуважительными.

Уваженіе или неуваженіе, взятая сами по себѣ еще ничего не значать, — ни хорошия, ни дурныя; чтобы имѣть возможность оцѣнить ихъ, нужно знать какого рода это уваженіе или неуваженіе. Если уваженіе слѣбое, т. е. непонимающее достоинства уважаемаго предмета, то оно малымъ чѣмъ лучше слѣбого неуваженія, проистекающаго отъ такого же непониманія предмета. Неуваженіе же сознательное, основанное на сильной критикѣ свойствъ предмета всегла предпочтительнѣе рабскаго и слѣбого поклоненія. Предметъ, о которомъ теперь у насъ рѣчь, есть нѣмецкая наука, нѣмецкіе университеты, нѣмецкіе ученые. Конечно все это вещи хорошия и слѣдовательно неосновательное осужденіе ихъ показываетъ неумѣнье цѣнить хорошее. Но безусловное благоговѣніе передъ ними, отрѣченіе отъ всякаго сужденія о нихъ, ни мало не ручается за пониманіе ихъ достоинствъ и можетъ сопровождаться даже полнѣйшею неспособностью къ такому пониманію.

Если смотрѣть на дѣло такимъ образомъ, то слѣдовало бы однаково подвергнуть строгому разбору всѣ отчеты лицъ отправленныхъ за границу, не дѣлая различія между смиренными и задорными отчетами. Тогда можетъ быть оказалось бы, что смиренные отчеты иные не лучше, а другіе гораздо хуже отчетовъ задорныхъ.

Что касается до отчетовъ гг. Модестова и Новоселова, то благодаря статьѣ г. Л. въ «Учителѣ» мы видимъ, что дѣйствительно наши молодые ученые недостаточно знакомы съ предметами, о которыхъ судятъ. Такъ г. Модестовъ говоритъ, что профессоръ Гюбверъ «неуспѣлъ еще приобрѣсти авторитета въ наукѣ самостоятельными изслѣдованіями.» Между тѣмъ оказывается, что самостоятельныхъ трудовъ у г. Гюбнера много и только они не были извѣстны г. Модестову. Другой изъ подсудимыхъ г. Новоселовъ упрекаетъ профессоровъ въ томъ, что они не обращаютъ вниманія на извѣстные вопросы; г. Л. объясняетъ намъ, что вопросы эти никакъ не упускаются изъ виду, но что профессора занимаютъ ими въ началѣ курса, а г. Новоселовъ, приѣхавшій къ концу курса, несправился о томъ, что было читано въ началѣ.

Все это прекрасно. Мы вообще никакъ не думаемъ, чтобы не должно было исправлять ошибокъ молодыхъ людей. Напротивъ, молодость непремѣнно нуждается въ руководствѣ и наставленіи. Мо-

лодость, вообще говоря, не имѣетъ той мудрости, опытности, твердости, какая можетъ принадлежать людямъ зрѣлымъ, успѣвшимъ исполнѣть развить свои силы, обогатить свой умъ и укрѣпить свой характеръ. Поэтому намъ пріятно бы было слышать отъ зрѣлыхъ людей тѣ мудрыя рѣчи, какія свойственны ихъ зрѣлости, пріятно бы было видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ ту твердость и правильность, которая внушаетъ къ себѣ всеобщее уваженіе. Къ несчастью каждый разъ когда у нихъ дѣло доходило до столкновенія съ молодежью, мы были горестно обмануты въ нашихъ ожиданіяхъ. Люди зрѣлые оказывались ни чѣмъ не лучше людей молодыхъ, и это тѣмъ болѣе было печально, что людей молодыхъ можно было извинить ихъ молодостію, людей же зрѣлыхъ необходимо приходится укорить ихъ зрѣлостію.

Нѣчто подобное открылось намъ и въ настоящемъ случаѣ. Кроме тѣхъ замѣчаній г. Л., которыя мы привели, въ обѣихъ статьяхъ нѣтъ почти ничего, чтóбы шло прямо къ дѣлу. Обѣ статьи представляютъ только варіаціи на тему:

Какъ можно смѣть
Свое сужденіе имѣть?

Г. Л. напримѣръ глумится надъ г. Модестовымъ за то, что тотъ похвалилъ лекціи Гибнера. Даже и хвалить, какъ видите, запрещается! Г. П. В. находитъ *омерзительнымъ* тонъ, въ которомъ г. Новоселовъ отзывался о Бекѣ и Гауптѣ, до того онъ показался ему неприличнымъ и высококомѣрнымъ. И вообще главное, на что нападаютъ обѣ статьи, есть именно *тонъ*, а не содержаніе отчетовъ. Въ своей ревности къ охраненію оскорбляемыхъ авторитетовъ, г. П. В. доходитъ до желанія, чтобы наши молодые люди отнюдь «не взощряли своихъ критическихъ способностей надъ публичнымъ преподаваніемъ» нѣмецкихъ професоровъ. Слово *критическій* здѣсь очевидно употреблено въ омерзительномъ смыслѣ. Странно! Критическія способности есть вещь хорошая; взощрять ихъ всячески есть дѣло похвальное; и надъ чѣмъ же ихъ взощрять молодымъ ученымъ, какъ не надъ предметами ихъ занятій?

Такимъ образомъ намъ показалось, что въ тонѣ этихъ статей есть также немало *омерзительнаго* (ужь извините за слово: не мы его выбрали). Омерзительность эта состоитъ именно въ безусловномъ поклоненіи нѣмецкой учености и въ запрещеніи всякаго о ней сужденія. Подобныхъ вещей извинить нельзя, какъ бы ни плохи были сужденія гг. Модестова и Новоселова.

Кстати замѣтимъ, что въ ихъ отчетахъ обнаруживались нѣкоторыя особенности нѣмецкой мудрости, которыя уже давно извѣст-

ны, давно подверглись святотатственнымъ сужденіямъ. Впервыхъ ни для кого не тайна, что лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ чрезвычайно элементарны; дѣло доходить до того, что русскій физикъ, химикъ, математикъ съ трудомъ можетъ найти курсъ, который бы не состоялъ изъ вещей ему извѣстныхъ, и который бы поэтому онъ могъ съ пользою слушать. Во вторыхъ не скрылось ни отъ кого и то, что нѣмцы слишкомъ привязаны къ школьной формѣ изложенія, что они слишкомъ роются въ подробностяхъ, слишкомъ любятъ систематизировать. Все это конечно обратная сторона хорошихъ качествъ; но тѣмъ не менѣе это дурно и нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что молодые наши ученые коснулись въ своихъ отчетахъ недостатковъ, бросившихся имъ въ глаза.

Въ заключеніе скажемъ прямо, что тонъ, которымъ писаны эти отчеты, есть очень хорошій тонъ, не подлежащій никакому запрещенію и оужденію. Очень можетъ быть, что онъ не идетъ къ гг. Модестову и Новоселову; мы даже склонны думать, что онъ къ нимъ дѣйствительно не идетъ; но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Гг. А. и П. В. слишкомъ уже высокомерно и омерзительно трактуютъ нашихъ молодыхъ ученыхъ; если судить по тону гг. А. и П. В., то эти ученые — какіе-то недоучившіеся студенты, не болѣе. Мы этого не думаемъ, потому что это было бы весьма печальное предположеніе. Мы вполне увѣрены, что между этими юношами есть такіе, которые съ полнымъ правомъ могутъ говорить тономъ гг. Модестова и Новоселова.

■.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОДПИСЬ

(ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ «ВРЕМЕНИ»)

«М. Г. Въ 1859 году, нижеподписавшійся имѣлъ честь въ первый разъ явиться въ литературѣ подъ именемъ: А. Скавронскій. Съ тѣхъ поръ названная подпись, въ эти четыре года, оказалась подъ однимъ очеркомъ, двумя рассказами и одною повѣстью, въ журналахъ: «Искрѣ», «Современникѣ» и «Времени», не считая нѣсколькихъ отрывочныхъ писемъ изъ-за границы.

«Между тѣмъ полтора года назадъ, въ нѣкоторыхъ московскихъ изданіяхъ и брошюрахъ сталъ появляться подъ тѣмъ же именемъ другой писатель, избравшій эту подпись въ нѣсколько-измѣненномъ видѣ, именно ставя вмѣсто заглавной буквы имени А. букву Н. — Я узналъ настоящую фамилію этого писателя (онъ же участникъ одного изъ московскихъ книжныхъ магазиновъ), снесся съ нимъ и получилъ отъ него увѣреніе, что онъ взялъ мое имя случайно; но что узнавши то неловкое положеніе, въ которое черезъ эту случайность онъ поставилъ и себя и меня, онъ началъ съ этой осени подписываться своимъ собственнымъ именемъ. Слова «неловкое положеніе» сказаны здѣсь потому, что нѣкоторые изъ повѣстей этого писателя о Москвѣ и ея купеческомъ бытѣ, мнѣ совершенно незнакомомъ, стали приписывать мнѣ, а одну мою повѣсть приписали въ Москвѣ ему.

«Какъ участникъ вашего журнала, имѣю честь черезъ посредство ваше сообщить читателямъ, что кромѣ «Современника», «Искры» и «Времени» (1), я нигдѣ болѣе не участвовалъ своими повѣстями и рассказами, за подписью А. Скавронскій, и слѣдовательно не имѣлъ чести напечатать ни одной строки въ тѣхъ изданіяхъ, гдѣ участвуетъ названный выше писатель, то-есть въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Виржевыхъ Извѣстіяхъ», въ «Народномъ Богатствѣ» и въ другихъ.

Имѣю честь быть и проч.

А. Скавронскій.

(1) Въ эти годы напечатаны г. А. Скавронскаго: въ «Искрѣ» — очеркъ «Дѣвочка» (№ 50, 25 декабря 1859 г.), въ «Современникѣ» — рассказы: «Пенсильванцы и Каролинцы на Украинѣ» и «Село Сорокопановка» (1859 г. № 4 и № 10), и во «Времени» — повѣсть «Бѣглые въ Новороссіи» (1862 г. №№ 1 и 2). *Ред.*

СОДЕРЖАНІЕ

ДЕКАБРЬ. № 12

Изъ записокъ слѣдователя въ арестантской ротѣ. I. Фома непомнящій родства. — II. Батъка. — III. Чапурникъ. Н. Соколовскаго	5
Очерки прошлаго. Самодуры. Часть вторая и послѣдняя. А. С. Чужбинскаго	50
Соборъ парижской богоматери. (Notre-Dame de Paris). Часть четвертая и послѣдняя. Романъ Виктора Гюго	141
Записки изъ мертваго дома. Глава VIII. Товарищи (небывшая въ печати). Ф. М. Достоевскаго	235
День на биржѣ, ночь на квартирѣ (изъ записокъ голоднаго чело-вѣка). Петра Горскаго	250
Монтанелли. Статья В. Попова	269
Горькая доля (записано съ расказа купца Полянова). Льва Утина.	329
Зайка. Стих. Ф. Берга	376
Мои литературныя и нравственныя скитальчества. Часть первая. Дѣтство. I. Семинаристъ тридцатыхъ годовъ. — II. Обычный день. Аполлона Григорьева	378
<i>Твой скромный видъ</i> ... Стих. Я. П. Полонскаго	393

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Лермонтовъ и его направленіе. Крайнія грани развитія отрицательнаго взгляда. Пошутки комическаго разоблаченія лермонтовскаго типа и его трагическая сущность. Статья третья. Аполлона Григорьева	1
Нѣчто объ авторитетахъ (письмо въ редакцію «Времени»). Н. Ко-сицы	35
Князь Серебряный, повѣсть временъ Іоанна Грознаго, соч. графа Алексѣя Толстого. (Русскій Вѣстникъ, 1862 г. августъ, сентябрь, октябрь.	46
НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА (современныя замѣтки). Недовольный мистеръ Катковъ. — Городское управленіе въ Тулѣ. — Харьковское общество взаимнаго застрахованія домовъ. —	

Неурожай. — Елки на желѣзной дорогѣ — Вывозъ хлѣба за границу. — Экономическое общество и московскій зоологическій садъ — Распространеніе грамотности.	53
БИБЛЮГРАФІЯ. Изъ исторіи преображенскаго кладбища. — Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное. Издано подъ редакцію г. Тихомирова. — Нищія на святой Руси. Матеріалы для исторіи общественнаго и народнаго быта въ Россіи. Соч. Ив. Прижова, М. Р. д. чл.	78
Этнографическій сборникъ, издаваемый императорскимъ географическимъ обществомъ. Выпускъ V. — Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. Часть вторая. Н. Худякова.	103
ПОЛИТИКА. Общее положеніе. — Вооруженный миръ. — Французскія дѣла. — Денежные недочеты. — Открытіе новаго бульвара. — Счастье г. Ротшильда. — Несчастье г. Перейра. — Греческія дѣла. — Подвиги г. О'Брина. — Кандидатство принца Альфреда. — Уступка Ионическихъ острововъ. — Последнія извѣстія. — Гарibaldi на Капрерѣ. — Рѣзня въ Соединенныхъ штатахъ. — Прусскіе адреса. — Закрытіе австрійскаго государственнаго совѣта. — Развитіе цивилизаціи въ Китаѣ посредствомъ европейскаго оружія.	110
Русскій театр. Современное состояніе драматургіи и сцены. Статья четвертая.	138
Наши молодые и старые ученые. II	149
Литературная подпись. (Письмо къ редактору «Времени»)	154

37
12

DEC 19 1939

